

НАПОЛЕОН
и его эпоха

*Воспоминания
и военно-исторические
произведения*

НАПОЛЕОН

*Воспоминания
и военно-исторические
произведения*

ББК 84.4 Фр
Н27

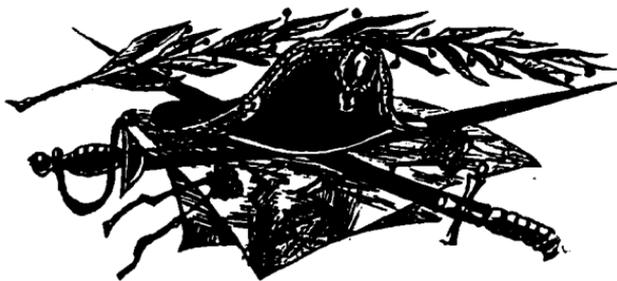
Перевод с французского.

Составление и вступительная статья Р. Светлова.
Оформление художника В. Шестака.

Текст печатается по изданиям 1938, 1941 и 1956 годов.

ISBN 5-87164-012-2

- © АОЗТ «СБА», название серии.
- © Р. Светлов, составление и вступительная статья.
- © В. Шестак, оформление серии.

НАПОЛЕОН

В истории Европы имелось множество прекрасных полководцев, но только о некоторых из них можно сказать, что они оказали решающее воздействие на судьбу континента. Александр Македонский, Юлий Цезарь, Карл Великий и Наполеон — вот четыре военачальника, чье полководческое искусство напрямую было связано с историей. Но если первые отделены от нас и веками, и культурными эпохами, то Наполеон рядом, многие из событий, связанных с его именем, до сих пор сказываются в нашей истории: от Тильзита и «Континентальной блокады» до «Священного союза». Сказывается и сама личность: слова «Наполеон», «бонапартизм» давно стали нарицательными, и означают они не только социальные явления, но и тип характера.

Писали о Наполеоне много, разнообразно. Но оригинал всегда интереснее портрета. Тем важнее, что мы имеем возможность прочитать мемуары самого Наполеона. Очутиться на месте великого человека, сколь бы неоднозначен он ни был, почувствовать его настроение, надежды, планы — дело и полезное, и занимательное. Далеко не все из великих писали мемуары, но те, кто оставил-таки после себя сочинения, позволили нам взглянуть на свою деятельность чуть по-другому, из плоскостной фигуры исторического деятеля воспоминания превращают автора в объемного, живого человека.

Рассказывать подробно о жизни Наполеона мы не будем. Назовем лишь несколько «опорных дат». Родился Наполеон 15 августа 1769 г. на о. Корсика. В 1793 г. за умелые и инициативные действия при осаде Тулона был произведен революционным правительством в генералы. 1796—1797 гг. — первая кампания, проведенная им в качестве командующего армией, кампания, заставившая капитулировать Пьемонт и согласиться на мирные переговоры Австрийскую Империю, кампания, бросившая к ногам Парижа Италию. Начиная с 1800 г. Наполеон становится центральной политической фигурой во Франции. Вначале первый консул, потом император, к 1812 г. он объединяет под своей прямой или косвенной (вассальной, «союзной») властью практически всю континентальную Ев-

ропу. Лишь Испания, да Россия еще сопротивлялись ему. Затем наступило падение — героическое, но сокрушительное. В 1814 г. Наполеон отрекается от престола. В 1815 г., после краткого возвращения к рулю власти во Франции («сто дней»), он окончательно сметен с исторической арены и сослан на о. Св. Елены (английское владение на юге Атлантики), где и умер 5 мая 1821 г.

Наполеон родился вовремя, над его головой собрался целый сонм счастливых исторических звезд. Революция разрушила старый порядок и пришло целое поколение молодых по большей части людей, у которых появилась возможность вылепить себя из Ничто до Всего. Время буквально покровительствовало таким: Гош, Пишегрю, Клебер, Моро, Жубер — эти имена гремели в Европе. Но лишь Наполеон сумел соединить свой военный талант с политическим. Можно даже сказать так: у Наполеона военные действия не являлись продолжением политики. Политика совпадала с войной, а война — с политикой. Помогала в этом Наполеону огромная сила воли, оборачивавшаяся ничем не преодолимой верой в себя. Только такая воля могла поднять целую нацию на предприятия титанические по замыслу, но изначально обреченные, самоубийственные. Особенно это относится к 1813 г., когда тысячи шестнадцатилетних юношей (т. н. «Марии-Луизы») шли за Рейн, чтобы занять место ветеранов Бонапарта, polegших в русских снегах.

Огромная сила воли подчас решала все во время военных действий. В этом смысле показательным сражением при Арколи. Не самый лучший план (как бы Наполеон не оправдывал потом свои действия) благодаря последовательным, три дня повторявшимся ударам по одному и тому же месту в расположении неприятеля принес блестящий успех. Чаще, однако, планы Бонапарта были удачными, «гениальными» — как привычно характеризовали их современники. Гениальность их заключалась в простоте, примеров которой можно приводить множество. В самом начале Итальянской кампании Наполеон выбрал наиболее уязвимое место в длинном, кордонообразном расположении армий союзников на Итальянском склоне Приморских Альп, нанес по нему удар и в кратчайшие сроки загнал неприятеля в Тироль. В 1805 г. он совершил сложный по организации, но простой по стратегическому решению марш к северу от Дуная, в результате чего зашел в тыл Дунайской армии австрийского фельдмаршала Мака и принудил ее к позорной капитуляции. Но самым поразительным проявлением силы воли и простоты соображений является кампания 1814 г. Бонапарт превратил многочисленность союзного войска, вторгшегося во Францию (и почти втрое превосходившего силы Наполеона) в его слабость. Вынужденное разделиться на две колонны — не только из-за амбиций Блюхера и Шварцен-

берга, но и по необходимости прокормить сотни тысяч людей, для чего нужно было иметь несколько коммуникационных линий — союзники стали уязвимы. Разделенные, они оказались под ударами небольшой, но подвижной французской армии, и два месяца топтались в нескольких переходах от Парижа, терпя поражения там, где это было уж совсем совестно.

Основу стратегии и тактики Наполеона составляло наступление. Даже в ситуациях, когда ему приходилось обороняться, эта оборона превращалась в серию резких, решительных контрударов. После его войн словосочетания «генеральное сражение» стало необычайно популярно. На смену изяществу Тюренна, упорству Евгения Савойского и Мальборо, отчаянной, но по-немецки расчетливой храбрости Фридриха II, Наполеон принес убеждение, что не территория, крепости, географические выгоды, а армия противника является главным объектом воздействия. Наполеон вынуждал неприятеля на решительное сражение — но не безрассудно, а всегда получив изначально несколько выгод: перехваченные пути отступления (Маренго, Ульм), обход с флангов (Иена, Арколи), «обход во времени» (удержание до решающего момента солидных резервов — Аустерлиц, Ваграм, Дрезден). Начав свою военную карьеру как артиллерийский офицер, затем генерал, он и в дальнейшем уделял значительное внимание артиллерии. Особенно в так называемый «зрелый период». Напомним «Большие Батареи» Ваграма и Бородино, крушившие неприятеля, рассчитавшие путь методически наступающей пехоте и решающим прорывам конницы. Артиллерия у Наполеона могло быть даже меньше, чем у неприятеля (Бородино), но и тогда он располагал ее настолько искусно, что она на голову превосходила противостоящие ей батареи.

Нужно иметь в виду, что восхваляемая наполеоновская стратегическая и тактическая простота становится видна лишь после решения, действия, события. В реальности от «простого» (сиречь «гениального») хода отвлекают мириады побочных факторов и соображений. Оставить их за скобками, выделить важное — искусство, в чем-то подобное искусству поэта, отбирающего из множества синонимов самый точный.

Именно такую возможность — ощутить движение Наполеоновской мысли к «простоте» — и предоставляют публикуемые сочинения. В основе издания лежат две большие работы: воспоминания об Итальянском походе 1796—97 гг., сделавшего Наполеона Наполеоном, и записки о Египетской экспедиции (1799 г.). Последние любопытны хотя бы потому, что данная экспедиция помимо достижения политических, экономических, стратегических выгод являлась еще и реализацией давнего европейского стремления к обладанию богатым, экзотическим Востоком. Вспомним крестовые походы, организовавшие

в XIII в. французским королем Людовиком Святым. Походы, целью которых была именно Сев. Африка и которые закончились полной неудачей. После этого понятно становится, сколь много значил успех Египетской экспедиции и для Наполеона, и для Франции. Дополняют большие работы несколько кратких сочинений, позволяющих оценить Наполеона как теоретика военного искусства.

Что касается языка, которым написаны предлагаемые на суд читателя мемуары, то он достаточно безыскусен. Претензия — не в его литературном стиле, порой даже напоминающем поверхностные отчеты о кампаниях, публиковавшиеся в парижских газетах, вычищенных императорскими цензорами. Претензия в другом — в событиях, о которых идет речь, и эти события искупают безыскусность языка.

Мемуары Наполеон писал главным образом от «третьего лица». Эта форма с одной стороны позволяла ему свободнее отвечать оппонентам, с другой же за внешней завесой объективности она дает читателю мощнейший опыт общения с личностью самого автора. Мы смотрим на разбираемые Бонапартом операции его же глазами: «Мемуары» написаны под стать тому постоянному движению замыслов, которым характеризуется его жизнь. Внешний объективизм являлся не только данью условности (в XVIII—XIX вв. само-апологии, написанные от третьего лица, встречались нередко), или следованием традиции воспоминаний того же Цезаря. Он отражал самоощущение автора, переживание собственной избранности. Величие своего предназначения осознавалось Наполеоном не менее остро чем, например, Александром Македонским. Многозначительное «Он» в тексте Бонапарта иногда вырастает до размеров силы, далеко превосходящей любые индивидуальные способности. «Он» Наполеона — это то сверхисторическое, но абсолютно разумное, нечто, та рациональная власть, которую искали и которой соблазнялись многие философы, историки, просто «думающие люди» рубежа XVIII—XIX вв. Чтобы почувствовать ее мощь, ужасавшую, восхищавшую, перекраивавшую Европу, словно простую топографическую карту, мы и обращаемся к воспоминаниям внешне невзрачного, но отчего-то любимого как союзниками, так и неприятелями, человека, ставшего ее носителем.

Р. В. Светлов

ОСАДА ТУЛОНА

Август—декабрь 1793 г.

I. Эскадра, арсенал и город Тулон передаются англичанам (27 августа 1793 г.). — II. Обложение Тулона французскими войсками. — III. Наполеон принимает командование над осадной артиллерией (12 сентября). — IV. Первая вылазка гарнизона (14 октября). — V. Военный совет (15 октября). — VI. Постройка укрепления против форта Мюрgrav, прозванного «Малый Гибралтар». — VII. Главнокомандующий О'Хара попадает в плен (30 ноября). — VIII. Взятие штурмом форта Мюрgrav (17 декабря). — IX. Вступление французов в Тулон (18 декабря).

I¹

22 августа в Тулоне узнали о вступлении Карто² в Экс. Это известие вывело из себя секции. Они арестовали и посадили в форт Ламольг народных представителей Бейля и Бовэ, командированных в город³. Народные представители Фрерон, Баррас и генерал Лапуап ускользнули в Ниццу, главную квартиру Итальянской армии. Все тулонские власти были скомпрометированы. Муниципалитет, совет департамента, комendant порта, большинство чиновников арсенала, вице-адмирал Трогофф — начальник эскадры, большая часть офицеров — все чувствовали себя одинаково виновными. Сознвая, с каким противником они имеют дело, они не нашли иного спасения, кроме измены. Эскадру, порт, арсенал, город, форты они сдали врагам Франции. Эскадра силою в 18 линейных кораблей и несколько фрегатов стояла на якоре на рейде. Несмотря на измену своего адмирала, она осталась верна отечеству и начала защищаться от англо-испанского флота, но, лишенная поддержки с суши и под угрозой своих же береговых батарей, обязанных ей помогать, она принуждена была сдаться. Контрадмирал Сен-Жюльен и несколько оставшихся верными офицеров едва успели спастись.

¹ Этот раздел печатается в сокращенном виде. Опущено изложение событий гражданской войны во Франции, в ходе которой антиправительственные группировки сдали союзникам Бурбонов важную военно-морскую базу Тулон. — Р е д.

² Карто — полковник (потом генерал) революционных войск. — Р е д.

³ Конвентом. — Р е д.

Эскадра, точно так же как 13 линейных кораблей, находившихся в доке, и арсенальные склады с большими запасами сделались добычей неприятеля.

Английский и испанский адмиралы заняли Тулон с 5000 человек, которые были выделены из судовых команд, подняли белое знамя и вступили во владение городом от имени Бурбонов. Затем к ним прибыли испанцы, неаполитанцы, пьемонтцы и войска с Гибралтара. К концу сентября в гарнизоне находилось 14 000 человек: 3000 англичан, 4000 неаполитанцев, 2000 сардинцев и 5000 испанцев. Союзники разоружили тогда тулонскую национальную гвардию, которая казалась им ненадежной, и распустили судовые команды французской эскадры. 5000 матросов — бретонцев и нормандцев, — причинявших им особое беспокойство, были посажены на четыре французских линейных корабля, превращенных в транспорты, и отправлены в Рошфор и Брест. Адмирал Худ почувствовал необходимость, чтобы обеспечить себе стоянку на рейдах, укрепить высоты мыса Брен, господствовавшие над береговой батареей того же имени, и вершины мыса Кэр, господствовавшие над батареями Эгильетт и Балагье, с которых простреливались большой и малый рейды. Гарнизон был размещен в одну сторону до Сен-Назера и Олиульских теснин включительно, в другую — до Ла-Валетты и Иера. Все береговые батареи от Бандольских до батарей Иерского рейда были разрушены. Иерские острова были заняты противником.

II

Узнав о вступлении англичан в Тулон, генерал Карто тотчас же перенес свою главную квартиру в Кюж. Авангард продвинулся до Боссэ, а передовые посты расположились у тулонских проходов. Население обоих городков стало под ружье и выказало большое усердие. Численность дивизии Карто составляла 12 000 человек хороших и плохих солдат, из которых 4000 пришлось разместить в Марселе и в различных пунктах побережья. С 8000, оставшимися у него, Карто не осмелился двинуться через горные проходы и ограничился только наблюдением за ними. Но народные представители Фрерон и Баррас, прибывшие в Ниццу, потребовали у генерала Брюне, командующего Итальянской армией, 6000 человек для посылки против Тулона. Генерал Лапуап, которому поручили командование ими, расположил свою главную квартиру в Солье, а передовые посты в Ла-Валетте. Между дивизиями Карто и Лапуапа не было никаких коммуникаций. Они разделялись горами Фарон. Узнав о подходе Лапуапа, Карто атаковал Олиульские теснины, овладел ими 8 сентября после боя, длившегося несколько часов, и продвинул свою главную квартиру в Боссэ, а передо-

ные посты — за Олиульские теснины. В этой схватке был тяжело ранен выдающийся офицер, начальник артиллерии майор Доммартен. Дивизии Карто и Лапуапа были независимы друг от друга. Они принадлежали к двум различным армиям: первая к армии Альпийской, вторая — к Итальянской. Правый фланг Лапуапа наблюдал за фортом и горою Фарон, центр господствовал над шоссе из Ла-Валетты, а левый фланг наблюдал за высотами мыса Брен. Форт Брегансон и батареи Иерского рейда снова были вооружены Лапуапом. Карто своим левым флангом обложил форт Поме, центром — редуты Руж и Блан, правым флангом — форт Мальбоске. Его резерв занял Олиуль; один отряд находился в Сифуре. Карто восстановил также батареи Сен-Назер и Бандоль. Противник по-прежнему владел всей горой Фарон до форта Мальбоске, всем Саблеттским полуостровом и мысом Кэр до деревни Сена.

III

Измена, отдавшая англичанам флот Средиземного моря, город Тулон и его арсенал, потрясла Конвент. Он назначил генерала Карто главнокомандующим осадной армией. Комитет общественного спасения потребовал указать артиллерийского офицера старой службы, способного руководить осадной артиллерией. В качестве такого офицера был назван Наполеон, в то время майор артиллерии. Он получил приказ срочно отправиться в Тулон, в главную квартиру армии, для организации артиллерийского парка и командования им. 12 сентября он прибыл в Боссэ, представился генералу Карто и скоро заметил его неспособность. Из полковника — командира небольшой, направленной против федералистов¹ колонны — этот офицер на протяжении трех месяцев успел сделаться бригадным генералом, затем дивизионным генералом и, наконец, главнокомандующим. Он ничего не понимал ни в крепостях, ни в осадном деле.

Артиллерия армии состояла из двух полевых батарей под командой капитана Сюньи, только что прибывшего из итальянской армии вместе с генералом Лапуапом, из трех батарей конной артиллерии под командой майора Доммартена, отсутствовавшего после раны, полученной в бою под Олиулем (вместо него в ту пору всем руководили артиллерийские сержанты старой службы), и из восьми 24-фунтовых пушек, взятых из марсельского арсенала. В течение 24 дней, — с тех пор как Тулон находился во власти противника, — ничего еще не было сделано для организации осадного парка. На рассвете 13 сентября главнокомандующий повел Наполеона на батарею, которую он

¹ Антиправительственные отряды. — Р е д.

выставил для того, чтобы сжечь английскую эскадру. Эта батарея была расположена у выхода из Олиульских теснин на небольшой высоте, несколько правее шоссе, в 2000 туазах² от морского берега. На ней было восемь 24-фунтовых пушек, которые, по его мнению, должны были сжечь эскадру, стоявшую на якоре в 400 туазах от берега, т. е. в целом лье,³ от батареи. Гренадеры Бургундии и первого батальона Кот-д'Ора, разойдясь по соседним домам, были заняты разогреванием ядер при помощи кухонных мехов. Трудно представить себе что-нибудь более смешное.

Наполеон приказал убрать в парк эти восемь 24-фунтовых орудий. Им были приняты все меры для того, чтобы организовать артиллерию, и менее чем в шесть недель он собрал 100 орудий большого калибра — дальнобойных мортир и 24-фунтовых пушек, в изобилии снабженных снарядами. Он организовал мастерские и пригласил на службу нескольких артиллерийских офицеров, ушедших с нее вследствие революционных событий. Между ними был и майор Гассенди, которого Наполеон назначил начальником марсельского арсенала. На самом берегу моря Наполеоном были построены две батареи, названные батареями Горы и Санкюлотов, что после оживленной канонады вынудило корабли противника удалиться и очистить малый рейд. В этот начальный период в осажденной армии не было ни одного инженерного офицера. Наполеон должен был действовать и за начальника артиллерии, и за командира парка. Каждый день он отправлялся на батареи.

ВВЕДЕНИЕ
КНИЖКА
РИШЕВ
ИЗДАНИЕ
IV

14 октября осажденные в числе 4000 человек сделали вылазку с целью овладеть батареями Горы и Санкюлотов, беспокоившими их эскадры. Одна колонна прошла через форт Мальбоске и заняла позицию на полдороге от Мальбоске к Олиулю. Другая шла вдоль морского берега и направлялась на мыс Брега, где были расположены эти батареи. Когда был открыт огонь, Наполеон поспешил на передовые позиции вместе с Альмейрасом, адъютантом Карто, прекрасным офицером, впоследствии дивизионным генералом. Он уже успел внушить войскам такое доверие, что как только они его увидели, солдаты стали единодушно и громко требовать от него приказаний. Таким образом, по воле солдат он стал командовать, хотя при этом присутствовали генералы. Результаты оправдали доверие армии. Противник сначала был остановлен, а затем от-

² Туаз — около 2 м. — Р е д.

³ Лье — старинная французская единица измерения длины, имевшая различные значения: 4444,4 м, 5555,5 м, 6172,78 м, равные соответственно длине дуги земного меридиана в $1/36^\circ$, $1/30^\circ$ и $1/18^\circ$. — Р е д.

брошен к крепости. Батареи были спасены. С этого момента Наполеон понял, что представляют собой коалиционные войска. Неаполитанцы, составлявшие часть этих войск, были плохи, и их всегда назначали в авангард.

На восточной стороне, у Лапуапа, происходили ежедневные стычки с постами противника, расположенными на обращенных к нему склонах Фарона. 1 октября он их отеснил, взшел на гору, но был остановлен фортом, а спустя несколько часов отброшен назад и вынужден вернуться в лагерь. 15 октября он оказался более счастливым и, атаковав высоту мыса Брен, после ожесточенной схватки овладел ею.

V

В конце сентября в Олиуле собрался военный совет для решения вопроса, с какой стороны вести главную атаку — с восточной или с западной? С местности, занимаемой дивизией Лапуапа, или оттуда, где стоит дивизия Карто? Было высказано единодушное мнение, что следует атаковать с запада и главный осадный парк сосредоточить в Олиуле. С восточной стороны Тулон прикрыт фортами Фарон и Ла-Мальг, с западной же стороны находился только один форт Мальбоске, представлявший собой лишь простое полевое укрепление. Вторично совет заседал 15 октября. На нем обсуждался присланный из Парижа план осады. Его составил генерал д'Арсон и одобрил инженерный комитет. В плане предполагалось, что армия состоит из 60 000 человек и имеет в изобилии всю необходимую материальную часть. В нем выражалось пожелание, чтобы осадная армия сначала овладела горою и фортом Фарон, фортами Руж и Блан, фортом Сент-Катрин, а затем заложила траншеи напротив середины обвода тулонской крепости, пренебрегая как фортом Ла-Мальг, так и фортом Мальбоске. Но форт Фарон был сильно укреплен противником, а окружающая местность была такова, что строить траншеи здесь было нелегко. Впрочем, при таком способе действий операции затянулись бы само собой, дав осажденным время подтянуть подкрепления, которых они только и ожидали, чтобы заставить снять осаду и захватить Прованс.

Наполеон предложил совершенно иной план. Он выдвинул тезис, что, если заблокировать Тулон с моря таким же образом, как с суши, крепость падет сама собой, ибо противнику выгоднее сжечь склады, разрушить арсенал, взорвать док и, забрав 31 французский военный корабль, очистить город, чем запереть в нем 15-тысячный гарнизон, обрекая его, рано или поздно, на капитуляцию, причем, чтобы добиться почетной капитуляции, этот гарнизон будет вынужден сдать невредимыми эскадру, арсенал, склады и все укрепления. Между тем, принудив эскад-

ру очистить большой и малый рейды, блокировать Тулон с моря — легко. Для этого было бы достаточно выставить две батареи: одну батарею из тридцати 36- и 24-фунтовых пушек, четырех 16-фунтовых орудий, стреляющих калеными ядрами, и десяти мортир системы Гомер на оконечности мыса Эгильетт, а другую, такой же силы, — на мысе Балагье. Обе эти батареи будут отстоять от большой башни не далее как на 700 туазов и смогут обстреливать бомбами, гранатами и ядрами всю площадь большого и малого рейдов. Генерал Мареско, в то время капитан инженерных войск, прибывший для командования этим родом оружия, не разделял подобных надежд, однако изгнание английского флота и блокаду Тулона он находил вполне уместными, видя в этом необходимые предпосылки быстрого и энергичного ведения атак.

Но значение мыса Балагье и мыса Эгильетт поняли и генералы противника. Уже в течение месяца они вели работы в форту Мюрgrav на вершине мыса Кэр; чтобы сделать его неприступным, они пустили в ход все: экипажи судов, лесные материалы и рабочие руки тулонского арсенала; они щедро пользовались всеми этими ресурсами и продолжали пользоваться ими каждый день. Этот форт уже оправдывал данное ему англичанами название Малый Гибралтар.

На третий день после прибытия в армию Наполеон посетил кэрскую позицию, не занятую еще противником, и, составив тотчас же свой план действий, отправился к главнокомандующему и предложил ему войти в Тулон через неделю. Для этого требовалось прочно занять позицию на мысе Кэр, чтобы артиллерия могла тотчас же выставить свои батареи на оконечностях мысов Эгильетт и Балагье. Генерал Карто не был способен ни понять, ни выполнить этот план, тем не менее он поручил отважному помощнику генерала Лаборду, впоследствии генералу императорской гвардии, отправиться туда с 400 человек. Но через несколько дней противник высадился на берег в числе 4000 человек, отбросил генерала Лаборда и приступил к возведению форта Мюрgrav. В течение первых восьми дней начальник артиллерии не переставал просить о подкреплении для Лаборда, чтобы можно было отбросить противника с этого пункта, но не добился ничего. Карто не считал себя достаточно сильным для удлинения своего правого фланга, или, вернее, он не понимал важности этого. К концу же октября положение вещей сильно изменилось. Нельзя было больше думать о прямой атаке этой позиции. Нужно было ставить хорошие пушечные и мортирные батареи, чтобы смести укрепления и заставить замолчать артиллерию форта. Все эти соображения были приняты военным советом. Начальник артиллерии получил приказание принять все необходимые меры, касающиеся его рода оружия. Он немедленно принялся за работу.

Однако Наполеону ежедневно ставил препятствия невеже-

ственный штаб, всячески пытавшийся отвлечь его от выполнения принятого советом плана и требовавший то направить пушки совсем в противоположную сторону, то обстреливать бесцельно форты, то сделать попытку забросить несколько снарядов в город, чтобы сжечь пару домов. Однажды главнокомандующий привел его на высоту между фортом Мальбоске и фортами Руж и Блан, предлагая расположить здесь батарею, которая сможет обстреливать их одновременно. Тщетно пытаясь начальник артиллерии объяснить ему, что осаждающий получит преимущество над осажденным, если расположит против одного форта три или четыре батареи и возьмет его, таким образом, под перекрестный огонь. Он доказывал, что успешно оборудованные батареи с простыми земляными укрытиями не могут бороться против тщательно сооруженных батарей, имеющих долговременные укрытия, и, наконец, что эта батарея, расположенная между тремя фортами, будет разрушена в четверть часа и вся прислуга на ней будет перебита. Карто, со всей надменностью невежды, настаивал на своем; но, несмотря на всю строгость воинской дисциплины, это приказание осталось неисполненным, так как оно было неисполнимо.

В другой раз этот генерал приказал построить батарею опять-таки на направлении, противоположном направлению общего плана, притом на площадке перед каменной постройкой, так что не оставалось необходимого пространства для отката орудий, а развалины дома могли обрушиться на прислугу. Снова пришлось послушаться.

На батареях Горы и Санкюлотов сосредоточилось внимание армии и всего юга Франции. Огонь с них велся ужасный. Несколько английских шлюпов было потоплено. С нескольких фрегатов были сбиты мачты. Четыре линейных корабля оказались настолько сильно поврежденными, что пришлось ввести их в док для починки. Главнокомандующий же, воспользовавшись моментом, когда начальник артиллерии отлучился на 24 часа для посещения марсельского арсенала и ускорения отправки некоторых необходимых предметов, приказал эвакуировать эту батарею под предлогом, что на ней гибло много канониров. В 9 часов вечера, когда вернулся Наполеон, эвакуация батарей уже началась. Опять пришлось неповиноваться. В Марселе была одна старая кулеврина, давно служившая предметом любопытства. Штаб армии решил, что сдача Тулона зависит только от этой пушки, что она обладает чудесными свойствами и стреляет по меньшей мере на два лье. Начальник артиллерии убедился, что эта пушка, к тому же чрезвычайно тяжелая, вся перержавела и не может нести службы. Однако пришлось затратить немало сил и средств, извлекая и устанавливая эту рухлядь, из которой сделали лишь несколько выстрелов.

Раздраженный и утомленный этими противоречивыми распоряжениями, Наполеон письменно попросил главнокомандующего ознакомить его с общими предначертаниями, предоставив ему исполнение их в деталях по вверенному ему роду оружия. Карто ответил, что согласно плану, принятому им окончательно, начальнику артиллерии надлежит обстреливать Тулон в продолжение трех дней, после чего главнокомандующий атакует крепость тремя колоннами. По поводу этого странного ответа Наполеон написал доклад народному представителю Гаспарену, изложив все то, что следовало предпринять для овладения городом, то есть повторив сказанное им на военном совете. Гаспарен был умным человеком. Наполеон очень уважал его и многим был обязан ему в течение осады. Гаспарен отослал переданный план с нарочным в Париж, и оттуда с тем же курьером было привезено приказание, чтобы Карто тотчас же покинул осадную армию и отправился в Альпийскую. На его место был назначен генерал Доппе, командовавший армией под Лионом, который был только что взят. Во временное командование вступил генерал Лапуап как старший. 15 ноября он расположил свою главную квартиру в Олиуле и за несколько дней командования приобрел уважение войск.

VI

Начальник артиллерии выставил девять пушечных и мортирных батарей; две — наиболее мощные — на двух параллельно расположенных холмах, под названием Катр-Мулен и Саблетт, вдали от форта Мюрграв, для поддержки трех батарей: «Бесстрашные люди», «Патриоты юга» и «Смелые», расположенных в 100 туазах от форта, но не на господствующей высоте. Батареи Брега обстреливали Саблеттский перешеек и Лазаретную бухту. Канонада происходила ежедневно. Ее целью было замедлить работу противника над еще большим усилением Малого Гибралтара. Батареи осаждающих вскоре добились превосходства, и это побудило осажденных сделать вылазку для их уничтожения. Вылазка была произведена 8 ноября против батарей Саблетт и Катр-Мулен. От последней они были отеснены, но батарея Саблетт была взята и орудия на ней заклепаны.

Главнокомандующий Доппе прибыл к осадной армии 10 ноября. Он был савоец, медик, умнее, чем Карто, но такой же невежда в области военного искусства; это был один из корифеев общества якобинцев, враг всех людей, у которых замечался какой-либо талант. Через несколько дней после его прибытия английская бомба вызвала пожар порохового погреба на батарее Горы. Находившийся там Наполеон подвергался большой опасности. Было убито несколько канониров. Явив-

лись вечером к главнокомандующему для доклада об этом случае, начальник артиллерии застал его за составленным протоколом в целях доказательства, что погреб был подожжен артиллеристами.

На следующий день батальон котдорцев, находившийся в траншеях против форта Мюргрэв, взялся за оружие и двинулся на форт, возмущенный дурным обращением испанцев с одним попавшим в плен французским волонтером. За ним направился Бургундский полк. В дело оказалась вовлеченной вся дивизия генерала Брюле. Началась ужасающая канонада и оживленная ружейная перестрелка. Наполеон находился в главной квартире; он отправился к главнокомандующему, но и тот не знал причины всего происходящего. Они поспешили на место происшествия. Было 4 часа дня. По мнению начальника артиллерии, раз вино было откупорено, надо было его выпить¹. Он считал, что продолжение атаки будет стоить меньше, чем прекращение ее. Генерал разрешил ему принять атакующих под свое командование. Весь мыс был покрыт нашими стрелками, окружившими форт, и начальник артиллерии построил в колонну две гренадерские роты с целью проникнуть туда через теснину, как вдруг главнокомандующий приказал ударить отбой вследствие того, что вблизи от него, но довольно далеко от линии огня, был убит один из его адъютантов. Стрелки, заметив отступление своих и услышав сигнал отбоя, были обескуражены. Атака не удалась. Наполеон с лицом, покрытым кровью от легкой раны в лоб, подъехал к главнокомандующему и сказал ему: «...Велевший играть отбой не дал нам взять Тулон». Солдаты, потеряв при отступлении немало своих товарищей, выражали недовольство. Они громко говорили о том, что пора покончить с генералом. «Когда же перестанут присылать для командования нами живописцев и медиков?» Восемь дней спустя Дюппе был послан в Пиренейскую армию. Свое прибытие туда он ознаменовал гильотинированием большого числа генералов.

Он привез с собою для командования осадной артиллерией дивизионного генерала старой службы Дютейля, но у Наполеона от правительства было специальное полномочие, и командование было оставлено за ним. В артиллерии было два генерала по фамилии Дютейль. Старший, долгое время являвшийся начальником Оксонской школы, был превосходный артиллерийский офицер. Его школа славилась. В 1788 г. он обратил там внимание на Наполеона, тогда артиллерийского лейтенанта, предчувствуя его воинские дарования. Этот генерал не придерживался революционных взглядов. Он был уже пожилым человеком, однако отказался эмигрировать, оставшись на своем посту. При осаде Лиона Келлерманом он командовал

¹ То есть довести начатую атаку до конца. — Р е д.

артиллерией. После взятия этого города ему не удалось ускользнуть от Комитета наблюдения Коло д'Эрбуа и Фуше. Он был осужден революционным трибуналом и приговорен к казни. Приговор был мотивирован тем, что он опоздал выслать артиллерию в тулонскую осадную армию. Тщетно показывал он письма, присланные ему Наполеоном с благодарностью за разумные распоряжения и энергию, проявленную им при отправке этих транспортов.

Генерал Дютель-младший, ничего не понимавший в артиллерии, был человек совершенно противоположного склада. Это был «добрый малый». По прибытии к Тулону он очень обрадовался, найдя занятую ту должность, которую сам он не был способен исполнять, тем более, что в этих условиях исполнение ее было делом весьма рискованным. Он умер впоследствии в Меце начальником крепостной артиллерии.

Голос солдат был, наконец, услышан. 20 ноября доблестный Дюгомме принял командование армией. Он имел за собой 40 лет службы. Это был богатый колонист с Мартиники, офицер в отставке. В начале революции он стал во главе патриотов и оборонял город Сен-Пьер. Изгнанный с острова, когда англичане заняли его, он потерял все свое состояние. Его назначили командиром бригады в Итальянскую армию в то время, когда пьемонтцы, желая воспользоваться отвлечением сил к Тулону, вздумали переправиться через Вар и войти в Прованс. Дюгомме разбил их при Жилетте, чем заставил отступить на прежний рубеж. Он обладал всеми качествами старого воина. Сам чрезвычайно храбрый, он любил храбрых и был любим ими. Он был добр, хотя горяч, очень энергичен, справедлив, имел верный военный глаз, был хладнокровен и упорен в бою.

VII

Лионская армия была распределена между Альпийской, Пиренейской и Тулонской. Подкрепление оказалось не столь велико, каким могло бы быть. Вместе с ним в осадной армии находилось только 30 000 человек, считая и плохие, и хорошие войска. Главкомандующий союзными войсками генерал О'Хара поджидал подкрепление из 12 000 пехотинцев и 2000 кавалеристов. Он надеялся добиться снятия осады, захватить олиульский парк, обойти французскую армию в Италии, а затем, соединившись с пьемонтской, расположиться на зимних квартирах по Дюранс и овладеть всем Провансом. В этой провинции недоставало продовольствия. Несколько попыток подвезти припасы, предпринятых марсельскими купцами, остались безрезультатными по причине занятия противником Тулона и присутствия английского, испанского и неаполитанского флота

в Средиземном море. Эта часть республики возлагала все свои надежды на скорое падение Тулона, а между тем за четыре месяца с начала осады было обстреляно, по слухам, лишь одно полевое укрепление, расположенное в стороне от крепостных фортов; неприятель спокойно владел не только городом и фортами, но и всем пространством между городом, горою Фарон и фортом Мальбоске. Все усилия осаждающих предпринимались в направлении, противоположном городу, и это возбуждало общее неодобрение. Полагали, что осада даже не начиналась, так как против фортов и сооруженной долговременной фортификации не были еще заложены траншеи. Власти, находившиеся в Марселе и знавшие о плане осады только по слухам, боясь все усиливающегося голода, предлагали Конвенту снять осаду, очистить Прованс и отступить за Дюранс. «Теперь еще,— говорили они,— мы можем отступить в порядке, но позже нас заставят это сделать поспешно и с потерями. Противник, заняв Прованс, будет вынужден его кормить, а весной наша армия, хорошо отдохнувшая, перейдет через Дюранс и бросится на врага, как сделал Франциск I с Карлом V». Это письмо прибыло в Париж за несколько дней до известия о взятии Тулона, что показывает, насколько плохо был понят план осадных действий, такой простой и ясный, судя по его результатам.

Батареи были построены. Все было готово для атаки форта Мюрgrav. Начальник артиллерии считал необходимым поставить одну батарею на Аренской высоте, против форта Мальбоске, так, чтобы с нее на другой день после взятия Малого Гибралтара можно было открыть огонь; он рассчитывал, что огонь этой батареи произведет большое моральное воздействие на военный совет осажденных, который соберется для принятия решения.

Для того, чтобы поразить, нужно действовать внезапно, и, значит, следовало скрывать от врага существование батарей; с этой целью она была успешно замаскирована оливковыми ветками. 29 ноября в 4 часа дня ее посетили народные представители. На батарее находилось восемь 24-фунтовых пушек и четыре мортиры. Она называлась батареей Конвента. Представители спросили канониров, что мешает им начать стрельбу. Канониры ответили, что у них все готово и что их орудия будут действовать весьма эффективно. Народные представители разрешили им стрелять. Начальник артиллерии, находившийся в главной квартире, с изумлением услышал пальбу, что противоречило его намерениям. Он отправился к главнокомандующему с жалобой. Зло было сделано непоправимое. На другой день, на рассвете, О'Хара во главе 7000 человек сделал вылазку, переправился у форта Сент-Антуан через ручей Ас, опрокинул все посты, защищавшие батарею Конвента, овладел ею и заклепал орудия. В Олиуле забили тревогу. Поднялось

сильное смятение. Дюгоммье поехал по направлению атаки, собирая на своем пути войска и послав приказания придвинуть резервы. Начальник артиллерии выставил на различных позициях полевые орудия с целью прикрыть отступление и сдерживать движение противника, угрожавшее олиульскому парку. Сделав эти распоряжения, он отправился на высоту, находившуюся напротив батареи. Через небольшую долину, разделявшую их, от этой высоты до подножия насыпи пролегал ход сообщения, сделанный по приказанию Наполеона для подноса к батарее боеприпасов. Прикрытый оливковыми ветвями, он был незаметен. Войска противника стояли в боевом порядке справа и слева от него, а группа штабных офицеров находилась на батарейной платформе. Наполеон приказал батальону, занимавшему высоту, спуститься с ним в этот ход сообщения. Подойдя к подножью насыпи незаметно для противника, он приказал дать залп по войскам, стоявшим вправо от нее, а затем по стоявшим влево. По одну сторону находились неаполитанцы, по другую — англичане. Неаполитанцы подумали, что их обстреливают англичане, и тоже открыли огонь, не видя врага. В ту же минуту один офицер в красном мундире, хладнокровно прогуливавшийся по платформе, поднялся на насыпь с целью разузнать о происшедшем. Ружейный выстрел из хода сообщения поразил его в руку, и он свалился к подножью наружного откоса. Солдаты подняли его и принесли в ход сообщения. Это оказался главнокомандующий О'Хара. Таким образом, находясь среди своих войск, он исчез, и никто этого не заметил. Он отдал свою шпагу и заявил начальнику артиллерии, кто он такой. Наполеон заверил его в том, что он не подвергнется оскорблениям. Как раз в эту минуту Дюгоммье с собравшимися войсками обошел правый фланг противника и угрожал прервать его коммуникации с городом, что и привело к отступлению. Вскоре оно превратилось в бегство. Противника преследовали по пятам до самого Тулона и по дороге к форту Мальбоске. Дюгоммье в этот день получил две легкие раны. Наполеон был произведен в полковники. Генералу Мюре довольно некстати пришло желание, воспользовавшись порывом войск, взять штурмом форт Мальбоске, что оказалось невыполнимым. Здесь отличился Сюше, впоследствии маршал Франции, тогда командир батальона ардешских волонтеров.

VIII

Отборный отряд из 2500 человек егерей и гренадер, затребованный Дюгоммье из Итальянской армии, прибыл. Все говорило за то, чтобы не медлить больше ни минуты с захватом мыса Кэр, и было решено штурмовать Малый Гибралтар. Депутаты Конвента, находившиеся в Провансе, прибыли в Олиуль. 14 декабря французские батареи открыли беглый огонь бом-

бами и ядрами из пятнадцати мортир и тридцати пушек большого калибра. Канонада продолжалась день и ночь с 15-го по 17-е, до момента штурма. Артиллерия действовала очень удачно. Неприятелю пришлось несколько раз заменять подбитые орудия новыми. Палисады, насыпи были разворочены. Значительное число бомб, залетавших в редут, заставило гарнизон покинуть его и занять позицию позади. Главнокомандующий приказал двинуться на приступ в час ночи, рассчитывая подоспеть к редуту либо до того, как гарнизон, предупрежденный об атаке, успеет туда вернуться, либо, по крайней мере, одновременно с ним. Целый день 16-го шел проливной дождь, и это могло задержать движение некоторых колонн. Дюгоммье, не ожидая от этого ничего хорошего, хотел было отложить атаку на следующий день, но, побуждаемый, с одной стороны, депутатами, образовавшими комитет и исполненными революционного нетерпения, а с другой — советами Наполеона, считавшего, что плохая погода не является неблагоприятным обстоятельством, продолжал подготовку к штурму. В полночь, сосредоточив все силы в деревне Сена, он построил четыре колонны. Две, слабые, расположились на позициях по краям мыса для наблюдения за двумя редутами — Балагье и Эгильетт. Третья, состоявшая из отборных войск под командой Лабурда, направилась прямо на Малый Гибралтар. Четвертая служила резервом. Во главе атакующих стал сам Дюгоммье. Подойдя к подножию мыса, стрелки открыли огонь. Противник предусмотрительно устроил заграждения на дорогах, так что у гарнизона хватило времени разобрать на биваке ружья, вернуться в форт и стать за бруствером. Стрелков у него оказалось больше, чем предполагали. Чтобы оттеснить их, часть французской колонны рассыпалась. Ночь стояла очень темная. Движение замедлилось, и колонна расстроилась, но все же добралась до форта и залегла в нескольких флешах. Тридцать или сорок гренадер проникли даже в форт, но были оттеснены огнем из бревенчатого укрытия и принуждены вернуться назад. Дюгоммье в отчаянии отправился к четвертой колонне — резерву. Ис вел Наполеон. По его приказанию впереди шел батальон, который был вверен им Мюйрону, капитану артиллерии, в совершенстве знавшему местность. В 3 часа утра Мюйрон проник в форт через амбразуру; за ним последовали Дюгоммье и Наполеон. Лабурд и Гильон проникли с другой стороны. Канониров перебили у орудий. Гарнизон отошел к своему резерву на холме, на расстоянии ружейного выстрела от форта. Здесь противник перестроился и произвел три атаки с целью вернуть форт. Около 5 часов утра к противнику были подвезены два полевых орудия, но, по распоряжению начальника артиллерии, уже подоспели его канониры, и орудия форта повернулись против врага. В темноте, под дождем, при ужасном ветре, среди валявшихся в беспорядке трупов, под стоны раненых и умира-

ющих, стоило большого труда изготовить к стрельбе шесть орудий. Лишь только они открыли огонь, противник отказался от продолжения атак и повернул назад. Немного спустя стало светать.

Эти три часа были часами мучительных ожиданий и тревог. Только днем, через много времени после захвата форта, вошли в него представители Конвента уверенной, молодецкой поступью, с обнаженными саблями, и поблагодарили солдат. На рассвете на холмах, господствовавших над Эгнльетт и Балагье, было замечено несколько английских батальонов. От Малого Гибралтара, который, будучи расположен на вершине мыса, господствует над ними, англичане находились на расстоянии пушечного выстрела. Первые два часа после рассвета победоносная армия потратила на сбор частей. Прибыло несколько полевых батарей, и в 10 часов утра началось наступление на противника, поспешно уходившего от берега под прикрытием военных кораблей. К полудню он был совершенно изгнан с мыса, и французы стали здесь хозяевами.

Оба занятых форта представляли собою лишь простые батареи, выложенные из кирпича на морском берегу, с большой башней на горже, которая служила вместе и казармой и укрытием. На башней, в 20 туазах от нее, возвышались холмы мыса. Эти батареи совсем не предназначались для обороны против неприятеля, наступающего с суши и располагающего пушками. Наши шестьдесят 24-фунтовых пушек и 20 мортир находились у деревни Сены на колесном ходу и передках, на расстоянии пушечного выстрела, так как было важно без малейшего замедления начать из них стрельбу. Однако начальник артиллерии отказался от огневых позиций обеих батарей, брустверы которых были из камня, а башня находилась в такой близости, что рикошетные снаряды и обломки ее могли поражать канониров. Он наметил огневые позиции для батарей на высотах. Остаток дня пришлось затратить на их оборудование. Несколько 12-фунтовых пушек и гаубиц начали обстреливать неприятельские шлюпы, когда те намеревались перейти с малого рейда на большой. На рейде царил величайшее смятение. Корабли снялись с якоря. Стояла пасмурная погода, и грозил подняться порывистый юго-западный ветер, дующий три дня сряду и способный на все это время помешать выходу эскадры коалиции с рейдов, обрекая ее на полный разгром.

Штурм обошелся республиканской армии в 1000 человек убитыми и ранеными. Под Наполеоном была убита лошадь выстрелом с батареи Малого Гибралтара. Накануне атаки он был сброшен на землю и расшибся. Утром он получил от английского канонира легкую колотую рану в икру. Генерал Лабрид и капитан Мюирон были тяжело ранены. Потери врага убитыми и ранеными достигали 2500 человек.

Наметив огневые позиции для батарей и отдав все приказания, необходимые для парка, Наполеон отправился на батарею Конвента с целью атаковать форт Мальбоске. Он заявил генералам: «Завтра или самое позднее послезавтра вы будете ужинать в Тулоне». Это тотчас же сделалось предметом обсуждения. Некоторые надеялись, что так и будет, большая же часть на это не рассчитывала, хотя все гордились одержанной победой. Английский адмирал, узнав о взятии Малого Гибралтара, тотчас же послал приказание удерживать форты Эгильетт и Балагье для того, чтобы дать возможность подкреплениям, которые он сейчас же вышлет из города, высадиться на берег и отбить Малый Гибралтар, так как от этого зависит безопасность его якорной стоянки. С этой целью адмирал отправился в Тулон и потребовал, чтобы для взятия этого форта было высажено 6000 человек. В случае, если они не смогут отбить его, они должны окопаться на обоих холмах выше Балагье и Эгильетта, чтобы выиграть 8—10 дней, по истечении которых ожидалось подкрепления. Но когда в полдень ему дали знать сигналами, что трехцветное знамя уже развевается на батареях и союзные войска снова погрузились на суда, адмиралом овладел страх оказаться запертым на рейдах. Он приказал эскадрениться с якоря, поднять паруса, выйти с рейдов и крейсировать вне досягаемости пушечных выстрелов с берега. Тем временем был созван военный совет. Протоколы его попали в руки Дюгомье, сравнившего их с протоколами французского военного совета в Олиуле 15 октября. Дюгомье нашел, что Наполеон все предвидел заранее. Старый и отважный генерал с удовольствием об этом рассказывал. В самом деле, в этих протоколах говорилось, что «совет спросил у артиллерийских и инженерных офицеров, имеется ли на большом и малом рейдах такой пункт, где могла бы стать эскадра, не подвергаясь опасности от бомб и каленых ядер с батарей Эгильетт и Балагье; офицеры обоих родов оружия ответили, что не имеется. В случае, если эскадра покинет Тулон, сколько следует ей оставить в нем гарнизона? Сколько времени сможет он держаться? Ответ: нужно 18000 человек; держаться они смогут самое большее 40 дней, если будет продовольствие. Третий вопрос: не соответствует ли интересам союзников немедленно очистить город, предав огню все, чего нельзя захватить с собой? Военный совет единодушно настаивает на оставлении города: у гарнизона, который можно оставить в Тулоне, не будет возможности отступить и ему нельзя будет более посылать подкреплений, он будет ощущать недостаток в необходимых припасах. Сверх того, двумя неделями раньше или позже он принужден будет капитулировать и тогда его заставят сдать невредимыми и арсенал, и флот, и все сооружения».

В Тулоне разнеслась весть, что военный совет решил очистить город. Недоумение и тревога достигли крайних пределов. Жители совсем не заметили взятия Малого Гибралтара. Они знали, что ночью против него велась атака, но не придавали этому никакого значения. В то время, когда они ждали избавления, убаюкивая себя надеждой на скорое прибытие подкреплений — им пришлось начать думать об оставлении своих домов, своей отчизны! — Военный совет распорядился взорвать форты Поме и Ла-Мальг. Форт Поме был взорван в ночь с 17-го на 18-е. Очищение фортов Фарон, Мальбоске, редутов Руж и Блан и Сент-Катрин произошло в ту же ночь. 18-го все эти форты были заняты французами.

17-го перед рассветом, в то время, как шел штурм Малого Гибралтара, Лапуап захватил гору Фарон после довольно горячей схватки и обложил форт. В этом деле отличился Лагарп — полковник Овернского полка, впоследствии дивизионный генерал, убитый в итальянском походе. Положенне вещей было настолько неясно, что, когда войска узнали о взрыве форта Поме, распространился слух, будто это произошло в связи со случайным пожаром в пороховом погребе. Владея Мальбоске и другими фортами, окружавшими Тулон, кроме форта Ла-Мальг, где еще находился противник, армия днем 18-го числа придвинулась к валам крепости. Весь день город обстреливался из нескольких мортир.

Англо-испанская эскадра, сумевшая выйти с рейдов, крейсировала за их пределами. Море было покрыто шлюпками и малыми судами противника, направлявшимися к эскадре. Им приходилось двигаться мимо французских батарей; несколько судов и значительное число шлюпок были пущены по дну.

Вечером 18-го по страшному взрыву узнали об уничтожении главного порохового погреба. В то же мгновение в арсенале показался огонь в четырех — пяти местах, а полчаса спустя весь рейд был объят пламенем. То были подожжены девять французских линейных кораблей и четыре фрегата. На несколько лье кругом горизонт находился как бы в огне; было видно как днем. Зрелище было величественное, но ужасное. Каждую секунду ждали взрыва форта Ла-Мальг, но его гарнизон, боясь быть отрезанным от города, не успел заложить мины. Той же ночью в форт вошли французские стрелки. Тулон был объят ужасом. Большая половина жителей поспешно покинула город. Те, кто остался, забаррикадировались в домах, опасаясь мародеров. Армия осаждающих стояла в боевом порядке на гласисе.

18-го в 10 часов вечера полковник Червоин взломал ворота и с патрулем в 200 человек вошел в город. Им был обойден весь Тулон. Повсюду царил величайшая тишина. В порту валялись груды багажа, на погрузку которого у бежавших жителей не хватило времени. Разнесся слух, что подложены

фитили для взрыва пороховых погребов. Были посланы дозоры и канониров, чтоб проверить это. Затем вошли в город войска, назначенные для его охраны. В морском арсенале оказался чрезвычайный беспорядок. 800—900 галерных каторжников с величайшим усердием занимались тушением пожара. Им была оказана громадная услуга; они противодействовали английскому офицеру Сиднею Смиуту, которому был поручен поджог судов и арсенала. Этот офицер очень плохо исполнил свою обязанность, и республика должна быть ему признательна за те весьма ценные предметы, которые сохранились в арсенале. Наполеон отправился туда с канонирами и оказавшимися в наличии рабочими. В течение нескольких дней ему удалось потушить пожар и сохранить арсенал. Потери, которые понес флот, были значительны, но имелись еще огромные запасы. Были спасены все пороховые погреба, за исключением главного. Во время изменнической сдачи Тулона там находился 31 военный корабль. Четыре из них были использованы для перевозки 5000 матросов в Брест и Рошфор, девять были сожжены союзниками на рейде, а тринадцать оставлены разоруженными в доках. С собой союзниками было уведено четыре, из которых один сгорел в Ливорно. Боялись, как бы союзники не взорвали док и его дамбы, но на это у них не хватило времени. Тринадцать кораблей и фрегатов, сгоревших на рейде, образовали ряд заграждений. В течение восьми или десяти лет производились попытки их удалить, и, наконец, неаполитанским водолазам удалось это исполнить при помощи распиливания остовов, удаляя их кусок за куском. Армия вошла в город 19-го. Семьдесят два часа она находилась под ружьем, и дождь и слякоть. В городе ею было произведено много беспорядков как бы с разрешения начальства, надававшего солдатам обещаний во время осады. Главнокомандующий восстановил порядок, объявив все имущество Тулона собственностью армии и приказал снести все в центральные склады как из частных складов, так и из покинутых домов. Впоследствии республика конфисковала все это, выдав в награду каждому офицеру и солдату годовой оклад жалованья.

Эмиграция из Тулона была весьма значительной. Неаполитанские, английские и испанские корабли были переполнены. Это вынудило их бросить якорь на Иерском рейде и расположить беглецов биваком на островах Поркероль и Левант. Говорят, что их насчитывалось около 14 000 человек.

Дюгомье отдал приказ не снимать белого знамени с фортов и бастионов рейда, что ввело в заблуждение многие военные корабли и коммерческие суда, подвозившие припасы для противника. В течение месяца после взятия города не проходило ни одного дня, чтобы не захватывались обильно нагруженные суда. Один английский фрегат уже было причалил к Большой башне. Он вез несколько миллионов денег. Его

сочли уже захваченным и два морских офицера на ботике подплыли к нему, взошли на палубу и заявили капитану, что фрегат в качестве приза находится в их власти. Капитан посадил в трюм обоих смельчаков, перерезал причальные канаты и сумел выбраться без больших повреждений. В конце декабря, вечером, около 8 часов, начальник артиллерии, находясь на набережной, заметил подходившую английскую шлюпку. Офицер, сойдя с нее, спросил, где квартира адмирала лорда Худа. Он оказался капитаном прекрасного брига, пришедшего с депешами и с вестью о прибытии подкреплений. Судно было взято и депеши прочтены.

Народные представители, по законам того времени, учредили революционный трибунал; но все виновные бежали вместе с неприятелем; те же, кто решился остаться, чувствовали себя невинными. Однако трибунал арестовал несколько человек, случайно не успевших уйти с неприятелем, и казнил их в наказание за совершенные ими злодеяния. Но восьми—десяти жертв было мало. Прибегли к ужасному средству, характеризующему дух той эпохи: было объявлено, что всем, кто при англичанах работал в арсенале, надлежит собраться на Марсово поле для записи фамилий. Дали понять, что это делается с целью принять их вновь на службу. Почти 200 человек старших рабочих, конторщиков и других мелких служащих повели этому и явились; их фамилии были записаны и тем было удостоверено, что они сохраняли свои места при англичанах. Тотчас же на том же поле революционный трибунал присудил всех их к смерти. Батальон санкюлотов и марсельцев, вызванный туда, расстрелял их. Подобный поступок не нуждается в комментариях. Но это была единственная массовая казнь. Неверно, что кого бы то ни было расстреливали картечью. Начальник артиллерии и канониры регулярной армии не стали бы в этом участвовать. В Лионе эти ужасы совершили канониры революционной армии. Декретом Конвента Тулонскому порту было дано новое название — «порт Гора» — и было приказано разрушить все общественные здания, за исключением признанных необходимыми для флота и гражданского управления. Этот сумасбродный декрет начал приводиться в исполнение, но с большой медлительностью. Было разрушено лишь пять или шесть домов, через некоторое время снова восстановленных.

Английская эскадра простояла на Иерском рейде месяц или полтора. В Тулоне не было ни одной мортиры, которая могла бы стрелять больше чем на 1500 туазов, а эскадра стояла на якоре в 2400 туазах от берега. Если бы в то время в Тулоне было несколько мортир системы Вилантруа или таких, какими стали пользоваться впоследствии, эскадра не смогла бы стоять на рейде. В конце концов, взорвав форты Поркероль

и Портро, неприятель ушел на рейд Порто-Феррайо, где выса-
дил значительную часть тулонских эмигрантов.

Весть о взятии Тулона в тот момент, когда этого менее
всего ожидали, произвела огромное впечатление на Францию
и на всю Европу. 25 декабря Конвент устроил национальный
праздник. Взятие Тулона послужило сигналом для успехов,
ознаменовавших кампанию 1794 г. Несколько времени спустя
Рейнская армия овладела Вейссембургскими линиями и сняла
блокаду с Ландау. Дюгоммье с частью войск отправился в Во-
сточные Пиренеи, где Доппе делал одни только глупости. Дру-
гая часть этих войск была послана в Вандею. Большое число
батальонов вернулось в Итальянскую армию. Дюгоммье отдал
приказ Наполеону следовать за ним; но из Парижа были полу-
чены другие распоряжения, возлагавшие на него обязанность
заняться сперва перевооружением средиземноморского побе-
режья, в особенности Тулона, а затем отправиться в Итальян-
скую армию в качестве начальника артиллерии.

С этой осады утвердилась репутация Наполеона. Все ге-
нералы, народные представители и солдаты, знавшие о мнени-
ях, которые он высказывал на различных советах за три ме-
сяца до взятия города, все те, кто были свидетелями его дея-
тельности, предрекали ему ту военную карьеру, которую он по-
том сделал. Доверием солдат Итальянской армии он заручился
уже с этого момента. Дюгоммье, представляя его к чину бри-
гадного генерала, написал в Комитет общественного спасения
буквально следующее: «Наградите и выдвиньте этого молодого
человека, потому что, если по отношению к нему будут не-
благодарны, он выдвинется сам собой». В Пиренейской армии
Дюгоммье беспрестанно говорил о своем начальнике артилле-
рии под Тулоном и внушил высокое мнение о нем генералам
и офицерам, отправившимся впоследствии из Испанской армии
в Италию. Находясь в Перпиньяне, он посылал Наполеону
в Ниццу курьеров с известиями об одержанных им победах.

ОЧЕРК ОПЕРАЦИЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ В 1792, 1793, 1794 И 1795 гг.

I. Очерк событий, происшедших в Итальянской армии с начала войны и в течение 1792 и 1793 гг., до осады Тулона. — II. Наполеон руководит армией в кампанию 1794 г. Занятие Саорджио, Онелья, перевала Тенде и всего главного хребта Альп (апрель 1794 г.). — III. Марш армии через Монтенотте (октябрь 1794 г.). — IV. Морские экспедиции. Бой у Ноли (март 1795 г.). — V. Наполеон подавляет мятежи в Тулоне. — VI. Он покидает свой пост в Итальянской армии и приезжает в Париж (июнь 1795 г.). — VII. Келлерман, потерпев поражение, сосредоточивает свои силы на линии Боргетто (июль 1795 г.). — VIII. Битва у Лоано (декабрь 1795 г.).

I

Война с первой коалицией началась в 1792 г. Генералу Монтескью, командующему Южной армией, была поручена оборона всей границы от Женевы до Антиба. Кампания началась в сентябре. Из своего лагеря у Сесье он двинулся на Изер, в форт Барро, и в течение нескольких недель занял Шамбери и всю Савойю. Пьемонтцы отступили за Альпы. Генерал-лейтенант Ансельм, командовавший дивизией в 10 000 человек, был назначен оборонять Вар — от Турнусского лагеря около Аржантьерского перевала до Антиба. Адмирал Трюге с девятью военными кораблями, имея на борту 2000 человек десанта, крейсировал между Антибом и Монако. Вар — плохая оборонительная линия. Французская эскадра угрожала ей стыла. Это побудило туринский двор расположить свою армию на оборонительной линии по обратному склону приморских Альп с правым флангом, опирающимся на Вар и его притоки, центром на Лантоска и левым флангом на Ройе, перед Саорджио. 23 сентября генерал Ансельм, узнав от французского адмирала, что появление его эскадры перед Ниццей вынудило противника эвакуировать этот город, и о начавшемся движении пьемонтской армии, перешел через Вар во главе 4000 человек, овладел Ниццей, фортом Монтальбан и Вильфраншем, не встретив никакого сопротивления. Оба последние укрепления были полностью оборудованы и снабжены прекрасной артиллерией. Их гарнизоны попали в плен. Ансельм перешел Вар вброд; на следующий день этот поток вздулся. В течение восьми—десяти дней он оставался в Ницце отрезанным от главных сил

своей армии. Противник не обратил внимания на это обстоятельство или не знал, как им воспользоваться. Аисельм продвинул авангард за Скарена, на туринском шоссе. Эскадра направилась в Онелья — порт, принадлежавший сардинскому королю; адмирал предложил коменданту сдаться, но парламентар его был убит. Десантные войска овладели городом. Генерал Аисельм не сумел поддерживать дисциплину среди войск; его даже обвинили в участии в бесчинствах, на которые жаловался город Ницца; он был отозван.

В начале 1793 г. правительство отделило Альпийскую армию от Итальянской, командование которой было вверено генералу Бирону 15 февраля 1793 г. Произошло несколько боев на высотах Скарена, Соспелло, Лантоска. Ими овладевали последовательно армии то одной, то другой сторон; но, наконец, Соспелло был прочно занят французской армией. Авангард расположился между Соспелло и Брельо, в лагере Бруи. 11 апреля Бирон овладел Лантоска и высотами до Бельведера; он взял много пленных и несколько пушек. Некоторое время спустя он был отозван для командования армией в Вандее; его сменил генерал Брюне. Армия получила подкрепления, после чего она насчитывала 30 000 человек под ружьем. Вместе с войсками, занимавшими гарнизоны в Провансе, с этапными частями и большими численность армии доходила до 68 000 человек. Противник тоже был усилен пополнениями и отличной австрийской дивизией: он укрепил свои позиции большим числом батарей и фортификационными сооружениями. Его правый фланг примыкал к ютельской позиции, центр располагался перед перевалом Раус, левый фланг — перед Саорджио, крепостью, лежащей по обеим сторонам шоссе из Ниццы в Турин. Генерал Брюне вполне обоснованно желал овладеть всеми приморскими Альпами, прогнать противника за перевал Тенде и расположить свою армию на время дождей по вершинам Альп. Это сделало бы позицию значительно более сильной и требующей меньше людей для ее обороны. Такой проект был очень разумен; у Брюне было достаточно сил для его выполнения, но отсутствовали военные способности, необходимые для руководства такой серьезной операцией. 8 июня 1793 г. он перешел в наступление по всему фронту. Все, что можно было сделать, французские солдаты сделали; все позиции, которыми можно было овладеть, они захватили; но занятые противником позиции Фурш и Раус были неприступны. Брюне упорствовал, возобновив 12 июня наступление, которое принесло славу пьемонтцам и привело к гибели отборных гренадер его армии. Позиции пьемонтцев стали считаться неприступными; они продолжали на них укрепляться. В августе тулонская измена потребовала выделения части Итальянской армии для формирования осадной армин; но, хотя и ослабленная, Итальянская армия отразила в течение октября все попытки пьемонтцев войти

в Прованс, переправившись через Вар. Одна из их дивизий силою в 4000 человек была разбита и почти уничтожена Дюгомме у Жилетт, и это заставило их вернуться на свои позиции. Брюне, несправедливо обвиненный в измене и в кровопролитии марсельскому восстанию, был отдан под суд парижского революционного трибунала и погиб на эшафоте.

После взятия Тулона Наполеон первые два месяца 1794 г. занимался укреплением побережья Средиземного моря. В Ниццу он прибыл в марте и принял здесь главное командование артиллерией. Командующим армией был генерал Дюморбион. Этот генерал, из старых гренадерских капитанов, добился чина полковника, бригадного генерала и дивизионного генерала в кампаниях 1792 и 1793 гг., состоя в Итальянской армии; он знаком был тут со всеми позициями и руководил в июне атакою под командой Брюне. Этому человеку было шестьдесят лет; прямодушный, лично храбрый, довольно образованный, но страдавший подагрой, а потому не встававший с постели, он целые месяцы проводил не двигаясь. Начальником штаба у него был генерал Готье, начальником административной части — д'Эйсотье, Галлер заведывал финансами и снабжением, генерал Дюжар был помощником начальника артиллерии, полковник Гассенди — начальником парка, генерал Виаль — начальником инженерных войск, генералы Маккар, Даллемань, Масена и другие командовали различными соединениями. Штаб вот уже два года пребывал в десяти лье от передовых постов, в Ницце, где совсем не чувствовалось войны.

II

Начальник артиллерии провел часть марта, знакомясь с занимаемыми армией позициями и изучая бои, происходившие с 1792 г. Несколько дней он провел в Бруи, занятом генералом Маккаром; он убедился в большой прочности позиций противника и в безрассудстве гибельных для французов атак 8 и 12 июня.

В горах повсюду находятся позиции, чрезвычайно сильные сами по себе, и от атаки их следует воздерживаться. Искусство горной войны состоит в том, чтобы занимать позиции или на флангах, или в тылу противника и этим ставить его перед необходимостью либо очистить свою позицию без боя, чтоб занять другую, несколько позади, либо выступить и атаковать вас. В горной войне атаковать невыгодно. Даже в наступательной войне искусство состоит в том, чтобы вести только оборонительные бои, вынуждая противника прибегать к атаке.

Позиции противника были хорошо связаны между собой. Правый фланг был прикрыт хорошо, левый — плохо. С этой стороны местность была значительно более проходима. Напо-

леон тогда же составил план действий, по которому армия без тяжелых боев овладевала главным хребтом Альп и вынуждала противника оставить такие сильные позиции, как Раус и Фурш. По этому плану следовало обойти левый фланг противника, переправившись через реки Ройя, Нервия и Таджа, занять гору Танардо, Рокка-Барбона, Танарелло и перехватить шоссе, ведущее в Саорджио, — коммуникационную линию противника, позади холма Марта.

Онелья служила пристанищем большому числу корсаров. Оттуда они перехватывали коммуникации из Ниццы в Геную; что вредило армии и еще больше — снабжению продовольствием Прованса, где свирепствовал голод. Намеченной операцией заодно разрешалась и эта задача: когда армия взойдет на Монте-Гранде, она будет господствовать над истоками Танаро и всей долиной Онелья; этот город, Ормеа, Гарессино и Лоано перейдут в ее руки. Таким образом, этот план кампании привел бы к трем значительным результатам: 1) к расположению линии обороны графства Ницца на естественной позиции по главному хребту Альп; 2) к продвижению правого фланга в местность, где горы, будучи значительно менее высокими, предоставляют больше выгод; 3) к прикрытию части генуэзской Ривьеры и уничтожению корсарского притона, мешающего путям сообщения между большим торговым центром Генуей, армией и Марселем. Не приходилось опасаться, что противник воспользуется разделением французской армии вследствие продвижения ее правого фланга и сам перейдет в наступление. Такое наступление в горной стране опасно только тогда, когда теряют время вместо нанесения решительных контрударов, ибо, опередив врага на несколько переходов, выходишь ему во фланг и тогда противник уже не имеет времени, чтобы начать наступление. В горной войне заставить противника выйти из своих позиций и атаковать вас — это и значит, как мы уже говорили, действовать искусно и в духе этой войны. Действительно, позиции у Беолетского, Бруисского, Перусского перевалов, может быть, менее сильные, чем позиции пьемонтцев, оказались, однако, чрезвычайно сильными сами по себе. Пьемонтцам не могло помочь их численное превосходство. Форсировав эти позиции, противник был бы остановлен позициями у перевалов Брау, Кастильоне и Лючерам, также достаточно сильными. Пьемонтцы могли принять решение атаковать позиции горы Танарда и Танарелло сразу после того, как их займут французы, но эти позиции были крепки сами по себе. Тут снова можно было бы применить то же правило горной войны: вынуждать противника вести атаку. К тому же все французские войска, оставшиеся в Бруисском лагере, могли, перейдя через Ройю и гору Йове, прийти на помощь атакованным. И, наконец, операция в направлении на истоки Танаро и на Ормеа была бы сама по себе диверсией, которая удержала бы про-

тивника от очень рискованных горных боев и заставила бы его вернуть свою армию на равнину для прикрытия столицы.

Этот план был передан на рассмотрение совета, в котором участвовали два народных представителя — комиссары при армии, генерал Дюморбион, начальник артиллерии, генерал Массена, генерал Виаль — начальник инженерной части, бригадный генерал Рюска, офицер легких войск, уроженец этих гор, прекрасно их знавший. Репутация автора плана помогла избежать большой дискуссии. Все помнили его действия в Тулоне: план был принят.

Имелось одно политическое затруднение: предстояло пройти через территорию Генуэзской республики. Но союзники сами уже сделали это шесть месяцев тому назад, когда 2000 пьемонтцев прошли через генуэзскую территорию для посадки в Онелья при отправке в Тулон. Им дозволялось пройти небольшими невооруженными группами, а они шли все вместе, с оружием в руках и с барабанным боем. Разрешению этого вопроса помог и инцидент с «Ла-Модест». Этот фрегат бросил якорь в порту Генуя. 5 октября 1793 г. три английских корабля с двумя фрегатами тоже бросили якорь в порту; один английский 74-пушечный корабль встал рядом с «Ла-Модест». Старший офицер вежливо попросил вахтенного офицера фрегата переставить одну шлюпку, мешавшую маневрировать английскому кораблю. Французы это охотно сделали. Полчаса спустя английский капитан потребовал от командира «Ла-Модест» поднять белый флаг, заявляя, что он не знает никакого трехцветного флага. Союзники тогда занимали Тулон. Французский офицер ответил на этот вызов так, как предписывалось честью. Но у англичан были наготове три абордажных мостика. Они перебросили их на фрегат и взяли его на абордаж. В тот же момент они открыли беглый ружейный огонь с палубы и с марсов. У экипажа «Ла-Модест» ничего не было подготовлено; часть людей бросилась в воду; англичане преследовали их на шлюпках, некоторых убили, некоторых ранили. Генуэзцы были озлоблены до предела. Дрэйк, агент Англии, был освистан, ему угрожали, и он еле избежал больших неприятностей. Дожем в то время был Дориа; сенат извинился, но фрегат возвращен не был. Представители народа в Марселе наложили эмбарго на генуэзские суда. Они ожидали, что Конвент объявит войну, но Франция и особенно Юг ее изнывали от голода: генуэзский флот был необходим для снабжения продовольствием Прованса. Конвент затаил свое раздражение, заявив, что все произошло из-за слабости Генуи и что сношения будут продолжаться, как и прежде. Однако не менее верно и то, что независимость и нейтралитет этой республики были нарушены.

6 апреля дивизия в 14 000 человек, в составе пяти бригад, перешла через реку Ройя и овладела замком Винтимилья. Бригада под командованием Массена двинулась на гору Та-

пардо и заняла здесь позицию. Другая бригада, перейдя через реку Таджа, заняла позицию на Монте-Гранде; три остальные бригады под непосредственным командованием Наполеона двинулись на Онелья и сбили австрийскую дивизию, расположенную на высотах Сант-Агата. Французский бригадный генерал Брюле был там убит. На следующий день армия вступила в Онелья; здесь она захватила 12 пушек. Население города и долины полностью разбежалось. Еще 12 пушек было захвачено около перевала Сан-Сильвестр. Пьемонтцы хотели вывезти их в Ормеа, но они попали в руки 2-й бригады, вышедшей через перевал Меццалуна. Армия двинулась на Понте-ди-Наве. Там стояли остатки австрийской дивизии. Она была атакована, разбита и сброшена с горы Ариоль в р. Танаро. Крепость Ормеа капитулировала в тот же день; в ней было 400 человек гарнизона, имелся оружейный склад на несколько тысяч ружей и двадцатка пушек. Суконная мануфактура, продукцией которой были заполнены склады, помогла одеть армию. На следующий день, 18-го, армия овладела Гарессо, восстановила свои пути сообщения через горы Сан-Бернардо и Рокка-Барбона с Лоано, миленьким городом на берегу моря, принадлежавшим сардинскому королю.

В Пьемонте поднялась сильная тревога. Противник поспешил очистить все склоны Альп, но запоздал и не смог увести свою артиллерию. Массена из Танарелло вышел на тыловые подступы Саорджио, перехватив, таким образом, шоссе и отрезав отступление противнику позади холма Марта. Саорджио сдался 29 апреля. Этот форт мог бы держаться и дольше: в нем были значительные склады снаряжения и припасов. 8 мая Массена двинулся на Тендский перевал через перевал Арденте, в то время как генерал Маккар атаковал с фронта. Атака удалась. Армия овладела всем главным хребтом приморских Альп. Ее правый фланг, расположенный перед Ормеа, сообщался с Тендским перевалом через перевал Термини и от Тендского перевала занимал цепь Альп до Аржантьерского перевала, где находился крайний пост Альпийской армии. Выполнение этого плана дало 3000—4000 пленных, 60—70 пушек, две крепости и обладание всей системой Альп до первых предгорий Апеннин. Армия занимала, таким образом, больше половины Западной Ривьеры и хотя растянулась своим правым флангом на 15 лье, ее позиция стала более крепкой, и для ее охраны требовалось меньше войск. Ничто больше не могло препятствовать каботажному плаванию вдоль побережья, между Генуей и Провансом. Потери в армии были невелики. Падение Саорджио и других позиций, о которых так много говорилось и за которые так много пролилось крови, укрепило в армии репутацию Наполеона, и общественное мнение уже требовало назначения его главнокомандующим.

Состояние горной артиллерии было улучшено. Подполковник Фотрие, помощник заведующего парком, офицер артиллерийских мастерских, заботливо вникал во все подробности. Трехфунтовые пьемонтские пушки, найденные в ниццском арсенале и в крепостях Ормеа и Саорджато, а также на брошенных противником позициях, были достаточно легки для перевозки вьюком на мулах. Этот калибр, однако, не мог удовлетворить всех нужд. В корсикаанскую войну (в 1768 г.) были сконструированы лафетные полозья и парные оглобли, служившие для перевозки 4-фунтовых пушек вслед за колоннами. Это приспособление пригодилось и для 8- и 12-фунтовых пушек и для 6-дюймовых гаубиц. Изобрели также горную кузню, приспособленную для перевозки на спине мула. В экспедициях против Онелья, Ормеа и Саорджио артиллерийский парк из 24 пушек следовал в горах с армией. Пушки были очень полезны, особенно по тому моральному воздействию, которое они оказывали на свои войска и на противника.

Пьемонтская армия, расположившаяся на равнинах и на холмистом предгорье Альп, имела между тем все в изобилии. Она отдыхала, пополняла потери и изо дня в день усиливалась прибывавшими новыми австрийскими батальонами, тогда как французская армия, расположенная по гребням главного хребта Альп, на полуокружности протяжением в 60 лье, от Монблана до истоков Танаро, гибла от голода и болезней. Пути сообщения были трудны, припасы редки и очень дороги. Сильно страдали лошади, а вся материальная часть армии была в плохом состоянии. Высокогорный воздух и плохая вода вызывали много заболеваний. Потери, которые армия несла в госпиталях, за три месяца были не меньше, чем на поле большого сражения; такая оборона была хуже и для финансов и для людей, чем наступление. Оборона Альп, помимо этих невыгод, имеет еще и другие, скрытые в топографических особенностях этой местности. Различные части армии, расположенные на этих вершинах, не могут поддерживать одна другую; они разобщены; для того чтобы пройти с правого фланга на левый, нужно 20 дней, тогда как армия, защищающая Пьемонт, располагаясь в прекрасных равнинах и может в несколько дней сосредоточить свои силы против места, которое она хочет атаковать. Комитет общественного спасения хотел, чтобы армия перешла в наступление. Наполеон имел по этому поводу в Кольмаре совещание с офицерами Альпийской армии, но соглашение достигнуто не было. Следовало сначала подчинить обе армии одному главнокомандующему.

В сентябре одна австрийская дивизия сосредоточилась на р. Бормида. Ее склады были устроены в Дего. Одна английская дивизия должна была высадиться в Вадо, и обоим этим частям

армии, соединившись, предстояло занять Савону и принудить Генуэзскую республику, лишенную всяких путей сообщения на море и на суше, к объявлению войны против Франции. Гавань Вадо заменила собой порт Онелья и стала служить пристанищем для английских крейсеров и морских корсаров. Они превали торговлю Генуи с Марселем. Начальник артиллерии предложил захватить позиции Сан-Джиакомо¹, Монтенотте и Вадо. Правый фланг армии оказался бы, таким образом, у ворот Генуи. Главнокомандующий Дюморбион отправился туда во главе трех дивизий, в составе 18 000 человек с 20 горными орудиями.

Наполеон руководил частью армии, которая прошла через перевал Бардинетто и проникла в Монферрат по шоссе, идущему вдоль Бормиды. 4 октября она расположилась на высоте Биестро и 5-го спустилась в равнину. Он надеялся обрушиться на тылы австрийской армии, но та заметила это и начала отступать на Кайро и Дего. Ее энергично преследовал французский авангард под начальством генерала Червони. Канонада продолжалась весь вечер 5 октября; в 10 часов вечера она еще была слышна. Австрийская армия отошла на Акви, бросив склады и пленных и потеряв тысячу человек.

Генерал Дюморбион не имел ни приказа, ни плана вступления войск в Италию; его кавалерия из-за недостатка фуража находилась на Роне. Начав преследовать противника, он отдалился бы от операционной линии и привлек бы на себя все силы австрийцев и сардинцев. Поэтому ему пришлось удовольствоваться этой разведкой, отойти через Монтенотте на Савону и стать на высотах Вадо, сохранив в долине Савоны одну заставу.

Артиллерия на побережье была расположена таким образом, что могла прикрывать французскую эскадру, стоявшую на этом рейде. Инженеры возвели сильные редуты на высотах Вадо, сообщающиеся дорогами через Сан-Джиакомо, Мелоньо, Сеттепани, Бардинетто, Сан-Бернардо с позициями, расположенными на возвышенностях Танаро. Такое растяжение правого фланга армии ослабляло ее позицию, но имело и ряд преимуществ: 1) оно позволяло армии господствовать над всей Западной Ривьерой и над всем побережьем, а также нарушало связь между австрийской и сардинской армиями и не позволяло им действовать согласованно с английским флотом; 2) оно обеспечивало свободное плавание из Генуи в Марсель, так как, командуя над всеми портами побережья, армия могла выставить батареи для защиты каботажного судоходства; 3) в таком положении армия могла поддерживать сторонников Франции в Генуе и упредить противника под стенами этого

¹ В подлиннике здесь и в дальнейшем вместо итальянского «Сан-Джиакомо» употребляется «Сен-Жак». — Р е д.

города, если бы тот захотел к нему направиться. Эта операция, расстроившая планы противника и укрепившая нейтралитет Генуи, получила отклик в Италии и подняла там большую тревогу. Аванпосты армии находились, таким образом, в 10 лье от Генуи, а разъезды и дозоры иногда приближались на 3 лье.

Конец осени Наполеон употребил на оборудование хороших батарей по побережью от Вадо до Вара, чтобы обеспечить плавание между Генуей и Ниццей. В январе он провел одну ночь на Тендском перевале, откуда с восходом солнца открылся вид на плодородные равнины, о которых он уже мечтал. «*Italiam! Italiam!*»¹

В течение зимы он несколько раз ездил в Тулон и Марсель для инспекции арсеналов и береговых батарей. Во время одной из таких поездок в Марселе царил большое возбуждение, и народный представитель Менье высказал ему свои опасения, как бы народные толпы не бросились к пороховым складам и к оружейным магазинам, находившимся в фортах Сен-Никола и Сен-Жан. Эти форты были разрушены народом во время революции. По просьбе этого представителя Наполеон составил проект возведения зубчатой стены, прикрывающей эти форты со стороны города. План этот был послан в Париж и охарактеризован в Конвенте как контрреволюционный, направленный к восстановлению фортов для использования их против патриотов Марселя. Конвент особым постановлением вызвал начальника артиллерии Марселя. Этим начальником был полковник Сюньи; он отправился в Париж, но при первом же допросе выяснилось, что план составлен не им. Тогда приказ явиться в Конвент был направлен начальнику артиллерии армии. В те времена террора обвинение было равносильно приговору. Наполеон потратил много усилий, чтобы рассеять подозрения и добиться отмены этого постановления. Это ему все же удалось, ибо начались передвижения противника. Народные представители писали, что его присутствие необходимо в армии, и побудил депутатов департамента Буш-дю-Рон отказать от своих обвинений.

IV

В течение 1792 и 1793 гг. французский флот господствовал на Средиземном море. После взятия Онелья контр-адмирал Трюге стал на якорь в Генуэзском порту, где и пробыл долгое время, и оттуда направил к Неаполю контр-адмирала Латуш-Тревия с десятью линейными кораблями. Командир порта вышел ему навстречу и предложил пропуск для шести кораб-

¹ «Италия! Италия!» (лат.). — Ред.

лей, заявив, что король не может принять более значительного числа кораблей, не нарушив своего нейтралитета. Адмирал обошелся без разрешения, бросил якорь перед окнами дворца и 16 декабря 1792 г. отправил на берег гражданина Бельвилля, который в мундире национальной гвардии был представлен королю кавалером Актоном. Он передал письмо контр-адмирала, в котором содержались следующие требования: 1) король должен заявить о своем нейтралитете; 2) он должен дезавуировать ноту своего посланника в Константинополе, в которой предлагалось Порте не принимать г-на Семонвилля в качестве французского посла. Он добился всего, что требовал: неаполитанский двор счел для себя за большое счастье, что так дешево отделался от этого неприятного визита.

В январе 1793 г. адмирал Трюге вышел из Генуи и стал на якорь в порту Аяччо, на острове Корсика. Там к нему присоединился транспорт с 4000 марсельцами, и он взял на суда 2000 человек линейных войск, которые Паоли, командир 23-й дивизии, передал в его распоряжение. С этими войсками он отправился к островам Сен-Пьер и овладел ими, оставил гарнизон в форту и бросил якорь 12 февраля перед Кальяри, столицей Сардинии. В тот же самый день 800 человек под начальством полковника Цезаря Колонна отплыли из Бонифачо в сопровождении корвета и предприняли контратаку в северной части Сардинии. Об этой экспедиции было известно уже шесть месяцев, и сардинцы к ней приготовились.

Они встретили ружейными выстрелами парламентаря, которого адмирал послал требовать сдачи Кальяри. Началась бомбардировка, и она еще продолжалась, когда к адмиральской эскадре прибыл, наконец, из Ниццы конвой с десантными войсками, которые составляла знаменитая марсельская фаланга численностью около 3200 человек. Немедленно был высажен десант. Тем временем контр-адмирал Латуш-Тревиль присоединился к эскадре со своими десятью кораблями. Все обещало полный успех, но ничто не смогло предотвратить поражение марсельской фаланги; прежде всего она отказалась штурмовать днем важную позицию, господствовавшую над городом. Ночью же одни колонны открыли огонь по другим, беспорядок достиг предела и отовсюду послышались крики об измене. Генерал Каза-Бьянка упрашивал адмирала вернуть войска на корабли; пришлось уступить. С помощью бомбардировки эскадра достигла довольно значительных результатов, но потеряла корабль «Леопард», который сел на мель, подойдя слишком близко к вражеским батареям. Поскольку экспедиция закончилась провалом, адмирал вернул в Италию различные вверенные ему части и ограничился тем, что прочно занял острова Сен-Пьер, эту столь важную промежуточную базу. В связи с объявлением войны Англии и Испании он получил

приказ вернуться в Тулон и отказаться, таким образом, от второй цели своей экспедиции, которая состояла в походе к Константинополю, для укрепления союза Порты с Францией и оказания воздействия на Россию. Марсельские войска были набраны наспех и руководимы клубами; во всех дружественных и нейтральных странах, где они высаживались, эти войска развертывали террор,— всюду искали аристократов или священников, жаждали крови и преступлений. Экипажи кораблей эскадры были полностью укомплектованы опытными матросами, но они постоянно митинговали и были заняты составлением и подписанием петиций, из-за чего на каждом корабле царила ужасающая анархия. Генерал Каза-Бьянка, командовавший десантом, был человек очень храбрый; он отличился при завоевании Савойи, но не имел опыта как главнокомандующий; к тому же у него были плохие войска и вовсе не было штаба. Он не мог достигнуть успеха. Это тот самый, который потом стал сенатором.

С марта 1793 г., когда Испания объявила войну Франции, соединенный англо-испанский флот господствовал в Средиземном море и крейсировал у генуэзского и прованского побережья. Тулонская измена уничтожила французский Средиземноморский флот. При обратном занятии города там оказалось только 18 судов и уцелела часть складов. Испанский флот, недовольный англичанами, возвратился в свои порты. В 1794 г. контр-адмирал Мартэн с десятью судами вышел из Тулона в открытое море; преследуемый более сильной английской эскадрой, он стал на якорь в заливе Жуан, где начальником артиллерии были оборудованы сильные батареи, чтобы прикрыть его с суши. Спустя некоторое время адмирал воспользовался попутным ветром и ушел в Тулон. Эта эскадра осенью пополнилась судами, вышедшими из тулонского арсенала.

В начале 1795 г. английский адмирал Хотхэм с 15 кораблями, в том числе четырьмя трехпалубными и двумя неаполитанскими, крейсировал между Корсикой и Италией. Адмирал Мартэн, имея эскадру в 16 военных кораблей и 100 транспортов с десантом в 10 000 человек, стоял на рейде Тулона. Мнения о назначении этих сил были различны, пока не прибыл член Конвента Летурнер (от департамента Ламанш), снабженный чрезвычайными полномочиями. Он объявил, что намерением Комитета общественного спасения является занять Рим, чтобы наказать тамошний двор за оскорбления, которые им ежедневно наносились, и отомстить за смерть Бассвилля. Бассвилль, французский агент при папе, в 1792 г. надел трехцветную кокарду, так же как и французские художники, находившиеся при академии. Большое число французских эмигрантов, живших в этой столице, подстрекали народ. 3 января 1793 г. чернь забросала на прогулке камнями карету Бассвилля. Его кучер свернул в сторону и увез Бассвилля домой. Двери дома

были взломаны. Басевилль получил штыковую рану в низ живота. Его поволокли по улицам в одной рубашке с вывалившимися внутренностями в руках и, наконец, бросили в гауптвахте на походную кровать, где он скончался на следующий день.

Испанский посол Азара, пытавшийся вступить за французских художников, сам подвергся опасности.

Это убийство возмутило всю Францию. Наступил момент отплатить за него, высадившись в устье Тибра и овладев Римом, где было много приверженцев Франции. В феврале 1795 г. в Тулоне был собран военный совет с целью высказать соображения о способах выполнения этого плана. Наполеон сказал, что эта экспедиция поставила бы под угрозу Итальянскую армию и окончилась бы поражением. Если все-таки намерены ее предпринять, то следовало бы одновременно захватить гору Аржентаро, Орбителло и крепость Чивита-Веккия и там высадить армию; ему казалось слишком мало 10 000 человек для нанесения такого удара. К тому же без кавалерии сделать это было нельзя. Нужно было взять на эскадру по меньшей мере 1500 лошадей для егерей или гусар, а это вместе с 500 артиллерийских и штабных лошадей значительно увеличило бы конвой. Армия, едва высадившись, была бы принуждена драться против 25 000—30 000 неаполитанцев, в том числе 5000 человек хорошей кавалерии. Ей также пришлось бы опасаться и австрийской дивизии, которая поспешила бы к ней из Ломбардии. Армии нельзя было рассчитывать на приверженцев в Риме, потому что эта операция долго продолжаться не могла. Отомстив за кровь Басевилля и наложив контрибуцию на город, армия должна была бы вновь погрузиться на суда. Даже при господстве на море такая операция, предпринятая лишь с 10 000 человек, была бы рискованна; без такого господства армия обрекалась на верную гибель. Это означало, что французская эскадра должна сперва выйти одна, разбить английскую эскадру и изгнать ее из Средиземного моря. После этого выйдет и конвой. Вслед за высадкой десанта эскадра и транспортные суда отправятся к Неаполю, чтобы тревожить тамошний двор и заставить его использовать свои силы только для защиты собственных границ. Народный представитель был особенно недоволен тем, что начальник артиллерии официально не одобрил его предложения, поскольку к мнению последнего присоединились и другие генералы. Моряки заявили, что для эскадры опасно, если транспорты выйдут в открытое море, пока в этих местах крейсирует неприятельский флот. Было решено, чтобы контр-адмирал Мартэн вышел в море один и прогнал англичан.

Он отплыл 1 марта. Прибыв к Сен-Флорану, он захватил английский 74-пушечный корабль «Бервик», выходивший

с этого рейда. Французская и английская эскадры встретились 8-го в Ливорнском канале. При виде противника решительность Летурнера ослабела: он приказал отступить. Английский флот в свою очередь начал тогда преследование. 13-го обе эскадры были на траверсе мыс Ноли — генуэзская Ривьера. Ночью 74-пушечный корабль «Меркурий» и трехпалубный «Санкюлот» отделились от эскадры. На следующий день с рассветом «Са Ира» — 74-пушечный корабль, лишившись мачты от столкновения с кораблем «Виктуар», потерял управление; «Сенсер» взял его на буксир. Оба флота были равны по числу кораблей, но не по силе; французская эскадра в 15 судов уменьшилась до 13, из которых не было ни одного трехпалубного. Английская эскадра из 13 судов имела четыре трехпалубных. Французская эскадра продолжала отступать, но не смогла избежать двух столкновений: «Сенсер» и «Са Ира» сражались против одного трехпалубного и двух 74-пушечных английских кораблей. «Тоннан», «Дюкен» и «Виктуар» вели бой весь день; остальные корабли французской линии не сражались. После упорного сопротивления «Сенсер» и «Са Ира» были захвачены. Эскадра стала на якорь у Иерских островов, куда подошли и «Санкюлот» с «Меркурием». «Са Ира» затонул на рейде Специи. Английский трехпалубный корабль «Илластриоз» затонул после боя. Таким образом, каждая из сторон потеряла по два корабля. Это был первый в ту войну бой на Средиземном море между двумя нациями. Следует думать, что если бы французская эскадра провела бой в Ливорнском канале, она сумела бы поддержать честь знамени.

Но это событие оказалось весьма удачным для республики. В случае успеха английские корабли ушли бы в Гибралтар, а наш конвой вышел бы в море. Эта плохо рассчитанная и лишенная разумной цели экспедиция могла иметь только самый печальный исход. Войска высадились и были отправлены в Ниццу, где очень пригодились два месяца спустя для обороны границы этого графства против атак австрийского генерала Девенса. Эта затея стоила несколько миллионов, но имела важные результаты. Великий герцог Тосканский признал республику и в качестве посла отправил в Париж графа Карлетти. Конвент принял его 14 марта 1795 г. Венецианская республика, отказавшаяся войти в коалицию и принявшая французского агента, назначила своим послом знатное лицо Квирини. Назначение его состоялось 14 марта. Генуя укрепилась в соблюдении нейтралитета. Неаполитанский король вступил в коалицию, как только английская и испанская эскадры приобрели господство на Средиземном море; он во многом содействовал обороне Тулона. Но этот государь, так же как Рим, король сардинский, герцоги моденский и пармский, должен был склониться перед мощью республики в кампанию 1796 г.

С 9 термидора (27 июля 1794 г.) юг Франции был в большом возбуждении. Марсельский революционный трибунал отправил на эшафот весь именитый торговый люд этого города. Якобинцы из народных клубов еще удерживали власть; они оплакивали гибель Горы и возмущались действовавшими тогда умеренными законами. С другой стороны, волновались остатки партии секций¹, хотя и ослабленной эмиграцией и всякого рода потерями; эту партию вдохновляла жажда мести. Население Тулона, все рабочие арсенала, экипажи эскадры шли за якобинцами; они с неудовольствием взирали на народных представителей Марьетта и Камбона, которых обвиняли в принадлежности к партии реакционеров. В этой обстановке один французский корабль привел в Тулон захваченное испанское судно. На нем было человек двадцать эмигрантов, главным образом членов семейства Шабрийян. Произошли шумные собрания в арсенале и на улицах: толпа бросилась к тюрьмам, чтоб перерезать этих несчастных. Народные представители отправились в арсенал; они держали речи и в зале, где собрались офицеры из администрации, и в мастерских среди рабочих, обещая в 24 часа предать эмигрантов суду чрезвычайной комиссии. Но так как они сами были под подозрением, то их речи были дурно истолкованы. Кто-то произнес во всеулышание: «На фонарь покровителей эмигрантов!» День был почти на исходе; начинали зажигать фонари. Шум становился ужасающим, толпа — все более беспокойной. Спешно прибыла национальная гвардия, но ее оттеснили. В это время начальник артиллерии заметил среди организаторов беспорядков нескольких канониров, служивших под его начальством при осаде Тулона. Он взобрался на помост; канониры заставили отнестись с уважением к своему генералу и соблюдать тишину. Ему удалось произвести выгодное впечатление и успокоить страсти слепой толпы. Народные представители вышли из арсенала целыми и невредимыми. Но еще больший беспорядок царил на улицах. У ворот тюрем сопротивление стражи начало ослабевать; он туда отправился; напор толпы удалось сдержать. Он пообещал, что на следующий день с рассветом эмигранты будут доставлены в суд и судимы. Было бы, однако, нелегко доказать то, что было очевидно, а именно, что поступки эмигрантов не подпадали под действие закона, ибо они не нарушили запрета возвращаться на родину. Ночью он распорядился усадить их в зарядные ящики и вывезти за город под видом артиллерийского транспорта. На Иерском рейде их ожидало судно, на которое они взошли и были таким образом спасены.

¹ То есть реакционных кругов. — Р е д.

Брожение в Тулоне возрастало все более и более, и, наконец, 30 мая чернь взялась за оружие и подняла восстание. Народные представители, находившиеся в городе, частью были арестованы, частью бежали. Но в Марселе народные представители одержали верх и двинулись против Тулона. Тулоицы вышли к ним навстречу с 3000 человек и двумя пушками. На высотах Кюж произошел бой. Победа клонилась на сторону тулоицев, пока не прибыл генерал Пакто с линейными войсками. Несколько дней спустя Тулон покорился. Эти события произошли через месяц после того, как Наполеон покинул Прованс.

VI

Правительственными комитетами был составлен список генералов, которые должны были быть назначены на должности в кампанию 1795 г. Большое число офицеров, удаленных из армии с конца 1792 г. и в 1793—1794 гг., были взяты на службу. Оказалось много артиллерийских генералов, которых нельзя было никуда назначить. Наполеону тогда исполнилось двадцать пять лет, он был самый молодой из всех. Его занесли в список пехотных генералов, с правом перевода в артиллерию, когда откроется вакансия. Он был принужден покинуть Итальянскую армию, когда Келлерман только что принял над ней командование. Он совещался с этим генералом в Марселе, сообщил ему все, что тот желал, и отправился в Париж. В Шатильон-сюр-Сен, у отца капитана Мармона, своего адъютанта, он узнал о событиях 1 прериаля и решил переждать там несколько дней, пока в столице не восстановится спокойствие.

Прибыв в Париж, Наполеон представился Обри, члену Комитета общественного спасения, который делал доклады о военных кадрах. Наполеон уведомил его, что он командовал артиллерией при осаде Тулона и в Итальянской армии в течение двух лет, организовывал береговую оборону Средиземного моря и что ему тяжело бросить род войск, в котором он служит с юности. Обри возразил, что артиллерийских генералов очень много, что он самый младший и, как только будет вакансия, его призовут. Но сам Обри еще за полгода до этого был капитаном артиллерии; он не воевал с начала революции и все же записал себя дивизионным генералом, инспектором артиллерии. Несколько дней спустя Комитет общественного спасения дал Наполеону приказ отправиться в Вандейскую армию для командования пехотной бригадой; в ответ он подал прошение об отставке. Между тем деятельность Обри вызывала много нареканий; перемещенные офицеры толпами стекались в Париж; многие из них были выдающимися людьми, но большинство не имело никаких достоинств и выдвинулось через

клубы; но все они, зная, что репутация Наполеона ничем не испятнана, в своих жалобах и петициях называли его как жертву несправедливости и пристрастности Обри.

Спустя восемь дней после того, как Наполеон подал в отставку и в то время, как он ожидал ответа из Комитета общественного спасения, Келлерман был разбит, потерял свою позицию у Сан-Джиакомо и написал, что, если ему срочно не помогут, он будет вынужден оставить даже Ниццу. Поднялась большая тревога. Комитет общественного спасения вызвал всех депутатов, побывавших в Итальянской армии, чтобы получить от них сведения. Все они единодушно назвали Наполеона, как лучшего знатока позиций, занимаемых армией, и как более всех способного указать, что следует предпринять. Он получил распоряжение явиться в Комитет и участвовал в ряде совещаний с Сийесом и Дульсе-Понтекуланом, Летурнером и Жаном Дебри. Он составил инструкции, которые были одобрены Комитетом. Он был назначен специальным декретом бригадным генералом артиллерии для особых поручений по руководству военными операциями, впредь до дальнейших распоряжений. Именно в этой должности он провел два или три месяца до 13 вандемьера.

VII

19 мая 1795 г. Келлерман принял командование Итальянской армией. Она была тогда на позициях, куда поставил ее Наполеон в октябре предыдущего года после боя у Кайро. Позиции эти были следующие: левый фланг (5000 человек) тянулся от Аржантьерского до Сабнионского перевала; центр под командованием генерала Маккара в составе 8000 человек занимал Сабнионский перевал, Тендский перевал, Monte¹ Бернар, Гинарелло; правый фланг занимал перевал Термини, высоты Ормеа, перевалы Сан-Бернардо, Бардинетто, Сеттепани, Мелоньо, Сан-Джиакомо, Мадона, Вадо; он состоял из 25 000 человек под начальством дивизионных генералов Серюрье, Лаварна и Массена.

Венский двор был сильно встревожен исходом боя у Кайро и диспозицией, которая была принята французской армией и конце 1794 г. Эта армия угрожала Генуе, потеря которой дала бы ей возможность пройти в Миланскую область. Придворный военный совет сосредоточил для кампании 1795 г. под командованием генерала Девенса армию в 30 000 австрийцев для действий совместно с Пьемонтской армией. Английская эскадра крейсировала у побережий Савоны и Вадо для содействия операциям австрийского генерала, перенесшего свою

¹ Гору (итал.). — Ред.

главную квартиру последовательно в Акви и в Дего, а оттуда двинувшегося на савонские возвышенности, которыми он и овладел 23-го; здесь он вошел в связь с английской эскадрой.

Генерал Девенс разделил свою армию на три корпуса, которые покинули горы 23 июня. Правый, состоявший из пяти колонн, атаковал левый французский фланг от перевала Термини до высот Ормеа; центральный — двинулся тремя главными колоннами, которые затем разделились на много меньших, и атаковал все позиции от Бардинетто до Сан-Джиакомо; левый — атаковал правый фланг на позициях у Вадо. 25-го и 26-го повсюду шел ожесточенный бой; французская армия сохранила свои позиции, кроме Мелоньского редута, перевала Спиардо и Сан-Джиакомского хребта. Владея Мелоньским редутом, противник угрожал центру армии. Эта позиция была удалена от Финале — на морском побережье — только на два лье. 27-го Келлерман, чувствуя всю важность возвращения ее, приказал атаковать, но потерпел неудачу. 28-го он начал отступление, очистил Сан-Джиакомо, Вадо, Финале и занял временную позицию; наконец, 7 июля, получив приказы Комитета общественного спасения в ответ на его донесения от 24, 25, 26, 27 и 28 июня, он тотчас же занял позицию Боргетто.

Келлерман был доблестный солдат, чрезвычайно энергичный, имел много ценных качеств, но был совершенно лишен способностей, необходимых для главнокомандующего. Во время этой войны он делал только ошибки. Комитет послал ему замечания:

«Армия в 1794 г. не растягивалась дальше высот Танаро и протянула свой правый фланг через Бардинетто, Мелоньо, Сан-Джиакомо только для того, чтобы помешать австрийской армии установить связь с английской эскадрой и чтобы поспешить на помощь Генуе, если противник пойдет на этот город морем или через Бокеттский перевал. Армия занимала Вадо не как оборонительную, но как наступательную позицию, чтобы было больше возможностей напасть на противника, если он покажется на Ривьере. Как только австрийцы двинулись на Савону, армия должна была тотчас же выступить и завязать бой, помешав им овладеть этим городом, и перехватить пути сообщения с Генуей. Поскольку же она этого не смогла сделать, то: 1) ей следовало очистить Вадо для того, чтобы опереться своим правым флангом на Сан-Джиакомо, 2) когда же вследствие результатов боя 25-го числа противник овладел Мелоньо и гребнем Сан-Джиакомо, ей следовало ночью, воспользовавшись успехом, которого добился на ее правом фланге генерал Лагарп, эвакуировать Вадо и использовать войска Лагарпа для усиления атаки на Сан-Джиакомо и Мелоньо; эта атака увенчалась бы полным успехом; 3) когда 27-го числа Келлерман решил атаковать Мелоньо, было еще время подтянуть правый фланг так, чтобы этот фланг принял участие в атаке,

использовав при этом новые преимущества, которых он добился 26-го в бою против левого фланга противника. Этот маневр еще мог обеспечить победу».

Эти замечания, написанные рукою мастера, очень изумили штаб, который, однако, скоро догадался, кем они были продиктованы.

На Западной Ривьере имеются для прикрытия графства Пицца и преграждения доступа на самую Ривьеру три линии, примыкающие правым флангом к морю и левым — к главному хребту гор. Первой линией является линия Боргетто, вторая — линия Монте-Гранде, третья — линия Таджа. Наполеоном задолго до этого были обследованы эти три линии в сопровождении помощника бригадного генерала Сент-Илера, доблестного и отличного офицера, покрывшего себя затем славой в сражениях и погибшего дивизионным генералом на полях Эсслинга. Линия Боргетто примыкала правым флангом к морю, у д. Боргетто, в одном лье от Лоаио, оканчиваясь холмом, господствующим над всей долиной Лоаио, а левым — примыкала к отдельно стоящей большой скале. Массена распорядился соорудить на этой скале редут, который в армии был назван Милый Гибралтар, в память о форте Мюрgrav в Тулоне; редут был напротив Шан-де-Претр. Оттуда коммуникации шли по обрывистым горам до высот, господствующих над Ормеа, Лоаио и Рокка-Барбона. Горы Сан-Бернардо и Гарессио находились вне этой линии и, естественно, принадлежали противнику, но Ормеа был защищен от него. Эта линия чрезвычайно сильна. Протяжение ее 5—6 лье, но почти повсюду она недоступна. Атаковать ее можно только через Сукарельский проход, где имеется одноименный замок, который подготовили к бою. Это был прекрасный боевой участок. В течение июля, августа и сентября Девенс несколько раз намеревался атаковать эту линию, но ни разу не рискнул сделать это серьезно. От Сукарелло линия уклоняется к Альбенга, проходя позади небольшого ручейка Арозоя: это надежная позиция на случай, если часть линии от Сукарелло до Боргетто будет форсирована.

Позиция Монте-Гранде, опирающаяся на перевалы Пиццо и Меццалуна и примыкающая к морю позади Сан-Лоренцо, является линией значительно менее хорошей, но все-таки очень сильной. Та линия, которая опирается правым флангом на устье р. Таджа, центром на Монте-Сеппо и левым флангом на Монте-Танарда и Ардентский перевал, откуда сообщается с Гендским перевалом, является менее сильной, чем линия Боргетто, но более сильной, чем линия Монте-Гранде. Первая линия прикрывает Онелья и все позиции Ривьеры от Онелья до Боргетто. Вторая линия прикрывает Онелья и Ормеа и все выходы из долины Танаро. Третья прикрывает всю часть Западной Ривьеры от Онелья до Сан-Ремо. Особенностью этой линии является то, что она защищает Сан-Ремо, и в случае не-

обходимости этот город можно оставить и опереться на Оспиталетто, между ним и Бордигера, образовав таким образом другую, не менее надежную линию. Противник может обойти первую линию через долину Танаро и, овладев Монте-Ариоло, угрожать затем нападением на Монте-Гранде и на Онелья, но Ормеа и Монте-Ариоло настолько близки от линии, что резервы могут служить для обороны и этих позиций. Ее можно обойти также через Тендский перевал, но это повело бы к изменению театра военных действий. Противник не смог бы произвести таких больших передвижений без того, чтобы об этом не стало известным, а тогда его можно было бы атаковать на марше и уничтожить войска, оставленные им перед линией Бордетто. Вторая линия и особенно третья имеют то преимущество, что их нельзя обойти по долине Танаро, которая находится вне их. Они примыкают к Ардентскому перевалу, вплоть до Тендского. Перевалы Арденте и Танарда не только содействуют обороне Тендского перевала, но даже в случае, если Тендский перевал будет форсирован, все равно перехватывают перед ущельем Саорджию дорогу, ведущую в Ниццу. Следовательно, если даже принять во внимание оборону только графства Ницца, то линию Таджа нужно считать за лучшую из всех потому, что она позволяет сосредоточить все войска в недалеком расстоянии от Тандского перевала и оборонять его.

VIII

Правительство решило, что командование Итальянской армией не под силу Келлерману. В сентябре оно отправило его командовать Альпийской армией и вверило Итальянскую армию генералу Шереру, бывшему главнокомандующему армией Восточных Пиренеев, ставшею ненужной в результате заключения мира с Испанией.

Шерер привел в Италию подкрепление из двух хороших дивизий. Австрийская армия также была усилена. Она не оправдала в кампанию 1795 г. надежд, возлагавшихся на нее двором, но все же достигла важных успехов: овладела Санджиакомской позицией и позицией Вадо, отрезала Геную и установила связь с английской эскадрой. В начале ноября французская армия занимала пятью дивизиями все ту же линию Бордетто: одна под начальством генерала Серюрье была в Ормеа, две дивизии под начальством генералов Массена и Лагарпа были в Сукарелло и в Капель-Веккино, а две под начальством генералов Ожеро и Соре — около Бордетто. В строю было 35 000—36 000 человек. Главная квартира австрийской армии была в Финале. Правый фланг армии, состоявший из пьемонтцев, находился в Гарессии; центр, под началь-

ством Аржанто,— в Рокка-Барбона, а левый фланг, целиком состоявший из австрийцев,— перед Лоано, где было возведено много редутов для обороны равнины. В строю было 45 000 человек. Осенние заболевания причинили ей, так же как и армии пьемонтской, значительные потери. Французской армии приходилось трудно. Наступившая осень побуждала к занятию зимних квартир. Шерер решился рискнуть на сражение, которое установило бы связь с Генуей и вынудило бы противника зимовать по ту сторону гор.

21 ноября вечером Массена перешел в наступление со своей дивизией и дивизией Лагарпа. На рассвете он атаковал неприятельский центр, расположенный в Рокка-Барбона, сбил его, преследовал по пятам, сбросил в Бормиду, овладел Мелоньо и закончил день, выставив авангард на высотах Сан-Джиакомо. 22-го на рассвете Серюрье вступил в перестрелку с правым флангом противника и сковал всю пьемонтскую армию. Ожеро повел наступление через Борретто, атаковал левый фланг противника и овладел всем его расположением. Противник быстро отошел на Финале и поспешно продолжал отступление на Савону, когда увидел, что Массена уже занимает сан-джиаккомские высоты. Серюрье, сковавший своими маневрами вдвое превосходящего противника, не неся при этом больших потерь, был усилен 23-го двумя бригадами. 24-го он предпринял серьезную атаку и отбросил пьемонтскую армию в укрепленный лагерь Чева. Армии австрийская и сардинская понесли очень чувствительные потери. Они оставили большую часть своей артиллерии, склады, обозы и 4000 пленных. Французская армия в этот день покрыла себя славой. Австрийская армия покинула всю генуэзскую Ривьеру и ушла на зимние квартиры на другую сторону Апеннин. Та и другая армии перешли на зимние квартиры. Коммуникации французов стали свободны. Главная квартира возвратилась в Ниццу. Так закончился 1795 год.

ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ 1796—1797 гг.¹

ГЛАВА I²

СОСТОЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ В 1796 г.

Сардинский король владел Савоией, графством Ницца, Пьемонт и Монферратом. Савоия и графство Ницца были у него отняты в кампании 1792, 1793, 1794 и 1795 гг., и французская армия заняла главный хребет Альп. Пьемонт и Монферрат, лежащие между р Тичино, пармскими владениями, Генуэзской республикой и Альпами, были населены 2 миллионами человек, так что число подданных сардинского короля достигало 3 миллионов, включая сюда 500 000 сардинцев, 400 000 савойцев и жителей Ниццкого графства. В мирное время армия сардинского короля насчитывала 25 000 человек. Его доходы были равны 25 миллионам. Во время кампании 1796 г. его армия с помощью английских субсидий и при чрезвычайном напряжении всех сил достигла 60 000 человек. Это были национальные войска, закаленные в долгой войне. Крепости Брунетто, Суза, Фенестрелла, Бар, Тортонна, Кераско, Алесандрия и Турин были в отличном состоянии, хорошо вооружены и полностью снабжены припасами. Эти крепости, расположенные у всех горных перевалов, позволяли считать данную границу неприступной.

Генуэзская республика, к югу от Пьемонта, состоявшая из Западной Ривьеры с побережьем в 30 лье и из Восточной с побережьем в 25 лье, насчитывала 500 000 жителей. Она держала под ружьем только 4000 человек, но в случае нужды все генуэзские граждане становились солдатами, а кроме того, призывались 8000—10 000 человек из императорских поместий

¹ Одиннадцать первых глав «Итальянской кампании» напечатаны с оригинального текста, с исправлениями, сделанными рукой Наполеона I. — Прим. франц. ред.

² В первой главе опущено географическое описание Италии, как не представляющее сейчас особого интереса. — Р е д.

и долин Фонтана-Буона. Небольшая крепость Гави обороняла Боккеттский перевал.

Республика Лукка, небольшая страна, расположенная вдоль Тосканского моря, имела 140 000 человек населения и 2 миллиона дохода. Герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла имели 500 000 жителей. Они граничили с Генуэзской республикой, рекой По и владениями Модены. Военные силы составляли 3000 человек, и доход был 4 миллиона.

Австрийская Ломбардия, отделенная от владений сардинского короля р. Тичино, от Швейцарии — Альпами, от герцогства Пармского — р. По и граничащая на востоке с владениями Венецианской республики, имела население в 1 200 000 человек. Главным городом ее был Милан; его цитадель была в хорошем состоянии. Эта часть Италии, принадлежащая Австрии, не имела вооруженных сил и даже платила налог за освобождение от рекрутских наборов. В Австрии имелся только один полк из итальянцев — полк Страсольдо. Павия, Милан, Комо, Лоди, Кремона и Мантуя составляли отдельные провинции Ломбардии. Укрепления Пиццигетоне на Адде были в плохом состоянии. Мантуя, хотя и запущенная, была хорошей крепостью.

Венецианская республика имела к западу от себя австрийскую Ломбардию, к северу — Кадорские Альпы, отделявшие Гироль от Каринтии, к востоку — Каринтию, Карниоль, Истрию и Далмацию. Ее население состояло из 3 миллионов человек. Она могла выставить армию в 50 000 человек. Ее флот господствовал в Адриатическом море. У нее имелось 13 полков из словенцев; это были хорошие солдаты. Бергамо, Брешиа, Кремона, Полезино, Верона, Виченца, Фельтре, Беллуно, Падуй, Бассано, Тревиза, Фриуль были ее владениями на правом берегу Изонцо; Истрия и Далмация составляли ее владения на адриатическом побережье.

Великое герцогство Модена состояло из герцогств Реджио, Модена и Мирандола. Оно граничило с р. По, с герцогством Пармским, легатством Болойским и Тосканскими Апеннинскими. Им управлял последний отпрыск дома Эсте. Наследницей была его дочь, жена эрцгерцога Фердинанда Австрийского. Герцог моденский был настоящий австриец. Войск у него имелось 6000 человек, были арсенал, артиллерийский склад и богатая казна. Население его владений превышало 400 000 человек.

Тоскана, ограниченная Средиземным морем, Апеннинскими республиками Генуэзской и Луккской и владениями папы, имела 1 миллион населения. Там царствовал эрцгерцог Фердинанд, брат императора. Войск у него было 6000 человек, доходы равнялись 15 миллионам франков. Важным торговым портом был Ливорно. Великий герцог тосканский признал Французскую республику в 1795 г.; он придерживался нейтра-

литета и был в мире со всеми. Тоскана и Венецианская республика были единственными итальянскими державами, преbывавшими в мире с Францией.

Папские владения граничили с р. По, Тосканой, Адриатическим и Средиземным морями и Неаполитанским королевством. Их население было равно 2 500 000 человек, из которых в трех легатствах — Болонском, Феррарском и Романьском — было 900 000 человек, в Комарке и вотчине св. Петра, включая сюда и Рим, — 1 600 000 человек. Анкона, порт на Адриатическом море, была плохо укреплена. Чивита-Веккия, порт на Средиземном море, была укреплена как следует. Папа имел армию в 4000 или 5000 человек.

Неаполитанское королевство, граничащее с папскими владениями и с морем, имело население в 6 миллионов человек, из которых 4 500 000 на континенте и 1 500 000 в Сицилии. Неаполитанская армия состояла из 60 000 человек, кавалерия была превосходна. Флот состоял из трех линейных кораблей и нескольких фрегатов.

Корсика принадлежала Франции с середины прошлого столетия. Ее население равнялось 180 000 человек; в то время Корсика была под властью Англии.

Остров Мальта имел население в 100 000 человек; им владел орден Мальтийских рыцарей¹.

Таким образом, в войсках итальянских держав было под ружьем 160 000 человек. Это количество можно было легко увеличить до 300 000 человек. Итальянская армия была более сильна пехотой, чем кавалерией. За исключением пьемонтцев и словенцев ее солдаты не представляли большой ценности.

ГЛАВА II

СРАЖЕНИЕ У МОНТЕНОТТЕ

I. План кампании. — II. Состояние армий. — III. Прибытие Наполеона в Ниццу (27 марта 1796 г.). — IV. Сражение у Монтенотте (12 апреля). — V. Сражение у Милезимо (14 апреля). — VI. Бой у Дего (15 апреля). — VII. Бой у Сан-Микеле (19 апреля). Сражение у Мондови (22 апреля). — VIII. Перемирие в Кераско (28 апреля). — IX. Следовало ли переправляться через По и удалиться еще более от Франции? — X. Аdjутант Мjурат проходит через Пьемонт и привозит в Париж известие о победах армии.

I

Сардинский король, прозванный по своему географическому и военному положению привратником Альп, имел в 1796 г. крепости у всех ведущих в Пьемонт перевалов. Чтобы проникнуть в Италию через Альпы, нужно было овладеть одной или несколькими из этих крепостей. Дороги не позволяли везти

¹ В подлиннике — «Св. Иоанна Иерусалимского». — Ред.

с собой осадную артиллерию. Горы покрыты снегом три четверти года, и осаде крепостей можно было уделить только очень короткое время. У Наполеона зародилась мысль обойти все Альпы и вступить в Италию через такое место, где эти высокие горы обрывались и где начинались Апеннины. Моиблан является самой высокой точкой Альп, откуда цепь этих гор идет, понижаясь, к побережью Адриатического моря, а также к побережью Средиземного моря до горы Сан-Джиакомо, где они заканчиваются и где начинаются Апеннины, постепенно поднимающиеся к горе Велино у Рима. Гора Сан-Джиакомо, следовательно, является самой низкой точкой Альп и Апеннин — и тем местом, где оканчиваются одни и начинаются другие. Савона, морской порт и крепость, была расположена так удачно, что могла служить складочным местом и опорным пунктом для армии. От этого города до Мадоны 3 мили. Туда вело шоссе. От Мадоны до Каркаре 6 миль. Эту дорогу можно было сделать проходимой для артиллерии в несколько дней. В Каркаре имелись колесные дороги, ведущие в глубь Пьемонта и Монферрата. Это место было единственным, по которому можно было войти в Италию, не встречая гор. Повышение местности здесь настолько незначительное, что впоследствии, во времена империи, возник проект построить канал для соединения Адриатического моря со Средиземным по рекам По, Танаро, Бормида и по системе шлюзов от Бормиды до Тавоны. Проникая в Италию через Савону, Кадибону, Каркаре и Бормиду, можно было рассчитывать отделить сардинскую армию от австрийской, потому что это создавало одинаковую угрозу Ломбардии и Пьемонту. Можно было двинуться как на Милан, так и на Турин. Пьемонтцам было выгоднее прикрывать Турин, австрийцам же — Милан.

II

Неприятельскими войсками командовал генерал Болье, отличный офицер, получивший известность в кампаниях на севере. Войска были снабжены всем, что могло сделать их опасными. Они состояли из австрийцев, сардинцев и неаполитанцев, превышали по численности французскую армию вдвое и должны были постепенно увеличиваться контингентами из неаполитанских, папских, моденских и пармских областей. Армия разделялась на две большие группы: австрийская армия в составе четырех пехотных дивизий (42 батальона, 44 эскадрона и 140 пушек) силою в 45 000 человек, под начальством генералов д'Аржанто, Меласа, Вукасовича, Липтая и Себоттендорфа, и сардинская армия, которая состояла из трех пехотных и одной кавалерийской дивизий, всего 25 000 человек и 60 пушек. Последняя находилась под командой австрийского гене-

рала Колли и генералов Провера и Латура. Остальные сардинские войска или составляли гарнизоны крепостей, или под командованием герцога Аосте обороняли границу от французской Альпийской армии.

Французская армия состояла из четырех действующих пехотных и двух кавалерийских дивизий под начальством генералов Массена, Ожеро, Лагарпа, Серюрье, Стенжеля и Кильмэна. Армия имела 25 000 человек пехоты, 2500 кавалерии, 2500 артиллерии, саперные, хозяйственно-административные части и т. д., всего 30 000 человек под ружьем. Списочный состав армии насчитывал 106 000 человек, но 36 000 человек были в плену, умерли или дезертировали. Давно уже собирались провести очередную ревизию, чтобы вычеркнуть их из списков. 20 000 находились в 8-м военном округе, неся службу в Тулоне, в Марселе, в Авиньоне, от устья Роны до устья Вара. Они могли быть использованы только для обороны Прованса и подчинялись министерству. Оставалось еще 50 000 человек на левом берегу Вара. Из них 5000 человек лежали в госпиталях, 7000 человек состояли в запасных пехотных, кавалерийских (2500 человек без лошадей) и артиллерийских частях. Только 33 000 человек были в состоянии выступить в поход. 8000 человек пехоты и артиллерии составляли гарнизоны Ниццы, Вильфранша, Монако, генуэзского и саорджиоского побережья и стояли в сторожевом охранении на главном хребте Альп от Аржантьерского перевала до Танаро. Кавалерия была в самом дурном состоянии; она долго отдыхала на Роне, но и там плохо обстояло дело с фуражом.

В арсеналах Ниццы и Антиба было много артиллерии, но не доставало перевозочных средств. Все упряжные лошади пали от голода. Финансы были истощены настолько, что, несмотря на все усилия, правительство могло дать армии для открытия кампании только 2000 луйдоров золотом и на 1 миллион векселей, часть которых была протестованными. В армии чувствовался недостаток во всем, и надеяться на получение чего-либо из Франции было нельзя. Армия должна была рассчитывать только на победу. Только в равнинах Италии могла она организовать свой транспорт, запрячь артиллерию, одеть солдат и отремонтировать кавалерию. Между тем во французской армии было только 30 000 человек и 30 пушек. Ей противостояли 80 000 человек и 200 пушек. В генеральном сражении численная слабость, недостаток артиллерии и кавалерии не позволили бы ей долго сопротивляться. Следовательно, ей надо было восполнить недостаток численности быстротой переходов, недостаток артиллерии — характером маневрирования, недостаток кавалерии — выбором соответствующих позиций. Моральное состояние французских солдат было превосходное. Они отличались и получили воинскую закалку на вершинах Альп и Пиренеев. Лишения, бедность и нищета — школа хорошего солдата.

Наполеон прибыл в Ниццу 27 марта. Состояние армии, описанное ему генералом Шерером, оказалось еще хуже, чем можно было представить. Хлебом снабжали плохо, мяса не выдавали уже давно. Для перевозок было только 500 мулов. Нельзя было и думать везти с собой больше 30 пушек. Положение ухудшалось с каждым днем, нельзя было терять ни минуты. Армия не могла больше существовать там, где она находилась, следовало или идти вперед, или отступать. Он отдал приказ двинуться вперед, чтобы застать противника врасплох и ошеломить его блестящими и решительными успехами. Главная квартира с начала войны ни разу не покидала Ниццу. Он и ее двинул в поход, направив в Альбенгу. Аппарат управления всегда смотрел на себя как на неподвижное учреждение и больше заботился о своих бытовых удобствах, чем о потребностях армии.

Производя смотр войскам, Наполеон сказал: «Солдаты, вы раздеты, плохо питаетесь, правительство вам много задолжало и ничего не может дать. Ваше терпение и храбрость, которые вами выказаны среди этих скал, изумительны, но они не приносят вам никакой славы, их блеск не отражается на вас. Я хочу повести вас в самые плодородные равнины мира. Богатые области, большие города будут в вашей власти. Вы найдете там почести, славу и богатство. Солдаты Итальянской армии, неужели не хватит у вас храбрости и выдержки?» Эта речь молодого, двадцатишестилетнего генерала, имя которого заставляло вспомнить действия под Тулоном, Саорджо и Кайро, была встречена одобрительными восклицаниями.

Для того, чтобы обойти Альпы и вступить в Италию через Кадибонский перевал, следовало всю армию собрать на ее крайнем правом фланге. Эта операция была бы опасной, если бы снега не покрывали все отроги Альп. Переход из состояния обороны в наступление есть одна из самых сложных операций. Серюрье со своей дивизией был поставлен в Гарессно для наблюдения за позициями Колли около Чева, а Массена и Ожеро — в Лоано, Финале и Савоне. Части Лагарпа были расположены так, чтобы угрожать Генуе; его авангард, под командой бригадного генерала Червони, захватил Вольтри. Французский посланник потребовал в генуэзском сенате пропуска армии через Боккетский перевал и ключей от форта Гави, зная, что французы намерены проникнуть в Ломбардию и опираться в своих действиях на Геную. В городе поднялась суматоха: сенат, советы заседали непрерывно. Отзвуки этой суматохи чувствовались в Милане.

Встревоженный Болье немедленно двинулся на помощь Генуе. Он перенес свою главную квартиру в Нови, разделив армию на три части: правый фланг, состоявший из пьемонтцев под командой Колли с главной квартирой в Чева, получил задачу оборонять линию рек Стура и Танаро; центр под командой д'Аржанто, имея главную квартиру в Саселло, двинулся на Монтенотте, чтоб отрезать французскую армию во время ее перехода к Генуе, обрушившись на ее левый фланг и перехватив в Савоне прибрежную дорогу. Лично Болье с левым флангом двинулся через Бокетта на Вольтри для прикрытия Генуи.

На первый взгляд эти распоряжения кажутся очень разумными, но если разобраться в условиях местности, то становится ясно, что Болье разбросал свои силы потому, что между его центром и левым флангом не было путей сообщения, кроме идущих позади гор, тогда как французская армия, наоборот, была расположена таким образом, что могла сосредоточиться в несколько часов и обрушиться всею массою на отдельные корпуса противника; поражение же одного из них неминуемо влекло за собой отступление другого.

Генерал д'Аржанто, командующий центром неприятельской армии, занял Нижнее Монтенотте 10 апреля. 11-го он выступил на Монтеледжино, чтобы через Мадону выйти к Савоне. Полковник Рампон, которому была поручена оборона трех редутов Монтеледжино, узнав о движении противника, выслал ему навстречу сильную разведку. Она возвратилась назад между двенадцатью и двумя часами дня. Д'Аржанто попытался захватить редуты с хода; три его последовательные атаки были отражены Рампоном. Так как его войска утомились, он занял позицию с расчетом на следующий день окружить редуты и взять их. Болье со своей стороны вышел 10-го к Генуе. В тот же день он атаковал генерала Червони перед Вольтри. Червони оборонялся целый день. 11-го числа он занял позицию на горе Фурш, вечером и ночью снялся с нее и присоединился к своей дивизии (Лагарпа), занявшей 12-го до рассвета позицию позади Рампона на Монтеледжино. Ночью Наполеон с дивизиями Ожеро и Массена вышел через Кадибонский перевал и Кастелаццо за Монтенотте. С рассветом 12-го д'Аржанто, окруженный со всех сторон, был атакован с фронта Рампоном, с тыла и с флангов Лагарпом и Массена; поражение было полным: войска противника были перебиты, взяты в плен или рассеяны. Четыре знамени, пять пушек и 2000 пленных составили трофеи этого дня.

В то же самое время Болье появился в Вольтри, но уже никого там не застал. Он завязал там беспрепятственно сношения с английским адмиралом Нельсоном. Только днем 13-го

тот генерал узнал о поражении под Монтенотте и о выходе французов в Пьемонт. Ему пришлось быстро повернуть свои войска назад и снова двигаться по тем же плохим дорогам, какими его заставил пользоваться принятый им план. Обход получился столь дальний, что только часть его войск могла два дня спустя прибыть в Миллезимо, и потребовалось 12 дней для эвакуации складов из Вольтри и Бокетта. Для обеспечения эвакуации ему пришлось оставить там часть войск.

V

12 апреля главная квартира армии прибыла в Каркаре. Пьемонтцы отступили на Миллезимо, а австрийцы на Дего. Эти две позиции имели связь через пьемонтскую бригаду, занимавшую высоты Биестро. В Миллезимо пьемонтцы оседлали дорогу, прикрывающую Пьемонт. К ним присоединился Колли со всеми, кого он мог снять с правого фланга. В Дего австрийцы стояли на позиции, защищающей дорогу в Акви,— прямой путь в Миланскую область. К ним присоединился Болие со всем тем, что он смог вывести из Вольтри. Занимая данную позицию, этот генерал мог получать все подкрепления, какие была способна дать ему Ломбардия. Таким образом, два основных выхода в Пьемонт и в Миланскую область были прикрыты. Противник надеялся, что у него хватит времени укрепиться на них. Каковы бы ни были преимущества, полученные французами в результате сражения у Монтенотте, превосходство в численности дало противнику возможность восполнения своих потерь. Но 14 апреля сражение у Миллезимо открыло обе дороги — и в Турин и в Милан.

Ожеро с левым флангом армии двинулся на Миллезимо, Массена с центром направился на Биестро и Дего, а Лагарп с правым флангом пошел на высоты Кайро. Таким образом, французская армия занимала четыре лье пространства от правого фланга к левому. Противник, заняв холм Коссария, господствовавший над обоими рукавами Бормиды, опирался на него своим правым флангом. Но 13-го генерал Ожеро, войска которого не участвовали в сражении под Монтенотте, ударил в правый фланг противника с такой стремительностью, что выбил его из миллезимских ущелий и окружил холм Коссария. Австрийский генерал Провера с его арьергардом силою в 2000 человек был отрезан. В этом безнадежном положении он отбивался отважно. Провера укрылся в старом разрушенном замке и там забаррикадировался. С этой высоты ему был виден правый фланг сардинской армии, подготавливавшийся к бою на следующий день. Провера надеялся, что эти войска его выручат. Наполеон понимал необходимость овладеть замком Коссария в тот же день, 13-го. Но эта позиция была слишком

сильной, несколько атак захлебнулись. На следующий день началось сражение между двумя армиями. После упорного боя Массена и Лагарп захватили Дего, а Менар и Жубер — высоты Биестро. Все атаки Колли для выручки Коссарии были тщетны; он был разбит и преследуем по пятам. Тогда Прове-ра, отчаявшись, сложил оружие. Неприятель, энергично преследуемый по ущельям Спиньо, по дороге в Акви, 400 всадниками 22-го конно-егерского, 7-го гусарского и 15-го драгунского полков, оставил 30 орудий с упряжками, 60 зарядных ящиков, 15 знамен и 6000 пленных, среди которых находились два генерала и 24 старших офицера. Главнокомандующий находился повсюду в наиболее решительные минуты.

С этих пор разделение армий австрийской и сардинской стало ярко выраженным. Болье перенес свою главную квартиру в Акви, по дороге в Миланскую область, а Колли направился в Чева прикрывать Турин и предотвратить соединение Серюрье с главными силами.

VI

Между тем 15 апреля в 3 часа утра в Дего прибыла австрийская гренадерская дивизия Вукасовича, направленная из Вольтри через Саселло. На позиции оставались лишь несколько французских батальонов. Гренадеры легко захватили селение, и во французской главной квартире поднялась большая тревога. Трудно было понять, каким образом противник мог оказаться в Дего, когда аванпосты, выставленные на дороге в Акви, не были потревожены. Наполеон двинулся туда. После двухчасового жаркого боя Дего был взят обратно, и неприятельская дивизия почти вся была пленена или перебита. Победу обеспечил помощник генерала Ланюсс, впоследствии дивизионный генерал, павший в 1801 г. на поле сражения у Александрии, в Египте. В момент, когда исход боя еще не определился, он во главе двух батальонов легких войск взобрался по левому откосу холма Дего. Батальоны венгерских гренадер ринулись, чтобы помешать их подъему. Обе французские колонны три раза принимались двигаться вперед и были отброшены назад. В третий раз Ланюсс, подняв шляпу на конце своей шпаги, отважно выступил вперед и обеспечил победу. За этот поступок, происшедший на глазах у главнокомандующего, он был произведен в чин бригадного генерала. Генералы Косс и Банель были убиты. Они прибыли из армии Восточных Пиренеев. Офицеры, служившие в этой армии, выказали исключительную храбрость и напористость.

В Дего Наполеон в первый раз заметил одного батальонного командира, которого назначил командиром полка, — это был Ланн, сделавшийся впоследствии маршалом империи, гер-

погом Монтебелло и выказавшим величайшие дарования. В дальнейшем он принял большое участие во всех событиях.

После сражения у Дега боевые действия были направлены против пьемонтцев. В отношении австрийцев удовлетволялись тем, что оказывали им сопротивление. Лагарп наблюдал за Сан-Бенедетто на р. Бельбо. Боем занимался лишь сбором и переформированием остатков своей ослабленной армии. Дивизия Лагарпа, принужденная задержаться несколько дней на этой позиции, страдала от недостатка продовольствия и транспорта, а также истощения местности, где перебивало столько войск. В дивизии имели место случаи грабежа.

Серюрье, узнав в Гарессии о сражениях у Монтенотте и Миллезимо, овладел высотой Сан-Джованни ди-Муриальто¹ и вошел в Чева в тот же день, когда Ожеро прибыл на высоты Монте-Чемото. 17-го Колли после безуспешного сопротивления очистил укрепленный лагерь Чева, переправился через Танаро и отошел за р. Корсалья, заняв правым флангом Мадона-Вико. В тот же самый день главнокомандующий перенес свою главную квартиру в Чева. Противник бросил здесь полевую артиллерию, увезти которую у него не было времени, и ограничился тем, что оставил гарнизон в форту.

Прибыв на высоты Монте-Чемото, армия залюбовалась величественным зрелищем: перед ней открывался вид на обширные и плодородные равнины Пьемонта; По, Танаро и другие реки извивались вдали; белый пояс снега и льда, протянувшийся на головокружительной высоте, стягивал у горизонта этот богатый бассейн земли обетованной. Пали, как бы по волшебству, чудовищные препятствия, казавшиеся гранью иного мира, которые природа создала такими грозными, а люди, ничего не жалея, еще усилили своим искусством. «Ганнибал форсировал Альпы,—сказал Наполеон, устремив свой взор на эти горы,—ну, а мы их обошли». Удачная фраза, выразившая в двух словах смысл и сущность кампании.

Армия переправилась через Танаро. Теперь, когда она в первый раз очутилась на равнине, почувствовалась необходимость иметь кавалерию; командовавший ею генерал Стенжелъ переправился через Корсалья у Лезеньо и произвел разведку местности. Главная квартира прибыла в замок Лезеньо, на правом берегу этой реки, около впадения ее в Танаро.

VII

20 апреля генерал Серюрье двинулся через мост Сан-Микеле², чтобы атаковать правый фланг армии Колли, в то время

¹ В подлиннике вместо итальянского «Сан-Джованни Ди-муральто» стоит французское «Сен-Жан де Мюрнальто». — Р е д.

² В подлиннике вместо итальянского «Сан-Микеле» стоит французское «Сен-Мишель». — Р е д.

как Массена переправился через Танаро для обхода ее левого фланга. Но Колли, понимая, что его позиция плоха, оставил ее в течение ночи и сам двинулся на свой правый фланг, чтобы расположиться у Мондови. Случайно перед Сан-Микеле он по счастливому для него стечению обстоятельств очутился у переправы в то самое время, когда Серюрье спускался с моста. Колли остановился, развернул численно превосходящие силы и вынудил Серюрье к отступлению. Однако Серюрье мог бы удержаться в Сан-Микеле, если бы один из его легких пехотных полков не бросился грабить. 22-го Серюрье перешел через мост в Торре, Массена — в Сан-Микеле и главнокомандующий — в Лезеньо. Эти три колонны направились на Мондови. Колли возвел уже здесь несколько редутов и занял позиции правым флангом в Мадона-Вико и левым флангом в Бикок. Серюрье овладел редутом Бикок и решил участь сражения у Мондови. Этот город со всеми складами попал в руки победителя.

Генерал Стенжель с отрядом всадников, превышавшим тысячу человек, преследуя противника по равнине, слишком отдалился от своих и был атакован отважной пьемонтской кавалерией, бывшей в очень хорошем состоянии. Он отдал все необходимые распоряжения, которые можно было ожидать от опытного генерала. При отходе на соединение с подкреплениями, во время атаки, он пал, смертельно раненный сабельным ударом. Полковник Мюрат во главе трех кавалерийских полков отбросил пьемонтцев и в свою очередь преследовал их в течение нескольких часов. Генерал Стенжель, эльзасец, был превосходный гусарский офицер. Он служил под командой Дюмурье и в других кампаниях на севере, был ловкий, толковый, проворный человек. В нем сочетались достоинства молодости и зрелых лет. Это был настоящий боевой генерал. За два или три дня до его смерти, когда он первым вошел в Лезеньо, туда несколькими часами позже прибыл главнокомандующий, и что бы последний ни потребовал, все было готово: дефиле и броды разведаны, проводники найдены, священник и почтмейстер опрошены, сношения с жителями налажены, в различных направлениях высланы шпионы, письма с почты захвачены, и те из них, которые могли дать сведения военного характера, переведены и изучены, приняты все меры для оборудования продовольственных складов. К несчастью, Стенжель был близорук — существенный недостаток в его положении, оказавшийся для него роковым.

В этом сражении пьемонтцы потеряли 3000 человек, восемь пушек, десять знамен, 1500 пленных, среди которых трех генералов. После сражения у Мондови главнокомандующий двинулся в Кераско. Серюрье направился на Фоссано и Ожеро — на Альба. Болье из Акви с половиной своей армии двинулся

на Ницца-делла-Палья для производства диверсии в пользу пьемонтцев, но слишком поздно. Узнав о перемирии в Кераско, он отошел на По.

VIII

Эти три колонны одновременно вступили в Кераско, Фоссано и Альба. Главная квартира Колли была в Фоссано; Серюрье его оттуда выдворил.

Кераско, расположенный у слияния Стуры и Танаро, был крепостью сильной, но плохо вооруженной и совсем без продовольствия, так как находился не на границе. Это приобретение было важным. Тотчас же крепость стали приводить в состояние готовности, а артиллерийские склады были заполнены всем необходимым для завершения ее вооружения. Французский авангард перешел Стуру и продвинулся вперед за небольшой городок Бра. Между тем подход Серюрье позволил связаться через Понте-ди-Нава с Ниццей, откуда стали прибывать материальная часть и подкрепления для артиллерии. Армия в этих боях захватила много пушек и лошадей. Много их было захвачено на равнине Мондови. Через несколько дней после вступления в Кераско армия имела 60 орудий с запасом снарядов и хорошими упряжками.

Солдаты, остававшиеся в течение десяти дней без продовольствия, стали получать его регулярно. Грабеж и бесчинства — обычное следствие быстрых передвижений — прекратились. Была восстановлена дисциплина. Армия быстро изменила свой облик в обстановке изобилия и богатых ресурсов этой прекрасной страны. Кстат и потери не были так велики, как можно было думать. Быстрота передвижений, стремительность войск и особенно искусство противопоставлять их неприятелю по меньшей мере в равном, а часто и в превосходном числе, в соединении с постоянными успехами, которых войска добивались, — все это сберегло много людей. К тому же потери все время возмещались, так как солдаты стали прибывать через все перевалы, со всех сборных пунктов, из всех госпиталей генуэзской Ривьеры, едва только пронесся слух о победе и изобилии. До тех пор нищета во французской армии была неопишима: офицеры в течение многих лет получали только по 8 франков в месяц жалованья, а штаб совершенно не имел коней. В бумагах маршала Бертье сохранился альбенгский приказ о выдаче в награду каждому дивизионному генералу по три лундора.

Кераско лежит в 10 миль от Турина, в 15 — от Александрии, в 18 — от Тортоны, в 25 — от Генуи и в 20 — от Савоны. Сардинский двор не знал, на что решиться; его армия пала духом и частью была уничтожена. Австрийская армия думала только

о том, как прикрыть Милан. Весь Пьемонт был сильно возбужден. Двор не пользовался никаким доверием. Он склонился перед Наполеоном и просил перемирия. Многие предпочитали, чтобы армия двинулась на Турин, но Турин был сильной крепостью, и нужны были тяжелые орудия, чтобы разбить ворота. У короля оставалось еще много крепостей, и, несмотря на победы, которые были только что одержаны французами, малейшая их неудача, малейший каприз фортуны могли все перевернуть вверх дном. Две неприятельские армии вместе все еще превосходили французскую, несмотря на все поражения. Они имели значительную артиллерию и особенно кавалерию, еще не имевшую потерь.

Французская армия, несмотря на ее победы, была смущена. Она была поражена величием предприятия. Офицеры, даже генералы, не понимали, как можно думать о завоевании Италии с такой небольшой артиллерией, такой плохой конницей и такой слабой армией, которую болезни и удаление от Франции все больше ослабляли с каждым днем. Следы таких настроений в армии нашли отголосок в приказе, с которым главнокомандующий обратился к солдатам в Кераско:

«Солдаты, в течение 15 дней вы одержали шесть побед, взяли 21 знамя, 55 пушек, несколько крепостей и завоевали самую богатую часть Пьемонта, вы захватили 15 000 пленных, убито и ранено вами более 10 000 человек.

До этого времени вы дрались за бесплодные скалы, осененные вашей славой, но бесполезные для отечества. Ныне вы по вашим заслугам сравнялись с армией Голландии и Рейна.

Лишенные всего, вы сами позаботились обо всем. Вы выигрывали сражения без пушек, переходили реки без мостов, шли форсированным маршем без обуви, отдыхали без водки и часто без хлеба. Только республиканские фаланги, только солдаты свободы способны перенести то, что перенесли вы. Да возблагодарят вас за это, солдаты! Признательное отечество обязано вам своим процветанием, и если вы, тулонские победители, провозвестили бессмертную кампанию 1794 г., то ваши теперешние победы предвещают еще более славную.

Обе армии, которые недавно были смело атакованы вами, в страхе бежали от вас. Развращенные люди, смеявшиеся над вашей нищетой и радовавшиеся в своих мечтах успехам ваших врагов, смущены и трепещут. Но, солдаты, вы ничего не сделали, потому что у вас осталось еще дело. Ни Турин, ни Милан не взяты вами. Прах победителей Тарквиния еще топчут убийцы Бассвилля!¹ Говорят, что среди вас встречаются такие, мужество которых слабеет, кто предпочитает вернуться на вершины Апеннин и Альп. Нет, я не могу этому поверить. Побе-

¹ «Победители Тарквиния» — древнеримские республиканцы. Бассвилль — представитель республиканской Франции в Риме, убитый в 1793 г. (См. выше, стр. 36.) — Р е д .

дители при Монтенотте, Миллезимо, Дего, Мондови горят желанием еще дальше распространить славу французского народа!..»

Совещание о перемирии происходило в главной квартире, в доме Сальматориса, в то время дворцового сардинского короля, а впоследствии префекта дворца Наполеона. Пьемонтский генерал Латур и полковник Лас Косте¹ участвовали как представители короля. Граф Латур был старый солдат, генерал-лейтенант сардинской службы, противник всяких новых идей, человек мало образованный, посредственных способностей. Полковник Лас Косте, уроженец Савойи, был в расцвете сил. Он был красноречив, остроумен и производил выгодное впечатление. Условия, выставленные французами, были следующие: король должен был выйти из коалиции и послать уполномоченного в Париж для заключения окончательного мира. До этого времени сохранится состояние перемирия. Чева, Кони, Тортона или, взамен ее, Алессандрия немедленно должны быть переданы французской армии со всей артиллерией и складами. Французская армия будет занимать всю местность, находящуюся в ее обладании к моменту заключения перемирия. Военные дороги во всех направлениях будут открыты для свободного сообщения из армии во Францию и обратно. Валенца будет эвакуирована неаполитанцами и немедленно передана французам на то время, пока они не закончат переправу через р. По. Местная милиция разоружается, а регулярные войска распределяются по гарнизонам таким образом, чтобы никак не тревожить французскую армию.

Теперь австрийцев, оставшихся в изоляции, можно было преследовать в глубь Ломбардии, а освободившуюся часть войск Альпийской армии перевести в Италию. Протяжение коммуникаций с Парижем сокращалось наполовину. Наконец, были получены опорные пункты и большие артиллерийские склады для формирования осадного парка и осады самого Турина, если Директория не согласится на мир.

IX

Вслед за заключением перемирия и по занятии крепостей Кони, Тортона и Чева возник вопрос, нужно ли идти вперед и до каких пор. Считали, что перемирие, по которому сдавались все крепости и пьемонтская армия отделялась от австрийской, было полезно. Но не выгоднее ли прежде, чем идти дальше, воспользоваться приобретенными средствами, чтобы произвести сперва революцию в Пьемонте и Генуе?

Французское правительство имело право отказаться от переговоров и объявить свою волю, предъявив ультиматум. Но

¹ Начальник штаба пьемонтской армии. — Прим. франц. ред.

так далеко удалиться от Франции и переправиться через Тичино, не будучи спокойным за свой тыл, было бы неполитично.

Короли Сардинии, которые были так полезны Франции, пока оставались верны ей, всего более способствовали ее неудачам, как только изменили свою политику. Намерения врагов Франции при этом дворе не могли создавать даже малейших иллюзий. При дворе этом господствовали дворяне и духовенство — непримиримые враги республики. Если бы французы двинулись вперед и потерпели неудачу, чего не следовало бы ожидать от их ненависти? Даже Генуя вызывала большие сомнения. В ней по-прежнему господствовала олигархия, и приверженцы Франции, как бы много их ни было, не имели влияния на политику. Генуэзские буржуа были хорошими ораторами, но этим и ограничивались их возможности. Управляли олигархи, они командовали войсками и располагали 10 000 крестьян долин Фонтана-Буона и других, которых они призывали на помощь в случае нужды. Где же следовало остановиться после переправы через Тичино? Нужно ли было переправляться через Адду, Олио, Минчио, Адидже, Brentу, Пьяве, Тальяменто, Изонцо? Мудро ли оставлять у себя в тылу такое многочисленное и враждебно настроенное население? Не лучше ли, чтобы продвинуться дальше, идти тише, создавая себе опору во всех занятых странах, сменяя правительства и вверяя управление людям, придерживающимся одинаковых взглядов с нами и имеющим те же интересы? Если французы дойдут до венецианских владений, не будет ли вынуждена эта республика, располагающая пятидесятитысячным войском, перейти на сторону противника?

На это возражали: французская армия должна использовать свою победу; она должна остановиться только там, где имеется наилучшая оборонительная линия против австрийской армии, которая обязательно выйдет из Тироля и Фриуля. Эта линия — Адидже: она прикрывает всю долину р. По, пересекает всю Среднюю и Нижнюю Италию, изолирует крепость Мантую, и, по всей вероятности, эту крепость можно будет взять раньше, чем армия противника будет в состоянии перестроиться и помочь ей.

То, что маршал Виллар не понимал этого основного принципа, помешало ему достигнуть цели войны в 1733 г. Он находился в октябре во главе 50 000 человек, сосредоточенных в лагере Виджевано. Не имея перед собой неприятельской армии, он мог направиться куда хотел. Он ограничился тем, что расположился как наблюдатель на Олио, по обеим сторонам р. По. Спустя три месяца в Серальо прибыл с войском Мерси. Маршал Куаньи, хотя и командовал армией, которая на протяжении всего 1734 года намного превосходила силы противника и одержала победу в двух последовательных сражениях под Пармой и Гуасталлой, не смог извлечь из стольких пре-

имущества никакой пользы. Он маневрировал поочередно то на одном, то на другом берегу По.

Если бы эти генералы хорошо знали топографию Италии, то начиная с ноября Виллар занял бы позицию на Адидже, пересекая, таким образом, всю Италию, а Куаньи воспользовался бы своими победами для того, чтобы отправиться туда же как можно быстрее.

На Адидже имеется возможность возмещать все расходы армии, потому что расходы эти падают на многочисленное население Пьемонта, Ломбардии, легатств Болонья и Феррара, герцогств Парма и Модена.

Боятся, что Венеция выступит против Франции? Лучшее средство помешать ей — это в несколько дней перенести войну в ее пределы. Она к этому не готова, и у нее не будет времени принять решение и сформировать армию. Если армия останется на правом берегу Тичино, австрийцы принудят эту республику выступить вместе с ними, либо же она сама бросится к ним в объятия, побуждаемая политическими настроениями. Сардинского короля можно больше не бояться: его ополчение распущено, англичане прекратят выплату субсидий, а внутреннее положение его страны — самое плохое. Какое бы решение ни принял двор, число недовольных будет увеличиваться; после жара приходит слабость. У него осталось только 15 000—18 000 человек. Разбросанные по многим городам, они едва достаточно для поддержания внутреннего спокойствия.

С другой стороны, недовольство венского двора против туринского кабинета будет возрастать. Вена будет упрекать Турин за то, что при первом же проигранном сражении он пал духом, отчаялся в победе общего дела. Совсем не так действовал в 1705 г. Виктор Амедей после победы, одержанной Вандомом у Кассано, когда принц Евгений был отброшен на берега озера Изео, а три французские армии захватили все его владения и даже графство Ницца. У него оставался только Турин, и, однако, он держался стойко и сохранял союз с Австрией. Он за это был вознагражден в следующем году Туринским сражением, когда в результате столь рискованного марша принца Евгения, который фортуна увенчала таким блестящим успехом, к нему вернулись все его владения.

Генуэзских олигархов можно не бояться. Лучшая гарантия против их выступления — те громадные выгоды, которые они извлекают из своего нейтралитета. Хотят защищать принципы свободы в Пьемонте и Генуе, но для этого нужно разжечь гражданскую войну, поднять народ против дворян и духовенства; а это значит взять на себя ответственность за эксцессы, которыми всегда сопровождается подобная борьба. Напротив, прибыв на Адидже, армия сможет овладеть всеми государствами, принадлежащими австрийской династии в Италии, и всеми папскими владениями по эту сторону Апеннин, сможет про-

возгласить принципы свободы и возбудить итальянский патриотизм против иноземного господства. Не будет надобности возбуждать раздоры между различными сословиями граждан: дворяне, горожане, крестьяне будут идти сообща к восстановлению итальянской родины. Клич «Italiam! Italiam!»¹, раздавшись в Милане, Болонье и Вероне, произведет волшебное действие. Раздавшись же на правом берегу Тичино, он вызовет со стороны итальянцев вопрос: «А почему вы сами не двигаетесь вперед?»

Полковник Мюрат, первый адъютант главнокомандующего, был командирован в Париж с 31 знаменем и договором о перемирии, заключенным в Кераско. Его прибытие в Париж через Мон-Сенис со столькими трофеями и актом о подчинении сардинского короля вызвало в столице большую радость и волну энтузиазма. Адъютант Жюно, отправленный после сражения под Миллезимо по ниццской дороге, прибыл после Мюрата.

Провинция Альба, которую французы полностью заняли, была в Пьемонте областью наиболее оппозиционной по отношению к королевской власти, областью, где революционное брожение было наиболее сильным. Здесь раньше уже происходили волнения; несколько позже они повторились снова. Если пришлось бы продолжать войну с сардинским королем, именно здесь французы нашли бы себе поддержку и наибольшие шансы на восстание.

Таким образом, в течение двух недель первая часть плана была выполнена. Были достигнуты большие результаты: пали пьемонтские крепости в Альпах и коалиция была ослаблена, лишившись державы, которая выставила 60 000—70 000 солдат и имела еще большее значение вследствие своего положения.

В течение месяца с начала этой кампании законодательная власть пять раз выносила постановление, что Итальянская армия хорошо послужила отечеству (в заседаниях 21, 22, 24, 25 и 26 апреля), — и каждый раз за новые победы.

Согласно условиям перемирия в Кераско, сардинский король отправил в Париж графа Ревеля для обсуждения условий окончательного мира. Мир был заключен и подписан 15 мая 1796 г. По этому договору крепости Алессандрия и Кони передавались Итальянской армии, Суза, Брунетто, Экзиль уничтожались и открывались альпийские перевалы. Это отдавало королю на милость республики, у него не оставалось более других укрепленных пунктов, кроме Турина и форта Бар.

¹ «Италия! Италия!» (лат.). — Р е д.

ГЛАВА III

СРАЖЕНИЕ У ЛОДИ

I. Переправа через По (7 мая 1796 г.). — II. Бой у Фомбио (8 мая). Смерть генерала Лагарпа. — III. Перемирие с герцогом Пармским (9 мая). — IV. Сражение у Лоди (10 мая). — V. Вступление в Милан (15 мая). — VI. Перемирие с герцогом Моденским (17 мая). — VII. Бертье. — VIII. Массена. — IX. Ожеро. — X. Серюрье.

I

Крепости Кони, Тортона и Чева были сданы французам в первые дни мая. Массена двинулся со своей дивизией на Алессандрию и захватил здесь много складов, принадлежавших австрийской армии. Главная квартира прибыла в Тортону, проследовав через Альба, Ницца-делла-Палья и монастырь Боско. Тортона была очень хорошей крепостью; в ней было много орудий и всякого рода боевых припасов.

Болье, потрясенный, отступил за р. По для прикрытия Милана. Он рассчитывал защищать переправу через По напротив Валенцы и, если она будет форсирована, то оборонять переправу через Сезию и через Тичино. Он расположил свои войска на левом берегу р. Агонья у Валеджио. Здесь он был усилен резервной дивизией из десяти батальонов, и его армия снова сравнялась с французской. По всем планам — военным и политическим — французы должны были произвести переправу через По в Валенце; на совещаниях в Кераско было тайно дано понять, что таково намерение французов. Один параграф соглашения о перемирии предусматривал передачу этого города французам для переправы через реку. Массена, прибыв Алессандрию, тотчас же выдвинул патрули в направлении Валенцы.

Ожеро вышел из Альба и расположился у устья Скривии. Серюрье направился в Тортону, куда Лагарп прибыл по аквийской дороге. Из гренадеров, собранных со всей армии в числе 3500 человек, было сформировано десять батальонов. С этими отборными войсками, кавалерией и 24 пушками Наполеон направился форсированным маршем к Пьяченце, чтобы захватить там врасплох переправу через По. После переправы остальные французские дивизии должны были оставить свои позиции и поспешно двинуться к Пьяченце.

7 мая, в 9 часов утра, Наполеон прибыл к этому городу, сделав 16 лье в 36 часов. Он выехал на берег реки, где оставался до тех пор, пока переправа не была закончена и авангард не расположился на левом берегу. Паром брал 500 человек и 50 лошадей и совершал переправу в полчаса. Артиллерийский полковник Андреосси, начальник понтонного парка, и помощник генерала Фронтен захватили на участке р. По от Капель-Сан-Джованни до Пьяченцы десять судов с 5000 ранеными и с медикаментами австрийской армии. Полковник

Ланн переправился первым с 900 гренадер. Два эскадрона неприятельских гусар тщетно пытались противодействовать высадке. Несколько часов спустя весь авангард переправился на тот берег. В ночь с 7-го на 8-е прибыла вся армия. 9-го была закончена наводка моста. 7-го вечером генерал Лагарп, командующий гренадерами, расположил свою главную квартиру в Качина-Деметра, между Фомбио и р. По. Эта река у Пьяченцы имеет очень быстрое течение; ширина ее 250 туазов. Форсирование таких рек принадлежит к числу наиболее ответственных военных операций.

II

Австрийская дивизия Липтая, силою в восемь батальонов и восемь эскадронов, выйдя из Павии, прибыла ночью в Фомбио, находящееся в одном лье от Пьяченцы. 8-го в 1 час дня было замечено, что колокольни и дома селения забаррикадированы и заняты войсками и что на шоссе, пересекающем рисовые поля, расставлены пушки. Выбить противника из Фомбио становилось необходимо. К нему могли подойти большие подкрепления, и было бы слишком опасно вести бой, имея позади такую большую реку. Наполеон отдал распоряжения, которые диктовались характером местности. Ланн повел атаку на левый фланг, Ланюсс — на центр. Даллемань — на правый фланг. В течение часа селение было взято. Австрийская дивизия, которая его обороняла, была опрокинута, потеряла свои пушки, 2000 пленных и три знамени. Остатки ее бросились в Пиццигетоне и переправились через р. Адду. Крепость Пиццигетоне была вооружена только за несколько дней до этого. Она была еще так далека от театра военных действий и от всякой опасности, что противник о ней не беспокоился. Липтай все-таки успел развести подъемный мост и расставить на валу полевые пушки. Французский авангард остановился с наступлением ночи при Малео на расстоянии половины пушечного выстрела от Пиццигетоне. Лагарп отошел назад, чтобы стать впереди Кодоньо, прикрывая дороги из Павии и из Лоди.

От захваченных пленных узнали, что Болье двигался со своей армией к Фомбио, чтобы встать позади этого пункта. Думали, что некоторые его части, не зная о событиях дня, придут на ночевку в Кодоньо. Об этом было сделано предупреждение. Отдав распоряжение о величайшей бдительности, главнокомандующий вернулся в Пьяченцу, в свою главную квартиру. В течение ночи Массена переправился через По и расположился в резерве у моста, чтобы поддержать в случае нужды Лагарпа.

Что предвидели, то и случилось. Движение войск из Тортоны в Пьяченцу, несмотря на его быстроту, не было столь тай-

ным, чтобы можно было скрыть его от Болье. Он двинул свои войска для занятия местности между Тичино и Аддой, надеясь прибыть вовремя к Пьяченце, чтобы помешать переправе через реку. Он знал, что у французов совсем не было понтонного парка. Один из его кавалерийских полков, находившийся впереди колонны, появился у аванпостов генерала Лагарпа, двигавшегося по дороге на Павию, и вызвал тревогу. Французы на бивуаках взялись за оружие. После нескольких залпов все стихло. Однако Лагарп в сопровождении патруля и нескольких офицеров направился вперед, чтобы удостовериться, что произошло, и лично расспросить обитателей ближайших домов на дороге. Они ему сказали, что эту тревогу произвел кавалерийский полк, не знавший о переправе французов через По и извивший затем влево, чтобы достигнуть Лоди. Лагарп поехал обратно, но вместо того, чтобы возвращаться по шоссе, по которому уехал на глазах у солдат, направился, к несчастью, по тропинке. Солдаты были начеку, встретили его беглым огнем. Лагарп упал замертво; он был убит собственными солдатами! По происхождению он был швейцарец из кантона Во. Подвергшись преследованиям за свою ненависть к бернскому правительству, он нашел убежище во Франции. Это был офицер выдающейся храбрости, гренадер ростом и духом; он умно руководил войсками и был ими очень любим, несмотря на беспоконный характер. Печальное событие стало известно в главной квартире в 4 часа утра. Немедленно в эту дивизию был выслан Бертье. Он застал войска в отчаянии.

III

Войдя во владения Пармы, Наполеон при переправе через Греббию принял послов герцога с просьбой о мире и покровительстве. Герцог Пармский не имел никакого политического значения: захватывать его владения не было никакой выгоды. Наполеон оставил его управлять герцогством, возложив на него в то же время и все те повинности, какие могла выполнить страна. Таким образом, французам достались все выгоды и они избавились от всех трудностей, связанных с управлением. Такое решение было самым простым и самым разумным. Утром 9 мая в Пьяченце было подписано перемирие. Герцог уплачивал 2 миллиона деньгами, доставлял армии большое количество хлеба, овса и т. д., выставлял 1600 артиллерийских и кавалерийских лошадей и принимал на себя издержки по обслуживанию военных дорог, а также госпиталей, создаваемых в его владениях. Наполеон наложил контрибуцию предметами искусства для парижского музея — первый пример этого рода, встречаемый в новой истории. Парма дала 20 картин по выбору французских комиссаров. Среди них находился знаме-

нитый «Св. Иероним». Герцог предлагал 2 миллиона, чтобы сохранить у себя эту картину, и уполномоченные армии очень склонялись к такой замене. Главнокомандующий же сказал, что от двух миллионов, которые ему дадут, не останется вскоре ничего, тогда как подобный шедевр украсит Париж на многие столетия и вызовет появление других шедевров.

Герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла были во владении дома Фарнезе. Елизавета, сестра Филиппа V, единственная наследница этого дома, передала герцогства Испании. Дон-Карлос, ее сын, получил их во владение в 1714 г. Впоследствии, когда он занял неаполитанский престол, по Аахенскому договору 1748 г., эти области перешли к австрийскому дому и были отданы инфанту дону Филиппу¹. С 1762 г. ими владел его сын Фердинанд. Это был известный воспитанник Кондильяка, умерший в 1802 г. Он жил в замке Колорно, окруженный монахами, и тщательно выполнял религиозные обряды во всех мелочах.

IV

Армия реквизировала в городе Пьяченце 400 артиллерийских лошадей. 10-го она выступила из Казаль-Пустерленго на Лоди, где Болье сосредоточил дивизии Себоттендорфа и Розельмини, а Колли и Вукассовича направил на Милан и Кассано. Судьба этих войск зависела теперь от быстроты движения. Можно было отрезать их от Олио и взять в плен, но в одном лье от Казалья французский авангард обнаружил сильный австрийский арьергард из гренадер, выгодно расположившийся для обороны лодийского шоссе. Пришлось прибегнуть к маневрированию. Оно велось со всем пылом и вместе с тем упорством, которых требовали обстоятельства. Наконец, в ряды противника было внесено смятение. Он был преследуем по пятам до Лоди. Эта крепость была обнесена стенами. Неприятель попытался запереть ворота, но французские солдаты проникли туда вперемежку с беглецами, которые собрались потом за линией обороны, созданной Болье на левом берегу Адды. Болье выставил 25—30 пушек для обороны моста, но французы немедленно противопоставили ему столько же.

В австрийской линии было 12 000 пехотинцев и 4000 кавалеристов. Вместе с 10 000 человек, отступавшими на Кассано, с 8000 человек, которые были разбиты в районе Фомбю, после чего остатки их укрывались в Пиццигетоне, и с 2000 человек гарнизона миланского замка это давало 35 000—36 000 человек. Вот все, что уцелело от армии.

¹ Автор излагает события неточно. Дон-Карлос уступил эти владения австрийскому дому в 1735 г., а в 1748 г. глава этого дома, императрица Мария-Терезия, передала их испанскому инфанту Филиппу. — Р е д.

Наполеон в надежде отрезать дивизию, двигавшуюся на Кассано, решил перейти через р. Адда по мосту в тот же самый день под огнем противника и изумить его такой смелой операцией. С этой целью после нескольких часов отдыха в Лоди, около пяти часов вечера, он приказал генералу Бомону, командующему кавалерией, переправиться через Адду в полулье вверх по течению, где находился брод. После перехода на тот берег он должен был начать орудную перестрелку с легкой батареей на правом фланге противника. В то же время у моста и по краю правого берега он выставил всю артиллерию армии, нацелив ее на орудия противника, державшие под обстрелом мост. Позади городского вала на берегу Адды он поставил колонну гренадер так, что она находилась ближе к вражеским батареям, чем даже линия австрийской пехоты, которая отдалась от реки, чтобы воспользоваться складками местности, частично предохранявшими ее от ядер французских батарей. Как только Наполеон заметил, что огонь противника ослабел, и авангард французской кавалерии начал выстраиваться на левом берегу и этот маневр вызвал у противника некоторое беспокойство, он приказал атаковать. Голова колонны гренадер простым полуоборотом налево очутилась на мосту, беглым шагом в несколько секунд перешла через него и немедленно овладела неприятельскими пушками. Колонна подверглась обстрелу противника только в момент, когда перестраивалась для прохождения через мост. Она не понесла чувствительных потерь, потому что в одно мгновение проскочила на другой берег. Она обрушилась на линию противника и заставила его отступить на Кремону в величайшем беспорядке, с потерей артиллерии, большого количества знамен и 2500 пленных. Эта столь энергичная операция, проведенная под убийственным огнем, но со всей допустимой осторожностью, считается военными одной из самых блестящих за все время войны. Французы потеряли не больше 200 человек, а противник был разгромлен¹.

Но Колли и Вукасович переправились через Адду у Кассано и отходили по шоссе в Брешиа; это и заставило французов двинуться на Пиццигетоне. Они считали нужным преследовать и немедленно выгнать оттуда противника, чтобы не дать ему времени вооружить эту крепость и снабдить ее припасами.

¹ В «Дневнике о. св. Елены» говорится так: «Вандемьер и даже Монтепюте, — сказал император, — не побуждали еще меня смотреть на себя, как на необыкновенного человека. Только после Лоди у меня появилась мысль, что я мог бы сделаться, пожалуй, решающим лицом на нашей политической арене. Первая искра честолюбия появилась тогда» («Дневник о. св. Елены», Ласказас, ч. I, стр. 193, изд. 1823 г.). Об этом же говорится в «Рассказах о плене»: «Именно вечером у Лоди я уверовал в себя как в необыкновенного человека и проникся честолюбием для свершения великих дел, которые до тех пор рисовались мне фантазией» («Рассказы о плене императора Наполеона на о. св. Елены» генерала Монтолона, т. II, Париж, 1847, стр. 424). — П р и м. ф р а н ц. р е д.

Как только ее окружили, она сдалась. В ней было 300 человек, которыми противник пожертвовал, чтобы обеспечить свой отход.

Наполеон, делая ночной обход, встретился с биваком пленных, где был один болтливый старый венгерский офицер. Наполеон спросил его, как шли у них дела. Старый капитан не мог не признаться, что все шло очень плохо. «Но,—прибавил он,—здесь нет возможности что-либо понять; мы имеем дело с молодым генералом, который всегда то перед нами, то в нашем тылу, то на нашем фланге. Никогда не знаешь, как расположить свои силы. Такой способ действий на войне невыносим и противоречит всем правилам».

Французская легкая кавалерия вошла в Кремону после легкой атаки и преследовала австрийский арьергард до Олио.

V

Ни одна французская часть еще не вошла в Милан, хотя эта столица уже оказалась в тылу армии, аванпосты которой находились в Кремоне, и отстояла на несколько переходов от линии фронта. Австрийские правительственные учреждения были эвакуированы в Мантую. Город охранялся национальной гвардией. Муниципалитет и сословия Ломбардии прислали в Лоди депутацию, во главе которой стоял Мельци. Эта депутация торжественно заявила о своем подчинении и просила победителя о милосердии.

15 мая победитель въехал в Милан через триумфальную арку среди народа и национальной гвардии города, одетой в трехцветные, зелено-красно-белые мундиры. Начальником ее был избран герцог Сербеллони.

Ожеро отошел, чтобы занять Павию, Серюрье — Лоди и Кремону, дивизия Лагарпа — Комо, Кассано, Лукко и Пиццигетоне. Легкие войска расположились на р. Олио. В Лоди, Кассано, Лукко и Пиццигетоне были построены предместные укрепления, их вооружили и снабдили припасами.

В Милане Наполеон отдал приказ:

«Солдаты, вы устремились с высоты Апеннин, как горный поток. Вы опрокинули и рассеяли все, что противостояло вашему движению.

Пьемонт, освобожденный от австрийской тирании, отдался естественным чувствам мира и дружбы с Францией.

Милан ваш, и республиканский флаг развевается над всей Ломбардией.

Герцоги пармский и моденский обязаны своим политическим существованием только вашему великодушию.

Армия, тщеславно угрожавшая вам, не находит больше барьера, за которым она могла бы укрыться от вашей храбро-

сти. По, Тичино, Адда не задержали вас ни на один день. Эти хваленые оплоты Италии оказались недостаточно сильными; вы их так же быстро преодолели, как и Апеннины.

Столько успехов преисполнили радостью родину. Ваши представители установили праздник в честь ваших побед, который отмечается во всех общинах республики. Ваши отцы, ваши матери, ваши жены, ваши сестры, ваши возлюбленные радуются вашим успехам и гордятся тем, что они вам близки.

Да, солдаты, вы много сделали... Но значит ли это, что больше уже нечего делать?.. Не скажут ли о нас, что мы сумели победить, но не сумели воспользоваться победой? Не упрекнет ли нас потомство, что в Ломбардии мы нашли Капуу? ¹ Но я уже вижу, как вы хватаетесь за оружие. Отдых трусов вас тяготит. Дни, потерянные для славы, потеряны и для вашего счастья. Итак, двинемся вперед, нам еще предстоит форсированные марши, остаются враги, которых надо победить, лавры, которыми нам надо покрыть себя, оскорбления, за которые надо отомстить.

Пусть трепещут те, кто наточил кинжалы гражданской войны во Франции, кто подло умертвил наших посланников и сжигал наши суда в Тулоне: час отмщения настал!

Но пусть не беспокоятся народы. Мы — друзья всем народам и особенно верные друзья потомкам Брутов, Сципионов и великих людей, которых мы принимаем за образец. Восстановить Капитолий, водрузить там с почетом статуи героев, сделавших его знаменитым, пробудить римский народ, усыпленный несколькими веками рабства, — таковы будут плоды наших побед. Они создадут эпоху в истории. Вам будет принадлежать бессмертная слава за то, что вы изменили лик самой прекрасной части Европы.

Французский народ, свободный, уважаемый всем светом, даст Европе славный мир, который возместит ему жертвы, приносимые в течение шести лет. Вы вернетесь тогда к своим очагам, и вашн сограждане будут говорить, указывая на вас: «Он был в Итальянской армии!»

Армия использовала шесть дней отдыха для улучшения материальной части. Не щадили никаких усилий для пополнения артиллерийского парка. Пьемонт и Парма доставляли многое, но еще больше ресурсов оказалось в Ломбардии. Это позволило выплатить жалованье, удовлетворить все нужды и сделать снабжение более регулярным.

Милан расположен среди одной из богатейших равнин мира — между Альпами и реками По и Адда. Его население равнялось 120 000 человек. Крепостная стена была окружностью

¹ Намек на поведение карфагенских войск Ганнибала, которые, разбив при Каннах римскую армию, не довершили разгрома противника, вместо Рима пошли в Кампанию и долгое время находились в бездействии в Капуе. — Ред.

в 10 000 туазов. В нем имелось десять ворот, 140 мужских и женских монастырей, 100 братств. Посредством канала Равильо он связан с реками Тичино и Адда. Их воды поступают в Милан при помощи шлюзов. Другой канал был сооружен во времена Итальянского королевства для соединения Милана с Павией, установления прямого сообщения с р. По и чтобы способствовать сообщениям с Генуей. Транспорт с генуэзскими товарами гужом следовал до Камбио на р. По, где товары грузились на суда и спускались по этой реке и через нижнее Тичино прибывали в Павию, где перегружались для Милана. Посредством нового канала товары продолжали идти водой до Милана и оттуда отправлялись дальше по Адде.

Милан был основан галлами в 580 г. до нашей эры. Этот город подвергался 40 раз осаде, 20 раз его брали с боя. Четыре раза он целиком был разрушен. Его цитадель построена на развалинах дворца Висконти¹.

Милан был столицей австрийской Ломбардии, разделявшейся на семь провинций: Милан, Павия, Варезе, Комо, Лоди, Кремона и Мантуя. Ломбардия имела особые привилегии. Австрийский император назначал сюда в качестве генерал-губернатора принца крови и высшее управление вверял своему первому министру. Ломбардия имела сословное представительство из депутатов, избравшихся от семи провинций. Это учреждение часто было в оппозиции к генерал-губернатору и австрийскому министру. Граф Мельци был среди этих депутатов самым влиятельным по своему образованию, патриотизму и честности. Впоследствии он стал президентом Итальянской республики и канцлером Итальянского королевства. Он был исполнен любви к своей стране и безраздельно предан идее независимости Италии. В Милане его род считался богатым и благородным. Цвета зеленый, белый и красный сделались национальными цветами свободной Италии. Национальная гвардия формировалась во всех городах. Сербеллони, первый командир миланской национальной гвардии, пользовался большой популярностью и обладал большим состоянием. Впоследствии он стал очень известным в Париже, где долго жил в качестве посла Цизальпинской республики.

В Милане, как и во всех больших городах Италии, а пожалуй, и во всех больших городах Европы, французская революция возбудила сначала величайший энтузиазм, навстречу ей раскрылись все сердца. Спустя некоторое время ужасы террора изменили эти настроения. Однако идеи революции все еще находили в Милане многих горячих приверженцев. Народ привлекала идея равенства. Австрийцы, несмотря на свое долгое господство, не внушали к себе привязанности в этом народе, если не считать нескольких знатных семейств. Их не любили

¹ Далее опущено изложение истории Милана в средние века. — Ред.

за угрюмость и грубость. Генерал-губернатор эрцгерцог Фердинанд не был ни любим, ни уважаем, его обвиняли в пристрастии к деньгам, в поощрении хищений, в спекуляции зерном и в других подобных прегрешениях, которые всегда влекут за собой непопулярность. Он был женат на принцессе Беатриче Эсте, дочери и наследнице царствовавшего тогда герцога modenского.

Миланская цитадель была отлично вооружена и хорошо снабжена продовольствием. Болье оставил в ней 2500 человек гарнизона. Французский генерал Деспинуа был назначен командующим войсками в Милане и блокадой цитадели. Осадная артиллерия состояла из пушек, взятых из пьемонтских крепостей, находившихся в руках у французских гарнизонов,— Гортонь, Александрии, Кони, Чева, Кераско.

VI

Три герцогства — Модена, Реджио и Мирандола — на правом берегу нижнего По управлялись последним государем из дома Эсте, старым скрягой, единственным удовольствием которого было копить золото. Подданные его презирали. При приближении армии он отправил к Наполеону командора Эсте, своего побочного брата, с просьбой о перемирии и о покровительстве. Город Модена имел бастионную крепостную ограду, хорошо снабженный арсенал и 4000 солдат. Этот государь, впрочем, не имел какого-либо политического значения. С ним было поступлено, как с герцогом пармским, причем не было принято во внимание его родство с австрийским домом. Перемирие было заключено и подписано в Милане 17 мая. Он уплачивал 10 миллионов, поставлял лошадей, всякого рода припасы и известное число шедевров искусства. Для переговоров о мире им были посланы в Париж полномочные представители, но мир заключен не был, переговоры затянулись и, наконец, были прерваны. Желая спрятать свои сокровища в надежное место, он переправил их в Венецию, где умер в 1798 г. С ним угас дом Эсте, столь знаменитый в средние века и воспетый с таким гением и изяществом Ариосто и Тассо. Его дочь, принцесса Беатриче, жена эрцгерцога Фердинанда, была матерью императрицы австрийской. Она умерла в 1816 г.

Известия о переправе через р. По, о сражении у Лоди, о занятии Ломбардии, о перемириях с герцогами пармским и modenским, следовавшие одно за другим, опьянили Директорию, принявшую пагубный план раздела Итальянской армии на две. Наполеон с 20 000 человек должен был, перейдя через По, двинуться на Рим и Неаполь, а Келлерман с другими 20 000 человек — действовать на левом берегу По и прикрывать осаду Мантуи. Наполеон, возмущенный такой неблагодарностью, по-

дал в отставку, не желая участвовать в приведении к гибели Итальянской армии и своих собратьев по оружию. Он говорил, что все люди, посланные в глубь полуострова, погибнут, что главная армия, вверяемая Келлерману, слишком малочисленна, чтобы удержаться, и через несколько недель будет вынуждена уйти за Альпы. «Один плохой генерал,— заявил он,— лучше двух хороших». Правительство открыло глаза и отказалось от этих гибельных для свободы мер. С тех пор оно занималось Итальянской армией только тогда, когда нужно было одобрить сделанное или предлагаемое Наполеоном.

VII

Бертье было около сорока двух лет. Его отец был инженер-топограф¹. Бертье смолоду участвовал в американской войне в чине лейтенанта, причисленного к штабу Рошамбо. В эпоху революции он был полковником, командовал версальской национальной гвардией и находился в сильной оппозиции к партии Лекуантра. Посланный в Вандею начальником штаба революционных войск, он был там ранен. После 9 термидора он был начальником штаба у Келлермана в Альпийской армии и последовал за ним в Итальянскую армию. Это именно он распорядился занять линию Борgetto, сдержавшую противника. Когда Келлерман вернулся в Альпийскую армию, он взял с собой и Бертье. С принятием командования Итальянской армией Наполеоном Бертье просил и добился места его начальника штаба. Он был при нем в этой должности в итальянской и египетской кампаниях. Впоследствии он сделался военным министром, начальником штаба Великой армии, князем Невшательским и Ваграмским, женился на баварской принцессе и был осыпан милостями Наполеона. Он обладал большой энергией, следовал за главнокомандующим во всех разведках и объездах войск, не замедляя этим несколько своей штабной работы. Характер имел нерешительный, мало пригодный для командования армией, но обладал всеми качествами начальника штаба. Он хорошо знал карту, очень разумно вел разведывательную часть, лично заботился о рассылке приказаний, умел самые сложные движения армии представлять в докладах ясно и просто. Вначале хотели навлечь на него немилость главнокомандующего, говоря, что Бертье его наставник, что именно он руководит операциями. Это не удалось. Бертье предпринимал все от него зависящее, чтобы покончить с этими слухами, делавшими его в армии смешным. После итальянской кампании ему было поручено командование армией, назначенной для захвата Рима, и он провозгласил Римскую республику.

¹ Далее опущены некоторые факты из биографии отца Бертье. — Ред.

VIII

Массена, уроженец Ниццы, поступил на службу Франции в Итальянский королевский полк. В начале революции он был офицером. Он быстро выдвинулся, сделался дивизионным генералом и служил под начальством главнокомандующих Дюгомме, Дюморбиона, Келлермана и Шерера. Он был крепко сложен, неумолим; днем и ночью носился на коне по горам и скалам. Он был особенным знатоком этого рода войны, был решителен, отважен, предприимчив и полон честолюбия и самолюбия. Его отличительной чертой было упрямство. Он никогда не падал духом. Он пренебрегал дисциплиной, плохо заботился о хозяйственно-административной части и по этой причине был мало любим солдатами. Он плохо продумывал подготовку к атаке. Речи его были мало интересны, но с первым пушечным выстрелом, среди ядер и опасностей, его мысль приобретала силу и ясность. Будучи разбитым, он вновь брался за дело, словно победитель. В конце итальянской кампании он получил поручение доставить в Директорию Лёобенский прелиминарный договор. Во время египетской кампании он командовал Гельветской армией и спас республику, выиграв Цюрихское сражение. Впоследствии он был маршалом, герцогом Риволи и князем Эсслингским.

IX

Ожеро, уроженец предместья Сен-Марсо, в начале революции был сержантом. По-видимому, он был выдающимся унтер-офицером, потому что был послан в Неаполь обучать неаполитанские войска. Вначале он служил в Вандее. В генералы он был произведен в армии Восточных Пиренеев, где командовал одной из главных дивизий. По заключении мира с Испанией он доставил свою дивизию в Итальянскую армию и здесь провел все кампании с Наполеоном, пославшим его в Париж для совершения переворота 18 фрюктидора. Вслед за тем Директория предоставила ему командование Рейнской армией. Он совсем не имел образования, не умел вести себя, ум его был ограниченным, но среди солдат он поддерживал порядок и дисциплину и был ими любим. Атаки он производил правильно и в должном порядке, хорошо распределял свои колонны, хорошо расставлял резервы и дрался с неустрашимостью. Но все это продолжалось какой-нибудь день. Победитель или побежденный, он к вечеру обычно падал духом — не то по свойству своего характера, не то вследствие малой расчетливости и недостаточной проницательности своего ума. По своим политическим убеждениям он примыкал к партии Бабефа, то

есть к наиболее ярко выраженным анархистам¹. Он был избран депутатом в Законодательный корпус в 1798 г., ввязался в интриги, часто бывал смешон. Не было человека, более непригодного, чем он, для политических дискуссий и гражданской деятельности, в которой он, однако, любил принимать участие. Во времена империи он был герцогом Кастильонским и маршалом Франции.

Х

Серюрье, родом из департамента Эн, в начале революции был пехотным майором. Он сохранял все внешние черты и суровость майора, был строг в отношении дисциплины и считался аристократом, за что подвергался многим опасностям, особенно в начале революции. Он выиграл сражение у Мондови, взял Мантую и имел честь видеть, как перед ним проследовал сдавшийся фельдмаршал Вурмзер. Он был отважен, лично неустрашим, но ему не везло. У него было меньше порывистости, чем у предыдущих, но он их превосходил своими нравственными качествами, мудростью своих политических убеждений и честностью в отношениях с людьми. Он получил почетное назначение отвезти в Директорию знамена, отнятые у эрцгерцога² Карла. Впоследствии он стал маршалом Франции, комендантом Дома инвалидов и сенатором.

ГЛАВА IV

ВОССТАНИЕ В ПАВИИ

I. Армия покидает свою стоянку для занятия линии Адидже. — II. Восстание в Павии (24 мая 1796 г.). — III. Взятие и разграбление Павии (26 мая). — IV. Причины восстания. — V. Армия вступает на территорию Венецианской республики (28 мая). — VI. Сражение у Боргетто. Переправа через Минчио (30 мая). — VII. Армия прибывает в Адидже (3 июня). — VIII. Описание Мантуи. — IX. Блокада Мантуи (4 июня). — X. Перемирие с Неаполем (5 июня).

I

К началу кампании Мантуя была разоружена. Венский двор надеялся, что его армия захватит и сохранит инициативу. Он рассчитывал на победы, а не на поражения, и только после договора в Кераско он распорядился вооружить и снабдить припасами Мантую и крепости в Ломбардии. Среди военных имеются люди, думающие, что если бы вместо потери времени в Миланской области французская армия продолжала свой марш для оттеснения Болье на ту сторону Адидже, то Мантуя

¹ Такая характеристика партии Бабефа является сомнительной. — Ред.

² В подлиннике — «князя». — Ред.

была бы захвачена врасплох. Но принципиально недопустимо оставлять в тылу у себя такое большое количество больших городов с населением свыше одного миллиона, не взяв их в свои руки и не обеспечив расположения к себе этого населения.

Французы пробыли в Ломбардии только семь—восемь дней. К 12 мая все лагеря были сняты. Эти несколько дней были затрачены с пользой: национальная гвардия была сформирована во всех городах Ломбардии, были обновлены органы власти на местах, спокойствие в стране восстановлено,— все это обеспечивало господство французов. Генерал Деспиноа принял командование над гарнизоном Милана. Одной бригадой была обложена цитадель. В пехотных и кавалерийских дивизиях были образованы небольшие команды выздоравливающих и перетомившихся для несения гарнизонной службы в наиболее важных пунктах. Команда дивизии Ожеро в 300 человек расположилась в цитадели города Павии,— это считалось достаточным для защиты ее и моста через Тичино.

II

24 мая главная квартира прибыла в Лоди. Прошло всего два часа после приезда туда главнокомандующего, как получилось известие о восстании в Павии и во всех селениях этой провинции, из которой дивизия Ожеро ушла 20-го. Легкое волнение чувствовалось даже в Милане. Тотчас же с 300 всадниками, шестью орудиями и батальоном гренадер Наполеон отправился в эту столицу. Он прибыл туда в тот же вечер и нашел спокойствие восстановленным. Гарнизон цитадели, сделавший вылазку, чтобы способствовать восстанию, был отброшен за валы. Отдельные группы были рассеяны. Главнокомандующий продолжал свой путь на Павию, направив впереди себя архиепископа и во все стороны — агентов с прокламациями, которые должны были просветить крестьян. Архиепископ был старец 80 лет, из дома Висконти, человек почтенный и по возрасту, и по характеру, но не имевший ни ума, ни репутации. Его миссия не имела никакого успеха; он никого не убедил.

Мятежники Павии, намереваясь соединиться с гарнизоном миланской цитадели, выслали авангард в 800 человек в Бинаско. Ланн его атаковал. Бинаско был взят, разграблен, сожжен. Надеяться, что пожар, который можно было видеть со стен Павии, устрашит этот город. Вышло не так. В город бросились 8000—10 000 крестьян и сделались там хозяевами. Они были под предводительством фанатиков и австрийских агентов, которых мало заботило, чему может подвергнуться страна. На случай неудачи они имели средства бежать в Швейцарию.

Вечером в Милане было обнародовано воззвание, ночью приклеенное и на воротах Павии:

«Сбитые с толку толпы, не имея действительных средств для сопротивления, в нескольких общинах дошли до крайностей, не признавая республики и доблестной армии, победившей королей. Это непонятное безумие вызывает сострадание: вводят в заблуждение бедный народ, на его погибель. Главнокомандующий, верный принципам, принятым его нацией,— не вести войну с народами, желает оставить открытой дверь для раскаяния. Но те, кто через 24 часа не сложит оружия, будут считаться бунтовщиками. Их селения будут сожжены. Пусть грозный пример Бинаско откроет им глаза! Его участь станет участью всех общин, упорствующих в мятеже».

III

26 мая небольшая колонна покинула Бинаско и прибыла в Павию в 4 часа пополудни. Ворота были закрыты. Оказалось, что французский гарнизон капитулировал, и прошло уже несколько часов, как мятежники овладели цитаделью. Этот успех сильно их ободрил. Казалось трудным с 1500 человек и шестью пушками овладеть восставшим городом с 30 000 населения. Этот город был обнесен стеной и старой бастионной оградой, находившейся, правда, в очень плохом состоянии, но предохранявшей его от захвата врасплох. Набат раздавался во всех окрестных селениях. Малейший шаг назад увеличил бы беду и вынудил бы призвать армию, находившуюся уже на Олио. При таких обстоятельствах благоразумие предписывало смелость. Наполеон ускорил штурм. Стрельба шести пушек не смогла разрушить ворота, хотя велась долго. Тем не менее картечь и бомбы согнали крестьян, стоявших на стене, и позволили гренадерам сбить ворота с помощью топоров.

Гренадеры вошли в город беглым шагом, с ружьями наперевес, проникли на площадь и расположились в домах, стоящих по углам улиц. Кавалерийский полуэскадрон двинулся к тичинскому мосту и произвел удачную атаку. Крестьяне испугались, что их отрежут, бросили город и побежали в поле. Конница преследовала их и многих порубила. Тогда городские власти и знать, во главе с архиепископом миланским и епископом павийским, вышли просить о милосердии.

Триста французов, захваченных в плен в цитадели, сами во время суматохи вырвались на свободу и безоружные, в тяжелом состоянии, прибыли на площадь. Первым движением главнокомандующего было расстрелять этот гарнизон через каждого десятого.

«Трусы,— сказал он им,— я доверил вам пост, чрезвычайно важный для армии, а вы его уступили жалким мужикам, не оказав ни малейшего сопротивления!»

Капитан, командовавший этим отрядом, был арестован. Он

оказался неумным человеком и сослался в свое оправдание на приказание генерала Гакена. Гакен только что прибыл в Павию из Парижа. Он был арестован мятежниками во время перепряжки почтовых лошадей. Ему приставили пистолет к горлу, угрожая смертью, если он не прикажет цитадели сдаться. Он уговорил гарнизон сдаться. Но как ни виновен был Гакен, это не оправдывало коменданта форта, который ничуть не был ему подчинен и даже если бы и был подчинен, не должен был исполнять его приказаний с момента его пленения. Поэтому капитан был предан полевому суду и расстрелян.

В городе царил чрезвычайный беспорядок. В нескольких кварталах были зажжены пожары; все же сострадание взяло верх.

Грабеж, хотя и продолжался несколько часов, но нагнал больше страха, чем причинил зла. Он коснулся только нескольких ювелирных магазинов, но слухи сильно преувеличили нанесенный ущерб, и это явилось спасительным уроком для всей Италии.

Подвижные колонны, высланные во все селения, произвели общее разоружение. Со всей Ломбардии были взяты заложники, которых брали из самых знатных семей, даже если на них не ложилось подозрений. Считали, что путешествие во Францию будет полезно для наиболее влиятельных лиц. Через несколько месяцев они вернулись. Многие объехали чуть ли не все наши провинции и офранцузились.

Город Павия расположен в пяти лье от Милана, на Тичино, и двух лье от впадения его в По. В ширину город равен 850 туазам. Окружность его — 2500 туазов. В нем имеется каменный мост через Тичино — единственный на этой реке. Он окружен развалившейся бастионной оградой¹.

IV

Это восстание приписывали недовольству чрезвычайной контрибуцией в 20 миллионов реквизициями, необходимыми для армии, а возможно, и отдельным притеснениям. Но войска были голы, они заслуживали из-за этого названия бандитов и бродяг, какое давалось им противником. Ломбардцы, итальянцы не считали себя побежденными. Разбита была армия австрийцев, в которой не было итальянских частей. Ломбардия даже платила особый налог вместо поставки рекрут. У венского двора сложилось определенное мнение, что из итальянцев нельзя сделать хороших солдат. Это обстоятельство (необходимость жить за счет местных ресурсов) намного замедлило пробуждение общественного сознания в Италии. Если бы,

¹ Далее опущено изложение истории Павии в средние века. — Р е д.

наоборот, французская армия могла жить на денежные средства Франции, то она с первых же дней сумела бы сформировать итальянские части. Но одно дело — призывать нацию к свободе и независимости, желать, чтобы в ней пробудилось общественное сознание и она создала собственные войска, и другое — отбирать у нее в то же самое время ее важнейшие ресурсы. Для примирения этих противоречий нужен талант.

Вначале были недовольство, ропот, заговоры. Ладья главнокомандующего в побежденной стране лавирует среди утесов. Если он суров, он раздражает народ и умножает число врагов; если он мягок, то порождает надежды, которые в дальнейшем заставляют особенно остро реагировать на злоупотребления и насилия, неизбежно связанные с состоянием войны. Как бы то ни было, если бунт при этих обстоятельствах вовремя усмирят и победитель сумел применить одновременно меры строгости, справедливости и мягкости, то этот бунт будет иметь только хорошие последствия, окажется выгодным и явится новой гарантией на будущее.

V

В течение этого времени армия продолжала движение на Олио под начальством Бертье. Главнокомандующий присоединился к ней в Сонсино и 28-го вошел вместе с нею в Брешиа — один из самых больших венецианских городов на материке. Его жители были недовольны господством венецианской знати. Брешиа находится в 11 лье от Кремоны, в 15 — от Мантуи, в 38 — от Венеции, в 24 — от Триента, в 40 — от Милана. Он был покорен Венецианской республикой в 1426 г. В городе Брешиа 50 000 жителей. Во всей провинции насчитывалось 500 000 человек, обитающих частью в горах, частью на богатых равнинах.

Было обнародовано такое воззвание:

«Для освобождения самой прекрасной страны Европы от железного ига тщеславного Австрийского дома французской армии пришлось преодолеть труднейшие преграды. Ее усилия, как того требует справедливость, увенчались победой. Остатки неприятельской армии отступили на ту сторону Минчио. Французская армия, преследуя их, проходит по землям Венецианской республики, но она не забудет о продолжительной дружбе, связывающей обе республики. Религия, власти и обычаи, а также собственность будут уважаемы. Пусть народ не беспокоится: будет поддерживаться строжайшая дисциплина, и все, что потребуется для армии, будет покупаться за наличные деньги по справочным ценам.

Главнокомандующий предлагает официальным лицам Венецианской республики, городским властям и духовенству опо-

вестить об этом население, чтобы доверие сцементировало крепкую дружбу, издавна соединяющую обе нации. Твердо следуя по пути чести, как и по пути победы, французский солдат грозен только для врагов своей свободы и своего правительства».

Сенат выслал к армии своих проведиторов¹, чтобы заверить в своем нейтралитете, и согласился на поставку всего необходимого с условием, что за это будет впоследствии заплачено.

Болье, стоя на Минчио, получил значительные подкрепления. При первом известии о движении армии он перенес свою главную квартиру за Минчио; он хотел обороняться на этой реке с целью воспрепятствовать обложению Мантуи, которая укреплялась с каждым днем и получала все новые припасы. Не обращая внимания на протесты венецианцев, он захватил крепость Пескиеру и оперся на нее своим правым флангом, которым командовал генерал Липтай. Своим центром он опирался на Валеджио и Боргетто, где расположил дивизию Питтони; дивизия Себоттендорфа заняла позицию в Поццоло, а Колли — в Гоито; гарнизон Мантуи выставил посты в Серальо; резерв под начальством Меласа силою в 15 000 человек находился в Виллафранка, готовый двинуться в любую угрожаемую точку.

VI

29 мая французская армия была расположена левым флангом в Дезенцано, центром — в Монте-Кьяро, правым — в Кастильоне, совершенно пренебрегая Мантуей, которая осталась на ее правом фланге. 30-го с рассветом армия вышла на Боргетто, обманув противника различными маневрами и внушив ему, будто она хочет переправиться через Минчио у Пескиеры, чтобы отвлечь туда его виллафранкский резерв.

Приблизившись к Боргетто, французский авангард обнаружил 3000 человек австрийской и неаполитанской кавалерии на равнине и 4000 пехотинцев, укрепившихся в этой деревне и на высотах Валеджио.

Генерал Мюрат атаковал неприятельскую кавалерию и достиг в этом бою больших успехов. Тут французская кавалерия, находившаяся до тех пор в плохом состоянии, в первый раз удачно померялась силами с австрийской. Она захватила девять пушек, два знамени и 2000 пленных, между ними князя Кудо, командующего неаполитанской кавалерией. Начиная с этого времени французская кавалерия соперничала в подвигах с пехотой. Полковник Гардан со своими гренадерами беглым шагом проник в Боргетто. Противник сжег мост, который было невозможно восстановить под огнем с высоты Валеджио.

¹ Проведиторы — должностные лица в Венецианской республике. — Ред.

Гардан бросился в воду. Австрийцы решили, что перед ними грозная колонна, действовавшая на мосту в Лоди; они отступили. Валеджио был взят в 10 часов утра.

В полдень, закончив исправление моста, французские дивизии переправились через Минчио. Ожеро поднимался по левому берегу, двигаясь на Пескиеру; и занял высоты Кастьеллинуово. Серюрье следовал за войсками, очищенными Валеджио, в направлении на Виллафранка. Главнокомандующий находился при этой дивизии до тех пор, пока был виден противник, но так как последний избегал вступать в бой, то он возвратился в Валеджио, где было намечено расположить главную квартиру. Дивизия Массена, которая должна была ее прикрывать, еще не переправилась через мост, готовя обед на правом берегу Минчио. Дивизия Себоттендорфа, услышав канонаду в стороне Валеджио, двинулась туда, поднимаясь вверх по левому берегу Минчио. Ее разъезды прибыли к Валеджио, не встретив никого. Они вошли в местечко и пробрались к дому, где находился главнокомандующий. Охрана едва успела захлопнуть ворота и прокричать о тревоге. Это дало время главнокомандующему вскочить на лошадь и выбраться по садам за селение.

Солдаты Массена опрокинули свои котелки и переправились через мост. Барабанный бой обратил в бегство австрийских гусар. Себоттендорфа преследовали весь вечер; он понес большие потери.

Опасность, которой избежал Наполеон, дала ему почувствовать необходимость образования охраны из отборных людей, специально подготовленных к этой службе и занятых исключительно заботами об его безопасности. Была сформирована часть, получившая название «гиды». Организация ее была поручена Бессьеру, командиру эскадрона. Этой части тогда же присвоили особое обмундирование, такое же, какое впоследствии было у гвардейских конных егерей; она явилась их зародышем. В нее зачисляли отборных людей, минимум с десятилетним сроком службы, и часть эта оказала в боях большие услуги. Тридцать — сорок из этих доблестных храбрецов, использованных вовремя, всегда добивались самых решительных результатов. Гиды во время боя были тем, чем впоследствии при императоре сделались дежурные эскадроны, и это легко объяснить, потому что и те и другие были у Наполеона под рукой и он их бросал в дело в наиболее важные моменты.

Бессьер, уроженец Лангедока, начал службу в 22-м конноегерском полку, в армии Восточных Пиренеев. Он был храбр, хладнокровен и сохранял спокойствие под самым сильным огнем. У него было очень хорошее зрение и большой навык в маневрировании конницы. Особенно хорошо руководил он кавалерийским резервом. В дальнейшем во всех больших сражениях он оказывал величайшие услуги. Он и Мюрат были

первыми кавалерийскими начальниками армии, но обладали совершенно противоположными качествами. Мюрат был авангардный начальник, порывистый и кипучий. Бессьер обладал свойствами офицера резерва, полного энергии, но осторожного и рассудительного. Со времени создания отряда гитов ему была поручена исключительно охрана главнокомандующего и главной квартиры. Впоследствии он стал герцогом Истрийским, маршалом империи и одним из маршалов гвардии.

VII

Для прикрытия Италии и осады Мантуи французской армии было необходимо занять линию Адидже и мосты у Вероны и Леньяго. Все попытки провизитора Фоскарелли воспрепятствовать движению на Верону были тщетны. 3 июня Массена овладел этим городом, расположенным в 32 лье от Милана, в 25 — от Венеции, в 16 — от Триента. В Вероне имелось три каменных моста через Адидже; мост Понте-Веккио имел 60 туазов длины и три арки. В этом городе было 60 000 жителей; он раскинут на большом пространстве, красив, богат, имеет очень здоровый климат. Он подчинился венецианцам в 1405 г. Его крепостная ограда на обоих берегах реки измеряется 6000 туазов. Крепостные форты расположены на высотах, господствующих над левым берегом.

Вооружив Порто-Леньяго, обсервационная армия заняла своим левым флангом высоты Монте-Бальдо, центром — Верону, правым флангом — нижний Адидже. Она прикрывала, таким образом, осаду Мантуи. Трехцветное знамя развевалось над тирольскими проходами. Теперь следовало ускорить падение Мантуи и отнять у Австрии этот оплот. Надеялись, что управятся с этим до подхода новой австрийской армии, но сколько боев, сколько событий, сколько опасностей предстояло еще испытать!

VIII

Мантуя расположена посреди трех озер, образуемых водами р. Минчио, которая вытекает из оз. Гарда у Пескиеры и впадает в р. По близ Говерноло. Она соединялась с сушей посредством пяти дамб. Первая из них, дамба Фаворита, отделяющая Верхнее озеро от Среднего, длиной в 100 туазов, была сооружена из камня. Вдоль этой дамбы находились городские водяные мельницы. В дамбе были сделаны шлюзовые затворы для пропуска вод. У конца дамбы была расположена цитадель Фаворита — правильный пятиугольник, довольно трудно доступный, так как несколько сторон его могли быть ограждены

наводнениями. Шоссе, устроенное на этой дамбе, служило для связи Мантуи с Ровербелла, а оттуда с Вероной или Пескиерой. Шоссе на дамбе Сен-Жорж¹ длиной в 180 туазов выходило к предместью того же названия и служило дорогой в Порто-Леньяго. Это шоссе запиралось каменными воротами; посредине озера были устроены подъемные мосты. По третьей дамбе проходило пиетольское шоссе. Нижнее озеро имело там ширину всего лишь 80 туазов; пространство же, находившееся между озером и самой крепостью, было занято укрепленным лагерем, обведенным рвами, полными воды, и находившимся под обстрелом из крепостных орудий. Шоссе на четвертой дамбе, у Черезских ворот, вело в Модену. Оно запиралось каменными воротами. Тут озеро было довольно широко. Наконец, на пятой дамбе проходило прадельское шоссе; оно было длиной в 200 туазов и служило дорогой в Кремону. Защищалось это шоссе остроугольным верком, расположенным посреди озера. Таким образом, из всех пяти шоссе на дамбах одно лишь шоссе Фаворита оборонялось цитаделью. Четыре остальных были беззащитны. В результате, заняв выходы этих шоссе, осаждающий мог горстью людей блокировать весь гарнизон Мантуи.

Во время существования Итальянского королевства хотели усовершенствовать эту большую крепость. Чувствовалась необходимость поставить укрепления у выходов со всех дамб. Инженер Шасслу возвел долговременный форт впереди сен-жоржского шоссе, другой форт, стоивший несколько миллионов, — впереди пиетольского шоссе, разрушил шоссе в Череза и соорудил форт впереди прадельского шоссе. Ныне, таким образом, для блокирования Мантуи надо обложить четыре форта, расположенные у четырех выходов.

Серральо — это местность между Минчио, Мантуей, По и каналом Фосса-Маэстра, выходящим из озера в Мантуе и впадающим в По около Боргофорте. Серральо представляет собой треугольник в 6—7 кв. лье; это — остров. Мантуя нуждалась в гарнизоне по меньшей мере в 12 000 человек; он должен был удерживаться возможно дольше в Серральо, чтобы использовать все его ресурсы (земля там очень плодородна), а также для того, чтобы сохранять свое господство над течением По и иметь возможность вывозить припасы с правого берега этой реки.

Говерноло когда-то был укреплен.

Сан-Бенедеттское аббатство, главная обитель бенедиктинских монахов, лежит на правом берегу По, напротив устья Минчио. Гарнизон Мантуи еще в мирное время устроил в нем госпиталь для выздоравливающих: воздух там очень здоровый.

¹ Здесь и далее в подлиннике приводится вместо итальянского названия «Сан-Джорджио» французское название «Сен-Жорж». — Р е д.

IX

Осажденный, сознавая, как важно закрепиться в начале каждого из пяти шоссе, с большим напряжением сил возводил там укрепления, но ему не дали на это времени. 4 июня сам главнокомандующий прибыл к Сен-Жоржскому предместью, захватил его после довольно сильного боя и отбросил противника в крепость. Противник едва успел развести подъемные мосты на дамбе; опоздай он на несколько минут,— участь крепости могла бы быть решена тут же. Ожеро овладел воротами Череза, преодолев ожесточенное сопротивление. Противник очистил Пиетоле и отступил в остроугольный верк.

Теперь, когда осаждающий овладел въездами на четыре дамбы, противник имел возможность производить вылазки только через цитадель Фаворита, так что гарнизон сдерживался осаждающей армией меньшей численности.

Блокада была возложена на Серюрье. Он расположил свою главную квартиру в Ровербелла, как пункте, наиболее близком к цитадели Фаворита. Три тысячи человек он поставил вокруг этой цитадели, 600 человек — в Сен-Жорже, 600 — в Пиетоле, 600 — в Череза, 1000 — в Праделла, 2000 человек артиллерии, кавалерии и пехоты в качестве подвижных колонн действовали вокруг озера. Около дюжины баркасов, вооруженных пушками, с командами из французских моряков, крейсировало по озерам. С 8000 человек всех родов войск в строю Серюрье блокировал гарнизон, насчитывавший 14 000 человек, из которых более 10 000 находилось в строю.

Возведение циркумвалационных линий признали ненужным и тем совершили ошибку, но инженеры обнадеживали, что крепость сдастся прежде, чем австрийская армия будет в состоянии прийти к ней на помощь. Без сомнения, эти линии негодились бы против Вурмзера, когда он завозил припасы в крепость накануне сражения у Кастильоне. Наполеон, снявший тогда блокаду и бросивший свой осадный парк, бросил бы также и циркумвалационные линии, но когда Вурмзер был отброшен в Мантую после сражения у Бассано, вероятно, что, будь там циркумвалационные линии, он не смог бы их форсировать и, пожалуй, сложил бы оружие. Это было во время третьей блокады. Когда же вокруг Сен-Жоржа были возведены циркумвалационные линии, то именно им были обязаны тем, что сдался корпус генерала Провера и был одержан успех в сражении под Фаворита в январе 1797 г.

X

Неаполитанский король, видя, что Верхняя Италия находится под властью французов, выслал в главную квартиру князя Бельмонте с просьбой о перемирии, которое и было подпи-

сано 5 июня. Неаполитанская кавалерийская дивизия в 2400 коней покинула австрийскую армию. Неаполитанский полномочный представитель отправился в Париж для заключения с республикой окончательного мира. Так как неаполитанский король мог выставить 60 000 человек, это перемирие было важным событием, тем более что его государство, удаленное от театра войны, оказывалось по своему географическому положению вне сферы влияния армии, господствующей в Верхней Италии: от По до оконечности полуострова — 200 лье.

Не без труда главнокомандующий добился признания своей политики французским правительством, хотевшим революционизировать Рим, Неаполь и Тоскану, не считаясь с расстоянием, шансами на успех и соотношением сил. У правительства было ошибочное представление и о местности, и о настроении этих народов, и о силе революционеров. Принципы ведения войны, которых придерживался кабинет, были плохи и неправильны.

Инженерная часть Итальянской армии находилась под командованием полковника Шасслу, произведенного в генералы. Это был один из лучших офицеров инженерного корпуса — неустойчивого характера, но хорошо знающий все тонкости своего искусства.

Леспинасс, начальник артиллерии, был старый офицер, лично храбрый, ревностный служака.

Домартен, Сюньи, Сонжис были заслуженными офицерами.

Начальник артиллерии Дюжар, посланный для вооружения ниццкого и прованского побережий, был убит на Тендском перевале альпийскими контрабандистами.

Болье после стольких поражений впал в немилость у своего повелителя и был отозван. Во временное командование австрийской армией вступил Мелас, главная квартира которого находилась в Триенте. Главнокомандующим австрийской армией в Италии был назначен фельдмаршал Вурмзер, командовавший армией Верхнего Рейна.

ГЛАВА V

МАРШ ПО ПРАВому БЕРЕГУ ПО

I. Причина движения французов на Апеннины. — II. Возмущение в имперских поместьях. — III. Вступление в Болонью и в Феррару (19 июня 1796 г.) — IV. Перемирие с папой (23 июня). — V. Вступление в Ливорно 27 июня. — VI. Наполеон во Флоренции. — VII. Мятаж в Луго. — VIII. Заложение траншей перед Мантуей (18 июля) — IX. Хорошее положение дел в Пьемонте и в Ломбардии.

I

Армия достигла места своего назначения: она занимала линию Адидже, прикрывая осаду Мантуи и Среднюю и Нижнюю

Италию. Она была в состоянии противодействовать австрийским армиям, двинутся ли они через Тироль или через Фриуль. Ей самой нельзя было идти вперед, не взяв Мантуи и не обезоружив государей правого берега По.

Но для осады Мантуи был необходим осадный парк, который армия оставила в Антибе. Тот, что был сформирован из крупнокалиберных пушек, снятых с крепостей Тортонна, Кони и Чева, был занят осадой Миланской цитадели; следовательно, нужно было прежде всего ускорить взятие этой цитадели.

Австрийский посланник в Генуе Жерола вызвал мятеж в императорских поместьях и организовал отряды из австрийских солдат, бежавших из плена каждый день, из пьемонтских дезертиров и из пьемонтцев, ставших контрабандистами в результате отпуска легких частей армии. Генуэзская олигархия с одобрением смотрела на все, что этот посланник замышлял против французской армии. Такое положение становилось нетерпимым: дороги от армии в Геную, Савону и Ниццу были перехвачены до такой степени, что батальону в 600 человек пришлось несколько раз вступать в бой, пока он добрался до армии.

Необходимо было лекарство быстрое и сильно действующее.

Римский двор вооружался. Было бы крайне досадно, если бы его войска усилились еще 5000 англичан, находившихся на Корсике; это создало бы опасную диверсию на правом берегу По в тот момент, когда австрийская армия оказалась бы в состоянии снова наступать.

Следовало поэтому переправиться через По, отбросить армию папы за Апеннины, принудить его к подписанию перемирия, затем перейти через Апеннины, занять Ливорно, изгнать оттуда английскую факторию, сосредоточить в этом городе 500—600 корсиканских беженцев и переправить их для поднятия восстания на Корсику. Это удержало бы там английскую дивизию, так как она занялась бы самообороной.

Фельдмаршал Вурмзер, отбывший с Рейна с 30 000 отборных войск, находился на марше в Италию. Он не мог прибыть туда раньше 15 июля. Следовательно, имелось 30—40 дней, в течение которых можно было без затруднения выделить необходимые отряды с тем, чтобы они возвратились на Адидже к середине июля.

II

7 июня Наполеон прибыл в Милан и распорядился заложить траншею перед цитаделью. Оттуда он отправился 13-го в Тортону и послал колонну в 1200 человек под командованием полковника Ланна к императорским поместьям. Полковник Ланн взял приступом Арквату, расстрелял бандитов, вырезав-

ших французский отряд в 150 человек, разрушил до основания замок маркиза Спинола, генуэзского сенатора и главного зачинщика мятежа. В то же самое время адъютант Мюрат отправился в Геную, был введен в сенат посланником Французской республики в Генуе Фейпу, потребовал и добился смещения губернатора Нови, изгнания из Генуи австрийских агентов и посланника Жерола и размещения отрядов из генуэзских войск на различных этапных пунктах, вменив им в обязанность очистить дороги, сопровождать французские транспорты и восстановить безопасность сообщения.

Генерал Ожеро со своей дивизией переправился через По 14 июня в Боргофорте, в четыре перехода достиг Болоньи и Феррары и овладел обоими этими легатствами, принадлежавшими папе.

Генерал Вобуа сосредоточил в Модене бригаду из 4000 человек и 700 коней.

Из Тортоны Наполеон двинулся через Пьяченцу, Парму, Реджио и 19-го прибыл в Модену. Его присутствие наэлектризовало жителей в двух последних городах, которые громкими кликами требовали свободы. Но перемирие тогда выполнялось регентством строжайшим образом. Главнокомандующий употребил все свое влияние, чтобы удержать этих людей в подчинении их государю. Он принял в Модене участие в празднествах, устроенных в его честь регентством, стараясь внушить ему доверие к себе и вместе с тем создать ему в глазах народа авторитет, в котором оно нуждалось; старый герцог со своими сокровищами уже давно бежал в Венецию.

Шоссе из Модены в Болонью проходит под гласисами форта Урбино, принадлежавшего папе. Этот форт состоял из старых бастионов и выдвинутых вперед верков, он был вооружен, снабжен припасами и оборонялся гарнизоном из 800 человек. Войска дивизии Ожеро, вошедшие в тот же самый день в Болонью, не имели времени овладеть им или блокировать его. Полковник Виньоль, помощник начальника штаба, отправился туда с 200 гидов и заставил гарнизон сдаться. Вооружение форта состояло из 60 пушек. Половина из них была отправлена в Боргофорте, где находился осадный парк.

III

Дивизия Ожеро захватила в Болонье одного кардинала и 400 человек. Кардинал выпросил разрешение отправиться в Рим на честное слово. Так как он вел себя там плохо, то несколько месяцев спустя генерал Бертье приказал ему возвратиться в главную квартиру. Он ответил в очень изысканном стиле, что грамотой святого отца освобожден от своего слова. Над этим в армии много смеялись.

В феррарской цитадели оказалось 114 орудий с большим количеством боеприпасов. Сорок из них были посланы в боргофортский парк.

Болонья, или по местному названию Дотта, расположена у подножья Апеннин, на р. Рено. В ней имеется 50 000—60 000 жителей. Болонская академия наук самая известная в Италии. Красивые улицы города окаймлены сводчатыми портиками для удобства пешеходов.

Посредством канала город связан с Венецией. Болонья оказывала большое влияние на все три легатства. Все они были недовольны господством пап, незаконным и позорным для всех светских людей. «Что может быть хуже,— говорили они,— чем быть под управлением духовенства? У нас нет родины; нами руководят холостяки, принадлежащие христианству и смотрящие на вещи с ложной точки зрения; их приучают с детства к богословским наукам, менее всего нужным для суждения о светских делах».

Особенно горячо жаждала свободы Болонья. В ней, как и в Брешиа, проживали самые пламенные приверженцы итальянского дела, готовые на все, чтобы оно восторжествовало. Ни в каком другом месте не выражалось французам более искренней симпатии. Этот город сохранил такое настроение.

Вступление армии в город было сплошным триумфом. Капрара, Марескальки и Альдини, депутаты сената, оказали ей почести. Двое первых принадлежали к лучшим фамилиям страны. Капрара, в то время сенатор, был впоследствии обер-штаб-мейстером итальянского короля, а Марескальки — министром иностранных дел; Альдини был лучшим адвокатом Болоньи и доверенным лицом сената. Впоследствии он сделался министром — государственным секретарем Итальянского королевства. В Болонье в то время находилось 300—400 испанских иезуитов. Они опасались за свою участь, и наиболее зажиточные и молодые из них бежали в Рим. Штаб главнокомандующего успокоил их и распорядился, чтобы с ними обращались с должным почтением. Между ними имелись люди выдающиеся.

В течение тех нескольких дней, которые Наполеон пробыл в Болонье, этот город совершенно изменил свою физиономию. Никогда революция не меняла с большей быстротой нравы и обычаи народа. Все, кто не принадлежал к духовенству, обрядились в военную форму и нацепили на себя шпагу; да и из духовных лиц многие были увлечены теми же идеями, которые воодушевляли народ. Город и частные лица устраивали множество празднеств, носивших характер народности и величия, какие впервые видела Италия. Французский главнокомандующий появлялся среди народа постоянно, без охраны, и каждый вечер отправлялся в театр без всякого другого эскорта, кроме болонцев.

IV

Тем временем в Ватикане поднялась тревога. Азара, испанский посланник, снабженный полномочиями папы, поспешно прибыл 23 июня для подписания перемирия, способного успокоить папу. Последний обязался отправить посланника в Париж для заключения с республикой окончательного мира. Перемирие должно было продолжаться до заключения мира. Болонья и Феррара оставались во власти французской армии; армия ставила свой гарнизон в Анкону; папа выплачивал 21 миллион деньгами, доставлял лошадей и зерно и отдавал сто произведений искусства, по выбору французских комиссаров, для отправки в парижский музей.

Военная обстановка была такова, что в предположения Наполеона не могло входить движение на Рим. Однако философы и враги святейшего престола с неудовольствием смотрели на это перемирие. Население Болоньи особенно беспокоилось, как бы ему не пришлось вернуться под власть папы. Но ему легко было объяснить, что теперь, когда условия мира зависели от Франции, мир этот не будет заключен без гарантии его свободы. Получив это обещание, население тотчас же вооружило национальную гвардию.

V

Закончив это важное дело, обеспечивающее спокойствие на флангах армии и содействовавшее привлечению к ней симпатий населения, Наполеон перешел Апеннины и в Пистойе 26 июня присоединился к дивизии Вобуа. Он поселился у епископа, который наделал столько шума своими религиозными взглядами, соответствовавшими взглядам священников, принесших присягу на верность конституции¹.

Манфредини, премьер-министр великого герцога тосканского, встревоженный слухами о намерении французской армии пройти через Флоренцию, поспешил в главную квартиру. Его успокоили, и он убедился, что французы хотят дружбы с великим герцогом и пересекут его территорию только для того, чтобы пройти в Сиенну.

29 июня, выйдя из Фучекио, Мюрат, командовавший авангардом, круто повернул на Ливорно и через 8 часов уже был там, надеясь захватить врасплох английских купцов, имевших в порту 100 груженных судов, но они были вовремя предупреждены и укрылись в корсиканских портах.

Стены Ливорно строились с расчетом на 8000—10 000 жителей. Торговля шла здесь с таким успехом, что население возросло до 60 000 с лишним человек, и это повело к постройке множества предместий, загроздивших гласисы. Войти в порт

¹ Во Франции. — Р е д.

было затруднительно. Рейд был удален от берега и плохо защищен. Каждый год на нем происходило немало аварий. Ливорно занял место порта Пизы, расположенного в устье Арно — главной тосканской реки. Это — морской порт Флоренции, который очень часто посещается англичанами, построившими здесь склады для своих мануфактурных товаров, продуктов из Индии и колоний. Занятие Ливорно и разрушение фактории были очень чувствительны для лондонской торговли.

В Ливорно собрались корсиканские беженцы, прибывшие из Франции в числе 600 человек. Прервать сообщение с Корсикой было невозможно. В глубь острова проникло множество агентов с воззваниями. Вице-король Эллиот не замедлил это почувствовать; произошел ряд восстаний. Беженцы были влиятельными лицами, а их близость и их письма возбуждали воинственных жителей гор. Последовали кровопролитные бои. Англичане каждый день теряли много людей и не имели достаточно сил, чтобы удержаться в стране. Можно было не опасаться того, что они будут тревожить итальянское побережье. Наконец, в октябре Джентили и масса корсиканских беженцев высадились на остров, подняли восстание и захватили его, изгнав англичан.

Спанокки, тосканский комендант Ливорно, был очень расположен к англичанам. Некоторые его поступки переполнили чашу терпения; он был арестован и отправлен во Флоренцию, где его передали в распоряжение великого герцога.

Французский консул Бельвилль взял в свое ведение все спорные дела об английских товарах. Несмотря на тучи жуликов, сбжавшихся из Марселя и Генуи, армейская казна получила 12 миллионов.

Комендантом города был оставлен Вобуа с 2000 человек гарнизона, и все войска направились обратно через Апеннины и По на Адидже для соединения с армией.

VI

Главнокомандующий по приглашению великого герцога отправился из Ливорно во Флоренцию. Он прибыл туда без всякого эскорта и остановился у французского посланника, где его ожидал гвардейский батальон, присланный герцогом в качестве почетного караула. Он остался очень доволен приемом великого герцога и с любопытством осматривал все, заслуживающее внимания в этой большой и старинной столице. Французские войска два раза проходили через великое герцогство, но вдали от Флоренции. Соблюдалась строжайшая дисциплина, и не было заявлено никаких жалоб. Тосканское правительство призналось, что англичане были больше хозяевами в Ливорно, чем оно само, и жаловались на заносчивость английского резидента.

Во время одного из обедов у великого герцога Наполеон получил известие о взятии миланского замка, капитулировавшего 29 июня. Громадные башни, остатки дворца Висконти, господствовали над местностью. Несколько орудий, обстреливавших траншеи сверху, задержали устройство подступов на несколько дней. Гарнизон силою в 2500 человек сдался. В этом замке оказалось 100 орудий. Осадный парк был немедленно отправлен на судах по р. По к Мантуе. Вместе с орудиями, снятыми с замка Урбино и Феррары, составил парк из 200 орудий, хорошо снабженных боеприпасами, который был признан достаточным для осады Мантуи.

После обеда великий герцог повел своего гостя в знаменитую Флорентийскую галерею для осмотра произведений искусства. Наполеон был восхищен Медицейской Венерой. Анатом Фонтана показывал ему превосходные модели человеческого тела из воска, он заказал такие же для Парижа.

Манфредини, мажордом и первый министр великого герцога, был наставником этого государя, так же как и эрцгерцога Карла. Родом он был из Падуи в венецианском государстве. Он был шефом австрийского полка Манфредини. Это был просвещенный человек, столь же близко воспринявший почти все философские идеи революции, сколь он был далек от крайностей ее. Он всегда боролся с домогательствами римского двора, который после смерти Леопольда пытался добиться отмены законов этого государя. Это был человек здравого смысла, всеми уважаемый, тайно стремившийся к независимости Италии. В этой стране не было такого благородного сердца или возвышенной души, которые, независимо от сана и положения в обществе, не чувствовали бы невольного стремления пожертвовать самыми дорогими привязанностями ради независимости и восстановления прекрасной Италии.

VII

После краткого пребывания во Флоренции Наполеон отправился в Болонью, где потратил несколько дней на то, чтобы ввести в определенное русло народный порыв к свободе. В Луго поднялся мятеж, были совершены эксцессы против слабого французского отряда. Генерал Бейран двинулся туда со своей бригадой и встретил сопротивление со стороны ворвавшихся в город 4000—5000 крестьян. Он их атаковал, разбил, захватил город, который был разграблен. Имольский епископ, впоследствии папа Пий VII, в епархии которого произошло возмущение, сделал попытку открыть глаза ослепленному народу. «Воздайте кесарево кесарю,— говорил он.— Иисус Христос велит повиноваться силе». Он высылал даже в Луго епископа эдесского, тогда своего старшего викария и затем духовника.

Успеха он не имел. Мятежники встречали его с почтением, но не подчинялись его уговорам. Они подчинились только силе.

Армия переправилась через По. На правом берегу осталось только несколько жандармских застав и складов. Население было настолько хорошо расположено к армии, что для порядка в тылу достаточно было национальной гвардии. Хотя регентство Модены и было предано противнику, но оно было бессильно; патриоты Реджио и Модены были значительно сильнее.

VIII

В Мантуе комендантом был Канто-д'Ирль, имевший в своем подчинении генералов Роккавина, Розельмини и Вукасовича с 12 000 человек пехоты, 500 кавалерии, 600 артиллерии, 150 минеров, 100 моряков — всего 14 000 человек. Главная квартира главнокомандующего была переведена из Болоньи в Ровербелла, где находился Серюрье, командовавший блокадным корпусом.

На Нижнем озере плавало несколько французских баркасов. Полковник Андреосси приготовил большое количество судов и надеялся на захват крепости врасплох. Уже 1000 гренадер была посажена на суда и должна была высадиться в 2 часа утра под батареей и бастионом у дворца, овладеть воротами и опустить подъемные мосты сен-жоржского шоссе, по которым армия вошла бы в город. Этот проект казался вполне осуществимым. Полковник Лагоц, уроженец Мантуи, должен был вместе с несколькими патриотами идти во главе колонны. Но так как уровень р. По значительно понизился и из Нижнего озера быстро вытекло много воды, то глубина его стала недостаточной для судов. Последние были вынуждены отойти в середину камышевых зарослей, чтобы не быть замеченными из крепости. Здесь ночью они сели на мель, и снять их не смогли. В следующую ночь воды еще убавилось. Эту экспедицию пришлось бросить. Тогда был возбужден вопрос, закладывать ли траншею или нет. Тирольская буря готова была вот-вот разразиться. Но Шасслу предложил взять крепость в 15 дней с помощью траншей. Крепость была плохо вооружена и гарнизон значительно ослаблен. Главнокомандующий решил на это.

Генералы Мюрат и Даллемань переправились через рукав Нижнего озера в Пиетоле, где он очень узок, и после сильного боя овладели незатопляемым участком местности от Пиетоле до дворца и укрепленным лагерем Мильяцетто. 18 июля все естественные препятствия были преодолены, впереди оставался только простой бастион и наполенный водою широкий ров. Инженерный генерал Шасслу заложил траншею. Осада после этого превратилась в совершенно обыкновенную. 22-го траншея была уже в 50 туазах от контрэскарповой галереи. Противник

тщетно пытался несколькими вылазками замедлить продвижение. Стычки были кровопролитные, но противника всегда отбивали, нанося ему потери. Особенно хорошо действовал во главе гренадерского батальона полковник Дюпон — тот самый, который впоследствии отличился в Египте при взятии Каира.

IX

Приближался момент, когда австрийцы могли оказаться в состоянии предпринять наступление. Наполеон, успокоенный относительно хода работ по осаде Мантуи, решил заняться переустройством внутренних дел Ломбардии для того, чтобы обеспечить свой тыл на время борьбы, которая должна была начаться. Он отправился в Милан с тем, чтобы вернуться к моменту наступления.

Сардинский король отдал себя целиком в распоряжение республики. Он сдал все свои крепости. Суза, Экзиль и Демонте срывались. Александрия находилась в руках Итальянской армии. В Милане находился сардинский поверенный в делах кавалер Боргезе; но король часто посылал в главную квартиру графа Сен-Марсана или для представления особых разъяснений или с просьбой о необходимой помощи для поддержания мира в стране. Сардинские дела не могли быть в более надежных руках. Характером и личными качествами он нравился главнокомандующему. Граф Сен-Марсан, принадлежавший к одной из лучших фамилий Пьемонта, был в возрасте 25—30 лет. Человек выдержанный, мягкий, просвещенный, он был свободен от всяких предрассудков и потому имел здравый взгляд на вещи. Он был настроен против австрийской политики — чувство, которое он унаследовал от своих предков и вывел из собственного опыта.

ГЛАВА VI

СРАЖЕНИЕ У КАСТИЛЬОНЕ

I. Прибытие фельдмаршала Вурмзера в Италию во главе новой армии. — II. Положение французской армии. — III. План кампании австрийской армии. — IV. Вурмзер выходит тремя колоннами (29 июля 1796 г.): правой — по шоссе в Киеза, центральной — в направлении на Монте-Бальдо, между Адидже и оз. Гарда, левой — по долине Адидже. — V. Важное и быстрое решение, принятое Наполеоном. Бой у Сало. Бой у Лонато (31 июля). — VI. Сражение у Лонато (3 августа). — VII. Сдача трех дивизий правого фланга противника и части центра. — VIII. Сражение у Кастильоне (5 августа). — IX. Вторая блокада Мантуи (конец августа). — X. Поведение различных родов Италии при известии об успехах австрийцев.

I

Когда венский двор узнал о прибытии французов на границу Тироля и об осаде Мантуи, он отказался от наступления, которое предполагал вести в Эльзасе, и выделил фельдмар-

шала Вурмзера во главе 30 тысяч человек из армии Верхнего Рейна для отправки в Италию. Там эта армия, соединившись с войсками Болье, пополнявшимися в течение двух месяцев, и с гарнизоном Мантуи, возросла до 80 000 человек, не считая больных в Мантуе.

Французская армия, разгромив армию Болье, выполнила возложенную на нее задачу. Если бы рейнские армии сделали то же самое, шедшая в Европе великая борьба была бы закончена.

Между тем слухи о приготовлениях австрийского дома дошли до венецианских областей; вдобавок купеческие письма постарались их преувеличить: до конца августа австрийцы будто бы овладеют Миланом, французы потеряют полуостров, не смогут уйти к Альпам, и снова оправдывается в этом году пословица, что Италия послужит им могилою.

II

Наполеон внимательно следил за всеми этими приготовлениями и сильно тревожился. Он заявлял Директории, что нельзя с одной только 40-тысячной армией сдерживать натиск всех австрийских сил. Он требовал, чтобы либо ему были высланы подкрепления, либо же рейнские армии начали кампанию без промедления. Он напоминал об обещании, данном ему при отъезде из Парижа, что они начнут действовать 15 апреля. Однако прошло еще два месяца, а они все не выходили со своих зимних квартир. Наконец, в июне они открыли кампанию; но подобная диверсия в то время не могла уже принести пользы Итальянской армии: 30 000 человек Вурмзера находились уже на марше, и вскоре ожидалось их прибытие к месту назначения. В таком положении предоставленный самому себе Наполеон сосредоточил на Адидже и на Кieza всю свою армию, оставив только один батальон в феррарской цитадели, два в Ливорно и этапные команды в Кони, Тортоне, Алессандрии, Милане и Пиццигетоне. Осада Мантуи вызвала заболевания; хотя в этой нездоровой местности он держал только 7000—8000 человек, то есть две трети гарнизона,—потери все же были значительными. На Адидже в обсервационной армии нельзя было собрать в строю больше 30 000 человек; с таким небольшим числом храбрых приходилось бороться против главной австрийской армии. Велась очень деятельная корреспонденция между Италией и Тиролем, где сосредоточивался противник. Каждый день можно было убеждаться в пагубном влиянии этих приготовлений на настроение итальянских народов. Приверженцы французов трепетали, приверженцы Австрии возгордились и стали угрожать, но все изумлялись, что такая держава, как Франция, оставила без поддержки и помощи армию, так хорошо послужившую родине. Эти пересуды проникли

даже в среду солдат вследствие их повседневного общения с жителями.

Дивизия Соре стояла на позиции в Сало, прикрывая местность между озерами Идро и Гарда и перехватывая дорогу из Триента в Брешиа по князской долине. Массена, расположившись в Буссоленго, занимал Корону и Монте-Бальдо бригадою Жубера, другая часть его дивизии стояла лагерем на Ривольском плато. Бригада Даллеманя из дивизии Деспинуа охраняла веронские мосты, другая бригада этой дивизии охраняла Адидже до Порто-Леньяго, дивизия Ожеро занимала Порто-Леньяго и Нижний Адидже. Генерал Гильом был комендантом Пескиеры, где шесть галер под начальством капитана 2-го ранга Лаллемана господствовали на оз. Гарда. Серюрье вел осаду Мантуи. Кильмэн командовал кавалерией армии, Доммартен — артиллерией. Главная квартира была перенесена в Кадельнуово, вблизи Адидже, Кнезы и Мантуи.

III

Вурмзер перенес свою главную квартиру в Триент и сосредоточил всю армию в итальянском Тироле. Он разделил ее на три корпуса. Левому, под командованием генералов Давидовича, Мессароша и Митровского, силою в 20 000 человек, была назначена для движения долина Адидже: Мессарош должен был следовать по шоссе левого берега и проникнуть в Верону по высотам; Давидович и Митровский, с кавалерией и артиллерией, должны были переправиться через Адидже по мосту, сооруженному у Дольче, и двинуться на Коссариа. Центр, силою в 30 000 человек, под командованием Вурмзера (в составе четырех дивизий — генералов Меласа, Себоттендорфа, Баялича и Липтая), должен был проникнуть в Италию через Монте-Бальдо и местность между Адидже и оз. Гарда. Правый, в составе 20 000 человек, под начальством Кваждановича, Отта, князя Рейсс и Очкая, должен был пройти через Кнезу, двинуться на Брешиа и обойти всю французскую армию, отрезая ее от Милана и тем самым от путей отступления. Полное ее поражение должно было явиться следствием этой искусно задуманной комбинации. Рассчитывая на свое громадное превосходство, Вурмзер думал не просто победить, но использовать победу целиком и сделать ее решительной и роковой для противника¹.

¹ Заметка, написанная рукой Наполеона:

Австрийские генералы:

Правый фланг	Центр	Левый фланг
1. Кважданович.	1. Вурмзер.	1. Давидович.
2. Очкай.	2. Мелас.	2. Мессарош.
3. Отт.	3. Себоттендорф.	3. Митровский.
4. Князь Рейсс.	4. Липтай.	
	5. Баялич.	

IV

Едва прошло несколько дней со времени прибытия Наполеона в Милан, как он узнал о движении противника из Тироля. Поспешно он отправился в Кастельнуово, в свою главную квартиру. В этом небольшом местечке он находился недалеко от Монте-Бальдо и Вероны. 29 июля утром он узнал, что Корона была атакована большими силами, что легкие войска генерала Мессароша вышли на веронские высоты на левом берегу Адидже и многочисленные колонны спускаются по Рокка-д'Анфо. В течение всей ночи донесения ежечасно следовали одно за другим. Стало известно, что Жубер, атакованный при Корона, весь день оказывал сопротивление, но вечером отошел на Риволийское плато, которое Массена занимал крупными силами; что австрийские бивачные огни покрывают всю местность между оз. Гарда и Адидже; что на веронских высотах вся дивизия Мессароша соединилась со своими легкими силами. Со стороны Брешиа Кважданович, вышедший по долине Кнезы, разделил свои войска на три колонны: одна прикрывала высоты Сант-Озетто¹, по-видимому, направляясь на Брешиа, другая заняла позицию у Гавардо и угрожала движением на Понте-Сан-Марко и Лонато, третья пошла на Сало, где вела бой с 3 часов дня. На рассвете 30-го было получено донесение, что сант-озеттская колонна проникла в Брешиа, где не встретила никакого сопротивления, захватив там в плен четыре роты, оставленные для охраны госпиталей. Одна из дорог, связывающих армию с Миланом, оказалась, таким образом, перехваченной; оставалась лишь единственная — кремонская. На всех дорогах из Брешиа в Милан, в Кремону, в Мантую появились разъезды, распускавшие слухи, что одна армия в 80 000 человек вышла через Брешиа, а другая армия в 100 000 человек — через Верону, что Соре, боясь оказаться отрезанным от Брешиа и от армии, отошел на высоты Дезенцано, оставив у Сало генерала Гюйо с 15 000 человек, в старинном замке, своего рода крепости, обеспеченной от захвата врасплох, что гавардской колонной противника выслано несколько разъездов на Понте-Сан-Марко, но что они там задерживаются ротой егерей, охраняющей этот мост.

V

План Вурмзера теперь был раскрыт. Он захватил и рассчитывал сохранить инициативу. Он предполагал, что армия стоит неподвижно вокруг Мантуи и что, окружив этот пункт,

¹ На современных картах это место значится под названием Сант-Езебио. — Прим. франц. ред.

он окружит тем самым и французскую армию. Чтобы расстроить этот план, следовало вырвать у него инициативу, сделать армию подвижной, сняв осаду Мантуи, пожертвовав траншеями и осадным парком для того, чтобы быстро двинуться всей армией на один из корпусов противника и затем последовательно обрушиться на оба остальных. Австрийцев было по два с половиной человека на одного француза, но если бы их корпуса были атакованы по отдельности всей французской армией, то эта армия имела бы на поле сражения численное превосходство. Правый корпус — Кваждановича, вышедший из Брешиа, находился, как казалось, в наиболее трудном положении. Наполеон двинулся сначала против него.

Дивизия Серюрье сожгла осадные лафеты и платформы, побросала порох в воду, зарыла в землю снаряды, заклепала орудия и в ночь с 31 июля на 1 августа сняла осаду Мантуи. Дивизия Ожеро направилась из Леньяго на Минчио, в Бордетто. Войска Массена защищали весь день 30-го высоты между Адидже и оз. Гарда. Бригада Даллеманя была двинута на Лонато.

Наполеон отправился на высоты позади Дезенцано, приказав Соре вновь двинуться к Сало на выручку генералу Гюйо, попавшему под удар на плохой позиции, где Соре его оставил. Гюйо дрался там 48 часов против целой неприятельской дивизии, которая пять раз бросалась на штурм и пять раз была отражена. Соре прибыл как раз в ту минуту, когда противник напрягал последние усилия. Он обрушился на фланги, разгромил его, захватил знамена, пушки и пленных.

В то же самое время австрийская дивизия генерала Очкая из Гавардо двигалась на Лонато, чтоб занять позицию на высотах и войти в связь с Вурмзером на Миичио. Наполеон сам повел против нее бригаду Даллеманя. Бригада проявила чудеса храбрости. Очкай был обращен в бегство и понес большие потери. Остатки этих двух дивизий, разбитых Соре и Даллеманем, стягивались в Гавардо. Соре опасался поставить себя под удар и снова занял промежуточную позицию между Сало и Дезенцано.

Тем временем Вурмзер распорядился переправить через Адидже свою артиллерию и кавалерию. Владая всей местностью между Адидже и оз. Гарда, он расположил одну из своих дивизий на высотах Пескиеры, чтобы прикрыть эту крепость и охранять свои коммуникации. Две другие дивизии с частью кавалерии он направил на Бордетто для овладения мостом через Минчио и для выхода на Киезу с целью войти в связь со своей правой колонной. С двумя последними дивизиями пехоты и оставшейся кавалерией он двинулся на Мантую, чтобы заставить снять осаду этой крепости. Но она была снята уже 24 часами раньше. Он нашел траншеи и батареи еще целыми, орудия перевернутыми и заклепанными, повсюду — об-

ломки лафетов, платформ и различного снаряжения. Поспешность, вызвавшая, как казалось, эту меру, должна была его обрадовать; все, что видел здесь Вурмзер, казалось, говорило больше об испуге, чем о заранее рассчитанном плане.

Массена, сдерживавший противника весь день 30-го, ночью переправился в Пескиере через Минчио и продолжал свое движение на Брешиа. Австрийская дивизия, показавшаяся перед Пескиерой, нашла правый берег Минчио усыпанным стрелками, высланными из гарнизона и из арьергарда Массена под командованием Пижона, имевшего приказание противодействовать переправе через эту реку и, когда она все же будет форсирована противником,—сосредоточиться к Лонато. Ожеро, двигаясь на Брешиа, переправился в Боргетто, уничтожил мост и оставил арьергард для занятия правого берега, приказав ему сосредоточиться к Кастильоне, когда противник форсирует реку. Всю ночь с 31 июля на 1 августа Наполеон двигался с дивизиями Ожеро и Массена на Брешиа, куда прибыл в 10 часов утра.

Дивизия противника, узнавшая, что французская армия движется на нее по всем дорогам, поспешно отступила. Войдя в Брешиа, она застала там 500 больных французов, но оставалась в Брешиа так недолго и была вынуждена уйти столь поспешно, что у нее не хватило времени ни обнаружить их, ни распорядиться ими. Генерал Деспиуа и помощник генерала Эрбен, каждый с несколькими батальонами, стали преследовать противника в направлении на Сант-Озетто и Киезу. Тогда Наполеон с двумя дивизиями — Ожеро и Массена — повернул обратно и быстрым контрмаршем двинулся от Минчио на Киезу, откуда раньше вышли обе эти дивизии, чтобы поддержать свои арьергарды, сделавшиеся в результате контрмарша авангардами.

VI

2 августа Ожеро, на правом фланге, занял Монте-Кьяро; Массена, в центре, стал у Понте-Сан-Марко, держа связь с Сорре, занимавшим на левом фланге высоту между Сало и Дезенцано с повернутым назад фронтом, чтобы сдерживать уже дезорганизованный правый фланг Кваждановича.

Тем временем арьергарды, оставленные Ожеро и Массена на Минчио, отходили перед дивизиями противника, форсировавшими переправы через эту реку. Арьергард Ожеро, имевший приказание сосредоточиться к Кастильоне, бросил свой пост раньше времени и вернулся в беспорядке к своим главным силам. Командовавший им генерал Валетт был смещен с должности перед строем за то, что не обнаружил в этом случае должной твердости. Что касается генерала Пижона,

то он с аррьергардом Массена достиг Лонато в полном порядке и расположился там. Противник, воспользовавшись оплошностью генерала Валетт, овладел Кастильоне 2 августа и там укрепился.

3 августа произошло сражение у Лонато. Оно было дано двумя дивизиями Вурмзера, переправившегося через Минчио по мосту у Борgetto, в том числе дивизией Липтая, и одной из бригад дивизии Баялнча, которую он оставил перед Пескиерой. Вместе с кавалерией силы австрийцев равнялись 30 000 человек. У французов было 20 000—23 000 человек. Исход дела был предрешен. Вурмзер с двумя пехотными дивизиями и кавалерией, которые он повел в Мантую, а тем более Кважданович, который уже отступал, не могли здесь находиться.

Утром, на рассвете, противник двинулся на Лонато, которое было им стремительно атаковано. Здесь он надеялся установить связь со своим правым флангом, о котором он начал беспокоиться. Авангард Массена был сбит, Лонато взят. Главнокомандующий, находившийся в Понте-Сан-Марко, стал во главе войск. Австрийский главнокомандующий слишком растянул свои войска, упорствуя в стремлении продвинуть правый фланг, с тем чтобы открыть себе коммуникации с Сало, и поэтому его фронт был прорван в центре. Лонато был вновь взят с хода, и неприятельская линия разрезана надвое. Одна часть отошла на Минчио, другая бросилась к Сало; но, поражаемая с фронта генералом Соре, который вышел ей навстречу, а стыла — генералом Сент-Илером, окруженная со всех сторон, она была вынуждена сложить оружие. Если французы были атакованы в центре, то сами они атаковали правый фланг. Ожеро атаковал дивизию Липтая, прикрывавшую Кастильоне, и опрокинул ее после упорного боя, в котором мужество солдат компенсировало малую их численность. Противник потерял Кастильоне и отступил на Мантую, откуда к нему подоспели подкрепления, но уже после того, как сражение было окончено. Дивизия Ожеро потеряла много храбрых бойцов в этом упорном бою. Армия особенно сожалела о генерале Бейране и полковнике Пурайе, весьма выдающихся офицерах.

VII

Кважданович ночью получил сообщение об исходе Лонатского сражения. Весь день он слышал оттуда пушечную пальбу. Его положение становилось очень затруднительным: соединение с главными силами армии стало невозможным. К тому же он думал, что французские дивизии, действовавшие против него 2 августа, продолжают все время идти за ним, и это делало французскую армию в его представлении огромной. Ему казалось, что она находится повсюду. Вурмзер из Мантуи направил часть своих войск к Маркарии для преследования Се-

рюрье и потерял время, пока повернул их назад к Кастильоне. 4 августа ему не удалось этого сделать. Он потратил весь день на сбор и приведение в порядок своих частей, дравшихся под Лонато, и снабжение боевыми припасами своей артиллерии.

Наполеон в 2 или в 3 часа пополудни произвел разведку боевой линии, занимаемой австрийской армией. Она оказалась ему грозной: на ней находилось еще 25 000—30 000 бойцов.

Он приказал укрепить Кастильоне, внес исправления в занятую Ожеро позицию, которая была дурной, и отправился в Лонато для того, чтобы лично наблюдать за движением своих войск, которые чрезвычайно важно было ночью сосредоточить вокруг Кастильоне. Весь день Соре и Эрбен с одной стороны, Даллемань и Сент-Илер — с другой безостановочно преследовали три дивизии правого фланга противника и дивизии, отрезанные от центра в сражении у Лонато. На каждом шагу они захватывали пленных. Батальоны в полном составе складывали оружие — одни в Сант-Озетто, другие в Гавардо, многие разбрелсь, не зная, что делать, по соседним долинам. 4000—5000 человек из них, узнав от крестьян, что в Лонато только 1200 французов, направились туда в надежде пробить себе дорогу на Минчио. Было 5 часов вечера. Наполеон тоже въехал в Лонато с другой стороны, двигаясь из Кастильоне. К нему привели парламентаря. В то же время донесли, что неприятельские колонны двигаются через Понте-Сан-Марко с целью занять Лонато и требуют сдачи этого города. Между тем Сало и Гавардо все время оставались в руках французов. Было очевидно, что это могли быть только заблудившиеся колонны, пытавшиеся пробиться. Наполеон приказал своему многочисленному штабу сесть на коней, затем привести к нему офицера-парламентаря и развязать ему глаза среди шумного движения главной квартиры. «Скажите своему генералу, — заявил ему Наполеон, — что я даю ему восемь минут срока для того, чтобы сложить оружие; он очутился среди всей французской армии. По прошествии этого времени пусть не надеется больше ни на что». Измотанные и проплутавшие в течение трех дней, неуверенные в себе, не зная, что делать, убежденные, что крестьяне их обманули, эти 4000—5000 человек сложили оружие. Один этот эпизод может дать понятие о беспорядке и смятении в австрийских дивизиях, разбитых у Сало, у Лонато, у Гавардо, преследуемых во всех направлениях и почти уничтоженных. Весь остаток дня 4-го и вся ночь прошли в сборе всех войсковых колонн и сосредоточении их в Кастильоне.

VIII

5-го до рассвета французская армия силою в 20 000 человек заняла кастильонские высоты — прекрасную позицию. Дивизия

Серюрье силой в 5000 человек получила приказание выступить из Маркарии, сделать ночной переход и обрушиться утром с тыла на левый фланг Вурмзера. Пушечные выстрелы Серюрье должны были служить сигналом для начала общего сражения. От этой внезапной атаки ожидали большого морального эффекта, и, чтобы сделать его еще более чувствительным, французская армия притворилась отступающей. Но как только она услышала первые звуки канонады обходной колонны Серюрье, замещенного вследствие его болезни генералом Фиорелла, армия быстро двинулась вперед и обрушилась на противника, уже поколебленного в своей уверенности и растратившего свой первый порыв. Медольский¹ холм, находящийся среди равнины, являлся опорным пунктом левого фланга противника. Помощнику генерала Вердые было поручено его атаковать; адъютант Мармон направил туда несколько артиллерийских батарей. Холм был взят. Массена атаковал правый фланг, Ожеро — центр, Фиорелла ударил с тыла на левый фланг; легкая кавалерия внезапно атаковала главную квартиру и едва не захватила в плен самого Вурмзера. Противник повсюду начал отступать. Только чрезвычайное утомление французских войск спасло армию Вурмзера, в беспорядке бросившуюся на левый берег Минчио, в надежде сосредоточиться на нем и удержаться. Здесь ей было выгодно оставаться, так как сохранялись коммуникации с Мантуей. Но дивизия Ожеро двинулась на Боргетто, а дивизия Массена — на Пескиеру. Генерал Гильом, комендант этой крепости, имевший только 400 человек гарнизона, замуровал ворота. Пришлось потерять несколько часов, пока их пробили. Австрийские войска, блокировавшие Пескиеру, были свежее. Они долго держались против 18-й линейной полубригады, которой командовал полковник Сюше, но были, наконец, отброшены, потеряли 18 пушек и много пленных.

Главнокомандующий двинулся с дивизией Серюрье к Вероне, куда прибыл 7-го ночью. Вурмзер распорядился закрыть ворота, желая выиграть ночь для эвакуации своего обоза, но Наполеон приказал сбить их пушечными выстрелами и овладел городом. Австрийцы понесли много потерь.

Дивизия Ожеро, встретив затруднения в устройстве переправы у Боргетто, перешла по Пескиерскому мосту. Вурмзер, потеряв линию Минчио, попытался сохранить важную позицию Монте-Бальдо и Рокка-д'Анфо. Генерал Сент-Илер атаковал Кваждановича в долине Идро, 12-го числа овладел Рокка-д'Анфо, Лодроне, Рнва и захватил много пленных. Это заставило австрийцев сжечь свою озерную флотилию. Массена двинулся на Монте-Бальдо и 11-го числа снова взял Корона. Ожеро поднялся вверх по левому берегу Адидже, следуя по горным хреб-

¹ Монте-Меделано, в 3800 м юго-западнее Сольферино. — Прим. франц. ред.

там, и дошел до высоты Алла. Бои и маневр этих трех дивизий дали 2000 пленных и несколько пушек.

После проигрыша двух таких сражений, как у Лонато и Кастильоне, Вурмзер должен был понять, что он не может более мешать французам в занятии позиций, которые они сочтут для себя необходимыми. Он отступил в Роверето и Триент.

Сама французская армия тоже нуждалась в отдыхе.

Австрийская армия после своего поражения все еще состояла из 40 000 человек, но отныне один батальон Итальянской армии обращал в бегство четыре неприятельских, и повсюду французы захватывали пушки, пленных и предметы военного снаряжения. Вурмзер, правда, снабдил припасами гарнизон Мантуи. Он вывел оттуда бригады Рокковина и Вукасовича, которые заменил свежими войсками, но он увел с собой обратно только половину своей прекрасной армии, притом ничто не может сравниться с деморализацией этой армии и потерей ею боеспособности после понесенных неудач, за исключением разве крайней самоуверенности, которая возбуждала ее в начале кампании.

План австрийского главнокомандующего, который мог быть осуществлен при других обстоятельствах и против другого человека, чем его противник, должен был неизбежно привести к печальному исходу. Хотя, на первый взгляд, поражение этой большой и прекрасной армии в течение нескольких дней, казалось, следовало бы приписать только искусству Наполеона, который все время импровизировал, противопоставляя свои действия заранее намеченному общему плану,— все же нужно признать, что этот план имел порочную основу. Всегда бывает ошибочно действовать отдельными корпусами, не имеющими между собой никаких коммуникаций, против сосредоточенной армии, части которой имеют между собой хорошую связь. Правый корпус австрийцев мог сообщаться с центром только через Роверето и Ледро. Другой ошибкой было подразделение правого фланга на несколько колонн и назначение различных целей различным его дивизиям. Та, которая прошла к Брешиа, не нашла противника, а та, которая достигла Лонато, имела дело с войсками, бывшими накануне в Вероне перед левым флангом, который в это время входил в Веронскую область и никого больше не имел перед собой.

В австрийской армии были очень хорошие войска, но были также и плохие. Все, что пришло с Вурмзером с Рейна, было превосходно, но кадры бывшей армии Болье, столько раз битые, были деморализованы. В боях и сражениях с 29 июня по 12 августа французская армия взяла 15 000 пленных, 70 пушек и девять знамен; убитых и раненых у противника было 25 000 человек. Потери французской армии равнялись 7000 человек, из которых 1400 попало в плен, 600 были убиты и 5000 ранены, половина из них легко.

IX

Гарнизон Мантуи первые дни после снятия осады потратил на разрушение возведенных противником сооружений, на увоз оставленных орудий и боеприпасов. Быстрое поражение Вурмзера вернуло французов к крепости. Потеря осадного парка лишила их возможности продолжать осаду. Потеря этого парка, созданного с большими трудностями из орудий, собранных в различных крепостях Италии, была весьма чувствительна. Впрочем, заложение и обслуживание траншей были бы слишком опасны для войск в это время года, когда все возрастало число жертв дурного климата. Наполеон не стал создавать другой осадный парк, который был бы готов только к тому времени, когда новые события могли привести к новой потере его, заставив снять осаду вторично. Он удовлетворился простой блокадой. Это было возложено на генерала Саюгэ. Он атаковал Говерноло и приказал генералу Даллеманю атаковать Боргофорте.

24 августа в его власти было все Серральо. Он отбросил противника в крепость и сжал кольцо блокады. Им было увеличено число редутов и прочих сооружений на контрвалационной линии. С каждым днем численность его войск уменьшалась от убийственной лихорадки, и в армии с ужасом предвидели рост потерь в осеннее время. Правда, гарнизон был подвержен тем же заболеваниям, однако он был лучше укрыт в домах и пользовался бóльшими удобствами, чем осаждающие.

X

При первых же слухах о неудачах французской армии население Италии обнаружило, на чью сторону оно втайне склонялось. Партия приверженцев противника зашевелилась больше всего в Кремоне, в Казаль-Маджиоре и в Павии, но вообще в Ломбардии преобладало хорошее настроение. Особенно в Милане народ проявил большое постоянство. За это он с тех пор пользовался доверием Наполеона, давшего ему оружие, о чем Милан не переставал настойчиво просить и которое он сумел хорошо использовать. Несколько времени спустя Наполеон писал миланцам:

«Когда французская армия начала отходить, а приверженцы Австрии и враги итальянской свободы считали ее безвозвратно погибшей, когда вы сами не могли подозревать, что этот отход был лишь хитростью,— вы выказали привязанность к Франции и любовь к свободе. Вы проявили усердие и силу характера, вызвавшее к вам уважение в армии, и за эти заслуги вы будете взяты под покровительство республики. С каждым днем ваш народ становится все больше достойным свобо-

ды, с каждым днем в нем увеличивается запас энергии, и он, без сомнения, в один прекрасный день выступит со славой на мировой арене. Примите выражение моего удовлетворения и искренние пожелания французского народа видеть вас свободными и счастливыми».

Население Болоньи, Феррары, Реджио и Модены выказало живой интерес к судьбе французов. Известия об их неудачах были приняты с неудовольствием, а известия об их победах, наоборот, встречались восторженно. Парма сохранила верность, но регентство Модены проявило враждебность.

В Риме французы подвергались оскорблениям на улицах. Выполнение условий перемирия было приостановлено. Кардинал Маттеи, архиепископ Феррары, проявил свою радость по случаю снятия осады Мантуи. Он призвал народ к восстанию, завладел феррарской цитаделью и поднял над ней флаг церкви. Папа тотчас же послал туда легата. Думали, что французы уже по ту сторону Альп. После сражения у Кастильоне кардинал Маттеи был вызван в Брешиа. Введенный к главнокомандующему, он отвечал на все одним словом: «Pescavil»¹, это обезоружило победителя, удовольствовавшегося заключением его на три месяца под домашний арест в семинарии. Впоследствии этот кардинал был полномочным представителем папы в Толентино².

В вознаграждение за хорошее поведение Ожеро в сражении у Лонато, где он командовал правым флангом и руководил атакою Кастильоне, он впоследствии получил титул герцога Кастильонского. Сражение у Лонато — самый блестящий подвиг в жизни этого генерала. Наполеон о нем никогда в дальнейшем не забывал.

ГЛАВА VII

МАНЕВРИРОВАНИЕ И БОИ МЕЖДУ МИНЧИО И БРЕНТОЙ

I. Расположение австрийской армии в Тироле к 1 сентября 1796 г. — II. Сражение у Роверето (4 сентября). — III. Вурмзер спускается в равнины Бассано. — IV. Бои у Примолано, Каволо, Чисмоне (7 сентября). Французская армия форсирует ущелья Бренцы. — V. Бой у Вероны (7 сентября). — VI. Сражение у Бассано (8 сентября). — VII. Вурмзер переправляется через Адидже по мосту Порто-Леньяго (11 сентября). — VIII. Сражение у Сен-Жоржа (15 сентября). Вурмзер запирается в Мантуе. — IX. — Третья блокада Мантуи.

I

Армии Самбро-маасская и Рейнско-мозельская переправились, наконец, через Рейн. Они быстро двинулись в сердце Германии; первая достигла р. Регниц, вторая — р. Лех. Вурм-

¹ «Грешен». — Ред.

² Далее опущен ряд фактов из биографии кардинала. — Ред.

зер, получив 20 тысяч рекрутов, находился в Тироле. Он перешел в наступление, намереваясь с 30 000 человек пройти из Триента на выручку Мантуи, следуя по ущельям Brenty, через Бассано и вдоль нижнего течения Адидже и оставив Давидовича с 25 000 человек для охраны Тироля.

Наполеон понял всю важность отвлечения на себя австрийской армии, чтобы помешать ей выделить какие-либо силы против приближавшейся к равнинам Баварии Рейнской армии. Как только он распознал замысел Вурмзера, он решил немедленно перейти в наступление и разбить его по частям, захватив врасплох и закончив тем самым разгром этой армии, причинившей ему столько хлопот, за которые она была еще недостаточно наказана поражениями при Лонато и Кастильоне.

Генералу Кильмэну с отрядом в 2500—3000 человек всех родов войск было поручено охранять Адидже, прикрывая блокаду Мантуи, которая велась под командованием генерала Саюгэ. Кильмэн занимал равнины Вероны и Порто-Леньяго. Часть веронской стены на левом берегу Адидже была восстановлена, и форты могли выдерживать осаду. В инструкциях, данных Кильмэну, были предусмотрены все события, которые последовали.

1 сентября Вурмзер со своей главной квартирой был еще в Триенте, а Давидович в Роверето. Он прикрывал Тироль дивизией Вукасовича, расположенной в Марко с авангардом в Серравалле и аванпостами в Алла, и дивизией Рейсса, расположенной в Мори, на правом берегу Адидже, с авангардом у моста в Череа и аванпостами в Лодроне. Резерв Давидовича стоял на превосходной позиции Калиано за Роверето. Три дивизии и кавалерийские резервы, с которыми Вурмзер хотел действовать на Адидже, находились на марше между Триентом и Бассано, дивизия Мессароша — около этого города, дивизии Себоттендорфа — в Ровиго и Маньяно и дивизия Кваждановича — у Авичио.

Дивизия Вобуа, образуя левый французский фланг, двинулась в тот же день, 1 сентября, из Лодроне и поднялась вверх по Киезе, следуя по шоссе, ведущему в Триент. Дивизия Массена, кавалерийский резерв и главная квартира переправились через Адидже по мосту Поло, направляясь по шоссе левого берега. Дивизия Ожеро, вышедшая из Вероны, двигалась во второй линии по тому же шоссе, занимая легкой пехотой главный хребет гор, господствующих над долиной левого берега Адидже.

Тироль является одним из самых старинных владений австрийского дома; население его до конца предано этому дому. Трентино, его южная часть, называемая Итальянским Тиролем, была под управлением епископа — триентского владельца. Из Триента в Италию ведут три шоссе: одно в Бассано, по берегу Brenty, одно в Верону, через Роверето, по левому берегу Адидже, и одно в Брешиа. Пересекая р. Сарка и обходя затем

оз. Гарда, оно в дальнейшем следует по Кнезе и проходит Рокка-д'Анфо. Шоссе веронское и бассанское соединяются поперечной дорогой, так что для перехода с одного на другое нет надобности добираться до Триента, являющегося узлом дорог.

Князь Рейсс хотел оборонять мост через Сарка, но генерал Сент-Илер, командующий авангардом дивизии Вобуа, энергично атаковал его и захватил с хода, взял большое число пленных и преследовал противника по пятам до Мори. Со своей стороны, генерал Пижон, командующий авангардом Массена, сбил авангард Вукасовича в Серравалле, преследовал его до Сан-Марко и захватил несколько сот пленных. Обе армии 4 сентября на рассвете оказались одна перед другой, каждая на обоих берегах Адидже. Атака была стремительная, сопротивление — упорное, но едва только австрийские ряды заколебались, Наполеон приказал генералу Дюбуа броситься в атаку с 300 человек конницы. Атака Дюбуа была успешна, но сам он, произведенный тремя пулями, пал в бою. Это был храбрый офицер, отличившийся в предшествовавших кампаниях на Рейне.

Армия вошла в Роверето на плечах противника, которому удалось собраться лишь в ущелье перед Калиано — на очень сильной позиции. Здесь Адидже стиснута между отвесными горными вершинами. Ущелье не достигает и 40 туазов ширины; фортификационные сооружения и стена, поддерживаемые многочисленными батареями, преграждали вход. Генерал Давидович с резервом был на позиции. Генерал Доммартен выставил одну легкую батарею, простреливавшую ущелье насквозь. В горах начали наступать стрелки и добились там некоторого успеха. Девять батальонов в сомкнутой колонне устремились в теснину, ударили на противника и опрокинули его. Артиллерия, кавалерия, пехота перемешались. Было захвачено 15 пушек, семь знамен, 700 пленных.

Со своей стороны генерал Вобуа форсировал лагерь Мори и, преследуя противника, поднимался вверх по правому берегу реки в направлении на Триент. Лемаруа, адъютант главнокомандующего, был тяжело ранен в отважной и блестящей атаке у Роверето. Этот горячий молодой человек, родом из департамента Ламанш, отличился в Париже в день вандемьера.

Армия продолжала двигаться часть ночи. 5-го днем она вошла в Триент. Вечером дивизия Вобуа продвинулась дальше и заняла позицию на Авичио, в трех лье от Триента; остатки войск Давидовича стояли на позиции позади этой реки. Наполеон приказал начальнику кавалерии перейти реку вброд с тремя эскадронами, разрезать неприятельскую линию и ударить с тыла на войска, обороняющие мост, в то время как на них будет произведена атака с фронта. Противник в большом беспорядке бросил свою позицию, и генерал Вобуа расположился на берегах Авичио.

III

Проигрыш сражения у Роверето, вместо того, чтобы остановить движение Вурмзера на Бассано, заставил его только ускорить марш. Действительно, будучи отрезан от Триента и от Тироля, он должен был спешить выйти из ущелий и сосредоточить свою армию в Бассано, чтобы провести операционную линию через Фриуль. Но его побуждала другая причина: он решил, что Наполеон хочет двинуться на Инсбрук для соединения с Рейнской армией, вступившей к тому времени в Баварию, и, основываясь на этой ошибочной мысли, он распорядился двинуть дивизию Мессароша на Мантую. 7 сентября она уже дошла до Вероны, а в то же время главная квартира прибыла с дивизиями Себоттендорфа и Кваждановича и резервами в Бассано. Арьергард занял позицию у Примолано с целью оборонять ущелья Бренты. В ночь с 5 на 6 сентября в Триенте было получено известие, присланное генералом Кильмэном из Вероны, что дивизия Мессароша переправилась через Бренту и двинулась к Адидже и, вероятно, 7 сентября атакует Верону. У Наполеона тотчас же возник план запереть Вурмзера между Брентой и Адидже или, если при его приближении он отойдет к Пьяве, окружить и захватить дивизию Мессароша, уже подставившую себя под удар и слишком выдвинувшуюся вперед, чтобы успеть отойти.

Охрану Итальянского Тироля Наполеон поручил генералу Вобуа, который со своей позиции на Авичио мог достигнуть Бреннера, направившись навстречу генералу Мессарошу, если его правый фланг прибудет в Инсбрук. В течение ночи он организовал управление страной и распорядился расклеить следующее воззвание:

«Тирольтцы, вы просите покровительства французской армии: нужно, чтобы вы были этого достойны. Так как большинство из вас настроено хорошо, то заставьте подчиниться небольшое число упрямцев. Их безрассудное поведение способно навлечь на ваше отечество все ужасы войны. Превосходство моего оружия ныне бесспорно. Министры императора, подкупленные английским золотом, изменили ему. Этот несчастный государь не делает ни одного шага, который не был бы ошибкой. Вы хотите мира? Французы борются за него. Мы пришли на вашу землю только для того, чтобы заставить венский двор внять голосу скорбящей Европы и прислушаться к голосу ее народов! Мы идем сюда не для увеличения своих владений; природа ограничила наши пределы Рейном и Альпами, так же как Тироль сделан ею границей владений австрийского дома.

Тирольтцы, что бы вы ни делали в прошлом, вернитесь к своим очагам, покиньте знамена, столько раз видевшие поражение и бессильные вас защитить. Я говорю об этом не потому,

что несколько большее число врагов может устрасить победителей Альп и Италии, но потому, что я стараюсь избежать лишних жертв, чего требует благородство моей нации. Мы грозны в боях, но друзья тех, кто принимает нас гостеприимно.

Религия, обычай, собственность в подчинившихся общинах будут уважаться...»

6 сентября на рассвете, имея в голове дивизию Ожеро, затем Массена и резерв, Наполеон двинулся по ущельям Brentы с целью скорейшего выхода на Бассано. Нужно было сделать эти 20 лье по трудной дороге самое большое в два дня. Вечером главная квартира и армия стали в Борго-ди-Валь-Суганья.

IV

7-го на рассвете Наполеон двинулся дальше. Его авангард не замедлил столкнуться с авангардом Вурмзера на позиции за Примолано. Вытеснить его оттуда казалось невозможным, но ничто не могло устоять против французской армии. 5-я пехотная легкая полубригада в рассыпном строю, поддержанная тремя батальонами 4-й линейной, тремя сомкнутыми колоннами опрокинула двойную австрийскую линию. 5-й драгунский полк под командой полковника Милье перерезал шоссе. Авангард противника почти целиком сложен оружием. Артиллерия, знамена и обозы — все было захвачено. Небольшой форт Каиоло тщетно пытался сопротивляться — он был обойден и взят.

Ночью французская армия остановилась в селении Чисмоне. Наполеон устроил там свой командный пункт, без свиты, без вещей, изнемогая от голода и утомления. Всю ночь он провел на бивуаке. Один солдат (узнанный впоследствии императором в Булонском лагере в 1805 г.) поделился с ним своим хлебным пайком.

Были захвачены склады с боевыми припасами. 12 пушек, пять знамен и 4200 пленных.

V

В тот же самый вечер дивизия Мессароша атаковала Верону, которой надеялась овладеть без сопротивления. Но впереди Вероны вся местность была приспособлена к обороне; сильный рavelин был возведен перед воротами Виченцы. Генерал Кильмэн поджидал Мессароша. Подступы к городу оборонялись несколькими кавалерийскими эскадронами, которые, отойдя за фортификационные сооружения, завели австрийскую колонну под огонь 30 орудий, стрелявших картечью. После нескольких тщетных попыток Мессарош, сочтя невозможным взять крепость штурмом, остановился в Сан-Микеле, потребо-

вав подкреплений и понтонный парк для переправы через Адидже и окружения города. Но Вурмзер, сам оказавшийся в это время в Бассано под неожиданной угрозой нападения, приказал ему как можно скорее отступать к себе. Он надеялся вовремя подтянуть эту дивизию, чтобы остановить французскую армию перед Бассано. Но было слишком поздно: дивизия Мессароша дошла только до Монтебелло в день 8 сентября, когда разыгралось сражение у Бассано.

VI

8 сентября уже до рассвета Наполеон находился на аванпостах. В 6 часов авангард атаковал и отбросил шесть батальонов, бывших на позиции в ущельях по обоим берегам Brentы. Их остатки отошли на линию главных сил, насчитывавших 20 000 человек, но оказавших лишь слабое сопротивление. Дивизия Ожеро атаковала левый фланг, дивизия Массена — правый фланг. Неприятель был опрокинут повсюду и отброшен на Бассано. 4-я линейная полубригада сомкнутой колонией перешла по мосту, как в Лоди. В 3 часа армия вошла в Бассано и захватила 6000 пленных, восемь знамен, два понтонных парка, 200 обозных повозок, 32 пушки, 100 повозок парков разного рода — все повозки в четверной упряжке.

Вурмзер в беспорядке отступил на Виченцу, не имея больше возможности отступать к Пьяве. Там он соединился с дивизией Мессароша. Таким образом, он оказался отрезанным от наследственных владений Австрийского дома и от коммуникаций с Австрией. Генерал Кважданович с 3000 человек, отрезанный от Бассано, отступил на Фриуль. 9-го дивизия Массена двинулась на Виченцу, дивизия Ожеро — на Падую, перехватывая обе большие дороги на случай, если бы Вурмзер попытался вернуться на Brentу, чтобы достигнуть Пьяве. Разбитый в Роверето, в ущельях Brentы, в Бассано и перед Вероной, он имел лишь деморализованные войска. Лучшие он потерял. От армии в 60 000 человек у него осталось только 16 000. Никогда не было более критического положения. Он отчаявался в своем спасении. Французы каждую минуту ждали, что он сложит оружие.

VII

Из этих 16 000 человек 6000 состояли из кавалерии, отлично обученной и недеморализованной, совсем не понесшей потерь и не разбитой в бою. Она наводнила всю местность в поисках прохода на Адидже. Два эскадрона переправились на правый берег Адидже, воспользовавшись альбаредским паро-

мом для разведки расположения французов и получения сведений о Мантуе. Вурмзер не мог переправиться через Адидже на этом пароме, так как французская армия преследовала его по пятам и он потерял в Бассано свой понтонный парк. Его положение было безнадежно, но тут неожиданно французы очистили Леньяго, не разрушив моста. Эта ошибка батальонного командира спасла его. Кильмэн, когда он был атакован в Вероне дивизией Мессароша, вызвал к себе 400 человек, охранявших Леньяго, и приказал Саюгэ заменить их отрядом из блокирующих Мантую войск. Командир батальона, командовавший этой частью, потеряв несколько человек зарубленными по дороге из Леньяго в Мантую, дал себя уговорить, будто вся австрийская армия переправилась в Альбаредо и вот-вот отрежет ему отступление. Он поверил слухам, распространяемым противником, о поражениях французской армии, будто бы погибшей в Тироле. Он счел себя отрезанным, потерял голову, очистил позицию и начал отступать к Мантуе. Вурмзер, извещенный об этом счастливом обстоятельстве, направился тотчас же в Леньяго, вошел туда без выстрела и воспользовался мостом для переправы через Адидже. В это же время главнокомандующий прибыл в Арколе. Получив это печальное известие, он завладел паромом у Ронко, приказал тотчас же Массена переправиться на правый берег а Ожеро — двинуться из Падуи на Леньяго. У него все еще была надежда снова окружить фельдмаршала, прибыв раньше его к Молинелле. Кильмэн со всем, что он мог найти в своем распоряжении, расположился на этой реке, преграждая дорогу к Мантуе, но он был слаб; нужно было придти к нему на помощь, прежде чем подоспеет противник. Вурмзер потерял ценное время в Леньяго или потому, что чрезмерное утомление вынудило его дать отдых войскам, или потому, что думал, будто французы находятся на дороге из Виченцы в Ронко; он заколебался в надежде восстановить свои естественные коммуникации с помощью дороги на Падую. У него было много кавалерии, и он мог разведывать местность на очень далекое расстояние. Его разъезды дали ему знать, что французы достигли Монтаньяны раньше него, следуя по падуанской дороге, и что они двигаются из Леньяго по обоим шоссе. Тогда Вурмзер двинулся на Мантую.

Из Ронко в Сангвинетто, где хотели перехватить противника, ведут две дороги; одна, левая, — идущая по Адидже и пересекающая в Черее дорогу из Леньяго в Мантую, другая — ведущая из Ронко прямо в Сангвинетто. Генерал Пижон с авангардом Массена двинулся прямо на Сангвинетто. Но Мюрат, посланный в разведку с легкой кавалерией, пошел по дороге на Черее, как подводящей его ближе к противнику, и вскоре вступил в оружейную перестрелку. Пижон, услышав пушечные выстрелы, опираясь своим левым флангом на Черее, прибыл

туда и построил 4-ю легкую полубригаду в боевой порядок за ручьем, чтобы преградить дорогу. Вурмзер был отрезан. Ему грозила гибель в случае, если он не сумеет открыть прохода. Он атаковал Черее, развернув всю свою армию, и окружил этот слабый авангард, который был вскоре опрокинут; 300 или 400 человек попали в руки Вурмзера.

Овладев полем битвы, он быстро продолжал марш на Сангвинетто. Во время стычки у Черее главнокомандующий, прибывший галопом в селенне в ту минуту, когда его авангард обратился в бегство, едва успел повернуть назад и спастись. Несколько минут спустя Вурмзер прибыл на то самое место, где только что был Наполеон. Узнав об этом от одной старухи, он приказал преследовать Наполеона по всем направлениям, настаивая, чтобы его привели живым.

Достигнув Сангвинетто, Вурмзер двинулся ночным маршем. Узнав, что у Молинелла его ожидают разъезды Саюгэ и Кильмэна, он сошел с большой дороги, принял влево и 12 сентября прибыл в Виллаимпента, где находился небольшой, слабо охраняемый мост, который кавалерия его захватила врасплох. Генерал Шартон, спешно выделенный для обороны этого моста из состава блокадных войск, с 500 человек 12-й легкой полубригады не успел прибыть вовремя. Он тогда построился на дороге в каре и оказал сильное сопротивление, но был изрублен австрийскими кирасирами и остался мертвым на поле сражения. Этот отряд погиб. 14-го в Дие-Кастелли некоторым утешением для фельдмаршала явился еще один успех, подобный Черее и Виллаимпента: батальон легкой пехоты был отрезан и разгромлен двумя кирасирскими полками, потеряв 300 человек. Армия была чрезвычайно утомлена, поэтому допускала небрежности в несении службы.

VIII

Небольшие успехи, достигнутые австрийской армией в боях у Черее, Виллаимпента и Дие-Кастелли, подняли ее настроение. Гарнизон вышел из города, и Вурмзер расположил свою армию между Сен-Жоржем и цитаделью. У него было тогда 35 000 человек: 5000 человек лежали в госпиталях, 5000 человек он оставил для охраны крепости в...¹ и 25 000 человек, из которых 5000 кавалерии, он расположил лагерем. Занимая, таким образом, местность, он надеялся найти случай достигнуть Леньяго и снова переправиться через Адидже. Но генерал Бон, командовавший дивизией Ожеро, взял Леньяго 13 сентября, захватил здесь 1700 пленных и 24 орудия с упряжками и освободил 500 французов, плененных в Черее и других мелких стычках. 14-го он прибыл в Говерноло, составляя левый фланг

¹ Неразборчивое слово в подлиннике. — Прим. франц. издания.

армии; Массена, бывший в Дие-Кастелли, образовал центр; Саюгэ с блокадными войсками был в Фаворита, образуя правый фланг. Кильмэн собрал к себе всю кавалерию. Форсированные марши последних пятнадцати дней значительно ослабили полки. Вечером 16-го армия¹ насчитывала 24 000 человек, из которых 3000 человек кавалерии. Армии численно были равны, но моральное состояние их было различно. У противника только одна кавалерия сохранила прежнее.

15 сентября генерал Бон выступил из Говернело и направился к Сен-Жоржу, опираясь на Минчио своим левым флангом. Завязался ожесточенный бой: австрийцы ввели свои резервы. Бон был не только остановлен, но даже потерял небольшой участок местности. Саюгэ со своей стороны вступил в бой на правом фланге. Противнику показалось, что бой идет по всей линии, как вдруг колонна Массена колоннами атаковала центр и внесла расстройство в неприятельскую армию, поспешно бросившуюся в город. Она потеряла 3000 пленных, в числе которых были: один кирасирский полк в полном снаряжении, три знамени и 11 пушек.

После сражения у Сен-Жорж, которое было очень напряженным, Вурмзер рассеял свои войска по Серральо. Он перебрал мост через По и ввез в крепость продовольствие.

24 сентября, атаковав Говернело, он был отражен с потерей 1000 человек и шести пушек. В случае захвата этого пункта фельдмаршал хотел попытаться пройти оттуда на Адидже.

Наконец, 1 октября Кильмэн, командовавший блокадой, вошел в Серральо, овладел Праделла, Череза и полностью блокировал крепость. Эта операция, во время которой велись весьма ожесточенные бои, проведенная с небольшим числом людей, делает честь генералу Кильмэну.

С 1 по 18 сентября противник потерял 27 000 человек, из которых 18 000 пленных, 3000 убитых, 6000 раненых, а также 75 пушек, 22 знамени и штандарта, 30 генералов, 80 чиновников главной квартиры, 6000 лошадей. 16 000 человек с фельдмаршалом были вынуждены укрыться в Мантуе. 10 000 человек из этой армии под командованием Давидовича спаслись в Тироль и под командованием Кваждановича во Фриуль.

Французская армия потеряла 7500 человек, из них 1400 пленными, 1800 убитыми, 4300 ранеными.

Мармон, которого главнокомандующий послал в Париж со знаменами, взятыми в сражениях у Роверето, Бассано, Сен-Жорж, в боях у Примолано и Чисмоне, был одним из его адъютантов. Наполеон впервые увидел его в Тулоне младшим лейтенантом артиллерии и взял к себе. Впоследствии он стал герцогом Рагузским и маршалом Франции. Он происходил из департамента Кот-д'Ор.

¹ Французская. — Р е д.

Так как армия в данную минуту не имела перед собой противника, войскам был дан некоторый отдых. Вобуа занял Триент и укрепился на берегу Авичио. Дивизия Массена заняла Бассано, наблюдая за переправами через Пьяве. Дивизия Ожеро заняла Верону. Кильмэн командовал блокадными войсками у Мантуи. Сражения у Роверето, Бассано и Сен-Жорж, частые мелкие бои и болезни в блокадных войсках ослабили армию.

Гарнизон Мантуи производил сначала много сильных вылазок, но неудачи и болезни скоро охладили его пыл. В конце октября в гарнизоне насчитывалось еще 17 000 человек в строю, 10 000 человек в госпиталях, 30 000 едоков. Это давало надежду, что гарнизон не замедлит сдать крепость. Но старый маршал распорядился засолить большую часть лошадей своей кавалерии. Это мероприятие в соединении с продовольственными припасами всякого рода, которые он получил из окрестных районов и особенно от регентства Модены, доставившего в течение двух перерывов осады заранее заготовленные обозы, давало возможность крепости сопротивляться значительно дольше, чем предполагалось. Вопреки всякой вероятности, вопреки ожиданиям всей Италии, французской армии было суждено одержать еще более кровавые и более славные победы, и Австрия должна была выставить и потерять еще две новые армии, прежде чем пал этот ее оплот в Италии.

Кильмэн, по происхождению ирландец, был превосходный кавалерийский офицер. Он обладал хладнокровием, верным военным взглядом, был очень пригоден для командования отдельными обсервационными корпусами и для выполнения самых сложных поручений, требующих находчивости, ума и здравого смысла. В день прерияля он действовал против Сент-Антуанского предместья. Во время итальянской кампании ему было около пятидесяти лет. Он оказал важные услуги армии, в которой был бы одним из важнейших генералов, если бы имел более крепкое здоровье. Он обладал большим знанием австрийской армии, хорошо изучил ее тактику, не придавал значения ложным слухам, которые она обыкновенно распускала, и не обращал внимания на головные отряды, которые она бросала во всех направлениях на коммуникации, чтобы заставить повернуть присутствию больших сил там, где их не было. Его политические убеждения были очень умеренные.

ГЛАВА VIII

АРКОЛЬСКОЕ СРАЖЕНИЕ

I. Фельдмаршал Альвинци прибывает в Италию во главе третьей армии. — II. Хорошее состояние французской армии. Все народы Италии желают ей успеха. — III. Сражение на Бренте (5 ноября 1796 г.). Вобуа в беспорядке очищает Тироль. — IV. Сражение у Кальдиеро (12 ноября). — V. Ропот в армии и различные настроения французских солдат. — VI. Ночной переход армии на Ронко; она переправляется там через Аидже по pontонному мосту (14 ноября). — VII. Аркольское сражение; первый день (15 ноября). — VIII. Второй день (16 ноября). — IX. Третий день (17 ноября). — X. Французская армия торжественно вступает в Верону через Венецианские ворота на правом берегу (18 ноября).

I

За всеми курьерами, привозившими в Вену известия об успехах эрцгерцога Карла¹, приезжали следом курьеры от Вурмзера с донесениями только о его поражениях. Весь сентябрь двор провел в таких переходах от радости к печали. Удовлетворением, которое он испытывал от своих триумфов, не возмещалось уныние, в которое он впадал от своих неудач. Германия была спасена, но Италия потеряна, и армия, охранявшая эту границу, исчезла. Ее многочисленный штаб, старый фельдмаршал и кое-какие остатки смогли найти спасение, только запершись в Мантуе, которая, доведенная до крайности и поражаемая осенними лихорадками, вскоре могла оказаться вынужденной открыть ворота победителю. Придворный военный совет чувствовал, что нужно предпринять чрезвычайные усилия. Он собрал две армии: одну во Фриуле, другую в Тироле, отдал их под командование фельдмаршала Альвинци и приказал ему двинуться на спасение Мантуи и освобождение Вурмзера.

II

Неудачи Самбро-маасской и Рейнской армий быстро дали почувствовать себя в Италии. Раз обе армии не смогли удержаться на правом берегу Рейна, то было срочно необходимо, чтобы они выделили значительные силы для подкрепления Итальянской армии. Директория давала много обещаний, но мало их выполняла. Она все же выслала 12 батальонов, взяв их из Вандейской армии. Они прибыли в Милан в течение сентября и октября, двенадцатью колоннами. Был пущен слух, что каждая из этих колонн представляет собой полк в полном составе. Это была бы очень значительная помощь. Правда, французский солдат в Италии не нуждался в ободрении. Он был полон доверия к своему вождю и верил в собственное превосходство. Он получал хорошее жалованье, был хорошо

¹ В Германии. — Р е д.

одет, накормлен, артиллерия была прекрасная и многочисленная, кавалерия имела хороших лошадей.

Народы Италии связали свою судьбу с интересами армии — от нее зависела их свобода и независимость. Они были убеждены в превосходстве французского солдата над германским, так же как и в превосходстве генерала-победителя, который одолел Болье и Вурмзера, над фельдмаршалом Альвинци. По сравнению с июлем общественное мнение очень изменилось. Тогда, при известии о прибытии Вурмзера, вся Италия ждала его триумфа, ныне никто не сомневался в победе французской армии. Общественное мнение по ту сторону По — в Болонье, Модене и Реджио — было таково, что народ считал свои силы достаточными для отражения армии папы, если она двинется на его земли, как она угрожала.

III

В начале октября фельдмаршал Альвинци находился со своей армией еще перед Изонцо, но в конце этого месяца он перенес свою главную квартиру в Конельяно, за Пьяве. Массена, расположившись в Бассано, наблюдал за его движением. Давидович собрал в Тироле корпус силою в 18 000 человек, включая сюда тирольское ополчение. Дивизионный генерал Вобуа прикрывал Триент, занимая Авичио отрядом в 12 000 человек. Дивизия Ожеро, кавалерийские резервы и французская главная квартира расположились в Вероне.

По плану Альвинци ему предстояло соединиться с Давидовичем в Вероне и оттуда двинуться на Мантую. Он перебрал 1 ноября два моста через Пьяве и направился тремя колоннами на Brentу. Массена, угрожая атакой, принудил его развернуть всю свою армию и когда увидел, что перед ним свыше 40 000 человек, бросил свой Бассанский лагерь, переправился обратно через Brentу и пошел к Виченце. Туда на соединение с ним 5 ноября прибыл Наполеон с дивизией Ожеро и своим резервом и 6-го на рассвете выступил, чтобы дать сражение Альвинци, следовавшему за Массена. У Альвинци главная квартира была перенесена в Фонтанина, авангард под начальством Липтая был выслан на правый берег Brentы в Карминьяно, выдвинувшись вперед по отношению к левому флангу, находившемуся под командой генерала Провера. Правый фланг под начальством Кваждановича занимал позиции между Бассано и Виченцей. Генерал Митровский командовал наблюдательным корпусом в ущельях Brentы, а генерал Гогенцоллерн командовал его резервом.

Массена атаковал, как только забрезжил рассвет, и после нескольких часов боя отбросил на левый берег Brentы аван-

гард Кваждановича, Липтая и дивизию Провера, причинив им большие потери в людях и захватив пленных.

Наполенон во главе дивизии Ожеро двинулся за Кваждановичем, потеснил его и отбросил на Бассано. Было 4 часа пополудни. Он придавал большую важность переправе через мост и овладению в тот же самый день городом. Но так как Гогенцоллерн уже подошел, он приказал бригаде из своего резерва выдвинуться вперед, чтобы поддержать атаку моста. Однако батальон в 900 хорватов, оказавшийся отрезанным, бросился в деревню на большой дороге. Лишь только показалась голова резерва, намереваясь пройти через деревню, ее встретили сильным огнем. Пришлось выдвинуть гаубицы: деревня была взята и хорваты перебиты. Но это вызвало задержку на два часа, и когда резерв прибыл к мосту, наступила ночь. Форсирование переправы пришлось отложить на следующий день.

Вобуа получил приказ атаковать позиции противника на правом берегу Авичио. 1 ноября он атаковал позиции Сан-Микеле и Сегонцано. Противник был сильный и храбро оборонялся. Успех Вобуа был неполным, и новая попытка атаки на следующий день тоже была неудачна. Атакованный в свою очередь, он был оттеснен со своей позиции на Авичио и принужден был оставить Триент. Сосредоточив свои силы, Вобуа занял позицию в Калиано, но Лаудон, маневрируя со своими тирольцами по правому берегу Адидже, овладел Номи и Торболе. Его намерением, по-видимому, было двинуться на Монте-Бальдо и Риволи. У Вобуа никого больше не оставалось на правом берегу, и он ничего не мог противопоставить этому маневру, который, если бы он был выполнен противником, тяжело отразился бы на участи всего его корпуса и всей армии.

Эти известия достигли главной квартиры в 2 часа утра. Больше колебаться было нельзя. Необходимо было спешить к Вероне, находившейся в таком угрожаемом положении, отказавшись от первоначального плана и всякой мысли о диверсии. Ближайшим намерением главнокомандующего было отбросить Альвинци на ту сторону Пьяве, двинуться вверх по ущельям Brentы и отрезать Давидовича. Полковник Виньоль, офицер для поручений при штабе армии, был командирован для сосредоточения к Вероне всех войск, какие могли встретиться, и для направления их на Корону и Риволи. Он встретил батальон 40-й полубригады, только что прибывший туда из Ванден, и сдержал первых неприятельских стрелков, выходявших к Короне. На другой день на эту важную позицию прибыл Жубер с 4-й легкой полубригадой, взятой из частей, блокировавших Мантую. С этого момента больше нечего было опасаться. Вобуа тем временем навел мосты через Адидже, вновь перешел на правый берег и прочно занял позиции Корона и Риволи.

Французская армия от Бренты весь день 7-го проходила через город Виченцу, который, став свидетелем одержанной ею победы, не мог уяснить себе этого отступательного движения; Альвинци, со своей стороны, в 3 часа утра тоже начал было отходить, чтобы переправиться через Пьяве, но вскоре узнал от своей легкой кавалерии об отступлении французов. Снова двинувшись к Бренте, он на другой день переправился через эту реку, чтобы следовать за противником.

Наполеон отправился к дивизии Вобуа, которую приказал собрать на Риволийском плато, и объявил ей: «Солдаты, я недоволен вами. Вы не выказали ни дисциплины, ни выдержки, ни храбрости. Вы не смогли удержать ни одну из позиций. Вы предали панике. Вы дали себя согнать с позиций, где горсть храбрецов могла бы остановить целую армию. Солдаты 39-й и 85-й полубригад, вы не французские солдаты. Начальник штаба армии, распорядитесь начертать на их знаменах: «Они больше не солдаты Итальянской армии!»

Речь, произнесенная суровым тоном, вызвала слезы на глазах этих старых солдат. Дисциплина не могла заглушить их скорби. Многие гренадеры, имевшие почетное оружие, восклицали: «Генерал, нас оклеветали! Пошлите нас в авангард, и вы увидите, принадлежат ли 39-я и 85-я полубригады к Итальянской армии». Произведя, таким образом, желаемое впечатление, Наполеон обратился к ним с несколькими словами утешения. Эти две полубригады несколько дней спустя покрыли себя славой.

IV

Несмотря на неудачи Альвинци на Бренте, его операции увенчались самым блестящим успехом. Он завладел всем Тиролом и всей местностью между Брентой и Адидже. Но самое трудное было еще впереди: это было форсирование переправы через Адидже перед лицом французской армии и соединение с Давидовичем, на пути к которому стоял корпус храбрецов, укрепившихся перед Вероной. Шоссе из Вероны в Виченцу идет вдоль Адидже, на протяжении трех лье, до Вилланова, где поворачивает под прямым углом налево, направляясь прямо на Виченцу. В Вилланова его пересекает речка Альпоне, протекающая через Арколе и впадающая в Адидже около Альбаредо.

Налево от Вилланова находятся высоты, известные под именем Кальдиерской позиции. Заняв ее, можно прикрыть Верону и ударить по тылам противника, маневрирующего на нижнем Адидже. Обеспечив оборону Монте-Бальдо и вернув стойкость войскам Вобуа, Наполеон решил занять Кальдиеро, чтобы получить больше шансов при обороне и придать своему положению большую прочность.

11-го в 2 часа пополудни армия перешла через веронские мосты. Бригада Вердые, следуя во главе ее, сбила неприятельский авангард, захватила несколько сот пленных и с наступлением ночи заняла позицию у подножия Кальдиеро.

Огни биваков, донесения шпионов, показания пленных не оставляли никакого сомнения в намерениях Альвинци: он готов был принять сражение и прочно утвердиться на этих прекрасных позициях, опираясь своим левым флангом на аркольские болота и правым флангом на гору Оливетто и селение Колоньола. Эта позиция была хороша в обоих направлениях. Он еще укрепил ее несколькими редутами и очень сильными батареями. На рассвете произвели разведку боевой линии противника: ее левый фланг был неприступен, правый, казалось, был слабее. Чтобы воспользоваться этой оплошностью, Массена получил приказ двинуться со своей дивизией для занятия холма, который выступал за правый фланг противника и который по небрежности не был занят последним. Бригадный генерал Лоней отважно взобрался на высоту во главе отряда стрелков, но слишком выдвинулся вперед и не мог быть вовремя поддержан дивизией, которая, тоже взобравшись на высоту, была задержана оврагом. Лоней был отброшен и взят в плен. Противник, осознавший ошибку, исправил вслед за тем свою позицию.

Не было больше возможности атаковать его с надеждой на успех.

Между тем огонь был открыт по всей линии и продолжался весь день. Хлынул проливной дождь. Земля настолько намочила, что французская артиллерия не могла сделать ни малейшего движения, в то время как австрийская, уже находясь на позиции, вела самый эффективный огонь. Противник произвел несколько попыток атаковать, но получил энергичный отпор. Ночь обе армии провели на своих позициях. Дождь продолжался всю ночь с той же силой, так что на следующий день главнокомандующий счел за лучшее отойти в свой лагерь перед Вероной. Потери в этом деле были равные. Противник с основанием приписывал себе победу. Его аванпосты приблизились к Сан-Микеле, и положение французов сделалось действительно критическим.

V

Вобуа понес значительные потери; у него осталось не больше 8000 человек. Две другие дивизии, которые мужественно дрались на Бренте и предприняли неудачный натиск на Кальдиеро, имели в строю не больше 13000 человек. Мысль о перевесе сил противника была у всех. Солдаты Вобуа с целью оправдать свое отступление заявили, что дрались один против

трех. Противник, без сомнения, тоже понес потери, но он имел численный перевес и ему удалось выиграть большое пространство. Он имел возможность точно подсчитать небольшое число французов и поэтому больше не сомневался ни в освобождении Мантуи, ни в завоевании Италин. В этом самообольщении он собирал и изготовлял большое количество осадных лестниц, угрожая захватить Верону штурмом

Гарнизон Мантуи оживился, стал делать частые вылазки, беспрестанно тревожа осаждающих, насчитывавших только 8000—9000 человек против 25-тысячного гарнизона, из которого, правда, 10 000—12 000 человек были больны.

Французы находились в таком положении, что больше не могли предпринять наступление где бы то ни было. Их сдерживала, с одной стороны, позиция Кальдиеро, а с другой — ущелья Тироля. Но даже если бы позиция противника и позволяла что-либо предпринять против нее, то численное превосходство его было слишком хорошо известно. Следовало предоставить ему инициативу и терпеливо выждать, что он вздумает предпринять. Время года было чрезвычайно плохое, и все передвижения производились по грязи. Кальдиерское и тирольское дело заметно понизили моральное состояние французского солдата. У него сохранилось, правда, еще чувство превосходства над равным по численности противником, но он не верил в возможность сопротивляться столь великому численному перевесу. Много храбрецов было по два, по три раза ранено в различных сражениях после вступления в Италию. К этому примешивалось дурное настроение. «Мы не можем одни выполнять задачу всех, — говорили они. — Армия Альвинци, оказавшаяся здесь, — это та, перед которой отступили армии Рейнская и Самбро-маасская, а те сейчас бездельничают. Почему мы должны исполнять их обязанность? Если нас разобьют, мы, обесчещенные, побежим в Альпы; если, наоборот, мы победим, к чему приведет эта новая победа? Нам противопоставят еще одну армию, подобную той, что имеется у Альвинци, так же как сам Альвинци заместил Вурмзера, а Вурмзер — Болье. В такой неравной борьбе мы в конце концов обязательно будем раздавлены». Наполеон велел им ответить: «Нам осталось сделать только одно усилие, и Италия наша. Противник, без сомнения, превращает нас числом, но половина войск у него состоит из новобранцев. Разбив его, взяв Мантую, мы сделаемся хозяевами всего, наша борьба этим заканчивается, потому что не только Италия, но и общий мир зависят от Мантуи. Вы хотите идти в Альпы, но вы на это больше не способны. С пустынных и снежных биваков на тех бесплодных скалах вам было хорошо идти и завоевывать чудесные равнины Ломбардии, но из приветливых и цветущих биваков Италии вы не способны возвратиться в снега. Одни подкрепления к нам подошли, другие находятся в пути. Пусть те, кому не хочется

больше сражаться, не ищут напрасных предлогов, потому что — разбейте Альвинци, и я ручаюсь вам за ваше будущее...» Эти слова, которые повторяли все благородные сердца, возвышали душу и постепенно вызвали чувства, противоположные прежним. Армия, упавшая было духом, хотела отступить, но теперь, полная воодушевления, стала твердить, что надо идти вперед: «Разве могут солдаты Итальянской армии терпеть провокации и оскорбительные выходки этих рабов?»

Когда в Брешиа, в Бергамо, в Милане, Кремоне, Лоди, Павии, Болонье узнали, что французская армия потерпела неудачу, то раненые и больные, еще плохо поправившись, стали уходить из госпиталей, чтобы вернуться в строй. Раны многих из этих храбрецов еще кровоточили. Это трогательное зрелище наполняло душу волнующим трепетом.

VI

Наконец, 14 ноября, с наступлением ночи, веронский лагерь стал в ружье. Три колонны начали движение в величайшей тишине, пересекли город, переправились через Адидже по трем мостам и выстроились на правом берегу. Час выступления, направление, являвшееся направлением отхода, отсутствие ежедневного приказа по войскам, обычно возвещавшего, что предстоит драться, общее положение дел — все указывало на отступление. Этот первый шаг к отступлению неизбежно влек за собой снятие осады Мантуи предвещал потерю всей Италии. Те из жителей, которые связывали с победами французов надежды на свою новую судьбу, следили с беспокойством и со стесненным сердцем за движениями армии, уносящей все их надежды. Однако армия, вместо того, чтобы следовать по пещиерской дороге, вдруг повернула налево и пошла вдоль Адидже. К рассвету она прибыла в Ронко, где Андреосси заканчивал наводку моста. С первыми лучами солнца армия простым захождением налево очутилась, к своему удивлению, на другом берегу. Тогда офицеры и солдаты, которые во время преследования ими Вурмзера проходили через эти места, начали догадываться о намерении своего генерала: «Он хочет обойти Кальдиеро, которого не мог взять с фронта; не имея возможности драться на равнине с 13 000 человек против 40 000, он переносит поле сражения на ряд шоссе, окруженных обширными болотами, где одной численностью не сделаешь ничего, но где доблесть головных частей колонны решает все...»

Надежда на победу оживила тогда все сердца, и каждый дал обещание превзойти самого себя, чтобы поддержать такой хорошо задуманный и отважный план.

Кильмэн был оставлен в Вероне с 1500 человек всех родов войск; ворота ее были крепко заперты; движение по до-

рогам строго запрещено. Противник совершенно не заметил этого маневра.

Мост у Ронко был наведен с правого берега Альпоне, почти в четверти лье от устья, и это подверглось критике плохо осведомленных военных. Между тем если бы мост был наведен с левого берега, напротив Альбаредо, то, во-первых, армии пришлось бы продвигаться по обширной равнине, чего главнокомандующему хотелось избежать; во-вторых, Альвинци, стоявший на кальдиерских высотах, занял бы стрелками правый берег Альпоне, прикрыв этим движение колонны, которая могла быть им направлена на Верону. Такая колонна захватила бы этот слабо охраняемый город и соединилась с тирольской армией. Риволийская дивизия, попав между двух огней, была бы вынуждена отступить на Пескиеру, и французская армия вся целиком оказалась бы под непредвиденным ударом. Вместо этого путем наводки моста с правого берега Альпоне французы получили неоценимые преимущества: первое — возможность завлечь противника на три шоссе, пересекающие обширное болото; второе — установить сообщение армии с Вероной по дамбе, которая ведет вверх по Адидже и проходит через селения Порчиле и Гомбония, где находилась главная квартира Альвинци, тогда как у противника не имелось ни пригодной для занятия позиции, ни возможности прикрыть какой-либо естественной преградой движение своих войск, которые он направил бы для атаки Вероны. Подобная атака отныне становилась невозможной, так как французская армия ударила бы ему в тыл, в то время как стенами города была бы задержана его голова.

От моста Ронко идут три шоссе: первое — левое шоссе направляется к Вероне, поднимаясь вверх по Адидже, проходит через селения Бионде и Порчиле и выходит на равнину; второе — центральное шоссе ведет в Виллаиова и проходит через селение Арколе, пересекая р. Альпоне по небольшому каменному мосту; третье — правое шоссе спускается вниз по Адидже и ведет в Альбаредо. От Ронко до Порчиле — 3600 туазов, от Порчиле до Кальдиеро — 2000 туазов, от Кальдиеро до Вероны — три лье. От Ронко до Арколе — 2200 туазов, от моста у Арколе до Вилланова — 3000 туазов, от Ронко до устья Альпоне — 1000 туазов, оттуда до Альбаредо — 500 туазов.

VII

Три колонны начали движение по этим трем шоссе. Левая колонна поднялась вверх по Адидже до окраины болот у селения Порчиле, откуда с шоссе виднелись веронские колокольни. Противнику стало с этого момента невозможно наступать на город. Центральная колонна выходила на Арколе, где французские стрелки продвинулись до моста, не будучи замечен-

ными. Два батальона хорватов с двумя пушками стояли там для охраны тыла своей армии и для связи с частями, которые гарнизоном Леньяго могли быть выдвинуты в поле, так как эта крепость была всего в трех лье от правого фланга. Местность между Арколе и Адидже была совсем без охраны. Альвинци удовлетворялся распоряжением гусарским разъездам: объезжать три раза в день дамбы на болотах по берегам Адидже. Дорога из Ронко в Арколе через 1200 туазов встречает ручей Альпоне. Оттуда она на протяжении 1000 туазов поднимается вверх по правому берегу этого ручейка до каменного моста, где поворачивает направо под прямым углом и вступает в селение Арколе.

Бивак хорватов опирался правым флангом на селение, левым — на устье ручья и имел впереди фронта дамбу, от которой был отделен только ручьем. Стреляя прямо перед собой, они поражали во фланг колонну, голова которой подошла к Арколе. Колонна поспешно отступила до места, где поворот шоссе избавлял ее фланг от огня с левого берега. Ожеро, возмущенный этим отступательным движением своего авангарда, ринулся на мост во главе двух гренадерских батальонов; но, встреченный сильным ружейным огнем с фланга, он отошел к своей дивизии.

Альвинци, извещенный об этой атаке, не понял сначала ее значения. Однако, когда рассвело, он из Кальдиеро и с соседних колоколен увидел движение французов. Разведка его гусар была встречена ружейными выстрелами на всех дамбах, и французская кавалерия бросилась их преследовать. Теперь для него стало очевидно, что французы переправились через Адидже и находятся в его тылах. Для него казалось безрассудным бросить, таким образом, всю армию в непроходимые болота. Он думал, что с этой стороны наступают одни легкие войска, дабы беспокоить его и замаскировать действительную атаку, которая будет произведена по веронскому шоссе.

Однако его разведка доносила, что под Вероной все спокойно, поэтому он счел необходимым прежде всего отбросить с болот эти легкие войска. Одну дивизию, под командованием Митровского, он направил на аркольскую дамбу, а другую, под командованием Провера,— на левую дамбу. Около 9 часов утра они энергично атаковали французов. Массена была поручена левая дамба. Позволив противнику приблизиться, он бросился в штыки, оттеснил его, причинил ему много потерь и взял большое число пленных. То же самое произошло на аркольской дамбе. Как только противник проник за изгиб шоссе, Ожеро встретил его штыковой атакой и обратил в бегство. Победителю достались пленные и пушки; болота были покрыты трупами.

Захват Арколе становился чрезвычайно важным делом, потому что оттуда, выйдя в тылы противника, было удобно за-

хватить мост Вилланова на ручье Альпоне, бывший единственным путем отступления, и его надлежало закрепить за собой раньше, чем противник перестроится. Но когда Арколе устоял против ряда атак, Наполеон решил лично произвести последнее усилие: он схватил знамя, бросился на мост и водрузил его там. Колонна, которой он командовал, прошла уже половину моста; фланкирующий огонь и прибытие новой дивизии к противнику обрели и эту атаку на неудачу. Гренадеры головных рядов, покинутые задними, заколебались. Однако, увлеченные беглецами, они не хотели бросить своего генерала; они взяли его за руки, за платье и поволокли с собой среди трупов, умирающих и порохового дыма. Он был сброшен в болото и погрузился в него до пояса. Вокруг него сновали солдаты противника.

Гренадеры увидели, что их генерал в опасности. Раздался крик: «Солдаты, вперед, на выручку генерала!» Эти храбрецы тотчас же повернули беглым шагом на противника, отбросили его за мост, и Наполеон был спасен.

Этот день был днем воинской самотверженности. Ланн, лечившийся от говернольских ран и еще больной, примчался к бою из Милана. Став между неприятелем и Наполеоном, он прикрывал его своим телом, получил три ранения, но ни на минуту не хотел отойти. Мюрон, адъютант главнокомандующего, был убит, прикрывая телом своего генерала. Героическая и трогательная смерть! Бельяр, Виньоль были ранены среди солдат, которых они увлекли в атаку. Храбрый генерал Робер, закаленный в боях солдат, был убит.

Генерал Гюйо с бригадой переправился на пароме через Адидже в Альбаредо. Арколе был обойден с тыла. Но Альвинци, ознакомившись к этому времени с действительным положением вещей, осознал всю опасность своей позиции. Он поспешно покинул Кальдиеро, разрушив свои батареи, и переправил через мост все свои обозы и резервы. Французы с высоты колокольни Ронко с горечью видели, как ускользает от них эта добыча, и именно тут, при виде поспешных передвижений противника, смогли составить себе представление о размахе и последствиях наполеоновского замысла. Каждому стало ясно, каковы могут быть результаты подобной глубокой и отважной комбинации. Неприятельская армия благодаря своему поспешному отступлению избежала разгрома.

Только лишь около 4 часов генерал Гюйо смог двинуться на Арколе по левому берегу Альпоне. Селение было взято без выстрела, да теперь оно и не имело значения. С этим запоздали на шесть часов: противник занял уже свою естественную позицию. Арколе было теперь не больше как промежуточный пост между фронтами обеих армий, тогда как утром оно находилось в тылу у противника. Тем не менее этот день увенчался большими результатами: Кальдиеро было очищено, Ве-

роне больше не грозила опасность, две дивизии Альвинци были разбиты и понесли значительные потери, многочисленные колонны пленных и громадное число трофеев прошли через лагерь, вызывая восторг у солдат и офицеров. Каждый вновь проникся доверием и чувством победы.

VIII

Между тем Давидович с тирольскими войсками атаковал Корона и овладел им. Он занимал Риволи. Вобуа стал на высотах Буссоленго. Кильмэн, не опасаясь больше, вследствие очищения Кальдиеро, за левый берег, направил все свое внимание на веронскую крепостную стену и правый берег. Но если бы Давидович двинулся на Верону и вынудил Кильмэна броситься к Мантуе, он заставил бы снять блокаду этого города и отрезал бы путь отступления главной квартире и армии, находившейся в Ронко. От Риволи до Мантуи — 13 лье, от Ронко до этого города — 10 лье по очень дурным дорогам. Поэтому на рассвете следовало стать так, чтобы быть в состоянии поддержать Вобуа, обеспечить блокаду Мантуи и коммуникации армии и разбить Давидовича, если он днем двинется вперед. Для успеха этого плана было необходимо точно рассчитать время. Главнокомандующий, который не мог знать, что произойдет в течение дня, предположил, что у Вобуа дела идут плохо, что он оттеснен и занял позицию между Ровербелла и Каstellьнуово.

Он распорядился очистить Арколе, стоившее столько крови, отвел армию на правый берег Адидже, оставив на левом берегу только одну бригаду и несколько пушек, и приказал, чтобы на этой позиции солдаты варили себе суп. Если бы противник двинулся на Риволи, следовало снять мост на Адидже, исчезнуть перед Альвинци, прибыть вовремя для поддержки Вобуа и прикрыть Мантую. Он оставил в Арколе зажженные огни на биваках, поддерживаемые дозорами авангарда, чтобы Альвинци ничего не заметил. В 4 часа утра войска стали в ружье, но в ту же самую минуту один офицер от Вобуа доложил ему, что последний еще в 6 часов вечера находился на позиции в Буссоленго и что Давидович не трогался с места. Этот генерал командовал в свое время одним из корпусов армии Вурмзера. Он помнил урок и остерегался поставить себя под удар.

Между тем около 3 часов утра Альвинци, узнав об отступлении французов, распорядился занять Арколе и Порчиле и днем направил две колонны по обеим плотинам. Завязалась ружейная перестрелка в 200 туазах от моста Ронко. Французы бросились к нему со штыками наперевес, обрушились на противника, разгромили его и энергично преследовали до выхода из болот, которые были завалены телами врагов. Знамена,

пушки и пленные явились трофеями этого дня, когда вновь были разбиты еще две австрийские дивизии. Вечером, следуя тем же мотивам и пользуясь теми же комбинациями, что и накануне, главнокомандующий предписал то же самое движение — концентрацию всех войск на правом берегу Адидже, с оставлением на левом берегу только авангарда.

IX

Альвинци, введенный в заблуждение шпионом, уверявшим, что французы двинулись к Мантуе и оставили у Ронко только один арьергард, выступил до зари из своего лагеря. В 5 часов утра французская главная квартира узнала, что Давидович стоит не двигаясь, а Вобуа находится на тех же самых позициях. Армия¹ перешла обратно через мост: головные колонны обеих армий встретились на середине плотины. Бой был упорный, и исход его определился не сразу. 75-я полубригада была отброшена. Пули долетали до моста. Главнокомандующий расположил 32-ю полубригаду в засаде, уложив ее на землю в небольшой ивовой заросли, вдоль плотины, около головы моста. Засада вовремя вскочила, произвела залп, ударила в штыки и сбросила в болото сомкнутую колонну противника в полном ее составе. Это были 3000 хорватов; они все тут погибли.

Массена на левом фланге не раз попадал в тяжелое положение, но он всегда шел во главе войск, подняв шляпу на конце своей шпаги, как знамя, и произвел ужасную резню в противостоящей ему дивизии.

После полудня главнокомандующий счел, наконец, что настал момент завершить дело, ибо если бы Вобуа в этот же вечер был разбит Давидовичем, то ночью пришлось бы двинуться на помощь ему и к Мантуе. Альвинци двинулся бы на Верону, ему достались бы честь и плоды победы, а многочисленные преимущества, приобретенные за три дня, были бы потеряны. Если же вместо этого Наполеон оттеснит Альвинци за Вилланова, он сможет двинуться на поддержку Вобуа через Верону. Он распорядился тщательно сосчитать число пленных и установить приблизительно потери противника и получил доказательство, что за три дня противник был ослаблен больше чем на 25 000 человек. Таким образом, число бойцов у Альвинци превосходило французские силы не более чем на одну треть. Наполеон приказал выйти из болот и приготовиться к атаке противника на равнине. Обстоятельства этих трех дней настолько изменили моральное состояние обеих армий, что победа была обеспечена. Армия перешла по мосту, переброшенному через устье Альпоне. Эллиоту, адъютанту главно-

¹ Французская. — Р е д.

командующего, было поручено навести второй мост, но он был там убит. В 2 часа пополудни французская армия построилась в боевой порядок, левым флангом в Арколе и правым в направлении на Порто-Леньяго. Правый фланг противника опирался на Альпоне, а левый — на болота. Противник стоял по обеим сторонам дороги к Виченце. Помощник генерала Лорсе был послан из Леньяго с 600—700 человек, четырьмя пушками и 200 коней с целью обойти болота, к которым противник примкнул своим левым флангом. Около 3 часов, в ту минуту, когда этот отряд продвигался вперед и оживленная канонада началась по всей линии, а стрелки сошлись врукопашную, командир эскадрона Аркюль получил приказание направиться с 25 гитами и четырьмя трубачами сквозь камышевую заросль и атаковать крайнюю оконечность левого неприятельского фланга, как только леньягский гарнизон начнет обстреливать его с тыла орудийным огнем. Эркюль умно выполнил этот маневр и много способствовал успеху дня. Неприятельская линия была прорвана, и противник начал отступать. Его главнокомандующий эшелонировал 6000—7000 человек на тыловых рубежах, чтобы прикрыть обозы и прикрыть пути отступления. На поле сражения не осталось никого, кроме французов. Неприятеля преследовали весь вечер, и он понес большие потери пленными. Армия провела ночь на своей позиции. Несмотря на три победоносных дня, генералы и штаб-офицеры задумались над тем, что прикажет главнокомандующий на следующий день. Они полагали, что удовольствовавшись отходом противника, он не станет драться на равнинах Виченцы и вернется в Верону по левому берегу Адидже, чтобы оттуда двинуться на Давидовича и занять Кальдиеро, — то было первоначальной целью его маневра.

Но противник понес за эти три дня такие потери и так пострадал в моральном отношении, что на равнине его можно было больше не бояться. Днем стало известно, что за ночь он отступил на Виченцу. Армия пошла за ним следом, но по прибытии в Вилланова одна лишь кавалерия продолжала преследование. Пехота остановилась до выяснения того, как будет держаться неприятельский арьергард.

Главнокомандующий зашел в монастырь Сан-Бонифачо. В церкви был расположен лазарет. Там лежали кучами 4000—5000 человек, из которых большая часть были мертвы. От них шел трупный запах. Главнокомандующий в ужасе отпрянул, как вдруг услышал, что кто-то назвал его по имени. Два несчастных раненых солдата три дня лежали среди мертвецов, без пищи, без перевязки. Они пришли в отчаяние, но жизнь вернулась к ним, когда они увидели своего генерала. Им была оказана всяческая помощь.

Получив донесения, что противник, отступая в величайшем беспорядке, не задерживается нигде и его арьергард прошел

уже за Монтебелло, главнокомандующий, повернув налево, направился на Верону для атаки тирольской армии. Разведчики задержали одного штабного офицера, которого Давидович выслал к Альвинци. Он только что спустился с гор и думал, что находится среди своих. Из его депеш узнали, что между обеими австрийскими армиями в продолжение трех дней совсем не было связи и Давидович ничего не знает о том, что произошло.

Альвинци потерял за три дня боев при Арколе 18 000 человек, из которых 6000 пленными, а также четыре знамени и 18 пушек.

X

Торжествующая французская армия вошла в Верону через Венецианские ворота спустя три дня после того, как она тайком вышла оттуда через Миланские ворота. Трудно описать изумление и энтузиазм населения. Враги, даже самые явные, не могли скрыть своего восхищения и присоединяли свои поздравления к поздравлениям патриотов.

Но армия не остановилась. Она переправилась через Адидже и двинулась на Давидовича, который 17-го атаковал Буссоленго и отбросил Вобуа на Капельнуово.

Массена был направлен к Капельнуово, где он соединился с Вобуа и атаковал Риволи. Ожеро, двинувшись по левому берегу Адидже на Дольче, захватил в плен 1500 человек, два понтонных парка, девять орудий и большой обоз.

Однако такие большие результаты были достигнуты не без потерь; армия, больше чем когда-либо, нуждалась в отдыхе, и было бы нецелесообразно двинуться в Тироль и доходить до Триента. Она заняла Монте-Бальдо, Корона, ущелья Кизезы и Адидже. Армия Альвинци собиралась в Бассано, войска Давидовича — в Триенте.

Можно было ожидать, что Мантуя откроет свои ворота раньше, чем австрийскому главнокомандующему удастся сформировать новую армию. Гарнизон этой крепости стал получать вдвое уменьшенный паек, дезертирство увеличилось, госпитали были переполнены. Все предвещало скорую сдачу: смертность была огромная, болезни каждый месяц уносили в могилу больше людей, чем требовалось для выигрыша большого сражения.

ГЛАВА IX

ОЧЕРК ОПЕРАЦИЙ САМБРО-МААССКОЙ И РЕЙНСКОЙ АРМИИ В ГЕРМАНИИ В 1796 г.

I. Зимние квартиры в 1796 г. — II. Выделение из австрийских армий в Германии 30 000 человек в Италию. — III. Марши и бои в июне. — IV. Рейнская армия прибывает на Неккар 18 июля. — V. Самбро-маасская армия прибывает на Майн 12 июля. — VI. Переход Самбро-Маасской армии с Майна на Наб. Позиции, занимаемые ею 21 августа. — VII. Переход Рейнской армии с Неккара на Лех. Нересгейское сражение (11 августа). Позиции, занимаемые ею 23 августа. — VIII. Маневр эрцгерцога Карла против Самбро-маасской армии. Амбергское сражение (24 августа). Поспешное отступление этой армии. Вюрцбургское сражение (3 сентября). Расположение Самбро-маасской армии на Лане 10 сентября. Переправа ее обратно через Рейн 20-го. — IX. Марши и контрмарши Рейнской армии в продолжение сентября. Ее отступление. Виберахское сражение (2 октября). — X. Переход Рейнской армии через Швальцвальд. Эльц-Кандерское сражение. Переправа этой армии через Рейн по Гюнингенскому мосту 26 октября. — XI. Осада Келя и гюнингенского предместного укрепления. — XII. Замечания.

I

Пруссия заключила мир с республикой в апреле 1795 г. Конвенция, подписанная 17 мая, устанавливала правила, каких воюющие армии должны были придерживаться при проходе через прусские провинции. Но эта конвенция вызвала много споров, и 5 августа 1796 г. в Берлине было постановлено, что будет создана разграничительная линия от Везеля на Рейне, вдоль границ Тюрингенских гор, и ни одна из воюющих армий не может ее переходить. Владения прусского короля и присоединяющихся к прусской конфедерации германских государей, лежащие к югу от этой линии, делаются нейтральными. Однако воюющие армии могут проходить по ним с оплатой за предметы довольствия, какие им потребуются, но без права возводить какие-либо укрепления.

В течение лета 1795 г. австрийцы действовали на Рейне двумя армиями: одна — Нижне-рейнская, под командованием фельдмаршала Клерфайта, другая — Верхне-рейнская, под командованием фельдмаршала Вурмзера. Против первой французами была выставлена Самбро-маасская армия, под командованием генерала Журдана, против второй — Рейнская армия, под командованием Пишегрю, занимавшая контрвалационные линии вокруг Майнца. Несмотря на отпадение Пруссии, эта кампания окончилась в пользу австрийцев. В октябре они форсировали майнцкие контрвалационные линии, захватили на них большое количество полевой артиллерии и отснили Пишегрю на вейсембургские линии. Военные действия окончились перемирием, подписанным 23 декабря 1795 г., по которому было постановлено: 1) Самбро-маасская армия занимает крепость Дюссельдорф, с выставлением аванпостов в трех лье впереди по левому берегу Вуппера; далее ее разграничительная линия протянется по левому берегу Рейна до устья р. Наг, около Бингена, от которого поднимется вверх по левому берегу

Наг до гор, пойдет к границам Эльзаса, последует по вейс-сембургским линиям и от них по Рейну до Базеля; 2) австрийцы выставляют аванпосты по левому берегу Зига, впадающего в Рейн напротив Бонна; местность между Вуппером и Зигом считается нейтральной; от устья Зига австрийская линия следует по правому берегу Рейна до устья р. Наг, откуда она пересекает Рейн около Бингена и поднимается вверх по правому берегу Наг до гор. Таким образом, австрийцы занимают Майнц и всю местность по левому берегу Рейна до Вейссембурга, откуда их линия переходит на правый берег и следует по нему до Базеля. После заключения этого соглашения Журдан перенес свою главную квартиру в Гундсрюк, Пишегрю — в Страсбург, Клерфайт — в Майнц и Вурмзер — в Мангейм.

Франция и Австрия в течение зимы предприняли все, что можно было сделать для пополнения, обмундирования и приведения своих армий в наилучшее состояние. Успехи минувшей кампании породили в венском кабинете большие надежды. Он отозвал Клерфайта и заменил его эрцгерцогом Карлом. Генерал Пишегрю внушал тревогу французскому правительству: операции, приведшие к неудачам в конце кампании, были проведены настолько неправильно, что их приписывали измене. Однако у Директории не было доказательств. Она не смела остановиться на столь печальной мысли, но ухватилась за первый попавшийся предлог, чтобы отозвать этого генерала из армии. Он был назначен послом в Швецию. Пишегрю отказался от этого дипломатического назначения и удалился в свои поместья. Главнокомандующим Рейнской армией был назначен Моро, и 23 мая 1796 г. он вступил в командование.

II

Между тем в Италии кампания началась уже в апреле. Сражения у Монтенотте, Миллезимо и Мондови заставили сардинского короля подписать конвенцию в Кераско и выйти из коалиции. Эти новости тем более озадачили Придворный военный совет, что он рассчитывал на таланты и репутацию генерала Болье. Он приказал эрцгерцогу отказаться от перемирия и начать военные действия на Рейне, отчасти чтобы помешать французам отправить подкрепления за Альпы, а отчасти чтобы отвлечь общественное мнение от итальянских катастроф.

При отъезде из Парижа, в конце февраля, Наполеон получил обещание, что в течение апреля Рейнская и Самбро-маасская армии начнут кампанию. Однако в конце мая они были все еще на своих зимних квартирах. Все победы, одержанные Итальянской армией, ее продвижение вперед подчеркивали срочную необходимость ввести в действие французские армии на Рейне. Под разными предлогами эта минута отдалась.

Наконец неблагоприятие противника сделало то, чего французскому правительству не хватало мудрости приказать своим генералам. Моро, пребывавший до того в Париже, едва успел доехать до Страсбурга. Все войска, стоявшие по квартирам на Мозеле, Сааре и Маасе, пришли в движение, и 1 июня военные действия возобновились.

Тем временем известия о сражении у Лоди, о переправе через Минчио, о сражении при Боргетто, об обложении Мантуи, о прибытии главной квартиры французской армии в Верону и о расположении ее аванпостов в горах Тироля изменили замыслы Венского двора. Эта армия, говорили там, не ходит, а летает по воздуху, никакая преграда ее не останавливает. Необходимо ее укротить. Вурмзер получил приказ отправиться в Италию с 30 000 человек армии Верхнего Рейна, чтобы служить резервом для остатков армии Болье, переформированной в Тироле, в Каринтии и в Карниоле, двинуться на поддержку Мантуи, прежде чем эта крепость падет, и отвоевать наследственные области Ломбардии, сохранение которой для двора было важнее, чем рискованные завоевания во Франции. Император объединил под командованием эрцгерцога обе свои рейнские армии, приказал не начинать военных действий и считать действительным существующее перемирие. Но этот приказ прибыл слишком поздно: за два часа перед тем начались военные действия.

Эрцгерцог, ослабленный выделением Вурмзера, отказался от всех завоевательных планов, которые он составил, и ограничился обороной переправы через Рейн и прикрытием Германии. Под его началом были: 1) армия Нижнего Рейна, под командованием генерала от артиллерии Вартенслебена и фельдмаршал-лейтенантов: Края, Вернека, Готце, Грубера, Коллоредо-Мельса, Штаадера и Линдта; она состояла из 101 батальона пехоты — 71 000 человек, 139 эскадронов кавалерии — 22 700 человек, в общем 93 700 человек, из которых должны были быть выделены части для гарнизонов Эренбрейтенштейна, Майнца и Мангейма; 2) армия Верхнего Рейна, под командованием генерала от артиллерии Латура, взамен отбывшего Вурмзера, и подчиненных ему фельдмаршал-лейтенантов: Старая, Фрелиха, князя Фюрстенберга, Рейсса, Риша и принца Конде; она состояла из 58 батальонов пехоты — 65 000 человек, 120 эскадронов кавалерии — 18 000 человек, в общем 83 000 человек. Общее количество войск Австрии на Рейне, таким образом, равнялось в мае 176 700 человек. Уход 30 000 человек из этой армии в Италию, не считая 6000 человек, отправленных туда раньше, уменьшил армию эрцгерцога до 140 000 человек.

Обе французские армии, вместе взятые, насчитывали в строю свыше 150 000 человек. Самбро-маасская армия состояла из 65 000 человек пехоты, 11 000 кавалерии, в общем из 76 000 человек; Рейнско-мозельская армия — из 71 000 человек пехоты,

6500 кавалерии, в общем из 77 500 человек. Первая была разделена на три корпуса. Левый, под командованием Клебера, образованный из дивизий Колло и Лефевра, находился на правом берегу Рейна, в Дюссельдорфе. Главнокомандующий Журдан был в Гундсрюке с центром, образованным из дивизий Шампионе, Гренье и Бернадотта. Правый корпус, под командованием Марсо, состоял из его собственной дивизии и из дивизии Понсе. Генерал Бонно командовал резервом. Рейнско-мозельская армия была сведена в три корпуса: Дезэ командовал левым, у него были дивизии Бопюи и Дельмаса; Сен-Сир командовал центром (дивизии Дюгема и Тапонье), Ферино командовал правым (дивизии Делаборда и Тарро) и генерал Бурсье командовал кавалерийским резервом.

III

1 июня Клебер вышел из Дюссельдорфа со своим корпусом силою в 80 батальонов и 20 эскадронов, 2-го прибыл на Зиг, переправился через эту реку после авангардного боя и овладел укератской позицией. 4-го он атаковал принца Вюртембергского, стоявшего с корпусом в 15 000 человек на альтенкирхенских высотах, разбил его, захватил 2000 пленных, четыре знамени, 12 пушек и двинулся на Лан. Главнокомандующий Журдан переправился через Рейн в Нейвиде и соединился со своим левым корпусом на Лане. Марсо снял свой биркенфельдский лагерь и двинулся к Майнцу. Эрцгерцог Карл подтянул с Верхнего Рейна 8-тысячный отряд и двинулся на Самбромаасскую армию. 15 июня он ее атаковал, разбил в Вецларе дивизию Лефевра, захватил у него одно знамя и семь пушек. Журдан отказался от своего предположения дать сражение 17 июня и начал отступать по всему фронту. Он переправился обратно через Рейн с частью своей армии по кельнскому и нейвидскому мостам, направив Клебера на Дюссельдорф. Сильно теснимый противником, этот генерал был вынужден 18 июня принять бой в Альтенкирхене, из которого он вышел с честью, без чувствительных потерь, и снова занял свою дюссельдорфскую позицию.

Уходя с частью войск в Италию, Вурмзер укоротил свою позицию и поставил левый фланг на Рейне у городка Франкенталя, который был им укреплен, и правый фланг — в горах. Моро приказал Дезэ и Сен-Сиру атаковать его. Первый стал маневрировать между Рейном и горами, второй — через Гомбург и Цвейбрюккен¹. 15 июня, после жаркого боя, австрийский арьергард был опрокинут и должен был отступить в ман-

¹ В подлиннике употребляется, вместо немецкого названия «Цвейбрюккен», французское «Депон». — Р е д.

геймское предместное укрепление с потерей тысячи человек. Но этот небольшой успех не возмещал неудачи, испытанной в течение этого времени Самбро-маасской армией.

IV

Французское правительство, наконец, почувствовало, что маневры Моро на левом берегу Рейна нисколько не помогали Самбро-маасской армии. Оно приказало ему переправиться через Рейн. 24 июня, в 2 часа утра, Дезэ с 2500 человек овладел островом Эрлен-Рейн и в течение утра — Келем. Он взял 800 пленных и 12 пушек. Вечером он начал наводить понтонный мост, закончив его в полдень 25-го. В этот день две его дивизии, кавалерийский резерв, главная квартира и одна из дивизий Ферино переправились на правый берег, всего 40 000 человек. Генерал Сен-Сир со своими двумя дивизиями остался на левом берегу мангеймского предместного укрепления, другая дивизия Ферино — на Верхнем Рейне. Генерал Старай с 26 батальонами, среди которых была часть армии Конде и швабский контингент, получил задание охранять Рейн от Швейцарии до Раштадта. Латур с 22 батальонами был в Мангейме. Он охранял участок от Раштадта до Майна и занимал на левом берегу мангеймское предместное укрепление. Войска Старая были разбросаны вдоль правого берега. У него было два небольших лагеря, каждый на 6000 человек, расположенных в нескольких лье от Келя — один в Вильштедте, другой около Оффенбурга. 26-го Ферино поднялся вверх по Рейну, направившись на вильштедтский лагерь и 28-го — на оффенбургский лагерь. Противник их эвакуировал. В то же время Дезэ со своим корпусом и резервом армии направился на Ренх, где занимал позицию генерал Старай с 10 000 человек. Он его энергично атаковал, сбил с позиции, взял десять пушек, 1200 пленных и преследовал до Раштадта, куда только что прибыл генерал Латур из Мангейма с 25 000 человек, который занял позицию за р. Мург. Но как только Сен-Сир узнал о движении противника от Мангейма на Верхний Рейн, он двинулся вслед за ним по левому берегу, перешел по Кельскому мосту, вышел на Фрейденштадт, овладел редутами, расположенными на горе Кинбис, и форсировал переправу через р. Мург после ожесточенного боя, продолжавшегося весь день. 15 июля генерал Латур отступил за р. Альб, потеряв 1000 человек. Французская главная квартира была перенесена в Раштадт. В течение этого времени Ферино овладел берегом р. Кинциг, поднялся вверх по Рейну, и по мере того, как он продвигался вперед, бригады, занимавшие позиции на левом берегу, переправлялись через эту реку и увеличивали его корпус.

Эрцгерцог, узнав 26 июня о переправе через Рейн у Келя, выступил во главе 24 батальонов и 29 эскадронов на поддержку своей Верхне-рейнской армии, оставив для наблюдения за Журданом 36 000 человек под начальством Вартенслебена и 26 000 человек в гехтсгеймском укрепленном лагере для прикрытия Майнца. Он соединился с генералом Латур за р. Альб, и у него под командованием оказалось 44 батальона и 80 эскадронов, а именно: на его левом фланге, в горах, под командованием генерала Кайма, 18 батальонов и 19 эскадронов; в центре, перед Эттлингенем, 13 батальонов и 28 эскадронов; на правом фланге, под командованием генерала Латура, 10 батальонов и 29 эскадронов и три батальона с четырьмя эскадронами в наблюдательных отрядах.

С такими значительными силами он предполагал атаковать 10-го французскую армию и сбросить ее в Рейн. Но генерал Моро упредил его. 9-го Сен-Сир форсировал Ротенсоль, разбил Кайма, отбросил саксонцев на Неккар. Эрцгерцог, узнав об этом, приказал двинуть свой центр и правый фланг против Дезэ. Дезэ в деревне Мальш сдержал эрцгерцога. Он проявил много отваги, продержался большую часть дня и лишь вечером отошел на другую позицию, немного позади. Такое энергичное сопротивление озадачило неприятеля, который, опасаясь, что его отрежет генерал Сен-Сир, уже дошедший до Нейенбурга, начал 10-го отступление на Пфорцгейм, выделив десять батальонов на пополнение гарнизонов Филиппсбурга и Мангейма. На следующий день он продолжал свой путь на Штутгарт, где переправился через р. Неккар, преследуемый генералом Сен-Сиром. Со своей стороны генерал Ферино овладел биберахской позицией на Кинциге, перешел через Шварцвальд и прибыл в Виллинген. Противник совершенно очистил всю местность между Рейном и Шварцвальдом. В городах Шварцвальда были поставлены французские гарнизоны.

V

Как только в главной квартире Самбро-маасской армии узнали, что Рейнская армия произвела переправу через Рейн, генерал Клебер 29 июня выступил из Дюссельдорфа. Ему была придана дивизия Гренье, переправившаяся через Рейн в Кельне. В Лимбурге у него был бой, и 8 июля он переправился через Лан. Главнокомандующий Журдан с остальной армией присоединился к нему на нейвидском мосту, отеснил генерала Вартенслебена, имея небольшие авангардные стычки, и переправился через Лан тремя колоннами по трем мостам: гиссенскому, вецларскому и лейнскому. В Фридберге, после ожесточенного боя, противник был им разбит, и 12-го Журдан переправился через Нидду, вышел на равнины Майна, занял пози-

цию перед Франкфуртом и заключил с Вартенслебеном перемирие на несколько дней для переговоров о сдаче Франкфурта, открывшего свои ворота. Но это дало время противнику выиграть два перехода и уйти на Верхний Майн. Франкфурт был хорошо вооружен, обильно снабжен боевыми и съестными припасами. Форт Кенигсштейн, расположенный в одном переходе от Франкфурта на большом кельнском шоссе, сдался 21 июля. В нем находились 93 пушки и 600 человек гарнизона.

VI

Журдан, получив инструкцию правительства, оставил Марсо перед крепостями с 30 000 человек, а сам только с шестью дивизиями, в составе 50 000 человек, двинулся вперед, вглубь Германии. Он следовал по окраине Тюрингенских гор, окаймляющих Саксонию, и таким образом удалялся от Дуная. 21 июля его авангард вступил в Швейнфурт, а главная квартира прибыла туда 26-го. Вюрцбург и его цитадель, занятые 3000 человек князя-епископа, капитулировали 24-го, и гарнизон сложил оружие. Форт Кенигсгофен капитулировал 3 августа. Генерал Вартенслебен с 31 000 человек отступил на Бамберг, не оказывая сопротивления. Самбро-маасская армия последовала за ним, переправилась через Регниц в Бамберге и разбила его в бою у Форхгейма 6 августа. Это вынудило его отступить за р. Вильс. Французская главная квартира 11 августа расположилась в Лауфе. Форт Ротенберг, лежащий на шоссе из Байрейта в Амберг, капитулировал. В нем оказалось 43 орудия. 15 августа французы двинулись на Зульцбах и Амберг. Целый день им пришлось вести бой. Четыре дивизии были введены в дело. Противник очистил свои позиции на Вильсе и отступил за р. Наб у Шварценфельда, все больше удаляясь от армии эрцгерцога. 19-го французская армия была уже по ту сторону Вильса. Генерал Бернадотт был откомандирован в Неймаркт, на шоссе из Регенсбурга в Нюренберг, в 10 лье от Регенсбурга: две французские армии овладели левым берегом Дуная, и их можно было рассматривать как соединившиеся. 20-го главнокомандующий с пятью дивизиями двинулся на Наб. На вольферингенских высотах противник выдержал жаркий бой, но ночью очистил их.

21 августа диспозиция Самбро-маасской армии была следующая. Главная квартира была в Амберге; пять дивизий (40 000 человек) стояли вдоль р. Наб, имея перед собой армию Вартенслебена; на правом фланге, в 10 лье, стояла дивизия Бернадотта в 7000 человек, отряженная для наблюдения за регенсбургской дорогой; Марсо с тремя дивизиями в 30 000 человек блокировал Майнц, Эренбрейтенштейн и охранял р. Майн. Наб — небольшая речка, впадающая в Дунай в одном лье вы-

ше Регенсбурга. Операционная линия Самбро-маасской армии шла через Лауф, Нюренберг, Бамберг и Вюрцбург. Эта армия не имела коммуникаций с Рейнской, хотя обе французские армии владели левым берегом Дуная и были расположены между армиями эрцгерцога и Вартенслебена. Самбро-маасская армия находилась в одном переходе от границ Богемии.

Бои под Амбергом и Вольферингом были очень кровопролитны. Поле сражения осталось за французами, хотя потери обеих сторон были почти равны. Число пленных с той и другой сторон не превышало 200—300 человек. Это — единственные события, притом сами по себе незначительные, происшедшие после выступления из Франкфурта.

VII

Рейнская армия переправилась через Неккар 22 июля и следовала за эрцгерцогом Карлом по двум шоссе — гмюндтскому, левому, и гёппингенскому, правому. Эти два шоссе, идущие первое — по долине Ремса и второе — по долине Вильса, пересекают горы Альб, называемые Вюртембергскими Альпами. Движение Рейнской армии было медлительным, и это навело эрцгерцога Карла на мысль, что она не решается серьезно действовать за Неккаром. Он распорядился занять позицию на Вейссенштейнском плато. Но 23 июля Дезе, прибыв в Гмюндт, стал по пятам преследовать неприятельский арьергард и завязал бой в Аалене, где захватил 500 пленных.

В тот же самый день Сен-Сир, следовавший по правому шоссе, прибыл в Гейденгейм, на р. Бренц. 5 и 8 августа происходили авангардные бои с переменным успехом и потерей нескольких сот человек. Саксонские части оставили австрийскую армию и вернулись в Саксонию.

Между тем эрцгерцог Карл, рассудивший, что французские армии были отделены одна от другой только тремя переходами и намереваются произвести соединение в Альтмюле, решил рискнуть на сражение с целью помешать этому. Его арьергард превратился в авангард. Он его выдвинул в Этлинген, где этот авангард 10 августа был атакован французами, опрокинувшими его и захватившими 300—400 пленных. 11-го на рассвете выступила восемью колоннами вся австрийская армия. Французская армия была впереди Нересгейма, где она занимала фронт в восемь лье; в ней имелось налицо 48 батальонов и 66 эскадронов — 45 000 человек. Дюгем с 6000 человек образовал правый фланг, опиравшийся на Бренц, в двух лье от Дуная. Тапонье был в центре, имея девять батальонов на высотах Дюнстелькингена и три — в Дишингене, немного позади. Бопюи командовал левым флангом впереди Швейндорфа. Дельмас с 8000 образовал авангард и находился в Бонфингене. Из

трех левых колонн эрцгерцога две направились на Дишинген и Диллинген и атаковали Дюгема с фронта и с тыла, отделили его от центра и отбросили на один переход назад, в то время как третья колонна под командованием генерала Фрелиха переправилась через Дунай в Ульме и ударила на французскую армию с тыла. Французская главная квартира, обозы и хозяйственно-административная часть были изгнаны из Гейденгейма и бежали в направлении на Аален. Таким образом, с самого начала сражения французская армия была обойдена, отрезана и потеряла свою операционную линию. В обозах и резервах возник беспорядок. Это был довольно серьезный результат, но те три колонны, которые были использованы для его достижения, оказавшись в трех лье от поля сражения, не смогли принять участия в деле. Две правые колонны направились по нордлингенскому шоссе, прошли между авангардом и левым флангом и атаковали оконечность боевой линии, где командовал генерал Газан. Три колонны центра, предназначенные для главной атаки, руководимые лично самим эрцгерцогом, состояли из 19 батальонов и 24 эскадронов. Они вышли на Ауфгаузен, опрокинули посты Сен-Сира, не ожидавшего такой сильной атаки и занимавшего еще позиции, на которых его застал накануне вечер Эглингенского боя. Он стянул свои войска на дюнстелькингенские высоты. Все усилия эрцгерцога взять эти позиции в течение оставшейся части дня были тщетны. Та и другая стороны потеряли по 6000—7000 человек. Ночью эрцгерцог отошел своим правым флангом по дороге между Норлингеном и Донаувертом в меттингенский лагерь, а своим левым флангом в Диллинген на Дунае. Центр ночевал на поле сражения. Небольшая французская колонна вновь взяла Гейденгейм и восстановила коммуникационные линии армии. Это побудило Моро остаться на поле сражения, чтобы подобрать раненых и подготовиться либо к отступлению, либо к движению вперед, в зависимости от сведений, которые поступят. Он одержал победу. Самбро-маасская армия уже переправилась через Регниц и, казалось, направлялась через Амберг на Регенсбург. Она выиграла несколько переходов у эрцгерцога Карла, который, не успев в бою 11-го опрокинуть французскую армию и отбросить ее в ущелья гор Альб, не мог больше терять ни минуты, чтобы не оказаться в окружении. Ночью он начал отступать, считая соединение обеих французских армий совершившимся фактом и отказавшись от попыток ему воспрепятствовать. Вследствие этого он оставил левый берег Дуная, Верниц, Альмюль и переправился обратно через Дунай и Лех. Кампания для австрийцев казалась проигранной.

В продолжение этого времени генерал Ферино с 23 батальонами и 17 эскадронами, третьей частью армии, пройдя через горы Шварцвальда, овладел Линдау и Брегенцом на Констанцском озере, где оставил семь батальонов и три эскадрона под

командованием генерала Лаборда для наблюдения за выходами из Тироля, и двинулся через Штоках на Мемминген с 16 батальонами и 14 эскадронами. 13-го генерал Аббатучи, командовавший его авангардом, атаковал корпус Коиде в Миндельгейме и уничтожил несколько его полков, затем присоединился к Рейнской армии и образовал ее левый фланг на р. Лехе.

VIII

Генерал Моро несколько дней оставался на нерестгеймском поле сражения. Наконец он двинулся на Донауверт, но возвратился к Гохштедту, не направив даже часть кавалерии на Альтмюль, чтобы попытаться войти в связь с Самбро-маасской армией. Подобные колебания и бесцельные маневры ободрили эрцгерцога, он увидел, что еще сможет помешать соединению обеих армий, на что он было уже перестал надеяться. Он оставил за Лехом генерала Латура с 30 батальонами, чтобы сдерживать и замедлять движение Рейнской армии, а сам с отрядом в 30 000 человек пехоты, кавалерии и артиллерии переправился через Дунай и двинулся по нюрнбергскому шоссе. 22 августа он атаковал Бернадотта на его позиции перед Неймарктом, преследовал его до Лауфа и Нюрнберга и отбросил на Форхгейм. Генерал Вартенслебен тотчас же перешел в наступление и переправился через Наб. Самбро-маасская армия отступила на Амберг и Зульцбах, но, атакованный на этой позиции с фронта Вартенслебеном, во фланг и с тыла — отрядом армии эрцгерцога Карла, ее главнокомандующий не захотел рискнуть на серьезное дело. Его отступление стало очень затруднительным; армия потеряла свою коммуникационную линию — шоссе из Лауфа в Нюрнберг. Армии пришлось маневрировать в горах и по едва проходимым для повозок дорогам; артиллерия и обозы ее пришли в плохое состояние. Эти поспешные и беспорядочные переходы плохо повлияли на дисциплину в армии, которая пришла 26-го в Форхгейм, а левым флангом в Эберманнштадт, где она провела 28-е. Главнокомандующий намеревался произвести несколько наступательных операций, но не смог этого выполнить вследствие быстроты движения эрцгерцога Карла и его наступательных демонстраций на тылах французской армии: противник уже направил одну дивизию на Бамберг, поднял тревогу в главной квартире, внес беспорядок в парки и в административно-хозяйственную часть, преградил дорогу из Бамберга в Шведифурт, куда армия смогла прибыть только 31 августа, после трех дней форсированных маршей и пробивая себе дорогу штыками. В этом городе она остановилась на отдых, в котором так нуждалась.

Вюрцбург был занят генералом Готце, блокировавшим своей дивизией цитадель, где был заперт генерал Болемон, началь-

ник артиллерии, с 8000 человек. Готце был поддержан дивизией Старая. Эрцгерцог с остальной армией был в одном переходе позади. Журдан воспользовался таким распылением армии противника и решил открыть себе дорогу на Вюрцбург. 2 сентября перед полуднем он выступил и на следующий день, 3-го, атаковал эрцгерцога Карла. Во время сражения прибыли Край и Вартенслебен и противопоставили ему 40 000 человек пехоты и 12 000 кавалерии. Французов было только 30 000 человек: они проиграли сражение. Дивизия Лефевра была оставлена ими в Швейнфурте.

Журдан отступил на Арнштейн и на р. Лан, куда прибыл 10 сентября; его войска изнемогали от усталости и были сильно деморализованы. Он расположил свою главную квартиру в Вецларе. С 22 августа ему пришлось драться против армии Вартенслебена и эрцгерцога, силою в 68 000 бойцов, у него же их было только 44 000. Прибыв на Лан, он соединился с Марсо и с дивизией в 10 000 человек, прибывшей из Голландии, после чего оказался численно сильнее своего противника.

В течение 15 дней он потерял все свои завоевания в Германии единственно благодаря маневрированию своего противника и проигрышу Вюрцбургского сражения. Но все еще могло быть поправлено. Все заставляло верить, что участь кампании должна измениться и что она окончится в нашу пользу. Он хорошо сознавал, что ему нужно делать, но у него неоставало энергии и решительности. Он допустил упредить себя на Лане и отбросить за Рейн. Доблестный Марсо был убит в бою при Альтенкирхене. Клебер и Колло был отозваны из армии за неподчинение. Армия была разбросана часть переправилась через Рейн, а дивизия Лефевра занимала дюссельдорфский лагерь.

Немного спустя Журдан оставил командование армией, но, как это ни странно и ни трудно объяснимо, Директория заменила его Берноввиллем, человеком, едва способным вести батальон.

Эрцгерцог покинул берега Лана с 12 000 человек с целью двинуться против Рейнско-могельской армии, все еще находившейся в Баварии, оставив генерала Вернека с 50 000 человек наблюдать за Самбро-маасской армией.

IX

23 августа, через 12 дней после Нересгеймского сражения, Рейнско-могельская армия переправилась, наконец, через Дунай и двинулась на Лех. Генерал Дезэ с левым флангом армии прибыл к устью Леха, напротив Райна. Центр, под начальством Сен-Сира, был в Аугсбурге, а правый фланг, под командой Ферино, был напротив Ландсберга. Генерал-лейтенант Ла-

тур, назначенный для обороны переправ через Лех, расположил три батальона в Ингольштадте, дивизию из восьми батальонов, с 20 эскадронами напротив Райна для обороны Нижнего Леха и 15 батальонов на фридбергских высотах напротив Аугсбурга. Корпус Конде образовал левый фланг напротив Ладсберга. 24-го генерал Феррио форсировал переправу у Гаунштедена, Сен-Сир переправился по лехгаузенскому броду перед Аугсбургом, и Дезэ — по лантвидскому броду. Аугсбургские мосты были тотчас же приведены в исправность, и оказавший сильное сопротивление генерал Латур был отброшен с прекрасных фридбергских позиций. Он оставил победителю 17 пушек и 1500 пленных.

После переправы через Лех правый фланг французской армии передвинулся на Дахау, в трех лье от Мюнхена, расположив авангард под стенами этого города, центр — у Пфаффенгофена, левый фланг — у Гейденфельда и выслав наблюдательный отряд на Ингольштадт. Австрийский главнокомандующий перенес свою главную квартиру в Ландсгут на Изаре, где собрал главные силы армии. Дивизия генерала Науендорфа силою в 8000 человек, которая была выделена эрцгерцогом для наблюдения за Дунаем после Амбергского сражения, занимала Абендсберг и прикрывала Регенсбург; корпус Конде занимал Мюнхен. В таком положении он выжидал несколько дней наступления французского генерала, но, видя, что тот не двигается, заподозрил, что тот переправился на левый берег Дуная для преследования эрцгерцога Карла. Вследствие этого 1 сентября он двинулся со всеми своими войсками несколькими колоннами на Гейзенфельд, атаковал французский левый фланг и дошел до р. Паар, но вскоре был оттеснен и узнал от пленных, что армия стоит, не двигаясь, и вся целиком находится на правом берегу Дуная. Тогда он возвратился на свои позиции. В этом бою потери с обеих сторон были равны, противник оставил французам одну гаубицу. 7 сентября генерал Моро без всякого плана решил двинуться вперед. 9-го левый фланг направился в Нейштадт, примыкая к Дунаю, напротив Абендсберга, центр — на Майнбург и правый фланг — на Мосбург. Мюнхен и Фрейзинг были заняты французами, но противник стоял по левому берегу Изара. Моро встретил мало препятствий при этом движении. Он захватил 500—600 пленных.

Противник ждал, что Моро направится на Регенсбург, но 8 и 9-го тот не двигался, а 10-го начал отходить на свои прежние позиции и отрядил генерала Дезе с 12 000 человек на розыски Самбро-маасской армии, находившейся к этому времени в 80 с лишним лье от него. Дезе в ночь с 11 на 12-е переправился через Дунай в Нейбурге и 12-го прибыл в Эйхштег, откуда 14-го выдвинулся на Гейдек, на полпути к Нюрнбергу. Там он узнал все подробности о событиях, происшедших за долгое время, и об оттеснении Самбро-маасской армии на Рейн.

Он пошел назад и 16-го присоединился к армии на Дунае. Между тем генерал Латур, узнав про движение Дезе, направился вперед и завязал малозначительные бои на всем фронте, но, получив сведения о слабости отряда Дезе и о превосходящих силах, оставшихся на правом берегу Дуная, он стал действовать с осмотрительностью.

Покинув Рейн, эрцгерцог оставил в крепостях: в Майнце 15 000 человек пехоты и 1200 кавалерии, в Эренбрейтенштейне — 3000 человек пехоты, в Мангейме — 8000 человек пехоты и 300 кавалерии и в Филиппсбурге — 2500 человек пехоты и 300 кавалерии. Журдан оставил на р. Майн дивизии Марсо, Понсе, Боннара — 26 000 человек — для блокады Майнца и Эренбрейтенштейна. Но против Мангейма и Филиппсбурга Моро оставил только подвижную колонну в 2800 человек пехоты, кавалерии и артиллерии, под командованием бригадного генерала Шерба, которую он выделил из гарнизона Ландау. Эрцгерцог тотчас же по своем прибытии на Лан приказал генералу Петраш оттянуть девять батальонов из гарнизонов Мангейма и Филиппсбурга, атаковать генерала Шерба и захватить кельские и гюннингенские предместные укрепления. Генерал Шерб был все еще в Брухзале. Вовремя узнав о событиях от перебежчиков, он 13 сентября перешел в отступление и отошел на Кель, еще полиостью не восстановленный. Петраш последовал за ним и 18-го атаковал с четверо большими силами, но потерпел неудачу и потерял много людей. Этим успехом французы отчасти обязаны усердию, проявленному страсбургской национальной гвардией.

Моро был сильно встревожен боем, чуть не помешавшим его отступлению. Он почувствовал необходимость приблизиться к Рейну и начал свое отступление. Он переправился обратно через Лех в тот же самый день, когда Журдан перешел обратно за Рейн. 20-го он занял позицию за Шмуттер, 21-го — за Миндель, 22-го — за Гюнц. Он двигался тремя колоннами: Ферино командовал левой колонной, Сен-Сир — центральной и Дезе — правой, считая по направлению отхода. Генерал Фрелих следовал за Ферино, Латур — за Сен-Сиром, генерал Науендорф шел по левому берегу Дуная, на одной линии с Дезе. Крепость Ульм, не имевшая никакого гарнизона, была, к счастью, занята отрядом Монришара на 24 часа раньше, чем генерал Науендорф подошел к ней. 24-го французская армия заняла позицию на Иллере, причем Ферино опирался на Мемминген и Дезе на Ульм. 25, 26 и 27-го она продолжала свое отступление. Дезе, следуя по левому берегу Дуная, направился на Эинген. Через 6 часов после того как он покинул Ульм, туда пошли австрийцы. 27-го армия прибыла на Федер-Зее. Там она узнала, что генерал Петраш занял все проходы Шварцвальда, и шварцвальдские города захвачены восставшими крестьянами. 28-го генерал Латур атаковал по всему фронту, но был

повсюду отражен. Генерал Науендорф, до тех пор составлявший со своими войсками правый фланг австрийской армии, покинул этот участок фронта, двинулся на Тюбинген и соединился с Петрашем на ротвейльской позиции, заняв таким образом крупными силами долины Кинцига и Ренха, в то время как эрцгерцог Карл с корпусом в 12 000 человек прибыл в селение Ренхен, выслав разъезды на Кинциг, около Келя. Генерал Латур, ослабленный вследствие этого, имел не свыше 25 000 человек и оказался под ударом. Однако он стоял лагерем в Швейнгаузене, и ему казалось, что нечего было опасаться. Генерал Моро чувствовал необходимость удалить его, чтобы получить возможность форсировать ущелья. 2 октября он энергично атаковал его в Биберахе. Австрийцы, пытавшиеся оказать сопротивление, были подавлены численным превосходством французов и обратились в бегство, оставив в руках победителя два знамени, несколько пушек и 4000—5000 пленных.

Х

После этого сражения Моро продолжал отступление. Обозы, громоздкие вещи, раненые были направлены через шварцвальдские города на Гюнинген с прикрытием, достаточным, чтобы обеспечить их проход. Правый фланг атаковал ущелья и овладел селениями Ротвейль и Виллинген 10 октября. Сделав поворот на 180 градусов, он двинулся к ущельям Валь-Данфер. 12-го во Фрейбург—в долину Рейна—прибыл Сен-Сир. Армия потратила 13, 14 и 15-е для перехода через это ужасное ущелье. Она заняла позицию за небольшой речкой Эльц, прикрывая Фрейбург.

Между тем эрцгерцог Карл прибыл в Эттенгейм, где к нему один за другим присоединились: 15 октября—Петраш, 18-го—Науендорф, 20-го—Латур. Корпуса Конде и Фрелиха следовали за французской армией через ущелья Валь-Данфер и шварцвальдские города. Таким образом, к 15-му французы оказались в сборе, их пути сообщения с Францией шли через мосты Альтбрейзахский и Гюнингенский. Моральное состояние и материальная часть войск улучшилась, тем не менее они остались в бездействии. 18-го противник двинулся на них с 36 000 человек, примыкая правым флангом, под командованием Петраша, к Рейну, имея центр под командованием Вартенслебена и левый фланг под командованием Латура. Бились упорно с равными потерями и равным успехом. Так как Фрелих и корпус Конде вошли в Вальдкирх по долине Шварцвальда, то главнокомандующий счел нужным приблизиться к Фрейбургу, отведя свой правый фланг, но все время прикрывая этот город и Ней-Брейзах. 21-го Дезэ переправился через Рейн в Ней-Брейзахе и спустился по левому берегу к Страсбургу. Армия очистила Фрейбург и заняла позицию,

опираясь правым флангом на Кандерн, левым примыкая к Рейну в Шлиенгене. 23-го она была атакована. Ослабленная выделением корпуса Дезэ, она значительно уступала в численности противнику, но, занимая прекрасную позицию, обороняла ее, а 26-го, немного потрепанная, переправилась обратно за Рейн по Гюнингенскому мосту. Ферино остался на Верхнем Рейне, а остальная армия двинулась на Страсбург.

Таким образом, ведя войну в Германии в течение четырех месяцев, обезоружив и заставив отложиться от императора маркграфа баденского, герцога вюртембергского и курфюрста баварского, заключив с ними перемирие и наложив контрибуции, которые не успела собрать, одержав несколько побед и не потерпев значительных поражений, французская армия отошла обратно за Рейн. На правом берегу у нее остались только крепость Дюссельдорф и предмостные укрепления — кельское и гюнингенское.

XI

Дюссельдорф, лежавший далеко к северу, не привлек к себе внимание австрийцев; но крепость Кель и Гюнингенское предмостное укрепление позволяли части армии зимовать на левом берегу Рейна и тревожить Германию. Австрийцы решили овладеть ими. 28 октября 40 000 человек обложили их и перед Келем возвели контрвалационные линии. Они состояли из 15 редутов, примыкавших справа и слева к Рейну, связанных между собой окопами, имевшими почти 3500 туазов протяжения и целиком охватывавшими на правом берегу всю систему укреплений Келя. Со своей стороны, и французы работали с таким же напряжением, чтобы возвести палисады, вооружить форт и выдвинутые выше и ниже по Рейну флешы, установить батареи по всему левому берегу, и прочно закрепились на всех островах, особенно на островах Эрлен-Рейн и Туффю¹. Перед этим последним, в 1500 туазах от Келя, они соорудили рavelлины в виде предмостного укрепления. Расстояние от этого рavelлина до Кинциг было 1000 туазов. Перпендикулярно к Рейну ими был построен укрепленный лагерь периметром в 1000 туазов и предмостное укрепление на острове Эрлен-Рейн. Расстояние от Келя до устья Кинцига, вниз по Рейну, — 500 туазов. Эти укрепления охранялись 16 батальонами, сменяемыми через каждые 24 часа. Несмотря на такие устрашающие приготовления к обороне, эрцгерцог Карл упорствовал в осаде крепости, которую он мог блокировать только с одного берега и не мог отрезать от Страсбурга и всей Франции. 21 ноября он заложил

¹ В донесениях об осаде Келя этот остров назван «Лесной остров» (Wisch Insel); ныне его не существует. — П р и м. ф р а н ц. р е д.

траншею против киндигских укреплений. 22 ноября на рассвете Дезэ сделал вылазку из кельского укрепленного лагеря во главе 16 000 человек пехоты и 3000 кавалерии. Он прорвал контрвалационные линии и овладел селением Зюнтгейм, расположенным в одном лье от Рейна в тылу у противника. Но у него были слишком незначительные силы; он был вынужден отойти в свои укрепления, разрушив несколько редутов контрвалационной линии, заклепав 15 пушек, шесть захватив с собой и взяв 1500 пленных. 28 ноября противник сразу открыл огонь всеми своими батареями. Рытье траншей против укреплений Киндига было предпринято как ложная атака. Главную же атаку повели на рavelин впереди острова Туффю и против острова Эрлен-Рейн. План противника состоял в разрушении мостов на Рейне. 6 декабря противник овладел островом Туффю и рavelином.

9 декабря он овладел всей внешней линией окопов и расположился в старой кельской церкви. 18-го он овладел правым флангом французских окопов и редутов Тру-де-Лу, 3 января — всем островом Эрлен-Рейн, 6-го атаковал флешь, выше по Рейну, разрушив мосты, и 10 января вошел в Кель, который капитулировал. Французы очистили этот форт и перевезли все на страсбургский берег. Потери с той и другой сторон были очень значительны и расход боевых припасов громадный. Французская артиллерия имела превосходство вследствие огромного числа батарей, которые ею были построены на левом берегу. Заморозки в ноябре, декабре и январе причинили много страданий обеим армиям.

В продолжение этого времени князь Фюрстенберг стоял против Гюнингена с 13 батальонами. Правый фланг Рейнской армии под начальством Феррио остался в этой крепости. Генерал Аббатучи был назначен комендантом предмостного укрепления, и пока противник готовился к осаде данного укрепления, этот молодой офицер не забывал ни о чем из того, что требуется для ведения самой упорной обороны. Батареи противника были готовы 25 ноября и начали ожесточенный обстрел предмостного укрепления. 29-го мост был разрушен. 30 ноября — австрийцы пошли на штурм с 6000 человек. Бой был сильный и упорный. Противник был отражен, оставив треть людей на поле сражения и в плену. Молодой Аббатучи, 24-летний генерал, подававший самые блестящие надежды, произвел вылазку во главе гарнизона, чтобы выгнать австрийцев из люнета, где они хотели окопаться. Это ему удалось, но он был смертельно ранен. Результатом этого штурма было прекращение осады. Но 19 января 1797 г., после взятия Келя, противник вновь заложил траншею, и 19 февраля гарнизон капитулировал и ушел за Рейн.

Успех обеих этих операций позволил эрцгерцогу Карлу расположиться на зимних квартирах вдоль левого берега, в Брис-

гау и баденских областях, и выделить сильные подкрепления в армию, собиравшуюся за Пьяве, командование над которой он принял в феврале. Она должна была отомстить за Болье, за Вурмзера, за Альвинци и вновь завоевать Мантую, Ломбардию и Италию.

XII

Первое замечание. О плане кампании. Плохой исход этой кампании следует приписать операционному плану, принятому правительством. Целью вторжения в Германию было: 1) произвести диверсию, которая помешала бы венскому кабинету выделять новые отряды из рейнских армий для посылки подкреплений в свою Итальянскую армию; 2) отделить государей Германского союза от императора, подчинить государей Бадена, Вюртемберга и Баварии, привлечь к участию в прусской конфедерации нейтральных государств Саксонию и тех владетельных князей севера, которые в нее еще не вошли; 3) поддерживать войну в Германии, извлечь из нее контрибуции и набрать лошадей в целях реорганизации пехоты, кавалерии и артиллерии; ресурсы же республики употребить на создание резервной армии; 4) овладеть крепостями Эренбрейтенштейн, Майнц, Мангейм и Филиппсбург для обеспечения границ по Рейну и высвободить для окончания этой и для ведения следующих кампаний войска, занятые блокадою указанных крепостей; 5) обезопасить зимние квартиры французских армий в Германии прикрывающие их позиции, овладев Ингольштадтом и Ульмом, чтобы появилась возможность, после взятия Мантуи, весной 1797 г., атаковать наследственные владения императора одновременно со стороны Италии и Германии.

Для этого нужно было сделать две вещи: 1) установить тесную блокаду крепостей Эренбрейтенштейн и Филиппсбург, осадить Майнц и Мангейм; 2) прикрывать осады и блокады сильной армией, которая перенесла бы войну внутрь Германии и угрожала бы наследственным владениям императора. Эту сильную армию следовало составить из четырех корпусов, каждый в составе трех пехотных дивизий, нескольких конно-егерских и гусарских бригад и из резерва тяжелой кавалерии. Численность этой армии должна была составить 140 000—150 000 человек.

Обсервационную армию на Рейне следовало составить из трех корпусов, в которые включить семь пехотных дивизий и несколько кавалерийских бригад, всего 60 000 человек. Первый ее корпус, силою в две дивизии, должен был охранять Голландию и Дюссельдорф и блокировать Эренбрейтенштейн. Вторым корпусом, силою в три дивизии, должен был осаждать Майнц. Третьим корпусом, из двух дивизий, нужно было блокировать

Филиппсбург и Мангейм, охранять Кель и гюнингенское предместное укрепление. Общая численность обеих армий должна была составить 200 000—210 000 человек.

Эти войска уже существовали: в армиях Рейнской и Самбро-маасской, в начале кампании имелось 160 000 человек, в Голландской армии — 30 000 человек и 20 000 человек можно было подтянуть из Вандей и из внутренней Франции, где в них не было необходимости. В общем составилось бы 210 000 человек.

Траншею перед Майнцем нужно было заложить на другой же день после того, как блокировали крепость. Июня, июля, августа и сентября было достаточно, чтобы ее взять. Было даже возможно с тем же осадным парком выгадать время для взятия еще и Мангейма. Крепости Эренбрейтенштейн и Филиппсбург не смогли бы устоять перед девятимесячной блокадой и капитулировали бы в течение зимы. Сосредоточение войск в большую общую армию следовало бы осуществить под стенами Страсбурга по левому берегу Рейна в течение февраля, марта и апреля путем замаскированных передвижений. Можно было возлагать большие надежды на столь значительную армию, которой надлежало переправиться через Рейн врасплох и быстро двинуться вперед по всем направлениям, подавляя войска, разбросанные для обороны реки. Армии противника покинули бы Рейн и сосредоточились на Дунае. Французская армия заняла бы Ульм. Из этого пункта, как операционного центра, она могла бы маневрировать в Вюртемберге на Верниц, Лех и в Баварии, имея только одну операционную линию — на Кель, Ней-Брейзах и Гюнинген. Она все подавляла бы своей массой. На зимних квартирах ей следовало бы стать на границах австрийской монархии, подчинив и обезоружив государей Германского союза.

План кампаний, принятый в Париже, был составлен в противоположном духе: 1) крепости не были ни блокированы, ни осаждены, за ними только велось наблюдение издали; 2) две армии под начальством двух главнокомандующих, независимых один от другого, вступили в Германию по двум взаимно противоположным операционным линиям. Они шли наугад, без взаимодействия, без коммуникаций и были отброшены, не будучи разбиты в настоящем сражении. Это произошло от господствовавших тогда в военном искусстве ошибочных взглядов. Было замечено, что в кампании 1794 г., когда противник владел крепостями Конде, Валансьенн, Ландреси и Кенуа, французы потерпели неудачу в ряде прямых атак на центр и добились успехов только тогда, когда они разделили свои войска на две армии — Северную и Самбро-маасскую, направив одну — армию Пишегрю — на правый фланг противника через Менен вдоль моря, а другую — армию Журдана — на левый фланг по Самбре. Результатом этого операционного плана было завоевание названных крепостей и Бельгии. Противник был отбро-

шен за Рур и Рейн, а немного спустя капитулировали одна за другой и фландрские крепости.

Но принципы, выведенные из этих наблюдений, были ошибочны. Успехи кампании 1794 г. не только не могут быть отнесены на счет плана кампании,—наоборот, они были одержаны, несмотря на ошибочность этого плана, единственно по причине громадного численного превосходства войск, которые были выставлены республикой на этой границе. Хотя они и были разделены на две отдельные армии, но каждая из этих армий была по численности почти равна всей австрийской. В сражении под Флерюсом генерал Клерфайт имел армию такой же силы, как армия Журдана, но армия Журдана была только частью войск, которые Франция имела на севере, Клерфайт же сосредоточил большую часть своих сил. Если бы он разыграл сражение основательно и оказался победителем, то затем разбил бы Пишегрю, и, несмотря на большое число батальонов, французы были бы побеждены вследствие ошибочности их плана.

Если бы вместо двух армий—одной на правом, а другой на левом берегу—вся французская армия была бы сосредоточена на Самбре, среди флерюсских полей, выставив наблюдательный корпус в направлении на Дюнкерк, то армия Журдана, вдвое сильнейшая, чем армия Клерфайта, не встретила бы отпора и, подобно горному потоку, обрушилась бы на левый фланг противника, отрезав ему отступление к Рейну. У нее был бы успех верный и решительный. Но неудобства, являющиеся следствием таких принципов ведения войны, делают значительно более опасными при вторжении в неприятельскую страну. Обе французские северные армии в 1794 г. опирались своими флангами: первая—на крепости Шарлемон, Живе и Филиппвилль, вторая—на крепость Дюнкерк и на море. Другие их фланговые группы все время опирались на крепости или примыкали к участкам французской территории. Сообщение между обеими армиями затруднялось, так как противник находился между ними, но оно все время поддерживалось немного позади фронта. В кампанию 1796 г. левый фланг, правый фланг и тылы обеих армий в одинаковой степени висели в воздухе. Во Фландрии каждые 24 часа обе армии согласовывали свои действия в соответствии с приказами из Парижа. В 1796 г. управлять из центра стало совершенно невозможно, и все должно было исходить от одного главнокомандующего, а их было два. Следовательно, приходится признать, что ошибочные принципы плана кампании в 1794 г. помешали французам добиться решительного успеха, а в 1796 г. они были причиной больших потерь и поражений Самбро-маасской и Рейнско-могельской армий.

Республика хотела мира и границы по Рейну. Не было возможности требовать этой границы, пока противник занимал

Майнц. Следовало осадить Майнц. Осада была тем менее опасна, что эта крепость лежит на левом берегу.

Армия,двигающаяся на завоевание страны, имеет оба свои крыла примкнутыми к нейтральным странам или к большим естественным преградам, будь то большие реки или горные цепи, или же имеет примкнутым только одно крыло, а иногда и ни одного. В первом случае ей необходимо следить преимущественно только за тем, чтоб ее не прорвали с фронта. Во втором случае она должна опираться на обеспеченный фланг. В третьем случае она должна заставить свои корпуса прочно опираться на собственный центр и никогда не разделяться. Если трудно победить, имея два фланга открытыми, то эта трудность удваивается, если их четыре, утраивается, если их шесть, учетверяется, если их восемь, т. е. если армия разделяется на два, три или четыре отдельных корпуса. Операционная линия армии в первом случае может опираться на правый или левый фланг; это безразлично. Во втором случае она должна опираться на обеспеченный фланг. В третьем случае она должна быть перпендикулярна к середине фронта движения армии. Во всех случаях нужно через каждые пять или шесть переходов иметь на операционной линии крепость или укрепленную позицию для сосредоточения складов продовольствия и боеприпасов, для организации обозов и устройства в этих местах обменных пунктов, укорачивающих операционную линию.

Ульм является первой естественной базой вторжения в Германию. Эта крепость, лежащая на Дунае, дает тому, кто ее займет, легкую возможность маневрировать на обоих берегах. Это наиболее удобный пункт для устройства основных складов на самой большой реке Европы, реке, омывающей стены Ингольштадта, Регенсбурга, Пассау и Вены. Со стороны Франции эта крепость лежит у выхода из Шварцвальда.

Второе замечание (Журдан).

1. В начале кампании главнокомандующий Самбро-маасской армией маневрировал сразу на обоих берегах Рейна, имея левый фланг отделенным этой рекой от центра и правого фланга. Если бы 7 июня Клебер в Альтенкирхене был атакован 30 000 человек, а не 15 000, как это было на самом деле, он был бы поставлен в тяжелое положение. 1 июня следовало всю армию сосредоточить в Дюссельдорфе и двинуться на реки Зиг, Лан, Майн, занять здесь хорошую позицию на высотах, окопаться и ждать тут, пока Рейнская армия не переправится на правый берег Рейна.

2. Прибытие эрцгерцога с частью своих войск на Лан не вынуждало генерала Журдана расчленять собственную армию. Он мог сначала держаться на Лане, укрепившись на хорошей позиции, а если уж решился приблизиться к своим складам, то должен был сделать это, собрав свою армию в кулак на пра-

вом берегу Рейна; такое поведение произвело бы впечатление на противника, последний не решился бы ослабить перед лицом его армии свои силы, выделив 24 батальона для борьбы с Рейнско-мозельской армией.

3. В первых числах июля Самбро-маасская армия двинулась вперед. Переправа через реку, произведенная Рейнской армией в Келе, заставила эрцгерцога двинуться на Верхний Рейн. Он оставил Вартенслебену только 36 000 человек. Этот отряд следовало разгромить. Но по правилам того времени предписывалось двигаться по всем дорогам, как для облавы. Так как за неприятельским арьергардом следовали только с равными последнему силами и притом без обхода правого и левого флангов, без прорыва в центре, он никогда не попадал в тяжелое положение. Он причинял столько же вреда, сколько наносилось ему самому.

4. От Майна главнокомандующий Самбро-маасской армией двинулся на Швейнфурт и Бамберг, примыкая своим левым флангом к горам Саксонии, которая только что присоединилась к прусскому нейтралитету и войска которой из-за этого покинули австрийскую армию, имея свой правый фланг открытым. Вследствие такого направления он увеличивал расстояние, отделяющее его армию от Рейнской, потому что удалялся от Дуная в тот момент, когда Рейнская армия переправлялась на правый берег этой реки. Обе армии действовали обратно тому, что они должны были делать. Одна армия опиралась на свой левый фланг, другая — на свой правый, тогда как первая должна была опираться на свой правый фланг, а вторая — на свой левый, чтобы произошло их соединение в компактную массу.

5. Самбро-маасская армия, переправившись через Регниц в Бамберге 8 августа, двинулась на Нюрнберг и Лауф и оттуда, сделав поворот налево, направилась на р. Наб через Зульцбах и Амберг, подставляя при этом на протяжении в 30 лье свой правый фланг под удар со стороны выходов из Богемии, а левый фланг — со стороны дунайских переправ, которые были в руках противника, потому что он еще занимал Баварию, правый берег Леха и левый берег Вериица. Таким образом она тянулась колонной в 30 лье длиной, окруженная со всех сторон противником. Таким образом, если переход в 50 лье, от Франкфурта к Бамбергу, противоречил цели, которую она должна была преследовать — соединению обеих армий, то переход от Бамберга в Амберг был безрассудством и явно ставил на карту участь всей армии. Эта часть Баварии на правом берегу Регница является страной ущелий, образуемых первыми отрогами Богемских гор, страной бесплодной, труднопроходимой, имеющей только один путь сообщения — шоссе из Нюрнберга в Амберг. Для прикрытия этого шоссе Журдан выслал в Неймаркт, находившийся в 10 лье, дивизию Бернадотта,

чтобы угрожать Регенсбургу. Самбро-маасская армия должна была из Франкфурта, следуя по левому берегу Майна, двинуться на Мергентгейм, обеспечить свой правый фланг соединением с левым флангом Рейнской армии и тогда, сделав полный поворот своим правым флангом, произвести захождение левым флангом в направлении на Регенсбург. По прибытии в Вюрцбург у армии было еще время двинуться по прямой на Нюренберг. По прибытии в Нюренберг ее главнокомандующему следовало идти по дороге на Неймаркт и приблизиться к Регенсбургу. В случае необходимости отступления на левый берег Рейна он в любом случае смог бы осуществить его, поднимаясь вверх по Регницу, а отнюдь не спускаясь вниз по этой реке.

6. Главнокомандующий Самбро-маасской армией одновременно узнал, что эрцгерцог Карл движется ему навстречу, уже разбил Бернадотта и овладел Лауфом и Нюренбергом и что все коммуникации его армии перерезаны. Это именно и значит, что его операционная линия была плоха и что он маневрировал вопреки всем правилам ведения войны.

7. Но раз Бернадотт был разбит, что мог сделать главнокомандующий, попав в то ложное положение, в каком он находился? Он должен был форсировать переправу через Наб до прибытия эрцгерцога к Амбергу и двинуться на Регенсбург, от которого был удален только на несколько лье, и здесь произвести соединение с Рейнской армией. Первое же энергичное движение заставило бы эрцгерцога Карла сосредоточить свои силы, отозвать назад все выделенные отряды, что сразу бы прояснило обстановку и рассеяло эту мнимую бурю, сила которой все возрастала, потому что французский генерал все время уступал ей. Австрийцы очень искусны в распространении ложных слухов и в создании ошибочных представлений у населения. Они являются большими мастерами сеять тревогу в тылах армии, но стоит обнажить меч Рено¹, как чары волшебства тотчас же рассеиваются.

8. 1) В Вюрцбургском сражении Журдан совсем некстати оставил четверть своих сил у Швейнфурта; добавление дивизии Лефевра могло бы дать ему победу.

2) Если бы Лефевр выступил из этого города в 2 часа утра 2 сентября, то прибыл бы на поле сражения в 10 часов и, бросившись сразу в атаку, смог бы разгромить 20 батальонов Готце и Старая, овладеть Вюрцбургом и там соединиться с Марсо. Эрцгерцог очень неумело разбросал свои силы. Он смог их собрать лишь в день боя, 3 сентября, с большим опозданием, но Журдан, прибыв к полудню 2-го, дал эрцгерцогу 18 часов на сбор армии. 3-го, в 9 часов утра, у эрцгерцога в боевой линии было уже 45 000 человек.

¹ Рено — офрануженное имя Ринальдо — героя поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». — Р е д.

3) Журдан занял втрое большее, чем следовало, поле сражения. Ему пришлось поневоле растянуться в одну линию: как бы ни были неустрашны его войска, их линия не могла не быть прорвана.

9. 1) Лан от Кобленца до Гиссена течет на протяжении 24 лье. Он протекает в 30 лье от Дюссельдорфа. Если бы Журдан сосредоточил все дивизии на своем крайнем левом фланге, в Венцларе, он разбил бы и отбросил своего противника на Майн, а вскоре за этим — на Дунай. После соединения с корпусом Марсо и дивизией из Голландии у него было большое превосходство в силах. Он сам объявил об этом замысле, но время, которое надлежало затратить на его выполнение, он потерял на проектирование. Армия у него растянулась кордоном вдоль Лана. Кордон этот и прорвали в направлении на Лимбург вследствие отступления корпуса Марсо. Главнокомандующий тогда поспешно отвел свои колонны на Альтенкирхен.

2) Там у него было еще время возобновить наступление и все исправить, но не хватило решимости.

3) Когда он приказал отступить, следовало отходить, — раз уж он считал это необходимым, — по крайней мере до дюссельдорфского укрепленного лагеря всей армией сосредоточенно. Пока армия стояла сосредоточенной массой на правом берегу Рейна, эрцгерцог не мог ослаблять себя, потому что каждую минуту ему грозила опасность наступательного движения столь сильной армии. Но все было потеряно, когда Журдан в Альтенкирхене расчленил свою армию и один только левый фланг ее продолжал движение к Дюссельдорфу, остальная же часть армии переправилась обратно через Рейн. Как будто левому берегу и Гундсрюку что-то угрожало! Не против него, а против Рейнско-мозельской армии, бывшей еще в сердце Германии, собирался идти эрцгерцог. А эту армию оставили тогда без поддержки.

10. Образ действий Самбро-маасской армии, усиленной войсками из Голландии в течение октября, ноября, декабря и января, необъясним. Но она была под командованием такого странного генерала (Бернонвилля), что ничему не следует удивляться. Между тем Гош мало что сделал на побережье, а Клебер, сидя в Шайо, равно ничего. Он был в немилости. Вот когда представился случай забыть его провинности, если они у него были, и использовать его таланты и патриотизм. Если бы тогда Самбро-маасскую армию вверили Гошу, он еще спас бы кампанию.

Генерал Журдан был очень храбр в день боя, перед лицом врага и под огнем, но он не обладал смелостью мысли в ночной тиши, перед боем. У него не было недостатка в умственных способностях, но он был нерешителен и держался самых ошибочных принципов ведения войны.

Третье замечание (Моро).

1. Переправа через Рейн произошла 24 июня. Ее следовало произвести с 1 по 4-е этого месяца, в то время когда Самбро-маасская армия начинала свое движение. 24 июня, в день переправы, первые части войск прибыли на правый берег в 3 часа утра. Мост следовало закончить в полдень — тогда армию можно было бы переправить и построить в боевом порядке на правом берегу 25-го перед рассветом. Мост был готов только 25-го к полудню, с опозданием на 24 часа. Переправа через реки, подобные Рейну, является одной из тех трудных операций, при которых не следует подставлять войска под возможный удар в течение продолжительного срока без обеспечения их коммуникаций.

2. 26-го Рейнская армия имела только 40 000 человек на правом берегу; Сен-Сир с 20 000 человек оставался в Пфальце на левом берегу, а Лаборд с 10 000 человек — на Верхнем Рейне.

Три корпуса и резерв, составлявшие всю армию, силой в 70 000 человек, должны были 26-го, самое позднее в полдень, быть на правом берегу и находиться на марше, чтобы захватить врасплох и разгромить разбросанные вдоль реки неприятельские дивизии. 27 июня армии следовало войти в Раштадт, 30-го — в Пфорцгейм, изолировав Филиппсбург, Мангейм и отрезав противника от Неккара, которого ей следовало достигнуть с 1 по 4 июля. Ее главнокомандующий выиграл бы тогда 15 дней, избежал бы многих мелких боев, вместо них одержал бы несколько блестящих побед, еще более ослабив своего противника, настолько уступавшего ему тогда по силе, — прежде чем эрцгерцог Карл успел бы вернуться сюда с берегов Лана. Нерешительность французского главнокомандующего дала время неприятелю сосредоточить к 9 июля свою армию у Эттлингена, в трех переходах от Келя, спустя 13 дней после переправы через Рейн. Как мог французский главнокомандующий опастись за территорию республики, предприняв наступление с 70 000 человек?

3. После переправы через Рейн, не произведя еще соединения с Самбро-маасской армией, этот главнокомандующий выделяет свой правый фланг в 20 000 человек — почти треть своей армии — под начальством Ферино, который поднимается вверх по течению Рейна, совершает переход через Шварцвальд и направляется к Констанцскому озеру, в то время как центр и левый фланг направляются в Неккар. Армия оказывается, таким образом, разделенной на две части Вюртембергскими Альпами, горами Шварцвальда и Дунаем, тогда как генерал Старай, действующий против Ферино, после борьбы за выходы из Шварцвальдских гор, наоборот, сосредоточил свои силы на Неккаре и примкнул к левому флангу эрцгерцога Карла. Остальные две трети Рейнской армии прибыли на Неккар в составе 50 000 человек. Перед ними оказалась большая часть неприят-

тельской армии. Журдан на Майне и Ферино на Констанцском озере имели в головных частях лишь весьма незначительные силы. Таким образом, в этом марше-маневре французы образовали три отдельных соединения, не имевших между собой никакой связи, с тремя различными операционными линиями и шестью флангами, из которых пять было открытых. Так как фланги являются слабейшими участками, их нужно прикрывать, а когда этого сделать нельзя, то их следует иметь возможно меньше.

4. Марш армии от Рейна на Штутгарт через Вюртембергские Альпы соответствует духу этой войны, но главнокомандующий должен был распорядиться занять Ульм — крепость настолько важную, что без обладания ею невозможно вести войну в бассейне Дуная, простирающемся от гор Тироля и Швейцарии до гор Тюрингии и Саксонии. Он должен был упереть свой правый фланг в Дунай; тогда по прибытии в Нересгейм фланг не оказался бы открытым. Но, хотя и обойденный в Нересгеймском сражении справа и слева, и не имея никакой опоры в центре, главнокомандующий поддержал честь французского оружия и выказал хладнокровие и выдержку.

5. После Нересгеймского сражения он должен был быстро двинуться на Верниц и Альтмюль, соединиться с Журданом, расположить свою главную квартиру в Регенсбурге, укрепить этот пункт, самый важный для него после Ульма, и маневрировать на обоих берегах. Соединение обеих армий можно было бы произвести 15—16 августа, и успех кампании был бы обеспечен. Вместо этого он сделал все, чего мог желать противник. Он 12 дней бездействовал в самый решающий момент кампании, наконец решился переправиться через Дунай и Лех, а после этого снова бездействовал 16 дней. Казалось, он не знал, что слева от него существует французская армия. Только 10 сентября, спустя месяц после Нересгеймского сражения, когда Самбро-маасская армия была уже на Лаие, в 80 лье от него, он решился послать дивизию Дезе на левый берег Дуная с целью получения известий о Журдане.

19 сентября он начал отступать и переправился обратно через Лех. Тогда Самбро-маасская армия вышла из боя на левом берегу Рейна, и перед ним оказались все силы противника. Таким образом, он оставался 32 дня лицом к лицу с генералом Латуром, имевшим в два раза меньшие силы, не пытаясь нанести ему урон, дать бой и разгромить; наоборот, он не причинил ему никакого вреда.

Единственным важным событием этой кампании является Биберахское сражение, вызванное необходимостью обеспечить отступление, — сражение, которое имело бы более значительные результаты, если бы на следующий день армия продолжала действовать, преследуя генерала Латура частью своих сил,

а оставшимися силами маневрируя, с целью вновь открыть проходы в горах Шварцвальда.

Именно в этом отступлении почувствовалось значение Ульма, как ключа Дуная.

6. По прибытии 14 октября во Фрейбург и Альт-Брейзах можно было принять одно из двух решений: переправиться через Рейн в тот же самый день и дать армии отдых, для того чтобы установить контакт с Самбро-маасской армией, или двинуться немедленно против эрцгерцога Карла, чтобы воспользоваться моментом, когда у него было мало сил, и отбросить его за Ренх и Мург, помешав соединению его с Латуром; в этом случае можно было бы удержаться в Бадене и Брисгау. Вместо этого Моро остался на позиции у Фрейбурга, позволив эрцгерцогу Карлу сосредоточить все свои части. И что является еще более странным, Журдан, отослав треть своей армии под начальством генерала Дезе на левый берег Рейна, еще упорнее застыл в нерешительности, обрекая две остальные трети на полный разгром. Это была существенная ошибка. Армия вернулась во Францию в беспорядке, имея вид побежденной и побитой,— вид, какого она не имела до 20 октября, гордая биберахскими успехами, и какого у нее вовсе не было бы, возвратись она раньше.

7. Особенностью этой кампании является то, что французские генералы, несмотря на их ошибки, не понесли существенных потерь и у них постоянно была возможность все поправить. Моро после Биберахского сражения был еще распорядителем судеб кампании. Ему было достаточно для этого двинуться на Ротвейль, разгромить Петраша и Науендорфа, имевших оба вместе не больше 15 000 человек, а после этого направиться против эрцгерцога, находившегося в устье Ренха с менее чем 9000 человек.

Даже 15 октября, по прибытии в долину Рейна, Моро мог еще все поправить. Быстро поднявшись к Келю, он отбросил бы эрцгерцога с Ренха и помешал бы его соединению с корпусами Науендорфа и Латура. Восстановив сообщения с Самбро-маасской армией, он неизбежно побудил бы ее вновь перейти в наступление.

Наконец, он мог еще все поправить даже во время осады его предместных укреплений. Если бы он вышел через кельский укрепленный лагерь с 50 000 человек, он разгромил бы осадную армию генерала Латура, имевшего самое большее 35 000 человек, и успел бы еще стать на зимние квартиры по Дунаю.

Четвертое замечание (эрцгерцог Карл).

1. Французские и австрийские армии были численно равны, но у эрцгерцога имелось на 20 000 человек больше кавалерии. Это преимущество было бы решающим у другого народа, но немцы не умеют пользоваться своей кавалерией, боятся под-

ставить ее под удар и дорожат ею больше, чем она того заслуживает.

Конная артиллерия является дополнением кавалерии. 20 000 всадников и 120 орудий легкой конной артиллерии равняются 60 000 человек пехоты, имеющей 120 орудий. Трудно определить, кто из них имел бы превосходство в странах с обширными равнинами, как Египет, Польша и т. д. Две тысячи кавалерии с 12 орудиями конной артиллерии равняются, следовательно, 6000 человек пехоты с 12 орудиями. В линейном боевом порядке дивизия занимает участок в 500 туазов. Двенадцать пехотинцев или четыре всадника приходится на один туаз. Пушечный выстрел, поражающий все, что находится в одном кубическом туазе, убил бы, следовательно, 12 пехотинцев или четырех кавалеристов с четырьмя лошадьми. Потеря в 12 пехотинцев является гораздо более значительной, чем потеря четырех кавалеристов и четырех лошадей, потому что потеря восьми пехотинцев больше, чем потеря только четырех лошадей. Снаряжение и вооружение четырех кавалеристов и четырех лошадей не равны снаряжению и вооружению 12 пехотинцев. Таким образом, даже с финансовой точки зрения потеря пехоты обходится дороже, чем потеря кавалерии.

Если бы эрцгерцог командовал войском нации, привыкшей смело пускаться в ход свою конницу, и имел бы офицеров, наученных воодушевлять ее и вести ее в бой, французской армии было бы невозможно проникнуть в Германию, имея на 20 000 меньше кавалерии. В этом легко убедиться, вспомнив, что проделывал Наполеон с кавалерией против русской и прусской пехоты у Вошана, Нанжис и т. д.

2. Эрцгерцог, узнав в июне, что французская армия переправилась через Рейн в Келе, выступил с берегов Лана на помощь генералу Латуру. Он оставил генерала Вартенслебена с 36 000 человек на нижнем Рейне и 26 000 человек в гехтсгеймском укрепленном лагере перед Майнцем. Эрцгерцогу следовало оставить в гарнизоне Майнца только 8000 человек с несколькими тысячами слабосильных и только 25 000 человек Вартенслебену, а с 60 000 человек двинуться на помощь своей армии верхнего Рейна. Он сосредоточил бы тогда на р. Альб 90 000—100 000 человек. Кто мог бы ему сопротивляться? 9 июля он разбил бы Дезэ, отбросил бы его на левый берег Рейна, овладел бы Келем и Рейнским мостом. Ему нечего было опасаться Самбро-маасской армии, потому что она стояла разбросанно. Если бы эта армия даже предприняла наступление и прибыла с 10 по 15 июля на Майн, какое это имело бы для него значение, если бы он уже тогда оказался обладателем Келя, а армия Моро была бы им отброшена в Эльзас?

3. Если бы он сосредоточил в одном каком-нибудь пункте на своем правом фланге все 50 000 человек, какие у него стояли по р. Альб, то 9 июля, выйдя тремя колоннами на р. Мург,

он обошел бы Дезе справа и слева и прорвал бы его боевой порядок в центре. Разгромив его и отбросив в Эльзас, он овладел бы Кельским мостом. Сен-Сир, отрезанный от Рейна, был бы отброшен на р. Неккар, а Ферино — на Гюнинген.

Когда две армии стоят друг против друга в боевом порядке, когда одна из них, подобно французской, вынуждена производить отступление по мосту, а другая, подобно австрийской, может отступать на любую точку полукружности, то все выгоды на стороне этой последней; она должна дерзать, наносить сокрушительные удары, маневрировать на флангах своего противника. У нее в руках все козыри, и ей остается только ими воспользоваться.

4. Эрцгерцог Карл должен был вооружить, снабдить продовольствием и надежным гарнизоном Ульм, этот ключ к Дунаю.

5. Сражение при Нересгейме представлялось единственным средством, какое оставалось у эрцгерцога, чтобы помешать соединению обеих французских армий на р. Альтмюль. Оказавшись победителем, он отбросил бы Рейнско-могельскую армию в Вюртембергские Альпы и на Неккар. С разгромом главной армии Самбро-маасская армия, бывшая лишь вспомогательной, была бы вынуждена отступить на Майн. Но в Нересгеймском сражении французская армия была разбросана на линии протяжением в 8 лье, на труднодоступной местности; ее фланги не были защищены. Эрцгерцог овладел всем течением Дуная. Всю силу атаки ему следовало направить в сторону своего левого фланга, а боевую линию построить параллельно Дунаю; у него были обеспеченные пути отхода на Ульм, Гюнцибургский и Диллингенский мосты. Если бы он стал маневрировать подобным образом, то добился бы большого успеха. Французы дорого бы заплатили за глупое пренебрежение к обеспечению своего правого фланга Дунаем и за то, что не заняли Ульм войсками Ферино.

6. Потерпев неудачу в сражении при Нересгейме, эрцгерцог оставил мысль помешать соединению обеих французских армий. Если бы он все еще хотел помешать этому соединению, он бы повел свое отступление на реки Верниц и Альтмюль, придерживаясь левого берега Дуная. Оставив 30 000 человек под начальством генерала Латура за р. Верниц, он выиграл бы те пять или шесть переходов, в которых нуждался, чтобы двинуться против Журдана. Вместо этого он переправился через Дунай, Верниц и Альтмюль. Со своей стороны, Вартенслебен в продолжение всего августа маневрировал так, чтобы быть дальше от Дуная и прикрывать Богемию. Следовательно, ничто не мешало больше соединению французских армий.

7. Переправившись после сражения при Нересгейме через Дунай и Лех, эрцгерцог не имел в виду ничего больше, как прикрывать Баварию, что бы об этом ни говорили. Положение

его было щекотливое. Рейско-могельская армия состояла из 60 000 человек, а Самбре-маасская из 50 000, следовательно, можно было считать, что перед Регенсбургом уже собрано 110 000 человек на обоих берегах Дуная. Противопоставить им он мог только 90 000 человек. Нересгеймское сражение ухудшило его положение, для французов же оно оказалось благоприятным. Он успокоился, когда узнал, что Моро, оставшийся несколько дней бездеятельным, стал проявлять величайшую нерешительность, двинулся было на Донауверт, затем отступил к Гехштедту, не выслав даже разъездов на р. Альтмюль, и что, наконец, французские генералы маневрируют так, как будто оба они взаимно позабыли о существовании другой французской армии в Германии, а 400 венгерских гусар, ведущих наблюдение вдоль р. Альтмюль, продолжали находиться на ней и высылать патрули вплоть до Нюренберга и р. Верниц. Именно тогда у него родилась мысль совершить свой прекрасный маневр — переправиться 17 августа через Дунай с 28 000 человек и наступать против Самбро-маасской армии. Передают, что когда он заявил генералу Латуру, что оставляет его с 30 000 человек на Лехе, этот генерал, обеспокоенный опасностями, каким будет подвергнут такой слабый корпус, сделал ему несколько возражений: «Как сможет он устоять перед победоносной французской армией, вдвое сильнейшей, чем его?» На это эрцгерцог ответил: «Пусть Моро дойдет хоть до Вены, если тем временем я разобью армию Журдана». Он был прав, но ему следовало успокоить этого генерала, поставив его перед Регенсбургом с приказом расположиться на левом берегу Дуная. В таком случае Моро не смог бы ничего предпринять на левом берегу.

8. Эрцгерцог атаковал Бернадотта в Неймаркте только 22 августа, то есть через пять дней после переправы через Дунай, атаковал вяло и не причинил ему никакого вреда. Это было плохое выполнение прекрасного замысла: Бернадотта следовало окружить и атаковать спустя 24 часа после переправы через Дунай с такой стремительностью и с таким превосходством в силах, что результатом явилась бы полная гибель его.

9. Эрцгерцог двинулся на Амберг 24 августа, но с малым количеством войск, использовав большую часть своих 28 000 человек на выполнение второстепенных задач. Он должен был послать вслед за Бернадоттом только несколько эскадронов и обрушиться на тылы Журдана всеми своими войсками, атакуя со всей стремительностью. На берегах Наба он решил бы участь кампании.

10. Когда 20 сентября Журдан рассеял свою армию и переправился обратно на левый берег Рейна, эрцгерцогу следовало двинуться на Ульм с 40 000 человек, приказав генералу Латуру переправиться на левый берег Дуная по Ингольштад-

скому мосту, чтобы с невозможной быстротой идти к нему на соединение. Он прибыл бы в Ульм в то же самое время, как и французская армия, которой тогда пришлось бы выдержать натиск 70 000 человек, и ее отступление сделалось бы тогда действительно крайне трудным. Вместо этого эрцгерцог возвратил с собой на Верхний Рейн только 12 000 человек, оставив без основания много войск на нижнем Рейне у генерала Вернека. Он плохо использовал часть этих 12 000 человек на выполнение второстепенных задач, так что прибыл к Келю только с 8000—9000 человек.

11. Он должен был приказать Латуру, Фрелиху и Надашти маневрировать на левом берегу Дуная, опережая отступавшую армию. Они были бы там в состоянии принять Петраша и все другие отряды.

12. Эрцгерцог маневрировал в эту кампанию, применяя правильные принципы, но робко, как человек, осознавший существование этих принципов, но не сумевший их продумать. Он не наносил больших ударов, и до самой последней минуты, как мы уже говорили, французские генералы имели возможность поправить свои дела, тогда как уже в бою на Мурге эрцгерцог мог решить участь кампании.

Пятое замечание (об осаде Келя и Гюнингена).

К концу декабря французские армии были на отдыхе уже два месяца. Они реорганизовались, пополнились рекрутами, полностью восстановили свои силы и превосходили своей численностью противостоявшие им австрийские армии. Однако эрцгерцог Карл, имея их перед собой, отважился заложить траншею одновременно перед кельским и гюнингенским предмостными укреплениями. Если бы вся Рейнская армия, подкрепленная отрядом Самбро-маасской армии, перешла в наступление через Кель или Гюнинген, она могла бы на рассвете атаковать лагерь эрцгерцога Карла силами вдвое большими, чем его силы, овладеть всеми контрвалационными линиями, захватить всю артиллерию, парки, склады и достигнуть блестящей победы, которая вознаградила бы ее за все поражения, восстановила бы честь французского оружия, поставила бы под угрозу безопасность Германии и позволила бы ей (французской армии) зимовать на правом берегу Рейна. Если бы эта армия состояла только из новобранцев, необученных, лишенных моральной устойчивости, — предположение, прямо противоположное тому, что существовало на самом деле, — французский главнокомандующий, конечно, не мог бы осмелиться на сражение для снятия осад. Но даже и тогда, имея больше рук, больше средств и более выгодное положение, чем противник, он должен был бы возводить одно укрепление за другим, одну батарею за другой и продвигаться вперед с помощью контрапрошей, опирающихся на позиции левого берега и островов. Даже тогда эти осады должны были бы привести к посрамле-

нию противника, к гибели его парков и части войск, принудить его хотя бы вследствие усталости перейти на зимние квартиры.

Обе эти осады не делают чести осторожности эрцгерцога Карла, но являются чрезвычайно славными для его войск и свидетельствуют об их храбрости и хорошем состоянии духа. Они всегда будут расцениваться военными как действия, мало почетные для французских армий. Действительно, обладание обоими предместными укреплениями было очень важно для Франции. Рейн является крупной преградой. Обладание обоими этими укреплениями вынуждало противника оставить всю долину Рейна вплоть до гор Шварцвальда в руках французских армий, а это было бы выгодно одновременно и с военной точки зрения, и с финансовой. Тревожные настроения в Германии не позволили бы австрийцам отправить столько войск в Италию.

Французские офицеры говорили в свое оправдание, что правительство обрекло их на полнейшую нищету; не выплачивалось жалованье, кормили плохо, инженерная и артиллерийская части не имели никаких средств для удовлетворения своих нужд. Но эти причины совсем не являются основательными. Лишения только доказывали еще более убедительно необходимость ошеломить противника громовым ударом и дать решительное сражение, в котором все шансы на победу были бы в руках французов. Для развертывания 50-тысячной армии на островах и в местности от равелина до Кинцига пространства было больше чем достаточно.

Со своей стороны австрийские офицеры, желающие оправдать неосторожность и опрометчивость этих осад, предпринятых эрцгерцогом Карлом, говорили, что ему было известно об упадке духа во французской армии, об удручающем впечатлении, какое было произведено исходом кампании на ее командование, и особенно о нерешительности последнего, на которую эрцгерцог Карл именно и рассчитывал, чтобы довести до благополучного конца такое опасное предприятие, которое он считал необходимым для успеха намеченной им кампании в Италии.

Другие говорили, что эти осады были предприняты по приказу из Вены и вопреки мнению эрцгерцога. Это возможно.

ГЛАВА X

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В ТЕЧЕНИЕ 1796 г.

I. С Генуэзской республикой. — II. С сардинским королем. — III. С герцогом Пармским. — IV. С герцогом Моденским. — V. С Римским двором. — VI. С великим герцогом Тосканским. — VII. С королем неаполитанским. — VIII. С императором германским. — IX. Ломбардский конгресс. — X. Циспаданская республика.

I

Меньшинство аристократии, управлявшей Генуэзской республикой, большинство третьего сословия и весь народ За-

ладной Ривьеры были благожелательно настроены к французским идеям. Генуя была единственным значительным городом в этом государстве. Она была обнесена двойной бастионной оградой; оборонялась многочисленной артиллерией, 6000 человек линейных войск и 6000 национальной гвардии. По первому знаку сената 30 000 человек из низших цехов, таких, как угольщики и носильщики, крестьяне долин Польчевера, Бизаньо и Фонтана-Буона, были готовы двинуться на защиту владетеля¹. Чтобы овладеть этой столицей, нужно было иметь 40-тысячную армию и осадный парк и затратить на это два месяца.

В 1794 и 1795 гг. и в начале 1796 г. австро-сардинская армия стояла к северу от Генуи и сообщалась с ней по Бокеттскому перевалу. Французская армия стояла на западе и сообщалась с нею по береговой дороге (Коринш) от Савоны. Расположенная, таким образом, между двумя воюющими армиями, Генуя могла получить помощь от обеих и сохраняла равновесие между ними. Та, за которую она выступила бы, приобрела бы большое преимущество. Это придавало Генуе значительный вес в делах Италии. Сенат чувствовал всю деликатность такого положения и вместе с тем силу, которую оно ему придавало. Он предпочитал держаться нейтралитета и не считался ни с посулами, ни с угрозами коалиции. Торговля города ширилась и привлекала в республику огромные богатства.

Но неприкосновенность его порта была нарушена английской эскадрой. Катастрофа с фрегатом «Модест» сильно задела всех французов. Конвент затаил досаду, но выжидал благоприятной минуты, чтобы потребовать достойного возмещения. Несколько знатных семейств, наиболее приверженных к Франции, были изгнаны. Это было новое оскорбление, за которое французскому правительству предстояло потребовать удовлетворения. После сражения у Лоано, зимой 1796 г., Директория сочла момент тем более благоприятным, что сверхсметный доход в 5—6 миллионов имел бы большое значение вследствие нищеты, которую испытывала ее Итальянская армия. Эти переговоры были начаты, когда Наполеон прибыл для командования армией. Он осудил эту мелочную политику, не имевшую шансов увенчаться каким-либо успехом и неизбежно ведущую к раздражению и к неудовольствию населения этой важной для Франции столицы. «Нужно,— говорил он,— или штурмовать валы крепости и, утвердившись там, энергичным натиском разгромить аристократию, или уважать независимость Генуи и, главное, оставить ей ее деньги».

Несколько дней спустя, когда неприятельские армии были отброшены за По и сардинский король сложил оружие, Генуез-

¹ Автор допускает здесь ошибку. Генуя была республикой, и, следовательно, речь могла идти о защите правительства, а не «владетеля». — Ред.

ская республика оказалась всецело во власти Франции. Директория хотела установить в ней демократию, но французские армии ушли уже далеко вперед. Для обеспечения успеха подобной революции было необходимо присутствие или, может быть, даже пребывание под стенами Генуи отряда из 15 000 французов в течение нескольких недель. И это в то время, когда повсюду открыто говорили о приходе Вурмзера, который тогда пересек Германию и вошел в Тироль. Затем поражение Вурмзера, маневрирование в Тироле и по ущельям Brenty, наступление Альвинци для освобождения Вурмзера в Мантуе — все эти события одно за другим делали необходимым сосредоточение всей армии на Адидже. Впрочем, армии нечего было опасаться генуэзцев: среди господствующего класса не было единства, а народ стоял на нашей стороне.

Жерола, посланник императора, воспользовавшись уходом армии и тайно поддерживаемый феодальной знатью, вызвал восстание в императорских поместьях и организовал отряды из пьемонтских дезертиров, бродяг, оставшихся без дела после роспуска легких пьемонтских войсковых частей, и из австрийских пленных, убежавших с пути вследствие плохого надзора французов. Этими шайками кишели Апеннины и тыл армии. В течение июня стало совершенно необходимым положить этому конец. Отряды в 1200 человек и присутствия главнокомандующего в Туроне оказалось достаточно, чтобы все пришло в порядок. Главнокомандующий дал тогда инструкцию французскому посланнику в Генуе Фейлу об открытии переговоров с целью усиления нашего влияния в правительстве, с тем, однако, чтобы для этого не потребовалось присутствие армии. Он добивался: 1) высылки австрийского посланника Жерола; 2) высылки феодальной знати, в соответствии с одним из статуты республики; 3) возвращения изгнанных семей.

Эти переговоры затянулись. Тем временем пять французских торговых судов были захвачены в сфере огня генуэзских батарей без того, чтобы последние оказали им помощь. Сенат, встревоженный угрозами французских агентов, послал в Париж сенатора Винченце Спинола, человека весьма подходящего для Франции. В результате переговоров он подписал 6 октября 1796 г. конвенцию с министром иностранных дел Шарлем Делакруа. Все обиды Франции были преданы забвению; сенат уплатил 4 миллиона контрибуции и вернул изгнанников. Было возможно и следовало воспользоваться этим поводом для заключения с Генуей наступательного и оборонительного союза, для увеличения ее территории императорскими поместьями и областью Масса-ди-Каррара и для получения от нее контингента в 2400 человек пехоты, 400 кавалеристов и 200 артиллеристов. Но при всей его целесообразности такой союз с олигархами внушал отвращение парижским демократам. Тем не менее спокойствие было восстановлено благодаря этой конвен-

ции и продолжалось вплоть до заключения конвенции в Момбелло в июне 1797 г., и пока французская армия находилась в Италии, не возникало никакого повода к жалобам на поведение генуэзского населения.

II

Перемирие в Кераско изолировало австрийскую армию и позволило французской армии изгнать ее из Италии, обложить Мантую и занять линию Адидже. Мир, заключенный в мае в Париже, отдал во власть Франции все крепости Пьемонта, кроме Турина. Сардинский король оказался, таким образом, в полной зависимости от республики. Его армия была уменьшена до 20 000 человек. Выпущенные им бумажные деньги угрожали разорением частным лицам и государству. Его народ был недоволен и разделился на партии. Имелись приверженцы даже французских идей, хотя их было немного. Некоторые политические деятели хотели революционизировать Пьемонт для того, чтобы не беспокоиться за тылы армии и увеличить наши средства против Австрии, но было невозможно опрокинуть сардинский трон без прямого вмешательства в дела страны, для чего требовались значительные силы, а события, происходившие перед Мантуей, занимали все войска республики в Италии. При этом революция в Пьемонте могла повести к гражданской войне, и тогда пришлось бы оставить в этой стране больше французских войск, чем можно было бы извлечь оттуда пьемонтских, а в случае отступления население, которое было бы охвачено брожением, неизбежно стало бы прибегать к эксцессам. Кроме того, встревожились бы короли испанский и прусский, видя, что республика из ненависти к королям своими руками свергла государя, с которым она только что заключила мир.

Эти соображения привели Наполеона к мысли о необходимости достигнуть того же результата обратным путем, а именно: заключением наступательного и оборонительного договора с сардинским королем. Подобное решение обеспечивало все выгоды и не вызывало никаких неудобств: 1) этот договор был бы сам по себе возванием, которое сдерживало бы недовольных, так как с его опубликованием они перестали бы верить демократам армии, не перестававшим обещать им поддержку Франции; следовательно, страна оставалась бы спокойной; 2) дивизия силой в 10 000 хороших, прекрасно обученных и закаленных солдат усилила бы французскую армию и дала бы ей новые шансы на успех; 3) пример туринского двора хорошо повлиял бы на венецианцев и способствовал бы принятию ими решения искать в союзе с Францией гарантию неприкосновенности их территории и сохранения их конституции. В то же время пьемонтские войска, присоединенные к французской армии,

переняли бы от нее боевой дух и привязались к главнокомандующему, который повел бы их к победе. Во всяком случае они были бы заложниками, находящимися в армии и гарантирующими хорошее поведение пьемонтского народа. Если бы оказалось верно, что король не может удержаться, находясь между демократическими республиками — Лигурийской, Ломбардской и Французской, то его свержение было бы результатом естественного хода вещей, а не политического акта, способного вселить недоверие к нам среди других королей, находившихся в союзе с Францией. «Союз Франции с Сардинией, — сказал Наполеон, — это гигант, обнимающий пигмея. Если гигант его задушит, то только против своей воли и единственно вследствие чрезвычайного различия их организмов».

Но Директория не хотела понять целесообразности и глубины такой политики. Она разрешила открыть переговоры, но мешала их завершению. Господин Пуссьельг, секретарь посольства в Генуе, вел переговоры в Турине в течение многих месяцев. Он нашел, что двор склонен к союзу с Францией, но этот неискusstный посредник позволил исторгнуть у себя явно преувеличенные уступки. Он обещал сардинскому королю Ломбардию, тогда как не могло быть и речи ни о том, чтобы увеличить владения этого государя, ни о том, чтобы возбудить в нем надежды, которых не хотели осуществить. Он и так достаточно выигрывал, получая по договору гарантию целостности своего королевства.

Когда Мантуя открыла свои ворота и Наполеон двинулся на Толентино, чтобы там продиктовать мир святейшему престолу¹ и получить возможность направиться оттуда к Вене, он понял важность урегулирования дел с Пьемонтом и уполномочил генерала Кларка вести переговоры с господином де Сен-Марсаном о наступательном и оборонительном союзе. Договор о таком союзе был подписан в Болонье 1 марта 1797 г. Король получил от республики гарантию целостности своих владений, предоставлял французской армии контингент в 8000 человек пехоты, 2000 кавалерии и 20 пушек. Не сомневаясь в ратификации договора, подписанного по приказанию главнокомандующего, Туринский двор поспешил выставить свой контингент, который предполагалось послать с французскими войсками в Каринтию, но Директория медлила с ратификацией этого договора. Контингент оставался в Пьемонте, на квартирах около Новары, в продолжение всей кампании 1797 г.

III

Политика, которую пришлось вести в отношении инфанта герцога Пармского, была предreshена нашими отношениями

¹ Пале. — Ред.

с Испанией¹. Ему было предложено сначала перемирие (9 мая 1796 г.), а несколько месяцев спустя он подписал в Париже с республикой мир, но французский посланник не сумел достигнуть цели, поставленной главнокомандующим. Успехи Итальянской армии побудили испанского короля заключить с республикой в августе 1796 г. договор о наступательном и оборонительном союзе². Вследствие этого было бы легко³ побудить Мадридский двор к высылке дивизии в 10 000 человек на р. По для охраны пармского инфанта и, обещав увеличить территорию его государства, привлечь указанную дивизию под французские знамена. Ее присутствие импонировало бы Риму и Неаполю и немало способствовало бы успеху военных действий. Союз с Испанией, вынудивший Англию к уходу из Средиземного моря, обеспечил господство на нем французской и испанской эскадрам, чем облегчалась переброска испанских войск в Италию. Нахождение испанских войск в рядах французской армии благоприятно повлияло бы на решение венецианского сената вступить в союз с Францией, что увеличило бы армию на 10 000 словенцев.

IV

По Миланскому перемирию от 17 мая 1796 г. прекратилось состояние войны с герцогом Моденским. Французская армия была немногочисленна, а страна, которую она занимала, огромна. Выделение двух—трех батальонов для второстепенных задач было бы ошибкой. Перемирие с Моденой отдавало все средства этого герцогства в распоряжение армии и не требовало посылки войск для поддержания там общественного спокойствия. Командир д'Эсте, облеченный полномочиями герцога, повел в Париже переговоры об окончательном мире. Французское министерство вполне разумно не торопилось с его заключением. Герцог, целиком преданный австрийцам, удалился в Венецию, а регентство, управлявшее его государством, пропустило в Мантую несколько обозов с продовольствием в начале августа и в конце сентября, когда блокада была снята. Как только главнокомандующий узнал о столь явном нарушении перемирия, он указал на это регентству, тщетно пытавшемуся оправдаться ссылкой на существование прежних договоров. Между тем в связи с этим отряд мантуанского гарнизона, переправив-

¹ Герцог Пармский был инфантом, т. е. членом испанского царствующего дома. — Р е д.

² Договор в Сент-Ильдефонсе, подписанный 13 августа 1796 г. и ратифицированный Директорией 29 августа. — П р и м. ф р а н ц. р е д.

³ В рукописи в этом месте сделан пропуск, вследствие чего приводится текст из «Mémoires pour servir à l'histoire de France sous le règne de Napoléon», изд. 1830 г.

шийся через По у Боргофорте, был отрезан. он направился в Реджио 29 сентября, намереваясь двинуться в Тоскану; но жители Реджио заперли ворота города, и отряд укрылся в форте Монте-Киаруголо, где патриоты окружили его и заставили сложить оружие. Два жителя Реджио были убиты в происшедшей стычке. Это были первые итальянцы, пролившие кровь за освобождение своей страны. Отряд национальной гвардии Реджио, приведший пленных в Милан, был там торжественно принят ломбардским конгрессом, миланской национальной гвардией и главнокомандующим. По этому случаю было устроено несколько общественных празднеств, которые еще больше воспламенили воображение итальянцев. Реджио объявил себя свободным. Население Модены хотело сделать то же, но было удержано гарнизоном. При таком положении вещей не могло быть двух решений. Главнокомандующий объявил, что Миланское перемирие было нарушено регентством, снабдившим продовольствием Мантую. Он приказал воинским частям занять все три герцогства — Реджио, Модену и Мирандолу и 4 октября по праву завоевателя провозгласил их независимость. Это решение улучшило положение армии, потому что недоброжелательное регентство было заменено временным правительством, всецело преданным французскому делу. Во всех городах этих трех герцогств стали вооружать отряды национальной гвардии, составленные из горячих патриотов.

V

Так как состояние войны с Римом было прекращено Болонским перемирием 23 июня 1796 г., то Римский двор послал в Париж монсиньора Петрарки. После нескольких недель переговоров этот посланник препроводил своему двору проект договора с Директорией. Конгрегация кардиналов нашла, что в нем содержатся пункты, противоречащие вере и поэтому неприемлемые. Монсиньор Петрарки был отозван. В сентябре переговоры возобновились во Флоренции. Правительственные комиссары при армии получили на это полномочия Директории. На первых же совещаниях они представили монсиньору Галеппи, — папскому уполномоченному, — договор в 60 статей, в качестве *sine qua non*¹. В Риме заключили, что этот договор также содержит пункты, направленные против веры. Монсиньор Галеппи был отозван, и переговоры прервались 25 сентября. Римский двор, не сомневаясь больше, что французское правительство хочет его гибели, впал в отчаяние и решил связаться исключительно с Веной. Он начал с того, что отказался

¹ Буквально «без чего не» (лат.), т. е. заявили, что в этом договоре ничего нельзя изменить. — Р е д.

от выполнения Болонского перемирия. Ему оставалось еще уплатить 16 миллионов, уже находившихся на пути в Болонью, где они должны были поступить в армейскую казну. Эти обозы с деньгами вернулись в Рим, и их возвращение было встречено с триумфом. Монсиенор Альбани отбыл 6 октября в Вену с поручением просить поддержки этого двора. Римская знать стала делать патриотические взносы и набирать полки. Папа разослал воззвания с призывом к священной войне, если территория святейшего престола подвергнется нападению. Все эти усилия Римского двора смогли, как было подсчитано, привести лишь к созданию 10-тысячной армии из наихудших войск. Но Рим рассчитывал на неаполитанского короля, который тайно обязался поддержать его армией в 30 000 человек, и хотя враждебность и недобросовестность кабинета Обеих Сицилий¹ были Ватикану известны, он все же обратился к его помощи. «В их состоянии безумия все средства хороши,— писал посланник Како,—они ухватились бы и за раскаленное железо». Такое положение вещей произвело дурное впечатление на всю Италию.

Наполеон не хотел иметь лишних затруднений. Ему уже угрожал Альвинци, войска которого собирались в Тироле и на Пьяве. Он упрекнул французское министерство за то, что оно держало его в стороне от переговоров, которыми только сам он мог руководить. Если бы они были поручены Наполеону, как это следовало сделать, он задержал бы открытие переговоров на две—три недели для того, чтобы получить сперва 17 миллионов, которые святейший престол обязался уплатить во исполнение Болонского перемирия. Он не допустил бы смешать в договоре духовные и светские дела, потому что раз светские дела были бы улажены, а это было главное,—опоздание на несколько месяцев с заключением соглашения о духовных делах не имело бы никакого значения. Но зло было сделано. Правительство, признавшее это, дало Наполеону необходимые полномочия, чтобы исправить зло, если возможно. Вопрос заключался в том, чтобы выиграть время, успокоить страсти, восстановить доверие и удержать в рамках тревогу в Ватикане. Наполеон поручил французскому представителю в Риме господину Како дезавуировать без огласки все, относящееся к духовным вопросам в парижских и флорентийских переговорах, уведомить, что возобновить переговоры поручено Наполеону и что они будут вестись не с Директорией и не комиссарами, а с ним. Такое начало произвело хорошее впечатление. Чтобы его усилить, главнокомандующий 19 октября 1796 г. отправился в Феррару, остановился у кардинала Маттеи, архиепископа этого города, и имел с ним несколько совещаний. Он убедил его в своих мирных намерениях и отправил в Рим передать

¹ То есть Неаполитанского королевства. — Р е д.

слова мира непосредственно папе. Несколько дней спустя Аркольское сражение положило конец надеждам, зародившимся было в Италии с приближением армии Альвинци. Наполеон считал момент благоприятным для завершения римских дел. В январе 1797 г. он направился в Болонью с 1500 французов и 4000 циспаданцев и ломбардцев, угрожая двинуться на Рим¹. На этот раз, однако, Римский двор отнесся к его угрозам с насмешкой. Он находился в переписке о заключении договора с Веной и знал, что две новые многочисленные армии вступают в Италию. Кардинал Буска и австрийский посланник в Риме громко заявляли: «Если будет нужно, папа оставит Рим, потому что чем дальше французский главнокомандующий удалится от Адригге, тем более мы приблизимся к спасению». Действительно, несколько дней спустя Наполеон, извещенный о наступлении Альвинци, переправился обратно через По и быстро двинулся в Верону. Но сражение при Риволи в январе 1797 г. навсегда уничтожило надежды врагов Франции. Немного спустя открыла свои ворота Мантуя. Наступил момент наказать Рим, и небольшая галло-итальянская армия двинулась на Апеннины. Все затруднения между этим двором и Францией были улажены договором в Толентино, как это будет изложено в XII главе.

VI

Великий герцог Тосканский был первым европейским государем, признавшим республику. Когда французская армия заняла Италию, он находился с Францией в мире. Его владения, расположенные по ту сторону Апеннин, не имели никакого влияния на театр военных действий. Если после обложения Мантуи одна французская бригада направилась в Ливорно, то это было сделано с целью изгнать оттуда английскую торговлю и облегчить борьбу за освобождение Корсики; в остальном владения Тосканы остались неприкосновенны. Ливорнский гарнизон никогда не был больше 1800 человек. Это, без сомнения, была жертва — использовать три батальона на второстепенную цель, — но туда была назначена сначала 75-я полубригада, сильно пострадавшая и нуждавшаяся в отдыхе. Манфредини, премьер-министр великого герцога, проявил находчивость и энергию в устранении препятствий, могущих повредить его государю, и великий герцог был ему обязан сохранением своих владений. Три или четыре малозначащих конвенции были заключены между главнокомандующим и маркизом Манфредини. Согласно последней из них, подписанной в Болонье, из Ливорно эвакуировался французский гарнизон. По

¹ 13 января 1797 г. — Прим. франц. ред.

этому случаю великий герцог в уплату старых расчетов передал в армейскую казну два миллиона. По Кампо-Формийскому миру этот государь сохранил свои владения в неприкосновенности. Он испытал некоторое беспокойство, но ему не было причинено вреда, и в течение итальянской войны его ни разу не обидели как из уважения к существующим трактатам, так и вследствие желания смягчить вражду, питаемую Лотарингским домом к республике, и отвлечь его от Англии¹.

VII

Когда французская армия прибыла на Адидже и вследствие этого Средняя и Нижняя Италия оказались отрезанными от Германии, князь Пиньятели прибыл в главную квартиру, просил и добился для неаполитанского короля перемирия, подписанного 5 июня 1796 г. Неаполитанская кавалерийская дивизия численностью в 2400 коней, составлявшая часть армии Болье, стала на квартирах близ Брешна среди французской армии. Неаполитанский уполномоченный отправился в Париж для обсуждения и подписания окончательного мира с республикой. При переговорах возникли затруднения вследствие неуместных придирок Парижа, а также вследствие недобросовестных уверток, столь обычных для двора Обеих Сицилий. Директория должна была считать за большую удачу то, что удалось обезоружить неаполитанского короля, потому что у него было в строю 60 000 человек и он располагал 25 000—30 000 человек для посылки на По. Наполеон не переставал торопить с заключением этого договора. Министерство иностранных дел в Париже требовало контрибуции в несколько миллионов, платить которую Неаполитанский двор резонно отказывался. Но в сентябре, когда стало известно, что союз Испании с Францией и освобождение Корсики от английского ига побудили Сент-Джемский² кабинет отозвать свои эскадры из Средиземного моря, вследствие чего господство в Средиземном море и в Адриатике перешло к тулонским эскадрам,—встревоженный неаполитанский двор подписал все, что хотела Директория, и мир был заключен 8 октября. Но ненависть и недобросовестность этого двора и отсутствие у него уважения к своей подписи на договорах были таковы, что еще долго после заключения мира этот беспокойный Италия передвижениями войск на своих границах и угрозами нападения, как будто состояние войны продолжалось. Трудно выразить негодование, возбуждаемое таким отсутствием всякого стыда и всякого уважения к людям, что и привело в конце концов к свержению этого кабинета.

¹ Великий герцог Тосканский был членом правившей в Австрии Лотарингской династии. — Р е д.

² Английский. — Р е д.

Французское правительство предписало Наполеону в начале сентября, когда Рейнская и Самбро-маасская армии были еще в Германии, сообщить императору, что если он не согласится на мир, то его морские базы в Фиуме и Трнесте будут разрушены. От такого неуместного заявления нельзя было ожидать ничего хорошего.

Позже, однако, когда Самбро-маасская и Рейнская армии были отброшены во Францию, а предмостные укрепления Келя и Гюнингена — осаждены, Моро предложил перемирие, от которого эрцгерцог отказался, заявив о своих претензиях на оба предмостные укрепления. Когда фельдмаршал Вурмзер с почти 30 000 австрийцев был блокирован в Мантуе и усилия Альвинци выручить его потерпели неудачу у Арколе, Директория стала надеяться, что будет заключено общее перемирие, по которому Гюнинген и Кель останутся за Францией, а Мантуя — за Австрией. Генерал Кларк получил необходимые полномочия, чтобы отправиться в Вену и предложить общее перемирие до июня 1797 г. Осаду Келя и Гюнингена предлагалось снять, а для Мантуи сохранить *status quo*¹. Австрийские и французские комиссары должны были ежедневно пропускать в эту крепость продовольствие, потребное жителям и войскам.

Генерал Кларк прибыл 1 декабря² в Милан для согласования действий с главнокомандующим, которому было поручено добиться для этого уполномоченного всех необходимых паспортов. Наполеон ему сказал: «Осаду Келя и Гюнингена легко заставить снять. Эрцгерцог ведет осаду Келя всего с сорока тысячами человек, — пусть Моро на рассвете сделает вылазку из своего укрепленного лагеря с шестьюдесятью тысячами человек, разобьет осадную армию, захватит все парки и разрушит все укрепления осаждающих; впрочем, Кель и гюнингенское предмостное укрепление не стоят Мантуи; нет никакой возможности установить число жителей, мужчин, женщин, детей и даже состав гарнизона. Фельдмаршал Вурмзер, уменьшив для всех паек наполовину, выгадает за шесть месяцев запас продовольствия еще на шесть месяцев. Если думают, что перемирие должно послужить началом переговоров о мире, то это еще один повод не предлагать его, пока Мантуя находится во власти Австрии. Нужно, значит, выиграть сражение под стенами Келя и дожидаться сдачи Мантуи, а тогда предложить перемирие и мир».

Однако приказания правительства были точны. Генерал Кларк написал императору и отправил ему письмо Директории.

¹ Буквально «положение, которое» (лат.), т. е. существующее положение. — Ред.

² 1796 г. — Ред.

Вследствие этого барон Винцент, адъютант императора, и генерал Кларк встретились 3 января в Виченце; здесь у них состоялось два совещания. Барон Винцент заявил, что император не может принять в Вене уполномоченного республики, которую он не признает; что он не может к тому же действовать отдельно от своих союзников, и что, наконец, если французский представитель имеет сделать какие-либо сообщения, он может адресоваться к г-ну Жиральди, австрийскому посланнику в Турине. Таким образом пагубная мысль о перемирии была, к счастью, отвергнута противником. Французский уполномоченный едва успел возвратиться на Адидже, как Альвинци уже начал наступление для освобождения Мантуи. Это привело к сражениям при Риволи и Фаворита, о чем будет рассказано в главе XIV¹.

Однако Люксембургский² кабинет, неизвестно почему, увидел в этом ответе барона Винцента открытую дверь для переговоров и в январе 1797 г. отправил генералу Кларку инструкции, уполномочившие его заключить мир на следующих условиях: 1) император отказывается от Бельгии и от Люксембургской области; 2) он признает за республикой Льеж и другие небольшие территории, вдававшиеся в ее владения и уступленные ей; 3) он обещает употребить свое влияние, чтобы в Германии было выкроено некоторое возмещение штатгальтеру³. 4) со своей стороны, Французская республика возвращает императору все его владения в Италии. Эти условия не были одобрены Наполеоном, убежденным в том, что республика имела право требовать границы по Рейну и создания в Италии государства, которое позволило бы поддерживать там французское влияние и сохранить в зависимости от себя Генуэзскую республику, сардинского короля и папу, так как Италию, нельзя было больше считать такой же, какой она была до войны. Если когда-нибудь французы вновь уйдут за Альпы, не сохранив там могущественного союзника, то генуэзские и венецианские аристократы и сардинский король свяжутся с Австрией неразрывными узами под влиянием необходимости предохранить свои режимы от распространения идей демократии и народовластия. Венеция, не имевшая в течение целого столетия никакого влияния на европейское равновесие, наученная отныне опытом и опасностью, которой только что избежала, найдет у себя энергию, деньги и армию, чтобы усилить императора и подавить идеи свободы и независимости в своих материковых владениях. Папа, короли, дворянство соединятся для защиты своих привилегий и закроют Альпы для современных идей.

¹ Гл. XI настоящего издания. — Р е д.

² Люксембургский дворец — резиденция Директории. — П р и м. ф р а н ц. р е д.

³ Голландии. — Р е д.

Три месяца спустя Наполеон подписал предварительные условия мира на основе получения границы по Рейну (включая крепость Майиц), присоединения территории с населением на 1 500 000 человек больше, чем того требовала Директория, и существования одной или двух демократических республик в Италии, сообщающихся с Швейцарией, пересекающих всю Италию с севера на юг, от Альп до По, окружающих сардинского короля и прикрывающих по линии По Среднюю и Нижнюю Италию. В случае надобности французские армии через Геную, Парму, Модену, Болонью, Феррару и Местре сразу могли бы оказаться на Пьяве, обойдя Миичио, Мантую и Адидже. Этой республикой с тремя миллионами жителей обеспечивалось бы французское влияние на три миллиона жителей Сардинского королевства и на три миллиона жителей церковных владений в Тосканы и даже на Неаполитанское королевство.

IX

Образ действий, которого следовало держаться в отношении населения Ломбардии, должен был быть осторожным. Франция соглашалась заключить мир, как только император откажется от Бельгии и Люксембурга. За эту цену она была согласна возвратить ему Ломбардию. Следовательно, нельзя было ни принимать на себя какого-либо обязательства, ни давать какую-либо гарантию, противоречащую этим секретным намерениям кабинета. С другой стороны, все издержки армии должна была нести страна, а это не только поглощало все поступления, но и порождало больший или меньший дефицит в зависимости от количества войск, находившихся в том или ином месте.

Во Франции были упразднены все косвенные налоги. Ее налоговая система была очень несовершенна. Казначейство было независимо. Все велось беспорядочно, бесчестно и неумело. Все учреждения работали плохо. Из итальянских контрибуций приходилось посылать очень значительные суммы для содержания рейнских армий, тулонских и брестских эскадр и даже правительственных учреждений в Париже. При всем том нужно было противодействовать в Италии влиянию австрийской партии, состоявшей из дворянства и части духовенства, на которую с большим или меньшим успехом воздействовал Рим. Наполеон поддерживал партию, желавшую независимости Италии, но не компрометируя себя, и привлек на свою сторону, несмотря на критическое положение, симпатии большинства населения. Он не только оказывал большое уважение религии, но не забывал ни о чем, что могло склонить к нему духовенство. Он сумел весьма уместно, словно талисман, использовать лозунги свободы и особенно национальной независимости.

сти, которые со времен Рима никогда не переставали быть дороги итальянцам. Управление провинциями, городами и сельскими общинами он вверил самому населению, выбрав для этого самых достойных людей, пользовавшихся наибольшим уважением народа. Полицейская служба была возложена на национальную гвардию, которая во всей Ломбардии была создана по примеру Франции и у которой были национальные цвета: красный, белый и зеленый. Миланцы были гвельфами¹; настроение их умов оставалось прежним. Патриоты с каждым днем становились более многочисленными. Французские идеи одерживали с каждым днем новые успехи, а после уничтожения армии Вурмзера настроения в народе стали таковы, что главнокомандующий разрешил ломбардскому конгрессу произвести набор легиона в 3000 человек.

В ноябре польские генералы Зайончек и Домбровский спешно прибыли из Польши с большим числом офицеров, чтобы предложить Италии свои услуги, и конгрессу было разрешено создать легион из 3000 поляков. Эти войска никогда не посылались на фронт для борьбы против австрийцев, но служили для охраны общественного спокойствия и сдерживания папской армии.

X

Когда затруднительные обстоятельства побудили главнокомандующего провозгласить Циспаданскую республику, ломбардский конгресс был сильно встревожен. Но ему дали понять, что это необходимо сделать в силу изменившейся обстановки. Операционная линия армии не проходила по циспаданской территории. И, наконец, явилось нетрудным убедить наиболее осведомленных людей, что им нечего тревожиться, если французское правительство не желает брать на себя обязательств, которые оно не сможет сдержать в случае военных неудач, так как вполне очевидно, что судьба французской партии в Италии решается на полях сражений. Гарантия, которую в данное время дает Франция Циспаданской республике, благоприятна также и для ломбардцев, так как если Франция когда-нибудь будет вынуждена согласиться на возвращение австрийцев в Ломбардию, то Циспаданская республика послужит убежищем для ломбардцев и очагом, где сохранится священный огонь итальянской свободы.

Реджио, Модена, Болонья и Феррара, расположенные на правом берегу По, составляли всю территорию этой страны от Адриатического моря до пармских владений, соприкасаясь

¹ Гвельфы — партия в средневековой Италии, антигерманской ориентации. — Ред.

с Генуэзской республикой, а через нее — с Францией. При наличии опасений, что придется вернуть Ломбардию Австрии, чтобы облегчить заключение мира, было тем более необходимо сохранить на правом берегу По демократическую республику, на которую австрийский двор не имел никакого права и не мог предъявить никаких претензий.

Эти четыре области несколько месяцев пробыли независимыми под управлением своих муниципалитетов. Хунта общественной безопасности, состоявшая из Капрара и др.¹, была организована для согласования мероприятий по обороне этих областей и обузданию недоброжелателей. В течение ноября в Модене собрался конгресс из ста депутатов. Они приняли ломбардские цвета в качестве общетальянских, пришли к соглашению относительно некоторых основных принципов управления, а именно: об отмене феодализма, о равенстве, о правах человека. Эти маленькие республики объединились для общей обороны и решили совместно выставить первый итальянский легион силою в 3000 человек. Конгресс состоял из лиц всех сословий: кардиналов, дворян, купцов, юристов, писателей. Постепенно кругозор их расширялся, была объявлена свобода печати, и, наконец, в начале января 1797 г. после некоторого сопротивления областнический дух был преодолен, и эти народы объединились в одну республику под названием Циспаданской. Столицей ее была объявлена Болонья, и они приняли представительное конституционное устройство. Это дало себя почувствовать и в Риме. Организация и принципы новой республики являлись прочным барьером против принципов, пропагандируемых святейшим престолом, и против войск, которые им собирались в Романье. Ломбардский конгресс вошел в связь с Циспаданской республикой, которая с этой поры привлекала к себе взоры всех народов Италии. Из всех городов Италии Болонья постоянно проявляла наибольшую энергию и была самой просвещенной в подлинном смысле этого слова. В феврале 1797 г., после Толентинского мира, Романья, уступленная папой, естественно, должна была присоединиться к Циспаданской республике. Это довело ее население до двух миллионов человек. Таково было положение Италии в конце 1796 г и весной 1797 г., когда французская армия решила перейти через Юлийские Альпы и двинуться на Вену

¹ Здесь в рукописи короткий пропуск. — Прим. франц. ред.

ГЛАВА XI

СРАЖЕНИЕ У РИВОЛИ

I. Римские дела. — II. Положение австрийской армии. — III Положение французской армии. — IV. План действий, принятый Венским двором. — V. Бой у Сан-Микеле (12 января 1797 г.). — VI. Занятие Короны фельдмаршалом Альвинци. — VII. Сражение у Риволи (14 января). — VIII. Переправа генерала Пропера через Адидже; его движение на Мантую (14 января). — IX. Сражение у Фаворита (16 января). — X. Капитуляция Мантуи (2 февраля).

I

Венецианский сенат с каждым днем все больше и больше раздражался против французов, но эту ненависть сковывал двойной страх: присутствие победоносной армии и брожение, охватившее большинство его городов на материке. Тем временем он производил новые наборы словенцев; в лагуны один за другим прибывали новые батальоны. Обе враждебные партии готовились померяться силами во всех городах на материке.

Веронский и брешианский замки были заняты французскими войсками. Беспорядки, возникшие в Бергамо, показали необходимость занятия цитадели; генерал Бараге-д'Илье занял ее. Такая предосторожность казалась достаточной, так как Наполеон рассчитывал на скорую сдачу Мантуи. Ему не хотелось до падения этой крепости вступать с сенатом в споры, которые усложнили бы его положение. Таким образом, обе стороны скрывали пока свои намерения.

Переговоры с Римом были прерваны. Опыт показал, что от этого двора ничего нельзя добиться без наличия вооруженных сил. Нужно было положить предел такому состоянию неуверенности, поддерживавшему брожение в Италии.

Еще до прибытия новых австрийских армий 3000 французов и 4000 итальянцев переправились через По и вступили 6 января в Болонью, откуда главнокомандующий отправился в Милан. Манфредини, первый министр великого герцога Тосканского, спешно прибыл туда отстаивать его интересы. Он возвратился во Флоренцию, убежденный, что французы двинулись на Рим. Ватикан не был обманут этими угрозами. Он знал о планах, принятых в Вене, и надеялся на их успех. Австрийский посланник поддерживал его бодрость. С их точки зрения ничто не было столь желательно, как завлечение французов в глубь Италии. Папа, в случае необходимости, был даже готов покинуть Рим, считая, что это явится дополнительной гарантией поражения французов на Адидже. Участь Италии должна решиться на Тибре! ¹

¹ Река, на которой стоит Рим. — Р е д.

II

Действительно, Альвинци каждый день получал значительные подкрепления. Области Падуна, Тревизы и Бассано были заняты его войсками. Австрия воспользовалась двумя месяцами, истекшими после Аркольского сражения, для присылки во Фриуль дивизий, снятых с берегов Рейна, где французские армии стояли на зимних квартирах. Она подняла национальное движение во всей монархии, набрала в Тироле несколько батальонов отличнейших стрелков. Было нетрудно внушить им убеждение в необходимости защищать собственную землю и помочь отвоевать Италию, так как это насущно необходимо для процветания их горных областей. Успехи Австрии в Германии, достигнутые в последнюю кампанию, и поражения в Италии, по-разному воздействовали на общественное мнение народов. Большие города предложили батальоны из добровольцев. Вена выставила четыре таких батальона. Венские батальоны получили от императрицы знамена, вышитые ее собственными руками; они их потеряли, но защищали с честью. В начале января 1797 г. австрийская армия в Италии состояла из восьми пехотных дивизий равной силы, которым было придано несколько легких кавалерийских бригад, и из одной дивизии резервной кавалерии; в общем 65 000—70 000 бойцов (64 батальона, 30 эскадронов) и 60 000 тирольцев, не считая 24 000 человек гарнизона Мантуи; всего 96 000—100 000 человек.

III

Французская армия после Арколе была усилена двумя пехотными полубригадами, снятыми с побережья Прованса (включая 57-ю полубригаду) и одним кавалерийским полком — в общем 7000 человек; это возместило потери при Арколе и при блокаде Мантуи. Армия состояла из пяти дивизий. одной командовал Жубер — он занимал Монте-Бальдо, Риволи и Буссоленго; Рей с другой дивизией, меньшей силы, находился в резерве в Дезенцано; Массена был в Вероне, имея авангард в Сан-Микеле; Ожеро был в Леньяго, его авангард в Бевилаква; Серрюрье блокировал Мантую. В этих пяти дивизиях насчитывалось в строю 43 000 человек, из которых только 31 000 человек были в обсервационной армии. Жубер прикрыв Корону окопами: Верона, Леньяго, Пескиера, Пиццигетоне были в хорошем состоянии; брешнанская и бергамская цитадели, форт Фуент, феррарская цитадель и форт Урбано были также заняты французами, а канонерские лодки дали им господство над четырьмя озерами: Гарда, Комо, Лугано и Маджиоре.

Наступление Вурмзера осуществлялось по трем направлениям: по Кнезскому шоссе, через Монте-Бальдо и по долине Адидже; все три его колонны должны были сойтись у Мантуи. Несколько месяцев спустя Альвинци в свою очередь вступил в Италию с двумя армиями: одна направилась через Тироль, а другая по рекам Пьяве, Бренте и Адидже; они должны были соединиться в Вероне. На этот раз Венский двор принял новый план, согласованный с действиями на римском театре военных действий. Он предписал повести два больших наступления в следующих направлениях: главное — через Монте-Бальдо, вспомогательное — на Нижний Адидже, по падуанским равнинам. Оба эти наступления должны были вестись независимо одно от другого. Наступавшие корпуса должны были соединиться у Мантуи. Главный корпус должен был выйти через Тироль; в случае, если бы ему удалось разбить французскую армию, он вышел бы затем к стенам Мантуи и застал бы там корпус, прибывший туда после переправы через Адидже. Если бы атака главного корпуса не удалась, а успешной оказалась бы только атака вспомогательного, то и в этом случае была бы снята осада Мантуи, а крепость снабжена припасами. Затем этот корпус бросился бы в Серралло и установил бы коммуникации с Римом. Вурмзер принял бы тогда командование армией, формировавшейся в Романье, имея 5000 человек своей кавалерии, штаб и многочисленную полевую артиллерию. Большое количество генералов, офицеров и спешенных кавалеристов, находившихся в Мантуе, внедрили бы дисциплину в армию папы и устроили бы диверсию, которая принудила бы французов отрядить два армейских корпуса — один для наблюдения за левым берегом, другой — за правым берегом По. Очень толковый тайный агент, посланный из Вены в Мантую, был задержан одним часовым в тот самый момент, когда он миновал уже последний пост блокирующей армии. При помощи рвотного его заставили выдать проглоченную им депешу; она находилась в маленьком шарике из воска для печатей. Эта депеша представляла собой письмо на французском языке, написанное очень мелким почерком и подписанное императором Францем. Император уведомлял Вурмзера, что в ближайшее время он будет освобожден, приказывая ему ни в коем случае не сдаваться, а эвакуировать крепость, переправиться через По и направиться во владения папы, где ему предстояло принять командование армией святейшего престола.

V

Во исполнение плана, принятого Венским двором, Альвинци принял командование над основным войском, состоявшим из

45 000 человек, и перенес свою главную квартиру из Бассано в Роверето. Генерал Провера принял командование над корпусом, предназначенным для действий в направлении на нижний Адидже. Этот корпус состоял из трех дивизий силой в 20 000 человек. Его главная квартира была в Падуе. 12 января левофланговая дивизия корпуса, под командованием Баялича, заняла позицию в Кальдиеро, а Гогенцоллерн, командующий авангардом, — в Монтаньяна. 12-го Гогенцоллерн двинулся на Бевилаква, где находился авангард под командой храброго генерала Дюфо, который после легкого сопротивления отступил за Адидже, переправившись по мостам Порто-Леньяго. Дивизия Баялича атаковала Сан-Микеле. Она состояла из восьми батальонов и шести эскадронов. Массена выступил на поддержку своего авангарда. Австрийцы были сломлены и преследуемы по пятам до Кальдиеро, оставив 900 пленных.

Извещенный в Болонье своими венецианскими агентами о движении австрийской армии на Падую, главнокомандующий распорядился выставить итальянские части на транспаданских границах, чтобы держать под ударом армию папы, и направил 3000 французов из Болоньи на Феррару, где они переправились через По в Понте-ди-Лагоскуро. Сам он переправился через По в Боргофорте и направился в ровердельскую главную квартиру. В Верону он прибыл во время Сан-Микельского боя. Вечером он приказал Массена отвести ночью всю свою дивизию за Верону. Противник приступил к действиям. Следовало держать все войска вне дефиле, чтобы была возможность направиться без замедления туда, где произойдет действительная атака. Ночью он получил из Леньяго донесение, что замечено движение австрийской армии на нижнем Адидже, что с ней ее главный штаб и что видели два понтонных парка. Донесение генерала Дюфо не оставляло никакого сомнения в том, что перед ним развернуты многочисленные силы. Он видел более 12 000 человек и предполагал, что это только первая линия. Жубер из Короны сообщал, что он подвергался атакам в течение всего дня 12-го, но удержался и отразил все атаки противника. Этим, казалось, подтверждалось мнение, что главное наступление противника ведется на нижнем Адидже.

VI

Противник еще не обнаружил своих намерений, и принимать решение было рано. Войска были готовы к ночному переходу. Дивизия, бывшая в Дезенцано, направилась 13-го в Кастельнуово, чтобы там ожидать дальнейших приказаний. Донесения с Кизезы были успокоительны. Пошел проливной дождь.

В 10 часов войска были под ружьем, но Наполеон еще не решил, в какую сторону их направить: спускаться ли вниз или подниматься вверх по берегам Адидже?

В 10 часов вечера прибыли донесения из Монте-Бальдо и с нижнего Адидже. Жубер доносил, что 13-го, в 9 часов утра, противник развернул большие силы, что сам он дрался весь день и что его позиция сильно сузилась. Он имел счастье удержаться на своей позиции, но в 2 часа пополудни заметил, что с левого фланга его обошла вдоль оз. Гарда австрийская дивизия, угрожавшая стать между ним и Пескиерой, а с правого фланга его обошла другая дивизия противника, шедшая сначала вдоль левого берега Адидже, перебросившая мост около Дольче, в одном лье от Риволи, переправившаяся через эту реку и идущая теперь по правому берегу, вдоль подножья Монте-Маньоне, для захвата Риволийского плато. Заметив это, он счел необходимым выслать одну бригаду для обеспечения этого важного плато — ключа всей позиции. Он доносил, что в 4 часа счел даже нужным продолжать отступление, чтобы прибыть днем на Риволийское плато, и что он будет вынужден ночью очистить местность, если не получит других приказаний. На нижнем Адидже Провера занимал левый берег. Стрелки вели перестрелку вдоль обоих берегов. С этого момента план противника стал ясен. Было очевидно, что он действует двумя корпусами: главным — на Монте-Бальдо и менее значительным — на нижнем Адидже.

Казалось, что дивизии Ожеро будет достаточно, чтобы помешать Провере переправиться через реку. Но ближайшая опасность угрожала со стороны Монте-Бальдо. Нельзя было терять ни минуты, потому что противник, овладев Риволийским плато, соединился бы со своей артиллерией и кавалерией. Если же его атакуют до овладения этим важным пунктом, то он будет вынужден драться без артиллерии и без кавалерии. Все войска начали движение с расчетом прибыть в Риволи на рассвете. Главнокомандующий отправился туда же и прибыл на место в 2 часа утра.

VII

Погода прояснилась, луна светила ярко. Главнокомандующий поднимался то на одну, то на другую высоту и наблюдал за линиями неприятельских огней. Ими была заполнена вся местность между Адидже и оз. Гарда. Воздух как бы пылал от костров. Главнокомандующий ясно различил пять лагерей, в каждом из которых было по колонне, начавшей свое движение уже накануне. По огню биваков силы противника предполагались в 40 000—45 000 человек. Французы могли выставить на поле боя только 22 000 человек. Диспропорция была еще

очень велика, но у французов имелось превосходство в виде 60 орудий и нескольких кавалерийских полков. Судя по расположению пяти неприятельских биваков, можно было рассчитывать, что Альвинци не начнет атаки раньше 10 часов утра. Первая колонна, под командованием Люзиньяна, на правом фланге была очень далеко. Казалось, что она имеет целью охватить Риволийское плато с тыла. Она не могла прибыть раньше 10 часов. Вторая колонна, под командованием Липтая, намеревалась атаковать, по-видимому, левую сторону плато. Третья колонна, под командованием Кеблеса, прижалась к подножию Монте-Маньоне. Четвертая колонна, под командованием Очкая, была на вершине Монте-Маньоне и направлялась на часовню Сан-Марко. Пятая колонна состояла из 14 батальонов, при ней были артиллерия, кавалерия и обозы армии. Она переправилась через Адидже и Дольче и спустилась по правому берегу к подножию Монте-Маньоне. Она стояла напротив остерии¹ делла-Догана, на подъеме близ хутора Инканале, у подножья Риволийского плато, и должна была выйти по проходившему там шоссе. Тогда у Альвинци оказалась бы и пехота, и артиллерия, и кавалерия. Шестая колонна, под командованием Вукассовича, была на левом берегу Адидже, напротив венецианской Кнезы.

На основании этих наблюдений Наполеон составил свой план. Он приказал Жуберу, очистившему часовню Сан-Марко на Монте-Маньоне и занимавшему теперь Риволийское плато только арьергардом, немедленно перейти в наступление, вiovь овладеть часовней, не ожидая рассвета, и оттеснить четвертую колонну Очкая насколько возможно дальше. Десять хорватов, извещенные одним пленным об очищении часовни Сан-Марко, только что ею завладели, когда Жубер, выслав к часовне в 4 часа утра генерала Вналя, вновь занял ее. Началась ружейная перестрелка с одним хорватским полком и вслед за тем со всей колонной Очкая. К рассвету эта колонна была оттеснена уже к середине Монте-Маньоне. Третья австрийская колонна — Кеблеса — ускорила тогда свое движение и немного раньше 9 часов прибыла на левые высоты Риволийского плато, но без артиллерии. 14-я и 85-я французские полубригады, стоявшие на этой позиции, имели каждая по одной батарее. 14-я занимала правый фланг, она отразила атаки противника. 85-я была охвачена с флангов и опрокинута. Главнокомандующий бросился к дивизии Массена, которая, проведя на марше всю ночь, отдыхала недолго в селении Риволи, и повел ее на противника. Меньше чем в полчаса колонна Кеблеса была разбита и обращена в бегство. Колонна Липтая спешно двинулась на помощь к Кеблесу. Было десять с половиной часов. Кважданович, находившийся в глубине долины, заметил, что Жубер не оставил

¹ Постоялого двора. — Ред.

никого в часовне Сан-Марко и двинулся вслед за Очкаем, а когда около самого Риволийского плато раздались выстрелы, он счел момент подходящим и отрядил три батальона для занятия часовни и облегчения подхода артиллерии и конницы. От успешности этого предприятия зависел исход сражения, но выполнение его было¹ затруднительно: это был подлинный приступ, при котором солдатам приходилось карабкаться вверх. Жубер приказал возвратиться беглым шагом трем батальонам, которые подоспели к часовне раньше батальонов противника и отбросили их вниз, вглубь долины. Французская 15-орудийная батарея, расположенная на Риволийском плато, расстреливала картечью все, что пыталось выйти из теснины на плато. Полковник Леклерк с 300 всадников атаковал повзводно; несколько дальше командир эскадрона Лассаль атаковал противника с двумя сотнями гусар. Стремительность этих атак обеспечила успех: противник был опрокинут в овраг; все, что успело выйти на плато,— пехота, кавалерия и артиллерия — было захвачено. Половина армии, состоявшая из колонн Кваждновича и Вукасовича, не успев выйти на плато, простояла без пользы и не оказала никакой помощи.

Тем временем первая колонна Люзиньяна прибыла на указанную ей позицию. Она встретила дезенцианский резерв французов из 57-й и 58-й полубригад, стоявших на позиции в Орса, и оставила здесь одну из своих бригад, чтобы противодействовать им. Другая бригада, силою в 5000 человек, заняла позицию на высоте Пиполо, по обеим сторонам веронской дороги, позади Риволийского плато, опираясь правым флангом на Адидже. Она совсем не имела артиллерии. Она считала, что обошла французскую армию, но было уже слишком поздно: едва только она поднялась на высоту, как ей стало видно поражение Очкая, Кеблеса и Липтая. Она сразу почувствовала, что ее ожидает, ибо у нее не было выхода. Сначала она подверглась в течение четверти часа канонаде пятнадцати 12-фунтовых орудий резерва, затем была атакована в штыки и целиком взята в плен. Другая бригада, оставленная позади, на позиции против дезенцианского резерва, начала после этого отступление. Она была преследуема, рассеяна и большей частью перебита или взята в плен. Было 2 часа пополудни. Противник был повсюду разбит и энергично преследуем. Жубер наступал с такой стремительностью, что был момент, когда казалось, что будет захвачена в плен вся армия Альвинци. Brentинское ущелье оставалось единственным путем отступления противника. Но Альвинци, сознавая грозящую ему опасность, приказал резерву сделать поворот кругом, сдержал Жубера и даже заставил его слегка отступить.

¹ В рукописи в этом месте пропуск. — Прим. франц. ред.

Сражение было выиграно. Французы захватили 12 пушек, миновавших Инканале, знамена и 7000 пленных. Два отряда из 10-й и 32-й полубригад, которые должны были присоединиться к армии, наткнулись на дивизию Люзиньяна в тот момент, когда она пересекала веронское шоссе. Они распустили в тылах слух, что французская армия окружена и погибла.

В этот день главнокомандующего несколько раз окружали солдаты противника и под ним было ранено несколько лошадей.

Генерал Шабо занимал Верону с горстью людей.

VIII

В тот же день Провера перебросил мост в Анджиари, около Леньяго, переправился через реку и двинулся на Мантую. Он оставил резерв для охраны мостов. Ожеро распорядился плохо: он смог атаковать эти мосты только 15 января 1797 г. Бой продолжался несколько часов. Ожеро перебил и захватил в плен охрану и сжег понтоны. Но Провера обогнал его на один переход: блокада Мантуи была поставлена под угрозу. Трудно помешать неприятелю, имеющему понтонный парк, переправиться через реку. Когда армия, обороняющая речные переправы, имеет целью прикрытые осады, она должна заранее принять меры к тому, чтобы прибыть раньше противника к промежуточной позиции между рекой, которую она обороняет, и крепостью, которую она прикрывает. Как только Провера переправился через Адидже, Ожеро должен был бы двинуться на Молинелла и прибыть туда раньше его.

Наполеон, узнав 14-го, в 2 часа пополудни, в разгар Ривольского сражения, что Провера перебросил мост в Анджиари, тотчас же догадался, что может из этого получиться. Он предоставил Массена, Мюрату и Жуберу заботы о преследовании Альвинци на следующий день и в тот же час выступил с четырьмя полками к Мантуе. Ему предстояло сделать 13 лье. Он вступил в Ровербелла в тот момент, когда Провера подходил к Сен-Жоржу. 16-го на рассвете Гогенцоллерн с авангардом появился у ворот Сен-Жоржа во главе полка, одетого в белые плащи.

Зная, что это предместье прикрыто только простой циркумвальной линией, он рассчитывал овладеть им врасплох. Миоллис, командовавший этим пунктом, выставил охранение только в сторону города. Он знал, что одна французская дивизия находится на Адидже, и полагал, что противник очень далеко. Гусары Гогенцоллерна были похожи на солдат 1-го французского гусарского полка. Однако один старый сержант сен-жоржского гарнизона, рубивший дрова в 200 шагах от крепости, заметил эту кавалерию. У него появились сомнения, и

он сообщил об этом сопровождавшему его барабанщику. Им показалось, что белые плащи слишком новы, чтобы быть плащами гусар Бершени. Эти молодцы, чуя недоброе, бросились в Сен-Жорж, подняли тревогу и опустили шлагбаум. Гогенцоллерн пустился в галоп, но проскочить не успел. Он был узнан и обстрелян картечью. Вскоре войска заняли брустверы. В полдень Провера окружил крепость. Доблестный Миоллис с 1500 человек оборонялся весь день и таким образом дал время прибыть подкреплениям, выступившим с Риволи.

IX

Провера при помощи лодки связался по озеру с Мантуей и согласовал с ней свои действия на следующий день. 16-го на рассвете Вурмзер с гарнизоном сделал вылазку и занял позицию у Фавориты. В 1 час утра Наполеон расположил генерала Виктора с четырьмя полками, которые он привел, между Фаворита и Сен-Жоржем, чтобы помешать соединению гарнизона Мантуи с армией, подошедшей на выручку. На рассвете Серрюрье с блокирующими войсками атаковал гарнизон, а дивизия Виктора — армию Провера. В этом сражении 57-я полубригада заслужила название Грозной: она бросилась в штыки на линию австрийцев и опрокинула все, что пыталось ей сопротивляться. В 2 часа пополудни, после того как гарнизон был отброшен в крепость, Провера капитулировал и сложил оружие. Много знамен, обозов, несколько парков и 6000 пленных, из них несколько генералов, попало в руки победителя. В продолжение этого же времени арьергард, оставленный Провера на р. Молинелла, был атакован генералом Пуэн из дивизии Ожеро, разбит и взят в плен. Из корпуса Провера уцелели только 2000 человек, оставшихся по ту сторону Адидже. Все остальные были взяты в плен или перебиты. Это сражение было названо сражением у Фаворита, по названию дворца герцога Мантуи, находившегося близ поля сражения.

У Риволи Жубер весь день 15-го теснил Альвинци и прибыл так быстро к Брентинскому ущелью, что 6000 человек были им отрезаны и взяты в плен. Мюрат с двумя батальонами легких войск обошел Корону на судах по оз. Гарда. Альвинци едва успел ускользнуть. Жубер направился на Триент и занял старые позиции на р. Авинчио. В различных рекогносцировках он захватил около 1000 пленных. Генерал Ожеро пошел в Кафельфранко и оттуда к Тревизе. Ему тоже пришлось выдерживать несколько мелких стычек. Массена занял Бассано и расположил свои аванпосты на Пьяве. В двух авангардных боях он взял 1200 пленных.

Австрийские войска переправились обратно за р. Пьяве. Снега занесли все ущелья Тироля, и это была самая боль-

шая преграда, которую Жубер должен был преодолеть. Французская пехота восторжествовала над всем. Жубер вступил в Триент и занял Итальянский Тироль. Он захватил всех австрийских больных и много складов. Армия заняла те же позиции, что и перед Аркольским сражением.

Трофеями, взятыми в течение января в различных боях, были: 25 000 пленных, 24 знамени и штандарта и 60 орудий. Потери противника были не меньше 35 000 человек. Бессьер повез в Париж знамена. Пленные были в таком большом количестве, что причиняли затруднения. Многие из них бежали с дороги через Швейцарию. Для этого была создана специальная организация. Между тем генерал Рей эскортировал их с конвоем в 4000 человек.

В ознаменование заслуг, оказанных в стольких сражениях генералом Массена, император впоследствии дал ему титул герцога Риволийского.

Х

Давно уже гарнизон Мантуи был на половинном пайке; лошади были съедены. Вурмзеру дали знать о результатах Риволийского сражения, и ему не на что было больше надеяться. Потребовали, чтобы он сдался. Он гордо ответил, что у него продовольствия хватит на год. Однако несколько дней спустя его первый адъютант Кленау прибыл в главную квартиру Серюрье. Он уверял, что у гарнизона имеется продовольствия еще на три месяца, но фельдмаршал, считая, что Австрия не сможет вовремя выручить крепость, будет сообразовывать свои действия с условиями, какие ему предложат. Серюрье ответил, что он запросит об этом главнокомандующего. Наполеон отправился в Ровербеллу и присутствовал инкогнито при разговоре между двумя генералами, закутавшись в свой плащ. Кленау, приведя все обычные доказательства, долго разглагольствовал о больших средствах, остающихся у Вурмзера, и о большом количестве продовольственных припасов, которые имеются у него в запасных складах. Главнокомандующий приблизился к столу, взял перо и на полях предложений Вурмзера писал приблизительно в течение получаса свои решения, пока дискуссия с Серюрье все еще продолжалась. Окончив, он сказал Кленау: «Если бы Вурмзер заговорил о сдаче, имея продовольствия на восемнадцать или на двадцать дней, он не был бы достоин почетной капитуляции, но я уважаю возраст, храбрость и несчастья фельдмаршала. Вот условия, какие я ему предлагаю, если он откроет завтра ворота крепости. Если он задержит сдачу на полмесяца, на месяц, на два месяца, условия для него остаются те же самые. Он может выжидать до последнего куска хлеба. Я немедленно выступаю за По и двинусь на Рим.

Вы узнали мои намерения. Передайте их своему главнокомандующему».

Кленау, ничего не понявший из первых слов, скоро догадался, с кем имеет дело. Он ознакомился с решениями и проникся признательностью за такое неожиданное великодушие. Скрывать что-либо дальше не было никакого смысла. Он признался, что продовольствия осталось только на три дня. Вурмзер прислал просить главнокомандующего, намеревающегося переправиться через По, сделать это в Мантуе, во избежание обходов и плохих дорог, но все распоряжения о марше были уже отданы. Вурмзер написал Наполеону, чтобы выразить свою признательность, и несколько дней спустя отправил к нему в Болонью адъютанта с уведомлением, что составился заговор с целью отравить его в Романье, и сообщил ему сведения, необходимые для того, чтобы предохранить себя. Это предупреждение оказалось полезным.

Генерал Серюрье принимал сдачу Мантуи, и перед ним прошел старый фельдмаршал и весь штаб его армии. Наполеон был уже в Романье. Равнодушие, с которым он уклонился от такого лестного зрелища, как сдача в плен фельдмаршала с громкой репутацией, генералиссимуса австрийских вооруженных сил в Италии, отдающего свою шпагу, со всем своим штабом было отмечено по всей Европе.

В гарнизоне Мантуи было еще 20 000 человек, из которых 12 000 в строю, 30 генералов, 80 чиновников и служащих разного рода и вся главная квартира Вурмзера. В течение трех блокад с июня месяца в этой крепости умерло в госпиталях и было убито в различных вылазках 27 500 человек.

Жубер, уроженец Энского департамента, прежней Бресской провинции, готовился к адвокатской карьере. Революция побудила его вступить в армию. Он служил в Итальянской армии, где был произведен в бригадные, а потом дивизионные генералы. Он был высокого роста, худой и казался по природе слабого сложения, но закалил свое тело среди тягот походной жизни и в горной войне. Он был неустрашим, бдителен, энергичен. В ноябре 1796 г. он стал дивизионным генералом вместо Вобуа. Под его командованием были войска, действовавшие в Тироле. Кампанию в Германии, как будет видно дальше, он провел с честью. Он был сильно привязан к Наполеону, поручившему ему в ноябре 1797 г. отвезти Директории знамена, взятые Итальянской армией. В 1799 г. он ввязался в парижские интриги и был назначен главнокомандующим Итальянской армией после поражения Моро. Тогда же он женился на дочери сенатора Семонвилля. Он пал в сражении у Нови смертью храбрых. Он был еще молод и не успел приобрести всего необходимого опыта. Он был создан для роли крупного полководца.

ГЛАВА XII

ТОЛЕНТИНО

I. Разрыв перемирия с Римом (1 февраля 1797 г.). — II. Армия святейшего престола. — III. Бой у Сенно; подчинение Романьи. — IV. Роспуск по домам пленных, взятых в бою у Сенно. — V. Бой у Анконы и взятие ее. — VI. Миссия генерала ордена мальтузцев к папе Пию VI. — VII. Толентинский договор (19 февраля). — VIII. Мантуя. — IX. Прибытие в Италию двух дивизий Самбро-маасской и Рейнской армий.

I

Кардинал Буска замещал уже в течение шести месяцев кардинала Челада в должности римского государственного секретаря. Он прервал сношения с Францией, открыто связался с Австрией и трудился больше с усердием, чем с успехом, над организацией внушительной армии. Ему хотелось, чтобы вновь ожили те времена, когда папские армии решали участь полуострова. Он до такой степени действовал на римскую знать, что она предложила — правда, скорее громко, чем искренне, — выставить снаряженные полки, коней и вооружение. Этот кардинал имел большую уверенность в привязанности итальянцев к их религии и в природном воинственном духе апеннинских народов. Наполеону пришлось перенести множество оскорблений и обид, но падение Мантуи доставило ему, наконец, возможность отомстить самым блестящим образом.

Почта кардинала Буска, посланная монсиньору Альбани, римскому поверенному в делах в Вене, была перехвачена около Меццола 10 января 1797 г.: вся политика Ватикана была этим раскрыта. Этот министр писал: «Французы хотели мира, даже настойчиво домогались его, но он оттягивает заключение мира, потому что папа целиком ввернул свою судьбу австрийскому дому. Условия Болонского перемирия не выполняются и не будут выполняться, несмотря на самые категорические представления со стороны французского посланника Како. Новые войска энергично набираются во владениях святейшего престола. Святой отец¹ принимает генерала Колли, предложенного императором для командования его армией. Необходимо, чтобы этот генерал привез с собой значительное число австрийских офицеров, особенно артиллерийских и инженерных. Отданы распоряжения для встречи их в Анконе. Он¹ с огорчением узнал, что Колли должен договориться с Альвинци, действиями которого он мало доволен. Хорошо было бы, если бы Колли произвел смотр войскам папы в Романье, прежде чем отправиться в Рим, и т. д.»

Немедленно же был послан курьер к французскому посланнику Како с приказанием покинуть Рим. «В течение нескольких месяцев, — писал ему Наполеон, — вас всячески унижали,

¹ Папа. — Р е д.

пускали в ход все, чтобы заставить уехать из Рима. Ныне же вам следует противиться всяким уговорам остаться. Выезжайте тотчас же по получении этого письма». Этот посланник написал государственному секретарю Буска: «Меня отзывает приказание моего правительства, которое обязывает меня выехать сегодня же вечером во Флоренцию. Имею честь уведомить об этом ваше высокопреосвященство, принося выражения моего почтения».

Кардинал Буска выдержал роль до конца и ответил: «Кардинал Буска давно ожидал известия, которое глубокоуважаемый г-н Како только что ему сообщил. Внезапный его отъезд во Флоренцию не позволяет кардиналу сделать ничего другого, как уверить его в своем глубоком почтении».

В то же самое время генерал Виктор переправился через По в Боргофорте во главе 4000 человек пехоты и 600 всадников и присоединился в Болонье к 4000 человек итальянской дивизии Лагоца. Этих 9000 человек было достаточно для завоевания Церковной области.

Несколько дней спустя Наполеон отправился в Болонью и обнародовал манифест, содержащий следующие статьи:

«Ст. I. Святейший престол официально отказался исполнить статьи VIII и IX перемирия, заключенного 23 июня в Болонье при посредничестве Испании и торжественно ратифицированного в Риме 27 июня.

Ст. II. Он не переставал вооружаться и призывать своими манифестами народы к войне. Он нарушил неприкосновенность территории Болоньи; его войска приблизились на 10 миль к этому городу и грозили его занять.

Ст. III. Он начал враждебные Франции переговоры с венским двором, как это доказывается письмами кардинала Буска и миссией прелата Альбани в Вене.

Ст. IV. Он вверил командование своими войсками австрийским генералам и офицерам, присланным венским двором.

Ст. V. Он отказался от ответа на официальные предложения, сделанные ему гражданином Како, посланником Французской республики, об открытии переговоров о мире.

Ст. VI. Договор о перемирии таким образом разорван и нарушен святейшим престолом.

Вследствие этого объявляю, что перемирие, заключенное 23 июня между Французской республикой и Римским двором, аннулировано».

В подтверждение этого манифеста обнародовали перехваченные письма кардинала Буска. Можно было бы присоединить сюда большое количество других свидетельств, но и эти письма говорили обо всем. Кардинал Маттеи после трехмесячного пребывания под надзором в семинарии Брешиа добился позволения вернуться в Рим. Он несколько раз писал Наполеону, пользуясь знакомством с ним. Наполеон воспользовался

этим обстоятельством для пересылки Маттеи перехваченных писем кардинала Буска. Их чтение повергло в смущение священную коллегию и заткнуло рот приверженцам этого министра.

II

2 февраля 1797 г. главная квартира расположилась в Имоле, во дворце епископа Киарамонте, впоследствии папы Пия VII. Маленькая французская армия подошла к Кастель-Болонезе; перед ней по правому берегу Сенио стояла на позиции армия папы, обороняя мостовую переправу. Эта армия состояла из 6000—7000 регулярных войск и крестьян, собранных по тревоге, находившихся под начальством монахов и фанатизированных проповедниками. У нее было восемь пушек. Французы заняли позицию. День был бурный. Когда французы выставляли сторожевое охранение, появился парламентар и с шутовским видом заявил от имени его преосвященства монсиньора кардинала, «что если французская армия будет продолжать движение вперед, она подвергнется обстрелу». Над этой ужасной угрозой много смеялись.

Ему ответили, «что совсем не хотят подвергать себя гневу кардинала и стали на позиции просто, чтобы провести ночь». Однако надежды кардинала Буска осуществились. Романья была в огне; здесь была провозглашена священная война, и набат не переставал гудеть целые три дня. Низший класс населения был доведен до иступления и неистовства. Сорокачасовые молебствия, общенародные процессии на площадях городов и селений, грамоты об отпущении грехов, даже чудеса — все было пущено в ход. Повсюду были иконы мучеников, которые кровоточили, плачущие статуи мадонн. Все предвещало пожар, готовый испелить эту чудесную провинцию. Кардинал Буска сказал французскому посланнику Како: «Мы делаем Вандею¹ из Романьи, из лигурийских горных твердынь, из Италии».

В Имоле было вывешено следующее воззвание:

«Французская армия вступает на территорию папы. Она будет верна принципам, которые провозглашает,— и будет покровительствовать религии и народу. Французский солдат несет в одной руке штык — верный залог победы, в другой оливковую ветвь — символ мира и залог своего покровительства. Горе тем, кто, соблазненные полнейшими лицемерами, навлекут на свои жилища месть армии, взявшей в плен за шесть месяцев 100 000 человек из лучших войск императора, захватившей 400 пушек, 110 знамен и уничтожившей пять армий!»

¹ Вандея — район на западе Франции, население которого в течение ряда лет боролось за восстановление власти Бурбонов.

III

3 июня, в 2 часа утра, генерал Ланн, командующий авангардом маленькой французской армии, поднялся вверх по р. Сецио на полтора лье, на рассвете переправился вброд и построился в боевой порядок на тылах папской армии, отрезав ей дорогу на Фаэнца. Генерал Лагоц, поддерживаемый батареями и прикрываемый тучей стрелков, перешел по мосту сомкнутой колонной. В миг вооруженная толпа обратилась в бегство. Артиллерия, обозы — все было захвачено; 400—500 человек было порублено; несколько монахов погибло с распятием в руках. Почти все регулярные войска были захвачены в плен. Кардинал-генерал бежал. Бой не продолжался и часа. Со стороны французов потери были незначительны.

В тот же день французы подошли к Фаэнца. Ворота были заперты, гудел набат, на валах стояло несколько пушек, а взбесившийся народ руганью провоцировал победителей и нагло отвечал на требование открыть ворота. Пришлось сорвать ворота с петель и силой войти в город. «Тут то же самое, что в Павии!» — кричали солдаты. Это было требование грабежа. «Нет, — ответил им Наполеон, — в Павии были бунтовщики, нарушившие клятву и намеревавшиеся перерезать наших солдат, своих гостей. Здесь только безумцы, которых нужно победить милосердием». Только лишь несколько монастырей подверглось осквернению. Спасши этот красивый город от безрассудства его жителей, занялись спасением провинции. Во все округа направили агентов, чтобы просветить население, успокоить возбуждение и неистовство, дошедшее до крайней степени. Самым действенным средством оказался роспуск по домам военнопленных.

IV

Пленные, взятые в бою на Сецио, были собраны в Фаэнца, в саду одного монастыря. Они еще были охвачены ужасом и боялись за свою жизнь. Они все бросились на колени и громкими криками молили о пощаде при приближении Наполеона, который сказал им по-итальянски: «Я друг всех народов Италии и особенно римского населения. Я пришел к вам для вашего же блага. Вы свободны; вернитесь к вашим семьям, скажите им, что французы — друзья религии, порядка и бедных людей». Ужас сменился радостью. Эти несчастные принялись выражать чувство признательности с живостью, свойственной итальянскому характеру.

Наполеон отправился оттуда в трапезную, где были собраны все офицеры. Их было несколько сот, среди которых несколько человек из лучших римских фамилий. Он долго бесе-

давал с ними, говорил о свободе Италии, о всех злоупотреблениях папского режима, о том, что в нем противоречило духу евангелия, о безумии оказывать сопротивление победоносной армии, составленной из самых дисциплинированных и самых закаленных солдат мира. Он позволил им разойтись по домам и просил лишь, за свое милосердие, ознакомить всех с чувствами, одушевляющими его в отношении Италии и особенно в отношении римского населения. Эти пленные сделались миссионерами, разошедшимися по всем владениям папы и неустанно провозглашавшими хвалу тем, кто так хорошо обошлись с ними. Весть об этом проникла до самых отдаленных апеннинских хижин. Вышло удачно: настроение переменялось.

Армия прибыла в Форли, в Чезена, в Римини, в Пезаро и в Синигалья. Население их оказалось настроенным благожелательно. Но это была другая крайность: тех самых французов, которых несколькими днями раньше считали страшными врагами своей религии, собственности и законов, принимали здесь с открытым выражением радости.

V

Колли, командующий армией папы, раньше командовал пьемонтской армией под Мондови и Кераско. Он знал, с кем имеет дело. Он выбрал хорошую позицию на высотах впереди Анконы и здесь расположил оставшиеся у него 3000 человек. Но как только показалась французская армия, он и австрийские офицеры под различными предложениями удалились в Лоретто. Позиция, занимаемая римлянами, была очень сильная. Генерал Виктор выслал к ним парламентаря с предложением сдаться.

В то время как велись переговоры, французские и итальянские войска обошли позицию справа и слева, окружили ее, захватили противника без выстрела и без сопротивления вошли в цитадель.

С этими пленными было поступлено, как и с взятыми на Сенио: они были отосланы по домам с прокламациями. Они послужили новыми миссионерами, шедшими впереди армии.

Анкана является единственным портом на побережье от Венеции до Бриндизи, крайней восточной точки Италии. Но порт этот был запущен и в плохом состоянии; даже фрегаты не могли туда входить. В эти дни Наполеон установил все, что надо было сделать для улучшения крепости и приведения в исправность порта. Во времена Итальянского королевства были выполнены большие работы. Ныне порт может принимать суда всякого рода, даже трехпалубные. Еврен, многочисленные в Анконе, так же как магометане из Албании и Греции, были подчинены старинным униженным обычаям, противным за-

конам гостеприимства. Одной из первых забот Наполеона было освободить их от этого.

Между тем, несмотря на присутствие армии, народ толпами спешил припасть к ногам одной Мадонны, плакавшей большими слезами. Нашлись благоразумные граждане, давшие знать об этом. Туда был послан Монж. Он сообщил, что Мадонна действительно плачет. Настоятелю монастыря велели доставить ее в главную квартиру. Это оказался фокус, искусно производимый при помощи стакана. На следующий день Мадонна была снова поставлена в церкви, но без стакана: она больше не плакала. Один капеллан, виновник этой мошеннической проделки, был арестован. Это было покушением на армию и на святость нашей религии¹.

VI

Между тем в Ватикане царил растерянность. Дурные вести сменялись там ежечасно. Сначала узнали, что папская армия, на которую столько рассчитывали, была полностью уничтожена, не оказав даже самого слабого сопротивления. Позднее курьеры, извещавшие о прибытии французской армии в различные города, донесли о переменах, какие произошли в настроении населения. Ненависть и фанатизм сменились чувствами дружбы и желания свободы. Буска был вынужден понять, что Вандея не создается по желанию, что если чрезвычайные обстоятельства ее и порождают, то только большие ошибки могут придать ей устойчивость и длительность. Вскоре узнали, что французская армия овладела уже Анконой, Лореттой, Мачератой и авангард ее находится на гребне Апеинин. «Французы не ходят,— говорили прелаты,— они бегают»

Между тем пленные офицеры и солдаты, отпущенные из Фаэнца и Анконы, распространяли во всех римских кварталах чувства доверия к армии, которыми они прониклись. Партия свободы подняла голову и открыто заявляла о себе в самом городе. Священная коллегия, не видя больше никакой надежды, решила перебраться в безопасное место. Были сделаны все приготовления для бегства в Неаполь.

Дворцовые экипажи были уже запряжены, когда генерал камальдульского ордена прибыл в Ватикан и припал к ногам святого отца. Проездом через Чезену Наполеон встретился с ним и, зная о доверии, которым этот монах пользуется у Пия VI, поручил ему отправиться к папе и заверить его, что Наполеон совсем не покушается на его жизнь, что он относится к нему с уважением и что папа может оставаться в Риме.

¹ Далее опущен раздел, в котором говорится о мерах, направленных к улучшению положения эмигрировавших в Италию французских священников. — Р е д.

Он должен только сменить свой кабинет и выслать в Толентино своих делегатов со всеми полномочиями на заключение и подписание окончательного мирного договора с республикой. Генерал камальдульцев с успехом выполнил свое поручение.

Папа успокоился, отставил незадачливого Буска, поставил во главе своего кабинета кардинала Дориа, уже давно известного умеренностью своих взглядов, отменил свой отъезд из Рима и назначил уполномоченных для ведения переговоров об окончательном мире и для подписания договора.

Инструкции Директории запрещали всякие переговоры с Римом. Директория считала, что надо положить конец светской власти папы и больше этим уже не заниматься, что нельзя найти другого случая, когда бы виновность Римского двора была более очевидна, и что было бы безумием надеяться на искренний мир с клерикалами, до такой степени враждебными принципам, на которых зиждилась республика. Без сомнения, светская власть папы была несовместима с благополучием Италии. Опыт показывал, что от этого двора не следует ждать ни умеренности, ни доброй воли. Но Наполеон считал, что нельзя ни революционизировать Рим, ни присоединить его к Транспаданской республике без наступления на Неаполь и свержения короля. В этом королевстве партия свободы была достаточно многочисленна, чтобы причинить некоторое беспокойство двору, но слишком слаба, чтобы быть опорой и оказать действительную помощь французской армии. Неаполитанский двор чувствовал, что революция в Риме повлечет его падение. Однако, чтобы наступать на Неаполь, надлежало иметь армию в 20 000—25 000 человек, а это совсем не совпадало с великим планом Наполеона продиктовать мир под Веной.

VII

Авангард французской армии перевалил через Апеннины; он был в трех переходах от Рима. Главная квартира 13 февраля прибыла в Толентино. Кардинал Маттеи, монсиньор Галеппи, герцог Браски и маркиз Массини, полномочные министры папы, прибыли туда одновременно. Совещания открылись 14-го. Слово взял монсиньор Галеппи. Этот прелат отличался многословием, и пришлось выслушать от него немало проповедей. Но Римский двор был виновен, его следовало наказать, а наказать его можно было, только лишив завоеванных у него провинций или же получив равноценную контрибуцию. Три легатства, герцогство Урбино, округ Анкона, провинции Мачерета и Перуджа были завоеваны. После определения таким образом базы переговоров заключение мира потребовало лишь пятнадцатидневной дискуссии. Галеппи, говоривший сначала о пол-

ном расстройстве папских финансов, нашел средства, когда пришлось выкупать провинции или уменьшать число тех, которые уступались папой. Договор был подписан в монастыре, где обосновалась главная квартира¹.

Наполеон долго настаивал, чтобы Римский двор упразднил инквизицию. Ему стали доказывать, что инквизиция стала не тем, чем она была прежде, что ныне она является больше полицейским трибуналом, чем судом по религиозным делам, что аутодафе² больше не существует. Он оценил эти аргументы по достоинству, но отказался от этого параграфа договора в угоду папе, которого подобное условие особенно огорчало, о чем сообщалось в его частной переписке. Наполеон удовольствовался легатствами Болонья, Феррара и Романья и правом держать гарнизон в Анконе. Это было следствием того же принципа, который заставил его уважать светскую власть папы. Если бы, как этого хотели транспаданские патриоты, он увеличил эту новую республику герцогством Урбино, Анконой, провинциями Феррара и Мачерета и установил ее границы на Тронто и Апеннинах, она оказалась бы граничащей с Неаполитанским королевством. Война с этим государством сделалась бы неизбежной. Она возникла бы; даже если бы Франция и Неаполитанский двор ее не хотели. Значение, которое придавал этот двор переговорам с Римом, было таково, что неаполитанский министр князь Пиньятелли сопровождал французскую главную квартиру от Болоньи. Это достаточно ясно указывало на тревогу, охватившую двор. У этого князя не было недостатка ни в уме, ни в энергии, но он не гнушался ничем в способах разведки. Много раз, и особенно в Лоретта и в течение толентинских переговоров, его заставляли подслушивающим у дверей и подвергавшимся, таким образом, позору быть отогнанным приставами.

Мир остановил продвижение французских войск.

VIII

После подписания договора главнокомандующий поручил генералу Виктору наблюдать за его исполнением, отправил своего адъютанта полковника Жюно с почтительным письмом к папе и отбыл в Мантую.

Мантуя уже целый месяц была во власти республики. Госпитали были все еще переполнены австрийскими больными. Наполеон остановился в герцогском дворце и пробыл здесь не-

¹ Далее опущен полный текст договора. По этому договору папа отказывался от легатств Болонья, Феррара и Романья и обязывался выплатить Франции контрибуцию. — Р е д.

² Аутодафе — практиковавшееся инквизицией сожжение «еретиков». — Р е д.

сколько дней. В этом городе оказалось большое количество прекрасных картин. Он распорядился отослать их в Парижский музей. Прекрасные фрески из Войны Титанов Джулио Романо в Т-образном дворце возбудили восхищение знатоков. Комиссия художников представила несколько проектов того, как снять фрески и препроводить их в Париж, но был риск погубить и испортить эти шедевры. Наполеон приказал учредить инженерный арсенал и поручил генералу Шасслу, начальнику инженеров, усовершенствовать фортификационные сооружения. Слабейшими пунктами тогда были Прадельский и Пиетольский участки. Немедленно там было приступлено к работам, чтобы довести эти участки до общего уровня. Были отданы все распоряжения и для вооружения Мантуи.

Затем он отправился в Милан, административный и политический центр Италии. Общественное мнение достигло здесь больших успехов в своем развитии.

IX

Во время Аркольского сражения французское правительство сочло было Италию потерянной, и Наполеону пришлось серьезно подумать над теми последствиями, которые это будет иметь для положения во Франции. Общественное мнение возмущалось и не понимало, почему возлагают все тяготы, а значит, и предоставляют всю славу исключительно одной армии. Итальянская армия сама очень громко жаловалась на это, и наконец решили серьезно помочь ей. Директория приказала одной дивизии из шести пехотных и двух кавалерийских полков Самбро-маасской армии и одной дивизии такой же силы из Рейнской армии перейти Альпы, чтобы дать возможность Итальянской армии сражаться с равными силами в новой готовившейся тогда кампании. Итальянская армия находилась под угрозой армии, разбитой ею потом у Риволи. В дороге с этими подкреплениями произошла задержка. Мантуя, подвергавшаяся сильному нажиму, ускорила действия Альвинци. Подкрепления дошли только до подножия Альп, когда победы у Риволи и Фаворита и сдача Мантуи устранили всякую опасность для Италии. Только по возвращении из Толентино Наполеон произвел смотр этим новым войскам. Они были прекрасны, в отличном состоянии и хорошо дисциплинированы. Самбро-маасская дивизия под начальством Бернадотта имела в пути мало случаев дезертирства. Рейнская дивизия под начальством Дельмаса была слабее и больше пострадала от дезертирства. В этом отряде числилось 30 000 человек, но налицо их оказалось только 19 000. С их прибытием Итальянская армия оказалась в состоянии предпринять любую операцию и могла в одиночку принудить Венский двор отказаться от союза с Англией.

ГЛАВА XIII

ТАЛЬЯМЕНТО

I. План кампании 1797 г. — II. Переправа через Пьяве (12 марта). — III. Сражение у Тальяменто (16 марта). — IV. Отступление эрцгерцога Карла. — V. Бой у Градиски (19 марта). — VI. Переход через Юлийские Альпы и через р. Драву (29 марта). — VII. Бой в Тироле.

I

Неудачи, испытанные обеими армиями — Самбро-мвасской и Рейнской — в течение прошедшей кампании, робкое поведение этих армий при осаде Келя и гюннингенского предместного укрепления вполне успокоили на их счет придворный военный совет. В конце февраля он перебросил с Рейна шесть дивизий (40 000 человек) своих лучших войск — четыре во Фриуль, две в Тироль. Эрцгерцог Карл во всем блеске славы, приобретенной им в Германии, принял командование австрийскими армиями в Италии и перенес свою главную квартиру 6 февраля в Инсбрук, а немного спустя в Виллах и в Гёрц. В течение февраля его инженеры произвели разведку перевалов через Юлийские и Норические Альпы и составили проект укреплений, которые они должны были возвести, как только растает снег.

Наполеон горел нетерпением упредить их, атаковать и изгнать эрцгерцога Карла из Италии до прибытия сильных подкреплений, двигавшихся из Германии.

Армия Наполеона состояла из восьми пехотных дивизий и кавалерийского резерва. Всего в строю у него было 53 000 пехотинцев, 3000 артиллеристов, обслуживавших 120 орудий, и 5000 кавалеристов. Контингент, выставленный сардинским королем, равнялся 8000 человек пехоты и 2000 кавалерии при 20 орудиях. С Венецией также уже давно велись переговоры о ее присоединении; контингент ее должен был быть такой же, как и пьемонтский. Таким образом, он¹ рассчитывал вступить в Германию с 70 000 человек пехоты, 9000 кавалерии и 160 орудиями. Но Директория, в самом странном ослеплении, отказывалась утвердить Болонский² союзный договор и этим лишила французскую армию сардинского контингента. Венецианская сенатория отказалась от всяких предложений о союзе и проявила столько дурной воли, что с нею следовало быть настороже. Это не только лишало армию венецианского контингента, но вынуждало оставить на Адидже 10 000 человек в резерве для обеспечения тыла и наблюдения за недоброжелательной венецианской олигархией. Таким образом, Наполеон мог вступить в Германию только с 50 000 человек, из которых 5000 человек

¹ Наполеон. — Ред.

² Договор в Болонье о наступательном и оборонительном союзе от 1 марта 1797 г. (другой договор от 5 апреля 1797 г. также был утвержден Директорией). — Прим. франц. ред.

было кавалерии и 2500 артиллеристов. Он думал, что Самбро-маасская и Рейнская армии соединятся в одну и затем двинутся, в числе 120 000 человек, из Страсбурга в Баварию, переправятся через Инн, выйдут на Энс и соединятся с Итальянской армией, которая, перейдя через р. Тальяменто, Юлийские Альпы, Каринтию, реки Драву и Мур, направится на Земмеринг. Сосредоточившись, таким образом, в числе почти 200 000 человек, французы вступят в Вену, а в то же время наблюдательная армия в 60 000 человек будет охранять Голландию, блокировать Эренбейтенштейн, Майнц, Мангейм, Филиппсбург и охранять дюссельдорфское, кельское и гюнингенское предмостные укрепления. Но Директория, упорствуя в своих ложных принципах ведения войны, продолжала держать отдельно Самбро-маасскую и Рейнскую армии: опыт минувшей кампании прошел для нее бесследно.

В Вену из Италии ведут три больших шоссе: 1) тирольское, 2) понтебское (или каринтийское) и 3) карниольское.

Первое шоссе, начинаясь от Вероны, проходит вдоль левого берега Адидже до Триента, пересекает высокую цепь Альп на Бреннерском перевале, в 60 лье от Вероны, и оттуда, через Зальцбург, выходит к самому Дунаю, по берегу которого спускается до Вены, пересекая Энс. От Вероны до Вены по этой дороге 170 лье.

Второе шоссе идет через провинции Виченца, Тревиза, пересекает Пьяве, Тальяменто, Понтеба, а также Каринтийские Альпы, проходя через Тарвисский перевал. От него оно спускается в Каринтию, пересекает р. Драву в Виллахе, проходит через Клагенфурт, главный город этой провинции, упирается в Мур, берегом которого следует до Брука, проходит затем через Земмеринг и спускается в венскую долину. По этому шоссе от Сан-Даниеле до Вены 95 лье.

Карниольское шоссе переходит через р. Изонцо в Градиска, направляется на Лайбах, главный город провинции, пересекает р. Саву, а затем р. Драву в Марбурге, входит в Штирию, проходит через Грац, ее главный город, и соединяется с каринтийским шоссе в Бруке. От Гёрца до Вены по этой дороге 105 лье.

Тирольское шоссе связано с каринтийским пятью поперечными дорогами. Первая, называемая пустертальской, начинается в Бриксене, поворачивает вправо, встречает один из притоков Адидже, проходит через Линц, Шпиталь и соединяется с карниольским шоссе около Виллаха; ее протяжение 45 лье. Вторая выходит из Зальцбурга, проходит Раштадт и также доходит до Шпиталя; ее протяжение 32 лье. В 4 лье ниже Раштадта ответвление этой дороги следует по Муру до Шейфлинга, где встречается с каринтийским шоссе; это ответвление имеет протяжение в 16 лье. Третья дорога выходит из Линца на Дунае, пересекает Энс около Роттенманна, проходит через

высокие горы и на 36-м лье соединяется в Юденбурге с каринтийским шоссе. Четвертая выходит из Энса, поднимается по берегу р. Энс на протяжении 20 лье и спускается к Лёобену; ее длина 28 лье. Наконец, пятая выходит из Санкт-Пельтена и идет к Бруку; ее длина 24 лье.

Каринтийское шоссе связывается с карниольским тремя поперечными дорогами. Первая выходит из Гёрца, поднимается вверх по Изонцо, проходит через Капоретто, пересекает Кизу австрийскую и соединяется в Тарвисе с каринтийским шоссе; длина ее 21 лье. Вторая выходит из Лайбаха, пересекает реки Саву и Драву и выходит к Клагенфурту; ее длина 17 лье. Третья дорога начинается от Марбурга, встречает Драву и также выходит к Клагенфурту; ее длина 26 лье. За Клагенфуртом каринтийское шоссе больше не сообщается с карниольским. Они идут параллельно на расстоянии 29 лье одно от другого до Брука, где соединяются.

Армия эрцгерцога в первые дни марта состояла из 50 000 человек, из которых 15 000 человек находились в Тироле, а остальные за Пьяве, прикрывая Фриуль. Она ожидала прибытия в течение апреля шести дивизий, отправленных с Рейна; это довело бы ее силы до 90 000 с лишним человек. Столь большое превосходство в силах делало понятным радужные надежды Венского кабинета. Французская армия в то время имела в Итальянском Тироле три дивизии — Дельмаса, Барагед'Илье и Жубера, и кавалерийскую бригаду генерала Дюма, под командой генерал-лейтенанта Жубера; всего в этом корпусе насчитывалось 17 000 человек. Дивизии Массена, Серюрье, Гюйо (бывшая Ожеро), Бернадотта и резервная кавалерийская дивизия генерала Дюгуа (34 000—35 000 человек) были сосредоточены в областях Бассано и Тревиза, выставив аванпосты вдоль правого берега Пьяве. Дивизия Виктора находилась еще в Апеининах. В первых числах апреля она должна была прибыть на Адидже, чтобы образовать там ядро наблюдательного корпуса против венецианцев. Постепенно прибывавшие маршевые французские, ломбардские, диспаданские и польские батальоны должны были довести этот армейский корпус до 20 000 человек.

Когда узнали, что эрцгерцог 6 февраля прибыл в Инсбрук, то решили, что он сосредоточит все свои силы в Тироле, ограничившись выставлением одной дивизии в 6000 человек позади Тальяменто. Этим ускорило бы на 20 дней присоединение к его армии шести дивизий, посланных с Рейна. Он смог бы тогда атаковать генерала Жубера, вытеснить его с позиций на Авичио и отбросить в Италию. В первые же дни февраля главнокомандующий известил генерала Жубера о грозившей ему опасности и, исходя из этой гипотезы, приказал ему выбрать три позиции между р. Авичио и линией Торболе и Мори, на которых он мог бы со своим армейским корпусом задержать

марш эрцгерцога и выиграть восемь—десять дней, чтобы дать возможность дивизиям, стоявшим на Бренте, ударить во фланг армии эрцгерцога через ущелья Бренты.

II

Но эрцгерцог согласно плану, предписанному ему придворным военным советом, сосредоточил главные силы во Фриуле, и это позволяло французской армии атаковать его до прибытия рейнских дивизий, удаленных еще на 20 переходов.

Исходя из этого, Наполеон 9 марта перенес свою главную квартиру в Бассано. Он обратился в приказе к армии со следующими словами:

«Солдаты, взятием Мантуи только что закончилась итальянская война, которая дала вам право на вечную благодарность родины. Вы победили в 14 сражениях и 70 боях. Вами взято 100 000 пленных, захвачено 500 полевых пушек, 2000 тяжелых орудий, четыре понтонных парка. Контрибуции, наложенные на страну, которая вами завоевана, позволили кормить, содержать и платить жалованье армии. Кроме того, вы выслали 30 миллионов министру финансов для государственной казны. Вы обогатили парижский музей 300 произведениями искусства древней и новой Италии, на создание которых потребовалось тридцать веков. Вы завоевали республике самые прекрасные области Европы. Транспаданская и Циспаданская республики обязаны вам своей свободой. Французские знамена впервые развеваются на берегах Адриатики напротив родины Александра¹, в 24 часах от нее. Короли сардинский и неаполитанский, папа, герцог пармский отторгнуты от коалиции. Вы прогнали англичан из Ливорно, из Генуи, с Корсики... Но вас ждет еще более высокое предназначение!!! И вы будете его достойны!!!

Из всех врагов, соединившихся для удушения республики при самом ее зарождении, остался перед вами только один император... У него нет больше ни своей политики, ни своей воли, а есть лишь политика и воля того коварного правительства, которое, не переживая само несчастий войны, смеется над бедствиями континента. Исполнительная Директория не щадит ничего, чтобы дать мир Европе; по своей умеренности ее предложения не соответствовали силе ее армий... Вена не стала ее слушать, поэтому нет больше надежды на мир, пока мы не дойдем до самого сердца наследственных владений императора.

Вы встретите там храбрый народ, вы с уважением отнесетесь к его религии и его обычаям, будете щадить его собственность.

¹ Македонского. — Р е д.

Доблестной венгерской нации вы принесете свободу».

Нужно было переправиться через Пьяве и Тальяменто на глазах у австрийской армии и обойти ее правый фланг, чтобы раньше ее занять ущелья Понтеба. Массена, выступив из Басано, переправился в горах через Пьяве, разбил дивизию Люзиньяна, преследовал ее по пятам, захватив несколько пушек и 600 пленных, среди которых был сам генерал Люзиньян, и отбросил остатки дивизии за Тальяменто, овладев Фельтре, Кадоре и Бежлуно. 12 марта дивизия Серюрье выступила к Азо-ло, переправилась на рассвете через Пьяве, двинулась на Конельяно, где находилась австрийская главная квартира, и таким образом обошла все дивизии, оборонявшие нижнюю Пьяве. Это позволило дивизии Гюйо произвести в 2 часа пополудни переправу в Оспадалетто, перед Тревизо. Река в этом месте довольно полноводная, а поэтому требовался мост. Но добрая воля солдат заменила его. Только один барабанщик чуть было не утонул и был спасен бросившейся вплавь маркитанткой. В тот же день дивизии Серюрье и Гюйо с главной квартирой остановились в Конельяно. Дивизия Бернадотта, находившаяся в Падуе, соединилась с ними на следующий день.

Противник выбрал для сражения долину Тальяменто; на ней было удобно действовать его хорошей и многочисленной кавалерии. Арьергард противника пытался ночью задержаться в Сачиле, но был выбит оттуда 13-го генералом Гюйо.

III

16 марта, в 9 часов утра, обе армии встретились. Французская армия встала вместе с главной квартирой перед Вальвасоне, на правом берегу Тальяменто, имея слева дивизию Гюйо, в центре — дивизию Серюрье и справа — дивизию Бернадотта. Австрийская армия, почти равная по силе, была построена в таком же порядке на противоположном берегу. Находясь на такой позиции, она не прикрывала понтебского шоссе. Колонна Очкая и остатки дивизии Люзиньяна не были больше способны остановить Массена. Между тем Понтеба была самой короткой дорогой и естественным направлением для прикрытия Вены.

Такое поведение эрцгерцога можно объяснить, лишь предположив, что он опасался только за Триест, главную морскую базу Австрии, или что позиции не были им еще окончательно заняты, а прикрывшись Тальяменто, он надеялся выиграть несколько дней, что дало бы время гренадерской дивизии, шедшей с Рейна и уже прибывшей в Клагенфурт, усилить дивизию Очкая, действовавшую против Массена.

Канонада началась на обоих берегах Тальяменто. Легкая кавалерия произвела несколько атак по гравии этого горного

потока. Французская армия, видя, что противник слишком хорошо подготовил позицию, прекратила огонь, расположилась на биваке и принялась за обед. Это ввело эрцгерцога в заблуждение: он подумал, что она остановилась потому, что шла всю ночь. Он отвел войска назад и вернулся в свой лагерь. Но два часа спустя, когда все успокоилось, французская армия неожиданно вновь встала в ружье. Дюфо во главе 27-й легкой полубригады — авангарда Гюйо, — и Мюрат с 15-й легкой полубригадой — авангардом Бернадотта, — поддерживаемые каждый своей дивизией, бросились в реку, имея в каждом полку вторые батальоны развернутыми, а первый и третий в колонне на взводной дистанции. Противник бросился к оружию, но уже вся первая линия успела переправиться самым блестящим образом и приняла на другом берегу боевой порядок. Орудийный и ружейный огонь разгорелся со всех сторон. Легкая кавалерия, приданная этим двум дивизиям, находилась на правом и левом флангах. Дивизия кавалерийского резерва генерала Дюгуа и дивизия Серюрье переправились через реку тотчас же, как только первая линия удалилась на 100 туазов от берега, и образовали вторую линию. После нескольких часов боя и ряда пехотных и кавалерийских атак противник, будучи отброшен при атаках на деревни Градиска и Кодроипо и видя себя обойденным вследствие удачной атаки дивизии генерала Дюгуа, начал отступать, оставив своему победителю восемь орудий и пленных.

При первых пушечных выстрелах Массена переправился через реку в Сан-Даниеле. Он здесь почти не встретил сопротивления, овладел Озоппо — этим ключом понтебского шоссе и венецианской Киузы, который противником как следует не охранялся. Ущелья Понтеба оказались, таким образом, в его власти. Остатки дивизии Очкая он отбросил на Тарвис.

IV

Эрцгерцог, не будучи больше в состоянии отступить через Каринтию, так как Массена занял Понтеба, решил выйти на это шоссе через Удине, Чивидале, Капоретто, Киузу австрийскую и Тарвис. Он направил туда три дивизии и обоз под начальством генерала Баялича, а с остальной армией двинулся через Пальманову и Градиску для обороны р. Изонцо и прикрытия Карниоля. Но Массена находился только в двух переходах от Тарвиса; Баялич же, следуя по указанной дороге, был от него в шести, следовательно этот маневр ставил данный корпус в тяжелое положение, и эрцгерцог это чувствовал. Он лично поспешил в Клагенфурт, чтобы стать во главе находившейся там гренадерской дивизии, и занял позицию впереди Тарвиса с целью остановить Массена. Этот генерал задержался на два

дня, но, получив приказание двинуться стремглав на Тарвис, он направился туда со всей поспешностью. Там перед ним очутился эрцгерцог с остатками дивизии Очкая и прибывшей с Рейна прекрасной гренадерской дивизией. Бой был упорный. С той и другой сторон чувствовалось понимание важности победы, потому что, если бы Массена овладел тарвисским проходом, три австрийские дивизии, двигавшиеся по долине Изонцо, были бы потеряны для врага. Эрцгерцог не щадил себя и несколько раз чуть не был захвачен французскими стрелками. Генерал Брюн, впоследствии маршал Франции, командовавший бригадой в дивизии Массена, вел себя здесь с величайшей доблестью. Австрийцы были разбиты. Они бросили в бой все, до последнего батальона, и им не удалось отступить в порядке; остатки их бежали к Виллаху, сборному пункту за Дравой. Массена, владея Тарвисом, расположился там фронтом в сторону Виллаха и австрийской Киузы, откуда должны были выйти три дивизии, направленные по этой дороге с тальяментского поля сражения.

V

На следующий день после сражения на Тальяменто главная квартира эрцгерцога вступила в Пальманову, крепость, принадлежавшую венецианцам. Он расположил там склады. Но, рассчитав, что ему пришлось бы оставить 5000—6000 человек для охраны крепости вследствие того, что крепостная артиллерия еще не прибыла, он ее эвакуировал. Французы поставили здесь гарнизон и обеспечили его от внезапной атаки. Дивизия Бернадотта появилась перед Градискской для переправы через Изонцо. Она нашла городские ворота запертыми, была встречена пушечными выстрелами и попыталась вступить в переговоры с комендантом, но он от этого отказался. Тогда главнокомандующий двинулся с Серюрье на левый берег Изонцо по мальфальконской дороге. Для сооружения моста пришлось бы потерять драгоценное время. Полковник Андреосси, начальник понтонных парков, первым бросился в Изонцо, чтобы измерить его глубину. Колонны последовали его примеру, солдаты переправлялись по пояс в воде под ружейным огнем двух хорватских батальонов, обращенных потом в бегство. После переправы дивизия Серюрье двинулась к Градиске, куда прибыла 19 марта, в 5 часов вечера.

Во время этого перехода на правом берегу велась оживленная ружейная перестрелка: там дрался Бернадотт. Этот генерал имел неосторожность штурмовать крепость, был оттеснен и потерял 400—500 человек. Эта чрезмерная храбрость оправдывалась желанием самбро-маасских войск проявить себя в бою и, благородно соревнуясь, прибыть к Градиске прежде старых частей Итальянской армии. Когда комендант Градиски увидел

на высотах Серюрье, он сдался в плен с 3000 человек, двумя знаменами и 20 полевыми орудиями с упряжками.

Главная квартира направилась на следующий день в Гёрц. Дивизия Бернадотта двинулась на Лайбах. Генерал Дюгуа с 1000 коней завладел Триестом. Серюрье из Гёрца двинулся вверх по Изонцо через Капоретто и Киузу австрийскую, чтобы поддержать генерала Гюйо и вернуться в Тарвисе на каринтийское шоссе.

Генерал Гюйо с поля Тальяментского сражения направился на Удине и Чивидале и вступил в Капоретто на изонское шоссе. Все эти дни у него происходили ожесточенные схватки с арьергардом Баялича, который потерял много людей убитыми и взятыми в плен, а также часть обоза и орудий. Это заставило Баялича ускорить марш. С прибытием в Киуза-ди-Плетц австрийцы считали себя спасенными. Они не знали, что Массена занял Тарвис уже два дня назад. Массена атаковал их с фронта, Гюйо — с тыла. Киузская позиция, хотя и сильная, не смогла устоять перед 4-й линейной полубригадой, прозванной «Стремительной». Эта полубригада вскарабкалась на гору, господствующую над левым флангом, и Баяличу, после того как этот важный пункт оказался обойденным, не оставалось иного выхода, как сложить оружие. Обозы, пушки, парк, знамена — все было захвачено. Однако пленных было взято только 5000 человек, потому что много солдат было убито, ранено или пленено в различных боях после Тальяменто, а другие, уроженцы Карниолы и Хорватии, видя, что все потеряно, в больших количествах разбрелись по ущельям, рассчитывая пробраться по одиночке в свои селения. Захвачено было 32 орудия, 400 артиллерийских и обозных повозок, четыре генерала и много интендантских служащих.

VI

Главная квартира последовательно перемещалась в Капоретто, Тарвис, Виллах, Клагенфурт. Армия переправилась через Драву по Виллахскому мосту, который неприятель не успел сжечь. Теперь, находясь в долине Дравы, перевалив через Карнийские и Юлийские Альпы, армия вступила в Германию. Язык, нравы, климат, почва, культура — все было не такое, как в Италии. Армия выражала свое удовлетворение гостеприимством и добродушием крестьян. Изобилие овощей, большое количество повозок и лошадей очень ей пригодились. В Италии она находила только телеги, запряженные волами, езда на которых, медленная и неудобная, плохо гармонировала с живостью французов. Армия заняла цитадели в Гёрце, в Триесте и в Лайбахе. Две австрийские дивизии — Кайма и Меркандина, прибывшие с Рейна, стояли, заняв оборонительные позиции у Клагенфурта.

Первая из них потеряла 400—500 человек и была отброшена.

Клагенфурт имел бастионную крепостную ограду, заброшенную уже в течение ряда столетий. Инженерные офицеры напустили в рвы воду, вновь соорудили брустверы и снесли дома, построенные на валах. В Клагенфурте были устроены госпитали и всякого рода склады. Этот опорный пункт у выходов из гор был признан очень важным.

Во всех провинциях было опубликовано следующее воззвание по-французски, по-немецки и по-итальянски:

«Жители Каринтии, Карниолы и Истрии! Французская армия идет к вам не для завоевания и не для внесения каких-либо перемен в вашу религию, в ваши нравы и обычаи; она — друг всех наций, а в особенности храбрых германцев... Жители Каринтии, я знаю, вы, так же как и мы, ненавидите англичан, которые одни только и извлекают, вместе с вашими министрами, ими подкупленными, выгоды из введущейся войны. Если мы с вами воюем вот уже шесть лет, то это происходит вопреки желанию и храбрых венгерцев, и просвещенных граждан Венны, и добрых жителей Каринтии, Карниолы и Истрии. Итак, будем друзьями, вопреки Англии и министрам Венского двора. Французская республика приобрела над вами права победителя; пусть исчезнут они перед лицом договора, который нас свяжет. Вы не станете вмешиваться в войну, которая ведется против вашего желания!!! Вы поможете удовлетворить нужды моей армии. Со своей стороны, я буду охранять вашу собственность; я не наложу на вас никакой контрибуции. Не достаточно ли ужасна война сама по себе? Не слишком ли вы уже пострадали, вы, невинные жертвы чужих страстей? Все налоги, какие вы обычно платили императору, послужат для возмещения расходов, неизбежных при движении армии, и для уплаты за все, что вы мне доставите».

Это воззвание произвело хорошее впечатление. Его придерживались обе стороны. Никакой контрибуции не было наложено, и жители не давали никакого повода для жалоб. В четырех провинциях были организованы четыре правительства; их составили из наиболее богатых собственников. В Триесте были конфискованы английские товары. В императорских складах на руднике Истрии было обнаружено на несколько миллионов ртуты.

VII

В течение десяти дней с начала открытия кампании на берегах Пьяве и Тальяменто и во Фриуле войска обеих армий в Тироле оставались в бездействии. Генерал Керпен, командовавший австрийским корпусом, ожидал каждую минуту прибы-

тия двух дивизий с Рейна. Генерал Жубер не получал еще приказа о наступлении; в инструкциях ему предписывалось только сдерживать противника и оберегать свою позицию на Авичио. Но тотчас же после Тальяментского сражения и изгнания всей австрийской армии из Италии, после того, как Масена овладел каринтийским шоссе, Наполеон решил продвигнуться по этому шоссе со всей армией и отправил генералу Жуберу приказание разбить противника, которого он превосходил силами, подняться вверх по берегам Адидже, отбросить генерала Керпена за Бреннер и двинуться вправо через Пустерталь, следуя по шоссе, идущему вдоль Дравы, для присоединения к армии в Шпитале, на каринтийском шоссе. Жуберу предписывалось оставить одну бригаду для обороны Авичио с приказанием, если он будет к тому вынужден, отойти на Монте-Бальдо, там ожидать указаний от генерала Кильмэна, командующего войсками в Италии, и держать связь с генералом Балланом в Вероне. С прибытием победоносной французской армии на Земмеринг и созданием угрозы Вене все, что могло произойти на нижней Адидже, становилось второстепенным.

20 марта, тотчас же по получении приказа, генерал Жубер перешел в наступление. Главная квартира была тогда в Герце, на Изонцо. Генерал Керпен стоял со своими главными силами в Чембра позади Авичио, прикрывая Сан-Микеле, через который сообщался с генералом Лаудоном, занимавшим правый берег Адидже. Дивизия Жубера переправилась через Авичио в Сегонцано, а в то же время дивизии Дельмаса и Бараге-д'Илье перешли реку по мосту в населенном пункте Авичио и направились по шоссе правого берега на Сан-Микеле. Всем французским силам предоставлялась возможность принять участие в бою против генерала Керпена, тогда как корпус Лаудона, отделенный Адидже, оставался пассивным зрителем. Таким образом, исход боя не вызывал сомнений. Генерал Керпен, отброшенный со всех позиций, потерял половину своих людей, знамена, пушки, оставив 3000 пленных и 2000 убитых. Это Сан-Микельское сражение открыло путь в Тироль.

В то время как Бараге-д'Илье и Дельмас входили в Сан-Микеле и захватили там мост, Жубер двигался прямо на Неймаркт через горы. Он овладел им после легкого боя, переправился по мосту, разгромил и рассеял войска Лаудона, который со всеми войсками, какие он смог собрать, стал на позицию между Неймарктом и Трамином. Вечером 22 марта Жубер возвратился в Неймаркт с пушками, знаменами и 2500 пленными.

В это время авангард вошел в Боцен, богатый торговый город, где захватил все склады противника. Первая австрийская дивизия с Рейна, под командованием генерала Спорка, прибыла в Клаузен. Генерал Керпен собрал позади этой дивизии остатки своих войск и, соблазненный позицией, показавшейся

ему неприступной, решил ждать своего победителя. 24 марта генерал Жубер двинулся туда с большей частью своего корпуса. Атака была очень энергична. Естественные препятствия показались сначала непреодолимыми, но отважные французские стрелки, столь же ловкие, как и сами тирольцы, взобрались на горы, примыкавшие к правому флангу противника, и, действуя оттуда, принудили его к отступлению.

Генерал Керпен, не надеясь больше на присоединение второй дивизии, которую он ожидал с Рейна, отступил на Миттенвальд, оставив, таким образом, в распоряжении Жубера пустертальское шоссе. Но Жубер рассудил, что ему опасно начинать свое движение вправо, дефилируя так близко от лагеря противника. Он его атаковал 28 марта. Кавалерийская атака генерала Дюгуа способствовала достижению успеха. Генерал Керпен, разбитый в третий раз, эвакуировал Штерцинген и отступил на Бреннер. Тревога распространилась до Инсбрука. Не сомневались больше, что намерением генерала Жубера было двинуться туда, чтобы установить связь с Рейнской армией. Такой план привел бы к катастрофе, потому что Рейнская армия все еще стояла на квартирах в Эльзасе. Но не было больше никаких препятствий к тому, чтобы Жубер, согласно своим инструкциям, направился через Пустерталь на соединение с главными силами армии на каринтийском шоссе. 2 апреля он двинулся туда, распорядился занять Бруннекен и Тоблах, и когда удостоверился, что никто не может помешать его выходу в долину и движению на Каринтию, вывел все свои посты из Тироля. 4 апреля он окончательно решился на это передвижение. Им была оставлена колонна в 1200 человек под командованием генерала Сервье с приказанием снова занять позиции по р. Авицио для прикрытия Италии. К армии генерал Жубер присоединился с 12 000 человек; он был обременен 7000 пленных, которые были захвачены им в этих боях.

Таким образом, за 17—20 дней армия эрцгерцога была разбита в двух больших сражениях и нескольких боях, отброшена за Бреннер, Юлийские Альпы и Изонцо; были захвачены Триест и Фiume — единственные морские порты монархии. Провинции Гёрц, Истрия, Карниоль, Каринтия подчинились французскому правительству. 20 000 пленных, 20 знамен, 50 полевых орудий с упряжками, взятые на поле сражения, явились трофеями, свидетельствующими о превосходстве французского солдата. Из шести дивизий, которых ждал эрцгерцог с Рейна, две были уже потеряны. Французская главная квартира стояла в Германии, самое большее в 60 лье от Вены. Все заставляло думать, что в течение мая победоносные французские армии овладеют этой столицей, потому что на Рейне у Австрии в начале марта оставалось только 80 000 человек, а во французских армиях — Самбро-маасской и Рейнской — насчитывалось свыше 130 000 человек.

ЛЕОБЕН

I. Императорский двор покидает Вену. — II. Предложение об открытии переговоров о мире. — III. Бой у Неймаркта (1 апреля 1797 г.). — IV. Бой у Ундмаркта. — V. Юденбургское перемирие. — VI. Соединение тирольских, карниольских и каринтийских дивизий. Леобенские предварительные условия мира (18 апреля). — VII. Побуждения, руководившие Наполеоном. — VIII. Армии Рейнская и Самбро-маасская. 18 апреля, в самый день подписания мира, они начинают военные действия.

I

Известия о Тальяментском и Тарвисском сражениях, бое у Гёрца и о вступлении французов в Клагенфурт и Лайбах вызвали в Вене переполох. Столица оказалась под угрозой и была лишена всяких средств обороны. Стали упаковывать ценную утварь и наиболее важные документы. Дунай был покрыт судами, перевозившими все ценности в Венгрию, куда были отсланы малолетние эрцгерцоги и эрцгерцогини; между ними находилась и эрцгерцогиня Мария-Луиза, тогда в возрасте пяти с половиной лет, будущая императрица французов. Недовольство было всеобщее. «Меньше чем через пятнадцать дней,— говорили венцы,— французы могут прибыть под наши стены. Правительство совсем не думает о заключении мира, и у нас нет никаких средств сопротивляться этой грозной Итальянской армии».

Рейнско-мозельская и Самбро-маасская армии должны были начать кампанию и переправиться через Рейн в тот же самый день, когда Итальянская армия переправится через Пьяве. Они должны были быстро продвигаться вперед по Германии. Наполеон, донося о Тальяментском сражении, заявил, что он через несколько дней перейдет Юлийские Альпы и окажется в сердце Германии, что между 1 и 10 апреля он будет в Клагенфурте, главном городе Каринтии, т. е. в 60 лье от Вены, и до 20 апреля выйдет на вершину Земмеринга, в 25 лье от Вены. Поэтому очень важно двинуть вперед рейнские армии и известить его об их выступлении. Правительство ответило ему 23 марта, поздравило с победой при Тальяменто, извинилось за то, что рейнские армии еще не выступили, и заверило, что они выступят в поход без промедления. Но три дня спустя, 26 марта, оно ему написало, что армия Моро не может начать кампанию, так как у нее не хватает судов для переправы через Рейн, и что Итальянская армия не может надеяться на армян, находящиеся в Германии, и должна рассчитывать только на себя.

Эта депеша, прибывшая в Клагенфурт 31 марта, вызвала много предположений. Не опасалась ли Директория, что эти три армии, представлявшие всю вооруженную силу республики, объединившись под начальством одного главнокомандующего, сделают его слишком могущественным? Не была ли эта

депеша отражением неудач, испытанных в предшествовавшем году Рейнской и Самбро-маасской армиями, неудач, сделавших их робкими? Не следует ли приписать такое странное малодушие недостатку энергии и решимости у генералов? Не хотят ли пожертвовать Итальянской армией, как уже намеревались ее погубить в июне 1796 г., предписывая отослать половину в Неаполь?

Не имея более возможности рассчитывать на помощь этих армий, Наполеон перестал тешить себя надеждой на вступление в Вену. У него не было достаточно кавалерии, чтобы спуститься в равнину Дуная, но он свободно мог дойти до вершины Земмеринга. У него родилась мысль, что самым выгодным решением, какое можно принять в его положении, будет заключение мира — заветная мечта всей Франции.

II

31 марта, через 12 часов после получения депешы от Директории, он отправил эрцгерцогу Карлу письмо, составленное в следующих выражениях:

«Господин главнокомандующий, храбрые солдаты ведут войну, но желают мира. Разве эта война не тянется уже шесть лет? Разве недостаточно перебито людей и недостаточно причинено зла опечаленному человечеству? Оно заявляет протесты со всех сторон. Европа, поднявшая оружие против Французской республики, сложила его. Осталась одна ваша нация, а между тем крови будет пролито больше, чем когда-либо. Предстоящей шестой кампании предшествуют зловещие предзнаменования. Каков бы ни был ее исход, мы перебедем тысячи людей с той и другой стороны, но в конце концов придется договориться, потому что все имеет предел, даже ненависть.

Исполнительная Директория Французской республики дала знать его величеству императору о своем желании положить конец войне, приводящей в отчаяние оба народа. Вмешательство лондонского двора явилось этому помехой. Неужели у нас нет никакой надежды договориться, неужели нам с вами придется из-за выгод и пристрастий нации, чуждой бедствиям войны, продолжать резню между собой?

Вы, господин главнокомандующий, столь близкий по своему рождению к трону и стоящий выше всех мелких страстей, часто владеющих министрами и правительствами, готовы ли вы заслужить титул благодетеля всего человечества и подлинного спасителя Германии? Не думайте, господин главнокомандующий, что при этом я имею в виду невозможность спасти ее силой оружия. Но и при предположении, что шансы на выигрыш войны станут для вас благоприятными, Германия подвергнется от этого не меньшему разорению. Что касается меня, госпо-

дин главнокомандующий, то если предложение, которое я имею честь вам сделать, может спасти жизнь только одного человека, я буду больше гордиться заслуженными таким образом мирными лаврами, чем печальной славой военных успехов».

2 апреля эрцгерцог Карл ответил:

«Конечно, господин главнокомандующий, ведя войну и следуя долгу и чести, я желаю, так же как и вы, мира для счастья народов и человечества. Тем не менее, находясь на посту, который мне вверен, я не считаю себя вправе ни входить в рассмотрение, ни положить предел ссоре между воюющими сторонами. Я не получал от его величества императора никаких полномочий для ведения переговоров, и вы потому найдете естественным, что я не вступаю с вами ни в какие переговоры, ожидая распоряжений свыше относительно такого важного вопроса, не входящего, по существу, в мою компетенцию. Каковы бы ни были, впрочем, будущие судьбы войны или надежды на мир, прошу вас быть уверенным, господин генерал, в моем глубоком уважении и почтении».

Для поддержки предложения об открытии переговоров было важно наступать и приблизиться к Вене.

III

Авангард был в Сан-Фейте, главная квартира — в Клагенфурте. 1 апреля на рассвете Массена направился на Фризах. Перед замком он застал арьергард противника, прикрывавший большие запасы, собранные там эрцгерцогом. Массена его энергично отбросил, ворвался на плечах его во Фризах, овладел всеми запасами и продолжал преследование почти до Неймаркта, где встретил эрцгерцога с четырьмя дивизиями, прибывшими с Рейна (включая дивизии принца Оранского, генералов Кайма и Меркендина), с резервом гренадер и с остатками прежней армии, расположенными на позиции для обороны неймарктских ущелий.

Главнокомандующий тут же приказал Массена сосредоточить всю свою дивизию левее шоссе. Дивизия Гюйо расположилась на высотах справа, и дивизия Серюрье была оставлена в резерве.

В 3 часа пополудни 2-я полубригада легкой пехоты из дивизии Массена с ружьями наперевес бросилась на штурм первой неприятельской линии и покрыла себя славой. Она только что пришла с Рейна, солдаты прозвали ее «контингент», намекая этим на войска немецких князей, слывшие далеко не отличными. Солдаты 2-й легкой, задетые этим, сделали вызов старым солдатам Итальянской армии, чтобы те шли так же быстро и заходили так же далеко, как они, и творили чудеса. Эрцгерцог Карл рисковал собой, но бесполезно; его войска

были отовсюду отброшены и потеряли 3000 человек. К наступлению ночи французские войска ворвались в Неймаркт на плечах австрийцев и захватили 1200 пленных, шесть пушек и пять знамен.

Оставалось еще 4 лье до Шейфлинга, куда выходила третья поперечная дорога. Австрийский главнокомандующий, не имея возможности замедлить марш победителя, прибег к хитрости, чтобы выиграть 24 часа и дать время генералу Керпену достигнуть Шейфлинга. Он предложил перемирие, чтобы получить возможность, как он говорил, рассмотреть письмо, присланное ему 31 марта. Бертье ответил ему, что можно одновременно вести переговоры и драться, но что до Вены не может быть и речи о заключении перемирия, иначе как для переговоров об окончательном мире.

На рассвете французский авангард выступил в направлении на Мур. Сильные разведывательные партии были высланы до Мура навстречу корпусу Керпена.

Наполеон направился туда; но этот корпус отступил. Лишь генерал Спорк, составлявший его арьергард, немного пострадал. Французская главная квартира пробыла 4 и 5 апреля в Шейфлинге — замке, лежащем на берегах р. Мур.

IV

От Шейфлинга до Книттенфельда дорога пролегает вдоль Мура по ужасным ущельям. На каждом шагу имелись позиции, способные остановить французскую армию. Для эрцгерцога было в высшей степени важно выиграть несколько дней, чтобы дать Вене время прийти в себя и чтобы войска, спешно двигавшиеся с Рейна, смогли прибыть и прикрыть эту столицу. Те же самые причины предписывали французской армии не шадить ничего, чтобы ускорить свой марш. 3 апреля авангард завязал жаркий бой в ущельях Унцмаркта; он опрокинул противника, несмотря на его численное превосходство, сбросил его штыковым ударом со всех позиций и вошел в Книттенфельд. Потери австрийцев были значительны: 1500 пленных, четыре орудия. Полковник Каррэр, отличный офицер, командовавший артиллерией авангарда, был убит; его очень жалели, это был хороший боевой офицер. Один из фрегатов, взятых в Венеции, был назван его именем; этот фрегат — один из тех, с которыми Наполеон вернулся из Египта и высадился во Фрежюсе. 6 апреля главная квартира прибыла в Юденбург, главный город одного из округов Каринтии.

V

После Унцмарктского боя армия не встречала больше сопротивления. 7-го ее авангард прибыл в Лёобен. Генерал-лей-

тенант Бельгард, начальник штаба эрцгерцога Карла, и генерал-майор Мервельдт явились тогда в качестве парламентариев. После совещания с главнокомандующим они передали ему следующую ноту: «Господин генерал, его величество император и король желает содействовать успокоению Европы и окончанию войны, разоряющей обе нации. Вследствие предложения об открытии переговоров, которое вами сделано его королевскому высочеству в письме из Клагенfurта, его величество император направил нас к вам, чтобы договориться об этом столь важном предмете. После разговора, который мы только что имели с вами, император, убежденный как в доброй воле, так и в намерении обоих государств окончить возможно быстрее эту бедственную войну, желает заключить перемирие на десять дней, дабы было возможно с большей скоростью достичь желанной цели и устранить все промедления и препятствия в переговорах, связанные с продолжением военных действий, и дабы все способствовало восстановлению мира между обеими нациями».

Французский главнокомандующий ответил им в тот же день: «При данном положении обеих армий перемирие совершенно неблагоприятно для французской армии. Но, если оно должно стать путем к миру, столь желанному и полезному для народа, я без сожаления соглашаюсь с вашими пожеланиями. Французская республика часто заявляла его величеству о своем желании положить конец этой жестокой борьбе. Ее и ныне воодушевляют те же чувства, и я не сомневаюсь — после беседы, которую имел честь вести с вами, — что через несколько дней будет, наконец, восстановлен мир между французской республикой и его величеством».

Перемирие было подписано 7 апреля вечером; оно должно было продолжаться пять дней. Всю местность до Земмеринга занимала французская армия. Грац, один из самых больших городов австрийской монархии, был сдан ей вместе со своей цитаделью.

За обедом генерал Бертье спросил австрийских генералов-уполномоченных, где, по их мнению, дивизия Бернадотта. «У Лайбаха», — ответили они. «А дивизия Жубера?» — «Между Бриксеном и Мюльбахом». — «Нет, — возразил он, — они все эшелонированы, самая дальняя дивизия в одном переходе отсюда». Это их сильно удивило. 9-го главная квартира прибыла в Лёобен; авангард направился в Брук, продвинув передовые патрули до Земмеринга.

Помощник генерала Леклерк был послан в Париж для извещения правительства о подписании перемирия. Это был выдающийся офицер, отважный на поле сражения и способный к штабной работе.

Из Клагенфурта главнокомандующий 30 марта выслал на встречу генералу Жуберу адъютанта Ла-Валетта с кавалерийским разъездом. Ла-Валетт доехал до Линца, но к тому времени генерал Жубер не выходил еще из Тироля. Горожане, заметив, что французов только 60 человек, восстали, и этот отряд обязан был своим спасением только хладнокровию и неустрашимости командовавшего им адъютанта. Был убит всего один драгун. Несколько дней спустя генерал Зайончек с несколькими драгунскими эскадронами занял Линц и связался с тирольским корпусом. Этот город был разоружен, а жители наказаны. 8 апреля Жубер прибыл в Шпиталь, около Виллаха, и образовал левый фланг армии. Он тогда же эвакуировал пленных в тыл.

Генерал Бернадотт, организовав управление Карниоля, получил приказание переправиться через Саву и Мур и сосредоточиться у Лёобена. Он оставил генерала Фриана с колонной в 1500 человек для обеспечения эвакуации Фиуме и удержания Карниоля. Легко можно было предвидеть, что с такими незначительными силами Фриана могут оттеснить. Ему надлежало в этом случае обороняться на Изонцо и наконец укрыться в Пальманова, пополнив своими силами ее гарнизон. Так и произошло: 15 апреля он был атакован 6000 хорватов. Хотя и сражаясь один против четырех, войска Фриана отразили противника и причинили ему значительные потери; но этот генерал понимал, что необходимо эвакуировать Фиуме, и Юденбургское перемирие застало его 19 апреля в Материа, прикрывающим Триест. Эти события, столь же преувеличенные, как и события в Тироле, получили огласку в Венеции и были главной причиной вооруженных выступлений, повлекших за собой гибель этого государства.

В течение пяти дней перемирия, с 7-го по 12 апреля, дивизия Массена расположилась в Бруке, у подножья Земмеринга, имея аванпосты на предгорье. Главная квартира отправилась в Лёобен, в епископский дворец. Дивизия Серюрье заняла город Грац и организовала работы по приведению замка в боевую готовность. Эти пять дней были необходимы для отдыха и оказались очень полезны. Перемирие окончилось 13-го; но в 9 часов утра прибыл граф Мервельдт, снабженный полномочиями для переговоров о предварительных условиях мира и их подписания, вместе с маркизом Галло, неаполитанским послом в Вене, пользовавшимся милостью императрицы, которая имела заметное влияние на дела. Перемирие было продолжено до 20 апреля, и начались заседания для обсуждения предварительных условий. 16 апреля после долгих дебатов составили три проекта, которые, с согласия французского уполномоченного, были препровождены в Вену. 17-го, после того как от-

вет венского кабинета был привезен бароном Винцентом, адъютантом императора, статьи предварительных условий, основные и секретные, были отредактированы. Секретари уполномоченных объявили нейтральным небольшое селение в одном лье от Лёобена, где 18-го утром и были подписаны предварительные условия мира. Полномочия на переговоры были, как мы видели, выданы правительством генералу Кларку, но он находился в Турине. Требовалось время на его прибытие в главную квартиру, и так как 18-го он еще не успел приехать, то Наполеон в данном случае, как и во многих других, не посчитался с этим и подписался сам. Генерал Кларк прибыл в главную квартиру лишь несколько дней спустя.

Австрийские уполномоченные хотели сделать нам приятное, указав в первой статье, что император признает французскую республику. «Вычеркнем это,—сказал Наполеон,—республика сияет, как солнце, собственным светом. Только слепцы не замечают этого». В самом деле, такое признание было вредно потому, что если бы когда-нибудь французский народ захотел восстановить монархию, то император смог бы сказать, что признал республику.

В предварительных условиях было предусмотрено, что окончательный мирный договор будет обсуждаться на конгрессе, который соберется в Берне, а установление мира во всей империи¹ послужит предметом рассмотрения другого конгресса, в одном из германских городов.

Франции была гарантирована граница по Рейну. Река Олио становилась границей владений австрийского дома в Италии и Цизальпинской республики, которая образовалась из Ломбардии, Модены, Бергамо и Кремоны. Город Венеция должен был получить легатства Феррара, Болонья и Романья в возмещение за потерю им своих владений на материке. По этому договору за императором оставалась Мантуя, но Цизальпинская республика приобретала венецианские земли. Французские войска могли, продвигаясь от Милана к Венеции по правому берегу По, выйти на Пьяве и лишить всякого значения линии Минчио и Адидже, а также Мантую. Ничто не мешало, впрочем, тому, чтобы обе республики слились в одну, если они этого захотят. Венеция просуществовала девять веков, не имея никакой территории в Италии, исключительно как морское государство, и это было время ее наибольшего могущества. Нужно, впрочем, признать, что эти условия были продиктованы ненавистью к венецианцам.

В это время как раз прибыли депеши Кильмэна от 3 и 5 апреля. Армия негодовала, услышав об убийствах, совершенных у нее в тылу. Знамя восстания было поднято в Венеции, и английский посланник торжествовал. Флаг льва св. Мар-

¹ Германской. — Р е д.

ка развеялся на его гондоле. Этот посланник пользовался большим влиянием.

27 апреля маркиз Галло представил главнокомандующему в Граце предварительные условия мира, ратифицированные императором.

Если обмен грамотами не был произведен немедленно, то лишь вследствие ожидания ратификации Исполнительной Директорией, но так как теперь не могло быть никакого сомнения в этой ратификации, то армия эвакуировала Штирию, часть Карниолы и Каринтии. Уполномоченными императора было сделано несколько новых предложений. Ответ на них был послан в Вену с адъютантом Лемаруа. Он был принят там с почетом. В первый раз за время революции увидели трехцветную кокарду в этой столице.

На одном из совещаний в Граце один из уполномоченных, во исполнение собственноручного письма императора, предложил Наполеону предоставить ему после заключения мира княжество в Германии с 250 000 жителей в потомственное владение как обеспечение от республиканской неблагодарности. Главнокомандующий усмехнулся и поручил уполномоченному поблагодарить императора за это доказательство внимания, но заявил, что он не хочет никакого величия, никакого богатства, если они даются не французским народом.

Помощнику генерала Дессолю было поручено отправиться в Париж с известием об открытии переговоров. Генерал Массена вручил Директории договор с предварительными мирными условиями. Массена был принят 9 мая на торжественной аудиенции. Все отличившиеся генералы Итальянской армии последовательно посылались в Париж с трофеями. Только Массена, стоявший в первом ряду по участию, какое он принимал во всех победах, не был еще послан ни разу. Справедливость требовала, чтобы и его имя было приобщено к этому великому национальному празднику, который явился результатом отваги и доблести французских армий.

VII

Положение Итальянской армии было прекрасное. По переключкам от 19 апреля налицо оказалось 38 500 человек пехоты, 4500 кавалерии, 120 орудий — всего 43 000 человек, сосредоточенных на едином поле сражения и способных в один переход занять позиции на Земмеринге. За все время кампании армия понесла лишь легкие потери. Крепости Пальманова, Клагенфурт, Грац были снабжены продовольствием и вооружены. В них были созданы многочисленные склады запасов всякого рода. Моральное состояние французского солдата было чрезвычайно высоким. В Неймарктском бою принимала участие толь-

ко третья часть дивизии Массена, и ее одной оказалось достаточным, чтобы опрокинуть отборные австрийские войска на безукоризненных позициях. Армия эрцгерцога, наоборот, была деморализована: из прежней Итальянской армии у него не оставалось почти ничего; шесть дивизий, пришедших с Рейна, были сильно потрепаны одна за другой, и численность их значительно уменьшилась.

Наполеон мог бы теперь войти в Вену, но это не принесло бы никаких результатов. Удержаться в ней было бы трудно, потому что рейнские армии не только еще не открыли кампании, но заявили, что не могут ее начать. Советы и Директория разошлись во мнениях. Раскол произошел даже среди самих членов Директории. Правительство было бессильным. Общественное мнение во Франции утратило свое значение. Финансы находились в плачевном состоянии. Рейнские армии оставались без жалованья и испытывали величайшую нужду. Одним из самых значительных препятствий, мешавшим переправе через Рейн, была невозможность выдать Моро из казны 30 000—40 000 экю, необходимых ему для изготовления понтонного парка. Полки, сформированные в Вандее для Итальянской армии, доведенные до численного состава в 4000 человек каждый, благодаря включению в них разных команд прибывали в Милан в составе лишь 900—1000 человек. Три четверти дезертировали по дороге. Правительство ничего не предпринимало, чтобы собрать дезертиров и пополнить армии.

На первых же совещаниях австрийские уполномоченные согласились на уступку Бельгии и линии Рейна, но требовали возмещений. Когда же им было предложено получить их в Германии, например, в Баварии, они тотчас же возразили, что следовало бы в этом случае гарантировать Венецианской республике ее конституцию и укрепить аристократию Золотой книги, так как они не хотели ни под каким предлогом допустить, чтобы Итальянская республика распространилась от Альп и Апеннин до Изонцо и Юлийских Альп. Это значило бы помочь самому активному и самому настойчивому врагу Французской республики, врагу, который, узнав, в силу происшедших событий, об угрожавших ему опасностях, не будет отныне признавать никакой другой политики, кроме политики сближения и единения с Австрией; последняя вступила бы в наступательный и оборонительный союз с венецианской олигархией против демократической Итальянской республики. Это повело бы к увеличению могущества Австрии за счет как Баварии, так и Венеции. В инструкциях, данных Директорией генералу Кларку, Директория, как указывалось в главе XIII, уполномочивала его на подписание условий, значительно менее выгодных.

Народ, правительство, Законодательный корпус хотели мира, и Наполеон подписал предварительные его условия.

VIII

Гоша только что призвали к командованию Самбро-маасской армией. Это был молодой человек — талантливый, отважный и честолюбивый. У него под командованием была превосходная армия, насчитывавшая в строю 80 000 человек. Он чувствовал себя в силах руководить ею; дрожь нетерпения охватывала его при получении каждого нового известия о победах в Италии. С каждым курьером он просил Директорию позволить ему вступить в Германию.

Войска разделяли его энтузиазм. Даже местные жители, узнавшие из писем о быстром марше Наполеона на Вену и об отступлении австрийских армий с Рейна, спрашивали, почему французы Самбро-маасской и Рейнской армий остаются праздными и теряют столь дорогое время.

18 апреля Гош перешел через Рейн по нейвидскому мосту, в то время как Шампионе, выступивший из Дюссельдорфа, подходил к Укерату и Альтенкирхену. Австрийской армией командовал Край. Гош атаковал Края в Геддесдорфе, захватил несколько тысяч пленных, пушки и знамена и отбросил его на Майн. 22 апреля он подходил к Франкфурту, когда штаб генерала Края переслал ему депешу генерала Бертье, извещавшую о подписании Лёобенского договора. Он тотчас же заключил перемирие и перенес свою главную квартиру во Фридберг, заняв Нидду и Вецлар.

Моро находился в Париже. Он требовал понтонного парка для переправы через Рейн, в Страсбурге. Но как только Дезе, командовавший временно Рейнской армией, узнал, что Гош дерется с противником, он перебросил мост 20 апреля, в 6 часов утра, в деревне Кильштедт, в нескольких лье ниже Страсбурга. 21-го, в 2 часа ночи, армия переправилась через Рейн. Моро, поспешно прибывший из Парижа, оказался во главе армии в тот момент, когда его атаковал Старай, сосредоточивший 20 000 человек и 27 пушек. Бой был жаркий. Австрийцы были совершенно разбиты: они оставили во власти победителя 20 пушек и пленных.

Были захвачены все повозки канцелярии австрийской главной квартиры. Среди них находился фургон Клинглина, содержащий переписку Пишегрю с принцем Конде, которую Моро сохранял в секрете в течение четырех месяцев, не донося о ней правительству.

После этой победы армия поднялась вверх по Рейну и овладела Келем. Ее авангард прошел уже за Оффенбург в долину Кинцига; 22-го курьер Итальянской армии привез туда известие о подписании в Лёобене предварительных условий мира. Моро прекратил военные действия и заключил перемирие со Стараем.

Военные действия на Рейне начались только через 8 часов

после подписания Лёобенского договора, и Наполеон получил о них известие через семь дней после подписания этого договора. Почему их не начали пятью днями раньше и почему, наконец, Директория написала, что не следует рассчитывать на совместные действия с рейнскими армиями? Оттого, что войной руководили вяло, бездарно. Руководство республикой погрязло в коррупции и не достигало никаких удовлетворительных результатов. По одному из постановлений конституции III года¹ казначейство было независимо от правительства. Мысль ошибочная, пагубная и самая нелепая из всех, какие только могла подсказать метафизика современных законодателей. Этого одного было достаточно, чтобы поставить под угрозу существование республики.

ГЛАВА XV

ВЕНЕЦИЯ

I. Описание Венеции. — II. Сенат. — III. Поведение провидиторов Мочениго и Фоскарини. — IV. Партии: Брешиа; Бергамо. — V. Трудности, связанные с вопросом о Венеции. — VI. Совещание в Гёрце (20 марта 1797 г.). — VII. Верона. — VIII. Миссия адъютанта Жюно в сенате; объявление войны. — IX. Вступление французов в Венецию; революция в этом городе. — X. Революция в материковых областях. Отправление в Париж знамен, взятых у венецианцев, и последние дни кампании.

I

Венеция, основанная в V в. обитателями Фриула и Падуи, бежавшими в лагуны, чтобы оградить себя от нашествия варваров, занимала сначала местоположение Гераклеи и Киоджии; затем, в связи с церковным расколом, вызванным Арием, патриарх Аквилей переселился со своим причтом в Градо. Градо сделался столицей. Первое время венецы подчинялись законам и консулам, назначаемым Падуей. В 697 г. венецы в первый раз выбрали собственного дожа. Французский король Пипин построил в Равенне флотилию и принудил венецов удалиться на Риальто и шестьдесят окружающих его островов, где лагуны защищали их от враждебных покушений этого короля. Это и есть место, где расположена современная Венеция. В 830 г. туда были перевезены из Египта останки евангелиста Марка; последний сделался патроном республики. С 960 г. венецианцы завладели Истрией и Адриатикой. Короли Венгрии боролись с ними из-за Далмации. В 1250 г. в союзе с французами они взяли Константинополь.

До середины XVII столетия они овладели Мореей и Кандией. Италия, раздираемая революциями, часто меняла властителей, но Венеция, все время независимая и свободная, ни-

¹ 1795 года. — Р е д.

когда не признала чужеземной власти. Ей удавалось постоянно ускользать от порабощения владетелями полуострова.

Венеция является торговым портом, расположенным лучше всех других портов Италии. Товары из Константинополя и Леванта прибывают туда самым коротким путем — по Адриатическому морю; отсюда они расходятся по всей Верхней Италии до Турина, по р. По и по всей Германии, поднимаясь по Адидже до Боцена, откуда шоссе ведут в Ульм, в Аугсбург, Мюнхен и Нюрнберг. Венеция — это морской порт верхнего Дуная, По и Адидже. Природа предназначила ему быть складочным пунктом Леванта, Италии и Южной Германии. До открытия мыса Доброй Надежды Венеция вела торговлю с Индией через Александрию и Красное море, поэтому она боролась с Португалией, чтобы перехватить ее морские пути. Она снарядила значительный флот в Красном море и соорудила арсенал, бассейны пресной воды и склады припасов около Суэца. Остатки их еще видны у «Моисеевых источников». Однако португальцы разбили этот дорого стоивший флот, а анархия, в которую впал Египет, окончательно закрыла этот путь для торговли с Индией.

Лагуны образуются водами Пьяве, Brentы и Ливенцы; они сообщаются с морем тремя большими проходами: Киоджийским, Маланокко и Лидо.

Верховная власть со времени уничтожения демократических учреждений в 1200 г. перешла к аристократии из нескольких сотен фамилий, записанных в Золотую книгу и располагавших почти 1200 голосами в Большом совете. Население венецианских областей равнялось 3 миллионам человек, расселившихся вокруг Венеции в очень богатых плодородных областях: Бергамо, Брешиа, Кремона, Виченца, Падуя, Полезина, Тревиза, Бассано, Кадоре, Беллуно и Фриуль (материковая часть Италии), в Истрии, Далмации и Бокка-ди-Каттаро, на берегах Адриатического моря и, наконец, на Ионических островах. Ее территория примыкала на севере к главному хребту Юлийских Альп, от р. Адда до р. Изонцо. Эта горная цепь повсюду непроходима для гужевого транспорта и образует границу со стороны Германии. Через нее можно перевалить только по трем проходам, — а именно по тиролюскому, каринтийскому и карниольскому шоссе.

В 1796 г. эта республика находилась в полном упадке и была только тенью былой Венеции. Три поколения сменились, не ведя войны. Один вид ружья заставлял трепетать этих недостойных потомков Дандоло, Зено, Морозини. Во время войны за австрийское наследство и войн 1733 и 1740 гг. они терпели с трусливой покорностью издевательства и оскорбления австрийских, французских и испанских армий.

Венецианский военно-морской флот состоял из двенадцати 64-пушечных кораблей, стольких же фрегатов и большого количества мелких судов, достаточных, чтобы вселять уважение

варварийским¹ пиратам, господствовать над Адриатикой и оборонять лагуны. Армия силою в 14 000 человек состояла из итальянских полков, набранных на материке, и словенских частей, набранных в Далмации. Храбрые и очень преданные республике, последние имели то преимущество, что являлись чуждыми материке и по языку и по нравам. Участие в управлении республикой принимали только фамилии, занесенные в Золотую книгу. Сенат состоял исключительно из них, так же как советы, коллегия Сорока и другие руководящие органы. Это возбуждало недовольство материкового дворянства, среди которого было большое число богатых, именитых и могущественных фамилий. Попав в подчинение, лишённые всякой власти, они не имели никакого влияния на дела и питали сильную зависть к господствующей знати. Они происходили частью от древних кондотьеров, древних подеста или других лиц, игравших большую роль в республиках своих городов; предки их после долгого сопротивления Венеции оказались в конце концов жертвами ее политики. К зависти и ненависти, которые им внушала форма государственной власти, примешивалось также старательно подогревавшееся старинное желание мести. Простой народ материковых владений в целом тоже был недоволен; наиболее значительная часть его держала сторону своего дворянства. Но венецианская знать, владевшая поместьями и предприятиями почти во всех провинциях, имела там и своих приверженцев. Духовенство не пользовалось уважением и почетом в этой республике, которая давно уже освободилась, насколько это было возможно, от влияния папы на светские дела.

II

В 1792 г. державы коалиции предлагали Венеции принять участие в войне. По-видимому, этот вопрос не вызвал серьезных дискуссий в сенате: единодушный вотум был за нейтралитет. Эта республика была настолько удалена от театра войны, что считала себя непричастной к французским делам. Когда граф де Лилль искал убежища в Вероне, сенат дал ему позволение проживать там только с согласия Комитета общественного спасения, предпочитавшего видеть графа в Вероне, чем в каком-либо другом месте.

Когда французские войска в 1794 г. двинулись к Онелья, в Италии сочли, что ей угрожает нашествие, и представители ряда государств собрались на конгресс в Милане. Венеция отказалась принять в нем участие не потому, что она одобряла французские принципы, а потому что боялась отдаться на милость Австрии и не хотела отказываться от своей робкой и ослабленной политики, проводимой уже несколько поколений.

¹ Северо-африканским. — Р е д.

Но когда Наполеон прибыл в Милан, а Болье в ужасе бежал за Минчио, заняв Пескиеру, где он поставил свой правый фланг в надежде оборонять эту линию, в сенате возникли большие сомнения и тревожные предчувствия. Огромное пространство, до тех пор отделявшее Венецию от борьбы демократии с аристократией, было преодолено. Война принципов и война пушек проникла в самое сердце государства. Бурные разногласия возникли в советах, где обнаружилось три точки зрения.

Молодые олигархи стремились к вооруженному нейтралитету. Им хотелось поставить сильные гарнизоны в Пескиеру, Брешиа, Порто-Леньяго и Верону, объявить эти крепости на осадном положении, довести армию до 60 000 человек, поспешно укрепить лагуны, прикрыть их канонерками, снарядить эскадру для обороны Адриатического моря и, создав себе такое прочное положение, объявить войну первому, кто нарушит их нейтралитет. Приверженцы этого мнения шли еще дальше. Они говорили: «Если придет последний час, будет менее позорно погибнуть с оружием в руках. Защищая свою территорию, мы помешаем распространению французских идей в больших городах материка. Мы добьемся от обеих враждующих сторон тем больших уступок, чем больше у нас будет возможностей требовать их. Если, наоборот, мы мирно откроем свои ворота, война между двумя враждебными государствами станет вестись на территории республики, и с того же мгновения верховная власть ускользнет от дожа. Его первая обязанность — защищать своих подданных. Если их поля, их собственность сделаются добычей войны, народ в несчастье потеряет всякое уважение и всякое почтение к бросившей его на произвол судьбы власти. Уже существующие в зародыше недовольство и зависть разовьются с неудержимой силой: республика погибнет, не вызвав ни у кого сожаления».

Приверженцы старой политики утверждали, что не следует принимать никакого окончательного решения и что нужно лавировать, выигрывать время и ждать, что произойдет. Они признавали, что все опасности вполне реальны, что надо бояться одновременно как честолюбия Австрии, так и идей республиканской Франции, но что, к счастью, все это зло преходяще. Действуя терпеливо и идя на уступки, можно избежать грозящих неприятностей. Французы по природе своей сговорчивы, и, действуя правильно, можно убедить их вождей, добиться их расположения. При теперешнем направлении умов всякий вооруженный нейтралитет поведет к войне, чего следует избегать прежде всего; провидение поставило столицу в положение, обеспечивающее ее от всяких покушений, и всем опасностям нужно противопоставлять терпение, умеренность и время.

Батталья говорил: «Республика действительно в опасности. С одной стороны, французские принципы противоречат нашей конституции, с другой — Австрия покушается на нашу незави-

симость. Из этих двух неизбежных зол попытаемся выбрать наименьшее. Худшим, в моих глазах, является австрийское рабство. Дополним Золотую книгу, впишем туда тех представителей материкового дворянства, которые этого заслуживают; этим мы успокоим наши народы, и среди нас исчезнет оппозиция. Вооружим крепости, снарядим флот, соберем войска и пойдем навстречу французскому главнокомандующему с предложением наступательного и оборонительного союза. Нам, может быть, придется ввести некоторые небольшие изменения в нашу конституцию, но зато мы спасем нашу независимость и свободу. Говорят о вооруженном нейтралитете: два года назад такое решение было бы наилучшим, оно было бы правильным, потому что его одинаково применяли бы к обеим воюющим сторонам, оно было возможным, потому что имелось время к нему подготовиться. Ныне вы не можете более запретить французам то, что вы позволяли австрийцам или терпеливо сносили от них. Запретить — это значит объявить войну французской армии, когда она через восемь дней будет в Вероне, а вы даже не обеспечили себе помощь Австрии. В течение двух месяцев это государство не сможет ничего сделать для вас. Что произойдет с республикой за эти два месяца пред лицом такого предприимчивого и активного противника? Из всех решений это — наихудшее. Это значит бросаться в самую гущу опасности, вместо того чтобы от нее уклоняться.

Другое решение, предлагаемое вам, — терпение и попытки выиграть время — столь же плохо, как и первое. Политические обстоятельства ныне совсем не те, что раньше: времена сильно изменились; кризис, который мы переживаем, совсем не похож ни на один из тех, с которыми справилось испытанное благоразумие наших предков. Французские принципы у всех на уме. Они проявляются во всевозможных формах. Это — вышедший из берегов поток, и тщетна будет попытка остановить его терпением, умеренностью и изворотливостью. Средство, которое я вам предлагаю, одно только и может вас спасти. Оно простое, благородное и великодушное. Мы можем предложить французам контингент в 10 000 человек, оставив себе то, что необходимо для обороны наших крепостей. Они скоро возьмут Мантую и перенесут войну в Германию. Когда мы сделаем первый шаг, остальное дастся легче, потому что в дальнейшем все партии, раздирающие государство, единодушно пойдут вместе, воодушевленные одинаковыми побуждениями. Наша независимость будет обеспечена, и мы спасем основы нашей конституции. Австрия не имеет никакого влияния на наши народы. У нее нет флота, тогда как с минуты на минуту на Лидо может появиться тулонский флот».

Это мнение подействовало и на страсти, и на мысли разумных людей, но к нему присоединились лишь немногие. Аристо-

кратические предрассудки одержали верх над интересами родины. Такое решение было бы слишком благородным для выходящих, не способных к высоким мыслям людей.

III

Проведитор Мочениго торжественно принял Наполеона в Брешиа. Он заверял в добрых чувствах сената к Франции. Блестящие празднества установили связи между офицерами армии и главнейшими фамилиями. Каждый вельможа стремился сделаться личным другом какого-либо французского генерала.

В Вероне проведитор Фоскарини последовал этому примеру, но надменность его характера мешала притворству: он плохо скрывал свои тайные чувства. Это был один из сенаторов, наиболее враждебных новым идеям. Протестовать против вступления французов в Пескиеру он не посмел, потому что они прибыли туда вслед за войсками Болье; но когда французы потребовали ключи от арсенала, чтобы поставить орудия на валы, и когда они занялись вооружением галер, он заявил протест против такого нарушения нейтралитета республики. По прибытии Наполеона в Пескиеру этот проведитор пытался отговорить его от движения на Верону; он дошел даже до угрозы запереть ее ворота и открыть канонаду. «Слишком поздно,— сказал ему главнокомандующий,— мои войска уже вошли туда. Я принужден установить оборону по Адиге на время осады Мантуи. С полутора тысячами словенцев вы не сможете помешать переправе австрийской армии. Нейтралитет состоит в том, чтобы для всех была одинаковая мера и одинаковый вес. Если вы не враги мне, вы должны позволить мне сделать то, что разрешили или по крайней мере не мешали делать моим противникам».

Подобные разногласия, о которых сообщили в сенат, побуждали его отозвать Фоскарини и заменить его Батталья, с назначением последнего главным проведитором всех провинций по ту сторону Адидже, включая Верону. Это был человек стогорчивый, образованный, с мягкими манерами, искренно преданный своему отечеству, очень расположенный к Франции прежнего времени, но предпочитавший Австрии даже республиканскую Францию.

Мало-помалу театр войны распространился на все венецианские владения, но австрийцы всегда первыми занимали новые территории. Так, Болье занял Пескиеру и Верону, Вурмзер бросился в Бассано и прошел через Виченцу и Падую, Альвинци и эрцгерцог Карл заняли Фриуль, Пальманова и все области, вплоть до самых восточных пределов республики.

IV

В материковых владениях обнаружилось большое возбуждение. Недовольство распространялось быстро. Старая ненависть к олигархии соединилась с влечением к новым идеям. Италию все считали потерянной для Австрии, а это должно было повлечь за собой свержение аристократии. Наполеон пытался все время умерять это движение, на которое действовало к тому же возбуждающе настроение армии. Когда он вернулся из Толентино, исполненный желания двинуться на Венецию, ему пришлось обратить свое внимание на это положение вещей, создававшее трудности. Возбуждение все разрасталось. Брешиа, Бергамо подняли восстание. Фенароли, Мартиненго, Леки и Алессандри стали во главе восставших; они принадлежали к числу самых богатых фамилий. Муниципальные власти обоих этих городов имели большое влияние; они распоряжались доходами, устанавливали налоги и назначали на должности. Если там еще развевалось знамя со львом св. Марка, то это было скорее из уважения к главнокомандующему, чем признаком подчинения Венеции. И в разговорах, и в печати раздавались постоянные резкие нападки на венецианскую знать. С горечью, пользуясь всеми средствами, подчеркивали несправедливость ее власти. «Откуда у Венеции право,— говорили они,— господствовать над нашими городами? Разве мы менее храбры, менее развиты, менее богаты, менее благородны?» Сенаторы были сильно оскорблены, видя, что подданные, подчинявшиеся им столетиями, забыли об огромном расстоянии, разделявшем их, и сравнивали себя со своими господами. Все предвещало резкое столкновение. Батталья в своих депешах сенату скрывал, насколько мог, оскорбительные выходки жителей Брешиа, а в глазах этих последних преуменьшал гнев и раздражение сената. Все время действуя примирительно, он не переставал в своих многочисленных сношениях с главнокомандующим вызывать у него интерес к участи республики.

V

Оставлять, таким образом, в тылу армии 3 миллиона людей в состоянии беспорядка и анархии было опасно. Наполеон не скрывал от себя, что его влияние на друзей Франции не больше, чем на самый сенат. Он мог сдерживать их действия, но не мог мешать им говорить, писать и непосредственно раздражать дожа всякими деталями управления, его не касавшимися. Обезоружить патриотов Брешиа и Бергамо, высказаться за сенат, осудить новаторов, заполнить ими казематы Венеции — означало бы навсегда отворотить от себя народную партию, не завоевав симпатий аристократии. Если бы Наполеон

стал придерживаться такой трусливой политики, она привела бы к тому же неизбежному результату, как при Людовике XII,— к восстанию против нас всего населения.

Побудить сенат к союзу с Францией и изменению конституции для удовлетворения материкового населения — было наилучшим и единственно приемлемым решением. Поэтому оно и было постоянной целью усилий Наполеона. С каждой новой победой он возобновлял предложение об этом, но всегда безрезультатно.

Третье решение представлялось в таком виде: двинуться на Венецию, занять эту столицу силой и произвести политические изменения, которых требовали обстоятельства, и вверить правительственную власть приверженцам Франции. Но нельзя было двигаться на Венецию, пока эрцгерцог Карл находился на Пьяве. Начинать надо было, следовательно, с разгрома австрийской армии и изгнания ее из Италии. Добившись этого результата, не следовало терять плоды победы и откладывать переход через горы только для того, чтобы биться вокруг Венеции, что дало бы время эрцгерцогу Карлу прийти в себя, усилиться и создать новые преграды. Только под стенами Вены мир должен был увенчать, наконец, столько побед. К тому же и Венеция представляла значительную силу. Она была под защитой лагун, военных кораблей и 10 000 словенцев. Господствуя в Адриатике, она могла получить новые войска. Наконец, все ее правящие фамилии вынуждены были бороться за свое политическое существование, и это давало ей моральный стимул для сопротивления. Кто мог рассчитать время, на которое французская армия задержится из-за этого предприятия? И как бы мало ни продолжалась эта борьба, какое впечатление произведет такое сильное сопротивление на остальную Италию?

Эта новая война вызвала бы противоречивые суждения в Париже. Сенат имел там очень энергичного посла. Законодательный корпус был в оппозиции к Директории, а Директория сама не была едина. Если бы ее запросили о войне с Венецией, она не ответила бы или обошла бы вопрос. Если бы Наполеон, как он делал до тех пор, действовал без разрешения, его бы упрекнули при отсутствии немедленного успеха в нарушении всех принципов. Он имел право как главнокомандующий только отражать силой силу. Предпринимать же новую войну против вооруженного государства без согласия правительства — означало присвоить себе права верховной власти; между тем он и так уже сделался жупелом для республиканской подозрительности.

Венецианский эпизод мог превратиться в главный вопрос. Наполеон решил поэтому принять в отношении венецианцев простые меры военной предосторожности. Он был спокоен за Брешиа, за Бергамо, за весь правый берег Адидже. В веронские замки, Сан-Феличе, Сая-Пьетро и старый дворец, он велел по-

ставить гарнизоны и этим обеспечил за собой каменные мосты.

Войска, занятые в экспедиции против папы, двигались обратно, возвращаясь на Адидже. Они представляли силу, достаточную, чтобы произвести впечатление на сенат. Были сделаны распоряжения, чтобы все выздоравливающие и все раненые, выходящие из госпиталей, собирались в маршевые батальоны и присоединялись к резерву. Но этой мерой соответственно ослаблялась действующая армия.

VI

Наполеон решил, однако, сделать еще одну попытку. Он пожелал побеседовать с Пезаро, руководившим в то время всеми делами республики. Пезаро описал критическое состояние своего отечества, бурное настроение народа, законные жалобы сената. Он говорил, что столь тяжелые обстоятельства требуют со стороны сената сильных мер и чрезвычайных вооружений, и это не должно возбуждать какого-либо подозрения у французов; что сенат вынужден был производить аресты в Венеции и на материке; что несправедливо признавать за излишнюю строгость к приверженцам Франции то, что было только справедливым наказанием буйных подданных, желавших низвергнуть законы своей страны. Наполеон согласился с тем, что положение Венеции критическое, но, не теряя времени на обсуждение причин этого, предложил вопрос: «Вы хотите,—сказал он,—арестовать тех, кого называете врагами, но это — те, кого я называю своими друзьями. Вы вручаете власть людям, известным своей ненавистью к Франции. Вы набираете новые войска. Что еще остается вам сделать, чтобы была объявлена война? А между тем ваша гибель будет полная и немедленная. Напрасно вы надеетесь на поддержку эрцгерцога. Не пройдет и восьми дней, как я прогоню его армию из Италии. Есть одно средство вывести вашу республику из тягостного положения, в котором она находится: я предлагаю ей союз с Францией. Я гарантирую ей владения на материке и даже власть над Брешиа и Бергамо, но требую, чтобы она объявила войну Австрии и выставила для присоединения к моей армии контингент в 10 000 человек пехоты, 2000 кавалерии и 24 орудия. Я полагаю, что было бы своевременно вписать в Золотую книгу главные фамилии материковых владений; однако я не ставлю это условием *sine qua non*¹. Возвратитесь в Венецию, обсудите это в сенате и приходите для подписания договора, единственно могущего спасти ваше отечество». Пезаро согласился, что это разумный проект, и уехал в Венецию, обещая вернуться не позже чем через две недели.

¹ Непременным условием (лат.). — Ред.

11 марта французская армия начала движение для переправы через Пьяве. Как только это известие достигло Венеции, тотчас же последовал приказ арестовать в Бергамо и предать суду десять виднейших жителей этого города. Руководители патриотической партии, вовремя предупрежденные одним преданным им венецианским чиновником, перехватили курьера, арестовали самого проводителя, подняли знамя восстания и провозгласили свободу Бергамо. Делегаты, которые были ими посланы во французскую главную квартиру, застали ее на поле сражения у Тальяменто. Это событие вызвало недовольство Наполеона, но дело было непоправимо. Бергамо уже вступил в переговоры о федерации с Миланом, столицей Ломбардской республики, и с Болоньей, столицей Транспаданской республики. Такая же революция произошла несколько дней спустя и в Брешиа. Две тысячи словенцев, находившихся там, были обезоружены; проводителя Батталья не тронули, но отправили в Верону. Венецианский главнокомандующий Фиоравенти выступил против восставших, занял Сало и угрожал Брешиа; миланский генерал Лагоц двинулся ему навстречу, разбил и прогнал из Сало.

Пезаро вернулся, как и обещал, в главную квартиру, которую догнал в Гёрце. Эрцгерцог был уже разбит на Тальяменто; Пальманова открыла свои ворота, и французские цвета развевались над Тарвисом, по ту сторону Изонцо и на вершине Юлийских Альп. «Сдержал ли я слово? — сказал ему Наполеон. — Венецианская территория занята моими войсками. Австрийцы бегут передо мной. Через несколько дней я буду в Германии. Чего хочет ваша республика? Я предложил ей союз с Францией, согласна ли она его принять?»

«Венеция, — отвечал Пезаро, — радуется вашим триумфам. Она сознает, что ей можно существовать только при помощи Франции, но, верная своей старой и благоразумной политике, она хочет оставаться нейтральной. При Людовике XII, при Франциске I ее армии еще могли что-либо значить на поле сражения. Ныне, когда все население становится под ружье, какую выгоду даст вам наша помощь?»

Наполеон сделал последнюю попытку: она потерпела неудачу. Прощаясь с Пезаро, он сказал ему: «Хорошо, раз ваша республика хочет оставаться нейтральной, я согласен; но пусть она прекратит свои вооружения. Я оставляю в Италии силы, достаточные, чтобы быть в ней хозяином, и двигаюсь на Вену. То, что я прощал Венеции, когда был в Италии, сочтется неизгладимым преступлением, когда я буду в Германии. Если на венецианской территории моих солдат будут убивать, а обозы — перехватывать, если коммуникации окажутся прерванными, то ваша республика перестанет существовать; она сама пронзет себе приговор».

Генерал Керпен взял пример с генерала Жубера, приступившего 20 марта к операциям. Он покинул Тироль и направился через Зальцбург и Роттенманн в долину Мура, где надеялся соединиться с эрцгерцогом, но, упрежденный в Шлейфлинге быстрым маршем французов, перешел обратно через горы и присоединился к армии только на венской равнине. Генералу Лаудону, оставленному им всего с 2000 человек регулярных войск для охраны Тироля, удалось реорганизовать 10 000 человек тирольского ополчения, разошедшегося было по домам и упавшего духом после стольких поражений. Такое подкрепление дало ему значительное численное превосходство над небольшим обсервационным отрядом, который был оставлен Жубером для прикрытия триентской дороги. У генерала Сервье было около 1200 человек. При приближении противника он эвакуировал оба берега Авинчио и отступил на Монте-Бальдо.

Лаудон занял Триент. Овладев всем Тиродем, он наводил Италию воззваниями. Им распространялись в Венеции, в Риме, в Турине, в Неаполе известия о поражениях французов: «Тироль стал могилой для войск Жубера. Наполеон разбит на Тальяменто. Императорские армии одержали блестящие победы на Рейне; сам он вышел из Триента в Италию с 60 000 человек, чтобы отрезать всякое отступление остаткам французской армии, которых преследует эрцгерцог». В конце он призывал к оружию, к восстанию против французов Венецию и всю Италию.

При этих известиях венецианская олигархия перестала соблюдать всякую меру. Французский посланник делал тщетные усилия, чтобы доказать сенату, какую пропасть он роет под своими ногами. Он разоблачил ложные сведения о поражении Жубера в Тироле и такую же ложь о поражениях Самбромаасской и Рейнской армий. Он доказал, что эти армии еще не начинали военных действий. Он дошел до того, что сообщил сенату план кампании, из которого вытекало, что оставление Тироля Жубером было заранее согласованной операцией, что этот генерал движется через Каринтию на Пустерталь и что он не только не погиб, а, наоборот, достиг своей цели. Пезаро не придавал никакой веры этим сообщениям, он слишком горячо желал поражения французов. Со своей стороны, Венский двор не пренебрегал никакими средствами, чтобы разжечь страсти врагов Франции. Для него было очень важно организовать восстания в тылах армии.

Резервный корпус, оставленный в Пальманова, гарнизон Озоппо и благоразумие провектора Мочениго¹ удержали в спо-

¹ Это не тот, который был провектором в Брешиа. — А в т.

койствии Фриуль. Возможно также, что и сами жители, находившиеся ближе к театру военных действий, были лучше осведомлены о положении вещей.

Сбор всеобщего ополчения в Веронской провинции был подготовлен уже давно. Более 30 000 крестьян получили оружие и ждали только сигнала для начала резни; 3000 человек венецианских и словенских войск были посланы в Верону, чтобы составить ее гарнизон. Проведитор Эмили, преданный сенату, договорился с Лаудоном. Он его известил о слабости французского гарнизона и как только счел для себя обеспеченной поддержку австрийских войск, дал сигнал к восстанию. 17 апреля, на второй день пасхи, после вечерни, ударил набат. Восстание разразилось одновременно в городе и в деревнях. Повсюду происходили убийства французов. Неистовство народа дошло до того, что было зарезано 400 больных в госпиталях. Генерал Баллан с гарнизоном заперся в фортах. Артиллерийский огонь с фортов, направленный им против города, заставил веронские власти просить о переговорах, но народ в бешенстве воспротивился этому. Подкрепление в 2000 словенцев, высланное проведителем Фоскарини из Виченцы, и приближение войск австрийского генерала Нейперга еще более возбудили народ. За ущерб, причиненный бомбардировкой города, он отомстил тем, что перебил гарнизон Киузы, уже раньше вынужденной капитулировать перед всеобщим ополчением горцев.

Генерал Кильмэн, командовавший в Ломбардии, при первых же сведениях, полученных им о восстании в Вероне, принял меры для оказания помощи генералу Баллану.

21 апреля первые его колонны показались под Вероной. Генералам Шабрану, Лагоцу и Шевалье после нескольких боев удалось 22-го днем обложить Верону. 23-го восставшим стало известно о подписании предварительного мирного договора с Австрией и в то же самое время — о прибытии дивизии Виктора, спешно подходившей из Тревизо. Восставших охватила тревога. Упадок духа у них был столь же велик, как до того велико было их неистовство. Они просили о капитуляции и, стоя на коленях, приняли условия, которые им продиктовал генерал Баллан, выдали заложников, и, таким образом, воцарился порядок. Французы могли бы прибегнуть к ужасающим репрессиям, но, несмотря на то, что кровь их предательски умерщвленных братьев по оружию еще текла по улицам, мести не последовало и всего только трое жителей были преданы суду; произвели общее разоружение и отослали крестьян в их деревни.

Не менее ослепленная олигархия Венеции позволила вырезать на своих глазах экипаж французского корсара, который, преследуемый австрийским фрегатом, искал убежища у самых батарей Лидо. Французский посланник протестовал против такого нарушения международного права и потребовал осужде-

ния убийц. Сенат насмеялся и над его представлениями и над его угрозами. Он издал декрет, которым устанавливалось вознаграждение тем его прислужникам, которые приняли участие в растерзании капитана Ложье¹ и его матросов.

VIII

Как только Наполеон узнал о беспорядках и об убийствах, происходивших в тылах армии, он послал в Венецию своего адъютанта Жюно и поручил ему вручить сенату следующее письмо, помеченное «Юденбург, 9 апреля 1797 г.»: «Во всех материковых владениях подданные светлейшей республики призваны к оружию. Объединяющим их лозунгом является: смерть французам. Число солдат Итальянской армии, ставших их жертвами, доходит уже до нескольких сотен. Вы напрасно делаете вид, что дезавуируете сборища, которые созданы вами самими. Неужели вы думаете, что, удалившись в глубь Германии, я не имею власти заставить уважать солдат первого народа в мире? Неужели вы думаете, что легионы Итальянской армии могут оставить без наказания убийц, покрытых кровью наших братьев по оружию? Нет француз, у которого поручение выполнить эту мечь не утроило бы его мужества и его сил... Не воображаете ли вы, что теперь все еще век Карла VIII²? С той поры настроение в Италии сильно изменилось!» У Жюно было приказание лично прочесть это письмо в сенате и выразить все негодование главнокомандующего.

Но страх уже раньше охватил Венецию. Престиж власти исчез. Стало известно, что рейнские армии совсем не начинали военных действий, что Жубер со своим корпусом стоит в Виллахе, что Виктор подходит к Вероне, что французы уже двинулись к лагунам и, наконец, что Наполеон, победив во всех боях, привел в ужас самую Вену, только что заключил перемирие с эрцгерцогом и император прислал к нему просить мира.

Французский посланник Лаллеман представил Жюно сенату. Жюно выполнил свою миссию со всей прямоотой и резкостью солдата. Сенат униженно оправдывался. Друзья свободы подняли голову и предчувствовали свое торжество. Депутация из сенаторов была послана в Грац, к главнокомандующему, чтобы предложить ему все возмещения, какие он пожелает. Ей была дана особая инструкция подкупать всех, кто пользуется его доверием. Все оказалось бесполезным.

В то же время сенат отправлял курьера за курьером в Париж и предоставил значительные суммы в распоряжение своего

¹ Командира брига «Освободитель Италии». — Прим. франц. ред.

² Карл VII — король Франции. В 1494 г. вторгся в Италию, но итальянские государи, поддержанные императором, вынудили его покинуть страну. — Р е д.

посланника в надежде склонить на свою сторону вожаков Директории и побудить их к посылке главнокомандующему Итальянской армией распоряжений, могущих спасти аристократию. Этот путь интриг привел к цели в Париже. Венецианскому посланнику, раздавшему на 10 миллионов переводных векселей, удалось добиться приказаний, которых он просил. Но эти приказания были составлены без соблюдения всех установленных законом форм. Депеши, перехваченные в Милане, дали Наполеону возможность расстроить эту интригу. У него в руках оказался список тех, кому были розданы деньги в Париже. Он аннулировал все своей властью.

3 мая Наполеон в Пальманова обнародовал объявление войны Венецианской республике, основанное на принципе: противопоставлять силе силу. Его манифест был составлен в таких выражениях:

«Пока французская армия находилась в ущельях Штирии, оставив далеко в тылу Италию и свои основные базы, в которых имелось лишь небольшое число батальонов, венецианское правительство повело себя следующим образом: оно воспользовалось святой неделей¹, чтобы вооружить 40 000 крестьян, присоединило к ним десять словенских полков и, организовав из них отряды, расставило во многих пунктах с целью прервать коммуникации армии.

Из самой Венеции отправляются специальные комиссии, ружья, снаряжение всякого рода, пушки, чтобы завершить организацию различных частей.

В материковых владениях Венеции арестованы все, кто приветствовал нас при встрече. Осыпаются благами и пользуются полным доверием правительства те, кто известен как ярый ненавистник французского имени, а особенно четырнадцать веронских заговорщиков, которых проведитор Приули арестовал три месяца назад как уличенных в заговоре, имевшем целью вырезать всех французов.

На площадях, в кафе и в других общественных местах Венеции оскорбляют французов, называя их якобинцами, царубийцами, безбожниками; их изгнали, наконец, из города и запретили им доступ туда.

Призвано к оружию население Падуи, Виченцы, Вероны для усиления воинских частей и для устройства новых «сицилийских вечере»². «Нам суждено,— говорят венецианские офицеры,— проверить правильность поговорки, что Италия — могила французов».

¹ Пасхой. — Р е д.

² Сицилийская вечеря (1262 г.) — восстание населения Сицилии против французов, завладевших этим островом в Южной Италии. При этом были вырезаны почти все находившиеся в Сицилии оккупанты. — Р е д.

Духовенство с кафедр проповедует крестовый поход, а духовенство во владениях Венеции всегда говорит только то, что угодно правительству.

Памфлеты, коварные воззвания, анонимные письма печатаются по городам, и брожение начинает возникать везде. А ведь в государстве, где не разрешена свобода печати и где правительству внушает страх и в то же время тайную ненависть население, типографии печатают, а авторы пишут только то, что хочет сенат.

Все как будто обещало успех коварному проекту правительства: всюду течет французская кровь; на всех дорогах перехватываются обозы, курьеры и все, что принадлежит армии.

В Падуе убиты один батальонный командир и еще два француза. В Кастильоне-де-Мори солдаты разоружены и перебиты. На больших дорогах из Мантуи в Леньяго, из Кассано в Верону убито больше 200 французов.

Два батальона, желая присоединиться к армии, встретили в Киари венецианскую дивизию, попытавшуюся помешать их движению. Завязался упорный бой, и наши храбрые солдаты прошли по трупам своих врагов.

В Валеджно произошел другой бой. В Дезенцано тоже пришлось драться. Французы повсюду были в меньшинстве, но они не привыкли считать своих противников.

На второй день пасхи в Вероне под звон колокола происходит резня всех французов. Не щадят ни больных в госпиталях, ни выздоравливающих, которые прогуливаются по уллицам. Пронзенных тысячами ударов кинжала, их сбрасывают в Адидже. Таким образом убито больше 400 солдат.

В течение восьми дней венецианская армия осаждает три веронских замка. Пушки, выставленные ею на позиции, отнимаются у нее штыковым ударом. Город поджигается; наблюдательный корпус, прибывший в этот момент, обращает в бегство этих трусов и захватывает 3000 пленных, в том числе несколько генералов.

Дом французского консула на о. Занте сожжен. В Далмации венецианский военный корабль принимает под свою защиту австрийский конвой и дает несколько выстрелов по корвету «Ла-Брюн».

«Освободитель Италии», корабль республики, вооруженный только тремя или четырьмя небольшими пушками, пущен ко дну в венецианском порту по приказанию сената. Молодой и многообещающий Ложье, лейтенант флота, командир этого корабля, заметив, что его обстреливают с форта и с адмиральской галеры, находящейся на расстоянии пистолетного выстрела, тотчас же приказывает своему экипажу спуститься в трюм; оставшись один, он поднимается на капитанский мостик среди града пуль и, обратившись к убийцам, пытается умерить их исступление, но тут же падает замертво. Его экипаж бросается

вплавь, и за ним гонятся шесть шлюпок с войсками, состоящими на жалованьи у Венецианской республики. Они рубят топорами матросов, пытающихся спастись в море. Одному боцману, раненному несколькими ударами, ослабевшему, истекающему кровью, удается благополучно добраться до берега и ухватиться за деревянный выступ в стене портового замка, но сам комендант отрубает ему кисть руки.

Вследствие вышеизложенных претензий и на основании раздела XII статьи 328 конституции республики¹ и вследствие необходимости принятия неотложных мер главнокомандующий:

— предписывает французскому посланнику при республике Венеции выехать из названного города;

— приказывает представителям Венецианской республики в Ломбардии и материковой Венеции выехать оттуда в 24 часа;

— приказывает всем дивизионным генералам поступать с войсками Венецианской республики, как с врагами, и распорядиться о снятии во всех материковых городах изображения льва св. Марка.

Завтра в приказе будут даны особые распоряжения о дальнейших боевых действиях».

После прочтения этого манифеста оружие выпало из рук олигархов, которые не думали больше об обороне. Большой совет аристократии сложил с себя обязанности и передал народу верховную власть. Последняя была вручена муниципалитету. Таким образом, эти столь гордые фамилии, с которыми так долго считались, которым столь чистосердечно предлагали союз, пали, не оказав никакого сопротивления. Тщетно в охватившем их унынии просили они помощи у Венского двора. Этот двор остался глух ко всем их представлениям: у него были свои виды.

IX

16 мая Бараге-д'Илье вступил в Венецию, приглашенный жителями, которым угрожали словенцы. Он занял форты, батареи и водрузил трехцветное знамя на площади св. Марка. Партия свободы тотчас же созвала общее народное собрание. Власть аристократии была навсегда уничтожена. Провозгласили вновь демократическую конституцию 1200 г.²

¹ 328 ст. конституции III года гласит: «В случае неизбежных или начавшихся враждебных действий, угрозы войны или ее подготовки против Французской республики Исполнительная Директория обязана употребить для защиты государства все средства, находящиеся в ее распоряжении, с тем, чтобы немедленно уведомить об этом Законодательный корпус».

² Здесь у автора противоречие. Выше (стр. 214) конституция 1200 года рассматривалась, как антидемократическая. — Р е д.

Дандоло, человек энергичный, горячий энтузиаст свободы, очень честный, один из самых выдающихся адвокатов, стал во главе всех дел города.

Лев св. Марка и Коринфские кони были перевезены в Париж. Венецианский военно-морской флот состоял из двенадцати 64-пушечных кораблей и стольких же фрегатов и корветов; их снарядили и отправили в Тулон.

Корфу являлся одним из важнейших владений республики. Генерал Жантийи, тот самый, который отвоевал Корсику, отправился к Корфу с четырьмя батальонами и несколькими артиллерийскими ротами на борту эскадры, составленной из венецианских кораблей. Он завладел этим островом, подлинным ключом Адриатики, так же как и остальными Ионическими островами: Занте, Чериго, Кефаллиния, Сент-Мор (древняя Итака)¹ и др.

Пезаро возбудил всеобщее негодование. Он погубил свое отечество, а сам бежал в Вену. Батталья искренне сокрушался о гибели своего отечества. Давно осуждая путь, которому следовал сенат, он заранее предвидел эту катастрофу. Он умер через некоторое время, оплакиваемый всеми честными людьми. Если бы его послушали, Венеция была бы спасена. Дождь Манини, присягая на верность Австрии, упал замертво на руки стоявшему подле Морозини, который стал комиссаром императора.

Х

С получением приказа об объявлении войны Венеции все материковые владения восстали против столицы. Каждый город провозгласил свою независимость и установил свое собственное правительство. Бергамо, Брешиа, Падуя, Виченца, Бассано, Удине организовались в отдельные республики. Таким же образом возникли республики Циспаданская и Транспаданская. Ими были приняты принципы французской революции. Монастыри они упразднили, но не коснулись религии и сохранили собственность белого духовенства, учредили национальные поместья и отменили феодальные привилегии. Лучшие представители дворянства и крупных собственников вступили в гусарские и конноегерские эскадроны, названные «Почетной гвардией». Из низших классов образовались батальоны национальной гвардии. Национальные цвета этих новых республик были общетальянские.

Несмотря на чрезвычайную бдительность Наполеона по отношению к злоупотреблениям и хищениям, их в данный момент

¹ Автор допускает здесь ошибку: «Сент-Мор» — французское название о. Левкас, а не о. Итака. — Р е д.

происходило больше, чем в какую-либо другую пору этой войны. Страна была разделена на две крайне возбужденные партии; страсти разгорались все сильнее, люди становились все более отчаянными. Во время сдачи Вероны был разграблен ломбард этого города, в котором хранилось ценностей примерно на сумму около 7—8 миллионов. Интендантский чиновник Буке и гусарский полковник Ландрие были обвинены в этом грабеже, тем более возмутительно, что ему предшествовали и за ним последовали другие преступления в целях его сокрытия. Все, что оказалось в домах подсудимых, было возвращено городу, но ущерб оставался тем не менее очень значительным.

Генерал Бернадотт был отправлен в Париж со знаменами, захваченными у венецианских войск, и с теми, которые были взяты при Риволи и в Германии у армии эрцгерцога Карла. Он вручил эти знамена Директории за несколько дней до 18 фрюктидора¹.

ГЛАВА XVI

ПЕРЕГОВОРЫ В 1797 г.

I. Главная квартира в Момбелло. — II. Переговоры с Генуэзской республикой. — III. С сардинским королем. — IV. С папой. — V. С Неаполем. — VI. Республики Цизпаданская и Транспаданская. Эти республики сливаются в Цизальпинскую республику. — VII. Переговоры с Граубюнденом и Вальтелиной.

I

Момбелло — замок, расположенный в нескольких лье от Милана, на холме, господствующем над всей равниной Ломбардии. Французская главная квартира находилась здесь в течение мая и июня. Знатнейшие дамы Милана являлись туда ежедневно, чтобы выразить почтение Жозефине². Так находились австрийский посланник и папский представитель, а также посланники королей неаполитанского и сардинского, республик Генуэзской и Венецианской, герцога пармского, швейцарских кантонов и нескольких германских государей. Присутствие там всех генералов, а также властей Цизальпинской республики и депутатов от городов, множество курьеров из Парижа, Рима, Неаполя, Вены, Флоренции, Турина, Генуи, которые прибывали и отъезжали ежечасно, весь образ жизни этого огромного замка побудил итальянцев назвать главную квартиру Момбелльским двором. Действительно, это был блестящий

¹ 18 фрюктидора V года (по республиканскому календарю), т. е. 4 сентября 1797 г. — день государственного переворота в Париже, осуществленного большинством Директории в целях подавления заговора ген. Пишгерю и других лиц, связанных с эмигрантами и враждебными Франции державами. — Р е д.

² Жозефина Богарнэ — первая жена Наполеона. — Р е д.

двор. Переговоры о мире с императором, политические дела Германии, судьбы сардинского короля, Швейцарии, Венеции, Генуи решались там. Момбелльский двор совершил несколько поездок на оз. Лаго-Маджиоре, на Борромейские острова, на оз. Комо. Он останавливался там в различных дачных постройках, расположенных вокруг этих озер. Каждый город, каждый поселок хотел проявить себя и оказать внимание и уважение освободителю Италии. Дипломатический корпус был поражен всем, что видел.

Генерал Серюрье отвез Директории последние знамена, взятые у эрцгерцога Карла.

«Этот генерал,— писал Наполеон,— выказал в двух последних кампаниях столь же много воинского таланта, сколь и гражданской доблести. Его дивизия одержала победу у Мондови, сильно способствовала победе при Кастильоне и взяла Мантую. Она отличилась при переправах через Тальяменто и через Изонцо и особенно при взятии Градиска. Генерал Серюрье строг к самому себе и иногда так же строг к другим. Непреклонный ревнитель дисциплины, порядка и добродетелей, наиболее необходимых для поддержания общества, он презирует интриги. Это создает ему врагов среди людей, которые всегда обвиняют в отсутствии гражданского чувства тех, кто хочет, чтобы соблюдались законы. Я полагаю, что он очень пригоден для командования войсками Цизальпинской республики. Прошу возможно скорее вернуть его на вверенный ему пост».

Серюрье был отлично принят в Париже. Прямота его характера там всем понравилась. Он совершил поездку в департамент Эн, на свою родину. Он придерживался всегда очень умеренных взглядов в отношении принципов революции, но по возвращении из Франции Серюрье стал упорно и горячо ратовать за республику — настолько возмутили его распущенные нравы, которые ему пришлось наблюдать в Париже.

В момент прибытия французской армии в Венецию из этого города скрылся граф д'Антрег. Он был задержан в Бренте войсками дивизии Бернадотта и отослан в главную квартиру в Милан. Граф д'Антрег происходил из Виваре. Депутат от дворянства в Учредительном собрании, он был горячим патриотом в 1788 и 1789 гг., но с открытием собрания изменил своей партии, эмигрировал, был одним из главных агентов заграницы и превратился в заправского интригана. В Венеции он находился около двух лет под видом атташе английской миссии, но на самом деле был посланником контрреволюции и стоял во главе всех шпионских и мятежных заговоров против французской армии. Подозревали, что он играл важную роль в веронской резне. Генералы Бертье и Кларк произвели проверку всего найденного у него в портфеле, составили опись документов, сделали на них пометки и отослали все в Париж. В ответ французское правительство приказало, чтобы д'Антрег был доставлен

в военную комиссию для суда над ним по законам республики. Но тем временем он заинтересовал Наполеона, который виделся с ним несколько раз. Сознывая всю опасность своего положения, он постарался понравиться тому, от кого зависела его судьба, говорил с ним без утайки, раскрыл все тогдашние интриги и нанес своей партии даже больший ущерб, чем было необходимо. Он достиг своего и добился разрешения проживать в городе на честное слово, без охраны. Через некоторое время ему дали бежать в Швейцарию. На него так мало обращали внимания, что лишь через шесть—семь дней после его отъезда из Милана заметили, что он нарушил свое слово. Вскоре появилось нечто вроде памфлета, который им распространялся по всей Германии и Италии против своего благодетеля. Он описывал в нем ужасную камеру, в которую он будто бы был заключен, пытки, которым был подвергнут, отвагу, какую проявил, и опасности, каким подверглся, освобождаясь из заточения. В Милане он возбудил всеобщее негодование; там видели его везде в обществе, на прогулках, на спектаклях, пользующимся полной свободой. Несколько членов дипломатического корпуса разделили общественное негодование и опубликовали по этому поводу свои заявления.

II

Генуэзская республика участвовала в трех войнах за испанское, пармское и австрийское наследство. Ее маленькие армии шествовали рядом с армиями и французских и испанских королей. В 1747 г. генуэзцы прогнали из своего города австрийский гарнизон под командованием маркиза Ботта и затем выдержали долгую и упорную осаду армий Марии-Терезии. В продолжение всего XVIII столетия эта республика вела кровопролитную войну с корсиканцами. Национальная ненависть между жителями Ривьеры и пьемонтцами приводила к постоянным стычкам. У населения Генуэзской республики—столь слабой как по количеству населения, так и по размеру своей территории—такое стечение обстоятельств поддерживало запас энергии, который придавал ей совершенно иную устойчивость, чем Венецианской республике. Поэтому генуэзская аристократия устояла перед грозой; она оставалась свободной и независимой и не подчинилась ни государствам коалиции, ни Франции, ни народной партии. Она сохраняла во всей чистоте конституцию, данную ей Андреа Дориа в XVI веке.

Но провозглашение независимости республик Транспаданской и Циспаданской, отречение от власти венецианской аристократии и установление народного правительства во всех венецианских владениях, энтузиазм, внушаемый победами французов, настолько усилили преобладание народной партии, что

изменение конституции стало неизбежным. Франция полагала, что нельзя иметь никакого доверия к аристократии. Но было бы желательно, чтобы эта революция произошла без ее открытого вешательства, в результате развития и усиления общественного мнения. Посланник Франции в Генуе Фейпу был человек просвещенный, умеренных взглядов, но слабохарактерный. При существовавшем положении вещей это, впрочем, шло на пользу, поскольку он скорее сдерживал, чем подстрекал революционную партию. Наблюдатели событий ожидали, что дело решится в августе. Они не думали, что сопротивление аристократии сможет продолжаться дольше этого времени.

Но три государственных инквизитора или верховных цензора, лидеры олигархии и яростные враги Франции, смотрели с горечью на такое положение вещей. Будучи сами убеждены, что аристократия просуществует только несколько месяцев, если предоставить события их естественному ходу и не пытаться возобладать над ними, они нашли в фанатизме помощника, который отдал в их руки низшие цехи. Если бы им удалось привлечь на свою сторону угольщиков и носильщиков, то этого было бы достаточно, чтобы держать в страхе все остальные слои населения. С этой целью использовали исповедальни, амвоны, проповеди на улицах и перекрестках, чудеса, святое причастие и даже сорокачасовые молебствия, чтобы умолить бога отвратить от республики угрожающую ей бурю. Такое неосторожное поведение лишь навлекало удар молнии, которого хотели избежать.

У аптекаря Моранди несколько сот горячих людей, противников аристократии, создали клуб. Там вербовались сторонники революции, произносились речи, печатались воззвания, народ призывался восстать против дворянства и духовенства и высказывалось негодование против инквизиторов, обрабатывающих чернь. Эти люди называли себя патриотами и считали, что не следует больше медлить.

21 мая депутация от этого клуба отправилась к дожу для представления петиции от имени генуэзского народа с требованием свержения власти аристократии и провозглашения свободы. Одновременно патриоты вооружались для предупреждения мероприятий аристократии. В 10 часов утра они овладели главными воротами и в частности воротами Сан-Пьер д'Арена и портом. Встревожненные инквизиторы дали условный сигнал. Угольщики и носильщики под предводительством своих старост с криками «Viva Maria!»¹ двинулись к складам оружия и объявили себя сторонниками аристократии. В течение нескольких часов 25 000 человек оказались вооруженными и организованными для защиты дожа. Французский посланник, напуганный их проклятиями по адресу якобинцев и французов,

¹ «Да здравствует [святая] Мария!» (итал.). — Р е д.

отправился во дворец и пытался примирить эти крайние партии.

При виде приготовлений олигархии и большого числа ее защитников патриоты почувствовали свою слабость. Они рассчитывали на помощь буржуазии, которая могла склонить чашу весов на их сторону. Но буржуазия, напуганная неистовством угольщиков, не посмела шевельнуться и заперлась в своих домах. Патриоты, обманувшиеся, таким образом, в своих надеждах, не нашли другого средства спасения, кроме как надеть на себя французские кокарды, надеясь, что это внушит уважение олигархии, и тем едва не навлекли беду на жившие в Генуе французские семьи.

Повсюду взялись за оружие. Патриоты были разбиты и отброшены, однако в ночь с 23 на 24-е они удерживали еще ворота Сан-Пьер д'Арена, которые были ими потеряны на рассвете 24-го. Торжествующая олигархия приказала, чтобы все надели генуэзскую кокарду, и смотрела сквозь пальцы на разграбление домов французов. Несколько французов погибло, многие были брошены в тюрьмы. Если французскому посланнику Фейпу не было нанесено оскорблений, то только потому, что дож послал ему почетную охрану в 200 человек. Флотского интенданта Менара, человека сдержанного и совершенно непричастного к смутам, за волосы поволокли в форт Лаитери. Дом консула Лашеза был разграблен. Всем французам пришлось скрываться от оскорблений и кинжалов. Буржуазия была возмущена, но не осмеливалась ничего предпринимать из страха перед победителями.

Французский посланник Фейпу представил с 23 по 30 мая ряд нот по поводу этих событий, из которых ни одна не была принята во внимание дожем. При появлении адмирала Брюн с двумя кораблями и двумя фрегатами, возвращавшимися с Корсики, дож потребовал, чтобы эта эскадра не входила в порт, под предлогом, что ее присутствие раздражит чернь, которая прибегнет к эксцессам против французских семей. Фейпу имел слабость согласиться на это требование и послал Брюн приказ следовать в Тулон. Когда умеренные люди доказывали в сенате, насколько подобное поведение неблагоприятно, олигархи отвечали, что французы, занятые переговорами с Австрией, не осмелятся двинуть войска на Геную, а господствующее в Париже настроение противоположно демократическим идеям. Известно, что даже сам Наполеон не одобряет принципов клуба Моранди и дважды подумает, прежде чем подвергнется неодобрению правительства и партии Клиши, господствующей в Законодательном корпусе.

Но все эти ложные надежды рухнули. Как только Наполеон узнал о происшедшем, о том, что пролита французская кровь, что французские торговые дома охвачены унынием и притесняются, он отправил своего адъютанта Ла-Валетта к дожу и по-

требовал от него, чтобы все арестованные французы были немедленно переданы в распоряжение французского посланника, угольщики и носильщики обезоружены, а инквизиторы, руководившие убийствами французов, арестованы. В то же время он заявил, что «головы патрициев являются залогом за головы французов, а сама республика всеми своими складами и всем своим имуществом отвечает за их имущество». Одновременно он отправил приказ посланнику Фейпу, чтобы в случае невыполнения этих требований в течение 24 часов он покинул Геную и выехал в Тортону со всеми французами, которые пожелают следовать за ним.

Адъютант Ла-Валетт прибыл в Геную 29 мая, в 4 часа дня; в 6 часов он был введен в сенат, который, выслушав его речь и ознакомившись с письмом к дожу, обещал ответить в тот же вечер. Действительно, французы были тотчас же выпущены на свободу и доставлены в особняк посольства, среди большого скопления народа, выражавшего им свое сочувствие. Буржуазия и подлинный народ города, ободренные демаршем Наполеона, который заверил их в своем покровительстве, пробудились и громкими криками потребовали разоружения угольщиков и носильщиков. В тот же вечер было возвращено в арсенал более 4000 ружей, полученных при разоружении этих цехов, но в их руках оставалось еще 20 000 ружей. В сенате возникли страстные прения, но олигархия оказалась в меньшинстве. Дивизия французских войск находилась уже в Тортоне, и Генуя, осажденная с моря и суши, была бы быстро приведена к повиновению. Возможно даже, что было бы достаточно одного вида нескольких французских войсковых частей, чтобы побудить буржуазию и массы третьего сословия сбросить иго олигархии. Однако ответ сената был неудовлетворителен. Он был *pezzo termine*¹. Фейпу решил выехать. Ла-Валетт должен был остаться в Генуе, чтобы обеспечить безопасность остающихся французов. Но когда от посланника поступило требование на выдачу паспортов, дож собрал сенат, который один только имел право их выдавать. После непродолжительной дискуссии было решено подчиниться требованиям главнокомандующего и постановлено: 1) отправить в Момбелло депутацию в составе господ Камбиазо, Серра и Карбонари; 2) арестовать трех инквизиторов; 3) угольщиков и носильщиков разоружить. Это постановление побудило посланника Фейпу остаться на своем посту, что успокоило встревоженный народ. Угольщики и носильщики, действовавшие лишь по приказанию дожа и в действительности не имевшие никакой личной заинтересованности в этом деле, стали очень послушными, как только дож искренно решил подчиниться.

¹ Половинчатым (итал.) — Р е д.

5 июня делегаты сената подписали в Момбелло конвенцию, которая положила конец конституции Дориа и установила демократический строй¹.

Народ отпраздновал победу с живостью, свойственной духу партий и природе жителей юга. Он предался эксцессам: сжег Золотую книгу и разбил статую Дориа. Такое надругательство над памятью великого человека оскорбило Наполеона. Он потребовал от временного правительства, чтобы эта статуя была восстановлена. Однако крайние элементы взяли верх, и конституция отразила это. Духовенство было раздражено, дворянство ожесточено; они были отстранены от всех должностей. Конституция должна была поступить на утверждение народа 14 сентября 1797 г. Ее отпечатали и расклеили во всех общинах. Многие из деревенских кантонов заявили, что она для них неприемлема; повсюду духовенство и дворянство подстрекали крестьян к восстанию, и оно разразилось в долинах Польчевера и Бизаньо. Мятежники овладели фортами Эперон, Теналья и бастионом Лантерн, господствующим над портом. От генерала Дюфо, посланного в Геную для организации войск республики, численность которых возросла до 6000 человек, временное правительство потребовало выступить на его защиту. Он прогнал мятежников и вновь овладел крепостной оградой и фортами. 7 сентября спокойствие было восстановлено в обеих долинах и крестьяне разоружены.

Эти известия вызвали недовольство Наполеона. Он был тогда поглощен переговорами с Австрией и не мог уделять особого внимания генуэзским делам, но советовал щадить дворянство и удовлетворить духовенство. Он отложил обнародование² конституции, сделал в ней все изменения, которых просило духовенство и дворянство, и, очищенная таким образом от демагогического налета, конституция была введена в действие с общего одобрения. Наполеон любил Геную. Он хотел сам отправиться туда для умиротворения и объединения партий, но события, столь быстро следовавшие одно за другим, помешали этому. После Кампо-Формио, в момент отъезда из Италии, он написал из Милана 11 ноября 1797 г. генуэзскому правительству следующее письмо:

«Спешу ответить, граждане, на проявление доверия ко мне с вашей стороны... Вам нужно сократить административные расходы, дабы не пришлось переобременять налогами население... Недостаточно ничего не делать против религии, нужно еще не давать никакого повода для беспокойства самым щепетильным из верующих и не предоставлять никакого оружия людям злонамеренным. Отстранение всех дворян от общественных долж-

¹ Далее опущен текст конвенции. — Ред.

² Здесь в подлиннике, видимо, описка. Проект конституции был уже обнародован, и речь могла идти о том, чтобы отложить ее принятие. — Ред.

ностей было бы возмутительной несправедливостью, вы сделали бы то же, что делали они... Вопрос о порто-франко является яблоком раздора, брошенным в вашу среду... Город Генуя должен держать свой порт открытым в зависимости от воли Законодательного корпуса...

Почему лигурийский народ так быстро изменился? Его первые порывы к братству и восторженность сменились опасениями и страхом. Духовенство первое сплотилось вокруг дерева свободы. Оно первое сказало вам, что мораль евангелия является демократической. Но люди, подкупленные вашими врагами и непосредственные помощники тирании во всех революциях, воспользовались промахами, пусть даже преступлениями некоторых из духовных лиц, чтобы писать против религии, и духовенство удалилось! Начались массовые репрессии, и число ваших врагов возросло!.. Когда в государстве, особенно в небольшом государстве, усваивают привычку осуждать, не выслушивая оправданий, приветствовать речи рукоплесканиями, потому что они произнесены со страстью; когда называют добродетелью преувеличения и иступление, преступлениями — умеренность и справедливость,— тогда такое государство близко к гибели... Поверьте, что во всех местах, куда призовут меня долг и служба родине, для меня будут в числе самых дорогих те минуты, когда я смогу быть полезен вашей республике... Я с удовлетворением узнаю, что генуэзский народ единоклюбен и счастлив».

В Париже, в Совете Пятисот, обсуждалось тогда предложение Сийеса об изгнании из Франции всех дворян с возмещением стоимости их владений промышленными товарами. Советы, данные Наполеоном Генуэзской республике, казались адресованными Французской республике, которая ими воспользовалась; во всяком случае экстремистский и ужасный проект, который повсюду вносил тревогу и беспорядок, был отклонен. Больше о нем не было и речи.

Ни один из французских батальонов не перешел за Торто-ну. Генуэзская революция восторжествовала благодаря влиянию одного третьего сословия.

Если бы не проделки инквизиторов и клуба Моранди, она была бы проведена без нарушения порядка, без потрясений и без всякого, даже косвенного, вмешательства Франции.

III

Сардинский король находился в ложном положении. Болонский договор одновременно и существовал и не существовал¹. Директория не высказывалась ясно, но было очевидно, что она

¹ Далее опущен текст договора. — Р е д.

не хотела его ратифицировать. Наполеон же продолжал считать, что эта ратификация необходима. В Италии и так уже было достаточно поводов для раздора. Он считал ратификацию этого договора нужной для того, чтобы оказать давление на Австрию и ускорить переговоры. В случае их неудачи и войны он придавал большую важность присоединению к его армии прекрасной дивизии старых пьемонтских войск, цену которым он знал. Считая себя лично связанным статьями этого договора, он употреблял все средства, чтобы гарантировать внутреннее спокойствие во владениях короля. Но такое поведение подверглось сильной критике. Недовольных пьемонтцев с каждым днем становилось все больше и больше. Они прибегли к оружию, но революционеры были разгромлены. Подобное крайне щекотливое положение вызывало недовольство всех якобинцев Франции и Италии, и когда королевская партия восторжествовала, аресты и притеснения, к которым она прибегла, явились постоянным поводом для жалоб в главную квартиру.

Когда Директория в конце сентября подписала свой ультиматум по поводу переговоров в Кампо-Формио, она уведомила Наполеона, что настаивает на своем решении не ратифицировать договор о союзе с Сардинией. Министр иностранных дел, сообщая Наполеону о намерениях Директории, посоветовал ему переманить сардинских солдат при помощи итальянских вербовщиков и таким образом получить поддержку 10 000 человек пьемонтского контингента, без всяких обязательств перед туринским двором. Но кадровых солдат, составляющих всю силу войска, нельзя было переманить, притом подобная операция потребовала бы длительного времени, а речь шла о немедленном выступлении в поход. Подобное поведение Директории было одной из причин, побудивших Наполеона подписать мир в Кампо-Формио, не принимая во внимание ультиматум французского правительства от 29 сентября, включение которого в протокол привело бы, по его мнению, к разрыву. Однако Директория поняла, наконец, сколь важно усилить Итальянскую армию 10 000 человек пьемонтского контингента, она решила ратифицировать Туринский договор и 21-го октября направила его в Законодательный корпус. Но было уже поздно: 17-го в Кампо-Формио был подписан мирный договор с Австрией. Таким образом, после кампаний Наполеона в Италии сардинский король сохранил свой трон, но могущество его было ослаблено потерей Савойи и графства Ницца, а также крепостей, часть которых была разрушена, а другие отданы французам, державшим в них свои гарнизоны. Но зато он приобрел огромное преимущество в союзе с республикой, гарантировавшей неприкосновенность его владений. Однако этот государь был свободен от каких-либо иллюзий относительно своего положения. Он знал, что обязан сохранением своего трона одному Наполеону, знал, как мало было искренности в дружбе

к нему Директории, и не забывал, из-за каких политических соображений был принят этот союз. Он предчувствовал свое падение. Окруженный со всех сторон демократиями — французской, лигурийской и цизальпинской, он должен был еще бороться с мнением своего народа. Пьемонтцы громкими криками призывали революцию, и двор рассматривал уже Сардинию, как вероятное убежище.

IV

Сначала Римский двор точно соблюдал условия Толентинского договора, но, подпав потом под влияние кардиналов Буска и Альбани, стал снова набирать армию и имел неблагоприятное отношение к вызову Франции, призвав в главкомандующие генерала Провера. В то же время он отказался признать Цизальпинскую республику. Победы республики, угрозы французского посланника быстро заставили его прекратить эти тщетные проявления независимости. Провера прожил в Риме всего несколько дней и должен был возвратиться в Австрию. Цизальпинская республика, пользуясь счастливым случаем овладеть некоторыми провинциями святейшего престола, объявила войну Ватикану. Увидев, какая гроза собирается над ними, ослабленные и безрассудные старцы Римского двора пали на колени и дали цизальпинской директории все, чего она потребовала. Если в подобном поведении нельзя найти и следа той древней политики, которая так прославила Ватикан за последние столетия, то это объясняется тем, что римский режим обветшал. Светская власть папы не могла больше держаться; она шла к своему концу так же, как суверенитет князей церкви в империи¹.

V

Неаполитанский двор находился под руководством королевы, женщины умной, но понятия которой были столь же беспорядочны, сколь и страсти, владевшие ее сердцем. Договор, подписанный в Париже в октябре 1796 г., не изменил настроения этого правительства, не переставшего вооружаться и причинять беспокойство в течение всего 1797 г. Между тем никакой договор не мог быть для него более благоприятным². Когда Наполеон находился в Комарке, угрожая Риму, князь Пиньятелли-Бельмонте, неаполитанский посланник, следовавший за главной квартирой, передал ему при свидании с глазу на глаз

¹ Германский. — Р е д.

² Далее опущен текст договора. — Р е д.

письмо королевы с заявлением, что она готова двинуть 30 000 человек для защиты Рима «Благодарю вас за это откровенное признание,— отвечал ему главнокомандующий,— и могу вам ответить подобной же откровенностью». Он позвонил своему секретарю, распорядился принести досье Неаполя и вынул из него депешу, которая была им послана Директории в ноябре 1796 г., до взятия Мантуи. В депеше говорилось: «Затруднения, которые я испытываю с приближением Альвинци, не мешают отправке 6000 ломбардцев и болонцев для наказания Римского двора; но необходимо предвидеть, что неаполитанский король может двинуть 30 000 человек для защиты святейшего престола. Следовательно, я пойду на Рим только тогда, когда Мантуя сдастся и придут подкрепления, которые вы мне обещали, чтобы в случае, если Неаполитанский двор нарушит Парижский договор, я мог располагать 25 000 человек для овладения Неаполем и принуждения двора искать убежища в Сицилии». Специальный курьер, которого этот посланник отправил в ту же ночь, без сомнения, имел назначение уведомить королеву, каким образом был встречен ее намек.

Со времени Парижского мира неаполитанские послы при иностранных дворах стали вести себя более враждебно и нагло по отношению к французам, чем это было во время войны. Нередко эти послы позволяли себе говорить вслух, что мир будет непродолжителен, и т. д. Такое безумное поведение не мешало Неаполитанскому кабинету строить воздушные замки. Во время совещаний в Момбелло, в Удине и в Пассерьяно уполномоченный королевы пытался заполучить острова Корфу, Занте, Кефаллинию, Сент-Мор, округа Мачерета, Феррара, Анкона и герцогство Урбино; он зашел настолько далеко, что выразил желание обогатиться за счет наследства папы и Венецианской республики; все эти приобретения королева хотела сделать при содействии Франции, а особенно много ждала она от вмешательства Наполеона. Эти претензии были только забавны. Они являлись доказательством безрассудства и развращенности лиц, управлявших самым капризным и самым непоследовательным в Европе кабинетом, в то время как неаполитанская армия была самая худшая из армий Италии. Неаполитанский трон пережил Кампо-Формийский мир и мог бы существовать спокойно и счастливо среди бурь, потрясавших Европу и Италию, если бы он руководствовался более здоровой политикой.

VI

Пришлось уступить мольбам ломбардцев и установить для них республику под названием Транспаданская.

В нее входила вся Ломбардия, т. е. вся местность, расположенная на левом берегу По, от Минчио до Тичино.

Циспаданская республика протянулась по правому берегу По — от пармских владений, которые не вошли в ее состав, до Адриатического моря. Ее конституция была установлена декретом конгресса депутатов, избранных нацией, и передана на всенародное утверждение. Она собрала громадное большинство голосов и в конце апреля была введена в действие. Дворянство и духовенство сумели добиться избрания своих представителей на все должности. Буржуазия обвиняла их в отсутствии приверженности к новому порядку вещей. Недовольство было всеобщим. Наполеон почувствовал необходимость дать обоим республикам окончательное устройство.

Как только Момбелльская конвенция, содержащая основы окончательного мира и подписанная маркизом Галло, была отвергнута Венским кабинетом, Наполеон создал Цизальпинскую республику. Он решил образовать ее из двух республик — Циспаданской и Транспаданской. Это объединило бы под единой властью 3 или 4 миллиона жителей и придало бы государству большую силу, способную влиять на дальнейшие события. Переговоры с властями этих обеих республик, чтобы побудить их к добровольному объединению, и подробности устройства Цизальпинской республики составляли часть его работы во время пребывания в Момбелло. Власти Циспаданской республики упорно отказывались от объединения, противоречащего их областническим предубеждениям. Власти Реджио, Модены, Болоньи и Феррары с трудом подчинились необходимости объединения, во главе с единым правительством. Дух партикуляризма повсюду препятствовал объединению населения обоих берегов По. Вероятно, это не удалось бы произвести с их полного согласия, не возбудив надежды на то, что такое слияние — лишь прелюдия к объединению всех народов полуострова под властью одного правительства. Тайная склонность всех итальянцев к образованию единой и великой нации взяла верх над мелкими страстями местных властей. К этой общей причине присоединились еще два частных обстоятельства: Романья, уступленная папой по Толентинскому договору, объявила себя независимой под названием Эмилия и не пожелала присоединиться к Циспаданской республике из-за антипатии к Болонье. Однако народ Романьи воспринял с энтузиазмом мысль о вхождении в состав Цизальпинской республики и в многочисленных петициях просил об ее образовании. В то же время Венеция и материковые области, обеспокоенные тайной переговоров о предварительном мире, голосовали в народных собраниях за образование Итальянской республики. Этими двумя обстоятельствами устранялись все препятствия; дух партикуляризма склонился перед государственным разумом и частные интересы ступали перед общими. Общее соглашение об объединении было достигнуто.

Новая республика была названа Цизальпинской республикой. Милан объявлен ей столицей. Этим были недовольны в Париже, где хотели назвать ее Трансальпинской, но поскольку мечты итальянцев постоянно стремились к Риму и к объединению всего полуострова в одно государство, слово «цизальпинская» льстило этим стремлениям, и итальянцы хотели его держаться, не осмеливаясь принять наименование «Итальянская республика». По Кампо-Формийскому договору часть венецианских областей, расположенная на правом берегу Адидже, была присоединена к Цизальпинской республике, а после вхождения в ее состав еще и Вальтелины население ее достигло 3 600 000 душ. Эти провинции — самые прекрасные и богатые в Европе — составили 10 департаментов. Они простирались от Швейцарских гор до Тосканских и Римских Апеннин и от Тичино до Адриатического моря. Наполеону хотелось дать этой новой республике конституцию, отличную от французской. Он просил, чтобы в Милан прислали для этого выдающихся французских публицистов, вроде Сийеса; но эта мысль не понравилась Директории, которая потребовала, чтобы конституция Цизальпинской республики была составлена по образцу конституции Франции 1795 г. Первыми директорами сделались Сербеллони, Парадизи, Москати, Алессандри, Фенароли. Это были вожди французской партии в Италии. Первый из них являлся одним из самых знатных вельмож Ломбардии. 30 июня они были водворены в миланском дворце. Тогда же были провозглашены независимость Цизальпинской республики и отказ от права завоевания¹.

В миланском госпитале состоялось общее собрание национальной гвардии и представителей властей новой республики. 14 июля 30 000 национальных гвардейцев и депутатов от различных департаментов приняли присягу на верность братству между ними, поклялись приложить все усилия к возрождению свободы и итальянского отечества. Цизальпинская директория назначила министров и должностных лиц, установила размер вооруженных сил и управляла республикой как независимым государством. Ключи от Милана и других крепостей были возвращены французскими офицерами цизальпинским.

С этого момента нравы итальянцев начали изменяться; через несколько лет они превратились в совсем другую нацию. Ряса, бывшая в моде у молодых людей, была заменена военным мундиром. Вместо того, чтобы проводить жизнь у ног женщин, молодые итальянцы стали часто посещать манежи, стрелковые тир, учебные плацы. Дети не играли больше в богослужение, у них появились полки оловянных солдатиков, и они в своих играх подражали военным действиям. В прежних театральных комедиях и в уличных фарсах итальянца всегда

¹ Далее опущен текст изданной по этому поводу декларации. — Ред.

представляли как большого труса, хотя и остроумного, а рядом с ним всегда был некий грузный вояка, иногда француз, а всего чаще немец, очень сильный, очень смелый, очень грубый, заканчивающий сцену нанесением нескольких палочных ударов итальянцу под громкие аплодисменты зрителей. Народ больше не выносил подобных зрелищ; теперь авторы показывали на сцене, к радости зрителей, смелых итальянцев, которые, поддерживая свою честь и права, обращали в бегство иностранцев.

Национальное сознание сложилось. В Италии появились свои песни, одновременно и патриотические и воинственные. Женщины с презрением отвергали ухаживания мужчин, напускавших на себя, чтобы понравиться им, изнеженную томность.

VII

Вальтелина состоит из трех долин: собственно Вальтелина, Бормио и Киавенна. Ее население составляет 160 000 человек. Жители исповедуют римско-католическую религию и говорят по-итальянски. Географически она принадлежит к Италии. Она тянется по берегу Адды, до впадения ее в оз. Комо, и отделена от Германии главным хребтом Альп. Ее протяжение в длину 18 лье, в ширину 6 лье. Киавенна, ее главный город, расположена в двух лье от оз. Комо и в 14 — от Койре, от которого Бормио находится в 17 лье. В древности она составляла часть Миланской области. Барнабе Висконти, архиепископ и герцог миланский, отдал в 1404 г. эти три долины коирской церкви. В 1512 г. граубюнденские¹ общины получили от Сфорца верховную власть над Вальтелиной на основании договорных статей, гарантом которых должны были сделаться герцоги миланские. Таким образом, вальтелинцы оказались подданными граубюнденских общин, жители которых говорят преимущественно по-немецки, протестанты и отделены от них главным хребтом Альп.

Нет состояния более ужасного, чем подчинение одного народа другому. Подобным образом Нижний Валлис был подчинен Верхнему Валлису и область Во была в подданстве Берна. Долгое время несчастные вальтелинцы жаловались на притеснения, которым они подвергались, и на унижительное иго, которому они подчинены. Граубюнденцы, бедные и невежественные, наживались на них, более богатых и более цивилизованных. Последний крестьянин граубюнденских общин считал, что между ним и самым богатым жителем Вальтелины такое же расстояние, как между государем и его подданным. И, конечно, если бывает положение, которое делает законным восстание и требует перемен, то это относится как раз к положению страждущей Вальтелины.

¹ Граубюнден — один из кантонов Швейцарии. — Р е д.

В мае 1797 г. население трех долин подняло восстание, взялось за оружие, изгнало своих самозванных властителей, водрузило трехцветное итальянское знамя, назначило временное правительство и обратилось с воззванием ко всем державам, уведомляя их о своих обидах и о принятом ими решении отвоевать права, которых ни один народ не может быть лишен. Они послали делегатами в Момбелло Гюнтчиарди, Планта и Парибелли, людей достойных, с требованием восстановления договорных статей, нарушенных по всем пунктам граубюнденцами. Наполеон не хотел вмешиваться в вопросы, касающиеся Швейцарии и с этой точки зрения способные приобрести общее значение. Однако, когда ему представили документы из миланских архивов, относящиеся к этому делу, он увидел, что миланскому правительству предоставлено право гаранта; так как со своей стороны граубюнденские общины просили его покровительства, чтобы призвать вальтелинцев, их подданных, к порядку и заставить их вновь подчиниться,— он принял на себя посредничество и предложил обоим сторонам явиться к нему в июле на суд для защиты своих прав. В течение этого времени граубюнденские общины просили о вмешательстве и Гельветский¹ союз. Бартелими, французский посланник в Берне, энергично поддерживал их ходатайство. Наконец, после многочисленных происков обеих сторон, Наполеон, прежде чем принять окончательное решение, порекомендовал им стовориться полюбовно и предложил им, чтобы в порядке примирения Вальтелина образовала четвертую граубюнденскую лигу², во всем равную с тремя первоначальными. Это предложение глубоко оскорбило самолюбие граубюнденских крестьян. Как допустить, чтобы крестьянин, пьющий воду из Адды, был равен крестьянину, пьющему воду из Рейна? Они возмутились этим предложением еще и потому, что крестьяне-католики, говорящие по-итальянски, богатые и образованные, должны были сравняться с ними, крестьянами-протестантами, говорящими по-немецки, бедными и невежественными. Вожаки граубюнденцев не разделяли этих предубеждений, но были ослеплены своими интересами: Вальтелина была для них источником очень значительного дохода и больших богатств, с которыми они никак не могли решиться расстаться. Они интриговали в Париже, в Вене, в Берне. Им надавали обещаний, советовали выиграть время. Их упрекали за то, что они накликали на себя и приняли посредничество. Они отклонили путь примирения и не выслали делегатов к назначенному времени для обсуждения перед посредником вопроса о выполнении договорных статей и дискуссии с делегатами Вальтелины.

¹ Швейцарский. — Р е д.

Наполеон вынес заочно решение против граубюнденских общин. Как арбитр, избранный обеими сторонами, а равно как представитель миланского властителя — гаранта договорных статей Вальтелины, он вынес 19 вандемьера VI года (10 октября 1797 г.) свое постановление, составленное в следующих выражениях:

«Народы Вальтелины, Киавенны и Бормио восстали против законов граубюнденских общин и объявили себя независимыми в минувшем прериале. Правительство республики Граубюнден, после применения всех средств для приведения к повиновению своих подданных, прибегло к посредничеству Французской республики, в лице генерала Бонапарта, и направило к нему Гауденцио Пьянта в качестве делегата.

Так как народы Вальтелины со своей стороны также просили посредничества, то главнокомандующий собрал делегации обеих сторон в Момбелло 4 мессидора (22 июня) и после довольно продолжительного совещания принял на себя от имени Французской республики просимое посредничество. Он написал Граубюндену и Вальтелине, чтобы они выслали к нему поскорее делегатов.

Народы Вальтелины, Киавенны и Бормио пунктуально выслали требуемых делегатов.

Прошло несколько месяцев, а граубюнденское правительство все еще не прислало своих делегатов, несмотря на повторные настояния гражданина Комейраса, резидента республики в Койре.

6 фрюктидора (23 августа) главнокомандующий, видя анархию, в которую оказалась погруженной Вальтелина, распорядился написать граубюнденскому правительству уведомление о присылке делегации до 24 фрюктидора (10 сентября).

Наступило 19 вандемьера (10 октября), но граубюнденские делегаты не прибыли.

Они не только не прибыли, но не остается никаких сомнений в том, что, вопреки принятому ими посредничеству Французской республики, граубюнденские общины предрешили вопрос и что отказ от посылки делегатов является следствием интриг.

Вследствие этого главнокомандующий от имени Французской республики и приняв во внимание:

1) что прямотушие, лояльное поведение и доверие народов Вальтелины, Киавенны и Бормио в отношении Французской республики должны вызвать в этой республике чувство взаимности и готовность помочь им;

2) что Французская республика вследствие просьбы, заявленной граубюнденцами, стала посредником и как бы арбитром судьбы этих народов;

3) что нарушение граубюнденцами договорных статей, которые они должны были соблюдать относительно народов Вальтелины, Киавенны и Бормио, не подвергается сомнению и что последние, следовательно, вновь приобрели естественные права, данные природой всем народам;

4) что народ не может быть подданным другого народа без нарушения общественного и естественного права;

5) что жители Вальтелины, Киавенны и Бормио ясно высказались за присоединение к Цизальпинской республике;

6) что общность религии, языков, природных особенностей, путей сообщения и торговых интересов также допускает такое присоединение Вальтелины, Киавенны и Бормио к Цизальпинской республике, из состава которой эти три страны к тому же некогда были вырваны;

7) что после декрета общин, составляющих три лиги граубюнденского союза, решение, которое принял посредник о преобразовании Вальтелины в четвертую лигу, оказывается отвергнутым, и вследствие этого у Вальтелины не остается другого средства избавиться от тирании, как присоединение к Цизальпинской республике;

8) в силу полномочий, предоставленных Французской республике согласно просьбе Граубюндена и вальтелинцев о посредничестве, главнокомандующий постановил, что народы Вальтелины, Киавенны и Бормио имеют право присоединиться к Цизальпинской республике».

Вопрос оказался разрешенным. Радость и восторг охватили несчастных обитателей Вальтелины. Злоба и оскорбленное самолюбие заставили содрогнуться Граубюнден. Тотчас же после этого арбитражного решения Вальтелина и Цизальпинская республика вступили в переговоры и объединились. Граубюнденцы тогда поняли свою ошибку. Они написали Наполеону, что высылают делегатов для защиты своих прав перед ним, притворившись таким образом, будто они не знают того, что произошло. Он им ответил, что они опоздали, что его решение было уже вынесено, 10 октября Вальтелина уже объединилась с Цизальпинской республикой и этот вопрос разрешен раз навсегда.

Справедливость, оказанная этому маленькому народу, тронула и изумила все благородные сердца. Принципы, на которых было основано решение Наполеона, прогремели по всей Европе и нанесли смертельный удар узурпаторским действиям швейцарских кантонов, имевшим другие народы в качестве подданных. Казалось бы, этот пример должен был просветить бернскую аристократию и заставить ее почувствовать, что наступил момент для некоторых уступок духу времени, французскому влиянию и справедливости. Но предрассудки и самомнение никогда не прислушиваются к голосу разума, природы и религии. Олигархия уступает только силе. И поэтому лишь много лет

спустя обитатели Верхнего Валлиса согласились смотреть на обитателей Нижнего Валлиса как на равных себе и крестьяне области Во и Аргови принудили бернскую олигархию признать их права и независимость.

ГЛАВА XVII

МИР В КАМПО-ФОРМИО

I. Обмен ратификационными грамотами леобенских предварительных условий мира (24 мая 1797 г.). — II. Конференция в Момбелло. — III. Конференция в Удине до 18-го фрюктидора. — IV. Конференция в Пассарьяно. — V. Французское правительство после 18-го фрюктидора не хочет больше мира. — VI. Интересы Наполеона и его политика. — VII. Чрезмерные притязания императорских уполномоченных; угрозы; передвижения армий. — VIII. Подписание Кампо-Формийского мирного договора (17 октября). — IX. Генералы Дезэ и Гош. — X. Наполеон покидает Италию и отправляется в Париж через Раштадт.

I

Обмен ратификационными грамотами леобенских предварительных условий мира произошел 24 мая в Момбелло между Наполеоном и маркизом Галло. В первый раз возник вопрос этикета. Германские императоры не признавали за французскими королями права альтерната¹. Венский кабинет опасался, что республика не захочет признавать этого обычая и что по ее примеру другие державы Европы также откажутся считаться с этим признаком гегемонии, которой пользовалась Священно-Римская империя со времени Карла Великого. В первый момент упоения, испытанного австрийским уполномоченным в результате подчинения Франции обычному этикету, он отказался от мысли о конгрессе в Берне, согласился на сепаратные переговоры и на открытие конгресса в Раштадте для установления мира в империи лишь в июле месяце.

Через несколько дней переговоры привели к соглашению об окончательном договоре на следующих основаниях: 1) граница по Рейну для Франции; 2) Венеция и граница по Адидже для императора; 3) Мантуя и граница по Адидже для Цизальпинской республики. Маркиз Галло заявил, что с последним прибывшим курьером он получил полномочия для подписания мира на этих основаниях. С 6 мая Наполеон и генерал Кларк также были облечены необходимыми полномочиями. Эти условия являлись более благоприятными для Франции, чем смела надеяться Директория. Можно было, следовательно, считать мир обеспеченным.

Кларк был в момент революции капитаном Орлеанского драгунского полка. С 1789 г. он примкнул к орлеанистской партии. В 1795 г. был призван в Комитет общественного спасения

¹ Альтернат — право главы правительства или его уполномоченных первыми ставить свою подпись на международных договорах. — Р е д.

для руководства топографическим бюро. Особенно покровительствуемый Карно, он был избран Директорией в 1796 г. для предложения мира императору и отправился для этого в Милан. Действительной целью его миссии было отнюдь не открытие переговоров, а исполнение в главной квартире функций тайного агента Директории по наблюдению за главнокомандующим, победы которого начали тревожить Директорию. Кларк отсылал в Париж сведения о главных начальствующих лицах армии. Это возбудило ропот и навлекло на него неприятности. Наполеон, понимавший, что правительства нуждаются в осведомлении, предпочел, чтобы такое секретное поручение было доверено человеку известному, а не всяким второстепенным агентам, собирающим по кабакам и передним самые нелепые сведения. Он взял Кларка под свое покровительство и даже использовал его в различных переговорах с Сардинией и итальянскими государями. После 18 фрюктидора он горячо его защищал не только потому, что Кларк заслужил его уважение при выполнении им своей столь щекотливой миссии, но также и потому, что, по его мнению, собственное достоинство обязывало его оказывать покровительство каждому человеку, имевшему с ним ежедневные сношения и на которого он не имел определенного повода жаловаться. У Кларка совсем не было военных способностей. Это был человек кабинетный, аккуратный и надежный работник, большой враг всяких жуликов. Он происходил из одной из ирландских фамилий, сопровождавших Стюартов в изгнание. Чрезмерно возгордившись своим происхождением, он в эпоху империи навлек на себя насмешки за свои генеалогические изыскания, совсем не вязавшиеся с убеждениями, им исповедуемыми, с карьерой, какую он избрал, и с духом времени. Это был его недостаток. Но последний не помешал императору вручить Кларку портфель военного министра, как хорошему администратору, который должен был быть привязан к Наполеону за то, что тот осыпал его благами.

В эпоху империи он оказал важные услуги благодаря своей безукоризненной честности, и, вспоминая о нем, приходится пожалеть, что в конце своей карьеры он принимал участие в правительстве, которое Франция будет вечно упрекать за то, что оно заставило ее пройти через Кавдинское ущелье¹, распустило армию, составлявшую ее славу в течение 25 лет, и сдало удивленным противникам наши крепости, остававшиеся еще непобедженными.

Если бы в 1814 и 1815 гг. доверие короля не было отдано людям, дух которых был сломлен тяжелыми обстоятельствами, предателями своего отечества, которые видели спасение и славу трона своего господина только в подчинении игу Священного

¹ В Кавдинском ущелье в 321 г. до н. э. римская армия была разбита самнитами, которые заставили побежденных пройти под ярмом. — Р е д.

Союза; если бы в управление государством вступили такие люди, как герцог Ришелье, стремлением которого было освободить свою родину от присутствия чужеземных штыков, или как Шатобриан, только что оказавший в Генте выдающиеся услуги, Франция вышла бы из этих двух национальных кризисов могущественной и грозной. Шатобриан получил от природы священный огонь, об этом свидетельствуют его сочинения. Его стиль — это не стиль Расина, а стиль пророка. Он был единственным, который мог сказать безнаказанно с трибуны палаты пэров, что «серый сюртук и шляпа Наполеона, выставленные на шесте на брестском побережье, заставили бы Европу стать в ружье». Если Шатобриан когда-либо придет к власти, возможно, что и он собьется с пути, как и многие другие, нашедшие в ней свою гибель; но верно одно: все великое и национальное созвучно его гению, и он с негодованием отверг бы постыдные поступки тогдашней администрации.

II

Граф Мервельдт, новый австрийский уполномоченный, прибыл в Момбелло 19 июня. Венский кабинет дезавуировал маркиза Галло и настаивал на том, чтобы условия мира обсуждались только на Бернском конгрессе и в присутствии союзников Вены. Видимо, он изменил линию поведения. Вступил ли он в новую коалицию? Действовал ли он в расчете на русские войска? Было ли это одним из последствий заговора Пишегрю? Не питал ли он надежды на то, что гражданская война, раздирающая восточные департаменты, распространится по всей Франции и власть попадет в руки заговорщиков?

Австрийские уполномоченные ничего не могли ответить, когда Наполеон им указывал, что Англия и Россия никогда не согласятся на то, чтобы император возместил свои потери за счет древней Венеции, что требовать вести переговоры только вместе с этими государствами значит стремиться еще раз попытать счастья на войне. Министр Тугут прислал новые инструкции. Он отказался от Бернского конгресса и согласился на сепаратные переговоры. Конференция открылась в Удине 1 июля. Генерал Кларк один представлял там Францию. Наполеон заявил, что он станет присутствовать там только тогда, когда из протоколов будет видно, что австрийские представители искренно желают мира и имеют полномочие его подписать. Несколько дней спустя он покинул Момбелло и отправился в Милан. Там он пробыл июль и август. Австрийцы выжидали исхода кризиса, потрясавшего Францию: эти два месяца прошли в бесплодных переговорах. День 18 фрюктидора расстроил надежды Австрии. Граф Кобенцль спешно прибыл в Удине с полномочиями императора, полным доверием которого он

пользовался. Маркиз Галло, граф Мервельдт и барон Дегельманн принимали участие в совещаниях, но по сути дела только лишь для проформы.

III

Наполеон отправился в Пассарьяно. Кларк был отозван, и Наполеон оказался единственным уполномоченным со стороны Франции. 27 сентября начались переговоры с графом Кобенцлем. Совещания происходили попеременно то в Удине, то в Пассарьяно. Четыре австрийских уполномоченных размещались с одной стороны прямоугольного стола. Секретари конференции сидели по бокам его, а с другой стороны стола находился французский уполномоченный. Когда совещания происходили в Пассарьяно,— обедали у Наполеона. Когда они велись в Удине,— обедали у графа Кобенцля. Пассарьяно — прелестная дача, расположенная на левом берегу Тальяменто, в четырех лье от Удине и в трех лье от развалин Аквилеи.

На первом же заседании граф Кобенцль отказался от всего, о чем говорили его коллеги в течение четырех месяцев. Он выдвинул сумасбродные притязания. Приходилось начинать снова круг болтовни, которая велась уже с мая. Система, которой приходилось придерживаться с таким уполномоченным, была указана им самим: нужно было делать столько же шагов в сторону от золотой середины, сколько делал он сам.

Граф Кобенцль был родом из Брюсселя, очень любезный в обществе, изысканно вежливый, но в делах человек жесткий и тяжелый. Его аргументации недоставало определенности и точности; чувствуя этот недостаток, он думал восполнить его повышением голоса и повелительными жестами.

Маркиз Галло, неаполитанский посланник в Вене, был в одинаковой милости у неаполитанской королевы и императрицы. Он был по характеру вкрадчив и гибок, но прямодушен.

Граф Мервельдт, полковник уланского полка, был выдвинут министром Тугутом и пользовался его доверием.

Барон Дегельманн был кабинетный работник, прямодушный и благожелательный.

IV

С прибытием графа Кобенцля ход переговоров не позволял больше сомневаться в действительных намерениях Венского двора: он хотел мира. Он не заключил никаких новых соглашений ни с Россией, ни с Англией, и коль скоро австрийские представители убедились бы, что они могут заключить договор на основаниях, установленных в Момбелло, мир был бы подписан, если бы Директория не изменила своей политики. После

18 фрюктидора она стала переоценивать свои силы. Она считала возможным безнаказанно требовать от нации новых жертв. Она намекнула Наполеону, чтоб он прервал переговоры и начал военные действия, а в то же время вела с ним официальную переписку в духе инструкций 6 мая. Было ясно, что Директория желала войны, но всю ответственность за разрыв хотела возложить на человека, ведущего переговоры. Когда она почувствовала, что этот ход не удается, и особенно когда сочла свою власть укрепившейся, ею был послан ультиматум в депеше от 29 сентября. Наполеон получил его 6 октября в Пассарьяно. Франция не хотела больше уступать императору ни Венеции, ни линии Адидже. Это было равносильно объявлению войны.

У Наполеона были установившиеся взгляды на степень повинования, которое он должен был оказывать своему правительству в отношении военных действий. Он считал себя обязанным исполнять его приказания лишь постольку, поскольку они признавались им разумными и насколько успех казался возможным. Он полагал преступным приводить в исполнение вредный план и в подобном случае считал себя обязанным подать в отставку.

Именно так он поступил в 1796 г., когда Директория захотела отправить часть его армии в Неаполитанское королевство. У него не было столь же определенных взглядов в отношении степени повинования, которое он должен был проявить в качестве уполномоченного. Мог ли он отказаться от своей миссии в самый разгар переговоров или обречь их на неудачу исполнением инструкций, с которыми он был несогласен и которые равнялись объявлению войны? Но прежде всего он был в Пассарьяно главнокомандующим. Ему казалось нелепостью в качестве уполномоченного объявлять войну и в то же самое время подавать в отставку с поста главнокомандующего, чтобы не возобновлять военных действий во исполнение плана кампании, противоречащего его взглядам.

Министр иностранных дел вывел его из затруднения. В одной из своих депеш он сообщил ему, что Директория, посылая свой ультиматум, считала, что главнокомандующий будет иметь возможность заставить принять его силой оружия. Он долго размышлял над этим сообщением. Оно доказало ему, что в его руках судьба Франции: от решения, которое он изберет, зависело, быть войне или миру. Он решил придерживаться инструкций от 6 мая и подписать мир на основах, выработанных в Момбелло, которые были одобрены правительством до 18 фрюктидора.

V

Причинами, побудившими его к этому, были: 1) общий план кампании был порочен; 2) так как ультиматум был по-

лучен только 6 октября, то военные действия могли начаться лишь 15 ноября, когда французским войскам было бы трудно вступить в Германию, между тем как это время года было благоприятно для австрийцев в отношении сосредоточения значительных сил на равнинах Италии; 3) командование армией в Германии было вверено Ожеро, политические воззрения которого после событий 18 фрюктидора сделались экстремистскими; его штаб состоял большей частью из распропагандированных людей, опьяненных принципами 1793 года, и это являлось непреодолимым препятствием, делавшим невозможным достижение согласия, необходимого при операциях двух армий. Наполеону хотелось, чтобы командование Рейнской армией, за отсутствием Моро, было вверено Дезэ; 4) он требовал подкреплений в 12 000 человек пехоты и 4000 кавалерии, в которых ему отказали; у него же было только 50 000 бойцов, а он находился на 20 переходов ближе к Вене, чем рейнские армии, имея перед собой три четверти австрийских сил, прикрывавших Вену со стороны Италии, тогда как армиям Самбро-маасской и Рейнской противостоял только простой наблюдательный корпус; 5) Директория в своем ослеплении заявляла депешей от 29 сентября, что она отказывается ратифицировать договор от 5 апреля о наступательном и оборонительном союзе с сардинским королем. По этому договору король обязывался присоединить к Итальянской армии контингент в 8000 человек пехоты, 2000 кавалерии и 40 пушек. Отказ Директории поверг Турин в отчаяние; двор не мог более обманываться относительно задних мыслей французского правительства; ему нечего было больше заискивать перед ним, выходило так, что Итальянской армии придется ослабить себя на 10 000 человек для усиления гарнизонов Пьемонта и Ломбардии.

21 октября Директория сообщила, что по представлению главнокомандующего Итальянской армией она решила усилить его войска на 6000 человек, взятых из Германской армии, изменить план кампании согласно его желанию и ратифицировать договор о наступательном и оборонительном союзе с сардинским королем, передав его в Законодательный корпус в тот же день, 21 октября. Но Кампо-Формийский договор был подписан на три дня раньше составления этой депеши, а прибыла она в Пассарьяно только через 12 дней после подписания мира.

Может быть, если бы Директория приняла это решение 29 сентября, в момент отсылки ею своего последнего ультиматума, Наполеон и решился бы на войну в надежде освободить всю Италию до Изонцо, чего он желал больше, чем кто бы то ни было.

VI

В интересах Наполеона было заключить мир. Республиканцы громко выражали свою зависть. «Столько славы, — го-

ворили они, — несовместимо со свободой». Если бы он возобновил военные действия и французские армии заняли Вену, то Директория, упорно придерживаясь направления, взятого ею с 18 фрюктидора, захотела бы произвести революцию в империи, а это, несомненно, привело бы к новой войне с Пруссией, с Россией и с Германским союзом. Между тем республика управлялась плохо. Администрация была развращена; она не внушала никакого доверия и не пользовалась никаким уважением. Если бы переговоры были прерваны, ответственность за будущее легла бы на Наполеона. Если же он, напротив, дал бы своей стране мир, к его славе победителя и миротворца присоединилась бы слава основателя двух больших республик, потому что Бельгия, Рейнские департаменты, Савойя, графство Ницца могли законно перейти к Франции лишь по мирному договору с императором, и только этот договор мог реально обеспечить существование Цизальпинской республики. Увенчанный лаврами, с оливковой ветвью мира в руках, он вернулся бы спокойно в частную жизнь, достигнув славы, равной славе великих людей древнего мира. Первый акт его общественной жизни был бы завершен. Обстановка и интересы отечества определили бы дальнейшую его карьеру. Слава, любовь и уважение французского народа были средством для достижения всего. Франция хотела мира.

Борьба королей против республики была борьбой принципов. Гибеллины боролись против гвельфов¹. Олигархи, господствовавшие в Лондоне, в Вене и в С.-Петербурге, боролись против парижских республиканцев. Наполеон решил изменить такое положение вещей, всегда оставлявшее Францию в одиночестве, и бросить яблоко раздора в среду коалиции, изменить постановку вопроса, создать другие побуждения и другие интересы.

Венецианская республика была целиком аристократической. В ней были в высшей степени заинтересованы Сент-жемский и С.-Петербургский кабинеты. Захватив ее, Австрийский дом вызвал бы с их стороны величайшее недовольство и зависть. Венецианский сенат вел себя очень плохо в отношении Франции, но очень хорошо в отношении Австрии. Какое мнение составят себе другие народы о порядочности Венского кабинета, когда увидят, что он захватил без всякого повода владения своего союзника — самое древнее государство современной Европы, государство, основанное на принципах, совершенно противоположных демократии и французским идеям! Какой урок для Баварии и второразрядных государств! Император был бы вынужден отдать Франции крепость Майнц, он захватил бы земли германских государей, покровителем которых являлся, государей, чьи солдаты сражались в рядах его армии.

¹ Гибеллины и гвельфы — партии в средневековой Италии. — Р е д.

Это значило разыграть на глазах всей Европы сатиру на самодержавные правительства и европейские олигархии. Какое доказательство дряхлости европейских правительств, их вырождения и незаконности могло быть более убедительным?

Австрия была бы довольна, уступив Бельгию и Ломбардию, она получала за это эквивалент, если не по доходу и населению, то по крайней мере в отношении торговых и географических удобств. Венеция граничила со Штирией, Каринтией и Венгрией. Союз европейской олигархии оказался бы расстроенным. Франция воспользовалась бы этим, чтобы схватиться с Англией один на один в Ирландии, в Канаде, в Индии.

Партии, раздиравшие Венецию, перестали бы бороться между собой. Аристократия и демократия соединились бы против ига чужеземной нации. Можно было быть уверенным, что народ столь мягкого нрава никогда не будет иметь привязанности к германскому правительству, и нечего было бояться, что большой торговый город, морская держава, с вековой историей, искренне привяжется к монархии, чуждой морю и не имеющей колоний. Если же когда-либо настанет время для создания итальянской нации, то это не будет служить препятствием: годы, которые венецианцы проведут под игом австрийского дома, заставят их с энтузиазмом приветствовать национальное правительство, каким бы оно ни было в большей или в меньшей степени аристократическим, со столицей в Венеции или в другом месте. Венецианцы, ломбардцы, пьемонтцы, генуэзцы, пармезанцы, болонцы, бергамасцы, феррарцы, тосканцы, романцы, неаполитанцы, для того чтобы сделаться итальянцами, должны были предварительно разложиться на составные элементы. Им необходимо было переплавиться. В самом деле, 15 лет спустя, в 1812 г., австрийские владения в Италии, королевский трон Сардинии, герцогские троны Пармы, Модены и Тосканы и даже королевский престол Неаполя, олигархии Генуи и Венеции исчезли. Светская власть папы, все время бывшая причиной расчленения Италии, перестала служить препятствием. «Мне нужно, — говорил Наполеон в 1805 г. на лионском совещании, — двадцать лет, чтобы создать итальянскую нацию». Оказалось достаточным пятнадцати. Все было готово. Он ожидал только рождения сына, чтобы ввести его в Рим, короновать королем итальянцев, передать регентство принцу Евгению и провозгласить независимость полуострова от Альп до Ионического моря и от Средиземного до Адриатического.

VII

Венский двор, утомленный кровопролитной борьбой, которую он вел в течение многих лет, не придавал никакого значения Бельгии, которую не мог оборонять. Он был счастлив после

стольких поражений добиться возмещений за давно уже понесенные потери и установить с Французской республикой связи, которые обеспечили бы ему преимущества при урегулировании германских дел. Если, однако, и были согласованы основы договора, то далеко еще не было достигнуто соглашения о способах его осуществления. Граф Кобенцль хотел, по его словам, «границы по Адде или — ничего». Он опирался на статистические данные. «Вы хотите восстановить систему 1756 г.¹: нужно, следовательно, дать нам выгодный мир, независимо от событий войны. У обоих государств были дни славных побед. Обе наши армии должны уважать друг друга. Мир, невыгодный для одного из государств, всегда бывает лишь перемирием. Как же, соглашаясь с этим принципом, вы отказываете нам в полном и безусловном возмещении? Что является основами могущества? Население и доход. Что теряет император, мой повелитель? Бельгию и Ломбардию, две самые населенные, самые богатые провинции в мире. Бельгия имеет для вас двойную ценность, потому что с ней к вам переходит и Голландия и вы получаете возможность блокировать Англию от Балтийского моря до Гибралтарского пролива. Мы соглашаемся, к тому же, и на присоединение к республике Майнца, четырех рейнских департаментов, Савойи и графства Ницца. Чего мы требуем за уступку столь обширных территорий? Четырех миллионов итальянцев, плохих солдат, обитающих, правда, в довольно плодородной стране. Отсюда следует, что мы имеем право требовать границы по Адде».

Французский уполномоченный отвечал: «Избавить Австрийскую монархию от Бельгии — благодеяние для нее. Это владение было для нее невыгодным. Только Англия была заинтересована в том, чтобы Австрия обладала Бельгией. Если вы подсчитаете, во что обходилась вам эта провинция, то убедитесь, что она всегда приносила убыток вашей казне. Но, во всяком случае, она не представляет для вас никакой ценности, с тех пор как она прониклась идеями, изменившими строй Франции. Ваше желание добиться на границах Штирии, Каринтии и Венгрии возмещения, равного по доходу и населенности отторгнутой от вас Бельгии, является чрезмерным притязанием. К тому же, переступив через Адидже, вы себя ослабите, и ни у вас, ни у Цизальпийской республики не будет естественных границ».

Эти доказательства не совсем убедили австрийских уполномоченных. Они, однако, ограничили свои притязания линией Минчио. «Но, — сказал граф Кобенцль, — это наше последнее слово, наш ультиматум, потому что если император, мой повелитель, согласится передать вам ключи от Майнца, самой сильной крепости в мире, он опозорит себя, если не обменяет их на

¹ То есть систему, действовавшую в годы Семилетней войны (1756—1763), которую Австрия вела в союзе с Францией. — Р е д.

ключи от Мантуи». Так как все средства официальных переговоров, включая протоколы, ноты и ответные ноты, были исчерпаны, не приведя к удовлетворительному результату, прибегли к доверительным совещаниям. Но в конце концов ни та, ни другая сторона не уступили ни в чем. Армии двинулись в поход.

Французские войска, стоявшие по квартирам в Вероне, Падуе и Тревизо, переправились через Пьяве и расположились на правом берегу Изонцо. Австрийская армия стала на Драве и в Карниоле. По пути из Удине в Пассарьяно австрийские уполномоченные были вынуждены проехать через лагерь французских войск, оказывавших им все воинские почести. Совещания шли под барабанный бой. Граф Кобенцль оставался, однако, непреклонным, его экипаж был заложен, и он объявил о своем отъезде.

Восьмой раздел. Глава VIII

16 октября совещание состоялось в Удине у графа Кобенцля. Наполеон кратко перечислил, в форме декларации для занесения в протокол, действия своего правительства со дня подписания леобенских предварительных условий мира и в то же время повторил свой ультиматум. Австрийский уполномоченный странно возражал, доказывая, что возмещения, которые предлагает Франция императору, не достигают и четверти его потерь; что австрийское государство будет значительно ослаблено, в то время как французское государство настолько усилится, что независимость всей Европы окажется под угрозой; что, имея в своем обладании Мантую и линию Адидже, Франция фактически присоединит к себе всю Италию; что император исполнен незыблемой решимости скорее подвергнуться всем опасностям войны и даже бежать, если потребует, из своей столицы, чем согласиться на такой невыгодный мир; что Россия предлагает ему свои армии, они готовы спешно двинуться к нему на помощь, и французы увидят, каковы русские войска; что Наполеон явно подчиняет интересы уполномоченного интересам главнокомандующего и не хочет мира. Он добавил, что уезжает ночью и вся кровь, которая прольется в этой новой борьбе, падет на французского уполномоченного. Французский уполномоченный, сохраняя хладнокровие, но сильно задетый этим выпадом, встал и схватил с круглого столика поднос с маленьким чайным фарфоровым прибором, который граф Кобенцль особенно любил, как подарок императрицы Екатерины. «Хорошо, — сказал Наполеон, — перемирие, следовательно, прекращается и объявляется война! Но помните, что до конца осени я разобью вашу монархию так, как разбиваю этот фарфор!» Произнеся эти слова, он с размаху бросил прибор на пол. Осколки его покрыли паркет. Он поклонился

собравшимся и вышел. Австрийские уполномоченные были этим озадачены. Несколько секунд спустя они узнали, что, садясь в карету, Наполеон отправил к эрцгерцогу Карлу офицера с предупреждением, что переговоры прерваны и военные действия начнутся через 24 часа.

Граф Кобенцль в испуге послал маркиза Галло в Пассарьяно с подписанием им заявлением, что он принимает ультиматум Франции.

На другой день, в 5 часов вечера, мир был заключен. Договор поместили как подписанный в Кампо-Формио, небольшой деревне между Пассарьяно и Удине, нейтрализованной для этой цели секретарями делегаций. Сочли, однако, бесполезным выезжать туда, так как там не было ни одного подходящего дома для размещения уполномоченных.

По этому договору император признавал границами республики ее естественные пределы: Рейн, Альпы, Средиземное море, Пиренеи, океан. Он соглашался, чтобы Цизальпинская республика была образована из Ломбардии, герцогств Реджио, Модена, Мирандола, из трех легатств — Болонского, Феррарского и Романского, из Вальтелины и части венецианских владений на правом берегу Адидже — Бергамо, Брешиа, Кремона и Полезина. И он уступил Брисгау. Этим его наследственные земли удалялись от французских границ. Было условлено, чтобы важный плацдарм Майнц был передан французским войскам по военной конвенции, которая будет подписана в Раштадте, где встретятся французский уполномоченный и граф Кобенцль. Все государи, лишившиеся владений на левом берегу Рейна, должны были получить возмещение на правом берегу из земель, отбираемых путем секуляризации у владетельных князей церкви. Договор о европейском мире должен был обсуждаться в Раштадте. Люксембургский и Венский кабинеты будут действовать там заодно. Решение судебных прусских владений на левом берегу пока откладывалось, но император соглашался, что они будут уступлены республике по Раштадтскому договору, с предоставлением Австрии¹ равноценного возмещения в Германии. Корфу, Занте, Кефаллия, Сент-Мор, Чериго были уступлены Франции, которая, со своей стороны, согласилась на то, чтобы император получил венецианские области на левом берегу Адидже. Этим население его империи увеличилось больше чем на 2 миллиона человек.

По одной из статей договора поместья, которыми владел в Бельгии эрцгерцог Карл, как наследник эрцгерцогини Христины, были за ним сохранены. Именно в силу этой статьи император Наполеон впоследствии заплатил миллион за Лекенский замок, расположенный близ Брюсселя и составлявший до революции часть поместий эрцгерцогини. Другие поместья эрц-

¹ Здесь в подлиннике, видимо, описка. Вместо «Австрии» следует читать «Пруссия».

герцога в Нидерландах были приобретены герцогом Саксен-Тешенским. Подобное постановление было свидетельством уважения французского уполномоченного к полководцу, с которым он только что сражался и с которым у него были отношения, почетные для обоих.

IX

Во время пассальянских совещаний генерал Дезэ прибыл из Рейнской армии для осмотра полей сражения, которые были прославлены Итальянской армией. Наполеон принял его в своей главной квартире и, рассчитывая поразить его, сообщил ему о том, какой свет портфель д'Антрега бросает на поведение Пишегрю. «Мы знали уже давно, — сказал, улыбаясь, Дезэ, — что Пишегрю изменил. Моро нашел доказательство этому в бумагах Клинглина, так же как все подробности его подкупа и заранее условленные мотивы, направлявшие его боевые действия. Моро, Ренье и я только и знали эту тайну. Я хотел, чтобы Моро немедленно донес о ней правительству, но он этого не пожелал. Пишегрю является, может быть, единственным примером генерала, — добавил он, — умышленно допустившего себя разбить». Он намекал на маневр Пишегрю, нарочно направившего свои главные силы на верхний Рейн, чтобы провалить операции перед Майнцем. Дезэ посетил все лагерные стоянки. На всех он был встречен с большим уважением. Именно в эту пору зародилась его симпатия к Наполеону. Дезэ любил славу, Францию же превыше всего. Он был прямодушен, энергичен, виушал доверие, вникал во все, имел обширные познания; никто лучше его не изучил театра войны на верхнем Рейне, в Швабии и Баварии. Его смерть вызвала слезы у победителя при Маренго.

Генерал Гош, командующий Самбро-маасской армией, неожиданно скончался в это время в Майнце. Многие думали, что он был отравлен. Это мнение необоснованно. Этот молодой генерал отличился на виссембургских линиях в 1794 г. Он проявил талант в Вандее в 1795 и 1796 гг. и приобрел славу, мгновенно усмирив восстание. Человек пламенного патриотизма, пылкого характера, выдающейся храбрости, деятельного, ненасытного честолюбия, он неосторожно сам подставлял себя под удары. В день 18 фрюктидора, двинув свои войска на Париж, он нарушил конституцию и едва не сделался жертвой своего дерзания. Законодательные палаты возбудили против него следствие. Он предпринял попытку экспедиции в Ирландию. Никто не был более его способен осуществить ее удачно. При всяком случае он свидетельствовал свою привязанность к Наполеону. Его смерть и опала Моро оставили Самбро-маасскую и Рейнскую армии без командующих. Правительство свело обе эти армии в одну и отдало их под командование Ожеро.

Наполеон поочередно посылал своих главных генералов в Париж для доставки знамен. Это одновременно давало возможность правительству познакомиться с ними и привязать их к себе наградами. Кампо-Формийский договор он поручил доставить Бертье и, желая проявить уважение и внимание к науке, присоединил к нему Монжа, члена научной и художественной комиссии в Италии. Монж принадлежал к членам старой Академии наук. Главнокомандующему доставляли удовольствие чрезвычайно интересные беседы с этим великим геометром, первоклассным физиком и пламенным патриотом, искренним и правдивым. Любя Францию и народ, как свою семью, демократию и равенство, как выводы из геометрических построений, он был очень горяч, но что бы ни говорили о нем его враги, это был подлинно хороший человек. Во время нашествия пруссаков в 1792 г. он предложил выдать обеих своих дочерей замуж за первых добровольцев, которые лишатся руки или ноги при обороне родной земли. Это предложение было сделано искренне. Он последовал за Наполеоном в Египет. Впоследствии он был сенатором и всегда оставался верен Наполеону. Наука обязана ему превосходным трудом по начертательной геометрии.

Кампо-Формийский договор захватил врасплох Директорию, совсем его не ожидавшую. Он вызвал ее неудовольствие. Уверяют даже, что Директория думала некоторое время не ратифицировать его. Общественное мнение, однако, было за него, а выгоды, которые обеспечивались Франции этим миром, были слишком очевидны.

Тотчас же после подписания договора Наполеон возвратился в Милан, чтобы дать последние указания по организации Цизальпинской республики и сделать дополнительные административные распоряжения по армии. Ему предстояло отправиться в Раштадт, чтобы там закончить огромную работу по восстановлению мира на континенте. Он простился с итальянским народом в таких выражениях:

«Граждане, начиная с 1 фримера ваша конституция вступает в действие. Ваша директория, законодательный корпус, кассационный трибунал, все остальные подчиненные им учреждения к тому времени тоже будут организованы.

Вы являете в истории первый пример народа, делающегося свободным без партийной борьбы, без переворотов, без междоусобицы. Мы вам дали свободу. Сумейте ее сохранить.

Вы после Франции являетесь самой многочисленной, самой богатой республикой. Ваше положение призывает вас играть большую роль в делах Европы. Чтобы быть достойными своего предназначения, устанавливайте законы только разумные и умеренные. Приводите их в исполнение с силой и энергией. По-

кровительство распространению просвещения и уважайте религию. Составляйте ваши воинские части не из беспринципных людей, а из граждан, придерживающихся принципов республики и непосредственно заинтересованных в ее процветании.

Вы должны в целом проникнуться чувством своей силы и достоинства, присущего свободному человеку. Отделенные друг от друга и подавляемые тиранией в течение веков, вы сами не завоевали бы себе свободы. Но через несколько лет, даже предоставленные самим себе, вы станете такими, что ни у одного государства в мире не хватит сил отнять ее у вас. А до тех пор великая нация предохранит вас от нападения соседей. Ее политическая система объединится с вашей.

Если бы римский народ использовал свою силу так же, как французы, то римские орлы красовались бы еще на Капитолии и восемнадцать веков рабства и тирании не обесчестили бы род человеческий.

Я проделал для укрепления вашей свободы и с единственной целью обеспечить ваше счастье такую работу, которая до сих пор выполнялась только из честолюбия и властолюбия.

Я назначил много людей на служебные должности. Я мог порой забыть честного человека, отдав предпочтение интригану. Но предоставить вам самим произвести эти первые назначения было бы связано с большими неудобствами; вы еще не были организованы.

Я вас покидаю через несколько дней. Только приказы моего правительства или опасность, непосредственно угрожающая Цизальпинской республике, вернут меня к вам. Но куда бы ни призвала меня служба моему отечеству, я всегда буду проявлять горячую заботу о счастье и славе вашей республики.

Главная квартира. Милан. 22 брюмера VI года (12 ноября 1797 г.)».

Приказ по войскам в день его отъезда гласил:

«Солдаты, я завтра уезжаю и отправляюсь в Раштадт. Вдали от армии я буду тосковать о минуте, когда снова окажусь среди вас, отважно преодолевающих новые опасности. К какому бы делу ни были призваны правительством солдаты Итальянской армии, они всегда с достоинством будут поддерживать свободу и славу французского имени.

Солдаты, говоря о государях, которых вы победили, о народах, которых вы освободили, о битвах, которые вы выиграли в двух кампаниях, повторяйте себе: в двух кампаниях мы могли сделать еще больше!»

Наполеон отправился в Турин и остановился у французского посланника Женгеле (17 ноября). Сардинский король пожелал его видеть и засвидетельствовать ему публично свою признательность. Обстоятельства, однако, были уже таковы, что он не считал возможным участвовать в придворных церемониях и продолжал свой путь в Раштадт, перевалив через Мон-Сенис.

В Женеве он был принят, как будто во французском городе, с энтузиазмом, свойственным женевам. При его прибытии в область Во приветствовать его во главе жителей вышли три группы молодых и красивых девушек. Одна группа была одета в белое, другая — в красное, третья — в синее. Эти девушки поднесли ему венок, на котором была лента с надписью из знаменитого арбитражного решения, провозглашавшего свободу Вальтелины: «Ни один народ не может быть подданным другого народа».

Направляясь к Раштадту, он проехал через несколько швейцарских городов, в том числе через Берн, и переправился через Рейн в Базеле.

Прибыв в Раштадт, он нашел приготовленными для себя обширные апартаменты дворца. Трейяр и Боннье, которых Директория прикомандировала к нему для переговоров о мире с Германским союзом, прибыли на несколько дней раньше его. Старый граф Меттерних представлял на этом конгрессе императора как главу германской конфедерации. Граф Кобенцль представлял его же как главу австрийского дома. Образовались, таким образом, две делегации, противоположные как по своим интересам, так и по данным им инструкциям. Граф Лербах представлял на заседаниях собственно австрийские земли. Граф Меттерних играл чисто парадную роль. Кобенцль вершил дела.

После обмена ратификационными грамотами Кампо-Формийского договора уполномоченные подписали, во исполнение этого договора, конвенцию о передаче Майнца: 1) австрийские войска выходят из Майнца, и там остаются только войска курфюрста; в тот же час в него входят французские войска и вступают во владение им; 2) французы покидают Венецию и Пальманову, оставив там лишь венецианские войска, и австрийцы занимают эти города, так же как и всю страну. Представитель Майнца Альбини энергично протестовал. Все германские государи подняли крик: Майнц, говорили они, не принадлежит Австрии. Они обвинили императора в том, что он предал Германию ради своих интересов в Италии. Графу Лербаху, как делегату собственно австрийских земель, было поручено ответить на все эти протесты, что он и сделал с присущей ему силою, агрессивностью и иронией.

Швеция пожелала присутствовать в Раштадте как посредница и как один из гарантов Вестфальского договора. Россия со времени Тешенского договора предъявляла такие же притязания, но она находилась в данный момент в войне с Францией. Со времени Вестфальского мира положение Европы сильно изменилось: Швеция в то время оказывала большое влияние на Германию, она стояла во главе протестантской партии и пребывала во всем блеске побед великого Густава; Россия еще не была европейской державой, а Пруссия едва

существовала. Развитие этих двух держав низвело с тех пор Швецию в разряд третьестепенного государства; ее притязания, следовательно, были совсем не ко времени. Этот двор имел к тому же безрассудство сделать своим представителем в Раштадте барона Ферзена. Милости, которыми он пользовался при Версальском дворе, его интриги во времена Учредительного собрания и ненависть, которую он не переставал выражать к Франции по всякому поводу, делали его настолько малопригодным для подобного назначения, что его выбор мог быть истолкован только как оскорбление республики. Когда он по этикету пожаловал с визитом к французскому уполномоченному, то представился как посол Швеции и посредник на конгрессе. Наполеон заявил ему, что он не признает никаких посредников и притом прежние воззрения Ферзена не позволяют ему быть посредником между республикой и императором Германии и что он не может больше принимать его. Барон Ферзен был так этим смущен, а оказанный ему прием наделал столько шума, что на другой же день Ферзен оставил Раштадт.

Немедленно после передачи Майнца французским войскам Наполеон вызвал на совещание Трейяра и Боннье и, доказав им, что инструкции Директории оказались недостаточными, заявил о своем нежелании оставаться далее на конгрессе и о своем отъезде. Дела в Раштадте оказались более сложными, чем в Кампо-Формио. Следовало разрубить узел, чтобы покончить с ним.

Директория не знала, что предпринять. Кроме Трейяра и Боннье, она назначила еще новых уполномоченных. Наполеон, давно уже недовольный внешней политикой правительства, решил не вмешиваться больше в переговоры, которые неизбежно должны были плохо кончиться. Внутреннее состояние Франции предвещало к тому же близкое торжество демагогов, а мотивы, которые побудили его уклониться от приема при сардинском дворе, заставили его теперь избегать проявлений восхищения, которое расточали ему германские государи. Он счел полезным закончить первый акт своей политической жизни миром в Кампо-Формио, отправиться в Париж и жить там, как частное лицо, до тех пор, пока обстоятельства это позволяют.

Во время своего короткого пребывания в Раштадте он старался окружить французских уполномоченных, на которых до того времени почти не обращали внимания, уважением и почетом, на которые представители великого народа имели право со стороны иностранных уполномоченных и толпы мелких германских владетелей, осаждавших конгресс. Он добился от правительства отпуска значительных сумм в распоряжение уполномоченных, чтобы они были в состоянии поддерживать достоинство своего сана. Содержание, назначенное им, было недостаточно, и это дурно отражалось на престиже республики.

ЗАМЕЧАНИЯ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ КАМПАНИИ 1796 И 1797 гг. В ИТАЛИИ

I. О фельдмаршале Болье. — II. О действиях Наполеона против фельдмаршала Болье. — III. О фельдмаршале Вурмзере. — IV. О действиях Наполеона против фельдмаршала Вурмзера. — V. О фельдмаршале Альвинци. — VI. О действиях Наполеона против фельдмаршала Альвинци. — VII. О походе против армии святейшего престола. — VIII. Об эрцгерцоге Карле. — IX. О действиях Наполеона против эрцгерцога Карла.

I

Первое замечание. 1. Армия, расположенная на позициях по главному хребту Приморских Альп, опираясь своим левым флангом на Аржантьерский перевал, а правым — на Тендский перевал, прикрывает все графство Ниццу. Она удалена на 15—18 лье от моря, то есть на три—четыре дневных перехода. Позади нее имеется большое число хороших позиций, где армия может сосредоточиться и задержать движение противника. Это даст время для отступления по желанию на Геную или на Вар. Театр военных действий здесь достаточно глубок для успешной его обороны.

Армия, расположенная на главном хребте Апеннин, от Танарелло до Сен-Бернара (Танарского), прикрывает часть Западной Ривьеры. Она занимает позиции, удаленные от моря на два дневных перехода. Позади армии лежат Монте-Гранде, Сан-Бартоломео, Рокка-Барбона. Небольшая речка Арозия, протекающая через Пиеве и Альбенга, является хорошим рубежом для обороны. Эта армия, следовательно, может также защищать местность, прикрывать Онелья и отступать по желанию или на Геную или на Ниццу. Но армия, занимающая главный хребет Апеннин от Бардинетто до Бокетта, а именно: высоты Сан-Джиакомо, Кадибона, Монтеледжино, Стелла, Монте-Файоле, прикроет, очевидно, другую часть Западной Ривьеры, до Генуи; но так как эта армия будет удалена от моря только от 2 до 5 лье, она может быть отрезана в течение одного дня и лишена возможности собрать свои силы и отступить. Этот район военных действий опасен, потому что не имеет достаточной глубины.

2. Если бы генерал Болье продумал эти топографические особенности местности, он не двинулся бы на Вольтри для при-

крытия Генуи, а направился бы на Акви и на Кайро. Оттуда он вышел бы одновременно тремя сильными колоннами по 15 000 человек: левой колонной через Монтенотте, Монтеледжино и Савону, центральной — на Кадибону и Вадо и правой — на Мадонна-делла-Неве, Сан-Джиакомо и Финале. У него еще сохранился бы резерв, готовый поддержать каждую из этих трех атакующих колонн. Французской армии пришлось бы вскоре отойти от Вольтри и Генуи для обороны этих трех важных позиций. Австрийский главнокомандующий вступил бы в борьбу на местности, в высшей степени выгодной для него, потому что он мог с первого же дня отрезать французскую армию, прижать ее к морю и уничтожить.

3. После сражения у Монтенотте австрийцы собрались на дороге в Монферрато. Они не могли поступить иначе, потому что большинство их сил находилось у Вольтри и Сасселло да еще было разбросано на левом фланге. Но пьемонтская армия под командованием генерала Колли, вместо того чтобы направиться на Миллезимо, должна была бы опереться на Дега и образовать левый фланг Болье. Мысль, что для прикрытия Турина следует оседлать дорогу, ведущую в этот город, была ошибочной: войска, сосредоточенные в Дега, прикрывали бы и Милан, потому что оседлали бы большую дорогу на Монферрато. Они прикрывали бы и Турин, потому что находились бы сбоку от шоссе, ведущего в этот город. Если бы Болье имел в своем распоряжении пять или шесть дней для сосредоточения своего левого фланга, он должен был бы двинуться на Чева для присоединения к пьемонтской армии, потому что союзникам было более выгодно держаться ближе к операционной линии французской армии. Нечего было бояться, что французы войдут в Монферрато, пока войска противника находились бы у Чева. Объединив свои силы, обе армии союзников численно превосходили бы еще французскую армию. Разделившись, они были обречены на гибель.

4. Дега и Миллезимо были слишком близки от Монтенотте для того, чтобы обе армии, австрийская и пьемонтская, могли там безопасно соединиться. Болье должен был сосредоточить свою армию перед Акви, а Колли, поскольку они хотели разделиться, — на высотах Монтечемоло. Этим они избегли бы сражения у Миллезимо и боя у Дега. Дивизии той и другой армий успели бы прибыть к этим двум сборным пунктам прежде, чем французы смогли бы их там атаковать.

Если вы отброшены от первоначальной позиции, следует собирать свои колонны в достаточном от нее расстоянии, чтобы противник не мог их упредить. Ибо самым опасным положением является то, когда колонны атакуются отдельно одна от другой, до их сосредоточения.

5. Генерал Болье для обороны переправ через По занял позицию на левом берегу этой реки, около Валеджио. Подобная операция не может достигнуть цели при столкновении с подвижной армией. Нужно было стать по обоим берегам По, перебросив два моста на высоте Страделлы и прикрыв их сильными предмостными укреплениями. Только этим можно было помешать французской армии спуститься вниз по правому берегу, и последняя была бы вынуждена переправиться через По выше Страделлы. Это дало бы австрийскому главнокомандующему важное преимущество, так как обеспечило бы его оборону двумя преградами — По и Тичино.

6. Генерал Болье захотел оборонять Минчио кордоном. Такая система является наихудшей при обороне. Ему следовало занять Серральо всей своей армией. Он мог там пробыть 70 дней, не боясь эпидемий, так как стоял еще май. В Мантуе он оставил гарнизон из 13 000 человек, на Минчио у него было 26 000 человек, следовательно, он смог бы сосредоточить армию в 40 000 человек, то есть численно превосходившую французскую, на такой мощной позиции, как Серральо. Он сохранил бы свои коммуникации с Моденой и Нижней Италией и мог бы ввезти большое количество припасов в Мантую. Если бы французскому главнокомандующему удалось форсировать этот укрепленный лагерь, ему было бы нелегко обложить армию, занявшую большими силами Сен-Жорж, Черча, Пиетале и Праделла. Поступая таким образом, Болье не нарушил бы нейтралитета Венеции. Император потребовал и добился бы, чтобы венецианский сенат сохранил свой нейтралитет, и это дало бы Австрии большое преимущество.

7. Взамен принятия этого решения фельдмаршал Болье мог после переправы через Олио двинуться на высоты Гавардо и занять позицию Сант-Озетто, имея правый фланг на Кизе и левый на оз. Гарда. Французская армия была бы вынуждена занять позицию напротив него, впереди Брешиа. Ей не удалось бы пройти дальше линии Минчио в течение всего времени, пока австрийская армия занимала бы эту позицию или какую-либо другую между озерами Идро и Гарда.

8. Так как австрийский главнокомандующий не мог дать сражения при том плохом моральном состоянии, в котором находилась его армия, ему не следовало возлагать надежд на слабое прикрытие, даваемое ему Минчио. Разбрасывая свою армию вдоль этой реки, он ослаблял себя. Он был бы сильнее, если бы занял прочную позицию на холмах между оз. Гарда и Адидже, перед Риволийским плато, и прикрыл ее ретраншаментами. Болье смог бы потребовать тогда, чтобы венецианцы крупными силами заняли крепость Пескиеру и отказались пустить туда французскую армию, так же как они отказались бы впустить австрийскую. Верона, крепость с гарнизоном из 3000 словенцев, также отказалась бы впустить французов, по-

сколько она могла не впускать и имперцев¹. Австрийский главнокомандующий пожертвовал этими великими преимуществами ради усиления своего кордона на Минчио. Он сам нарушил нейтралитет Венеции, заняв Пескиеру.

II

Второе замечание. 1. Когда французская армия направилась на Чева для атаки пьемонтской армии, дивизия Лагарпа была оставлена для наблюдения за лагерем Акви, где Болье собирал всю австрийскую армию. Казалось бы, естественной позицией этой обсервационной части должны были быть берега Бормиды, перед Дего, что дало бы возможность прикрывать операционную линию на Савонну. Необходимо отметить, что если Наполеон предпочел позицию на Бельбо, перед Сан-Бенедетто, в двух переходах влево от Дего, оставив савонское шоссе открытым, то это потому, что его целью было держать свою армию сосредоточенной, дабы Болье не мог вклиниться между его дивизиями и изолировать их. Лагерь Сан-Бенедетто прикрывал армию, двигавшуюся на Чеву. Если бы Болье направился на Дего, корпус, расположенный в Сан-Бенедетто, атаковал бы его во фланг и в тыл, к тому же сообщение с Гарессо и Ормеа было открыто. Выбор Сан-Бенедеттского лагеря для расположения на нем обсервационного корпуса заслуживает размышления.

2. Дивизии Серюрье и Массена пошли на Мондови. Сил у них было достаточно. Так как в это же время Болье выделил отряд из Акви на Ницца-делла-Палья, то дивизия Ожеро получила приказание двинуться на поддержку Сан-Бенедеттского лагеря. После же сражения у Мондови она направилась на Альба, выслав авангард на Ницца-делла-Палья.

3. Говорили, что Наполеону следовало переправиться через По не в Пьяченце, а в Кремоне; это неверно. Предпринятая им операция и так была достаточно смелой, потому что, двигаясь вдоль По от Алессандрини, французы подставляли свой фланг под удары австрийской армии на протяжении 20 лье. Если бы это движение было продолжено еще на 7 лье, то угроза флангу соответственно увеличилась бы. Болье, прибыв в Фомбио, переправился бы через По в Пьяченцу и обрушился бы на двигавшиеся колонны. К тому же Пьяченца расположена на правом берегу, и этот город обладал средствами для устройства переправы через реку. Кремона лежит на левом берегу, и даже небольшого количества находившихся там австрийцев оказалось бы достаточно, чтобы задержать переправу.

4. Говорят, что если бы французская армия после сражения у Лоди двинулась к Мантуе, она нашла бы эту крепость без

¹ Австрийцев. — Р е д.

продовольствия и без вооружения и могла бы ею овладеть. Подобное предположение очень рискованно. Армия в несколько дней завоевала всю Ломбардию. Ей необходимо было задержаться там для осуществления блокады цитаделей, для занятия важнейших пунктов и организации управления. То, что французы сделали при этих обстоятельствах, является максимумом быстроты и активности; желать чего-то сверх этого — значит требовать невозможного. В течение шести дней, проведенных французской армией в Ломбардии, она удвоила свои возможности, увеличив материальную часть артиллерии, набрав свежих лошадей в кавалерию и подтянув из тылов солдат, оставших в результате форсированных маршей.

5. Восстание в Павии могло иметь большие последствия; энергия и сила, с которыми были применены репрессивные меры, поджог Бинаско, разграбление нескольких домов в Павии, 400 заложников, взятых по всей Ломбардии и отправленных во Францию, прекрасная роль умиротворителей, которую Наполеон поручил епископам и духовенству, — все это достойно похвалы и заслуживает подражания. С тех пор спокойствие этой прекрасной страны более не нарушалось.

Доверив функции полиции городской и сельской страже и должностным лицам из местного населения, он навел порядок в стране, сэконоимил силы своей армии и приобрел вспомогательные отряды.

6. Сражение у Боргетто было дано 30 мая 1796 г.; атака Вурмзера произошла 1 августа. В этот шестидневный промежуток времени армия переправилась через По, захватила легатства Феррарское и Болонское, форт Урбино, феррарскую цитадель, Ливорно и разоружила эти провинции. Войска возвратились на Адидже, прежде чем Вурмзер был в состоянии начать свою операцию. Значит, время было использовано хорошо. Сила армии, как количество движения в механике, равняется массе, умноженной на скорость. Этот марш не только не ослабил армию, но увеличил ее материально и морально и умножил средства достижения победы.

7. Если бы Наполеон выполнил приказ правительства о движении на Рим и Неаполь с 20 000 человек и об оставлении другой части армии у Мантуи под начальством Келлермана, то Италия и армия были бы потеряны. Без сомнения, сделав это, он только подчинился бы приказу высшей власти, но тем не менее был бы виноват и сам.

Главкомандующий не может прикрываться приказанием министра или государя, удаленного от театра военных действий и мало знающего или вовсе не знающего положения дел в данный момент. 1) Каждый главнокомандующий, приступивший к выполнению плана, который он находит дурным и гибельным, является преступником. Он должен делать представления, настаивать, чтоб план изменили, и в конце концов подать

в отставку, но не стать причиной гибели своих войск. 2) Каждый главнокомандующий, который вследствие приказа свыше даст бой, будучи убежден, что он будет проигран, также является преступником. 3. Главнокомандующий является первым начальником в военной иерархии. Министр и государь дают инструкции, с духом и смыслом которых он должен образоваться, но эти инструкции совсем не являются боевыми приказами и не требуют пассивного повиновения. 4) Даже боевой приказ требует пассивного повиновения только тогда, когда он дан старшим начальником, который находится на месте, знает положение вещей, может выслушивать возражения и давать разъяснения тому, кто должен исполнить приказ.

Турвиль с 40 кораблями атаковал 80 английских кораблей. Французский флот погиб. Приказ Людовика XIV его не оправдывает. Приказ короля не был боевым приказом, требующим пассивного повиновения, — это была инструкция. Подразумевалась оговорка: если будут по меньшей мере равные шансы на успех. В этом случае ответственность была бы снята с адмирала наличием приказа государя. Но следовать букве приказа, зная заранее, что предстоит поражение, означало только, что исполнители не поняли духа приказа. Если бы, представ перед Людовиком XIV, адмирал сказал ему: «Государь, если бы я атаковал англичан, вся ваша эскадра погибла бы; поэтому я ввел ее в такой-то порт», — король только поблагодарил бы его, а фактически королевский приказ был бы выполнен.

Оправдывают поведение герцога Орлеанского перед Туринном в 1706 г. Историки сняли с него всякую вину. Герцог Орлеанский, принц крови, был потом регентом, нрав имел обходительный, писатели к нему благоволили, тогда как Маршен, оставшийся мертвым на поле сражения, не мог себя защитить. Известно, однако же, что он протестовал, умирая, против принятого решения оставаться на линии. Но кто был главнокомандующим французской армии в Италии? Герцог Орлеанский. Маршен, Фельяд, Альберготти были его подчиненными. От него зависело, запросить или нет мнение военного совета. Он на нем председательствовал. От него зависело, согласиться или нет с решением военного совета. Герцогу не мешали командовать. Никто не отказывал ему в повиновении. 1) Если бы он отдал армии приказ выступить со своих линий; 2) если бы он приказал левому флангу переправиться через р. Дора для усиления правого фланга; 3) если бы он точно приказал Альберготти переправиться через По, а генералы отказались выполнить приказ под предлогом, что они не обязаны ему повиноваться, все было бы хорошо и герцог был бы оправдан. Указывают, однако, что Альберготти не исполнил приказа, которое он получил о выделении отряда на правый берег По. Он позволил себе возражать. Но это случается сплошь и рядом и не является актом неповиновения. Если бы герцог

послал определенный приказ, если бы он прискакал галопом в лагерь, поднял солдат и скомандовал: «Голова колонны налево!» — ему бы повиновались. 4) После поражения армия должна была отступить на Асти, чтобы прикрыть Ломбардию и соединиться с армией Медави, одержавшей в тот же день победу у Кастильоне. Принц-главнокомандующий изменил решение и отступил на Пиньероль, потому что считал дорогу в Ломбардию отрезанной. Если верен ходивший тогда анекдот, что герцог Орлеанский был главнокомандующим только по имени и у Маршена имелся тайный приказ короля, дававший ему право командования, то герцог Орлеанский, согласившись на подобную роль в возрасте тридцати двух лет, совершил поступок, противоречащий чести, достойный презрения, позорный для самого последнего дворянина. Окажись французы победителями, кто заслужил бы славу? Граф Маршен был снабжен письмом короля к герцогу с советом, чтобы этот молодой принц отдавал предпочтение мнению Маршена, — вот и все. Герцог Орлеанский признавался главнокомандующим генералами, офицерами и солдатами. Никто не отказывался и не отказался бы ему повиноваться, и он был ответственен за все, что произошло.

Генерал Журдан говорит в своих мемуарах, что правительство наемкнуло ему на желательность дать сражение у Штокаха. Он, таким образом, пытался оправдать печальный исход этого дела; но с таким оправданием нельзя согласиться, даже если бы он получил определенный и формальный приказ, как мы это доказали. Когда он решился дать сражение, он считал, что имеются шансы на выигрыш, но ошибся.

Но не может ли случиться, что министр или государь выразит свое намерение настолько ясно, что будет невозможно подразумевать наличие каких-либо оговорок, что он скажет главнокомандующему: «Вступайте в сражение. Судя по численности и качеству войск противника и позициям, какие он занимает, вы будете разбиты, но безразлично, — такова моя воля». Следует ли пассивно исполнять подобный приказ? Нет. Если главнокомандующий признает полезность и одновременно моральную ценность такого странного приказа, он должен его исполнить; но если он этого за ним не признает, то и не должен ему повиноваться.

Подобные вещи между тем часто случаются на войне: батальон оставляется на месте в трудном положении, чтобы спасти армию, но командир этого батальона получает точный приказ своего начальника, находящегося в данный момент на месте. Этот начальник отвечает на все возражения, если они разумны. Тут налицо боевой приказ, данный присутствующим на месте начальником, и такому приказу надлежит слепо повиноваться. Ну, а если министр или государь находятся при армии? Тогда, если они принимают на себя командование, то

сами становятся главнокомандующими. Главнокомандующий же становится тогда подчиненным дивизионным генералом, не больше.

Из этого не следует, что главнокомандующий не должен подчиняться министру, приказывающему ему дать сражение; он должен, наоборот, исполнять такой приказ всякий раз, когда, по его мнению, имеется равенство шансов и равенство возможностей за и против, потому что замечание, которое мы сделали, касается только случая, когда все шансы будут, по его мнению, против него.

III

Третье замечание. 1. План Генерала Вурмзера в начале августа был неудачен: его три корпуса, — один под его непосредственным командованием, другой под командованием Кваждановича, третий под командованием Давидовича, — были разделены двумя большими реками — Адидже и Минчио, несколькими горными хребтами и оз. Гарда.

Вурмзеру следовало: пройти всей армией между оз. Гарда и Адидже, овладеть Риволийским плато и соединиться в Инканале со своей артиллерией. 70 000—80 000 человек, расположенные, таким образом, с флангами, прикнутыми: правый — к оз. Гарда, левый — к Адидже, при фронте в 3 лье, внушили бы страх французской армии, которая, имея едва 30 000 бойцов, не могла бы против них держаться.

Он мог также выйти всей армией по Кизе на Брешиа; артиллерия могла там пройти.

2. Он сделал при осуществлении своего плана ошибку, за которую заплатил очень дорого: это была потеря двух дней на движение к Мантуе. Он должен был, наоборот, перебросить два моста через Минчио, на расстоянии пушечного выстрела от Пескиеры, быстро переправиться через эту реку, соединиться со своим правым флангом в Лоиато, в Дезенцано, в Сало и таким образом исправить быстрым исполнением недостатки своего плана.

3. Оперировать по направлениям, удаленным одно от другого и не имеющим между собой коммуникаций, является ошибкой, влекущей за собой обычно еще и другую. Отдельная колонна получает распоряжение только на первый день. Ее действия на второй день зависят от того, что произошло в главной колонне: она либо теряет время на ожидание приказаний, либо действует наугад. В данной обстановке Вурмзер должен был устранить это неудобство и дать приказание Кваждановичу пройти не только к Брешиа, но даже к Мантуе, а сам быстро двинуться с главным корпусом к этой крепости. Кважданович прибыл бы в Мантую, если бы не задержался у Брешиа, за-

ставил бы снять осаду, оказался бы под прикрытием валов этой крепости и жил бы здесь в заранее назначенном и гарантированном от всяких случайностей пункте. Будь Вурмзер разбит до прибытия в Мантую, Кважданович все равно снабдил бы гарнизон продовольствием. Он мог бы удерживать Серралло; образ действий был бы ему в конце концов подсказан обстоятельствами.

Как правило, армия должна всегда держать свои колонны соединенными так, чтобы противник не мог вклиниться в них. Когда по каким-либо причинам приходится отступать от этого правила, нужно, чтобы выделенные части армии были независимы в своих действиях и направлялись для соединения с нею в определенном пункте, к которому они должны следовать, чтобы уменьшить опасность подвергнуться атаке по одиночке.

4. В начале сентября Вурмзер перешел в наступление, двинувшись с 30 000 человек в область Бассано и оставив Давидовича с 30 000 человек в Тироле. Ему следовало предвидеть возможность движения французского главнокомандующего в Тироль и предписать Давидовичу не принимать боя у Роверето, а отойти на Бассано, чтобы, соединившись с ним, дать сражение французской армии. Тирольского ополчения было достаточно для наблюдения за долиной Авичио. Или же он должен был поступить так, чтобы оказаться на поле сражения в Тироле, приказав Давидовичу отступать на Калиано и Авичио. Сан-Марко, Мори и Роверето являются хорошими позициями, но они не компенсируют недостаточную численность при атаке их напористым противником. Во всех столкновениях, происходящих в теснинах, разбитые колонны сталкиваются друг с другом и попадают в руки противника.

5. Было слишком поздно, когда Вурмзер составил план движения дивизии генерала Мессароша на Верону. Это движение французы предвидели. Там был Кнльмэн с небольшим наблюдательным отрядом. Вурмзер сделал бы лучше, оставив эту дивизию в Бассано для поддержки обеих остальных дивизий и, наконец, раз уж он хотел идти на Мантую с частью своих сил, ему следовало придать этой дивизии 2000 человек кавалерии, 30 пушек, понтонный парк, направив ее не на Верону, а на Альбаредо, где она могла бы навести мост и быстро двинуться к Мантуе. Эта крепость была бы освобождена от осады, тылы французской армии были бы сильно потревожены, и даже Верону можно было бы взять с тыла. Усиленный таким образом гарнизон Мантуи мог бы долгое время сохранить за собой господствующее положение. Фельдмаршал смог бы тогда отступить с обеими остальными дивизиями, парками и своим штабом из Бассано к Пьяве. Французская армия была бы вынуждена своим левым флангом держаться в долине Авичио — перед Триентом, своим центром — на Пьяве для противодействия

главным силам австрийской армии и, наконец, поспешить по своим тылам к Мантуе для восстановления блокады. Это причинило бы много хлопот небольшой французской армии и могло бы в корне изменить судьбы войны.

6. Движение Вурмзера на Адидже с 16 000 человек, оставшимися от его армии, было вынужденным. Его следовало окружить, прижать к реке и заставить сложить оружие, потому что у него не было понтонного парка. Его два понтонных парка и запасные парки были захвачены в Бассано. Ему удалось достичь Мантуи лишь благодаря ошибке одного батальонного командира, эвакуировавшего Леньяго.

7. Фельдмаршал неправильно оставил 1800 человек гарнизона и несколько батарей в Леньяго. Отступать на Адидже, где сосредоточилась вся французская армия, он уже не мог. Ему необходимо было достигнуть Мантуи. Если бы это оказалось невозможным, ему было бы все же легче войти в Милан, чем вернуться в Леньяго. Он себя ослабил и напрасно пожертвовал людьми.

8. Вурмзер поступил неправильно, рискуя на сражение у Сен-Жоржа, так как ему было выгодней держаться в Серралья, который представляет собой наилучшее поле сражения для гарнизонов Мантуи, когда они многочисленны.

9. Фельдмаршал мог, владея еще Серралья, переправиться через По со всей своей кавалерией, несколькими гренадерскими батальонами и несколькими батареями, имеющими хорошие орудийные упряжки, спуститься по правому берегу этой реки, переправиться обратно через нижнюю По и нижний Адидже и вернуться к Падуе. Французский главнокомандующий узнал бы об этой операции слишком поздно для того, чтобы ей противодействовать. Вурмзер, таким образом, спас бы всю свою кавалерию, значительную часть артиллерии, штаб армии, всю главную квартиру и честь австрийского оружия.

IV

Четвертое замечание. 1. В Брешиа имелся французский госпиталь, склад и только три роты гарнизона. Они попали в плен.

Если бы цитадель была обеспечена от захвата врасплох, этого бы не произошло.

2. Дивизия Соре, бывшая в Сало, должна была держать авангард на оз. Идро, в Рокка-д'Анфо, чтобы наблюдать за шоссе от Кизеы до Лодрона. Это помешало бы внезапному захвату Брешиа и Сало. Войска были бы предупреждены за 12 часов и успели бы подготовиться к обороне.

3. Поскольку между озерами Гарда и Идро имеется только одна доступная для артиллерии дорога, проходящая через

Рокка-д'Анфо, и именно по этому дефиле нужно было проходить, следуя в Сало, то не лучше ли было расположить дивизию Соре на позиции по оз. Идро, за дефиле Анфо, прикрыв редутами, окопами и двумя вооруженными баркасами выходы из дефиле и оз. Идро? Кваждановичу потребовалось бы 24 часа для того, чтобы овладеть этой позицией. Это дало бы возможность предупредить Брешиа, Сало, Верону и главную квартиру. Позиция, занимаемая дивизией Соре в Сало, не защищала и не прикрывала ничего. Нужно сознаться, что эта дивизия была плохо расположена и занимала не те позиции, которые ей следовало занять для выполнения своей цели: прикрывать местность от Киезы до оз. Гарда.

4. Говорили, что марши дивизии Массена по левому берегу Адидже и дивизии Вобуа по Киезе в сентябре представляли те же неудобства, что и марши Вурмзера и Кваждановича в августе, потому что в обоих случаях колонны одинаково разделялись реками Адидже и Минчио, оз. Гарда и горами. Это утверждение неточно. Эти два марша не только не аналогичны, а противоположны по своему характеру. Вурмзер и Кважданович разошлись у Роверето, где они были вместе, и двинулись по двум расходящимся направлениям, образующим тупой угол, так что с каждым днем они еще больше удалялись друг от друга. На третий день своего марша один оказался в Брешиа, другой — в Риволи. Именно в тот момент, когда им предстояло встретиться с противником и приступить к выполнению операций, выйдя на равнину, они оказались разделенными двумя реками, озером и горами. Обе французские колонны, наоборот, перед началом движения находились одна на Адидже, а другая — в Брешиа. Они шли по сторонам угла, следуя к его вершине, так что на третий день прибыли одна в Мори, а другая — в Сан-Марко. Они сошлись и были отделены только Адидже, через который ими было переброшено два моста — в Серравалле и Роверето. У этих колонн никогда не прекращалась связь между собой. И эта связь становилась все более легкой, коммуникации все укорачивались по мере того, как колонны приближались к противнику. В последний момент они могли голосом сообщаться одна с другой. Обе колонны Вурмзера выходили из гор на равнину, тогда как французские колонны покидали долину и вступали в ущелья, где численность была менее важна. Имея обе целью дойти до Триента, они, естественно, помогали друг другу на марше, поскольку выступали на узкий театр военных действий.

5. Если доказано, что обе эти операции несравнимы, следует ли из этого, что марш французского главнокомандующего был проведен по правилам и не был сопряжен с риском? Нельзя говорить абстрактно, что этот марш был безопасен, но опасность была невелика. Если бы Вобуа не вышел из Брешиа и Лодрона, ему пришлось бы вернуться в Поло, чтобы там

переправиться через Адидже. Это повлекло бы за собой опоздание на пять дней. Дивизии Массена и Ожеро шли уже колоннами по одной дороге, в узких ущельях. Дивизия Вобуа явилась бы только лишней помехой. Наполеон дал подробные наставления на все возможные случаи не только генералу Вобуа, но и генералу Сент-Илеру, надежному офицеру, командовавшему авангардом. Он им посоветовал хорошо разведывать местность и не ввязываться в стычки, если противник неподвижным и неожиданным движением направится навстречу им с превосходными силами. В этих целях им надлежало держать позади парки и обозы, чтобы можно было без затруднений отойти на один переход. Наконец, дивизия Вобуа все время держала связь с армией — сначала через Рива, а затем через мост Сарка. Она посылала и получала сообщения три раза в день.

6. Думали, что если бы Наполеон занял Леньяго как крепость, назначил туда коменданта, адъютантов, артиллерийских и инженерных офицеров, интендантского комиссара, собрал там склады запасов и поставил 4000—5000 человек гарнизона, то коменданту этой крепости не пришла бы мысль ее эвакуировать, а Вурмзер не смог бы ее взять, так как был отрезан от Мантуи, что и привело бы к его гибели. Наполеон это почувствовал и впоследствии распорядился укрепить Леньяго.

7. Если бы с самого начала в Сен-Жорже были возведены циркумвალационные линии, это сильно стеснило бы Вурмзера. В дальнейшем Наполеон распорядился об их сооружении. Они способствовали успеху сражения у Фаворита.

Французская армия, осаждавшая Мантую, независимо от обсервационного корпуса на Адидже и Монте-Бальдо, должна была иметь аванпосты на берегах рек Молинелла и Тартаро. С помощью небольших работ все шоссе из Леньяго в Мантую и всю местность от По до Ревербелла можно было сделать непроходимыми, затопив водой.

8. Раздавались голоса о том, что при марше французской армии через Тироль и ее движения вправо по ущельям Бренть на Бассано создавалось для нее опасное положение; что если бы Вурмзер двинулся на Верону, он отрезал бы ей отступление и окружил бы ее в ущельях Тироля; что эта операция была больше чем отважной, — она была безрассудной и нарушала правила ведения войны.

Сражение у Роверето произошло 4 сентября 1796 г., а сражение у Бассано — 8 сентября. 4 сентября вечером французы захватили 9000 пленных и вывели из строя половину австрийской армии. 5-го главная квартира Вурмзера была еще в Боргодди-Валь-Сугана; две дивизии находились на марше к Бассано, а одна дивизия в этот вечер пришла на ночевку в Бассано. В таком положении фельдмаршал не мог предпринять ничего в отношении Адидже. Действительно, французская армия до-

стигла Бассано 8-го на рассвете, а главная квартира Вурмзера прибыла туда лишь накануне, поздно вечером. Операция такого рода может быть обдумана заранее и предначертана целиком, но ее выполнение должно происходить постепенно, сообразно с событиями каждого дня. Предположите, наконец, что Вурмзер прибыл в Верону и переправился через Адидже, — все равно у французской армии оставался бы обеспеченный путь отступления на Кьезу и на Брешиа, отстоявшие от нее на три перехода. Эта операция, следовательно, была проведена по всем правилам войны, — она была, правда, смелой, но хорошо продуманной.

V

Пятое замечание. 1. Венский двор не потерял присутствия духа вследствие неудачи второго плана, который был им предписан Вурмзеру. В ноябре Альвинци выступил двумя отдельными армейскими корпусами: одним корпусом через Тироль, под командованием Давидовича, другим — через провинцию Виченца, под своим непосредственным командованием. Нет ничего более ошибочного, чем этот план. Чтобы его исправить, он должен был тотчас же, как только сам овладеет Бассано, а Давидович Триентом, — приказать Давидовичу направиться по ущельям Brenta на Бассано, оставив у Триента тирольское ополчение, и выйти на Адидже, объединив свою армию.

2. Заняв позицию у Кальдиеро, он должен был выставить сторожевое охранение на аркольских болотах и напротив Ронко. Он правильно решил, что эти болота непроходимы, и это решение позволило французам построить там мост и вывести армию по левому берегу на его тылы так, что он об этом не узнал.

3. Коммуникации между корпусом Альвинци и корпусом Давидовича были настолько плохие, что хотя они были отделены друг от друга только 10—12 лье (расстояние от Кальдиеро до Риволи), они не могли сообщаться друг с другом больше восьми дней. Местность к северу от Вероны очень пересеченная. Там нет никаких путей сообщения.

4. У Альвинци на риволийском поле сражения имелось 44 батальона, 24 эскадрона и 130 орудий, всего в строю 50 000 человек. Но 20 его батальонов и вся артиллерия — 25 000 человек — с обозом и парками шли через долину Адидже, а именно: одна колонна силой в шесть батальонов двигалась по левому берегу под командой Вукассовича, направляясь на Кьезу, где она была задержана сотней людей, оставленных в этом форту, и оказалась бесполезной; другая колонна, двигавшаяся по правому берегу Адидже, прибыла туда, переправившись через эту реку по мосту Дольче. На протяжении одного лье она шла

вдоль подножия Монте-Маньоне, стиснутая между этой горой и течением реки. В некоторых местах расстояние между горой и рекой не больше ширины дороги. Обратный скат Монте-Маньоне почти отвесно спускается к Адидже, здесь не имеется ни одного выхода из ущелья до самого подножия горы. С одной стороны расположено Риволийское плато, с другой — шоссе из Триента в Пескиеру, которое, дойдя до подножия Риволийского плато, проходит затем через остерью-делла-Догана и хутор Инканале. Над этой дорогой господствуют — обратный скат горы, на которой стоит часовня Сан-Марко, — с северной стороны, и обратные скаты Риволийского плато — с южной стороны.

С 24 остальными батальонами, без кавалерии и без артиллерии, то есть менее чем с 25 000 человек, Альвинци перешел через высоты Монте-Бальдо и занял всю местность между Монте-Маньоне и оз. Гарда. Такое расположение противоречило великому принципу, требующему, чтобы армия в любой день и в любой час была в состоянии принять бой. Альвинци, между тем, не был в состоянии драться ни когда прибыл на эти высоты, ни в течение того времени, которое ему требовалось для подхода к Риволийскому плато, ибо для того, чтобы армия была в состоянии сражаться, она должна быть сосредоточена, а 20 батальонов, двигавшихся вдоль долины Адидже, были отделены от остальных сил и могли к ним присоединиться только после овладения Риволийским плато. Для боя армии необходимы кавалерия и артиллерия, а кавалерия и артиллерия, бывшие под командованием Кваждановича, могли присоединиться к армии только через Риволийское плато. Альвинци предполагал, таким образом, что ему не придется вступать в бой на пространстве от Короны до Риволи, а это зависело не от него. Он подставил 24 батальона без кавалерии и без артиллерии под удар всей французской армии силой в 200 000 человек пехоты, 2000 кавалерии и 60 орудий. Это была неравная борьба.

Но фельдмаршал Альвинци полагал, что имеет дело только с дивизией Жубера в 9000 человек, которая, имея назначением охранять всю местность между Короной и Риволи и от оз. Гарда до Адидже, должна оставить по меньшей мере 3000 человек у Риволи, чтобы оборонять плато и мешать Кваждановичу выйти по долине Адидже. Альвинци имел бы, таким образом, 25 000 человек против 5000—6000 человек. Поэтому он выделил дивизию Люзиньяна, которую направил между Монте-Бальдо и оз. Гарда, на Монте-Пиполо, для обхода Риволийского плато. После этого у него осталось не больше 18 000 человек против Жубера, могущего иметь на Монте-Бальдо и Монте-Маньоне только 6000 человек. Эта комбинация была бы очень хороша, если бы люди, наподобие гор, оставались неподвижными, но Альвинци забыл пословицу: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется». Австрийские тактики придержива-

лись этой ложной системы. Придворный военный совет, составляя план для Вурмзера, предполагал, что французская армия неподвижна и привязана к крепости Мантуя. Такое необоснованное предположение привело к гибели лучшей армии Австрийского дома. Лауер, руководивший операциями Альвинци, вообразил, что дивизия Массена будет сдержана дивизией, вышедшей через Кальдиеро, и останется неподвижной, прикованной к валам Вероны, и, наконец, что французский главнокомандующий не поймет, насколько важно упредить австрийскую армию на Ривольийском плато.

5. Что должен был делать Альвинци? Двигаться таким образом, чтобы каждый день, каждый час быть в состоянии вести бой. С этой целью он должен был: 1) держать свои 44 батальона в горах между Монте-Маньоне и оз. Гарда таким образом, чтобы они были сосредоточены, имели между собой связь и составляли единую массу; 2) сосредоточить там же свои 30 эскадронов кавалерии, так как мнение, будто кавалерия не может пройти повсюду, где проходит пехота, является предрассудком: наконец, в каждой колонне иметь пушки на лафетах с полозьями; 3) распоряжения для атаки дивизии Жубера отдать лишь в самое утро атаки, после разведки ее расположения, удостоверившись в положении дел сопоставлением разведывательных данных, показаний перебежчиков, пленных и шпионов.

Правила ведения войны требуют не выделять части из армии накануне дня атаки, потому что за ночь положение вещей может измениться или вследствие отступления противника или вследствие прибытия значительных подкреплений, которые дадут ему возможность предпринять наступление и сделать губительными ваши преждевременные распоряжения.

На войне часто ошибаются в отношении силы противника, с которым предстоит драться. Пленные солдаты знают только свои части, офицеры дают очень ненадежные показания. Это заставляет принять следующую, предусматривающую все аксиому.

Армия должна каждый день, каждую ночь и каждый час быть готовой к оказанию всего сопротивления, на какое она способна. Это требует, чтобы солдаты постоянно имели при себе оружие и боевое снаряжение; чтобы пехота не отделялась от артиллерии, кавалерии и от своих генералов; чтобы различные дивизии армии были всегда в состоянии оказывать взаимную поддержку, опираться друг на друга и прикрывать друг друга; чтобы в лагерях, на привалах и в походе войска все время находились в положении, наиболее выгодном для любого поля сражения, то есть чтобы: 1) фланги были примкнуты; 2) все орудия могли действовать с наиболее выгодных позиций. Для обеспечения этих условий на марше нужно выдвигать авангарды и боковые отряды для разведки местности впереди,

справа и слева на такое расстояние, чтобы главные силы имели возможность развернуться и занять позиции.

Австрийские тактики постоянно отходили от этих принципов, составляя планы, основанные на сомнительных донесениях, которые, будь даже они достоверными в момент, когда составлялся план, теряли эту достоверность на завтра и на послезавтра, когда планы эти нужно было выполнять.

Полководец должен несколько раз в день спрашивать себя: если неприятельская армия покажется у меня с фронта, справа или слева, что я сделаю? Если он окажется в затруднительном положении или на плохой позиции, если он допустил ошибку, он должен ее исправить. Задай себе Альвинци такой вопрос: «Что случится, если французская армия выступит мне навстречу до моего прибытия в Риволи, когда я буду в состоянии противопоставить ей только половину моей пехоты, без кавалерии и без артиллерии?» — он ответил бы себе: «Я буду разбит силами меньшими, чем мои». Каким образом то, что произошло при Лоди и Кастильоне, на Бренте и у Арколе, не сделало его более осторожным?

6. Альвинци вышел из гор в январе 1797 г. Мантуя была в отчаянном положении. Он действовал двумя корпусами: один двинулся на Монте-Бальдо, он им командовал сам; другой — на нижнюю Адидже, под командованием Провера. Успех Провера оказался бы безрезультатным, если бы Альвинци был разбит. Ошибки плана кампании усугублялись еще тем, что эти две атаки были связаны с атакой на Верону, атакой, не имевшей никакой цели, ослаблявшей обе основные атаки, никак их не связывая между собой потому, что местность делала это невозможным. Правда, имелись приказы Вены, что если Альвинци будет разбит, а Провера удастся освободить Мантую от осады, то Вурмзеру надлежит переправиться через По с гарнизоном Мантуи и отступать на Рим. Но поскольку не были обеспечены совместные действия с неаполитанским королем, все это осталось безрезультатным.

7. Провера после неожиданного захвата им переправы через Адидже в Анджиари должен был бы переправиться на правый берег со всем своим корпусом, включая дивизию Баялича, снять мост и направиться в Мантую — свое единственное убежище. Он прибыл бы туда с 20 000 человек. Вместо этого он прибыл туда только с 8000 человек, потому что оставил дивизию Баялича на правом фланге и 2000 человек — для охраны своего моста (они попали потом в плен), а его авангард понес потери вследствие того, что потерял время. Прибыв утром в Сен-Жорж, он должен был войти в крепость до полудня либо через цитадель, где не имелось циркумвальных линий, либо через Пиетале, переправившись через озеро, весьма узкое в этом месте. Для этого на пристанях Мантуи имелось более 100 лодок. Он потерял весь день и всю ночь. Начиная с 5 часов попо-

лудни, когда Наполеон прибыл в Фаворита с частью армии из-под Риволи, все изменилось. Провера принужден был капитулировать на следующий день утром. Австрийцы вообще не знают цены времени.

8. Генерал Провера был взят в плен в Коссерия, на следующий день после сражения у Миллезимо. Он проявил себя мало талантливым. Это было действительной причиной, побудившей Наполеона восторгаться им с целью восстановить к нему доверие. Это удалось. Провера был восстановлен в должности и вторично попал в ловушку у Фаворита. Отсюда следует, что нужно с подозрением относиться к похвалам своего противника, если только они не были высказаны после прекращения военных действий.

VI

Шестое замечание. 1. Высказывалось мнение, что мост через Адидже следовало навести у Альбаредо, а не у Ронко. Это мнение ошибочно. У Кильмэна в Вероне было только 1500 человек. После переправы через мост у Ронко, перед тем как двинуться на Арколе, к Порчиле была выслана разведка, которая и овладела этой деревней. Туда двинулся Массена, оказавшийся, таким образом, в тылу у Альвинци, углубившись на два лье в его расположение. Если бы фельдмаршал двинулся в тот же день на Верону, что казалось вероятным, французская армия пошла бы за ним следом, и Альвинци был бы прижат к Вероне. Будь мост наведен напротив Альбаредо, на левом берегу Альпоне, эта река или аркольские болота прикрывали бы марш Альвинци и дали бы ему время войти в Верону. Обстановка была очень сложная! Операция с выходом в тылы Альвинци, в Ронко, была смела, но совсем не трудна. Переправа через Адидже в Альбаредо была рискованна и безрассудна; она ставила в тяжелое положение Верону и армию.

2. Почему в первый и во второй день оставили Арколе? Для того, чтобы успеть снять мост у Ронко, в полночь, если известия с Риволи этого потребуют, двинуться на Ровербелла и достигнуть этого пункта раньше Давидовича. Если бы Давидович прибыл к Мантуе раньше французской армии, все было бы потеряно; если французская армия прибыла бы туда раньше Давидовича, все было бы выиграно. Соединившись в Вобуа, главнокомандующий разбил бы Давидовича, отбросил бы его в Тироль и возвратился бы на Адидже прежде, чем Альвинци смог бы переправиться через эту реку.

3. Говорили еще, что следовало перебросить в первый же день мост через Альпоне и выйти на равнину; по меньшей мере это следовало сделать на второй день. Нет. Лучше всего было дать это сражение именно на третий день, когда неприятель-

ская армия оказалась достаточно ослабленной и деморализованной, так что можно было надеяться разбить ее в развернутой линии. И это было сделано вопреки мнению генералов, находивших подобный маневр слишком смелым. После колебаний, продолжавшихся около часа, Наполеон отдал приказ об этом на третий день. Нужно помнить, что французская армия была ослаблена сражением на Бренте и сражением у Кальдиеро. Она насчитывала не больше 13 000 человек, а сражения первого и второго дней под Арколе еще уменьшили ее. Нельзя понять маневрирование во время этого сражения, не зная хорошо топографических особенностей Риволи, Вероны, Кастельнуово, Мантуя, Ронко, Кальдиеро, Вилланова и Виченцы.

4. Условия капитуляции Вурмзера беспримерны. Наполеон решил на них из чувства великодушия в отношении этого старого фельдмаршала, который мог быть ему дедушкой, из желания прослыть милосердным к побежденному и, наконец, — выказать все свое негодование в отношении приказа, присланного ему Директорией, чтобы с этим почтенным фельдмаршалом обошлись, как с эмигрантом, захваченным с оружием в руках, так как он был уроженцем Эльзаса.

5. Наполеону следовало бы укрепить Риволийское плато, Корону, гору, на которой стояла часовня Сан-Марко, и Рокка-д'Анфо, надежными фортификационными сооружениями из бревен и даже из камня. Аदिже была покрыта плотами с лесом, которые сплавливались купцами из Тироля в Феррару и Венецию. Известь и камень имеются здесь в изобилии. В Вероне и Брешиа находятся всякого рода подсобные средства. В шесть недель можно было соорудить на Риволийском плато, у часовни Сан-Марко, у Короны и Рокка-д'Анфо четыре форта, вооруженные каждый полутора десятками пушек при 400—500 человек гарнизона; эти форты обеспечили бы все четыре выхода от захвата врасплох. Это дало бы армии больше, чем подкрепление в 15 000 человек. Говорят, что после августовской операции Вурмзера, когда стала ясной опасность, которой грозила армии возможность выхода противника со стороны Кизезы, Наполеон отдал приказ занять Рокка-д'Анфо, но у инженеров появились слишком широкие планы. Потребовался бы год работы для их выполнения. Но, очевидно, инженеры ошибались: на войне только главнокомандующий может оценить значение некоторых факторов, может своей волей и знаниями, превосходящими знания подчиненных, победить и преодолеть все трудности.

6. Мантуя пала наконец, после восьми месяцев осады. Итальянские инженеры предлагали отвести воды Минчио и этим способом осушить озера Мантуя; тогда крепость лишилась бы своей главной защиты. Эта операция была предпринята Висконти в их войнах против герцогов Мантуя, но Висконти не владели Пескиерой и, к тому же, миланские инженеры вели работы, исходя из ложных принципов: они пытались преградить

Минчио плотинами, снесенными в конце концов рекой. Известно, что не следует прямо противодействовать течению реки. Голландцы подчинили себе океан, лаская его и следуя всем его капризам. Лишь отведя воды в Тартаро и в Молиnellу, можно было достигнуть успеха.

7. Чтобы укоротить линию Адидже, неоднократно предлагался, как эффективное средство, прорыв дамбы правого берега этой реки около Леньяго. Отведенные воды смешались бы с водами Тартаро и Молиnellы и превратили бы в болото всю местность между Адидже (от Леньяго) до По. Но результаты подобных работ были бы губительны для этой провинции. Во время второго наступления Альвинци и Провера, в январе, такой проект был представлен Наполеону, который счел, что нет налицо обстоятельств, могущих оправдать подобное опустошение. Англичане в Египте действовали не с такой осмотрительностью. Чтобы добиться незначительной выгоды, они разрушили плотину оз. Мадия и впустили воды Средиземного моря в оз. Марьют; это едва не повлекло за собой гибели Алессандрини.

VII

Седьмое замечание. Французская армия, двинувшаяся на Рим, насчитывала только 4000 французов. В ней было, правда, 9000 человек, включая батальоны нового набора, миланские и болонские, которых нельзя было еще выставлять в боевую линию против регулярных войск. Римский двор делал довольно значительные усилия, но они привели к небольшим результатам. Когда нация не имеет кадров и принципов военной организации, ей очень трудно организовать армию. Если Франция в 1790 г. так быстро выставила надежные армии, то лишь потому, что для этого у нее имелась хорошая основа. Эмиграция скорее улучшила эту основу, чем испортила ее. Романья и Апеннинские горы были наэлектризованы; влияние священников и монахов было всемогущим, пророчества, проповеди и чудеса оказывали свое действие. Жители Апеннин от природы храбры, и у них находят как бы искорки характера древних римлян. Однако они не смогли оказать никакого сопротивления горсти солдат, хорошо дисциплинированных и хорошо управляемых. Кардинал Буска всегда ссылался на Вандею. Вандея находилась в особых условиях. Население ее было настроено воинственно, там было много офицеров и унтер-офицеров, служивших ранее в армии, тогда как войска, посылаемые против нее, были набраны на парижских улицах и ими командовали люди невоенные, делавшие одни глупости. Это только закалило вандейцев. Наконец, крайние меры, принятые Комитетом общественного спасения и якобинцами, не оставляли этим людям иного выхода: если все равно умирать, так лучше уж защи-

щаясь. Очень хорошо понимали, что если бы в этой войне против святейшего престола французы понесли сначала поражения и прибегли бы к крайним и кровавым мерам, в Апеннинах могла бы возникнуть Вандея. Строгости, кровь, смерть создают энтузиастов, мучеников, порождают смелые, отчаянные решения.

VIII

Восьмое замечание. 1. Эрцгерцог Карл в кампанию 1797 г., желая прикрыть Вену и Триест, должен был сосредоточить все свои силы в Тироле, где он нашел бы опору в условиях местности и в настроении жителей. Он был бы в состоянии быстро получать подкрепления из Рейнской армии. Покуда он держался в Тироле, ему нечего было бояться, что французская армия двинется на Изонцо. При первом же движении, которое она произвела бы в направлении на Пьяве, он вернул бы ее обратно переправой через Авичио и овладением Триентской областью. Это вынудило бы французского главнокомандующего перебросить всю свою армию и перенести войну в Тироль — операция очень трудная и очень рискованная. Будь главная квартира эрцгерцога Карла вместо Коиельяно в Боцене и находись на Авичио те 40 000 человек, которые у него были на Пьяве и Тальяменто, — Вена и Триест были бы идеально прикрыты. Ничто, кстати, не мешало ему вооружить и занять крепость Пальманова и сделать из нее опорный пункт для дивизии в 5000—6000 человек всех родов оружия, имеющей целью наблюдать за Пьяве и Тальяменто.

2. Намерения Наполеона в сражении у Тальяменто не оставляли места сомнениям: он хотел овладеть Тарвисским перевалом. Не в Кодрипо, следовательно, должен был эрцгерцог перенести свою главную квартиру, а на высоты Сан-Даниеле, чтобы в случае нужды можно было произвести отступление на Понтеба и на высоты Тарвиса.

3. После сражения у Тальяменто ему не следовало отступать по ущельям Чивидале и Изонцо на Тарвис, поскольку там уже находился Массена. Такое отступление влекло потерю всех войск, брошенных в этом неправильном направлении, и погубило его армию.

4. После переправы через Изонцо крепость Градиска не могла более защищаться. Батальоны, введенные в эту крепость, приносились, следовательно, в жертву напрасно. Они не замедлили марша французской армии ни на одну минуту.

5. Так как эрцгерцог в апреле очень нуждался в выигрыше трех или четырех дней, чтобы дать время Керпену и Спорку присоединиться к себе, когда он был уже в Мурау, в одном переходе от Шейфлинга, ему следовало воспользоваться для

выигрыша времени средством, какое предлагал ему французский главнокомандующий, — переговорами о мире. Он должен был ответить искренним своим согласием, обещанием употребить для этого свое влияние и предложением перемирия, чтобы отправиться в Вену для личного доклада императору. Перемирие было бы заключено. Но он дал ответ двусмысленный, холодный, спустя 24 часа он опомнился и предложил перемирие. Но было уже поздно. Цель эрцгерцога была слишком ясна.

IX

Девятое замечание. 1. Не нарушало ли движение в Германию по двум операционным линиям — из Тироля и через Понтеба — принципа, что армия должна иметь только одну операционную линию? Соединение обоих армейских корпусов в Каритти, так далеко от исходной точки, — не противоречило ли оно принципу, что никогда не следует сосредоточивать свои колонны перед противником и вблизи от него? Не было ли лучше оставить 7000 или 8000 человек перед Триентом для его обороны и сосредоточить на Пьяве на 10 000 или на 12 000 человек больше? Этот план позволил избежать перенесения войны в Тироль, — местность трудную для военных действий, — избежать действия факторов, неблагоприятных для соединения, и с самого начала операции сосредоточить все наличные силы.

Ни тот, ни другой из указанных выше принципов не были нарушены. Если бы Жуберу на Авичио было оставлено только 8000 человек, он был бы атакован, и корпус Давидовича прибыл бы к Вероне раньше, чем французская армия достигла бы Виллаха. Для того, чтобы Жубер мог удержаться на Авичио, ему нужно было по меньшей мере 14 000 человек. Могло показаться, что лучше было не отбирать у него ничего и, воспользовавшись тем превосходством сил, какое это обеспечило бы ему над армией Давидовича, дать последнему бой, ослабить и оттеснить его за Бреннер. Тироль — трудный театр войны, но он губелен для побежденного. Французские войска приобрели большое превосходство над германскими войсками.

В Германию вступили не по двум операционным линиям, поскольку Пустерталь лежит по эту сторону главного хребта Альп, и как только Жубер миновал Линц, операционной линией его стала та, которая шла на Виллах и Понтеба. Соединение обоих корпусов было произведено не перед противником, потому что, когда Жубер покинул Бриксен, чтобы двинуться вправо на Шпиталь через Пустерталь или по долине Дравы, главные силы армии прибыли в Клагенфурт и патрули их доходили до Линца. Эрцгерцогу, следовательно, нельзя было придумать какого-либо маневра, чтобы помешать этому соединению. Жубер до сражения у Тальяменто оставался в оборони-

тельном положении. После этого сражения он атаковал, разбил и уничтожил большую часть корпуса Давидовича и оттеснил его за Бреннер. Это не связывалось с какими-либо неудобствами, потому что, будучи разбит, Жубер попросту отступал бы с позиции на позицию до самой Италии. Когда он узнал, что армия перешла через Юлийские Альпы и Драву, он начал свой марш на соединение с ней через Пустерталь, что также не вызвало неудобств. Эта операция, выполненная в три приема, также была в согласии со всеми правилами. Она должна была иметь и в действительности имела за собой все преимущества.

2. Спрашивали, почему дивизия Серюрье и главная квартира не поддержали дивизию Гюйо, направившись с поля сражения у Тальяменто на Чивидале и Капоретто; утверждали, что одной дивизии Бернадотта было достаточно для следования за левым флангом армии противника на Пальманова и Гёрц.

От Чивидале до Тарвиса, проходя через Капоретто, дорога представляет собой дефиле. Дивизии Гюйо, насчитывавшей 8000 бойцов и состоявшей из очень хороших войск, было более чем достаточно для оттеснения корпуса Баялича к Капоретто. Но так как направление, которое дал эрцгерцог этому корпусу, было неправильное и повело бы к его гибели, если бы Баялич по прибытии в Капоретто упорствовал в движении на Тарвис, то предполагали, что эрцгерцог одумался и послал ему в Капоретто приказание спуститься к Градиска, чтобы возвратиться в Карниолу. Это побудило Наполеона направиться на Пальманова и Градиска с дивизиями Серюрье и Бернадотта. Из Гёрца он выслал дивизию Бернадотта в Карниолу, вслед за левым флангом эрцгерцога Карла, а с дивизией Серюрье двинулся на Капоретто. Если бы корпус Баялича, вместо того, чтобы подняться вверх по Изонцо, спустился бы вниз, ища спасения через Гёрц, он был бы атакован в голову, а одновременно Гюйо теснил бы его арьергард: этот корпус был бы в результате взят в плен. Если бы, наоборот, не стесняясь положением Массена, занимавшим Тарвис, Баялич двинулся туда, — что и произошло на самом деле, — то дивизия Серюрье оказалась бы во второй линии позади Гюйо. Таким образом, Наполеон предусмотрел все возможности.

3. Дивизия Бернадотта двинулась на Лайбах, потому что нужно было подчинить себе Карниолу, захватить Триест и истрийские рудники, изгнать из Карниолы и оттеснить за Драву левый фланг эрцгерцога Карла. Как только эти цели были достигнуты, дивизия Бернадотта двинулась влево на соединение с армией. Французский главнокомандующий хорошо сделал, что не направил ее, — как это сделали бы многие генералы, — через Цилли и Грац на Земмеринг, потому что тогда эта дивизия не была бы в состоянии поддержать армию во всех боях, какие произошли или могли произойти в Юденбурге, в Бруке и т. д. Движение дивизии Бернадотта на Грац, даже

если бы оно не вызвало неудобств и принесло некоторые выгоды, нарушило бы правила. Движение же, которое осуществила дивизия, было согласно с принципами сосредоточения, являющимся истинными принципами войны.

4. Наполеон решил заключить Лёобенский договор и остановиться на Земмеринге потому, что, как мы видели, Директория уведомила его в своем письме, что он не должен рассчитывать на совместные действия с рейнскими армиями. Если бы вместо этого правительство сообщило ему, что такие совместные действия будут иметь место хотя бы только в июне, он выждал бы время и не заключил мира, потому что положение его было хорошее. У него в Каринтии находилось под рукой около 60 000 человек, а на Адидже имелись резервы, более чем достаточные для подавления венецианских мятежей и сдерживания тирольских ополчений. Поэтому он стремился вступить в Вену.

5. Приказ, данный Жуберу после сражения у Тальяменто, — вступить в Тироль и двинуться к Виллаху в Каринтии через Пустерталь, был сообщен Лаллеману, французскому посланнику при Венецианской республике, чтобы предупредить волнения, которых опасались. Как только олигархи узнали бы, что Тироль эвакуирован, они сочли бы, что французы разбиты, и прибегли бы к неправильным мерам. У Лаллемана было по этому вопросу совещание со старейшинами, посланными к нему сенатом. Он показал им копию инструкций, данных Жуберу. Это произвело некоторое впечатление, но сообщение запоздало: сенат тайно принял решение уже за 36 часов до этого, уверенный в разгроме корпуса Жубера. Эта задержка на 36 часов была главной причиной гибели Венецианской республики. Вот от чего зависит судьба государств!

6. Иностранцы военные, плохо осведомленные о фактах, осуждали Наполеона за то, что он оставил дивизии Виктора и Кильмэна в Комарке и в Романье для наблюдения за армией папы и за Неаполем, что, по их словам, было бесцельно, ибо с этими государствами был восстановлен мир.

Генерал Кильмэн командовал войсками на Адидже; его главная квартира находилась в Вероне, когда мятеж в этом городе и прибытие генерала Фиоравенти вынудили его приказать комендантам фортов запереть ворота. Он покинул Адидже и отступил, чтобы избежать окружения, на Минчио с 6000—7000 человек кавалерии, артиллерии и пехоты, желая защитить Брешиа и сохранить свои коммуникации с Мантуей и Пескиерой. В дивизии генерала Виктора было 8000 человек, из которых 3000 миланцев под начальством генерала Лагоца. Она имела приказ двинуться на Адидже для образования наблюдательного корпуса и для того, чтобы сдерживать венецианцев. Виктор выслал вперед генерала Лагоца и замедлил свой марш с французской бригадой на 15 дней либо потому, что действи-

тельно не осознал необходимости ускорить свое движение, либо потому, что ему было необходимо это время для выполнения статей Толентинского договора, либо по какой-либо другой причине. Факт тот, что эти 15 дней запоздания явились единственной причиной веронской резни. Может быть, Пезаро и его партия были бы более осмотрительны, если бы увидели дивизию этого генерала расположенной на Адидже, как должно было быть. Это было бы счастьем для сената и спасло бы его от гибели. Папа распустил свою армию. Она была на мирном положении и не причиняла более никакого беспокойства. Болонских войск было больше чем достаточно для занятия Романьи и сдерживания всех недоброжелателей на правом берегу По. Никогда, следовательно, не было мысли оставлять хотя бы одного человека на Рубиконе для службы наблюдения. Впрочем, о датах не спорят. Мир в Толентино был заключен 19 февраля 1797 г., сражение у Тальяменто произошло 16 марта. Леобенские предварительные условия мира были подписаны 18 апреля.

ЗАМЕТКИ НА КНИГУ ГЕНЕРАЛА ЖОМИНИ «РАЗБОР КРУПНЫХ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ»

I. Сражение у Монтенотте. — II. Сражение у Лоди. — III. Сражение у Кастильоне. — IV. Сражение у Бассано. — V. Сражение у Арколе. — VI. Сражение у Риволи. — VII. Германская кампания 1797 г.

Этот труд — один из самых выдающихся среди относящихся к данному вопросу. Данные замечания могут пригодиться автору при переиздании книги и представят интерес для военных.

I

1. Австрийская армия в апреле 1796 г. имела 42 батальона и 44 эскадрона. Некоторые из этих батальонов насчитывали по 1500 человек. Пьемонтская армия, включая артиллерию и кавалерию, состояла из 30 000 человек. Дивизия неаполитанской кавалерии имела 2000 человек. Обе эти объединенные армии состояли из 80 000 бойцов с 200 орудий. Во французской армии имелось 28 000 пехотинцев, 3000 человек кавалерии и 30 орудий на конной тяге — всего 31 000 человек.

2. Полубригады Итальянской армии приняли номера, которые они носили до 1815 г., только с июня 1796 г.: до этого времени они носили старые номера, ныне забытые.

3. В сражении у Монтенотте генерал Аржанто, командовавший у Болье центром, имел 18 000 человек, из коих 5000 пьемонтцев.

4. В сражении при Миллезимо у австрийцев было 21 000 человек. У Дего они потеряли 10 000 человек, из которых 8000 пленными, 30 пушек и 15 знамен. Начальник штаба армии, обнаружив количество пленных, забыл про 2000 человек, уже эвакуированных в Ниццу, поскольку список их не был вручен офицеру, занимавшемуся этим учетом.

5. В воззвании главнокомандующего к армии, выпущенном в Кераско, имеется опечатка: вместо 1500 нужно читать 15 000 пленных.

6. Кавалерия провела зиму на берегах Роны, но она была в самом жалком состоянии и двигалась в хвосте колонн. Однако она приносила большую пользу, преследуя противника по ущельям, после того как он бывал разбит, и именно ей мы были обязаны громадным количеством пленных, взятых в начале кампании. Но в ту пору она не могла драться против австрийской кавалерии. Только на Минчио она в первый раз успешно проявила себя, маневрировала на равнине, производила удачные атаки и соревновалась с пехотой.

II

1. Вместо переправы через По в Пьяченце не следовало ли Итальянской армии переправиться через реку в Кремоне? Во время своего марша из Тортоны в Пьяченцу, спускаясь вниз по правому берегу По, она подставляла на протяжении 18 лье фланг противнику, занимавшему позицию на левом берегу По и снабженному понтонным парком. Продолжение марша еще на 7 лье создало бы ряд неудобств. Да и какая была бы в этом цель? Пьяченца лежит на правом берегу и предоставила бы все средства большого города для облегчения наводки мостов. Кремона на противоположном берегу оставалась бы во власти противника до тех пор, пока не совершилась бы переправа. Сверх того, Пьяченца является тем пунктом на По, который наиболее близок к Милану; Кремона находится значительно дальше от него и отделена Аддой.

Если бы Болье занял правый берег Адды и навел мост напротив Пьяченцы, французская армия оказалась бы отрезанной на обоих берегах. В подобных маршах следует стараться не подставлять фланг противнику, а когда это невозможно, следует делать переходы наиболее короткими и совершать их быстро.

2. Будь во французской армии понтонный парк, она прибыла бы к Милану раньше австрийской армии. Но она потеряла 60 часов на сбор судов и сооружение моста через По. Это дало время неприятельскому главнокомандующему переправиться через Адду.

3. Корпус Колли, направившийся к мосту у Кассано, отстал. Наполеон надеялся отрезать его от Минчио. Это и заставило его ускорить и форсировать переправу через мост у Лоди. На самом же деле в тот момент, когда он форсировал мост, Колли переправился у Кассано и смог отступить, никем не тревожимый. Имей армия понтонный парк, она переправилась бы через Адду в самый день боя у Фомбио — с наступлением ночи. Наполеон лично подходил на расстояние ружейного выстрела к Пиццигетоне. Он приказал пройти и вниз и вверх по реке для сбора судов, и если бы он мог достать восемь или десять, то переправился бы в течение той же ночи и оседлал бы Адду.

4. Больше в ночь, последовавшую за боем у Фомбио, совсем не пытался захватить врасплох Кодоньо. Он не знал еще, что произошло после полудня, и все еще считал себя хозяином Фомбио; он просто расположился в Казаль-Пустерленго, чтобы там провести ночь. Один из его кавалерийских полков, пожелавший расположиться в Кодоньо, наткнулся на биваки дивизии Лагарпа, был встречен сильным ружейным огнем и поспешно отошел назад. Генерал Лагарп выехал со своей стоянки с несколькими офицерами штаба для сбора в ближайших загородных домах сведений о силах только что показавшейся части. В час пополудни, возвращаясь в свою главную квартиру по другой дороге, а не по той, по которой он выехал из лагеря, он был встречен беглым огнем и пал, произведенный пулями своих собственных солдат, любивших его и потрясенных своей ошибкой.

5. Генерал Колли, командовавший пьемонтцами, был офицером австрийской армии, поэтому он и не бросал службы у сардинского короля после Керасского перемирия.

6. Дивизия Ожеро на самом деле переправилась через Минчио по мосту у Борджетто. Демонстрации около Пескиеры были ложной атакой, имевшей целью отвлечь внимание Липтая, в то время как Ожеро маневрировал, чтобы отрезать его от дороги на Верону.

7. В форту Урбано имелось не 200 папских солдат, а 800. Этот факт сам по себе маловажный; мы его приводим только из уважения к истине.

Мы не знаем, кто сказал, что армии не следовало останавливаться на Адидже, что ей нужно было перейти за Юлийские Альпы и двинуться на Вену; но это совершенный абсурд.

После сражения у Лоди Наполеоном было получено постановление Директории, предписывавшее двинуться на Рим и Неаполь с 20 000 человек и оставить свою армию Келлерману, который прибудет для руководства блокадой Мантуи. Наполеон сделал энергичное представление, в котором указал на пороки этого проекта, и подал в отставку, не желая быть орудием гибели своей армии. Правительство взяло назад свое постановление; оно увлеклось непреодолимым для революционеров стремлением видеть французский флаг развевающимся на Капитолии и желанием наказать Неаполитанский двор за его многочисленные вины.

Отношение Наполеона к сардинскому королю было продиктовано политикой, но эта уступчивость плохо понималась в то время. Не без труда Наполеону удалось внушить сознание важности поддержания спокойствия в Пьемонте, разъяснить, что революционные вспышки, восстания, брожение в народе всегда производят беспорядок, а в тылах армии нужен, наоборот, покой и безопасность.

1. Слишком большое значение придается сообщениям придворного военного совета. Потерпев поражение, он пытался исказить положение дел. В эту пору у Вурмзера было не меньше 100 000 человек, в том числе 15 000 человек в Мантуе. Французская армия насчитывала 40 000 человек, из них 10 000 человек были заняты блокадой Мантуи, 30 000 человек составляли наблюдательную армию, которая должна была сдерживать деблокадную армию больше чем в 80 000 человек. С 29 июля по 8 августа Вурмзер потерял 40 000 человек, 70 пушек, много зарядных ящиков и повозок, 15 знамен. Он сменил гарнизон Мантуи, усилил его на 5000 человек и ушел обратно в Тироль меньше чем с 40 000 человек.

2. 31 июля Ожеро вновь переправился через Минчио у Боргетто лишь с одной своей дивизией. Серюрье снял осаду Мантуи, собрал свою дивизию и двинулся на Маркаррия. В ночь с 31 июля на 1 августа Наполеон направился на Брешиа с дивизией Ожеро, следовавшей по проселочным дорогам, по местности, поросшей вереском. Массена не оставался в Понте-Сан-Марко, а шел параллельно по шоссе из Понте-Сан-Маро в Брешиа. Соре остался на позиции на высотах между Лонато и Сало. Генерал Пижон, командовавший арьберггардом Массена на этом марше, занял позицию на нижнем Минчио с 1500 человек, обстреливая противоположный берег. Арьберггард Ожеро, под командой бригадного генерала Валетта, занял позицию по правому берегу Минчио, на уровне Боргетто, и вел перестрелку с другим берегом. 2 августа на рассвете дивизии Массена и Ожеро сделали полоборота направо, прогнав предварительно Кваждановича из Брешиа и со всей равнины, Массена двинулся на Понте-Сан-Марко и застал там свой арьберггард, сделавшийся вследствие этого поворота авангардом, уже отошедшим к Лонато. Этот арьберггард без всяких оснований дал оттеснить себя в течение дня. Таково было положение вещей накануне сражения у Лонато.

3. В этом сражении у австрийцев было 30 000 человек. В Кастильоне у них имелось 18 000 человек. Части Липтая образовали авангард. Поэтому генералу Ожеро и пришлось направлять всю мощь своей превосходной дивизии, подкрепленной резервной кавалерией, чтобы выйти победителем, овладеть Кастильоне и разбить противника. 12 000 человек противника противостояли генералу Массена; они взяли сначала Лонато и разбили авангард генерала Пижона, но их боевой порядок провали в центре, а затем оттеснили их и прогнали с поля сражения. 5 августа произошло сражение у Кастильоне. Генерал Фиорелла, командовавший дивизией генерала Серюрье, смог продвинуться на тылы Вурмзера только с 4000 человек. В этой дивизии имелось 3000 слабосильных, изнуренных болотной ли-

хорадкой, которых невозможно было вести с собой, и их пришлось оставить в Маркаррия вместе с саперами, рабочими, зарядными ящиками и повозками, принадлежащими к осадному парку. У Вурмзера оставалось еще около 30 000 человек и очень хорошая кавалерия; наша в ту пору ей еще уступала. Во французской армии имелось 22 000—23 000 человек, но это были те же самые войска, которые дрались у Короны, Лонато и участвовали в сражении 3 августа. Довольно много офицеров было убито, многие вышли из строя. В этом бою сделали таким образом все, что только можно было сделать.

4. Вурмзер был старый солдат, и у него имелись хорошие офицеры. Он знал, что его план слишком обширен, но считал его исполнимым вследствие своего огромного численного превосходства. Имей он силы равные или превосходящие французские только на одну треть, он так не растянул бы их. Если бы он потерял у Лонато и Кастильоне так мало людей, как этому, по-видимому, верят, он не покинул бы Минчио. Он остался бы там, опираясь левым флангом на Мантую, правым на оз. Гарда, и, обложив и осадив Пескиеру, спас бы честь своего оружия. Но потери, которые он понес, были столь велики, что вынудили его вернуться обратно в Тироль и покинуть Италию.

IV

1. В августе Вурмзер получил 15 000 человек подкрепления; от прежней армии у него оставалось 40 000 человек. Он присоединил к себе 10 000 тирольцев. Следовательно, в начале сентября у него было 70 000 человек. Из них 30 000 человек, включая тирольцев, были предназначены для охраны Тироля, под командованием Давидовича; 40 000 человек предназначались для маневрирования на равнинах областей Бассано и Виченцы, в направлении на Мантую. В их числе было 30 000 человек пехоты, остальные — кавалерия и артиллерия. Давидович потерял 11 000 человек в сражении у Роверето, из которых 9000 пленными. До этого он понес потери еще в бою у Сарка и затем в сражении на Авичио.

2. В бою у Примолано взяты были пленные из девяти различных батальонов. Там находились, кроме трех хорватских, шесть линейных батальонов. Число пленных было 4000, а не 1800.

3. Сражение у Бассано было более важно, чем автор это представляет. Потери, понесенные противником, были значительнее.

4. Дивизия Мессароша прибыла к Вероне, атаковала этот город и была отражена. Местность успели подготовить, потому что наступательное движение Вурмзера было заранее предугадано: впереди Виченцских ворот соорудили рavelии, а крепост-

ная ограда была вооружена большим числом артиллерийских орудий. Кильмэн, которому было поручено наблюдать за Адидже, получил от главнокомандующего — в тот момент, когда тот двинулся на Триент, — очень подробную инструкцию, которая его сильно изумила. Она любопытна и должна находиться в его бумагах. Все, что произошло на Адидже, было предусмотрено. Когда Наполеон почувствовал опасность, он вызвал к себе гарнизон Леньяго и приказал генералу Саюгэ, командовавшему блокадой Мантуи, поставить туда другой. Тогда Мессарош потребовал от Вурмзера подкреплений и особенно понтонный парк. Вместо этого он получил приказ поспешно вернуться к Бассано. В Виченце он встретился с самим Вурмзером, только что изгнанным из Бассано.

5. Преследуемый дивизией Массена, двинувшейся прямо из Бассано на Виченцу, и дивизией Ожеро, прибывшей в Падуя, Вурмзер оказался, таким образом, прижатым к Адидже. У него не было понтонного парка; он его потерял в Бассано. Из 70-тысячной армии у него оставалось только 16 000 человек, сильно деморализованных, если не считать хорошей кавалерии численностью в 6000 человек, не испытавшей потерь и полной энергии. Его положение казалось безнадежным; но тут вдруг тремя кавалерийскими эскадронами был захвачен альбаредский паром. Они переправились на правый берег Адидже и перерезали коммуникации Леньяго с мантуанским блокадным корпусом. Они изрубили несколько отбившихся от своих частей солдат, которые подняли тревогу в Леньяго. По обычаю австрийцев, этот кавалерийский патруль повсюду распространял самые панические слухи, а именно, будто Наполеон со всей своей армией погиб в ущельях Бренты, а Вурмзер со своей победоносной армией подходит к Мантуе. Комендантом Леньяго был командир батальона легкой пехоты, находившийся там с 500 человек. Он потерял голову, придал веру этим ложным сведениям, счел шедевром военного искусства эвакуировать крепость, спасти свой батальон и присоединиться к Саюгэ у Мантуи. Начальник австрийской кавалерии тотчас же об этом узнал и овладел городом и мостом (мост, хотя и деревянный, был оставлен неповрежденным). Такое счастливое событие изменило положение старого фельдмаршала, которому уже не угрожала больше необходимость сложить оружие. Он немедленно бросился к Леньяго, переправился через реку, но имел неосторожность потерять один день. Наполеон прибыл в Арколе, напротив Ронко, в ту самую минуту, когда Вурмзер входил в Леньяго. Он овладел паромом и тут же приказал дивизии Массена переправиться на другой берег, чтобы воспользоваться беспечностью Вурмзера. Наполеон еще надеялся упредить его на р. Молинелла и двинулся на Сангвинетто, в то время как Ожеро выступил из Падуи на Леньяго. Если бы авангард Массена не направился слишком влево, на Черреа, то вся дивизи-

зия Массена прибыла бы к Сангвинетто раньше противника и Вурмзер опять-таки был бы вынужден сложить оружие. Но так как в Черее дорога была преграждена лишь авангардом силою в 500 кавалеристов и 1200 человек легкой пехоты, не поддержанных главными силами дивизии, шедшими на Сангвинетто, то Вурмзер прорвал ряды авангарда и прибыл к Молинелла, где стояли на позиции Кильмэн и Саюгэ. Ими был разрушен мост у Каstellаро, но мост у Виллаимпента они не тронули. Вурмзер направился туда. Дорога на Мантую была открыта. Вот как ему удалось спастись.

При первом пушечном выстреле в авангарде у Черее Наполеон, бывший верхом и двигавшийся несколько правей, в направлении на Сангвинетто, понял, что происходит. Он понесся туда галопом, чтобы исправить дело, но когда он туда прибыл, 4-я легкая полубригада уже отступала в беспорядке и несколько тысяч кавалеристов наводнили равнину. Одна старуха сообщила Вурмзеру, что едва 10 минут назад у дверей ее дома был французский главнокомандующий. Он едва успел, — прибавила она, — дать шпоры коню. Старый фельдмаршал надеялся, не без некоторого основания, что его противник попадет к нему в руки. Как передают, он требовал привести его к себе живым.

По-видимому, автор не знал о Веронском бое и о событиях у Леньяго.

Потери австрийской армии с 4 по 12 сентября равнялись 30 000 человек убитыми и ранеными, и 14 000 человек были захвачены в Мантуе, среди которых сам фельдмаршал, весь штаб, административно-хозяйственная часть и т. д.

V

1. В битве 6 ноября на р. Бренте¹ генералы Кважданович и Гогенцоллерн были оттеснены дивизией Ожеро к Бассано. Было необходимо сделать усилие, чтобы вынудить их вновь перейти через мост и принять решительный бой. Наполеон отдал приказ выслать вперед бригаду из резерва, но хорватский батальон, который Кважданович, когда он двигался вперед, выслал на правый фланг в качестве охранения, оказавшись отрезанным, забаррикадировался в деревне на шоссе из Виценцы в Бассано. Бригада резерва, встреченная при входе в это селение сильным ружейным огнем, не смогла пройти. Пришлось приступить к маневру и подвезти пушки. Это селение было взято штурмом, но бригада потеряла 2 часа, и наступила уже ночь, когда она прибыла к Бассано.

¹ Битва на Бренте, обозначенная здесь битвой 6 ноября, была разыграна 5 ноября 1796 г. (15 брюмера V года). — Прим. франц. ред.

2. У генерала Кильмэна, занимавшего Верону во время сражения у Арколе, был под командованием отряд только в 1500 человек пехоты, кавалерии и артиллерии.

3. Мост через Адидже был переброшен против Ронко, на правом берегу Альпоне, между устьем этой реки и Вероной, а не против Альбаредо, ниже устья Альпоне, во-первых, потому, что австрийские гусары занимали селение Альбаредо, и если бы мы там навели мосты, они дали бы об этом знать Альвинци. На внезапность особенно рассчитывали, так как противник упустил возможность занять болото против Ронко, удовольствовавшись разведкой его гусарскими разъездами, объезжавшими дамбы два раза в день. Во-вторых, во французской армии было только 13 000 человек; у нее не было никакой надежды в данных условиях разбить 40 000 человек на открытой равнине, где можно было полностью развернуться, тогда как на дамбах, окруженных болотами, драться могли только головы колонн. Численность тут не оказала бы влияния. В-третьих, Альвинци готовился к штурму Вероны. Его главная квартира находилась в трех лье от нее. Могло случиться, что в момент наступления французской армии на Ронко он пойдет на Верону. Армии пришлось поэтому переправиться через Адидже выше устья Альпоне, чтобы не иметь перед собой никакой естественной преграды при движении вслед за Альвинци на Верону.

Если бы французская армия переправилась напротив Альбаредо, было бы достаточно нескольких хорватских батальонов, закрепившихся на правом берегу Альпоне, чтобы обеспечить марш Альвинци к Вероне. Если бы этот город был взят, французская армия была бы вынуждена отступить, чтобы соединиться с Вобуа у Мантуи и упредить там противника.

4. Почему селение Арколе было оставлено французской армией в конце первого дня? Почему она вернулась туда в конце второго дня? Потому, что преимущества, достигнутые в первый день, хотя и довольно значительные, были недостаточны для выхода на равнину и восстановления коммуникаций с Вероной. Между тем, явилось опасение, что в день боя у Арколе Давидович направился из Риволи в Кагельнуово, а в таком случае нельзя было больше терять времени. Французской армии надлежало двигаться всю ночь для соединения на следующий день с Вобуа у Кагельнуово и Виллафранка, чтобы разбить Давидовича и сохранить блокаду Мантуи, а затем, если бы это удалось, возвратиться назад, прежде чем Альвинци переправится через Адидже. Наполеон получил в 4 часа утра сообщение, что Давидович накануне не трогался с места. Тогда он вновь перешел через мост и взял Арколе. В конце второго дня он рассуждал таким же образом: он добился существенных преимуществ, но недостаточно решительных, чтобы рисковать выходом на равнину; он мог все еще ожидать, что Давидович пойдет на Вобуа; нужно было иметь возможность

двинуться на помощь Вобуа и для прикрытия блокады Мантуи. Эти очень тонкие соображения основывались на почасовом расчете времени, и нужно было хорошо знать шахматную доску между Вероной, Вилланова, Ронко, Мантуей, Кастельнуово и Риволи, чтобы они пришли в голову.

5. Спрашивают, почему французская армия в первый же день не перебросила моста у устья Альпоне для выхода на равнину и почему она не навела его хотя бы во второй день? Потому, что она терпела неудачи в течение восьми дней, что в ней насчитывалось только 13 000 бойцов; наконец, потому, что именно на третий день, вследствие последовательно нараставших успехов, несколько восстановилось равновесие между обеими армиями. Положение было таково, что если бы до отдачи приказаний об операциях на четвертый день Наполеон созвал на совет генералов для обсуждения вопроса о том, следует ли продвигаться на Вилланова и Виченцу для восстановления коммуникаций с Вероной по левому берегу, или двинуться на помощь к Вобуа по правому берегу, все мнения были бы за движение по правому берегу. Когда же за два часа до рассвета его дивизионные генералы получили приказ двинуться вперед к Вероне, они нашли это движение слишком смелым. Однако, когда дивизии двинулись со стоянок, разведка донесла, что противник начал отступление на Виченцу и Бренту.

VI

1. Кларк действительно имел поручение войти в сношения с Венским двором. Он также имел поручение вести переговоры с Наполеоном от имени меньшинства Директории. Было бы большой ошибкой предполагать, что у него было намерение заменить собой Наполеона. В правительстве произошел раскол, но обе партии были одинаково довольны ходом итальянских дел. Сверх того, Кларк не имел никакого опыта командования войсками. По складу своего ума он был скорее наблюдателем. В главной квартире он занимался наблюдением за отдельными офицерами. Это вызвало неудовольствие некоторых из них и навлекло на него нареkania. Он был человек трудолюбивый и неподкупный.

2. 59-я полубригада никогда не входила в состав Итальянской армии. Входили в ее состав 57 и 58-я полубригады.

3. Когда Наполеон выехал из Риволи и направился к Мантуе, он оставил там генералов Массена и Жубера. В эту кампанию план придворного военного совета заключался в том, чтобы операции Альвинци через Монте-Бальдо и операции Провера через нижний Адидже велись независимо одна от другой. Вурмзеру было дано приказание маневрировать для соединения с Провера, если Альвинци будет действовать удачно, и

развивать успех, насколько позволят обстоятельства. Если Альвинци был бы разбит, а Провера стал бы действовать удачно, то Вурмзеру надлежало воспользоваться двумя-тремя днями, когда в его власти окажется течение По, чтобы переправить через эту реку весь свой штаб, все артиллерийские, пехотные и кавалерийские кадры и двинуться на Рим для присоединения к армии папы, для увеличения и обучения папских ополчений и этим принудить французского главнокомандующего к разделению своей армии на две части. Что касается Мантуи, то Вурмзер должен был снабдить ее продовольствием на два месяца, если бы ему удалось достаточно долго удерживаться в Серральо; если же, наоборот, он не смог бы этого сделать, ему надлежало покинуть эту важную крепость и увезти с собой во владения папы все орудия с боевыми припасами, какие только возможно будет эвакуировать.

4. Армии Альвинци и Провера были более сильны, чем полагают. Потери их достигали 30 000 убитых, раненых и пленных. Число пленных было не меньше 19 000.

VII¹

1. Начать кампанию было необходимо до таяния снегов, чтобы не дать времени австрийским инженерам закрыть полевыми укреплениями выходы из Норических Альп и подготовить к обороне Пальманова; было так же важно разбить эрцгерцога прежде, чем к нему подойдут дивизии с Рейна.

Чтобы помешать переправе французской армии через Тальяменто, придворному военному совету следовало сосредоточить свою армию в Тироле до 1 марта, оставив на Тальяменто только 6000 человек для наблюдения. Если бы и после этого французский главнокомандующий упорствовал в намерении переправиться через эту реку, эрцгерцог смог бы его остановить. Переправившись через Авичио, двинувшись на Триент и угрожая Бассано и Вероне, он принудил бы французов к отступлению. Если бы эрцгерцог остался на Верхней Бренте, французской армии было бы невозможно растягивать свой правый фланг и она была бы вынуждена начать военные действия в Тироле. Это дало бы ему три преимущества: 1) возможность сосредоточения своей армии на 20 дней раньше: Инсбрук лежит около Рейна, Конельяно же и Сачиле от него значительно удалены; 2) поле сражения представляло бы ту выгоду, что находилось в стране, где население было ему всецело предано и сильно возбуждено; 3) создавалась возможность вести свои операции концентрированно, получая новые подкрепления из Рейнской армии. Одна ошибка придворного военного совета — сосредото-

¹ Эти замечания относятся к кампании 1797 г. — Р е д.

чение армии во Фриуле вместо Тироля — подставила под удар столицу и решила исход войны.

2. Позиция эрцгерцога позади Тальяменто, перед Кодроило была неудачной. Ему следовало расположиться у Сан-Даниеле, обеспечив себе возможность отступления через ущелья; это позволило бы ему помешать Массена предупредить его у Тарвиса. Его отступление по ущельям Чивидале в направлении на нижнее Изонцо, в то время как Массена был уже у Тарвиса, сделалось для него гибельным.

3. Дивизия Гюйо двигалась не на Торре, а на Удине, Чивидале и Капоретто. Главная квартира направлялась на Пальманова и Градиска с дивизиями Бернадотта и Серюрье. Дивизия Массена находилась в Тарвисе. Спрашивают, почему же дивизии Бернадотта и Серюрье не двинулись на Чивидале для поддержки дивизии Гюйо? — Потому что эрцгерцог двинул две дивизии и свои парки по ущельям Чивидале, и дивизии Гюйо было достаточно, чтобы теснить их. По прибытии в Капоретто этот корпус продолжал бы двигаться на Тарвис, место своего первоначального назначения, и тогда он был бы обречен на гибель и вынужден сложить оружие, как это в действительности и произошло. Или же, узнав, что Массена уже в Тарвисе, он спустился бы вниз вдоль Изонцо и двинулся бы на Герц, чтобы достичь Карниоля; в этом случае нужно было иметь достаточно сил, чтобы двинуться ему навстречу и отбросить на Капоретто, куда уже прибыл бы Гюйо, принудив врага сложить оружие в ущельях Капоретто.

Всю эту главу надо написать заново; операции описаны в ней неточно.

Эрцгерцог участвовал в Тарвисском бою. Наполеон предпочел опираться на Градиска, а не на Герц, так как левый берег Изонцо господствует над правым до дороги на Монтефальконе.

4. В инструкциях генералу Жуберу предписывалось, отбросив генерала Керпена за Бреннер, сделать поворот направо, спуститься по долине Дравы и присоединиться к армии в Виллахе. Такое решение было правильным, потому что Жубер начал действовать лишь тогда, когда армия одержала победу на Тальяменто, и его правый фланг двинулся на Драву только тогда, когда главная квартира была уже в Клагенфурте. Наполеон высылал к нему навстречу в Линц и в Шпиталь своего адъютанта Ла-Валетта и генерала Зайончека с несколькими драгунскими эскадронами.

5. Дивизию Виктора никогда не собирались оставить в Романье. Она была послана в экспедицию на Рим; требовалось время на ее возвращение оттуда. Она должна была занять позицию на Адидже, чтобы образовать ядро наблюдательного корпуса против венецианцев. Запоздание ее на несколько дней повело к веронской резне. Оно явилось результатом ошибки

в расчетах дивизионного генерала. Нужно было быть совершенно сумасшедшим, чтобы оставлять войска в Нижней Италии.

6. После переправы через Тальяменто Наполеон писал Директории, что 15 апреля он будет в Германии¹, в главном городе Каринтии. Поэтому необходимо, чтобы Самбро-маасская и Рейнская армии, насчитывавшие 150 000 бойцов, без замедления выступили в поход и заняли позицию на Энсе. По прибытии же их на эту реку он станет управлять комбинированным движением всех трех армий на Вену. Директория ответила Наполеону, что рейнским армиям будет приказано выступить и что в тот момент, когда к нему прибудет курьер, военные действия уже начнутся. Но 1 апреля он получил в Клагенфурте уведомление, что ему не следует рассчитывать на совместные действия с рейнскими армиями, что армия Гоша, может быть, и откроет кампанию, но состояние войск Моро таково, что он не может перейти через Рейн.

Это сообщение возбудило в нем ряд подозрений. Он заключил с сардинским королем наступательный и оборонительный союз, гарантировав последнему его владения и добившись от него выставления контингента в 10 000 человек пехоты, 2000 кавалерии и 24 орудия. Эта дивизия, которую он повел бы в Германию, обеспечила бы ему спокойствие в тылу. Каждый пьемонтский солдат являлся бы для него заложником. Директория, не порицая этого договора, затянула его ратификацию, и кампания открылась прежде, чем армия могла усилиться этой дивизией хороших войск. Это было тем более досадно, что 12 000 человек, оставаясь незанятыми, могли стать опасными.

Наполеон был также недоволен влиянием посланника Квинини, который открывал двери золотым ключом и мешал урегулированию венецианских дел. Он проникся убеждением в необходимости заключить мир и отправил свое столь известное письмо к эрцгерцогу. Вся парижская почта, прибывавшая до 18 апреля, укрепляла его в мысли, что Германские армии не двинулись с места. Он узнал об их переправе через Рейн уже после подписания предварительных леобенских условий мира, которые были бы им подписаны лишь в Вене, если бы он знал, что рейнские армии начнут кампанию, хотя бы они переправились через Рейн только в мае. Для него было бы достаточно и этого.

¹ Имеется в виду Германская империя. — Р е д.

ОЧЕРКИ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ ЗА 1798 г.¹

I. Вторая коалиция Австрии, Англии, России и Неаполя против Франции. — II. Римская война (ноябрь — декабрь 1798 г.). — III. Неаполитанская война (январь 1799 г.). — IV. Замечания.

I

На запрос правительства в 1798 г. о происшествии с французским посланником в Риме Наполеон ответил, что существование Римской республики несовместимо с существованием неаполитанского короля и невозможно, чтобы города Рим и Неаполь, так близко расположенные друг от друга, оставались продолжительное время под столь противоположными влияниями. Сардинский король, окруженный со всех сторон четырьмя республиками, дрожал в своей столице. На Раштадтском конгрессе Франция отказалась от политической системы, принятой в Кампо-Формио, и это оттолкнуло от нее Австрию. Екатерина умерла. Ее преемник Павел питал явное отвращение к принципам французской революции. Он питал симпатию к Мальтийскому ордену, к королям сардинскому и неаполитанскому и к швейцарским олигархам. Кабинеты Сент-жемский и Венский, столько раз обманутые хитроумной Екатериной, рассчитывали на рыцарский характер ее сына. Все предвещало войну.

Известие об уничтожении в Абукире французской эскадры распространилось по Европе в сентябре. Это было электрической искрой, зажегшей пожар, охвативший вскоре весь континент. Неаполитанский король устроил Нельсону триумфальную встречу. Порта объявила республике войну. Англия, Австрия, Россия и Неаполь образовали вторую коалицию. В ноябре 1798 г. одна австрийская дивизия овладела Рейнталем под предлогом покровительства граубюнденским лигам. Австрийский генерал Макк принял командование над неаполитанской армией, переведенной на военное положение и размещенной в лагерях.

Французское правительство видело надвигающуюся бурю и готовилось ей противостоять. В сентябре правительство из-

¹ Этот очерк напечатан по подлинной рукописи. — Прим. франц. ред.

дало декрет о призыве в войска. Немного спустя оно распорядилось о наборе 200 000 новобранцев. Директория снова провозгласила независимость республик Цизальпинской и Лигурийской, пытаясь расположить к себе итальянцев, которых она от себя оттолкнула, упразднив государственное устройство, введенное Наполеоном. Бельгия восстала. Ее усмирили и обезоружили. Генерал Журдан покинул в октябре Совет Пятисот и принял в Майнце командование над Рейнской армией. Генерал Жубер отправился в Милан, генерал Шампионе — в Рим. Всюду в Европе слышалось бряцание оружием. Все же ожидали и некоторых полезных результатов от зимних переговоров.

Но в конце ноября неаполитанский король стал во главе своей армии. Без объявления войны, без согласования своих действий с союзными армиями, он перешел границу, атаковал Римскую армию французов и торжественно вступил в столицу христианского мира. После своих поражений он упрекал Венский кабинет в том, что тот его скомпрометировал. Последний в свою очередь обвинял его в опрометчивости: ему следовало скрывать свои намерения и ждать прибытия русских войск. Но на самом деле Австрия, опасаясь, что этот государь станет опять поступать, как в 1796 г., когда он больше всех спешил заключить сепаратный мир, стремилась прежде всего, не раскрывая собственных намерений, скомпрометировать его, чтобы у него не оставалось никакой надежды на возможность повернуть вспять. Со своей стороны, англичане, боясь колебаний Венского двора и желая предупредить зимние переговоры, стремились оборвать все нити, сделать всякое соглашение невозможным.

Как только Директория узнала о вторжении неаполитанского короля, она тотчас же дала генералу Жуберу приказ обеспечить господство над Пьемонтом. Перехваченные письма обнажили намерения этого кабинета. Жубер вошел в Турин 28 ноября. Король отрекся от престола и удалился со своей семьей и казной на о. Сардинию. Савойский дом был мало любим. Пьемонтцы хотели присоединиться к Франции. Их армия перешла на сторону республики и служила хорошо.

Занятие Ливорно неаполитанской дивизией, которую высадил там Нельсон, скомпрометировало великого герцога тосканского. Он был лишен своих владений и удалился в Вену со всем, что ему принадлежало.

II

Неаполитанский король выставил армию в 100 000 человек, в числе которых было 10 000 человек кавалерии; 70 000 человек были готовы выступить в поход. Он направил 3000 человек из их состава на Порто-Лонгоне, Президы и гору Арджентаро, а 7000 человек погрузил на суда эскадры Нельсона, высадив-

шего их в Ливорно. На территорию Римской республики он вступил с 60 000 человек, из которых десятую часть составляла кавалерия.

Из Рима в Верхнюю Италию ведут три шоссе. Одно идет вдоль моря, пересекает Чивита-Веккию (15 лье), Орбетелло (15), Ливорно (34) — всего 64 лье¹. Другое проходит через Ринчильоне (11 лье), Витербо (4), Сиенну (30), Флоренцию (12) — всего 57 лье. Третье пересекает Тибр по Боргеттскому мосту, в 2 лье от Чивита-Кастеллана (14 лье), достигает Терни (7), где разделяется на две дороги: одна, левая, идет на Ареццо (25), Флоренцию (15) — всего 61 лье; правая пересекает Апеннины, герцогство Урбино и оканчивается в Фано на Адриатическом море (34) — всего 55 лье. Дорога, идущая от Терни вправо, пересекает Апеннины в Фолиньо (10 лье), проходит через Толентино (12) и Лорето (9) и оканчивается в Анконе (11) — всего 54 лье.

Левая оконечность пограничной линии Неаполитанского королевства проходила через Террачина на Средиземное море, в 20 лье от Рима. Центр этой линии, между Чивита-Дукале и Риети, находится в 5 лье от Терни. За один день пути можно пройти от Риети в Терни. Там проходит флорентийское шоссе, и этот пункт находится в четырех переходах от Рима. Правая оконечность границы проходила в Асколи, на р. Тронто, в двух переходах от Мачерата, города, расположенного на анконском шоссе, и в десяти переходах от Рима.

Французская армия под командованием генерала Шампионе состояла из 25 000—26 000 бойцов в строю, из которых 8000 поляков, цизальпинцев и романцев. Она была разделена на три дивизии. Правая, численностью в 12 000 человек, под командованием генерала Макдональда, занимала Террачину, Рим и Тиволи. Центральная, в 6000 человек, под командованием генерала Лемуана, занимала Терни. Левая, 8000 человек, под командованием генерала Каза-Бьянка, находилась между р. Тронто, Фолиньо и Анконой и примыкала к Адриатическому морю.

Неаполитанский король пренебрег объявлением войны. В то время как его посол был в Париже, а французский посол в Неаполе, он начал военные действия. Вступив в Рим, он обнародовал манифест, датированный 14 ноября, в котором заявлял, что начал войну с Французской республикой, потому что она захватила о. Мальту, сюзереном которого он был, и угрожает существованию его трона созданием Римской республики. Генерал Макк предложил генералу Шампионе эвакуировать владения папы и все его крепости, потому что неаполитанский король желает занять их и не признает Римской республики. Шампионе получил это предложение 24 ноября. Он приказал сделать

¹ Имеется в виду длина шоссе. — Р е д.

пушечные выстрелы с замка св. Ангела, возвещавшие тревогу, снабдил этот форт запасами, поставил там хороший гарнизон, создал корпус из римских волонтеров, удвоил численность городской стражи и вверил им оборону города.

Между тем Неаполитанская армия начала кампанию, действуя сразу по трем направлениям: вдоль Адриатического моря, в центре и вдоль Средиземного моря. Генерал-лейтенант Мишери с 15 000 неаполитанцев и 24 пушками двинулся на Асколи, переправился через Тронто и прибыл в Фермо. Генерал Каза-Бьянка отошел на Мачерата, но, соединившись с бригадами генералов Рюска и Моннье и собрав 7000 человек, перешел в наступление, встретил у Фермо неаполитанцев и 30 ноября разбил их, захватив 600 пленных и всю их артиллерию. Генерал Филиппи с 9000 человек и восемью пушками двинулся из Акви и Чивита-Дукале на Терни, где атаковал дивизию Лемуана, имевшую в своем составе только 3000 французов. Храбрость восполнила недостаток в численности; неаполитанцы были отражены, оставили 400 пленных, шесть пушек, знамена и в беспорядке отступили на Чивита-Дукале. Король с 36 000 человек двинулся на Рим. Он прибыл туда 27 ноября, 28-го окружил замок св. Ангела и 29-го совершил свое торжественное вступление в Рим.

Шампионе разумно рассудил, что так как противник находился в окрестностях Терни, позицию у Рима удерживать невозможно. Он ее очистил, оставив 800—900 человек в замке св. Ангела, и расположил свою главную квартиру в Терни, прикрываясь на правом фланге дивизией Макдональда, расположенной в Чивита-Кастеллана, и на левом фланге дивизией Лемуана, расположенной в Риети.

После четырех-пяти дней, проведенных в Риме, Макк двинулся вперед по обеим берегам Тибра, имея главные силы на правом берегу, потому что он хотел отрезать французскую армию, лишить ее всяких коммуникаций, окружить и взять в плен. Правый корпус должен был пересечь шоссе, ведущее из Анконы в Мачерата; центральному корпусу надлежало, расположившись в Терни, пересечь дорогу, ведущую из Ареццо в Фано; сам Макк, двигаясь между Тибром и морем через Сиенну, должен был перерезать оба шоссе — на Чивита-Веккио и флорентинское. 7000 неаполитанцев, высадившихся в Ливорно, должны были двинуться ему навстречу. Во исполнение этого плана 2 декабря он перенес свою главную квартиру в Баккано, где расположил свой резервный корпус в 15 000 человек, и приказал кавалеру де Сакс¹, командовавшему дивизией в 9000 человек, отбросить французские авангарды с правого берега Тибра и перехватить сиенскую дорогу. Генерал Метш должен

¹ Де Сакс — французское наименование немецкого дворянского рода фон Заксен. — Р е д.

был двинуться с 7000 человек по левому берегу Тибра на Монте-Ротондо, следуя по дороге из Рима в Терни, и прервать сообщение между Чивита-Кастеллана и Терни. В Чивита-Кастеллана находился Макдональд с резервом в 3000 человек. Он выставил три авангарда на трех дорогах, выходящих к Риму, а именно: генерала Княжевича с 2000 человек — на сиенском шоссе, около Рончильоне, на позиции у Фаллари; генерала Келлермана с 1800 человек — на центральном шоссе, у небольшого городка Непти; полковника Лаюра с 900 человек — на шоссе, идущем вдоль Тибра. Кавалер де Сакс атаковал одновременно эти три авангарда. Повсюду он был отражен и отступил к резерву, потеряв треть своих людей. В продолжение этого времени генерал Метш двигался по левому берегу на Канталупо, Кальви и Отриколи, где проходит дорога из Чивита-Кастеллана в Терни, которую он перерезал. Это вызвало беспокойство в главной квартире в Терни. Макк, присоединив к себе дивизию кавалера де Сакс, мог принять одно из двух решений: или возобновить атаку на Чивита-Кастеллана своими резервами, или переправиться через Тибр для поддержки дивизии Метша. Он остановился на втором решении. Он приказал навести мост через Тибр и расположиться в Канталупо. Макдональд и генерал Княжевич выступили, чтобы восстановить сообщение с главной квартирой. Они переправились на левый берег Тибра по Боргеттскому мосту, 9 декабря вновь захватили Отриколи, отбросили неаполитанскую дивизию на Кальви, окружили ее там и заставили сложить оружие. Она вся целиком сдалась в плен, хотя в ней оставалось еще 4500 человек. У нее было восемь пушек и 15 знамен. Со своей стороны, генерал Лемуан двинулся из Терни на Риети, Чивита-Дукале, Аквила и оттуда на Монте-Ротондо, вызвав тревогу в Риме.

Из 32 000 человек, с которыми Макк выступил из этой столицы, у него оставалось в строю не больше 20 000, а именно: 14 000 человек в его лагерной стоянке в Канталупо и 6000 человек под командованием кавалера де Сакс на позиции по правому берегу Тибра. Корпуса, действовавшие вдоль Адриатического моря и на центральном участке, также понесли большие потери. Армия была совершенно деморализована. Дивизия Лемуана обошла ее правый фланг, к французам ежедневно прибывали подкрепления. Войска на Адидже совершенно не двигались. Генерал Макк решил отступить и 12 декабря снял свой лагерь. Макдональд начал его преследовать.

11 декабря в Риме узнали о поражении неаполитанцев. 12-го король отступил в Альба; 13-го неаполитанский гарнизон очисти столицу; 14-го французский гарнизон вышел из замка св. Ангела и вступил в город; 15-го авангард Шампионе вступил в Рим. Этот авангард встретился с колоннами кавалера де Сакс, намеревавшегося при своем отступлении пройти по Римскому мосту. Они были атакованы, разбиты и отброшены

на равнину Сторта. Их рассеяли, захватив пушки и 1200 пленных. Граф Роже-де-Дама, генерал неаполитанской службы, собрал беглецов и двинулся на Витербо, где вспыхнуло восстание. Келлерман бросился за ним, догнал в Монтальто и разбил. Остатки этой дивизии собрались в Орбетелло и отступили морем в Неаполь. Келлерман блокировал Витербо, который сдался лишь несколько дней спустя. В боях у Терни, Фермо, Чивита-Кастеллана, Отриколи, Кальви, Канталупо, Сторта неаполитанцы потеряли 25 000 человек, из коих 10 000 пленными, 15 000 убитыми, ранеными и дезертирами, 80 пушек и много знамен. Макк смог собрать свою армию только за р. Вольтурно. Ему удалось в последних числах декабря сосредоточить там 20 000 человек из 45 000, составлявших его центр и левый фланг. С прибытием подкреплений из Неаполя он занял позицию, опираясь левым флангом на крепость Капую и правым на Казерте. Французская армия, хотя и захваченная врасплох и наполовину меньшая по численности, потеряла мало людей. Несколько служащих римского правительства, хотевших бежать во Флоренцию, были задержаны в Витербо восставшими и подверглись очень дурному обращению.

III

Освободив таким образом римские области от неаполитанской армии, Шампигне продолжал развивать свой успех и двинулся на Неаполь. Из римских владений в Неаполитанское королевство ведут четыре шоссе. Первое, правое, пересекает понтийские болота, подходит в Террачине к границе Неаполитанского королевства (22 лье), затем идет в Газта (8 лье), проходит через р. Гарильяно около Трайето (12 лье) и через р. Вольтурно по мостам Капуи (9 лье) достигает Неаполя (7 лье); общая длина его 58 лье. Второе шоссе также выходит из Рима, пересекает Фраскати, подходит в Изола, на р. Гарильяно, к границе Неаполитанского королевства (22 лье), оттуда через Сан-Джермано и Кальви идет в Капую (22 лье), а из Капуи в Неаполь (7 лье); общая длина его 51 лье. Третье шоссе выходит из Терни, проходит через Чивита-Дукале (8 лье), Аквила (11 лье), Пополи (12 лье), Сольмона (4 лье), пересекает главный хребет Апеннин и Венарро (18 лье) и достигает Капуи и Неаполя (16 лье); общая длина его 69 лье. Четвертое шоссе следует вдоль Адриатического моря до Пескары (14 лье), где соединяется с третьим шоссе; общая длина его 62 лье.

Французская армия в составе четырех дивизий наступала по четырем шоссе: генерал Рей — по шоссе Террачине — Фонди, главнокомандующий с дивизией Макдональда — по нзольскому

шоссе, где переправился через р. Гарильяно по Чепранскому¹ мосту. При его приближении ретраншементы, которые Макк возвел для обороны этой реки, были брошены вместе с 80 пушками. Не встретив никакого сопротивления, Шампионе прибыл в Сан-Джермано 1 января 1799 г. Генерал Лемуан шел по третьему шоссе и прибыл последовательно в Аквила, Пополи, Сольмона. Генерал Дюгем, командующий четвертой дивизией, направился на Пескару, овладел этой крепостью, взял в ней 3000 пленных и оттуда двинулся на Пополи вслед за дивизией Лемуана.

Со стоянки в Казерте, где он прикрывал столицу, Макк 31 декабря прислал своего адъютанта Пиньятели с просьбой о перемирии. В этом ему было отказано.

3 января Шампионе перенес свою главную квартиру в Кальво. Бригадный генерал Матье неосторожно ввязался в дело у Капуи, был отброшен с потерями и сам тяжело ранен. Шампионе, получив сведения о том, что противник занимает прочную позицию, и не имея никаких известий о дивизиях Рея, Лемуана и Дюгема, отошел назад на несколько лье, чтобы улучшить свое положение и выждать присоединения этих дивизий. Едва этот отход был закончен, как Шампионе узнал, что генерал Рей, усиленный бригадой, приведенной Келлерманом из-под Витербо, овладел крепостью Газта, захватил там 4000 пленных, а также большие склады, переправился через Гарильяно и теперь идет к его правому флангу, по нижнему Вольтурно; генерал Лемуан подошел к этой реке перед Венафро, а Дюгем также вышел из Пескары, и таким образом вся армия оказывается или в ближайшее время окажется в сборе. Эти дивизии повсюду имели успех.

Между тем набат во всех селениях призывал крестьян к оружию. Поднялось все население гарильянской долины и Апеннин. Восставшие овладели Гарильянским мостом, уничтожили парк дивизии Рея, перерезали большое число отставших французских солдат и расположили в Сесса свою главную квартиру. Высланные на их усмирение два батальона были потрепаны и оттеснены. Сама главная квартира французской армии, подвергаясь нападению толпы этих крестьян, едва не была захвачена и спаслась только благодаря доблести двух батальонов 97-й полубригады. Все коммуникации между различными частями армии были перехвачены. Восстание разгласилось с каждым днем благодаря удачным для повстанцев стычкам. Тем временем Макк снова предложил перемирие. Оно было принято и подписано 10 января 1799 г. Капуя передавалась французам, занявшим все королевство, кроме Неаполя и его окрестностей. Король обязался немедленно уплатить

¹ Чепрано находился на р. Лира, которая, соединяясь немного ниже с р. Сакко, образует р. Гарильяно. — Прим. франц. ред.

10 миллионов на содержание армии и закрыть свои порты для англичан и русских. Этому известия и наступления нескольких батальонов было достаточно, чтобы рассеять мятежников и вернуть их в свои общины.

Король покинул Неаполь 23 декабря и удалился на Сицилию, оставив управление королевством в руках князя Пиньятелли. Население этого большого города было охвачено брожением; страсти разгорелись. 12 января до него дошло известие о перемирии и об уступке Капуи; 14-го при виде нескольких французских офицеров, вышедших на прогулку, народ бросился к оружию, разразилось восстание. Во время этих событий в порт прибыл конвой с неаполитанской дивизией, занимавшей Ливорно. С этими солдатами обошлись, как с трусами, и разоружили их. Склады оружия были разграблены: 30 000—35 000 лаццарони¹ разобрали оружие, чтобы защитить столицу. 16 января они выбрали князя Молинтерно своим главным начальником и овладели фортом Сент-Эльм. Все действия сопровождалось криками: «Да здравствует св. Януарий, да здравствует Иисус Христос, да здравствует король Фердинанд!» Французов и неаполитанских патриотов избивали на улицах. Несколько домов было разграблено. Дворянство и богатая буржуазия, которым открыто угрожали за приверженность к французам, присоединились к патриотам, давно уже втайне переписывавшимся с Шампионе. 21 и 22-го армия приблизилась к городу. 23-го патриоты, во главе которых находился князь Молинтерно, ставший уже подозрительным для лаццарони, овладели фортом Сент-Эльм. Французы вошли в Неаполь. Многочисленная партия республиканцев подняла голову. Настроение лаццарони изменилось. 24 января главнокомандующим было составлено временное правительство из 21 патриота. Немного спустя была провозглашена Партенопейская республика, и неаполитанская революция закончилась.

Директория не утвердила соглашения от 10 января. Это, а также административные соображения побудили ее отозвать Шампионе и вернуть командование Неаполитанской армией генералу Макдональду. Макк, которого неаполитанцы возненавидели, был взят в плен и отправлен в Париж.

IV

Первое замечание. 1. В 1798 г. армия во всей Италии была на мирном положении. Крепости не были снабжены запасами, артиллерия не имела упряжек, штабные офицеры разъехались, и многие офицеры были в долгосрочном отпуску. Главнокомандующий прибыл к армии лишь за восемь дней до на-

¹ «Босяков». — Р е д.

чала военных действий. Хотя и предвещенное задолго до того вторжение неаполитанского короля оказалось тем не менее неожиданным.

2. Шампние эвакуировал Рим слишком поздно. Он должен был сделать это 48 часами раньше. Позиция, которую он занял в Чивита-Кастеллана, перед Боргеттским мостом, была надежна. С нее он в любое время мог переправиться в несколько часов на левый берег Тибра и сосредоточить свои силы у Терни. Но он должен был сделать это только тогда, когда наступит необходимость, ибо не следовало без боя отдавать врагу шоссе на Чивита-Веккия и Сену. Он не мог рассчитывать на шоссе, ведущее на Анкону и Фано, и, значит, ему осталось бы лишь шоссе на Ареццо. Бой у Терни, проведенный генералом Лемуаном, является самым замечательным событием этой кампании.

Второе замечание. Было бы, без сомнения, предпочтительнее не вступать в Неаполитанское королевство и, воспользовавшись растерянностью противника, принудить его к подписанию мира и немедленному выходу из коалиции. Но раз уже двинувшись на Неаполь, следовало действовать быстро. 30 000 человек для этого едва хватало. Поэтому нельзя было идти по четырем удаленным одно от другого направлениям, между которыми находились горы, реки, неблагонадежное население. Корпус в 30 000 человек должен всегда быть в сборе. По численности он равен консульской армии. Такую армию римляне каждый вечер располагали на ночлег в каре, сторона которого равнялась 330 туазам. Вместо четырех операционных линий следовало иметь только одну — от Рима к Изола и Капуе. Дивизия Дюгема должна была бы пересечь главный хребет Апеннин в глубине римских владений и выйти на западные склоны. Дивизии Лемуана и Рея должны были находиться около авангарда в таком положении, чтобы никогда не отрываться от него. Двигаясь таким способом, Шампние 6 или 7 января был бы в Неаполе. Владея этой столицей, он легко овладел бы Гаэтой, Пескарой и т. д., а для разоружения населения выслал бы подвижные колонны. Единая операционная линия требует лишь небольших сил для обеспечения важнейших пунктов. Он прибыл бы к Неаполю с 26 000 человек. Наоборот, следуя по четырем линиям, пришлось половину армии оставить в качестве гарнизона в крепостях Гаэта, Пескара, в замках Аквила и других, расположенных на этом пути, и для охраны своих госпиталей. Кроме того, он потерял время на ожидание своих дивизий. Дивизия Дюгема, которой предстояло пройти более длинный путь перед лицом противника, вступившего в борьбу за местность, изобиловавшую горными потоками, реками и ущельями, не могла двигаться с такой же быстротой, как главная квартира, которой нужно было сделать только 50 лье. Это именно и было причиной небольшой неудачи у Капуи, ободрившей восставших и приведшей к многочисленным стычкам. Из-за нее сочли пере-

мирие 10 января за счастливое событие. Директория, которая из Парижа не могла входить в подробности этих ошибок, возмущалась при виде 30 000 человек, остановившихся перед неукрепленной столицей, обороняемой обломками армии. Она была права. Было бы лучше не вести армию дальше Рима, но было явно несообразно оставлять ее у ворот Неаполя, подвергая риску внезапного нападения.

Третье замечание. С австрийскими войсками действия генерала Макка были бы хороши, ибо что могло быть лучше для него, как повести своих солдат в рукопашный бой с французскими солдатами, когда их приходилось двое или трое на одного? Однако неаполитанцы не были опытными солдатами. Ему никогда не следовало применять их для атак, а надлежало вести позиционную войну, что заставило бы французов атаковать первыми. Среди военных имеются большие разногласия относительно того, что выгоднее: производить ли атаку или отражать ее. Этот вопрос не вызывает сомнений, когда, с одной стороны, имеются закаленные, маневроспособные войска, располагающие малочисленной артиллерией, а с другой — армия, хотя и значительно более многочисленная и богато снабженная артиллерией, но офицеры и солдаты которой недостаточно закалены.

Если в самый день начала военных действий Макк оказался бы в Чивита-Дукале с 40-тысячным войском, вечером прибыл бы в Терни, на следующее утро повел бы наступление на Рим, заняв мост у Борджетто и выгодную позицию, — разве смогли бы французы, располагавшие только 9000 человек и 12 орудиями, опрокинуть армию, в пять раз более многочисленную, с 60 орудиями и вдобавок прикрытую ретраншементами? Между тем они были бы вынуждены сделать такую попытку для того, чтобы открыть себе путь к отступлению!

Четвертое замечание. Отступление генерала Макка по левому берегу Тибра было слишком поспешным; он спокойно мог бы отсрочить его на один день. Из-за такой поспешности он пожертвовал целой дивизией, оставленной им на правом берегу. В Неаполитанском королевстве он защищал бы линию р. Гарильяно; он должен был бы...¹ Но Макк никогда не имел солдат. Неаполитанская армия, даже во время своего похода на Рим, не могла рассматриваться иначе, как милиционная армия, исполненная доброй воли. После же своих поражений она превратилась лишь в недовольную, взбунтовавшуюся толпу, действия которой не могут служить поводом для замечаний военного характера.

¹ Здесь в рукописи имеется пробел. — Прим. франц. ред.

ОЧЕРКИ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ, ПРОИСШЕДШИХ В ТЕЧЕНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1799 г.¹

I. План осенней кампании. — II. Действия Гельветской и Нижнерейнской армий; Цюрихское сражение (24 сентября 1799 г.). — III. Англо-русская экспедиция в Голландию; сражение у Бергена (19 сентября); сражение у Эгмонта (2 октября); сражение у Кастрикума (8 октября); капитуляция англо-русской армии (18 октября). — IV. Действия Итальянской и Альпийской армий; сражение у Нови (15 августа); сражение у Женолы (4 ноября). — V. Замечания.

I

Блестящие успехи Суворова вызвали еще большее озлобление императора Павла против республики. Он двинул в поход несколько корпусов: 30 000 человек под командованием генерала Корсакова отправились в Швейцарию; 18 000 человек под командованием генерала Гартмана погрузились в Ревеле на английскую эскадру; 11 000 человек были отправлены в Италию на пополнение к Суворову; это доводило до 90 000 человек силы русских, участвовавшие в этой компании. Ломбардская жара была непереносима для русских. Смешение различных наций в одной и той же армии вызывало одни только неудобства. Австрийские генералы были мало удовлетворены тактикой генерала Суворова, дикие замашки которого их раздражали. Коалиционные кабинеты пришли к соглашению о том, чтобы одновременно действовали четыре армии: одна в Италии, составленная из австрийцев, под командованием Меласа; одна в Швейцарии, составленная из русских, французских эмигрантов и швейцарцев, под командованием Суворова; одна на нижнем Рейне, составленная из австрийцев и войск империи, под командованием эрцгерцога; наконец, одна в Голландии, составленная из англичан, русских и оранжистов², под командованием герцога Йорского. Эта последняя армия, после взятия Амстердама и восстановления власти штатгальтера, должна была вступить в Бельгию и соединиться с Нижнерейнской армией.

Французское правительство со своей стороны, не падая духом от поражений, сделало все, чтобы пополнить свои армии.

¹ Этот очерк напечатан с подлинной рукописи. — Прим. франц. ред.

² Стронников старого режима. — Ред.

Гельветская армия была самой сильной. Массена посылала приказ за приказом, чтобы он упредил русских и овладел Цюрихом. Нижнерейнской армии придали подвижные части и вверили ее генералу Мюллеру. Командующим Итальянской армией назначили генерала Жубера, который, по мнению солдат, был способен исправить положение и возродить прекрасные дни 1796 г. Наконец, была создана новая армия на границе Дофине; ее отдали под командование генералу Шампине, который прославился победами в Риме и Неаполе.

II

Гельветская армия. Массена воспользовался нетерпением, с которым Париж ожидал начала его операций, чтобы добиться получения новых войск. 12 августа он двинул вперед свой правый фланг — 25 000 человек под командованием Лекурба, левый фланг австрийской армии, ему противостоявший, имел только 20 000. Поэтому Лекурб скоро отбросил его из Швица, Глариса, Сен-Готарда к рейнтальским теснинам, захватив несколько тысяч пленных, знамена и пушки. Эти упорные бои, разыгравшиеся в наиболее высоко расположенных пунктах материка, привлекли к Лекурбу взоры всей Европы. Массена со своим центром двинулся на Цюрих, который и атаковал 14-го, но был остановлен у валов этого города. 17-го эрцгерцог, в свою очередь, безуспешно попытался навести мосты через р. Аар с целью обойти левый фланг французской армии и вытеснить ее с сильной позиции, которую она занимала на горе Альбис. Тем временем авангард русской армии Корсакова 19-го прибыл в Цюрих.

В то же самое время французская армия Нижнего Рейна перешла в наступление. Генерал Мюллер покинул свою мангеймскую главную квартиру и направился 25 августа в Гейдельберг с 20 000 человек, обложил 2 сентября Филиппсбург, бомбардировал его пять дней и пять ночей и разрушил в нем все дома. Эрцгерцог, видя, что восьми батальонов, которые он выделил в Шаффгаузене для подкрепления генерала Старая, недостаточно для прикрытия Германии и что, согласно с принятым кабинетами планом, союзники уже высадились в Голландии, покинул Гельветскую армию и отправился на нижний Рейн. 4 сентября он прибыл в Донауэшинген, 12-го — к Филиппсбургу. Это вынудило генерала Мюллера снять осаду и переправиться обратно через Рейн, оставив генерала Лароша в Мангейме с 6000 человек. Эрцгерцог 17-го атаковал эту крепость, штурмом овладел ею и взял 1500 пленных.

Со своей стороны, Суворов покинул пост командующего Итальянской армией. 14 сентября он прибыл в Беллинцону с 23 000 русских, уцелевшими из 51 000 человек, последова-

тельно прибывавших на полуостров¹. 31 000 человек были убиты, попали в плен или лежали в госпиталях. В Беллинцоне он принял командование Гельветской армией. У подножия Альп им было потеряно десять дней, и только 24 сентября он занял Сен-Готард, вступил в Швейцарию и соединился с корпусами Розенберга и Ауффенберга, после чего у него на данном участке оказалось 35 000 человек. С австрийским корпусом генерала Готце (25 000 человек) и русским корпусом Корсакова (30 000 человек) общие силы его армии достигали 90 000 человек, не считая эмигрантов и швейцарских повстанцев.

Массена почувствовал наконец, что наступил решительный момент и ему больше нельзя терять ни одного дня, так как, если он даст время Суворову прибыть в Цюрих, его положение сделается опасным. Его главная квартира была в Ленцбурге. Генерал Менар командовал левым флангом, от устья Аара до Бадена; генерал Лорж стоял в Диетиконе, на берегу Лиммата; генерал Мортье в Адлишвиле, на р. Зиль, наблюдая за Цюрихом; генерал Клейн с резервом — в Бремгартене, на р. Рейсса; генерал Сульт — в Гларисе, занимая своей дивизией левый берег Линта, до истоков, и часть левого берега Цюрихского озера, держа связь с Мортье. Генерал Лекурб с тремя дивизиями занимал на крайнем правом фланге Вазен и Сен-Готард. Генерал Шабран командовал базельским лагерем. Общая численность достигала 90 000 человек. Обе армии были, таким образом, приблизительно равны, но главные силы Суворова находились еще далеко от его центра. Главная квартира Корсакова расположилась в Цюрихе; его правый фланг, состоявший из одной австрийской дивизии, примыкал к Рейну, у устья Аара. Русские дивизии занимали берега Лиммата, от Клингнау до Цюриха, и правый берег озера до Раппершвиля. Генерал Готце с остальными частями австрийской армии занимал правый берег Линта, Уцнах, Шеннис и Везен. Его главная квартира была в Кальтенбруннене. Река Линт, Цюрихское озеро, р. Лиммат и от устья этой реки — р. Аар, наконец, Рейн до Базеля разделяли армии.

Французы могли воспользоваться удалением эрцгерцога Карла и Суворова и овладеть Цюрихом, только перенеся войну на правый берег озера и р. Лиммат. Эта река была значительным препятствием. Участок в 5 лье от Цюриха до ее впадения в Аар охранялся всей русской армией. Но у селения Диетикон, в двух лье ниже Цюриха, Лиммат протекает среди равнины и образует удобную излучину, которая делает невозможным для армии, расположенной на правом берегу, оборонять переправу. В ночь с 23 на 24 сентября Массена выставил батарею из 20 пушек на обеих оконечностях этой излучины, около Диетикона. В то же время подошли повозки с понтонным парком, и через

¹ В Италию. — Р е д.

несколько часов саперы навели мост. Заслышав шум, русская пехота открыла сильный ружейный огонь, но батареи принудили ее отойти. Генерал Газан переправился через реку, генералы Удино и Клейн последовали за ним. Днем 25-го они атаковали высоты Хенг и Цюрихберг. Генерал Мортье шел по левому берегу озера, направляясь к селению Воллисофен, и вступил в бой с русской дивизией, стоявшей на позиции около цюрихского моста вниз по течению от ворот этого города. Русские, атакованные на обоих берегах, повсюду стойко оборонялись. Они удерживали город Цюрих часть ночи с 25 на 26-е, но наконец французы выломали ворота. Корсаков собрал на правом берегу Рейна только половину своего корпуса. В сражении им было потеряно 15 000 человек, госпитали, склады и обозы.

Сульт на рассвете 25-го переправился через р. Линта, навел мост в селении Шеннис, овладел Гринау и атаковал австрийский корпус Готце. Одной из первых пуль французских стрелков этот генерал был убит. По происхождению швейцарец, он пользовался полным доверием австрийской армии. Потеря его в такую минуту была для нее губительной. Русская бригада, находившаяся в селении Раппершвилль, образуя левый фланг корсаковского корпуса, двинулась на поддержку австрийцев. Ее опрокинули и разбили. Австрийцы были вынуждены переправиться обратно через р. Тур. Их преследовали до селения Лихтенштейн, и они оказались отрезанными и отброшенными далеко от поля сражения.

В тот же самый день, 25 сентября, Суворов, полный самых радужных надежд, прошел через Сен-Готардский перевал, громко заявляя о своем намерении не только охватить правый фланг линий рек Линта и Рейсса, но и, пренебрегая обычными переходами, двинуться прямо на Люцерн и Берн и отбросить в течение нескольких дней французскую армию к Юре. Он прошел через Альторф, Бруннен, Швиц¹ и, наконец, вступил 29 сентября в Гларис. Лекурб, не имея достаточных сил, чтобы его задержать, уклонился от боя. Прибыв в Гларис, Суворов узнал о поражении у Цюриха и о движении, которое предпринял Массена с 18 000 человек для поддержки своего правого фланга. Это заставило его подчиниться необходимости и очистить Швейцарию, бросив отставших, больных, раненых и оставив много пленных в руках победителя. 8 октября он прибыл в Койре с остатками своей армии, весьма подавленный столь печальным концом кампании, начатой при таких счастливых предзнаменованиях.

Корсаков, соединившись с австрийским корпусом, переправился обратно на левый берег Рейна и продвинулся вперед

¹ Суворов, не доходя до Швица, из Муттена повернул на Гларис. — Ред.

к р. Тур, делая вид, что идет на Цюрих выручать Суворова. Массена направился против него, разбил и отбросил его на правый берег Рейна и 7 октября взял Констанц. Корпус Конде, находившийся там, понес большие потери.

Нижнерейнская армия. Генерал Лекурб, приобретший авторитет и выказавший предприимчивость и отвагу в этой кампании, был назначен правительством командовать Нижнерейнской армией и 10 октября прибыл в Страсбург, горя желанием отличиться и оправдать оказанное ему доверие. Он поспешно собрал 20 000 человек, из которых сформировал четыре дивизии, под командованием генералов Лаборда, Нея, Леграна и Бараге-д'Илье, и перенес свою главную квартиру в Вислох. Он атаковал и разбил генерала Гёргера, заменившего князя Шварценберга на посту командира австрийского обсервационного корпуса между Майном и Неккаром. Этот генерал после прибытия кавалерийских подкреплений расположился в Рейлингене, в одном переходе от Филиппсбурга, на полпути между Рейном и Неккаром, поддерживая через Гейльбронн и Штутгарт связь с главной квартирой эрцгерцога в Донауэшингене на Дунае. Он был вынужден оставить свои позиции. Французская армия обложила Филиппсбург. Дивизия Лаборда блокировала его. Три остальные дивизии заняли всю местность между Неккаром и Рейном. Австрийский генерал Мервельдт с одной дивизией главной армии наблюдал за кельским выходом и охранял выходы из гор Шварцвальда. Цюрихское поражение вынудило эрцгерцога покинуть нижний Рейн и двинуться со своей армией на верхний Дунай.

Лекурб этим воспользовался и направился к Гельбронну, чтобы атаковать центр корпуса Старая, но был отражен и принужден переправиться обратно за Неккар. 7 ноября он снял блокаду с Филиппсбурга и занял позицию перед Гейдельбергом, имея справа Рейн, слева Неккар и прикрывая Мангейм, где имелся мост. Немного спустя, получив кое-какие подкрепления из рейнских крепостей и доведя численность своей армии до 30 000 человек, он снова двинулся вперед. Генерал Лаборд, командуя правым флангом, обложил в третий раз Филиппсбург. Бараге-д'Илье с левым флангом маневрировал по правому берегу Неккара. Ней и Декан шли с центром через Зинсгейм к Эппингену. Лекурб у Брухзальа разбил князя Лотарингского, пытавшегося помешать его движению, и отбросил его на р. Энци. Эрцгерцог послал генерала Старая с кавалерией и пехотой принять командование над этим обсервационным корпусом и положить предел наступательным действиям, которые беспокоили Германию. 22 ноября Старай атаковал центр французской армии и овладел Эппингеном и Штеттенем. 2 декабря жаркий бой возобновился у Зинсгейма и у Вейлера. Лекурб был снова вынужден отступить; он снял блокаду Филиппсбурга, перенес свою главную квартиру сначала в Вислох, затем

в Шветцинген, примкнул правым флангом к Рейну, выше Мангейма, а левым — к Неккару выше Зеккенгейма, заняв, таким образом, опасную позицию, с которой было трудно отступить. 5 декабря он заключил с генералом Стараем перемирие, по которому устанавливалось, что французы останутся зимовать на правом берегу Рейна. Была сделана особая оговорка о ратификации перемирия эрцгерцогом, который 11 декабря отказался его утвердить. Однако Лекурб отчасти достиг своей цели: он воспользовался шестью днями перемирия, чтобы спокойно эвакуировать правый берег Рейна, и занял зимние квартиры между Майнцем и Ландау на левом берегу.

III

Галло-батавская¹ армия. Англия вела подготовку к значительной экспедиции. В Ревеле сосредоточивались русские войска. Сент-джемский кабинет не скрывал своих намерений относительно Голландии потому ли, что хотел отвлечь внимание французского правительства от Италии и Швейцарии, или потому, что хотел предупредить оранжистов. Английская эскадра силою в 55 военных кораблей всех классов под начальством адмирала Дункана и транспортный флот из 180 судов с погруженной на них дивизией Эберкромби в 12 000 человек отплыли из Англии. 19 августа их увидели с берегов Голландии. 21-го батавская директория дала знать генералу Брюну, главнокомандующему галло-батавской армией, что английский адмирал предложил голландскому флоту, стоявшему на якоре в Текселе, и губернатору Гельдера поднять оранжистские флаги.

У Брюна было в строю 30 000 человек, а именно: 20 000 голландцев и 10 000 французов. 20 000 голландцев составляли две дивизии. Первая, под командованием генерала Дэндельса, стояла по квартирам от Гааги до Текселя; вторая, под командованием генерала Дюмонсо, находилась во Фрисландии, с главной квартирой в Гронингене. 10 000 французов были разделены на три дивизии: одной было поручено оборонять Зеландию; две другие были расположены вдоль Рейна и Мааса от Нимвегена.

Главнокомандующий, не знавший точно намерений противника, не решился снимать войска с какого-либо пункта границы. Его могли, говорил он, атаковать на Шельде, Маасе, во Фрисландии и в Гельдере. Он ограничился тем, что приказал генералу Дэндельсу сосредоточить свою дивизию у Гельдера, самого важного пункта его участка. Такой образ действий сначала, казалось, оправдывался обстоятельствами. Неприятельская эскадра ушла на несколько дней от Гельдера, но это было

¹ Франко-голландская. — Р е д.

вызвано дурной погодой. 26 августа она снова вернулась и стала вблизи берега, в двух лье к югу от Тексельского пролива, поставив на шпринг несколько фрегатов. 27 августа на рассвете она высадила дивизию Эберкромби против дюн, нагроможденных на месте старой дамбы под названием Зейпе-Дайк. Эти дюны высотой 9—10 туазов образовывали гласис протяжением в 100 туазов вдоль затопляемого приливом взморья. Генерал Дэндельс не счел нужным занять их вершины. Он сделал распоряжение об атаке противника во флаиг тотчас же, как только тот высадится.

Английские легкие части, поддерживаемые несколькими гренадерскими батальонами, высадились под прикрытием стоявших на шпринге кораблей. У них хватило времени построиться и подготовиться к бою, прежде чем они были атакованы. С левого фланга они были атакованы вяло и небольшими силами, но подверглись сильной и упорной атаке на правом фланге, где был сам Дэндельс. Однако атака была ими отражена, и после нескольких часов боя они заставили Дэндельса отступить с потерей 1000 человек. Их потери достигли около 500 человек. Поскольку высадка уже совершилась, Дэндельс счел невозможным удерживаться на линиях Гельдера. Ночью он очистил эту позицию и стал на Зейпе. Противником на следующий день был занят Гельдер, и там был водружен оранжистский флаг. 30-го голландская эскадра, состоявшая из девяти боевых кораблей, сдалась английскому адмиралу и подняла оранжистский флаг. На ней взбунтовались экипажи, арестовавшие адмирала Стори и всех офицеров, поведение которых делало им честь. Эта измена дала сигнал к национальному движению в Амстердаме. Население этого большого города выказало сильнейшее возмущение столь подлым поведением. В провинциях стали формироваться и стягиваться к Гаарлему гренадерские и егерские батальоны. Батавская директория заявила во всеуслышание о воле нации защищать свою территорию до последней крайности, даже до потери столицы, если это окажется необходимым.

1 сентября Дэндельс, обеспокоенный тем, что к нему не подходит помощь и он находится под угрозой атаки, хотел в целях обороны открыть шлюзы и затопить местность. Он отступил своим левым флангом на Алькмаар и правым на Пёрмерэнд, прикрывая Амстердам. Но Брюн, проникший, наконец, в намерения противника, разослал приказы выступать для сосредоточения всей армии. Он перенес свою главную квартиру в Алькмаар, бригаду генерала Гувиона расположил на дюнах — правым флангом у канала Алькмаар, левым у затопляемого взморья. Французские батальоны, прибывшие из Бельгии, постепенно подходили туда: из них образовалась дивизия Вандама. Дивизия Дэндельса составила центр: она опиралась правым флангом на Авенгорн. Дивизия Дюмонсо покинула

Фрисландию, 6 сентября прошла через Амстердам и 8-го прибыла на позиции. У генерала Брюна тогда оказалось под ружьем и в строю 25 000 человек. Он занял линию протяжением в 3 лье и выдвинул фланкеров до Гоорна, на Зюйдерзее. Вандам образовал его левый фланг и занимал фронт протяжением в полтора лье, до Алькмаарского канала. Дюмонсо, в центре, стоял у моста через канал Шоорльдам. Правый фланг, под командованием Дэндельса, был на удкарпельской позиции. Обе эти дивизии растянулись, таким образом, на 4000 туазов. Главная квартира и резервный парк находились в Алькмааре.

Английский главнокомандующий занял позицию на Зейпе, имея правый фланг у моря, позади Петтена, прикрываемый фланкирующим огнем с фрегатов и канонерок; центр — на уровне селения Краббендам, которое было им укреплено; левый фланг — против селений Эснигенбург и Сен-Маартен. Зейпе служила позицией для его артиллерии. Эта позиция имела протяжение в 3 лье. Зейпе является большой дамбой, тянущейся на протяжении $1\frac{1}{4}$ лье вверх по правому берегу Алькмаарского канала, от его устья до селения Краббендам. Там она делает поворот, идет параллельно морю в направлении к Текселю на протяжении 4 лье и оканчивается у Зюйдерзее. В первые дни после высадки положение английского генерала было критическое, но с присоединением бригады в 500 человек у него оказалось 18 000 человек, включая флотский отряд. Таким образом, его армия была в течение нескольких дней наполовину меньше, чем французская, и все еще оставалась на одну треть слабее французской после прибытия второго конвоя. Это побудило генерала Брюна перейти в наступление.

10 сентября на рассвете он начал наступать шестью колоннами: две колонны правого фланга, под командованием Дэндельса — на Сен-Маартен и Эснигенбург; две центральные под командованием Дюмонсо — на Эснигенбург и Краббендам; две колонны левого фланга, состоявшие из французов, под командованием Вандама, направились: правая — по дамбе левого берега Алькмаарского канала, левая — по дюнам, возвышающимся над затопляемым взморьем. По прибытии на исходный рубеж армия растянулась на три лье. Вандам был задержан Алькмаарским каналом, идущим вдоль дамбы. Он попал одновременно под огонь с кораблей и с батареей, стоявших на Зейпе. У него не было ни понтонного парка, ни резервной батареи, и он был вынужден отойти после промера глубины канала, в котором несколько солдат утонуло. Дюмонсо и Дэндельс овладели селениями, но были отражены при атаке дамбы и принуждены к отступлению. Армия вернулась обратно на свою позицию, ее не преследовали. Потери ее ранеными и убитыми достигали 1200 человек, у англичан — 500 человек.

Главнокомандующий после этой неудачи отказался от попытки форсировать неприятельскую позицию. Он с жаром при-

нялся за работы по возведению укреплений и стал ждать подкреплений, которые ему были обещаны. 14, 15, 16 и 17 сентября высадился герцог Йоркский со второй английской дивизией и с русским корпусом под командованием генерала Германа. Он принял командование англо-русской армией, достигшей тогда численности в 40 000 человек. Галло-батавская армия, со своей стороны, получила с 10 по 19 сентября 6000 человек из Франции и 3000 человек из Голландии; это возместило потери, которые она понесла в боях 27 августа и 10 сентября, и довело ее численность до 28 000 человек, из них 14 000 французов. Следовательно, все указывало герцогу Йоркскому, что времени терять нельзя.

Действительно, 18-го вечером он перешел в наступление. Генерал Эберкромби с 12 000 человек направился к Гоорну, чтобы обойти правый фланг французской армии. Он вошел туда 19-го утром и взял в плен 250 батавских фланкеров, находившихся там для наблюдения. В тот же день герцог Йоркский перешел в наступление с остальной армией — шестью колоннами. Две правые, под командованием генерала Германа, были составлены из двенадцати русских и четырех английских батальонов. Они шли между морем и Алькмаарским каналом. Две центральные колонны, под командованием генерала Дундаса, были сформированы каждая из восьми английских и трех русских батальонов. Они вышли через селение Краббендам и двинулись на позицию Дюмонсо. Обе левые колонны, под командованием генерала Пальтни, двинулись на генерала Дэндельса и на удкарспельскую позицию. Помощник генерала Ростоллан, командовавший авангардом французской дивизии, сдерживал генерала Германа в течение нескольких часов на уровне Шоорльдамского моста и отошел в полном порядке на бригаду Гувиона, занимавшую Берген. Генерал Герман атаковал эту деревню и овладел ею, ударив в штыки. Генерал Дундас, форсировавший позиции Дюмонсо у селения Варменгюйзен, был задержан редутами, построенными у Шоорльдамского моста. Он оказался далеко позади русской колонны. Вандам воспользовался этим, чтобы окружить Берген. Он ударил на русских в штыки, захватил у них артиллерию, знамена и взял в плен генерала Германа. Несколько других русских генералов было убито и ранено. Генерал Дэндельс, который отражал до тех пор все атаки против своих укреплений, одушевленный победными криками, которые доносились до него из центра и с левого фланга, вышел из своих редутов и двинулся на генерала Пальтни. Он был, однако, отражен со значительным уроном, потерял свою укрепленную позицию и был вынужден отступить через лангедейкское дефиле. Герцог Йоркский, удрученный поражением дивизии Германа, отступил в свой лагерь позади Зейпе. В этот день он потерял одну пятую часть своей армии, семь знамен и 26 пушек. Потери галло-батавской армии

составляли 3200 человек убитыми и ранеными. Генерал Эберкромби тотчас же по получении известия о поражении очистил Гоорн и вернулся в свой лагерь. Эта победа подняла дух и возбудила надежды голландцев Амстердам, угрожаемый со стороны Зюйдерзее, оборонялся национальной гвардией и 60 французскими канонерками, прибывшими между тем из Дюнкерка. Генерал Брюн, несмотря на одержанную победу, разумно продолжал укрепляться на своей позиции.

Русская резервная бригада силой в 3000 человек подкрепила союзную армию, которая была настолько ослаблена потерями в Бергенском бою и болезнями, производившими большие опустошения, что в первых числах октября насчитывала в строю только 30 000 человек. Галло-батавская армия через несколько дней после своей победы получила 7000 французов и 3000 голландцев. В ней было 30 000 человек, и она ожидала новых подкреплений. Герцогу Йоркскому поэтому приходилось или отказаться от своего предприятия, или снова рискнуть на сражение. 2 октября он выступил четырьмя колоннами: правая под командованием генерала Эберкромби, центральная под командованием генерала Эссена, левая под командованием генерала Дундаса, четвертая под командованием генерала Пальтни. Они были равны по силе, каждая из 12 батальонов; но обе первые состояли из войск, не бывших еще в деле или по крайней мере не понесших чувствительных потерь. Эберкромби и Эссен маневрировали между Алькмаарским каналом и морем. Дундас двинулся на Шоорльдамский мост. Намерением герцога Йоркского было овладеть Эгмонтом и обойти Алькмаар по дороге в Кокиль. Это ему не удалось. Все его атаки на Берген были отражены генералом Гувьоном. Русской колонне опять был причинен большой урон. Исход этого боя, названного сражением у Алькмаара, был неопределенным; обе армии заночевали на поле сражения. Однако 3-го на рассвете Брюн приказал отступить; отступление произошло в порядке, на глазах у союзников, которые занимали Берген, Эгмонт и Алькмаар, по мере того как Брюн их очищал. 3-го вечером галло-батавская армия стала на позицию у Бевервейка, наименее растянутую и лучшую из всех. Там она была усилена шестью французскими батальонами, прибывшими из Франции.

4 и 5-го обе армии оставались одна против другой. Каждый день бездействия шел на пользу французам, получавшим все время новые подкрепления. Герцог Йоркский решился атаковать. У генерала Гувьона левый фланг был примкнут к берегу моря у Вейк-аан-Зее. Дивизия Буда находилась в центре. Дивизия Дюмонсо составляла правый фланг. Дэнделъс был выдвинут вперед за Пермеренд для прикрытия Амстердама. Целый день шел жаркий бой. Позиции Бакум, Лиммен и Кастрикум несколько раз переходили из рук в руки. Победа клонилась то

на одну, то на другую сторону до тех пор, пока генерал Брюн не добился ее кавалерийской атакой, чем внес расстройство в ряды противника, который смог собраться только около Эгмонта, понеся большие потери пленными и оставив шесть пушек и все свои позиции. Тем временем дивизия Пальтни затеяла переговоры с генералом Дэндельсом, поддавшимся на удочку и не принявшим никакого участия в бою. Исход этого дня, названного сражением у Кастрикума, побудил 7 октября герцога Йоркского отступить на позицию Зейпе. Его армия уменьшилась до 24 000 бойцов; французская армия, более сильная, с каждым днем увеличивалась еще больше; экспедиция не удалась.

15 октября Брюн двинулся вперед. Он занял позицию левым флангом у Кампа на берегу моря, а правым перед Винкелем, на Зюйдерзее, взяв в кольцо укрепленный лагерь Зейпе, который намеревался атаковать. Но герцог Йоркский предложил капитуляцию и послал с этой целью в главную квартиру генерала Нокса, подписавшего 18 октября алькмаарскую капитуляцию, по которой герцог обязывался в самый короткий срок эвакуировать Голландию, оставить батареи на Гельдере в полной исправности и освободить 8000 французских пленнх.

Голландия обоснованно потребовала возвращения своей эскадры, но этого не добились.

Условия конвенции были выполнены со скрупулезной точностью. 19 ноября последний эшелон англо-русской армии покинул Голландию. Эта армия из 45 000 человек прекрасных войск потерпела неудачу в столкновении с армией, слабойшей по численности и по качеству.

В течение месяца между обеими армиями произошли один бой и три сражения: 1) атака Зейпе, где галло-батавцы были многочисленнее, но англичане располагали укреплениями; это была, собственно говоря, только разведка боем, при которой все выгоды были на стороне англичан; 2) Бергенское сражение, решившее участь Голландии: англо-русская армия имела превосходство в численности на поле сражения, хотя и была ослаблена выделением Эберкромби; 3) Алькмаарское сражение, в котором обе армии имели равные силы; 4) Кастрикумское сражение, где галло-батавская армия, хотя и сильнейшая на театре военных действий, была лишь равной противнику на поле боя, потому что Дэндельс был выделен для прикрытия Амстердама. Англичане и русские — очень хорошие солдаты. Голландцы посредственны, многие из них дезертируют, но в такой стране, как Голландия, где на каждом шагу имеются выгодные и даже непреодолимые позиции, потому что повсюду можно прикрыть себя непроходимыми вброд каналами, болотами и наводнениями, оборона может успешно поддерживаться войсками, качественно уступающими противнику.

Итальянская армия. После сражения на р. Треббии австро-русская армия разделилась. Дивизия Фрелиха была послана в Рим. Дивизия Кленау заняла Тоскану и Специю, выдвинув авангард к Сестри, чтобы угрожать Генуе с востока. Две дивизии блокировали и осадили Александрию и Тортоны. Одна дивизия обложила Кони. Четыре дивизии были выделены в итальянские округа у подножия Сен-Готарда и Симплона, в долину Аосты у подножия Сен-Бернара, в долину Суза у подножия Мон-Сенис. Шесть дивизий стояли в обсервационном лагере Поццоло-Формигаро, напротив Нови, прикрывая осаду Тортоны и Александрии.

9 июля капитулировал форт Урбино. 22-го Александрия барабанным боем подала сигнал о сдаче. Гарнизон в 2700 человек сдался в плен. Это была крепкая цитадель. Осада едва начиналась, но так как один фас одного из бастионов обрушился в результате попадания нескольких ядер в верхний край эскарпа, а также были повреждены рвы и рavelины, то совет обороны заключил, что проделана брешь, и счел себя вправе капитулировать. Эта крепость могла продержаться еще несколько недель. 30 июля Мантуя также открыла свои ворота всего лишь через семь дней после заложения траншей. Это позволило войскам Края выступить в лагерь Поццоло-Формигаро для усиления находившихся там войск. Известие о сдаче Мантуи вызвало во Франции негодование. После того как капитуляция была подписана, осаждающая армия, гарнизон и жители объединенными усилиями стали восстанавливать размытые водой дамбы, обеспечивавшие оборону крепости.

Эти три неожиданных события улучшили положение австро-русской армии.

Соединение Неаполитанской армии с Итальянской и прибытие подкреплений из Франции довели численность армии Жубера до 60 000 человек. Одновременно генерал Шампионе принял в Гренобле командование Альпийской армией численностью 30 000 человек. Обе эти армии вместе могли выставить 70 000—80 000 человек.

13 августа Жубер перенес свою главную квартиру из Кампо-Мароне в долину Бормиды. Его армия состояла из четырех дивизий, по три бригады в каждой. Он ее разделил на два корпуса: дивизии Ватрена и Лабуасьера, под командованием Сен-Сира, выступили из корнильянского лагеря, перевалили через Бокетта и построились в боевой порядок правее Нови на последних отрогах Апеннин, господствующих над всей равниной. Дивизии Лемуана и Груши, под командованием генерала Периньона, образовали левое крыло; они вышли к Акви, повели сильную атаку на корпус Бельгарда и оттеснили его. 14-го ими была занята позиция, примыкавшая левым флангом к селению

Пастурана; правый фланг был расположен в направлении на Нови. Главная квартира оставалась в Капри. Главнокомандующий вечером отправился в Нови, где собрал военный совет. Суворов, предупрежденный движением Периньона, успел собрать свою армию, которую расположил левым флангом у р. Скривия, правым — в Боско, с главной квартирой в Поццоло-Формигаро. Жубер узнал о взятии Мантуи и о прибытии Края. Сражение казалось ему бесцельным, и все генералы единодушно сочли, что давать его не следует. В армии недоставало кавалерии, чтобы спуститься на равнину и использовать успехи, каких могла добиться пехота. Он отложил окончательное решение до следующего дня, но противник упредил его и атаковал.

Правый фланг Суворова под командованием Края и левый фланг под командованием Меласа состояли из австрийцев, центр — из русских. Эта армия была на одну пятую сильнее пехотой, чем французская, и в три раза превосходила ее численностью кавалерии. 15 августа на рассвете Край атаковал левый французский фланг у Пастурана. Жубер спешно направился туда. Его армия была расположена неудобно для принятия сражения: она вытянулась в одну линию на расстоянии больше чем 6000 туазов, от селения Пастурана до р. Скривия. Он стал во главе одной бригады на левом фланге и двинулся на противника с целью остановить его. Одна из первых пуль поразила, однако, Жубера в сердце. Он упал мертвым. Моро, находившийся еще при армии, принял командование над ней и в течение всего дня отражал натиск Суворова. Три раза русские наступали на Нови, чтобы овладеть этим городком, и три раза были отражены. При третьей атаке генерал Ватрен покинул свою позицию, спустившись в равнину, охватил их левый фланг, опрокинул его и преследовал на протяжении трех четвертей лье. Мелас воспользовался движением вперед дивизии Ватрена и спешно двинулся на позиции, с которых тот сошел. Генерал Люзиньян с авангардом выдвинулся вперед на шоссе из Нови в Гемую и закрыл его для французской армии. Сен-Сир тотчас же бросился туда, атаковал и разбил Люзиньяна, захватив его самого в плен. Мелас, однако, не пал духом. Ватрен не смог вновь занять свою позицию. Было 5 часов вечера. Моро распорядился начать отступление и повел его, удлинив боевую линию влево и по дороге из Пастурана в Гави. Генерал Периньон с дивизией Груши преследовал отступление. Ночью он находился еще перед Пастураном, сдерживая натиск противника, но наконец, окруженный со всех сторон и раненный, был взят в плен, так же как Груши и Колли. Половина парков и обозов попала в руки победителя. Армия собралась у Гави и заняла свои прежние позиции. Потери австро-русской армии были огромны. До момента отступления они вдвое превосходили потери французов.

Шампионе начал свое движение 13 августа. Дивизия Кампана перевалила через Малый Сен-Бернар, штурмом овладела тирольским лагерем и заняла долину Аосты. Другая дивизия спустилась с Мон-Сениса и стала у Сузы. Третья дивизия спустилась в долину Аосты; четвертая прошла через Аржентьерский перевал и овладела Баррикадами. Но эти передвижения запоздали. Когда Суворов узнал о них, сражение у Нови уже решило судьбу кампании. 16 августа Суворов перенес свою главную квартиру в Асти. Край остался командующим войсками лагеря Поццоло. Мелас направился на Бра, наблюдая за блокадой Кони. После этого русская армия двинулась в Швейцарию согласно общему плану войны, принятому коалицией.

Из всех крепостей, которыми французы владели в Италии, у них оставались только Тортона и Кони. Все остальные сдались. Тортона объявила о сдаче 1 сентября. Сошлись на том, что она откроет свои ворота 11-го, если до этого числа не придет выручка. Моро, временно командовавший Итальянской армией, решил спасти эту крепость: 9 сентября с 30 000 человек он направился к Серравале и Нови. Край тотчас же атаковал его обсервационной армией и оттеснил. Моро, потерпев неудачу, занял свои прежние позиции, и 11 сентября Тортона открыла свои ворота. Ключи были вручены Суворову, который непосредственно затем отправился на почтовых для присоединения к своей армии, уже подошедшей к подножию Сен-Готарда. Мелас принял командование армией.

Шампионе перешел в наступление своими четырьмя дивизиями, чтобы помочь операциям Моро. Дюгем из Аосты направился на Шатильон. Он был остановлен фортом Барда. Только легкие войска прошли через перевал и приблизились к Иврее. Сузская дивизия подошла на несколько лье к Турину, но там была задержана. Шампионе перенес свою главную квартиру в Пиньероль, вступил на равнину и с 8000—9000 человек прошел вперед к Фоссано на о. Стура. Это заставило Меласа снять блокаду Кони. Край, разбив Моро, тотчас же поспешил на помощь Меласу. Соединившись, они двинулись на Фоссано, 18 сентября разбили Шампионе и отбросили его за Альпы. После этого Край возвратился в Поццоло, а Мелас — в свою главную квартиру в Тринита, в трех лье от Кони, причем он снова обложил эту крепость. Директория объединила, наконец, Альпийскую и Итальянскую армии, вверив командование Шампионе, прибывшему в Геную 20 сентября. Он разделил свои войска на три корпуса: Сен-Сир командовал правым флангом, силой в 15 000—16 000 человек, и ему было поручено оборонять Бокетта, Геную и ущелья Бормиды; Дюгем с левым флангом, составленным из всех частей, имевшихся в наличии в Альпийской армии, то есть с 12 000—15 000 человек, расположился в Бриансоне. С центром, образованным из дивизий Лемуана,

Виктора, Мюллера и Гренье, силой около 25 000 человек, Шампионе двинулся вперед за Кони, чтобы помешать Меласу вести осаду этой крепости — единственной оставшейся у французов в Италии; сохранение этой крепости было для них очень важно. Намерением Шампионе было также зазимовать на равнинах Пьемонта, чтобы можно было с началом весны возобновить наступление, не переходя Альпы. Мелас упорно продолжал осаду Кони, но ему пришлось в этом раскатыться: его линии между Стура и Пезио были форсированы. Он был разбит у Вилланова, у Мондови и у Карру, был вынужден очистить весь правый берег Стуры и покинуть свою главную квартиру в Тринита. Свою армию он собрал на левом берегу Стуры.

Со своей стороны, Дюгем спустился с горы Женевр, овладел Пиньеролем и Салуццо. Шампионе, чтобы облегчить соединенье с ним, выступил из Кони, двинулся 3 ноября на Савильяно с дивизиями Гренье и Мюллера, оставив дивизию Лемуана в Карру на правом берегу Стуры, и приказал Виктору двинуться из района Мондови на Фоссано, чтобы переправиться там через Стуру и присоединиться к армии. Фоссано было ограждено от захвата врасплох. Мелас собрал все свои силы между этим городом и Маренном. 4 ноября на рассвете он двинулся тремя колоннами на Савильяно. Дивизия Гренье, атакующая дивизиями Отта и Митровского, не могла сопротивляться. Она была отброшена на Кони. Виктор по прибытии к Фоссано был атакован дивизиями Эльсница и Готтесгейма. Дюгем прибыл к Савильяно только через четыре часа после того, как был отброшен Гренье. Он оказался в тылу у противника. После двух часов колебаний он отступил сначала на Салуццо. Атакованный на этой позиции генералом Каймом, он продолжал свое отступление на Пиньероль и перевалил обратно через гору Женевр. Шампионе собрал дивизию Гренье в Труччи, дивизию Виктора — в Морозцо. Дивизия же Лемуана оказалась отрезанной от Кони. Некоторые из ее полков были вынуждены сложить оружие. 6 ноября Эльсниц взял лагерь Мадона-дель-Ольмо у подножия Тендского перевала. Гренье укрылся в лименском лагере, где был атакован. 12-го он очистил Ормеа и Понте-ди-Нава. 16-го генерал Соммарива занял Аржентьерский перевал. 15-го Провера вступил в графство Ницца. Несчастный бой 4-го числа, названный сражением у Женола, обошелся французам в 8000—9000 убитыми и ранеными и всех привел в уныние. Армия, отброшенная за Альпы и Апеннины, оказалась разделенной на три части. Шампионе последовательно перенес свою главную квартиру в Пьетра и в Соспело. Мелас осадил Кони, держа обсервационные корпуса на Тендском перевале и у Мондови, и расположил свою главную квартиру в Борго-Сан-Далмаццо. 5 декабря Кони открыла свои ворота. Гарнизон численностью в 2600 человек сдался в плен.

Передвижения Сен-Сира в направлении Генуи были приостановлены Краем, а все атаки, какие Кленау, выйдя из Специи, пытался вести против Генуи, были отражены Сен-Сиром. 15 октября Кленау двинулся на Рекко, в 4 лье от Генуи, увязав свою операцию с Нельсоном, имевшим на своих кораблях десантные войска. Генерал Миоллис овладел позициями у Рекко, разбил Кленау и отбросил противника за р. Магру, захватив несколько тысяч пленных. Освободившись, таким образом, от Кленау, Сен-Сир перешел через Бокеттский перевал, двинулся на Нови и отбросил от Ривальта дивизию Карачая, но 2 ноября спешно прибыл Край и двинулся на Акви, чтобы помочь действиям Меласа. 3, 4 и 5 ноября он отбросил Сен-Сира от Ривальта и вытеснил его из Нови, который тот занимал. 6-го Кленау двинулся снова вперед. Он был отброшен за Магру генералом Арно. В декабре Край возымел надежду изгнать французов из Генуи, но, остановленный бокеттской заставой, он приказал Кленау двинуться вперед и атаковать правый фланг этой позиции. 21 декабря этот генерал атаковал и оттеснил Арно и овладел Торрильей. Положение Сен-Сира сделалось критическим. 14-го он сам атаковал противника, отогнал его за Магру и взял несколько тысяч пленных. В это время им были получены значительные подкрепления: часть войск, дравшихся у Женолы, а также войск Альпийской армии, которые в это время года были ненужны для охраны высоких гор, прибыли в Геную. Мелас тогда же понял, что ему нельзя выполнить свое намерение, не начав новой кампании. Он решил уйти на зимние квартиры и дать отдых войскам, предполагая открыть военные действия в первых числах февраля. Обе армии расположились на зиму. Французы — на генуэзской Ривьере занимали Ла-Бокетта, Апеннинский хребет до Альп и Альпийский хребет до Большого Сен-Бернара; австрийцы занимали Пьемонт, долину Аосты, Суза, Пиньероль и т. д. и позиции со стороны Италии ниже главного хребта. Французы испытывали лишения на генуэзской Ривьере из-за недостатка перевозочных средств и фуража. В госпиталях началась эпидемия; наступил полнейший упадок духа. Некоторые полки бросали свои позиции и уходили за р. Вар. Только воззвания первого консула, его имя, помощь всякого рода, которую он присылал, смогли приостановить разложение. Армия реорганизовалась. Вместо того, чтобы открыть кампанию в феврале, Мелас начал ее только в апреле, как это будет видно при изложении кампании 1800 г., настолько же славной для Франции, насколько кампания 1799 г. была для нее пагубной.

Шампионе умер от горя и тревог в начале февраля. Уроженец Валанса в Дофине, он отличился в Самбро-маасской армии, где его дивизия была одной из главных. Там он проникся ложными принципами ведения войны, которые лежали в основе планов Журдана. Он был храбр, усерден, предприимчив, пре-

дан родине. Он был хорошим дивизионным генералом, но посредственным главнокомандующим.

10 февраля Массена прибыл в Геную, чтобы принять там командование армией.

V

Первое замечание. План кампании коалиции. 1. План, состоявший в том, чтобы действовать четырьмя армиями в Италии, в Швейцарии, на Рейне и в Голландии, объединяя по возможности в каждой армии войска одной и той же национальности, сам по себе был хорош. Но к его исполнению следовало приступить либо в начале, либо в конце кампании. Во время пребывания на зимних квартирах передвижения производятся без затруднений, и у штабов есть время изучить местность, знать которую очень важно.

2. Русских следовало послать на нижний Рейн, поручив австрийцам Швейцарию и Италию. Русские не приспособлены для действий в Италии.

3. Вторжение в Голландию с 45 000 человек удалось бы, если бы войска действовали вместе и, высадившись в один и тот же день, без промедления двинулись на Амстердам. Герцог Йоркский вошел бы в эту столицу на той же неделе. Но так как 15 000 человек из армии высадились на 21 день раньше, чем 30 000 других, то не было возможности надеяться на что-либо хорошее от такой ошибочной комбинации, и одного этого было почти достаточно, чтобы экспедиция не удалась. Сент-жемскому кабинету не повезло, когда он принял такую комбинацию.

4. Движение эрцгерцога к нижнему Рейну было преждевременным. И не опасности, которым могли подвергнуться Филиппбург и Германия, повлияли на его решение, а желание не опоздать и вовремя поддержать действия армии герцога Йоркского. Потеря Швейцарии и поражение Корсакова были следствием ошибочного маневра эрцгерцога. Эти события должны быть, следовательно, отнесены на счет англичан. Таким образом, в 1799 г., как и в 1800 г., вмешательство их армии побудило коалицию.

5. Альпийскую и Итальянскую армии надлежало бы объединить под командованием одного и того же начальника. Отсутствие взаимодействия между этими двумя армиями оказалось губительным. Планы, принимаемые в Париже, противоречили всем правилам военного искусства. Так как военное искусство является искусством исполнения, то все сложные комбинации должны быть отброшены. Простота есть первое условие хорошего маневра. Лучше сделать тремя или четырьмя переходами больше и собрать свои колонны позади и дальше от противника, чем производить их сосредоточение у него на глазах.

Второе замечание. *Массена; Лекурб*. 1. После ухода Бельгарда в Италию Гельветская армия французов все время была более сильной, чем австрийская. Массена следовало воспользоваться большими успехами своего правого фланга 14, 15 и 16 августа. Победа Массена была бы обеспечена, если бы он приказал Лекурбу маневрировать на правом берегу Линта и Цюрихского озера, остальную же свою армию сосредоточил на Лиммате и переправился с нею через эту реку. Он разбил себе нос о цюрихские укрепления; очевидно, что для разгрома австрийцев до прихода русских следовало бы переправиться через Лиммат.

2. В Нижнерейнской армии Лекурб перешел Рейн с 20 000 человек. Он обложил Филиппсбург. Чего он хотел? — Взять Филиппсбург! Но, во-первых, у него не было осадного парка; во-вторых, эта осада продолжалась бы 30—40 дней, а наступила уже поздняя осень; в-третьих, он не мог надеяться на захват такой важной крепости с помощью столь недостаточных сил, в четырех переходах от всей армии эрцгерцога. Следовало предварительно прогнать последнего не только из Донауэшингена, но даже из Ульма и отбросить за Лех. Для того, чтобы взять эту крепость, нужно было по старому обычаю прикрыться контрвалационными линиями. Этого он не сделал. Эрцгерцога можно было отбросить за Лех только во взаимодействии с Гельветской армией, а в этом случае было бы лучше, чтобы Нижнерейнская армия, вместо операций на крайнем правом фланге эрцгерцога Карла, в 50 лье от Гельветской армии, действовала, не отрываясь от главной армии.

3. С 10 октября по 15 ноября, в течение 35 дней, Массена бездействовал, а тем временем Лекурб, хотя и потерпевший неудачу, которая вынудила его снять осаду Филиппсбурга, начал действовать вовсю и стал драться ради драки с противником, обладавшим двойным превосходством в силах. Он легкомысленно рисковал быть сброшенным в Рейн или в Неккар. Все ему подсказывало оставаться спокойно на левом берегу Рейна, чтобы увеличить свою армию, переформировать и дисциплинировать ее. Если ему хотелось во что бы то ни стало произвести диверсию, то для этого не нужно было блокировать Филиппсбург или вторгаться в Германию с малыми силами. Он добился бы своего, основательно укрепившись на одном из пунктов правого берега, перед Келем или перед Мангеймом, соорудив здесь укрепленный лагерь сначала на 20 000, а затем на 30 000—40 000 человек. Это обеспокоило бы эрцгерцога Карла, облегчило бы операции Гельветской армии и держало бы всю Германию в тревоге. Подобный род диверсии сходен с методом ведения войны Массена, который после Цюрихского сражения перешел к обороне. Когда главные силы неподвижны, отдельный и второстепенный отряд не должен производить диверсию путем активных действий или вторжения. Он должен

согласовать свой образ действий с главными силами и оказывать воздействие на театр военных действий своим поведением в обороне, заняв позицию, которая сама по себе была бы угрожающей. Хорошо организованная армия может нарыть в течение трех дней столько земли, накопать таких хороших рвов, окружить себя столькими палисадами, частоколами, рогатками и т. д., столько свести в батареи артиллерийских орудий, что сделает свой лагерь неприступным. Армия в 20 000 человек может без помощи крестьян в три дня вырыть 30 000—40 000 кубических туазов земли. Первый профиль Вобана требует только 2½ кубических туазов земли на 1 линейный туаз. Около Рейна генерал Лекурб мог бы с успехом использовать воду и лесной материал.

Третье замечание. *Голландия: герцог Йоркский*. 1. Генерал Эберкромби около 20 дней занимал позицию Зейпе, сначала с 12 000 человек, затем с 17 000. Его целью было: 1) прикрыть проход тексельского рейда, где должны были высаживаться остальные дивизии армии; 2) открыть английским эскадрам и флотилиям вход в Зюйдерзее и распространить панику до самого Амстердама. Но для достижения этой цели ему не было необходимости выдвигаться на Зейпе. 10 сентября он был атакован галло-батавской армией силою в 25 000 человек. Если бы его разбили, ему трудно было бы добратсья до Гельдера, и все планы Лондонского и С.-Петербургского кабинетов были бы опрокинуты. Этот генерал своим образом действий еще больше усугубил недостатки плана кампании. Тотчас же после своей высадки он должен был занять позицию на линиях Гельдера, построить редуты на дюнах Морлана и прикрыть себя затопляемой местностью и канонерскими лодками. Тогда его нельзя было бы одолеть. На этой позиции, под защитой огня своей эскадры, он держал в своей власти вход в Зюйдерзее. Под его прикрытием смог бы высадиться герцог Йоркский. Только тогда, собрав свою 40-тысячную армию, ему следовало двигаться вперед.

2. Галло-батавской армии 10 сентября не удалась атака на Зейпе. Если и случается иногда, что 17 000 человек разбивают 25 000, то это не оправдывает безрассудства тех, кто без оснований вступает в такой бой. Когда армия ожидает подкреплений, долженствующих утроить ее силы, она не должна ничем рисковать, чтобы не поставить под угрозу успех, которого обязательно достигнет после сосредоточения всех дивизий. Однако, если бы генерал Брюн энергично атаковал Зейпе, он добился бы своего. Всякая отступающая армия может быть атакована только тогда, когда ее положение хорошо разведано. Галло-батавская армия, следовательно, должна была 10 сентября занять позицию на расстоянии пушечного выстрела от Зейпе. Это движение закончилось бы к полудню. Ее главнокомандующий должен был употребить остаток дня и следующий день на раз-

ведку, на обдумывание и разработку своего плана атаки, на инструктирование генералов и командиров колонн, на заготовку фашин, настилочных досок, мостов, инструмента. В таком случае он узнал бы, что правый фланг противника, между морем и селением Краббендам, на протяжении более 3000 туазов является самой сильной частью позиции, так как у подножья дамбы Зейле протекает широкий и глубокий канал Алькмаар; что этот город¹ можно было обстреливать с фрегатов и канонерок фланкирующим огнем; что от селения Краббендам до селения Сен-Маартен 1½ лье и, наконец, от Сен-Маартена до больших затопляемых полей Зюйдерзее 2 лье.

Угрожая правому флангу, нужно было атаковать на самом деле только около Сен-Маартена тремя линиями, в 200—300 туазах одна от другой. Противник, захваченный врасплох на рассвете таким сосредоточением сил, не мог бы оказать никакого серьезного сопротивления. Видя, что его крайний левый фланг прорван и обойден, угрожаемый с тыла, противник со всей поспешностью отступил бы на Гельдер, вынужденный вести бой на марше. Начальник артиллерии галло-батавской армии должен был выставить для этой операции восемь или девять 12-фунтовых и гаубичных батарей, помимо обычного артиллерийского вооружения армии, чтобы атаке предшествовала сильная канонада и были приведены к молчанию полевые орудия противника. Начальник инженерной части должен был доставить: 1) значительное число судов и других средств для наводки ряда мостов через каналы в течение нескольких часов; 2) инструменты и мешки, необходимые для быстрого устройства ложементов на дамбе и для всяких других работ, какие потребуются в зависимости от обстоятельств. Если бы генерал Эберкромби занял позиции на Гельдере, он избежал бы тех трудностей, с которыми ему пришлось встретиться.

3. Герцог Йоркский проиграл Бергвиское сражение, которое он должен был выиграть, потому что накануне, с целью обхода галло-батавской армии, он выделил Эберкромби к Гоорну с 15 000 человек, то есть третьей частью своей армии. 19-го во время сражения Эберкромби находился в 7 лье от линии огня, у Гоорна. Все правила войны осуждают подобное выделение частей из состава армии и особенно в таких странах, как Голландия, где одна разрушенная дамба представляет непреодолимую преграду между выделенным отрядом и армией. В результате получилось, что, имея 40 000 человек, герцог Йоркский дал сражение только с 25 000 человек, то есть силами, равными или даже меньшими, чем те, которыми располагала галло-батавская армия. Если бы он поставил Эберкромби на правом, а не на левом фланге, во второй линии позади Германа, он но-

¹ Здесь в подлиннике, видимо, описка, так как речь идет о возможности обстрела не города, а селения. — Р е д.

чевал бы через несколько дней в Амстердаме и водрузил бы там оранжистский флаг.

4. Во время сражения три атакующие колонны — Германа, Дундаса и Пальтни — были отделены одна от другой естественными преградами, и по мере того, как русский генерал Герман продвигался вперед, его положение становилось все более тяжелым, так как Алькмаарский канал, отделявший его от остальной армии, постепенно удаляется от моря. В конце концов у этого генерала оба фланга оказались открытыми, и он не мог 16 батальонами прикрыть 3 лье пространства между морем и Алькмааром. Центр и левая колонна армии не могли выдвинуться вровень с ним вследствие наличия каналов и других местных препятствий, благоприятствовавших сопротивлению галло-батавцев. Вместо следования этой ошибочной диспозиции, герцогу Йоркскому надо было маневрировать тремя дивизиями, эшелонируя их, имея: дивизию Германа впереди, примыкающей к морю; дивизию Дундаса в центре, позади; дивизию Пальтни еще более сзади, примыкающей левым флангом к каналу. С подходом Германа на уровень Бергена левый эшелон прибыл бы на уровень селения Шоорльдам. Герман вошел бы в Алькмаар до 9 часов утра, захватив главную квартиру французской армии и ее парки и перехватив пути сообщения. Ужас и беспорядок распространились бы в центре и на левом фланге, где командовали Дюмонсо и Дэидельс, которые поспешно бросились бы отступать по пересеченной местности, тогда как ружейный и пушечный огонь Германа велся бы уже в двух лье на их тылах.

5. Эгмонтское и Кастрикумское сражения были бесполезны: участь кампании решилась Бергенским сражением. Французская армия получила много подкреплений; большое число батальонов находилось в пути. Массена 24 сентября разбил у Цюриха главную армию союзников, и это вынудило эрцгерцога покинуть нижний Рейн и отступить на Дунай. Между тем, без австрийской армии на нижнем Рейне англо-русская армия не могла бы удержаться в Амстердаме; она оказалась бы там под ударом. В Эгмонтском сражении герцог Йоркский лучше управлял войсками, но было уже слишком поздно.

Четвертое замечание. *Голландия; Брюн*. 1. Генерал Брюн потерял десять последних дней августа в досадных колебаниях. Чтобы принять решение, он выжидал более надежных сведений о намерениях противника. Он считал, что лучше действовать медленно, чем действовать плохо и наобум. Такая осмотрительность была тут неуместна: не могло быть никакого сомнения относительно пункта, где будет иметь место атака англичан. Им хотелось захватить Голландию; они могли это сделать, лишь овладев Зюйдерзее, а для этого им нужен был Гельдер.

В самом деле, Голландия — открытая равнина, имеющая форму ромба, в четырех углах которого лежат Флиссинген, Тексель, Дельфзейль и Нимвеген. Сторона Тексель — Флиссинген имеет 45 лье; Флиссинген — Нимвеген — 35; это дает 1575 кв. лье пространства, из которого 400—500 кв. лье приходится на внутреннее море, именуемое Зюйдерзее. Голландия лежит при слиянии Шельды, Мааса и Рейна. Воды этих трех больших рек смешиваются благодаря наличию широких рукавов, и сообщение между ними ведется по большому числу каналов. Пресные воды отделяются от океана системой тщательно устроенных шлюзов, которые во время отлива позволяют этим водам стекать в море, а во время прилива задерживают морские волны и не дают им затоплять страну, ибо большая часть Голландии находится ниже уровня морских приливов, и если бы она не была защищена дамбами и шлюзами, то покрывалась бы морской водой два раза в сутки. Батавия составляла часть Gallii; географически она является частью Франции. Шельда отделяет ее от Нидерландов, Эмс — от Германии. Это естественное складочное место на пути в севера на юг Европы по большим артериям: Рейну, Маасу, Шельде и Эмсу, через порты Флиссинген, Роттердам и Амстердам. Последний город долгое время был столицей торгового мира. Бельгийское зерно и уголь, плоты леса с Рейна и его притоков были главными источниками богатства Голландии и образовали естественные и составляющие ее особенность отрасли торговли. Маас и Рейн, ее границы с Францией превращены инженерным искусством в грозные преграды. Наиболее удобной военной дорогой для входа в Голландию французских армий является дорога на Нимген и Утрехт.

Со стороны моря Голландия может быть атакована по Шельде, Маасу и Зюйдерзее. Армия, высаживающаяся на Шельде, задерживается сначала Флиссингеном, фортом Бат и Бероп-Зоомом. При этом нужно преодолевать рукава Восточной Шельды и Мааса. Если высадка произойдет на Маасе, то армия будет остановлена крепостями Гельдветслюисом, Бриеллем и несколькими рукавами Мааса. От Мааса до Гельдера берег низкий, окаймленный дюнами, без всяких признаков рейда, бухты или порта. Для овладения Голландией нужно овладеть Амстердамом, и всякая армия, имеющая подобное намерение и прибывающая морем, не имеет иного выбора и должна отправиться на Гельдер. Овладев этим местом, она овладеет Тексельским проходом и всем Зюйдерзее.

Зюйдерзее представляет собой внутреннее море с многочисленными портами, в которые выходят каналы, сообщающиеся со всеми пунктами Голландии. Оно омывает стены Амстердама. Суда, сидящие глубже 16 футов, плавают на нем с трудом. Это обстоятельство побудило голландских инженеров-конструкторов придавать своим кораблям и фрегатам округлые

формы с осадкой только на 16—18 футов. Это самое большое из всех неудобств; оно лишает их быстроходности. Корабли голландской конструкции неспособны больше бороться против кораблей французской и английской постройки. С амстердамских верфей, где строятся боевые корабли, приходится переправлять остовы судов в порты Медемблик или Ниве-Дип и там завершать их оснащение. В то время, когда Голландия входила в империю, на амстердамских верфях закладывались 74- и 80-пушечные корабли французского образца с осадкой на 23—24 фута. Их также переправляли в Ниве-Дип и Гельдер на понтонах. Ниве-Дип рассматривался императором как ключ к Голландии, который надо обеспечить прочной крепостью, прикрыв ею арсенал и верфи и закрыв кораблям неприятеля Тексельский проход, вход в Зюйдерзее и рейд. По другим проходам малые суда свободно проходили в Зюйдерзее, но фрегаты и 74-пушечные корабли могли туда проникнуть только по Гельдерскому проходу, идя вдоль суши. Со времени завоевания Голландии в 1793 г. было осознано значение Гельдера, но французские и голландские инженеры последовали ошибочной системе. Они возвели в этом пункте укрепления такого огромного протяжения, что для их обороны потребовалась бы целая армия. Такая армия, выставленная против неприятеля, владеющего морем, произведшего высадку и захватившего Тексель, была бы окружена и вскоре вынуждена капитулировать. В 1811 г. император распорядился соорудить небольшой шестиугольный форт Лассаль, прикрытый рвами, наполненными водой, и затопляемой местностью; он обошелся в 1—2 миллиона. Форт защищал со стороны суши многочисленные береговые батареи, расположенные на крайней оконечности Гельдера для защиты прохода на рейд и эскадры. В 1814 г. отличный адмирал Верюель с 700—800 французоз заперся в этом форту и продержался там несколько месяцев, господствуя над проходом и рейдом, хотя внутренние восстания привели к отпадению Амстердама и остальной Голландии. Будь этот форт возведен на 20 лет раньше, две голландские эскадры, взятые англичанами или сдавшиеся им, были бы спасены.

В 1799 г. этого форта, однако, не существовало. Линии Гельдера не значили ничего в случае высадки с юга, дававшей возможность обойти их. Следовательно, именно около Гельдера должна была высадиться английская армия, чтобы овладеть сначала линиями и батареями, защищавшими проходы, так как вследствие этого она с первых же минут приобрела бы господство над Текселем и стоявшей в Зюйдерзее голландской эскадрой. Голландский адмирал не имел возможности укрыться в Амстердамском порту, потому что для этого ему пришлось бы разоружить свои корабли и поставить их на понтоны. Следовательно, галло-батовский главнокомандующий, как только голландская директория прислала ему извещение, что английский

флот с десантными войсками показался у Гельдера, должен был немедленно перенести свою главную квартиру к Гельдеру и быстро направить туда дивизии Дэндельса, Дюмонсо и Вандама. Они могли прибыть туда 27-го и сбросить в море авангард Эберкромби в момент его высадки. Таким образом были бы спасены Гельдер и эскадра, а результаты экспедиции свелись бы к нулю.

2. Генерал Дэндельс прибыл 25-го в Гельдер со своей дивизией силой в 10 000 человек. У него имелось 48 часов для подготовки местности, где хотел произвести высадку английский адмирал. Он мог со своими 10 000 человек вынуть за 48 часов 7—8 тысяч туазов земли и выставить 40—50 орудий. Он должен был, во-первых, соорудить на верхних гребнях дюн восемь или десять редутов, поставив на каждые четыре—пять орудий, в том числе два 24-фунтовых или 36-фунтовых и два полевых, и выделив 2500 человек для их обороны; во-вторых, разделить остальную часть своей дивизии на три бригады по 2500 человек: одну резервную, для поддержки редутов; две другие, каждая с девятью пушками, предназначенные для движения на противника справа и слева, лишь только он вступит на сушу и суда, стоящие на якоре, будут вынуждены прекратить огонь. Можно думать, что подобный способ действий увенчался бы успехом. Эти 50 орудий можно было взять в Гельдере, где их имелось большое количество. Отряды голландской эскадры могли помочь и орудиями и даже обслуживанием их (батарея в двадцать 24-фунтовых и 36-фунтовых орудий и десяток больших мортир могла с большим успехом действовать против линии стоящих на якоре канонерок), а картечь 68 пушек, включая и орудия с упряжками, уничтожила бы высаживающиеся на берег войска.

3. В Бергенском сражении генерал Брюн должен был на своем левом фланге, между морем и каналом, расположить не только дивизию Вандама, но также и дивизию Дюмонсо. Дивизии Дэндельса было бы достаточно для обороны участка, расположенного на правой стороне Алькмаарского канала.

4. Восемь дней, с 11 по 19 февраля, галло-батавская армия напряженно трудилась над возведением укреплений, но укрепления возводились бессистемно. Инженерные офицеры дивизии построили редуты на дамбах и забаррикадировали селення, сделав то, что казалось им наилучшим. Начальник инженерной части армии и главнокомандующий не позаботились о создании какой-либо центральной системы укреплений и опорного пункта, где вся армия могла бы собраться и произвести впечатление на противника своей позицией и готовностью сражаться. Английская армия являлась значительно более сильной, чем галло-батавская, и нельзя было серьезно рассчитывать помешать ее продвижению между каналом и морем на протяжении 2—3 лье, потому что любой редут, возводимый на песке, хуже,

чем всякие другие и без того слабые полевые сооружения. Не то было на правом берегу канала, где можно повсюду прикрыться рвами, наполненными водой, и затопляемыми участками, что дает несравненно лучшую защиту. Там можно было расположиться, будучи почти гарантированным от непосредственной атаки. Следовало соорудить по обеим сторонам канала достаточно большой укрепленный лагерь, чтобы вместить армию, прикрыть его затопляемыми участками и укрепить всеми средствами инженерного искусства. Три моста на этом канале позволили бы маневрировать на обоих берегах и двигаться на тылы или на фланги противника, если бы он о них не позаботился. После борьбы за все подходы к лагерю на том и другом берегу войска, сосредоточенные в этом лагере, сдерживали бы всю неприятельскую армию.

5. На следующий день после Эгмонтского сражения генерал Брюн поступил сообразно с правилами войны, очистив свою позицию и заняв бевервейкскую позицию.

6. После Бергенского, Эгмонтского и Кастрикумского сражений, с подходом к Батавской армии новых подкреплений, которые уже прибыли или находились еще на марше, наконец, после цюрихской победы Алькмаарская конвенция должна рассматриваться как ошибка. Она была подписана в середине октября. Море в этих местах было уже очень бурное. Герцог Йоркский имел в строю только 25 000 солдат; 16 000 человек вышло из строя в сражениях и от болезней. Зейпе — хорошая позиция, но она не такова, чтобы предохранить разбитую и уступающую в численности армию от хорошо продуманных, неоднократных и поддержанных многочисленной артиллерией атак. Брюн имел в своем распоряжении в гельдерском арсенале 300—400 12-фунтовых пушек, гаубиц и мортир Кегорна. В Амстердаме и посредством реквизиции можно было достать упряжки; впрочем, для подвоза боевого снаряжения хватало бы и каналов. Кроме полевого артиллерийского вооружения армии, имелось в крепостях 40 голландских канонирских рот и 100—150 орудий всех калибров. При этих средствах Зейпе был бы для англо-русской армии слабой защитой. Она была бы опрокинута и в беспорядке отброшена на Гельдер. Когда среди отступающих войск начинает распространяться замешательство, последствия его бывают неисчислимы — для английской армии еще больше, чем для всякой другой. Брюн предпочел последовать поговорке: «Стройте противнику золотой мост».

Он провел кампанию умно. Его армия постоянно была слабейшей и по численности, и по качеству, кроме как в сражении у Кастрикума. У англичан и русских были отборные войска. Голландские войска, наоборот, были в большинстве плохие. Много немцев дезертировало.

Пятое замечание. *Италия; Жубер*. 1. Генерал Жубер усугубил недостатки плана кампании, перейдя в наступление

Итальянской армией на шесть-семь дней раньше, чем Шампионе начал свои действия и произвел диверсию, вынудившую Суворова выделить против него отряд из своего лагеря в Поццоло.

2. Желая дать сражение перед Нови, Жубер должен был предварительно вновь захватить небольшой форт Серравале, сдавшийся 7 августа. Этот пункт принадлежал к системе его обороны; противника нельзя было туда допускать. Заняв форт, неприятель пересек одну из дорог от Нови к Генуе, выдвинул сторожевую заставу на тылы французов и захватил точку опоры их правого фланга, который вследствие этого оказался открытым.

3. Левый фланг французской армии не должен был выходить через Бормиду и соединяться со своим правым флангом у Нови, на равнине, перед лицом противника. Он должен был бы сделать это за Ла-Бокетта, а соединившись с правым флангом, выйти к Нови. Это основывается на не допускающем исключений принципе, что всякое соединение частей армии должно производиться в тылу и вдали от противника. Правый и левый фланги могли быть атакованы и разбиты поодиночке, когда они находились еще далеко один от другого. Было важно скрыть от противника наступательное движение армии. Если бы левый фланг вышел через Ла-Бокетта, он прибыл бы 14-го вечером в Нови. Атакованный 15-го, Суворов был бы застигнут врасплох, и у него не хватило бы времени сосредоточить свои силы. Французская армия заняла бы позицию, имея Нови в центре и став перпендикулярно пути отступления из Нови в Геную. Фронт в 1 лье был бы для нее достаточен, а именно: 1200 туазов между Нови и Скривией для ее правого фланга и 1200 туазов для левого фланга. Тогда ее боевой порядок расположился бы в три линии. По своим силам армия могла занять пространство в 5000 туазов; значит, первая линия могла иметь 2200 туазов, вторая — 1800 туазов и третья — 1000 туазов.

4. Армия, построенная таким образом, была бы в состоянии вести наступление и оборону, и ее главнокомандующий, занимая такую сильную позицию, ни в коем случае не оказался бы вынужден принимать сражение. Движение влево через Акви вынудило его защищать в качестве операционной линии шоссе из Каприата в Пастурана и оставить 3000 человек на различных пунктах для обеспечения этой линии. Между тем занятия селения Пастурана, удаленного на 4500 туазов от Нови, слишком растягивало линию, которая достигала 5700—6000 туазов, то есть почти вдвое больше, чем следовало, судя по числу войск на крайнем левом фланге. Шоссе из Нови в Геную оказалось под ударом, так как 1200 туазов от Нови до Скривии оборонялись только дивизией Ватрена, способной прикрывать лишь 1000 туазов.

5. Движение Ватрена, когда он бросил свою позицию, что-

бы, спустившись в равнину, ударить во фланг русских, атакующих Нови, было бы очень хорошим, если бы он произвел его с первой линией и оставил вторую линию с резервом на позиции. Оно было неблагоприятно при существовавшем боевом порядке армии.

6. Выдвижение Меласа между Скривией и Нови не должно было вынудить к отступлению. Было всего 5 часов вечера, и французский главнокомандующий мог атаковать Меласа. Впрочем, вино было откупорено; нужно было выждать ночи. Отступление армии на Пастурана явилось для нее гибельным, — оно и не могло быть иным. Следовательно, нужно было оставаться у Нови и здесь драться. Было сделано самое худшее из того, что можно было сделать. Если бы Жубер остался жив, он не отдал бы приказа об отступлении, и поле сражения осталось бы за французами. На войне никогда не нужно делать добровольно того, что является наилучшим из могущего произойти.

Шестое замечание. *Альпийская армия; Шампионе.*

1. Чтобы произвести условленную диверсию, Шампионе разделил свои 25 000 человек на четыре дивизии. Первая вступила в долину Аосты, вторая перешла через Мон-Сенис и прибыла в Суза, третья перевалила через гору Женевр, четвертая через Аржентьерский перевал и овладела Баррикадами. Столь слабыми атаками нельзя было произвести впечатление на противника. Но если бы эти четыре дивизии были собраны на Мон-Сенисе комбинированными движениями позади гор, затем спустились в Новалезе, направляясь на Турин, то 25 000 человек легко сошли бы за 40 000, и в этой столице поднялась бы сильная тревога. Шампионе должен был бы тогда стать на позицию у Риволи, опираясь на предгорья, и заняться тотчас же укреплением своего расположения, объединив две другие позиции между Риволи и Суза, более узкие и более сильные. Спустившись с Мон-Сениса 8 августа, он прибыл бы к Риволи 10-го. Австрийская дивизия, назначенная для обороны Турина, внесла бы тревогу в главную квартиру Суворова, который в ночь с 11 на 12-е, самое позднее 13-го, отдал бы распоряжение остановить продвижение армии, несущей с собой такую угрозу. Можно пренебречь действиями 5000—6000 человек, но нельзя оставаться безразличным к операциям 30 000—40 000 человек, появившихся на ваших тылах. 14-го вечером, во время выхода Жубера в Нови, отряд Суворова, посланный к Турину, был бы уже на марше.

2. Шампионе должен был расположиться со всеми своими силами на позиции протяжением 1200—1500 туазов, с флангами, опирающимися на фортификационные сооружения, хорошо приспособленные к местности и прикрытые палисадами, а по фронту — редутами. Производя в равнине фуражировки для снабжения своего лагеря всякого рода припасами, он, таким

образом, повсюду внес бы тревогу. В подобном положении ему нечего было бояться. Потребовалась бы вся армия Суворова, чтобы его вытеснить, и даже в таком случае у него хватило бы времени подготовиться к бою с противником, развернуться и построить свою армию в боевой порядок. Если бы Жубер оказался победителем, у Шампионе явилась бы возможность присоединиться к нему в два перехода. Если бы Жубер был побежден, у него осталось бы время спокойно перейти обратно за горы, не подставляя себя под удары и не дожидаясь сосредоточения всей армии противника. Такой способ производства диверсии — единственный, от которого можно ожидать хороших последствий. Без сомнения, было бы лучше, чтобы эти 25 000 человек подоспели к Нови комбинированными маршами позади гор. Но это был единственный способ исправить недостатки плана, принятого правительством.

3. Марш на Ла-Бокетта для снятия осады с Тортоны достоин порицания. Многочисленная армия Края состояла из старых солдат, окрыленных победой. Будь Моро победителем, он, без сомнения, дошел бы до Тортоны, но не смог бы продержаться в ней больше 48 часов, потому что Мелас подоспел бы из Кони на поддержку к Краю. Это вынудило бы французскую армию вновь уйти в горы и предоставить Тортону ее собственной судьбе. Правда, слово, данное ранее командиром этой крепости¹, перестало бы его обязывать, но продовольственные припасы, которые можно было ввезти туда в течение 48 часов, наполнили бы его склады только на несколько дней. Город все равно сдался бы. Это было приобретением противника в результате сражения у Нови: отнять у него это было невозможно.

4. Шампионе для содействия движению Итальянской армии к Тортоне повторил то, что он сделал в августе. Дивизия, находившаяся в Аосте, двинулась к форту Бар, находившаяся в Сузи — к Туриму, сам он — к Пицьеролю. Все эти разрозненные передвижения без плана, без цели привели его к неудаче.

Вместо того, чтобы начать эти передвижения на три дня раньше выступления Моро, он их произвел на несколько дней позже, так что Край, отбросив 9 сентября Итальянскую армию за Ла-Бокетта и заняв 11-го позицию у Тортоны, успел двинуться на Кераско и Фоссано. Комбинируя свои передвижения с Меласом, он соединился с ним для окружения Альпийской армии и нанес ей чувствительные потери, сбросив ее в долины у подножия гор. Те же самые батальоны, которые отбросили Моро 9 сентября при атаке на Серравале и Нови, 18-го разбили Шампионе у Фоссано.

Если бы его армия была сконцентрирована в руках скольконибудь искусного генерала, она смогла бы нанести очень сильные удары. Бои, осенние болезни, уход Суворова значительно

¹ См. выше, стр. 322. — Ред.

ослабили австрийцев. Один Мелас не смог бы бороться с армией Шампионе, и, улучив благоприятный момент, она сумела бы помешать Краю, скованному действиями Мора, оказывать помощь Меласу. Оба эти генерала могли собрать только 30 000 человек. Шампионе, сосредоточив свои дивизии, имел бы равные силы, но по своей неспособности он противоставил им у Фоссано только 7000—8000 человек.

Седьмое замечание. *Альпийская и Итальянская армии; Шампионе*. 1. В октябре Мелас не имел иной цели, как взять Кони, чтобы завладеть всей Италией и вынудить французов к зимовке за Альпами. Шампионе, наоборот, хотелось сохранить этот ключ Италии, чтобы занять зимние квартиры на плодородных равнинах Пьемонта. Он правильно рассуждал, что наиболее действительным способом срыва планов противника являлось бы перенесение главной квартиры французов к Кони и сосредоточение целой армии в лагере, впереди этой крепости. Но после того, как таким маневром он вынудил бы Меласа снять блокаду с Кони и оттянуть свою армию на левый берег Стуры, оставив ему весь правый берег; после того, как не только была бы снята блокада с Кони, но и восстановлено свободное сообщение с Савоной, Кару и Мондови, Аржентьерским и Тендским перевалами, он достиг бы полного успеха и ему ничего больше не оставалось бы делать. Ему следовало упорно осуществлять свой план, укреплять свой лагерь, увеличивать свою армию, вернуть Дюгема и его 15 000 человек. Австрийский генерал был бы вынужден или отказаться от своего плана, или атаковать неприступный лагерь французов, чтобы принудить их освободить Кони, а этого он не мог предпринять, не уверившись заранее в своем поражении. Но Шампионе, далекий от таких мыслей, наоборот, вышел из лагеря до своего соединения с Дюгемом. Он маневрировал по обоим берегам Стуры. Из своих четырех дивизий он расположил три на правом берегу между Мондови и Кони, оставив четвертую на разгром Меласу. Эта ошибка имела весьма губительные последствия. Роковое сражение при Женола причинило французам потери в 8000 человек, вызвало падение Кони и повело к раздроблению армии, которая, отброшенная с равнины, гибла от лишений на биваках в горах генуэзской Ривьеры.

2. Если, наконец, Шампионе во что бы то ни стало хотел дать сражение, он должен был двинуться по одному из берегов Стуры и держать свои 25 000 человек постоянно у себя под рукой. Присоединение же Дюгема к лагерю у Кони надо было произвести в тылу, а не перед лицом противника.

В течение трех месяцев своего командования Альпийской армией Шампионе маневрированием, построенным на ошибочных принципах, три раза губил свою армию (даже не принимая в расчет военное счастье). Между тем у него были силы большие, чем у противника, не на поле сражения, где он ухит-

КАМПАНИИ В ЕГИПТЕ И СИРИИ

(1798—1799 гг.)

ГЛАВА I

МАЛЬТА

I. План войны с Англией в кампанию 1798 года. — II. Подготовка и состав Восточной армии. — III. Отплытие флота из Тулона (19 мая). — IV. Об острове Мальта и об ордене святого Иоанна Иерусалимского. — V. Средства обороны Мальты. — VI. Колесания великого магистра и его совета. — VII. Военные действия; бои; перемирие (11 июня). — VIII. Переговоры и капитуляция (12 июня). — IX. Вступление армии в столицу Мальты; организация управления Мальтой. — X. Отплытие с острова (19 июня).

1. Договор в Кампо-Формио восстановил мир на материке. Германский император был удовлетворен условиями, которые ему предоставили. Франция вновь вступила во владение наследством галлов. Она отвоевала свои естественные границы. Первая коалиция, грозившая задушить республику в колыбели, была побеждена и распалась. Только Англия оставалась вооруженной. Она воспользовалась бедами, постигшими материк, чтобы завладеть обеими Индиями и установить свою тиранию на морях. Директория прекратила переговоры в Лилле, будучи уверенной, что восстановить равновесие в Индиях и свободу морей можно лишь путем удачной кампании на морях и в колониях.

На 1798-й год намечалось несколько планов кампании. Говорилось о высадке десанта в Англии с помощью плоскодонных судов, прикрываемых совместными действиями французской и испанской эскадр, но для подготовки требовалась сотня миллионов, на которую при тогдашнем расстройстве финансов нельзя было рассчитывать. К тому же вторжение в Англию требовало использования основных сил Франции, что явилось бы преждевременным вследствие состояния возбуждения, в котором находился еще материк. Правительство приняло следующий план: держать в лагерях на побережье Ламанша 150 000 человек, которые станут угрожать Англии неминуемым вторжением, но на самом деле будут готовы в случае надобности выступить к Рейну; в то же время две небольшие армии чис-

ленностью в 30 000 человек каждая будут действовать наступательно. Одна из них, взятая на корабли брестской эскадры, высадится в Ирландии, где ее дожидаются 100 000 повстанцев; другая, предназначенная для действия на Востоке, переправится на другую сторону Средиземного моря, в котором господствовала тулонская эскадра. Это нанесет сокрушительный удар английским колониям в Индии. Типпу-сагиб, маратхи, сикхи дожидались только сигнала. Командование Восточной армией представлялось необходимым возложить на Наполеона. Египет, Сирия, Аравия, Ирак ждали такого человека. Турецкая администрация пришла в упадок. Последствия этой экспедиции могли оказаться столь же велики, как счастье и гений того, кто должен был руководить ею.

Одновременно с высадкой армии на Востоке в Константинополь должно было прибыть торжественное посольство, располагающее средствами, нужными для достижения успеха. В 1775 г. мамлюки¹ заключили договор с английской Индийской² компанией. С этого момента французские торговые дома подвергались оскорблениям и всяческим унижениям. По жалобе Версальского двора Порты³ в 1786 г. направила против беев капудан-пашу Хасана; но со времени революции французская торговля вновь стала подвергаться преследованиям. Порты заявила, что она тут ничего не может поделать, а мамлюки — «люди жадные, безбожные и мятежные», и дала понять, что отнесется к экспедиции против Египта терпимо — так же, как отнеслась она к экспедициям против Алжира, Туниса и Триполи.

II. Английские эскадры ушли из Средиземного моря в конце 1796 г., когда неаполитанский король заключил мир. С этого времени трехцветный флаг⁴ господствовал в Адриатике, в Леванте и вплоть до Гибралтарского пролива. Успешное продвижение Восточной армии зависело от того, насколько удастся сохранить в тайне подготовку к экспедиции. Наполеон в качестве главнокомандующего Английской армией объехал прежде всего лагеря на Ламанше, делая вид, что занимается только ими, но на самом деле занимаясь по-настоящему только Восточной армией. Из городов Фландрии и Бельгии, которые он посетил, Наполеон отправлял курьеров, которые доставляли его приказы на побережье Средиземного моря. Он взял на себя руководство всей подготовкой на суше и на море. Флот, конвой, армия — все это было приведено в состояние готовности за несколько недель. Он переписывался с генералами: Каффарелли — в Тулоне; Ренье — в Марселе, Бараге д'Илье — в Генуе; Дезе — в Чивита-Веккья; Вобуа — на Корсике. Эти пять упол-

¹ См. главу II. — Ред.

² Ост-Индской. — Ред.

³ Турецкое правительство. — Ред.

⁴ Французский. — Ред.

номоченных им лиц заготавливали продовольствие, собирали и вооружали суда с такой энергией, что 15 апреля войска совершили посадку на корабли в пяти портах. Командующим оставалось только ждать приказ об отплытии. Состав экспедиции был следующий:

Порты, где производилась посадка на суда	Линейные корабли	Фрегаты	Корветы и посыльные суда	Транспорты	Людей на борту	Лошадей на борту
Тулон	13	7	6	106	20 500	470
Марсель	—	—	2	30	3 200	60
Корсика	—	—	1	20	1 200	—
Генуя	—	1	1	35	3 100	70
Чивита-Веккия	—	1	1	41	4 300	80
	13	9	11	232	32 300	680

Из тринадцати линейных кораблей, входивших в состав эскадры, «Амираль» был 120-пушечный, три — 80-пушечные и девять — 74-пушечные. В их числе были «Герье» и «Конкеран», старые и плохие корабли; на них были установлены только 18-фунтовые пушки. Среди кораблей конвоя находились два венецианских 64-пушечных корабля, четыре 40-пушечных фрегата и десять корветов и посыльных судов, служивших для охраны. Вице-адмирал Брюэйс — офицер старого флота, который за год до того командовал флотом в Адриатике, считался одним из лучшим военных моряков республики. Две трети кораблей имели хороших командиров, но одной третью командовали люди, неспособные к этому. Эскадра и армия имели запас продовольствия на сто дней и воды — на сорок.

Сухопутная армия состояла из пятнадцати пехотных полубригад, семи кавалерийских полков и двадцати восьми рот — артиллеристов, рабочих, саперов, минеров, а именно: из 2-й, 4-й, 21-й, 22-й полубригад легкой пехоты; 9-й, 18-й, 19-й, 25-й, 32-й, 61-й, 69-й, 71-й, 80-й, 85-й, 88-й линейных пехотных полубригад, каждая трехбатальонного состава (в каждом батальоне по девять рот); 7-го гусарского, 22-го конно-егерского, 3-го, 14-го, 15-го, 18-го, 20-го драгунского полков; шестнадцати артиллерийских рот; восьми рот рабочих, саперов и минеров; четырех рот артиллерийского обоза. Кавалерия имела комплект седел и сбруй, но только триста лошадей; артиллерия имела боеприпасов втрое против нормы, много ядер, пороха, инструментов, осадный парк и все необходимое для обороны побережья большой протяженности, 12 000 запасных ружей, различное оборудование, упряжь на 6000 лошадей. Комиссия

наук и искусств имела своих рабочих, библиотеки, типографии — французскую, арабскую, турецкую и греческую — и переводчиков, владевших всеми этими языками. Пехоты — 24 300 человек, кавалерии — 4000, артиллерии — 3000, нестроевой состав — 1000. Всего 32 300 человек.

Генерал Бертье был начальником штаба армии. Генерал Каффарелли командовал инженерными войсками и имел в числе своих подчиненных ряд лучших офицеров этого рода оружия. Генерал Домартен командовал артиллерией, ему были подчинены генералы Сонжис и Фотрие. Генералы Дезэ, Клебер, Мену, Ренье, Бон, Дюгуа были генерал-лейтенантами. В числе генерал-майоров называли Мюрата, Ланна, Ланюсса, Виалея, Во, Рампона, Жюно, Мармона, Даву, Фриана, Бельяра, Леклерка, Вердье, Андреосси.

Дезэ был наиболее выдающимся офицером во всей армии, энергичным, образованным, любящим славу ради славы. Он был маленького роста, обладал мало привлекательной внешностью, но умел и задумать операцию и сам провести ее во всех деталях. Он мог командовать армией, и авангардом. Природа предназначила ему видную роль, будь то в армии или на гражданской службе. Он сумел бы управлять провинцией так же хорошо, как завоевать или оборонять ее.

Клебер был самым красивым человеком в армии. Он был ее Нестором¹. Ему было 50 лет. Он говорил с немецким акцентом и держался немецких обычаев. Восемь лет он прослужил в австрийской армии в качестве пехотного офицера. В 1790 г. он был назначен командиром батальона добровольцев на своей родине — в Эльзасе. Он отличился при осаде Майнца, вместе с гарнизоном этой крепости перешел в Вандею, где прослужил один год, участвовал в кампаниях 1794, 1795 и 1796 гг. в составе Самбро-маасской армии. Он командовал ее главной дивизией, отличился, оказал важные услуги, приобрел репутацию искусного полководца. Но его саркастический ум нажил ему врагов. Ему пришлось покинуть армию за неподчинение начальству. Его перевели на полжалованья. В 1796 и 1797 гг. он жил в Шайо. Он находился в очень стесненном положении, когда в ноябре 1797 г. Наполеон прибыл в Париж. Он бросился в его объятия. Он был принят с почетом. Директория питала к нему большое отвращение, и он платил ей тем же. В характере Клебера была какая-то беспечность, позволявшая интриганам с легкостью обманывать его. У него имелись фавориты. Он любил славу, как путь к наслаждениям. Это был человек умный, смелый, знавший военное дело, способный на великие свершения, но только тогда, когда его принуждала к тому сила обстоятельств; в подобных случаях советы, кото-

¹ Нестор — легендарный древнегреческий герой, отличавшийся как прекрасной внешностью, так и мудростью. — Р е д.

рые давали ему собственная беспечность, а также фавориты, оказывались не ко двору.

Генерал Бон происходил из Валанс, в Дофинэ. Он служил в Восточно-пиренейской армии, где получил все свои чины. Это был мужественный солдат. В ходе предшествующих кампаний он отличился в составе Итальянской армии. В Сен-жоржском сражении он командовал левым флангом армии.

Генерал Каффарелли отличался такой энергией, которая не позволяла заметить, что у него не хватало одной ноги. Он прекрасно разбирался во всех деталях, связанных с его родом оружия. Но особенно отличался он высокими моральными качествами и глубокими административными знаниями во всех отраслях управления. Это был хороший человек, храбрый солдат, верный друг, отличный гражданин. Он погиб со славою при осаде Сен-Жан-д'Акра¹ в момент, когда произносил очень яркую речь о народном образовании. Ему было поручено руководство комиссией ученых и художников, следовавшей за армией. Эта комиссия состояла из академиков Монжа и Бертолле, Доломье, Деиона; главных инженеров путей сообщения Ленэра, Жирара; математиков Фурье, Костаза, Корансеа; астрономов Нуэ, Бошана и Мэшена; натуралистов Жоффруа, Савиньи; химиков Декостильса, Шальпи и Делиля; рисовальщиков Дютертра, Редутэ; музыканта Вийото; поэта Парсеваля; архитекторов Лепэра, Протэна, Норри; наконец, в ее состав входил Контэ — глава воздухоплателей, универсальный человек, имевший вкус к искусству, знавший его и проникшийся его духом, особенно ценный в отдаленной стране, умевший все, способный воссоздать искусства Франции посреди аравийских пустынь. К этой комиссии было прикреплено человек двадцать студентов Политехнического и Горного училищ, среди которых отличились Жомар, Дюбуа старший, Ланкрэ, Шаброль, Розьер, Кордые, Реньо и др.

III. Когда все приготовления были закончены, произошел инцидент с Бернадоттом в Вене, заставивший опасаться возобновления войны на материке. Отплытие армии было отложено на 20 дней, что поставило ее под угрозу. Тайна была раскрыта, и в Лондоне успели узнать о всех приготовлениях, сделанных в Италии. Однако только 16 мая адмиралтейство отправило эскадру с Темзы в Средиземное море. 12 июня она подошла к Тулону. Французский флот отбыл оттуда 19 мая. Он опередил англичан на 25 дней. Он опередил бы их на 45 дней, если бы не столь глупая выходка Бернадотта.

Наполеон прибыл в Тулон 9 мая. Он сделал смотр армии. В своем приказе он объявил в основном следующее: «Солдаты, вы являетесь одним из крыльев Английской армии... Римские легионы, которым вы подражали, пока еще не сравнивались

¹ То есть города Акка. — Ред.

с ними, сражаясь с Карфагешом попеременно на этом же море и на равнинах Замы... На вас смотрит вся Европа... Вам предстоит великие свершения... Солдаты, матросы, вы являетесь предметом самых больших забот республики... Вы покажете себя достойными армии, часть которой составляете!..» Марсельский конвой вышел в море под охраной двух фрегатов. 15-го суда его бросили якорь на тулонском рейде. Наполеон вступил на борт «Ориана» — 120-пушечного корабля. Это был один из лучших кораблей, обладавший всеми качествами, каких можно было пожелать. 18-го с оконечности Саблеттского мыса были замечены английские корабли. Это был легкий отряд Нельсона из трех кораблей. 19-го флот вышел в море. В ночь с 20-го на 21-е он обогнул Корсиканский мыс, причем воюя в шторм. Генуэзский конвой присоединился на завтра, корсиканский — 26-го, на траверсе пролива Бонифачо. 2 июня с кораблей флота был замечен мыс Карбонара — оконечность Сардинии. Корвет, направленный в Кальяри, установил, что на кораблях легкого английского отряда под командованием Нельсона имелись повреждения, вследствие чего последнему пришлось стать на ремонт на Сен-Пьерском рейде. Адмирал хотел было атаковать его¹ там, но английский бриг, преследуемый посыльным судном «Корсир», был принужден выбраться на берег Сардинии. Экипаж был взят в плен. Он сообщил, что Нельсон ожидает прибытия из Англии десяти кораблей. Флот крейсировал в море три дня в ожидании конвоя из Чивита-Веккии, который не прибыл к первому условленному месту встречи. 4-го флот снова двинулся в путь, и с кораблей был замечен остров Маретимо. 5-го одно посылочное судно ходило на Сицилию и успокоило губернатора, который был очень встревожен. Один фрегат был направлен в Неаполь, один в Тунис, один в Триполи и один — к Мессине.

Эскадра двигалась в отличнейшем порядке, тремя колоннами; две состояли из четырех кораблей, а центральная — из пяти. Капитан 1 ранга Декрэ был послан в дозор с легкой эскадрой, состоявшей из фрегатов и быстроходных корветов. Конвой, охраняемый двумя венецианскими 64-пушечными кораблями, четырьмя фрегатами и большим количеством мелких судов, со своей стороны высылал дозоры во все стороны. Он имел приказ в случае нападения на флот вражеской эскадры укрыться в дружественном порту.

По всем линейным кораблям были распределены отборные войска. Три раза в день они проводили артиллерийские учения. Наполеон командовал как сухопутными, так и военно-морскими силами. Ничего не делалось иначе, как по его приказу. Он направлял движение флота

¹ Отряд Нельсона. — Р е д.

Он часто жаловался на то, что линейные корабли держатся слишком далеко друг от друга, но никогда не вмешивался ни в какие детали, требовавшие знаний и опыта в морском деле. 3 июня, на высоте мыса Карбонара, адмирал Брюэис представил ему на утверждение приказ, предусматривающий посылку четырех линейных кораблей и трех фрегатов навстречу конвою, вышедшему из Чивита-Веккии. Наполеон написал на полях: «Если через 24 часа после выделения этих кораблей будут замечены десять английских, у меня окажется только девять кораблей вместо тринадцати». Адмирал ничего не смог возразить.

9 июня на рассвете были замечены Гоцо и конвой из Чивита-Веккии. Таким образом, вся армия оказалась в сборе.

IV. Из семи языков, составляющих орден святого Иоанна Иерусалимского¹, три были французскими. Не имея возможности признать существование в своих владениях ордена, основанного на преимуществах, даваемых происхождением, республика его упразднила, присоединила его владения к владениям других духовных орденов, а рыцарей зачислила на пенсию. В качестве ответной меры великий магистр Роан отказался принять французского поверенного в делах. Французские торговые суда допускались в его порты, только спрятав трехцветный флаг. Между республикой и орденом не было никаких дипломатических отношений. Англичан же орден принимал и оказывал им предпочтение; им предоставлялась всевозможная помощь; власти следили за укомплектованием английских эскадр и снабжением их продовольствием. Со складов великого магистра было выдано 20 тысяч фунтов пороха вице-королю Корсики Эллиоту. Но решающим для судьбы ордена явилось то, что он отдался под покровительство императора Павла — врага Франции. Был создан православный приорат, что оскорбляло римско-католическую религию и клир. Россия стремилась к господству над этим островом, имеющим столь большое значение в силу своего положения, удобства и безопасности его порта и мощи укреплений. Ища покровительства на севере, орден не принял во внимание и поставил под угрозу интересы держав юга. Наполеон решился овладеть островом, но лишь в том случае, если это удастся сделать без ущерба для достижения основной цели.

Мальта расположена в 20 лье от Сицилии и в 60 от берегов Африки. Этот остров имеет 6—7 лье в длину, 4 в ширину и 20 в окружности. Западный и южный берега — обрывисты, но на северном и восточном — очень много бухт и прекрасных якорных стоянок. Остров Комино, имеющий в окружности 300 туазов, расположен между Мальтой и Гоцо. Гоцо имеет 4 лье

¹ Орден св. Иоанна Иерусалимского (мальтийский) состоял из семи «языков» или «наций», соответствовавших различным областям средневековой Европы. — Р е д.

в длину, 2 в ширину, 10 в окружности. Население трех островов составляло 100 000 душ. Поверхность Мальты — это скала, прикрытая 8—10 дюймами почвы. Главным произведением является хлопок — лучший в Леванте. Древней столицей Мальты является Знатный Город¹, находящийся в центре острова. Город Ла-Валетта, основанный в 1566 г., несколько раз осаждался турками. Он располагает наилучшим портом Средиземного моря, имеет 30 тысяч жителей, красивые дома, прекрасные набережные, великолепные склады для ржи, изящные фонтаны. Укрепления отличаются большой протяженностью, построены из тесаного камня, все склады — вне пределов досягаемости бомб. Различные фортификационные сооружения, батареи и форты — многочисленны и нагромождены друг на друга. Генерал Каффарелли сказал в шутку, осматривая их на следующий день после сдачи: «Хорошо, что в них были люди, чтобы открыть нам ворота». Он намекал на множество рвов, эскарпов и контрэскарпов, которые пришлось бы преодолеть, если бы ворота остались запертыми.

В 1789 г. орден извлекал из различных стран христианского мира от 18 до 20 миллионов ренты (в том числе 7 миллионов из Франции). В XIV веке он унаследовал владения тамплиеров. После изгнания его с Родоса Карл V уступил ему три острова — Мальту, Комино и Гоцо. Это было сделано с условием, что он² станет защищать берега Испании и Италии от варварийских пиратов. Ему легко было это сделать. Он мог иметь 6—7 линейных 74-пушечных кораблей, столько же фрегатов и вдвое больше мелких судов, с тем чтобы одна треть их постоянно крейсировала перед Алжиром, Тунисом и Триполи. Он мог бы положить конец варварийскому разбою, принудив пиратов жить в мире. В этом случае орден заслужил бы благодарность всего христианского мира. Половины его доходов было бы достаточно, чтобы достигнуть этого великого и благодетельного результата. Но рыцари, по примеру других монахов, присвоили имущество, которое было им предоставлено ради общественного блага и нужд всего христианского мира. Роскошь приоров, бальи, командоров вызывала возмущение всей Европы. Монахи, по крайней мере, отправляют требы, они полезны в духовной жизни; но эти рыцари ни на что не годны, ничего не делают, не оказывают никаких услуг. Они, однако, были обязаны высылать караваны судов. В этих целях четыре или пять галер ежегодно совершали прогулку по Средиземному морю, тщательно избегая при этом варварийских пиратов, и посещали порты Италии, Испании или Франции, где им устраивалась торжественная встреча. Они были правы; их суда не были способны принять бой с алжирскими фрегатами. Варва-

¹ Нотабиле. — Ред.

² Орден. — Ред.

рийские пираты безнаказанно нападали на Сицилию, Сардинию и берега Италии. Они опустошали побережье в районе, расположенном по прямой линии от Рима. Орден сделался бесполезным. Когда орден тамплиеров, созданный для охраны Иерусалимского храма и сопровождения паломников на дорогах, ведущих от Антиохии, Птолемаиды и Яффы к гробу господню, был переведен в Европу, существование его стало бесцельным, он пал и должен был пасть.

V. За несколько месяцев до описываемых событий великий магистр Гомпеш унаследовал сан великого магистра Роана. Это был человек пожилой, больной, нерешительный. Бальи, командоры, сенешалы, должностные лица ордена были старики, не участвовавшие в войнах, холостяки, прошедшие жизнь в самом приятном обществе. Очутившись на Мальте, как в ссылке, они желали умереть у себя на родине. Их не вдохновлял ни один из мотивов, в силу которых люди пренебрегают большими опасностями. Кто мог заставить их рисковать жизнью ради сохранения бесплодной скалы посреди моря? Религиозные чувства? Они были мало религиозны. Сознание собственной полезности? То гордое чувство, которое побуждает человека идти на жертвы, потому что он защищает родину и себе подобных? Они ничего не делали и никому не приносили пользы. Мальта располагала для своей обороны 800 или 900 рыцарей, мало пригодных к военным действиям и разобщенных между собой, подобно тому как были разобщены обычаи и интересы наций, к которым они принадлежали; 1500—1800 плохих солдат — итальянцев, немцев, французов, испанцев, большей частью дезертиров или авантюристов, которые с тайной радостью отнеслись к возможности соединить свои судьбы с судьбой самого знаменитого полководца Европы; и 800—900 ополченцев. Эти ополченцы, гордые, как и все островитяне, давно уже чувствовали себя оскорбленными наглостью и высокомерием рыцарей-дворян. Они жаловались на то, что являются у себя на родине иностранцами, не допускаемыми к занятию почетных и доходных должностей. У них не было привязанности к ордену. Они видели во французах защитников своих прав. К тому же самая организация ополчения находилась в небрежении, ибо орден давно уже не опасался вторжения турок и, напротив, боялся установления гегемонии коренных жителей. Если фортификационные сооружения и материальные средства обороны были обширны, то моральный фактор сводил их к нулю. Капитуляция Мантуи, почетные условия, предложенные Вурмзеру, представлялись умственному взору всех и каждого. Если уже настал час капитуляции, то предпочитали сдаться воину, который внушил высокое представление о своей великодушии. Город на Мальте не мог, не хотел и не должен был защищаться. Он не смог бы выдержать суточной бомбардировки. Уверившись в том, что он может сметь, Наполеон осмелился!!!

VI. 8 июня, когда конвой из Чивита-Веккии появился перед Гоцо, великий магистр, предчувствуя опасности, угрожавшие ордену, собрал Большой совет, чтобы обсудить столь важные обстоятельства. «Французская эскадра сосредоточивается в пределах видимости с наших берегов. Если она потребует разрешения на вход в порт, на что нам решиться? Мнения разделились. Одни думали, что необходимо дать сигнал тревоги, загородить цепью вход в порт, взяться за оружие, объявить остров на военном положении; такая подготовка произведет впечатление на французского главнокомандующего; необходимо в то же время не пренебрегать ничем из того, что может завоевать ордену расположение главнокомандующего и важнейших его офицеров; это единственный способ отвести от себя грозу». Другие, напротив, говорили, что назначение ордена — вести войну с турками, что они не должны выказывать какого-либо недоверия при приближении христианского флота; что дать при виде его сигнал тревоги, который обычно давался лишь при виде Полумесяца¹, значит вызвать и навлечь на город ту самую грозу, которую хотели от себя отвести; французский главнокомандующий, возможно, не имеет никаких враждебных намерений, если мы не выкажем ему никакого недоверия, он, может быть, пойдет своим путем, не тревожа нас!!» Пока продолжалась эта дискуссия, подошел весь флот. 9-го в полдень он появился у входа в порт, на расстоянии пушечного выстрела. Французский адъютант потребовал разрешение на вход, чтобы можно было запастись водой. Члены совета, считавшие, что нужно обороняться, снова стали с жаром доказывать, «насколько неосторожно будет отдаться связанными по рукам и ногам на милость иностранной армии, намерения которой неизвестны; хуже этого ничего произойти не может; сдаться на милость победителя никогда не поздно; с республикой нет никаких дипломатических отношений; неизвестно даже, находятся ли с ней в состоянии мира или войны; и, наконец, если нужно погибнуть, то лучше сделать это с оружием в руках, а не в результате собственной трусости». Противная партия доказывала, что будет крайне неосторожно провоцировать эту грозную армию, которая находится уже на расстоянии пушечного выстрела; что через несколько часов после начала военных действий она овладеет сельскими местностями Мальты и Гоцо; что тогда не останется другого выхода, как запереть ворота столицы, и что, будучи блокирована с суши и с моря, последняя не сможет обороняться из-за недостатка продовольствия; что рожь, правда, имеется, но зато отсутствуют все другие продукты питания; что французам не понадобится и суток, чтобы соорудить несколько мортирных батарей и начать бомбардировку крепости с суши и с моря; что тогда придется ожи-

¹ То есть турецкой эмблемы. — Ред.

дать восстания ополченцев, которые, будучи и без того плохо настроены, не останутся безучастными свидетелями сожжения их домашних очагов; что военные действия покажут чрезвычайную слабость ордена и тогда будет потеряно все; а между тем имеется возможность, раз уж это абсолютно необходимо, вести переговоры с выгодой для себя и поставить условия, почетные для ордена и выгодные для отдельных лиц!»

Дискуссия была оживленной. Большинство Совета высказалось за применение оружия. Великий магистр велел призвать господина Каруссона, одного из коммерсантов города, который вел дела французов. Он поручил ему сообщить волю Совета главнокомандующему. В то же время он дал сигнал тревоги. Ворота заперли, зажгли печи для каления ядер, распределили обязанности между командирами. Все ополченцы взяли оружие и отправились на батареи. Командор Буаредон де Рансюэ, принадлежавший к овернскому «языку», протестовал против этих мер. Он заявил, что, будучи французом, никогда не поднимет оружие против Франции. Несколько рыцарей присоединились к его мнению. Их арестовали и отправили в тюрьму. Князь Камилл де Роан взял на себя командование ополчением острова, имея в качестве подчиненного бальи де Клюни. Командор де Месгриньи отправился на остров Гоцо, рыцарь Вален — на остров Комино. Рыцари распределились по батареям и башням, окружавшим остров. Весь день и всю ночь царило крайнее возбуждение.

9-го, в 10 часов вечера, господин Каруссон сообщил главнокомандующему о своей миссии. Он получил приказ ответить великому магистру следующими словами: «Главномандующий возмущен тем, что вы не желаете разрешить набирать воду более чем четырем кораблям одновременно; действительно, сколько времени понадобится 400—500 судам для того, чтобы получить подобным способом воду и все остальное, в чем они сильно нуждаются? Этот отказ тем более удивил главнокомандующего, что ему известно, какое предпочтение оказывается англичанам и какую декларацию обнародовал ваш предшественник. Главномандующий решил взять силой то, что должны были ему предоставить, руководствуясь законами гостеприимства, которые являются основой вашего ордена; я видел, сколь значительны подчиненные ему силы, и предвижу, что остров не сможет обороняться... Главномандующий не пожелал, чтобы я вернулся в город, который он считает себя обязанным рассматривать впредь как вражеский... Он отдал приказ о том, чтобы религия, обычаи и собственность мальтийцев уважались». Одновременно корабль «Ориан» дал сигнал к бою. Генерал Ренье двинулся в путь с марсельским конвоем, чтобы с рассветом высадиться на острове Гоцо. Генерал Дезэ с конвоем из Чивита-Веккии под прикрытием кораблей контр-адми-

рала Бланке-Дюшайла бросил якорь в бухте Марса-Сироко. Генуэзский конвой бросил якорь в бухте св. Павла.

На Мальте всю ночь с величайшим нетерпением ожидали возвращения консула. Когда стало известно, что он остался на борту корабля и военные действия начались, всех охватили растерянность и недовольство. Одно чувство владело всеми — сознание невозможности и опасности обороны.

VII. 10-го на рассвете «Ориан» дал сигнал высадки. Наполеон высадился с 3000 человек между городом и бухтой св. Павла, капитан 2 ранга Мютар командовал десантными шлюпами. Как только они подошли на расстояние выстрела к башням и батареям, последние открыли огонь. На него отвечало несколько канонерок, вооруженных 24-фунтовыми пушками. Шлюпы продолжали движение вперед в отличнейшем порядке. Море было спокойным, что являлось необходимым, так как высадка производилась на скалы. Вражеская пехота противодействовала десанту. Вступили в действие стрелки. За один час батареи и башни были взяты и противник прогнан из города. Генерал Барагэ-д'Илье овладел бухтами св. Павла и Мальты. Преодолев слабое сопротивление, он захватил батареи, башни и всю южную часть острова; он взял 150 пленных и потерял убитыми трех человек. Генерал Дезэ высадил 21-ю легкую полубригаду во главе с генералом Бельяром. Он захватил все батареи Марса-Сироко. К полулюди Мальта¹ была окружена со всех сторон. Французские войска находились под ее грозными стенами, на расстоянии половины пушечного выстрела. Крепость вела огонь по тем стрелкам, которые подходили слишком близко. Генерал Вобуа направился к Знатному Городу, имеющему крепостную ограду, и овладел им, не встретив сопротивления. Генерал Ренье овладел всем островом Гоцо, который защищали 2500 человек, большей частью коренные жители, и взял в плен всех оборонявших его рыцарей. В час дня шлюпы приступили к выгрузке двенадцати орудий и всего необходимого для оборудования трех платформ для мортир; в операции участвовали также шесть бомбард и двенадцать канонерок, вооруженных 24-фунтовыми пушками. Несколько фрегатов подошли к порту, 11-го вечером город можно было бомбардировать 24 мортирами, одновременно с пяти направлений. Главнокомандующий в сопровождении генерала инженерных войск Каффарелли осмотрел расположение батарей, которое тут же приказал вычертить. Между четырьмя и пятью часами осажденные сделали вылазку. Адъютант Мармон отбросил их, взяв несколько пленных. По этому случаю он был произведен в бригадные генералы. В семь часов вечера, незадолго до наступления темноты, показалась большая толпа жителей, желавших выйти из города. Это было предусмотрено, и им отказали в пропуске. Когда

¹ Имеется в виду столица Мальты. — Р е д.

раздались пушечные выстрелы, возвещавшие тревогу, большая часть жителей острова со своими семьями и скотом поспешила укрыться за стенами столицы, что еще увеличило беспорядок. Главнокомандующий вечером вернулся на «Ориан». Час спустя он получил следующее письмо от батавского консула: «Великий магистр и его Совет поручили мне указать вам, гражданин генерал, что, запретив вам вход в порты... они желали лишь узнать, какого рода отступлений от обязательств, которые налагает на них нейтралитет, вы добивались... Поэтому великий магистр и его Совет просят, чтобы вы прекратили военные действия и сообщили, каковы ваши намерения, которые, конечно, находятся в соответствии с великодушием французской нации и хорошо известным характером знаменитого полководца, который ее представляет». Генерал Жюно, его ¹ старший адъютант, немедленно отправился на Мальту и в два часа утра подписал следующее соглашение о перемирии: «Объявляется сроком на 24 часа, считая с 6 часов вечера сего 11 июня 1798 г. и до 6 часов вечера завтрашнего, 12-го дня того же месяца, перемирие между армией Французской республики под командованием генерала Бонапарта, представителем коего является бригадный генерал Жюно, старший адъютант названного главнокомандующего, и великим магистром ордена святого Иоанна Иерусалимского.

Подписано: *Жюно, Гомпеш*».

VIII 11-го на рассвете представители великого магистра явились на борт «Ориана» с полномочиями, необходимыми для заключения соглашения о сдаче крепости. Во главе их находился командор Буаредон де Рансюэ, которого освободили из тюрьмы, после чего народ нес его на руках как триумфатора и он был принят великим магистром. 10-го в течение всего дня смута в городе все усиливалась. При получении каждого нового известия о взятии батарей и башен и об успехах осаждающих жители устраивали беспорядки. Подготовка к бомбардировке возбуждала недовольство ополченцев. Несколько рыцарей было убито на улицах, и ненависть, которая давно зрела в сердцах жителей, неудержимо прорвалась наружу. Те члены Совета, которые особенно энергично призывали к сопротивлению, теперь всего более добивались покровительства французского главнокомандующего, ибо именно они являлись прежде всего мишенью для народного возмущения. Акт о капитуляции был подписан на борту «Ориана» 12 июня, в 2 часа утра.

«Статья 1. Рыцари ордена святого Иоанна Иерусалимского передадут французской армии город и форты Мальты. Они отказываются в пользу Французской республики от прав суверенитета и собственности, как в отношении этого города, так и в отношении островов Мальта, Гоцо и Комио.

¹ Наполеона. — Р е д.

Статья 2. Республика употребит свое влияние на Раштадтском конгрессе, чтобы обеспечить великому магистру пожизненное владение княжеством, равноценным тому, которое он теряет, а в ожидании этого станет выплачивать ему пенсию в 300 000 франков. Кроме того, ему будет выдана сумма, равная этой пенсии за два года, в качестве возмещения за его движимое имущество. В течение того времени, пока он останется на Мальте, ему будут оказываться те же воинские почести, что и прежде.

Статья 3. Рыцари ордена святого Иоанна Иерусалимского, являющиеся французами и находящиеся в данный момент на Мальте, чей статус будет определен главнокомандующим, смогут вернуться на родину; пребывание их на Мальте будет им зачтено как пребывание во Франции.

Французская республика сделает Цизальпинской, Лигурийской, Римской и Гельветической республикам представления об объяснении настоящей статьи общей для рыцарей этих наций.

Статья 4. Французская республика сделает другим державам Европы представления о сохранении за рыцарями соответствующих наций их прав на собственность Мальтийского ордена в этих государствах.

Статья 5. Рыцари сохраняют свое имущество на островах Мальта и Гоцо, на правах частной собственности.

Статья 6. Жители островов Мальта и Гоцо, как и в прошлом, будут свободно исполнять обряды римско-католической, апостольской веры; они сохранят привилегии, которыми пользуются; не будет наложено никакой контрибуции.

Статья 7. Все гражданские законы, введенные при правлении Ордена, сохраняют свою силу и будут соблюдаться.

Во исполнение статей, подписанных 12 июня (24 прерияля) представителями Французской республики и Мальтийского ордена, была достигнута договоренность о следующем:

Статья I. Сегодня, 12 июня, Форт Манозель, форт Тиньи, замок святого Ангела, укрепления Бормолье, Коттонары и города Побед будут переданы в полдень французским войскам.

Статья II. Завтра, 13 июня, форт Риккацоли, замок св. Эльма, укрепления городов Валетты, Флорианны и всех других будут переданы в полдень французским войскам.

Статья III. Сегодня, в 10 часов утра, французские офицеры явятся к великому магистру, чтобы получить у него приказы комендантам различных портов и укреплений, которые должны быть переданы французам. Их будут сопровождать мальтийские офицеры. Офицеров будет столько, сколько будет передано фортов.

Статья IV. Такие же меры, как означенные выше, будут приняты в отношении фортов и укреплений, подлежащих передаче французам завтра, 13 июня.

Статья V. Одновременно с передачей фортификационных сооружений будет осуществлена передача артиллерии, складов и документов инженерных войск.

Статья VI. Находящиеся на острове войска Мальтийского ордена емогут оставаться в занимаемых ими казармах впредь до иного распоряжения.

Статья VII. Адмирал, командующий французским флотом, назначит офицера, который примет сегодня корабли, галеры, суда, склады и прочее имущество военно-морского флота Мальтийского ордена».

Обнародование этого соглашения о капитуляции успокоило умы, положило конец мятежу и восстановило порядок. Наполеон написал епископу Мальты, чтобы успокоить священников, которые были сильно встревожены: «Я с подлинным удовлетворением узнал, господин епископ, о вашем хорошем поведении и приеме, оказанном вами французским войскам при вступлении их в Знатный Город. Вы можете заверить ваш клир, что римско-католическая апостольская вера не только будет уважаться, но и что священникам этой религии будет оказываться особое покровительство... Я не знаю человека более почтенного и заслуживающего уважения, чем священник, который, проникшись подлинным духом евангелия, уверен в том, что долг его требует послушания светской власти и поддержания мира, спокойствия и единения среди своей паствы... Я желаю, господин епископ, чтобы вы тотчас же явились в город Ла-Валетта и своим влиянием поддержали порядок и спокойствие среди народа. Я сам отправлюсь туда сегодня вечером. Сразу же по прибытии моем в город вы представите мне всех священников и руководителей монашеских орденов... Будьте уверены, господин епископ, в моем желании дать вам доказательства уважения и почтения, которые я питаю к вашей особе».

IX. 12-го, в 8 часов утра, порты и форты Мальты были переданы французским войскам. Было объявлено, что назавтра прибудет главнокомандующий. Но в час пополудни он высадился инкогнито, обошел крепостные стены, побывал во всех фортах и явился с визитом к великому магистру, чем сильно его озадачил. 13-го на рассвете эскадра вошла в порт. Это было великолепное зрелище. Триста судов встали на якорь без всякого беспорядка. В этом прекрасном порту могло разместиться втрое большее число судов. Склады Мальты были заполнены. На рейде стоял 64-пушечный линейный корабль ордена и еще один находился на стапелях. Чтобы увеличить количество легких судов флота, адмирал забрал две полугалеры и две шебеки. Он взял на эти суда матросов, служивших ордену. Триста турок, находившихся в качестве невольников на каторге, приодели и распределили по линейным кораблям. За армией последовал легион, составленный из батальонов, названных мальтийскими. Он был сформирован из солдат, служивших ордену. На служ-

бу¹ поступили также гренадеры гвардии великого магистра и несколько рыцарей. Некоторые жители, говорившие по-арабски, пожелали быть прикомандированными к генералам и различным учреждениям.

Три роты ветеранов, составленные из всех старых солдат ордена, были отправлены на Корфу и на Корсику. В крепости имелось 1200 пушек, 40 000 ружей, 1 миллион фунтов пороха. Начальник артиллерии велел погрузить на суда все, что он считал нужным для пополнения и укомплектования материальной части. Эскадра запаслась водой и продовольствием. Склады ржи были очень велики, их содержимого хватило бы городу на три года. Фрегат «Сансиль» отвез во Францию трофеи и несколько редкостей, которые главнокомандующий отправил правительству. Генерал Барагэ д'Илье, который в силу непостоянства своего характера пожелал вернуться в Париж, получил разрешение на отъезд, причем ему было поручено доставить штандарт ордена. Все мальтийские рыцари — французы и итальянцы — получили паспорта для въезда во Францию и в Италию. По условиям капитуляции все остальные эвакуировались с острова. К 18 июня на Мальте не оставалось больше ни одного рыцаря. Великий магистр 17-го отплыл в Триест. Найденная в казнохранилище серебряная посуда стоимостью в миллион была по прибытии в Каир перечеканена в монету.

Генерал Вобуа с 4000 человек гарнизона был оставлен комендантом острова. Чтобы оборонять последний, нужно было иметь 8000. Генерал Бертье приказал послать туда 6000 человек из запасных частей, находившихся в Тулоне, и направил туда же 1000 человек с Корсики, 1500 из Чивита-Веккии и 1500 из Генуи. Чтобы полностью снабдить гарнизон, не хватало соленого мяса и медикаментов. Он сообщил об этом военно-морским властям в Тулоне. Наполеон дал почувствовать Директории необходимость переправить на Мальту эти подкрепления, а также все, чего не хватало гарнизону, дабы обеспечить нормальное несение службы в этой важной крепости. 8000 человек могли бы удержать господство над островом и оказались бы тогда в состоянии получать пополнения. Море оставалось свободным в течение июня, июля, августа, сентября. Но Директория, как обычно, ничего не сделала. Вобуа был предоставлен самому себе.

Х. Завоевание Мальты вызвало во Франции взрыв энтузиазма, а в Европе — большое удивление. Армия была ослаблена на 4000 человек, но пополнила свой состав 2000 человек мальтийского легиона. 19 июня, как раз через месяц после того, как он покинул тулонский рейд, флагман дал сигнал к отплытию. Взятие Мальты замедлило движение армии только на шесть дней. Стало известно, что курс будет взят сначала на

¹ Во французскую армию. — Ред.

Кандию. Мнения относительно последующего назначения разделились. Собираются ли возвысить снова Афины или Спарту? Будет ли трехцветное знамя водружено на серале¹ или же на пирамидах и развалинах древних Фив? Или же из Алеппо направятся в Индию???

Эти сомнения перекликались с сомнениями Нельсона.

ГЛАВА II

ОПИСАНИЕ ЕГИПТА²

I. Египет. — II. Пустыни Египта. — III. Население древнее и современное; человеческие расы; копты, арабы, мамлюки, османы, сирийцы, греки и др. — IV. Распределение собственности, финансы. — V. Чем стал бы Египет под властью Франции. — VI. Поход на Индию.

I. Египет составляет часть Африки. Расположенный в центре Старого Света, между Средиземным морем и Индийским океаном, он является естественным складочным местом для торговли с Индией. Это обширный базис, окруженный со всех сторон пустыней и морем. Занимая пространство между 24° и 32° северной широты и 26° и 32° восточной долготы (от Парижа), он окаймлен с севера Средиземным морем, с запада — Ливийской пустыней, с юга — Нубийской, с востока — Красным морем и Суэцким перешейком, отделяющим его от Сирии. Для защиты своих границ Египет не нуждается в крепостях. Их заменяют ему пустыни. На него можно напасть только с моря или через Суэцкий перешеек.

В Египте редко идет дождь — на побережье все же чаще, чем в Каире, а в Каире — чаще, чем в Верхнем Египте. В 1798 г. в Каире однажды шел дождь в течение получаса. Роса выпадает очень обильная. Зимой температура опускается в Нижнем Египте до плюс два градуса по Реомюру, а в Верхнем повышается до плюс десяти градусов. Летом она достигает 26—28 градусов в Нижнем Египте и 35—36 градусов в Верхнем. Стоячие воды, болота не испускают никаких нездоровых испарений, не порождают никаких болезней, что объясняется исключительной сухостью воздуха. Мясо, выставленное на солнце, скорее высушивается, чем загнивает. На протяжении июня, июля и августа дуют постоянные ветры с севера и северо-запада. В эти месяцы суда затрачивают от десяти до двенадцати дней на переход из Марселя в Александрию, 60—70 — на переход от Суэца в Индию. В январе, феврале и марте господствуют юго-восточ-

¹ Дворце турецкого султана. — Ред.

² Эта глава печатается в сокращенном виде. При переводе опущен ряд разделов, касающихся истории, географии и этнографии Египта и прилегающих к нему стран, которые в настоящее время не представляют интереса. — Ред.

ные ветры. Это время возвращения из Индии и переходов из Александрии в Европу. Хамсин — восточный или южный ветер. Это местный сирокко. Повсюду он неприятен и утомителен; в некоторых частях пустыни он опасен, он вредит урожаю и произведениям земледелия.

Египет — одна из самых прекрасных и плодородных, а также наиболее интересных стран мира. Это колыбель наук и искусств. Там встречаешь самые большие и самые древние памятники, созданные руками человека. Если бы у нас был ключ к иероглифам, которыми они покрыты, то мы узнали бы неизвестные сейчас вещи относительно первого периода развития общества. Египет состоит: 1) из Нильской долины; 2) из трех оазисов; 3) из шести пустынь. Нильская долина — единственная его часть, представляющая ценность. Если бы Нил был отведен в Красное море или в Ливию до Сиенского катаракта¹, Египет стал бы всего лишь необитаемой пустыней, ибо эта река заменяет ему дождь и снег. Нил — бог этих мест, их добрый дух и регулятор всех отраслей производственной деятельности; это — Озирис, подобно тому, как Тифон — это пустыня...

II. Египетские арабы это земледельцы, бедуины² или марабуты³. Земледелец живет в предоставленных ему или купленных им деревнях; но и здесь он длительное время остается диким. В этих деревнях не видно мечетей, порядочных домов, они состоят из одинаковых хижин, без деревьев. Все там напоминает о пустыне и свирепом характере бедуина. Мужчины — воинственны. Они разводят лошадей. Они непокорны, неохотно переносят иго власти, нелегко выплачивают дань, иногда дерутся с арабами-бедуинами. Они считают себя представителями высшей породы по сравнению с другими феллахами⁴, которых они нередко обижают. Впрочем, они предприимчивы и трудолюбивы. Мамлюки никогда не живут среди них. По мнению арабов, будь то землевладельцев или бедуинов, феллахи являются их подданными, а мамлюки и турки — узурпаторами.

Арабы-марабуты не вооружены, не имеют лошадей, обязаны принимать у себя бедуинов и заботиться об их нуждах. Кочевые племена или бедуины почти все в той или иной мере занимаются земледелием; но они всегда живут в палатках, никогда не располагаются в домах или хижинах, часто меняют свое местонахождение и кочуют из конца в конец принадлежащей им пустыни, чтобы обеспечить стойбищем своих верблюдов и пользоваться водою из колодцев.

Арабы-бедуины — самая большая язва Египта. Из этого не следует, что их надо уничтожить; напротив, они необходимы. Без них эта прекрасная страна не смогла бы поддерживать

¹ Порогов у Асуана. — Р е д.

² Кочевники. — Р е д.

³ Мусульманская религиозная община. — Р е д.

⁴ Крестьянами. — Р е д.

никаких связей с Сирией, Аравией, оазисами, королевствами: Сеннар, Дарфур, Абиссиния, Триполи, а также Феццан. Без них перевозка грузов с Нила к Красному морю, из Кены в Косейр, из Каира в Суэц стала бы невозможной. Убыток, который понесла бы страна от их уничтожения, был бы весьма значителен. Бедуины держат большое количество верблюдов, лошадей, ослов, баранов, быков и т. д., которые составляют часть богатств Египта. Натуральная сода, египетская кассия, камедь, тростник, камыш, для добывания которых надо углубиться в пустыню на несколько дневных переходов, были бы потеряны. Уничтожить их¹ было бы возможно; но из внутренней части Африки и из Аравии явились бы многочисленные племена с целью захватить их страну, являющуюся предметом вожделений всех этих кочевых племен. Когда Нил вздымается и происходят сильные наводнения, как, например, в 1800 г., весть об этом передается из уст в уста, достигает Центральной Африки, и многочисленные племена проходят по 500 лье, чтобы стать лагерем в затопленной таким необычным наводнением пустыни, произвести посев и жить там. Племена египетских арабов противятся тому, чтобы иностранцы приходили жить в их владениях. Нередко им приходится драться. Это сопротивление сдерживает племена Великой пустыни. Уничтожить бедуинов было бы все равно, что островитянам уничтожить все корабли, потому что большое число этих последних используется пиратами. Когда Египтом управляли с твердостью и справедливостью, арабы были усмирены; каждое племя отвечало за свою часть пустыни и прилегающей к ней части границы. Это царство справедливости положило конец злоупотреблениям, и племена, подобно мелким вассалам, обеспечивали спокойствие в стране, а не нарушали его.

Подчинение арабов имеет большое значение для процветания Египта. Это предварительное условие всякого прогресса. Чтобы подчинить арабов, необходимо: 1) занять оазисы и колодцы; 2) организовать полки верблюжьей кавалерии, приучить их к пребыванию в пустыне в течение целых месяцев, без возвращения в долину; 3) создать большую администрацию и суд для рассмотрения дел, наказания и наблюдения за кочевыми племенами. Основы подобной организации были заложены в 1799 г. Сначала были приняты два образца башен. Первый — высотой в 24 фута, в два этажа, с двумя пушками на платформе, кордегардией на 40 человек гарнизона, рвом, контрэскарпом, контрэскарповой галереей, плацдармами и наружным рвом, с оградой, снабженной бойницами, каждая сторона которой должна была иметь протяжение в 200 туазов, причем заключенное в этой ограде пространство простреливалось картечью с башни. В ограде находился продовольственный склад,

¹ Бедуинов. — Р е д.

способный питать гарнизон в течение ста дней, и резервный склад для полка верблюжьей кавалерии с десятидневным запасом. На одном из плацдармов были предусмотрены колодцы, тщательно выложенные камнем и содержащиеся в превосходном состоянии, а также цистерна для дождевой воды. Башня второго образца имела 15 футов в высоту, один этаж, две пушки на платформе, 15 человек гарнизона, склад с продовольствием, необходимым этим 15 человекам в течение 100 дней, резервный склад для роты верблюжьей кавалерии с десятидневным запасом, один или несколько колодцев, цистерну и наружный ров, каждая сторона которого равнялась 100 туазам. В 1800—1801 гг. должно было быть построено 20 башен первого образца и 40 второго, а именно: 8—в пустыне Бахейра, 8—в пустыне Малого оазиса, у пирамид и Файюма; 2—в самом этом оазисе; 10—в пустыне Большого оазиса; 5—в самом этом оазисе; 5—у колодцев на дорогах в Исну и Асьют; 8 башен—в четвертой и пятой пустынях, на пяти дорогах в Косейр; 12—в Суэцкой пустыне, независимо от фортов Суэца, Аль-Ариша и Тины. Эти башни господствовали бы над двенадцатью важнейшими источниками воды: Катия, Мансура, Зави, Рафия, оазис Тумилат, Бир-Саба и т. д. Гарнизон этих башен должен был состоять из: сержанта артиллерии и 9 канониров, всего по десяти человек на одну малую башню; сержанта артиллерии, капрала и 13 канониров—всего по 15 человек на одну башню первого образца; итого: 760 канониров. Полки верблюжьей кавалерии должны были выделить по 5 человек на каждую малую башню и по 25 на каждую большую. Эти башни должны были служить опорными пунктами и защитой для такого же числа деревень, которые, находясь в сфере обстрела и за оградой, были бы гарантированы от нападений бедуинов. Крестьяне, пользующиеся такой защитой, смогли бы заниматься земледелием, пасти скот, обеспечивать продовольствием проходящие караваны и вести с ними торговлю.

Было решено создать шесть полков верблюжьей кавалерии, по одному на каждую пустыню, возложив снабжение их продовольствием и выплату жалованья на прилегающие к ним области. Каждый полк должен был состоять из 900 человек, 750 дромадеров¹ и 250 лошадей, переносящих запас продовольствия на 50 дней. Один дромадер переносит 4 квинтала.

	Квинталов	
750 дромадеров	3000	} 3500
250 лошадей (по 2 квинтала)	500	
Один человек весит 180 фунтов, а 900 человек	1620	} 3340
Продовольствие на 50 дней для 900 человек	450	
Корм на 25 дней на 250 лошадей (по 10 фунтов на день)	625	
Корм для 750 дромадеров на 25 дней (по 2 фунта на день)	375	

¹ Одногорбых верблюдов. — Р е д.

Вода для 900 человек на 50 дней (по 4 фунта на день)	180	} 270
Вода для 250 лошадей на 3 дня (по 12 фунтов на день)	90	

Каждый солдат был вооружен копьем, ружьем со штыком, имел патронташ, 100 патронов, мешок. Каждым полком должен был командовать бей — полковник, под начальством которого находились: кахья — майор, два адъютанта, четыре киашифа — капитана, четыре лейтенанта и младших лейтенанта; таким образом, на роту приходилось по три офицера и еще барабанщик, два трубача и 225 человек. Каждому полку придавалось по две пушки, которых тащили шесть верблюдов. Следовательно, для сдерживания пустыни требовалось 5400 человек, то есть расход в 4 миллиона. Это не составляет и десятой части убытков, которые причиняют стране бесчинства бедуинов. Шестью полками должны были командовать великий шейх пустыни (дивизионный генерал), два кахья (бригадные генералы), шесть беев (полковников), двадцать четыре киашифа (подполковника), один киашиф артиллерии и один инженерных войск.

При великом шейхе пустынь должен был состоять диван¹ в составе одного кахья, четырех улемов² и писаря, которому надлежало разбирать спорные дела, возникающие между арабами и феллахами, а также между племенами. Была создана бригада французских солдат, посаженных на 1500 дромадеров. Было сказано:

1) Племена, кочующие по шести пустыням Египта, должны будут — через посредство их шейха³ и шести знатных лиц — принести присягу на верность великому шейху пустыни.

2) Племена получают фирман инвеституры⁴, в котором будет указана территория принадлежащей их части пустыни и определено количество всадников и верблюдов, которые они должны предоставить султану Египта. Общая численность этих контингентов была установлена в 5000 всадников на лошадях и 2000 на дромадерах, а также в 700 верблюдов, по одному ездовому на трех верблюдов.

3) По смерти шейха его сан принимает наследник, который в течение трех месяцев обязан явиться к великому шейху для принесения присяги и получения фирмана; при этом ему выдается почетный ментик.

4) Один из десяти старейшин племени будет находиться вместе со своей семьей в Каире, в качестве ответственного лица и для сношений с диваном по делам пустынь. Шестеро детей в возрасте от 10 до 18 лет будут обучаться при мечети

¹ Совет. — Р е д.

² Знатоков мусульманского права. — Р е д.

³ Вождя. — Р е д.

⁴ Грамоту на ввод во владение. — Р е д.

Аль-Азхар основам корана, а также арабскому и французскому письму и счету.

5) Великий шейх пустынь придет на помощь племенам, на территорию которых вторгнутся племена великих пустынь. Всякий спор между двумя племенами будет рассматриваться диваном, а решение последнего — передаваться представителю племени, который перешлет его своему вождю, бею пустыни, для исполнения.

6) Всякий спор между племенами и феллахами рассматривается диваном. Виновниками всякого оскорбления, нанесенного в пустыне египтянам, считаются арабы соответствующего племени; всякое оскорбление, нанесенное на границе каким-либо арабом, считается нанесенным членом данного племени.

7) Сопровождение караванов путешественников в пределах каждой пустыни и предоставление верблюдов являются обязанностью племени.

Возникающие в связи с этим затруднения рассматриваются диваном.

8) После рассмотрения дела диваном великий шейх присуждает племя к уплате лошадым, верблюдами, быками, баранами штрафа, соответствующего тарифу, установленному за убийство или нанесение раны. Убытки феллахов возмещаются племенем, которое, кроме того, приговаривается к штрафу в порядке наказания и взыскания издержек.

9) В случае убийства или ранения улема, мультазима¹, имама², шейх-аль-беледа³ или европейца племя обязано выдать дивану преступника, либо вместо него — одного из 50 старейшин племени, который доставляется в диван и приговаривается к смерти, наказанию палками или тюрьме, в зависимости от тяжести проступка, совершенного членом племени.

10) Когда племя проявляет непослушание, оно объявляется на подозрении. Заявление об этом делается представителю племени, который доводит о нем до сведения своего вождя, и месяц спустя племя обязано выдать в качестве заложников 12 старейшин. Если оно объявляется мятежным, этот приговор направляется всем беям и на все башни; ему закрывается доступ к воде и пастбищам; колонны дромадеров преследуют его и уничтожают. Его часть пустыни передается другому племени.

11) Арабам воспрещается иметь пушки, ружья со штыками, крепостные ружья, возводить какие бы то ни было укрепления, проделывать бойницы в стенах помещений духовных братств и домов.

12) Каждый год великий шейх будет лично объезжать различные пустыни, либо поручать это своим кахья. Великий шейх

¹ Помещик-откущик. — Р е д.

² Духовное лицо. — Р е д.

³ Староста деревни. — Р е д.

и беи пустыни будут заботиться о снабжении башен и других фортов, регулярно направляя туда караваны, сопровождаемые отрядами верблюжьей кавалерии. Караваны паломников, а также торговые с момента вступления в пустыни Египта будут сопровождаться отрядами полка верблюжьей кавалерии, платя за эскорт по установленному тарифу.

III. Поверхность Египта составляет 45 000 квадратных лье, из них менее 4000 приходится на долину Нила, 400 на три оазиса и 40 000 — на пустыни. Долина Нила имеет население в три миллиона жителей; население пустынь и оазисов — от 160 000 до 200 000. Историк Иосиф¹ определил население Египта в 7 500 000, Амру² — в 26 000 000, живущих в 26 000 городов и деревень. Шесть веков спустя арабские географы определяли его в 5 000 000, живущих в 4900 городов или деревень. Могут ли 4000 квадратных лье предоставить возможность существования и прокормить население в 20 000 000, то есть 5000 человек на квадратный лье? Во Фландрии на квадратный лье приходится 2400 человек, значит, эта цифра вдвое больше фландрской. Но следует помнить, что эти квадратные лье покрываются во время паводка водами Нила; что там нет ни пустошей, поросших вереском, ни гор, ни ландов³, которые нужно вычесть из общей цифры, что вся земля там пригодная для обработки; что нильский ил устраняет надобность в паровых полях и позволяет снимать три урожая в год; и что, наконец, сама почва более плодородна, а южные народы отличаются большей трезвостью. Следовательно, население могло достигать 5000 на квадратный лье.

Эфиопы и короли кочевых народов, царствовавшие в Египте, смешали кровь народов центральной Африки и пустынной Аравии с кровью египтян. За 500 лет до рождения христовы персы, а 200 лет спустя — греки принесли в Египет кровь Мидии, Ирака и Греции; еще через 300 лет Египет стал римской провинцией; там поселилось много жителей Италии. К моменту арабского вторжения в VII в. египтяне были католиками.

Прошло немного лет, и большинство коренных жителей стали мусульманами. В настоящее время невозможно отличить мусульман, происходящих от семей, которые поселились в Египте в период арабского вторжения и после него, от потомков древних жителей — христиан, принявших ислам, за исключением, впрочем, знатных родов, имеющих подобно шейхам Аль-Бакри и Сада исторические генеалогии. Копты, остающиеся еще христианами, — коренные жители страны. Их насчитывается 80 000—100 000 душ. Они не воины. Это — деловые люди,

¹ Иосиф Флавий (ок. 35 — ок. 95 г. н. э.). — Р е д.

² Офрануженное имя арабского завоевателя Египта — Амр-ибн-аль-Аса. — Р е д.

³ Равнинная песчаная местность во Франции. — Р е д.

сборщики податей, банкиры, писцы. Они имеют своих епископов, церкви и монастыри; они не признают папу.

Мамлюки обосновались в Египте в X в. У них были свои султаны, Саладин Великий являлся мамлюком. Они царствовали в Египте и Сирии до XVI в. Селим, император османов, покончил с их господством и присоединил Сирию и Египет к своей империи. Он оставил 40 000 человек для охраны своих завоеваний и разделил их на семь отрядов ополчения: шесть, состоящих из османов, и один — из мамлюков. С этой целью он собрал все, что пережило поражение последних. Он поручил управление страной паше, 24 беям, корпорации эффенди¹ и двум диванам. Из этих 24 беев один был кахья или заместителем паши; трое являлись комендантами крепостей Александрия, Дамietta и Суэц; они получали приказы непосредственно из Константинополя; пятый был казначеем; шестой — эмир-хаджи², на седьмого была возложена доставка дани султану³, четверо командовали войсками в пограничных областях. Остальные 12 беев оставались в распоряжении паши. Большой диван состоял из бея-кахья, казначея, первого эффенди, четырех муфтиев⁴, четырех великих шейхов и семи представителей семи отрядов ополчения. Ага⁵ янычар был старшим из генералов. Седьмой отряд — мамлюкский, состоявший из самых красивых и храбрых воинов, сделался и самым многочисленным. Первые шесть отрядов ослабели, вскоре в них осталось только 7000 человек, в то время как одних мамлюков было больше 6000. В 1646 г. произошел полный переворот. Турки были удалены из крепостей, и мамлюки завладели всем. Их начальник принял титул шайх-аль-беледа Каира. Паша впал в ничтожество. В 1767 г. шейх-аль-белед Али-бей объявил себя независимым, стал чеканить собственную монету, захватил Мекку, начал войну в Сирии, вступил в союз с русскими. Беями стали тогда и остаются поныне одни мамлюки. В 1798 г. каждый из двадцати четырех беев имел более или менее многочисленную дружину. Наиболее слабые имели по 200 мамлюков. Отряд Мурад-бея достигал 1200. Эти 24 бея составляли сообщество, подчинявшееся наиболее влиятельным из них. Они делили между собой все владения и должности.

Мамлюки рождаются христианами, покупаются в возрасте 7—8 лет в Грузии, в Мингрелии, на Кавказе, доставляются константинопольскими торговцами в Каир и продаются беям. Они — белые и являются красивыми мужчинами. Начиная с самого низшего положения при дворе бея, они постепенно

¹ То есть образованных людей. — Ред.

² Начальник охраны каравана паломников в Мекку. — Ред.

³ Восьмого недостает. Зачастую число беев не достигало двадцати четырех и их положение не всегда было определено. — Прим. франц. ред.

⁴ Богословов-правоведов высокого ранга. — Ред.

⁵ Начальник. — Ред.

возвышались, становясь мультазимами в деревнях, киашифами или губернаторами провинций и, наконец, беями. В Египте их род не продолжался. Обычно они вступали в брак с черкешенками, гречанками или иностранками. У них не бывало детей или же дети, рождавшиеся от этих браков, умирали, не достигнув зрелости. От браков с коренными жительницами у них рождались дети, доживавшие до старости; однако род их редко продолжался до третьего поколения, что вынуждало их пополнять свои ряды путем покупки детей на Кавказе. Количество мамлюков — мужчин, женщин и детей — исчислялось в 1798 г. 50 тысячами. Они могли выставить 12 000 всадников.

Оттоманская раса, турки или османы состоит из потомков родов, которые завоевали страну в XVI в. или же обосновались там позднее, прибыв из Турции в качестве эффенди, кади¹, эмиров или для занятия должностей в шести отрядах ополчения, либо, наконец, по торговым делам. Эта раса, включая женщин, детей и стариков, насчитывала в 1798 г. 40 000 человек; все они жили в Каире, Александрии, Дамiette и Розетте.

Магрибинцы происходят из Марокко, Туниса, Алжира и Триполи. Это потомки паломников, направлявшихся в Мекку и вступивших по пути туда в брак с негритянками или женщинами из Абиссинии, Сеннара, Барбара или дочерьми сирийцев, греков, армян, евреев, французов. В 1798 г. их насчитывалось 100 000 душ.

IV. Мультазимы — сеньеры и владельцы деревень. Они значают на все общественные должности, ведают сбором податей, осуществляют полицейские и административные функции. Каждая деревня имеет: 1) шейх-аль-беледа — это староста — и несколько шейхов, служащих ему помощниками, должности эти по существу наследственные, и сын становится преемником отца; 2) шахеба или делегата; он избирается феллахами, это их человек, он ведет кадастр всех затопляемых земель, налагаемых на них податей и взносов, делаемых феллахами в течение года; 3) мешеда — своего рода судьи-кудесника; 4) саррафа — копта, присылаемого управляющим мультазима для пребывания в течение года в общине и руководства составлением списков и взимания платежей; это сборщик; 5) хаули или землемера; это — один из феллахов деревни, который производит обмер ежегодно затопляемых земель; 6) гафиров; это сельские стражники, которые охраняют урожай, водные источники и дамбы, и, завидев бедуинов, дают сигнал тревоги; 7) имама; это священник; 8) брадобрея и столяра, которые оплачиваются общиной и содержатся на ее счет.

Мультазим имеет право продавать, отчуждать и закладывать свою деревню, которая после его смерти переходит к его наследнику — по закону или по завещанию. Последний полу-

¹ Судей. — Р е д.

чает от губернатора фирман инвеституры и уплачивает ему единовременный налог, равный трехлетнему доходу с земли. Феллах является пролетарием или собственником. Если он пролетарий, то живет тем, что заработает за день, занимается каким-нибудь ремеслом или держит лавочку. Он может владеть двумя видами собственности: 1) домом, обстановкой, скотом, деньгами, 2) собственностью типа «атар», то есть неотъемлемым правом на обработку поля. Это право он может отчуждать и закладывать и передает его своему наследнику. Он обрабатывает свое поле, как считает нужным, никому в этом не отчитываясь, коль скоро вносит оброк мультазиму. Если мультазим умирает, не оставив наследника, вся его собственность переходит к правительству. Если феллах умирает, не оставив наследника, его собственность первого рода отходит к правительству; но его атар, или второй род собственности, переходит к мультазиму, который обязан перепродать его другому феллаху. Имеются земли, обработкой которых занимается сам мультазим, другие он сдает в аренду на один год или несколько лет, третьи он заставляет обрабатывать феллахов в порядке барщины. Такие земли называются «васия»¹. Площадь земель «васия» относится к площади земель «атар», как 10 : 10 000. В Верхнем Египте имеются только земли «атар», а «васия» вовсе отсутствуют.

Феллах выплачивает мультазиму «маль-аль-хур», то есть оброк. Последний обязан вносить подати государю и местным властям. Размер «маль-аль-хура» зависит от характера паводка, культуры, которой было засеяно поле, и числа снятых урожаев. Существует тариф, предусматривающий размер оброка с каждого феддана² земли при любых из упомянутых условий. Феддан, с которого получают индиго, сахар, лен, рис и т. д., облагается выше, чем засеянный рожью. Тариф «маль-аль-хура» был установлен императором Селимом в XVI в.; но происшедшие с тех пор изменения в монетной системе и произвол мультазимов, более сильных, чем бедные феллахи, привели к его удвоению — либо посредством введения дополнительных сборов, именуемых новыми кишифскими сборами, либо с помощью повышения старинных сборов. Совокупность всех этих сборов составляла «маль-аль-хур» 1798 г., который превышал старинный более чем вдвое.

Мультазим выплачивает из собранного «маль-аль-хура»: 1) «мири» или подать государю, размер которой не изменялся со времени установления его императором Селимом в 1520 г.; 2) сборы на кишифов; избыток, который называется «фаиз», составляет доход мультазима. Имеется несоответствие между этим доходом и тем, что выплачивает мультазим в форме «мири»

¹ Вотчина. — Р е д.

² Единица земельной площади. — Р е д.

и сбора на кишифов. По подсчетам коптов, в обычные годы «маль-аль-хур» дает 30 миллионов франков. Сбор на кишифов составляет 20%, или одну пятую — 6 миллионов. «Мири» составляет 6 400 000 франков, то есть немного более одной пятой. Следовательно, «фаиз» или доход мультазимов составляет 17 600 000 франков — около трех пятых.

Кроме того, феллах уплачивает местные сборы, размер которых меняется; эти сборы не входят в «маль-аль-хур». Их определяют в шесть миллионов. Таким образом, общая сумма поземельных налогов в Египте составляет 36 миллионов франков, не считая продукцию «васия» и «ризк»¹ и владений мечетей, госпиталей, священных городов Мекка и Медина, с которых никаких налогов не взимается. «Вакфы» представляют собой владения благотворительных учреждений, также освобожденные от всяких налогов. Они состоят из садов, зданий и ренты с мультазимов, идущей на те же цели. Часть «маль-аль-хура» в провинциях Верхнего Египта (то есть Саида) — Асьют и Миния и половине провинции Бени-Суэйф вносится рожью и ячменем. Эти провинции сдают в качестве «маль-аль-хура» 1 800 000 арбебов ржи, пшеницы и ячменя, и, значит, площадь обрабатываемых земель составляет в них 900 000 федданов. Всего же в этих провинциях 1 700 000 федданов земли. Это составляет одну треть всего Египта, причем площадь затопляемых земель достигает почти 1700 квадратных лье (из расчета 25 лье на градус).

В 1798 г. персональное обложение давало 2 миллиона франков; сборы с должностных лиц, христиан и таможен — 6 миллионов; мелкие сборы давали в совокупности 2 миллиона; итого — 10 миллионов. Из этих 10 миллионов один заносился на счет государя, в качестве «мири». Таким образом, в целом налоги и сборы с Египта составляли 46 миллионов франков, включая 16 миллионов «фаиза» мультазимов; «мири», шедший государю, равнялся в целом 7 400 000 франков.

Взимание «маль-аль-хура» поручается исключительно коптам. Они действуют в качестве управляющих мультазимов, сборщиков на службе у губернаторов и различного рода саррафов. Они образуют секретное сообщество и делят между собой барыши, которые весьма значительны; 1) они устанавливают размер натуральных сборов с феллахов; 2) они наживаются на местных расходах; 3) пользуясь разницей в монете, они принимают патак², достоинством в 90 медин, за 82—83 медины, причем феллах теряет 8—9%. 4) Наконец, они получают незаконные доходы, предоставляя льготы феллахам при составлении податных списков и земельных кадастров, а также применяя тариф, установленный для менее выгодных культур. Хорошо

¹ Земля, розданная туркам, участвовавшим в завоевании Египта. — Р е д.

² Патак — мелкая монета. — Р е д.

осведомленные лица оценивают незаконные доходы коптов от составления кадастров в 8 миллионов франков. Шейх-аль-беледы также получают большие доходы. Зная об этом, мультазимы, до урегулирования счетов, заставляют их вносить ежегодную ренту или взимают с них иные поборы. Незаконные доходы шейх-аль-беледов определяются в 6 миллионов франков. В-третьих, мамлюкские губернаторы провинций и окружные начальники также взимают поборы лошадьми, верблюдами, продуктами, деньгами. Эти поборы оцениваются в 4 миллиона франков. Наконец, арабы требуют уплаты за покровительство или произвольно налагают контрибуции. Это оценивается в 9 миллионов. В конечном счете за все должен платить феллах. Названные четыре больших язвы обременяют земли на сумму в 27 миллионов. Если бы все это шло в казну, доход ее возрос бы до 73 миллионов франков, а за вычетом 17 миллионов «фаиза» составлял бы 56 миллионов. Один миллион в Египте равен 3 миллионам во Франции, поскольку рожь продается по 3 франка за квинтал, дневной труд мужчины оплачивается 8 су, а прокорм лошади обходится в 6 су, стоимость различных продуктов, домашней птицы и т. д. составляет одну пятую цены, по которой они продаются во Франции. 50 миллионов в Египте соответствуют 150 миллионам во Франции.

При Птолемах подати давали 168 миллионов. После завоевания Амру в VII в. они давали 144 миллиона. В течение 40 месяцев французского управления стране пришлось выдержать: 1) завоевательную войну 1798 г.; 2) войну и вторжение великого везира в 1800 г.; 3) вторжение англичан в 1801 г. Тем не менее за эти 40 месяцев французская казна извлекла из нее 80 миллионов. Мамлюки облагали Египет со своей стороны, армия великого везира — со своей, английская армия тоже дорого обошлась стране. Арабы полностью использовали этот период кризиса. Доходы Египта в нынешнем его состоянии можно определить в 50 миллионов. Господин Эстев, ведавший финансами, исчислял доходы за 1801 г. 48 миллионами франков, причем страна была охвачена войной, а торговле на Средиземном море препятствовали крейсировавшие в нем вражеские корабли.

V. Египет может уже сейчас (1799) обеспечить содержание армий в 50 000 человек и эскадры в 15 линейных кораблей, частью на Средиземном море, частью на Красном, а также многочисленной флотилии на Ниле и на озерах. Его территория может предоставить все необходимое, кроме леса и железа, которые он будет получать из Албании и Сирии и из Европы в обмен на свои произведения. Его доходы составляют 50—60 миллионов. Но какого процветания смогла бы достигнуть эта прекрасная страна, если бы ей выпало счастье пользоваться в течение десяти лет мира благами французского управления? В этот промежуток времени укрепление Александрии было бы завершено; этот город стал бы одной из сильнейших крепостей

Европы¹; ее население было бы весьма значительным; строительство верфи было бы закончено; через канал Рахмания Нил постоянно вливался бы в старый порт, что обеспечило бы проход самых крупных джерм²; вся торговля Розетты и почти вся торговля Дамьетты сосредоточились бы в этом порту, равно как и военные и военно-морские учреждения. Александрия сама по себе стала бы богатым городом; воды Нила, разлившись вокруг нее, сделали бы плодородными большое количество пригодных земель, и проживание на этих землях явилось бы одновременно приятным, полезным для здоровья и безопасным; открылось бы сообщение между двумя морями³; в Суэце были бы созданы верфи; город и порт были бы прикрыты фортификационными сооружениями; оросительные каналы, отходящие от магистрального, и обширные цистерны давали бы воду окрестностям города: в порту Миос-Ормос, который стал бы служить базой красноморской эскадре, были бы построены новые поселения и фортификационные сооружения; озера Мадия, Буруллус и Манзала были бы осушены полностью или в значительной мере, что вернуло бы сельскому хозяйству чрезвычайно ценные земли; растения, дающие колониальные товары, а именно: сахар, хлопок, рис, индиго, покрыли бы весь Верхний Египет, заменив произведения Саи-Доминго; несколько шлюзов и нагнетательных насосов позволили бы регулировать систему затопления и орошения.

Но чем станет эта прекрасная страна после 50 лет процветания и хорошего управления? Воображению предстает волшебная картина! Тысяча шлюзов обуздает и будет распределять воды паводка по всем частям страны; 8 или 10 миллиардов кубических туазов воды, которые пропадают каждый год в море, распределялись бы между всеми низменными районами пустыни, озером Мерис, озером Мареотис и Безводной рекою, до оазисов и значительно дальше на запад, а в восточном направлении поступали бы в Горькие озера и во все низменные районы Суэцкого перешейка и пустынь между Красным морем и Нилом; большое количество нагнетательных насосов и ветряных мельниц поднимали бы воду в водохранилища, оттуда ее можно было бы брать для орошения; многочисленные эмигранты из внутренней части Африки, Аравии, Сирии, Греции, Франции, Италии, Польши, Германии учтвелири бы население; торговля с Индией вернулась бы на свой древний путь благодаря неборимой силе естественных условий; к тому же, господствуя в Египте, Франция господствовала бы и в Индостане.

¹ Здесь у автора допущена описка: Александрия находится в Африке. — Ред.

² Речных судов. — Ред.

³ Французские инженеры, прибывшие с Наполеоном в Египет, разработали проект сооружения канала для соединения Нила с Красным морем. — Ред.

Но я уже слышу, как говорят, что столь могущественная колония не замедлила бы провозгласить свою независимость. Это, без сомнения, так. Как во времена Сезостриса и Птолемея, великая нация заселила бы эти ныне столь пустынные земли; своей правой рукой она опиралась бы на Индию, а левой — на Европу. Если бы только местные условия определяли благосостояние и величину городов, то Александрия в большей степени, нежели Рим, Константинополь, Париж, Лондон, Амстердам, была бы призвана играть роль столицы мира.

VI. От Каира до Инда так же далеко, как от Байонны до Москвы. Армия в 60 000 человек, посаженных на 50 000 верблюдов и 10 000 лошадей, имея с собой запас продовольствия на 50 дней и воды на 6 дней, достигла бы за 40 дней Евфрата и через 4 месяца оказалась бы на берегу Инда, среди сикхов, маратхов и народов Индостана, с нетерпением ждущих своего часа, чтобы сбросить гнетущее их ярмо!!!

После 50 лет владения Египтом цивилизация распространилась бы во внутренней части Африки через Сеннар, Абиссинию, Дарфур, Фецдан; несколько больших наций были бы призваны насладиться благами искусств, наук, религии истинного бога, ибо именно через Египет к народам Центральной Африки должны придти свет и счастье!!!

ГЛАВА III

ЗАВОЕВАНИЕ НИЖНЕГО ЕГИПТА

I. Переход от Мальты к берегам Египта; высадка в Марабуте; марш на Александрию (1 июля). — II. Штурм Александрии (2 июля); арабы — бедуины; эскадра встает на якорь у Абукира. — III. Марш на Каир; бой у Рахмани (10 июля). — IV. Бой у Шубрахита (13 июля). — V. — Марш до Эмбабы. — VI. Битва у пирамид (21 июля). — VII. Переправа через Нил; вступление в Каир (23 июля). — VIII. Бой у Салихи; Ибрагим-бей изгоняется из Египта (11 августа). — IX. Возвращение Наполеона в Каир; он узнает о гибели эскадры (15 августа). — X. Если бы французы вели себя в Египте в 1250 г. так же, как в 1798, они бы достигли успеха; если бы в 1798 г. они вели себя, как в 1250 г., они были бы разбиты и изгнаны из страны.

1. После семи дней весьма спокойного плавания эскадра подошла к Кандии. Этот знаменитый Крит чрезвычайно возбуждал французское любопытство. На следующий день фрегат, отправленный в Неаполь, присоединился к адмиралу, принеся весть о том, что Нельсон с тринадцатью 74-пушечными линейными кораблями появился перед этой столицей 20 июня, а оттуда направился к Мальте. Получив эти известия, Наполеон приказал взять курс на мыс Арас, то есть на 30 лье западнее, чтобы подойти к Африке с наветренной стороны Александрии и, таким образом, не показываться перед этим портом, пока не будут получены данные о том, что там происходит. Туда был направлен фрегат, чтобы принять на борт французского консула. Если его прогонят, он должен был взять ложный курс.

29 июня с легкой эскадры был замечен мыс Арас. Одна из шебек остановила каботажное судно, вышедшее 28-го из Александрии. Последнее сообщило, что в этом городе нет ничего нового. 31-го были замечены башня Арабов, Помпеева колонна и город Александрия. Французский консул сообщил, что Нельсон с тринадцатью 74-пушечными линейными кораблями и одним фрегатом появился 28 июня перед Александрией, залив, что он занят поисками французской армии, а затем отплыл в направлении Караманийского берега¹; что турки, будучи весьма встревожены, днем и ночью заделывают бреши в стенах; что христианам угрожает нож. Морские офицеры не опасались встретиться в открытом море с эскадрой, настолько уступавшей в силе их собственной, но боялись быть атакованными, когда они будут заняты высадкой сухопутной армии или после этой высадки. Они особенно рассчитывали на храбрость этих ветеранов Итальянской кампании, взявших столько трофеев.

Наполеон приказал высадить десант в тот же вечер. Конвой приблизился к суше на высоте Марабута. Флагманский корабль, столкнувшись с другим, был вынужден встать на якорь в трех лье от берега. Море было бурным, и солдаты с большим трудом сели в шлюпки и преодолели рифы, которые закрывают вход на рейд Александрии и находятся перед участком взморья, избранным для десантной операции. 19 человек утонули. Адмирал подал руку главнокомандующему, чтобы помочь ему спуститься в его катер, и когда последний стал удаляться, воскликнул: «Счастье покидает меня». Эти слова оказались пророческими!!! Перед высадкой десанта был издан приказ, в котором говорилось: «Солдаты... вы наносите Англии наиболее чувствительный удар, в ожидании того, чтобы нанести ей удар смертельный... вы преуспеете во всех ваших предприятиях... судьба вам благоприятствует... через несколько дней мамлюки, оскорбившие Францию, не будут более существовать... народы, среди которых вы будете жить, имеют символ веры: «Нет бога, кроме бога, и Магомет² — пророк его!» Не противоречьте им... Римские легныоны любили все религии... Грабежи бесчестят армии и приносят выгоду лишь немногим... Город, который лежит перед вами, город, куда вы вступите завтра, построен Александром!!!»

В 9 часов вечера генерал Мену высадился первым у Марабута. У него был провансальский лоцман, бывавший в этих местах. Главнокомандующий после утомительного и довольно рискованного перехода на катере в час ночи вступил на берег подле гробницы святого Сиди-аль-Палабри. В 3 часа он велел дать сигнал сбора и произвел смотр высадившимся уже вой-

¹ В Малой Азии. — Ред.

² Мухаммед. — Ред.

скам. В наличии оказалось 4500 человек из всех полков. Ярко светила луна. Беловатая сухая почва Африки была освещена как днем. После долгого и опасного плавания люди очутились на взморье древнего Египта, населенного восточными нациями, чуждыми нашим нравам, нашим обычаям и нашей религии; однако под давлением обстоятельств было срочно необходимо с горстью людей, без артиллерии, без кавалерии, штурмовать и взять приступом крепость, защищаемую вооруженным и фанатизированным населением. Сколько опасностей, сколько событий, сколько случайностей, сколько утомительных трудов впереди!.. Дезэ с 600 человек своей дивизии остался для охраны плацдарма и организации войск по мере высадки их на сушу. Маленькая армия двинулась вперед тремя колоннами. Мену, командовавший левой, имел 1800 человек; Клебер, командовавший центральной, — 900; Бон, командовавший правой, — 1200; всего 3900 человек. Главнокомандующий шел пешком; не было еще выгружено ни одной лошади.

Флот, состоявший из почти трехсот судов, среди которых насчитывалось много первоклассных, представлял собой зрелище, не перестававшее волновать жителей Александрии в течение всего вечера 1 июля. Если этот флот намеревался овладеть их городом, то, как они полагали, кораблям следовало направиться на абукирский рейд; в этом случае для высадки армии потребовалось бы столько времени, что они¹ получили бы передышку в несколько дней. Они удвоили свою энергию, чтобы завершить вооружение. Но в час ночи комендант города Краим узнал от одного араба-бедуина, что неверные овладели фортом Марабут, море покрыто их шлюпками, а взморье почернело от высаженных на нем солдат. Тогда он сел на коня и поскакал туда во главе двадцати мамлюков. На рассвете он столкнулся с ротой французских стрелков из боевого охранения, атаковал ее, отрубил голову командовавшему ею капитану и с триумфом возил ее по улицам Александрии. Это зрелище наэлектризовало население. В 5 часов на флангах армии были замечены первые бедуины, а вскоре после этого их оказалось уже 400 или 500. То были воины племени хенади — наиболее свирепые арабы в этих пустынях. Они были почти голые, черные и худые; их лошади казались клячами; за исключением шлема, каждый из них был дон Кихотом, как его изображают на гравюрах; но их клячи передвигались с быстротой молнии; пущенные в галоп, они могли остановиться с разбега — качество, присущее лошадям в этих местах. Увидев, что армия не имела кавалерии, они осмелели и ринулись в интервалы между колоннами, а также пытались атаковать их с тыла. Был момент, когда всех охватила тревога. Сообщение с местом высадки было прервано. Солдаты остановились, чтобы перестроить

¹ Жители Александрии. — Р е д.

ряды. Со своей стороны Дезэ выставил посты и приготовился к бою.

Если бы 500 арабов являлись мамлюками, то в этот первый момент, когда солдаты были поражены, а их возбужденное воображение — открыто для восприятия любых впечатлений, они достигли бы больших успехов. Но эти арабы были столь же трусливы, сколь храбры были мамлюки, произведшие атаку часом раньше. Французские стрелки построились по четыре в ряд и, не колеблясь, двинулись навстречу этой коннице. Марш армии замедлился; она опасалась засад. После восхода солнца жара стала невыносимой. Северо-западный ветер, столь освежающий в это время года, поднялся только к 9 часам. Арабы взяли дюжину пленных, которые сильно возбудили их любопытство. Они восхищались белизной их кожи, и некоторые из пленных, возвращенные несколько дней спустя, сообщили забавные и вместе ужасные подробности о нравах этих людей пустыни.

II. В 6 часов Наполеон заметил Помпееву колонну, а вскоре затем зубчатую стену ограды Арабов; затем одни за другими стали видны минареты города и мачты турецкой каравеллы, стоявшей на якоре в порту. В 8 часов, находясь на расстоянии пушечного выстрела от города, он поднялся на пьедестал Помпеевой колонны, чтобы осмотреть крепость. Стены были высокие и очень толстые; чтобы пробить их, понадобились бы 24-фунтовые пушки; однако в них имелось много наспех заделанных брешей. Эти стены были покрыты людьми, видимо, охваченными сильным волнением. Это были кавалеристы, пехотинцы, вооруженные ружьями и копьями, женщины, дети, старики и т. д. Наполеон отдал приказы. Мену штурмовал ограду справа, близ треугольного форта, Клебер — в центре; Бон направился на абукирскую дорогу, чтобы проникнуть в город через Розеттские ворота. Началась перестрелка. Хотя орудия осажденных стреляли плохо, они произвели некоторое впечатление на осаждающих, у которых пушек не было вовсе. Французские стрелки с присущей им сметкой залегли в песчаных дюнах. Все три атаки удались; стена была преодолена. Генералы Клебер и Мену были ранены, идя на штурм во главе своих гренадеров. Дивизия Бона не встретила таких препятствий и хотя была наиболее удаленной, первая взобралась на вторую стену, ограждающую полуостров, где расположен современный город. Бон штурмом овладел ею. Стрелки проникли на улицы. В стенах домов имелись бойницы. Возникла сильная перестрелка. Главнокомандующий направился на высоту форта Каффарелли. Он послал явившегося к нему капитана турецкой каравеллы с предложением сдаться. Этот офицер сумел дать понять шейхам, улемам и знатным лицам, что городу грозит полное уничтожение. Они подчинились.

Наполеон въехал в город, окруженный ими, и остановился в доме консула Франции; это было в полдень. На углу одной из улиц пуля, выпущенная из окна дома, задела его левый сапог. Егеря его охраны поднялись на крышу, вошли в дом и нашли в забаррикадированной комнате одного турка с шестью ружьями. Его убили на месте. Французы потеряли убитыми и ранеными 300 человек; потери турок составили 700—800 человек. Комендант Кораим вместе с наиболее отважными из своих людей перебрался на остров Фарос. Его там блокировали. Всю ночь длились переговоры, которые привели к благоприятному исходу. Кораим капитулировал, присоединился к французскому главнокомандующему, объявил себя его рабом, принес присягу. Ему были поручены полицейские функции в городе, ибо анархия есть самый большой враг, которого следует страшиться завоевателю, особенно в стране со столь отличным языком, нравами и религией. Кораим восстановил порядок, провел разоружение населения, предоставил армии все, в чем она нуждалась. К Наполеону привязалось и сохранило ему верность также и другое важное лицо, пользовавшееся большой популярностью: шейх Аль-Месри, улем, шериф¹ и глава церкви в городе, весьма почитаемый за ученость и святость. Более просвещенный, нежели его соотечественники, он имел представление о правосудии и хорошем управлении, которое представляло собой контраст во всем, что его окружало. Кораим пользовался влиянием благодаря своей отваге, храбрости его главных рабов и большому богатству; шейх Аль-Месри — благодаря своим добродетелям, благочестию и справедливости, которая руководила всеми его действиями.

2-го вечером конвой, имея впереди два 64-пушечных линейных корабля и фрегаты, служившие охраной, вошел в старый порт; артиллерия, инженерные войска, административные учреждения выбрали для себя места расположения и склады; их личный состав работал всю ночь, выгружая лошадей, обоз и материальную часть. Генерал Дезэ в тот же вечер выступил из города и занял позицию в полутора лье, на дороге в Даманхур, примкнув своим левым флангом к озеру Мадия.

Бертье приказал расклеить по городу и раздать жителям большое количество прокламаций на французском, арабском и турецком языках, содержание которых в основном сводилось к следующему: «Кадии, шейхи, улемы, имамы, чорбаджи², народ Египта! Довольно беи оскорбляли Францию; час возмездия наступил... Бог, от которого зависит все, сказал: царству мамлюков пришел конец... Вам скажут, что я пришел погубить религию ислама... отвечайте, что я люблю пророка и коран, что

¹ Почетный титул (букв. высокий), право на который имел потомок Мухаммеда. — Р е д.

² Потомки турецких солдат, поселившихся в Египте. — Р е д.

я пришел восстановить ваши права... Во все века мы были друзьями великого султана... Трижды счастливы те, кто выскажется за нас! Счастливы те, кто останутся нейтральными, у них будет время, чтобы узнать нас. Горе безумцам, которые поднимут на нас оружие, они погибнут!! Деревни, которые захотят отдаться под наше покровительство, поднимут на минарете главной мечети флаг султана, а также армии... С деревнями, жители которых совершат враждебные действия, будет поступлено по закону военного времени; если такие случаи будут иметь место, их сожгут. **Шейх-аль-беледы**, имамы, муэдзины утверждают на занимаемых должностях».

Главнокомандующий написал паше письмо, которое было доставлено ему в Каир офицером с турецкой каравеллы. В письме говорилось: «Французское правительство несколько раз обращалось к Высокой Порте, требуя наказания беев и прекращения оскорблений, которым подвергалась наша нация в Египте; Высокая Порта заявила, что мамлюки — люди жадные и капризные... и что она лишает их имперского покровительства... Французская республика посылает сильную армию, чтобы положить конец разбоям, подобно тому, как она это делала несколько раз в отношении Алжира и Триполи... Итак, выйди мне навстречу».

700 турецких рабов, освобожденных на Мальте, были отправлены по суше на родину. Среди них были уроженцы Триполи, Алжира, Туниса, Марокко, Дамаска, Сирии, Смирны и самого Константинополя. Их хорошо кормили, хорошо одевали, с ними обращались уважительно. Им были выданы денежные суммы, достаточные для покрытия дорожных расходов. Сердца их были наполнены благодарностью. Они распространили по всей Турецкой империи весть о победе французов, свое мнение об их могуществе и добрых намерениях в отношении мусульман; они не уставали славить великодушие Наполеона; им едва хватало запаса слов, чтобы выразить переполнявшие их чувства. Они произвели самое приятное впечатление на всем Востоке.

Армия нуждалась в лошадях для своей кавалерии, верблюдах для перевозки матеральной части и продовольствия. Ресурсы, которые могла предоставить Александрия, были незначительны. Одни только арабы Бехейры могли удовлетворить все нужды. С другой стороны, важно было завоевать их симпатии, чтобы предохранить коммуникации и тылы армии. Ко-раим направил им на дромадерах свободные пропуска. Он был их покровителем, и они поспешили явиться на его зов. 4 июля 30 шейхов племен хенади, аулад-али и бениаунус прибыли в главную квартиру. Вид этих людей пустыни возбудил любопытство солдат, а все, что они видели во французской армии, — возбуждало большое любопытство в них самих. Они прикасались ко всему. Они подписали договор, по которому обязались

держат открытой дорогу из Александрии в Даманхур даже для отдельных лиц; представить в 48 часов 300 лошадей по цене в 240 ливров и 500 дромадеров по цене в 120 ливров; сдать в наем 1000 верблюдов с погонщиками; вернуть всех взятых ими пленных. Они ели и пили вместе с главнокомандующим. В качестве задатка и в подарок им была выдана тысяча лундоров. Армия поздравила себя с этим счастливым событием, которое казалось и счастливым предзнаменованием. Назавтра они вернули 12 солдат, взятых ими в плен, представили 80 лошадей и сотню верблюдов. Остальных они обещали сдать в ближайшие дни.

Между тем эскадра все еще не входила в порт, оставаясь в открытом море. Турецкие лоцманы отказались провести в порт 74-пушечные линейные корабли и тем более 80-пушечные. Капитану Баррэ было поручено проверить фарватеры и произвести промер глубин. Однако поскольку корабли эскадры были загромождены большим количеством артиллерии и прочего армейского имущества, адмирал пожелал стать на якорь на абукирском рейде, чтобы освободиться от него и облегчить корабли. Он указывал на то, что под парусами на это потребуется неделя, а на якорной стоянке он сделает все за 3 дня. Между тем 13 июля капитан Баррэ представил свой рапорт. Он заявил, что эскадра может входить без всяких опасений. Наполеон немедленно послал адмиралу соответствующий приказ. Но рапорт капитана Баррэ подвергся критике. Адмирал собрал своих контр-адмиралов и капитанов 1 ранга. Этот военно-морской совет решил, что необходима проверка. Между тем главнокомандующий покинул Александрию и направился в Каир. Отбывая, он послал адмиралу повторный приказ войти в порт Александрии; если же это будет признано невозможным, он должен идти на Корфу и получить там приказ французского посланника в Константинополе; если же такого приказа не оказалось бы, ему надлежало идти в Тулон и взять там под свою охрану готовившийся к выходу в море конвой, на котором находилось 6000 человек, отставших от своих полков по причине болезни или отпуска, в связи с быстротой и секретностью движения войск к Тулону.

Генерал Клебер, нуждавшийся в отдыхе для лечения своей раны, был оставлен в Александрии в качестве коменданта города и провинции, с гарнизоном в 8000—9000 человек¹. Полковник Кретэн, один из лучших офицеров инженерных войск, получил инструкцию относительно фортификационных сооружений крепости. Имелось много препятствий; он преодолел их все и за несколько месяцев соорудил форты на трех господствующих высотах; в этой работе он применил все секреты своего

¹ В это число входят моряки, которых оказалось возможным выделить из судовых команд конвоя. — Прим. франц. ред.

искусства. Марабут, Фарос и подступы к портам были защищены батареями 36-фунтовых пушек и дальнобойных мортир. С тех пор всякий раз, как англичане пытались к ним приблизиться, им приходилось в этом раскаиваться.

III. Армия двинулась на Каир. Она состояла из шести дивизий под командой генералов Дезе, Ренье, Бона, Дюгуа и Виалья; резерва в 2600 человек под командой генерала Мюрата и двух бригад спешенной кавалерии численностью в 1500 человек каждая, под командой бригадных генералов Зайончека и Андреосси. Пешая и конная артиллерия состояла из 42 пушек, 4 кузниц, 6 запасных лафетов, 50 зарядных ящиков, запряженных 500 лошадей или мулов; остальные боеприпасы были навьючены на мулов. Общая численность составляла 21 000 человек всех родов войск.

Контр-адмирал Перрэ, отважный моряк из порта Сэн-Валери-сюр-Сомм, взял на себя командование Нильской флотилией, состоявшей из двух полугалер, трех полушебек, четырех посыльных судов и шести вооруженных джерм, то есть из пятнадцати судов с командами из французских моряков общей численностью 600 человек. Нельзя было терять времени, чтобы вступить в столицу, воспользовавшись первым моментом растерянности и не дав противнику вооружить и укрепить этот большой город. 5 июля генерал Дюгуа двинулся на Розетту со своей дивизией и обеими бригадами спешенной кавалерии. Контр-адмирал Перрэ с флотилией отправился к озеру Мадия, чтобы переправить через него войска. 6-го генерал Дюгуа, следуя берегом моря, достиг устья Нила и овладел фортом Жюльен в то самое время, как контр-адмирал Перрэ прошел богаз¹ и бросил якорь перед Розеттой. Генерал Мену принял на себя командование в этой провинции. Его рана требовала отдыха. В качестве гарнизона ему был оставлен батальон пехоты, артиллерийская батарея без упряжек, пятьсот спешенных кавалеристов с седлами, которых он должен был обеспечить лошадьми, и, наконец, два вооруженных судна. Контр-адмирал Перрэ собрал баржи, необходимые для погрузки бригад спешенной кавалерии, их седел и обоза, продовольствия и боеприпасов. Он взял этот конвой под свою охрану. 9-го он отплыл из Розетты и поднялся вверх по Нилу. Генерал Дюгуа со своей дивизией следовал за ним, поднимаясь по левому берегу.

Четыре остальные дивизии и резерв двинулись на Даманхур. Дезе выступил 4-го и прибыл туда 6-го, Ренье выступил 5-го, Бон — 6-го, Виаль — 7-го на рассвете. Главнокомандующий с резервом выступил того же числа, в 5 часов пополудни. От Александрии до Дамьетты — 15 лье; это равнина, обычно удобряемая нильским паводком, но в силу ряда обстоятельств в 1797 г. этого не произошло. Было то время года, когда уро-

¹ Озеро (тур.). — Ред.

вень Нила — самый низкий. Все колодцы высохли и, начиная с Александрии, армия нигде не могла найти воды до самого колодца Беда. Она не была подготовлена к маршу по такой местности. Она сильно страдала от жаркого солнца, отсутствия тени и воды. Она невзлюбила эти обширные пустыни и особенно арабов — бедуинов.

Последние в тот момент, когда они отправлялись в путь, чтобы сдать лошадей и верблюдов, в соответствии с александрийским договором, получили фетфу¹ улемов и шейхов Каира, приказывавшую им взяться за оружие для защиты религии пророка, которой угрожают неверные. Это изменило их прежде добрые намерения. Они заявили Кораиму, что поскольку их религия поставлена под угрозу, они считают договор аннулированным. Пять их племен, располагавшие 1800 лошадьми, открыли 7-го военные действия; эти арабы все время находились на флангах, в тылу и перед фронтом армии. Они с величайшей ловкостью укрывались в малейших складках местности и молниеносно набрасывались на всех солдат, выходящих из строя. Кавалерия армии была немногочисленной, лошади переутомлены и к тому же гораздо худшего качества, чем арабские. Французские колонны, окруженные бедуинами, напоминали эскадры, за которыми следуют акулы; или, как говорили солдаты, «объездные команды были тут за полицию». Эта полиция была суровой, но она способствовала поддержанию порядка. Солдат к ней привык. Он избавился от привычки тащиться и выходить из строя. Он больше не шел вперед без охранения с флангов. Обоз двигался в порядке посреди колонн. Лагерь разбивались самым тщательным образом, причем не забывалось ни одно правило станорасположения. «Франки»², у которых солдаты наводили справки в Александрии, охотно рисовали им самые соблазнительные картины: в Даманхуре они найдут всю роскошь Востока, жизненные удобства, богатую торговлю большого города, столицы обширной провинции; там все по-другому, чем в Александрии.

Наполеон двигался всю ночь. Он прошел бивуаки нескольких дивизий. В три часа ночи, когда луна зашла и мрак чрезвычайно сгустился, сторожевые огни дивизии Бона погасли; егеря охраны наткнулись на биваки. Один часовой выстрелил... Крик «К оружию!» поставил на ноги всю дивизию. Солдаты открыли огонь двумя шеренгами, который продолжался довольно долго; наконец, они признали друг друга. Армия была охвачена своего рода ужасом, воображение солдат было распалено, все было внове и всё им не нравилось.

В 8 часов утра, после шестнадцатичасового марша, Наполеон увидел, наконец, Даманхур. Город был окружен пальмо-

¹ Послание. — Р е д.

² Французы. — Р е д.

вым лесом. Мечетей было, как видно, много, в небе вырисовывались изящные силуэты их минаретов. На нескольких соседних холмах виднелись могилы святых. Город показал себя с наилучшей стороны; это была Модена, Кремона или Феррара. Но тут был допущен просчет. Дезе направился навстречу главнокомандующему и повел его в своего рода ригу, без окон и дверей. Там собрались шейх-аль-беледы, шахебы, саррафы, имамы, главные шейхи, которые угостили его чашкой молока и галетами, испеченными в золе. Какое пиршество для штаба Итальянской армии! Не так встречали его в Милане, в Брешии, в Вероне, в ученой Болонье; пришлось, однако, только посмеяться над этим. «Франки», следовавшие за армией, и особенно Магаллон¹ сделались объектами насмешек солдат. Эти бедные люди знали из всего Египта только Каир, Розетту и Александрию. Спускаясь по Нилу на джермах, под беспокойными взглядами турок, они не входили ни в одну деревню и оставили себе представление о стране на основании живописных зрелищ, которые можно было видеть с верхушек мачт.

Главная квартира расположилась на искусственном лугу, у опушки очень красивого леса акаций. Вода была хорошей и имелась в изобилии. Биваки находились в тени, не было недостатка в соломе, овощах, мясе. Оставались еще морские сухари. Как люди, так и лошади нуждались в отдыхе. Этот отдых был им дан 9-го. Бригадный генерал Мюирер, направившийся с одного бивака на другой, невзирая на предупреждение передовых постов, был достигнут четырьмя арабами в небольшой долине, в ста шагах от этих постов, и пронзен ударами копий. Это был выдающийся офицер, в армии о нем сожалели. 10-го перед рассветом армия снова была на марше. В 9 часов утра, у Рахмании, она достигла Нила и радостными криками приветствовала эту чудесную реку. Генералы и солдаты, не раздеваясь, бросились в нее, чтобы освежиться. Рахмания — поселок, не такой большой, как Даманхур, но окруженный более плодородной местностью и богаче первого.

Между тем 5 июля в Каир пришла весть, что армия неверных произвела высадку, штурмовала и взяла Александрию, что армия эта имеет весьма многочисленную пехоту, но лишена кавалерии. Бен и их кишифы испускали крики радости. В Каире устроили иллюминацию. «Это арбузы, которые надо разрезать», — говорили они. Не было мамлюка, который не обещал себе срезать сотню голов; эта армия, будь в ней хоть сто тысяч человек, будет уничтожена, потому что ей придется идти через равнины, окаймляющие Нил! Несчастные, с такими-то иллюзиями готовились они выступить навстречу француз-

¹ Магаллон — французский торговец, долго живший в Каире, где он был французским консулом. Отплыв из Тулона вместе с армией на борту «Орнана», он был прикомандирован к штабу и постоянно изображал Египет в самом блестящем виде. — П р и м. ф р а н ц. р е д.

ской армии!!! 5-го вечером один бей выступил с 600 мамлюками в направлении на Даманхур, чтобы собрать арабов Бехейры и замедлить продвижение армии. Он достиг Даманхура 10-го, в тот момент, когда дивизия Дезе, составлявшая арьергард, снималась с биваков. Войска Дезе двигались всей дивизией, сомкнутой колонной, с артиллерией в голове и в хвосте колонны и обозом в центре, между двумя бригадами. При виде врага он приказал построиться, приняв дистанцию между взводами, и продолжал марш, вступая в стычки с этой прекрасной кавалерией, которая, наконец, решилась атаковать его. Дезе тотчас же скомандовал: «Повзводно, направо и налево, огонь двумя шерейгами!» Трудно описать удивление и растерянность мамлюков, когда они увидели стойкость этой пехоты и ужасающий огонь ружейный и картечью, который с такого большого расстояния повсюду нес им смерть. Несколько храбрецов погибли на штыках. Большая часть отряда удалась за пределы досягаемости артиллерийского огня. Тогда Дезе снова перестроил свою дивизию — из каре в походный порядок, потеряв в этом бою только четырех человек. Когда Мурад-бей узнал об этом странном случае, которого не мог объяснить, он разгневался на бея и кишифов, которые дали себя запугать количеством, словно мамлюки могли вообще считаться с пешеходами на равнине.

10-го, 11-го и 12-го армия провела в Рахмании. Флотилия и дивизия Дюгуа присоединились к ней 12-го утром. Флотилия была нужна, чтобы обеспечить маневр на обоих берегах, а также для борьбы с многочисленной и хорошо вооруженной флотилией мамлюков. Количество бедуинов возрастало с каждым днем. Французы оказались как бы блокированными в лагере Рахмания. Посты бедуинов находились на расстоянии оружейного выстрела от боевого охранения. Они заметили, что французские лошади ничего не стоят, что преисполнило их презрением к нашей кавалерии.

В этот момент расположение армии было таково: Клебер находился в Александрии с конвоем и эскадрой, которую полагали вошедший в порт; его гарнизон занимал Абукирский замок; у него был один полк пехоты — 69-й, тысяча канониров, саперов и рабочих, 2000 человек из запасных пехотных частей и спешенной кавалерии; всего 6500 человек линейных войск и 3500 человек, составлявших команды транспортных судов и организованных как национальная гвардия, что доводило численность гарнизона, независимо от эскадры, до 9—10 тысяч человек. Мену находился в Розетте с 1200 человек и тремя посыльными судами. Лагерь в Рахмании насчитывал 20 000 человек. Саперы укрепили мечеть, расположенную на высоте Даманхур; там находились 300 человек и две пушки, которые были найдены гарнизоном Александрии.

В Рахмании признали необходимым соорудить редут на

300 человек и установить три пушки, что и было сделано. Контр-адмирал Перрэ оставил там вооруженный баркас для несения полицейской службы на Ниле.

IV. 6-го Мурад-бей выступил из Каира с 3000 мамлюков, 2000 пеших янычар и многочисленной флотилией, состоявшей из 60 судов, в том числе 25 вооруженных. Он созвал к себе всех арабов Файюма. Он рассчитывал, что успеет вовремя прибыть в Даманхур для поддержки своего авангарда. За ним следовал Ибрагим-бей с еще более многочисленными силами. В Терране он узнал о деле у Рахмани, взятии Розетты и движении армии на Каир. Он направился в Шубрахит, соорудил там две 9-пушечные батареи и приказал возвести у деревни укрепление, куда поставил своих янычар. Его флотилия стала на якорь, примкнув левый фланг к деревне, а правый — к дельте.

12-го в 7 часов вечера французская армия встала лагерем в деревне Миния, в одном лье от Рахмани. Ей был дан приказ выступить в час ночи. Было чрезвычайно важно не дать Мурад-бею времени закончить сооружение ретраншементов и завершить сосредоточение своих сил. Как только взошла луна, армия была уже на марше. К 8 часам она заметила войска Мурад-бея, правый фланг которого, состоявший полностью из мамлюков, упирался в деревню Шубрахит; левый фланг, образованный двумя тысячами арабов, уходил в пустыню. Это зрелище всех преисполнило удивления. Каждого мамлюка обслуживали 3—4 человека, и арабы находились в постоянном движении. Линия Мурад-бея насчитывала, как казалось, от 15 000 до 18 000 человек.

Бедуины Бахейры перерезали, согласно своему обычаю, коммуникации с Рахманией и гарцевали на наших тылах и флангах. Они окружили также Александрию, Даманхур и Розетту. Армия приняла боевой порядок и развернулась на пространстве в 1800 туазов, примкнув левым флангом к небольшой деревне у Нила, а правым — к большой деревне близ пустыни. Войска Дезэ образовали правый фланг, он приказал укрепить деревню, оставил в ней батальон и три пушки; он построил свою дивизию в одно каре протяжением по фронту в 150 туазов и по флангу — в 25; в 100 туазах позади деревни левый фланг, под командой генерала Виалья, построился таким же образом; остальные три дивизии расположились в промежутке между ними, взаимно прикрывая фланги, с центром немного позади. Кавалерия, разделенная на пять взводов, была размещена посреди каре; резерв — в двух деревнях, расположенных в 1000 туазах позади линии и отстоящих друг от друга на 800—900 туазов, причем каждую деревню забаррикадировали и разместили в ней полбатареи. Если враги умели оценить эти позиции, они должны были показаться им грозными. Из 36 имевшихся в наличии пушек 18 могли бить в одну точку.

В течение нескольких часов обе армии наблюдали друг за другом. Французы поджидали свою флотилию, но она стояла еще на якоре у Рахмани и не могла двигаться вверх по реке, пока не поднимется северный ветер, что произошло только в 8 часов. Солнце, игравшее на шлемах и панцырях мамлюков, придавала этому прекрасному войску особенный блеск. По восточному обычаю произошло большое число поединков между наиболее смелыми из мамлюков и неустрашимыми альпийскими стрелками. Мамлюк демонстрировал всю свою ловкость и храбрость, он вызывал наше восхищение. Он был привязан к своей лошади, которая, казалось, разделяла все его страсти; с саблей, подвешенной к запястью, он стрелял из своего карабина, мушкетона и четырех пистолетов и, разрядив таким образом шесть образцов огнестрельного оружия, огибал взвод стрелков и с поразительной ловкостью проскакивал между ними и боевой линией. Было замечено, что семь начальников, с отрядами отборных воинов, служивших им охраню, собрались в центральном пункте, на холмике; то были беи, державшие совет. В одно мгновение эта прекрасная конница, во главе с семью беями, пустилась вскачь и проникла в промежуток между каре генерала Ренье и каре генерала Дюгуа, где находился главнокомандующий, без сомнения, рассчитывая найти их открытыми с тыла и ударить им в спину. Картечь и ружейный огонь с фронта каре, тотчас же затем — с флангов и, наконец, с тыла — убили и ранили многих из них. Несколько храбрецов, бросившихся на каре с тыла, погибли на штыках. Но когда Мурад-бей заметил, что с тыла огонь столь же силен, сколь и с фронта, он поспешно удалился и атаковал две укрепленные деревни, где был поставлен резерв. Снова испытав действие картечи, он на галопе совершил поворот налево и остановился в полулье от правого фланга армии. На поле боя остались 60 мамлюков. Их останки порадовали солдат. У них есть обычай, отправляясь в бой, носить все свое золото в поясе. Независимо от этого, конь, одежда и оружие стоили много, и это заставило солдат понять, что страна, имеющая столь богатых защитников, не могла быть такой нищей, как они думали.

Французская линия осталась неподвижной. Она ожидала вторичной атаки. Наконец она увидела мачты флотилии. Был час полудни. Четверть часа спустя на Ниле началась ужасающая канонада. Контр-адмирал, шедший впереди, приказал принять боевой порядок и миновал деревню Шубрахит. Он ударил в середину линии судов противника; врагу, располагавшему превосходством в силах, удалось взять на бордаж одну из полугалер, и сам он оказался в опасности; но с помощью искусных маневров он спас флотилию. Как только Наполеон заметил опасность, угрожающую его военно-морским силам, он приказал линии пехоты двинуться вперед. Левая дивизия атаковала де-

ревню Шубрахит. Турецкие батареи были сняты. Две тысячи янычар, которым грозила опасность быть отрезанными и окруженными французской армией, бежали после некоторого сопротивления. Мамлюки, испуганные и ничего не понимавшие во всем происходящем, держались вне пределов досягаемости артиллерийского огня и отступали по мере продвижения линии вперед. Огонь стрелков, разместившихся в домах деревни Шубрахит и вдоль дамбы, а также 8- и 12-фунтовых пушек и гаубиц, расставленных на берегу Нила, быстро изменил судьбы речного сражения. Турецкие моряки, как наиболее искусные, поняли опасность своего положения, повернули на другой галс и воспользовались ветром, чтобы удалиться, идя против течения. Остальные сделали это позднее, но у них уже не хватило времени; им пришлось поджечь свои суда. В это время года северный ветер обыкновенно прекращается в 4—5 часов пополудни. С другой стороны, еще до Шабура Нил делает изгиб. Следовательно, было возможно овладеть остатками флотилии. Пять дивизий армии, построившись в колонны, двинулись по пяти направлениям на дистанции развертывания, прямо через поле. Увидев, что его воины испуганы и обескуражены, Мурад-бей исчез из виду, поспешно направившись к Каиру.

В 6 часов пополудни армия встала лагерем у Шабура. Поняв, что они отрезаны, турецкие экипажи укрылись в дельте и подожгли свои суда; несколько из этих судов удалось спасти. Лагерь разбили в лесу из диких смоковниц. С наступлением ночи контр-адмирал Перрэ бросил якорь на высоте деревни. В этот день французы потеряли 300—400 человек убитыми и ранеными. Три четверти из них были матросы. Монж, Бертолле, секретарь Бурьен, находившиеся на флотилии, в момент опасности вели себя хладнокровно и безропотно. Мамлюки потеряли: 300 наиболее отважных всадников убитыми, ранеными и пленными; 400—500 пехотинцев и членов экипажей их флотилии; девять плохих железных пушек на морских лафетах, которые они свели в батарею и поставили у Шубрахита, и всю свою флотилию.

С этого момента Мурад-бей не надеялся более на спасение. Он понял, что равенство в вооружении отсутствует, что одного мужества недостаточно для победы и что пехота не столь уже достойна презрения, как ему казалось до тех пор. Действительно, 10 000 мамлюков не побоялись бы атаковать в открытом поле 50-тысячную армию османов. Они распространили по Каиру тысячи слухов. Все, что они увидели, все услышанные ими рассказы, все, что они узнали на собственном опыте, произвело такой переворот в их взглядах, что они склонялись к мысли о колдовстве. Французский султан — волшебник, который держит всех солдат связанными толстой белой веревкой, и в зависимости от того, в какую сторону он ее тянет, солдаты поворачиваются направо или налево, как один человек; они назы-

вали его отцом огня, чтобы передать интенсивность огня артиллерии, стрелявшей картечью, а также ружейного огня его пехоты.

Между тем арабы тревожили войска на марше, не давали отдельным отрядам отдаляться от армии, что крайне затрудняло доставку продовольствия. Генералы Зайончек и Андреоссис высадились со своею бригадой в дельте и двинулись параллельно армии по правому берегу, не будучи вынуждены вести бои ни с арабами, ни с [другими]¹ врагами; они заготовили припасы в изобилии и доставили их армии. За несколько дней они добыли сотню лошадей, что позволило им вести разведку. Бой у Шубрахита был славным для французской армии. Правда, у нее было на поле сражения 20 000 человек и 42 пушки, в то время как противник располагал фактически лишь 8000 воинов; но это был первый раз, когда она встретила лицом к лицу с этой прекрасной и грозной кавалерией.

V. 13-е число утомило армию. Она сделала добрых 7 лье, не считая передвижений в ходе боя. Стояла сильная жара, марш по потрескавшимся от нее полям был очень трудным. Флотилия не могла сняться с якоря ранее 9 часов, когда поднимается северный ветер. Между тем нужно было двигаться во взаимодействии с нею, чтобы поддерживать связь с правым берегом и оказывать друг другу поддержку. 14-го армия выступила очень поздно и с наступлением темноты достигла Кум-Шерифа, где начинается оросительный канал, несущий воды Нила в провинцию Марьют. Солдаты находили в изобилии арбузы, эти исключительно освежающие плоды, и хотя ели их чересчур много, не испытывали от этого никаких неудобств. 15-го армия встала лагерем в арабской деревне Аль-Кам. В этот день она прошла всего 3½ лье. 16-го она достигла Абу-Нешаба; она сделала 4½ лье. Там пустыня подходила очень близко к Нилу. 17-го армия стала лагерем у Вардана, под сенью пальм. С правого берега она получила партию продовольствия. Она двигалась вперед небольшими переходами, выходя в путь в два часа ночи и становясь на отдых к девяти. Причиной этого была сильнейшая жара, трудность заготовки продовольствия, неудобства, создававшиеся арабами, из-за которых колоннам приходилось идти медленно, чтобы никто не отставал, необходимость дожидаться флотилии, на которую передавались больные и переутомленные, что позволяло не занимать промежуточных пунктов, а, значит, не ослаблять армию. Наконец, нужно было в любое время находиться в состоянии боевой готовности, ибо ежедневно поступали сведения об огромных приготовлениях в Каире.

Бей, янычары, арабы, ополчение выступили из города и двигались навстречу неверным. Генерал Зайончек встал на пози-

¹ В подлиннике это слово пропущено. — Р е д.

цию в том пункте, где Нил разделяется на два рукава, образуя дельту; пункт этот именуется «Коровьим брюхом». Евреи во время блуждания по пустыне сожалели о египетских котлах, полных мяса, лука и различных овощей, которых, как они говорили, можно было есть досыта; французы не переставали громко вспоминать наслаждения Италии, в течение двух недель их неудовольствие все возрастало, они сравнивали этот варварский народ, речь которого не могли понимать, жилища этих жалких феллахов, столь же тупых, как их буйволы, эти высушенные солнцем, открытые и лишенные тени равнины, этот Нил — щедедушный ручеек, несущий грязную и мутную воду, наконец, этих ужасных людей пустыни, таких уродливых, таких свирепых, и их женщин — еще более грязных, чем они сами, с цветущими и плодородными равнинами Ломбардии, с общительным, кротким и просвещенным населением венецианских владений. Они жаловались, что находятся в стране, где нельзя достать ни хлеба, ни вина. Им отвечали, что страна это не только не нищая, а, наоборот, самая богатая в мире; что у них будут хлеб и вино, как только они достигнут Каира; что местность, в которой они находятся, была житницей Рима и оставалась таковой для Константинополя. Ничто не могло успокоить возбужденные умы. Когда «франки» рассказывали о красоте и богатстве Каира, солдаты печально возражали: «Вы говорили нам то же самое о Дамаихуре. Каир, быть может, в два или три раза больше, но все равно он окажется кучей лачуг, лишенных всего того, что может сделать жизнь сносной». Наполеон часто подходил к своим солдатам и говорил им, что «воды Нила, который в данный момент так мало соответствует своей репутации, начинают подниматься, и скоро он оправдает все, что они о нем слышали; что они станут лагерем на копнах ржи, а скоро у них будут мельницы и печи; что эта земля, столь голая, однообразная и печальная, по которой они передвигаются с таким трудом, скоро покроется нивами и даст обильный урожай, который напомнит им о плодородии берегов По и о тамошнем изобилии; что у них есть чечевица, бобы, куры, голуби, что их жалобы преувеличены, что жара, без сомнения, чрезмерна, но станет переносимой, когда они будут на отдыхе и переформировании; что во время итальянских кампаний переходы в июле и августе также были весьма утомительными». Но эти речи давали лишь преходящий эффект. Генералы и офицеры роптали еще громче солдат. Тяготы этой войны являли собой особенно разительный контраст с дворцами и замками Италии.

Армия была охвачена смутной меланхолией, которую ничто не могло преодолеть, она была подвержена приступам тоски, и несколько солдат бросились в Нил, чтобы найти в нем быструю смерть. Ежедневно, расположившись на биваках, солдаты прежде всего чувствовали потребность высказаться.

Выйдя из Нила¹, они принимались говорить о политике, предаваться отчаяннию, жаловаться на печальное положение вещей. «Зачем мы пришли сюда? Директория нас сослала!» Иногда они принимались жалеть своего начальника, который всегда располагался на ночлег на берегах Нила и был лишен всего, подобно последнему солдату. Обед штаба состоял часто из тарелки чечевицы. «Это от него хотели отделаться, — говорили они, — но вместо того, чтобы вести нас сюда, почему он не дал нам сигнала выгнать его врагов из дворца, подобно тому, как мы выгнали клишиевцев?»² Заметив, что всюду, где обнаруживались следы древней цивилизации, ученые останавливались и производили раскопки, они вообразили, что именно ученые посоветовали отправить экспедицию, чтобы разыскивать древности. Это настроило солдат против ученых. Они называли ослов учеными. Во главе Комиссии³ стоял Каффарелли. У этого бравого генерала была деревянная нога. Он много двигался. Он обходил ряды, чтобы читать мораль солдату. Он говорил только о красотах страны, о великих последствиях этого завоевания. Иногда, выслушав его, солдаты роптали; но французская веселость брала верх. «Ей-богу, — сказал ему как-то один солдат, — вам на это наплевать, потому что у вас одна нога во Франции!» Эти слова, передававшиеся с бивака на бивак, заставили смеяться все лагерь. Впрочем, солдат никогда не отказывал в помощи членам Комиссии искусств, которых в глубине души уважал; и когда эта первая вспышка миновала, Каффарелли и ученые стали пользоваться их уважением. Французская находчивость также помогала найти выход из положения. Одни толкли рожь, чтобы добыть муку, другие жарили зерно на сковороде, а затем варили жареным, получая здоровую и питательную пищу.

19-го армия достигла Улем-Динара, напротив начала дельты и в 5 лье от Каира. Она в первый раз увидела пирамиды. Все бинокли были направлены на эти величайшие и древнейшие памятники, созданные человеком. Три пирамиды виднелись в пустыне на горизонте. Они казались тремя огромными скалами. Но если приглядеться к ним внимательнее, правильность граней позволяет распознать руку человека. Была видна также мечеть Мокаттам. Ниже находился Каир. 20-го армия получила отдых, а затем ей был дан приказ приготовиться к бою. Противник занял позицию на левом берегу Нила, напротив Каира, между Эмбабой и пирамидами. У него была многочисленная пехота, кавалерия и артиллерия. Значительная флотилия, в составе которой находился даже фрегат, прикрывала его лагерь. Французская флотилия осталась позади. Она, впрочем,

¹ После купания. — Р е д.

² Членов реакционного политического клуба на ул. Клиши в Париже, разогнанного при перевороте 18 фрюктидора. — Р е д.

³ Ученых и художников. — Р е д.

сильно уступала вражеской в численности. Поскольку Нил стоял очень низко, пришлось отказаться от всякого рода вспомогательных средств, которые находились на реке, и от услуг, которые она могла оказать. Мамлюки, аги, моряки, гордые своей численностью и занятой ими отличной позицией, ободряемые взглядами своих отцов, матерей, жен, детей, были исполнены задора и уверенности. Они говорили, «что у подножья этих пирамид, построенных их отцами, французы найдут себе могилу и закончат свой жизненный путь!!!»

VI. 21-го в 2 часа утра армия снялась с места. На рассвете она встретила авангард мамлюков, который исчез после нескольких пушечных выстрелов. В 8 часов тысячи солдатских глоток испустили крик радости при виде 400 минаретов Каира. Таким образом, им было доказано, что существует большой город, не идущий ни в какое сравнение со всем, что они видели со времени высадки. В 9 часов они заметили боевые порядки вражеской армии. Правый фланг, состоявший из 20 000 янычар, арабов и каирских ополченцев, находился в укрепленном лагере перед деревней Эмбаба, на левом берегу Нила, напротив Булака; этот укрепленный лагерь был вооружен 40 пушками; центр составлял кавалерийский корпус из 12 000 мамлюков, ага, шейхов и других знатных лиц Египта — все они были на лошадях и имели при себе 3—4 пеших слуг, так что всего в линии находилось 50 000 человек. Левый фланг, составленный из 8000 арабов-бедуинов, примыкал к пирамидам. Эта линия имела протяжение в три лье. Нил, от Эмбабы до Булака и старого Каира, едва вмещал флотилию, мачты которой казались лесом. Она состояла из трехсот судов. Правый берег был покрыт всем населением Каира — мужчинами, женщинами, детьми, которые поспешили туда, чтобы наблюдать за битвой, от которой зависела их участь. Они придавали ей тем большее значение, что в случае поражения сделались бы рабами этих неверных.

Французская армия избрала тот же боевой порядок, который пришелся так кстати у Шубрахита, но встала параллельно Нилу, поскольку на этой реке господствовал противник. Офицеры штаба произвели рекогносцировку укрепленного лагеря. Он был защищен простыми траншеями, которые могли явиться некоторым препятствием для кавалерии, но чья ценность в случае пехотной атаки равнялась нулю. К работам только приступили, и велось они по плохому плану. Их начали лишь две недели назад. Пушки были железные, на морских лафетах; они являлись неподвижными, и ими нельзя было маневрировать. В пехоте было заметно мало порядка, и она была неспособна к действию на равнине. План ее состоял в том, чтобы обороняться за своими ретраншементами. Она не представляла большой опасности, равно как и арабы, ценность которых в деле равна нулю. Следовало опасаться только корпуса мам-

люков; но он был не в состоянии сопротивляться. Дезэ, двигавшийся впереди, сделал захождение направо и прошел в двух пушечных выстрелах от укрепленного лагеря, подставив ему свой левый фланг, а затем направился против центра линии мамлюков Ренье, Дюгуа, Вияль и Бон следовали за ним на некотором расстоянии. Напротив того пункта в линии противника, которую хотели прорвать, лежала деревня. Она послужила ориентиром. Около получаса армия двигалась в таком порядке и в полном молчании, но затем Мурад-бей, являвшийся главнокомандующим, догадался о намерении французского главнокомандующего, хотя не имел никакого опыта маневрирования в бою. Природа наделила его величием и блестящим мужеством и проницательностью. Он охватил мысленным взором все поле сражения с таким искусством, которое сделало бы честь самому законченному полководцу. Он понял, что погибнет, если позволит французской армии завершить свой маневр, и что, имея многочисленную кавалерию, ему следует атаковать французскую пехоту на марше. С семью или восемью тысячами всадников он устремился к ней с быстротой молнии, проскакал между дивизиями Дезэ и Ренье и окружил их. Этот маневр был проделан с такой быстротой, что одно мгновение сомневались, успеет ли генерал Дезэ занять оборонительную позицию. Его артиллерия застряла в пальмовом лесу. Но первые мамлюки, достигшие его дивизии, были немногочисленны. Залп сбросил половину из них на землю. Генерал Дезэ успел построить своих солдат в каре. Со всех четырех сторон его атакующих стала поражать картечь и ружейный огонь. Генерал Ренье, со своей стороны, не замедлил занять оборонительную позицию и открыть огонь со всех сторон. Дивизия Дюгуа, с которой находился главнокомандующий, изменила направление движения и очутилась между Нилом и войсками генерала Дезэ, отрезав этим маневром противника от лагеря Эмбаба и преградив ему путь к реке; вскоре она оказалась в состоянии открыть артиллерийский огонь в хвост мамлюкам. 45 или 50 наиболее отважных беев, кишифов, мамлюков погибли в самих каре. Поле сражения покрылось убитыми и ранеными. В течение получаса они¹ упорно гарцевали в пределах досягаемости картечи, переносясь из одного промежутка в другой, среди пыли, лошадей, дыма, картечи, пуль и стонов умирающих. Но, в конце концов, ничего не достигнув, они удалились за пределы досягаемости огня. Мурад-бей с 3000 всадников отошел на Гизу, по дороге в Верхний Египет. Остальные, очутившись позади каре, искали опоры в укрепленном лагере в тот момент, когда его атаковала дивизия Бона. Генерал Рампон с двумя батальонами захватил ров и дамбу, прервав сообщение между Эмбабой и Гизой. Находившаяся в лагере кавалерия, атаки

¹ Мамлюки. — Р е д.

которой были отбиты дивизией Бона, пыталась вернуться в Гизу. Но, остановленная Рампоном и поддерживавшей его дивизией Дюгуа, она заколебалась, стала метаться из стороны в сторону и, наконец, следуя естественному импульсу, пошла по линии наименьшего сопротивления и бросилась в Нил, где несколько тысяч человек утонуло. Ни один не смог достигнуть другого берега. Укрепленный лагерь не оказал никакого сопротивления. Пехота, видя разгром кавалерии, вышла из боя и стала переправляться через Нил на небольших баркасах или вплавь. Большая часть ее спустилась по левому берегу Нила и скрылась в открытой местности под покровом темноты. Пушки, верблюды, обоз попали в руки французов.

Мурад-бей произвел несколько атак в надежде восстановить связь со своим лагерем и облегчить отход находившимся в нем войскам. Все эти атаки не удались. К ночи он отступил и приказал поджечь флот. Нил тотчас же запылал. На этих судах находились сокровища Египта, которые погибли, к большому сожалению армии. Из 12 000 мамлюков только 3000 во главе с Мурад-беем отступили в Верхний Египет; 1200, которые оставались с Ибрагим-беем для обороны Каира, впоследствии отошли в Сирию; 7000 нашли свой конец в сражении, столь губительном для этого храброго ополчения, которое никогда уже не поднялось вновь. Трупы мамлюков¹ несколько дней спустя доставили весть о победе французской армии в Дамьетту, Розетту и деревни Нижнего Египта. В начале сражения Наполеон сказал своим войскам, указывая им на пирамиды: «Солдаты, сорок веков смотрят на вас». Увидев, что сражение проиграно, арабы по своему обыкновению удалились и рассеялись в пустыне.

Если бы французская флотилия смогла прибыть вовремя, удалось бы достигнуть более решительного успеха. Она взяла бы пленных и спасла бы часть грузов. Весь день она слышала канонаду с поля сражения. Северный ветер заглушал эти звуки. Но к вечеру, когда ветер стих, огонь пушек усилился, стало казаться, что артиллерийский огонь продолжается. Команды судов решили, что сражения проиграно. Их вывело из заблуждения только большое число турецких трупов, которые нес Нил.

Главная квартира прибыла в Гизу в 9 часов вечера. На красивой даче Мурад-бея не оставалось ни одного раба. Ничто в ее внутренней планировке не напоминало дворцов Европы. Тем не менее офицеры с удовольствием взирали на этот хорошо меблированный дом, диваны, обитые лучшими лионскими шелками с золотой бахромою, следы роскоши и искусств Европы. Сад был полон прекраснейших деревьев, но в нем не было ни одной аллеи. Большой виноградник с самыми лучшими

¹ Плывшие по реке. — Р е д.

ягодами на лозах оказался драгоценным ресурсом. Слух о нем распространился по лагерю, и солдаты массами устремились туда; сбор винограда был произведен быстро. Дивизии, взявшие лагерь Эмбаба, имели теперь в изобилии все: они нашли там вещи беев и киашифов, буфеты, полные варенья и сладостей. Ковры, фарфор, серебряная посуда оказалась там в большом количестве. Всю ночь на фоне огненного вихря, бушевавшего на объятых пламенем 300 египетских судах, вырисовывались минареты Каира. Отблески пламени отражались даже на гранях пирамид. В дни, последовавшие за сражением, солдаты занимались вылавливанием трупов; на многих из них находили по 200—300 золотых монет. Французская армия потеряла 300 человек убитыми и ранеными. Противник потерял убитыми, ранеными, утонувшими или пленными 10 000 мамлюков, арабов, янычар, азабов¹ и т. д.

VII. На рассвете дивизия Виалья перешла на остров Руда, выделив один батальон на мекнас². Стрелки переправились через канал и укрепились на даче Ибрагим-бей. Дул сильный северный ветер, но флотилия не появлялась. Наконец, контр-адмирал Перрэ дал знать, что на него нельзя больше рассчитывать, что суда сели на мель, что он сможет прибыть только тогда, когда уровень Нила поднимется на фут. Это было крайне неприятно. В Каире было очень тревожно. Часть населения грабила дома беев, ставшие французской собственностью; другую часть его усиленно обрабатывал Ибрагим-бей, который стремился внушить жителям смелость и волю к сопротивлению. Но каирское ополчение было разбито так же, как и мамлюки в битве у пирамид; в нем участвовали все жившие в городе мужчины, которые смогли добыть оружие. Они впали в уныние и были обескуражены. Французы казались им больше чем людьми.

Письмо паше, написанное в Александрии и переведенное на арабский язык, распространялось по городу. К улемам и шейхам мечети Аль-Азхар был направлен драгоман³. Они собрались, взяли на себя управление городом и решили подчиниться. Ибрагим-бей и паша удалились в Бирка-аль-Хаджи. Депутация шейхов во главе с какхья⁴ паши явилась в Гизу. Она уверилась в милосердии победителя. Город с величайшим беспокойством ожидал ее возвращения. Депутация была обрадована оказанным ей приемом и добрыми намерениями султана Кебира⁵. Генерал Дюпюи прибыл в Каир в качестве военного коменданта, вступил в управление цитаделью и важнейшими позициями. Он велел расклеить следующую прокламацию глав-

¹ Название одного из корпусов турецких войск. — Р е д.

² Ниломер. — Р е д.

³ Переводчик. — Р е д.

⁴ Заместителем. — Р е д.

⁵ Великого султана. — Р е д.

нокомандующего: «Жители Каира, я доволен вашим поведением... Я пришел, чтобы уничтожить род мамлюков, защищать торговлю и коренных жителей страны. Пусть все, кто охвачен страхом, успокоятся; пусть те, кто удалился, — вернуться. Пусть моление происходит сегодня, как обычно... Не бойтесь за свои семьи, дома, имущество и особенно за религию пророка, которого я люблю... Будет созван диван из семи лиц, которые соберутся в мечети Вер...»¹

23-го и 24-го все, что было в Каире выдающегося, переправилось через Нил и явилось в Гизу, чтобы увидеть султана Кебира и заявить о своем подчинении ему. Наполеон не забыл ничего из того, что могло их успокоить и преисполнить уверенности в его благоприятных для них чувствах. Он имел идеального помощника в лице своего переводчика — гражданина Вантюра, который провел 40 лет в Константинополе и различных мусульманских странах; это был первый востоковед Европы; он переводил все его речи с легкостью и изяществом и таким образом, чтобы произвести нужный эффект.

25-го главнокомандующий совершил свой въезд в Каир и остановился в доме Эльфи-бея, на площади Эзбекия, в конце города. Этот дом имел очень красивый сад, из него можно было достигнуть по открытой местности Булака и старого Каира. Дома французов, венецианцев и англичан, живших в Каире, предоставили главной квартире кровати, стулья, столы и прочую мебель, используемую европейцами. Позднее архитектор Лепэр построил очень красивую лестницу и изменил всю планировку дома, приведя ее в соответствие с французскими нравами и обычаями.

Жены мамлюков были испуганы. Одной из первых забот главнокомандующего явилось успокоить их. Для этого он использовал влияние главной из них — жены Мурад-бея. Раньше она была женою Али-бея. Она пользовалась в городе большим уважением. Он направил к ней своего пасынка капитана Богарнэ, чтобы выразить ей почтение и передать фирман, закреплявший за нею владение всеми ее деревнями. Она была чрезвычайно богата, жила на широкую ногу, а сераль, который она возглавляла, состоял из полусотни женщин всех национальностей и цветов кожи. Ее придворным стоило большого труда удержать их; всем этим рабыням хотелось увидеть молодого и красивого француза. Ситти-Нафиза приняла посланца султана Кебира с достоинством и грацией. Она пригласила его в сераль; очень мило предложила ему прекрасно сервированный ужин и довольно дорогое кольцо. Впрочем, поскольку богатства мамлюков находились в руках их жен, а казна армии с большим трудом удовлетворяла нужды солдат, им пришлось,

¹ В рукописи только эти три буквы. — Прим. франц. ред.

по обычаю страны, выкупить богатства мужей, внося контрибуцию в соответствии с размерами их состояния.

Уверившись в безопасности личности и имущества, жители вскоре успокоились и в отношении такого важного для них дела, как религия. Имамы продолжали служить в мечетях, по-прежнему с высоты минаретов раздавались во все часы ночи возгласы муэдзинов. Улемы и великие шейхи явились предметом особого внимания и ласки Наполеона. Он закрепил за ними все их деревни, все их привилегии и окружил их еще большим почетом, чем тот, которым они пользовались раньше. Они образовали диван. Именно через них он правил страной.

Несмотря на приказ о сдаче оружия, большое число ружей продолжало оставаться в гаремах. Паша или бей с легкостью приказывал арестовать и избить палками непонравившегося ему жителя, не прибегая ни к каким формальностям, или даже отрубить такому жителю голову; но никогда он не нарушал неприкосновенности гарема. Мамлюк — раб своего господина повсюду, кроме как во внутренних покоях своего дома, где он неприкосновенен; к этому обычаю отнеслись с уважением. Возцарилось доверие. На Мурад-бея произвело большое впечатление почтительное отношение к его женам, и с тех пор он стал проявлять склонность к миру.

Весть о битве у пирамид с удивительной быстротой распространилась по всем пустыням и по всему Нижнему Египту. Циркуляры канрских улемов и руководящих религиозных деятелей оглашались и вывешивались во всех мечетях. Это позволило восстановить коммуникации с Александрией и Розеттой на тылах армии. Штаб ее получил донесения от генерала Клебера — коменданта Александрии, генерала Мену — коменданта Розетты и адмирала Брюэйса — командовавшего эскадрой. Последняя все еще стояла на якоре в Абукире, что вызвало удивление и недовольство главнокомандующего.

VIII. Армия уже десять дней находилась в Каире, не двигаясь дальше. Мурад-бей реформировал остатки своего войска в Нижнем Египте. Из Бельбея Ибрагим-бей оказывал влияние на весь Нижний Египет. Он господствовал в Шаркие, части Кальюбии, в Дамiette и части дельты. Он усиливался с каждым днем, получая все новые пополнения. Чтобы спокойно пользоваться благами Нижнего Египта, было чрезвычайно важно прогнать его за пустыню. Но солдаты с трудом привыкали к этой стране, хотя положение их значительно улучшилось.

2 августа генерал Леклерк направился в Аль-Ханка, чтобы наблюдать за Ибрагим-беем с более близкого расстояния. Аль-Ханка находится в 6 лье от Каира. Ему был дан приказ открыть там военную пекарню. Генерал Мюрат направился в Кальюбию, чтобы подчинить эту часть страны и набрать лошадей. Генерал Ренье встал лагерем в Куббе. 5 августа Ибра-

гим-бей ночью выступил из Бельбейса и окружил авангард в Аль-Ханке. Ружейный огонь и картечь сдержали его натиск. Услышав пушечные выстрелы, генералы Мюрат и Ренье, не теряя времени, поспешили к Аль-Ханке. Они прибыли вовремя, чтобы поддержать отступавший авангард. Они отбросили Ибрагим-бея к Бельбейсу. Наполеон поручил Дезе командование войсками в Каире. Он рекомендовал ему усилить подготовку к экспедиции в Верхний Египет, а сам приступил к новым операциям во главе армии. Как только последняя узнала, что предстоит покинуть Каир, раздался ропот. Недовольство приняло небывалые прежде формы мятежа и заговора. Полки посылали друг к другу делегации. Некоторые генералы сговорились между собой. «Неслыханно, чтобы в самое жаркое время года войска заставляли идти в безводные пустыни, подвергая их, при отсутствии тени, воздействию лучей тропического солнца».

Однако 7-го на рассвете дивизии встали в ружье. 9-я линейная полубригада должна была двигаться впереди. Именно в ней господствовало самое плохое настроение. Главнокомандующий появился перед ее фронтом, выразил ей свое недовольство и приказал полковнику сделать пол-оборота направо и вернуться в город, сурово сказал при этом: «Солдаты 9-й, я в вас не нуждаюсь». Он приказал 32-й полубригаде выступить повзводно и стать в голове армии. Этого оказалось достаточно, чтобы покончить с заговором. 9-я полубригада, после долгих ходатайств, добилась разрешения участвовать в экспедиции. Она шла последней. 7-го армия заночевала в Аль-Ханке, 8-го — в Бельбейсе. Она следовала по краю пустыни, но имея слева обработанные земли, большое число деревень и тянувшийся почти без перерыва пальмовый лес. Бельбейс — большое поселение с несколькими тысячами жителей; это административный центр. Двенадцатью часами ранее Ибрагим-бей ушел отсюда и отступил на Салихию. 9-го армия встала лагерем в пальмовом лесу Кораим. За несколько дней до этого к границам Египта прибыл меккский караван. Эмир-ага со своим эскортом присоединился к Ибрагим-бею. Арабы племен хувейтат и биллис решили, что смогут, не подвергаясь никакой опасности, воспользоваться этим случаем, чтобы ограбить его. Они захватили все товары. Аль-Маруки, один из главных купцов, бросился с двумя своими женами в ноги главнокомандующему и молил о покровительстве. У него отняли двух рабов и на 100 000 экю товаров. Эта несчастная семья была принята. Она была тронута французским вниманием и любезностью. Женщины, насколько можно было судить по деликатности их манер, изящным ручкам, грациозной походке, звуку голоса и большим черным глазам, были красивы. Поиски были произведены с таким усердием и энергией, что все товары удалось найти. Караван был переформирован и отправлен под хорошей

охраной в Каир, что вызвало горячую благодарность в городе и торговом мире.

10-го, в 2 часа пополудни, авангард вступил в пальмовый лес Салихии, и кавалерия, в числе 350 всадников, достигла мечети. Там еще находился Ибрагим-бей со своими домокадцами. Тревога была поднята только что, и он навьючивал на верблюдов свои сокровища и усаживал на них своих жен. Ибрагим-бей держался хорошо. У него было 1200 мамлюков и 500 арабов. Пехота была еще в двух лье. Две пушки конной артиллерии и 60 офицеров на лошадях присоединились к кавалерии. Но жара была удушающей. Пехоте было трудно поспевать за кавалерией по зыбучим пескам. Между тем пушки начали канонаду. Французская кавалерия произвела тогда несколько атак. Она захватила двух верблюдов, на которых были навьючены два маленьких легких ружья, и 150 других верблюдов с различными малоценными предметами, которых Ибрагим-бей бросил, чтобы ускорить свой марш. Придя в отчаяние при виде того, как ускользает столь прекрасная добыча, полковник Лассаль произвел новую атаку, в которой потерял человек тридцать убитыми и ранеными, но не смог прорвать арьергард противника, состоявший из 600 мамлюков. Ибрагим-бей продолжал свой отход, углубляясь в пустыню. Он остановился в Катти, откуда добрался до Аль-Ариша и Сирии. Он был принят Джебзар-пашой. В бою у Салихии 500 арабов отделились от Ибрагим-бея. Они заняли позиции на его флангах и послали к французам делегацию с просьбой разрешить им атаковать его одновременно с французской кавалерией. Но они слишком берегли себя, чтобы напасть на этих грозных мамлюков; один из этих последних обращает в бегство 20 арабов. Адъютанты Сулькусский, Дюрок, Богарнэ, полковник Дестрэ, который был тяжело ранен, отличились в этой атаке. Салихия лежит в 30 лье от Каира и в 76 от Газы; это последний пункт, которого достигает в наше время нильский паводок. За пальмовым лесом Салихии начинается безводная пустыня, отделяющая Африку от Азии. Необходимо было построить там форт; он должен был служить одновременно часовым, наблюдающим за пустыней и складочным местом для армии, вынужденной маневрировать вдоль этой границы или даже желающей отправиться в Сирию. Генерал Каффарелли дю Фальга дал соответствующие инструкции относительно строительства системы фортификационных сооружений.

12-го дивизия Дюгуа выступила на Дамьетту, которой овладела без труда. Первый город Нижнего Египта после Каира, она являлась большим торговым центром. Ее таможня приносила такой же доход, как александрийская. Генерал Дюгуа обнаружил весьма значительные склады риса, принадлежащего беям. Он выставил батарею для защиты богаза. Он овладел озером Манзала, замком Тина. Бригада, состоявшая из

офицеров инженерных войск, пехотного авангарда в составе трех батальонов, эскадрона кавалерии и артиллерийской батареи, заняла позицию у Салихии. Остальная часть армии вернулась в Каир. 12-го ночью люди, прибывшие из Дамьетты, передали неопределенные слухи о большом морском сражении у Абукира, в котором победили французы, и о сожжении значительного числа кораблей; на эти слухи не обратили никакого внимания.

IX. На полпути из Кораима в Бельбейс курьер из Александрии передал генералу Бертье вести из Франции, доставленные посылочным судном, благополучно вошедшим в порт. Письмо военного министра извещало его о законе 22 флореаля и предлагало объявить о нем приказом по армии. Директория и законодательный корпус кассировали часть выборов, произведенных избирательными коллегиями. Таким образом, они посягнули на суверенитет народа. Это вызвало самую отрицательную реакцию в армии. «В Париже засела кучка адвокатов, которые все время болтают о принципах, а на самом деле хотят только власти; они издеваются над ними», — говорили солдаты. Тот же курьер доставил известие, более важное для армии: Клебер сообщал об уничтожении эскадры. Это несчастное событие имело место в Абукире 1 августа. Курьер провел в пути 12 дней, будучи вынужден ехать с пехотной охраной. «Прибыв к Александрии, — сказал Наполеон, — я просил у судьбы, чтоб она сохранила мою эскадру в течение пяти дней; она предоставила 30 дней, но адмирал не пожелал поставить свои корабли в безопасное место, введя их в порт. Между тем ему требовалось на это только шесть часов. Что-то неумолимо-фатальное преследует наш флот. Это великое событие будет иметь последствия, которые скажутся и здесь, и далеко отсюда». Жители Каира с искренним удовлетворением встретили возвращение армии. Улемы мечети Аль-Азхар при утреннем туалете главнокомандующего представили ему крупнейших купцов; они выразили свою благодарность за покровительство, оказанное каравану; они выразили надежду на скорое занятие Верхнего Египта, необходимого для снабжения и благосостояния Каира.

Гибель эскадры погрузила французов в уныние. «Вот мы и покинуты в варварской стране, без коммуникаций, без надежды вернуться домой», — говорили они. Главнокомандующий обратился к офицерам и солдатам: «Ну что ж, — сказал он, — теперь мы вынуждены совершать великие подвиги, и мы их совершим, основать великую империю — и она будет нами основана. Моря, на которых мы не господствуем, отделяют нас от родины; но никакие моря не отделяют нас ни от Африки, ни от Азии. Нас много, у нас не будет недостатка в людях для пополнения наших рядов. Не будет у нас и недостатка в боеприпасах, их мы имеем много; а если потребуется, Шальпи и Контэ изготовят новые». Это наэлектризовало умы. Жалобы

прекратились. Стали устраиваться на месте всерьез. Все французы призывали друг друга показать себя достойными собственной репутации!! Самым большим препятствием оказался недостаток денег и трудности, с которыми было связано добывание их.

Во всех провинциях Нижнего Египта была создана администрация. Большое число лошадей прибыло в центральное ремонтное депо в Каире. Взимались подати. Три плоскодонных канонерских лодки, вооруженные каждая одной 24-фунтовой пушкой и четырьмя 4-фунтовыми, с осадкою всего в два фута, были построены на верфи в Каире. Одна спустилась в озеро Буруллус, а две другие — в озеро Манзала. Каждая из этих канонерских лодок могла брать до 200 человек. На них были четыре каика¹ с осадкой всего в фут, на каждом из которых была установлена 3-фунтовая пушка. Благодаря этому господство над указанными озерами стало полным. Офицеры инженерных войск энергично вели работы по восстановлению Александрийского канала; в него влились воды Нила; крепость была снабжена водой, три цистерны заполнены, и навигация, продолжавшаяся 6 недель, позволила снабдить склады рожью, рисом и другими продуктами питания, необходимыми для этого важного пункта. Офицеры — коменданты провинций — с большой энергией подавляли мятежи, вызванные неугомными арабами. Это привело к нескольким незначительным стычкам, которые закрепили в умах людей Востока сознание превосходства французской армии.

28 августа Дезе отправился, наконец, в Верхний Египет с четырьмя или пятью тысячами человек всех родов войск, в том числе 500 кавалеристами на отличных лошадях и флотилией, обеспечивавшей ему превосходство на Ниле и каналах. Мурад-бей полностью очистил провинции Гиза и Бени-Суэйф, и через несколько дней трехцветный флаг был водружен на обоих берегах, на расстоянии до 40 лье от Каира. Арсенал, склады пороха и артиллерийские были сосредоточены в Гизе, а крепостная ограда, состоявшая из высокой стены, была усилена редутами, флешами и хорошими батареями. Каирская цитадель была приведена в достойный вид. Связь с Александрией, Розеттой и Дамьеттой поддерживалась бесперебойно. Дача Ибрагим-бея, расположенная на правом берегу Нила, образовала предместное укрепление на острове Руда и была превращена в госпиталь на 600 больных. В самом Каире два дома из числа самых больших были предназначены для той же цели. На протяжении июля и августа все отрасли управления были реорганизованы с необыкновенной энергией. Институт² открыл свои

¹ Катера. — Р е д.

² Высшее научное учреждение Франции. — Р е д.

библиотеки, печатни, лабораторию механики и кабинет физики в одном из самых красивых дворцов города.

Х. В 1798 г. французская эскадра прибывает к Александрии 1 июля в 10 часов утра. В тот же день она высаживает десант. На следующий день армия овладевает Александрией. 13-го она дает битву, 21-го — другую. 23-го она вступает в Каир; мамлюки уничтожены. Весь Нижний Египет с его столицей подчиняются за 23 дня.

Людовик Святой появляется перед Дамьеттой 5 июня 1250 г. На следующий день он высаживается на берег. Противник эвакуирует город Дамьетту, в который он вступает в тот же день. С 6 июня по 6 декабря, то есть в течение шести месяцев, он не трогается с места. В начале декабря он отправляется в поход. 17-го он достигает пункта напротив Мансуры, на берегу Ашмунского канала. Этот канал, в прошлом один из рукавов Нила, весьма широк и полон воды даже в это время года; там он¹ простоял два месяца. 12 февраля (1251), когда уровень воды понизился, он переправляется через канал и дает битву спустя восемь месяцев после своей высадки в Дамьетте.

Если бы 6 июня 1250 г. французы действовали так, как в 1798 г., они к 12 июня прибыли бы к Мансуре и нашли Ашмунский канал высохшим, ибо в это время года воды Нила стояли на самом низком уровне; к 25 июня они достигли бы Каира — в это время года главный рукав Нила имеет глубину всего в 5 футов; они завоевали бы Нижний Египет и столицу в том же месяце, в котором прибыли. Когда первый голубь доставил в Дамьетту весть о высадке Людовика Святого, в столице все были охвачены смятением; там не видели никакой возможности сопротивления. Деша, прочтенная в мечетях, была встречена потоками слез. Каждую минуту ожидали вестей о прибытии французов к Мансуре и воротам Каира. Но в течение восьми месяцев у мусульман хватило времени прийти в себя и вызвать подмогу. Войска поспешно явились из Верхнего Египта, Аравии и Сирии. Людовик Святой был разбит, взят в плен и прогнан из Египта.

Если бы в 1798 г. французы маневрировали, как Людовик Святой, и в течение июля, августа, сентября, октября, ноября и декабря не покидали окрестностей Александрии, то в январе и феврале они натолкнулись бы на непреодолимые препятствия. Даманхур, Рахмания и Розетта были бы укреплены, прикрыты пушками и войсками, так же как и Каир и Гиза. На этих позициях сосредоточились бы и закрепились бы 12 тысяч мамлюков, 15—20 тысяч арабов на лошадях и 40—50 тысяч янычар, арабов или ополченцев. Паши Иерусалима, Акры, Дамаска, бей Триполи прислали бы подкрепление единоверцам. Каких бы успехов ни добилась французская армия в боях, завоевание

¹ Людовик. — Р е д.

стало бы невозможно, и ей пришлось бы вернуться на суда. В 1250 г. Египет был менее способен защищаться и в большей степени лишен защитников, чем в 1798 г.; но Людовик Святой не сумел этим воспользоваться, он провел восемь месяцев в молитве, в то время как их следовало провести на марше, в боях и за укреплением своего положения в стране.

ГЛАВА IV

НИЛЬСКОЕ МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ

I. Передвижение английских эскадр в Средиземном море на протяжении мая, июня и июля 1798 г. — II. Французская эскадра получает приказ войти в старый порт; она может это сделать; она этого не делает. — III. Адмирал становится на шпринг на абукирском рейде; неудовольствие главнокомандующего. — IV. Морское сражение (1 августа). — V. Влияние морского сражения на народ Египта. — VI. Влияние гибели эскадры на европейскую политику.

I. В феврале 1798 г. английское министерство узнало о том, что в Бресте, Рошфоре, Тулоне, Генуе, Ферроле и Кадиксе ведется усиленная подготовка к военным действиям; что на побережье Нормандии и Фландрин стоят 150 000 человек; что Наполеон — главнокомандующий Английской армией — в сопровождении нескольких наиболее выдающихся офицеров старого флота объезжает океанские порты. Министерство решило, что Франция намерена воспользоваться миром, недавно заключенным ею со странами материка, чтобы закончить свой конфликт с Англией схваткой один на один, и что объединенные эскадры Бреста и Кадикса переправят армии в Англию и Ирландию. Однако 12 мая оно узнало что Наполеон выехал 4-го в Тулон. Тотчас же оно отдало адмиралу Роджеру приказ направиться с десятью линейными кораблями к Тулону, чтобы усилить крейсировавшую перед этим портом эскадру адмирала Сен-Винцента.

Этот адмирал отплыл 16 мая от берегов Англии и 24-го прибыл к Кадиксу. Лорд Сен-Винцент без промедления отослал десять линейных кораблей для усиления крейсировавшего в Средиземном море легкого отряда Нельсона, который имел три линейных корабля. 12 июня Нельсон с тринадцатью линейными кораблями и двумя фрегатами появился перед Тулоном. Там он узнал, что флот вышел оттуда уже очень давно. Он последовательно побывал перед таламонским рейдом, на побережье Тосканы, и перед Неполем, куда прибыл 18 июня. Лорд Сен-Винцент остался с двадцатью линейными кораблями перед Кадиксом, полагая возможным, что французская эскадра явится туда для соединения с испанской. Он отдал Нельсону приказ не считаться с нейтралитетом никакой державы, и направится ли французская эскадра к Константинополю, в Черное море или в Бразилию, — атаковать ее повсюду, где он ре-

шит, что это можно сделать с выгодой для себя. В этих инструкциях, которые были напечатаны, ничего не говорится об Египте. Нельсон узнал в Неаполе, что французская армия осаждает Мальту. Он взял курс на Мессину. Узнав, что французская эскадра овладела Мальтой, а затем покинула ее и направляется, видимо, к Кандии, он 22 июня прошел Мессинский пролив и направился к Александрии, куда прибыл 28-го — в то самое время, когда с французской эскадры был замечен мыс Арас — в 30 лье западнее и на ветре. Не получив в Александрии никаких сведений о ней, он отправился к Александретте, обследовал Дарданеллы и вход в Адриатическое море, а 18 июля бросил якорь в Сиракузах (Сицилия), чтобы набрать воды, полагая, что французская эскадра ушла в океан. Все же он направился 24 июля в Корону (Морея). Он опросил греческое судно, шедшее из Александрии, и узнал, что через три дня после появления перед этим портом английской эскадры туда прибыла французская, высадившая многочисленную армию, которая 2 июля овладела городом, а затем двинулась на Каир; что этот флот стоит на якорю в старом порту. Он взял курс на берега Египта, куда прибыл 1 августа.

II. Мы уже говорили, что адмирал Брюэйс хотел стать на якорь в Абукире, чтобы ускорить выгрузку армейских грузов, в то время как капитан Баррэ¹ производил обследование старого порта. Этот осмотр был закончен 12 июля. Капитан Баррэ доложил о нем в следующих выражениях:

«Александрия... (без даты) VI года (... 1798 г.)

Генералу Бонапарту

Мне было поручено вами и Брюэйсом снять план старого порта и произвести промеры глубин. 19 мессидора (7 июля) я вошел на рейд этого порта и приступил к своим операциям, которые продолжались до 24-го названного месяца (12 июля), когда я направил отчет о своей деятельности адмиралу Брюэйсу и командру отряда Дюмануару, который, одоблив меры, принятые мною для ввода эскадры, официально известил об этом адмирала, каковой ответил мне 2 термидора (20 июля). Прилагаю копию его письма к моему рапорту.

Подписано: *Баррэ*².

Таким образом, ничего не должно было мешать в дальнейшем выполнению точного приказа, отданного Наполеоном адмиралу Брюэйсу: ввести эскадру в старый порт Александрии.

¹ Автор именует Баррэ то капитаном, то адмиралом. — Р е д.

² В подлиннике следует далее полный текст рапорта Баррэ, из которого явствует, что глубина акватории старого порта была достаточна для эскадры, а вход в него можно было обеспечить путем взрыва некоторых рифов, преграждавших путь кораблям. — Р е д.

Однако, чтобы уклониться от ответственности, ибо приказ Наполеона являлся совершенно определенным и был повторен несколько раз, он сделал вид, что не придает веры рапорту адмирала Баррэ, и послал ему следующее письмо:

«Письмо адмирала Брюэйса гражданину Баррэ — командиру «Альсеста», от 2 термидора VI года (20 июля 1798 г.)

Я получил, гражданин, ваше письмо от 30 мессидора и могу отозваться только с похвалой о Ваших заботах и трудах, направленных к обнаружению фарватера среди подводных рифов, преграждающих доступ в старый порт, что должно было обеспечить линейным кораблям совершенно безопасную стоянку в данном порту. То, что вы сообщаете, еще не представляется мне достаточно удовлетворительным, поскольку в порт нужно входить, пользуясь фарватером глубиною в 25 футов, а наши 74-пушечные корабли имеют осадку не менее 22-х; следовательно, чтобы отважиться на проход по этому фарватеру, не подвергаясь самому серьезному риску потери одного корабля, понадобится ветер «по заказу» и спокойное море, тем более, что фарватер узок, а действие руля замедляется, когда под килем мало воды.

Быть может, ваши поиски помогут вам обнаружить что-либо более подходящее, и я поручаю вам не отказываться от продолжения их, пока вы не убедитесь, что в пространстве, заключенном между башней Марабут и восточным берегом, нет ничего лучшего, чем тот участок, где вами поставлены сейчас бакены. Будьте уверены, что я сумею оценить должным образом новое доказательство усердия, которое вы этим дадите; что, в соединении с выдающимися услугами, которые вы уже оказали, явится для вас надежной гарантией похвал и наград, которые вы получите от правительства.

Когда ваша работа будет завершена, вам нужно будет отчитаться в ней перед главнокомандующим, и, направив ему точный план произведенных вами промеров, вы одновременно изложите ему свои взгляды относительно типов кораблей, которые можно себе позволить ввести в старый порт, будучи уверенным, что они не подвергнутся риску.

Подписано: *Брюэйс*.

III. Битва у пирамид, подчинение Каира и прокламации улемов успокоили весь Нижний Египет. Коммуникации с Розеттой и Александрией были восстановлены. 30 июля главная квартира получила отсюда известия в первый раз с того времени, как отбыла из Даманхура, то есть в первый раз за 20 дней. Из трех писем адмирала одно было от 10 июля; в нем говорилось, что комиссия, созданная для проверки работ капитана Баррэ, занята промером глубин в новом фарватере, который, кажется, следует предпочесть обычному. Вторым пись-

мом, датированным 15-м числом, он сообщал о различных схватках, имевших место у абукирского колодца между матросами и арабами; несколько матросов было убито; сухопутные коммуникации с Александрией и Розеттой были прерваны. В третьем письме, от 20 июля, он передавал вести о Нельсоне, эскадру которого видели экипажи греческих судов, пришедших в Александрию; он писал: английская эскадра, как видно, крейсирует между Корфу и Сицилией; уступая в силе французской эскадре, она не решается к ней приблизиться; тем не менее, в порядке усиления мер предосторожности, он проверил свою стоянку и нашел, что занимает неприступную позицию; слева он прикрыт островом Аль-Бекейр, находящимся в 600 туазах впереди порта; остров этот он занял 550 солдатами пехоты с двумя 12-фунтовыми полевыми орудиями, ибо счел полезным обезопасить его от покушений врага; два его самые плохие линейные корабля — «Герье» и «Конкеран» — поставлены на шпринг крайними слева в линии; будучи прикрыты островом, они гарантированы от любых посягательств; в центре он поставил «Франклина», «Ориан» и «Тоннан» — один 120-пушечный корабль и два 80-пушечных; 74-пушечные корабли не смогут безнаказанно стать в сфере огня этой грозной батареи; правда, правый фланг ее висит в воздухе и находится очень далеко от суши, но противник не сможет обогнуть его, не упустив ветер, который в это время года постоянно дует с северо-запада; в подобном случае он¹ выведет в море корабли левого крыла и центра и атакует противника под парусами.

Главкомандующий, чрезвычайно недовольный и раздосадованный этой диспозицией, принятой адмиралом, тут же направил своего адъютанта капитана Жюльена с приказанием явиться на борт «Ориана» и не покидать этот корабль, пока он не увидит всю эскадру на якоре в старом порту; он написал адмиралу, что за 20 дней у того было время установить, может ли его эскадра войти в старый порт или не может; почему же тогда он не вошел туда? Или же почему он, в соответствии с данным ему приказом, не отплыл на Корфу или в Тулон? Он повторяет свой приказ не оставаться на этой плохой позиции и немедленно поднять якоря; Абукир — открытый рейд, поскольку правое крыло не прикрывается там суши; его² аргументация была бы убедительной, если бы ему угрожало нападение эскадры равной с ним силы; но маневры английского адмирала за последний месяц достаточно ясно показывают, что он ожидает подкреплений из-под Кадикса и что как только подкрепление присоединится к нему, он появится перед Абукиром с 18, 20 или 25 линейными кораблями; нужно избегать всякого боя на море и возлагать надежды

¹ Брюэйс. — Р е д.

² Брюэйса. — Р е д.

только на старый порт Александрии. У Аль-Кама на капитана Жюльена напал отряд арабов; судно, на котором он находился, было ограблено, а сам brave офицер — зарезан, защищая свои депеши. Впрочем, он мог бы прибыть на место только на следующий день после катастрофы, которую был призван предупредить.

Все донесения из Александрии содержали жалобы на эскадру; в ней не было дисциплины, матросов отпускали на берег и на пляж, порты Александрии и Розетты были загромождены корабельными шлюпками; на судах прекратились учения, никогда не объявлялась тревога; в море не был выслан легкий отряд или даже хоть один фрегат; каждый день на горизонте появлялись подозрительные суда, причем за ними не посылались погони; служба была поставлена таким образом, что каждую минуту эскадру могли захватить врасплох. Главнокомандующий послал адмиралу письмо, в котором выразил свое недовольство такими упущениями; он не мог себе представить, почему тот не воспользуется защитой от нападения, которую предоставлял старый порт Александрии; остров, к которому примыкала слева линия судов, поставленных на шпринг, был бесполезен, коль скоро на нем не установили штук тридцать орудий; следовало поставить там двенадцать 36-фунтовых железных пушек, четыре 16-фунтовых или 18-фунтовых бронзовых, с решеткою для каления ядер, и семь или восемь мортир системы Лагомер — только тогда левое крыло оказалось бы действительно в безопасности; для него¹ остаются непонятными причины, побудившие адмирала оставить в Александрийском порту два 64-пушечных корабля; эти два корабля — новые, прекрасно построены, имеют значительно менее глубокую осадку, чем 74-пушечные, их можно было, с выгодой для себя, поставить между крайним левым кораблем линии и островом; эти корабли следовало предпочесть «Конкерану» — старому судну, давно предназначенному на слом, который в Тулоне вооружили только 18-фунтовыми пушками; линию судов, стоявших на шпринге, можно было также усилить в целом одним фрегатом на каждый линейный корабль (у адмирала было всего одиннадцать)²; венецианские фрегаты были очень хороши и своими размерами и шириной превосходили французские 44-пушечные фрегаты; они были способны нести 24-фунтовые орудия, имели меньшую осадку, что было неудобством в смысле замедления хода, но зато являлось преимуществом, когда корабли стояли линией на шпринге; наконец, в конвое имелись

¹ Наполеона. — Ред.

² В битве участвовали четыре фрегата; остальные, числом семь, в том числе два вооруженные для боя, и пять, используемых как транспорты, остались в порту Александрии, равно как и два только что упомянутых 64-пушечных линейных корабля. См. рапорт контр-адмирала Вильнева от 11 фрюктидора VI года (28 августа 1798 г.). — Прим. франц. ред.

шесть бомбард, десять канонерских лодок. Почему было не использовать их для усиления линии справа? В Александрийском порту на судах конвоя находилось 1500 матросов, адмирал мог усилить ими экипажи кораблей, доведя их до 100 человек сверх комплекта. Все эти размышления наводили на весьма грустные мысли и мучили главнокомандующего. Но вечером 2 августа он был совершенно успокоен прибывшей депешей от 30 июля. Адмирал писал ему: он только что получил официальное уведомление о битве у пирамид и взятии Каира, которое повлияло на арабов, немедленно подчинившихся; им найден фарватер для ввода кораблей в старый порт, на котором устанавливаются бакены, и через несколько дней его эскадра будет в безопасности, причем он просит разрешения сразу же после этого прибыть в Каир; он велел обследовать батареи, защищающие старый порт, и считает достойными самых высоких похвал офицеров артиллерии и инженерных войск, ибо все пункты идеально прикрыты; после же того как эскадра станет на якорь в старом порту, можно будет спать спокойно.

IV. 1 августа, в два с половиной часа пополудни, английская эскадра, шедшая под всеми парусами, появилась на горизонте Александрии. Дул сильный северо-западный ветер. Адмирал находился за столом со своими офицерами. Часть экипажей и шлюпок были в Александрии, Розетте или на берегу — на абукирском пляже. Его первым сигналом было объявление боевой тревоги; вторым явился приказ шлюпкам, находившимся в Александрии, Розетте и на берегу, вернуться на свои корабли; третьим — приказ экипажам транспортных судов, находившихся в Александрии, явиться на линейные корабли по суше для усиления их экипажей; четвертым — приказ находиться в боевой готовности; пятым — приказ подготовиться к выходу в море; шестым — в 5 часов 10 минут — приказ открыть огонь. Английская эскадра приближалась с величайшей быстротой, но в ее составе можно было заметить только одиннадцать 74-пушечных кораблей, один 50-пушечный и еще маленький корвет. Было 5 часов пополудни, казалось невозможным, чтобы с настолько незначительными силами английский адмирал захотел атаковать линию. Но два других линейных корабля находились к западу от Александрии, вне пределов видимости. Они явились к месту сражения только к 8 часам вечера. Состав линии стоявших на шпринге французских кораблей был следующий: слева — «Герье», «Конкеран», «Спартиат» и «Аквилон», все четыре — 74-пушечные, позади «Герье» находился 36-пушечный фрегат «Серьез»; в центре — «Пепль-Суверен» (74-пушечный), «Франклин» (80-пушечный), «Ориан» (120-пушечный), «Тоннан» (80-пушечный), «Артемиз» (40-пушечный фрегат), за флагманским кораблем стояли два маленьких корвета: справа — «Эрё» (74-пушечный), «Тимолеон» (74-

пушечный), «Вильгельм Телль» (80-пушечный), на котором находился адмирал Вильнев, «Меркюр» (74-пушечный), «Женерё» (74-пушечный); за «Женерё» стояли фрегаты «Диана» и «Жюстис» (оба 44-пушечные) — лучшие на флоте. Английская эскадра двигалась в следующем порядке: 1) «Каллоден» (в голове); 2) «Голлиаф»; 3) «Зэлэ»; 4) «Орион»; 5) «Одасье»; 6) «Тезей»; 7) «Ваигард» — флагманский корабль; 8) «Миновтавр»; 9) «Бедлерофон»; 10) «Дефанс»; 11) «Мажестье» (все 74-пушечные); 12) «Леандр» (50-пушечный) и «Мютин» — 14-пушечный корвет; 13) «Александр»; 14) «Суифтшюр» (последние два корабля находились за пределами видимости, к западу от Александрии)¹.

Общее мнение, царившее во французской эскадре, заключалось в том, что бой будет отложен на завтрашний день, если только в течение ночи противник не усилится другими кораблями, ибо казалось невозможным, чтобы Нельсон отважился на битву с теми лишь кораблями, которые он держал на виду. Приказ о боевой тревоге был выполнен очень плохо. На «Ориане» оставили палубные надстройки, сооруженные для размещения пассажиров. «Герье» и «Конкеран» высвободили только по одной батарее и загромождали батарею, находившуюся со стороны суши. Брюэйс, видимо, собирался выйти в море, но дождался матросов из Александрии, которые явились только в 9 часов вечера. Между тем вражеские силы находились на расстоянии пушечного выстрела, и, к большому удивлению обоих флотов, французский адмирал не давал сигнала открыть огонь. Приказ Нельсона состоял в том, чтобы, бросив якорь, атаковать французские корабли один на один, с тем чтобы каждый английский корабль резал нос французскому. «Каллоден», который должен был атаковать «Герье», — крайний слева корабль французской линии, — при попытке пройти между «Герье» и островом Аль-Бекейр сел на мель. Если бы на этом острове были поставлены тяжелые орудия, ему пришлось бы спустить флаг; во всяком случае он оставался бесполезен на всем протяжении битвы. Следовавший за ним «Голлиаф» прошел между ним и французской линией. Он хотел бросить якорь и резать нос «Герье», но, будучи увлечен течением и ветром, обошел этот корабль, который не смог использовать батарею правого борта, так как она была загромождена. Капитан «Голлиафа» был поражен тем, что ни «Герье», ни «Конкеран» не дали по нему ни одного залпа, хотя на них развевался французский флаг; впоследствии он с удивлением узнал причину этого противоречия. Если бы «Герье» стоял на четырех якорях поближе к острову, обойти его было бы невозможно. «Зэлэ» повторил маневр «Голлиафа», за ним последовал «Орион», но

¹ Названия английских кораблей № 3, 5, 10, 11 и 12 («Мютин») приведены Наполеоном по-французски. — Ред.

был атакован французским фрегатом «Сервез». Эта отважная атака замедлила его движение, он бросил якорь между «Франклином» и «Пепль-Суверен». Английский флагманский корабль «Вангард» бросил якорь, чтобы резать нос «Спартиату» — третьему кораблю французской линии. «Дефанс», «Беллерофон», «Мажестье», «Минотавр» последовали его примеру, и все левое крыло и центр французской линии — до восьмого корабля «Тоннан» — оказались вовлеченными в сражение. Пять же правых кораблей не приняли в нем никакого участия. Французский флагманский корабль и двое его «матросов»¹, значительно превосходившие вражеские корабли, совершали чудеса. Английский корабль «Беллерофон», потеряв снасти и мачты, был вынужден спустить флаг. Два других 74-пушечных корабля, потеряв мачты, были вынуждены удалиться; и если бы в этот момент контр-адмирал Вильнев вышел в море с кораблями правого крыла и атаковал английскую линию находившимися под его командой пятью линейными кораблями и двумя фрегатами, победа досталась бы французам. Английский линейный корабль «Каллоден» сел на мель, «Леандр» был занят тем, что старался помочь ему сняться с нее; правда, в пределах видимости появились «Александр» и «Суифтшюр», но они находились еще далеко от места сражения, «Беллерофон» же спустил флаг. «Леандр», видя, в каком опасном положении оказался английский флот, оставил «Каллодена» и ринулся в бой. Наконец, прибыли «Александр» и «Суифтшюр», которые атаковали «Франклина» и «Ориана». Исход сражения еще совершенно не определился, и оно продолжалось с примерно равными шансами для обеих сторон. С французской стороны «Герье» и «Конкеран» более не стреляли, но это были самые плохие корабли; со стороны англичан тоже были выведены из строя «Каллоден» и «Беллерофон». Английские корабли пострадали больше французских вследствие превосходящей силы огня «Ориана», «Франклина» и «Тоннана». Казалось вероятным, что огонь будет продолжаться таким образом всю ночь и что адмирал Вильнев, наконец, примет участие в сражении. Но около 9 часов вечера на «Ориане» возник пожар. В 10 часов он взорвался, что и решило исход боя в пользу англичан. Взрыв его был ужасающим; сражение было прервано на полчаса. Затем французская линия возобновила огонь. «Спартиат», «Аквилон», «Пепль-Суверен», «Франклин», «Тоннан» поддерживали честь своего флага. До трех часов утра огонь оставался жесточайшим, с трех до пяти он ослабел с обеих сторон, а в 5 часов вновь усилился, став таким же бешеным, как прежде. Что произошло бы, если б «Ориан» принимал в этом участие? К полудню 2 августа исход сражения определился.

¹ То есть два корабля, стоявшие по обе стороны от него. — Прим. франц. ред.

Только тогда адмирал Вильнев словно впервые заметил, что на протяжении 18 часов идет бой. Он обрезал канаты и вышел в море с 80-пушечным «Вильгельмом Теллем», «Женерё» и фрегатами «Диана» и «Жюстис». Остальные корабли, составлявшие правое крыло, выбросились на берег, почти не приняв участия в бою.

Потери английской эскадры и возникший на ней беспорядок были таковы, что через 24 часа после начала сражения на «Тоннана» развевался еще французский флаг, но ни один из кораблей Нельсона не был в состоянии атаковать его — настолько пострадала английская эскадра. Он¹ с удовольствием увидел, что «Вильгельм Телль» и «Женерё» спасаются бегством. Его не соблазняла мысль о преследовании их. Своей победой он был обязан тупости и небрежности капитанов «Герье» и «Конкерана», несчастному случаю с «Орианом» и дурному поведению адмирала Вильнева. Брюэйс выказал величайшее мужество. Несколько раз раненный, он отказался спуститься на перевязочный пункт. Он умер на своем мостике и с последним вздохом отдал боевой приказ. Командир «Ориана» Каза-Бьянка, выдающиеся офицеры Тевенар, Дюпти-Туар погибли со славой. С Каза-Бьянка находился его сын. Увидев, что пламя охватывает корабль, он пытался спасти ребенка и привязал его к плавающей в море стенгье; но этот красивый мальчик был поглощен волнами при взрыве. Сам Каза-Бьянка погиб при том же взрыве вместе с «Орианом», держа в руке национальное знамя. Мнение моряков обеих эскадр едино: Вильнев мог обеспечить победу французов; он мог сделать это в 8 часов вечера, он мог сделать это в полночь после гибели «Ориана», он мог сделать это еще и на рассвете. Этот адмирал заявил в свое оправдание, что ожидал сигнала адмирала²; но в клубах дыма этот сигнал не удалось прочесть. Нужен ли сигнал, чтобы придти на помощь товарищам и принять участие в битве? К тому же «Ориан» взорвался в 10 часов вечера, сражение закончилось на следующий день, около 12 часов. Следовательно, Вильнев командовал эскадрой в течение 14 часов. Этот офицер в генеральском чине не был лишен морского опыта, но был лишен решимости и энергии. Он обладал достоинствами капитана порта, но не имел качеств солдата. На высоте Кандии «Вильгельм Телль» и «Женерё» разделились. «Вильгельм Телль» отправился на Мальту с двумя фрегатами; «Женерё» под командой отважного Лежуаля вошел в Адриатическое море и погнался за посланным с поручением «Леандром» — 50-пушечным кораблем, участвовавшим в Абукирском сражении; он захватил его после четырех-часового боя и привел на Корфу. Англичане потеряли в этом³

¹ Нельсон. — Р е д.

² Командующего эскадрой. — Р е д.

³ Абукирском.

сражении 800 человек убитыми и ранеными. Они захватили семь линейных кораблей; два линейных корабля и один фрегат сели на мель и попали в их руки; один линейный корабль и один фрегат сели на мель и были сожжены у берега их экипажами; один линейный корабль взорвался; два линейных корабля и два фрегата спаслись. Число пленных и убитых достигало почти 3000 человек. 3500 человек прибыли в Александрию, в том числе 900 раненых, возвращенных англичанами. Командиры кораблей «Герье» и «Конкеран», «Эрё», «Меркюр», «Тимолеон» покрыли себя стыдом. Капитаны фрегата «Сервез», кораблей «Спартиат», «Аквилон», «Пепль-Суверен», «Франклин», «Тоннан» заслужили величайшую похвалу¹.

V. Тысяча солдат морской пехоты или матросов, спасшихся с эскадры, были включены в состав артиллерийских и пехотных частей армии; полторы тысячи составили морской легион из трех батальонов; еще одна тысяча была использована для пополнения экипажей двух 64-пушечных линейных кораблей, семи фрегатом и бригов, корветов и посылочных судов, которые находились в Александрии. Начальник военно-строительных работ флота Лерой энергично занялся спасательными работами. Ему удалось спасти несколько пушек, ядра, мачты, куски дерева. Капитан 1-го ранга Гантом — начальник штаба эскадры, бросившийся в воду, когда «Ориан» был охвачен пламенем, и достигший берега, был произведен в контр-адмиралы и взял на себя командование военно-морскими силами армии.

Адмирал Брюэйс своим хладнокровием и неустрашимостью исправил, насколько это от него зависело, допущенные им ошибки, а именно: 1) то, что он не выполнил приказ своего начальника и не вошел в старый порт Александрии; он мог сделать это, начиная с 8 июля; 2) то, что он оставался на якоре у Абукира, не принимая при этом должных мер предосторожности. Если бы он держал в море легкую эскадру, то уже на рассвете был бы предупрежден о приближении противника и не был бы захвачен врасплох; если бы он вооружил остров Аль-Бекейр и воспользовался двумя 64-пушечными линейными кораблями, семью фрегатами, бомбардами, канонерками, которые стояли в порту Александрии, а также матросами, находившимися в его распоряжении, то обеспечил бы себе большие шансы на победу; если бы он поддерживал хорошую дисциплину, ежедневно объявлял бы тревогу, два раза в день проводил учебные стрельбы и по крайней мере два раза в неделю лично осматривал свои корабли, то батареи правого

¹ «Сервез» — капитан Мартэн. «Спартиат» — командир, Эмерио, начальник дивизиона, ранен. «Аквилон» — командир Тевенар, начальник дивизиона, убит. «Пепль-Суверен» — командир Ракор, капитан 1 ранга, ранен. «Франклин» — контр-адмирал Бланкэ Дюшайла и Жилэ — капитан 1 ранга, оба ранены. «Тоннан» — командир Дюпти-Туар, начальник дивизиона, убит. — Прим. франц. ред.

борта на «Герье» и «Конкеране» не были бы загромождены. Тем не менее, несмотря на все его ошибки, если бы «Ориан» не взорвался, а адмирал Вильнев пожелал бы принять участие в бою, вместо того чтобы оставаться праздным наблюдателем, французы смогли бы еще рассчитывать на победу. Образ действий Нельсона был отчаянный и не может быть рекомендован как образец, но сам он и английские экипажи проявили такую энергию и искусство, какие только было возможно проявить, в то время как половина французской эскадры выказала столько же неспособности, сколько и малодушия.

Через несколько дней после сражения Нельсон покинул воды, омывающие Египет, и направился к Неаполю. Он оставил крейсировать перед Александрией три линейных корабля. Командиры сорока неаполитанских судов, входивших в состав конвоя, пожелали вернуться в Неаполь. Они вступили в переговоры с английской эскадрой. Им разрешили выйти из порта, но в момент выхода они были захвачены, выведены в море и сожжены; их экипажи были взяты в плен. Это событие имело наилучшие последствия для армии. Оно вызвало величайшее негодование генуэзцев и других матросов с берегов Италии, находившихся на судах конвоя; с этого времени они стали действовать заодно с армией и служили ей со всем усердием, на какое были способны.

После боя у Салихии главнокомандующий вступил в переговоры с Ибрагим-беем. Этот бей прекрасно понял, почему именно положение его было плачевным. Он находился в распоряжении Джеззар-паши, пользуясь репутацией владельца больших сокровищ. Со всех сторон ему грозила опасность. Ему было предложено сохранить за ним и всеми его мамлюками право собственности на все их деревни, а также на их дома, платить им жалованье за счет республики — беем, как генералам, князьям, как полковникам, а его лично возвести в сан государя с соответствующими почестями. К этому предложению прислушались. Один из доверенных князей явился в Каир. Но через неделю после прибытия туда он получил отзавшшее его письмо Ибрагим-бея. Ибрагим писал ему: уничтожение эскадры изменило положение вещей; не имея более возможности получать подкрепления, будучи со всех сторон окружены врагами, французы кончат тем, что будут побеждены.

Через несколько дней после битвы у пирамид главнокомандующий написал Мурад-бею письмо и послал к нему негоцианта Розетти — ловкого человека, друга мамлюков и консула Венеции. Он¹ сделал ему те же предложения, что и Ибрагим-бею. К этому он присовокупил пост губернатора одной из провинций Верхнего Египта — до того времени, когда удастся облечь его суверенной властью в Сирии. Мурад-бей, чрезвы-

¹ Наполеон. — Р е д.

чайно высоко ставивший французскую армию, принял это предложение и заявил, что полагается во всем на великодушные французского полководца, нацию которого он знает и уважает; что сам он удалится в Исиу и будет управлять долиной, от «двух гор» до Сиены¹ с титулом эмира; что он считает себя поданным французской нации и предоставит в распоряжение главнокомандующего для использования по его усмотрению отряд в 800 мамлюков; что за ним и его мамлюками будет закреплено владение всеми принадлежащими им деревнями и прочим имуществом и что он примет предложение относительно предоставления ему территории в Сирии, если главнокомандующий распространит на нее свою власть, но хочет лично договориться по этому вопросу с главнокомандующим, которого горячо желает видеть. Розетти уехал с этой депешей. Он долго задержался в Бени-Суэйфе и перед отъездом из этого города получил от Мурад-бея новое письмо, в котором говорилось, что, будучи уведомлен командующим английской крейсерской эскадрой о гибели французского флота в Абукире, он не может принять на себя никаких обязательств; что если бы он подписал таковые, то стал бы их придерживаться; но, оставаясь еще свободным, он решил сам попытать счастья.

Кораим — этот комендант Александрии, который первым подчинился французскому оружию и оказал важные услуги, вступил в переписку с командующим английской крейсерской эскадрой. Он предстал перед военно-судной комиссией и был приговорен к расстрелу. Несколько дней главнокомандующий колебался; но ввиду критического положения вещей, требовавшего наказания в пример другим, он пожертвовал своими симпатиями к этому человеку. В Газе высадились английские агенты, которые вошли в сношение с Ибрагим-беем, Джемал-пашой и арабами Суэцкой пустыни. Другие высадились поблизости от башни Арабов, взбунтовали племена Бахейры, пустыни, Большого и Малого оазисов, завязали переписку с Мурад-беем, снабдили арабов деньгами, боеприпасами и оружием. В ноябре полк французской кавалерии был очень удивлен, очутившись среди арабов, вооруженных английскими ружьями со штыками. Дурное влияние Абукирского сражения ощущалось даже в самом Каире. Друзья англичан распространяли там преувеличенное представление о последствиях их победы. Но после того как эскадра Нельсона удалилась от берегов Египта, удалось убедить шейхов в том, что ее преследовала другая французская эскадра. К тому же армия усиливалась на глазах. Кавалерия энергично пополнялась прекрасными конями. Отдохнувшая пехота привыкала к стране. Вскоре, когда жаркий сезон миновал, она сделалась совсем иной. Лошади для артиллерийских упряжек доставлялись в том количестве, какое тре-

¹ Асуана. — Р е д.

бывалось. Передвижения всех родов войск, частые смотры и учения с каждым днем укрепляли в умах арабов мнение о могуществе французской армии, и несколько недель спустя от ощущений, вызванных абукирской катастрофой, не осталось и следа.

VI. Нельсон прибыл в порт Неаполь, где его приняли, как триумфатора. Король и особенно королева открыто выказали свою ненависть к французской нации. Следствием этого явилась война. В ноябре 1798 г. неаполитанский король вступил в Рим во главе 60-тысячной армии; но он был разбит, отброшен, изгнан из Неаполя и вынужден искать убежища на Сицилии. Россия и Австрия присоединились к Англии и в марте 1799 г. возобновили войну второй коалиции. Как только Порты узнала о вторжении в Египет, она выразила неудовольствие, однако умеренное. Джеззар-паше, посылавшему гонца за гонцом с просьбами о помощи и полномочиях, был в ответ дан приказ: обороняться в Сирии, если он будет там атакован, но не начинать никаких военных действий и сохранять хладнокровие; султан ожидает объяснений из Парижа и не забыл, что французы — старейшие союзники империи. Англия, Австрия, Россия и Неаполь предприняли совместные демарши, чтобы втянуть Порту в войну с республикой. Император¹ Селим постоянно отвечал отказом. Он заявил, что ожидает объяснений; но на самом деле совсем не хотел ввязываться в войну с Францией — врагом его природных врагов — России и Австрии. Он прекрасно понимал, что колы скоро его армии окажутся скованными в пустынях Аравии, Константинополь станет жертвой ненависти и честолюбия русских.

Один придворный, пользовавшийся особенным доверием Селима, прибыл в Каир через Дерну с караваном паломников. Он посетил главнокомандующего. Он сообщил ему истинные намерения Порты. Он требовал — и это тут же было ему обещано — подтверждения права собственности города Мекки на все его владения, назначения османа змир-агой² и формирования отряда из мусульманских войск для охраны меккского каравана; наконец — объяснений главнокомандующего относительно его планов (при этом он заверил его в том, что Порты исполнена решимости ничего не делать поспешно и не дать увлечь себя никаким страстям). Этот придворный провел в главной квартире более сорока дней. Он имел основание быть довольным тем, что сообщили ему каирские шейхи о настрояниях султана Кебира и французов; он отплыл из порта на Красном море, под предлогом поездки в Мекку, и в декабре прибыл в Константинополь. Но к этому времени Порты была уже увлечена потоком событий; уничтожение абукирской

¹ Султан. — Ред.

² См. главу V. — Ред.

эскадры поставило ее в полную зависимость от английской и русской эскадр. Письма французских офицеров, перехваченные крейсерской эскадрой и пересланные Порте английскими министрами, также оказали влияние на ее настроение. Эти офицеры проявили такое недовольство, описывали положение армии, как такое критическое, что диван решил, что союзникам будет нетрудно вновь овладеть Египтом; в то же время он опасался, что если англичане станут хозяевами Египта, то они оставят его за собой, как грозились сделать. Это воображение — более, чем какое-либо другое, — побудило его объявить войну республике.

ГЛАВА V

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЛА¹

I. Улемы мечети Аль-Азхар. — II. Фетва. — III. Праздник Нила и пророка. — IV. Имам Мекки. — V. Ираны.

I. ...Политические деятели, изучавшие внимательнее других дух народов Египта, рассматривали религию, как главное препятствие на пути к установлению французского господства. Чтобы утвердиться в Египте, говорил Вольней в 1788 г., придется выдержать три войны: первую — против Англии, вторую — против Порты, а третью — наиболее трудную из всех — против мусульман, составляющих население этой страны. Последняя потребует таких жертв, что ее, быть может, следует рассматривать, как непреодолимое препятствие. Хотя французы стали хозяевами Александрии и Каира и победили в сражениях у Шубрахита и пирамид, положение их было непрочным. Их только терпели правоверные, которые, ошеломленные стремительностью событий, уступили силе, но уже оплакивали открыто торжество идолопоклонников, присутствие которых оскверняло священные воды. Они стонали от позора, который это присутствие навлекало «на первый ключ» к священной Каабе²; имама напыщенно декламировали те стихи корана, которые наиболее враждебны неверным.

Необходимо было приостановить распространение этих религиозных идей; в противном случае армия, несмотря на одержанные ею победы, оказалась бы под угрозой. Она была слишком слаба и утомлена, чтобы вести религиозную войну. В XI и XII веках крестоносцы царствовали в Антиохии, Иерусалиме, Эдессе, Птолемаиде, но они были столь же фанатичны,

¹ В этой главе опущены некоторые разделы, в которых автор характеризует различные религии, а также обычаи мусульман и культуру арабского халифата. — Р е д.

² Мусульманская святыня в Мекке. — Р е д.

как и мусульмане. В анналах всемирной истории нельзя найти примера усилия, подобного тому, которое предприняла тогда Европа. Несколько миллионов европейцев нашли смерть на полях Сирии, и все же после нескольких призрачных успехов крест был низвергнут, мусульмане одержали победу. Предсказание Вольнея начинало осуществляться; нужно было либо вернуться на суда, либо примирить с собою религиозное мышление, избежать анафем пророка, не допустить зачисления нас в ряды противников ислама; нужно было убедить, завоевать доверие муфтиев, улемов, шерифов, имамов, чтобы они истолковали коран в пользу армии.

Школа или университет мечети Аль-Азхар — самая знаменитая на Востоке. Она была основана Саладином. Шестьдесят докторов богословия или улемов обсуждают там вопросы веры, толкуют священное писание. Она была единственной, способной подать пример, увлечь за собой общественное мнение Востока и определяющих его четырех сект. Эти четыре секты — шафеиты, малекиты, ханбалиты, ханафиты расходятся между собой только по вопросам обрядности; каждая из них имела в Каире своего главу — муфти. Наполеон не упустил ничего из того, что могло привлечь их на его сторону, польстить им. Это были старцы, почтенные по своим нравам, образованию, богатству и даже по рождению. Ежедневно, после восхода солнца, они и улемы мечети Аль-Азхар стали, до наступления часа молитвы, являться во дворец. Эта процессия заполняла всю площадь Эзбекия. Они прибывали верхом на мулах с богатой упряжью, в окружении своих слуг и большого числа палочников. Французская стража брала на караул и оказывала им самые большие почести. Когда они входили в залы, адъютанты и переводчики также встречали их с почетом, угощали их шербетом и кофе. Через несколько минут входил главнокомандующий, усаживался на диване рядом с ними и старался внушить им доверие обсуждением корана, приглашая их разъяснить ему наиболее важные места и высказывая большое восхищение пророком. По выходе из дворца они отправлялись в мечети, где собирался народ. Там они говорили ему о всех своих надеждах, успокаивали это многочисленное население с его недоверием и дурными намерениями. Они оказывали армии подлинные услуги.

Французская администрация не только не посягнула на владения мечетей и религиозных организаций, но и охраняла их с пристрастием, которое могло быть результатом искренней склонности главнокомандующего к мусульманской религии. Основным принципом политики турок и мамлюков было отстранение шейхов¹ от отправления правосудия и от дел

¹ Шейхи в данном случае — руководители мусульманских общин, сект, школ. — Р е д.

управления — они боялись, как бы те не стали слишком могущественными. Для этих почтенных старцев явилось приятным сюрпризом, когда в их ведение было передано уголовное и гражданское судопроизводство, а также спорные административные вопросы. Это быстро подняло их авторитет в народе. Не прошло и месяца со времени вступления французской армии в Каир, как настроение шейхов изменилось. Они искренне привязались к султану Кебиру. Они были поражены тем, что победа неверных, которой они так боялись, обеспечила их торжество; это для них французы одержали победу у пирамид! Французы относились внимательно и деликатно ко всем их деревням и всей их личной собственности. Никогда еще эти люди, стоявшие одновременно во главе религиозных организаций, знати и судов, не пользовались большим уважением; никогда еще их покровительства не добивались так не только мусульмане, но даже и христиане — копты, греки, армяне, жившие в этой стране. Последние воспользовались приходом армий для того, чтобы сбросить иго обычаев, не страшась мусульман. Как только главнокомандующий узнал об этом, он их обуздал. Все вошло в свою колею. Древние обычаи были полностью восстановлены, что наполнило радостью сердца мусульман и внушило им полное доверие.

Со времени революции французская армия не исполняла обрядов какой-либо религии. Она вовсе не бывала в церквях в Италии и не стала чаще бывать в них в Египте. Это обстоятельство было замечено проницательным оком улемов, столь ревностно и тревожно относившихся ко всему, что имело отношение к их культуре. Оно оказало на них самое благоприятное влияние. Если французы не были мусульманами, то, по крайней мере, было доказано, что они и не идолопоклонники; султан Кебир, несомненно, находился под покровительством пророка. Из тщеславия, свойственного всем людям, шейхи с удовольствием рассказывали о ласковом приеме, который он им оказывал, о почестях, которыми их осыпали, обо всем, что они говорили или воображали, что сказали. Их пристрастие к Наполеону было очевидным, и одним из догматов веры стало: «Французы никогда не победили бы правоверных, если бы их вождь не пользовался особым покровительством пророка. Армия мамлюков была непобедимой, самой храброй на Востоке; если она не оказала никакого сопротивления, то это потому, что была греховной, неправедной. Этот великий переворот предсказан в коране в нескольких местах.

Затем султан Кебир затронул струнку арабского патриотизма: «Почему арабская нация подчинена туркам? Почему в плодородном Египте, священной Аравии господствуют выходцы с Кавказа? Если Магомет спустился бы сегодня с небес на землю, то куда бы он направился? В Мекку? Но тогда он оказался бы не в центре мусульманской империи. В Константино-

поль? Но это светский город, где неверных больше, чем верующих, там он очутился бы среди врагов его; нет, он предпочел бы священные воды Нила, поселился бы в мечети Аль-Азхар, этом первом ключе к священной Каабе. Когда эти почтенные старцы слышали такие речи, лица их расплывались в улыбке, они наклонялись вперед и, скрестив руки, восклицали: «Тайиб! Тайиб!» — о, это истинно так!

Когда Мурад-бей был отброшен в Фиваиду, Наполеон сказал им: «Я хочу восстановить Аравию, кто помешает мне? Я уничтожил мамлюков — самое храброе войско Востока. Когда мы достигнем полного согласия между собой и народы Египта узнают, сколько добра я хочу им сделать, они искренне привяжутся ко мне. Я хочу возродить времена славы Фатимидов»¹. Эти речи стали предметом обсуждения всей каирской знати. То, что она увидела у пирамид, заставило ее поверить во всемогущество французской армии. Она окружила главнокомандующего своим вниманием, видя в нем человека, избранного провидением. Шейх Аль-Мохди — самый красноречивый, образованный и молодой из всех в Аль-Азхаре, являлся в то же время тем, кто пользовался его наибольшим доверием. Он переводил обращения арабскими стихами. Отдельные строфы заучивались наизусть и поныне повторяются в пустынях Африки и Аравии.

С тех пор как улемы образовали диван², ведавший делами управления, они получали отчеты из всех провинций и знали о смутах, порождаемых недоразумениями и самым именем неверных. Султан Кебир в своих беседах с ними стал все более горько жаловаться на неблагоприятные проповеди, с которыми имамы выступали по пятницам в мечетях; но выговоры и увещания, с которыми шейхи обращались к этим беспокойным имамам, оказались недостаточными. Наконец, когда он счел момент благоприятным, он сказал десяти из главных шейхов, наиболее ему преданным: «Нужно положить конец этим беспорядкам; мне нужна фетфа Аль-Азхара, приказывающая народу принести присягу на верность». Это предложение заставило их побледнеть; душевное волнение отразилось на их лицах; выражение последних стало печальным и унылым. Шейх Аль-Шаркауи — глава улемов Аль-Азхара — взял слово и сказал после продолжительного раздумья: «Вы хотите пользоваться покровительством пророка, он любит вас; вы хотите, чтоб арабы-мусульмане поспешили встать под ваши знамена, вы хотите возродить славу Аравии, вы не идолопоклонник, сделайте мусульманином; 100 000 египтян и 100 000 арабов из Аравии, Медины, Мекки сомкнутся вокруг вас. Под вашим водительством и дисциплинированные на ваш манер, они за-

¹ Арабская династия, правившая Египтом в X—XII вв. — Р е д.

² Совет. — Р е д.

воюют Восток, и вы восстановите родину пророка во всей ее славе». В то же мгновение старческие лица осветила улыбка. Все пали ниц, призывая покровительство небес. Со своей стороны главнокомандующий был удивлен. Его неизменным мнением было, что всякий человек должен умереть, не изменив своей религии. Но он быстро сообразил, что всякие разговоры и дискуссии по этим вопросам окажут хорошее влияние. Он ответил им: «Есть две большие трудности, препятствующие тому, чтобы я и моя армия сделались мусульманами; первая — это обрезание, вторая — вино; мои солдаты приучены к вину с детства, я никогда не смогу убедить их отказаться от него». Шейх Аль-Мохди предложил поручить шестидесяти шейхам Аль-Азхара открыто поставить этот вопрос и обсудить его. Вскоре во всех мечетях распространился слух о том, что великие шейхи денно и нощно поучают султана Кебира и главных генералов догматам веры и даже обсуждают содержание фетфы, которая облегчила бы, насколько возможно, это великое событие¹. Самолюбие всех мусульман было польщено, радость была всеобщей! Это самолюбие повторяло им, что французы восхищены Магометом, что их вождь знает коран наизусть и признает, что в этой премудрой книге заключены прошлое, настоящее и будущее; но что его останавливает обрезание и запрещение пророком пить вино. Имамы и муэдзины всех мечетей в течение сорока дней находились в величайшем возбуждении. Но это возбуждение было полностью в пользу французов. Последние не считались более неверными. Все, сказанное пророком, не могло более относиться к победителям, которые повергли свои лавры к подножью столпа ислама. В народе ходили тысячи слухов. Одни говорили, что сам Магомет явился султану Кебиру, сказав ему: «Мамлюки правили, следуя только своим капризам; я выдал их тебе. Ты предоставил власть шейхам, улемам; поэтому все тебе удастся. Но нужно завершить то, что ты начал. Признай догматы моей веры и следуй им; это вера самого бога. Арабы ждут только этого сигнала; я дам тебе завоевать всю Азию». Эти речи и ответы, приписываемые султану Кебиру, распространялись в тысячах различных вариантов. Он воспользовался этим, чтобы распустить слух о том, что испросил годичный срок для подготовки своей армии и Магомет ему этот срок предоставил; что обещал построить большую мечеть; что вся армия станет мусульманской и что великие шейхи Ас-Сада и Аль-Баكري рассматривают его как мусульманина.

II. Четыре муфты, наконец, представили составленную и подписанную ими фетфу. В ней было сказано: что обрезание представляет собой дополнение², что оно не было введено про-

¹ Переход в мусульманство французской армии. — Р е д.

² К учению Мухаммеда. — Р е д.

роком, а лишь рекомендовалось им, что можно поэтому быть мусульманином, не будучи обрезанным; что же касается второго вопроса, то можно пить вино и быть мусульманином, но это значит жить во грехе без надежды на награду, обещанную избранным. Наполеон выразил свое удивление решением первого вопроса, радость его казалась искренней. Все эти старые шейхи разделяли ее. Но он выразил большое огорчение по поводу второй части фетфы. Как убедить его солдат принять новую религию, когда это означает самим признать себя грешниками, взбунтовавшимися против велений неба? Шейхи признали, что это трудно, и заявили, что со времени постановки этих вопросов они в своих молитвах неустанно просят помощи у бога Изманла. После продолжительной беседы, в которой не все шейхи проявили себя одинаково твердыми в своих убеждениях, причем одни не видели никакого выхода, а другие полагали, напротив, что в фетфу можно внести некоторые изменения, шейх Аль-Мохди предложил: оставить в фетфе только первую часть, что окажет благоприятное действие на страну и просветит тех людей, чьи мнения расходятся с ее содержанием; вторую же часть сделать предметом новой дискуссии; быть может, удастся получить консультацию у шейхов и шерифов Мекки, которые такого высокого мнения о своей эрудиции и влияния на Восток. Это предложение было принято. Фетфа была обнародована во всех мечетях; в пятницу, после молебна, когда имамы имеют обыкновение произносить проповедь, они разъяснили фетфу и единодушно и энергично высказались в пользу французской армии.

Вторая фетфа явилась предметом горячей и длительной дискуссии и переписки с Меккой. Наконец, будучи бессильны подавить сопротивление всех несогласных, равно как привести ее в полное соответствие с точным текстом корана и заветов пророка, муфти выработали фетфу, в которой говорилось: что новообращенные смогут пить вино и быть при этом мусульманами, если искупят свой грех добрыми делами и благотворительностью; что коран предписывает раздавать в качестве милостыни или обращать на благотворительность не менее одной десятой своего дохода; те же, кто, став мусульманами, будут продолжать пить вино, должны будут довести средства, раздаваемые в качестве милостыни, до одной пятой своего дохода. Эта фетфа была принята и казалась способной примирить между собой все точки зрения. Совершенно успокоившись, шейхи полностью посвятили себя служению султану Кебиру и поняли, что ему понадобится, по крайней мере, год, чтобы просветить умы и преодолеть сопротивление. Он приказал представить ему чертежи, планы и сметы для подготовки строительства мечети, достаточно большой, чтобы вместить всю армию в день, когда она признает закон Магомета. Между тем генерал Мену публично перешел в ислам. Став мусульманином,

он посещал мечеть в Розетте. Он не просил никаких послаблений. Весть об этом наполнила радостью сердца всех жителей Египта и не оставила сомнений в искренности намерений французов. Повсюду шейхи проповедовали, что Наполеон, не будучи неверным, любя коран, выполняя миссию пророка, является истинным служителем священной Каабы. Этот переворот в умах сопровождался переворотом в управлении. Все, что было трудно, стало легко; все, что прежде удавалось приобрести с оружием в руках, теперь стало поступать по доброй воле, без усилий. С этого времени паломники, даже самые фанатичные, неизменно оказывали султану Кебиру такие же почести, как мусульманскому государю; примерно с того же времени при появлении главнокомандующего в городе правоверные стали падать ниц; они вели себя по отношению к нему так, как имели обыкновение вести себя по отношению к султану.

III. В день 18 августа, когда ниломер¹ на острове Руда показал 14 локтей, диван и кади² приказали прорвать дамбу канала Повелителя Правоверных. Это — церемония, в которой жители Каира принимают наибольшее участие. Еще до восхода солнца 200 000 зрителей усеяли оба берега Нила в старом Каире и у острова Руда. Несколько тысяч малых и больших барок, украшенных флагами и знаменами, дожидались момента, когда можно будет войти в Нил. Часть французской армии в парадной форме была выстроена тут же. Султан Кебир, окруженный своим французским штабом, четырьмя муфти, улемами, великими шейхами, шерифами, членами дивана, имея справа от себя Аль-Бакри, потомка пророка, а слева — Ас-Сада, потомка Хасана, выехал из своего дворца, проследовал через весь город и прибыл в павильон у устья канала. Он был принят кади и шейхами ниломера. Был оглашен протокол, констатирующий уровень, достигнутый Нилом, доставлены и проверены на глазах у публики использованные меры. Было объявлено, что «маль-аль-хур» подлежит уплате. Оглашение этого акта, подписанного и объявленного во всеуслышание, сопровождалось артиллерийским залпом и радостными кликами этой огромной толпы зрителей. Кади прорвал дамбу со всеми обычными церемониями. Потребовался час, чтобы река унесла ее. Нил устремился в канал с высоты 18 футов. Вскоре после этого маленькая барка, на которой находился шейх ниломера, вошла в реку первой, а за ней последовали другие, покрывшие собою Нил. Они дефилировали целый день. Генеральный казначей Эстев разбросал значительную сумму в мелкой монете. В павильоне был сервирован роскошный обед. Султан Кебир искренне подчинился всем формальностям, которых требовал обычай от правителя страны.

¹ Измеритель уровня вод Нила. — Р е д.

² Судья, должностное лицо. — Р е д.

Нил предвещал паводок более сильный, чем за последние перед тем несколько лет. В городе была устроена иллюминация, и празднество продолжалось всю эту ночь и следующие восемь ночей. Вскоре площади Каира сделались озерами, некоторые улицы — каналами, сады — затопленными лугами, над которыми высились деревья. В течение сентября весь Египет являл зрелище моря, если смотреть на него с вершины пирамид, горы Мукаттам или дворца Саладина. Это было восхитительное зрелище. Минареты и вершины мавзолеев как бы плавали в воздухе над поверхностью вод, которые бороздили во всех направлениях тысячи больших и малых парусников, занятых перевозками, обеспечением коммуникаций и обслуживанием нужд населения. Солдаты больше не жаловались, что Нил не оправдал своей репутации. Они больше не говорили, что это ручей, несущий грязную, мутную воду. В рукавах Нила высота воды достигала 27—28 футов, в большинстве каналов — 8, 10 и 12 футов, а на поверхности земли — 4, 5 и 6 футов. В декабре Нил вернулся в свое русло или в каналы. Постепенно показалась вновь земля. Тысячи земледельцев занялись вспашкой и обработкой ее. Они сеяли всякого рода злаки и овощи; наконец, несколько недель спустя, был снят первый урожай. Эти цветущие равнины, покрытые густыми всходами, имели очаровательный вид. Солдату показалось, что он вернулся в прекрасную Италию. Какой контраст с суровым видом этих иссушенных и выжженных равнин в июне и июле, то есть всего шесть месяцев назад!

В конце августа в этом году (1798) отмечался праздник пророка. Армия разделяла радость и удовлетворение жителей. Город был иллюминирован цветными плашками. Каждая мечеть, каждый дворец, каждый базар, каждое здание отличались своими украшениями. Устраивались фейерверки. Армия в парадной форме произвела ряд эволюций под окнами дворца Бакри. Главнокомандующий и весь состав штаба нанесли ему визит. При этом присутствовали все улемы и муфти. Усевшись на земле на подушках, они распевали магометанские литании. Эти почтенные старцы целый час декламировали арабские стихи во славу Магомета. Все они с силою раскачивались сверху вниз. В момент, указанный молитвой, залп ста пушек, установленных в цитадели Гизы, на судах флотилии, а также всех полевых батарей, приветствовал стих, который возвещает о прибытии пророка в Медьну — начало хиджры¹. Шейх дал обед на пятидесяти столиках — по пяти приборов на столик. В середине стоял столик султана Кебира и Бакри. Полковые оркестры один за другим исполняли серенады, отражая всеобщую радость. Все площади города были заполнены бесчисленными толпами народа, разделившимися на круги в 60—100 че-

¹ Начало мусульманского летоисчисления. — Ред.

ловек, которые стояли, прижавшись друг к другу, и все время раскачивались либо сверху вниз, либо вперед и назад с такой силой, что некоторые теряли сознание. Члены духовных братств, рассеянные по всем этим кругам, возбуждали сильнейшее любопытство и пользовались почтением народа. Непринужденность и веселье, с которыми мусульмане предавались всем этим церемониям, искренность, радость и братство, которые характеризовали их отношения с солдатами, позволяли судить о развитии общественного мнения и о том, сколь велико было достигнутое сближение.

1 вандемьера, в день праздника республики, мусульмане, в благодарность за участие армии в празднике Нила и пророка, предали радости с полной непринужденностью. На площади Эзбекия была сооружена пирамида. На балюстраде, окружавшей пьедестал, расположились муфти, кади, улемы, великие шейхи. Выслушав обращение главнокомандующего и проделав ряд эволюций, армия прошла церемониальным маршем. Предоставление почетного места на этом празднестве знатым людям страны было с величайшим удовлетворением отмечено народом. Главнокомандующий дал обед на сто персон, со всей роскошью, какую можно было продемонстрировать в Париже. Вечером состоялись бега и всякого рода игры, развлечения для народа и солдат. Новым зрелищем, от которого французы ожидали большого результата, явился пуск воздушного шара, осуществленный Контэ. Шар поднялся и исчез в великой Ливийской пустыне. Место, где он опустился, осталось неизвестным, на нем¹ никого не было, но находились стихи на турецком, арабском и французском языках. Он, впрочем не вызвал любопытства у мусульман. Но если он не произвел эффекта, на который рассчитывали, то породил различного рода слухи. Правверные говорили, что он служит средством связи султана Кебира с Магометом. Шейх Аль-Мохди много смеялся над этим слухом, ходившим в народе. Он сочинил на эту тему прекрасные арабские стихи, которые распространились по всему Востоку.

IV. В Мекке царствовал шериф² Халеб. Каирские улемы написали ему о прибытии французской армии и о покровительстве, оказываемом ею исламу. Он ответил, как человек, стремящийся предохранить большие интересы, которые были у него в Египте. Он царствовал над бедной местностью, для которой Египет был почти единственным источником средств существования — ржи, ячменя, овощей. Мекка, пришедшая в сильный упадок, все же сохраняла некоторые остатки прежнего процветания благодаря караванам с Запада и Востока. Караваны с Востока собирались в Дамаске и оттуда же отправлялись

¹ Воздушном шаре. — Р е д.

² Потомок пророка. — Р е д.

в путь, западные — отправлялись из Каира. Шериф написал султану Кебиру и присвоил ему звание служителя священной Каабы, что стало известно и распространилось по стране через посредство мечетей, возымев хорошее действие. Шериф Мекки — суверенный правитель, имеет свои войска; но Джидда, порт Мекки, принадлежит султану, который держит там гарнизон. Он посылает туда пашу, который позволяет себе вмешиваться в управление самим городом¹. Политика Константинополя состоит в том, чтобы уменьшить, как только возможно, религиозное влияние шерифа Мекки. Султаны являются халифами², по существу им удалось свести это влияние к нулю. Французский главнокомандующий вел прямо противоположную политику. Он был заинтересован в том, чтобы возвысить авторитет этого мелкого владетеля в религиозных делах, поскольку тот нуждался в Египте для удовлетворения своих нужд. С ростом этого влияния соответственно уменьшалось влияние муфти Константинополя. Он³ не только допускал, но и способствовал всеми средствами сношениям улемов с шерифом, который не замедлил осознать, сколь выгодна была такая политика для его интересов, для повышения его авторитета. Шериф стал желать укрепления французской власти над Египтом и, насколько от него зависело, всемерно этому способствовал.

Кахья⁴ паши был назначен эмир-агой. Этот выбор всех удивил; но он был вызван влиянием Порты. Она выразила пожелание, чтобы этот важный для религии пост был занят османом. Эмир-аге было передано все имущество и все права, связанные с отправлением этой должности. Он набрал отряд в 600 человек для сопровождения каравана⁵. Вскоре он стал пользоваться большим авторитетом и реальным влиянием. Ковер, который ежегодно посылает Каир для священной Каабы с караваном паломников, сделан из шелка, богато вышитого золотом; он изготавливается в мечети Султан-Калаун. Был отдан приказ сделать этот дар богаче обычного и вышить на нем большее количество изречений.

Офицеры инженерных войск, занятые фортификационными работами, повредили несколько могил. Весть об этом распространилась и вызвала величайшее недовольство. Около 6 часов вечера народный поток заполнил площадь Эзбекия и поднял шум под окнами султана Кебира. Охрана закрыла шлагбаумы, встала в ружье. Главнокомандующий был за обедом. Он подошел к окну со своим переводчиком, гражданином Вантюром, который объяснил ему, что это признак доверия, освященный обычаем способ представлять петиции государю. Вантюр спус-

¹ Меккой. — Ред.

² Халиф — религиозный глава мусульман. — Ред.

³ Наполеон. — Ред.

⁴ Заместитель. — Ред.

⁵ В Мекку. — Ред.

тился вниз, приказал открыть шлагбаумы, успокоил охрану, велел выбрать депутацию из двадцати человек. Эти люди поднялись в апартаменты главнокомандующего и были приняты с величайшим уважением. С ними обращались, как с великими шейхами. Им подали кофе и шербет. Затем их ввели к главнокомандующему; они изложили свои жалобы. Ряд могил осквернен, французы ведут себя, как неверные или идолопоклонники. Лица, входившие в состав депутации, были большей частью улемами или муэдзинами, то есть людьми, которые обычно крайне фанатичны. Они говорили с жаром, но их жалоба была принята. Об офицерах французских инженерных войск отозвались с осуждением. Был послан приказ немедленно прекратить работы, и муфти выполнили все необходимые формальности, предписываемые в подобных случаях ритуалом. Делегаты были чрезвычайно польщены; они выразили свое удовлетворение собравшемуся народу; поднявшись на подобие помоста, они отчитались в сделанном депутацией. Отчет был встречен возгласами радости. Затем они отправились к оскверненным могилам. Работы были уже прекращены. Гордые своей победой, успокоив свою совесть, они прошли через весь город, распевая стихи корана. Наконец они вошли в мечеть Аль-Азхар, где служил один имам; он помолился за султана Кебира и за то, чтобы пророк всегда поддерживал в нем настроения, благоприятные исламу.

Мечети получали доход с большого количества земель и вкладов; но эти доходы нередко растрчивались администрацией мечетей. Султан Кебир, желая продемонстрировать свой интерес ко всему, что интересовало религию, подтвердил действительность всех вкладов, которыми пользовались мечети, мавзолей, другие религиозные учреждения. Узнав, что мечеть Хасана очень плохо управляема, он однажды отправился туда в час молитвы. Все молящиеся вышли и окружили его, удивленные столь необычным зрелищем. Он велел позвать имамов, ведавших содержанием мечети. «Почему, — сказал он им, — этот храм божий так плохо содержится? Что сделали вы с доходами мечети? Разве для вас и ваших семей верующие дарили ренты и земли, или же они подарили их для содержания мечети и религиозных нужд?» Он тут же велел выбрать шестерых старейшин квартала и приказал отчитаться перед ними в использовании доходов мечети. Это встретило живейшее одобрение общественного мнения. Из отчетности стало ясно, что администрация должна мечети значительные суммы. Эти суммы были возвращены дебиторами и употреблены на украшение мечети. Наполеон повторил ту же сцену во всех мечетях, где имелись злоупотребления. Путешествуя по стране, он проявлял о них такую же заботу. Повсюду он заставлял возвращать растроченные суммы, в результате чего в храмах повсеместно развернулись ремонтные и другие работы. Жалобы на тех, кто

присваивал доходы мечетей, посылались анонимно или за подписью жалобщика, и он внимательно следил за отчетностью и возвращением присвоенных сумм, что необыкновенно радовало народ — и по причине его религиозности, и в силу того, что видеть, как заставляют раскошелиться людей, ведающих общественными фондами, — для него всегда счастье.

V. Жены беев или кишифов иногда испрашивали аудиенции у султана Кебира. Они являлись, окруженные многочисленной свитой. Лица их были закрыты в соответствии с обычаем страны. Невозможно было судить о том, насколько они красивы; но маленькие ручки, тонкая талия, более или менее мелодичный голос, манеры, являющиеся следствием благосостояния и хорошего воспитания, раскрывали их сан и положение в свете. Они целовали руку султана Кебира, подносили ее к своему лбу и сердцу, усаживались на дорогих шелковых подушках и заводили разговор, в котором проявляли столько же ловкости и кокетства, сколько могли бы проявить наши европейские женщины, получившие наилучшее воспитание, чтобы добиться того, за чем пришли. Будучи рабынями своих мужей, они имеют тем не менее права, защищаемые общественным мнением; например, право ходить в бани, где завязываются интриги и устраивается большая часть браков. Ага янычар Каира, выполнявший функции начальника полиции и оказывавший большие услуги армии, однажды, в качестве вознаграждения, просил султана Кебира руки одной вдовы; эта вдова была красива и богата. — «Но откуда вы знаете, что она красива, вы ее видели?» — «Нет». — «Почему вы просите ее руки у меня, согласится ли она на это?» — «Без сомнения, если вы ей прикажете». Действительно, как только эта вдова была поставлена в известность о намерении главнокомандующего, она подчинилась. Между тем эти двое супругов никогда не виделись и не знали друг друга. В дальнейшем большое количество браков совершалось таким образом.

Когда женщины едут в Мекку, они лежат в своего рода закрытых паланкинах из ивовых прутьев с занавесками, которые ставят поперек верблюда. Иногда эти корзины подвешиваются с обеих сторон седла, причем поддерживаются равно весне; в подобном случае один верблюд несет двух женщин.

Жена генерала Мену продолжала после своей свадьбы посещать бани в Розетте¹. Там перед ней заискивали все женщины, которым было очень любопытно узнать, как она живет. Она рассказывала им о деликатности и заботливости ее мужа, о том, что за столом ей подают первой и ей же достаются лучшие куски, что для перехода из одного помещения в другое ей подают руку, что муж неустанно ухаживает за ней, сти-

¹ Госпожа Мену была египтянкой, дочерью владельца бани. — Прим. франц. ред.

рается исполнить все ее желания, удовлетворить все нужды. Эти речи возымели такое действие, что вскружили голову всем женщинам Розетты, и они направили в Каир султану Кебиру петицию с просьбой приказать египтянам во всем Египте обходиться с ними по обычаю французов.

Привлек к себе внимание народа институт. Библиотека, все математические и физические приборы, камни, растения и другие предметы, относящиеся к естественной истории и добытые учеными в этой стране, были собраны в его дворце или в саду. Местным жителям потребовалось много времени, чтобы понять, что представляет собой это сборище серьезных и пытливых людей; они не управляли, не занимались административными делами, религия не была их целью; жители решили, что они фабрикуют золото. В конце концов жители, однако, получили правильное представление о деятельности института, и ученых стали уважать не только богословы и знатные люди, но и низшее сословие, ибо они часто имели дело с рабочими и, руководя ими, сообщали нужные сведения из области механики или химии. Это завоевало им глубокое уважение народа.

Шейх Аль-Мохди, присутствуя на заседании института, получал через переводчика разъяснения о том, что там говорилось. Обсуждался доклад Жоффруа о рыбах Нила. Он попросил слова и сказал, что, как заявил пророк, бог сотворил 30 тысяч видов живых существ: 10 тысяч на суше и в воздухе и 20 тысяч в водах. Кстати говоря, это был самый ученый и образованный из всех шейхов, большой книжник. Однажды, когда великие шейхи находились у главнокомандующего, офицер, прибывший из Кельюба, доложил ему, что арабы племени биллис совершили налет на бедную деревню и убили одного феллаха. Наполеон выказал большое негодование и приказал одному из офицеров штаба отправиться туда с 300 всадниками и наказать разбойников. Поскольку он говорил с большим жаром, один из шейхов сказал ему: «Почему ты сердиться? Разве убитый феллах брат твой?» — «Да, — ответил султан Кебир, — все, кто послушен мне, — мои дети». — «Тайиб, тайиб¹, — сказал шейх Аль-Шаркауи, — то, что ты сказал, — справедливо, ты говоришь, как пророк!!!» Полчаса спустя он не преминул рассказать об этом в большой мечети, заполненной огромной толпой, что очень обрадовало народ, вскричавший: «Бог велик, бог — справедлив, все идет от бога, все возвращается к нему, все мы — божьи».

¹ Превосходно (араб.). — Р е д.

ВОССТАНИЕ В КАИРЕ

I. Заседание Большого дивана Египта. — II. Порта объявляет войну Франции. — III. Брожение в городе. — IV. Народное восстание. — V. Возвращение священных книг. — VI. Фортификационные работы.

I. Три четверти деревень остались без мультазимов. Последние погибли на поле сражения у пирамид. Положение казалось благоприятным для того, чтобы изменить систему землевладения, введя западные законы. Однако мнения на этот счет разделились. Те, кто не желал никаких новшеств, говорили: не следует лишаться средства вознаграждения офицеров армии и увеличения числа сторонников Франции; своеобразные обстоятельства, существующие в Египте, позволяют облагать только урожай, полученный с полей; площадь, пригодная к обработке, ежегодно изменяется в зависимости от территории, затопляемой при паводке; продукция одного и того же поля неодинакова и зависит от культуры, которая на нем разводится, что вызывает необходимость в подсчете количества этой продукции при каждой уборке урожая; участие и авторитет мультазимов необходимы для руководства и наблюдения за всеми этими операциями, столь деликатными по самой своей сущности; к тому же важнее привязать к себе среднее сословие, способное к благодарности, нежели толпу, которая на Востоке еще более невежественна, легковерна и неблагодарна, чем на Западе; самое важное — это не затрагивать ничьих интересов и не допускать никаких несправедливостей, результаты которых так долго сказываются на кредите и настроениях общества. Верно, что все, что относилось к земельной собственности и налоговому обложению, было еще окружено мраком.

Другие указывали, что из 3 миллионов жителей Египта 2 миллиона 600 тысяч составляют крестьяне, положение которых значительно улучшится, а благосостояние повысится в результате освобождения от оброка земель «атар»¹, что преисполнит их симпатии к Франции; то, что говорится о необходимости облагать только снятый урожай, верно повсюду и в особенности в Египте, но участия мультазимов тут вовсе не требуется, а хорошая система взимания податей, охватывающая всю страну, будет действовать лучше и более справедливо.

За 60 лет, истекших с того времени, как мамлюки захватили всю власть в стране, учреждения, защищавшие интересы народа, были упразднены. Общественное мнение требовало законов и настоящих судебных органов, способных обеспечить жителям пользование двумя великими благами общественного порядка — безопасностью для личности и для имущества. При

¹ См. главу II. — Р е д.

том положении, в котором мы находились, было в некоторых отношениях выгодно поставить народ этой страны в такое положение, когда он будет вынужден сам раскрыть свой характер и тайные мысли, а это позволило бы французам определить, на что они могут надеяться и чего им следует опасаться от игры страстей. Это породило идею созвать Великий диван в составе всей знати и депутатов от провинций и вызвать в нем дискуссию по всем важным вопросам, представляющим общественный интерес. Большой диван собрался на свое первое заседание 1 октября и проявил наилучшие настроения по отношению к новому порядку вещей. Он одинаково ненавидел мамлюков и османов. Правление тех и других было в равной степени противно принципам корана. Первые, рожденные неверными, переходили в ислам неискренне; вторые были жадны, капризны и невежественны. Образованные люди понимали совершенство принципов, которые управляли нациями Европы; их соблазняла перспектива счастья, которое принесет им хорошая система правления, а также уголовное и гражданское правосудие, базирующееся на здравых идеях. Слава и счастье арабского отечества были дороги всем; это была такая струнка, затрагивая которую в дальнейшем можно было ожидать исполнения всех надежд.

Ход дискуссии в ассамблее был чрезвычайно медленным, то ли в силу спокойного и молчаливого характера людей Востока, то ли из-за непривычки к ней, то ли, наконец, вследствие различий в обычаях различных провинций и трудности наведения справок о прошлом в стране, где ничего не издается. Но мало-помалу все образовалось и стали терять меньше времени. Будучи запрошен о своем мнении по важнейшему вопросу — следует ли сохранить законы и обычаи, регулирующие право владения, или же следует предпочесть введение законов Запада, где право собственности на имущества неприкосновенно, а передача владений допускается по завещаниям, дарственным или на основании добровольных актов купли-продажи, притом в согласии с установленными законами и формами, — Большой совет не стал колебаться. Он единодушно заявил: законы Запада соответствуют духу книги истины; именно в этом духе правила Аравией халифы Омейяды, Аббасиды и Фатимиды; феодальный принцип — вся земля принадлежит султану — был принесен монголами, татарами и турками; их¹ предки подчинились ему с отвращением. В диване развернулась горячая дискуссия по вопросу об упразднении мультазимов и освобождении от оброка земель «атар». Имамы боялись за владения мечетей, мультазимы располагали большинством в ассамблее, только шейх-аль-беледы, явившиеся депутатами от деревень, настаивали на освобождении их от оброка. Прежде всего удо-

¹ Египтян. — Ред.

влетворили интересы имамов, установив, что всякого рода земли, принадлежащие мечетям, будут сданы в долгосрочную аренду на 99 лет; мультазимы громко жаловались на несправедливость, какой явится отобрание их владений, но их оставалось мало, и мультазимам было предложено сохранить за ними так называемые земли «васия»¹, которыми они владели, а также предоставить компенсацию за потерю земель «атар» в виде земель «васия», находящихся в других общинах. При этом новом порядке вещей, каков должен был быть размер «мири»?² Одни говорили, что его можно довести до половины урожая, другие полагали, что он не должен превышать одной четверти — иначе пострадает земледелие. В течение двадцатидневной работы ассамблей обсуждались и другие вопросы. Просвещение распространялось, но чрезвычайные события отвлекли внимание от великих идей, которые должны были оказать такое большое влияние на благосостояние этого народа и его взгляды, навеки связав его с Западом.

II. Французское правительство отменило экспедицию в Ирландию. Ирландцы, которым была обещана мощная поддержка, восстали; они долго выдерживали натиск английских войск, но затем были покорены. Поскольку Порты не получила никаких объяснений, а французский посол, о предстоящем приезде которого ее известили, не прибыл, она уступила давлению Англии и России и объявила войну республике. В то время как Париж забыл или пренебрег всем, о чем условился при разработке плана кампании 1798 года, Наполеон пунктуально исполнял все, им обещанное. Прибыв в Александрию, он добился привязанности офицеров турецкой каравеллы; он написал паше, пригласил его остаться в Каире, но последний, вынужденный следовать за Ибрагим-беем, оставил там только своего кахья³, он приказал повсюду вывешивать флаг султана рядом с французским, велел продолжать молиться в мечетях за константинопольского султана; он пошел навстречу пожеланиям Порты, назначив на пост эмир-аги османа — самого кахью. Когда каравелла получила от капудан-паши⁴ приказ вернуться в Константинополь, он приказал произвести на ней ремонт, снабдил ее за собственный счет продовольствием и отправил с нею господина Бошана — ученого астронома, долго жившего в Константинополе и на Черном море; он поручил ему дипломатическую миссию. Через Дамаск он вступил в сношения с реис-эффенди⁵. Но успеху всех его действий мешали молчание и инертность Люксембургского кабинета.

¹ См. главу II. — Ред.

² Там же. — Ред.

³ Заместителя. — Ред.

⁴ Командующего военно-морскими силами. — Ред.

⁵ Министром иностранных дел Турции. — Ред.

Порта распространила власть Джебззар-паши на всю Сирию. Ему подчинялись Алеппо, Триполи, Дамаск, Иерусалим и Яффа. В конце октября она назначила его сераскером¹ Египта. В качестве такового он направил шейху Сада фирман, содержащий объявление султаном войны Франции. Наполеон отправился на обед к шейху. Оставшись наедине с ним, он категорически потребовал от него выдачи оригинала фирмана. Сада сначала отрицал, что знаком с ним, потом заколебался, впал в противоречие и, наконец, отдал фирман. Между тем по городу распространились тысячи слухов. Рассказывали, что капудан-паша прибыл в Яффу, где высадил армию, составленную из османов, которая после присоединения армии Джебззара, набранной в Алеппо, Дамаске и Иерусалиме, стала бесчисленной; она осушала все колодцы Сирии. Эти вести привели в уныние диван. Он был напуган тем, что силы Порты присоединились к силам Англии и России, и стал сомневаться в исходе войны. Наиболее горячие головы охладели, те же, кто был холоден и робок, сделались нашими врагами. Со своей стороны, Ибрагим-бей в Сирии и Мурад-бей в Верхнем Египте не проводили время в бездействии. Мамлюки забрасывали провинции угрозами шейх-аль-беледам, которые перешли на сторону французов и перестали выплачивать им фаиз².

III. Французские инженерные войска непрерывно трудились над укреплением и вооружением цитадели. Сначала они исправили ту часть ее, которая обращена к открытой местности, что не привлекло внимания народа; но когда по ходу работ они занялись укреплениями, обращенными к городу, и разрушили большое число киосков и домов, а также мечеть, загромождавшие валы, и на развалинах установили мощные батареи, жители стали громко высказывать беспокойство: «Почему на нас наводят пушки; разве мы не друзья? Не имеют ли французы дурных намерений?»

Город был разделен на 50 кварталов, каждый из которых был обнесен оградой. Ворота их закрывались и открывались по воле начальников кварталов. Малейшая небрежность в этом деле прерывала коммуникации и приводила к стычкам с солдатами. Существование подобных постоянных баррикад было опасным для французской власти, порождало в народе самоуверенность и наглость. Созыв Большого дивана, настроение которого было весьма благожелательным, показался удобным предлогом для разрушения всех этих барьеров. Заранее подготовившиеся инженерные войска занялись этим с большой энергией. Владельцы недвижимости, злонамеренные лица стали протестовать против этих новшеств: «Зачем менять то, что было всегда?» Они обратили внимание на совпадение разрушения

¹ Военачальником. — Р е д.

² См. главу II. — Р е д.

оград с вооружением цитадели и взысканием чрезвычайного налога. Настроение ухудшилось; через несколько дней в городе стало замечаться брожение. «У нас требуют денег, — говорили они, — сумма, хотя и велика, но может быть внесена; но в то же время разрушают наши барьеры и наводят на нас пушки. Каковы же планы этих людей Запада? Они собрали всех знатных людей Египта под предлогом заседаний дивана, но разве эти люди не заложники, которых они решили заполучить в свои руки, чтобы одним ударом уничтожить все, что есть в Египте великого и способного сплотить народ?»

Генерал Дюпюи был комендантом. Он являлся хорошим и смелым офицером, но был горяч и весьма вспыльчив. Он происходил из Тулузы. Живость гасконца плохо уживалась с восточной степенностью. Он не придавал никакого значения собственным словам и с легкостью угрожал жителям применением телесного наказания. В Европе хорошо знают, что подобные угрозы бессмысленны, поскольку они выходят за пределы полномочий того, кто к ним прибегает; что для применения телесного наказания необходим ряд публичных формальностей; но в условиях абсолютистского режима, когда представители власти могут позволить себе что угодно, всякий, кому угрожали, считал себя погибшим и жил чрезвычайно тревожно.

6 октября после утреннего туалета султана Кебира шейх Аль-Шаркауи сообщил, что в мечеть Аль-Азхар прибыл человек из Смирны, находился там десять дней и был им взят под наблюдение; у этого человека удалось исторгнуть признание в том, что Джемал поручил ему начать священную войну против вождя французов; он¹ принял решение не поднимать шума, чтобы не лишать себя возможности предотвращать в будущем аналогичные преступления; он ограничился отсылкой этого фанатика в Сирию в сопровождении двух своих офицеров; но желательно усилить меры предосторожности, ибо возможно, что в других мечетях находятся другие личности, питающие такие же замыслы.

IV. Большой диван распределил между различными купеческими корпорациями Каира сумму в 6 миллионов, подлежащую выплате в качестве займа. Распределение вызвало большие споры, рассмотрение которых во дворце кади² привлекло множество людей. Этот дворец сделался модным местом встреч; он открывался с восходом солнца, и там проводили часть утра. 22 октября толпа была более многочисленной, чем обычно; лестницы и дворы здания были заполнены любопытными, привлеченными вестью о том, что одна из корпораций подала жалобу на своего старшину. Туда явился ага³ полиции; он преду-

¹ Аль-Шаркауи. — Ред.

² Судья. — Ред.

³ Начальник. — Ред.

предил о том, что большое число злонамеренных лиц возбуждает толпу. Но поскольку жители Каира любят поговорить, отличаются живостью характера и чрезвычайно любопытны, генерал Дююи был привычен к подобного рода тревожным известиям. Он все же направился ко дворцу, но слишком поздно. Он оставил свой патруль драгун во дворе и поднялся к кади. Видя, что умы сильно возбуждены, он посоветовал этому должностному лицу отложить рассмотрение дела на завтра, что тот и сделал. Дююи с трудом пробился сквозь толпу к своему коню. Драгун толкали со всех сторон. Одна из лошадей опрокинула магрибинца. Этот свирепый человек, прибывший из Мекки, выстрелил из пистолета, убил всадника и вскочил на его коня. Французский отряд атаковал и разогнал народ. Генерал Дююи выехал со двора, но едва он показался на улице во главе своего патруля, его ударил копьём какой-то человек, стоявший там, как на посту. Он упал за смертью. По городу тут же распространился слух о том, что султан Кебир убит, что французы сбросили маску и избивают правоверных. Муэдзины с высоты минаретов призывали правоверных к защите мечетей и города. Купцы закрыли свои лавки. Солдаты ринулись отовсюду в казармы. Злонамеренные лица закрыли ворота тех оград, которые еще не были разрушены. Женщины, вышедшие на террасы, издавали ужасающие вопли. Население бросилось к дому генерала дю Фальга, который неосторожно поселился подле главной мечети. Жители были сильно возбуждены против офицеров инженерных войск, потому что именно они разрушали барьеры, руководили фортификационными работами в цитадели и нередко оскверняли могилы при строительстве укреплений. В один миг дом был опустошен, книги и инструменты растащены, а пять или шесть лиц, находившиеся в нем, умерщвлены. Их головы носили по улицам, а затем повесили на двери главной мечети. Вид крови возбуждает фанатиков. Пришедшие в ужас знатные лица запираются в своих домах, но народ исторгает их из жилищ и с торжеством ведет в мечеть Аль-Азхар; он образует диван обороны, организует ополчение, выкапывает из земли оружие, не забывает ничего из того, что может обеспечить безнаказанность мятежа.

По счастливому стечению обстоятельств, едва занялся рассвет, Наполеон переправился через Нил для посещения арсенала в Гизе. Он вернулся в город к 9 часам. По виду жителей кварталов, через которые он проезжал, ему нетрудно было установить, что именно происходит. Он приказал вызвать главных улемов, но все дороги были уже перехвачены. Все перекрестки охранялись караулами повстанцев, началось строительство насыпей и стен, армия была в боевой готовности, каждый солдат на своем посту. Главные шейхи пытались просветить народ относительно неминуемых последствий, которые будет

иметь его поведение; они ничего не смогли добиться; они были вынуждены примкнуть к движению, которое было неодолимо. Шейх Сада был избран председателем дивана мятежников; эта ассамблея состояла из сотни имамов, муэдзинов, руководителей магрибинцев — людей, принадлежавших исключительно к низшим классам. Она выпустила обращение, в котором заявила, «что Порты объявила войну Франции; что Джебзарпаша, назначенный сераскером, уже прибыл в Бельбейс со своей армией; что французы собираются спастись бегством и разрушили барьеры в целях разграбления города в момент ухода». Всю ночь с высоты четырехсот минаретов Каира раздавались пронзительные голоса муэдзинов, сотрясавших воздух проклятиями по адресу всех врагов бога, неверных, идолопоклонников. Таким образом прошел весь день 22-го, вся ночь с 22-го на 23-е. Повстанцы использовали это время, чтобы сорганизоваться. Слышались ружейные выстрелы, но не часто. Дело принимало весьма серьезный оборот; усмирение Каира могло стать очень трудной задачей. Но еще больше пищи для размышлений давали неизбежные последствия, которые все это должно было иметь. Нужно было подчинить этот большой город, избегая всего того, что могло обострить положение до крайности и исключить возможность примирения народа Египта с армией. Была расклеена прокламация на арабском и турецком языках, имевшая целью просветить жителей относительно ложных известий, которыми пользовались злонамеренные лица, чтобы ввести их в заблуждение. «Неверно, что Джебзар перешел через пустыню; разрушение барьеров соответствует правилам хорошего управления; вооружение цитадели со стороны города явилось лишь выполнением одного из военных правил; жителям напоминалось о битве у пирамид и о поведении султана Кебира по отношению к ним; в заключение предлагалось перенести спор на разрешение дивана». Эта прокламация оказала дурное влияние. Вожаки воспользовались ею, чтобы уверить народ в том, что французы испугались, а это придало ему наглости. Муфти заявили, что надеяться не на что и нужно незамедлительно применить силу; что арабы пустынь двинулись в поход; что племена, находившиеся ближе всего к городу, придут в тот же день. Действительно час спустя стало известно, что биллис и терабинцы в числе 700—800 человек совершают враждебные акты и действуют на коммуникациях с Булаком. Адъютант Сулькусский выехал из Каира с 200 всадников, перешел через канал по мостику, атаковал бедуинов, убил некоторых из них и преследовал остальных на расстоянии нескольких лье. Он очистил все окрестности города, но сразу же после этого был ранен. Под ним убили лошадь, он упал на землю и был пронзен десятком копий. Сулькусский был поляк, хороший офицер, член Института Египта. Его смерть явилась чувствительной потерей.

Генерал артиллерии Доммартен с батареей из четырех мортир и шести гаубиц выступил из Булака, чтобы закрепиться на высотах форта Дююи. В час полудни 30 мортир и гаубиц цитадели и батареи форта Дююи подали сигнал к атаке. В мечети Аль-Азхар разорвалось несколько бомб; час спустя в нескольких кварталах города начались пожары. В 3 часа мятежники сделали вылазку из ворот Побед, чтобы овладеть батареей форта Дююи. Их было 7000—8000 стрелков, в том числе 700—800 на лошадях. Минареты и весь купол мечети Хасана покрылись стрелками, которые пытались перебить канониров цитадели, но тщетно. Генерал Доммартен для защиты своих батарей располагал тремя батальонами и 300 всадников. Он приказал атаковать повстанцев в штыки. Повстанцы были отброшены; кавалерия взяла из их числа 400 пленных. Главнокомандующий тотчас же дал сигнал к атаке четырем заранее подготовленным колоннам. Каждая из них состояла из двух батальонов, а проводниками им служили оставшиеся верными копты, сирийцы и янычары. Все четыре достигли мечети Аль-Азхар в тот самый момент, когда в нее входили пораженные ужасом беглецы, участвовавшие в атаке форта Дююи. Мечеть была взята штурмом. К семи часам вечера все успокоилось. Огонь прекратился. Ага полиции арестовал 80 из 100 членов, входивших в состав дивана обороны. Их поместили в цитадели. Ночь была молчаливой и мрачной. Знатные люди, укрывшиеся в своих гаремах, испытывали сильное беспокойство. Они не знали, как будут судить об их поведении и не возложат ли на них ответственность за народный мятеж. Около 4000 человек уехали до рассвета, пересекли пустыню и укрылись в Суэце. Пламя полностью пожрало только три дома, да еще около двадцати пострадало от него; мечеть Аль-Азхар была едва затронута пожаром. Потери французов достигли 300 человек (в том числе сотня убитых). Тридцать больных, прибывших из Бельбейса, проходили через город в момент, когда вспыхнул мятеж; они были умерщвлены. Самой чувствительной потерей явилась гибель человек двадцати офицеров штаба и инженерных войск, а также членов комиссии искусств, которые были зарезаны в самом начале мятежа. Они оказались изолированными в различных кварталах. Порядочное количество французов было спасено честными горожанами. Все, что обладало богатством и образованием, сохранило верность и оказало значительные услуги европейцам. 24-го в 6 часов утра военная комиссия констатировала, что 80 человек, заключенных в цитадели, входили в состав дивана обороны, и распорядилась расстрелять их. Все это были люди, отличавшиеся буйным и непримиримым характером.

V. С восходом солнца 60 шейхов и имамов главной мечети явились во дворец. Они не ложились спать уже трое суток. У них был вид людей виновных и мучимых тревогой. Между

тем их ни в чем нельзя было упрекнуть. Они оставались верны, но не смогли противиться бурному потоку народного движения. Шейх Сада не явился, сославшись на нездоровье. Его плохим поведением можно было пренебречь; если бы французы показали, что им об этом известно, то пришлось бы отрубить ему голову. При тогдашнем же настроении умов его смерть принесла бы больше неудобств, чем выгод; его имя уважали на всем Востоке; казнить его — значило превратить его в мученика. Главнокомандующий передал ему, что его не удивляет, что человек в его возрасте, в разгар столь странных событий, чувствует себя плохо, но что он желал бы видеть его завтра, если это возможно. Наполеон принял шейхов, как обычно, и сказал им: «Я знаю, что многие из вас проявили слабость, но я хочу верить, что ни один не является преступником; неблагодарность и мятеж — это то, что более всего осуждается пророком... Я не хочу, чтобы хоть один день в Каире не происходило обычного богослужения; мечеть Аль-Азхар была взята штурмом, в ней текла кровь, идите и очистите ее. Все священные книги были взяты моими солдатами, но, действуя в моем духе, они принесли их мне — вот они, я их вам возвращаю. Тех, кого постигла смерть, достаточно для моей мести. Скажите народу Каира, что я хочу продолжать быть милостивым и милосердным. Он был предметом особого покровительства с моей стороны, он знает, как я любил его, пусть же он сам судит о своем поведении. Я прощаю всем, но хорошенько объясните им, что то, что произошло и еще произойдет, давно уже записано, и что никто не в силах остановить меня; это все равно, что захотеть остановить судьбу... Все, что произошло и еще произойдет, записано в книге истины». Эти старцы бросились на колени, стали целовать книги корана; среди последних имелись чрезвычайно древние. Один экземпляр принадлежал Хасану, другие — Саладину. Они выразили свою благодарность скорее выражением лица, нежели словами. Они отправились в мечеть Аль-Азхар. Мечеть была заполнена перепуганными людьми. Она была очищена. Трупы были преданы земле. Омовения и другие церемонии, предписываемые обычаем, препятствовали обычным молитвам. Шейх Аль-Шаркауи поднялся на кафедру и повторил то, что сказал султан Кебир. Народ успокоился. Он молил пророка о предстательстве, чтобы призвать благословение господне на этого великого и милостивого правителя. 24-го были убраны барьеры, очищены улицы, восстановлен порядок.

25-го шейх Сада явился к утреннему туалету¹ и был принят, как обычно. По его лицу нетрудно было судить об охватившем его страхе. Он запинаясь и произносил бессвязные речи. Желая поздравить султана Кебира с избавлением от

¹ Главнокомандующего. — Р е д.

угрожавших ему опасностей, он возблагодарил бога за то, что тот вызвал бунт, а затем дал восторжествовать справедливости; судорожным движением, словно желая вернее обеспечить себе прощение, он схватил и поцеловал руку султана Кебира. Весь день 25-го народ занимал выжидательную позицию, но, наконец, как будто успокоился и предался радости. Он признал, что все заслужили смерть и что под властью менее милостивого правителя для Каира наступил бы его последний день.

Французская армия не разделяла радости и удовлетворения жителей. Офицеры и солдаты роптали, выражая свое недовольство. Они осуждали эту крайнюю снисходительность. «Зачем постоянно ласкать этих старых шейхов, этих ханжей?.. Это они все затеяли, это им надо было отомстить за кровь французов, убитых столь предательским образом. К чему вечно их ласкать? Остается только наградить этих старых лицемеров за их ужасающее поведение». Наполеон никак не реагировал на ропот армии, которая лишь много позднее осознала, насколько мудрым было его поведение. Увидев, как шейх Сада целовал руку главнокомандующему, Клебер, только что прибывший из Александрии, спросил у него, кто этот старик с таким смущенным видом, на лице которого написано такое сильное волнение? «Это вождь восстания», — ответили ему. — «Как! И вы не прикажете его расстрелять? — «Нет, этот народ слишком чужд нам и нашим обычаям; я предпочитаю, чтоб у него были вожди вроде того, который не может ни сесть на коня, ни действовать саблей, чем видеть во главе его таких людей, как Мурад-бей и Осман-бей. Смерть этого бессильного старца не принесет никакой пользы и будет иметь для нас более губительные последствия, чем вы предполагаете». События, происшедшие много времени спустя, напомнили об этом разговоре¹.

Улемы обнародовали ряд обращений; последние внесли успокоение в районы, где уже начались восстания. Некоторые из них, разосланные по провинциям, произносили горячие речи; их сердца были исполнены благодарности за великодушное к ним отношение. Они более чем когда-либо уверились в том, что Наполеон любит коран и пророка, что он был искренен, когда заверял их в своем желании видеть счастливым народ Аравии. В городе и провинции распространялись тысячи слухов: «В момент восстания Магомет явился султану Кебиру и сказал ему: «Народ Каира преступен, ибо ты был добр к нему, поэтому ты победишь; твои войска вступят в Аль-Азхар, но отнесись с уважением к священным предметам и книгам закона; ибо, если ты не будешь великодушным после победы, я перестану быть с тобой и впредь ты будешь терпеть поражение».

¹ Это был тот самый шейх, которого генерал Клебер приказал впоследствии избить палками, что и явилось одной из основных причин гибели этого генерала. — П р и м. ф р а н ц. р е д.

ние за поражением». Это было смесью суеверия и тщеславия; выходило, что все сделал пророк, который продолжал покровительствовать им. Это событие, которое могло иметь столь несчастные последствия, укрепило власть французов в стране. В дальнейшем жители всегда оставались верными им и сохраняли чувство благодарности за столь великодушное прощение. Но Большой диван был распущен, присутствие его членов было сочтено желательным в провинциях. Осуществление разработанных ранее проектов было отложено до заключения мира с константинопольским султаном либо до того момента, когда важные события военного характера рассеют еще угрожавшие стране грозные тучи.

VI. На холме, где начальник артиллерии установил свою батарею мортир и гаубиц, капитан инженерных войск Бертран построил кирпичный форт; этот форт господствовал над наиболее мятежным кварталом и вместе с цитаделью держал его под перекрестным огнем; с него также простреливались большая дорога, подходящая к воротам Побед, а также ущелье, отделяющее цитадель от горы Мукаттам. Большая мечеть с очень высокими стенами, расположенная на канале Повелителя Правоверных по пути в Бельбейс, прикрывавшая городскую стену с северной стороны, была превращена в форт, названный в честь Сулькусского; этот форт мог вмещать несколько батальонов и склады; для обороны его достаточно было небольшого числа солдат. На высоте, господствующей над городом с северо-запада, на полпути в Булак, соорудили башню, названную фортом Камэн; он защищал площадь Эзбекия и подступы к городу. На холме, расположенном близ сада института, поднялся форт, названный Институтским; с него простреливалось все пространство между Каиром, старым Каиром и Нилом; этот форт обеспечивал коммуникации с островом Руда; он же прикрывал госпиталь, открытый в доме Ибрагим-бея. Этот госпиталь был обнесен стеной с бойницами в виде верка, служившего предместным укреплением для острова Руда. Ниломер был использован для установки батарей, начало акведука в старом Каире превратили в форт. Кроме того, был создан ряд укрепленных позиций от Каира до острова Руда и Гизы, расположенной напротив него, на левом берегу Нила. Этот большой город оказался окруженным фортами, в которых находились батареи, способные обстреливать зажигательными бомбами и снарядами одновременно все кварталы; те же форты, для охраны которых было достаточно 500 человек, защищали все подступы к городу. Был организован отряд из местных жителей для оказания вооруженной помощи полиции и купцам, а также для наблюдения, в соответствии с обычаями страны, за кофейнями, собраниями, общественными местами, рынками.

Устранение всех внутренних барьеров совершенно изменило

облик города. Лавки, кофейни, постоянные дворы и небольшие мануфактуры, открытые европейцами, получили новый стимул к развитию и предоставили армии удобства, которые сделали менее болезненным для нее сознание ее отдаленности от Европы.

VII. Повстанцы, бежавшие из Каира и обосновавшиеся в Суэце, нарушали покой страны. Через них шла переписка Ибрагим-бея, находившегося в Сиврии, с Мурад-беем, находившимся в Саиде. Эта переписка приводила в движение все племена пустыни. Необходимо было занять этот важный город¹, чего до тех пор не сделали, поскольку, чтобы достигнуть его, надо пройти совершенно иссушенную пустыню, без воды, без тени, и этот 42-часовой переход необычайно утомителен в летнее время. Нужно было избегать всего, что способно было возбудить недовольство солдат. Но к концу октября жара спала, и прекрасные дни осени вызвали удовлетворение в армии. Она, наконец, освоилась в этой стране, снабжалась отличным хлебом, рисом, кипрским вином, финиковой водкой, пивом, мясом, птицей, яйцами и всевозможными овощами. Жалованье офицеров и солдат, выплачиваемое в тех же размерах, что во Франции, представляло вчетверо большую ценность в связи с дешевизной всех продуктов. Интендант Дор регулярно выдавал кофе «мокка», причем каждое отделение имело свой кофейник. Взамен фургонов и обозных повозок он снабдил каждый батальон верблюдами в количестве, достаточном для перевозки воды, продовольствия, санитарной части и обозных грузов. Генералы и старшие офицеры имели собственные кровати, палатки, верблюдов, и все было, наконец, организовано в соответствии с обычаем страны. Солдат вернулся к своему естественному настроению; он был исполнен задора и предприимчивости. Если он еще на что-то жаловался, то только на бездействие, продолжавшееся уже несколько месяцев. Это изменение в его настроении породило еще большую перемену в его взглядах на страну. Он убедился в том, что окружающая местность плодородна, обильна, здорова, понял, какие большие выгоды отдельным лицам и республике в целом может предоставить основание в этой стране колонии на прочих основаниях.

Дивизионный генерал Бон 8 ноября выступил в поход с 1200 солдат пехоты, 200 всадниками и двумя пушками. Он встал лагерем в Бирка-аль-Хаджи, на берегу озера, наполненного нильской водой, в пяти льях от Каира, на пути в Суэц. К нему прибыло все необходимое для перехода через пустыню. Один верблюд переносит два меха с водой в количестве, достаточном для утоления жажды 400 человек или 40 лошадей в течение одного дня. Приходилось везти с собой дрова для варки супа, и хотя переход через пустыню до Суэца длится

¹ Суэц. — Р е д.

всего три дня, из предусмотрительности был взят двадцатидневный запас продовольствия, десятидневный — воды и дров, что потребовало тысячи верблюдов. Генерал Бон не встретил никаких препятствий, вступил в Суэц, приказал немедленно приступить в фортификационным работам для защиты небольшого гарнизона, который он хотел там оставить. Инженеры военноморского флота построили на верфи в Каире четыре канонерки, вооруженные 24-фунтовыми пушками. Они их разобрали; верблюды доставили их в Суэц, где они были вновь собраны и проконопачены. Трехцветное знамя взвилось над Красным морем. Канонерки плавали в северной части этого моря — до Косейра и Ямбо.

В северной своей части Красное море делится на два рукава: один, именуемый Суэцким морем¹, имеет от 5 до 10 лье в ширину и 50 лье в длину; другой, именуемый заливом Акаба, вдается в сушу приблизительно на 30 лье и имеет 3—5 лье в ширину. На оконечности его расположен город Айла или Элат, находящийся в 60 лье от Суэца, на пути караванов, направляющихся в Мекку. В Айле есть небольшой форт с турецким гарнизоном; там имеются колодцы, в изобилии дающие пресную воду. Этот форт принадлежал идумейцам, соперничавшим с Тиром; он был портом Иерусалима. Пустыня Тор находится между Суэцом, Аль-Акабой и горой Синай. Она населена тремя арабскими племенами численностью в 4000—5000 душ каждое. Там находят руины, не оставляющие никакого сомнения в том, что некогда в этой местности существовали города. В долине Фаран растут деревья и кустарники, из которых арабы выжигают уголь.

В конце декабря главнокомандующий выехал из Каира с академиками Монжем и Бертолле, инженером Ленэром, своим штабом, 200 человек конной охраны и 400 дромадерами. Он хотел лично побывать на берегах Красного моря и изучить следы канала двух морей. Со времени восстания он не отлучался из Каира. Было полезно приучить этот большой город к его отсутствию. Из Каира в Суэц есть три пути. Первый проходит через деревню Басатин в двух лье к югу от Каира, оттуда он направляется на восток и входит в долину Блуждания, а еще через 8 лье достигает колодцев Гандели; этих колодцев — восемь, вода в них солоноватая, караваны, направляющиеся из Сирии в Верхний Египет, останавливаются у этих колодцев; от колодцев Гандели дорога ведет к Красному морю, находящемуся на расстоянии 16 лье; сделал еще 9 лье по берегу, путешественники прибывают в Суэц; всего от Каира до Суэца по этому пути — 35 лье, а до Красного моря — только 26. В этой пустыне выпадают дожди. Было бы легко соорудить через каждые 4 лье пути по цистерне для нужд путешествен-

¹ Заливом. — Р е д.

ников, а на берегу моря создать запас пресной воды для судов. Этим путем чаще всего пользовались жители Мемфиса. Вторая дорога ведет из Каира к озеру Бирка-аль-Хаджи (5 лье); от этого озера, за которым она проходит по безводной пустыне до замка Аджеруд, являющегося пунктом третьей остановки меккского каравана, — 23 лье; от Аджеруда до Суэца — 5 лье; всего — 33 лье. Третья дорога проходит через Бельбейс. От Каира до Бельбейса — 12 лье; через пустыню до Аджеруда — 19 лье; до Суэца — 5 лье; всего — 36 лье, из них только 19 лье по пустыне. Расстояние от Суэца до Каира по прямой — 27½ лье; от Суэца до большой пирамиды у Гизы — 31 лье. Этих лье приходится 25 на градус.

24 декабря на берегах озера, именуемого Бирка-аль-Хаджи, был разбит лагерь. К нему присоединились несколько купцов, ехавших в Суэц по делам. 25-го за два часа до рассвета находившиеся в лагере тронулись в путь. Весь день караван двигался по бесплодным пескам; погода стояла хорошая, солнце грело, но не причиняло неудобств. Марш через пустыню однообразен, навеивает сладкую меланхолию. Арабы, служившие проводниками, ориентировались, не ища следов. В течение дня караван сделал два привала — каждый по полчаса, а ночью он стал лагерем у дерева хамра¹, в 14 лье от Бирка-аль-Хаджи. Хамра является предметом поклонения арабов; проклятия и анафемы провозглашаются по адресу тех, которые окажутся настолько нечестивыми, что прикоснутся к этому чуду пустыни. Солдат не взял с собой дров для бивака; он страдал от холода; его положение лишь в незначительной степени облегчал огонь, который он пытался разжечь с помощью костей и сухих растений высотой в 7—8 дюймов, которые он нашел в соседней с лагерем долине. Эти растения служат пищей верблюдам. 26-го, за 2 часа до рассвета, караван снова двинулся в путь. Солнце еще не вставало, когда он прошел мимо колодца Аль-Бетар. Это необычайная по ширине яма глубиной в 50 туазов, арабы вырыли ее в надежде найти воду, но были вынуждены отказаться от этого намерения. Неподалеку от него разглядели, но только при свете луны, старую акацию; она была испещрена письменами...² и другими свидетельствами почитания со стороны паломников, которые, возвращаясь из Мекки, оказывают почести этой первой растительности, воздвигающей о приближении к водам Нила. В 2 часа пополудни Наполеон прибыл в Аджеруд. Дорога проходит в 500 туазах оттуда. Аджеруд — маленький форт, построенный на небольшом возвышении, господствующем над обширной территорией. Он имеет двойную кирпичную ограду, очень глубокий колодец; вода имеется там в избытке, но солоновата; она становится менее

¹ Автор, очевидно, имеет в виду «хамвар», т. е. тамаринд. — Ред.

² Это слово не удалось разобрать в рукописи. — Прим. франц. ред.

соленой, если подержать ее несколько часов на воздухе; эта вода — отличное питье для лошадей, верблюдов и других животных; люди пользуются ею только при последней крайности. В этом форте есть мечеть, караван-сарай¹ и помещение на 150 солдат. Наполеон назначил туда коменданта, поставил гарнизон из пятнадцати человек с двумя пушками. В Суэц прибыли к ночи; главнокомандующий предпочел остаться в своей палатке и отказался от приготовленного для него дома.

Суэц лежит на берегу Красного моря, в 2600 туазах от оконечности залива и в 400—500 туазах от устья древнего канала. В свое время город достиг значительного процветания. Арабские географы описывают его, как оазис. Вода поступала, вероятно, через канал. Там выпадает достаточно дождя, чтобы, собирая воду в резервуары, можно было располагать ею в достаточном количестве не только для нужд города, но и для земледелия. В настоящее время там нет ничего; цистерны вмещают мало воды и плохо содержатся; вода для людей доставляется из моисеевых источников, а для лошадей и верблюдов — из суэцкого источника, находящегося в одном лье от города, на пути в форт Аджеруд. В городе есть прекрасный базар, несколько красивых мечетей, остатки красивых набережных, около 30 магазинов и дома для населения в 2000—3000 душ. Во время пребывания караванов и судов из Джидды Суэц действительно имеет такое население; но когда приезжие кончают свои дела, там остается только 200—300 несчастных. Рейд находится в одном лье от города; суда бросают там якоря на глубине в 8 сажен; он имеет в окружности одно лье; с городом он сообщается фарватером шириной в 60—80 туазов и глубиной в 10 футов при отливе, то есть 15—16 при приливе. Дно хорошее, якоря держатся в нем крепко, оно илистое. Рейд покрыт рифами и песчаными банками. Для выхода из него нужен юго-восточный ветер, который редко дует в этих местах.

VIII. Наполеон потратил день 27-го на осмотр города и отдачу приказов о сооружении батарей для защиты фарватера и порта. 28-го он выехал на коне, чтобы посетить моисеевы источники. В 3 часа утра он пересек Мадю — заливчик шириной в $\frac{3}{4}$ лье, который при отливе можно переходить вброд. Контр-адмирал Гийом вышел в море на канонерке, приняв на борт саперов, инженеров и нескольких ученых. Моисеевы источники находятся в трех лье от Суэца, их насчитывается девять. Это ключи, бьющие из холмиков, возвышающихся на несколько туазов над поверхностью земли. Они берут начало в горах, расположенных в четырех лье от этого места. Эти источники находятся в 700 туазах от моря. В этом месте можно видеть развалины акведука и нескольких складов, построенных венецианцами в XV веке, когда они пытались преградить португальцам

¹ Постоялый двор. — Р е д.

путь в Индию. Саперы начали раскопки и продолжали их до наступления ночи. Главнокомандующий сел на коня, чтобы вернуться в Суэц. Прибывшие морем возвратились на борт канонерки. В 9 часов вечера егеря авангарда стали кричать, что они погружаются в воду. Позвали проводников; солдаты разлекались тем, что поили их водкой, и от них невозможно было получить никаких сведений. Люди сбились с пути. Егеря шли на огонь, который они приняли за свет, горящий в Суэце; на самом деле, как вскоре заметили, это был свет фонаря в каюте канонерки, который ежеминутно менял место. Егеря сориентировались и определили местоположение Суэца. Они двинулись вперед на расстоянии 50 шагов один от другого, но, пройдя 200 туазов, егерь, шедший впереди, закричал, что он погружается в воду. Пришлось вернуть эту линию к исходному пункту; после рекогносцировки в нескольких направлениях ей повезло, и она нащупала правильное. В 10 часов утра эскадрон стоял в боевом порядке посреди впадины, — лошади по брюхо в воде; ночь была темной, луна должна была взойти только в полночь, на море замечалось легкое волнение и ветер как будто свежел, продолжался прилив, идти вперед было столь же опасно, как и отходить назад. Положение стало настолько критическим, что Наполеон сказал: «Неужели мы пришли сюда, чтобы погибнуть, как фараон?»¹ Это будет прекрасной темой для римских проповедников». Но эскорт состоял из солдат, прослуживших в армии по 8—10 лет и весьма сообразительных. Верный путь был найден некими Луи — квартирмейстером и Карбонелем — бригадиром. Луи вернулся навстречу эскадрону, он достиг суши, но нельзя было терять ни минуты. Вода поднималась все выше. Дю Фальга больше всех затруднял продвижение из-за своей деревянной ноги; двое солдат ростом в 5 футов 10 дюймов, прекрасных пловцов, взялись спасти его; это были люди чести, заслуживавшие всяческого доверия. Успокоившись на этот счет, главнокомандующий поспешил выбраться на сушу. Оказавшись под ветром, он услышал позади себя крики горячо споривших между собой людей. Он предположил, что двое унтер-офицеров бросили дю Фальга. Он повернул назад, но оказалось, что произошло нечто прямо противоположное: дю Фальга приказывал унтер-офицерам оставить его. «Я не хочу, — говорил он, — стать причиной гибели двух смельчаков; невероятно, чтоб мне удалось спастись, вы находитесь позади всех, раз уж я должен умереть, то пусть я умру один». Появление главнокомандующего прекратило эту ссору. Все поспешили к суше и достигли ее. Каффарелли отделался тем, что потерял свою деревянную ногу, но это и так случилось с ним каждую неделю. Потери были невелики и ограничива-

¹ Имеется в виду библейское предание о гибели фараона с его войском в водах Красного моря. — Р е д.

лись несколькими карабинами и плащами. В лагере царил тревога. Некоторым офицерам пришла мысль зажечь костры на берегу, но у них не было топлива. Они разрушили один дом, на что ушло порядочно времени. Первый костер был зажжен на берегу тогда, когда эскадрон уже выбирался на сушу. Солдаты старших возрастов, учившие катехизис, рассказывали про бегство Моисея и гибель фараона, и этот случай долго оставался темой их разговоров.

19-го арабы Тора, которые после визита французских канонеров узнали о прибытии султана Кебира в их местность, явились просить его о покровительстве. Тор находится на берегу моря, это порт горы Синай. Эти арабы доставляют в Каир уголь и прекрасные фрукты, а оттуда вывозят все необходимое. Монахи горы Синай показали Наполеону книгу с надписями, сделанными рукою Магомета, Саладина и Селима, которые рекомендовали этот монастырь отрядам своих армий. По их просьбе он вписал туда такую же рекомендацию, которая должна была послужить им охранной грамотой в случае прибытия французских патрулей.

IX. 30-го штаб покинул Суэц. Палатки, обоз и эскорт были направлены в Аджеруд, где в 4 часа пополудни разбили лагерь. Наполеон в сопровождении академика Монжа, нескольких генералов и офицеров штаба следовал по берегу Красного моря и объехал впадину. Повернув затем назад, в направлении Суэца, он обнаружил в 400—500 туазах от этого города остатки каменной кладки, которые привлекли его внимание. Он продолжал путь в этом направлении перпендикулярно морю и, отъехав 60—80 туазов, очутился на трассе древнего канала, вдоль которой следовал в течение пяти часов. Приближалась ночь, а до лагеря оставалось еще семь лье пустыни — поэтому он помчался туда галопом. Несколько раз он колебался в выборе направления, но, наконец, достиг лагеря в сопровождении только трех или четырех человек, у которых были наилучшие лошади; остальные находились позади. Он приказал зажечь большие костры на холме и на минарете мечети форта Аджеруд, а также каждые четверть часа стрелять из пушки; это продолжалось до 11 часов вечера, когда все благополучно добрались до лагеря, никто не заблудился.

Остатки канала двух морей хорошо заметны. Берега его находятся на расстоянии 25 туазов друг от друга. Всадник, находящийся посередине канала, совершенно скрыт и невидим. 31-го встали лагерем в долине, расположенной в 10 лье от Аджеруда, где в изобилии росли маленькие колючие растения, которые так любят верблюды. Там паслись без охраны несколько сот молодых животных этого вида. 1 января 1799 г. встали лагерем на расстоянии ружейного выстрела от Бельбейса; фортификационные работы у Бельбейса сильно продвинулись вперед. Из-за недостатка камня офицеры инженерных

войск применили кирпичи, высушенные на солнце и сделанные из нильского ила, весьма пригодного для этой цели. 3-го главнокомандующий отправился с 200 человек на дромадерах и лошадях в направлении вади¹ Тумилат. В 4 часа пополудни он достиг расположенного посреди пустыни колодца Бир-Саба. Стояла чрезвычайно сильная жара, в колодце не хватало воды, и вкус у нее был, как у барежских вод. Пока производилась раздача этой отвратительной воды, один из людей заметил приближавшегося дромадера; сидевший на нем человек слишком поздно заметил французские войска, но пытался удалиться. Он вез в Верхний Египет депеши от Ибрагим-бея и Джебзар-паши. Он сообщил, что на сирийской границе начались военные действия, что армия Джебзар-паши вступила на территорию Египта, авангард ее занял оазис Аль-Ариш и приводит форт в обороноспособное состояние. На ночь стали бивуаком в оазисе, среди роши; ночь была довольно холодной. Вой шакалов — своего рода волков пустыни, голос которых напоминает человеческий, — заставил нескольких часовых дать сигнал боевой тревоги, так как они решили, что лагерь атакован бедуинами. На следующий день Бертье нашел следы канала, пересекавшего вади Тумилат и направлявшегося далее к Бубасте, на пелузийском рукаве Нила, где в него вливалась вода этой реки. Остатки канала имеют здесь такие же размеры, как в стороне Суэца.

Между тем в Суэц прибыла флотилия из Джидды, доставившая очень большое количество кофе и индийских товаров. Наполеон пересек пустыню и вернулся в этот город. Суда имели водоизмещение в 400—500 тонн. Из Каира прибыл караван; Суэц ожил и приобрел вид индийского города. Наполеон принял там агентов, возвращавшихся из Индии. Выехав оттуда, он пересек перешеек в другом направлении и прибыл в Салихию; он нашел укрепления гарантированными от внезапного захвата, склады заполненными ячменем, бобами и боеприпасами. Он послал два батальона с артиллерией в Катюю; колодцы были в хорошем состоянии. Офицеры инженерных войск построили хороший редут, палисады которого имели стороны протяжением в 50 туазов; там были оборудованы огневые позиции, с которых пушки держали под огнем все колодцы, очищенные несколько недель спустя. Блокгаузы, заготовленные в Каире, были собраны в редуте, чтобы служить складами. Караваны верблюдов, доставившие из Каира и Дамьетты рис, муку, ячмень и бобы, снабдили продовольствием склады этого оазиса. Когда Джебзар узнал, что в Катюю прибыл отряд французской пехоты и там строится редут, он отказался от дальнейшего продвижения вперед, опасаясь поставить под угрозу свои войска. Генерал Ренье, главная квартира которого нахо-

¹ Вади — высохшее русло реки. — Р е д.

дидась в Бельбейсе, направил в Салихию сильный авангард для поддержки поста Катия.

Главкомандующий вернулся в Каир через две недели после выезда оттуда. Он нашел все в удовлетворительном состоянии. О движении Джебзара на Египет было известно, но это не вызвало беспокойства; доверие было полным. Перед Александрией показались в море несколько английских транспортов и канонерок. Это тоже не произвело впечатления. Александрийские батареи потопили несколько бомбард. Мурад-бей был изгнан из Верхнего Египта, трехцветный флаг развевался над сиенским катарактом, вся страна была подчинена; большой и малый оазис, а также область племен барабра были единственными убежищами, где могли укрыться мамлюки от постигшей их беды.

Х. Наполеон решил перенести войну в Сирию. Повсюду энергично велась подготовка. Прежде чем покинуть Египет, он решил посмотреть вблизи и измерить знаменитые пирамиды. Он провел в этом районе несколько дней, совершил несколько поездок по пустыне в направлении Малого оазиса. Верхний и Нижний Египет были спокойны. Деятельность дивана полностью развернулась, и жители Каира сохранили от своего восстания только воспоминание о милосердии, которому были обязаны своим спасением.

Арабы никогда не могли выдержать огонь французской пехоты. Мамлюки, которые сначала пытались противостоять ему, в конце концов признали превосходство французов и невозможность преодолеть его. Опыт битв у Шубрахита, у пирамид, у Седимана научил их не презирать более пешие войска. С этого времени отряд в сто человек пехоты мог передвигаться по стране в любом направлении; если бы он наткнулся на 700 или 800 мамлюков, последние поостереглись бы атаковать его. В трех битвах французские каре были построены глубиною в шесть шеренг; долгое время каждый солдат носил с собой кол длиной в 4 фута и диаметром в фут, с двумя восьмидюймовыми цепочками на обеих сторонах; эти кольца служили прикрытием пехоте. Но когда превосходство французского солдата было признано противником, от этих предосторожностей отказались. Каре стали строиться только в три шеренги, а нередко солдаты ограничивались двумя. Офицеры имели приказ открывать огонь двумя шеренгами, когда кавалерия находилась на дистанции в 120 туазов, ибо если бы стали дожидаться, пока она окажется совсем близко, как считали нужным некоторые, то поскольку лошади скакали во весь опор, не было бы возможности остановить их. Кавалерии, если она хороша, требуется только...¹ чтобы преодолеть это расстояние; за это время

¹ Здесь в рукописи пробелы. — Прим. франц. ред.

солдат может успеть выстрелить только...¹ Стрелки, действовавшие против бедуинов и мамлюков, шли всегда по четыре в ряд и строились в батальонные каре, что приводило в замешательство кавалерию. Это не значит, что не было случаев, когда один стойкий стрелок ружейным выстрелом валил с лошади всадника, но такие случаи нельзя принимать за правило.

Арабы никогда не дожидались атаки французской кавалерии — разве что их приходилось четверо на одного. Мамлюки, напротив, бравировали своим презрением к ней. Но когда французские кавалеристы пересели на местных коней, они сумели дать им отпор. Один мамлюк был сильнее одного француза; он был лучше натренирован и вооружен. Сто мамлюков могли биться со ста французами, имея шансы на успех. Но при столкновении двух отрядов, численность каждого из которых превышала 200 всадников, шансы находились на стороне французов. Мамлюки сражаются беспорядочно; они поднимают пыль столбом на крыльях, чтобы обойти с флангов и атаковать линию с тыла. Отряд из трехсот французов строился тремя линиями, разворачивался направо и налево по отношению к первой линии, и кавалерия противника, уже приступившая к маневру, чтобы обойти первую линию с флангов, останавливалась с целью обойти с флангов эту новую линию; третья линия совершала тот же маневр, и вся новая линия одновременно атаковала противника; тогда мамлюки обращались в бегство, уступая поле битвы. Французские кавалеристы, как и мамлюки, с помощью ремня привязывали свои пистолеты к седельной шишке. Саблю они носили на запястье, с которым она соединялась темляком. Ружья драгун иногда бывали полезны, но это сопряжено с целым рядом неудобств, если эскадрон не отделен от противника препятствием, исключающим возможность атаки. Французская пехота, кавалерия и артиллерия в равной степени обладали значительным превосходством. Французская кавалерия никогда не передвигалась большими отрядами, без сопровождения конной артиллерии. Мамлюки перед атакой стреляли из шести видов оружия: из ружья, из мушкетона и двух пар пистолетов, которые они носили — одну на седельной луке, другую — на груди. Копье нес один из саис², следовавших за ними пешком. Это было отважное и прекрасное ополчение.

¹ То же.

² Оруженосцев. — Р е д.

ЗАВОЕВАНИЕ ВЕРХНЕГО ЕГИПТА

I. План кампании. — II. Покорение провинции Бени-Суэйф и Файюм; битва у Седимана (7 октября); бой у Миния-аль-Файюм (8 ноября). — III. Асьют и Гиза — две провинции Верхнего Египта — покорены; бой у Сауаки (3 января); бой у Тахты (8 января). — IV. Дезз овладевает Асуаном; мамлюки изгоняются из Египта; бой у Самхуда (22 января); бой у Фив (12 февраля); бой у Келы (12 февраля); бой у Абумены (17 февраля). — V. Поход Мурад-бея на Канр; бой у Суамы (5 марта); гибель французской флотилии (6 марта); бой у Коптоса (8 марта). — VI. Окружение старого Хасана в пустыне Фиваиды; бой у Бир-аль-Бара (2 апреля); бой у Гирги (6 апреля); бой у Гехины (10 апреля). — VII. Разграбление и сожжение Бени-Адина (18 апреля); бой у Асуана (16 марта); старый Хасан убит. — VIII. Взятие Косейра (29 мая)

I. Если бы на следующий день после битвы у пирамид одна дивизия французской армии занялась преследованием Мурад-бея, она нигде не встретила бы сопротивления; за две недели она овладела бы всем Верхним Египтом. Однако необходимо было дожидаться, пока будет завершено пополнение конницы, а также подъема вод Нила до уровня, необходимого для навигации. Враги воспользовались этой передышкой, которая длилась два месяца. Они вышли из состояния полного отчаяния. Впечатление от этого сражения ослабело. Они получили помощь от ряда племен и заверения в верности от ряда провинций. Субсидии, которые они получили после гибели французского флота, через посредство английской эскадры, крейсировавшей перед Александрией, вернули им надежду — эту первооснову всякого действия и всякой энергии.

К сентябрю Мурад-бей располагал значительной сухопутной армией и флотилией. Кишифы, которых он направил на Аравийский полуостров, чтобы призвать мусульман на помощь правомерным и молить о поддержке шерифов с зелеными турбанами, — возвратились. Они достигли цели. Они доложили ему, что многочисленные когорты арабов ямбо, славящихся своим мужеством, готовятся к переправе через Красное море и высадке в Косейре.

Хасан-бей в течение восемнадцати лет находился со своей дружиной в ссылке в Исне и жил на незначительный доход с первой зоны долины Нила. Он был нищ, но породнился, через посредство браков, с двумя большими арабскими племенами области Сеннар. Он пользовался большим авторитетом среди племен Фиваиды и бедуинов пустыни Большого оазиса. Оставшиеся у него 250 мамлюков, способных к службе в коннице, были отборным отрядом, соединявшим со знанием местности испытанную храбрость, дух, закаленный несчастьями, и хитрость пожилых людей. Этот старец остался непримиримым. Ни взятие Каира неверными, ни подчинение им Мурад-бея не могли умерить его ненависти. В то же время он видел во французах мстителей. Он ожидал от них улучшения своей судьбы, ибо стремился к распространению своей власти на весь Саид.

25 августа Дезэ с 5000 человек, в том числе 600 кавалеристами, 300 артиллеристами и саперами и 4300 пехотинцами, в сопровождении флотилии из восьми судов — полугалер, посыльных и полушебек, с французскими экипажами, — выступил из Каира. Это была одновременно важная военная операция и чрезвычайно интересная научная экспедиция. Впервые со времени крушения Римской империи представители цивилизованной нации, заботящейся о развитии науки и искусств, намеревались посетить, измерить и произвести раскопки в величественных развалинах, которые столько веков занимают ученый мир. Никто не смог бы лучше руководить этой операцией, нежели Дезэ; никто не стремился к этому с большим пылом. Будучи молод, он со страстью предавался войне; ненасытно честолюбивый, он знал, как прославят его завоевание этой колыбели искусств и наук. Самые названия — Фивы, Коптос, Филэ — заставляли его сердце трепетать от нетерпения. В подчинении у него находились генералы Фриан и Бельяр, заместитель командира флотилии Донзелло, артиллерийский полковник Ла-Турнери. 21-й полк легкой пехоты, 61-й и 88-й полки линейной пехоты — отличные части, посаженные на суда в Чивита-Веккии, являлись наиболее многочисленными во всей армии. Они уже два месяца стояли лагерем к югу от Гизы, и Дезэ использовал это время, чтобы подготовить их к кампании. Кавалеристы были посажены на арабских коней, столь же хороших, как кони мамлюков, и добытых ремонтерами либо в бою, но эта кавалерия не была многочисленной. Пополнение конницы производилось с трудом, страна еще не вполне подчинилась. Ряд ученых и художников пожелали следовать за Дезэ. Исполнение их просьб было сопряжено с двойным неудобством: пришлось бы подвергнуть опасностям войны ценных людей и замедлить ход военных действий. Один только Денон получил разрешение последовать в качестве добровольца за главной квартирой дивизии.

Для завоевания Верхнего Египта Дезэ понадобилось пять месяцев: сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь. 2 февраля он овладел Асуаном. Он употребил еще пять месяцев на подавление восстаний и закрепление своих завоеваний. Проведенная им кампания делится на шесть периодов. Первый продолжался сто дней; наиболее важным военным событием этого периода было сражение у Седимана, результатом его явилось завоевание провинций Бени-Суэйф и Файюм. Второй занял пятьдесят дней декабря и января; бои у Сауаки и Тахты — единственные военные события этого периода, в течение которого были завоеваны провинции Миния, Асьют и Гирга. Третий продолжался тридцать дней января и февраля 1799 г.; наиболее важным событием этого периода был бой у Самхуда; будучи изгнаны из долины, потеряв все, мамлюки искали убежища в оазисах, в области Барабра — за порогами и в пустынях Фи-

ваиды; трехцветное знамя развевалось теперь над всем Египтом. Четвертый охватывает сорок дней февраля и марта 1799 г.; Мурад-бей, Эльфи-бей, Хасан-бей, Хасан из Ямбо, пользуясь походом армии в Сирию, возвращаются в долину, идут на Каир, намереваясь соединиться там и одним ударом отвоевать Верхний и Нижний Египет; они терпят неудачу в этом предприятии; важными военными событиями являются уничтожение части французской флотилии Верхнего Египта и бой у Коптоса. В пятый период остатки войск шерифов Ямбо опустошают провинции Асьют и Гирга; их преследуют. Шестой охватывает май и июнь; Верхний Египет полностью покорен; Мурад-бей и Эльфи-бей в сопровождении небольших отрядов блуждают в пустынях; бой у Бени-Адина влечет за собой гибель этого красивого поселка; Косейр занимается генералом Бельяром. Сирийская армия возвращается в Каир. Во всем Египте — Верхнем и Нижнем — царит полное спокойствие.

Инструкция, которую Наполеон дал генералу Дезе в связи с проведением этой кампании, сводилась к следующему: идти на Мурад-бея, разбить его, воспользоваться поражением для того, чтобы преследовать его по пятам и отбросить за пороги и в оазисы; по мере продвижения вперед — укреплять в наиболее важных пунктах мечети, которые станут господствовать над Нилом, предохраняя судоходство. Если, как следует ожидать, после этого триумфального марша возникнут восстания местного характера, он подавит их, и эти бои обеспечат, наконец, действительное подчинение страны. Но сначала надо занять всю долину. Дивизия силою в 1200 сабель, которая в это время пополняла убыль в конском составе, 1500 пехотинцев из третьих батальонов, оставшихся в Каире, и восемь барок, сконструированных для этой экспедиции инженерами военноморского флота, в скором времени будут готовы поддержать его, послужат для него резервом и источником восполнения убыли в его войсках.

II. 30-го Дезе прибыл в Бени-Суэйф. Мамлюки не оказали ему никакого сопротивления. Они сосредоточились в Файюме, в количестве 18 000 человек пехоты и кавалерии, имея флотилию из 180 судов (в том числе двенадцать вооруженных пушками). Флотилия стояла на якоре в канале Иосифа. Из Бени-Суэйфа Дезе мог двинуться на Файюм, находившийся в четырех лье справа от него, и дать бой Мурад-бею. Но он решил, что, продолжая двигаться вверх по течению Нила, он достигнет Дарут-аль-Шерифа — городка, где берет начало канал Иосифа, и тем самым перехватит вражескую флотилию и запрет ее в канале; спустившись затем вдоль этого канала, он силами своих сухопутных войск и флотилии одной победою овладеет Файюмом и сокровищами беев, находившимися на их судах, что явится решающим ударом, если только, чтобы избежать катастрофы, Мурад-бей со своей флотилией и армией не упре-

дит его у Асьюта; но в таком случае Файюм, будучи эвакуирован, падет сам собой и не замедлит его марша. В результате этого плана он продолжал подниматься вверх по течению реки и 4 сентября прибыл в Абу-Гирга. Мурад-бей, разгадав намерение своего врага, приказал флотилии подняться по каналу Иосифа и войти в Нил у Дарут-аль-Шерифа, а затем встать на якорь напротив Асьюта. Сам же он со своим войском остался, не двигаясь, в Файюме, господствуя над левым берегом канала Иосифа, вдоль которого растянул свой правый фланг, установив, таким образом, связь с Асьютом, имея позади себя, в перпендикулярном направлении, малый оазис. 5-го вечером Дезэ в Абу-Гирге получил известие об этом движении флотилии. 6-го на рассвете он выступил с батальоном 21-го полка легкой пехоты в направлении собственного правого фланга и сделал восемь больших лье. Он прибыл в Бахнасу и перерезал канал Иосифа; но было уже слишком поздно. Вражеская флотилия прошла этот пункт, за исключением двенадцати судов с обозными грузами, которые он захватил после легкой перестрелки. На одной из этих барок было семь пушек. 7-го он вернулся в Абу-Гиргу, где провел несколько дней. Он уверил себя в том, что раз Мурад-бей эвакуировал свою флотилию, то сам он направится через пустыню в Верхний Египет. Он утвердился в намерении продолжать свой поход, поднимаясь вверх по Нилу, и двигался без передышки до Асьюта, куда прибыл 14 сентября. При приближении его вражеская флотилия, чтобы избежать столкновения, продолжала подниматься вверх по реке до Гирги. Мурад-бей спокойно оставался в Файюме; но когда он увидел, что французы находятся в 60 лье впереди него, он прервал их коммуникации с Каиром, взбунтовал провинции Минья и Асьют, что сделало положение Дезэ критическим. Последний не мог маневрировать на флангах противника, сохранившего свои коммуникации с Верхним Египтом через пустыню и к тому же имевшего позади себя оазис. Что делать в таком положении? Упорствовать в осуществлении своего плана? Это значило бы рискнуть всем. Наиболее мудро было бы уступить и не противодействовать комбинации противника. Так он и поступил. Он отошел на Дарут-аль-Шериф и вдоль канала Иосифа спустился в Файюм. Вражеская флотилия снова спустилась до Дарут-аль-Шерифа и Абу-Гирги и, наконец, очутилась напротив Бени-Суэйфа; вся эта область приняла ее с победными криками. Если французы отступают, то, значит, они разбиты! Между тем французская армия испытывала очень большие затруднения. Суда на каждом шагу садились на мель. Она преодолела все эти препятствия. 3 октября она прибыла в поселок Аль-Лахуна, у входа в Файюм, овладела каменным мостом через канал, что позволило ей маневрировать на обоих берегах. После двухмесячного утомительного марша, во время

которого было пройдено 200 лье, она достигла ничуть не больше, чем за первые дни.

Потеряв терпение от мелких стычек, маршей и контрмаршей, Дезе двинулся прямо на Мурад-бея, который находился в таком же настроении. Армии встретились. Войско мамлюков усеяло все высоты Седимана, посреди пустыни и в одном лье от канала Иосифа. Оно насчитывало 2000 мамлюков с их грозными саблями, 8000 арабов на конях и столько же в пешем строю, имело 4 пушки. У французов было 3400 человек пехоты, 600 — кавалерии, всего же 4500 человек и 8 пушек. Дезе построил из своей пехоты и конницы одно каре; для разведки он использовал малое каре из трех рот стрелков. Началась канонада. Малое каре из стрелков неосторожно отдалилось от главных сил, и Мурад-бей, правильно оценив положение, атаковал его. Храбрый офицер, капитан Валетт, командовавший малым каре, приказал солдатам стрелять только в упор. Они хладнокровно выполнили этот неосторожный приказ. Сорок наиболее отважных мамлюков погибли на штыках. Но лошади были пущены во весь опор, каре было прорвано и солдаты изрублены; они погибли бы все, если бы большое каре не приблизилось, чтобы защитить их. Картечь и ружейный огонь сдержали мамлюков и заставили их удалиться на расстояние пушечного выстрела. Между тем артиллерия противника, поддержанная пехотой, выдвинулась вперед и заняла огневые позиции, опасные для французов. Чтобы избавиться от нее, они пошли прямо на пушки. Арабская пехота после оживленной, но короткой перестрелки дрогнула, и пушки были захвачены. Встревоженный Мурад-бей пытался, пустив свою конницу в галоп, отбить пушки, но был отброшен, а арабы удалились в пустыню. Сражение было выиграно, но потери Дезе были значительны: 400 убитыми, ранеными и пленными, то есть один из девяти. Мамлюки потеряли 500 отборных воинов, в том числе трех беев и нескольких киашифов. Столько же потеряли и арабы. Арабы-бедуины, потеряв вкус к войне, бросили Мурад-бея. Последний собрал свои силы за озером Гарак, намереваясь отойти в малый оазис, если его станут преследовать. Дезе остановился в деревне Седиман, где захватил часть неприятельского обоза. На следующий день он отошел на Файюм. Несколько дней спустя жители этой провинции подчинились. Мурад-бей обманулся в своих надеждах. Когда атака малого каре удалась, ему показалось было, что он снова станет баловнем фортуны!! Тщетная надежда! Коварная покинула его навсегда.

Весь октябрь Дезе занимался организацией управления Файюмом. Он отправил в Каир большое количество барок с рожью, овощами и фуражом и получил взамен боеприпасы и предметы обмундирования. У него было много больных вос-

палением глаз; всех их он направил в госпиталь Ибрагим-бея¹. Его полки получили из своих запасных частей соответствующее количество здоровых солдат. Но он не преследовал мамлюков, дал им передышку. Оправившись от первоначального смятения, они пошли на Бахнасу, на канале Иосифа, причем флотилия, стоявшая на якоре у Абу-Гирги, прикрывала их слева. Таким образом, они стали господами всего Верхнего Египта, от Бени-Суэйфа, и всего канала Иосифа — от Бахнасы. Дезэ занимал левым флангом Бени-Суэйф, правым — Файюм.

В конце октября в Верхний Египет пришло известие о том, что Порта объявила войну Франции, сераскер Дмеззар идет на Каир, этот большой город восстал и все французы перебиты. Умы пришли в брожение. Мурад-бей, умевший пользоваться всем, направил в несколько пунктов мамлюков, которые одновременно подняли восстание в большей части Файюма. Дезэ выступил из столицы этой области, двинулся на деревни, поднявшие знамя восстания. На марше путь его скрестился с путем повстанцев, которые, со своей стороны, договорились, выйдя из различных пунктов, встретиться в Минье. 8 ноября они овладели первыми домами этого города; гарнизон состоял из 300 французов, кроме того, имелось 150 больных. Полковник Хепплер был комендантом. В госпитале находился генерал Робэн. В Восточной армии больные имели обыкновение держать ружье у постели. В этот момент большое число их страдало воспалением глаз, более или менее запущенным, но они могли сражаться. Враги овладели городом, не встретив большого сопротивления. Они предались грабежу и в беспорядке рассеялись по городу. Генерал Робэн воспользовался этим. Он прежде всего собрал всех солдат, находившихся в госпитале, а оттуда двумя колоннами беглым шагом атаковал противника, перебив 200—300 человек. Остальными овладел панический страх, и они спаслись бегством. Жители из мести присоединились к французам. Когда Дезэ узнал, что его путь скрестился с путем повстанцев, он повернул вспять и всю ночь шел по их следам. Он испытывал сильную тревогу за свой госпиталь в Минье. Он прибыл туда на следующий день на рассвете и узнал о хорошем поведении гарнизона и больных и об одержанной ими победе.

Главнокомандующий был, однако, недоволен этой медлительностью. «Вот уже три месяца, — писал он Дезэ, — как вы покинули Каир, и вот вы все еще в Файюме». Дезэ не хватало конницы. Бои, подобные бою у Седимана, в перспективе обещали ему: в случае поражения — полную гибель, в случае победы — невозможность воспользоваться ею. Подкрепление силой в 1200 сабель было, наконец, сформировано и вышло из Каира с батареей легкой артиллерии и шестью хорошо вооруженными

¹ То есть в госпиталь, устроенный в бывшем доме Ибрагим-бея. — Р е д.

военными кораблями, борта которых были надежно защищены; всеми этими силами командовал генерал Даву — отличный офицер, впоследствии маршал и князь Экмюльский. Среди вооруженных кораблей находился «Итали» с несколькими салонами, в которых мебель была обшита лионскими шелками, — они предназначались для главной квартиры.

III. По прибытии этих подкреплений Дезе поднялся по суше вдоль правого берега канала Иосифа, походившего в этот момент на Сену в наиболее прекрасных местах по ее течению. Земля была покрыта посевами, горох и бобы были уже в стручках, цвели апельсиновые деревья. Местность между этим каналом и Нилом — самая красивая, какую можно встретить. Деревень там так много, что одновременно видны тридцать—сорок. Мурад-бей избегал всякого столкновения и удалился сначала в Асьют; французы энергично преследовали его. Они прибыли в Минью 20 декабря. Этот город, расположенный на левом берегу Нила, — большой и довольно красивый. Они захватили там четыре джермы, севшие на мель; на одной из них находились 12-фунтовые орудия, мортира и 15 железных пушек. На следующий день они заночевали в Мелауи-аль-Арише. Этот город красивее, чем Минья; он имеет 10 000 жителей. Любители древностей посетили по пути развалины Гермополиса. 24-го Дезе вступил в Асьют, 29-го — в Гиргу, главный город Саида. Провинция Асьют богата; там есть прочно и изящно построенные цистерны, утоляющие жажду людей и лошадей, а также хороший шлюз — единственный во всем Египте, где следовало бы иметь тысячу таких шлюзов. Поселок Бени-Адин отличается многолюдством. Там останавливаются дарфурские караваны. Жители его — гордые и фанатичные — встретили победителя с угрожающим видом. Это явилось предзнаменованием восстания, которое несколько месяцев спустя привело их к гибели. Несчастные были далеки от предположения, что вскоре их жизнь будет зависеть от милости тех самых солдат, которых они принимали столь высокомерно и негостеприимно.

Гирга расположена на одинаковом расстоянии от Каира и Асуана; она меньше Асьюта, но больше Миньи. В этой области царит такое изобилие, что, несмотря на пребывание армии и снабжение ее, фунт хлеба стоил там су, дюжина яиц — два су, пара голубей — два су, утка весом в 12 фунтов — 10 су.

Мурад-бей продолжал свое бегство, предаваясь черной меланхолии. Его досада прорывалась наружу всякий раз, как ему удавалось взять в плен несколько стрелков. «Как, — восклицал он, — и это они меня победили! Неужели я никогда не смогу разбить этих человечков?» Проезжая через поле своей славы...¹ в нескольких лье от Гирги, он остановился там на час; говорят, он расплакался, размышляя над испытаниями, кото-

¹ Далее в рукописи пробел. — Прим. фран. ред.

рые послала ему теперь судьба; в 1788 г., на этом самом поле, он с 5000 мамлюков разбил Хасана — капудан-пашу Порты, под началом которого находилось 16 000 из числа лучших османских солдат, поддержанных 2000 мамлюков Хасан-бея. Присутствие духа Мурад-бея, его глазомер и стремительность принесли ему полную победу. Вскоре после этого он вступил в Каир как победитель. А ныне, отброшенный к краю обитаемой земли, он скоро не будет, подобно несчастным бедуинам, иметь иного убежища, кроме пустыни! Ужасающее существование; он напрасно молит о смерти; час его еще не пробил!

Между тем противные ветры удерживали флотилию¹ в 20 лье позади войск; она не имела прикрытия; ее можно было счесть, что сорвало бы поход Дезэ или значительно замедлило бы его движение. Мурад-бей поручил эту операцию Осману, который с 300 мамлюками сделал крюк через пустыню и, оказавшись в тылу французской армии, прервал коммуникации между Асьютом и Гиргой, взбунтовал население, возбудив в нем надежду найти на судах великие сокровища. Ему удалось прервать коммуникации Гирги с флотилией.

Эти новости чрезвычайно встревожили Дезэ. Если он потеряет флотилию, ему придется вернуться в Каир, эвакуировав весь Верхний Египет. Он подумывал уже об оставлении Гирги с целью спуститься вниз по течению Нила и поставить свой лагерь под защиту судовой артиллерии. Это отступление, сопровождаемое наступлением Мурад-бея, увеличило бы размах восстания. Он принял более мудрое решение: остаться в Гирге с пехотой и направить генерала Даву с отрядом в 1200 человек конницы и шестью пушками для восстановления коммуникаций.

Даву прибыл 3 января к воротам деревни Сауаки, где образовалось первое сборище повстанцев. Несколько тысяч вооруженных людей защищали улицы деревни, которые они забаррикадировали. После боя, длившегося час, французская конница прорвала линию противника, сбросила в Нил большое количество повстанцев, зарубила триста из них, разрушила баррикады, разоружила население и усмирила все окрестные деревни. Оттуда он направился в большую деревню Тахта. Он прибыл туда 8 января. После некоторой подготовки он преодолел баррикады, сбросил в реку часть их защитников и перебил большое число других. Подвершись в это время атаке тысячи арабов и мамлюков, он сделал поворот кругом и обратил их в бегство. Он потратил несколько дней на разоружение и усмирение всех окрестных деревень и восстановление коммуникаций с флотилией, которая 17 января, воспользовавшись попутным ветром, бросила якорь у Гирги, слева от лагеря. Это соединение устранило повод для тревоги, которую ощущал Дезэ, и он смог теперь продолжить свой завоевательный поход. Но эти помехи

¹ Французскую. — Р е д.

заставили его потерять 18 дней, а потеря времени на войне невозместима.

IV. Мурад-бей узнал о поражениях своих войск, но одновременно с этим получил известие о примирении с ним Хасан-бей и прибытии шерифов из Ямбо. Хасан уступил, наконец, влиянию одной рабыни — гречанки, которую любил. Он согласился предать забвению прошлое и использовать свою дружину и влияние для борьбы с врагами мусульманского имени. Он присоединился к Мурад-бею с 3000 человек, в том числе 250 мамлюками. Этот старец пользовался большим авторитетом во всем Верхнем Египте. 2000 шерифов из Ямбо под командой Хасана уже прибыли. Хасан из Ямбо был своего рода военным дервишем¹; неустрашимый в присутствии врага, он был особенно опасен в силу того энтузиазма, который умел возбуждать в своих солдатах и в правоверных, когда обращался к ним с кафедры в мечетях. Эти шерифы из Ямбо считались самыми храбрыми пехотинцами во всей Аравии. Каждый из них был вооружен карабином, парой пистолетов и копьем. Все они носили зеленые тюрбаны в качестве потомков племени пророка. Их обуревала жажда крови и грабежа. Мурад-бей приписывал свои предыдущие поражения отсутствию хорошего пехотного авангарда, способного служить примером; он решил, что теперь у него есть то, что принесет ему победу. Еще две тысячи шерифов собрались в Ямбо, где ожидали судов для переправы через Красное море.

У Мурад-бея оказались теперь от 12 000 до 14 000 человек, у него зародился новый и смелый план. Он решил идти на Гиргу, когда Дезэ ее оставит, поддержать повстанцев и укрепиться там; очутившись, таким образом, в тылу у Дезэ, он заставил бы последнего вернуться и вести бой за каждый дом, от чего Мурад-бей ожидал благоприятных результатов. С этой целью он оставался в пустыне, на левом берегу канала Верхнего Египта. Дезэ выступил из Гирги 20-го и пошел между Нилом и каналом. Но 22-го, на рассвете, обе армии встретились на высоте Самхуда, двигаясь в противоположных направлениях. Они были отделены друг от друга каналом, который высох. Французская армия состояла из 5000 человек пехоты и кавалерии и 14 пушек; на Ниле она располагала многочисленной военной флотилией. Египетская армия состояла из 1800 мамлюков, 7000 арабов на конях, 2000 пеших шерифов из Ямбо и еще 3000 пеших арабов, без артиллерии; всего — 13 000—14 000 человек. Как только обе армии увидели друг друга, они вступили в бой. Первая построилась в три каре: два пехотных — на флангах — и одно кавалерийское — в центре. Левым, расположенным со стороны Нила, командовал генерал Бельяр, правым, расположенным слева от канала, — генерал Фриан,

¹ Бродячим монахом. — Р е д.

центральным, оседлавшим канал, — генерал Даву. Мамлюки избрали обратный боевой порядок: кавалерия на флангах, пехота — в центре. Мурад-бей со своими мамлюками образовал правое крыло со стороны Нила; его пехота стояла в центре, напротив Самхуда; арабы составляли левое крыло, находившееся в пустыне. Французы особенно рассчитывали на свою пехоту, мамлюки — на кавалерию.

Шерифы из Ямбо были исполнены нетерпения. Их вождь Хасан с 1500 шерифами и тысячью пеших арабов ринулся к оврагу перед городом; отважный полковник Рапп с ротой стрелков 21-го полка легкой пехоты и 50 всадниками атаковал его, опрокинув в овраг тысячу шерифов, но при этом сам был ранен, а взвод драгун — отброшен; шерифы стали испускать победные крики; полковник Ла-Турнери выставил два легких орудия на таком расстоянии от оврага, чтобы они могли простреливать его картечью; в то же время французский батальон со штыками наперевес кинулся на шерифов, перебил большое число их, остальные в беспорядке покинули овраг; сотня заперлась в мечети, где ее перерезали. Мурад-бей в нерешительности оставался свидетелем этого пехотного боя. Но вскоре снаряды и ядра стали сеять смерть в его рядах; у него не было артиллерии, чтобы отвечать на этот огонь. «К чему рассуждать, — сказал старый Хасан-бей, — у кого смелое сердце, тот пусть следует за мной...» Он обогнул левый фланг французской армии, охватил каре генерала Бельяра и стал кружиться вокруг него под ужасающим артиллерийским (картечью) и ружейным огнем. Хасан-бей, который впервые участвовал в бою против европейцев, понял тогда, что храбрость — лишь один из элементов победы. Он был вынужден выйти из сферы артиллерийского огня. Батареи были подтянуты к Самхуду; три роты легкой пехоты вошли туда беглым маршем; первые же ядра, поразившие гордых шерифов Ямбо, обратили их в беспорядочное бегство; арабы удалились и рассеялись в пустыне. Тогда Даву двинул в бой свою конницу и три легких орудия; он атаковал Мурад-бея и неотступно преследовал его до подступов к Фаршуту. До прибытия туда Хасан из Ямбо, задыхаясь от ярости, забаррикадировался в одной деревне. Даву был вынужден дожидаться пехоты, которая штурмом овладела деревней; исход этого боя ни на мгновение не вызывал сомнений; 300 отборных мамлюков, 400 наиболее отважных шерифов Ямбо и 200 арабов остались на поле битвы.

Шейх-аль-белед Фаршута был последним потомком знаменитого князя Хаммана. Этот Хамман — вождь одного из племен арабов Магриба — в шестнадцатом столетии переселился из Туниса в Фаршут. Там он преуспел и впоследствии установил свое господство над частью Верхнего Египта. Это племя ивалось дауара. Шейх его правил всей местностью от Асьюта до Асуана. Однако он выплачивал 250 000 ардебов ржи паше

в Каире и беям. Государи из этого дома, которые царствовали один за другим в течение 150 лет, были обожаемы; память о них поныне дорога жителям этой местности. В 1768 г. Али-бей выступил против князя Хаммана, который двинулся навстречу ему с 25 000 всадников. Хамман проиграл сражение близ Асьюта. В следующем году он умер в Исне. Его дети откупились от победителя, сохранили свои жизни и добились мира, пожертвовав большей частью своих сокровищ. Последним представителем этого дома был шейх-аль-белед Фаршута. При приближении мамлюков он спрятался. Мурад-бей приказал искать его. Когда его, наконец, привели, он довел победителя до бешенства, ибо плохо скрыл тайную радость, которую доставили ему поражение и падение врагов его дома. Охваченный яростью, Мурад-бей срубил голову этому последнему правителю столь знаменитого рода. Как только французы прибыли к этому месту, они сочли долгом оказать ему посмертные почести.

Мурад-бей продолжал свое отступление, поднимаясь вверх по Нилу. Хасан из Ямбо перешел через реку и направился к Кене, чтобы ждать там второго отряда шерифов, уже высадившихся в Косейре. Французская армия заночевала 22-го в Ху. 23-го она прибыла в Дендеру и стала биваком среди величественных развалин. 24-го, обогнув отрог Ливийского хребта, вдающийся в долину Нила, она увидела, наконец, знаменитые руины Фив — города двухсот врат. Присущее им величие произвело большое впечатление на всех; несколько часов было посвящено осмотру их. 25-го января армия заночевала в ущелье Двух гор и 26-го прибыла в Исну. Мамлюки бежали при приближении победителя. Они сожгли свои обозы и палатки и разделились на несколько отрядов. Мурад-бей, Хасан-бей и восемь других беев с их мамлюками кинулись в область барабра; Эльфи-бей укрылся в большом оазисе. Дезе занял Исну, укрепил ее, создал там военную пекарню, склады и большой госпиталь. По мере продвижения вверх по Нилу долина становится все более узкой, судоходство все более затрудняется. Фриан со своей бригадой остался в Исне, чтобы наблюдать за Эльфи-беем и Хасаном из Ямбо. Армия прошла через Идфу (в древности Аполлинополис Великий — крупный поселок в 10 лье от Исны) и мимо развалин большого храма на высоте, которая господствует над течением реки (жители зовут их цитаделью). Генерал предоставил только один час для осмотра этих руин — он спешил настичь врага. Он перешел через прилегающие к Нилу сланцевые холмы; солдаты с трудом передвигались по этой местности. Затем он двинулся по следам древне-римского шоссе, остатки которого были еще заметны, и заночевал в деревне Бибан — напротив прекрасного острова того же названия.

2 февраля он стал биваком напротив Асуана на левом берегу. 3 февраля он переправился через реку в городе. В этом месте Нил имеет ширину в 500 туазов. В первый раз Дезе по-

кинул левый берег. Мамлюки все время оставались на нем, потому что равнина шире с этой стороны, местность более плодородна и оттуда ближе к оазисам, в то время как если бы они маневрировали по правому берегу, их могли бы прижать к Красному морю.

Остров Элефантина, именуемый местными жителями «Островом цветов», велик и весьма плодороден. Он расположен напротив Асуана, в 3500 туазах от острова Филэ; древняя стена ограждает это пространство, образующее треугольник, двумя сторонами которого является Нил. Пороги находятся между островами Элефантина и Филэ. От Асуана до порогов — 3000 туазов (если следовать извилинам Нила). Вверх по течению от порогов Нил делится на протоки, образуя три острова; остров Филэ, расположенный в 200 туазах от правого берега, где течение наиболее сильно; остров Бега и остров Хеффа, которые вместе имеют 1200 туазов¹. На острове Филэ находилась могила Озириса; он был местом паломничества. Остров Филэ полон памятников. Там никогда не было городов, почва его не обрабатывалась. Он находится вне пределов современного Египта, ибо расположен к югу от асуанских порогов.

Выше острова Филэ долина имеет всего 600 футов в ширину. Две горы сближаются и остаются разделенными только руслом реки, которая в пределах видимости течет перпендикулярно к этому острову. Генерал Бельяр захватил 150 судов — остаток флотилии мамлюков; поскольку воды Нила стояли очень низко, их не смогли провести через пороги. Они были ограблены жителями соседних деревень, которые укрылись со своей добычей на острове Филэ, считая его неприступным.

Генерал с 300 солдат выступил 5-го в поход, чтобы установить характер барьера, отделявшего его от области барабра, где нашел убежище Мурад-бей. Ему пришлось перейти через высокие горы, отвесно вздымающиеся над Нилом и преграждающие бечевник. Он достиг первой деревни барабра. Находившиеся там на постое мамлюки дали сигнал тревоги. Возвращаясь, он по пути предложил находившимся на острове Филэ сдаться. Презренные грабители ответили гиканьем и совершенно смехотворными провокациями. Они говорили, что они не мамлюки, никогда не сдадутся и не обратятся в бегство перед христианами. Не было возможности доставить суда для переправы через Нил, но саперы построили плот; на него вступило 40 стрелков, которых прикрывал огонь четырехфунтовой пушки, стрелявшей картечью. Они высадились на этом знаменитом острове Филэ; там они нашли имущество, награбленное на судах флотилии мамлюков. Французы с любопытством осмотрели развалины памятников, которыми славился этот остров. Дезэ

¹ Очевидно, в длину. — Р е д.

перенес свою главную квартиру в Исну, оставив генерала Бельяра в Асуане для наблюдения за областью барабра.

Между тем город заставил Хасан-бея покинуть со своей дружиной, женами и сокровищами страну барабра. Чтобы оставить больше места Мурад-бею, он спустился вдоль правого берега, направляясь к перешейку Койтос, где он владел деревнями и располагал агентурой. Генерал Даву, узнав о приближении его к Фивам, перешел через Нил с 22-м егерским и 15-м драгунским полками и 12 февраля захватил его врасплох. Французы имели превосходство в численности, но мамлюки хвастались, что каждый из них стоит двух драгун. Хасана стеснял его обоз и гарем с охраной, имевшие слабое прикрытие. Этот мужественный старец с замечательным хладнокровием встретил все угрожавшие ему опасности. Битва велась с ужасным ожесточением. Гарем с охраной был спасен и скрылся. Обе стороны понесли одинаковые потери. Бей проткнул одного драгуна; под ним убили коня. Его помощник Осман-бей был ранен. Не имея более возможности стать лагерем в долине, Хасан отправился в пустыню и расположился у колодцев Гитты.

Полковник Конру выступил из Исны с 300 солдат своего полка, перешел через Нил и прогнал из Кены Хасана из Ямбо, отбросив его в пустыню. Однако несколько дней спустя к последнему присоединился отряд, высадившийся в Косейре. С этим пополнением он совершил ночной переход, чтобы захватить врасплох Конру и перерезать его отряд. Однако 11-го в 11 часов вечера французское боевое охранение подняло тревогу и выдержало первый натиск врагов, которые, имея в качестве проводников местных жителей, проникли в город с четырех концов. Конру беглым шагом атаковал сначала одну колонну, затем последовательно разбил все остальные и прогнал их из города; при этом он был ранен. Полковник (впоследствии дивизионный генерал) Дорсенн, командовавший пешими гренадерами, заменил его. Испуганные шерифы сосредоточились в финиковой роще, на расстоянии одного лье от Кены. Когда взошла луна, Дорсенн атаковал их, сбил с занимаемой позиции и отбросил далеко в пустыню.

На рассвете прибыл генерал Фриан с 7-м гусарским полком. Он занялся преследованием шерифов, которые сосредоточились у Абудаманы. Он охватил их тремя колоннами, прогнал из деревни и завершил разгром их. Полковник Сюлли, взяв батальон 88-го полка, прошел с ним 5 лье по пустыне без воды и верблюдов; если бы эти солдаты не добились своего, все они погибли бы от жажды. К счастью, шейх, служивший им проводником, провел их к лагерю арабов из Ямбо кружным путем. Они появились там неожиданно, захватили всех верблюдов с бурдюками, продовольствие, многочисленные стада и обоз шерифов, которые были большими грабителями.

V. Область барабра не имела больше фуража, а потому

не могла обеспечить войско Мурад-бея. Этот вождь намеревался идти на Донголу, когда получил известие о том, что Наполеон покинул Каир и направился в Азию. Он тут же принял решение. Что мог он потерять? Он сделал крюк по пустыне и пошел на Каир, оставив Дезэ у себя в тылу. Он назначил Эльфи-бею, занимавшему малый оазис, рандеву у Асьюта. Хасан-бей соединился с шерифами и двинулся по правому берегу реки, вниз по ее течению — на Асьют и Каир. Этот план был приятен старому Хасану, столько лет не видевшему родного дома и мест, которые он так любил ребенком. Мысль об освобождении «первого ключа священной Каабы», об омовениях в главной мечети Аль-Азхар снова пробудила фанатизм шерифов.

Дезэ, находясь в Исне, завершал усмирение подчиненных ему провинций, занимался организацией системы правосудия и управления, когда курьеры, одновременно прибывшие с разных направлений, привезли известие о том, что Мурад покинул область барабра, опередил его на три перехода и был замечен между Исной и Асьютом; что Эльфи-бей покинул оазис; что шерифы и Хасан-бей вышли из пустыни и двигаются по правому берегу Нила, вниз по течению реки. Он разгадал план своих врагов. Он приказал генералу Бельяру оставить Асуан и идти к Исне со всеми своими войсками, чтобы составить его арьергард и удержать Саид. Он приказал Фриану собрать воедино свои отряды и двинуться форсированным маршем на Асьют; флотилии своей он приказал спускаться вниз по Нилу, следуя за Фрианом. Сам он выступил 2 марта.

Генерал Фриан прибыл 5 марта в Сауама, одновременно с авангардом, который должен был подготовить квартиры в этом большом поселке; его встретили ружейными выстрелами. Поселок занимали три или четыре тысячи крестьян; это были повстанцы. Авангард отошел в направлении колонн, которые с барабанным боем вступили в город с трех концов и сбросили в Нил несколько сот повстанцев. Назавтра он продолжал движение на Гиргу и Асьют. К нему присоединился генерал Дезэ. Между тем Мурад-бею и Эльфи-бею также удалось соединиться в Асьюте. Они узнали там, что Наполеон взял Аль-Ариш и вступил в Сирию, но что в Каире остается больше французов, чем в Верхнем Египте, что они занимают цитадель и что жители стоят за них; шейхи мечети Аль-Азхар и все старейшины заявили, что если мамлюки приблизятся к городу, они выступят на стороне французов, что они хотят и дальше жить спокойно. С другой стороны, Дезэ преследовал их по пятам, находясь от них на расстоянии всего двух переходов; им предстояло очутиться между Дезэ, который ударит на них с тыла, и каирскими французами, которые атакуют их с фронта; поэтому они решили выждать исхода сирийской экспедиции. Мурад-бей

укрылся в Большом оазисе, Эльфи-бей — в Малом; много мамлюков рассеялось по стране, переодевшись в феллахов.

Между тем на правом берегу Хасан-бей и шерифы, едва соединившись на высоте Кены, узнали, что французская флотилия задерживается противными ветрами в Баруде. Они выступили, чтоб атаковать ее. Флотилия состояла из двенадцати судов, вооруженных тяжелыми орудиями и перевозивших обозные грузы, складское имущество, барабаны и музыкальные инструменты оркестров частей; на ней находилось 300 солдат слабого здоровья или охромевших. Хасан распределил своих людей по обоим берегам реки. Начался бой. Враги занимали острова и минареты. У них не было пушек. Картечь с судов сначала сеяла смерть на обоих берегах. Но боеприпасов не хватило. На судах было ранено много солдат. «Итали» сел на мель; ему угрожал захват врагом. Командир Моранди поджег его и взорвал; сам он погиб при этом смертью славных. Другие суда были захвачены. Их экипажи и находившиеся на них солдаты были зарезаны. Все обозные грузы, барабаны и т. п. стали трофеями шерифов. Французы потеряли в этом бою 200 матросов и 300 слабосильных солдат, несших гарнизонную службу; всего — 500 человек. Это были самые большие потери, понесенные ими в эту кампанию. Эта катастрофа, память о которой жила долго, оказала чувствительное влияние на солдат, которые резонно упрекали своего командующего в том, что он не поставил флотилию под защиту одного из фортов и напрасно понадеялся на то, что она сможет следовать за армией в то время года, когда воды Нила стоят так низко.

Генерал Бельяр, узнав, что Хасан движется по берегу Нила, вниз по течению реки, выступил из Исны, перешел на правый берег и направился к Кене. В пути он узнал, что, по слухам произошло большое сражение, что французы разбиты, потеряли много людей и в особенности огромные богатства и большой обоз. Достигнув высоты Коптоса, он встретил неприятельскую армию, возвращавшуюся с триумфом. Впереди нее на пиках несли головы французов; к армии примкнула толпа жителей, надевших на себя одежду европейцев, вооруженных их оружием и маршировавших под звуки музыкальных инструментов; это была ужасающая какофония. Беспорядок и опьянение этой толпы напоминали настоящие сатурналии. Хасан из Ямбо возглашал пророческим голосом, что время гибели французов, наконец, настало; что в дальнейшем они будут только терпеть поражение; что каждый шаг правоверных будет победным. Вскоре вступили в действие стрелки. Французов насчитывалось 1800 человек; с ними была четырехфунтовая пушка, картечь которой сдержала сначала яростный натиск шерифов и прикрыла движение колонны. Последняя продолжала спускаться, примыкая правым флангом к Нилу, сопровождаемая и окруженная этой вооруженной толпой. Сделав одно лье, она была встре-

цена огнем батареи из четырех орудий, снятых с флотилии, которые арабы из Ямбо выгрузили на берег и поставили на огневые позиции. По сигналу своей артиллерии шерифы ринулись на французское каре с обычным для них пылом. Но 15-й драгунский полк ударил им во фланг и изрубил многих из них; поле битвы покрылось трупами. Генерал воспользовался этим моментом, чтобы двинуться на батарею, причинявшую ему неудобства. Он уже почти захватил орудия, когда был атакован Хасан-беем с его мамлюками; но карабинеры 21-й легкой полубригады¹ сделали полуоборот направо и, приняв на себя атаку, отбили ее; захваченные орудия были повернуты против врага. Эти два успеха изменили ход битвы. Шерифы бросились в деревню Бену, где укрылись в мечети и в замке, в стенах которых проделали бойницы. Бой длился весь день и всю ночь. Орудия, взятые у противника, были использованы с успехом. Всю ночь продолжались пожары, слышались стоны умирающих. Хасан из Ямбо заперся в замке; он заявил, что хочет умереть смертью мучеников. Враги сплотились под прикрытием этого замка; но он взлетел в воздух вместе с его защитниками, и обломки его обрушились на обе армии. Там были сложены бочки с порохом, найденные на французских судах; они загорелись; Хасана из Ямбо настигла здесь смерть. Потерявшие голову враги разбежались во все стороны. В этом ожесточенном бою шерифы потеряли 1200 человек; французы, имея только единственную четырехфунтовую пушку, сражались один против шестерых. Этот бой делает честь генералу Бельяру. Он спас в нем свою колонну и Верхний Египет, который пришлось бы завоевывать заново, если бы Хасан одержал победу; этот бой происходил 5 и 6 марта.

VI. Дезэ узнал в Асьюте о гибели флотилии, бое у Коптоса и критическом положении, в которое попал было Бельяр; ему стало также известно, что у последнего вышли боеприпасы. Он тотчас же собрал оставшиеся у него вооруженные суда и поднялся вверх по Нилу. Он смог прибыть со своей флотилией в Кену только 30 марта. Снабдив продовольствием свои войска, он принял все меры к окружению Хасан-бея, стоявшего лагерем напротив Гитты. Хасан не мог долго там оставаться, так как запас продовольствия, который он привез с собой, подходил к концу; нужно было помешать ему заготовить новый; Дезэ блокировал его в пустыне. Местность в пустынях перешейка Коптос — пересеченная и непроходимая из-за обилия холмов; единственные проходы — это ущелья; их три: одно, выходящее к Нилу у колодца Бир-аль-Бар, другое у деревни Хагази, третье у Редекки, напротив Идфу. Дезэ встал лагерем у Бир-аль-Бара с половиной своих войск. Он послал генерала Белья-

¹ Здесь у автора, очевидно, описка: в разделе 1-м настоящей главы говорится о 21-м полке легкой пехоты. — Р е д.

ра со второй половиной — занять Хагази. Он счел выход у Редехии непригодным, ибо, чтобы воспользоваться им, нужно было сделать крюк в 45 лье по безводной пустыне. Таким образом, Хасан не мог более ни получать продовольствие, ни выйти без боя, он должен был погибнуть. 2 апреля Хасан, умирая от голода, покинул свой лагерь у Гитты, чтобы выйти в долину у Бир-аль-Бара. Он встретился с 7-м гусарским полком под командой полковника Дюплесси. Завязавшийся бой велся с ужасающим ожесточением. Мамлюки были более многочисленны; Дюплесси был убит Осман-беем, которого он схватил за горло; казалось, что исход боя решится в пользу мамлюков, но Дезз прибыл на помощь своему авангарду. Увидев, что выход заперт значительными силами, Хасан вернулся в пустыню и снова стал лагерем у Гитты. Несколько дней спустя он покинул его и, сделав крюк в 45 лье, достиг выхода у Редехии, поднялся вверх по течению Нила до Омбоса, провел некоторое время на острове Мансурия, а оттуда отправился в Асуан. Как только Бельяр узнал об этом, он начал преследование и прибыл в Редехию через три дня после того, как там прошел Хасан. Он нашел кровавые следы мамлюков, трупы десятка наиболее старых из них, а также 25 жен и 60 лошадей, оставшихся в пустыне; не имея продовольствия и воды, они погибли от сильнейшей жары. Между тем остатки шерифов из Ямбо спустились вниз по течению Нила, не имея более иной цели, как нагнать и убежать. Они достигли Харги — деревни на правом берегу, перешли на левый берег, проникли в Гиргу, где их не ждали, и появились на базаре. Преследовавший их полковник Нюран вошел в город сразу же вслед за ними и перебил часть их. Командир 22-го егерского полка полковник Ласалль — энергичный и весьма достойный офицер — атаковал их со своим полком и батальоном 88-го, маневрировал так, что сумел окружить их в огороженном месте, и перебил всех. Среди убитых нашли тело шерифа, наследовавшего Хасану. Такова была судьба четырех тысяч шерифов из Ямбо; только 500 или 600, большей частью раненых, снова увидели родину. Между тем поведение арабов из Ямбо вызвало недовольство шерифа Мекки; он написал им, указав на последствия такого поведения. Он направил посланника в Каир, к султану Кебиру, чтобы дезавуировать этот враждебный акт, который приписывал тесной связи одного из племен Ямбо с Мурад-беем. Он дал заверения в том, что ни одно другое племя не последует этому примеру и что вся Аравия останется спокойной. В том же смысле написал он непосредственно генералу Дезз, находившемуся в Косейре. Этот духовный глава мусульман опасался, что подобные акты могут побудить французов разрушить мечети, преследовать мусульман, конфисковать богатые вклады, которыми Мекка владела в Египте, и прервать коммуникации между Меккой и всей Африкой. Наполеон успокоил его и сохранил дружественные отно-

шения с этим служителем священной Каабы, который не устал славить французского султана и призывать на него благословение пророка.

VII. В течение февраля и марта в Саиде были получены известия об успехах Сирийской армии, взятии Аль-Ариша, бое у Газы и штурме Яффы. Среди пленных, взятых в Яффе, было 260 уроженцев этой провинции; их отправили назад на родину, где они утвердили репутацию французского оружия. Это оказало хорошее влияние на настроение населения. Но в мае распространились вести о первой неудаче под Сен-Жан-д'Акром, причем утверждалось, что Дамасская армия окружила французскую в ее лагере. Восстание эмир-хаджи, явившееся следствием этих слухов, придало им еще больше правдоподобия. Хасан-бей с середины апреля находился в Асуане. Поселок Бени-Адин, блиа Асьюта, имеющий 20 000 жителей, является складочным местом для торговли Дарфура с Египтом. Население там более фанатично, дико, свирепо, отличается более темной кожей, чем в любой другой местности Египта. Как мы уже говорили, когда французы вступили туда в первый раз, они были плохо приняты. С того времени они избегали пребывания в этом поселке и не останавливались там на ночлег. Взгляды жителей, их вид и речи всегда были угрожающими. Они гордились своими богатствами; подсчитано, что во время нахождения там большого каравана в поселке хранится на 6 миллионов товаров, предназначенных для Дарфура, Каира или Александрии; в марте этого года упомянутый большой караван, состоявший из 10 000 верблюдов и 6000 невольников, прибыл под охраной 2000 вооруженных магрибицев, жестоких, как великая пустыня; они были возмущены торжеством этих человечков с Запада, кожа которых бесцветна. Спешившиеся мамлюки и остатки шерифов соединились в Бени-Адине, ставшем вскоре очагом восстания.

Мурад-бей, который сначала отнесся с недоверием к повстанцам, присоединился к ним, когда его приободрили печальные для французов вести из Сирии. Он направил в Бени-Адин беев и кишифов из своей дружины для руководства, организации и придания авторитета этому сборищу. Генерал Даву, встревоженный ростом числа повстанцев, собрал свои силы воедино и выступил во главе 2000 кавалеристов, пехотинцев и артиллеристов. Повстанцы численностью в 6000 человек были хорошо вооружены и подготовлены; они ожидали Мурад-бея. Оба полководца встретились. Французская конница атаковала авангард беев, который, имея только 300 всадников, был отброшен к оазису. В то же время Бени-Адин был окружен. После оживленной перестрелки баррикады были преодолены; победители беглым шагом вошли в поселок, убивая всякого, кто попадался им на пути. Противник закрепился в домах с бойницами, которые стали добычей огня. Армия потеряла полков-

ника Пинона, одного из наиболее отважных кавалерийских офицеров Франции. Грабеж обогатил солдат, которые обнаружили в караване четыре—пять тысяч черных рабынь, много верблюдов, бурдюки, страусовые перья, камедь, слоновую кость, большие ящики с золотым песком, много золотых монет. Среди пленниц оказалась дочь короля Дарфура.

В Верхнем Египте оставался теперь только Хасан-бей, который со времени выхода из пустыни Косейра спокойно владел Асуаном. Потому ли, что не было точных данных об его силах, или же вследствие предположения, что он уже ушел за пороги, оставив в Асуане только свой арьергард, генерал послал из Исны капитана Рено всего лишь с 200 человек пехоты, приказав овладеть городом; эти 200 человек должны были погибнуть. Как только Хасан узнал об их малой численности, он радостно улыбнулся, надеясь утолить свою жажду мести кровью неверных. Со 180 мамлюками, 200 арабами и 300 пехотинцами он пошел навстречу этому изолированному отряду, состоявшему из горсти пехотинцев без пушек. Капитан Рено, обнаружив замечательное присутствие духа и отнюдь не опешив при виде такого большого числа нападающих, построил свои каре и сказал, обернувшись к солдатам: «Товарищи, солдаты Итальянской армии не считают врагов; цельтесь хорошенько, пусть каждый убьет того, в кого целится, и я ручаюсь за успех». Действительно, первый же залп сбросил на землю 100 мамлюков; остальные спаслись бегством. Через пару часов Рено вступил в Асуан; он захватил обозы и раненых. Час гибели старого Хасана настал. Он был ранен ударом штыка, так же как и Осман-бей, и оба они умерли несколько дней спустя. У капитана Рено было убито только четыре человека и ранено пятнадцать. Это самый блестящий бой во всей египетской войне.

Мурад-бей с 400 человеками влачил жалкое существование в глубине пустыни; Хасан-бей и грозные мамлюки его дружины погибли; не оставалось больше ни одного шерифа из Ямбо. Дезэ управлял своими провинциями так же талантливо, как энергично он провел кампанию. Благодаря этому воцарились справедливость и порядок, спокойствие было полным. Хотя его управление было весьма суровым, жители называли его «справедливым султаном». Он возложил на общины ответственность за все происходившее на их территории. Одиночный французский солдат — с оружием или без него — мог пройти всю провинцию, не подвергаясь никакой опасности. Подати вносились регулярно.

На протяжении апреля и мая Восточная армия занимала три угла: район Александрии, Асуана и Сен-Жан-д'Акра. Это треугольник периметром в 300 лье и площадью в 30 000 квадратных лье. Переписка главной квартиры из...¹ Сен-Жан-д'Акра

¹ Дальше в подлиннике пробел. — Прим. франц. ред.

в Сирии с Верхним Египтом велась через посредство полка драматеров, который пересекал пустыню по пути из Газы в Суэц. Между Асуаном и Бени-Суэйфом было создано несколько фортов; форт в Кене был главным из них, ибо защищал ущелья Косейра. Все эти форты располагали батареями, которые господствовали над Нилом с его судоходством, а также вместили склады и небольшие госпитали. Чтобы выразить помощнику свое удовлетворение, Наполеон послал ему сначала саблю, взятую у пленных, захваченных в Александрии, с надписью: «Сражение у Седимана». В дальнейшем он подарил ему кинжал, украшенный бриллиантами, который носил Мехмед-паша, взятый в плен в Абукирском сражении; на одной стороне клинка было написано: «Наполеон — Дезе, победителю Верхнего Египта», а на другой: «Фивы о ста вратах, Сезострис Великий».

VIII. Оставалось занять порт Косейр, Большой и Малый оазис. В мае стоит слишком сильная жара и переход через пустыню чересчур утомителен; поэтому экспедицию в оазисы пришлось отложить на ноябрь. Но занятие Косейра не терпело отлагательств. Там уже было объявлено о предстоящем прибытии судов с товарами из Аравии, Джидды, Ямбо; в обмен на эти товары суда должны были взять в обратный рейс рис, рожь и прочее продовольствие, необходимое полуострову, особенно Мекке и Медине. Генерал Бельяр провел все подготовительные мероприятия к переходу через пустыню, взятию и укреплению Косейра. Перешеек Коптос представляет собой часть пустыни, заключенной между Нилом и Красным морем, — в том месте, где река всего ближе подходит к морю. От Кены до Фив — 11 лье; излучина Нила протяжением в 9 лье подводит реку к Красному морю на расстояние, равное в среднем 25 лье. Эти 25 лье пространства называются перешейком Коптос. Если подняться от Фив вверх по течению Нила до Абукильгана, расположенного на 5 лье выше, то расстояние между рекой и морем увеличится до 40 лье, так как река течет здесь на запад, а Красное море, находящееся напротив, удаляется от нее в противоположном, восточном направлении. Если подняться до Асуана, то здесь расстояние от моря достигает приблизительно 60 лье; если же спуститься вниз по Нилу до высоты Гирги, то окажешься примерно в 40 лье от Красного моря; в Асьюте соответствующее расстояние равняется 50 лье. Часть Нила, составляющая изгиб выше Кены, протяжением в 9 лье, является, следовательно, единственной, расстояние от которой до моря (по прямой) равняется всего 25 лье.

Чтобы попасть от Нила к Красному морю через полуостров Коптос, нужно следовать по ущельям между горами. Имеется шесть различных ущелий, среднее протяжение которых составляет 34 лье; а значит, учитывая наличие изгибов, для прохода через них требуется 42-часовой марш. Из двух единственных

портов Красного моря, которые сообщаются ныне с Нилом — Косейра и Суэца, — Косейр находится в 29 лье от Кены по прямой и в 34—35 лье, если следовать по ущелью, Суэц же лежит в 27 лье от Каира. Из шести путей, ведущих через полуостров Коптос в Косейр, хорошо известны только три. Большинство этих ущелий выходит в небольшой оазис Гитта, откуда к Нилу ведут два пути. Один направлен к Кене и достигает обработанных земель у деревушки Бир-аль-Бар; другой направлен к Фивам и от деревушки Хагази поднимается вдоль Нила. Третье известное нам ущелье ведет прямо из Косейра в долину Нила, выходя в нее напротив Идфу, у деревни Редекия; последнее ущелье имеет в длину немногим более 45 лье, это то, через которое спасся Хасан-бей; таким образом, чтобы преградить все пути к Нилу, нужно занять деревни Бир-аль-Бар и Хагази или колодцы Гитты, и, наконец, ущелье Редекия, напротив Идфу.

На девяти лье, составляющих протяжение излучины Нила, которая образует одну из сторон полуострова Коптос, последовательно существовали три города, являвшиеся центрами торговли с Красным морем. Коптос был в IV веке знаменитым, могущественным и богатым городом (развалины его можно видеть в одном лье от Нила); Коптосу наследовал Куш, расположенный несколько выше и южнее: Куш все еще большой город, но он пришел в сильный упадок, население его состоит сплошь из коптов; наконец, севернее, на оконечности излучины, находится третий — городок Кена. Кена является в настоящее время складочным местом для торговли нильской долины с Красным морем. Она не достигла такого процветания, как Коптос или Куш, потому что современная красноморская торговля не может сравниться с тою, которая существовала до открытия мыса Доброй Надежды.

Генерал Бельяр выступил 25 мая из Кены с двумя батальонами, двумя пушками и сотней всадников. Ему понадобилось три часа, чтобы достичь колодца Бир-аль-Бар, где он остановился, чтобы пополнить свой запас воды; затем он заночевал в пустыне, в 5 лье от колодца. В час ночи взошла луна, к рассвету он был в Гитте. Гитта имеет три очень больших колодца, выложенных кирпичом, с перилами; к ним могут спускаться и животные. Там есть форт и караван-сарай; это один из военных постов, которые Птоломей Филадельф построил на пути Береники. Отдохнув несколько часов в Гитте, генерал заночевал в пустыне, в 5 лье от этого пункта. 27-го, с восходом луны, он двинулся в путь и после десятичасового марша достиг колодца Аль-Хава; он стал лагерем в пустыне. Наконец, 28-го он прибыл к колодцу Амбага; это оазис, там есть акации, речка, солоноватая вода; отсюда до Косейра — два часа пути. Таким образом, на переход

от Кены к Гитте, через Бир-аль-Бар требуется	13 часов
от Гитты до источников Аль-Хавы	15 часов
от источников до Амбаги	11 часов
от Амбаги до Косейра	2 часа

Всего 41 час

кто, считая по 1850 туазов в час, составит около 65 800 туазов, или 33 лье (по 25 лье на градус). Арабы абабде кочуют по всей этой пустыне. Они похваляются, что могут выставить 2000 вооруженных воинов. У них мало лошадей, но много верблюдов, что позволяет им совершать переходы через пустыню от Нила до Красного моря и Сеннара.

Город Косейр лежит на берегу Красного моря, примерно в ста лье южнее Суэца (по прямой), под 26°7' северной широты и 32°1'36" долготы (от Парижа)¹. Он имеет в окружности 400—500 туазов. Пресную воду туда везут за 9 лье. Замок господствует над всем городом; там есть цистерна с водой, пригодной для животных. Вокруг этого города раскинулась пустыня. Население появляется в ней только тогда, когда приходят суда из Джидды и Ямбо. В это время там можно видеть много арабов из Ямбо и египетских купцов. Жители с восторгом встретили французские войска. Пробыв там два дня, генерал Бельяр вернулся в Кену, оставив в форту Косейра коменданта, гарнизон, продовольствие и пушки. Порт Косейр защищен от восточных и северных ветров, но подвергается действию западных. Старый Косейр, находящийся на севере, является, по мнению некоторых, древней Берейикой.

14 июня торжественный въезд в Каир Наполеона во главе армии, возвращавшейся из Сирии, утвердил спокойствие во всем Египте.

ГЛАВА VIII

СИРИЯ²

Пустыня, которая отделяет Сирию от Египта, простирается от Газы до Салихии; протяжение ее равно 70 лье. Чтобы пересечь ее, караванам требуется 80 часов. Газа находится в 100 лье от Каира. Эта пустыня делится на три части: 1) от Салихии до Катии — 16 лье пространства, покрытого сухим песком; там нет ни тени, ни воды, ни каких-либо следов растительности; караваны проходят это расстояние за 20 часов. Французские войска тратили на этот переход двое суток, но для верблюдов, повозок

¹ Имеется в виду — «восточный долготы». — Р е д.

² При переводе этой главы опущены некоторые географические разделы, не представляющие интереса в настоящее время. — Р е д.

и артиллерии требовалось трое суток. Близ Катии находятся зыбучие пески, чрезвычайно утомительные для обозов. Катия — оазис; там было два колодца с горьковатой, но все же пригодной к употреблению водою; там имелось также около тысячи пальм, под сенью которых могут отдохнуть 4000—5000 человек. Предполагают, что Катия была лагерем Александра; отсюда 5 лье до развалин Пелузия, а от форта Тина — 4 лье до берега моря. Таким образом, база в Катии может снабжаться судами, выходящими из Дамьетты и следующими по озеру Манзала до Тины, либо же выходящими из богаза¹ Дамьетты, следующими вдоль побережья Средиземного моря и разгружающимися на взморье, напротив Катии.

Вторая часть простирается от оазиса Катия до оазиса Аль-Ариш. Протяжение ее — 25 лье. Караваны тратят на переход ее 32 часа; французской армии требовалось для этого трое с половиной суток. На этом пути имелось три колодца, у которых делались остановки, но колодцы эти могли обеспечить водой только один-два батальона; первый из них — Бир-аль-Абу (6½ лье), второй — Бирка-Айш (7½ лье), третий — Масудия (8 лье), расположенный в трех лье от Аль-Ариша. Следуя в этом направлении, все время находишься в 2—3 лье от Средиземного моря — вплоть до Масудии, где начинается взморье. В трех лье к северу от Бир-аль-Абу находится гора Касий. Если бы были созданы посты во всех этих местах ночлега, то было бы возможно снабжать их водой, продовольствием и фуражом морским путем. Джермы, вышедшие из Дамьетты или Яффы, выгружали бы свои грузы на взморье, в трех лье от колодцев. Однако даже в случае, если бы войска двигались по тем местам, где находились озера короля Бодуэна, было бы предпочтительнее устроить посты для ночлега на берегу моря. Эти укрепленные склады охраняли бы судоходство. Аль-Ариш — оазис гораздо более протяженный и плодородный, нежели Катия. Там имеются шесть колодцев, могущих удовлетворить нужды армии в 15 000—20 000 человек, а также несколько тысяч пальм, под сенью которых может отдохнуть эта армия. Там была большая деревня с каменными постройками и фортом; в ней насчитывалось 500—600 жителей; форт и деревня находятся в полулье от моря, что облегчает снабжение устроенного там склада. На берегу моря виднеются развалины древнего города Ринокорур. Он находился на месте Аль-Ариша и располагал молами и портом, что способствовало судоходству.

Третья часть этой пустыни тянется от Аль-Ариша до Газы (15 лье). Караваны проходят ее за 23—24 часа. Французским войскам требовалось для этого трое суток. В четырех лье от Аль-Ариша находится могила святого Карут, еще через 4 лье расположен колодец Зави; в четырех лье от Зави — колодец Рафия; в двух лье за ним — замок Хан-Юнус; там начинается

¹ Озера. — Р е д.

Сирия. От Хан-Юнуса до Газы — 7 лье; это больше не пустыня; это нечто среднее между пустыней и обработанной местностью. Весь этот путь идет вдоль берега моря, на расстоянии одного — полутора лье от него. Рафия была некогда большим городом, там еще видны развалины. Следовательно, большой армии нужно 12 суток для перехода через великую пустыню и Суэцкий перешеек, считая одни сутки пребывания в Катии и столько же в Аль-Арише.

Известно, что во все исторические эпохи полководцы, совершавшие походы из Египта в Сирию или из Сирии в Египет, рассматривали эту пустыню, как препятствие тем более значительное, чем больше было у них лошадей. Древние историки сообщают, что когда Камбиз решил проникнуть в Египет, он вступил в союз с одним арабским королем, который провел в пустыне канал с водой; это, несомненно, обозначает, что он усеял пустыню верблюдами, несшими воду. Александр стремился завоевать расположение евреев, чтобы они служили ему при переходе пустыни. Однако в древние времена это препятствие было не столь значительным, как сейчас, потому что там существовали города и деревни, а людская предприимчивость успешно боролась с трудностями. Ныне от Салихии до Газы не осталось почти ничего. Значит, армия должна совершить этот переход постепенно, создавая этапные пункты и склады в Салихии, Катии, Аль-Арише. Если эта армия выходит из Сирии, она должна сначала создать большой склад в Аль-Арише, а затем перенести его в Катию, но поскольку эти операции чрезвычайно затяжные, противник получает время, необходимое для подготовки к обороне.

Переход через эту пустыню летом представляет собой весьма утомительную и сложную операцию: 1) горячий песок; 2) недостаток воды; 3) отсутствие тени — могут погубить армию или же настолько ослабить и обескуражить ее, что это даже невозможно себе представить. Зимой данное препятствие становится куда менее значительным. В это время года нет таких неудобств, как горячий песок и невыносимая жара; требуется меньшее количество воды. Легко понять поэтому, что наличие в Аль-Арише крепости, способной помешать противнику пользоваться водою колодцев и тенью от пальм, было бы весьма ценным. Армия, которая захотела бы осадить ее, страдала бы на стоянке от солнечных лучей и была бы вынуждена получать продовольствие, фураж, дрова, фашины и воду из Газы. После взятия Аль-Ариша пришлось бы потратить немало недель для заполнения этого склада, чтобы он мог удовлетворить все нужды армии во время осады Катии. Ибо продовольствие, фашины, воду для осады Катии пришлось бы доставлять со склада в Аль-Арише. Прежде чем решиться на оставление Катии, пришлось бы создать там большие склады, способные удовлетворить нужды армии при переходе к Салихии. Эта армия, обессиленная пе-

реходом через пустыню от Катии до Салихии, могла бы быть разбита другой армией, уступающей ей в численности. Если она потерпит поражение до прибытия в Каир, то у нее будет только одна линия отступления, причем она окажется обремененной огромным количеством верблюдов, несущих воду. Армия, разбитая и отброшенная в пустыню, не может больше занять там какую-либо позицию; она может остановиться только у Газы.

Армия, защищающая Египет, может сосредоточиться либо у Аль-Ариша, чтобы воспротивиться обложению этой крепости, либо у Катии, чтобы заставить противника снять осаду с Аль-Ариша, или же ждать врага либо у Катии, либо у Салихии; любая из этих альтернатив имеет свои преимущества. Из всех преград, которые могут прикрывать границы империи, пустыня, подобная описанной, несомненно, является самым большим. На втором месте стоят такие горные цепи, как Альпы, на третьем — реки; ибо, если задача доставки продовольствия для армии является настолько трудной, что ее редко удается решить полностью, то эта трудность возрастает в двадцать раз, когда приходится тащить с собой воду, фураж и дрова — три вещи, обладающие большим весом, и перевозка которых затруднительна, между тем как в обычных условиях армии находят их на месте.

ГЛАВА IX

ЗАВОЕВАНИЕ ПАЛЕСТИНЫ

I. Решение начать войну в Сирии (1799 г.). — II. Армия делится на три корпуса. — III. Переход через пустыню; через Суэцкий перешеек; бой у Аль-Ариша (9 февраля); ночной бой (15 февраля); взятие форта (21 февраля). — IV. Авангард блуждает по пустыне (22 февраля); бой у Газы (26 февраля). — V. Марш на Яффу; осада и взятие города (6 марта). — VI. Чума в Яффе; заключение перемирия с агай Иерусалима (10 марта). — VII. Бой у Набуллуса (15 марта). — VIII. Взятие Хайфы; прибытие к Акре¹ (18 марта).

I. Французские колонии в Вест-Индии были потеряны. Предоставление свободы чернокожим и события, происходившие на Сан-Доминго в течение восьми лет, не оставляли надежды на восстановление старой колониальной системы. К тому же возникновение на Сан-Доминго новой державы, управляемой чернокожими и находящейся под покровительством республики, повлекло бы за собой разорение Ямайки и английских колоний. В этих условиях Франция нуждалась в новой большой колонии, способной заменить ей американские.

Со времени последней борьбы, которую Франция вела с Англией в Индостане, она потеряла там все свои опорные пункты. У нее оставалась только прекрасная, но небольшая колония — о. Иль-де-Франс². Англичане же, напротив, настолько расши-

¹ Акке. — Ред.

² Такого острова нет. Автор, очевидно, имеет в виду о. Реюнион. — Ред.

рили свои владения и утвердили свое владычество в Индии, что стало трудно атаковать их там непосредственно. Они были хозяевами всех портов; они держали там 125 000 солдат, в том числе 30 000 европейских; правда, эти войска прикрывали большую территорию. Типпу-сагиб, маратхи, сикхи и другие воинственные и неподчинившиеся им народы могли выставить массу воинов, готовых присоединиться к французской армии. Но для того, чтобы вести, с надеждой на успех, войну на столь отдаленном театре, нужно было иметь промежуточную позицию, служащую плацдармом. Египет, находящийся в 600 лье от Тулона и в 1500 лье от Малабара, и являлся таким плацдармом. Прочно утвердившись в этой стране, Франция раньше или позже стала бы хозяйкой Индии. Обширная торговля Востока вернулась бы на свой древний путь через Красное и Средиземное море. Таким образом, с одной стороны, Египет заменил бы Сан-Доминго и Антильские острова; с другой стороны, он должен был послужить этапом на пути к завоеванию Индии.

Александр проник в Индию, переправившись через Инд в верхнем течении этой реки; он осуществил свое возвращение в Вавилон через Гедрозию или Мекран. Если его армия пострадала, то это объясняется тем, что она не располагала всем необходимым для этого перехода. Имея суда, можно переправиться через океан; для того, кто имеет верблюдов, пустыни предстают быть препятствиями. Из Египта армия на верблюдах может достичь Басры за 30—45 дней; из Басры она может за 40 дней достигнуть границ Мекрана; на своем пути она найдет Шираз — большой и красивый город. Весь Керман представляет собой плодородную область, где она сможет в изобилии запастись продовольствием для перехода через пустыню до Инда. Эти пустыни менее иссушены, чем аравийские. Выступив из Египта в октябре, она к марту достигла бы места назначения. Там она очутилась бы среди сикхов и маратхов.

Французская армия насчитывала только 30 000 человек, но имевшихся в наличии частей было достаточно для увеличения ее до 60 000. Действительно, в ней было 480 рот пехоты, 60 рот кавалерии, 40 рот артиллерии, саперов, минеров, рабочих артиллерийского обоза; следовательно, она могла принять в свой состав 30 000 рекрутов из местных жителей. Их предполагалось набрать следующим образом: 15 000 чернокожих рабов из Сеннара и Дарфура и 15 000 греков, коптов, сирийцев, юных мамлюков, магрибинцев и мусульман из Верхнего Египта, привычных к пустыне и высоким температурам жаркого пояса.

Египет мог предоставить все: 10 000 лошадей, 1500 мулов, 50 000 верблюдов, бурдюки, муку разных сортов, рис и прочее, необходимое для этой операции. Прочное овладение этой страной являлось, следовательно, фундаментом всего здания. Перед отъездом из Франции Наполеон подсчитал время и средства, потребные для завоевания Египта, имея в виду совершить

поход на Инд раньше или позже — в зависимости от более или менее благоприятных настроений в среде народов Востока и более или менее счастливого хода событий. Он льстил себя надеждой, что первых 15 месяцев, с июля 1798 г. до октября 1799 г., будет достаточно для завоевания страны, набора рекрутов, лошадей и верблюдов, снаряжения и вооружения армии и что осенью 1799 г. и зимой 1800 г. он сможет следовать к месту назначения со всей армией или частью ее, ибо 40 000 человек, в том числе 6000 на конях, 40 000 верблюдов и 120 полевых орудий было, по его мнению, достаточно, чтобы поднять Индостан. Еще во Франции было условлено, что в октябре или ноябре 1798 г. правительство направит три 74-пушечных корабля, четыре фрегата и пять транспортов с 3000 человек для пополнения гарнизона Иль-де-Франса и крейсирования в индийских морях; что как только будет принято решение относительно срока выступления армии к Инду, эскадра в составе пятнадцати линейных кораблей, шести фрегатов и пятнадцати больших транспортов выйдет из Бреста с 5000 солдат, продовольствием и боеприпасами. Эта эскадра должна была установить связь с сухопутной армией на побережье Мекрана. Оказав армии всемерное содействие в деле овладения какой-либо крепостью (Сурат, Бомбей или Гоа), она должна была разделиться на небольшие отряды, чтобы крейсировать в морях от Инда до Китая. Три отряда должны были отплыть с Иль-де-Франса, чтобы создать склады в трех заранее обусловленных портах мекранского побережья. Войсковые части, которые будут находиться на Иль-де-Франсе, численностью в 3000 человек, со штатным расписанием в 6000, должны быть пополнены 1500 белых колонистов и 1500 чернокожих. Эти 6000 человек должны послужить для охраны указанных промежуточных станций или этапных пунктов, а затем последовать за армией, когда она пройдет их.

Успех штурма Александрии, победы у Шубрахита и пирамид, благоприятное настроение улемов, которые устранили самое большое препятствие — религиозный фанатизм, позволяли надеяться в определенный момент, что Мурад и Ибрагим-бей подчинятся. Но уничтожение эскадры привело к двоякому результату: оно помешало мамлюкам подчиниться и позволило противнику установить тесную блокаду побережья. Прекратились сношения с Францией, откуда ожидали второй конвой с 6000 солдат, уже взятых на суда в Тулоне, равно как и большое количество обмундирования, вооружения и т. д. Наконец, гибель эскадры заставила императора¹ объявить войну республике.

После битвы у Седимана и восстания в Каире снова имели

¹ Султана. — Р е д.

место переговоры с Мурад- и Ибрагим-беем; они были склонны подчиниться и служить под французскими знаменами; но они получили известие о том, что Порта намерена ввести в бой две армии. Они решили дождаться исхода этого предприятия. Обе армии насчитывали по 50 000 человек; одна формировалась на Родосе, другая в Сирии; они должны были выступить одновременно в июне 1799 г. Первая должна была выступить в Дамiette или Абукире; вторая — перейти через пустыню от Газы до Салихин и двигаться на Каир. В то же время должны были начать действовать мамлюки, арабы и партизаны. В первые дни января 1799 г. стало известно, что из Константинополя в Яффу доставлено 40 пушек и 200 зарядных ящиков. Их обслуживали полторы тысячи канониров, обученных французскими офицерами. В Яффе, Рамле, Газе были созданы большие запасы сухарей, пороха, бурдюков для перехода через пустыню. Авангард Джеззар-паши численностью в 4000 человек прибыл в Аль-Ариш. Один из его генералов — Абдаллах — находился в Газе с другими 8000 солдат; он дожидался подхода 10 000 человек из Дамаска, 8000 из Иерусалима, 10 000 из Алеппо и такого же количества из провинции Ирак. На Родосе было уже сосредоточено 8000 человек. Ожидали еще 10 000 албанцев, 9000 янычар из Константинополя, 15 000 из Малой Азии, 8000 из Греции; турецкая эскадра и транспорты готовились к выходу из Константинополя.

Страх перед этим вторжением повернул вспять развитие общественной мысли в Египте; больше ничего нельзя было сделать. Если бы к родосской армии присоединилась английская дивизия, это вторжение стало бы чрезвычайно опасным. Наполеон решил взять инициативу в свои руки, самому перейти через пустыню, громить сирийскую армию по мере подхода различных дивизий, овладеть всеми складами и крепостями (Аль-Ариш, Газа, Яффа, Акра), вооружить христиан Сирии, поднять восстание друзов и маронитов, а затем действовать сообразно обстоятельствам. Он надеялся, что при получении известия о взятии Сен-Жан-д'Акра мамлюки, арабы Египта, сторонники дома Дахэра¹ присоединятся к нему; что к июню он станет хозяином Дамаска и Алеппо; что его аванпосты будут находиться на горах Тавр, причем в его непосредственном подчинении будут 26 000 французов, 6000 мамлюков и арабских всадников из Египта, 18 000 друзов, маронитов и других сирийцев; что Дезэ будет готов прийти ему на помощь из Египта во главе 20 000 солдат, в том числе 10 000 французов и 10 000 завербованных в армию чернокожих. В этом положении о сможет воздействовать на Порту, принудить ее к миру и согласию на

¹ Представитель этого дома возглавлял антитурецкое восстание во второй половине XVIII в. — Р е д.

его поход в Индию. Если судьба будет благоприятствовать осуществлению его планов, он еще успеет прибыть на Инд в марте 1800 г. с сорокатысячной армией, несмотря на потерю флота. Он имел агентов в Персии и знал, что шах не будет противодействовать проходу армии через Басру, Шираз и Мекран. Ход событий опроверг его расчеты. Тем не менее Сирийская кампания достигла одной из поставленных целей — уничтожения турецких армий; она спасла Египет от ужасов войны и упрочила господство над этой страной, завоеванной в результате блестящих побед. Вторая цель была бы достигнута еще и в 1801 г., после Люневильского договора, если бы Клебер остался жив.

II. На 1 января 1799 г. Восточная армия насчитывала 29 700 человек строевого и нестроевого состава, в том числе: 22 000 человек — в пехоте; 3000 — в кавалерии; 3200 — в артиллерии и инженерных войсках; 600 гидов¹; 900 нестроевиков, рабочих, чиновников гражданской администрации. Всего — 29 700 человек, распределенных между тремя корпусами следующим образом:

	Верхний Египет	Нижний Египет	Сирия	Всего
Пехота	5000	7000	10 000	22 000
Кавалерия	1200	1000	800	3000
Артиллерия	300	1300	1600	3200
Гиды	—	—	600	600
Нестроевики	50	700	150	900
	6550	10 000	13 150	29 700

Генералы Дезе, Фриан, Бельяр, Даву, Ласалль командовали в Верхнем Египте; генералы Дюга, Ланюсс, Мармон, Альмейрас — в Нижнем; генералы Клебер, Бон, Ренье, Ланн, Мюрат, Доммартен, Каффарелли дю Фальга, Виаль, Во, Жюно, Вердые, Лагранж входили в состав сирийской армии.

Каждая дивизия Сирийской армии имела шесть полевых орудий, кавалерия и охрана имели по шесть орудий на конной тяге — всего 36 орудий. Парк имел четыре 12-фунтовые пушки, четыре 8-фунтовые, четыре гаубицы, четыре 6-дюймовые мортиры, всего — 16 орудий; итого — 52 орудия с двойным против нормы количеством боеприпасов, инструментами и минным парком. Осадный парк из четырех 24-фунтовых орудий, четырех 16-фунтовых, четырех 8-дюймовых мортир со всем необходимым был погружен в Дамiette на шесть небольших шебек; было

¹ Личная охрана Наполеона. — Ред.

невозможно тащить через зыбучие пески пустыни настолько тяжелые орудия. Такой же осадный парк, нагруженный на три фрегата — «Жюнон», «Куражез» и «Альсест», находился на александрийском рейде под командованием контр-адмирала Перрэ. Таким образом, главнокомандующий принял удвоенные меры предосторожности, дабы иметь уверенность, что он не останется без тяжелых орудий, которые считались необходимыми для осады Яффы и Акры.

Каирская знать имела те же интересы, что и Наполеон; она с удовольствием взирала на операцию, которая должна была отдалить театр войны от ее домашних очагов, перенеся его в Сирию. Надежда видеть Египет, Сирию и Аравию под властью одного государя была ей приятна. Она назначила делегацию из пяти наиболее образованных шейхов, чтобы проповедовать в мечетях и настроить умы мусульман в пользу армии, защищать мусульманские интересы перед французами и возбуждать арабский патриотизм. В составе этой делегации находились лица, уважаемые на всем Востоке. Отбытие этой делегации великих шейхов произвело сильнейшее впечатление на все население Египта. Туземцы радовались успехам французов, их умы, которые удалось просветить в отношении этих тонких материй, открылись для новых и прежде совершенно неизвестных им идей.

Начальник военно-строительных работ Сюси был болен; его рана не заживала; он пожелал вернуться во Францию. Он уехал из армии и в Александрии был принят на борт большого транспорта вместе с 200 инвалидов — слепых или с ампутированными конечностями. Плавание протекало сначала удачно, но в связи с истощением запаса воды судно пристало к берегу Сицилии, чтобы набрать свежей. Свирепые островитяне напали на судно, зарезали Сюси и несчастных солдат, которые избегли стольких опасностей и бед в стольких сражениях; виновники этого столь ужасного преступления не были наказаны; говорили, что они получили за него награду!!!

Сирийской армии требовалось в общей сложности 3000 верблюдов и 3000 ослов для перевозки продовольствия, воды и обозных грузов, а именно: 1000 верблюдов для перевозки двухнедельного запаса продовольствия на 14 000 человек, а также на 3000 лошадей кавалерии, штаба и артиллерии и 2000 верблюдов для перевозки запаса воды на три дня, поскольку этот запас можно было возобновить в Катии и Аль-Арише. 3000 ослов были распределены из расчета один осел на десять пехотинцев, что давало возможность каждому солдату взять с собой 15 фунтов клади.

III. 20 декабря один из генералов Джеззара — Абдаллах — встал лагерем в Газе с двенадцатитысячной армией; 2 января 1799 г. он занял Аль-Ариш четырехтысячным отрядом. Генерал Ренье, который с начала января держал гарнизон в форте

Катия, 23 января перенес свою главную квартиру в Салихию, а 5 февраля — в Катию, откуда он выступил 6-го, а 8-го прибыл к колодцам Масудия, вызвав тревогу в Аль-Аришском лагере. Был захвачен в плен мамлюкский гонец Ибрагим-бей; он дал весьма преувеличенные сведения. Встревоженный генерал Ренье тут же отправил к главнокомандующему курьера на дромадере, чтобы донести о критическом положении, в котором он должен был очутиться.

Прибыв в 8 часов утра на расстояние пушечного выстрела от Аль-Ариша, он встал на позицию. Турки занимали форт и позицию перед деревней Аль-Ариш, дома которой построены из камня; они в них забаррикадировались под прикрытием артиллерии форта. Как только противник установил малочисленность французской кавалерии, он бросил свою конницу на фланги и тыл французского отряда. Турки обороняли все колодцы и пальмовый лес. Французы стояли биваком на песчаном холме, без воды, без тени, без фуража, без дров. Каждую минуту ожидали подхода из Газы Абдаллаха с остальными его войсками и двенадцатью пушками, предназначенными для вооружения форта, в котором имелось только три орудия. Позиция противника была очень сильной. Ренье понял это, но, уступая силе обстоятельств, приказал атаковать ее. Он подготовился наилучшим образом. После оживленной артиллерийской перестрелки 85-й полк штурмом овладел деревней Аль-Ариш; 500 турок были убиты или взяты в плен, остальные 2500 бежали в форт, где были блокированы; турецкая кавалерия отступила и стала на позицию в полулье от Аль-Ариша, оседлав дорогу на Газу; ее прикрывал большой овраг. Ренье потерял 250 человек убитыми или пленными, что вызвало ропот в армии, которая винила в этом его; эти упреки были несправедливы; генерал сделал то, чего требовали осторожность и обстоятельства.

11-го вечером на выручку гарнизону Аль-Ариша прибыл из Газы Абдаллах с 8000 человек. Он стал за своей конницей, на правом берегу оврага Эгиптус. Положение Ренье становилось очень критическим, но дивизия Клебера, которая погрузилась на суда, стоявшие в Дамiette на озере Манзала, высадилась у форта Тина, близ развалин Пелузия, в двух лье от Катии. 6 февраля она поспешно продолжала свой марш на Аль-Ариш, куда прибыла 12-го утром.

Генерал Клебер приступил к блокаде форта. 12-го утром генерал Ренье сосредоточил свою дивизию в пальмовом лесу, с левой стороны оврага, напротив дивизии Абдаллаха; 13-го и 14-го он занимался рекогносцировкой местности, разработкой диспозиции, инструктированием офицеров, которым предстояло командовать его колоннами, а в ночь с 14-го на 15-е осуществил одну из самых прекрасных операций, какие только возможны на войне. В 11 часов вечера он выступил из своего лагеря, дви-

нулся направо и на протяжении одного лье следовал вдоль оврага Эгиптус; затем перешел его, построил войска в боевой порядок, примкнув левым флангом к оврагу и расположив правый со стороны Сирии; таким образом, он занял позицию, перпендикулярную к левому флангу армии противника; в самом глубоком молчании дивизия разбилась на полковые колонны; таких колонн было, следовательно, три, причем они находились на дистанции развертывания друг от друга, а артиллерия была поставлена в промежутки; в 200 шагах от каждой колонны он сосредоточил гренадеров, которым придал по 50 всадников, что довело численность каждого отряда до 200 человек. После этого он в том же порядке двинулся на врага; как только были встречены первые часовые, он остановился и уточнил свое местоположение. Три отряда гренадеров по трем разным направлениям ринулись во вражеский лагерь; каждый из них имел с собой несколько потайных фонарей, каждый солдат перевязал рукав белым платком; к тому же разница в языке облегчала опознание врага. В один миг смятение охватило лагерь Абдаллаха. Ренье с центральной колонной достиг палатки паши, который едва успел спастись пешком; несколько киашифов Ибрагимбея были захвачены в плен; противник оставил на поле сражения 400—500 убитых, 900 пленных, всех своих верблюдов, большую часть лошадей, все свои палатки и обоз. Абдаллах бежал, объятый ужасом, и собрал свою дивизию только в Хан-Юнусе. У Ренье было убито только три человека и ранено пятнадцать—двадцать; 17-го он стал лагерем на позиции, которую занимал ранее противник, прикрывая осаду Аль-Ариша. Этот бой во всех отношениях делает честь хладнокровию и мудрым распоряжениям генерала.

В первых числах февраля перед Александрией появились два английских линейных корабля и около пятнадцати других судов. Они бомбардировали город, но береговые батареи вели огонь с такой меткостью, что канониры вскоре были выведены из строя. Стало очевидным, что целью противника является приостановить движение армии на Сирию, угрожая Александрии. Родосская армия была еще не готова.

Главнокомандующий отбыл из Каира с дивизиями Бона и Ланна. 9 февраля он стал лагерем в Аль-Ханка, а 10-го — в Бельбейсе. Он отправился в лагерь Бирка, где находилась делегация дивана; это был совершенно восточный лагерь. Каждый из пятнадцати шейхов имел по три палатки, убранство которых характеризовалось азиатской роскошью. Он позавтракал с ними, осмотрел их лагерь и к вечеру вернулся в свою главную квартиру в Бельбейсе. 11 февраля он расположился на ночлег под пальмами Кораима; едва только успели разбить палатки, как прибыл на дромадере курьер с депешами от генерала Ренье, написанными утром 9 февраля у колодца Масудия. Он сообщал, что полученные им данные заставляют его думать,

что вся армия Джебзара находится на марше и что большой отряд ее прибыл в Аль-Ариш; что положение его посреди этой огромной пустыни станет весьма трудным. Это побудило главнокомандующего немедленно продолжать свой путь. Он сел на дромадера и после марша, продолжавшегося всю ночь, прибыл в Аль-Ариш 15 февраля на рассвете, когда заканчивался ночной бой; он направился в лагерь Абдаллаха и выразил войскам свое удовлетворение по поводу их ночных подвигов. Главная квартира, резервные парки, дивизии Бона и Ланна заночевали 12-го в Салихии, 13-го в Аль-Арасе, 14-го в Катии, 15-го в Бираль-Абде, 16-го в Бирка-Айше, 17-го в Масудии, а 18 и 19 и 20 февраля прибыли в Аль-Ариш.

Поражение Абдаллаха, видимо, не оказало влияния на гарнизон форта, который был явно полон решимости оказать самое упорное сопротивление. Генерал Каффарелли соорудил две батареи: одну из восьми 8-фунтовых пушек и четырех гаубиц, в 150 туазах от форта, для ведения настильного огня, другую для пробития бреша. Последнюю он расположил в 10 туазах от форта, воспользовавшись стоявшим там каменным складом; эта батарея состояла из четырех 12-фунтовых пушек. 18-го первая батарея повела обстрел форта и подавила его артиллерию, приведя ее к молчанию. 12-фунтовые пушки находились в резервном парке, они могли прибыть самое раннее — 20-го. Генерал Доммартен приказал удвоить упряжки: два из этих орудий были доставлены 19-го утром, он тут же усилил ими батарею; за 5 или 6 часов в стене форта была пробита брешь. Генерал Бертье предложил гарнизону сдаться; гарнизон этот не возглавлялся каким-либо авторитетным лицом; им командовали четыре начальника. Они направили двоих из своей среды, чтобы дать ответ на предложение о сдаче; они имели приказ защищать форт до конца и были исполнены решимости повиноваться ему; они не хотели ничего слушать. Наконец, они, со своей стороны, предъявили ультиматум о заключении двухнедельного перемирия с тем, что по истечении этого срока они сдадут форт, если им не придут на помощь. Эти начальники выражались решительно и выказали готовность пойти на риск штурма. Французы находились настолько близко к форту, что были слышны речи имамов к солдатам и молитвы, которые они читали. Все эти люди были фанатизированы. Штурм, успех которого был вероятен, мог бы обойтись в 400—500 человек, а наше положение не позволяло идти на такую жертву. В то же время нельзя было терять ни минуты. Абдаллах собрал свои силы в Хан-Юнусе и каждый день получал подкрепления. Поведение гарнизона достаточно ясно показывало, что он рассчитывал на подмогу. Запас воды в колодцах Аль-Ариша истощался, необходимо было кончать с этим делом.

Генерал Доммартен сосредоточил в одном месте дивизионные гаубицы; 20 февраля утром он произвел бомбардировку

форта. Канониры забросили туда 800—900 снарядов с такой меткостью, что они сеяли ужас и смерть среди гарнизона. Каждый снаряд убивал или ранил кого-либо, ибо все они разрывались в маленьком форту, где люди были прижаты один к другому. Гарнизон тогда переменял тон и дал сигнал сдачи; после тщетных споров четыре начальника подписали предложенный им акт о капитуляции. Гарнизон сложил оружие на гласисе, выдал лошадей, поклялся отправиться в Багдад через пустыню, не поднимать оружие против Франции на протяжении этой войны и не возвращаться в течение года ни в Египет, ни в Сирию; на протяжении первых шести лье пути на Багдад его сопровождал эскорт. В бою за деревню Аль-Ариш и при артиллерийском налете на форт 700 человек из его состава были убиты, ранены или взяты в плен; 300 из этих магрибинцев просили о зачислении их на военную службу. В форту имелись 250 лошадей, сотня верблюдов, три пушки. Пленные, знамена, пушки были отправлены делегации дивана в Салихию, а оттуда — в Каир; они фигурировали при триумфальном въезде через ворота Побед¹. Инженерные войска заделали брешь, снова привели форт в хорошее состояние, построили четыре люнета, что увеличило вместимость форта и позволило простреливать лощины, находившиеся совсем близко.

IV. Генерал Клебер, командовавший авангардом, выступил 22 февраля до рассвета; ему нужно было заночевать у колодца Зави, чтобы на следующий день прибыть в Хан-Юнус; он имел приказ при наличии возможности поставить аванпост в Хан-Юнусе; от Аль-Ариша до Хан-Юнуса — 14 лье. Главнокомандующий выступил 23-го в час пополудни со ста дромадерами и 200 солдат конной охраны. Он ехал рысью, чтобы догнать авангард; прибыв к могиле святого Каруб, он обнаружил большое число рвов, где арабы закапывают рожь и овощи; ни один не был разрыт. Прибыв к колодцу Зави, он не нашел следов авангарда. Погода стояла прохладная, а в пустыне часто случалось, что солдаты предпочитали удвоить переход, лишь бы добраться до лучшей местности. Когда отряд достиг колодца Рафия, солнце уже заходило; там он также не обнаружил никаких следов дивизии; наконец, он достиг высоты напротив Хан-Юнуса. Деревня лежит в ложине; было еще не совсем темно, он заметил большое число палаток; лагерь был слишком велик, чтобы быть лагерем генерала Клебера. Вскоре после этого подразделение охраны дало несколько выстрелов из карабинов по боевому охранению противника; один из егерей прискакал галопом и доложил, что стрелял из карабина по мамлюкам Ибрагим-бея и видел весьма значительный лагерь, где пехота становилась в ружье, а кавалеристы садились на коней. Легко представить себе удивление штаба. Что же стало с аван-

¹ В Каире. — Р е д.

гардом? Лошади были очень утомлены; за девять часов они сделали 12 лье; предстояло преследование многочисленной кавалерии на свежих лошадях, нужно было поспешно начать отход; колодцы Рафия находились слишком близки, и к 11 часам вечера отряд прибыл к колодцу Зави. Патрули, направленные вдоль берега моря через пустыню, не доставили никаких новостей.

В 3 часа ночи патруль из двенадцати всадников на дромедерах, возвращавшийся из Гайяна, привел араба, найденного в маленькой хижине: он сторожил стадо верблюдов. Тот сказал, что в трех лье от Аль-Ариша французы покинули Сирийскую дорогу и пошли напрямик в направлении Гайяна, то есть на Карак. Главнокомандующий немедленно отправился в путь, взяв этого араба в качестве проводника. На рассвете он встретил трех или четырех драгун авангарда, которые сообщили ему самые плачевные вести. Клебер сбился с пути и в течение 15 часов марша не замечал своей ошибки; но в 5 часов полудни несколько солдат, удивленных тем, что не видят могилы святого, у которой, по словам жителей Аль-Ариша, они должны были найти рвы с овощами, сообщили о своих сомнениях офицерам, а последние довели о них до сведения генерала. Предупрежденный таким образом, Клебер уточнил свое местоположение и понял, что сбился с пути. За авангардом следовало только несколько верблюдов с водой; сварив суп, авангард, как только взошла луна, снова отправился в путь, чтобы вернуться по своим следам к колодцу Зави; он знал, что главнокомандующий должен был следить за ним, и сильно тревожился, пока в 10 часов главнокомандующий не появился. Как только солдаты узнали его серый походный сюртук, они приветствовали его несмолкаемыми криками радости. Уныние было настолько сильным, что несколько человек сломали свои ружья. Наполеон велел дать сигнал сбора, и когда дивизия собралась, сказал солдатам, «что не бунтом могут они помочь своим бедам; что в случае крайности лучше зарыться головой в песок и умереть с честью, нежели устранять беспорядки и нарушать дисциплину». Он сообщил им, что они находятся недалеко от колодца Зави, что навстречу им идут верблюды с водой; в полдень дивизия Клебера прибыла к колодцу Зави — одновременно с прибытием туда из Аль-Ариша остальной части армии и верблюдов резерва. Не хватало только пяти человек, умерших от жажды или заблудившихся. Ланн принял командование авангардом и в тот же вечер заночевал в Хан-Юнусе. Пленные показали, что за два дня до этого при виде охраны главнокомандующего Абдаллах сел на коня и со всей своей кавалерией продвинулся до Рафии. Но поскольку ночь стала очень темной, он прекратил преследование из опасения попасть в какую-нибудь засаду. Великая пустыня была пройдена. В Хан-Юнусе имелись большие сады; вода в колодцах была хорошая и в количестве,

достаточном для того, чтобы не только удовлетворить текущие нужды, но и наполнить бурдюки; от этой деревни до Газы больше нет колодцев.

Армия перешла границу Африки и находилась в Азии. Хан-Юнус — первая деревня Сирии. Предстоял переход через Святую землю¹. Солдаты увлекались всякого рода предположениями. Для всех был праздником поход на Иерусалим; этот знаменитый Сион возбуждал воображение каждого и вызывал различные чувства. Христиане показали им в пустыне колодезь, где богоматерь, идя из Сирии, отдыхала с младенцем Иисусом. При генералах состояло в качестве толмачей, интендантов или секретарей большое количество сирийских католиков, которые немного говорили на «лингга-франка» — итальянском жаргоне; они разъясняли солдатам все традиции их легенд, изобилующих суевериями.

День 24 февраля армия провела в Хан-Юнусе; 25-го она выступила до рассвета; в трех лье оттуда она встретила авангард Абдаллаха и захватила несколько пленных. Этот полководец прикрывал город Газу; он получил подкрепление. Под его командой находилось 12 000 человек, в том числе 6000 конницы. Он каждую минуту ждал подхода армии нерусалимского аги, а также 14 пушек из яффского полевого парка; следовательно, численность его армии должна была достигнуть тысяч двадцати. Его пехота была недисциплинированной; ее нужно было как-то принимать во внимание только до тех пор, пока она останется за стенами Газы. Кавалерия состояла из трех категорий воинов: мамлюков Ибрагим-бея — это были отборные войска; но этот бей, пришедший в Сирию с тысячью человек, имел теперь только 500—600 всадников; арнаутов² Джемзар-паши насчитывалось 3000 человек (на конях); дели из Дамаска³ было две тысячи. Количество арабов в лагере, в соответствии с их обычаем, то уменьшалось, то возрастало; пленные считали, что их там всегда было не менее тысячи. В 3 часа пополудни обе армии завидели друг друга. Правый фланг армии Абдаллаха был примкнут к большому холму, именуемому Хеврон, куда Самсон принес ворота Газы. Этот холм расположен напротив Газы, от которой отделен долиною шириной в 700—800 туазов. Вся его конница находилась у него на левом фланге. Он занимал не город Газа, а только тамошний форт, где имелись тяжелые орудия. Наполеон поручил командование левым флангом Клеберу, а центром — генералу Бону. Вся конница под командованием Мюрата находилась на правом фланге; и поскольку она сильно уступала вражеской в численности, он поддержал ее тремя пехотными каре генерала Ланна. Гу-

¹ Палестину. — Ред.

² Наемников-албанцев. — Ред.

³ Жителей Дамаска. — Ред.

сары доставили несколько пленных, которые сообщили, что иерусалимский ага еще не прибыл, а артиллерия парка в Яффе еще не выступала из этой крепости из-за отсутствия упряжек. Абдаллах располагал, следовательно, лишь 10 000—12 000 человек всего при двух орудиях; его не следовало страшиться. Генерал Клебер ринулся в долину между Газой и правым флангом противника и оказался в тылу врага. Конница, поддержанная каре генерала Ланна, обогнула левый фланг, в то время как генерал Бон с центром двинулся на противника с фронта. Как только эти маневры были замечены турками, последние отошли, оставив все свои позиции. Только мамлюки Ибрагим-бея вели себя мужественно; они опрокинули три головных эскадрона генерала Мюрата; но, атакованные во фланг, они были вынуждены отступить. Чорбаджи, хотя и были несколько лучше арабов, далеко уступали мамлюкам и даже при тройном превосходстве в численности не могли померяться силами с драгунами. Последние преследовали противника по пятам на протяжении двух лье. Но турки очень подвижны; у них совершенно не было обоза и имелись только два артиллерийских орудия, которые они бросили. Мамлюки Ибрагим-бея прикрывали отход; Абдаллах потерял 200—300 человек. Потери французской армии составили человек шестьдесят убитыми, ранеными или пленными.

Шейхи и улемы Газы вручили ключи своего города. Прокламации дивана мечети Аль-Азхар, следовавшего за армией, примирили с нами жителей; они не изменили своего настроения за все время войны. В тот же вечер форт был окружен, и под влиянием жителей ага, состоявший в нем комендантом, сдал его на рассвете. Там находилась артиллерия, склады и запас бурдюков турецкой армии. Газа расположена в полулье от моря; высадка десанта у этого города чрезвычайно затруднительна; там нет ни порта, ни причалов. Город стоит на красивом плато, имеющем два лье в окружности. Когда-то этот город был крепостью. Александр осаждал его, столкнулся с трудностями и был тяжело ранен. Ныне, однако, это только совокупность трех жалких поселков, население которых составляет 3000—4000 душ. Равина Газы красива, обильна, покрыта рощами оливковых деревьев, орошается множеством ручьев; на ней находится большое число красивых деревень.

Армия встала лагерем в плодовых садах вокруг города; она заняла высоты сильными отрядами. Среди ночи она была разбужена явлением природы, от которого отвыкла. Загремел гром, в воздухе засверкали молнии, с неба низвергались потоки дождя. Солдаты стали испускать радостные крики; вот уже почти год, как они не видели и капли дождя; это климат Франции,— говорили они. Но когда миновал первый час дождя, ливень, от которого негде было укрыться, надоел им; вскоре долина оказалась затопленной; главнокомандующий приказал перенести

свои палатки на высоту Хеврон. Армия почувствовала, в какой плодородной местности она находится. В течение четырех дней она отдыхала после утомительного перехода через пустыню; она в изобилии получила продовольствие отличного качества. Земля была жирной, размытой, небо было покрыто тучами. Через несколько дней от этого стала страдать солдатская обувь.

Бертье воспользовался периодом отдыха, чтобы направить прокламации в Иерусалим, в Назарет и в Ливан. Это были прокламации султана Кебира, обращенные к туркам; это были обращения улемов мечети Аль-Азхар к правоверным мусульманам, а также письма к христианам. Эти прокламации были составлены на арабском языке; главная квартира имела свою типографию. Иерусалим лежал вправо от пути, по которому следовала армия, там рассчитывали завербовать значительное количество христиан и найти важные для армии ресурсы; но ага принял меры к обороне этого города. Вся армия была охвачена праздничным настроением в связи с предстоящим вступлением в этот столь знаменитый Иерусалим; несколько старых солдат, воспитанных в семинариях, распевали духовные гимны и «Плач Иеремии», которые можно слышать на святой неделе в церквях Европы.

V. Выступив из Газы, армия взяла влево и пошла по равнине шириной в 6 лье. Слева от нее находились дюны, окаймляющие берег моря, а справа — первые отроги гор Палестины, высота которых возрастает на протяжении четырех—пяти лье, а затем постепенно понижается до самого Иордана. 1 марта, сделав переход в семь лье, армия стала лагерем в Эсдуде; она перешла вброд через поток, текущий из Иерусалима и впадающий в море у Аскалона. Этот последний город знаменит осадами и сражениями, происходившими во время крестовых походов. В настоящее время он лежит в развалинах, а порт обмелел. Наполеон потратил три часа на осмотр поля аскалонского сражения, в котором Годфруа разбил армию султана Египта и мавров Эфиопии. Это сражение принесло христианству столетнее обладание Иерусалимом. Тассо воспел его в прекрасных стихах о гробе господнем. Эсдуда страшилась из-за тамошних скорпионов. Когда армия становилась лагерем на развалинах этих древних городов...¹ в палатке главнокомандующего всякий вечер читалось вслух священное писание. Точность и правильность описаний была поразительной, после стольких веков и перемен они все еще соответствуют характеру местности. 2 марта, после перехода в 7 лье, армия стала лагерем в Рамле — знаменитом городе, расположенном в семи лье от Иерусалима. Население его — христианское; там находится несколько мужских монастырей. Имеются фабрики мыла; много оливковых

¹ Далее в рукописи следует слово, вписанное карандашом рукой Наполеона, которое не удалось прочитать. — Прим. франц. ред.

деревьев, отличающихся толщиной. Разъезды армии побывали в трех лье от священного города. Армия была охвачена жгучим желанием увидеть поскорей Голгофу, гроб господень, плато соломонова храма; она испытала чувство горечи, получив приказ повернуть направо. Необходимо было, однако, поскорее занять Яффу, многочисленный гарнизон которой был занят укреплением ее. Яффа имеет единственный на побережье рейд, начиная от Дамьетты. Овладение им было необходимо для того, чтобы открыть морское сообщение с последним городом и принять суда с рисом и сухарями, а также осадный парк. Идти на Иерусалим, не заняв Яффы, значило бы нарушить все правила предосторожности. В первой половине марта беспрестанно шел дождь, вследствие чего пало много верблюдов, так как эти животные не переносят грязи под ногами и сырого климата. От Рамлы до Яффы — 5 лье.

Армия стала лагерем перед Яффой. Гарнизон укрылся за стенами города и был блокирован. Дивизия Ланна составила левый фланг осадной армии, генерала Бона — правый; Клебер был выделен для наблюдения за противником на реке Нахр, в одном лье от Яффы, на пути к Акре. Ренье, командовавший арьергардом, прибыл в Рамлу только 5-го. Яффа находится в 90 лье от Дамьетты, с которой ведет большую торговлю. Набережные ее довольно красивы. Ее население составляло 7000—8000 душ, в том числе несколько сот греков. Там имелось несколько монастырей, в том числе один, называвшийся монастырем отцов святой земли. Он¹ расположен на холме. Там есть два источника, в изобилии дающие прекрасную воду. Со стороны суши он был прикрыт стенами в виде полувосьмиугольника, с башнями на углах. Стены были очень высокие, но без рвов; башни были вооружены артиллерией. Южная сторона была обращена к Газе, средняя — к Иерусалиму, третья — к Сен-Жан-д'Акру. Сторона, обращенная к морю, которая образует среднюю линию восьмиугольника, немного вогнута. Окрестности представляют собой небольшую долину, покрытую плодовыми и иными садами; местность эта — пересеченная, что позволяет приблизиться к крепости на полпистолетного выстрела, не будучи обнаруженным. На расстоянии целого пушечного выстрела находится холм, господствующий над местностью; это была естественная позиция для армии, но поскольку этот холм совершенно гол и далеко отстоит от источников воды, в то же время подвергаясь действию палящих лучей солнца, предпочли стать в долине между лагерем и этой позицией, охраняя последнюю с помощью постов. Снабжение обеспечивалось складами Газы и Рамлы. Овощи можно было в изобилии найти на месте. Армия стала лагерем под апельсиновыми деревьями; апель-

¹ Город. — Р е д.

сины были зрелые, небольшие, белые, но очень сладкие. Они были очень приятны солдатам.

Вся пехота Абдаллаха, во главе с ним самим, укрылась в Яффе. Там было много артиллерии; в городе находился весь отряд топчи, то есть константинопольских канониров. Инженерные войска и артиллерия употребили весь день 4-го на разведку крепости. В ночь с 4 на 5 марта они заложили траншею и соорудили три батареи. Плацдармы и параллели были не нужны, оказалось достаточным отрыть несколько ходов сообщения. В ночь с 5-го на 6-е артиллерия установила на трех батареях двадцать орудий; две батареи, предназначенные для ведения настильного огня, имели по четыре 8-фунтовые пушки и по две гаубицы; батарея, предназначенная для пробития бреша, состояла из четырех 12-фунтовых пушек и четырех гаубиц. Гарнизон принял две вылазки, прикрываясь огнем своей артиллерии и ружейным огнем, который велся через бойницы; но обе они имели лишь преходящий успех и были энергично отбиты. Эти вылазки представляли собой зрелище, не лишенное интереса. В них участвовали солдаты десяти различных национальностей, одетые каждый на свой манер; это были магрибинцы, албанцы, курды, анатолийцы, караманийцы, дамаскины, уроженцы Алеппо, чернокожие из Тэку. Среди пленных оказалось три албанца из гарнизона Аль-Ариша, которые сообщили, что весь этот гарнизон прибыл в Яффу, нарушив условия капитуляции и свою клятву.

6 марта каждая батарея дала залп из двух орудий, после чего генерал Бертье направил к коменданту Яффы парламентаря, который сказал ему: «Господь милостив и милосерден. Главнокомандующий Бонапарт поручил мне передать вам, что Джебзар-паша начал военные действия против Египта, захватив форт Аль-Ариш; что бог, который стоит на страже справедливости, дал победу французской армии, и она взяла обратно этот форт; что именно в результате этой операции главнокомандующий вступил в Палестину, откуда он хочет изгнать войска Джебзар-паши, которому никогда не следовало входить туда; что крепость обложена со всех сторон; что батареи, предназначенные для ведения настильного огня и снабженные бомбами, а также батарея, предназначенная для пробития бреша, за два часа разрушат все оборонительные сооружения; что главнокомандующий Бонапарт жалеет о тех бедах, которые обрушатся на город в целом, если он будет взят штурмом; что он предлагает свободный выход гарнизону и покровительство городу, а потому откладывает открытие огня до 7 часов вечера». Офицер и трубач были приняты; но четверть часа спустя армия с ужасом увидела их головы, насаженные на пики, которые выставили на двух самых больших башнях, а трупы их — сброшенными со стен к подножью осадных батарей. Артиллерия открыла огонь, батарея, предназначенная для пробития бреша, разрушила

часть кладки башни, которую обстреливала, брешь была признана пригодной для штурма, командир саперного батальона Лозовский с 25 карабинерами, 15 саперами и пятью рабочими артиллерии подготовил ложемент и расчистил пространство перед брешью. 22-й полк легкой пехоты стоял построеном в колонну за складкой местности, служившей плацдармом. Он ожидал сигнала, чтобы броситься к брешу. Главнокомандующий стоял на насыпи батареи, показывая жестом командиру этого полка полковнику Лежену маневр, который тому предстояло выполнить; в этот момент пуля сбила с него шляпу, прошла в трех дюймах от его головы и поразила насмерть полковника, рост которого равнялся 5 футам 10 дюймам. «Уже второй раз с того времени, как я воюю, рост в пять футов два дюйма спасает мне жизнь», — сказал вечером главнокомандующий. Генерал Ланн встал во главе 22-го полка, за которым последовали другие полки дивизии; он проник в брешь, прошел через башню, направил свои части направо и налево вдоль стены и захватил все башни; вскоре он достиг цитадели, которую занял. Дивизия Бона, имевшая задачу произвести ложную атаку на правом фланге, взобралась на валы с помощью лестниц, как только среди осаждающих возникло смтение. Ярость солдат достигла предела, они перебили всех; город был разграблен и пережил все ужасы, достающиеся на долю города, взятого штурмом. Наступила ночь. Около полуночи была обнародована всеобщая амнистия, действие которой, однако, не распространялось на лиц, входивших в состав гарнизона Аль-Ариша. Солдатам было запрещено дурно обращаться с кем бы то ни было; удалось прекратить огонь, у мечетей, где укрылись жители, у некоторых складов и общественных мест были поставлены часовые. Пленных собрали и разместили вне стен города; но грабеж продолжался; только на рассвете порядок был полностью восстановлен. Пленных оказалось 2500, в том числе 800 или 900 из гарнизона Аль-Ариша. Последние, после того как они поклялись не возвращаться в Сирию раньше как через год, сделали три перехода в направлении Багдада, но затем обходным путем прибыли в Яффу. Таким образом, они нарушили свою клятву; их расстреляли. Остальных пленных отправили в Египет с трофеями, знаменами и т. д. Абдаллах спрятался и переоделся в одеяние одного из монахов ордена святой земли; он вышел из Яффы, добрался до палатки главнокомандующего и пал ниц перед ним. С Абдаллахом обошлись так хорошо, как он мог бы пожелать. Он оказал некоторые услуги и был отправлен в Каир. Семьсот погонщиков верблюдов, слуг и солдат были египтянами, они с полным доверием сослались на шейхов и были спасены. Бросаясь ночью к солдатам, они кричали «Месри, Месри»¹, как сказали бы: «Французы, французы». Прибыв в Египет, они

¹ «Месри» означает Египет. — Прим. франц. ред.

стали хвалиться уважением, которое им оказали, как только стало известно, что они — египтяне. 500 солдатам гарнизона удалось спастись от ярости солдат, выдав себя за жителей. В дальнейшем они получили пропуска, которые позволили им уйти за Иордан.

На следующий день улемы совершили обряд очищения мечетей, и молебны состоялись, как обычно; шум стал стихать. Был захвачен парк полевой артиллерии в составе 40 пушек; это был парк армии, формировавшейся в Сирии; он состоял из 4-фунтовых пушек и 6-дюймовых гаубиц с зарядными ящиками — все они были французского образца. Тридцать пушек которыми были вооружена крепость, были все бронзовыми, но самых разнообразных калибров. В складах находились сухари в форме параллелепипедов, изготовленные десять лет назад; они были доставлены из Константинополя и годились в пищу. Офицеры армии вооружились множеством ханджаров¹, а солдаты — большим количеством штуцеров и турецких ружей, являющихся предметами роскоши. Потери, которые понес город от грабежа, исчислялись миллионами, но солдаты распродали все по дешевке; жители выкупили свои вещи за одну десятую их стоимости. Многие военные порядком нажились. Как бывает в подобных случаях, эти деньги пригодились при осаде Акры. Было также найдено много кофе, сахара, табаку и всякого рода шалей. Это несколько изменило одеяние солдат; в основе своей оно осталось европейским, но приняло восточный оттенок.

На следующий день после взятия города прибыл на рейд и был захвачен конвой из шестнадцати судов, груженых рисом, мукой, растительным маслом, порохом, патронами, отплывший из Акры два дня назад. Контр-адмирал Гантом сменил на них экипажи и направил в Хайфу. В ходе этого штурма отличились генерал Андреосси, полковник Дюрок, командир батальона Эмэ.

VI. Марш через пустыню был весьма утомителен, а переход от чрезвычайно сухого климата к сырому и дождливому отразился на здоровье солдат. Госпиталя, открытого в монастыре монахов ордена святой земли, не хватало. Число больных достигло 700, коридоры, кельи, дортуары, двор были забиты ими. Главный хирург Ларрей не скрывал своих тревог; несколько человек умерло через сутки после поступления в госпиталь; болезнь их прогрессировала с большой быстротой, были обнаружены симптомы чумы. Болезнь начиналась с рвоты; температура поднималась очень высоко, больные страшно бредили; в паху у них появлялись бубоны, и если сразу же затем последние не прорывались, больной умирал. Монахи ордена святой земли заперлись и не пожелали больше общаться с больными, санитары дезертировали, госпиталь был до такой степени по-

¹ Книжалов. — Ред.

кинут, что не хватало питания, и офицерам медицинской службы приходилось все делать самим. Тщетно опровергали они тех, кто хотел видеть симптомы чумы в том, что, по их словам, являлось лишь известной злокачественной лихорадкой, именуемой «бубонной». Тщетию показывали они пример, удвоив заботливость и рвение; армию охватил страх. Одной из особенностей чумы является то, что она более опасна для тех, кто ее боится; почти все, кто позволил страху овладеть собой, умерли от нее. Главнокомандующий избавился от монахов ордена святой земли, послав их в Иерусалим и Назарет; он лично отправился в госпиталь, его присутствие принесло утешение больным; он приказал оперировать нескольких больных в своем присутствии, бубоны проткнули, чтобы облегчить наступление кризиса; он прикоснулся к тем, которые казались наиболее потерявшими присутствие духа, чтобы доказать им, что они страдают обычной, незаразной болезнью. Результатом всех принятых мер явилось сохранение армией уверенности в том, что это не чума; лишь несколько месяцев спустя пришлось все же согласиться с тем, что это была чума. Впрочем, не пренебрегали и обычными мерами предосторожности; было строго приказано сжечь без разбора все захваченное при разграблении города; однако к подобным предосторожностям прибегают в госпиталях всякий раз, как начинаются эпидемии злокачественных лихорадок.

Бертье написал Джемззару: «Со времени моего прибытия в Египет я несколько раз сообщал вам, что не имел намерения вести с вами войну; что моей единственной целью было изгнать мамлюков; вы не ответили ни на одно из предложений, которые я вам сделал. Я сообщил вам о своем желании, чтобы вы удалили Ибрагим-бея от границ Египта, как можно дальше от...¹ Провинции Газа, Рамла и Яффа находятся в моей власти; я великодушно обошелся с теми частями ваших войск, которые сдались мне на милость победителя; я был суров с теми, кто нарушил законы войны. Через несколько дней я двинусь на Сен-Жан-д'Акр, но к чему мне укорачивать на несколько лет жизнь старца, которого я не знаю? Что означают несколько лишних лье по сравнению с протяженностью страны, которую я уже завоевал? И, поскольку бог дает мне победу, я хочу, по его примеру, быть милостивым и милосердным не только по отношению к народу, но и по отношению к знати... Станьте моим другом, будьте недругом мамлюков и англичан, я сделаю вам столько же добра, сколько причинил и могу еще причинить зла... 8 марта я двинусь на Сен-Жан-д'Акр, мне необходимо получить ваш ответ до наступления этого дня». Джемззар был весьма мало привязан к Порте. Переговоры с иерусалимским агоем начались в Газе и продолжались во время похода и осады Яффы. После взятия этого города армия должна была

¹ Дальше в рукописи небольшой пробел. — Ред.

двинуться в путь и через два дня достигнуть Иерусалима; население его было целиком христианским; он мог предоставить больше ресурсов, чем любой другой город Палестины. Но 10 марта главнокомандующий принял делегацию христиан, которые умоляли его спасти их; над ними был занесен нож; турки решили перерезать их, прежде чем оставить город и перейти Иордан; ага, который был ловким человеком, предложил в это же время перемирие; он обязался освободить и охранять христиан, ни в чем не помогать Джебззару, а после взятия Акры подчиниться победителю. Это было выгодно. Это значило не отказаться от посещения Иерусалима, а отложить его на неделю или две!

Контр-адмирал Гантом послал флотилии, стоявшей на якоре в Дамьетте, приказ отправиться в порт Яффа. Она прибыла туда 12 марта. На ней находился осадный парк, необходимый для Акры. Этот адмирал направил также курьеров на драмах в Александрию к контр-адмиралу Перрэ с приказом прибыть с тремя фрегатами в Яффу.

Солдаты уже целую неделю находились в бездействии, более длительное пребывание на месте могло отразиться на их здоровье только пагубно. Поэтому было предпочтительнее отвлечь их и занять умы военными операциями, нежели оставить их размышлять над яффскими болезнями и симптомами, которые обнаруживались каждый день. Когда же армия двинулась в поход, болезни прекратились.

VII. На следующий день после взятия Яффы Клебер направился в лес Мески. Разведывательные отряды, которые он посылал в горы, имели несколько ожесточенных схваток с противником, что и указало на присутствие последнего. В одной из этих стычек генерал Дюма, зашедший слишком далеко, потерял несколько человек и был тяжело ранен. Главная квартира прибыла в Мески 14 марта. Лес Мески — это зачарованный лес Тассо, самый большой в Сирии; он прославлен кровопролитным сражением между Ричардом Львиное Сердце и Саладином. От Яффы до Акры — 24 лье по дороге, идущей вдоль моря; по дороге же, проходящей через равнину, — 26 лье. Шесть ручьев, сбегаящих с гор, протекают через середину этой равнины; предпочтительнее пользоваться дорогой, следующей по краю Ездрилонской равнины и огибающей гору Кармель, а не той, которая, следуя вдоль моря, упирается в узкий проход к Хайфе, ибо проход этот трудно форсировать, если его обороняют. 15 марта в полдень авангард прибыл к караван-сараю Какун. Он увидел кавалерию Абдаллаха, поддерживаемую четырьмя тысячами набуллуцев и стоявшую в боевом порядке параллельно дороге на Акру. Армия переменила фронт, выдвинув вперед левое крыло. Генерал Клебер командовал левым крылом, генерал Ланн — правым, генерал Бон — резервом. Противник был изгнан со всех своих позиций, сброшен с высот и

преследуем так далеко, как было нужно, чтобы он никак не мог нас тревожить. Конница Джебзара направилась в сторону Акры по Ездрилонской равнине; набуллусцы вернулись в свой город. Вечером армия стала лагерем в Зайте. Войска генерала Ланна понесли в бою довольно значительные потери, у него было 250 раненых. Набуллусцы, то есть древние самаритяне, потеряли тысячу человек убитыми и ранеными, среди которых находилось несколько знатных лиц. Этот суровый урок некоторое время сдерживал их.

16 марта армия стала лагерем в Сабарине, куда прибыла довольно рано; она находилась у подножья горы Кармель и у выхода из Ездрилонской равнины, которую видела вправо от себя. Гора Кармель образует мыс, вдающийся в море в трех лье от Акры; он находится у левой оконечности бухты. Эта гора имеет в длину от 3 до 4 лье; она примыкает к горам Набуллуса, но отделена от них долиной. Гора Кармель со всех сторон крутая и с военной точки зрения является довольно сильной позицией. На вершине этой горы был монастырь и источники воды. Высота горы Кармель достигает 400 туазов; она господствует над всем побережьем и служит ориентиром мореплавателям, держащим курс на это побережье. У подножья ее протекает река Кейсун; устье ее находится в 700—800 туазах от Хайфы — небольшого города, лежащего на берегу моря, у подножья горы Кармель и на оконечности мыса Хайфа; он имеет население в 2000—3000 душ и небольшой порт; он располагает оградой древнего образца с башнями; над ним господствуют подходящие к нему на очень близкое расстояние отроги горы Кармель.

VIII. Армия стала лагерем на левом берегу Кейсуна. За нею находилась гора Кармель, левее ее (в трех лье) лежала Хайфа, а впереди (в семи лье) находился город Сен-Жан-д'Акр. Было важно овладеть Хайфой, чтобы иметь возможность принять там флот, вышедший из Яффы. Главнокомандующий вступил туда около 5 часов вечера, преодолев незначительное сопротивление. Джебзар вывез пушки. Остался склад со 150 тысячами порций сухарей, рисом, растительным маслом и т. д. Из Хайфы главнокомандующий увидел рейд Сен-Жан-д'Акра и заметил стоявшие там два английских 80-пушечных корабля — «Тигр» и «Тезей», которыми командовал коммодор сэр Сидней Смит; они прибыли на этот рейд из Константинополя два дня назад. Кавалерийский патруль продвинулся в направлении Тантуры, чтобы предупредить флотилию о том, что в этих водах крейсируют английские корабли, а также сообщить о вступлении армии в порт Хайфы. В одном лье за Тантурой флотилия была встречена и предупреждена, восемь судов с продовольствием, вышедшие из Яффы, вошли в порт 19 марта на рассвете, но командиры шестнадцати французских судов, на которых находился осадный парк, заколебались, легли было

в дрейф, повернули на другой галс и ушли в море. Английские корабли погнались за ними. Те и другие вскоре скрылись из виду. Ночью перебрались два моста через Кейсун. В полдень армия двинулась на Сен-Жан-д'Акр, который вскоре стал виден. К ночи она достигла мельницы Шердам. Пехота перешла там через реку. Эта мельница была в хорошем состоянии, во время осады там мололи зерно. За Кейсуном протекает Белус, через который нельзя было перейти вброд. Армия стала на позицию. Полковник Бессьер с 200 человек охраны и двумя пушками переправился через реку и, образуя авангард, занял позицию на правом берегу. Саперы всю ночь трудились над сооружением мостов; палатки главнокомандующего были расположены в полулье от берега моря, на левом берегу Белуса. 19 марта на рассвете авангард занял гору Мечети, которая господствует над всей равниной Сен-Жан-д'Акра, а также и над городом, со стороны моря; таким образом, он находился перед главным городом Галилеи и на границе Сирийской впадины¹.

ГЛАВА X²

I. Война в Галилее; описание Сен-Жан д'Акра. — II. Народы Галилеи покоряются французам. — III. Двенадцать тартан с осадной артиллерией захватываются или рассеиваются; дела в Хайфе. — IV. Рекогносцировка Сен-Жан д'Акра. — V. Первый период осады Сен-Жан д'Акра. — VI. Сражение у горы Табор (16 апреля). — VII. Крейсерство контр-адмирала Перрэ. — VIII. Второй период осады Сен-Жан д'Акра. — IX. Снятие осады Сен-Жан д'Акра. — X. Марш по Сирии в пустыне. — XI. Вступление армии в Канр (14 июня).

I. Сен-Жан-д'Акр лежит в 30 лье к северо-западу от Иерусалима, в 36 лье к юго-западу от Дамаска и в 10 лье к югу от развалин Тира. Он расположен в северной части бухты Хайфа, в трех лье от этого городка по морю и в четырех — по суше. Он окружен долиной в 8 лье длиной, которая начинается у мыса Белого и горы Сарон и заканчивается у горы Кармель. Ширина этой долины — от берега моря на западе до первых отрогов гор Галилеи на востоке — составляет 2 лье. Эти горы постепенно повышаются на протяжении 6 лье, вплоть до главного хребта, от которого опускаются к Иордану. От Акры до этой реки — 12—15 лье. Долину Акры пересекают шесть речек; главными из них являются на севере...³ которая протекает у подножья горы Сарон, она приводила в действие три мельницы; Белус, который впадает в море, в 1200 туазах южнее; Кейсун, спускающийся с горы Табор и вливающийся в море в 800 туазах к северу от Хайфы; склон горы Турон имеет длину в 3000 туазов, находится в 1200 туазах от города (к северо-

¹ Между горами Ливан и Антиливан. — Ред.

² Без названия. — Ред.

³ Название отсутствует в рукописи и на картах. — Прим. франц. ред.

востоку) и на таком же расстоянии от моря, в 4000 туазах от первых отрогов горной цепи; он опускается в сторону моря и этой цепи. Слева этот склон переходит в высокий холм, господствующий над городом, морем и всей равниной — его зовут горой Мечети; у подножья этой горы, с южной стороны, находится устье Белуса.

Армия стала лагерем на склоне горы Турон. Она занимала гипотенузу треугольника, в котором город являлся противоположным углом, а море — двумя другими сторонами. Дивизия Ренье составляла левый фланг, Клебера — правый, Ланна и Бона — центр; между ними, напротив большого склада, расположилась главная квартира, имея позади акведук. Интендант Дор устроил в этом складе полевую пекарню. На берегу Белуса, у подножья горы Мечети, стоял большой квадратный дом, в котором он открыл большой перевязочный пункт; госпитали же были созданы в Шафа-Арм, Хайфе, Рамле и Яффе. Все обратные склоны горы Галилеи покрыты оливковыми деревьями, дубами и другими деревьями; артиллеристы, минеры, войска и полевая пекарня снабжались оттуда. На правом берегу Белуса — вверх по течению его, в 400 туазах от горы Мечети, находится первая слева гора Галилеи, имеющая вид сахарной головы; более высокая, чем гора Мечети, она господствует как над правым, так и над левым берегом Белуса, ее зовут горой Пророка. С восточной стороны она прикрывала левый фланг обширного лагеря площадью в 10 квадратных лье, северной стороной которого являлась гора Сарон, западной было море, а южной — Белус, между горами Мечети и Пророка. Все горные дороги были преграждены рвами и засеками; на Белусе соорудили три моста с флешами. Никто из тех, кто не имел отношения к армии, не мог проникнуть в этот большой лагерь, где находились прекрасные пастбища, ржаные поля, плодовые и другие сады, леса, водные источники, мельницы и все необходимое для осады. Различные выходы находились под контролем боевого охранения кавалерии и пехотных патрулей.

Во время осады Акры христианами (1191), продолжавшейся три года, лагерь крестоносцев также находился на склонах Турона, но левый фланг тянулся до горы Мечети и левого берега Белуса включительно. В то время армии не имели пушек и лагеря можно было расположить ближе к городам. Крестоносцы соорудили две линии ретраншементов — первый непосредственно у подножья Турона, второй опирался справа на высоту Пророка, а слева — на Турон; в случае форсирования второй линии ретраншементов, что случилось часто, осаждающие укрывались за первой. Саладин со своей деблокадной армией стоял лагерем перед Шафа-Ари, на высотах Каокоба, в двух лье к юго-востоку от горы Пророка, прикрывая дороги на Иерусалим, Дамаск и Ездрилонскую равнину.

Наполеон не хотел позволить вражеским патрулям прони-

кать за Иордан, а потому сформировал четыре отряда для наблюдения за берегами этой реки; первый, под командованием полковника Ламбера, наблюдал за Кармелем, Ездрилонской равниной, взморьем и дорогами на Набулус; он держал гарнизоны в Хайфе и Шафа-Арме; второй, под командованием генерала Жюю, занимал форт Назарет, наблюдая за Иорданом ниже Тивериадского озера; третий, под командованием генерала Мюрата, занимал цитадель Сафада, наблюдая за Иорданом выше Тивериадского озера и моста Якова; четвертый, под командованием генерала Виалы, наблюдал за выходами с горы Сарон и выставлял посты в направлении Тира. Эти четыре наблюдательных отряда ослабили армию на 2000 человек, но форты, которые служили им опорными пунктами, требовали лишь небольших гарнизонов. Колонны всегда находились в движении от лагеря к границам и от границ к лагерю, что придавало им видимость многочисленности. Армии снабжались: 1) со складов Хайфы, которые в свою очередь снабжали по суше и по морю склад в Яффе; 2) со складов в Шафа-Арм, в которых запасы пополнялись за счет местных ресурсов; 3) со складов в Сафаде о пополнении которых заботился шейх Дахэр. Со времени сражения у горы Табор армия существовала за счет складов, созданных противником в Тиверии, на берегу Тивериадского озера. Фураж имелся в изобилии в долине Акры; в случае надобности его можно было заготовить и на Ездрилонской равнине.

II. Шейх Дахэр первым поспешил явиться в лагерь и предложить свои услуги. 19 марта, в 8 часов утра, армия перешла Белус и стала лагерем на склоне Турона. Между дивизией Ренье, имевшей приказ обложить город, и гарнизоном, который, засеяв в развалинах впереди города, не желал укрыться за стенами, происходила оживленная артиллерийская и ружейная перестрелка; в это время со стороны горы Пророка показалась группа в 300—400 всадников; это был шейх Дахэр, который в течение двух дней дожидался в Шафа-Арме подхода армии к Акре. В 10 часов утра он был представлен на высоте Мечети Наполеону, который пожаловал его ментиком в знак введения его в должность губернатора провинции Сафад. В то время как тот приносил присягу, ядро попало в лошадь, стоявшую в десяти шагах за ним. Этот князь оставался в лагере два дня; он получил обещание, что ему вернут наследство его отца. Несколько недель спустя он подписал конвенцию, в коей обязался выставить 5000 конных и пеших воинов, которые последуют за армией в походе за Иордан, охранять Акру и побережье от горы Белой до Цезарей и платить дань в размере половины своих доходов с области, которую ему предоставят. Этот шейх сохранил верность; он систематически вел переписку с Дамаском и в точности доносил о том, что там делалось; он приими-

рил с нами бедуинов, которые не стали тревожить Сирийскую армию; он снабжал лагерь всем, что производила страна.

Несколько дней спустя явилась масса метуали¹ — мужчин, женщин, стариков, детей — в количестве 900 человек; из них только 260 были вооружены, причем половина имела коней, а вторая половина — не имела. Главнокомандующий пожаловал ментики трем вождям и возвратил им владения их предков. В прежнее время численность этих метуали достигала 10 000; Джеззар погубил почти всех; это были мусульмане-алиды², очень хорошие люди. Генерал Виаль перешел через гору Сарон и вступил в Сур — древний Тир; это была область алидов. Они взялись разведать побережье до подножья гор; они стали готовиться к военным действиям и обещали к маю выставить 500 хорошо вооруженных всадников для похода на Дамаск.

Монахи ордена святой земли привели население Назарета — мужчин и женщин в числе нескольких тысяч; христианское население Шафа-Арма, Сафада и др. массами являлось в лагерь. Радость этих христиан невозможно выразить; после стольких веков угнетения они видели единоверцев! Им доставляло удовольствие вести разговор о библии, которую они знали лучше, чем французские солдаты; они читали прокламации главнокомандующего, в которых он называл себя другом мусульман, и приветствовали эту линию поведения; это нисколько не отразилось на их доверии к нему. Наполеон пожаловал ментики трем из их вождей, которым было больше 90 лет; один из них имел 101 год от роду и представил ему свое потомство до четвертого поколения. Главнокомандующий пригласил его отобедать с ним. Этот старец не мог произнести и трех слов, не сопроводив их цитатой из священного писания. Верность этих христиан осталась непоколебимой в период как удач, так и неудач армии; они были ей полезны на всем протяжении осады; большое количество их всегда находилось в лагере. Базар отличался многолюдством и изобилием; они доставляли муку разных сортов, рис, овощи, молоко, сыр, живой скот, фрукты, фиги, сушеный виноград, вино; они заботились о больных так, как могли бы заботиться сами французы.

Мусульмане пашалыка³ Акры разделяли радости и надежды христиан; они направили в лагерь делегацию; они горько жаловались на свирепость паши; на каждом шагу встречались люди, изуродованные по приказанию этого тирана; множество безносых являло отвратительное зрелище.

Климат Сирии имеет большее сходство с климатом Европы, нежели с климатом Египта. Жители там более любезны, более

¹ Мусульманская секта и племя в Сирии. — Р е д.

² Шинты. — Р е д.

³ Области. — Р е д.

сердечны; даже мусульмане менее фанатичны. Солдатам там больше нравилось. Во все времена Египет был страной жрецов и богов. В Сирии было довольно много евреев; их волновали смутные надежды; среди них ходил слух, что Наполеон после взятия Акры отправится в Иерусалим и что он хочет восстановить храм Соломона. Эта идея лестила им. В Дамаск, Алеппо и даже в Армению были посланы агенты — христиане, евреи, мусульмане; они донесли, что присутствие в Сирии французской армии возбуждает все умы. Главнокомандующий принял тайных агентов и получил чрезвычайно важные сообщения из нескольких провинций Малой Азии; он отправил доверенных лиц в Персию. С этого времени и начались его сношения с Тегеранским двором.

III. 22 марта с горы Мечети были замечены два английских военных корабля; час спустя появились шесть небольших парусников, которые, как определил адмирал Гантом, являлись гартанами дамиетской флотилии, на которые были погружены осадные орудия. Впоследствии стало известно, что два английских военных корабля преследовали их в течение 36 часов; шесть же остальных, пойдя по ложному маршруту, прибыли к берегам Франции. Среди этих последних находилось судно командира отряда капитана 2 ранга Юделэ. Сама по себе эта потеря не имела большого значения, но последствия ее были весьма печальными. Если бы эти суда вошли в Хайфу 19 марта, как они могли и должны были сделать, Акра была бы взята до 1 апреля, Дамаск — до 15-го, Алеппо — до 1 мая; после шести месяцев пользования всеми ресурсами Сирии армия оказалась бы в состоянии предпринять осенью что угодно. Мнения относительно причин дурного поведения капитана Юделэ, командовавшего этим драгоценным конвоем, разделились; одни приписывали его невежеству и малодушию; другие — желанию вернуться во Францию. Два английских линейных корабля располагали близ Хайфы очень плохой стоянкой, «Тезей», якорные канаты которого оказались перерезанными коралловыми рифами¹, был отнесен в море и в течение четверти часа терпел бедствие; это побуждало сэра Сиднея Смита к захвату Хайфы — единственной настоящей стоянки в заливе. Он опасался еще нескольких месяцев плохой погоды. 26 марта на рассвете он посадил на баркасы 400 человек. Командир эскадрона Ламбер, командовавший наблюдательным отрядом в этой крепости...² Он дал англичанам спокойно высадиться, построиться, вступить в город; но когда он увидел, что англичане входят в дома, он встретил их картечью из трех полевых орудий, а также ружейным огнем ста стрелков, засевших в двух домах с бойни-

¹ Здесь автор допускает ошибку: в Средиземном море нет коралловых рифов. — Р е д.

² Далее в рукописи пробел. — П р и м. ф р а н ц. р е д.

цами; в то же время два отряда в составе 30 драгун каждый ударили им во фланг и в тыл. Англичане, атакованные со всех сторон, рассеялись; 150 из них были убиты, взяты в плен или ранены. Баркас «Тигр», вооруженный тяжелой 32-фунтовой каронадой, попал в руки победителей. Снаряды и картечь спутствовали уходящим в море баркасам не без того, чтобы перебить и поранить на них много народу. 1 апреля до рассвета турецкий фрегат, прибывший из Константинополя, бросил якорь на обычной стоянке, на расстоянии ружейного выстрела от Хайфы. Ламбер немедленно приказал вывесить знамя Османской¹ империи. Когда рассвело, капитан сошел на землю, прибыв на большом баркасе, и был взят в плен с тридцатью гребцами и своим баркасом, вооруженным тяжелой 24-фунтовой каронадой. Эти два орудиягодились при осаде; их включили в батарею, предназначенную для пробития бреша, где они хорошо послужили.

IV. Генерал Ренье обложил крепость. С этой целью он сражался целый день и к вечеру поставил часовых на расстоянии пистолетного выстрела от стен. Генералы Каффарелли и Доммартен, полковники Сансон и Сонжис использовали ночь с 19-го на 20 марта и день 20-го для рекогносцировки крепости; в 2 часа утра полковник Сансон произвел рекогносцировку рва, причем не обнаружил контрэскарпа; эта рекогносцировка была опасной, и в ходе ее он был тяжело ранен; офицеры инженерных войск и артиллерии льстили себя надеждой, что вступят в Акру так же легко, как в Яффу; полевые 12-фунтовые орудия показались им достаточными, чтобы проделать брешь в стене.

Пространство, занимаемое городом Акра, представляет собой трапецию, две стороны которой омываются морем, а две другие образованы стенами. Восточная сторона имеет протяжение в 300 туазов, ее прикрывали шесть небольших башен; северная имеет протяжение в 500 туазов, ее прикрывали семь небольших башен, а также дворец паши, являющийся своего рода цитаделью. Эти две стороны встречаются, образуя прямой угол. В этом углу находится большая и старая башня, которая господствует над городом и всеми стенами. Над нею в свою очередь господствует высота Мечети, удаленная от нее на 500 туазов. Старый порт совершенно обмелел; островок, на котором стоял маяк, прикрывал ограду с востока. На расстоянии до 300 туазов от стен местность была усеяна развалинами древнего города и фортификационных сооружений; это были подземелья, башни, кладка стен. С северной стороны, близ большой башни, в город входил акведук. Этот акведук имел протяжение 6000 туазов, пересекал равнину и доставлял в цистерны города воду от подножья гор. Акра была необитаема в течение многих лет; она была восстановлена Дахэром, украшена и рас-

¹ Турецкой. — Р е д.

ширена Джеззаром, который построил там красивую мечеть и базар.

Генерал инженерных войск Каффарелли предложил атаковать восточный фас: во-первых, потому что над ним господствует, хотя и несколько издалека, гора Мечети; во-вторых, потому что другой фас — северный — находится под обстрелом орудий, стоявших во дворце паши; в-третьих, потому что к нему легче подойти. Если пробить брешь в куртине, то придется либо окопаться между двумя башнями, что сопряжено с большими трудностями и потерями, либо войти в крепость, не окапываясь, что рискованно. Если проделать брешь в башне, то коль скоро армия овладеет ею, у нее будет обеспеченный выход в город. Он предложил пробить брешь в большой башне: 1) как в наиболее удаленной от моря; 2) как самой большой и высокой, господствующей над всей крепостной оградой и всем городом; 3) как расположенной наиболее близко к акведуку, который должен был послужить плацдармом и параллелью. Верно, говорил он, что проделать брешь в кладке этого древнего сооружения будет более трудно, но 12-фунтовых пушек достаточно, чтобы пробить ее; со взятием же этой башни крепость падет сама собой; задача состоит не в том, чтобы взять Акру, а в том, чтобы взять ее, не потеряв при этом армии; потери очень быстро достигнут 7000—8000 человек, если пойти на риск боев с турками на улицах и в домах.

Осада Сен-Жан-д'Акра продолжалась 62 дня, с 19 марта по 21 мая; она делится на два периода: первый с 19 марта по 25 апреля (36 дней); второй — с 25 апреля по 21 мая (26 дней); всего — 62 дня. В первый период осаждающие взорвали две мины, дважды устраивали ложементы, предприняли один штурм; осажденные сделали десять вылазок — все эти вылазки оказались гибельными для них. Во второй период осаждающие взорвали три мины, устроили семь ложементов, предприняли два больших штурма, проникли в крепость и остались там. Осажденные, используя линии контратаки, сделали двенадцать вылазок, потеряли много людей, но все время получали подкрепления, которые не только восполнили убыль, но даже увеличили их силы. Однако французский главнокомандующий все же взял бы город, несмотря на прибытие дивизии с Родоса, если бы не опустошения, производимые чумой, и не известия из Европы. Против республики составилась вторая коалиция, война возобновилась, и французская армия вступила в Неаполь, что рассматривалось, как прискорбное событие: ослабление армии на Адриже заставляло ожидать катастрофы.

V. В первый период осады артиллерия осаждающих состояла из двух каронад — 32-фунтовой и 24-фунтовой, взятых в Хайфе, четырех 6-дюймовых мортир и тридцати шести полевых орудий. Для нужд наблюдательных отрядов оставалось двенадцать орудий. 32-фунтовые и 24-фунтовые каронады не имели лафе-

тов; рабочие парка соорудили их в несколько дней. Артиллерия не имела ядер этого калибра; в траншеях подобрали все валявшиеся там ядра такого калибра, выпущенные с валов крепости, а также тяжелыми орудиями двух английских линейных кораблей. Парк платил по 5 су за ядро; солдаты принялись за поиски и за несколько дней доставили 300 ядер обоих калибров; когда же они не смогли больше находить их, солдаты измыслили другие способы добычи; они обратились к кипучим страстям английского коммодора и прибегли к различным хитростям, чтобы разжечь их; то они высылали всадников гарцевать на взморье; то они тащили на дюны бочки и фашины, принимались копать землю, словно сооружали батарею; иногда они также ставили на рейде, близ берега, баркас, который доставили из Хайфы. Как только сэр Сидней Смит замечал, что противник предпринимает какие-то действия под дулами его орудий, он снимался с якоря, шел на всех парусах к берегу и выпускал ядра, которые подбирались солдатами. Вскоре парк был снабжен ими в изобилии.

21 марта офицеры инженерных войск заложили траншею в 150 туазах от города; она примыкала к аведуку, который являлся естественной параллелью, защищавшей от огня крепости. Артиллерия соорудила восемь батарей — две против островка с маяком, который противник вооружил; три — против трех башен, простреливавших подступы к брешу. Эти пять батарей состояли из шестнадцати 4-фунтовых орудий и четырех 8-фунтовых; шестая батарея имела четыре 6-дюймовые мортиры, направленные против большой башни; седьмая и восьмая батареи получили четыре 12-фунтовых, столько же 8-фунтовых пушек и две гаубицы; эти батареи должны были проделать брешь в восточном фасе большой башни; 22-го, 23-го и 24-го саперы подобрались ко рву на расстояние в 5 туазов по открытым ими коленам траншей, а затем развернулись, соорудив большую параллель, которая прикрывала все маневры осаждающих. 23 марта был открыт огонь; за 48 часов оба орудия маяка были приведены к молчанию, равно как и тяжелые орудия, стоявшие на валах с той стороны, откуда предполагалось идти на штурм. 24-го начали действовать батареи, предназначенные для пробития брешу; в первые 48 часов они не произвели видимого действия, что было приписано непригодности 12-фунтовых пушек; офицеров инженерных войск открыто обвиняли в том, что они связались с древней каменной кладкой, которую не пробить и 24-фунтовым пушкой, как вдруг в 4 часа пополудни со страшным грохотом обрушился весь восточный фас большой башни. Вся армия и 30 000 зрителей, сбжавшихся со всей окружающей местности и усеявших высоты, издали радостный крик. Один офицер инженерных войск отправился на рекогносцировку брешу, но был атакован несколькими стрелками, расположившимися вдоль стен; тогда было послано 25 человек, чтобы про-

гнать их, и 25 саперов, чтобы расчистить пространство у брешн. Надеялись, что подобно тому, как это имело место в Яффе, Акра будет взята к вечеру. Но 25 саперов были остановлены контрэскарпом. Это явилось первой неприятностью. Джеззар, который погрузил на суда свои сокровища и своих жен, а затем и сам отправился на корабль, оставался на борту его всю ночь. Жители каждую минуту ожидали штурма и взятия крепости. Однако башни и стены остались усеянными солдатами, которые всю ночь вели беглый ружейный огонь. 26-го вечером паша успокоился, вернулся в свой дворец и предпринял вылазку, которая не удалась. Этот злосчастный контрэскарп парализовал все усилия осаждающих в течение четырех дней, то есть того срока, который потребовался для отыскания минной галереи и подготовки мины, которая была заряжена 28-го; она взорвала контрэскарп. Капитан штаба Майи был направлен к башне с пятью рабочими, десятью саперами и 25 гренадерами для устройства ложементов. Помощник майора Ложье с 800 солдатами стал за акведуком, в 15 туазах от брешн, чтобы подняться к ней, как только Майи даст ему сигнал о том, что в нее можно проникнуть. Дивизия Бона, построенная на плацдармах батальонными колоннами, предназначалась для поддержки Ложье и овладения крепостью; батальоны ее должны были двинуться к брешн один за другим. Но для достижения успеха было необходимо, чтобы ни один солдат не остановился в пути, несмотря на ужасающий ружейный огонь со стен.

Майи бросился в минную шахту, а оттуда ринулся в ров, причем его не остановили десять футов контрэскарпа, которые не были разрушены взрывом: минеры недостаточно глубоко ушли в землю. Достигнув подножья башни, он приставил к ней три лестницы и взобрался в первый этаж с 40 солдатами; тогда он дал сигнал Ложье, отряд которого двинулся беглым шагом и достиг края рва, полагая контрэскарп разрушенным; солдаты удивились, найдя его почти целым. Ложье с первым взводом бросился в ров и побежал к брешн...¹ Капитан, командовавший вторым взводом, был убит у края контрэскарпа; взвод остановился и, измерив на глазок глубину рва, бросился налево, чтобы найти менее глубокое место. Преследуемый огнем со стен, батальон развернулся, и солдаты его продолжали действовать рассыпным строем, в качестве стрелков; между тем Майи вскарабкался на платформу и сорвал оттоманский флаг; с ним находилось десятеро отважных, остальные были убиты или ранены. Ложье был убит при переходе рва. Те, кто следовал за ним, направились к лестницам, приставленным к башне; но эти лестницы оказались опрокинутыми; они отошли, чтобы принести

¹ Далее в рукописи следует несколько слов, написанных карандашом рукой Наполеона; прочесть удалось одно из них — «отважный» или «отвага» — Пр и м. ф р а н ц. р е д.

другие, оставшиеся у минной шахты. Этот маневр принимают за бегство; солдаты отряда Майи, находившиеся в первом этаже башни, спускаются в ров; на платформе не остается никого, кроме Майи, одного сапера и двух гренадеров. Майи спускается в первый этаж, чтобы позвать на помощь, там его поражает пуля, которая пробивает легкие; он падает, истекая кровью. Гренадеры спускаются, чтобы помочь ему. Между тем главнокомандующий направился к минной шахте, чтобы установить, почему заколебалась колонна Ложье; он понял, как трудно преодолеть препятствие, которым являлся контрэскарп; для этого ничего не было приготовлено; он послал генералу Бону приказ не выходить из траншей, так как штурм не удался.

Как только паша увидел оттоманское знамя сорванным с вершины башни, он отправился в порт и погрузился на суда. Весь гарнизон и жители — женщины, дети, старики — покидали город, бросались в барки или укрывались в мечетях. Все казалось потерянным, а город взятым, когда пять мамлюков, трое чернокожих из Дарфура и двое черкесов, храбрецов из личной охраны Джевзара, которые оставались во дворце, чтобы помешать жителям разграбить его, заметили, что на платформе башни находятся только два—три француза, причем количество их не возрастает. Они прокрались вдоль стены, взобрались на платформу, предприняли контратаку и не нашли никого, кроме одного сапера, который спасся бегством. Эти неустрашимые мусульмане спустились с платформы в нижний этаж и нашли там Майи и двух умирающих солдат; они отрубили им головы, снова поднялись на платформу, подняли оттоманский флаг и стали носить головы по городу. Отряд в 500 магрибинцев и арнаутов, поставленных у угла мечети для прикрытия посадки паша на суда, вернулся в башни; город был спасен. Этот штурм обошелся французской армии в 27 человек убитыми и 87 ранеными (в том числе половина из 40 человек, составлявших отряд Майи).

Английская эскадра под предлогом необходимости укрыться от бурь и ветров равноденствия ушла в море и исчезла уже 26 марта; на самом деле сэр Сидней Смит не хотел присутствовать при взятии города, которое он считал неизбежным. Но узнав, что штурм не удался, он вернулся в ночь с 5-го на 6-е на рейд. Он высадил эмигрантского полковника Филиппо, Дагласа¹ и сотню офицеров и канониров — своих наиболее отважных и опытных моряков. Он использовал артиллерию, захваченную у французов, — наши 24-фунтовые и 16-фунтовые пушки, наши прекрасные 6-дюймовые мортиры защищали теперь город, для обстрела и покорения которого они предназначались. Все способствовало успокоению гарнизона, который ежедневно получал с Кипра и из Триполи подкрепления, а также продовольствие и боеприпасы.

¹ Английский офицер. — Р е д.

Генерал Каффарелли, руководивший осадой, приказал подвести новую мину. 1 апреля она обрушила контрэскарп; начальник артиллерии свел в батарею две каронады — 32-фунтовую и 24-фунтовую, огонь которых имел большие результаты. Со своей стороны, осажденные не теряли времени; брешь была сделана непригодной для нового приступа; ее заполнили бомбами, снарядами, заряженными гранатами, бочками с гудроном, фашинами, кусками дерева, покрытыми серой, железными шипами. Однако 25 человек, посланных для подготовки ложемента, выполнили приказ и преодолели все препятствия; но они вскоре оказались как на костре. Пятеро гренадеров сгорели, несколько человек было ранено, остальные поспешно вернулись в ложемент контрэскарпа. Тогда распространилось убеждение в невозможности взять город с помощью полевых орудий, имеющих к тому же в столь малом количестве. Осмаи торжествовали и каждую ночь весело кричали французским каонирам: «Султан Селим бах-бах-бах; Бонапарт пиф-пиф-паф!» Оставалось надеяться только на подземную войну. Каффарелли повел минную галерею подо рвом, направив ее на большую башню. Осажденные прибегли к контрминам, но более искусные французские минеры обезвредили их.

Филиппо заявил, что опасность неотвратима, что каждую минуту можно ждать взятия города. Он побудил пашу предпринять вылазку, чтобы обнаружить минную шахту и уничтожить минеров. 7 апреля ночью три колонны, численностью в 1500 человек каждая, построились: первая — перед дворцом пашы, вторая — у ворот, ведущих к морю, третья — вдоль берега моря. С южной стороны 150 англичан и 300 отборных турецких солдат под командой полковника Дагласа и майора¹ разместились за большой башней для прикрытия брешы. На рассвете все три колонны пошли в атаку; ружейный огонь усилился; противник, как и обычно, сначала продвинулся вперед. Английская колонна стремительно спустилась через брешь — ей нужно было пробежать только 15 туазов, чтобы овладеть шахтой. Английский майор уже достиг выхода из него, мину можно было считать погибшей, но тут резервный батальон охранения двинулся вперед со штыками наперевес, истребил, покалечил или взял в плен почти всех солдат этой колонны, которую он обошел справа и слева; примерно в это же время выступили резервы траншей; турки были стремительно отброшены в крепость; несколько небольших колонн были отрезаны и взяты в плен. Эта вылазка обошлась осажденным в 800 человек, среди которых было 60 англичан. Раненые, принадлежавшие к этой нации, получали медицинскую помощь наравне с французами, а пленных поместили среди частей армии, словно это были нормандцы или пикардийцы; соперничество между двумя нациями исчезло на таком расстоянии от их отечеств и среди столь варварских

¹ Имя не приведено в рукописи. — Ред.

народов. Турки выказали большую личную храбрость, напористость, преданность; но никакого искусства, никакого умения действовать сообща, никакого порядка, и это делало вылазки чрезвычайно губительными для них. Убитый английский майор..¹ был предан земле с воинскими почестями, капитан Райт был тяжело ранен. В этот первый период армия ни разу не имела возможности прийти на помощь солдатам, находившимся в траншее.

Али — чернокожий мамлюк Джебзара, одновременно его доверенное лицо, тайный убийца и палач, был предметом ненависти христиан, требовавших мести. Один из офицеров жандармерии приступил к допросу его. Наполеон пожелал его видеть; этот неустрашимый мусульманин сказал ему: «Всю свою жизнь я повиновался своему господину; позавчера я отрубил голову твоему мамлюку и отнес в спасенный мною город; вот, султан, моя голова, отруби ее, но отруби сам, и тогда я умру довольным; пророк сказал, что нельзя отвергать последнюю просьбу умирающего». Главнокомандующий протянул ему руку, приказал принести ему поесть. В дальнейшем он проявил благодарность. Он был убит в абукирском сражении, во время атаки отряда французской кавалерии, который он возглавлял.

VI. Паша Дамаска собрал в этом большом городе 30 000 человек — пеших и конных. Кавалерия Джебзара и Ибрагим-бея находилась на левом берегу Иордана и обеспечивала коммуникации Дамаска с Набуллузом; набуллузцы выставили 6000 воинов; они жаждали отомстить за оскорбление, нанесенное им в Какунском бою.

Порта приказала дамаской армии перейти Иордан, как только родосская армия высадится в Сен-Жан д'Акре, чтобы поставить нас между двух огней. Но опасности, которые угрожали крепости, и в особенности страх, который внушала подземная война, побудили Джебзара в качестве сераскера послать дамаскскому паше приказ перейти, не мешкая, Иордан, соединиться с набуллузцами на Ездрилонской равнине и перерезать перед Акрой коммуникации лагеря с Египтом.

Сын Дахэра сообщил, что его дамаские агенты донесли об отбытии армии и о том, что она неисчислима. Положение французской армии становилось деликатным; из 13 000 человек, вступивших в Сирию, тысяча была убита или ранена в боях за Аль-Ариш, Газу, Яффу и в первый период осады Акры; тысяча больных находилась в госпиталях Назарета, Шафа-Арма, Рамлы, Яффы и Газы; две тысячи составляли гарнизон Катин, Аль-Ариша, Газы и Яффы; пять тысяч были необходимы при осаде для охраны парков и позиций; оставалось только 4000 человек, которых можно было использовать для наблюдения и борьбы с дамаской армией и набуллузцами, которых насчитывалось 40 000. Генерал Бертье, предвидя важные события, эва-

куировал в Яффу госпитали Назарета, Шафа-Арма и Хайфы, а также перевязочные пункты Акры, равно как и тяжелые обозные грузы, пленных и все, что могло обременить собой армию, которая, употребляя морское выражение, оставалась лишь на одном якоре.

Армия паши Дамаска прибыла на Иордан двумя колоннами; первая, под командованием его сына, численностью в 8000 человек, заняла мост Якова и направила авангард для обложения форта Сафад; он тщетно пытался штурмом овладеть этим фортом. Его отряды заполнили всю Галилею. Сам паша с 25 000 человек стал лагерем на левом берегу Иордана, напротив брода...¹, который взял под охрану. Он послал свой авангард занять позицию на высотах Лубии, на правом берегу Иордана. Набуллуцы стали лагерем на Ездрилонской равнине.

Генерал Мюрат выступил из лагеря со своей подвижной колонной в составе 1000 человек всех родов войск; заставил противника снять осаду с Сафада, форсировал мост Якова, овладел лагерем сына паши, взял много пленных; палатки, обоз, верблюды, артиллерия попали в руки победителя; добыча была значительной. Молодой сын паши сделал ошибку, разослав так много людей отдельными отрядами; в момент, когда его атаквали, он не смог сосредоточить более 2000 человек. Как только остатки дивизии узнали о захвате моста Якова, они вернулись в Дамаск, обойдя истоки Иордана. Оттуда Мюрат направился к Тиверии, которой и овладел. В этом городе находились склады противника; там он нашел рожь, ячмень, рис, растительное масло и фураж в количестве, равном шестимесячной потребности французской армии.

Генерал Жюно занимал Назарет со своей обсервационной колонной. Как только он узнал, что авангард паши (3000 человек) перешел Иордан, он двинулся ему навстречу; он нашел его в Ханаанской долине и сдержал, хотя имел всего 400 человек. Этот бой был для него весьма почетным и покрыл славой драгунского полковника Дювивье, одного из наиболее отважных офицеров кавалерии французской армии. Главнокомандующий отдал генералу Клеберу приказ отправиться со своей дивизией на поддержку колонны генерала Жюно. Он присоединился к нему 11 апреля, имея под своим началом 2500 человек. Он двинулся на высоты Лубии, где находился авангард дамаского паши, доведенный путем посылки подкреплений до 7000 человек. Исход боя не вызывал сомнений, противник был разбит; но назавтра Клебер, опасаясь быть отрезанным от Акры, вернулся на свою позицию на высотах Назарета.

Тогда дамаский паша снова занял высоты Лубии и под их прикрытием передвинул остальную часть своей армии на левый фланг. Он стал лагерем на Ездрилонской равнине, присоеди-

¹ Название в рукописи опущено. — Прим. франц. ред.

нившись к набуллуасской дивизии. Когда этот маневр был завершен, авангард его, ставший арьергардом, последовал за ним и оставил высоты Лубии, отказавшись от прямой связи с Дамаском. Клебер решил наказать пашу за этот рискованный фланговый марш. Он доложил главнокомандующему о том, что намеревается пройти между Иорданом и противником, чтобы отрезать последнего от Дамаска, с расчетом внезапно атаковать турецкий лагерь в 2 часа утра; что он надеется на такой же успех, какого достиг генерал Ренье в Аль-Арише. План Клебера был плохо продуман; он полагал, что перережет операционную линию противника, тогда как последний уже оставил иорданскую операционную линию, сменяя ее на набуллуасскую; следовательно, движение противника этим приостановлено не было бы; он продолжал бы свой марш на Акру; в то же время осада осталась бы без прикрытия и была бы поставлена под угрозу. Надежда на возможность ночной атакой захватить противника врасплох была необоснованной. Генерал Ренье достиг успеха в Аль-Арише потому, что он два дня подряд производил со своими офицерами рекогносцировку дорог, по которым должны были следовать ночью его колонны, а также потому, что положение лагеря Абдаллаха являлось стабильным; но как мог генерал Клебер действовать ночью на местности, незнакомой как ему лично, так и его офицерам? Когда он обдумывал атаку, он находился в пяти лье от противника и не знал точно, где станет лагерем этот последний. Ему необходимо было бы оставаться по крайней мере сутки на виду у противника, чтобы произвести тщательную рекогносцировку местности вокруг мусульманского лагеря; но при наличии армян, настолько превосходившей его численностью, это было невозможно. Наполеон предвидел, что тот только к рассвету доберется до местности, которой не знает, будет охвачен всей этой армией и подвергнется величайшим опасностям, причем как эта дивизия, так и осадная армия будут в одинаковой степени поставлены под угрозу. Он немедленно выступил (15 апреля в час пополудни) с дивизией пехоты, всей конницей, находившейся в лагере, и резервной батареей, двигался до наступления ночи и стал лагерем на высотах Сафарии. 16-го на рассвете он взял направление на Сулин, следуя по ущельям, обходящим горы. В 9 часов утра глазам его открылась вся Ездрилонская равнина, а в трех лье к северо-востоку он разглядел через свой хороший бинокль у подножья горы Табор два небольших каре, вокруг которых клубился дым: это, несомненно, была французская дивизия, со всех сторон охваченная и атакованная очень большой армией. Ездрилонская равнина весьма плодородна; она была покрыта хлебами; рожь имела уже 6 футов в высоту. Наполеон построил свою дивизию в три полковых колонны; он приказал им двигаться на расстоянии в 400 туазов одна от другой, в таком направлении, чтобы перерезать путь отступления против-

ника на Набулус. Колосья ржи совершенно скрывали солдат, которые приближались к лагерю ничего не подозревавшего противника.

Клебер привел свой план в исполнение; он выступил в направлении Иордана и вернул на тылы противника; день занялся прежде, чем он успех его нагнать; в 7 часов утра он очутился у него на виду; он напал на передовые посты, перерезав их. Но в лагере вскоре поднялась тревога; вся эта масса вскочила на коней и увидев, как мало французов, двинулась на них. Клебер был обречен. В качестве смелого и умного человека он сделал все, чего можно было от него ожидать; он выдержал и отбил большое число атак; но турки захватили все отроги горы Табор и все холмы, окружавшие французов. Наши старые солдаты понимали, сколь опасно их положение, и наиболее неустрашимые начинали желать, чтоб дали приказ заклепать пушки и вырваться из кольца через крутые высоты Назарета. Генерал Клебер совещался о том, как поступить, положение его было очень тяжелым, как вдруг солдаты вскричали: «Вот маленький капрал». Офицеры штаба доложили генералу Клеберу об этом слухе; он рассердился, доказал невозможность этого и приказал военному совету продолжать обсуждение. Но старые солдаты Наполеона, привыкшие к его маневрам, продолжали кричать; им казалось, что они увидели блеск штыков. Тогда Клебер поднялся на одну из высот и направил свою трубу в ту сторону; так же поступили офицеры штаба, но они ничего не обнаружили, да и сами солдаты решили, что стали жертвой оптического обмана; этот проблеск надежды исчез. Клебер решил, наконец, оставить свою артиллерию и раненых и приказал построиться в колонну, чтобы проложить себе путь. Вероятно, что солдаты заметили блеск штыков в тот момент, когда колонны находились в несколько более возвышенной и открытой местности. Главнокомандующий придавал большое значение скрытности своего маневра, что должно было дать ему возможность, заняв один холм, совершенно отрезать туркам путь к отступлению. Но внезапно его внимание было привлечено движением всей армии противника, которая смыкалась вокруг каре Клебера. Несколько офицеров штаба сошли с коней, направили в ту сторону свои трубы, увидели, что противник явно готовится атаковать Клебера всеми своими силами и что французские каре как будто расстроились; на самом деле происходило перестроение в колонну для атаки. Каждая секунда была дорога. Клебер оказался в окружении 30 000 человек, из коих более половины на конях; малейшее промедление могло оказаться гибельным. Главнокомандующий приказал одному каре подняться на дамбу. Солдаты и штыки были замечены друзьями и врагами. В то же время артиллерийский залп демаскировал движение войск. Вскоре было замечено, что солдаты Клебера снова строятся в каре, на остриях штыков подняты в знак радости их

шапки; за этим последовал артиллерийский залп — сигнал опознания. Армия противника, удивленная и пораженная, сразу остановилась. Мамлюки Ибрагим-бей, наиболее подвижные в турецкой армии и находившиеся всего ближе к французам, поспешили, прижимаясь к земле, разведать, что это за новые войска; за ними последовали все набуллусцы, больше всех встревоженные тем, что эти колонны преградили путь к их родным местам. Три французских каре на минуту остановились, чтобы обеспечить взаимодействие. Отряд в 300 человек напал врасплох на лагерь, разграбил его и захватил раненых турецкой армии; он поджег палатки, что вселило страх в сердца турок. Несколько отрядов турецкой конницы приблизились к каре на расстояние ружейного выстрела, но, встреченные картечью, удалились. Со своей стороны Клебер двинулся вперед; соединение не замедлило совершиться; смятение и ужас, охватившие противника, достигли предела; эта армия бежала частью на Набуллус, частью на Иордан. Трудно передать чувство восхищения и благодарности солдат. Противник потерял много людей в различных атаках, предпринятых на протяжении утра; еще больше потерял он во время отступления. Несколько тысяч утонули в Иордане; дожди подняли уровень воды и сделали переход вброд весьма затруднительным. Клебер потерял 250—300 человек убитыми и ранеными. Потери колонны главнокомандующего составили 3—4 человека. Такого сражение у горы Табор. Наполеон взошел на эту гору, имеющую вид сахарной головы и господствующую над частью Палестины. Это сюда, если верить некоторым легендам, дьявол перенес Иисуса Христа и предложил ему всю страну, которую можно видеть оттуда, если он поклонится ему.

Ночь с 16-го на 17 апреля Клебер провел в палатке главнокомандующего; он покинул ее в 3 часа утра, чтобы присоединиться к своей дивизии, стоявшей лагерем на Иордане. Весь день 17-го он преследовал остатки дамаской армии; солдаты овладели богатой добычей. 17-го вечером Клебер заночевал на том месте, которого достиг, и стал ожидать приказаний на 18-е. Наполеон обдумывал свое положение; в лагере у Акры осталось только 4000 человек, которые должны были держать в осаде восьмидесятысячный гарнизон, поддерживаемый двумя английскими 80-пушечными кораблями и все время получавший помощь; каждую минуту для поддержки его могла явиться родоская армия, движение которой было согласовано с движением дамаской; поэтому было необходимо срочно вернуть все войска в осадный лагерь; выделить оттуда можно было самое большее 2500 солдат Клебера, 500 кавалеристов и 12 пушек; в этом случае в лагере оставалось бы еще 6000 человек, то есть достаточное количество; но разумно ли поручить Клеберу с 3000 человек овладение большой столицей с населением в 100 000 жителей, наиболее злобных на всем Востоке? Не следует ли

опасаться, что, убедившись в малой численности французов, они окружают их со всех сторон? С другой стороны, взятие Дамаска могло произойти самое позднее на завтрашнее утро (18-го или 19-го)¹; это было очень соблазнительно; какие только выгоды не принесло бы армии это завоевание! Она нашла бы там лошадей, верблюдов, мулов, в которых нуждалась для восполнения убыли в них; кожи, сукна, полотна, предметы обихода; порох, оружие, деньги; там можно было легко взыскать контрибуцию в 7—8 миллионов франков; а самым большим приобретением для армии завоевателей не явилась бы разве слава, которой покрыло бы себя французское оружие? Сражение у горы Табор должно было восстановить его репутацию, несколько поколебленную сопротивлением Акры, но что произойдет, если в Каире, Триполи, Алеппо и Акре узнают, что французское знамя развеивается над священным, древним и богатым Дамаском? Разве это не произведет того морального эффекта, который ожидали от взятия Акры? Метуали, арабы, друзы, марониты, все народы Сирии станут тогда под французские знамена. Как ни убедительны были все эти соображения, было невозможно пойти на такой риск, чтобы послать 3000 человек без поддержки; но если бы их удалось поддержать шестью тысячами набуллуцев, дело приняло бы иной оборот. 17-го главнокомандующий говорил об этом с представителями друзов и маронитов, которые сопровождали армию. Они заявили, что после такой великой победы, как одержанная у горы Табор, считают себя вправе принять определенные обязательства от имени своих наций, что было им приказано сделать лишь после взятия Акры; однако им понадобится, по крайней мере, две недели, чтобы выставить этот вспомогательный отряд. Дахэр не мог предложить сразу больше 200 человек; бедуины, которые составляли его силу, не хотели принимать на себя обязательств до взятия Акры и передачи ее в руки Дахэра. Но, раз до взятия Акры невозможно овладеть Дамаском, нельзя ли, по крайней мере, Клеберу получить с него контрибуцию, что потребует всего 48 часов? Потребовать контрибуцию и тотчас же уйти обратно за Иордан означало бы предпринять довольно невыгодную и вредную для последующих операций экспедицию, так как это могло бы повлечь за собой гибель живших в этом городе 18 000 христиан, которые должны были в дальнейшем пригодиться армии. 17-го утром были в наказание сожжены и разграблены три большие набуллуцкие деревни; представители Набуллуса умоляли пощадить их город и представили заложников. Клебер получил приказ отойти за Иордан и остаться для наблюдения на берегу этой реки.

¹ Здесь у автора допущена описка: «завтрашнее утро» это в данном случае утро 18-го. — Р е д.

18 апреля Наполеон заночевал в Назаретском монастыре; армия находилась в святой земле; все деревни были прославлены событиями ветхого и нового завета. Солдаты с интересом побывали на месте, где Олоферну отрубили голову, особенно восхищались чудом на свадьбе в Кане, так как у них не было вина¹. Иордан представляли себе в виде широкой и быстрой реки, почти такой же, как Рейн и Рона, и очень удивились, увидя только ручеек, поменьше Эн или Уазы у Компьена. Вступив в Назаретский монастырь, армия почувствовала себя, словно в европейской церкви; он красив, все свечи были зажжены, священное писание раскрыто, армия присутствовала при Те Деум²; там был очень хороший орган; монахи-францисканцы были все испанцы и итальянцы, за исключением одного француза; они показали грот благовещения, где богоматери явился ангел Гавриил. Монастырь очень красив, в нем много помещений и кроватей; там разместили раненых; монахи ходили за ними. В погребах нашлось очень хорошее вино. 19 апреля Наполеон вернулся в лагерь Акры после отсутствия, длившегося всего пять дней. Сражение у горы Табор возымело ожидаемое действие; друзья, марониты, сирийские христиане, а несколько недель спустя — представители христиан Армении — во множестве стали являться во французский лагерь. Согласно тайной конвенции, заключенной с друзьями и маронитами, главнокомандующий должен был принять на денежное довольствие 6000 друзей и 6000 маронитов под командованием их офицеров, которые должны были присоединиться к французской армии в Дамаске.

VII. Как только контр-адмирал Перрэ получил известие о вступлении армии в Сирию, он вышел из Александрии, с которой сэр Сидней Смит снял блокаду, и 15 апреля прибыл на рейд Яффы с фрегатами «Жюнон», «Альсест» и «Куражэз», которые и бросили там якорь. Там же он получил приказы и инструкции, гласившие, что ему необходимо приблизиться к Сен-Жан д'Акру, не будучи обнаруженным английским командором. Он заметил гору Кармель и выгрузил в бухточке Тантуры шесть орудий тяжелого калибра, равно как и большое количество боеприпасов и провианта. Эта важная операция была осуществлена в трех лье от английской эскадры. После этого он вышел в открытое море и стал крейсировать между Родосом и Акрой, чтобы перехватывать суда, шедшие в эту крепость. Он встретил конвой родосской армии, захватил два судна, на которых находилось 400 человек из состава этой армии, интендант, шесть полевых орудий и сумма в 150 000 франков. Он вернулся к берегам Сирии, высадил пленных, сообщил то, что

¹ Имеется в виду одно из евангельских чудес — превращение воды в вино. — Р е д.

² Благодарственная молитва. — Р е д.

ему стало известно, и получил новые инструкции. В ходе этого крейсерства он взял еще несколько призов; преследовал конвой из небольших судов с набуллусцами, которые хотели войти в Акру, и рассеял его. Поскольку он оказался на виду у английской эскадры, сэр Сидней Смит преследовал его, но не достиг; между тем его фрегаты были не очень быстроходны. Эта морская экспедиция весьма почетна для отважного контр-адмирала, который в течение месяца оставался в море и, можно сказать, блокировал Сен-Жан д'Акр на виду у английской эскадры, состоявшей из двух 80-пушечных линейных кораблей, фрегата и восьми—десяти посыльных судов. Это объясняется тем, что коммодор сэр Сидней Смит пытался входить во все подробности сухопутных операций, хотя не понимал их, да и вообще мало мог сделать в этой области, и запускал морские дела, которые знал, хотя в этой области мог сделать все. Если бы английская эскадра не прибыла в залив Сен-Жан д'Акра, этот город был бы взят до 1 апреля, поскольку 19 марта, двенадцать тартан с осадным парком прибыли бы в Хайфу, а эти тяжелые орудия в 24 часа сравняли бы с землей укрепления Сен-Жан д'Акра. Захватив или рассеяв эти двенадцать тартан, английский коммодор, следовательно, спас Джебзар-пашу. Его помощь и советы относительно обороны крепости не имели большого значения. Было бы гораздо полезнее, если бы, высадив там Филиппо и полсотни английских канониров, он вовсе перестал заниматься сухопутными делами, занялся сохранением своего господства на море и полным прекращением морского сообщения между осаждающими и Дамьеттой и, наконец, захватил бы три фрегата или, по крайней мере, устроил за ними погоню. Ведь Акра была разрушена посредством тех боеприпасов и пушек, которые они доставили осаждающим.

VIII. В этот второй период осадный парк, независимо от артиллерии, которой он располагал в первый период, увеличился на два 24-фунтовых и два 18-фунтовых орудия, а также на две мортиры. 25 апреля взорвали мину под большой башней; результаты взрыва не полностью оправдали надежды минеров; подземный ход, выведивший к древним постройкам, спутал их расчеты; только половина башни была опрокинута; вторая же была лишь поколеблена; казалось, что башню разрезали бритвой. Триста турок, четыре орудия, все припасы, приготовленные для защиты бреши, были сброшены в ров. лейтенант инженерных войск, 10 саперов и 20 гренадер закрепились в нижних этажах, но поскольку лестница, ведшая в верхние этажи, обрушилась, выбить оттуда противника не удалось. Укрепившись в башне отряд был отозван, и в несколько часов 24-фунтовые орудия сравняли с землей эту часть башни. Офицер инженерных войск Лиэда руководил устройством ложементов в ее развалинах. Таким образом, французы овладели важнейшим пунктом крепостной стены; вход в крепость был открыт, но против-

ник соорудил за большой башней ретраншемент. В ложементе поставили батареи для обстрела этого ретраншемента и подавления обороны дворца Джеззара и мечети. В то же время батареи, предназначенная для пробития бреши, начала действовать против второй башни того же фаса и к контрэскарпу повели минную галерею, чтобы взорвать его.

Артиллерия осаждающих взяла верх над артиллерией осажденной крепости, стены которой были почти совершенно разрушены. Крепость продолжала держаться только многочисленностью гарнизона и надеждами этого гарнизона на прибытие армии с Родоса. Морские коммуникации были открыты для него; каждый день он получал пополнения, а потому не только не ослабевал в результате ежедневных же потерь, а, наоборот, стал гораздо более сильным, чем в начале осады. Осажденные были очень храбры, они с редкой неустрашимостью атаковали траншеи, уничтожали фашины и туры батарей, идя при этом на почти верную смерть. Из каждых десяти участников подобных экспедиций, происходивших каждый день, девять гибло, но десятый возвращался в крепость, где его принимали с триумфом, что было достаточным для поддержания духа соревнования. Борьба один на один в коленах траншей и на плацдармах была настолько серьезным делом, что французским солдатам пришлось вырывать все три грани их штыков, дабы помешать туркам вырывать их из рук. Осман обычно ловок, силен, храбр, метко стреляет; он идеально обороняется за стеной, но в открытом поле отсутствие взаимодействия, дисциплины и тактики делает его совсем нестрашным, изолированные усилия ничего не могут сделать против действия сообща. Все вылазки, которые предпринимал гарнизон, были для него губительны; в этих вылазках он потерял свыше 9000 человек, в том числе две трети пленными. Выйдя из своих траншей, они тотчас же предавались присущей им порывистости; французским офицерам было легко, отходя перед ними, завлекать их в засады, что делало невозможным возвращение их в крепость.

К концу апреля Джеззар, не надеясь более удержать город, стал подумывать над эвакуацией его. Родосская армия, которая уже давно извещала о своем предстоящем прибытии, задерживалась, откладывая это прибытие со дня на день, в то время как городу угрожала опасность быть взятым штурмом. В этом деликатном положении полковник Филиппо, руководивший обороной, не усмотрел иной возможности затянуть осаду и тем дать Родосской армии возможность прибыть на место, как прибегнуть к линиям контратаки. Он сказал паше: «Вы превосходите противника своей артиллерией; ваш гарнизон на треть сильнее осадной армии; вы можете потерять столько же людей, не подвергаясь при этом опасности, так как вместо одного убитого вы получите трех новых солдат. Стоящая перед вами осадная армия насчитывает теперь не более 6000—7000 человек, по-

сколько часть ее используется для наблюдения на Иордане или же несет гарнизонную службу в Яффе, Хайфе, Газе, Аль-Арише или, наконец, сопровождает караваны. Если бы ваш гарнизон был столь же дисциплинированным, сколь и отважным, я предложил бы вам посадить большую часть его на суда и высадить близ Набуллуса, чтобы вести военные действия на тылах французской армии и тем заставить противника снять осаду; но те примеры, которые каждый день показывают нам различные вылазки, пример дамасской армии, разбитой на Ездрилонской равнине горстью людей, убедительно свидетельствуют о том, каков был бы исход подобного предприятия. У вас остается одно средство спасения — идти на врага, пользуясь линиями контратаки. У вас есть рабочие руки, в изобилии имеется инструмент, тюки хлопка и шерсти, бочки, лесные материалы, мешки для песка — в этой войне преимущество будет на вашей стороне; она утомит осаждающих, будет им стоить больших потерь, а это подорвет их силу, поскольку у них нет никаких источников пополнения; тогда по прибытии родосской армии вы сможете заставить их снять осаду». Этот проект был принят. В последнюю неделю апреля осажденные соорудили перед морскими воротами и дворцом паши два больших редана в виде плацдармов, которые они вооружили 24-фунтовыми орудиями, и оттуда повели траншеи, из которых могли нанести удар по флангу атакующего противника, и прокопы на сближение с ложементом большой башни. Осаждающие были вынуждены соорудить батареи для борьбы с батареями реданов и траверзов; они в свою очередь повели траншеи, направленные против новых линий противника, что повлекло их в новые работы, замедлившие весь ход осады. Прибегнув к этому средству, осажденные выиграли 15 дней, в которых нуждались, что дало им возможность вовремя получить помощь с Родоса.

Этот совет военного инженера Филиппо был его лебединой песней. Он потратил столько усилий на проектирование этих работ и руководство ими, что получил солнечный удар и умер 1 мая. Он был французом, учился в военном училище в Париже, в одном классе с Наполеоном (класс профессора Монжа). Оба в один и тот же день держали экзамен у Лапласа и вступили в артиллерию в один и тот же год, то есть 14 лет назад. После революции Филиппо эмигрировал. Вернувшись во Францию в период реакции во фрюкtidоре 1797 года, он способствовал бегству сэра Сиднея Смита из Тампля¹. Он получил чин полковника английской службы и был направлен в Левант. Это был человек ростом в 4 фута 10 дюймов, но крепкого сложения. Он оказал важные услуги, однако на сердце у него было беспокойно; в последние минуты жизни он испытывал сильнейшие угрызения совести; он имел случай раскрыть свою душу

¹ Тюрьма в Париже. — Р е д.

французским пленным. Он негодовал на самого себя за то, что руководил обороной варваров против своих; родина никогда не теряет полностью своих прав! Полковник Даглас заменил Филиппо, но он не унаследовал ни его образования, ни его знаний. Саперы обеих армий двигались навстречу друг другу, работая бок о бок, так как их разделял слой земли толщиной всего в 2—3 туаза. Когда французские военные инженеры полагали, что находятся уже на фланге противника, минеры готовили пороховую мякоть, перерезали траншею противника, и все, что находилось за этим местом, убивалось или бралось в плен. Турки вскоре научились совершать тот же маневр. Три раза все траншеи противника были захвачены с боя, часть их была засыпана, но было невозможно удержаться в них, так как они простреливались огнем стрелков, размещенных в башнях, которые господствовали над местностью. Следовательно, нужно было упорствовать в применении этого способа ведения войны: траншея против траншеи.

4 мая брешь во второй башне была подготовлена для штурма, куртина между большой и второй башнями — сравнена с землей, подводка мины для подрыва контрэскарпа — завершена; 5-го утром должен был начаться генеральный штурм. Успех казался несомненным; но ночью военные инженеры осажденных разрежали контрэскарпы и повели двойную сапу против минной шахты, причем с такой энергией, что к рассвету обезвредили мину и уничтожили минеров, прежде чем дежурившие днем военные инженеры успели что-либо заметить. Пришлось отрывать новую минную шахту, что вызвало задержку на несколько дней, значение которой оценили не сразу. Предполагалось, что штурм состоится 9-го. Но 7-го утром заметили 30—40 судов, державших курс на взморье; это была деблокадная армия, которую осажденные давно ожидали с таким нетерпением. Главнокомандующий тотчас же приказал стать в ружье, а генералу Ланну поручил идти на приступ и взять крепость. Погода была тихая, слабый ветер дул с суши. Было мало вероятно, чтобы этот конвой мог достигнуть города раньше, чем через сутки. Генерал Ланн построил три колонны. Первая, под командой генерала Рамбо, вошла в крепость через брешь со стороны куртины; вторая, под командой заместителя генерала Ласкаля, вошла в крепость через большую башню; генерал Ланн стал во главе третьей, составлявшей резерв. Генерал Рамбо форсирует брешь, преследует турок в городе, захватывает два орудия и две мортиры противника; но с наступлением ночи ветер переменялся, суда подошли и еще до рассвета высадили подкрепление; пришлось оставить занятую часть города и удовольствоваться удержанием ложемента большой башни. Генерал Рамбо был убит во время этого штурма.

На рассвете части родосской армии, гордые небольшим успехом, которого они достигли благодаря своей численности,

сделали вылазку с двух плацдармов — у морских ворот и дворца паши. Они льстили себя надеждой на то, что захватят батареи осаждающих и заставят их снять осаду. Действительно, вначале вылазка имела большой успех; они овладели ложементом башни, половиной траншей и батарей; но вскоре трехтысячный отряд, обойденный с флангов, был отрезан от крепости; окруженный со всех сторон, он сложил оружие. Три тысячи других остались убитыми или ранеными на плацдармах и в траншеях. Только две тысячи вернулись в крепость. Исход этого боя снова изменил положение вещей; уныние охватило осажденных, новые надежды подняли дух осаждающих, которые бросились на штурм, овладели всей той частью города, которую уже занимали прежде, и забаррикадировались там; бои продолжались несколько дней и велись за каждый дом. Считая с начала осады, нападающая сторона понесла значительные потери; эта затяжная война с каждым днем увеличивала их; не было возможности овладеть городом, не потеряв тысячи людей. Чума свирепствовала ужасающим образом среди гарнизона, не было никакого средства, способного предохранить от нее армию; если бы последняя стала упорствовать в своем предприятии и штурмом овладела городом, она потеряла бы еще тысячу человек от чумы. Главнокомандующий много размышлял, взвешивал эти соображения; но снять осаду побудили его полученные днем 13-го новые данные о положении дел республики.

Начиная с апреля в ходе переговоров, которые часто происходили у траншей, полковник Филиппо довел до его сведения об образовании второй антифранцузской коалиции, более могущественной, чем первая. Контр-адмирал Перрэ беседовал с капитанами ряда судов, вышедших из Неаполя; они сообщили ему, что французы вступили в этот город, прогнали короля и учредили республику. Наконец, путем допроса пленных из родосской армии, а также пленных англичан было с несомненностью устаиовлено, что в Европе объявлена война и что французская армия вступила в Неаполь. Было легко предвидеть, что этот поход в Нижнюю Италию будет иметь губительные последствия и что 30 или 40 тысяч французов, находящихся у Везувия, будет недоставать на Адидже. Главнокомандующий представил себе новое положение вещей. Директория, не пользовавшаяся уважением нации, быть может, низвергнута; если французские войска постигла неудача, операции Восточной армии станут второстепенными; главнокомандующий стал думать только о средствах возвращения во Францию. Сирия, Галилея, Палестина не имели более никакого значения; нужно было вернуть армию в Египет, где она была непобедима; после этого он сможет покинуть ее и ринуться в поток событий, возникший перед его мысленным взором.

IX. Решение снять осаду было замаскировано удвоением силы огня; вся осадная артиллерия была сведена в батареи. Она

непрерывно стреляла в течение шести дней; сравнила с землей все укрепления мечети и дворца Джебзара, а также внутренний ретраншемент. В течение этого времени раненые, больные, пленные и тяжелые обозные грузы направлялись в Яффу; госпитали в Рамле, Газе и Аль-Арише эвакуировались на Каир 20 мая дивизия Ренье, находившаяся в траншее, покинула ее. Армия пошла вдоль побережья моря; генерал Клебер командовал арьергардом. С дюжину 24-фунтовых и 18-фунтовых пушек, а также орудий меньшего калибра, равно как и английские каронады, были испорчены и брошены в море. Осажденные обнаружили снятие осады только 21-го днем. Радость их была тем более велика, что они считали свое положение отчаянным; они ожидали, что город будет взят штурмом. Совершенно не имея кавалерии, Джебзар не смог преследовать французскую армию. 21-го в 8 часов утра авангард армии занял позицию в Цезарее, основные силы — в Тантуре, арьергард — в Хайле.

В этот день был издан следующий приказ по армии:

«Солдаты!

Вы перешли через пустыню, отделяющую Африку от Азии, с большей быстротой, чем это могла бы сделать армия, состоящая из арабов. Армия, которая выступила в поход для завоевания Египта, уничтожена, вы захватили ее командующего, парки, обозы, бурдюки, верблюдов.

Вы овладели всеми крепостями, защищающими колодцы пустыни. Вы рассеяли на поле сражения у горы Табор орды, сбжавшиеся со всей Азии в надежде на ограбление Египта.

Наконец, после того как с горстью людей мы в течение трех месяцев вели войну в сердце Сирии, захватили 40 пушек, 50 знамен, 6000 пленных, сравнила с землей укрепления Газы, Яффы, Хайфы, Акры, нам предстоит вернуться в Египет; наступление времени, благоприятного для высадки войск, требует моего возвращения туда.

Через несколько дней вы могли надеяться захватить самого пашу в его же дворце. Но в это время года взятие замка Акры не стоит потери нескольких дней. К тому же храбрецы, которых мне пришлось бы там потерять, необходимы сегодня для более важных операций.

Солдаты, мы стали на утомительный и опасный путь. Мы лишили Восток возможности что-либо предпринять против нас в ходе этой кампании, но нам придется, быть может, отражать нападения части Запада.

Вы найдете при этом новые возможности покрыть себя славой; и если среди стольких боев каждый день приносит смерть какого-нибудь храбреца, нужно, чтобы появлялись новые храбрецы, способные в свою очередь занять место в той немногочисленной шеренге бойцов, которая в час опасности придает всем энергию и завоевывает победу».

Осада Акры продолжалась после заложения траншей

62 дня; французская армия потеряла в ходе ее 500 человек убитыми, в том числе ряд выдающихся офицеров: дивизионного генерала Бона, бригадного генерала Рамбо, четырех заместителей генерала, десять офицеров инженерных войск, тридцать старших офицеров и штабных, капитана Круазье — адъютанта главнокомандующего, полковников Буайе (18-й линейный полк) и Вену (25-й) — заслуженных офицеров. Но наиболее чувствительной потерей была гибель генерала Каффарелли дю Фальга; он родился в Лангедоке; к началу революции он был капитаном инженерного корпуса; он любил революцию, но 10 августа¹ отказался принести новую присягу. Этот пример мужества позволяет судить об его принципиальности и силе его характера. Он был уволен из рядов армии, но затем вновь принят на службу; он познакомился с Наполеоном в 1797 г. после возвращения его из Италии и последовал за ним в Египет. 20 апреля он был ранен в траншее ружейной пулей, которая пробила ему локоть, пришлось ампутировать руку; находясь в Самбро-маасской армии, он уже потерял ногу. В течение шести дней он сильно страдал и все время бредил, но когда главнокомандующий входил в его палатку, он испытывал потрясение, к нему возвращалось сознание и в течение 15—20 минут он вел с ним беседу, не лишнюю здравого смысла. Он умер 25 апреля, произнося очень яркую речь о народном образовании и отсутствии надежды на успешное функционирование центральных школ² и вообще системы, которой придерживались до этого времени. Число раненых достигло 2500, но 800 из них были ранены легко и выздоровели в самом лагере; 1700, в том числе 90 с ампутированными конечностями, были эвакуированы в Египет. Опасались того действия, которое окажет на них переход через пустыню в столь жаркое время года: ожидали, что половина из них погибнет. Поэтому приятным сюрпризом явился тот факт, что к моменту прибытия в Салихию из них погибли лишь очень немногие; офицеры медицинской службы приписывали это сухости воздуха, ибо влажность — это то, что всего более противопоказано раненым. Среди раненых находились генерал Ланн, полковник Дюрок и капитан Евгений Богарне³.

Главнокомандующий в ходе этой осады был легко ранен, под ним убили лошадь. 4 мая, находясь в траншее, он был засыпан землей при разрыве бомбы; бригадиры его охраны, некие Домэсниль и Карбонель, находившиеся рядом с ним, закрыли его своими телами, чтобы предохранить от разрыва бомбы, которая действительно разорвалась вскоре после этого и легко ранила Карбонеля. Капитан Арриги был ранен пулей, которая

¹ 10 августа 1792 г. — день низвержения монархии во Франции. — Ред.

² Центральные школы — средние учебные заведения, созданные во всех департаментах Франции в 1795 г. — Ред.

³ Пасынок Наполеона. — Ред.

сорвала шляпу с головы главнокомандующего и попала в рот этому офицеру.

В Акру последовательно прибыло 15 000 турок, к моменту снятия осады их оставалось только 5000. Таким образом, потери составили 10 000 убитыми, ранеными и пленными.

22 мая перед выходом из Тантуры главнокомандующему доложили, что 200 раненых, которых офицеры медицинской службы сначала признали способными эвакуироваться пешком, не могут сделать более одного перехода. Он тут же предоставил в их распоряжение всех своих лошадей; офицеры штаба поспешили последовать этому примеру. Один раненый гренадер боялся запачкать красивое вышитое седло и стоял в нерешительности: «Ступай,— сказал ему главнокомандующий»,— нет ничего чересчур красивого для храбреца». Офицеры кавалерии спешили и прислали всех своих лошадей, годных под седло. Только убедившись, что все раненные уехали, главнокомандующий сел на одну из своих лошадей.

Х. 22 мая лагерь был разбит в Цезарее. Наполеон выкупался в порту, который усеян обломками колонн из мрамора, гранита и порфира. Развалины этого города позволяют составить выгодное представление об его прошлом. 23-го армия стала лагерем в Абухабуре — порту набуллуцев; 24-го она переправилась через реку Буш по понтонному мосту и заночевала в Яффе, где провела несколько дней, чтобы взорвать фортификационные сооружения и завершить эвакуацию складов и госпиталей. Был отдан приказ выступить 27-го, но в час ночи адъютант Валетт, совершивший обход складов и госпиталей, чтобы проверить окончание эвакуации, доложил, что он еще нашел в госпитале 11 больных. Спросив у дежурного хирурга, почему их не эвакуировали, он услышал в ответ, что это больные чумой, что совет по делам эвакуации не признал их транспортабельными и что к тому же им остается жить не более суток. Но эти несчастные, увидев, что их хотят оставить, требовали, чтобы их лучше убили, чем предоставили жестокости турок; адъютант добавил, что дежурный хирург просил разрешения оставить подле каждого из них дозу опиума, которой они смогут воспользоваться в случае надобности. Немедленно были вызваны начальник медицинской службы Деженетт и главный хирург Ларрей; они подтвердили невозможность эвакуации зачумленных. Стали обсуждать вопрос о том, уместно ли разрешить хирургу оставить в распоряжении этих несчастных опиум. Деженетту это было противно. «Я имею право предоставлять больным только то, что может их излечить»,— сказал он. Другие считали, что уместно поместить опиум в пределах досягаемости этих несчастных, что нельзя отказывать другому в том, что было бы желательно для тебя самого. «Я всегда буду готов сделать для моих солдат то, что я сделал бы для родного сына»,— сказал Наполеон,— однако, поскольку в течение суток они должны уме-

реть естественной смертью, я выеду только этой ночью, а Мюрат с 500 кавалеристами останется до двух часов пополудни завтрашнего дня». Он отдал хирургу, остававшемуся с арьберггардом, следующий приказ: если к моменту отъезда последнего они еще не умрут, поставить у их постелей опиум, указав, как воспользоваться им в качестве единственного средства избавиться от жестокостей турок. Английские корабли, крейсировавшие в этом районе, в то время находились далеко в море.

28 мая дивизия Ренье отправилась из Яффы в Замлу, а затем вдоль подножья иерусалимских гор. Поля были покрыты хлебами, сулившими наилучший урожай. Армия подожгла посевы, что было признано необходимым, 29-го утром она стала лагерем в Газе. В июне пустыня очень сурова, она несколько не похожа на ту же пустыню в январе; тогда все было легко, теперь все стало трудно. Песок был раскаленным, солнечные лучи — невыносимыми. 2 июня армия стала лагерем в Аль-Арише. Фортификационные сооружения находились в хорошем состоянии; гарнизон располагал запасами на шесть месяцев, артиллерия оставила там несколько пушек, чтобы усилить вооруженные крепости. 4-го она ¹ стала лагерем в Катни. Форт, построенный из пальмового дерева, был достаточно прочным, чтобы оказать сопротивление арабам. 5-го главнокомандующий поехал осмотреть Тину и Пелузий; он прогулялся по берегу, на котором был убит великий Помпей. Жара была удушающей; объехав вокруг древней ограды города, он укрылся в тени обломка стены, оставшейся от древней триумфальной арки. Наконец, 7-го армия прибыла в Салихию. Нужно самому перенести девятидневные муки от отсутствия тени и особенно от жажды, чтобы представить себе ту радость, которую испытали солдаты, став лагерем среди пальмового леса, где имелось сколько угодно отличной нильской воды. Тщательно проведенные переключки выявили наличие 11 133 человек. Не хватало, следовательно, 2000 человек. 500 было убито на поле брани, 700 умерли в госпиталях, 600 остались в гарнизонах Аль-Ариша и Катни, 200 ушли вперед; но из 11 тысяч, оставшихся в наличии, 1500 были ранены (в числе последних находилось 85 человек с ампутированными конечностями). Пять инвалидов с ампутированными конечностями умерли в пустыне. Из этих 1415 раненых 1200 к моменту Абукирского сражения вернулись в свои части. Потери, понесенные в Сирийской войне, составили 1400 умерших и 85 оставшихся с ампутированными конечностями, то есть около 1500 человек.

XI. Из Салихии генерал Клебер получил приказ отправиться в Дамнетту и расположиться там. Армия продолжала следовать на Каир, куда вступила 14-го с триумфом. Жители вышли ей навстречу и ждали ее в Куббе. Делегации ремесленных це-

¹ Армия. — Р е д.

хов и купеческих гильдий приготовили великолепные подарки, которые поднесли султану Кебиру. Это были прекрасные кобылицы с роскошной упряжью, красивые дромадеры, славившиеся своей быстротой; оружие, ценное своей обработкой; красивые чернокожие рабы и красивые негритянки, красивые грузины и красивые грузинки и даже дорогие шерстяные и шелковые ковры, кашмирские шали, кафтаны, кофе мокко самого дорогого сорта, персидские трубки, шкатулки, полные благовоний и ароматов. Французы, находившиеся в Каире, со своей стороны приготовили на открытом воздухе пиршество, чтобы отпраздновать прибытие товарищей; они обнялись с ними и пили в течение нескольких часов. Распространялось столько слухов относительно катастрофы сирийской армии, что, несмотря на отсутствие дивизии Клебера, направившейся прямо в Дамьетту, все удивлялись, видя армию столь многочисленной и мало ослабленной. В строю находилось 8000 человек. Французы, вернувшиеся из Сирии, испытали при виде Каира такое же удовлетворение, какое испытали бы при виде своей родины. Жители, которые чувствовали, что хорошо вели себя во время отсутствия армии, в течение нескольких дней предавались радости, празднуя это счастливое возвращение. Главнокомандующий въехал в город через ворота Побед, предшествуемый начальниками ополчения, главами цехов и гильдий, четырьмя муфти и улемами мечети Аль-Азхар. Месяцы, истекшие между этим моментом и Абукирским сражением, были использованы для принятия делегаций различных городов и провинций, спешивших приветствовать султана Кебира. Полки восполнили убыль большим числом людей, находившихся в запасных частях или вышедших из госпиталей. Было сформировано четыре роты из тяжело раненных и инвалидов с ампутированными конечностями; им была поручена оборона цитадели и башен. Кавалерия занялась пополнением конского состава, артиллерия доукомплектовалась, и уже к началу июля армия отдохнула и находилась в наилучшем состоянии.

Были получены вести из Сирии; Джебзар-паша не выступал из города, а войска его — из его пашалыка. Гарнизон Аль-Ариша высылал патрули до самого Хан-Юнуса, но они не встречали противника. Половина родосской армии была уничтожена в Сирии, но Мустафа — везир и трехбунчукный паша Румелии, сержант, командовавший этой армией, — имел еще под своим началом три дивизии общей численностью в 15 000—18 000 человек. Он ожидал подхода еще одной янычарской дивизии, сформировавшейся в Дарданеллах. Это было не опасно и не должно было возбуждать серьезной тревоги. Шейхи мечети Аль-Азхар обратились к народу со следующим воззванием:

«Советы диктуются законом... Прибыл в Каир бережно хранимый вождь французской армии генерал Бонапарт, который любит религию Магомета. Он остановился со своими солдатами

в Куббе, здоровый и бодрый, и возблагодарил господа за милости, которыми тот его осыпает. Он вступил в Каир через ворота Побед, в пятницу 10-го дня месяца мухаррема 1204 года от хиджры, с превеликой свитой и торжеством. Было праздником видеть солдат в добром здравии... Этот день был великим днем, таких никогда не было видано. Все жители Каира вышли ему навстречу. Они увидели и признали, что это действительно главнокомандующий Бонапарт собственной персоной; они убедились, что все, что говорилось о нем, — ложно... Жители Верхнего Египта изгнали мамлюков ради своей безопасности и безопасности своих семей и своих детей, потому что наказание злых влечет за собой гибель добрых их соседей... Мы уведомляем вас, что Джемал-паша, прозванный так за великие свои жестокости¹, ибо не делал никакого различия между своими жертвами, собрал множество злодеев, коих обнадобил обещаниями грабежа и насилий, и хочет прийти сюда, чтобы овладеть Каиром и провинциями Египта... Главнокомандующий Бонапарт выступил в поход и разбил солдат Джемала; он взял форт Аль-Ариш и все бывшие в нем запасы... Он пошел затем на Газу, разбил все войска Джемала, которые там находились, и они обратились перед ним в бегство, как птицы и мыши бегут от кошки... Прибыв в Рамлу, он снова захватил запасы Джемала и две тысячи прекрасных бурдюков, которые были приготовлены там для похода в Египет, да предохранит нас от него господь. Затем он отправился к Яффе и три дня осаждал ее; и так как заблудшие жители не пожелали подчиниться и признать его, отвергли его покровительство, он в гневе своем и по воле направляющей его силы предал их грабежу и смерти: около пяти тысяч погибло; он сравнял с землей их валы и дал разграбить все, что находилось за оградой. Это дело рук божьих, ибо бог велит вещам быть и они суть. Он пощадил египтян, почтил их, накормил и одел. В Яффе находилось около 5000 человек войск Джемала, он их уничтожил всех, лишь очень немногие спаслись бегством. Из Яффы он двинулся к горе Набулус, в место, именуемое Кайюн, и сжег на горе пять деревень. Случилось то, что было записано в книге судеб; господин вселенной всегда действует одинаково справедливо. Потом он разрушил стены Акры, не оставив камня на камне, и превратил их в кучу обломков, так что люди спрашивают, стоял ли когда город на этом месте... Таков конец построек, возведенных тиранами. Затем он вернулся в Египет по двум причинам: во-первых, чтобы сдержать обещание, данное египтянам, — возвратиться к ним через 4 месяца, а обещания суть для него священные обязательства; во-вторых, потому, что, как он узнал, некоторые злодей из числа мамлюков и арабов в его отсутствие сеяли смуту, подстрекали к волнениям... Прибытие его рассея-

¹ «Джемал» — по-арабски «палач». — Р е д.

ло все эти слухи, все, к чему он всегда стремился,— это уничтожение злых, а мечта его состоит в том, чтобы делать добро добрым... Вернитесь же к богу, творения божьи; подчинитесь велениям его—земля принадлежит ему; следуйте его воле и знайте, что он обладает могуществом и передает его кому захочет: это то, во что он приказал вам верить... Когда главнокомандующий прибыл в Каир, он дал знать дивану, что любит мусульман и обожает пророка... что он обучается корану, который всякий день читает со вниманием... Мы знаем, что он намерен воздвигнуть мечеть, которая не будет иметь равных во всем мире, и принять религию Магомета».

ГЛАВА XI

АБУКИРСКОЕ СРАЖЕНИЕ

I. События, происшедшие в Египте на протяжении февраля, марта, апреля и мая.— II. На протяжении мая, июня и июля французская Брестская эскадра господствует в Средиземном море.— III. Передвижение беев в Нижнем Египте (в июле).— IV. Появление англо-турецкой эскадры у Абукира (12 июля).— V. Высадка родосской армии под командованием везира Мустафы; она овладевает фортом Абукир (16 июля).— VI. Положение обеих армий 24 июля.— VII. Абукирское сражение (25 июля); везир Мустафа, трехбунчужный паша, сераскер родосской армии, взят в плен.— VIII. Осада и взятие форта Абукир (12 августа 1799 г.).

I. Во время сирийской войны египтяне показали себя хорошими французами; предвосхищая хорошие вести, они отказывались верить дурным. Генерал Дюзэ покорил Верхний Египет, генерал Дюгуа поддержал спокойствие в Нижнем. Гарнизоны Каира и Александрии пополнились солдатами, вышедшими из госпиталей. Энергично велись фортификационные работы в крепостях, а также сооружение башен для защиты судоходства на Ниле. Небольшие набеги бедуинов отражались без труда и не оставили никакого следа. Улемы мечети Аль-Азхар проявили рвение и успешно просвещали народ, предотвращая всякого рода бунты. Имели место только два движения такого рода. Первое было связано с восстанием эмир-хаджи. Имущество и привилегии носителя этого сана были очень значительны. Ему требовалось 600 человек для охраны каравана паломников, следовавших в Мекку; он испросил и получил разрешение завербовать их в Шаркии. Он сохранял верность, пока французское оружие одерживало в Сирии победы; но когда ему показалось, что французы потерпели поражение под Акрой, он стал прислушиваться к инсинуациям агентов Джеззара и захотел заслужить прощение какой-нибудь огромной услугой. Он задумал овладеть Дамией; 18 апреля он распространил воззвание, в котором сообщал, что султан Кебир убит под Сен-Жан д'Акром, а его армия уничтожена; он ожидал, что воззвание будет иметь большой успех, но оно почти не возымело действия. Только три деревни выступили на его стороне; одно из племен бе-

дуинов прислало ему вспомогательный отряд в 200 всадников. Генерал Ланюсс во главе своей подвижной колонны выступил из дельты, перешел Нил, вступил в Шаркию и после ряда маршей и контрмаршей окружил эмира, предал смерти всех его приспешников и сжег три восставшие деревни; эмир-хаджи бежал в Иерусалим, куда прибыл всего с четырнадцатью спутниками.

Один из имамов пустыни Дерна, пользовавшийся репутацией великого святого среди арабов своего племени, вообразил или пожелал верить в то, что он — ангел Аль-Мохди¹. Этот человек обладал всеми качествами, способными возбуждать фанатизм толпы; он был красноречив, прекрасно знал коран; он проводил все свое время в молитве; по его словам, он жил без пищи. Каждое утро, при восходе солнца, в момент, когда правоверные заполняли мечеть, ему торжественно приносили кринку молока; он столь же торжественно обмакивал в нее пальцы и проводил ими по губам; это была его единственная пища. Он увлек за собой 120 человек из своего племени, направился во главе их в малый оазис, встретил там караван из 300 магрибинцев, шедший из Фецана; он стал им проповедовать, был ими признан, и все они встали под его знамена. После этого он двинулся на Даманхур, напал врасплох и перерезал 60 французов из морского легиона, захватил их ружья и одну 4-фунтовую пушку. Слухи преувеличили значение этого небольшого успеха, и число его последователей намного увеличилось; феллахи из всех районов провинции сходились в мечеть Даманхура, где он проповедовал и убедительно доказывал божественный характер своей миссии: «Пророк сказал, что он пошлет ангела Аль-Мохди на помощь правоверным, когда они окажутся в самом критическом положении. Между тем Аравия никогда не подвергалась ббльшим опасностям, чем ныне; она стала добычей бесчисленного войска идолопоклонников с Запада. Те, кто сражаются в защиту ислама, будут неуязвимы; ни ядра, ни пули, ни копья, ни сабли ничего не смогут сделать с ними».

Полковник Лефевр, комендант небольшого порта Рахмания, будучи встревожен успехами этого обманщика, двинулся на Даманхур с 400 солдатами; ангел Аль-Мохди пошел навстречу ему с тысячью человек, вооруженных ружьями и тремя или четырьмя тысячами, вооруженными копьями и вилами. Французский полковник, будучи окружен со всех сторон, построил багальонное каре и, выдержав довольно неравный бой, длившийся несколько часов, отошел в порядке и вернулся в свой форт. Вдовы и дети убитых, а также те, кто был ранен, разразились жалобами и принялись горько упрекать ангела Аль-Мохди. Пу-

¹ Здесь автор допускает ошибку. По мусульманскому поверию, Аль-Мохди — не ангел, а вождь, который придет установить на земле справедливость. — Р е д.

ли французов не должны были разить правоверных; почему же тогда столько убитых и раненых? Ангел Аль-Мохди прекратил этот ропот, сославшись на некоторые стихи корана; никто из тех, кто по-настоящему верил в него, не пострадал; те же, в кого попали пули, наказаны за недостаток веры. В результате его репутация упрочилась. Приходилось опасаться, что восстанет вся Бахейра. Это несчастье было предотвращено воззванием каирских шейхов, что дало генералу Ланюссу время, необходимое для того, чтобы выступить из Шаркии и атаковать 8 мая Даманхур. Он перебил всех, кто пытался оказывать сопротивление; среди убитых был найден труп самого ангела Аль-Мохди, хотя его последователи еще долго утверждали, что он жив и появится, когда для этого придет время. На египтян во все века легко было воздействовать именем божества, будь то бык Апис, Озирис или Магомет.

Командующий артиллерией генерал Доммартен получил приказ произвести инспектирование крепости Александрии и побережья, чтобы ускорить фортификационные работы. Он отплыл 17 июля из Каира на джерме... ружейные выстрелы, продолжал плавание. Он потерял убитыми и ранеными половину своего экипажа, получил четыре огнестрельные раны, от которых и умер в Розетте. Это был офицер, исполненный мужества. Генерал Соижис заменил его на посту командующего артиллерией армии¹.

Перед Суэцом бросили якорь английский 50-пушечный линейный корабль и фрегат; они прибыли из Калькутты. Было похоже, что они хотят овладеть городом. Но, найдя его готовым к обороне, они 5 мая снялись с якоря, исчезли из виду и возвратились в Индостан.

II. Брестская эскадра в составе двадцати пяти линейных кораблей, в том числе четырех трехпалубных и восьми фрегат, под команду адмирала Брюи, вышла из Бреста 26 апреля. Адмирал Бриджпорт, который блокировал этот порт с шестнадцатью линейными кораблями, заметил ее уход только через 36 часов. Он счел, что она предназначена идти в Ирландию, и отправился на высоту мыса Клир. Как только лондонское адмиралтейство узнало об этом событии, резервные корабли, стоявшие в портах Ламанша, были посланы на пополнение эскадр мыса Клир и Текселя. К концу мая эскадра Бриджпорта насчитывала 30 линейных кораблей, тексельская эскадра адмирала Дункана — 22. Эти две эскадры, насчитывавшие в общей сложности 52 линейных корабля, продолжали нести наблюдательную службу для обороны Ирландии. Французский флот направился в Египет и 4 мая прошел Гибралтарский пролив; но за-

¹ Этот абзац, начиная со слов «командующий артиллерией генерал Доммартен», написан карандашом рукой Наполеона. В пространстве, где стоит многоточие, находилось около 26 слов, которые не удалось разобрать. Дата «17 апреля» сомнительна; ее не удалось проверить. — Прим. франц. ред.

тем он изменил маршрут и 9 мая бросил якорь в Тулоне. Если бы он продолжал следовать по первоначальному маршруту, то еще до 16 мая прибыл бы к берегам Сирии; одного его присутствия было бы достаточно, чтобы обеспечить падение Акры, и в его распоряжение поступили бы конвои транспортных судов, которые Порты собрала на Родосе. Чтобы оправдать следование по ложному пути, адмирал сослался, как это в обычае у моряков,— на дурную погоду и необходимость ремонта. Он сказал также, что считал нужным соединиться с испанской эскадрой, как будто его собственная эскадра не была достаточно многочисленной, чтобы справиться с крейсировавшей в египетских водах, в которой было всего два—три линейных корабля. Одни приписывали это прискорбное поведение нерешительности и отсутствию твердости в характере адмирала, который потратил всю энергию, какую обладал, на переход от Бреста к проливу; другие объясняли это приказаниями, которые он получил в Кадиксе через курьера, прибывшего из Парижа. Они утверждают, что Директория отменила поход эскадры в Египет из опасения, чтобы Наполеон, узнав о происходящем в Европе, не вернулся в Париж и не воспользовался критическим положением правительства, потерявшего популярность в результате поражений,— в целях захвата власти. 20 мая Массаредо присоединился в Тулоне к французской эскадре с 21 испанским линейным кораблем. 27 мая Брюн вышел в море со своими 46 кораблями и крейсировал между Генуей и Ливорно, где выгрузил продовольствие и войска; 9 июня он, возвращаясь, прошел мимо Тулона, зашел в Картахену и Кадикс, а 8 августа бросил якорь в Бресте. Англичане, продолжавшие опасаться за Ирландию, не решились воспользоваться эскадрами адмирала Бриджпорта и адмирала Дункана: они ограничились тем, что поручили наблюдение за адмиралом Брюн эскадре лорда Сен-Винцента, состоявшей из 18 линейных кораблей. Брюн господствовал в Средиземном море на протяжении всего мая, июня и июля. Если бы 27 мая — в день выхода из Тулона — он взял курс на Александрию, то прибыл бы туда в середине июня; он покончил бы со всякой подготовкой к абукирской экспедиции, деблокировал бы и снабдил всем необходимым Мальту. Он не предпринял ни одной из этих операций. Между тем, крейсируя у берегов Италии, он поставил свою эскадру под большую угрозу, чем если бы направился на Мальту и в Египет. А это доказывает, что его поведение обуславливалось политическими мотивами, ибо он не выслал даже легкую эскадру из 5—6 быстроходных кораблей, которая освободила бы от блокады Мальту, доставила бы Восточной армии известия и оказала ей некоторую поддержку. Он не соизволил послать хотя бы один фрегат армии из 30 000 французов, находившейся в этих отдаленных странах. Брюн был хороший моряк и не глуп, но в характере его не было твердости, и он всегда вел себя по-лакейски. Придется вечно

сожалеть о том, что был упущен столь блестящий случай упрочить владение Мальтой и Египтом.

III. Снятие осады Сен-Жан д'Акра и отступление армии вскружили голову и без того легкомысленному английскому командору сэру Сиднею Смиту; он уверил себя в том, что Александрию можно взять с налета, а это принудит армию непобедимых капитулировать. Он сообщил о своем решении Патрона-бею — турецкому вице-адмиралу — и сераскеру родосской армии — везирю Мустафе, который имел еще 18 000 человек (остатки войск из его родосского лагеря) и 7000 отборных янычар, находившихся в его распоряжении в Дарданеллах. «С этими 25 тысячами человек он может покрыть себя бессмертной славой, ибо французская армия наполовину уничтожена, очень недовольна, обескуражена и готова взбунтоваться; она понесла огромные потери от огня верхних и нижних батарей английских линейных кораблей и фрегатов, выпустивших более 10 000 ядер; потери ее от перехода через пустыню в июньскую жару были не менее значительны». Принимая на веру эти утверждения, турецкие полководцы не хотели все же втягиваться в операции на равнине, не имея конницы и артиллерийских упряжек. Но мамлюкам и бедуинам пустыни было приказано сосредоточиться: Ибрагим-бею и Эльфи-бею, с арабами трех пустынь (Фиванды, Отшельников и Суэцкой) — у вадии Тумилат; Мурад-бею с арабами сирийской пустыни — у озера Натрон. Эти два отряда кавалерии обеспечивали Мустафа-паше 6000—7000 всадников; таким образом, он мог высадить на Абукирском полуострове армию численностью не менее 30 000 человек.

В действительности Эльфи-бей и Осман-бей с 300 всадниками из их дружин спустились по правому берегу Нила и 7 июля стали лагерем у колодцев Бир-Саба. Бригадный генерал Лагранж преследовал их и в ночь с 9 на 10 июля окружил их лагерь, захватил обоз, верблюдов, все продовольствие и взял в плен тридцать из числа наиболее смелых мамлюков. Оба бея после множества злоключений в самом плачевном состоянии вернулись в Нубийскую пустыню. Когда Ибрагим-бей узнал об этом конфузе, он находился уже всего в двух переходах от Газы; он вернулся в Сирию. В то же время Мурад-бей оказался на границе Файюма, собрал несколько сот бедуинов и занял позицию у озера Натрон. Генерал Мюрат преследовал его с несколькими эскадронами всадников на конях и дромедерах, догнал, атаковал, захватил в плен 15 киашифов и 15 мамлюков, нескольких истребил, а остальных рассеял по пустыне. Мурад-бей совершил контрмарш, направился к пирамидам, поднялся на самую высокую из них и оттуда в течение всего дня 13-го объяснялся знаками со своей женой Сидэм, которая вышла на террасу своего дома. За этим князем, вождем прекрасного и отважного ополчения, следовало теперь всего несколько сот человек, павших духом и лишенных всего. Господин всей

этой плодородной равнины не имел больше ничего. Несколько дней спустя жена его, встревоженная распространившимися в городе слухами о том, что она преступно передавала сведения противнику, явилась к главнокомандующему, чтобы устранить ущерб, который могли причинить ей эти слухи. Она была приятна благожелательно и поняла, что у цивилизованных народов подобные доносы не принимаются в расчет. «Если бы вы пожелали видеть вашего мужа,—сказал ей главнокомандующий,—я бы согласился на 24-часовое перемирие, чтобы предоставить ему и вам эту радость».

Однако чего же хотел бей? К чему столько маршей по этим безводным пустыням в самое жаркое время года? К чему было приближаться к Каиру с востока и с запада, невзирая на столько засад и опасностей? Это указывало на наличие у него определенных планов. Наполеон счел целесообразным выехать из Каира и 14 июля стал лагерем у подножья пирамид с комиссией наук и искусств. В течение нескольких дней ученые рассматривали, измеряли, изучали эти памятники, которые вот уже сорок веков вызывают восхищение народов. Мурад-бей скрылся в пустыне и нашел убежище в Малом оазисе, не будучи достигнут.

IV. В лагере у пирамид 15 июля в 2 часа пополудни Наполеон получил известие о том, что тринадцать 80-пушечных и 74-пушечных линейных кораблей, девять фрегатов, тридцать канонерок и девять транспортов с турецкими войсками бросили 12-го вечером якорь на абукирском рейде. Таким образом, форт Абукир был уже обложен. Полагали, что он сможет обороняться две недели. Нужно было, не теряя времени, идти ему на выручку, ибо положение османов на полуострове оставалось критическим до тех пор, пока они не овладели этим фортом. Главная квартира направилась в Газу, и в 10 часов вечера Бертье разослал приказы, необходимые для того, чтобы вся армия пришла в движение — от Асуана до Дамнетты, от Аль-Ариша до Александрии. Вперед были посланы интенданты для заготовки припасов на пути. Главная квартира двинулась до рассвета, не возвращаясь в Каир.

Было несомненно, что это остатки родосской армии осуществляют план, от которого отказались в результате событий в Сирии; ибо разве это осторожно — имея в своем распоряжении 20 000—30 000 турок,—вступать в бой с Восточной армией? Тут стало понятно, что передвижения беев имели целью соединение с этой армией, которая, прибыв морем, была лишена кавалерии. Однако, чтобы обнаружить сколько-нибудь смысла в этой военной комбинации, необходимо было предполагать участие в ней английской дивизии. Главнокомандующий отдавал приказы таким образом, как если бы был уверен, что дело обстоит именно так. Дезэ получил приказ эвакуировать весь Верхний Египет и направиться в Канр; Ренье, находившемуся в Бельбейсе, было приказано оставить в Салихии 300 человек для на-

блюдения и идти форсированным маршем по кратчайшему пути на Рахманию; Клебер, находившийся в Дамiette, получил такой же приказ, его запасной части и нескольких старослужащих солдат было достаточно для охраны Лесбэ. Дивизия Ланна — бывшая дивизия Бона — и конница, находившаяся в Каире, выступили в час ночи, взяв направление на Рахманию. Генерал Дюгуа остался в Каире, в качестве коменданта, с несколькими ротами греков. Старослужащие солдаты и запасные части образовали гарнизоны цитадели и Газы; таким образом, вся армия должна была сосредоточиться в одном лагере у Рахмании. После осуществления этой операции численность ее должна была составить 20 000 человек пехоты, 3000 человек кавалерии и 60 орудий с упряжками. Эти войска были лучшими в мире, они могли сделать все, что только в силах человека. 19 июля главная квартира прибыла в Рахманию, сделав 36 лье за три дня. Из Рахмании главнокомандующий написал шейхам мечети Аль-Азхар, что османо-английский флот встал на якорь у Абукира; высадил там армию, состоящую из арнаутов и русских, которую он намерен атаковать, окружить и целиком взять в плен; что пройдет немного дней, и они увидят, как в Каир, через ворота Побед, доставят знамена, орудия, пленников. Он рекомендовал им позаботиться о сохранении общественного спокойствия.

Эти последние¹ выпустили воззвания с целью просветить народ и предостеречь его против козней злоумышленников. Французы не эвакуируют Египет, а сосредоточиваются, чтобы атаковать и пленить армию из русских, арнаутов и англичан, высадившуюся в Абукире; они приказали молиться за того, кого охранял пророк и кто сражался за то, чтобы оградить страну от опустошений, приносимых войной. Египтяне сохранили спокойствие.

V. По прибытии в Рахманию узнали, что Мустафа высадился 14 июля и 16-го овладел фортом Абукир. Это неожиданное событие не сулило ничего хорошего. Абукирский полуостров заключен между морем и озером Мадия; сторона, обращенная к морю, — от Римского лагеря до Абукира, имеет протяженне в 8000 туазов, сторона, обращенная к озеру Мадия, — от форта Абукир до моста через Нильский канал, — 9000 туазов (она омывается водами абукирского рейда и озера Мадия). Перешеек от Римского лагеря до озера Мадия имеет протяжение в 1150 туазов; этот полуостров имеет форму треугольника; угол, вершиной которого является форт Абукир, — острый; он песчаный и покрыт пальмами, посредине его имеется колодезь, в изобилии дающий пресную воду, нередко можно также найти воду, пригодную для питья, если рыть колодцы на берегу моря. Между Александрией и Абукиром существует бухточка, куда

¹ Шейхи. — Р е д.

могут заходить шлюпы. Взморье защищено от северо-западных ветров, которые дуют почти непрерывно в это время года. На этом полуострове находится большое число высоких дюн; с форта Абукир простреливается внутренний рейд и якорная стоянка; он окружен рифами, которые чрезвычайно затрудняют подход к нему судов. В 500 туазах, если следовать линии, продолжающей береговую, находится остров, пушки которого могут охранять стоянку нескольких линейных кораблей. Со стороны суши, приблизительно в 500 туазах от форта, в направлении Александрии, находится красивая деревня (у подножья холма Везира). В 100 туазах впереди этого форта находится несколько больших домов, которые носят название предместья Абукира. В 700 туазах к югу от холма Везира расположен большой утес, именуемый холмом Колодезь и находящийся примерно на равном расстоянии от форта и входа в озеро Мадия; он господствует над всем взморьем со стороны внутреннего рейда. В 800 туазах к юго-западу от холма Везира находится второй утес, именуемый горой Шейх, который господствует над берегом открытого моря. Эти три холма образуют треугольник; в середине его находится голая равнина, на которой там и сям попадаются пальмы.

В феврале, прежде чем отправиться в Сирию, генерал дю Фальга¹ приказал полковнику Кретэну снести деревню и предместье Абукира, дабы обнажить подступы к форту, и использовать материалы, оставшиеся от разрушенных построек, чтобы построить перед фортом хороший кирпичный рavelин со рвами и контрэскарпом,—это позволило бы форту сопротивляться в течение двух недель после заложения траншей. Но бригадный генерал Мармон, комендант этой провинции, воспользовавшись отдаленностью главной квартиры, приостановил выполнение приказа под предлогом, что дома деревни удобны для размещения его войск. Он полагал, что рavelин можно заменить земляным редутом, который он и приказал полковнику возвести на холме Везира, расположенном между деревней и предместьем и господствующим над ними обоими.

Мустафа-паша высадился 14 июля, не встретив сопротивления; он стал лагерем на холмах Колодезь и Шейх и атаковал редут на холме Везир. Комендант форта... заперся в редуте с 300 человек, а в самом форту оставил капитана Винаша с 60 человеками. Редут был вооружен пятью пушками и успешно отражал атаки весь день. Но в 5 часов турецкие стрелки проникли в деревню, угрожая отрезать редут от форта. Редут был окружен и гарнизон его изрублен. 17-го в полдень форт, доведенный до... капитулировал². С этого момента Мустафа не

¹ Каффарелли. — Ред.

² Этот абзац написан полностью карандашом рукой Наполеона. Многоточия обозначают слова, которые не удалось расшифровать. — Прим. франц. ред.

трогался с места. Он занял позиции на двух холмах — Колодезь и Шейх. Он дождался подхода своей кавалерии, упряжек и дарданелльской дивизии янычар. Он использовал 200 офицерских лошадей для своей охраны, а также для разведки. Авангард французской армии направился в Бирку, где предполагалось устроить лагерь для сбора всей армии. Отсюда она имела возможность ударить по левому флангу турецкой армии, если последняя двинется на Александрию, или по правому флангу, если она пойдет к Нилу. Работы по укреплению Александрии находились в таком удовлетворительном состоянии, какого только можно было желать; энергия и хорошие директивы, данные полковником Кретэном, принесли последнему похвалу главнокомандующего.

Несколько дней спустя, когда в Бирке собралось 8000 человек, этот лагерь был снят и перенесен на холм Колодезь, посреди полуострова.

Мустафа не имел никаких связей с внутренней частью Египта. Кавалерия александрийского гарнизона заняла все выходы с перешейка и держала их закрытыми. При таком положении можно было рассчитывать захватить его врасплох в лагере. Но один капитан инженерных войск, вышедший довольно поздно из Александрии, с ротой саперов и обозом, везшим инструмент, заблудился, не попал во французский лагерь, укрытый за утесами, и пошел на огни костров турецкой армии; десять саперов были взяты в плен. Турки с удивлением узнали, что французская армия находится в одном лье от них; они провели всю ночь под ружьем и подготовились к отражению атаки, которая казалась им неминуемой.

VI. 25 июля, до рассвета, армия двинулась в путь. Генерал Мюрат командовал авангардом, состоявшим из кавалерии, бригады Дестэна и четырех орудий (всего 2300 человек); Ланн командовал правым флангом численностью в 2700 человек с пятью пушками; Ланюсс командовал резервом численностью в 2400 человек, с шестью пушками; генерал Даву, прибывший в Каир в тот момент, когда армия принимала боевой порядок, получил приказ вести во главе 300 всадников наблюдение, с целью охраны коммуникаций между армией и Александрией и недопущения бедуинов на полуостров. Патрона-бей ввел в озеро Мадия двенадцать канонерок, которые тревожили правый фланг армии. Генерал артиллерии Сойжис выдвинул вперед две 24-фунтовые пушки, три 12-фунтовые и три гаубицы. Канонерки удалились, получив довольно значительные повреждения. Генерал Мену прибыл в 9 часов утра на побережье со стороны Розетты с двумя пушками и батальоном пехоты. Вражеские суда, опасаясь оказаться запертыми в озере, эвакуировали его, армию никто больше не тревожил на марше. Она остановилась на виду армии противника, которая была построена следующим образом: первая линия в 8000 человек была разделена на три

отряда; правый занимал холм Шейх, левый — холм Колодезь, третий примыкал к домам предместья; вторая линия, численностью в 7000—8000 человек, оседлавшая холм Везир, правым и левым флангами примыкала к морю; резерв в 4000—5000 человек занимал деревню Абукир и форт; там находились обоз, парк и лагерь везира. Несколько канонерок стояли на шпринге в открытом море, поддерживая правый фланг линии противника; другие находились на внутреннем рейде, поддерживая левый фланг; тридцать полевых орудий были распределены между первой и второй линиями. Генерал Сонжис приказал выдвинуть вперед батареи тяжелой артиллерии, завязал дуэль с канонерками, прикрывавшими противника справа и слева, принудив их отойти. Одна из находившихся на рейде была потоплена, всем остальным были нанесены более или менее серьезные повреждения. После этого дивизии развернулись, кавалерия, построившись в три линии, стала в центре, бригада Дестэна — слева, дивизия Ланна — справа; Ланюсс с гидами стал во второй линии. На двух холмах — Шейх и Колодезь — можно было видеть недавно произведенные земляные работы. Янычары выглядели хорошо. Паша со своими тремя бунчуками находился на холме Везира; несколько английских офицеров гарцевали на расстоянии выстрела от французских линий. Со своим обычным любопытством они скоро приблизились к французской кавалерии на расстоянии в десять шагов и вступили в разговор с ее офицерами, к великому негодованию и великому удивлению турок. В море, на расстоянии полутора лье от берега, виднелся лес мачт; это были военные корабли и транспорты, а также несколько катеров с турецкими и английскими морскими офицерами, среди которых можно было различить катер сэра Сиднея Смита. Последний находился на суше и исполнял свои функции заместителя пашы, являясь его советником, хотя не имел никаких тактических знаний и никакого опыта ведения войны на суше. Сераскером армии был везир Мустафа — трехбунчужный паша, занимавший должность пашы Румелии; последний пост является одним из самых важных в империи.

VII Армии в течение двух часов стояли друг против друга в молчании, являющемся предвестником бури. Наконец, началась артиллерийская дуэль между турецкими батареями, расположенными на двух холмах, и батареями полевых орудий дивизии Ланна и Дестэна. Генерал Мюрат выслал вперед две кавалерийские колонны, по четыре эскадрона и три легких орудия в каждой; первая колонна направилась в промежуток между холмами Колодезь и Везир; турецкая пехота держалась стойко; огонь стрелков был очень силен с обеих сторон, но когда снаряды и ядра легких орудий, сопровождавших кавалерийские колонны, стали поражать противника сзади, он встретился за свою линию отступления и потерял выдержку. Генералы Ланн и Дестэн, вовремя заметив это, беглым шагом

взобрались на обе высоты; турки скатились вниз в долину, где их ожидала кавалерия; не имея возможности отступить, они были прижаты к морю — одни на берегу внутреннего рейда, другие — на берегу открытого моря. Преследуемые картечью и ружейным огнем, атакуемые кавалерией, эти беглецы бросились в волны. Они пытались достичь своих судов вплавь; но девять десятых были поглощены морем. Тогда центр первой линии турок двинулся вперед, чтобы прийти на помощь крыльям; этот маневр был неосторожным. Мюрат скомандовал развернуться поэскадронно направо и налево и охватил противника. Пехота Ланюсса, оставшаяся без прикрытия в результате этого маневра нашей кавалерии, беглым шагом двинулась вперед батальонными колоннами, на дистанции развертывания. Смятение охватило центр¹, зажатый между кавалерий и пехотой. Лишенные возможности отступить, турки не имеют другого выхода, как броситься в море, ища спасения в направлении налево и направо. Их постигает та же участь, что и первых, — они исчезают, поглощенные морем. Вскоре в волнах можно было заметить только несколько тысяч тюрбанов и шалей, которые море выбросило потом на берег; это все, что осталось от этих храбрых янычар, ибо они заслужили название «храбрых»!! Но что может сделать пехота без порядка, без дисциплины, без тактики? Сражение продолжалось всего час, а 8000 человек уже погибли: 5400 утонули, 1400 были убиты или ранены на поле сражения, 1200 сдались в плен; в руки победителя попали 18 пушек, 30 зарядных ящиков, 50 знамен.

После этого была произведена рекогносцировка второй линии вражеской армии; она занимала грозную позицию. Справа и слева она примыкала к морю и прикрывалась фланкирующим огнем канонерок и семнадцати полевых орудий. Центр занимал редут холма Везир. Казалось невозможным атаковать ее — даже после только что достигнутого успеха. Главнокомандующий собрался было занять позиции на двух захваченных возвышенностях, но он установил, что у подножья утеса Колодезь берег вдается в рейд в виде мыса; батарея, установленная у входа на этот мыс, смогла бы обстреливать с тыла весь правый фланг противника; действительно, она принудила его сосредоточиться между редутом и деревней, переменив фронт и отведя левый фланг назад. Этот маневр оставлял на левом фланге линии промежуток в 200 туазов, через который можно было совершить прорыв, что и было осуществлено. Ведомый полковником Кретэном, который стремился со славою вернуться в свой редут первым, Мюрат с 600 всадниками проник в этот промежуток. Между тем Ланюсс и Дестэя вели сильный артиллерийский огонь по центру и правому флангу противника. 18-й ли-

¹ Турецкой армии. — Р е д.

нейный¹, не вовремя брошенный в атаку, дрогнул в момент, когда редут был уже почти захвачен им, и оставил на гласисе 50 раненых. Турки, следуя своему обычаю, высыпали на гласис, чтобы отрубить головы этим несчастным и заслужить серебряный плюмаж. 69-я, возмущенная этой жестокостью, беглым шагом ринулась на редут и проникла в него. Кавалерия, пройдя между холмом Везира и деревней, ударила во фланг второй линии и прижала ее к морю, Ланн пошел прямо на деревню и закрепился в ней; оттуда он направился к лагерю паши, где находился резерв; вся эта оконечность полуострова превращается в поле резни, беспорядка и смятения. Паша, с ханджаром в руке, окруженный самыми отважными воинами, совершает чудеса храбрости; он получает тяжелую рану в руку от генерала Мюрата, которого в свою очередь ранит в голову выстрелом из пистолета. Наконец, он уступает необходимости и сдается в плен с тысячью своих воинов. Остальные, охваченные ужасом, бегут от смерти, ищут спасение в волях, предпочитая морскую пучину милости победителя. Сэр Сидней Смит едва не был захвачен в плен и с трудом добрался до своей шлюпки. Три бунчука паши, 100 знамен, 32 полевых орудия, 120 зарядных ящиков, все палатки, обозы, 400 лошадей остались на поле сражения. От трех до четырех тысяч беглецов направились к форту, расположились в лежащей перед ним деревне и закрепились в ней. Все попытки выбить их оттуда не имели успеха.

Победа была полной. Главнокомандующий находился в редуте холма Шейх, когда неожиданным взрывом было уничтожено несколько пушек. Раздались тревожные крики — редут минирован; этот панический страх прошел через какую-нибудь минуту.

Полковник инженерных войск Кретэн был убит ружейным выстрелом; он был одним из лучших офицеров этого рода оружия. Командир 14-го драгунского полковник Дювивье был убит одним из офицеров паши, нанеся ему удар ханджаром. Он покрыл себя славой; он был одновременно неустрашим, дерзок и осторожен; это был один из лучших кавалерийских офицеров Франции. Генерал Мюрат, получивший тяжелое ранение, больше всех способствовал славному исходу этого сражения. Главнокомандующий сказал ему на поле сражения: «Разве кавалерия поклялась сделать сегодня решительно все?» Адьютанту Жюйберу пробило грудь картечной пулей; тем, кто ободрял его, этот храбрый юноша ответил: «Мужества мне хватает, но я слишком страдаю». Командиру 18-го линейного полковнику Фюжьеру пушечным ядром оторвало обе руки. «Вы теряете одного из своих наиболее преданных солдат, — сказал он глав-

¹ Здесь автором допущена описка. В египетском походе участвовала 18-я линейная полубригада, а не полк. (См. гл. I.) — Р е д.

нокомандующему, — когда-нибудь вы пожалеете, что не умерли, подобно мне, на поле сражения — смертью храбрых»¹.

Везира Мустафу доставили в лагерь у пристани и обращались с ним чрезвычайно любезно. На следующее утро главнокомандующий нанес ему визит, в результате которого паша направил в Константинополь тартану. Он посоветовал своему сыну и своему кахья, которые заперлись в форте, сдать на капитуляцию, выговорив право вернуться с гарнизоном на эскадру. Это предложение было передано в форт; но османы единодушно отвергли его. Они поклялись оборонять эту позицию до последней крайности; пришлось заложить траншею. Дивизионному генералу Ланну было поручено руководить осадой, командиру саперного батальона Бертрану — вести инженерной частью, а полковнику Фотрие — командовать артиллерией. Главнокомандующий отправился в Александрию.

Потери французов в этом сражении составили 200 убитыми и 550 ранеными. Турки потеряли в нем почти всю свою армию, 2000 убитыми, 3000 пленными, 10 000—11 000 утонувшими; из ее состава спаслось самое большее 1200 человек (считая и гарнизон форта). Две небольшие английские пушки, подаренные королем Англии султану Селиму, были переданы кавалерийской бригаде; на них выгравировали слова главнокомандующего, имена Мюрата...² Дювивье и номера кавалерийских полков.

VIII. Паша Мустафа осудил упрямство своего сына. Он снова написал ему, чтобы довести до его сознания, что тот неправ, не желая предотвратить пролитие драгоценной крови и воспользоваться своим положением, чтобы спасти храбрецов, которыми командовал. Для передачи этого письма было достигнуто соглашение о прекращении огня на несколько часов. Командир батальона Бертран воспользовался им, чтобы произвести рекогносцировку форта, но вскоре после этого снова завязалась перестрелка. Осажденные захватили несколько домов, которые были им нужны; возмущенный этим генерал Ланн хотел было выбить их оттуда, но военный инженер Бертран отговорил его: «Зачем нести потери в бою против отчаянных людей? Предположим, что нам это удастся — все равно в следующие дни придется опять нести потери, чтобы удержаться в деревне. Нужно оставить осажденных в покое на 2—3 дня, то есть на столько времени, сколько требуется, чтобы заложить траншею. Тогда противник будет удержан за оградой своего форта, причем это не будет стоить осаждающим ни единого человека».

¹ Эта последняя фраза написана карандашом рукою Наполеона. Над словом «поле» он написал другое, которое не удалось разобрать. — Прим. франц. ред.

² Последние строчки написаны карандашом рукою Наполеона. После имени Мюрата стоит другое имя собственное, которое не удалось разобрать. — Прим. франц. ред.

28 июня противник, гордый своим небольшим успехом, сделал вылазку и захватил еще несколько домов деревни; после этого он стал дерзким и предпринял еще одну вылазку, угрожая реду на холме Шейх. Ланн не смог удержаться, пошел на врага и отбросил его, но был ранен ружейной пулей, что вынудило его покинуть осадный лагерь. Генерал Мену принял от него командование. Траншея была заложена уже несколько дней назад, батареи — сооружены, их собирались замаскировать, когда осажденные, сделав новую вылазку, овладели одним из плацдармов. Генерал Даву, находившийся в траншее, атаковал противника во главе резерва, отбил деревню и отбросил осажденных в форт. Тогда вступили в действие три батареи тяжелых орудий и две батареи мортир. В ночь на 30-е минеры углубились в землю, чтобы взорвать контрэскарп. Но 2 августа на рассвете, без капитуляции, осажденные вышли толпой из форта, прося о пощаде. Этим несчастным не хватало воды; форт был завален 1200 трупами и телами более 1800 умирающих. Столь большое количество турецких раненых было обременительно. Их вернули на их флот, что послужило поводом к переговорам между штабами. Муштафа-паша сообщил, что уже полгода назад в Европе возобвилась война и что французские армии повсюду были разбиты. Английский коммодор передал пачку английских и франкфуртских газет; они содержали известия, относящиеся к апрелю, маю и июню месяцам.

Порта с полным основанием была недовольна и заявила о своем недовольстве коммодору сэру Сиднею Смиту, которого винила в этом гибельном предприятии. Джебзар также укорял его за то, что был им втянут в несколько неосторожных операций, стоивших ему больших потерь. Янычары с Кипра и судовые экипажи обвиняли вице-адмирала Патрона-бея в попустительстве и повиновении неверным, а потому предали его смерти. На что рассчитывал сэр Сидней Смит, советуя провести столь ошибочную операцию? Завоевать Египет посредством 18 000 человек недисциплинированной пехоты, без кавалерии, без артиллерийских упряжек? Побудить французскую армию вступить в переговоры о возвращении ее в Европу? Но он не мог не знать, что хозяином положения является Наполеон. Следовательно, его поведение нужно приписать полному невежеству этого офицера в вопросах сухопутной войны. Несколько месяцев спустя он совершил еще большую ошибку, бросив на верную гибель на взморье у Дамьетты прекрасную дарданелльскую дивизию янычар. Если сэр Сидней Смит не проявил ни здравого смысла, ни разума в этой войне, то он выказал способность к интригам, ловкость и энергию в переговорах, которые происходили в Аль-Арише и в последующий период; он сумел напустить на себя важность и покорить этим Клебера.

Генералы Мюрат и Ланн были произведены в чин дивизионных, полковник Фотрие — в чин бригадного генерала, а Бертран — в чин полковника¹.

Газеты, которые любезно передал английский коммодор, сообщали о всех недугах, от которых страдала республика. Вторая коалиция оказалась победоносной; армии России и Австрии разбили генерала Журдана на Дунае, Шерера на Адидже, Моро — на Адде. Цизальпинская республика была уничтожена, Мантуя — осаждена; казаки достигли альпийской границы; Массена с трудом удерживался в горах Швейцарии.

Было совершено третье покушение на конституцию — якобинцы из Манежа² подняли голову, и при виде их Вандея взялась за оружие. С национальной трибуны громко призывали на помощь отечеству главнокомандующего Итальянской армии³. Варвар, залитый кровью несчастных поляков, нагло угрожал французскому народу. Нельзя было больше терять ни минуты; Наполеон решил отправиться на родину и спасти ее от ярости иностранцев и собственных сынов. От него не укрылось, что разгром французских армий был результатом плохих военных планов, принятых в Париже. Если бы армии Дунайская, Гельветская и Нижне-Рейнская составляли единую массу, если бы Неаполитанская и Итальянская армии соединились в марте на Адидже, республика не испытала бы никаких поражений. Русский полководец, который в апреле победил на Адидже, в июне допустил прибытие Неаполитанской армии на По...⁴ Наполеон понял, что при виде его все переменится; три дня — 18 фрюктидора, 22 флореаля и 30 прериаля уничтожили конституцию 1795 года, которая не представляла собой более никакой гарантии ни для кого; ему будет легко стать во главе республики; он был полон решимости, по прибытии в Париж, придать ей новую форму и удовлетворить общественное мнение нации, которое с 1798 г. призывало его возглавить правительство. Закон 22 флореаля 1798 г. развеял все республиканские иллюзии, какие у него были.

¹ Это — генерал Бертран, редактор данных мемуаров. — Прим. франц. ред.

² «Манеж» — демократический клуб в Париже времен Директории. — Ред.

³ То есть Наполеона. — Ред.

⁴ Далее следуют около двух строк, написанных карандашом рукой Наполеона; их не удалось разобрать. — Прим. франц. ред.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАПОЛЕОНА НА ЗАПАД

I. Наполеон принимает решение вернуться в Европу. — II. Контр-адмирал Гантом формирует легкую эскадру. — III. Клебер назначается командующим Восточной армией. — IV. Нужно уважать религию пророка. — V. Инструкции об обороне границ. — VI. Планы наступления и обороны границ. — VII. Политические инструкции. — VIII. Прибытие во Фрежюс — 9 октября 1799 г. на рассвете.

I. Пока существует эта вторая коалиция и Франция вынуждена вести войну на своих границах, она не сможет оказать никакой помощи Восточной армии и Порты не пожелает прислушаться к каким-либо предложениям; поэтому окажется невозможным что-либо предпринять в Азии; придется ограничиться удержанием Египта, улучшением управления им, увеличением средств обороны его. Впрочем, Египту ниоткуда ничто не угрожало. Туземцы подчинились, большинство их привязалось к французам. Мамлюки ничего более не значили. Две армии, сформированные Портой в начале кампаний — в Сирии и на Родосе, были уничтожены. Первая потеряла 6000 человек в различных боях в районе Аль-Ариша, 8000 в Яффе, 6000 в Сен-Жан-д'Акре; 30 000 были рассеяны у горы Табор; сорок орудий, составлявших парк ее полевой артиллерии, были захвачены в Яффе, равно как и ее склады и запас бурдюков. Вторая армия потеряла в Сен-Жан д'Акре 12 000 человек, а именно: 4000, составлявших первые два отряда, выделенные из состава этой армии на помощь гарнизону крепости, и 8000, прибывших 7 мая; 18 000 погибли только что на поле Абукирского сражения; в этом сражении был также захвачен парк ее полевой артиллерии в составе 32 орудий, и пленен ее главнокомандующий — везир Мустафа, румелийский паша. Порты не имела более ни одного организованного войскового соединения, если не считать семи или восьми тысяч янычар, составлявших арьергард Родосской армии, которые не успели прибыть в Абукир и находились в Дарданеллах. Великий везир, покинув Константинополь, переправился через Босфор и стал лагерем в Скутари с 4000 человек, составлявших его свиту. Ему нужно было много времени, чтобы собрать новую армию. Янычары Порты были не в силах бороться с французской армией. Несомненно, что в Египет могли прибыть европейские войска, которые высадились бы в Абукире или в Дамiette, но с того момента, как вторая коалиция возобновила военные действия, Египет стал второстепенным объектом. В дальнейшем Англия стремилась отвоевать Египет в Милане, в Амстердаме или в Брюсселе, быть может, на равнинах Фландрии или Шампани.

Французская армия потеряла с 1 января 1799 г. в Сирии 700 человек, умерших в госпиталях, особенно от чумы, и 700 человек, убитых на полях сражений; кроме того, 200 человек, раненных в Сирии, умерли в госпиталях Египта. 650 человек

было убито в Верхнем и Нижнем Египте на полях различных сражений или же умерли от ран (сюда входят и потери у Абукира); 400 человек умерло в госпиталях от болезней; следовательно, армия потеряла 2650 человек. Мы уже сказали, что на 1 января 1799 г. она насчитывала 29 700 человек, значит, на 1 сентября 1799 г. оставалось 27 050 человек, в том числе 400 старослужащих солдат, годных, однако, для несения гарнизонной службы в крепостях. Кавалерия насчитывала 3000 коней, могущих участвовать в кампании; артиллерия располагала весьма значительной материальной частью, способной обеспечить восполнение потерь, понесенных в нескольких кампаниях. Действовали арсеналы в Александрии и Гаве; в госпиталях и лазаретах дело было поставлено не хуже, чем во Франции. Армия могла выставить на поле сражения 24 000 человек, не считая вспомогательных отрядов численностью в 2000; 3050 человек были либо старослужащими, либо больными, либо нестроевиками, либо состояли в кадрах запасных частей. Экипажи Александрийской и Нильской флотилий сюда не включены.

Покидая Францию, главнокомандующий был облечен военной властью. Ему была предоставлена от правительства свобода действий как в отношении мальтийских дел, так и в отношении египетских и сирийских, равно как и константинопольских и индийских. Он имел право назначать на любые должности и даже избрать себе преемника, а самому вернуться во Францию тогда и так, как он пожелает. Он был снабжен необходимыми полномочиями (с соблюдением всех форм и приложением государственной печати) — для заключения договоров с Портой, Россией, различными индийскими государствами и африканскими владетелями. В дальнейшем его присутствие являлось столь же бесполезным на Востоке, сколь оно было необходимо на Западе; все говорило ему, что момент, назначенный судьбой, настал!!!

II. Он посвятил в свое решение совершить переход в Европу контр-адмирала Гантома и приказал ему приготовить два фрегата — «Мюирон» и «Карэр» и две маленькие шебеки — «Реванж» и «Фортюн». Оба фрегата были венецианской постройки, и тоннаж их несколько превышал тоннаж французских 44-пушечных фрегатов. Этот небольшой отряд был снабжен трехмесячным запасом воды и четырехмесячным запасом продовольствия для экипажей и 400 пассажиров.

Пока в александрийском арсенале шли эти приготовления, главная квартира достигла Каира. Везир Мустафа прибыл туда несколькими днями раньше. При виде трофеев Абукирского сражения население Каира почувствовало удовлетворение. Наполеон чрезвычайно энергично заботился о всех нуждах армии. Он приказал закупить все имевшиеся каркассонские и ландресийские сукна любого цвета, ибо найти синие не пред-

ставлялось возможным, и сам определил новые цвета мундиров каждого полка. Он внес в управление страной некоторые изменения, подказанные опытом. Однако в ряде важных вопросов разбирались еще слишком плохо, чтобы можно было осуществить более значительные перемены. Трудности языкового характера и нежелание коптов давать разъяснения на много замедлили познание финансовых дел. Праздник пророка был отпразднован с торжеством, которое вызвало самую горячую признательность везира Мустафы и офицеров, плененных будь то в Абукире или в Сирии. На следующий день после этого праздника главнокомандующий отправил нескольких лучше всего настроенных из числа этих офицеров в Константинополь и Мекку. Их рассказы вызвали сенсацию, благоприятную для французов.

Комиссия наук и искусств ожидала подчинения Верхнего Египта, чтобы совершить туда путешествие. Господин Денон, сопровождавший главную квартиру Дезэ, вернулся. Зарисовки и заметки, находившиеся в его портфеле, возбудили дух соревнования в других ученых и художниках. Члены комиссии разместились на трех джермах, хорошо меблированных и вооруженных; они осмотрели, зарисовали и описали памятники Верхнего Египта. Они провели несколько месяцев в этом интересном путешествии, которого Европа дождалась уже столько веков.

Контр-адмирал Гантом прислал донесение, датированное 13 августа, в котором говорилось, что все четыре судна будут готовы выйти в море 20-го; но что, однако, не следует надеяться на возможность сделать это с какими-либо шансами на успех до ноября месяца; тогда ветры станут дуть с юга, а длинные ночи будут благоприятствовать переходу. Но 19 августа, в 5 часов утра, в Каир прибыл дромадер с курьером генерала и доставил депешу, в которой говорилось, что, по счастливой случайности, английские корабли, крейсировавшие перед портом, неожиданно исчезли, оставив для наблюдения за ним только маленький бриг; что в результате этого 24-го в полдень его отряд станет на якорь вне фарватеров; что необходимо прибыть на побережье 24-го, до полудня, чтобы он смог выйти в море, и, воспользовавшись ветрами с суши, удалиться от берега. Это известие оставило главнокомандующему лишь столько времени, сколько нужно было, чтобы продиктовать свои последние инструкции и указать лиц, которые должны были сопровождать его; нельзя было терять ни минуты, чтобы воспользоваться этим счастливым стечением обстоятельств.

III. Генерал Дезэ был офицером, наиболее способным командовать Восточной армией, но он мог принести больше пользы во Франции. На втором месте стоял Клебер, на третьем — Ренье. Наполеону пришла было мысль увезти во Францию всех троих, поручив командование армией генералу Ланюссу;

но, учитывая опасности, связанные с переходом, он понял, что будет правильнее предоставить командование Восточной армией способному полководцу; выбор его пал на генерала Клебера. Одновременно он продиктовал три памятные записки о положении дел и своих планах. Первая заключала в себе принципы, которые руководили им при управлении Египтом. В этой записке говорилось:

IV. Внутреннее управление. Араб — враг турок и мамлюков. Последние правили им только силой, власть их была только военной; турецкий язык столь же чужд туземцам, сколь и французский. Арабы считают себя от природы выше османов. Улемы, великие шейхи являются вождями арабской нации; они пользуются доверием и симпатией всех жителей Египта, и именно это во все времена возбуждало такую зависть турок и мамлюков и побудило последних держать их вдали от общественных дел. Я не считал нужным подражать этой политике. Мы не можем претендовать на то, чтобы оказывать непосредственное влияние на народы, которым мы столь чужды; мы должны дать им вождей, не то они выберут их сами. Я предпочел улемов и докторов богословия — во-первых, потому, что они являются естественными вождями народа; во-вторых, потому, что они являются толкователями корана, и что самые большие препятствия, с которыми мы столкнулись и еще столкнемся, порождены религиозными идеями; в-третьих, потому, что улемы — люди мягкие, любящие справедливость, богатые и придерживающиеся высоких моральных принципов. Это, бесспорно, самые честные люди страны. Они не умеют ездить верхом, не приучены ни к каким военным маневрам и мало пригодны к тому, чтобы возглавить вооруженное движение. Я заинтересовал их в моей системе управления. Я воспользовался ими, чтобы обращаться к народу, я образовал из них диваны правосудия; они явились тем средством, которым я воспользовался для управления страной. Я увеличил их богатства; я при всех обстоятельствах выказывал им величайшее почтение. Однако тщетно было бы заботиться таким образом о них, не проявляя самого глубокого уважения к религии ислама и допустив эмансипацию коптов — христиан, православных и католиков, которая изменила бы существующие отношения. Я желал, чтобы они проявляли еще больше покорности и уважения к учреждениям и лицам, связанным с исламом, чем это было в прошлом.

Порта обладала правом назначения всех кади. Я встретился с немалыми трудностями, когда решил изменить этот обычай и побудить улемов воспользоваться вновь прерогативой, которую они потеряли. Важно сохранить то, что мною сделано. Каир — второй ключ к священной Каабе; Мекка — центр магометанства. Политика константинопольских султанов состояла в дискредитации шерифа Мекки, ограничении и прекраще-

нии сношений улемов с Меккой. Мои интересы, естественно, толкали меня к ведению противоположной политики. Я оживил древние обычаи, приобрел дружбу шерифа и сделал все возможное для расширения и укрепления связей между мечетями и священным городом. Нужно не жалеть никаких усилий, чтобы убедить мусульман в том, что мы любим коран и уважаем пророка. Одно плохо обдуманное слово или действие могут уничтожить все, достигнутое за несколько лет. Я никогда не разрешал представителям администрации непосредственно воздействовать на персонал мечетей или принимать какие-либо меры в отношении их имущества. В таких случаях я всегда обращался к улемам и предоставлял действовать им. Во всех спорных вопросах французская власть должна быть на стороне мечетей и религиозных учреждений. Лучше потерять некоторые выгоды, но не давать повода для клеветы на секретные решения администрации по столь деликатным вопросам. Это средство было наиболее сильным из всех и всего более способствовало популярности установленного мною режима. Шестимиллионная контрибуция, которую мне пришлось наложить при моем прибытии на город, вызвала меньше ропота и была выплачена легче, чем это могло бы быть, потому что для распределения и взыскания ее я использовал только шейхов, и жители с удовлетворением отметили отсутствие притеснений и всякого рода актов произвола, которые бесчестили управление турок и мамлюков.

Копты ведают финансовыми делами и сбором податей; следует оставить за ними эти функции и следить за тем, чтобы турки не вмешивались в эту важную область управления, которую надо будет со временем передать в руки европейцев. Мамлюки не существуют более, как самостоятельная сила, они могут пригодиться в качестве подчиненного ополчения; это прирожденные враги арабов и шейхов; они могут оказать услуги во многих случаях. Мурад-бей и Ибрагим-бей можно будет привлечь на нашу сторону, возведя их в княжеское достоинство; других беев — произведя их в генеральский чин и вернув им их владения. Нужно, однако, следить за тем, чтобы бейи никогда не располагали вместе больше чем 900—1000 всадниками. Их будут использовать вместе с шестью полками кавалерии на дромадерах, сформированными на этот предмет — для сдерживания арабов пустыни. Нужно овладеть всеми колдцами шести пустынь, чтобы непосредственно управлять всеми этими кочевыми племенами.

Не следует упускать из виду, что Александрия должна стать со временем столицей страны. Нужно, следовательно, отдавать предпочтение розеттскому рукаву Нила перед дамиеттским; пускать в Бехейру больше воды, хотя бы и за счет Шаркии; восстановить канал Рахмания — Александрия; наконец, покровительствовать Александрийскому порту, предоставив ему

монополию на торговлю с Европой и восстановив все его древние связи с Нижним Египтом, Файюмом и Бехейрой; постоянные фортификационные сооружения, склады, госпитали, арсеналы, ветряные мельницы, мануфактуры следует строить по преимуществу в Александрии, где нужно всеми средствами создать многочисленное население из греков, евреев и сирийских христиан.

Нужно покровительствовать Суэцу в ущерб Косейру, превратив его в единственное складочное место для импортного кофе и пряностей и экспортных товаров из Европы и Нижнего Египта. Торговля Косейра должна быть ограничена экспортом продукции Верхнего Египта. Нужно незаметно приучить страну к набору рекрутов для сухопутной армии и военно-морских сил. Особенно важно ежегодно приобретать несколько тысяч чернокожих из Сеннара и Дарфура и включать их в состав французских полков, по 20 человек на роту. Привыкшие к пустыне, к жаре экваториального пояса, они после трех-четырех лет обучения станут хорошими солдатами, преданными солдатами. Нужно приноровиться к обычаям людей Востока, отказаться от шляп и узких штанов и придать обмундированию наших солдат известное сходство с одеянием магрибинцев и арнаутов. Одетые таким образом, они приобретут в глазах жителей характер национальной армии; и это будет соответствовать существующему в стране положению.

V. Фортификационные сооружения. На Египет не может быть совершено нападение со стороны южной границы. Если несколько тысяч лет назад он был завоеван вторгшимися эфиопами, то это потому, что в верхнем течении Нила жили в то время многочисленные и могущественные нации, от которых нам остались только те величественные развалины, что можно видеть на острове Мероэ и на равнинах Сеннара. В равной мере на него не может быть совершено нападение и со стороны западной границы. Правда, в X веке с этой стороны явились халифы — Фатимиды; но это потому, что в то время в Киренаике и стране мариотов имелись большие города и большое население, которые в настоящее время не существуют. К тому же Фатимидам не пришлось прибегнуть к силе; чтобы утвердиться в Египте, они воспользовались только влиянием религиозных воззрений. Дерна — первый город, который встречаешь сейчас на этой границе; он населен 7000 арабов и отделен от Александрии более чем 150 лье пустыни. Красное море прикрывает Египет с востока; это препятствие тем более значительно, что долина Нила отделена от Красного моря крутыми горами и безводными пустынями. Со стороны востока туда можно проникнуть, только перейдя через Суэцкий перешеек по маршруту: Газа — Аль-Ариш — Катия — Салихия. Этот путь проходит через пустыню протяжением в 70 лье, которая шесть месяцев в году почти непреодолима для армии и во всякое

время года требует для прохода через нее большого количества верблюдов и бурдюков.

Положение Египта — в своем роде единственное. При протяжении сухопутных границ в 600 лье на него можно напасть только по одному пути. Именно по этому пути и вторгались в него Камбиз и его преемники — цари Персии, цари Сирии, а после них — Александр, Селевкиды, грозные мусульмане, багдадские халифы, татары, османы. Крепость в Аль-Арише, другая, меньшая — в Катии, форт в Салихии, небольшой форт в вадди Тумилат, шесть башен у каждого из промежуточных колодцев от Аль-Ариша до Салихии и от Салихии до Суэца, намного увеличили бы значение естественного препятствия, каким является эта граница.

Я приказал разрушить деревню Аль-Ариш; нужно завершить сооружение каземата в форту, а также контрэскарповой галереи, контрэскарпов и реданов из кирпича, чтобы прилегающие к форту ложины перестали служить прикрытием и простреливались артиллерией.

Вооружение ¹

	Орудия калибра, превышающего 12-фунтовый	Орудия меньшего калибра	Гаубицы или мортиры	Всего орудий	Численность гарнизона
Аль-Ариш	6	9	6	23	400 человек
Катия	2	6	2	10	150 человек
Салихия	4	6	4	14	200 человек
Шесть башен	0	12	0	12	120 человек
Вадди Тумилат	2	6	2	10	130 человек
Итого	14	39	16	69	1000 человек

Северная граница прикрыта Средиземным морем. На этом побережье протяжением в 120 лье высадка десанта может быть произведена только в трех пунктах: Александрии, Абукире и Дамiette. Александрия, будучи крепостью, административным центром и узлом обороны, не может быть захвачена врасплох; марабутский пляж входит в систему ее фортификационных сооружений. Пока французская армия владеет этим городом, ей можно оказывать поддержку, и Египет не может быть потерян

¹ При сложении цифр, стоящих в третьем столбце, получается «14», а не «16». Хотя ошибка несомненна, оставлены цифры рукописи, поскольку ни одна из них не внушает сомнений. Вероятно, вместо шести гаубиц или мортир в Аль-Арише требовалось восемь, и ошибка допущена переписчиком. См. подробности взятия Аль-Ариша. — П р и м. ф р а н ц. р е д.

безвозвратно. В качестве временной меры нужно восстановить стену Арабов, прикрыть ее контрэскарповой галереей и гласисом; отрыть у подножья стены глубокий ров шириной в десять туазов и глубиною в три, заполнив его водой из моря; построить четыре форта: один — впереди Розеттских ворот, один — у Помпеевой колонны, один — промежуточный и четвертый — со стороны форта Бань; прикрыть эти форты затопляемыми участками и рвами, полными воды, казематированным редутом на 200 человек. Форт мыса Смоковница, который должен быть закрытым со стороны горжи, форт Бань, форт Турецкий, форт Треугольник, Маяк, Малый Маяк, форт Турецкий в новом порту, оконечность стены Арабов — всего восемь фортов, будут иметь восемь береговых батарей, которые станут оборонять оба порта, причем огонь их будет перекрестным (на дистанции в 1500 и 1000 туазов). Форт Марабут имеет особенно большое значение, поскольку он защищает входы в фарватеры и пляж, пригодный для высадки десанта. Снеся мечеть, находящуюся на острове, и превратив ее в хороший каземат, можно придать этому форту исключительную обороноспособность. Как только это станет возможным, нужно будет перегородить стеной обе набережные старого и нового порта, чтобы обезопасить себя от внезапного нападения и в целях экономии средств, необходимых для обороны. Триста орудий всех калибров, гарнизон численностью в 6000 человек, в том числе 300 кавалеристов, 3000 моряков, составляющих экипажи военных кораблей и судов флотилии; 200—300 канониров на суше, 1000 старослужащих солдат и личного состава запасных частей, 1500 человек хорошей пехоты — явятся для этой крепости гарантией от всякого нападения. Абукир защищен фортом, который в нынешнем своем состоянии слишком слаб. Необходимо сделать его способным обороняться в течение двух недель после заложения траншей, путем сооружения кирпичных верков. На острове Аль-Бекейр нужно построить казематированную башню, служащую укрытием для состава береговой батареи, способной обстреливать открытое море и внутренний рейд; то же самое надо сделать у входов в озеро Мадия. На холме Колодезь надо соорудить форт, вроде форта Кретэн, прикрывающий береговую батарею.

Самим фактом своего существования эти укрепления предотвратят высадку десантов, ибо пляж и рейд окажутся под перекрестным огнем батарей, стреляющих ядрами, снарядами и бомбами. В случае появления вражеской эскадры гарнизон Александрии выделит два батальона численностью в 400 человек каждый, эскадрон численностью в 180 человек и 8 полевых орудий, к которым присоединятся 6 полевых орудий трех фортов, что в общей сложности составит 14. Маневрируя между фортами, этот подвижной отряд сделает невозможной высадку какого бы то ни было десанта. В Дамiette высадка десанта

Вооружение

	36- и 24-фунтовые пушки	16- или 12-фунтовые пушки, стреляющие калеными ядрами	Мортиры	Гаубицы или пушки малого калибра	Всего	Гарнизон
Форт Абукир	8	2	3	6 ¹	19	200 человек
Остров Аль-Бекейр	10	2	3	3	18	180 человек
Форт у входа в оз. Мадия	4	2	2	3	11	130 человек
Форт Колодезь	6	2	2	4	14	150 человек
Итого	28	8	10	16	62	660 человек

может быть осуществлена только в лучшее время года, но и в это время случается, что на рейде суда не держатся на якорях. Вооружение башни посреди богаза² и завершение укрепления Лесбэ, наконец, несколько прам³ или канонерских лодок, поставленных на шпринг в фарватерах, смогут защитить этот пункт, менее важный, чем другие; будет достаточно 500 человек и 36 орудий всех калибров, включая шесть полевых.

Обеспечив оборону трех единственных пунктов, где может высадиться армия, надо позаботиться о каботажном судоходстве и прежде всего об отбытии и прибытии посылочных и торговых судов, чтобы поддерживать связь с Францией. С этой целью надо занять: 1) Аль-Баретун, где имеются развалины, вода, деревья, хорошая гавань. 2) Два пункта на побережье между портом и Александрией — для охраны каботажного судоходства. Форт Юлиан является достаточной защитой для розеттского фарватера. У выхода из буруллуцкого фарватера нужно поставить башню с двумя 18-фунтовыми пушками, полевым орудием, гарнизоном в 30 человек и плоскодонную канонерскую лодку, вооруженную двумя тяжелыми орудиями, могущую господствовать над озером и стать на шпринге у входа в него под защитой башни; то же самое надо сделать на озере Манзала, у входов в него в пунктах Дибя, Омфара и Пелузий, что составит восемь тяжелых орудий, восемь 18-фунтовых пушек, четыре полевых орудия и 200 человек. В мои намерения входит направлять суда на Аль-Баретун и озеро Манзала. Завидев гору Кармель, эти суда пойдут вдоль побережья пустыни на Тину и станут разгружаться у берега озера.

VI. Оборона Египта На Египет могут напасть: 1) армия, которая сосредоточится в Сирии, выступит из Газы, перейдет

¹ В том числе два полевых.

² Озера. — Р е д.

³ Однопалубных судов. — Р е д.

через пустыню Суэцкого перешейка и выйдет в долину Нила; 2) армия, которая высадится на побережье Средиземного моря; 3) обе упомянутые армии, действующие согласованно, причем одна, выйдя из Газы, проникнет в пустыню, а другая высадится на побережье Средиземного моря. Турецкая армия предпочтет первый способ, английская — второй; если же встанет вопрос о принятии третьего, то турки будут действовать со стороны пустыни, а англичане — со стороны моря.

1) Камбиз, Ксеркс, Александр Великий, Амр, император Селим вступили в Египет во главе одной армии, пройдя пустыню от Газы до Пелузии. Артаксеркс — царь Персии, напал на него с двумя армиями, из которых одна перешла через пустыню, а другая высадилась у Дибы; но он был разбит и потерпел неудачу. Один из его преемников — Ох — вторгся в Египет с тремя армиями; действовавшая с моря вошла в Нил и высадилась у Коровьего Брюха; вторая обложила Пелузий, готовясь к осаде его, третья двинулась на Бир-Саба Египетский царь пошел против колонны, высадившейся у Коровьего Брюха, но она успела уже укрепиться там. Ох соединил свои три армии, захватил Мемфис и всю страну. Антигон — один из преемников Александра — двинулся по суше из Газы на Пелузий, а сын его — по морю; но флот был рассеян бурей, что обрекло экспедицию на неудачу. Антиох был разбит у Рафии Птоломеем Эвергетом, который перешел через пустыню и двинулся ему навстречу. Людовик Святой и Наполеон напали на него¹ с моря — одной армией; первый высадился в Дамiette и после годичной кампании был разбит и пленен мамлюками. Второй высадился у Марабута, в первый же месяц овладел всем Нижним Египтом и столицей, а затем всей страной; он уничтожил власть мамлюков.

Турция — больше не государство; это совокупность независимых пашалыков, управляемых в соответствии с взглядами, интересами и страстями пашей. Она не может больше выставлять многочисленные армии, подобные тем, которые ужасали Европу в прежние века. Турецкое ополчение не имеет ни дисциплины, ни организации, ни боевой подготовки, ни тактики. Пятьдесят или шестьдесят тысяч человек, из которых половина на конях, а половина — пешие, вооруженных ружьями всех калибров и холодным оружием всех видов, образуют толпу, но не заслуживают названия армии. Турция способна выставлять только армии, вроде той, что действовала у горы Табор; высаженная в Абукире была составлена из отборных европейских войск. В турецкой армии численностью в 60 000 человек находится в строю едва 40 000 бойцов; она неспособна выдержать удар французской дивизии численностью в 6000 человек. Она обложит Аль-Ариш своим авангардом и эшелонн-

¹ Египет. — Р е д.

рует свои дивизии, расположив их у колодцев Зави, Рафия и Хан-Юнус; ей потребуется 20 дней, чтобы взять Аль-Ариш; такой же срок понадобится ей и для взятия Катии. У французской армии будет время сосредоточиться в лесу Катии и ожидать противника у границ пустыни. Заняв такую позицию, 20 000 солдат Восточной армии разобьют 200 000 турок и сбросят их в пустыню.

2) Если английская армия захочет в одиночку завоевать Египет, численность ее должна составить 35 000 пехотинцев, 3000 кавалеристов, 1000 артиллеристов и штабных. Она высадится в Абукире, овладеет фортом Юлиан, городом Розеттой, озером Мадия. Обеспечив, таким образом, свои коммуникации, она осадит Александрию; она сможет взять эту крепость, прежде чем французская армия закончит концентрацию своих сил, или же разбить эту армию, если та попытается заставить ее снять осаду. Со взятием Александрии Египет будет потерян для Франции. Не покинув морского побережья, не потеряв из виду мачт своих кораблей, англичане завоюют эту прекрасную страну и гарантируют от нападения свои владения в Индии. Но в настоящее время Англия не может свободно располагать своей армией; она необходима ей для того, чтобы сдерживать Ирландию и охранять Португалию; формирование подобной армии, которое придется осуществить на Темзе, чтобы она могла действовать на Ниле, поглотит огромные суммы.

3) Поэтому более вероятно, что, если Египет подвергнется серьезному нападению, последнее явится комбинированной операцией. Турецкая армия численностью в 40 000—50 000 человек перейдет через пустыню из Газы в Салихию, 15-тысячная английская армия, имеющая в своем составе 500 кавалеристов и 500 артиллеристов, высадится на берегу Средиземного моря. Общая численность этих армий вдвое превысит численность Восточной армии. Какое время года наиболее благоприятно для подобной операции? В каком пункте побережья должна будет высадиться английская армия? Операция должна начаться 1 апреля; турецкая армия двинется на Аль-Ариш, заложит траншею; продовольствие и осадный парк будут доставляться ей водным путем; после весеннего равноденствия море спокойно. По взятии Аль-Ариша она обложит Катию; и туда все необходимое для нее сможет подвозиться морем — это будет в мае. Английский флот станет на рейде Дамьетты. В его составе будут канонерки, вооруженные 24-фунтовыми орудиями и имеющие осадку самое большее в 18 дюймов; эти канонерки войдут в озеро Манзала через три входа, овладеют им и вступят в сношения с турецкой армией. Английская армия займет позицию перед Дамьеттой позади Ашмувского канала; или же соединение двух армий совершится не так далеко — либо путем передвижения турецкой армии из Катии через косу, отделяющую озеро Манзала от моря (с наведением

понтонных мостов через три входа в это озеро), либо путем комбинированного движения в район, лежащий впереди озера.

Как только этот план противника будет раскрыт, вся французская армия сосредоточится у Салихии; для этого ей потребуется несколько недель; ей придется эвакуировать Верхний Египет. Из лагеря у Салихии она двинется на Аль-Ариш, чтобы снять с него осаду и разбить турецкую армию, или же на Катю, если Аль-Ариш уже будет взят; или же, наконец, она выступит навстречу английской армии, чтобы атаковать ее до соединения с турецкой. На случай поражения она должна подготовить свое отступление на Александрию через дельту. Она может оборонять местность, изрезанную рукавами Нила, и выиграть время, необходимое для завершения эвакуации Каира. Она должна обороняться в Александрии до последней крайности, ибо сменяющиеся дни не похожи друг на друга; случайности изменяют политическое положение наций; наконец, чем больше французская армия затянет свое сопротивление, тем дольше будет она держать скованной английскую армию, а потери последней будут все возрастать.

Но если вместо высадки в Дамiette английская армия высадится в Абукире, шансы будут более благоприятны для французской армии. В этом случае ей будет необходимо сосредоточиться у Александрии за возможно меньшее число дней и атаковать английскую армию до овладения последней фортом Абукир. Если французская армия одержит победу, Египет будет спасен; если же, напротив, она будет разбита, ей придется предоставить Александрию собственным силам, поспешно двинуться к Салихии — навстречу турецкой армии, разбить последнюю, прогнать в пустыню и затем снова повернуть на англичан; в этом положении родина еще может быть спасена. Но если французская армия снова будет разбита (турками), ей останется только одно: сосредоточиться в Александрии и обороняться там до последней крайности. Этот анализ показывает, сколь важно владение Аль-Аришем, который я считаю аванпостом или же одним из ключей страны. Оно будет разделять и держать в отдалении одна от другой две армии: ту, которая перейдет через пустыню, и другую, которая высадится на побережье Средиземного моря.

VII. Политика. Нужно назначить поверенных в делах в Сеннар, в Абиссинию, в Дарфур. Я предложил государям этих стран направлять таковых в Египет. Все их сношения с Египтом являются торговыми; но, помимо коммерческих целей, я имел еще одну — приобрести средства к проникновению во внутренние области Африки и организации регулярной ежегодной закупки 10 000 рабов в возрасте от 14 до 18 лет. 20 000 будут включены в состав армии — по 20 на роту, а остальные образуют вспомогательные отряды с французским ядром. Это заменит подкрепления, если республика не сможет прислать та-

ковых. Я приказал уже схватить две тысячи молодых мамлюков-рабов,— все они принадлежат сирийским вельможам. Их можно без промедления распределить по частям.

Республика имеет консула в Триполи; нужно настаивать на том, чтобы власти Туниса и Триполи направили в Каир поверенных в делах. Агенты этих властей будут очень полезны для установления сношений с Европой.

Султан Селим был принужден к войне с Францией; диван расположен к нам; гибель сирийской и родосской армий сняла с его глаз пелену. Это были лучше всего обученные войска империи; в состав их входило несколько полков европейского образца — все они погибли. Канониры, обученные на французский манер, и 80 пушек, отлитых нашими рабочими, представляют для Порты чувствительные потери; глаза ее теперь раскрыты, и она содрогается от ужаса при виде русских. Напишите великому везиру, что мы не хотим сохранить за собой Египет, что мы пришли туда только как в караван-сарай на пути в Индию. Через Каир ежемесячно проходят люди с положением — паломники, которые возвращаются из Мекки,— переправляются через Красное море, высаживаются в Косейре, спускаются по Нилу к Каиру и садятся на суда в Дамiette. Встречайте их с почетом, сводите их с теми из великих шейхов, которые наиболее расположены к нам; поручайте им передавать Порте письма и устные послания — вы добьетесь успеха, если подле великого везира окажутся благодаря вам французские агенты, могущие информировать вас и противодействовать интригам англичан.

Вы должны заняться просвещением армии и уничтожить призраков, которых создает недоброжелательство. Россия не является противницей египетской экспедиции. Царь был бы настроен по отношению к Восточной армии скорее благожелательно, чем враждебно, если бы это не скомпрометировало его и не создало ему репутацию бесхарактерности. В действительности Египет представляет собой яблоко, которым раздор пользовался и будет пользоваться, чтобы заставить французов и османов браться за оружие. В случае поражения Восточной армии и эвакуации Египта дружба между обеими нациями снова стала бы такой, какой была она со времен Франциска I, ибо турки хорошо знают, что нас интересует не их территория, а Индия; что мы не стремимся унижить на берегах Нила полумесяц, а преследуем там английского леопарда. Следовательно, Россия никогда ничего не предпримет против этой армии.

Одни лишь англичане искренне желают прежде всего изгнать нас из Египта; но они упустили эту возможность. Поскольку вторая коалиция возобновила войну в Италии, Германии и на Севере, они нуждаются в своих вооруженных силах, чтобы иметь возможность извлечь пользу из событий. Если

вторая коалиция будет побеждена и мир на материке восстановлен, Англия сможет свободно располагать своими войсками, потому что у нее не будет тогда других помыслов, кроме как об египетских делах и о своих интересах в Индостане. Но тогда она не будет больше пользоваться поддержкой Порты, которой придется тем больше считаться с Францией, чем полнее будет победа последней.

Чума — один из наиболее сильных врагов, представляющих угрозу для армии: в силу потерь, которые она причиняет; в силу ее морального воздействия на умы; в силу апатии, которая охватывает даже тех, кто излечивается от нее. Следует не допускать каких-либо отступлений от марсельских санитарных правил и тщательно следить за лазаретами.

VIII. Депеша адмирала Гантома, назначавшая днем посадки 24 августа, была совершенно неожиданной. Она противоречила планам главнокомандующего, который хотел бы отложить посадку на две недели, ибо ему нужно было еще многое устроить. Тем не менее колебаться не приходилось. 19 августа днем генерал Бертье разослал генералам Дезэ, Клеберу, Мену, Мюрату, Мармону, Бессьеру, членам Института — Монжу, Бертолле, Денону, Парсевалю и отряду гидов — приказ в самом срочном порядке явиться в Александрию. Главная квартира вечером погрузилась на суда на Ниле, остановилась в Менуфе, где командовал генерал Ланюсс, а 23-го прибыла в Рахманию, где высадилась на берег; лошади уже находились там; 24-го в 4 часа пополудни стали биваком в Римском лагере, близ Александрии, на берегу моря. Дезэ и Клебер не явились к месту сбора; первый командовал войсками в Верхнем Египте; второй находился в Дамiette и явился только на следующий день. Между тем адмирал Гантом торопил с посадкой. Он тяжело пережил то, что ее отложили до вечера; его подгонял английский бриг, который в 3 часа пополудни подошел достаточно близко, чтобы увидеть фрегаты, стоявшие на якоре, и заметить, что они готовы к отплытию. Этот бриг немедленно взял курс на Кипр, вероятно для того, чтобы уведомить об этом английскую крейсерскую эскадру. Вскоре после того поднялся юго-восточный бриз, это было чудом в августе месяце, то есть в то время, когда еще дули северо-западные ветры, обычные для этого времени года. Адмирал пришел к выводу, что этот бриз способен унести отряд кораблей на 30—40 лье от сферы действия крейсерской эскадры, наблюдавшей за Александрией. Наполеон передал генералу Мену инструкции для генерала Клебера и приказ генералу Дезэ — вернуться во Францию, воспользовавшись зимней непогодой. Ему очень хотелось увезти его с собой. Генерал Мену был чрезвычайно огорчен; но он питал исключительное доверие к главнокомандующему и знал, насколько важно, чтобы Наполеон прибыл в Европу. Тут-то, прогуливаясь перед своей

палаткой по пляжу, увлажняемому морскими волнами, главнокомандующий сказал ему: «Я приеду в Париж, разгоню это собрание адвокатов, которые издеваются над нами и неспособны управлять республикой; я стану во главе правительства, я сплочу все партии; я восстановлю Итальянскую республику и я упрочу обладание этой прекрасной колонией».

После этого разговора Наполеон вошел в свою палатку на берегу моря и продиктовал своему секретарю господину Бурьен письмо, адресованное генералу Клеберу, на основании которого последний счел себя вправе договариваться с противником и капитулировать¹.

Его последний приказ гласил:

«Солдаты, известия, полученные из Европы, побудили меня уехать во Францию. Я оставляю командующим армией генерала Клебера. Вы скоро получите вести обо мне. Мне горько покидать солдат, которых я люблю, но это отсутствие будет только временным. Начальник, которого я оставляю вам, пользуется доверием правительства и моим».

Посадка состоялась в 7 часов вечера; генералы Лани, Мюрат, Мармон, господа Персеваль и Денон с половиной охраны отплыли на «Каррэре»; этим кораблем командовал капитан Дюмануар. Главнокомандующий, Бертье, Монж, Манж, Бертолле, Бурьен и вторая половина охраны отплыли на «Мюироне». Этот фрегат был назван в честь носившего такую фамилию адъютанта, который был убит при Арколе, прикрывая собственным телом главнокомандующего: Каррэр — фамилия артиллерийского генерала, убитого у Неймарка (Каринтия) в кампанию 1797 года. Эти два фрегата были красивы, велики, хорошо вооружены и способны выдержать бой; но поскольку они имели осадку на два фута меньше, чем у французских фрегат, хотя корпуса их были длиннее и шире, то они плохо забирали ветер; при преследовании превосходящими силами они не могли уйти от погони. Две маленькие шебеки имели подводные части, обшитые медью. Они были быстроходны; ими предполагалось воспользоваться в случае преследования превосходящими силами, с тем что фрегаты отвлекут на себя внимание вражеских судов.

Этот маленький отряд вышел в 9 часов вечера и в 6 часов утра находился в 30 лье к западу от Александрии, за мысом Арас. Но вскоре после восхода солнца бриз совершенно стих и обычный северо-западный ветер снова стал дуть в полную силу; так продолжалось 15—20 дней. Иногда за сутки удавалось продвинуться на 2—3 лье в нужном направлении, но нередко суда оказывались отнесенными назад; они уклонялись

¹ Условия капитуляции, подписанной Клебером в начале 1800 г., не были утверждены английским правительством, и она не вступила тогда в силу. — Р е д.

под ветер, относимые течениями, которые в этом море дают себя чувствовать в направлении с запада на восток. Армейские офицеры принимались дразнить морских и с иронией спрашивали, когда же они бросят якорь в александрийском порту. Обиженный адмирал решил взять курс на Кандию. Но когда он обратился с этим предложением к главнокомандующему, последний его отклонил и приказал адмиралу держаться возможно ближе к берегу и даже войти в залив Сидра, чтобы лучше спрятаться; он добавил, что скоро равноденствие, и тогда суда пойдут вперед; что дни, потерянные в этих неизведанных водах, — выигранные дни; что нужно стать выше насмешек невежд. Адмирал тем охотнее подчинился этому приказу, что он согласовался с приобретенным им опытом и всем, что ему было известно об этих морях. Наконец, подул ветер равноденствия. В 3—4 дня отряд обогнул мыс Бон, делая по 13 узлов; обогнув берег Африки, он пошел вдоль побережья Сардинии, затем вышел в открытое море, чтобы подойти к берегу в проливе Бонифачо, и следовал вдоль берега Корсики до мыса Кровавого — в заливе Аяччо. Не имея уверенности в том, что этот остров¹ все еще за Францией, шебека «Фортюн» проникла в залив, снеслась с рыбаками и дала сигнал входа. Отряд бросил якорь 30 сентября в 2 часа пополудни. Пассажиры высадились на берег; непогода задержала их там на 7 дней.

Подробности событий, происшедших в 1799 г. и в особенности на протяжении июля, августа и сентября, показали, какие опасности угрожают родине. Жубер был убит на поле сражения у Нови. При вести о прибытии Наполеона главы общин острова поспешили в Аяччо. Главнокомандующий употребил свое влияние, чтобы примирить враждующие партии и успокоить разгоревшиеся страсти. 7 октября, когда отряд находился на полпути между Корсикой и Провансом, на него налетел сильнейший шквал (ветер Либеччо). Потом он стих. Восьмого вечером корабли находились в 8 лье от Тулона и быстро продвигались вперед, однако в густом тумане. Было установлено, что они находятся посреди эскадры — притом в непосредственной близости от кораблей ее — судя по пушечным выстрелам с них. Еще на Корсике стало известно, что эскадра Брюн вернулась в океан. Следовательно, теперь корабли находились посреди вражеской эскадры. В 7 часов произошло прояснение, длившееся не более минуты, но позволившее установить, что отряд находился всего лишь на расстоянии выстрела от 74-пушечных линейных кораблей; трудно было решить, как поступить. Адмирал, отличавшийся большой впечатлительностью, приказал повернуть на другой галс, чтобы вернуться к Корсике. «Что вы делаете? — сказал ему главнокомандующий. — Уходя, вы себя выдаете; идите, напротив, на врага». Это уда-

¹ Корсика. — Р е д.

лось, не возникло никаких подозрений. Несколько минут спустя завеса тумана снова приподнялась. Адмирал поступил мудро, захватив в Аяччо две фелуки¹ — быстроходные суда с экипажами, состоявшими из матросов — местных уроженцев, хороших пловцов. Он хотел, чтобы пассажиры пересели на эти фелуки и отправились в Порто-Крос, куда они обязательно прибыли бы к ночи. Фрегаты же вернутся на Корсику. Однако это не встретило одобрения главнокомандующего, который приказал взять курс на Антиб. Несколько часов спустя стало ясно, что был найден правильный выход. Предупредительные пушечные выстрелы отдалились; вражеская эскадра, видимо, направлялась к Корсике. 9-го на рассвете отряд бросил якорь напротив Сан-Рафаэля, в заливе Фрежюс. После 45-дневного плавания он прибыл во Францию. Было замечено, что на протяжении всего плавания Наполеон всецело полагался на адмирала и никогда не выказывал беспокойства. Он ни в чем не имел своей воли. Он отдал только два приказания, которые дважды спасли его. Он отплыл из Тулона 19 мая 1798 г. Следовательно, он находился вне Европы 16 месяцев и 20 дней. За этот короткий срок он овладел Мальтой, завоевал Нижний и Верхний Египет; уничтожил две турецкие армии; захватил их командующего, обоз, полевую артиллерию; опустошил Палестину и Галилею и заложил прочный фундамент великолепнейшей колонии. Он привел науки и искусства к их колыбели.

¹ Фелука — небольшое палубное судно. — Р е д.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ НАПОЛЕОНА ОБ ЕГИПЕТСКОМ ПОХОДЕ¹

Первое замечание (*О плане кампании*). Английский кабинет предпринял в 1801 г. войну в Египте с помощью армии, имевшей в строю 60 000 человек, из коих 34 000 англичан и 26 000 турок, а именно: 19 500 англичан, посаженных на суда эскадры адмирала Кейса и в марте высадившихся в Абукире; 7500, взятых из состава Индийской армии и высадившихся в Косейре в августе; 7000 человек резерва, которые отплыли из Лондона, из Гибралтара, из Германии и высадились в Абукире; наконец, 16 000 сосредоточенных в Палестине под командованием великого везира и прибывших в Египет в мае. С такими значительными силами английский кабинет имел право рассчитывать на успех. Но он принял оперативный план настолько порочный, настолько противный всем принципам военного искусства, что последний мог и должен был обречь экспедицию на провал: 1) Приказания, отправленные из Лондона в октябре месяце, не могли прибыть в Индию до конца января; дивизия, которая должна была отплыть оттуда, могла достичь Баб-эль-Мандебского пролива только в апреле месяце, то есть уже после южного муссона; северный муссон дул бы ей навстречу, и все лето она не смогла бы подняться вверх по Красному морю и добраться до Суэца. Но даже если бы она прибыла в Косейр и Суэц вовремя, она все равно не имела бы средств, необходимых для перехода через пустыню. Фактически суда с этой дивизией бросили якорь в Косейре в августе, через шесть месяцев после высадки генерала Эберкромби в Абукире; если она совершила переход через пустыню Коптос, то это потому, что великий везир, став хозяином Каира, смог предоставить ей 5000 верблюдов, чего он не сумел бы сделать, если бы союзники не одержали уже победы. Не следовало

¹ Две главы произведений Наполеона посвящены событиям в Египте, после возвращения их автора в Европу и охватывают период 1799—1801 гг. — до капитуляции Восточной армии перед англо-турецкими войсками и прибытия ее во Францию, в соответствии с условиями этой капитуляции. Заключительные замечания Наполеона по поводу кампании 1801 года приводятся здесь полностью. — Р е д.

предпринимать никакой диверсии со стороны Красного моря; два фрегата и один корвет с десантным отрядом в 200 человек — вот и все, что следовало послать для занятия Суэца и Косейра; нужно было оставить Индостанскую армию в покое на берегах Ганга и соответственно увеличить армию Эберкромби. 2) Резерв, отплывший из Лондона и из Гибралтара, прибыл в Египет только через шесть месяцев после генерала Эберкромби. 3) 6000 человек капудан-паши прибыли в Абукир только через 20 дней после генерала Эберкромби. 4) Великий везир перешел через пустыню и вступил в Египет только три месяца спустя — в мае, так что вместо 19 500 англичан и 26 000 турок генерал Эберкромби явился в Египет только с 19 500 англичан, лишенными решительно всего. Если бы его разбили, как должно было случиться, то какую пользу принесли бы ему Индостанская дивизия, резервы капудан-паши и великого везира? 5) Генерал Эберкромби высадился без артиллерийских упряжек, без лошадей для своей кавалерии, не имея ничего из того, что необходимо армии; между тем он провел два месяца на Мальте и два месяца в Малой Азии, чтобы подготовиться к походу; за эти четыре месяца властям было нетрудно доставить ему 2500 лошадей, в которых он нуждался, поскольку их можно было закупить в Сицилии, Тунисе, Триполи, Дерне, на Кандии, в Греции, Малой Азии, на Кипре, в Алеппо, в Триполи сирийском, Акре, Яффе. Эти ошибки были совершены кабинетом, задумавшим план кампании. Это — новое доказательство плохой работы английских органов управления — наихудших в Европе.

Второе замечание (*О маневрах генерала Эберкромби*). В конце февраля генерал Эберкромби отбыл из Макри и 2 марта бросил якорь на абукирском рейде. Он правильно рассудил, что, завладев Александрией убедит французов принять условия капитуляции в Аль-Арише¹ и, таким образом, достигнуть цели, поставленной его правительством, не идя на риск генерального сражения. Но: 1) Ему следовало дожидаться лучшего времени года; в марте море в этих местах слишком бурное; ему надлежало прибыть к Александрии только 15 апреля. 2) Его кавалерии нужно было иметь с собой коней, а артиллерии — упряжки; не имея кавалерии и артиллерии с упряжками, он подвергал свою армию слишком большому риску. 3) Он совершил здесь ошибку, которую уже допустил в Голландии в 1799 г.: ему следовало соединиться в Макри с капудан-пашой, направиться вместе с ним на яффский рейд и принять там на суда 6000 человек великого везира, в том числе Ибрагим-бея с его конными мамлюками; тогда 15 апреля он явился бы на абукирский рейд с 19 500 англичан, 12 000 ту-

¹ То есть капитуляции, подписанной Клебером, условия которой английское правительство решило в конце концов утвердить. — Р е д.

рок, в том числе 2500 кавалерии; он захватил бы Александрию врасплох — прежде чем французская армия успела бы прибыть из Каира на выручку этой крепости. 4) Достигнув Александрии 1 марта, генерал Эберкромби из-за плохой погоды высадился только 8-го; он был замечен за неделю до высадки; половина французской армии, то есть 10 000—12 000 человек, должна была бы уже находиться на взморье; поэтому ему следовало бы сняться с якоря, исчезнуть из района Абукира, создать угрозу высадки в Дамiette, чтобы привлечь туда французскую армию, затем незаметно вернуться, следуя вне пределов видимости с суши, и осуществить высадку в Абукире. 5) Адмирал Кейс под командой которого находились девять линейных кораблей, вооруженных для ведения боевых действий, и много мелких судов, на которых не было никаких войск, должен был бы предпринять три ложные атаки — одну у Марабута, одну у мыса Смоковниц, третью — у малого маяка, выделив для участия в них по два линейных корабля, от 8 до 10 фрегатов, корветов, транспортов или шебек, и угрожать высадкой в каждом из этих пунктов дивизии в 5000—6000 человек. Это привело бы к ним все внимание генерала Фриана, заставило бы его вернуться в Александрию, оставив на взморье у Абукира самое большее 200—300 человек. Адмирал Кейс ничего не сделал, чтобы привлечь к себе внимание французов и облегчить высадку, что привело к гибели тысячу англичан и сделало операцию в целом чрезвычайно рискованной. 6) 8 марта в полдень высадка была осуществлена; английский генерал потерял остаток дня, а также 9-е, 10-е, 11-е и 12-е (четыре с половиной дня) — в условиях, когда нельзя было терять ни одного. Уже к 5 часам пополудни 8 марта ему следовало достигнуть позиции Римский лагерь, а 9-го — двинуться на город, которым он, вероятно, овладел бы. Вместо этого он выступил только 13-го; генерал Ланосс, прибывший в город уже 11-го вечером, обезопасил его от всякого нападения. Если бы высадка совершилась в тот самый день, когда конвой был замечен в Александрии, то есть 1 марта, он имел бы 11 дней для овладения Александрией, прежде чем туда успели бы прибыть первые подкрепления из Каира. Если бы в 1798 г. Наполеон появился под стенами Александрии только через 13 дней после того, как бросил якорь у Марабута, он не достиг бы успеха. Он нашел бы стены снабженными бойницами и хорошо вооруженными, половину мамлюков уже прибывшей из Каира с огромным количеством арабов и янычар; но он двинулся на Александрию и штурмовал эти стены с горстью людей, не дожидаясь своих пушек — через 18 часов после того, как был замечен его флот. Одним из принципов военного искусства является: когда можно использовать внезапность, ее следует предпочесть пушкам. 7) Бой 13 марта ознаменовал неудачу экспедиции генерала Эберкромби. Он знал, что численность французской армии со-

ставляет 25 000 человек, что главнокомандующий был уведомлен о появлении его уже 13 дней назад. Осторожность оставляла ему только два выхода: первый состоял в том, чтобы вернуться на суда и ожидать на Кипре прибытия новых подкреплений из Англии, а также и тех, которыми командовали капудан-паша и великий везир; второй заключался в том, чтобы занять позицию за перешейком, к которому подошли суда, или на холме Шейх, расположенном на Абукирском полуострове, и укрепиться там; эта позиция была бы неприступной. Та же, которую он занимал в Римском лагере, с правым флангом, примкнутым к морю, и левым — к озеру Мадия, при протяжении ее в 1500 туазов, не годилась для 15-тысячного соединения, не имевшего ни кавалерии, ни артиллерии с упряжками; ему следовало ожидать в ближайшие дни атаки превосходящих сил противника, обладающего многочисленно и неустрашимой конницей, который при поддержке нескольких легких батарей прорвал бы его левый фланг и отсек его армию от флота, что повлекло бы за собой его гибель.

Третье замечание (*О маршах и маневрах генерала Хатчинсона*). 1) Этот генерал принял командование на следующий день после сражения 21 марта¹. Он знал, что французская армия может через несколько дней получить подкрепление в виде дивизии генерала Беллиара численностью в 5000—6000 человек, это должно было побудить его оставить свою позицию в Римском лагере и занять другую — у места высадки. 2) Когда пять дней спустя прибыл капудан-паша с 6000 человек, ему следовало немедленно поставить их в строй, распределив между своими бригадами. 6000 турецких стрелков являлись хорошим подкреплением для европейской армии, в то время как, образуя один резерв, они не представляли большой ценности. 3) 13 апреля он проделал брешь в дамбе озера Мадия и создал озеро Мареотис; тем самым он оказал большую услугу Александрии: он сделал то, что следовало сделать французам 12 марта, поскольку благодаря этому крепость стала очень сильной и была гарантирована от всяких неожиданностей; между тем целью всей кампании являлось взятие Александрии. Таким образом, он пожертвовал главной задачей ради вспомогательной; левый фланг его позиций, без сомнения, стал лучше обеспечен, но того же можно было достигнуть, построив в воде хорошие редуты и поставив на шпринг в озере несколько пловучих батарей. 4) Марш на Рахманью при продолжающейся оккупации Римского лагеря, маневры, рассчитанные на соединение в июне с великим везиром в районе Каира, — все это порочные операции. Это великому везиру надо было идти на Александрию, чтобы соединиться с английской армией, а не этой армии — удаляться от важнейшего объекта

¹ В этом сражении генерал Эберкромби был смертельно ранен. — Ред.

и гоняться за второстепенными. Когда имеется возможность нанести удар в сердце, нельзя давать отвлечь себя какими-либо маневрами. 5) Когда 9 мая генерал Лагранж двинулся из Рахманни на Каир, генерал Хатчинсон имел прекрасную возможность закончить кампанию. Ему следовало поспешно вернуться в Римский лагерь с капудан-пашою, атаковать генерала Мену, ослабленного выделением отряда генерала Лагранжа; он отбросил бы его к стене Арабов и овладел бы городом в несколько недель. 6) В течение мая и до 22 июня, то есть в течение 41 дня, он подвергался двойной опасности: а) генерал Мену, у которого было в Александрии 9000 человек, мог с 6000 человек атаковать 4000 человек генерала Кута и захватить Римский лагерь; б) генерал Бельяр, у которого было в Каире 14 000 человек, мог разбить великого везира у Аль-Ханки и, отбросив последнего за пустыню, повернуть на генерала Хатчинсона с 10 000 человек и соединиться с генералом Мену. После боя у Аль-Ханки ему следовало опасаться и того, что генерал Бельяр, оставив своих больных, охромевших и старослужащих солдат, то есть 2000—3000 человек, в каирской цитадели, схватится с ним, пустив в дело все свои силы. Он избег бы всех указанных опасностей, если бы упорно держался основного принципа: вести все операции против Александрии и завоевать Египет, не теряя из виду мачты своего флота. 7) Но если он считал абсолютно необходимым идти на Каир, ему нужно было эвакуировать Римский лагерь и расположить лагерь генерала Кута у места высадки или на горе Шейх. 8) Чтобы представилась возможность маневрировать против генерала Бельяра, великому везиру следовало перейти через дельту и соединиться с англичанами на левом берегу розеттского рукава, на высоте Рахманни,—тогда генерал Хатчинсон смог бы двинуться на Каир с армией в составе 25 000 турок и 5000 англичан, а также с многочисленной нильской флотилией. 9) Когда 19 июня он построил мост через Нил, положение его было этим значительно улучшено, но ему не следовало останавливаться на этой полумере; нужно было расположить войска великого везира в лагере на левом берегу Нила, а после взятия Газы и уничтожения моста, наведенного французами, обе армии стали бы действовать вместе на правом берегу, оставив в обоих случаях наблюдательный отряд на противоположном берегу. Фактически, если бы 22 июня в 2 часа утра генерал Бельяр вышел из Газы с 10 000 человек, он отбросил бы генерала Хатчинсона и капудан-пашу и захватил бы мост, прежде чем великий везир принял бы какое-либо решение. Если предположить, что последний укрепился бы в нескольких домах Каира, то, не заняв никакого важного форта, он был бы назавтра выбит оттуда. 10) Генерал Хатчинсон все время чувствовал, насколько опасно его положение; ему казалось, что он устраняет эту опасность, двигаясь очень медленно;

правда, он все время заблуждался относительно численности войск генерала Бельяра, которую он преуменьшил вдвое. Он полагал, что войска, которые двигались на Аль-Ханка,— те же самые, что находились в Рахмани; он ошибался. Когда генерал Бельяр стал лицом к лицу с великим везиром, при нем не было ни одного из пехотинцев, находившихся в Рахмани. Военное искусство имеет неизменные прииципы, основным назначением которых является: гарантировать армии от ошибок полководцев при определении силы врага,— ошибок, которые в большей или меньшей степени имели место всегда. 11) Генерал Кут переправился через озеро Мареотис и осадил Марабут с 5000 солдат; такого количества было недостаточно; ему нужно было иметь 7000; генерал Хатчинсон почувствовал это и пять дней спустя послал ему, в качестве подкрепления, англотурецкий отряд, но сделал это слишком поздно. Каких только последствий не могла иметь одна эта ошибка!

Четвертое замечание (*О маневрах генерала Фриана*). 1) Губернатор Александрии генерал Фриан поспешил на абукирский пляж со всеми силами, какими располагал, чтобы воспрепятствовать высадке. Но ему следовало взять с собой больше артиллерии и соорудить две хорошие береговые батареи с 24- и 18-фунтовыми пушками и мортирами. 2) Поскольку возможность построить на утесе кирпичный форт была упущена, ему следовало возвести там редут из пальмового дерева, что он мог сделать за 36 часов; в Александрии не было также недостатка в мешках для песка. 3) Он допустил ошибку, ослабив свои силы на 300 человек, которых направил на противоположный берег озера Мадия. Если бы противник высадился со стороны Розетты, этот слабый отряд ничего не смог бы сделать; между тем 300 человек имели бы некоторое значение, если бы находились вместе с 1700, которые были при нем. Кто знает, что произошло бы, если бы эти 300 человек с четырьмя пушками находились на горе Колодезь? 4) В любом случае ему следовало поставить на высоту Колодезь шесть полевых орудий, поддерживаемых одним каре 75-й; ибо высота эта — ключ ко взморью; высадка не могла считаться обеспеченной, пока противник не овладел высотой Колодезь.

Пятое замечание (*Генерал Ланюсс*). 1) Генералу Ланюссу следовало избегать боя. 13-го ему следовало отойти на высоты перед Розеттскими воротами и даже, если потребуется, укрыться за стеной Арабов и под защиту орудий фортов. Поскольку англичане несколько часов дефилировали у него на глазах, он их пересчитал; следовательно, было неразумно сойти со своей позиции, чтобы бросить вызов вчетверо более многочисленной армии, в то время, когда он ожидал значительных подкреплений.

Шестое замечание (*Генерал Лагранж*). 1) Когда 10 мая генерал Лагранж двинулся из Рахмани на Каир, ему

следовало оставить на форту решительного человека со 150 солдатами и приказать ему держаться до последней крайности; он смог бы задержать на 8—10 дней продвижение английской армии. Он¹ оставил там плохого коменданта с 40 солдатами и сам приказал привести в негодность боеприпасы и склады. Этот комендант сдался 10-го на рассвете, и если в этот момент на форту оказалось 110 человек, то это потому, что 60 или 70 остались там без приказа, упившись при разграблении складов. 2) Генералу следовало послать шлюп в канал Менуф и туда же направить разведывательный отряд, чтобы конвой отошли на Каир. 3) Почему в течение 20 дней, которые были им проведены в Рахмани, он не сосредоточил там гарнизоны Лесбэ и Буруллуса? Этим он увеличил бы свои силы на 700 человек, которых вместо того потерял. 700 человек составляли пятую часть его дивизии.

Седьмое замечание (*Полковник Кавалье*). Поведение полковника Кавалье не может быть оправдано². По прибытии во Францию его следовало судить военным судом. Римляне казнили бы в его отряде каждого десятого. Солдат побудило капитулировать желание вернуться во Францию. Но вся ответственность ложится на командира. Зная настроение своих солдат, он должен был воспрепятствовать всяким переговорам, встречать парламентаров ружейным огнем, продолжать марш к Александрии и озеру Натрон. Полковник Кавалье был храбрый человек и выдающийся офицер, чрезвычайно преданный главнокомандующему: от этого его поведение в данном случае становится еще более достойным осуждения. Шестьсот сданных им верблюдов оченьгодились английской армии. Нужно издать во французской армии закон, запрещающий всякие переговоры с парламентарями. Наши солдаты такие добрые, такие дружелюбные, а наших офицеров так легко обмануть, что иностранцы систематически их надувают.

Восьмое замечание (*Генерал Бельяр*). 1) 13 мая вечером, когда генерал Лагранж соединился в Каире с генералом Бельяром, под командованием последнего оказалось 14 000 человек, в том числе 500 старослужащих солдат, сотня гражданских чиновников, вооруженных и собранных в отряд образца национальной гвардии, 800 больных и 1500 других хилых солдат, рабочих и постоянного состава запасных частей. Этим трех тысяч человек было достаточно для охраны цитадели, Газы и фортов вокруг Каира; следовательно, он мог свободно распоряжаться 11 000 человек. Оставив в Каире в качестве резерва подвижную колонну из 1000 человек пехоты и

¹ Лагранж. — Ред.

² Отряд Кавалье численностью в 500 человек, охранявший верблюдов, капитулировал на марше перед англичанами, гарантировавшими ему возвращение на родину. — Ред.

конницы и нескольких пушек, он мог удалиться с 10 000 солдат (в том числе 1000 кавалеристов) и 24 пушками. Вместо этого он оставил для охраны города 8000 человек и пошел на встречу великому везиру всего с 6000 человек. 2) Впрочем, 6000 французов (в том числе 1000 кавалеристов) и 24 орудия с хорошей прислугой было более чем достаточно, чтобы разбить великого везира и отбросить его за пустыню. Великий везир привел с собой всего 16 000 турок, из коих четверть находилась в Дамiette. В бою у Аль-Ханки участвовало 9000 османов: если бы генерал Бельяр не страдал недостатком решительности, ему достаточно было приказать барабанщикам дать сигнал к атаке, и он спас бы Египет, покрыв себя бессмертной славой. 16-го он заночевал бы в Бельбейсе, 18-го в Салихия; он вернулся бы в Каир 20-го или 21-го, перешел бы через Нил 23-го или 24-го, прибыл бы 27-го или 28-го в Террану и атаковал бы генерала Хатчинсона, с которым было 4000 англичан и 6000 турок капудан-паши. Английская армия была очень ослаблена болезнями; она еще не получала никаких подкреплений. 3) Генерал Бельяр возвратился 18 мая в Каир, не атаковав великого везира; в этот момент нужно было принять окончательное решение, двинувшись на Александрию по левому берегу Нила со всеми французами, находившимися в Каире, отправив туда же по реке все, чего нельзя было перевозить по суше, и оставив в цитадели 2000 человек. Великий везир не имел возможности взять цитадель, которая смогла бы обороняться долго. Когда же гарнизон ее потерял бы надежду на освобождение от блокады в результате соединения войск генералов Бельяра и Мену, он смог бы капитулировать на почетных условиях и солдаты этого гарнизона — большей частью хилые, старослужащие или выздоравливающие — были бы спасены. 4) 18 июня, то есть через 40 дней после боя у Аль-Ханка, генерал Хатчинсон прибыл, наконец, в район Газы, а великий везир на правый берег — напротив него, — обе армии были разделены Нилом. Если бы генерал Бельяр атаковал всеми своими силами одну или другую армию, он вышел бы победителем. Поражение одной из этих двух армий повлекло бы за собой отступление другой. С другой стороны, в случае неудачи, он все же успел бы нанести противнику большой урон, и его дела от этого не пошли бы хуже. 5) 19-го генерал Хатчинсон навел мост для установления связи с великим везиром, и это значительно улучшило его положение. Однако если бы, как это предлагал полковник Дюпа, генерал Бельяр атаковал противника на рассвете, сосредоточив свои силы на одном берегу реки, он захватил бы мост прежде, чем армия, находившаяся на другом берегу, успела бы перейти по нему. 6) 22 июня он еще не был окружен, английская армия находилась на левом берегу напротив Газы, а армия великого везира — напротив Каира, все верхнее течение Нила

было еще свободно; англичан насчитывалось всего 4000 человек, а турок — 30 000, считая и 16 000 бедуинов или египетских войск, совершенно лишенных стойкости. У генерала Бельяра было 10 000 боеспособных солдат и 400 пушек; он был в изобилии снабжен всем, имел 70 000 снарядов и 200 000 фунтов пороха; поскольку он упустил все случаи разбить армии противника поодиночке, которые предоставила фортуна, ему оставалась славная перспектива оборонять крепость со всем упорством, которого требовали спасение армии, честь французского оружия и воинские уставы. Стараясь атаковать при вылазках преимущественно англичан, он в конце концов уничтожил бы этот небольшой отряд, который один только и придавал стойкость всей армии. Самое меньшее, он сумел бы выиграть август месяц. Тогда паводок, затопив всю местность, заставил бы противника прекратить осадные действия, поскольку он смог бы продолжать их только против той части стены, которая обращена к пустыне; таким образом, продержавшись 30 дней, генерал Бельяр смог бы выиграть время до ноября месяца, а за этот срок еще больше усилить свои укрепления; месяцы сменяются, но не походят друг на друга. На протяжении всего этого времени Александрию не тревожили бы. 7) Генерал Бельяр полагал, что перед ним — английское соединение численностью не менее 10 000 человек; но кто дал ему право держаться этого мнения? Если бы он предпринял вылазку со стороны Газы и развернулся в боевую линию, англичане показали бы и он смог бы сосчитать их. Если бы 21 июня был созван военный совет, последний единодушно принял бы решение взяться за оружие. Правила войны требовали, чтобы при принятии столь важных решений не держались одних слухов, а маневрировали — с целью принудить противника показаться и дать подсчитать свои силы. Списочный состав английского отряда равнялся 4000 человек. 8) Но, не принудив противника развернуть свои силы, не сражаясь, не попытав счастья, он¹ капитулировал!! Он сдал столицу Египта с ее складами, 400 пушками, фортами, не сделав ни единого ружейного выстрела!! Верно, что интересы генералов, офицеров и рядовых были ограждены с большой тщательностью. Из этих 14 000 человек 500 вступили в ряды мамлюков, а 13 723 были приняты в Абукире на суда и прибыли во Францию. Армия привезла с собой свои знамена, оружие, 50 пушек, много лошадей, огромный обоз, все редкости. Впрочем, условия этой капитуляции полностью соответствовали аль-аришским. Когда армии полагают, что из критического положения можно выйти без бесчестия посредством заключения конвенции, — тогда все потеряно. Это все равно, что доверить оборону и честь оружия старухам с веретенами. 9) Во время перехода из Каира в Абу-

¹ Бельяр. — Р е д.

кир генерал Мур сопровождал с эскортом французскую армию, но последняя была более многочисленна, чем этот эскорт. При приближении к Абукиру английский генерал резонно опасался, как бы негодование не охватило французских солдат и последние не напали на англичан или не присоединились к Мелу, чтобы спасти Египет. Офицер, доставивший во Францию известие об этой необыкновенной капитуляции, был задержан в марсельском лазарете; он отправил по начальству свое донесение и сведения о составе армии. Легко представить себе, какую боль это причинило первому консулу; первым его движением было арестовать генералов, участвовавших в военном совете, и с примерной строгостью наказать их за подобное нарушение всех воинских уставов. Дивизионный генерал, командовавший соединением, не имел права бросить своего главнокомандующего и армию в целом, чтобы спасти собственное соединение. Дивизия же генерала Бельяра была налицо в полном составе; она не потерпела ни одной неудачи, не померялась силами с противником и сложила оружие на основании соглашения тем более позорного и бесчестного, чем более выгодны для отдельных лиц были его условия. Все, что генерал привел в своем донесении в оправдание своего поведения, ссылаясь на политические соображения, не может быть принято во внимание. Он получил от республики право послать ее солдат на смерть ради ее защиты, но не право спасать их за счет общественного блага. Он боялся прибытия из Индии английской дивизии, а 22 июня, в день капитуляции, эта дивизия находилась еще в красноморском порту Джидда, на побережье Аравии, в 300 лье от него! Он утверждал, что окружен весьма многочисленной английской армией, а сам не тронулся с места, не завязал ни единого боя, чтобы заставить ее развернуться; он ее не видел; она насчитывала всего 4000 человек! Он указывал на недостаток боеприпасов, а сам признавал, что мог дать 60 000¹ пушечных выстрелов. Он указывал на недостаток продовольствия, а склады были заполнены им! Сравнить это позорное поведение со славным поведением Шевера в Праге, где маршал Белль-Иль оставил его с горстью солдат в качестве арьергарда и для облегчения своего отхода,— значит исказить значение слов. Шевер приносил себя в жертву своей армии; Бельяр принес в жертву армию и честь, чтобы спасти свое соединение.

Но за этим первым движением консула последовали размышления, которые привели к изменению его решения. Генерал Бельяр был выдающимся офицером; он оказал большие услуги в ходе этой же кампании; он выказал большое мужество в Итальянскую кампанию; при Арколе он прикрыл своим

¹ В подлиннике, видимо, допущена описка. Выше говорилось о 70 000 выстрелов. — Р е д.

телом Наполеона, и предназначавшаяся последнему пуля попала в него; по своим взглядам он являлся решительным сторонником удержания Египта и ожесточенным противником аль-аришской конвенции. Его марш на Аль-Ханка доказывает, что он хорошо понял, как надо поступить, но ему не хватало дерзости и твердости характера; природа не создала его для столь важных действий. Главнокомандующий оставил его без всяких приказаний. Всеобщее недовольство и отчаяние, вызванные в армии медлительностью, нерешительностью и отсутствием военного таланта у генерала Мену¹, лишили ее всякой надежды и всякого доверия. Генералы, которые подписали акт капитуляции, были выдающимися офицерами, и все они были решительно настроены против аль-аришской конвенции. Приличествовало ли в том блестящем положении, в каком находилась республика после Люневильского мира, мира с Россией, Портой и Англией, поднявшего так высоко престиж Франции, помрачить блеск этой славы и огорчать нацию проведением следствия, позорящего храбрых, которые в других случаях столько раз полностью заслужили признательность родины? Не было ли предпочтительнее закрыть глаза и приписать все происшедшее судьбе и полному ничтожеству главнокомандующего? Ибо, в конце концов, что ни делай, какую бы энергию ни проявляло правительство, сколь бы строгим ни было законодательство, армия львов под командой оленя никогда не будет армией львов.

Девятое замечание (*Генерал Мену*). 1) Генерал Мену должен был уже 3 марта получить донесение о появлении английского флота перед Александрией; однако он получил его только 4-го, во второй половине дня; это запоздание на сутки весьма прискорбно. Он уже 2 марта должен был узнать о захвате в плен 28 февраля на абукирском рейде английского военного инженера и познакомиться с бумагами другого инженера, который был убит; эти бумаги содержали достаточно ясные указания на экспедицию генерала Эберкромби. 2) Главнокомандующий, обманувшись, рассредоточил свои войска. В ночь с 4-го на 5-е генерал Ренье получил приказ о выступлении. Он отправился в главную квартиру, чтобы выразить огорчение, которое он испытывал от этих планов. Он напомнил главнокомандующему о том, что произошло, когда 12 июля 1799 г. Мустафа-паша появился перед Абукиром. Наполеон узнал об этом 15-го, находясь в лагере у пирамид, и немедленно разослал по всей армии приказ сосредоточиться у Рахмани. «Следует взять его поведение за образец, выступить в эту же ночь, эвакуировать Верхний Египет, оставить в Каире только старослужащих солдат, больных и несколько

¹ Мену стал главнокомандующим Восточной армией после убийства генерала Клебера террористом в июне 1800 г. — Р е д.

орудий». Генерал Мену остался глух и холоден; он настоял на выполнении своих приказов; на рассвете войска двинулись в расходящихся направлениях, что противоречило всем принципам военного искусства. Один из адъютантов Мену прибыл 12 мая в Александрию, в главную квартиру генерала Ланюсса (на высоте Римлян) и стал хвалить офицерам штаба мудрые распоряжения, которые сделал его генерал, получив известие о появлении флота перед Александрией. «Мой старый генерал,— сказал он,— не дал ввести себя в заблуждение; он понял, что действительная атака будет произведена совсем не там, где ему угрожают; он позаботился о Дамiette, о выходе из пустыни и из Красного моря. Откуда бы ни показался враг, он убедится, что старый лис может заткнуть любую дыру в своем мешке». — «Боже,— воскликнул генерал инженерных войск Бертран, присутствовавший при этом разговоре,— а я-то полагал, что военное искусство состоит в том, чтобы сосредоточить все силы в важнейшем пункте, пренебрегая второстепенными; когда англичане овладеют Александрией — что станет с войсками, находящимися в Суэце, в Верхнем Египте, в Салихиях!» 3) Приняв решение сосредоточить свою армию у Александрии, Мену оставил генерала Бельяра с сильным гарнизоном в Каире, а также гарнизоны в Дамiette, в...¹ и в Верхнем Египте, поэтому он вывел на поле сражения только 12 000 человек, хотя мог бы выставить 19 000; при наличии у него лишних 7 000 человек исход сражения 21-го числа не был бы неопределенным². 4) Следовало ли ему атаковать 21-го английскую армию? Последняя имела превосходство в пехоте, но сильно уступала в коннице. Можно было опасаться, что она получит подкрепление, ибо морской путь был для нее открыт; слабым звеном английского боевого порядка, несомненно, был левый фланг. В ночь с 20-го на 21-е французской армии следовало, переменяя фронт и отведя левое крыло назад, оседлать дорогу на Каир, примкнув правым флангом к озеру Мадия, а левым — к Александрии; ей следовало также оставить на высотах перед Розеттскими воротами несколько взводов кавалерии и орудий, а также всех пехотинцев, которым была поручена защита крепостной ограды со стороны этих ворот. Едва забрезжил рассвет, армия, построенная в четыре— пять линий, должна была атаковать левый фланг противника, одновременно начав обстрел флотилии на озере из нескольких

¹ Здесь в рукописи пробел. — Прим. франц. ред. В другом месте Наполеон указывает следующие пункты, где Мену были оставлены гарнизоны: Бельбейс, Салихия, Суэц, Розетта, Лесбэ; общую численность всех гарнизонов он определяет там не в 7 000, а в 6 000 человек. — Ред.

² В сражении близ Александрии 21 марта 1801 г. англичане потеряли, по своим данным, 1 500 человек, по данным Наполеона — 2 300 человек убитыми и ранеными; потери французов составили 2 500 человек; обе армии сохранили свои позиции. — Ред.

24-фунтовых орудий. После того как левый фланг был бы отеснен, вся французская кавалерия с 18 легкими орудиями направилась бы на тылы противника, со стороны его центра и правого фланга. Атакованный сзади, лишенный коммуникаций с озером, откуда поступали боеприпасы и где находились перевязочные пункты, поставленный под угрозу лишиться также пути к отступлению и совершенно не имея конницы для своей защиты, противник оказался бы в критическом положении.

Если же генерал Мену хотел нанести удар со стороны своего левого фланга, тогда в течение ночи центру и правому флангу французской армии надлежало отойти за левый фланг, которым командовал генерал Ланюсс, оставив на прежних позициях несколько орудий, взводов кавалерии и дромадеров. Передвинувшись на край своего левого крыла, армия пошла бы на дом Птоломея и, овладев им, закрепились бы там; с первыми лучами солнца кавалерия проникла бы на тылы противника со стороны его центра и левого фланга, угрожая его коммуникациям; батареи тяжелой артиллерии следовало открыть огонь по канонеркам, поставленным на шпринг в открытом море, а также по правому флангу неприятельской армии. Подобная комбинация увенчалась бы полным успехом: холм¹ был бы взят; если бы центр и левый фланг английской армии попытались овладеть им, то этим частям пришлось бы двигаться под огнем всей французской артиллерии, в то время как французская конница и легкая артиллерия тревожили бы их с флангов и с тыла; это было мало вероятным. 5) После дела 21-го числа генералу Мену опять-таки следовало сосредоточить у Александрии все свои силы, чтобы иметь возможность дать новое сражение; он имел еще возможность собрать свыше 16 000 человек. 6) Когда в апреле месяце образовалось озеро Мареотис, генералу Мену следовало немедленно проложить через это озеро дорогу на Даманхур, используя при этом все средства, находившиеся в его распоряжении: земляные насыпи, мосты на сваях, плотках, лодках. Глубина озера большей частью не превышала 3—4 футов; у выхода с этой дамбы ему следовало построить предместное укрепление и поставить вдоль нее батареи для обороны от вражеских судов. Мосты имели важное значение, так как предоставили бы ему возможность маневрировать. 7) Когда в мае генерал Хатчинсон отправился на Нил, генералу Мену следовало с помощью обратного маневра сосредоточить свои силы у Александрии и воспользоваться разбросанностью английских сил для нападения на Римский лагерь, который оборонял генерал Кут; достаточно было, чтоб генерал Лагранж выиграл сутки. 8) В конце мая генерал Кут имел только 4000 человек; генерал Мену мог ата-

¹ Холм у Римского лагеря, на котором укрепился правый фланг английской армии. — Р е д.

ковать его с 6000 человек, успех был вероятен и стал бы решительным. 9) Генерал Мену после боя у Аль-Ханки должен был бы приказать генералу Бельяру двинуться на Террану с 10 000 человек, сам же выступить с 4000 человек и 800 верблюдами, и, достигнув озер Натрон, атаковать затем правый фланг генерала Хатчинсона в Терране, в то время как генерал Бельяр атакует его с фронта; он оставил бы в Александрии 6000 человек, чего было бы достаточно. 10) Укрепленный лагерь на высотах перед Розеттскими воротами был слишком обширен, ибо для охраны периметра требовалось 6000 человек, что парализовало армию; нужно было иметь просто три удачно расположенных форта, на расстоянии пушечного выстрела от стены, в которой находились Розеттские ворота, со рвами, наполненными водой, и гарнизоном в 1000 человек, что помешало бы противнику расположиться на холмах перед Розеттскими воротами. Генерал Мену получил бы тогда возможность укрепить Александрию со стороны Запада и привести эту сторону в состояние равновесия, создав первую линию на высоте форта Бань. Этот форт закрывает доступ в старый порт и находится в 500 туазах от озера Марейтис. 11) Надо было создать вторую линию перед этим фортом, примкнув ее слева к озеру Марейтис и связав с фортом Помпея. Этот злосчастный укрепленный лагерь со стороны Розетты и был источником всего зла...¹ 12) При этом положении вещей, которое создалось к концу августа, было бы приличнее продолжать обороняться до последней крайности; таково было бы единодушное мнение офицеров, участвовавших в военном совете, если бы их заверили, что к 15 ноября им придет на помощь новая армия или же они получают известие о подписании предварительных условий мира². Этот пример, как и тысяча других, которые можно заимствовать из истории, доказывает, что комендант крепости должен думать только о том, чтобы обороняться до последней крайности. Значит, надо было держаться, пока противник не преодолет стену Арабов, не возьмет форт Кретэн и форт Каффарелли и не пробьет бреши, пригодной для штурма, в стене Перешейка; только тогда честь была бы спасена. Только тогда капитуляция, каковы бы ни были ее условия, явилась бы славной. Чтобы быть почетным, акт капитуляции должен заключать в себе плохие условия. В отношении гарнизона, выходящего из крепости по золотому мосту, всегда существует неблагоприятная для него презумпция.

¹ Далее следует строка, написанная карандашом рукою Наполеона. Она была сильно стерта; нам никак не удалось ее прочесть. — П р и м. ф р а н ц. р е д.

² Имеется в виду подписание в Лондоне предварительных условий мира между Францией и Англией; известие об этом было доставлено в Александрию 15 ноября 1801 г. Французские войска, сосредоточенные в этом городе, капитулировали 2 сентября 1801 г. — Р е д.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ТРУДА

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ ПЕРЕД СУДОМ ЦЕЗАРЯ, АЛЕКСАНДРА И ФРИДРИХА»

ГЛАВА IX

Пруссия внезапно решается на войну

Хотя предложения о Ганновере не возымели никаких последствий, созданный ими в Берлине эффект был молниеносен. Со времени Потсдамского договора королева, принц Луи Прусский, герцог Брауншвейгский, барон фон-Гарденберг оказались во главе партии, стоявшей за войну. Они без труда увлекли за собой и короля, который смог успокоить общественное мнение лишь выгодами приобретения Ганновера за все испытанные невзгоды.

Была использована видимость вероломства для того, чтобы настроить против меня умы, причем не задавались вопросом, действительно ли я требовал Ганновера, а если и требовал, то не давал ли я за него Пруссии достаточную компенсацию. Притворялись, что видят во мне лишь недобросовестного союзника, который одной рукой отнимает то, что дал другой, и нарушителя территории, который по своему произволу распоряжался тем, что ему не принадлежало. Доходили даже до того, что публично утверждали, будто я подкупил русского посла д'Убри и будто для того, чтобы склонять его государя к заключению мира и к признанию меня как императора, я предложил ему раздел Пруссии с уступкой Варшавы великому князю Константину.

Для того чтобы вскружить головы, которые уже сами год ходили кругом, незачем было прибегать к такой нелепой басне. Пруссаки вдруг вспоминают, что они — наследники славы великого Фридриха: правительство, которое подавило взрыв, в свою очередь само подает пример этого. Король усматривает в потере Ганновера не что иное, как потерю своей монархии, последнего залога ее безопасности, личной своей части. Ему остается лишь пасть со славой или, подобно трусу, оставаться на ногах. Всеобщий клич «к оружию» раздается от Потсдамской площади до Кенигсберга. Вопрос о войне решили, не дожидаясь даже сотрудничества России; с нею заключают союз, но не желают дожидаться ее войск, ибо война чести не терпит отлагательства.

Необычайный ультиматум

За долгим оцепением следует, таким образом, рыцарский порыв. Генерал Кнобельсдорф, заменивший в парижском посольстве Луккезини, вручает мне необычайный ультиматум, который по всей форме совершенно не соответствует тому, что принято по отношению к великим державам. С меня требовалось: 1) *приступить к очищению Германии, начиная с того дня, когда король сможет получить мой ответ, и без перерывов;* 2) *выделить Везель из состава своей империи;* 3) *отправить мой ответ в королевскую ставку до 8 октября.*

Сципион перед Карфагеном, наверное, не обращался к побежденным с более властной речью. Можно было подумать, что лишь вчера произошло Росбахское сражение.

Ошибка подобного поведения берлинского кабинета была тем большей, что он был заинтересован в выигрыше времени. Если бы он потребовал у меня в более приличных выражениях эвакуации Германии к обоюдному установленному сроку, он был бы прав, а вся вина агрессии легла бы на меня.

Напав на меня в тот момент, когда у меня были трения с русскими и с австрийцами, пруссаки могли причинить мне много зла. Но то, что они собирались объявить мне войну одни и так некстати, было настолько необычайно, что я не сразу этому поверил. Тем не менее это было так; пришлось предпринять поход.

Я, конечно, знал, что расположенная на Немане русская армия неизбежно вмешается. Но для этого нужно было время: я мог успеть в Берлин до нее; к тому же я рассчитывал, что Себастиани удастся втянуть Турцию в войну, поскольку договор между Англией и Россией отдавал ей Молдавию и Валахию за ее выступление против Франции.

Не в моем характере было дожидаться недостоверного сотрудничества Селима III для того, чтобы напасть на моих противников, которые сами ставили себя в условия для нападения на них врасплох. Я приказал собрать свою армию и тотчас же выступил на Майнц.

6 октября я прибыл в Бамберг. Численность моей армии достигала 180 000 человек. Главные силы, состоящие из пяти корпусов — Бернадота, Даву, Сульта, Ланна и конницы великого герцога Бергского, собрались в Кобурге и Бамберге; моя гвардия под командой Лефевра взяла направление на Бамберг; Ожеро направился на Франкфурт, чтобы угрожать Кассельской дороге, а потом взял направо; Мортье собрал 8-й корпус на границах Вестфалии; мой брат Людовик с 15 000 галло-батавов направился на Везель; Мармон с 2-м корпусом остался в Иллирии, имея задачей прикрывать Рагузу, занимать Катарро и пр.

Позиция и план пруссаков

Пруссаки продвинулись в Саксонию и заставили курфюрста присоединить его войска к прусским. Курфюрст Гессен-Кассельский готовился сделать то же самое. Они расположились на северной стороне Тюрингенского леса. Корпус Рюхеля в 20 000 человек стоял на правом фланге в Эйзенахе. Главная армия под командой короля, помощником которого был герцог Брауншвейгский, находилась в окрестностях Эрфурта. Левая армия, вверенная князю фон-Гогенлоэ, численностью около 50 000 саксо-пруссиков, была сосредоточена в Бланкенхайне; из нее был выделен один корпус в распоряжение Тауэнцина для прикрытия крайнего левого фланга, в Шлайце.

Мои стратегические возможности

Для того чтобы перенести войну в Пруссию, я имел лишь три комбинационных возможности: я мог оперировать своим левым флангом, выйдя из Майнца и Везеля на Вестфалию, что было бы нелепо; я мог, напротив, действовать густыми колоннами в центре по Эйзенахской дороге на Кассель и Лейпциг; я имел, наконец, возможность броситься густыми колоннами с правого фланга, с тем чтобы охватить левый фланг неприятеля и через Гоф и Геру отрезать пруссаков от Берлина, как я отрезал Мака через Донаверт от Вены и Меласа от Маренго. Было очевидно, что этот последний маневр был не только наилучшим, но и самым разумным.

Ошибка неприятеля

Чтобы избежать катастрофы, пруссакам оставались на выбор лишь две возможности: броситься в середине сентября на мои рассеянные в Франконии части или, сосредоточившись в верховьях Заалы и упираясь левым флангом в австрийскую границу, выжидать меня в оборонительном порядке. Я мог бы напасть на них с фронта, но тогда они имели бы путь для безопасного отступления на Дрезден и Силезию. Они двинулись бы на соединение с русскими на Одере, и монархия была бы спасена. Они же, напротив, устремились своим правым флангом на Эйзенах, уперлись своим центром в Эрфурт и изолировали свой левый фланг в окрестностях Шлайца. Это-то мне и нужно было.

Портреты их полководцев

Став лично во главе своей армии, король откопал всех своих старых полководцев эпохи Семилетней войны и роздал им роли руководителей; герцог Брауншвейгский и Меллендорф должны

были привести армию к победе. Первый, будучи при его отце, великом Фердинанде, генералом авангарда, с тех пор сражался лишь при Кайзерслаутерне против Оша, где он ограничивался храброй защитой своего лагеря. Хороший администратор, доблестный в бою, но робкий в кабинетной обстановке, он ничего не смог предпринять за истекшие пятнадцать лет войны, хотя эти годы были богаты серьезными уроками для всякого военного, умеющего ими воспользоваться. Меллендорф, будучи не менее храбрым, был полководцем не лучшим. Возраст охладил в них достоинства, доставившие им такую репутацию, но гениальности им не дал; ибо гений никогда не является плодом ни возраста, ни опыта. Князь фон-Гогенлоэ и его правая рука Массенбах были умны и образованы ровно настолько, чтобы извлекать из войны все, что в ней есть наиболее ошибочного. Одним словом, в этом блестящем кругу потсдамских воротил не было ни одного, который понял бы мою систему настолько, чтобы судить о трех только что указанных и весьма простых предположениях и при этом сделать отсюда вывод о том, что если прусская армия осмелится перейти Заалу, я обойду ее через Кобург и Гоф. Они спешили навстречу своей гибели с непостижимым самомнением.

Эти пребывающие уже десять лет в летаргическом сне ловкачи так были уверены в оттеснении нас к Майнцу, что не приняли никаких подготовительных мер к укреплению своих передовых позиций, находящихся в нескольких переходах от наших расположений. В то время как в Келе, Касселе, Везеле я громоздил бастионы на бастионы, они не создали ни одного заграждения в Магдебурге, не установили ни одной пушки в Шпандау.

Впрочем, армия была превосходна, с замечательной выправкой и дисциплиной, с отличной артиллерией, а конница еще не совсем забыла Зейдлица и его бессмертных заветов; больше того, главный штаб был очень образован, но образован в мелочах. Таким образом, несмотря на великолепную внешность, эта армия была телом без души.

Виды герцога Брауншвейгского

Продвигая свой правый фланг до Эйзенаха, герцог Брауншвейгский рассчитывал прикрыть Кассельскую дорогу и привлечь Гессенского курфюрста, который уже набирал контингент в 20 000 человек для подкрепления армии.

Герцог рассчитывал далее перейти границы Франконии в трех точках, чтобы напасть на мою майнскую линию, где, по его мнению, я должен был оставаться для обороны. Это был странный способ суждения обо мне лично, о моей позиции и моем прошлом. Как можно было, в самом деле, думать, что полководец, устремившийся с быстротой орла на соединенные

силы Австрии и России, погрузится в сон за Майном перед изолированными силами второстепенной державы — в особенности тогда, когда у него были столь сильные мотивы для решительных действий до прибытия русских и до пробуждения австрийцев?

Узнав о моих первых продвижениях на Кобург, герцог оправился от иллюзии, доказывавшей все его простодушие; он отказался от наступления и решил сосредоточить свою армию близ Веймара и ждать нас с фронта.

Это сосредоточение было благоразумным шагом, но его следовало произвести на левом фланге, в Гофе, а не стягивать этого фланга к главным силам, оставляя неприкрытой ту самую дорогу, которая вела к моей цели.

Я завладеваю неприятельскими коммуникациями

Я вскоре принял решение, когда узнал по прибытии в Бамберг обо всем, что творилось вокруг Эрфурта. Рядовой полководец удовлетворился бы на моем месте поражением врага, но я глядел дальше: я решил уничтожить его.

Я задумал свой план так, чтобы отрезать их армию от сердца прусской монархии, обойти ее слева и утвердиться между ней и Эльбой. По существу, действуя таким образом на неприятельские коммуникации, я рисковал своими, но на это можно было идти без боязни, так как за нами было численное превосходство, а также потому, что, строго говоря, тотчас же свернув из Геры на запад, я прикрыл бы Гофскую, Нордхальбенскую и Кобургскую дороги, которые в случае неудачи привели бы меня обратно в Франконию.

Моя армия проникла в Саксонию тремя путями: справа Султ, Ней и одна баварская дивизия двинулись из Байройта через Гоф на Плауз; в центре великий герцог Бергский, Бернадот и Даву шли из Бамберга через Кронах на Заальбург; слева Ланн и Ожеро, выступив из Швайнфурта, взяли направление через Кобург и Граффенталь на Заальфельд.

Первая схватка произошла 8 октября. Один прусский отряд, желавший защищать Заалу у Заальбурга, был сбит великим герцогом Бергским; на другой день моя центральная колонна, следуя по своему пути, натолкнулась в Шлайце на корпус Таэнцина. Бернадот атаковал его и одержал победу, которая мало кем оспаривалась.

Мой левый фланг начал так же успешно. 10 октября Ланн атаковал у Заальфельда авангард армии Гоенлоэ, которой командовал принц Луи Прусский. Противник был разбит и потерял тысячу человек и тридцать пушек. Принц Луи, молодой человек, подававший большие надежды, не желая пережить позор поражения, сознательно пошел на смерть: он жил храбрым рыцарем и умер героем. Будучи сначала моим поклонни-

ком, он стал потом моим заклятым врагом, так как считал меня опасным для Пруссии. Он был введен в заблуждение своим патриотизмом, и, несмотря на все то, что он сделал против меня, я с удовольствием воздаю ему должное.

Я ждал большого сопротивления. Воспоминания о Фридрихе, Зейдлице, Лейтене, Праге внушили мне самое высокое мнение об этой армии, и я сказал одному из своих офицеров в Майне, что этот поход не будет похож на Ульмский, что здесь придется приложить руки. Первые победы вывели меня из заблуждения: они были хорошими предзнаменованиями для похода. Я почувствовал тогда, что невысоко ставлю прусскую армию, которая не обнаруживала достаточной выдержки перед лицом крупной неудачи.

Решительный маневр

Сразу же после выступления нам удалось охватить левый неприятельский фланг, упредив его 12 октября в Гере. Нужно было отрезать его полностью. Для этой цели мой левый фланг послужил стержнем для полного перемещения всей моей армии. 13 октября мы заняли следующую позицию: Даву, Бернадот и Мюрат с одной лишь легкой конницей перешли в Намбург, где мы завладели значительными складами, предназначенными для прусской армии; Сульт находился на пути из Геры на Иену; Ней — в Рода; Ланн — в Иене; Ожеро — в Келе; одна баварская дивизия была моим соседом справа, утвердившись в Плауэ.

Прежде чем покинуть Геру, я 12 октября написал Фридриху Вильгельму, предложив ему мир. Отвезти это письмо я поручил своему офицеру-ординарцу Монтестью. Этот шаг был плохо встречен. Если верить князю Гогенлоэ, Монтестью был арестован аванпостами ночью 13-го, так как путешествовал один и без обычных для парламентариев предосторожностей. Гогенлоэ оставил его у себя, отправив письмо королю, который получил его лишь в самый разгар боя. Приходится признать, что было несколько поздно и трудно избежать войны. Но когда я писал это письмо, я рассчитывал на две возможности: король или доверится мне и подпишет все, или же будет упорствовать в своем решении победить или умереть, принятом еще при выступлении из Берлина. И в одном, и в другом случаях он будет колебаться вечером 13-го и утром 14-го, и у него не будет времени, чтобы решиться на ночной форсированный марш, чтобы избежать атаки с тыла. Эта военная хитрость позволительна. Я прикинулся сторонником мира, не переставая преследовать свою цель. Это письмо было не худшим из маневров этого похода; если бы король получил его, как я рассчитывал, 13-го, это не мешало ему двигаться со всей своей армией на Фрейбург независимо от того, принял

бы он мир или нет. Следовательно, его военное и политическое спасение зависело от него самого. Одной уж даты этого написанного в Гере письма было достаточно, чтобы убедить его в необходимости ускорить свой отход и выйти из затруднительного положения, дав, однако, на это письмо ответ.

Сражение при Иене

Неприятель, сосредоточенный в окрестностях Веймара, понимал мои маневры лишь после того, как они удавались. Но увидя, наконец, что мы стали хозяевами дороги от Веймара на Лейпциг и завладели его складами в Наумбурге, он решил отступить, чтобы достигнуть Эльбы ранее нас.

Вечером 13-го король и герцог Брауншвейгский с главной армией двинулись на Зульцу. Князь фон-Гогенлоэ, имея задачей прикрывать это движение, остался близ Капеллендорфа на высоте Иены. Поддержкой ему служил корпус Рюхеля, который отступил к Веймару. Я был далек от мысли предоставить неприятелю время для того, чтобы он мог ускользнуть. Захватив уже его коммуникации, я решил произвести его разгром, дав ему сражение.

Хотя Иенское ущелье, через которое нам приходилось двигаться, было весьма трудно, оно не было препятствием для нас, прошедших Сен-Бернар и де-Барскую скалу. Оттеснив авангард Тауэнцина к Иене, Ланн имел смелость взобраться на гору Ландграфен и стать на ее вершине лицом к лицу с прусской армией, которую я обнаружил в ее расположении по трем линиям. Я не знал, что она разделилась: я думал, что она сражалась, по системе Фридриха, вместе. Я ускорял движение своей гвардии и заставил ее взобраться в 10 часов вечера по очень крутой тропе на Клозевицкое плато, так как нужно было устроить себе как бы предмостное укрепление для того, чтобы взобраться на гору и выбраться из этой пропасти. Сульц следовал за нами по пятам. Ночью он прибыл к моему правому флангу, Ожеро — к левому. Ней расположился биваком в Роде.

Распоряжения о сражении

Считая, что вся армия короля сосредоточена в этой точке и что ее левый фланг простирается в сторону Апольды, я приказал Бернадоту двигаться на Дорнбург, а Даву — направиться от Наумбурга по левому берегу Завалы на Апольду, чтобы устремиться на оконечности неприятельской линии и напасть на нее с тыла. Мюрат со своей легкой конницей соединился со мной в Иене. При моих предположениях эти распоряжения были правильны. Если бы я знал, что прусский король хочет

прорваться через Наумбург и что Бернадот туда уже прибыл, я не оставил бы Даву одного выдерживать удар главных сил неприятеля и не послал бы Бернадота в Дорнбург, где он не был нужен ни мне, ни Даву.

14-го на заре завязался бой. Ночь была холодна. Густой туман застилал горизонт; в двух шагах ничего не было видно; для нас это было вдвойне хорошо, так как неприятель не мог открыть, что мы еще не на плато. В 8 часов я сел на лошадь и, проезжая по фронту дивизии Сюшэ, обратился к его батальонам, со следующими словами: «Солдаты! Эта столь гордая прусская армия такова же, как и армия Мака при Ульме. Она сражается только для того, чтобы открыть себе проход. Корпус, ее пропустивший, покроет себя позором!» Авангард князя фон-Гогенлоэ был выбит Ланном из ущелий, вход в которые он еще занимал. Мы расположились в Лютцероде и Клозевице. Услышав шум боя, Гогенлоэ поднял свой лагерь в Капеллендорфе и двинулся нам навстречу на Фирценгейлиген.

В течение двух часов я довольствовался этим небольшим успехом, ограничиваясь тем, что поддерживал сражение до прибытия моей конницы и трех корпусов, которых я ждал. Движимый прискорбным избытком усердия и недовольный своим резервным положением позади Ожеро, Ней бросился один с 3000 отборных людей в атаку на всю прусскую линию при Фирценгейлигене: в течение часа он выдерживал всю силу неприятельского огня и заставил меня поддержать его Ланном. Эта преждевременная атака вызывала во мне тем большую досаду, что я все еще предполагал, будто вся армия короля находится в этом пункте. Когда же колонны Сульта и Ожеро, наконец, вышли, а вместе с ними и главные силы Нея, я дал знак к решительному удару. Герцог Далматский устремился на левое крыло Гогенлоэ, Ней и Ланн — на центр в Фирценгейлигене, Ожеро — на Изерштедт.

Ни на одну минуту нельзя было сомневаться в победе: вся линия пруссаков была сломлена и была обращена в беспорядочное бегство. Рюхель, прибыв из Веймара со своим запыхавшимся резервом, не сумел даже заметить, что дела были слишком плохи для того, чтобы можно было улучшить их его 20 000 человек. Вместо того чтобы ограничиться прикрытием отступления князя Гогенлоэ, он неблагоразумно вступил в бой с главными силами моей армии и, имея возможность напасть на нас с фланга, бросился на нас с фронта. Он был опрокинут и сам был тяжело ранен. Его поражение лишь увеличило потери неприятеля. Деятельно преследуемые беглецы были отброшены за Ильм, который они перешли ниже Веймара. Этот город был занят нашими войсками в вечер того же дня, в шести лье от места начала боя.

Сражение при Ауэрштедте

В то время как мы одерживали победу у Иены, Даву одерживал при Ауэрштедте не менее замечательные успехи против армии короля. Последняя выступила накануне, чтобы занять Наумбург и Фрейбург. Открывавшая движение дивизия Шметтау продвинулась до Гернштедта, а ее разведчики, достигшие Кезенского ущелья, взяли в плен нескольких разведчиков Даву. Герцог Брауншвейгский, узнав о наличии корпуса этого маршала в Наумбурге, продолжал думать, будто это лишь партизанский отряд; вместо того чтобы в тот же вечер продвинуть Шметтау до Кезена, он оставил его на старых позициях, а две другие дивизии и дивизию резерва расположил биваком между Эберштедтом и Ранштедтом. Главный штаб находился в Ауэрштедте. О том, какая участь угрожала армии, подозревали так мало, что сама королева оставалась там с непостижимой беспечностью; король с трудом уговорил ее вернуться в Веймар.

Грубая ошибка герцога Брауншвейгского

Герцог же Брауншвейгский, уведомленный о наличии корпуса наших войск в Наумбурге и хорошо зная, что одна дорога ведет от Кезенского плато непосредственно во Фрейбург на Унштруте, рассчитывал занять этот город без усилий. Он приказал дивизии Шметтау занять к завтрашнему дню высоты Кезена и прикрывать марш четырех других дивизий, которые за ней пройдут. Этим путем можно было бы легко ускользнуть, если бы Даву оставался неподвижно в Наумбурге. Но если бы даже армия короля и спаслась этим скрытым маршем, то что случилось бы с князем Гогенлоэ, которого бросили с его 50 000 человек посреди моей армии? Если они хотели тайком выбраться из ловушки, им следовало, по крайней мере, предписать Гогенлоэ двигаться ночью со своей пехотой на Зульцу, чтобы соединиться там с королем и тем поднять шансы операции. Это было единственное средство спасти армию от того разгрома, который ей угрожал. Дивизия Тауэнцина и вся конница Гогенлоэ остались бы в капеллендорфском лагере для маскировки марша, а опасности подверглись бы в крайнем случае десять батальонов Тауэнцина, да и те могли бы с наступлением дня выйти на Эрфуртскую дорогу или даже последовать за королем по Экартсбергской дороге.

Ясно, таким образом, что герцог Брауншвейгский великолепно умел поставить армию в затруднительное положение, но не был в состоянии вывести ее оттуда.

Армия короля двинулась на заре; туман, о котором речь была выше, затруднял и замедлял движение. Тем не менее дивизия Шметтау, прибыв к Хассенгаузену, наткнулась на дивизию Гюдена, которую Даву отправил ночью для того, чтобы

днем мог состояться выход из Кезенского ущелья. Часом позднее все было готово; наши войска, сгрудившись в ущельи, никогда не смогли бы иначе выйти оттуда и кончили бы плохо.

Вернувшись накануне из разведки и получив мои приказы к двум часам утра, Даву предложил Бернадоту идти с ним через Кезен на Апольду и даже передал ему командование двумя корпусами. Приказ принца Нефштательского, адресованный Даву, действительно гласил, что в случае прибытия к последнему первого корпуса они могут двигаться вместе; но Бернадоту эта фраза не была повторена, и он, проявляя чрезмерную точность, понял в буквальном смысле приказ о движении на Дорнбург. Все, что ему говорил коллега, оказалось бесполезным, и он действительно направился на Камбург. Это непонятное упорство чуть не погубило Даву и исход сражения, как мы это скоро увидим.

Король Пруссии лично отправился в дивизию Шметтау, но так как туман мешал ему разглядеть все, что происходило, то он поручил Блюхеру выйти вперед с 2500 сабель и атаковать войска, которые появятся на плато. Как раз в это время Гюден прибыл со своей колонной к Хассенгаузену. Наша легкая конница столкнулась лицом к лицу с превосходящей ее конницей Блюхера и была отведена, но бригада Готье сумела вовремя построить свои каре. Король приказал атаковать их. Артиллерия, установленная на шоссе и поддержанная пехотой, свела на нет все усилия Блюхера и его эскадронов.

Это неожиданное сопротивление испугало герцога Брауншвейгского; он хотел ввести армию в бой и выждать рассеяния тумана. Старик Меллендорф уверял, что у нас нет ничего, кроме летучего отряда, который нужно столкнуть в Кезенскую долину. Разделяя это мнение, король приказал дивизиям Вартенслебена и принца Оранского пересечь Ауэрштедтскую долину. Поскольку они решились взять инициативу в свои руки, было большой ошибкой, что это ущелье не было пройдено ночью; в этом случае прусская армия подошла бы в сформированном виде к нашим колоннам на марше.

Вартенслебен, который вышел первым, построился на правом фланге и атаковал левый фланг Гюдена. В то же время Блюхер, продвинувшись до Пунхерау, оказался в тылу нашего правого фланга и атаковал его со всем натиском, который позволял несколько рассеявшийся туман. Минута была решающая. Даву, расположив свои каре в шахматном порядке и поддержанный Гюденом, с одной стороны, и героической выдержкой своей пехоты, с другой, отбил ряд последовательных атак. Под Блюхером была убита лошадь. Его эскадроны всюду наталкивались на железный фронт и на убийственный огонь, который косил наиболее храбрых, и вся эта конница в беспорядке двинулась по Экартсбергской дороге.

Прибытие дивизии Фриана, которая заняла место на правом фланге, довершило успех в этой точке. Освободившись с этой стороны, Гюден вскоре подвергся нападению на правом фланге со стороны войск Вартенслебена. Шметтау, который потерял уже половину своих людей, был поддержан с обоих флангов принцем Оранским.

Было девять часов. Герцог Брауншвейгский решил предпринять общую атаку против нашего левого фланга и сам стал во главе дивизии Вартенслебена. Непокколебимый Гюден твердо выдержал этот новый натиск, несмотря на резкое несоответствие в численности войск. Атака шла вяло, хотя и храбро. Пруссаки слишком старались сохранять равнение и дистанции, как на параде. Наши солдаты, укрываясь за заборами, канавами, деревьями и садами, окружавшими Хассенгаузен, пронызывали их пулями. Многие батальоны дрогнули, а герцог Брауншвейгский, желая их увести, был смертельно ранен; та же участь постигла Шметтау. Под Вартенслебеном была убита лошадь. Лишенная своих начальников, прусская линия заколебалась, остановилась, но не отступала. Гюден уже слабел, когда на плато появилась дивизия Морана и направилась на наш левый фланг. Это мощное подкрепление свежими и бодрыми войсками решило исход. Отброшенные от Хассенгаузена, пруссаки все же не удержались в тылу. Король решил предпринять на наш левый фланг конную атаку, подобную той, которая так плохо удалась Блюхеру днем. Принц Вильгельм храбро произвел несколько атак против войск Морана, расположенных в каре батальонами в шахматном порядке. Доведенная до упрямства самоотверженность этого принца несколько раз разбивалась о страшное сопротивление, которое оказывали наши храбрые пехотинцы. Останавливаемый скрещенными штыками, расстреливаемый в упор, обстреливаемый нашими батареями, сам раненый, принц не мог остановить беспорядочного бегства своих эскадронов, которые устремились отчасти на Нейзульцу, отчасти — на Ауэрштедт.

Фриан, со своей стороны, проник до Таухвица, обошел левое крыло принца Генриха и оконечность неприятельской линии.

Как только Моран освободился от кавалерийской атаки, он устремился на Рехаузен. Король всюду находился в разгаре атак, и под ним уже одну лошадь убили. Этот государь проявлял столько же хладнокровия, сколько и храбрости. Часть своего резерва он бросил на наш левый фланг, но так как он был разбит с фланга артиллерией и пехотой, которые Даву вывел на Зоненберг, он уже не был в состоянии продолжать бой и помешать Морану овладеть Рехаузенем. В прусскую пехоту стали проникать беспорядок и смятение.

Тогда Даву решил, что наступил момент нанести решительный удар. Высоты Экартсберга командовали над левым флан-

гом неприятеля. Овладеть ими значило захватить и тактический, и стратегический пункты поля сражения, потому что это значило овладеть прямой дорогой на Фрейбург и закрыть последнюю линию для неприятельского отступления. Дивизия Гюдена направилась туда через Таухвиц и Гернштедт, а дивизия Фриана — через Лиздорф. Ничто не могло устоять против натиска их удара. Старый Меллендорф, раненный выстрелом, передал командование Калькрейту, но так как его последнее резервное ядро не могло остановить экартсбергской атаки, не было уже ни малейшей надежды на продолжение боя. Его войска прошли довольно глубокую Ауэрштедскую долину в беспорядке.

Не зная о поражении князя Гогенлоэ, король приказал отступить на Веймар. Разгром его армии был бы полным, если бы Бернадот выполнил то, что он мог сделать, хотя бы наполовину. Отправившись в три часа утра из Наумбурга и прибыв в Камбург около шести часов, он мог еще выйти оттуда на Зульцу, атаковать короля и отрезать ему все пути к отступлению. Но он предпочел продолжать свое движение на Дорнбург, где Заальская долина гораздо труднее для перехода, а потому достиг окрестностей Апольды лишь к ночи. Тем не менее его неожиданное появление на этих высотах, прикрывающих на некотором расстоянии Веймарскую дорогу, и встреча с бегущими отрядами корпуса Гогенлоэ довершили отчаяние прусских войск, которые рассеялись во все стороны.

В разгар этой катастрофы король получил письмо, которое я отправил ему 12-го из Геры через Монтескую, чтобы избежать войны. Луч надежды проник в его разбитое сердце. Он послал мне своего адъютанта, графа Денгофа, с предложением о перемирии. Но я, находясь на столь прекрасном пути, остановиться уже не мог: молниеносно начатая война должна была повергнуть Пруссию к моим ногам. Я мог вести переговоры только в Берлине.

Таков был исход знаменитого Ауэрштедтского сражения. Фридрих Вильгельм мог сказать, как Франциск I: все потеряно, кроме чести. Хотя он был разбит войском, наполовину меньшим по численности, он мог приписать это лишь неопытности своих войск и полководцев. 324 убитых или раненых офицера, 10 000 выведенных из строя солдат, раненые или убитые маршалы герцог Брауншвейгский и Меллендорф, принц Вильгельм, генералы Шметтау и Вартенслебен свидетельствуют о том, что если маневрировали они плохо, то сражались героически.

Одна лишь дивизия Гюдена потеряла выбывшими из строя 3500 солдат и 130 офицеров — потери огромные, так как это была половина всего состава. Это — лучшее доказательство бесстрашия и выдержки, которые она противопоставляла непрерывному натиску неприятеля; Даву и все его солдаты со-

перничали друг с другом в доблести и завоевали неоспоримое право на восхищение военных и потомства. Ни один день революционных войн не ознаменовался сражением, которое велось бы столь неравными силами и в то же время завершилось бы столь блистательным успехом. Я с трудом верил донесениям Даву, считая их сильно преувеличенными, и лишь прусские донесения убедили меня в умеренности их тона. Эту победу он купил ценой крови семи тысяч храбрецов, но, к счастью, доброе их число оказалось лишь легко ранеными, и более половины их вернулось в строй.

Необычайные последствия этих двух побед

Ночь, которая последовала за этим двойным сражением, оказалась для пруссаков не менее роковой, чем самое сражение. Армия короля, выйдя в беспорядке на Веймарскую дорогу, натолкнулась близ Бутельштедта на беглецов армии Гогенлоэ. Паника достигла тогда высшей точки. Князь Гогенлоэ прибыл в Фиппах почти один. Для подготовки отступления ничего не было сделано. Когда умеют выигрывать сражения, подобно мне, едва ли простительно не давать указаний на случай отступления; ибо это — величайшая ошибка, какую может допустить полководец. Он, конечно, не должен оглашать своих указаний, но он должен предусмотреть соединение с теми частями, которые могут быть тут же отрезаны.

Два начальника вышли из строя, третий бежал. Никто этой беде помочь не мог. Части налетали друг на друга, смешивались, сбивались в кучу, рассеивались; никто еще не видел столь плачевного зрелища, — разве лишь в ту ночь, которая последовала за битвой при Ватерлоо. Одни следовали по Эрфуртской дороге, другие — по Колледской; главные силы достигли Семерды, но в ужасном беспорядке.

Прибыв из Колледы в Вайсензее с 6000 сабель, Блюхер застал там уже драгунскую дивизию Клейна и бежал, уверив последнего, что перемирие заключено.

Калькрейт, теснимый у Грейсена корпусом Сульта, хотел пустить в ход ту же военную хитрость, но был атакован и опрокинут; он добрался в отчаянном состоянии до Зондерсгаузена. Там к остаткам его войск и присоединился Гогенлоэ.

Меллендорф, бежавший с 6000 солдат и 6000 раненых в Эрфурт, был там окружен Мюратом и Неем. Губернатор этого пункта, имевший возможность хорошо защищаться, капитулировал на следующий день и сдал даже две прекрасных крепости, которые командовали над этим пунктом.

Распоряжения, которыми следует воспользоваться

Таким образом, один единственный день решил участь прусской монархии. Мы захватили уже 60 знамен, 200 полевых пу-

шек, 25 000 пленных. Однако, чтобы не давать противнику опомниться и перестроить свои силы, нельзя было давать ему передохнуть ни минуты. Я и принял соответственные меры.

Хотя герцог Брауншвейгский обнаруживал желание сосредоточить свои силы, он ничего в этом отношении не сделал или сделал настолько плохо, что его армия была застигнута врасплох. Тогда как одна половина погибла при Иене, а другая была разбита во время движения на Фрейбург и Наумбург, два других корпуса под командой герцога Веймарского и генерала Вининга двинулись от Тюрингенского леса к Эйзенаху; четвертый, численностью в 14 000 человек, образовал резерв под командой герцога Вюртембергского в Галле.

Молниеносный удар, только что поразивший армию в таком положении, должен был иметь тем более тяжелые последствия, что, не имея уже начальников,— а сам король должен был спешить с занятием столицы и Одера,— каждому корпусу приходилось заботиться о том, как бы самому спастись. Бюлов мог бы найти здесь прекрасный образец эксцентрических отступлений.

Гогенлоэ и Калькрейт бежали через Гарц на Магдебург. Первый должен был принять там верховное командование, собрать все, что он мог найти, и двинуться на Одер к Штеттину. Но ему пришлось обогнуть Магдебург, а так как господами положения были мы, то мы могли упреждать его всюду, если только не представится непреодолимое препятствие при переходе через Эльбу. В то время как Мюрат, Сульт и Ней преследовали его на Нордгаузен, где атаковали его арьергард, я с Бернадотом, Ланном, Даву, Ожеро и своей гвардией отправился по Дессауской дороге, чтобы перейти Эльбу, направиться на Берлин, отрезать неприятеля от Одера и завладеть как его столицей, так и его коммуникациями. Результат этих переходов, хорошо задуманных и молниеносно быстрых, должен был бы снискать благосклонность в глазах хулителей моей славы; но как требовать, чтобы слепцы оценивали по достоинству мою стратегическую систему, если сам герцог Брауншвейгский так плохо о ней отзывался?

Бой у Галле

17 октября Бернадот встретил в Галле резервный корпус герцога Евгения Брауншвейгского. Этот принц только что узнал из косвенных источников об Иенском сражении такие ужасные подробности, что не смел поверить этому. Он ожидал 2000 человек, которые шли из Магдебурга через Зандерлебен по левому берегу Заалы. Потому ли что он был застигнут врасплох или потому, что он не решался разрушить Заальский мост до прибытия этого отряда, дивизия Дюпона атаковала его с такой силой, что у него не было времени закончить

свои распоряжения о движении на Магдебург, как он собирался сделать.

Напасть на батальоны, оставленные на Заальском мосту, и смять их было для наших войск делом четверти часа. Главные силы прусского корпуса, расположенные за городом, имели еще глупость пожелать войти в город и отбить его. Завязался весьма жаркий бой. Дюпон вышел через Лейпцигские ворота, поддержанный Риво и конницей Тилли, которые атаквали неприятеля со стороны Неймарка и захватили Магдебургскую дорогу. Неприятель не мог долго устоять против превосходных сил Бернадота. Последний, чтобы довершить свою победу, попытался перерезать Дессаускую дорогу. Герцог сделал попытку спасти свою последнюю коммуникацию; это ему удалось, и он отступил, деятельно преследуемый колоннами Дюпона и Риво. Он перешел Эльбу у Дессау и, не вполне сжегши мост, достиг потом Магдебурга, ослабленный потерей 30 пушек и 5000 человек. Полк, который шел по левому берегу Заалы, будучи окружен со всех сторон в Крольвицком ущелье Друэ и конницей Тилля, также попал в плен.

Эта борьба 12 000 пруссаков против превосходных сил Бернадота облегчалась высоким качеством пункта, но она все же делает честь его защитникам. Герцогу следовало скорее послать полку, который он ждал, приказ бежать во что бы то ни стало в Магдебург. Тогда он был бы в состоянии перерезать заальские мосты и в полной неприкосновенности отправиться по Дессауской и Вюртембергской дорогам, чтобы полностью разрушить эльбские мосты и закрыть проход. Это задержало бы наше движение на два или на три дня и спасло бы как корпуса Гогенлоэ и Блюхера, так и Штеттин.

Я двигаюсь на Потсдам и Берлин

В то же самое время Даву, вступивший 18-го в Лейпциг, взял направление на Виттенберг, а мой главный штаб за ним последовал. В этом богатом городе были захвачены большие количества английских товаров. Ланн двинулся на Дессау; Бернадот спустился по Заале до Бернбурга и Ахерслебена и получил приказ навести мост на Цербст, чтобы отрезать корпус, только что им разбитый, но укрывшийся под Магдебургом. Ланн приказал починить дессауские мосты, и Даву, за которым следовал Ожеро, 23-го вступил, не встречая сопротивления, в Виттенберг. Находившийся там небольшой прусский отряд неумело поджег мост, но не сжег его. Мы тотчас же отправились на Потсдам, в который вошли 24-го.

Посещение кабинета Фридриха Великого

Поднимаясь по ступеням дворца Фридриха и обозревая в Сан-Суси все места, которые обессмертил этот великий ко-

роль, я не мог отделаться от какого-то трудно передаваемого чувства. Семь лет он сопротивлялся половине всей Европы, а за 15 дней его монархия пала перед моими орлами: таков ход дел в зависимости от того, какие обстоятельства и какие люди управляют судьбами народов. Я нашел в его кабинете пюпитр для нот и другой пюпитр, на котором лежало «Военное искусство» Пюисежюра. Книга была открыта на главе, озаглавленной «О ношении шпаги»; он, конечно, читал не эту главу. Я чрезвычайно удивился, найдя там также нагрудный знак, меч, португезу и большую ленту его орденов, которые он носил в Семилетнюю войну. Подобные трофеи стоили 100 знамен, а то, что о них забыли, свидетельствовало о хаосе и оупении, охвативших всю Пруссию при слухах о катастрофе, которая постигла их армию. Я их тотчас же послал в Париж для передачи в «Дом инвалидов». Многие из этих старых солдат были современниками позорного поражения при Росбахе. Я гордился тем, что посылал им доказательства своего блистательного возмездия.

25 октября Даву вступил в Берлин, где мы нашли великолепный арсенал и громадные запасы. Наш переход был настолько стремительным, что столица имела лишь одно единственное сообщение из армии и находилась, так сказать, а том самом состоянии, в котором король, уезжая, ее оставил. Увезли, правда, бумажный хлам из архивов, но оставили все орудия войны. В тот же самый день крепость Шпандау, которую неблагоприятно оставили безоружной, сдалась маршалу Ланну. В арсенале нашли 80 пушек и 1200 человек гарнизона. Во главе своей гвардии я отправился в Шарлоттенбург на поддержку Ланну и оставался там в течение 27-го, чтобы дать указания о преследовании корпуса Гогенлоэ.

Мое вступление в Берлин

Я вступил в Берлин 28-го. Я побывал уже триумфатором в Милане, в Каире, в Вене, но, признаюсь, нигде меня не встречали так горячо, как у тех самых пруссаков, которые так громили меня в своих речах, не давая себе труда дать мне оценку. Меня приняли скорее как освободителя, чем как победителя. Буржуазный класс, столь многочисленный и столь почтенный в германских государствах, видел во мне в сущности защитника своих принципов, которые восторжествовали в революции. Враждебно относясь к устремлениям знати, этот класс не принимал никакого участия в тех дворянских выходках, которые вызвали войну.

Гогенлоэ покидает Магдебург, чтобы отправиться в Штеттин

Сражения при Иене и при Ульме должны послужить когда-нибудь уроками, на которых полководцы могли научиться

искусству вовремя соединять свои силы и потом, после удара, разъединять их. Разгром прусской армии был настолько необычен, что для его объяснения мне приходится войти в некоторые подробности.

В то время как я двигался на Берлин, Мюрат, Сульт и Ней преследовали остатки прусской армии до Магдебурга. Король, справедливо рассудив, что положение отчаянное, вышел на Одерскую дорогу, передав верховное командование князю Гогенлоэ и поручив ему реорганизовать армию тут же, под пушками этого важного пункта. Это было невысказано, если только не допускать осады, которая была бы неизбежна. Сульт преследовал его с такой стремительностью, что прусский аррьергард едва только входил в расположение лагеря под Магдебургом, как дивизия Леграна ворвалась туда вместе с ним и вызвала в этом пункте величайшее смятение.

Здесь князь Гогенлоэ узнал об исходе сражения при Галле и о моем продвижении на Дессау и Виттенберг. Он еще надеялся на то, что сожжение эльбских мостов даст ему возможность добраться до Штеттина раньше нас. Мы только что видели, что эти мосты в исправном виде перешли в наши руки.

Оставалось одно из двух. Во-первых, можно было реорганизовать и перестроить армию в 50 000 человек под прикрытием Магдебурга, всячески выдерживать кампанию по обоим берегам Эльбы и выжидать последствий прихода русских на Одер, будучи готовыми в случае необходимости войти в укрепленный пункт; для этого нужны были большие количества продовольствия и обмундирования, но не было ни того, ни другого. Во-вторых, можно было броситься на Сульта и проложить себе путь в Ганновер, чтобы соединиться с дивизией генерала Леккока и сражаться в Вестфалии до последней возможности. Третий выход заключался в том, чтобы, не теряя ни минуты, добраться до Штеттина. Гогенлоэ предпочел последнее, что при данном положении вещей было наиболее благоразумным.

Гогенлоэ рассчитывал выйти из Магдебурга с 68 батальонами и 159 эскадронами, включая сюда и те, которые были приведены принцем Вюртембергским из Галле и предназначались для прикрытия марша. Беспорядок был, однако, настолько велик, что Калькрейт, вместо того чтобы эшелонировать свою многочисленную конницу на правом берегу, расположил ее на левом берегу Эльбы до Зандау¹, а для охраны Магдебурга было по ошибке оставлено 52 батальона штатного состава вместо 26 батальонов уменьшенного состава.

Из Магдебурга ведут на Одер две дороги: лучшая и самая прямая из них — Берлинско-Бранденбургская, другая ведет се-

¹ Один прусский историк обращает этот упрек к Калькрейту; другие говорят, что эту конницу отвел на Зандау, в 15 км ниже Магдебурга, Блюхер.

вернее через Ратенау, Руппин, Цеденик, Пренцлау и Штеттин. Князь не мог отправиться по первой дороге, не встретившись с нашими колоннами, выходящими из Виттенберга на Потсдам. Выбрав вторую дорогу, он шел впереди своей конницы, двигавшейся из Зандау на Нейштадт, и отдалял момент, когда мы могли его настигнуть. Ничего другого он выбрать не мог, но ему надлежало прибегнуть к наилучшим средствам для выполнения этого плана и двигаться быстро и дружно.

Штеттинская дорога, по которой он шел, сходится в Цеденике с Ораниенбургской, по которой шел я. Нужно было всячески торопиться, чтобы он не достиг Ораниенбурга со своими главными силами и в особенности со своими многочисленными эскадронами. Его прибытие туда ранее нас было тем более вероятно, что Мюрат следовал за ним по пятам через Гарц и только что через генерала Бельяра потребовал у него сдачи. Как можно было предполагать, что французские войска, разбросанные между Гальберштадтом и Магдебургом, войска, которым предстоял переход через Эльбу, придут в Цеденик ранее князя Гогенлоэ? И все же это произошло, так как Мюрат быстрыми переходами достиг Цеденика раньше колонн Ланна, которые открывали мое движение.

Его грубые ошибки

Выйдя из Магдебурга, князь Гогенлоэ 23 октября направился тремя колоннами на Ратенау во главе 28 батальонов и около 30 эскадронов. Главные силы конницы перешли Эльбу пониже и соединились с ним близ Нейштадта. Блюхер принял командование корпусом герцога Вюртембергского, предназначенным для арьергарда.

25-го Гогенлоэ имел, таким образом, в своем распоряжении 50 батальонов и 160 эскадронов. Но вместо того чтобы двигаться плотной сомкнутой массой и располагаться на биваке, организуя доставку продовольствия населением и прусскими властями, он решил разбрасывать свои войска по деревням на постой и этим нелепым рассеиванием довершил беспорядок и отсутствие дисциплины. Эта система была тем более непонятна, что приходилось быть готовым к тому, чтобы прокладывать себе путь с оружием в руках, и что в подобных случаях нельзя передвигаться этапным порядком.

В довершение всего, вместо того, чтобы пустить свою многочисленную конницу на правый фланг, с тем чтобы прикрыть свое движение от нас, он бросил ее на крайний левый у Витштока; пехота же направилась в Ней-Руппин, а слабый авангард под командой Шимельпфенига — в Цеденик.

Этот город, расположенный, как сказано, у разветвления взятой мною дороги, был, следовательно, решающей точкой,

которой нужно было достигнуть раньше нас; а так как авангард туда прибыл, то и остальная часть корпуса могла бы быть, если бы отданы были лучшие распоряжения.

Сдача Шпандау

Состоявшаяся в тот же день (25-го) сдача Шпандау приобрела особое значение в связи с приближением корпуса Гогенлоэ. Бернадот, получивший сведения о его марше на Бранденбург, тотчас же уведомил меня об этом и двинулся в направлении Фербелина и Креммена.

Указания о разгроме Гогенлоэ

Великий герцог Бергский, которому, в связи с прибытием неприятеля в Магдебургскую крепость, нечего было делать в окрестностях этого города, получил приказ быстро направиться на Бальби или Дессау, чтобы перейти там Эльбу. Он проделал это с такой быстротой, что прибыл в Шпандау в момент его взятия и тотчас же направился через Ораниенбург на Цеденик. Ланн, который должен был за ним следовать, дошел 26-го лишь до Ораниенбурга.

Ожеро и Даву я держал в окрестностях Берлина на тот случай, если бы неприятель, убегая от других корпусов, напал на наш тыл. Первый охранял важный мост из Нейбрюка на Гавель; второй должен был бросить свою легкую кавалерию до Одерберга.

26-го, узнав о наличии наших войск в Ораниенбурге, князь Гогенлоэ принял запоздалое решение о формировании марша путем перехода со своей пехотой через Гранзее в Цеденик, а на следующий день — в Пренцлау, чтобы 28-го достигнуть Локницкого ущелья близ Штеттина, где он мог бы, наконец, укрыться. Конница должна была взять то же направление через Витшток и Вольдек.

Гогенлоэ упрежден в Цеденике, на прямом пути в Штеттин

Прибыв в Гранзее, Гогенлоэ получил неожиданное известие о том, что генерал Шимельпфениг опрокинут у Цеденика конницей великого герцога Бергского и в беспорядке бежал на Пренцлау. Было смешно терять свою прямую коммуникацию из-за кавалерийской стычки, когда 10 000 прусских сабель шли без всякой пользы на Витшток.

Отчаявшись в возможности проложить себе путь, Гогенлоэ решил тогда, сделав крюк через Фюрстенберг и Лихен, достиг-

нуть Бойценбурга¹, где ждать Блюхера и части кавалерийской колонны, которую он взял к себе для пополнения убыли в коннице после исчезновения Шимельфенига. Эта мысль была нелепа, так как наши войска направлялись по прямой и более короткой Тэмплинской дороге, и следовало, конечно, ждать их во главе колонны, причем их скорее всего могли поддержать армейские корпуса, прибывшие в Берлин первыми (Ланн и Даву).

Как бы то ни было, Гогенлоэ прибыл в Лихен 27-го, напрасно прождал там Блюхера, который, будучи слишком поздно осведомлен об этом вынужденном переходе, не перешел Ганцера. Не соединилась с ним также и конница, которую он ждал, а так как ему нельзя было терять времени, то он продолжал свой путь на Бойценбург.

Мюрат снова настигает его

Не такой был человек Мюрат, чтобы позволить Гогенлоэ мирно пройти. Узнав во время своего марша от Тэмплина на Пренцлау о взятом пруссаками направлении, он повернул с дивизиями Груши, Бомона и Лассаля на Вихмансдорф, где натолкнулся на гвардейских жандармов, которые фланкировали марш. Атаковать, опрокинуть и смять этот великолепный кирасирский полк на берегу озера было делом одного мгновения. Офицеры этой части и были как раз те, которые, чтобы более верным образом склонить короля к войне, оскорбили французского посла. Этот свой поступок они искупили позором капитуляции в открытом поле, чего кавалерия никогда не должна делать.

Напуганный этим сообщением, Гогенлоэ построил свою пехоту и поколебался, идти ли ему на Бойценбург или свернуть на поперечную дорогу между Пренцлау и Пазевальком. Это последнее решение было бы, конечно, наиболее благоразумным, но по донесению разъезда он решил ночью вступить в Бойценбург, а на следующий день отправиться по Пренцлауской дороге, где он должен был найти продовольствие и фураж для своих войск.

Бой и капитуляция у Пренцлау

28-го корпус продвинулся на Шенермарк и Густров. Он вступил в Пренцлау без больших препятствий, но великий герцог Бергский, прибыв по Тэмплинской дороге и не будучи в состоянии занять город своей конницей, силами драгунского отряда заставил его повернуть, а сам двинулся с двумя диви-

¹ Бойценбург близ Пренцлау, который не следует смешивать с Бойценбургом-на-Эльбе.

зиями по реке Гольмиц, стремительно напал на хвост прусской колонны, преследовал ее до предместья, рубил, стрелял по Королевскому полку, отрезал арьергард принца Августа и заставил его, после прекрасной обороны, сдаться в плен со своим батальоном.

Прусская пехота прошла Пренцлау и неизвестно почему пошла вместо Штеттинской дороги по Пазевальской. Мюрат предложил Гогенлоэ сдаться, а Ланн, который лично находился там, хотя его корпус далеко еще не прибыл, сделал то же самое, чтобы обмануть неприятеля.

Убедившись в том, что достигнуть Локница, который, по его мнению, был занят нашей пехотой, уже нет надежды, захваченный спереди одной нашей кавалерийской дивизией, а сзади — двумя другими, князь сложил оружие вместе с 17 батальонами и 19 эскадронами, в которых было не менее 12 000 человек.

Захват прусской конницы и Штеттина

Великий герцог Бергский поспевал всюду. Едва только он одержал этот блестящий успех, как дивизия легкой кавалерии Лассалья заставила капитулировать Штеттин, который был сдан нашим гусарам дураком-губернатором с гарнизоном в 5000 человек. Мюрат тотчас же направился на Пазевальк, где укрылась большая колонна конницы Гогенлоэ, узнав о разгроме своего начальника. Шесть кирасирских полков и одна пехотная бригада, изнуренные, правда, дорсированными переходами, сдались без единого выстрела.

Одна единственная бригада, отрезанная накануне от Пренцлау, явилась к Штеттину. Губернатор отказался открыть ей ворота 28-го, а на следующий день открыл их по первому требованию нашего авангарда. Эта бригада прибыла в Анклам, где дивизия генерала Бекера ее настигла и заставила сложить оружие.

Блюхер отступает к Мекленбургу

От всей этой недавно столь блестящей армии оставались лишь Блюхер и старый корпус герцога Веймарского под командой генерала Вининга, который, обманув Сульта, перешел Эльбу у Зайдау, откуда прибыл в Мекленбург.

Узнав о поражении Гогенлоэ, Блюхер тотчас же повернул на Ней-Штрелиц, где соединился с этим корпусом. Это дало ему небольшую армию в 21 000 человек. Но прежде чем перейти к дальнейшим ее продвижениям, вернемся к моей армии.

Капитуляция Кюстрина

Остановившись на несколько дней перед Берлином, Даву отправился по дороге Франкфурт-на-Одере — Кюстрин. Этот

пункт, расположенный на острове Одера, героически оборонявшийся майором Гейденом во время Семилетней войны, сдался нашим легким частям, отделенным от него двойным руслом реки. Для того чтобы мы могли завладеть им, гарнизон должен был снабдить нас судами! Став господином этого важного опорного пункта и не имея перед собой неприятеля, Даву тотчас же отправился по Познанской дороге. Ожеро занял Франкфурт. Мои гвардейские части остались в Берлине. Ней продолжал блокаду Магдебурга.

В то время как мои орлы быстрым полетом преодолевали расстояние между Рейном и Одером и покоряли за три недели пространство между этими двумя реками, я делал все, чтобы укрепить свое могущество и обеспечить свои владения.

Мероприятия по овладению страной между Рейном и Одером

Уже Мортье с двумя слабыми дивизиями 8-го корпуса занял княжество Фульде. Принц Оранский, которому оно досталось по Люневильскому миру в виде возмещения за наместничество Голландии, стал сражаться на стороне неприятеля. Я наказал его за это захватом его владений. Мортье двинулся потом на Кассель вместе с королем голландским.

Курфюрст, будучи некоторым образом вассалом Пруссии и одним из самых отъявленных моих врагов, уехал в Англию, увозя с собой значительную казну, накопленную из тех субсидий, которые его дом постоянно получал от Англии со времени коалиции против Людовика XIV в 1705 году. 20-тысячное войско, которое он подготовил для того, чтобы сражаться со мной, сложило оружие и было расформировано численно меньшими силами. Затем король голландский двинулся на Ганновер с галло-батавской армией и после нескольких легких стычек обложил прусскую дивизию Лекока в Гамельне и Ниенбурге, овладел почти без единого выстрела всем курфюршеством, равно как и герцогством Брауншвейгским и городами Ганзы — Бременом и Гамбургом.

Баварские и вюртембергские контингенты, завладев Байройтом и прикрыв правое крыло великой армии в ее решительном переходе, направились через Плауэ на Дрезден и, продвигаясь к Одеру, соединились с Даву; они образовали 9-й корпус.

Контингент других мелких принцев образовал гарнизоны в нашем тылу: гессен-дармштадтский — в Шпайдау, нассауский — в Берлине.

Я отрываю саксонцев от союза с Пруссией

Я думал также о том, чтобы привлечь на свою сторону саксонцев. Уже до войны я выпустил прокламацию, чтобы

ознакомить их с проектами Пруссии, которые сводились не более, не менее как к превращению Саксонии в прусскую провинцию. С саксонским генералом, взятым в плен при Йене, я подписал перемирие. Остатки саксонского контингента покинули прусскую армию при Бальби на Эльбе, и курфюрст тотчас же начал переговоры о сближении с нами.

Блюхера до Любека

Узнав о соединении Блюхера с корпусом генерала Вининга, я поручил Бернадоту преследовать эту маленькую армию с тыла, а Мюрату — отрезать ее от Штральзунда и Ростока; Сульт должен был помешать ей вернуться на Нижнюю Эльбу.

При таком эскортировании ему трудно было ускользнуть. Выдержав арьергардный бой с Дюпоном у Носсентина и довольно блестящую кавалерийскую стычку близ Кривица, Блюхер направился на Шверин. Сначала он, кажется, хотел двинуться по Густровской дороге, чтобы попытаться погрузиться на суда в Росток или добраться до Штральзунда. Но Мюрат, прибывший уже в Демнин, свернул налево к Мекленбургу с желанием броситься на Нижнюю Эльбу и перенести военные действия в Ганновер. Упрежденный со всех сторон, он отступил на Гадебуш-на-Любеке, куда прибыл 5 ноября. Бернадот отправился туда через Шонберг, а Сульт — через Рацбург; их поддерживала конница Мюрата.

Прибыв с севера, Бернадот узнал, что остатки шведского отряда, столь самонадеянно занявшего Лауенбург, только что погрузились на суда на Траве и отплыли в Любек. Течение этой реки извилисто; плавание до Травемюнде трудно и медленно. Одна бригада дивизии Дюпона, посланная с полпути на Шлютуп, увела охранный батальон и остатки богатого обоза.

Этот город берется с бою

Наши колонны, прибыв к Любеку 6-го на заре, тотчас же начали атаку. Бернадот бросил дивизию Друэ на штурм Мекленбургских ворот и прилегающего бастиона. Крепость имела лишь один простой пояс укреплений в плохом состоянии, но неприступный для атак; вооружена она не была; пруссаки наскоро установили на валах полевые пушки. Утверждают, что два прусских батальона, неблагоприятно выставленные впереди ворот и сбитые бригадой Фрера, послужили причиной того, что наши колонны смешались с противником. Как бы там ни было, воодушевленные прежними блистательными удачами, смельчаки 27-го легкого и 94-го линейного полков бросаются на врага, уничтожают огороженный тамбур и ближайшие батареи и при поддержке остальной части корпуса проникают на улицы.

Сделав свои распоряжения, Блюхер вернулся в свою квартиру. Едва он вошел туда, как наши солдаты уже ворвались по его пятам на Королевскую улицу. Он едва успел вскочить на лошадь, но его штаб попал в плен. У колонн Сульта было больше препятствий, чтобы разрушить Ганноверские ворота, но и они проникли туда, когда на прилегающей улице показались части Риво. Блюхеру удалось проложить себе выход через Гольштейнские ворота с 4000—5000 пехотинцев и соединиться с кавалерией, расположенной на левом берегу Траве. Остальные, в количестве 8000 человек, погибли от меча победителей или были захвачены с оружием в руках. Кровавый бой завязался за каждую улицу, за каждый дом, в общественных учреждениях. Нелегко сдержать солдатскую вольницу, озверевшую от кровавых зрелищ. Жителям этого цветущего города пришлось, конечно, пережить все ужасы взятого приступом пункта. Но Сульту и Бернадоту удалось, наконец, немного восстановить порядок и спокойствие.

Блюхер капитулирует

Убежище, которого Блюхер искал за Траве, смогло отдалить его гибель лишь на один день, ибо нейтралитет Дании не давал ему никакого выхода. На следующий день в Ратенау он вместе с 10 000 человек, которые у него оставались, был вынужден сложить оружие.

Взятие Магдебурга

Уничтожение прусских армий было не единственным результатом сражения при Иене. Уныние, охватившее военных Пруссии, привело к падению наиболее грозных оплотов монархии. К уже поименованным проседились вскоре важная крепость Магдебург с гарнизоном 18 000—20 000 человек и с 600 пушек. Она сопротивлялась не более стойко, чем другие, и после нескольких часов бомбардировки старый Клейст сдался Нею, силы которого не превышали сил гарнизона.

Гамельн и Ниенбург также сдались по первому требованию галло-батавской дивизии под командой Савари.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НАПОЛЕОНА¹

ИЗ СОЧИНЕНИЙ «СЕМНАДЦАТЬ ЗАМЕЧАНИЙ» НА РАБОТУ ПОД НАЗВАНИЕМ „РАССУЖДЕНИЕ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ“, ИЗДАННУЮ В ПАРИЖЕ В 1816 г.»

З а м е ч а н и е 2-е

О ПЕХОТЕ²

У римлян была пехота двух родов: легкая, вооруженная метательным оружием, и тяжелая, вооруженная коротким мечом.

По изобретении пороха пехота все еще делилась на два рода: на аркебузирова, легко вооруженных и имевших назначение вести разведку и тревожить неприятеля, и на пикинеров, заменивших тяжелую пехоту.

За 150 лет, прошедших с того времени, когда Вобан заставил все европейские армии отказаться от пик и копий, заменить их ружьем со штыком, вся пехота сделалась легкой и получила назначение действовать в качестве застрельщиков и сдерживать врага. С этого времени существовал только один род пехоты. Егерские роты введены были в батальонах по аналогии с гренадерскими: батальон состоял тогда из девяти рот; полагали, что недостаточно одной отборной роты. Император Наполеон учредил роты вольтижеров, вооруженных драгунскими ружьями, для замены упомянутых егерских рот; он сформировал их из людей ростом не менее 5 футов, чтобы, таким образом, воспользоваться разрядом малорослых призывников, который до того времени не нес службы, что делало бремя воинской повинности более тягостным для прочих разрядов. Это новшество позволило вознаградить многих старых солдат, которые, имея менее 5 футов роста, не могли поступить в гре-

¹ Эти извлечения были опубликованы в «Военной библиотеке» за 1871 г., т. IV и включены в настоящее издание в исправленном переводе. — Р е д.

² В этом «Замечании» Наполеон высказывает свое отношение к следующим предложениям генерала Ронья (автора разбираемой книги)

1) Иметь в армии пехоту двух родов.

2) О переформировании пехоты.

3) Избавить легкую пехоту от строевых учений.

4) Снабдить пехоту оборонительным оружием.

5) Снимать ранцы перед боем.

6) Возложить на офицеров надзор за правильной раздачей провiantа и пр.

7) Снова ввести палатки. — Р е д.

надерские роты, а между тем храбростью своей заслуживали направление в отборные роты; такое сопоставление карликов и исполинов было сильным поощрением к соревнованию. Если бы в армии Наполеона были люди различного цвета, то он сформировал бы роты белых и черных. В государстве, среди жителей которого были бы одноглазые и горбатые, можно было бы извлечь немалую выгоду, сформировав роты одноглазых и горбатых.

В 1789 г. французская армия состояла из линейных полков и егерских батальонов: севеннских, виварейских, альпийских, корсиканских, пиренейских. Из них, со времени революции, составлены были полубригады легкой пехоты, но не с тем, чтобы иметь пехоту двух родов: они обучались и вооружены были единообразно. Все различие состояло в том, что егерские батальоны набирались из жителей горных областей и сыновей лесничих, наиболее способных к службе на альпийских и пиренейских границах. Если же они оказывались в войсках, действовавших на севере, то их преимущественно употребляли при атаках высот и прочесывании лесов. Если в день сражения этим людям приходилось стоять в линии с прочею пехотой, то они прекрасно заменяли собой батальон линейных войск, потому что были обучены и вооружены совершенно так же. Нередко правительства организуют в военное время, под названием вольных батальонов или легионов, иррегулярные войска, которые укомплектовываются неприятельскими дезертирами либо людьми особенного направления ума или взглядов; но и тут нет двух родов пехоты. Есть только один род ее, и больше быть не может. Если люди, по-обезьяньи приверженные к античности, хотят подражать римлянам, то им надо формировать не легкую пехоту, а тяжелую, или батальоны, вооруженные мечами, потому что ныне вся европейская пехота несет службу легких войск.

Если бы пехота всегда могла высылать вперед в качестве застрельщиков только вольтижеров, то она перестала бы использовать силу огня; целые кампании проходили бы без единого ружейного выстрела с ее стороны; но это невозможно. Разве, когда вольтижеры посылаются в авангард или для прикрытия флангов и обозов, остальные четыре роты батальона могут отказаться от высылки застрельщиков и допустить, чтобы пули вражеских стрелков поражали их ряды? Неужели рота, отделяемая от батальона, должна отказаться от высылки застрельщиков, если ее не сопровождает отделение роты вольтижеров? Эта рота вольтижеров составляет только четвертую часть батальона, и в день сражения ее будет недостаточно для несения службы стрелков. Если бы по своей численности она составляла половину, даже три четверти батальона, то и тогда ее было бы недостаточно. В больших сражениях вся первая линия рассыпается в стрелки, иногда даже два раза; стрелков

необходимо сменять через два часа, потому что они утомляются, а ружья их портятся и загрязняются.

Как, вольтижерам не нужно никакого порядка, никакой тактики, даже умения двигаться в бою? Разве им не приходится менять фронт, строиться в колонну, отступать в шахматном порядке? Нет. «Им ничего более не нужно, как уметь бегать и употреблять в дело ноги, чтобы избежать кавалерийской атаки». Как же можно предлагать тогда соединить вольтижеров воедино и образовать из них авангард? Как можно желать, чтобы они удалялись на 300 туазов от линии и действовали попеременно с кавалерийскими взводами?

Незачем учить солдат бегать, ложиться, прятаться за деревом, но необходимо внушать им, чтобы в отсутствии своего начальника они не теряли присутствия духа и хладнокровия и не давали напрасным опасениям овладеть собою; чтобы всегда держались поблизости от товарищей, прикрывая друг друга с боков; чтобы они — до того, как высланные вперед неприятельские всадники успеют изрубить их — на ходу, перестраивались в боевой порядок по 4 человека, а затем смыкались по 7 и 16 человек, до того как неприятельский эскадрон сумеет атаковать их; чтобы они успевали потом, без излишней поспешности, и часто поворачиваясь лицом к неприятелю, отступить к резерву, где на расстоянии ружейного выстрела остается капитан с остальной третью своих стрелков, построенных в боевой порядок. Когда роты соберутся таким образом, они должны перестроиться в батальонное каре, или переменить фронт, или начать отступать, поворачиваясь, если неприятель сильно теснит, по команде: «Пол-оборота направо, огонь!» словно повинувшись волшебной палочке, а затем продолжать отход к батальонному командиру, остающемуся с третью своего батальона в резерве. Потом батальон строится в колонну и отступает повзводно. По команде: «Стоять! повзводно направо и налево! пальба рядами!» батальон строит каре и отражает атаку кавалерии. По команде «Отступление продолжайте!» батальон перестраивается из каре в колонну по подразделениям или хладнокровно отступает в шахматном порядке к указанной ему позиции, прикрывая либо правый, либо левый фланг. Вот чему должно учить вольтижеров. И если бы можно было иметь пехоту двух родов — одну, назначенную для действия в качестве застрельщиков, другую для того, чтобы оставаться в линиях, то следовало бы назначать в первую лучше всего обученных людей. Действительно, роты вольтижеров, которые чаще других употребляются в застрельщики, маневрируют лучше всех в армии, потому что чаще других ощущают в этом необходимость. Кто извлекает подобные предложения¹ из латинских и греческих авторов, тот не понял этих авторов и с большою

¹ То есть предложения, подобные изложенным выше. — Р е д.

пользою употребил бы время на беседу с капралом вольтижеров, или со старым гренадерским сержантом; они дали бы ему более здравые понятия о военном деле.

Доныне батальоны, состоящие из большего или меньшего количества рот, строились в боевой порядок таким образом, что один офицер становился на правый, другой на левый фланг и один, или несколько, в центр, так что капитан¹ имел под своим начальством постоянно одних и тех же офицеров и сержантов, а последние тех же капралов и рядовых. Никому не приходило в голову, что можно всерьез сделать предложение строить роту в одну шеренгу, с протяжением фронта в 60 туазов; поставить капитана на правый, лейтенанта на левый фланг; построить таким же образом вторую и третью роты за первую, а шесть младших лейтенантов поставить замыкающими. Трое стоящих друг за другом капитанов батальона будут убиты одним ядром, трое лейтенантов — другим. Сверх того можно ли на левом фланге услышать команду капитана, стоящего на правом, когда едва слышна команда батальонного командира, находящегося в центре? И, наконец, как солдату различить голос своего капитана, когда все трое капитанов стоят в одном месте? Но, может быть, таким построением облегчается пальба рядами? Нет! ее гораздо удобнее производить по команде батальонного командира, потому что он находится в центре. Может случиться, что командир 1-й роты скамандует: «Вперед!», командир 3-й роты: «Стой!», командир 2-й роты: «Пол-оборота направо!» По команде: «Подразделениями направо!» батальон разделится на три линии, каждая из которых будет состоять из офицеров, унтер-офицеров и солдат всех трех рот, после команды «Повзводно направо!» во всех шести линиях окажутся офицеры, унтер-офицеры и солдаты всех трех рот. Если от такого батальона будет отряжена одна рота, то она построится для боя в одну линию, а остальная часть батальона в две линии? Какая нелепость! Какое незнакомство с основами батальонного учения! И такие правила предлагает французский генерал и тем подвергает мундир свой насмешкам Европы! Почему наборщик в типографии не обратил на это его внимание? Наборщик, верно, бывал на войне или, по крайней мере, служил в национальной гвардии.

3000 вольтижеров² будут в авангарде, не образуя батальона; каждый взвод будет действовать на свой риск, каждый капитан станет главнокомандующим. Да и как составить батальоны из таких вольтижеров, которые не умеют маневрировать, не знают тактики, а каждой роте придать эскадрон легкой кавалерии, чтобы сажать пехотинцев за спиною кавалеристов? Правильно, что хотят обучить их бегать: это приго-

¹ Ротный командир. — Ред.

² По предложению генерала Ронья. — Ред.

дится им, если их только не возьмут в плен, или не убьют в первый же день. Если взвод из 50 солдат не может на войне действовать с успехом, без предварительного обучения, то последнее еще гораздо более необходимо для целого батальона, а для бригады из 3000 человек эту необходимость надо возвести в куб. Если даже предположить, что эти 3000 вольтижеров обучены, умеют хорошо маневрировать, сформированы в батальоны, — то все же подобное смешение с кавалерией не принесет никакой пользы, а будет причиной гибели и кавалерии, и пехоты. Может ли кавалерист свободно маневрировать, имея за собой на лошади вольтижера? Может ли вообще легкая кавалерия оказать серьезное сопротивление, если она не поддерживается линейной? На войне ремеслом авангарда и арьергарда является маневрирование в продолжение целого дня. Нет сомнения, что кавалерист может, жертвуя собой, взять к себе на лошадь пехотинца, чтобы быстро перенести его на другой пункт позиции, но требовать от кавалерии действовать таким образом в авангарде и арьергарде значит не иметь ни малейшего представления о характере этих войск; кто выдвигает такое требование — и дня не провел при авангарде. Если бы это было выгодно, то уже давно все народы и все великие полководцы поступили бы таким образом.

Барабан подражает гулу орудий: это лучший из всех инструментов, он никогда не фальшивит.

Оборонительное оружие не может защитить от ядер, ружейных и картечных пуль. Оно не только бесполезно, но представляет то неудобство, что делает раны опаснее. Луки парфян были очень велики; в руках опытных и крепких стрелков они с такой силой выпускали стрелы, что те пробивали римские щиты. Это приводило в расстройство старые легионы римлян и было одной из причин поражения Красса.

Стрелки более прочих войск нуждаются в оборонительном оружии, потому что чаще других приближаются к неприятелю и больше подвергаются атакам кавалерии; но их нельзя обременять оружием, они должны быть как можно более подвижны. И если оборонительное оружие и приносило бы пользу линейной пехоте, то все же нельзя снабдить ее этим оружием, потому что все солдаты батальона должны нести службу стрелков.

Нет кадета, который при выходе из корпуса не мечтает вооружить стрелков двухствольными ружьями; но опыт одной кампании покажет ему все невыгоды, к которым привело бы применение их на войне.

Солдата не должно разлучать с пятью вещами: с ружьем, патронами, ранцем, с четырехдневным запасом продовольствия и с шанцевым инструментом. Облегчите по возможности ранец: пусть в нем будет одна только рубаха, пара башмаков, воротничок, носовой платок, огниво. Очень хорошо; но пусть

он всегда имеет ранец с собой — если он однажды с ним расстанется, он более не увидит его. Теория войны и практика — вещи разные. В русских армиях было прежде принято снимать ранцы перед боем. Какие выгоды давал этот метод? Войска могли лучше смыкать ряды; пальба третьей шеренги могла стать полезной; солдат свободнее и ловчее двигался и не так скоро утомлялся; опасение лишиться ранца, куда солдат обычно укладывает все свое имущество, еще сильнее приковывало его к позиции. Под Аустерлицем все ранцы русских были найдены сложенными на высоте Позориц; они были оставлены там при поражении. Несмотря на все, с виду убедительные доводы, которые можно привести в пользу этого обычая, опыт заставил русских отказаться от него. А девять вьючных лошадей¹ выгоднее употребить для перевозки аптечных запасов, боеприпасов и продовольствия.

Ротные офицеры унижат свое достоинство, если будут входить во все мелочные расчеты с солдатами. Они сделаются унтер-офицерами. Это дело фельдфебеля; и разве нельзя найти честного фельдфебеля? А если офицер будет обманывать, к кому же обратится солдат? Как неприятно будет капитану выслушивать жалобы солдата на лейтенанта, с которым он общается, держит стол, и который ровня ему. Хочется верить, что не найдется офицера настолько низкого, чтобы употребить во зло невежество солдата. Но последний, недоверчивый по природе, не будет питать меньше подозрений; не поколеблется ли от этого то высокое уважение, которое солдат, как того требует военная дисциплина, должен чувствовать к своему офицеру?

Палатки нездоровы, лучше располагаться на биваках: солдат спит ногами к огню и защищен досками или соломой от непогоды; сверх того, близость огня скоро осушает под ним землю. Палатки необходимы только тем офицерам, которые обязаны писать или работать с картами. У батальонных и полковых командиров и у генералов должны быть палатки, и им нельзя позволять ночевать на квартирах, потому что такое гибельное обыкновение было причиной многих несчастий.

Все нации Европы, по примеру французов, отменили палатки; если они еще употребляются в мирное время, то для сбережения леса, соломенных крыш и селений. Тень дерева, защищающая от солнца и жары, малейшее прикрытие от дождя предпочтительнее палатки. На перевозку палаток для одного батальона нужно пять лошадей, которых лучше употребить на перевозку продовольствия. Сверх того палатки служат объектами наблюдения шпионов и штабных офицеров противника, давая им сведения о численности и расположении ваших войск. И такое неудобство имеет место каждый день, каждое мгно-

¹ Предлагаемых Ронья для перевозки ранцев. — Р е д.

вение. Напротив, когда армия расположена в двух или трех линиях биваков, то издали виден только дым, нередко принимаемый неприятелем за туман. Нет возможности сосчитать всех огней, но очень легко сосчитать палатки и вычертить занимаемое ими положение.

З а м е ч а н и е 3-е

КАВАЛЕРИЯ

1) Нужно ли управление легкой кавалерией подчинить управлению пехотой?

2) Нужно ли обучать легкую кавалерию той же тактике, что и линейную, или употреблять ее только для фуражировки и так, как действуют венгерская иррегулярная конница, мамлюки и казаки?

3) Можно ли использовать ее в авангарде, в арьергарде, на флангах армии — без поддержки линейной кавалерией?

4) Нужно ли упразднить драгунские полки?

5) Отделять ли в резерв всю тяжелую кавалерию?

6) Сколько иметь в армии родов кавалерии и в какой пропорции?

Легкая кавалерия посылается далеко от армии для разведки и, значит, не относится к пехоте; необходимо специально поддерживать ее линейной кавалерией. Во все времена существовало соперничество и соревнование между пехотой и кавалерией.

Легкая кавалерия необходима в авангарде, арьергарде и на флангах; следовательно, она не может быть пригнана определенному пехотному соединению и следовать за ним. Естественнее поставить ее в зависимость от командования линейной кавалерии, чем от командования пехотой, с которой у нее нет никакой связи; она должна иметь и собственное управление.

Кавалерии нужно большее число офицеров, чем пехоте; и следует обучать ее с большей тщательностью. Успех ее приобретается не одной быстротой, но и порядком, стройностью в движениях, построениях и правильным употреблением резервов. Если легкая кавалерия назначается в авангард, то необходимо разделять ее на эскадроны, бригады, дивизии, чтобы она могла маневрировать. Ибо авангарды и арьергарды ничего другого не делают: они то преследуют, то отступают в шахматном порядке, то перестраиваются в несколько линий или в колонны, то быстро переменяют фронт, чтобы охватить фланг неприятеля. Применяя все эти эволюции, авангард или арьергард в состоянии уклониться от боя с превосходящими силами неприятеля и от слишком ожесточенных схваток с ними, а, между тем, сдерживая их, дает время подоспеть — всей армии,

развернуться — пехоте, принять решение — главнокомандующему, прибыть на место — паркам и обозам. Все искусство авангардного и арьергардного начальника состоит в том, чтобы сдерживать неприятеля, не подставляя себя под удар, и заставить его потратить четыре часа, чтобы продвинувшись на одно лье. Только практическим обучением достигаются такие результаты, и оно при всех обстоятельствах нужнее кавалерии, чем пехоте; нужнее авангарду и арьергарду, чем любым другим частям.

Венгерская иррегулярная конница, которую мы встречали в 1797, 1805 и 1809 годах, находилась в самом жалком состоянии. Если легкая кавалерия времен Марии-Терезии была грозной, то только благодаря хорошей организации и особенно в силу своей многочисленности. Полагать, что она превосходила гусар Вурмзера, драгун Латура и эрцгерцога Иоанна, значит составить себе ложное представление об этом деле; но никогда венгерская иррегулярная конница и казаки не составляли авангарда в австрийских и русских войсках, потому что, кто говорит «авангард» или «арьергард», имеет в виду маневрирующие части. Русские ценят обученный полк казаков наравне с тремя необученными. В этих полках ничто не стоит внимания, кроме самого казака: он хорошо сложен, силен, ловок, сметлив, хороший кавалерист и неутомим. Он рожден на коне, вырос среди гражданских войн и на равнине представляет собой то же самое, что бедуин в пустыне, что горный житель в Альпах. Он никогда не живет в доме, не спит в постели и на заходе солнца меняет место ночлега, чтобы не проводить ночь в месте, где он мог быть замечен неприятелем. Два мамлюка справлялись с тремя французами, потому что у них были лучшие лошади и сами они лучше ездят и лучше вооружены. У мамлюка пара пистолетов, мушкетон, карабин, шпашак с забралом, кольчуга, несколько лошадей и несколько человек пешей прислуги. Но сотня французских кавалеристов не боялась сотни мамлюков; триста французов брали верх над таким же числом мамлюков, а тысяча разбивала 1500. Так сильно влияние тактики, порядка и эволюций! Кавалерийские генералы Мюрат, Леклерк, Лассаль, действуя против мамлюков, располагали свои войска в несколько линий. Когда мамлюки начинали охватывать первую линию, вторая линия двигалась на помощь ей, подаваясь вправо и влево. Мамлюки останавливались и смыкались, чтобы охватить фланги новой линии. В этот момент французы сами атаковали их и всегда опрокидывали.

Обязанность авангарда или арьергарда состоит не в наступлении или отступлении, а в маневрировании. Они должны состоять из хорошей легкой кавалерии, поддерживаемой резервом хорошей линейной кавалерии, прекрасных батальонов пехоты и хороших артиллерийских батарей. Войска эти должны быть хорошо обучены, генералы, офицеры и солдаты — одинаково хорошо знать тактику — каждый соответственно своему

чину. Необученное войско производит в авангарде только беспорядок.

Признано, что в целях облегчения маневра эскадрон должен насчитывать 100 человек; три или четыре эскадрона должны состоять под начальством штаб-офицера.

Кирасы не нужны для всей линейной кавалерии. Драгуны на лошадях, ростом в 4 фута 9 дюймов с прямыми саблями и без кирас, относятся к тяжелой кавалерии; они должны быть вооружены пехотным ружьем со штыком, носить пехотный кивер, панталоны навыпуск, полусапоги, шинели с рукавами и иметь сумки настолько небольшие, чтобы, спешившись, их можно было перебрасывать через плечо на ремнях. Вся кавалерия должна быть снабжена огнестрельным оружием и быть в состоянии действовать спешившись. Три тысячи человек легкой кавалерии или столько же кирасир не должны останавливаться перед 1000 человек пехоты, занимающей лес или местность, неудобную для действия кавалерии; 3000 драгун должны, не колеблясь, атаковать 2000 человек пехоты.

Тюрени, принц Евгений Савойский и Вандом придавали большое значение драгунам и широко использовали их. В кампаниях 1796 и 1797 годов в Италии этот род оружия покрыл себя славой. Но в Египте, в Испании и в кампаниях 1806 и 1807 годов возник направленный против них предрассудок. Драгунские дивизии сосредоточены были в Амьене и Компьене для переброски их, без лошадей, в Англию, где они должны были действовать в пешем строю, пока их не удастся посадить на тамошних коней; генерал Барагэ д'Илье — их первый инспектор, начальствовал над ними; он приказал заготовить для них штилеты и разместить в их среде много рекрутов, которых обучил одному пехотному строю. Таким образом, это не были больше кавалерийские полки; в кампанию 1806 года, до сражения при Иене, они действовали в пешем строю, но после него получили лошадей плененной прусской кавалерии, из которых три четверти были неспособны к службе. Все эти обстоятельства повредили им; но в 1813 и 1814 годах дивизии драгун успешно соревновались с кирасирами: драгуны необходимы для поддержки легкой кавалерии в авангардах, арьергардах и на флангах армии.

Кирасиры мало пригодны к авангардной и арьергардной службе, и если их употреблять там, то единственно для приучения к войне и поддержания боеспособности. Дивизия драгун из 2000 человек вместе с 1500 человек легкой кавалерии быстро переносится в нужный пункт, спешивается и до прибытия пехоты защищает мост, теснину, высоту. Каких только выгод не доставляют эти войска при отступлении! В армии кавалерия должна составлять четвертую часть пехоты и быть четырех родов (два легкой кавалерии и два тяжелой); фланкеры, ростом в 5 футов, с лошадьми в 4 фута 6 дюймов, собственно легкая

кавалерия — лошади в 4 фута 7 или 8 дюймов; драгуны — лошади в 4 фута 9 дюймов; кирасиры — лошади в 4 фута 10 или 11 дюймов. При такой организации лошади всех пород будут годны для ремонта.

Фланкеры нужно придавать пехоте, потому что они вследствие низкого качества их лошадей мало способны к кавалерийским атакам. Если на каждую дивизию в 9000 человек назначить эскадрой в 360 человек, то фланкеры составят $\frac{1}{25}$ часть пехоты. Они назначаются вестовыми к генералам, конвоируют обозы, используются для фуражировки, укомплектовывают бригады унтер-офицеров, помогают жандармам при перемещении пленных и осуществлении полицейских функций. Остальных фланкеров хватит для формирования нескольких отрядов, используемых для разведки и занятия важных позиций, на которых выгодно упредить неприятеля. Расположенные в боевом порядке за пехотой, под командой ее генералов, они пользуются благоприятным моментом, когда ряды неприятеля оказываются расстроенными для преследования его, протыкая беглецов копьями или беря их в плен. Их малорослые лошади не представляют интереса для кавалерийских генералов.

При открытии кампании каждый пехотный полк выделит роту в 120 фланкеров, обученную для действия в составе полков тяжелой кавалерии и из расчета: по одному на 10 кирасиров и на 5 драгун. Таким образом, при 360 кирасирах будет 36, а при стольких же драгунах 72 фланкера. Они будут служить ординарцами при генералах, конвоировать обозы и пленных, выполнять обязанности застрельщиков, осматривать местность, держать лошадей драгун, когда последние спешиваются.

При корпусе, состоящем из 36 000 человек пехоты, будет 9000 человек кавалерии, а именно: 2070 фланкеров (из них 1440 при четырех пехотных дивизиях; 420 при драгунах; 210 при кирасирах); 2700 конных егерей или гусар, 2100 драгун, 2100 кирасир.

Итого 4800 человек легкой и 4200 человек тяжелой кавалерии.

З а м е ч а н и е 4-е

А Р Т И Л Л Е Р И Я

Если следовать этим правилам¹, то:

1) Артиллерийский дивизион должен состоять из двух гаубиц и трех 6-фунтовых пушек.

2) Артиллерийский парк сорокатысячной армии должен содержать 60 орудий (по $1\frac{1}{2}$ орудия на 1000 человек).

¹ Предложенным генералом Ронья. — Р е д.

3) Такой парк будет состоять на $\frac{3}{12}$ из 6-фунтовых пушек, на $\frac{4}{12}$ — из 12-фунтовых пушек и на $\frac{5}{12}$ из гаубиц, т. е. из пятнадцати 6-фунтовых пушек, двадцати 12-фунтовых и двадцати пяти гаубиц. Всего же из 60 орудий.

Генерал Грибоваль установил состав батареи в 8 орудий одинакового калибра (4-фунтовых, 8-фунтовых, 12-фунтовых пушек или 6-дюймовых гаубиц), потому что:

1) Батарея должна подразделяться на два или на четыре взвода.

2) Для обслуживания восьми орудий достаточно одной роты из 120 человек прислуги, имеющей резервную команду в парке.

3) Для повозок, обслуживающих восемь орудий, довольно одной роты обоза.

4) Один хороший капитан может командовать этими орудиями.

5) Повозки, обслуживающие батарею восьмиорудийного состава, задают достаточно работы одной кузнице; для такой батареи довольно двух запасных лафетов. Если же батарею составить из меньшего числа орудий, то в целом увеличится число кузниц, отвозов и запасных лафетов.

Наполеон упразднил 4-фунтовые и 8-фунтовые пушки и заменил их 6-фунтовой. Опыт показал ему, что пехотные генералы употребляли в дело 4- и 8-фунтовые пушки без разбора и независимо от результатов, которых хотели достигнуть. Он отменил также 6-дюймовые гаубицы и вместо них ввел $5\frac{1}{2}$ -дюймовые или 7-фунтовые, потому что два заряда первого калибра весят столько же, как три заряда второго калибра, и, сверх того, калибр $5\frac{1}{2}$ -дюймовых гаубиц одинаков с калибром 24-фунтовых пушек, столь распространенных в нашей осадной и крепостной артиллерии.

Он составил пехотные батареи из двух $5\frac{1}{2}$ -дюймовых гаубиц и из шести 6-фунтовых пушек; или из двух $5\frac{1}{2}$ -дюймовых дальнобойных гаубиц и из шести 12-фунтовых пушек; конные батареи — из четырех 6-фунтовых пушек и двух гаубиц; впрочем, удобнее дать и этим батареям одинаковый состав с первыми (то есть две $5\frac{1}{2}$ -дюймовые гаубицы и шесть 6-фунтовых пушек). Парки его состояли на $\frac{12}{20}$ из 6-фунтовых пушек, на $\frac{3}{20}$ из 12-фунтовых пушек и на $\frac{5}{20}$ из гаубиц.

Это изменило систему Грибовалья, но перемены были в его духе, и он не отверг бы их. Грибоваль сам многое переменял и многое упростил. При всем том артиллерия еще слишком тяжела и сложна; необходимо дальше упрощать и унифицировать, довести ее до крайнего предела простоты.

Заряд для 12-фунтовой пушки одинакового веса с двумя зарядами 6-фунтовой; не выгоднее ли иметь одну 12-фунтовую пушку вместо двух 6-фунтовых? Если при особенных обстоятельствах можно предпочесть 12-фунтовую пушку, то в обыкновенных случаях две 6-фунтовые пушки будут полезнее. Вы-

годнее ли одна гаубица двух 6-фунтовых пушек? Гаубицами можно удобнее поджечь деревню и бомбардировать редут, но они стреляют неметко; в обыкновенных случаях гаубица не стоит не только двух, но даже и одной 6-фунтовой пушки, а потому потребность в таких орудиях ограничена.

Наполеон увеличил число их в парках; но кто предлагает организовать парк на $\frac{5}{12}$ из гаубиц, на $\frac{4}{12}$ из 12-фунтовых пушек и только на $\frac{3}{12}$ из 6-фунтовых пушек, тот обнаруживает совершенное незнание начал артиллерийской науки.

60-орудийный парк, организованный по правилам Наполеона, состоял из тридцати шести 6-фунтовых и девяти 12-фунтовых пушек и из пятнадцати гаубиц, что соответствовало $7\frac{1}{2}$ батареям; для них были потребны 32 повозки (кузницы, фуры, запасные лафеты), 81 зарядный ящик для 6-фунтовых пушек, $40\frac{1}{2}$ зарядных ящиков для 12-фунтовых пушек; $67\frac{1}{2}$ ящиков для гаубиц; 29 парковых повозок; 30 патронных ящиков и 20 повозок для понтонов; всего 400 повозок или по шести повозок на орудие. При таком положении наличие боеприпасов составляло 306 выстрелов на орудие.

Парк из 60 орудий, организованный в соответствии с предлагаемыми¹ правилами, состоял бы из пятнадцати 6-фунтовых и двадцати 12-фунтовых пушек и двадцати пяти гаубиц; поскольку батарей его состоят из пяти орудий, в парке будет 12 батарей, требующих 48 кузниц, фур и запасных лафетов; всего 424 повозки, или по 7 повозок на орудие; следовательно, на 64 повозки больше, чем в первом парке. Сколько лишних неудобств, какой тяжелый парк, какое излишество в людях, лошадях и материалах! 12-фунтовые пушки замедляют маневр, потому что они весят от 1500 до 1800 фунтов и легко двигаются только по шоссе. В императорском парке было 45 орудий, а в предлагаемом было бы только 35.

Но с 424 повозками, необходимыми для последнего парка, можно иметь, следуя системе императора², парк в 52 орудия, то есть 9 батарей; в них будет сорок две 6-фунтовых и двенадцать 12-фунтовых пушек и 18 гаубиц.

Теперь спрашивается, что предпочтительнее: пятнадцать 6-фунтовых пушек, двадцать 12-фунтовых и 25 гаубиц, или пятьдесят две 6-фунтовые, двенадцать 12-фунтовых пушек и 15 гаубиц?

Какая страсть писать о том, чего не знаешь!

Требуют, чтобы дивизия, по примеру римлян, представляла армию в миниатюре, а между тем лишают ее того, что всего нужнее, всего важнее, — артиллерии. Как можно отрядить в авангард или арьергард восьми- или девяти тысячный легион с тремя пушками и двумя гаубицами? Если он встретит равно-

¹ Генералом Ронья. — Р е д.

² Наполеона. — Р е д.

сильную русскую, прусскую или австрийскую дивизию, то в такой дивизии окажется (при нынешней организации) 30 орудий. Несомненно, что артиллерия легиона будет вскоре приведена к молчанию и сбита, а пехота принуждена будет огнем неприятельской артиллерии отступить с позиции или удерживать ее ценой пролития драгоценной крови.

Господин де Грибоваль, служивший в Семилетнюю войну в австрийской армии, одаренный артиллерист, установил численность парка из расчета в 4 орудия на батальон в 1000 человек или 36 орудий на 9-тысячную дивизию или 160 орудий на 40-тысячную армию. В императорском парке положено было 120 орудий на 40-тысячный армейский корпус или на четыре дивизии пехоты, одну дивизию легкой кавалерии, одну дивизию кирасир и одну — драгун. Из числа этих 15 батарей две батареи состояли при каждой пехотной дивизии, три находились в резерве, а остальные четыре были конные, из коих одна — при легкой кавалерии, другая — при драгунской дивизии и две — при кирасирской. Этот парк имел семьдесят две 6-фунтовые пушки, восемнадцать 12-фунтовых и 30 гаубиц; к парку принадлежали около 600 повозок, считая в их числе орудия, зарядные ящики с двойным против нормы количеством боеприпасов и патронные ящики пехоты.

На каждое орудие императорского парка приходилось в среднем по 30 лошадей и 35 человек. По предлагаемой же системе на одно орудие нужно в среднем 40 человек и 35 лошадей. Для батареи в 8 орудий потребовалось бы 272 человека и 240 лошадей, что составляет два хороших эскадрона.

Те, которые извлекают из древних писателей понятия о современной войне, скажут, что в 40-тысячной армии выгоднее иметь лишних 3600 лошадей и 4000 пехотинцев, чем 120 орудий; или иметь только 60 орудий и зато лишних 1500 лошадей и 2000 человек пехоты; но они ошибутся. Пехота, кавалерия и артиллерия армии должны находиться в определенном численном соотношении, эти рода войск не могут заменить один другого. Случалось, что неприятель мог одержать на наших глазах победу в сражении, он стоял на сильной позиции, имея 50 или 60 выгодно расположенных орудий. Тщетно было бы атаковать его, даже располагая превосходством в 8000 человек пехоты и 4000 кавалерии. Нужна была батарея равной силы, под защитой которой продвигались и развертывались бы атакующие колонны. Соотношение трех родов оружия было во все времена предметом размышлений великих полководцев.

Все они согласны в том, что:

- 1) на 1000 человек должно быть 4 орудия, так что численность артиллерийской прислуги составит $\frac{1}{8}$ часть армии, и
- 2) кавалерия должна составить $\frac{1}{4}$ численности пехоты.

Надежда ворваться на батарею и овладеть пушками посредством холодного оружия или перебить канониров при по-

мощи стрелков — это просто химера; иногда это случается; и разве мало есть примеров захвата больших трофеев посредством нечаянного нападения? Но вообще нет пехоты, будь она самая храбрая, которая без помощи артиллерии могла бы безнаказанно пройти 500 или 600 туазов под огнем шестнадцати орудий, выгодно расположенных и обслуживаемых хорошими канонирами; не пройдя и двух третей пути, солдаты будут перебиты, переранены, рассеяны. Полевая артиллерия стреляет ныне так метко, что нельзя согласиться с Макиавелли, который, проникнутый римскими и греческими идеями, советует артиллерии дать один залп и потом отойти за свою линию.

Хорошая пехота является, без сомнения, первой в армии; но если ей придется долго действовать против артиллерии, намного превосходящей ее собственную, то она будет деморализована и понесет поражение. В первых кампаниях революции из всех родов оружия французской армии артиллерия была наилучшим. Не было примера, чтобы неприятель штыковой атакой захватил 20 выгодно расположенных орудий, сведенных в батарею. В бою при Вальми, в сражениях при Жемаппе и Нордлингене наша артиллерия была многочисленнее неприятельской (хотя у нас часто бывало только по два орудия на 1000 человек, поскольку армии наши были очень многочисленны). Может случиться, что полководец, более искусный в маневрировании, чем его противник, и имеющий лучшую пехоту, достигнет в первый период кампании некоторых успехов, несмотря на то, что артиллерийский парк его значительно слабее; но в решающий день генерального сражения он будет жестоко наказан за слабость своей артиллерии.

80 провиантских фур совершенно недостаточно для 40-тысячной армии; они могут перевозить только 1520 квинталов груза, двухдневный запас муки и водки. Опыт показал, что армии следует иметь при себе месячный запас продовольствия; десятидневный должен находиться на людях и на вьючных лошадях и двадцатидневный должен везти парк. Для этого нужно 480 повозок, в том числе 240 войсковых и 240 реквизированных. На каждую дивизию придется батальон обоза из трех рот; каждая рота должна располагать кадрами для 40 повозок, в том числе двадцати, предоставляемых вместе с лошадьми армией, и двадцати реквизированных; на дивизию будет, следовательно, приходиться 120 повозок, а на армейский корпус — 480 (210 человек на батальон)

Замечание 5-е

БОЕВОЙ ПОРЯДОК

Римская армия располагалась в лагере и на боевой позиции всегда в одном и том же порядке. Она умещалась в квад-

рате, сторона которого имела от 300 до 400 туазов; она затрачивала несколько часов, чтобы укрепиться в этом лагере, после чего полагала свое расположение неприступным. Для боя римляне строились в три линии, на расстоянии 50 туазов одна от другой; кавалерия ставилась на фланги. Штабные офицеры, которым поручалась разбивка лагеря или расположение войск на боевой позиции, исполняли это механически и не нуждались ни в верном взгляде, ни в опытности, ни в дарованиях. Ныне, напротив того, искусство выбирать место для лагеря или для боя связано со столькими соображениями, что непременно требует опытности, верного взгляда и дарований. Это дело самого главнокомандующего, потому что в одной и той же местности можно различным образом расположиться лагерем или принять боевой порядок.

Семпроний потерпел поражение при Треббии и Варрон при Каннах несмотря на превосходство в силах, потому что они, по обычаю римлян, построили войско в три линии, между тем как Ганнибал построил свое в одну линию. Карфагенская кавалерия превосходила римскую качеством и количеством. Римляне, атакованные одновременно с фронта, с тыла, с флангов, потерпели поражение. Но если б оба римских консула приняли боевой порядок, сообразуясь с обстоятельствами, то они не были бы охвачены противником и, может быть, вышли бы из боя победителями!

Должна ли армия занять один лагерь или несколько, по числу корпусов или дивизий? На какое расстояние должны быть выставлены авангард и боковые отряды? Какое протяжение фронта и какую глубину дать лагерю? Где расположить кавалерию, артиллерию, обозы? Во сколько линий расположиться и на каком расстоянии должны они находиться одна от другой? Поставить ли кавалерию в резерве за пехотою или на флангах ее? Следует ли с начала сражения ввести в действие всю артиллерию (поскольку каждое орудие имеет достаточно снарядов для ведения огня в продолжение 24 часов), или оставить половину орудий в резерве?

Решение всех этих вопросов зависит от следующих обстоятельств:

- 1) От силы армии вообще и от численности пехоты, кавалерии и артиллерии.
- 2) От соотношения сил обеих армий.
- 3) От морального фактора.
- 4) От поставленной цели действий.
- 5) От характера поля сражения.
- 6) От позиции, занимаемой неприятельской армией, и от характера ее главнокомандующего.

Невозможно и не следует возводить что-либо в абсолют. В современной войне нет естественного боевого порядка.

Обязанности главнокомандующего ныне труднее, чем они

были в древние времена; верно также, что в новейшие времена влияние его на судьбу сражений более ощутительно. В армиях древности главнокомандующий, находясь в 80 или 100 туазах от неприятеля, не подвергался никакой опасности и мог спокойно управлять действиями своей армии.

В современных армиях главнокомандующий, даже в 400 или 500 туазах от неприятеля, все еще находится под огнем его батарей и подвергается большой опасности; в то же время он настолько удален, что не в состоянии следить за всеми движениями неприятеля. Нет сражения, в котором он не был бы вынужден приблизиться на ружейный выстрел. Действие нынешних орудий тем эффективнее, чем выгоднее они расположены. Батарея, которая господствует над неприятелем и поражает его продольным огнем, может решить успех боя. Поля наших сражений обширнее, и поэтому требуется изучение большего пространства. Для командования современной армией нужно несравненно больше опытности и военных дарований, чем требовалось для руководства армией древних.

Замечание 6-е

ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ¹

1) Приносили ли крепости, расположенные на границе Фландрии, пользу или вред?

2) Является ли предложенная новая система экономной, требует ли она меньшего числа войск для гарнизонов и можно ли предпочесть ее системам Вобана и Кормоианя?

3) Каким способом армия должна прикрывать столицу? Отступать ли к ней или занять укрепленный лагерь, опирающийся на одну из крепостей? Или маневрировать так, чтобы неприятель не мог оттеснить ее ни к столице, ни к крепости?

Система, принятая для обороны границ Фландрии, принадлежит, в значительной мере, Вобану, но этот инженер принужден был воспользоваться сооруженными до него крепостями. Он возводил новые крепости для прикрытия шлюзов, для распространения наводнений, для охранения важнейших теснин между большими лесами или горами. Мы находим на этой границе крепости первого, второго, третьего и четвертого классов. Они оцениваются в 400 или 500 миллионов и, будучи построены на протяжении ста лет, ежегодно обходились в 4 миллиона. Для охраны их от нечаянного нападения и угрозы поджога артиллерией достаточно 50 000 человек национальной

¹ В приведенном отрывке излагается отношение Наполеона к системе расположения крепостей, предложенной автором разбираемой книги — генералом Ронья. — Р е д.

гвардии: Лилль, Валаисьен, Шарлемон могут доставить убежище целым армиям, так же, как и укрепленные лагеря при Мобеже и Камбрэ. Вобан превратил целые местности в укрепленные лагеря, прикрытые реками, затопляемыми участками, крепостями, лесами; но он никогда не утверждал, что одними крепостями можно совершенно закрыть границу. Целью его было облегчить путем укрепления границы действия слабой армии против сильнейшего неприятеля, предоставить ей благоприятные условия местности, чтобы дать ей возможность удержаться, помешать наступлению противника, атаковать его с выгодой для себя и выиграть время до прибытия подкреплений.

В период неудач Людовика XIV эта система крепостей спасла столицу.

Принц Евгений Савойский провел целую кампанию в осаде Лилля; осада Ландреси позволила маршалу Виллару изменить ход войны. Сто лет спустя, в 1793 г., при измене Дюмурье, фландрские крепости снова спасли Париж. Союзники потеряли целое лето на взятие крепостей: Кондэ, Валансьен, Лекенуа и Ландреси. В 1814 г. та же линия крепостей принесла много пользы. Чтобы миновать их, союзники принуждены были, с нарушением нейтралитета Швейцарии, идти через теснины Юры и, даже обойдя их таким образом, должны были отрядить значительную часть армии (превосходящую по численности все гарнизоны) на обложение их. Когда Наполеон переправился через Марну и стал маневрировать на тылах противника, крепости на этой границе — не будь измены, открывшей ворота Парижа, — сыграли бы большую роль: армия Шварценберга была бы вынуждена встать между ними, что привело бы к большим событиям. В 1815 г. они также могли принести большую пользу. Без политических событий в столице англо-прусская армия не отважилась бы перейти Соиму до прибытия на Марну русских и австрийских войск, и можно утверждать, что те крепости, которые оставались верными, оказали влияние на условия договоров и на действия союзных монархов в 1814 и 1815 годах.

Предложенная новая система сопряжена с большими издержками, требует больше войск для гарнизонов и при всем том гораздо слабее вобановой. Три линии по шести больших крепостей в каждой составят в целом 18 больших крепостей, окруженных каждая четырьмя фортами, которые, будучи отдалены от крепостей, потребуют убежищ, гарнизона силою в батальон, 25 орудий, а также таких работ, какие нужны для сооружения самой крепости. Следовательно, три линии будут стоить столько же, сколько 36 больших крепостей; но все четыре изолированных форта могут быть обложены неприятелем и взяты в первую неделю осады, даже до завершения циркумвалационной линии, для которой они явятся идеальным флан-

говым прикрытием и опорой; еще до заложения траншей неприятель, на виду у гарнизона, овладеет половиной материальной части, захватит отборные батальоны, что, конечно, отразится на моральном состоянии гарнизона.

Позиция, которую сможет занять армия между этими фортами, вовсе не обеспечена. Неприятель, расположившись перпендикулярно к одному из фортов, в несколько дней сравняет его с землей, а потом постепенно овладеет и остальными. Для этого ему достаточно полевой артиллерии, с придачею тридцати 24-фунтовых пушек. Эта система позволяет неприятелю прорваться между двумя крепостями в пункте, удаленном на два перехода от каждой; при системе же Вобана можно прорваться только на расстоянии двух или трех лье от двух крепостей. Крепости, предусмотренные новой системой, более подвержены нечаянному нападению.

Как оборонять столицу: непосредственно прикрывая ее или заняв укрепленный лагерь в тылу? Первый способ надежнее: он позволяет препятствовать переходу через реки и теснины, выбирать удобные позиции в поле и усиливать себя подкреплениями за счет всех войск, находящихся внутри страны, между тем как неприятель незаметно ослабляется.

Второй способ — самый невыгодный: армия, запершаяся в укрепленном лагере, подвергается опасности быть разбитой или по крайней мере обложенной неприятелем, в каком случае ей придется пробиваться с оружием в руках, чтобы добыть себе хлеб и фураж. Для прокормления армии в 100 000 человек ежедневно требуется 400—500 повозок. Если армия вторжения имеет на треть больше пехоты, артиллерии и кавалерии, то она помешает прибытию обозов и, не блокируя лагерь герметически, как при блокаде крепостей, — до того затруднит снабжение, что в лагере распространится голод.

Остается третий способ: маневрировать в открытом поле, не позволять противнику оттеснить себя к обороняемой столице и не запирается в тыловом укрепленном лагере. Этот способ требует хорошего войска, хороших генералов и хорошего главнокомандующего. Вообще действия, имеющие целью прикрыть столицу или другой пункт фланговыми маневрами, требуют выделения особого корпуса¹ и влекут за собою все невзгоды, сопряженные с раздроблением сил, при действиях против сильнейшего неприятеля.

Когда после боя при Смоленске, в 1812 г., французская армия направилась прямо к Москве, генерал Кутузов прикрывал этот город последовательными маневрами, пока, прибыв в укрепленный лагерь под Можайском, не остановился и не принял сражения; проиграв его, он продолжил свой марш и прошел через Москву, попавшую в руки победителя. Если бы

¹ Для непосредственного прикрытия столицы. — Р е д.

вместо того он отступил к Киеву, то увлек бы за собой французскую армию, но в таком случае ему пришлось бы отрядить особый корпус для прикрытия Москвы; ничто не помешало бы французам послать против этого корпуса другой, сильнейший, что заставило бы его эвакуировать эту важную столицу.

Подобные вопросы весьма смутили бы Тюренна, Виллара, Евгения Савойского. Рассуждать догматически о том, что не проверено на опыте, — есть удел невежества. Это все равно, что решать с помощью уравнивания второй степени задачу из высшей математики, которая заставила бы побледнеть Лагранжа и Лапласа. Все такие вопросы из области высшей тактики суть неопределенные физико-математические задачи, которые допускают несколько решений, но только не посредством формул элементарной геометрии.

З а м е ч а н и е 7-е

О НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ

...Истинные правила ведения войны это те, которыми руководствовались семь великих полководцев, подвиги коих сохранила для нас история: Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, Тюрени, принц Евгений и Фридрих Великий.

Александр провел 8 кампаний, в ходе которых завоевал Азию и часть Индии; Ганнибал — 17 (одну в Испании, 15 в Италии и одну в Африке); Цезарь — 13 (восемь против галлов, пять против легионов Помпея); Густав Адольф — 3 (одну в Ливонии — против русских и две в Германии — против Австрийского дома); Тюрени — 18 (девять во Франции и девять в Германии); принц Евгений Савойский — 13 (две против турок, пять в Италии, против французоз, и шесть на Рейне и во Фландрии); Фридрих — 11 (в Силезии, в Богемии и на берегах Эльбы). Основательно изложенная история этих 83 кампаний составила бы полное руководство к изучению военного искусства и послужила бы источником всех правил оборонительной и наступательной войны.

Александр в 334 г. до р. х. переправился через Дарданеллы с примерно 40-тысячной армией, в которой кавалерия составляла около восьмой части. Он форсировал Граник на виду у грека Мемнона, командовавшего на азиатских берегах армией Дария, и употребил весь 333 г. на утверждение своей власти в Малой Азии. В этом содействовали ему греческие колонии, расположенные на берегах Средиземного и Черного морей, как, например, Сарды, Эфес, Тарс, Милет и проч. Персидские цари позволяли провинциям и городам руководствоваться собственными законами. Персидская монархия являлась объединением союзных государств и не представляла собой единой нации,

чем облегчалось ее завоевание. Поскольку Александр стремился лишь к овладению престолом Дария, то он с легкостью присвоил себе права последнего, уважая обычаи, нравы, законы всех этих народов, которые не почувствовали никакой перемены в своем положении.

В 332 г. он встретился с Дарием, который с 600-тысячной армией занял позицию у Тарса на берегах Исса, в Киликийских ущельях, разбил его, потом проникнул в Сирию, овладел Дамаском, где хранились сокровища великого царя, и осадил Тир; эта великолепная столица всемирной торговли задержала его на девять месяцев. После двухмесячной осады Газы Александр овладел ею, прошел в семь дней пустыню, вступил в Пелузий, в Мемфис и основал Александрию. Он не встретил никаких препятствий, потому что интересы Сирии и Египта всегда были связаны с интересами Греции, аравийские племена ненавидели персов, причем отвращение их основывалось на религии, а наемные греческие войска сатрапов перешли на сторону македонян. Менее чем в два года он покорил, после двух сражений и четырех или пяти осад, побережье Черного моря от Фазиса до Византии, берега Средиземного моря до Александрии, всю Малую Азию, Сирию и Египет.

В 331 г. он снова перешел через пустыню, расположился в Тире, вступил в Дамаск, перешел Евфрат и Тигр и на Арбельских полях разбил Дария, который вышел ему навстречу с армией еще более многочисленной, чем на Иссе; Вавилон открыл перед ним свои ворота.

В 330 г. он форсировал ущелье перед Сузою и овладел этим городом, Персеполем и Пасаргадою, где находилась гробница Кира. В 329 г. он снова пошел на север, взял Экбатану и распространил свои завоевания до Каспийского моря, наказав Бесса, подлого убийцу Дария; он проник в Скифию и нанес поражение скифам. В этот поход он опозорил столько побед убийством Пармениона. В 328 г. он форсировал Окс и, присоединив к себе 16 тысяч новобранцев, прибывших из Македонии, покорил соседние народы. В этом году он собственной рукой убил Клита и потребовал от македонян божеских почестей, от воздаяния которых они отказались; в 327 г. он переправился через Инд, победил в сражении Пора, взял его в плен, но обошелся с ним как с царем. Он намерен был переправиться через Ганг, но войско отказалось от этого.

В 326 г. он посадил часть своей армии на 800 судов и поплыл вниз по Инду; достигнув океана, направил Неарха с флотом вдоль берегов Индийского моря¹ к Евфрату. В 325 г. он перешел в 60 дней пустыню Гедрозии, вступил в Караманию, последовательно возвратился в Пасаргаду, Персеполь и Сузу и вступил в брак с Статиною, дочерью Дария. В 324 г. он снова

¹ Океана. — Р е д.

направился на север и, пройдя Экбатану, закончил свою жизнь в Вавилоне, где умер от яда.

Его способ ведения войны был методическим и заслуживает величайших похвал. Ни один из его обозов не был перехвачен. Войско его возрастало по мере движения вперед; всего слабее было оно при Гранике, то есть в начале похода; на Инде оно было уже втрое сильнее, не считая отрядов, оставшихся в покоренных провинциях под командованием губернаторов и состоявших либо из македонян-инвалидов, или утомленных походами, либо из греческих наземных войск, бывших на службе у сатрапов, либо, наконец, из иностранцев, живших среди туземцев этих стран. Александр заслуживает той славы, которой пользовался столько веков у всех народов. Но что, если бы он потерпел поражение при Иссе, где Дарий находился на его пути отступления, примыкая левым крылом к горам, а правым к морю, между тем как македоняне примкнули справа к горам, слева к морю, а тылом к Киликийским ущельям? Что, если бы Александр был разбит при Арбеллах, где Тигр, Евфрат и пустыня находились у него в тылу, на расстоянии 900 лье от Македонии, без укрепленных пунктов? Что, если бы он был разбит Пором, имея в тылу реку Инд?

В 218 г. до р. х. Ганнибал выступил из Карфагена, перешел Эбро и незнакомые карфагенянам Пиреиен; потом — Рону, Альпы и в первом своем походе стал твердою ногою посреди цизальпийских галлов, постоянных неприятелей, иногда победителей римского народа, чаще побежденных, но никогда не покоренных им.

Не более как в шесть месяцев прошел он 400 лье, не оставив в тылу ни одного гарнизона и не учредив ни одного складочного пункта. Он не сохранил коммуникаций ни с Испанией, ни с Карфагеном, с которым только после сражения при Тразимене установил сообщение через Адриатическое море. Никогда никто не приводил в исполнение такого великого, такого обширного плана! Экспедиция Александра была гораздо менее смелой и гораздо более легкой; она имела гораздо больше шансов на успех. Однако эта наступательная война велась методически. Жители Цизальпийской Галии, Милана и Болоньи сделались для Ганнибала карфагенянами. Если бы он оставлял на пути крепости и складочные пункты, то ослабил бы себя, поставил бы под угрозу успех своего предприятия и стал бы уязвим повсюду.

В следующем году он перешел Апеннины, разбил римскую армию в Тразименском сражении, обошел Рим и, достигнув нижних берегов Адриатического моря, открыл сообщение с Карфагеном.

В 216 г. 80 000 римлян атаковали Ганнибала и были им разбиты при Каннах; если б победитель преследовал остатки неприятельского войска, то через шесть дней вступил бы в Рим

и Карфаген, сделался бы властелином мира! Все же последствия битвы при Каннах были огромны: Капуя отворила свои ворота, все греческие колонии и множество городов Нижней Италии перешли на сторону Ганнибала и отложились от Рима.

Ганнибал следовал правилу: держать свои войска сосредоточенными; занимать гарнизоном один только укрепленный пункт, где находились заложники, военные машины, знатные пленные и больные, полагаясь в отношении охраны коммуникаций на верность союзников. Он продержался целых шестнадцать лет в Италии, не получая подкреплений из Карфагена, и эвакуировал ее только по приказу своего правительства, поспешив на спасение отечества; счастье изменило ему при Заме, и Карфаген перестал существовать. Но если бы он был разбит при Треббии, при Тразименском озере или при Каннах, то не мог бы подвергнуться большим несчастьям, чем те, которые претерпел после битвы при Заме; понеся поражение под самыми стенами столицы, он все же не смог спасти свое войско от полного уничтожения.

Цезарю был 41 год от роду, когда он, в 58 г. до р. х., через 140 лет после Ганнибала, предпринял первую свою кампанию: гельветы, в числе 300 тысяч, покинули свою страну, чтобы переселиться на берега океана. Из них 90 тысяч были вооружены. Они вступили в Бургундию. Жители Отэна призвали на помощь Цезаря. Он выступил из Вьенны — крепости в римских владениях, — двинулся вверх по Роне, перешел Сону у Шалона, достиг гельветское войско в одном переходе от Отэна и после упорного сопротивления разбил его. Принудив гельветов вернуться в свои горы, он переправился обратно через Сону, овладел Безансоном и перешел через Юру, чтобы остановить Ариовиста. Он встретил его в нескольких переходах от Рейна и отбросил за реку. Это поле сражения находилось в 90 лье от Вьенны, а поле сражения с гельветами — в 70. В продолжение этого похода он постоянно держал в совокупности шесть легионов, составлявших его войско, предоставляя союзникам охранять его коммуникации; у Цезаря всегда имелся запас продовольствия: на месяц в лагере и еще на один месяц — в крепости, где, по примеру Ганнибала, он держал заложников и размещал магазины и госпитали. Остальные семь кампаний в Галлии совершены по тем же правилам.

Зимой 57 г. бельги выставили армию в 300 тысяч, поручив ее Гальбе, королю Суассона. Цезарь, уведомленный о том своими союзниками, жителями Реймса, поспешно двинулся в этом направлении и расположился на реке Эн. Гальба, видя невозможность атаковать его в лагере, переправился через реку и пошел к Реймсу; но Цезарь сорвал его расчеты, и бельги рассеялись. После того и прочие города этой лиги покорились один за другим. На Самбре, около Мобежа, напали на него нерви, и так неожиданно, что Цезарь не успел построить свои

войска в боевой порядок. Из восьми легионов, составлявших его армию, шесть были заняты укреплением лагеря, а два находились еще позади с обозом. Счастье изменило ему в этот день; треверская конница отпала от него и распустила повсюду слух о совершенном истреблении римского войска; несмотря на это, он победил.

В 56 г. Цезарь, выступив в поход, без остановок достиг Нанта и Ванна, послав сильные отряды в Нормандию и Аквитанию. Ближайшим опорным пунктом его была Тулуза (в 130 лье), отделенная от него горами, реками и лесами.

В 55 г. он перенес войну в сердце Голландии, в Цюфтен, где 400 тысяч варваров переправились через Рейн, чтобы захватить земли галлов; Цезарь разбил их наголову, большинство истребил, остальных отбросил за Рейн, снова переправился через Рейн у Кельна, прошел Галлию, сел в Булони на корабль и высадился в Англии.

В 54 г. с пятью легионами он снова переплыл Ламанш, овладел берегами Темзы, взял заложников и до наступления равноденствия переправился обратно в Галлию. Поздно осенью, получив известие, что 15 когорт, стоявших во главе с его подчиненным Сабинном около Трира, были вырезаны и что Квинт Цицерон обложен в своем лагере при Тунгерне, Цезарь двинулся с 8 или 9 тысячами человек навстречу Амбиоригу, разбил его и выручил Цицерона.

В 53 г. он подавил восстание жителей в Сансе, Шартре, Трире, Льеже и потом вторично переправился через Рейн.

Галлы были разъярены, и всюду вспыхивали восстания. Зимой 52 г. произошли массовые выступления; даже столь верные жители Отэна приняли участие в войне; римское иго было ненавистно галлам. Цезарю советовали отступить в римские владения или перейти Альпы. Он отказался от того и другого. С десятью легионами, бывшими под его начальством, он перешел Луару, осадил среди зимы Бурж, овладел этим городом на виду у армии Верцингеторикса и начал осаду Клермона. Последнее предприятие не удалось; он лишился заложников, магазинов и ремонтных лошадей, находившихся в Невере, — его складочном месте, которым овладели отэнцы. Ничто не представлялось более критическим, чем его положение. Его подчиненного Лабизна тревожило население Парижа. Цезарь призвал его к себе и всеми своими силами осадил Алесию, где заперлось галльское войско. 50 дней употребил он на сооружение контр- и циркумвальных линий. Галлия выставила новую армию, более многочисленную, чем та, которую только что потеряла; одни лишь жители Реймса остались верными римлянами. Вскоре галлы явились¹ для освобождения этого города. Трое суток они вместе с гарнизоном совокупными уси-

¹ К Алесни. — Р е д.

лиями старались уничтожить римлян в их расположении, но Цезарь восторжествовал над всеми. Алесия пала, и Галлия была покорена.

В продолжение этой великой борьбы вся армия Цезаря находилась в его лагере; у него не было уязвимых мест. Он воспользовался своею победою, чтобы снова завоевать симпатии жителей Отэна. Он зимовал среди них, но часто совершал экспедиции в пункты, расположенные на расстоянии ста лье друг от друга, и сменял войска.

Наконец, в 51 г. он осадил Кагор, где погибли последние из галлов¹. Галлия сделалась римскою провинцией; подати с нее обогащали ежегодно римскую казну восемью миллионами.

В походах гражданской войны он побеждал, следуя тем же правилам, но подвергался гораздо большим опасностям. Он перешел Рубикон с одним только легионом, присоединил к себе тридцать когорт в Корфиние и в три месяца выгнал Помпея из Италии. Какая быстрота! Какая стремительность! Какая смелость!

Пока собирали суда для перехода через Адриатическое море и перенесения войны в Грецию, где находился тогда его соперник², Цезарь перешел Альпы и Пиренеи, прошел Каталонию с 900 всадниками, которых едва достаточно было для конвоя, подступил к Лериде и в сорок дней подчинил себе легионы Помпея под начальством Афрания. Пройдя без остановки от Эбро до Сиерра-Морены, он усмирил Андалузию и совершил торжественный въезд в Марсель, только что взятый его войсками. Наконец он является в Рим и после девятидневной диктатуры снова покидает его и направляется в Брундисий, где становится во главе двенадцати легионов, собранных Антонием.

В следующем, 48-м г. он переплыл с 25 тысячами Адриатическое море и сдерживал несколько месяцев все силы Помпея, до присоединения к нему Антония, который успешно совершил переход через море, невзирая на неприятельский флот. Тогда Цезарь двинулся вместе с ним на Диррахий, опорный пункт Помпея, и обложил его. В нескольких милях от этого города, на берегу моря, последний разбил свой лагерь. Тогда Цезарь, не довольствуясь обложением Диррахии, осадил и вражеский лагерь; он использовал вершины окружающих его холмов, построив на них 24 форта, и таким образом создал контрваланционную линию протяжением в 6 лье. Но Помпей, имея в тылу море, получал через него продовольствие и подкрепления благодаря своему флоту, который господствовал в Адриатике; пользуясь своей центральной позицией, он атаковал Цезаря и нанес ему поражение, которое стоило последнему до 30 знамен

¹ Имеются в виду защитники независимости Галлии. — Р е д.

² Помпей. — Р е д.

и нескольких тысяч отборных солдат — ветеранов. Счастье, казалось, изменило Цезарю, он не мог надеяться на получение подкреплений из Италии, потому что море было для него закрыто; все преимущества были на стороне Помпея. Цезарь, после марша в 50 лье, перенес войну в Фессалию и на полях Фарсальских разбил Помпея. Помпей, оставшись почти в одиночестве, несмотря на господство на море, принужден бежать, прибывает с мольбой о помощи к берегам Египта, где находит смерть от руки подлого убийцы.

Несколько дней спустя Цезарь, преследуя его по пятам, вступает в Александрию; но тут жители этого большого города и войско Ахиллы осаждают его во дворце и в амфитреатре. Наконец, после девяти месяцев опасностей и непрерывных сражений, в условиях, когда проигрыш хотя бы одного из них повлек бы за собой его гибель, он одерживает победу над египтянами.

В продолжение этого времени Сципион, Лабизн и царь Юба господствовали в Африке с четырнадцатью легионами, остатками партии Помпея. Их многочисленные эскадры перерезали морские коммуникации. Катон, находясь в Утике, воспламенял ненависть во всех сердцах. Цезарь с малым войском переплывает море, высаживает войска в Адруметте, сначала терпит неудачи, но в конце концов после прибытия всей его армии наносит при Тапсе поражение Катону, Сципиону и Юбе. Катон, Сципион и Юба кончают с собой. Ни крепости, ни многочисленные эскадры, ни клятвы и долг народов не смогли спасти побежденных от превосходства и энергии победителя.

В 45 г. сыновья Помпея собрали в Испании остатки войск, разбитых при Фарсале и Тапсе, и оказались во главе армии, превосходившей ту, которой командовал их отец. Цезарь покидает Рим, в 23 дня достигает Гвадалквивира и разбивает Секста Помпея при Мунде. В этом сражении, едва не потерпев поражение, когда легионы его дрогнули, Цезарь, по слухам, хотел лишиться себя жизни. Лабизн пал в бою, а голову Секста Помпея положили к ногам победителя. Через шесть месяцев, в мартовские иды, Цезарь был умерщвлен в сенате.

Если бы Цезарь был побежден при Фарсале, Тапсе, Мунде, то он подвергся бы участи Помпея Великого, Метелла, Сципиона, Секста Помпея. Помпей, которого римляне так любили, что прозвали «Великим», когда ему еще не было 24 лет; Помпей, победитель в восемнадцати походах и в трех частях света; Помпей, так прославивший римское имя, — окончил поприще свое после поражения при Фарсале, хотя владел морем, а соперник его не имел флота.

Правила Цезаря были те же, коими руководствовались Александр и Ганнибал: держать свои силы в совокупности, не иметь уязвимых мест, устремляться с быстротою на важнейшие пункты, использовать моральный фактор, славу оружия, страх, который они внушали, а также политические средства для

обеспечения верности союзников и удержания в повиновении покоренных ими народов.

Густав-Адольф, переплыв Балтийское море, овладел островом Рюген, Померанией и устремился к Висле, Рейну и Дунаю. Он дал два сражения; победив при Лейпциге, он одержал победу и при Люцене, но последняя стоила ему жизни. Краткая карьера его ознаменована смелостью, быстротою маневра, отличной организацией и храбростью войск. Густав-Адольф был воодушевлен принципами Александра, Ганнибала, Цезаря!

Тюрени проделал пять кампаний до Вестфальского мира; восемь — в промежуток времени от Вестфальского до Пиренейского мира и пять между Пиренейским миром и кончиною его, последовавшей в 1675 г. Его маневры и марши в кампаниях 1646, 1648, 1672 и 1673 гг. полностью соответствуют принципам Александра, Ганнибала, Цезаря и Густава-Адольфа.

В 1646 г., выступив из Майнца, Тюрени двинулся вниз по левому берегу Рейна до Везеля, переправился на правый берег этой реки, пошел вверх до реки Лан, соединился со шведскими войсками, переправился через Дунай и Лех и прошел, таким образом, по неприятельской земле 200 лье; достигнув Леха, он собирает в кулак все свои войска, предоставив, подобно Цезарю и Ганнибалу, союзникам охрану своих коммуникаций или, по крайней мере, решив временно обходиться без резервов и коммуникаций, оставив за собой один только складочный пункт.

В 1648 г. он переправился в Оттенгейме через Рейн, соединился в Ганау со шведскими войсками, двинулся к реке Редниц, отошел к Дунаю, через который переправился у Диллингена, разбил Монтекукули при Цусмерсгаузене, затем переправился через Лех у Райна и через Инн у Фрейсингена; устроенный баварский двор покинул Мюнхен. После этого Тюрени перевел свою главную квартиру в Мюльдорф, наложил контрибуцию на этот город и опустошил всю страну в наказание за вероломство курфюрста.

В 1672 г. Тюрени должен был, под главным начальством Людовика XIV, завоевать Голландию; он пошел вниз по левому берегу Рейна до того места, где эта река разделяется на несколько рукавов, переправился через нее и овладел шестьюдесятью укрепленными пунктами. Авангард его достиг уже Наардена. Неизвестно, в силу какой фатальной причины Тюрени остановился там и не вступил в Амстердам. Голландцы опомнились, открыли шлюзы и затопили страну. Французская армия, ослабленная оставлением гарнизонов в крепостях, ничего больше не предприняла. Король возвратился в Версаль и передал маршалу Люксембургу главное командование. Тюрени же с отдельным корпусом перешел Рейн и поспешил на помощь союзникам короля — епископам Мюнстерскому и Кельнскому. Он направился вверх по правому берегу Рейна, прибыл

к Майну и тут задержал сорокатысячную армию великого курфюрста до того времени, как последний, соединившись с армией герцога Лотарингского, принудил Тюренна отступить за Рейн. Это позволяло курфюрсту переправиться в Страсбурге через Рейн, но Кондэ вовремя подоспел к этому городу, разрушил мост и снова не допустил курфюрста осуществить свой план. Тогда последний пошел к Майнцу, где на расстоянии выстрела от крепости он навел мост и заполнил левый берег своими отрядами. Тюренн зимою перешел по мосту в Везеле на правый берег Рейна, нанес поражение великому курфюрсту, оттеснил его к Эльбе, принудил подписать 10 апреля сепаратный мир с Францией. Эти столь смелые и длительные марши Тюренна изумили всю Францию. Но пока они не увенчались успехом, они оставались объектом критики посредственных умов.

В кампании 1674 года Монтекукули взял инициативу в свои руки и переправился через Рейн, чтобы перенести войну на левый берег. Тюренн не обратил на это внимания, сам перешел в наступление, переправился через Рейн и принудил Монтекукули возвратиться на правый берег. Потом он расположился лагерем при Вильштедте, чтобы прикрыть Страсбург, находившийся в двух лье позади него, и мост в Оттенгейме, находившийся в четырех лье правее. Монтекукули же расположился за Кинцигом, в 1—1½ лье от французского войска, примыкая к крепости Оффенбург, занятой его гарнизоном. Позиция Тюренна была невыгодна. Ему следовало лучше вступить в сражение, чем подвергаться опасности лишиться моста у Оттенгейма и пути к отступлению, или же страсбургского моста.

Если бы Монтекукули сделал шестичасовой ночной переход без отдыха в направлении на Оттенгейм, то, имея операционную линию на Фрибург, он захватил бы Оттенгеймский мост, прежде чем французы успели бы подоспеть к нему. Однако он ничего этого не сделал, топтался на месте и ограничился удлинением левого крыла. Он надеялся одними демонстрациями принудить противника оставить вильштедтский лагерь и очистить дорогу на Страсбург. Тюренн тоже ничего не сделал и, растянув правое крыло, ухудшил свое положение; наконец, заметив, в каком рискованном положении находится его армия, он разрушил мост у Оттенгейма, навел другой у Альтенгейма — на два лье ближе к Страсбургу и Вильштедтскому лагерю. При всем том он был все еще слишком далек от Страсбурга; следовало навести мост в одном лье от этого города.

Монтекукули, изменив свой план, решился перейти Рейн ниже Страсбурга, приказал жителям этого города, которые все ему продались, приготовить суда для моста, а затем двинулся вперед, чтобы принять их. Но Тюренн немедленно занял острова, устроил преграду из кольев и ретраншементы на реке Ренхен. Монтекукули, заметив, что он отрезан от Оффенбурга и

корпуса Капрары, был вынужден отказаться от своего намерения.

В этом походе Тюрени сделал большую ошибку, которая могла бы повлечь за собой гибель войска, если бы против него действовал принц Кондэ; он навел мост в Оттенгейме, в четырех лье от Страсбурга, вместо того чтобы навести его в одном малом лье. Но он доказал, что стоит несравненно выше Монтекукули тем, что: 1) принудил последнего отказаться от собственной инициативы и следовать его инициативе; 2) не позволил ему вступить в Страсбург; 3) захватил мост, приготовленный жителями Страсбурга, и 4) встав на Ренхене, отрезал Монтекукули от Оффенбурга и корпуса Капрары, что, несомненно, принудило противника отступить через Шварцвальдские горы и явилось апогеем успехов, достигнутых в эту кампанию.

Принц Евгений Савойский в кампанию 1697 г. победил турок, разбив их при Занте и принудив их к заключению мира. В 1701 г. он вторгся в Италию через Триент с тридцатитысячной армией, перешел Адидже у Карпи, проник в провинцию Брешиа, отбросил маршала Катина за Олио и разбил Виллеруа при Къяви. В 1702 г. он захватил врасплох Кремону, но проиграл сражение при Лучаре. В 1704 г. он командовал во Фландрии и одержал победу при Гохштете. В 1705 г. он действовал в Италии против Вандома и потерпел неудачу при Кассано. В 1706 г. он выступил из Триента, направился по левому берегу Адидже, переправился через нее на виду у французской армии, пошел по левому берегу По, вверх по течению, перешел Танаро на глазах герцога Орлеанского и, обойдя все линии французов, соединился под Турином с герцогом Савойским, атаковал их правый фланг между Сессией и Дорией и заставил отступить. Этот маневр — образец смелости.

В 1707 г. он вторгся в Прованс и осадил Тулон. В 1708 г. он начальствовал над войсками на Рейне, сражался при Уденарде и четыре месяца осаждал Лилль. В 1709 г. он одержал победу при Мальплаке; в 1710 г. взял Кенуа и осадил Ландресси. Маршал Виллар спас Францию при Деенене. Мир 1724 г. закончил эту войну. В кампанию 1716 г. против турок принц Евгений овладел Темешваром, осадил и взял Белград и принудил Порту к миру. В 1733 г. он совершил последний поход; но преклонный возраст сделал его робким, он не решился riskнуть своей славой в восемнадцатом сражении и позволил маршалу Бервику взять на глазах его Филиппсбург.

Фридрих при вторжениях своих в Богемию и Моравию, в действиях на Одере, Эльбе и Заале следовал большей частью правилам этих великих полководцев. Он особенно полагался на дисциплину, храбрость и тактическое искусство своих войск.

Наполеон проделал 14 кампаний: две в Италии, пять в Германии, две в Африке и Азии, две в Польше и России, одну в Испании и две во Франции.

В первой итальянской кампании в 1796 г. Наполеон выступил из Савоны, перешел горы в слабо прикрытом месте, там, где Альпы соединяются с Апенниннами, разобшил австрийскую и сардинскую армии, овладел крепостью Кераско, при слиянии рек Танаро и Стуры, в двадцати лье от Савоны, и устроил там свои магазины. Он заставил короля сардинского уступить ему крепость Тортону, лежащую в двадцати лье восточнее Кераско, по направлению к Милану; утвердился тут, перешел По в Пьяченце, взял крепость Пиццигетоне на Адде, в 25 лье от Тортоны, двинулся потом к реке Минчио, овладел Пескиерою на линии Адидже, в 30 лье от Пиццегетоне, занял на левом берегу этой реки стены и форты Вероны, господствовавшие над тремя каменными мостами этого города, а также Порто-Леньяго, что дало ему еще один мост через эту реку. В таком положении он оставался до взятия Мантуи. От лагеря при Вероне до Шамбери, ближайшего складочного пункта на границе Франции, он владел четырьмя крепостями, где находились его магазины и госпитали; для них требовалось не более четырех тысяч человек гарнизона, состоявшего из выздоравливавших и новобранцев. Таким образом, на этой линии протяжением в сто лье у него было по одному складочному пункту через каждые четыре перехода. Когда, по взятии Мантуи, Наполеон направился в Церковную область, то Феррара, на реке По, была его первым, а Анкона, у подножия Апеннин, — в шести или семи переходах от Феррары, — вторым складочным пунктом.

В 1797 г. он переправился через Пьяве и Тальяменто и укрепил, в восьми переходах от Мантуи, Пальма-Нову и Озопо. Потом, перейдя Юлийские Альпы, он исправил старинные укрепления Клагенфурта, в пяти переходах от Озопо, и расположился на горе Земмеринг. Здесь он находился в 80 лье от Мантуи, но на этой операционной линии у него были три крепости и через каждые пять или шесть переходов имелся опорный пункт.

В 1798 г. Наполеон открыл военные действия на Востоке взятием Александрии; укрепил этот большой город и сделал его средоточием своих магазинов и формирований. Во время похода в Каир он приказал построить форт в Рахмании, в 20 лье от Александрии, и вооружил в Каире цитадель и несколько фортов. В Салихии, в 20 лье от Каира, при входе в пустыню, на пути в Газу, он построил форт. Достигнув этой деревни, войско находилось в 15 переходах от Александрии и имело на этой операционной линии три опорных пункта.

В кампанию 1799 г. он прошел 80 лье по пустыне, осадил Сен-Жан д'Акр и выдвинул наблюдательный отряд к Иордану,

в 250 лье от Александрии, своего главного опорного пункта. В Катии (в 20 лье от Салахии), в Аль-Арише (в 30 лье от Катии) и в Газе (в 20 лье от Аль-Ариша) построены были форты. Таким образом, на этой операционной линии протяжением в 250 лье находилось восемь пунктов, достаточно укрепленных, чтобы сопротивляться противнику, которого следовало здесь опасаться, и потому в эти четыре кампании ни один его курьер, ни один обоз не были перехвачены. В 1796 г. несколько одиночных солдат было убито в окрестностях Тортона; на Ниле, между Розеттою и Каиром, задержано было несколько джерм; но то и другое случилось в самом начале кампании. Сформированные в Египте полки на одnogорбых верблюдах так свыклись с пустынею, что коммуникации между Каиром и Сен-Жан д'Аком, как и между Верхним и Нижним Египтом, оставались все время открытыми. С 25-тысячной армией он занимал тогда Египет, Палестину и Галилею, то есть пространство в 30 тысяч квадратных лье. Между его главной квартирой перед Сен-Жан д'Аком и главной квартирой Дезз в Верхнем Египте было 300 лье расстояния.

В кампанию 1800 г. соблюдаемы были те же правила. Германская армия¹, прибыв на Инн, овладела крепостями Ульм и Иннгельштадт, что давало ей два больших складочных пункта. При заключении перемирия в Пфуллендорфе необходимость потребовать передачи этих крепостей была упущена из виду. Обладание ими Наполеон считал столь необходимым условием успеха своих действий в Германии, что передача их сделалась условием *sine qua non*² для продления перемирия.

Галло-батавская армия, находившаяся в Нюрнберге, прикрывала на Дунае левое крыло, а армия, действовавшая в Граубюндене, — правое крыло в долине Инна. Когда резервная армия спустилась с Сен-Бернара, то Иврея послужила первым складочным пунктом. Даже после победы при Маренго он не считал Италию снова завоеванной, пока не были опять заняты все укрепленные пункты, по сю сторону Минчио; и только с условием сдать их он позволил Меласу отступить к Мантуе.

Захватив в 1805 г. Ульм у восьмидесятитысячной австрийской армии, он двинулся к Леху, исправил в Аугсбурге старинные укрепления, вооружил их и сделал этот город, предоставивший ему столько ресурсов, своим складочным пунктом.

Он восстановил бы крепость Ульм, но укрепления этого города были срыты, а окружающая местность являлась слишком неблагоприятной. Из Аугсбурга он направился к Браунау, заняв его, получил обеспеченную переправу через Инн; это был второй складочный пункт, позволивший ему продвинуться до Вены. Обеспечив эту столицу от нечаянного нападения, он

¹ То есть французская армия, действовавшая в Германии. — Ред.

² Непременным условием (лат.). — Ред.

двинулся в Моравию и овладел цитаделью в Брюнне, которая была немедленно вооружена, снабжена припасами и служила, находясь в 40 лье от Вены, опорным пунктом для действий в Моравии. В одном переходе от Брюнна он дал сражение при Аустерлице. С этого поля сражения он мог отступить в Вену и перейти там Дунай или идти по левому берегу в Линц, а затем переправиться через ту же реку по мосту в этом городе, прикрытом сильными укреплениями, расположенными на окрестных высотах.

В 1806 г. он перенес свою главную квартиру в Бамберг, а армию сосредоточил на Реднице. Прусский король намерен был движением к Майну перерезать операционную линию французов, ведущую на Майнц, и тем остановить их. С этой целью он направил туда корпуса Блюхера и герцога Веймарского. Но коммуникационная линия французской армии шла уже не на Майнц, а от крепости Кронах, лежащей у выхода из Саксонских гор, к крепости Форхейм (на Реднице), а оттуда — к Страсбургу. Поскольку Наполеону не было опасно наступление пруссаков, то он двинулся вперед тремя колоннами: через Кобург пошла левая, состоявшая из 5-го и 7-го армейских корпусов, под начальством герцогов Монтебельского¹ и Кастильонского². Центр, при котором он находился сам, направился на Кронах и Шлейц; его составляли 1-й и 3-й армейские корпуса маршала Бернадотта и князя Экмюльского³, гвардия и резервная кавалерия. Правая, в составе 4-го и 6-го армейских корпусов герцога Далматского⁴ и князя Московского⁵, двинулась через Байрейт на Гоф. Прусская армия, стоявшая между Нейштадтом и Веймаром и уже выступившая к Майну, остановилась для поддержки своего авангарда. Отрезанная от Эльбы и Берлина и лишенная магазинов, она тогда только увидела опасность своего положения, когда последнее сделалось уже отчаянным. И хотя пруссаки находились вблизи Магдебурга, в середине своей земли и в двух переходах от Эльбы, они потерпели поражение, были отрезаны и лишены возможности отступить. Из всей старой армии Фридриха не спасся ни один человек, если не считать короля и нескольких эскадронов, которые с трудом достигли правого берега Одера: более 100 000 человек пленных, сотни орудий и знамен явились трофеями, взятыми в этом сражении.

В 1807 г., владея крепостями Кюстрин, Глогау и Штеттин, он⁶ перешел Вислу в Варшаве и укрепил Прагу, которая служила ему одновременно предместным укреплением и складоч-

¹ Ланна. — Ред.

² Ожеро. — Ред.

³ Даву. — Ред.

⁴ Сульта. — Ред.

⁵ Нея. — Ред.

⁶ Наполеон. — Ред.

ным пунктом. В то же время строилась Модлинская крепость и приводился в оборонительное положение город Торн. Дойдя до реки Пасарги, армия остановилась, чтобы прикрыть осаду Данцига, который сделался складочным и опорным пунктом при действиях, предшествовавших фридландскому сражению, определившему исход войны. Если бы военные действия не прекратились, эта линия была бы укорочена взятием города Пиллау, до перехода армии через Неман.

В 1808 г. большинство крепостей северной Испании: Сан-Себастьян, Памплуна, Фигерас, Барселона — находились во власти французской армии, двигавшейся к Бургосу.

В 1809 г. первые пушечные выстрелы раздались около Регенсбурга. Аусбург послужил центром, откуда велись его¹ операции. Поскольку австрийцы срыли укрепления в Браунау, он избрал город Пассау, лежащий при слиянии Инна и Дуная, как гораздо более выгодный пункт, ибо тамошний мост обеспечивает переправу через обе реки. Он приказал укрепить этот город, а также прикрыл первоклассными укреплениями мост в Ливце. Прибыв в Вену, французская армия имела, независимо от этой коммуникационной линии в Баварию, еще и обеспеченное сообщение с Италией через замок Грац и крепость Клагенфурт.

В 1812 г. он владел на Висле крепостями Данциг, Торн, Модлин и Прага. Вейлау, Ковно, Гродно, Вильно, Минск послужили магазинами близ Немана, Смоленск — главным складочным пунктом при движении к Москве. При осуществлении этой операции он имел через каждые восемь переходов сильный опорный пункт. Все почтовые станции были укреплены, снабжены бойницами и заняты каждая всего одной ротой с одним орудием. Это настолько хорошо обеспечило военные сообщения, что на протяжении всей кампании не был перехвачен ни один курьер, ни один обоз; и даже во время отступления, за исключением четырех дней, пока адмирал Чичагов не был отброшен за Березину, коммуникации армии с ее складочными пунктами оставались свободными.

В 1813 г. Кенигштейн, Дрезден, Торгау, Виттенберг, Магдебург и Гамбург были его¹ крепостями на Эльбе, а Мерзебург, Эрфурт, Вюрцбург — этапными пунктами на пути к Рейну.

В 1814 г. он повсюду имел крепости, и если бы Париж не пал, то обнаружилась бы вся важность находившихся во Фландрии крепостей. Наполеон принудил бы союзников очистить столицу, если бы переход на их сторону 6-го армейского корпуса не помешал ему двинуться к Парижу; ибо союзные генералы не решились бы вступить в сражение на левом берегу Сены, имея в тылу Париж, находившийся еще только три дня.

¹ Наполеона. — Р е д.

в их власти. Измена нескольких министров и гражданских чиновников облегчила неприятелю вступление в Париж; но только измена одного из маршалов помешала этой временной оккупации столицы стать гибельной для союзников.

Все планы четырнадцати кампаний Наполеона были разнообразны с подлинными принципами военного искусства. Действия его были смелы, но методичны. Это лучше всего доказывается обороною линии Адидже в 1796 г., когда Австрия потеряла несколько армий, а также Пасарги в 1807 г. — для прикрытия осады Данцига.

Но если нужен пример наступательной войны, веденной по ложным правилам, то таковым может служить кампания 1796 года в Германии.

Французская Самбро-маасская армия, овладев Вюрцбургской цитаделью, утвердилась в числе 50 000 человек на Реднице. Между тем левый фланг и центр Рейнско-мозельской армии (50 000) пошли через Неккар к Нересгейму, а правый фланг (20 000), под начальством Ферино, двинулся к Форарльбергу, у подножья тирольских гор. Эти три корпуса, разделенные горами и большими реками, имели каждый свою коммуникационную линию с Францией, так что поражение одного подвергло бы опасности другие два корпуса. Фланги — всегда самые слабые части наступающей армии. Должно по возможности стараться примкнуть оба фланга или по крайней мере один, к нейтральной стране или крупным естественным препятствиям. В нарушение этого первого правила войны французская армия, разделившись на три отдельных корпуса, приобрела шесть открытых флангов. Действуя же правильно, она легко могла бы основательно прикрыть оба фланга. У средней колонны, действовавшей при Нересгейме, левое крыло было открыто, даже правое не было примкнуто к Дунаю, потому что не позаботились овладеть Ульмом, оставленным противником, что одно только и могло дать правильный ход всей кампании. Таким образом, колонна висела в воздухе в 80 лье от Рейна, без единого опорного и промежуточного складочного пункта. Эрцгерцог, выделив свои главные силы против Самбро-маасской армии и правого корпуса, которым командовал Ферино, двинулся к Нересгейму; но после мужественного отпора французов перешел обратно Дунай и Лех, оставил 25 000 человек против левого фланга и центра Рейнско-мозельской армии, от которой только что понес поражение у Нересгейма, а с главными силами направился против Самбро-маасской армии и отбросил ее за Рейн.

В эту кампанию главнокомандующий Рейнской армией¹ сделал еще одну важную ошибку: он оставил у себя в тылу две больших крепости — Филиппсбург и Мангейм, не обложив

¹ Моро. — Р е д.

их и выделив четырехтысячный отряд только для наблюдения. Ему следовало тесно обложить их, чтобы перерезать все коммуникации с эрцгерцогом, лишить всяких известий о ходе войны и всякой связи с окрестностями; такая блокада явилась бы путем к взятию их. Он был жестоко наказан за это упущение. Гарнизоны обеих крепостей прогнали за Рейн французский наблюдательный отряд, возмутили крестьян, перерезали его коммуникации и, как только узнали об успехе эрцгерцога, едва не захватили врасплох Кель и Страсбургский мост. Никогда правила ведения войны и осторожности не нарушались столь грубо, как в эту кампанию. Весь план кабинета был порочен, а исполнение его еще более порочным. Как же следовало поступить?

1) Соединить упомянутые три корпуса под начальством одного главнокомандующего.

2) Действовать сосредоточенными силами, иметь только два фланга и одним из них упираться постоянно в Дунай.

3) Овладеть прежде всего четырьмя неприятельскими крепостями, находившимися на Рейне, или по крайней мере заложить траншеи против двух; занять Ульм, чтобы иметь надежный и значительный складочный пункт на Дунае, при выходе из Шварцвальда.

Другим примером наступательной войны, которая велась с нарушением важнейших правил военного искусства, может служить война в Португалии в 1810 г. Англо-португальская армия состояла из 80 тысяч человек, в том числе 15 тысяч человек ополчения, находившегося для наблюдения в Коимбре и оправшегося на Оporto. Французская армия, заняв Сиудад-Родриго и Алмейду, вступила, в числе 72 тысяч, в Португалию и атаковала противника, занявшего позиции на высотах Бусаго. Силы обеих сторон были одинаковы, но позиция Бусаго была весьма сильная. Французы потерпели неудачу, но обошли на другой день неприятельские линии, направившись к Коимбре; вследствие этого португальцы отступили к Лисабону, сжигая все на пути и опустошая страну. Французский генерал¹ преследовал их по пятам, не оставив даже наблюдательного отряда против пятнадцатитысячной дивизии ополчения, отступившей к Оporto, и, таким образом, обнажив свои тылы и опорный пункт Коимбру, где оставалось 5 тысяч раненых и больных. Он не успел еще дойти до Лисабона, как португальская дивизия овладела уже Коимброю и отрезала ему все пути к отступлению. Надлежало оставить, по крайней мере, шеститысячный отряд для защиты и укрепления Коимбры и для сдерживания дивизии, стоявшей у Оporto. Правда, что тогда он привел бы к Лисабону только 60 тысяч человек, но этих сил

¹ Массена. — Р е д.

было бы достаточно, если бы английский главнокомандующий¹ был намерен посадить свои войска на суда; если же тот, напротив, собирался (на что указывало все) удержаться в Португалии, то французам не следовало идти далее Коимбры. Они должны были занять впереди этого города, или даже в нескольких переходах, выгодную позицию, укрепить ее, выслать отряд для овладения городом Оporto, обезопасить тылы и коммуникации с Алмейдой и выждать взятия Бадахоса и прибытия армии из Андалузии на Тахо.

Дойдя до лисабонских укреплений, французский генерал не решился атаковать их, хотя должен был знать об их существовании, потому что противник производил работы в продолжение трех месяцев. Общее мнение таково, что если бы он тотчас по прибытии атаковал укрепления, то овладел бы ими. Но спустя два дня было уже поздно. Между тем в Лисабоне англо-португальская армия усилилась значительным числом батальонов ополчения, так что французский генерал, не добившись никакого успеха, лишился 5 тысяч раненых и больных и своих коммуникаций. Под стенами Лисабона он заметил, что у него мало снарядов. Он не обдумал своего предприятия.

Наступательной кампанией, которая также велась против всех правил, была и война Карла XII в 1708 и 1709 гг. В сентябре 1707 г. этот государь во главе 45 тысяч человек выступил из Альштатского лагеря под Лейпцигом и прошел через Польшу. Двадцатитысячный корпус Левенгаупта высадился в Риге. 15 тысяч стояли в Финляндии; следовательно, он² имел возможность сосредоточить 80 тысяч человек лучших в мире войск. Оставив 10 тысяч в Варшаве для защиты короля Станислава, он в январе 1708 г. прибыл в Гродно, где и расположился зимовать. В июле, пройдя минские леса, он подступил к Борисову, перешел Березину и разбил 20 000 русских, укрепившихся по ту сторону болот; переправился в Могилеве через Борисфен³ и 22 сентября разбил шестнадцатитысячный корпус московитов при Смоленске. Он достиг границ Литвы и готовился вступить на территорию собственно России: встревоженный царь сделал ему мирные предложения. До того времени действия Карла сообразовались с правилами военного искусства, — коммуникации его были обеспечены, он владел Польшею и Ригой, находился в десяти переходах от Москвы и, по всей вероятности, вступил бы в нее, если б не сошел с большой дороги на эту столицу и не двинулся на Украину — на соединение с Мазепою, который привел ему только 6 тысяч человек. Такое движение обнажало с фланга, — на протяжении 400 лье, считая от Швеции, — его операционную линию; он

¹ Веллингтон. — Р е д.

² Карл XII. — Р е д.

³ Древнее название Днепра. — Р е д.

не был в состоянии удержать ее и потерял возможность получать подкрепления. Левенгаупт, через 12 дней после него, перешел Борисфен у Могилева с 16 000 человек и 8000 повозок, и, едва сделав четыре перехода в направлении Украины, был атакован русским царем во главе сорокатысячного войска. 7, 8, 9 и 10 октября он мужественно сражался, но потерял все обозы, 11 000 войска и только с 5000 присоединился к своему государю на Украине, нуждаясь во всем.

Между тем царь создал значительные магазины в Полтаве. Карл XII в мае 1709 г. осадил этот город, но в июне прибыл царь с 60 000 человек для снятия осады. У короля оставалось только 30 000, в том числе украинские казаки. Он атаковал русскую армию и был разбит; катастрофа его армии была полной; он с трудом добрался до Турции, переправившись через Днепр¹ с одною тысячею солдат.

Если Карл XII намеревался идти на Москву, то движение его было сообразно с правилами военного искусства вплоть до Смоленска. Коммуникации его с Швецией и Ригой были прикрыты Двиною до Борисфена — у Могилева. Если же он хотел перезимовать на Украине, чтобы набрать там казаков, то не должен был переправляться через Неман у Гродно и двигаться через Литву. Ему следовало выступить из Кракова, двинуться к нижнему Днепру и через этот город, через Вислу и Одер, установить сообщение с Швецией; ему нельзя было предполагать, что он будет в состоянии поддерживать сношения со своим государством по коммуникационной линии, которая на протяжении 400 лье шла вдоль русских границ и оставалась открытой с фланга. Между тем ему нетрудно было сохранить ее, проведя через Краков, прикрытый Литвою, Неманом и Вислой. Он не воевал подобно Ганнибалу, то есть, обходясь без всякого сообщения со своим государством; ведь Левенгаупт следовал за ним в двенадцати переходах со столь значительным отрядом, сопровождая столь важные для него обозы, и Карл надеялся, значит, на его прибытие. К этой первой ошибке, которая повлекла за собой гибель Карла, он прибавил другую, именно ту, что атаковал русскую армию под Полтавою. Находясь всего в 12 лье от Днепра, он мог в два перехода отступить за эту реку и очутиться на Волыни и в Подолии, ибо ж чему было вступать в это сражение? Если бы он одержал победу под Полтавою, то что мог бы он предпринять с войском, в котором насчитывалось бы лишь 18 000 шведов, в сорока переходах от Москвы? Он не мог более надеяться нанести противнику решительный удар. Все обстоятельства требовали, чтобы он, пользуясь летним временем и страхом, который внушал еще москвитам, перешел в мае через Днепр и возвратился в Польшу. Ему следовало дать сражение, чтобы обеспечить

¹ Автор ошибочно указывает Днепр вместо Днестра. — Р е д.

свое отступление, собрать суда и соорудить форт в 12 лье от Полтавы, на Борисфене. Но он вел войну неорганизованно. Он был просто храбрый, неустрашимый солдат. Оставив большую дорогу на Москву, он тотчас же лишился коммуникационной линии, перестал получать известия из Швеции. О поражении Левенгаупта он узнал уже от самого этого генерала. Уверяют, что порочный характер предпринятой им операции не ускользнул от ряда офицеров его штаба, которые, потеряв надежду отклонить короля от похода на Украину, долго убеждали его подождать в Смоленске прибытия отряда Левенгаупта с его столь драгоценным обозом.

З а м е ч а н и е 10-е

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЭСЛИНГЕНЕ¹

Дай бог, чтоб враги Франции совершали всегда такой искусный маневр, как, например, занимали бы позицию, растянутую вдвое против того, что они могут оборонять, не подвергаясь опасности прорыва в центре.

Если бы не разрыв моста, — что заставило Наполеона остановиться и ограничиться оборонительными действиями, — то линия австрийцев была бы прорвана и одна половина армии отброшена в Венгрию, а другая в Богемию. Растягиваться по местности — совершенно в духе австрийской тактики, но это противоречит подлинным правилам военного искусства. Левому крылу австрийской армии не надо было заходить за селение Эслинген, правое следовало примкнуть к Дунаю; в таком случае для обороны ее позиции хватило бы войск. Растянув левый фланг до Энцерсдорфа, неприятель не мог сделать и шагу вперед, не подставляя себя под огонь с острова Лобау; так получилось, что этот фланг не двинулся с места: лишь только он предпринимал попытку двинуться вперед, как картечь с острова Лобау поражала его в тыл и заставляла возвращаться на прежнюю позицию.

Не надо противоречить себе. Было ли Эслингенское сражение проиграно потому, что мы атаковали центр неприятельской линии в колоннах? Или же мы проиграли его вследствие военной хитрости эрцгерцога Карла, который сорвал наши мосты,

¹ Следующие замечания генерала Ронья об Эслингенском сражении подали Наполеону повод к разбору этой битвы. Генерал Ронья говорит в своем сочинении:

«Мы проиграли сражение при Эслингене, потому что атаковали в колоннах центр австрийских сил. Последний постепенно отступал, а между тем фланги австрийской линии, подаваясь вперед, приближались к нашим крыльям. Вследствие такого искусного маневра мы очутились в центре полу-круга, под перекрестным пушечным и ружейным огнем противника, истреблявшим наши несчастные колонны...» — Р е д.

напал на нас в этом критическом положении, имея 100 000 человек против 45 000?

Но, во-первых, мы не проиграли Эслингенского сражения, а выиграли его, потому что поле сражения от Гросс-Асперна до Эслингена осталось в нашей власти, во-вторых, герцог Монтебелльский атаковал не в колоннах, а в развернутом строю; на поле сражения он маневрировал искуснее всех других генералов армии; в-третьих, не эрцгерцог сорвал наши мосты, а Дунай, который за трое суток поднялся на 14 футов.

После Экмюльского сражения французы подступили к Вене; эрцгерцог Максимилиан начальствовал в этой столице, приведенной в оборонительное положение. Артиллерийский генерал Ларибуасьер поставил ночью 30 гаубиц, сведенных в батарею, позади одного дома в предместье, и зажег город, который отворил свои ворота. Между тем эрцгерцог Карл приближался по левому берегу Дуная. Наполеон решился предупредить его и переправиться через эту широкую реку.

Расположение на правом берегу было выгодно, только пока армия имела предместное укрепление на левом берегу; без этого инициатива оставалась в руках неприятеля. Это соображение было столь важным, что Наполеон возвратился бы к реке Энс, если б не нашел возможности утвердиться на левом берегу. Но последнее предприятие было крайне затруднительно. Дунай имеет до 500 туазов в ширину, 15, 20, 30 футов в глубину и отличается очень быстрым течением. Переправа через такую реку вблизи большой неприятельской армии требовала тем больше искусства, что нельзя было удалиться от реки из опасения, чтобы противник, имевший два понтонных парка, не переправился сам через Дунай и не направился к Вене. Наполеон намерен был произвести переправу в двух лье выше города. В 1805 г. он заметил там довольно большой остров, отделенный от правого берега главным рукавом Дуная, а от левого берега рукавом в 50 туазов¹. По овладении этим островом можно было утвердиться на нем, после чего оставалось бы переправиться через реку шириной уже не в 500 туазов, а только в 50 туазов: это означало осуществить переправу через Дунай как бы посредством правильной осады.

16 мая² герцог Монтебелльский послал 500 человек на этот остров; армия эрцгерцога находилась еще в одном переходе позади; но после 1805 г. была сооружена плотина между левым берегом и островом, так что последний перестал быть таковым. Генерал Бубна, стоявший вблизи, двинулся с 6000 человек навстречу 500³ и опрокинул их; часть была взята в плен, остальные переправились обратно, под прикрытием тридцати

¹ Ширины. — Ред.

² 1809 г. — Ред.

³ Переправившимся на другой берег. — Ред.

12-фунтовых орудий и гаубиц. После неудачи этой операции Наполеон направился в пункт, находящийся в двух лье ниже Вены, напротив острова Лобау. Этот остров имеет в длину 1800 туазов и отделен от правого берега главным рукавом шириной в 500 туазов, а от левого — малым рукавом шириной в 60 туазов. Он¹ решился утвердиться на этом острове. Остров Лобау мог служить ему как бы укрепленным лагерем на левом берегу Дуная; французская армия была бы прикрыта от нападения эрцгерцога, и если бы последний направился в Крембс или в другое место, чтоб переправиться через Дунай и стать на ее сообщениях, то с острова Лобау можно было удобно атаковать его в тыл и, так сказать, застигнуть его на месте преступления. Генерал-лейтенанту Бертрану приказано было навести 19 мая мост на судах и понтонах через Дунай. Авангард переправился и овладел островом. Утром 20 числа мост был окончательно наведен, и армия начала переход. После полудня Дунай поднялся на 3 фута, суда сорвались с якорей, а за ними был сорван и мост; но через несколько часов все было исправлено и войска снова стали переправляться на остров. Около 6 часов вечера Наполеон приказал перебросить мост через излучину малого рукава. Генерал Ласалль направился с 3000 человек кавалерин на Эслинген, объездил равнину по всем направлениям и встретил австрийскую кавалерийскую дивизию, с которой вступил в схватку. Ночью он расположился между Гросс-Асперном и Эслингеном. Наполеон провел ночь на левом берегу у малого моста. 21 числа на рассвете он отправился в Эслинген. Один батальон был поставлен в укреплении типа редута, в селении Энциерсдорф. Часть кирасир генералов д'Эспаня и Нансути переправилась, но в полдень вода в Дунае опять поднялась на 4 фута. Большой мост снова был снесен. Остальная кавалерия и резервная артиллерия не могли переправиться. Генерал Бертран в течение этого дня два раза исправлял мосты, и оба раза они были сорваны вновь. Австрийцы, оставляя Вену, зажгли много судов, которые прибывавшая вода наносила на понтоны. В 4 часа пополудни генерал Ласалль донес Наполеону, что австрийская армия находится на марше. Князь Невшательский взошел на башню эслингенской церкви и начертил движение австрийской армии: эрцгерцог хотел правым флангом атаковать Гросс-Асперн, центром — Эслинген, а левым флангом — Энциерсдорф, обеспечив, таким образом, полуокружение Эслингена. Наполеон приказал отступить на остров Лобау, а отряду в 10 000 человек остаться и занять рошу против малого моста. В это время генерал Бертран дал знать, что вода в Дунае убывает, что он навел снова мост и что резервная артиллерия переправляется. Было поздно. Наполеон решился оставаться на своей по-

¹ Наполеон. — Р е д.

зиции, ибо если бы неприятель занял селение Эслинген, то снова взять его было бы очень трудно и это стоило бы много крови. В 5 часов¹ стрелки завязали перестрелку, вскоре ружейный и артиллерийский огонь сделался очень сильным; кирасиры произвели несколько прекрасных и блистательных атак. Все нападения австрийцев на Гросс-Асперн и Эслинген были отражены, и 25 000 человек, атакованные 100 тысячами, удерживали в продолжение трех часов поле битвы. Когда настала ночь, расположение бивачных огней обеих армий возвестило решительное сражение на следующий день.

Французская армия, находившаяся на обоих берегах, была на двадцать тысяч сильнее армии эрцгерцога. В победе можно было не сомневаться, но после полуночи вода в Дунае стала ужасающе прибывать. Переправа войск по мосту снова была прекращена, и возобновить ее удалось только с рассветом. Гвардия и корпус герцога Реджио начали переправляться ускоренным шагом. Наполеон, полный надежд, сел на коня. Решение участи Австрийского дома приближалось! Прибыв в Эслинген, он приказал герцогу Монтебелльскому прорвать центр австрийской армии, а молодой гвардии, выйдя из Эслингена, атаковать в решительную минуту левое неприятельское крыло, которое примыкало к Энцерсдорфу — местечку, расположенному на том рукаве Дуная, который образует остров Лобау. Герцог Монтебелльский развернул свои дивизии с искусством и хладнокровием, приобретенными им во ста сражениях. Неприятель почувствовал, насколько важно не допустить прорыва своей линии; но она была слишком растянута, имея более трех лье в длину, а потому все усилия австрийцев оказались тщетными. Молодая гвардия направлялась уже к флангу неприятельского левого крыла, но тут продвижение победоносных войск пришлось задержать: мосты снова были сорваны силою потока, некоторые понтоны были унесены на два лье от этого места. Восстановить их² можно было только через несколько дней. Половина кирасиров, корпус князя Экмюльского и вся резервная артиллерия оставались еще на правом берегу. Все это было ужасно некстати; но оперативный план был таким мудрым и глубоко продуманным, что армия не могла подвергнуться никакой опасности и, в худшем случае, вновь заняла бы свои позиции на острове Лобау, где она была недосыгаема. Никогда не существовало сильнеешего укрепленного лагеря: он был прикрыт глубоким ровом шириной в 60 туазов. Это неприятное известие³ прибыло в 7 часов утра; император послал князю Эслингенскому и герцогу Монтебелльскому приказ остановиться и постепенно отступить в прежнее распо-

¹ Утра. — Р е д.

² Мосты. — Р е д.

³ О срыве моста. — Р е д.

ложение. Первый примкнул свой левый фланг к середине деревни Гросс-Асперн, простирающейся в длину более чем на лье; второй стал между Гросс-Асперном и Эслингеном, примкнув правое крыло к последнему селению. Этот маневр был произведен, как на параде; неприятель, потерявший уже надежду и отступавший, с изумлением остановился, ничего не понимая в этом отступательном движении французов; но скоро он узнал, что их мосты снесены; центр его занял прежнюю позицию. Было около десяти утра; с этого момента и до четырех часов пополудни, — следовательно в продолжение шести часов, — 100 000 австрийцев с 500 орудиями тщетно и безуспешно атаковали 50 тысяч французов, имевших на позиции не более 100 орудий и принужденных беречь снаряды вследствие недостатка в них.

Весь успех сражения зависел от занятия селения Эслинген; эрцгерцог делал все, что следовало, пять раз атаковал его свежими войсками; два раза овладевал им и пять раз был из него вытеснен. Наконец в 3 часа пополудни император приказал своим адъютантам генералу Раппу и храброму графу Лобаускому стать во главе молодой гвардии и тремя колоннами броситься в штыки на неприятельские резервы, готовившиеся к шестой атаке. Австрийцы были разбиты и победа обеспечена. Эрцгерцог не имел более свежих войск и отошел на позицию; ровно в 4 часа прекратился огонь, хотя в это время года можно сражаться до 10 часов вечера. Таким образом, мы в течение шести часов удерживали за собой поле сражения.

Старая гвардия, при которой находился император, все время стояла в боевом порядке на расстоянии ружейного выстрела от Эслингена, примыкая правым флангом к Дунаю, а левым к Гросс-Асперну.

В 6 часов вечера генерал-лейтенант Дорсенн, командир гренадер старой гвардии, послал к императору находившегося тогда при нем полковника Монтолона с просьбой позволить атаковать австрийцев, чтобы решить участь сражения и принудить их к отступлению. «Нет, — сказал Наполеон, — хорошо кончить таким образом: без мостов и подкреплений мы сделали больше, чем я надеялся; оставайтесь на месте». Затем он отправился на остров Лобау и объехал его. Он опасался, как бы неприятель не навел мост против оконечности острова и не бросил туда несколько батальонов. Потом он направился к большому мосту; увы! там все исчезло: ни одного судна не было на месте; Дунай в течение суток поднялся на 28 футов. Низменные участки острова были затоплены. Он¹ возвратился к малому мосту, приказал армии в полночь переправиться обратно через него и расположиться на острове Лобау. Корпус князя Эслингенского переночевал на поле сражения и перепра-

¹ Наполеон. — Р е д.

вился только назавтра, в 7 часов утра. Таким было Эслингенское сражение: пока мы владели островом Лобау, мы имели все, чтобы обеспечить себе владение Веной, удерживать которую стало бы невозможно, если бы мы потеряли этот остров. Из этого укрепленного лагеря мы могли в любое время перейти в наступление, если бы неприятель появился на левом берегу, ибо рукав шириной в 60 туазов — не препятствие, особенно в такой местности. Генерал Бертран построил в 20 дней три моста на сваях, что было в десять раз затруднительнее и дороже, чем сооружение цезарева моста через Рейн. Вице-король одержал при Раабе победу над эрцгерцогом Иоанном. Наполеон выступил с острова Лобау и одержал в июле достопамятную победу при Ваграме.

Эрцгерцог Карл сделал при Эслингене и после этого сражения все, что мог и должен был сделать.

В этом сражении пали генералы — герцог Монтебелльский и Сент-Илер, — оба герои и лучшие друзья Наполеона. Смерть их исторгла слезы из глаз его...

З а м е ч а н и е 14-е

КАМПАНИЯ 1813 года

В числе 240 000 человек, из коих состояла в этом походе французская армия, было 50 000 саксонцев, вестфальцев, баварцев, вюртембергцев, баденцев, гессенцев и солдат герцогства Бергского, не расположенных к Наполеону и более вредных, чем полезных. Остальные 200 000 состояли, за исключением гвардии, из молодых солдат (особенно в кавалерии), поляков, двух или трех полков легкой и четырех или пяти полков тяжелой кавалерии. Такой недостаток в легкой кавалерии не давал возможности вести разведку.

У нас на Эльбе были мосты в Дрездене, Мейссене, Торгау, Виттенберге, Магдебурге и Гамбурге. Движение к Дрездену было предусмотрено: было сделано все, чтобы завлечь туда неприятеля. Наполеон приказал построить укрепления, провести дороги и перебросить мосты через Эльбу у Кенингштейна для облегчения сообщения между этим пунктом и Штольпеном.

Победы при Люцене и Вюрцене 2 и 21 мая восстановили славу французского оружия. Король саксонский был с торжеством возвращен в свою столицу; неприятель был изгнан из Гамбурга; один из корпусов Великой армии стоял под стенами Берлина, а главная квартира Наполеона находилась в Бреслау: обескураженным русским и прусским армиям оставалось только отступить за Вислу; но Австрия, вмешавшись в дело, посоветовала Франции заключить перемирие. Наполеон возвратился в Дрезден; император австрийский оставил Вену и на-

правился в Богемию; император российский и король прусский обосновались в Швейднице. Открылись переговоры; князь Меттерних предложил собрать конгресс в Праге; это предложение было принято, но оказалось притворством: Венский двор уже принял на себя обязательства перед Россией и Пруссией; он уже в мае готов был объявить свои намерения, но неожиданные успехи французской армии заставили его действовать с большей осторожностью. Несмотря на все усилия этого двора, армия его была еще малочисленна, дурно организована и мало способна открыть военные действия. Князь Меттерних требовал иллирийских провинций, границы с Итальянским королевством, герцогства Варшавского, отречения Наполеона от титулов протектора Рейнского союза и посредника швейцарской конфедерации, от владения 32-м военным округом и голландскими департаментами. Эти чрезмерные условия были, очевидно, выдвинуты в уверенности, что они будут отвергнуты. Между тем герцог Виченцкий¹ отправился в Прагу, и переговоры открылись: все усилия, предпринятые для того, чтобы побудить державы отказаться от известной части их притязаний, привели лишь к незначительным изменениям. Наполеон решил на важные уступки и сообщил о них императору австрийскому через графа Бубна, находившегося в Дрездене. Он согласился на очищение иллирийских провинций, отделенных от Итальянского королевства рекой Изонцо, и герцогства Варшавского, от титулов протектора Рейнского союза и посредника швейцарской конфедерации. Что касается Голландии и ганзейских городов, то Наполеон брал на себя обязательство сохранить их за собой только до заключения мира и как залог возвращения Англией французских колоний.

Срок перемирия истек за несколько часов до того, как граф Бубна прибыл в Прагу, — это послужило для Австрии поводом присоединиться к коалиции, и война вспыхнула вновь.

За блистательной победой, одержанной французской армией 24 августа под Дрезденом над армией, находившейся под командованием трех государей, последовали неудачи маршала Макдональда в Лаузице и генерала Вандама в Богемии. Несмотря на это, перевес все еще оставался на стороне французов, опиравшихся на крепости Торгау, Виттенберг и Магдебург.

Около этого времени Дания заключила в Дрездене с Францией оборонительный и наступательный союз, и ее контингент увеличил армию князя Экмюльского в Гамбурге. В октябре Наполеон оставил Дрезден и направился по левому берегу Эльбы к Магдебургу, чтоб обмануть союзников. Он намерен был переправиться через эту реку в Виттенберге и двинуться к Берлину. Уже некоторые корпуса сосредоточились в Виттен-

¹ Коленкур. — Р е д.

береге и в Дессау были разрушены неприятельские мосты, когда получено было письмо от короля вюртембергского, которое вполне подтвердило возникшие сомнения в верности Мюнхенского двора и извещало, что король баварский неожиданно перешел на сторону противника; что без объявления войны или предварительного уведомления, в силу ридского договора, австрийские и баварские войска, стоявшие на берегах Инна, соединились и в числе 80 000 человек идут под начальством генерала Вреде к Рейну; что Вюртемберг будет принужден этой сильной армией присоединить к ней и свой контингент и что, по всей вероятности, Майнц будет скоро обложен стотысячной армией.

При этом неожиданном известии Наполеон счел необходимым изменить план кампании, разработанный им уже два месяца назад и для осуществления которого приготовлены были магазины и крепости. План этот состоял в том, чтоб отбросить союзников в пространство между реками Эльбой и Заале и, маневрируя под прикрытием крепостей и магазинов Торгау, Виттенберга, Магдебурга и Гамбурга, перенести театр войны в междуречье Эльба—Одер (французская армия владела на Одере крепостями Глогау, Кюстрин и Штеттин), а потом, сообразуясь с обстоятельствами, заставить противника снять осаду с крепостей на Висле—Данцига, Торна и Модлина. Можно было рассчитывать, что исполнение этого обширного плана увенчается таким успехом, что коалиция окажется дезорганизованной и все германские государи утвердятся в верности союзу с Францией. Если бы Бавария, как следовало полагать, отсрочила на две недели переход на сторону противника, то она определенно не сделала бы этого вовсе.

16 октября обе армии сошлись на поле сражения под Лейпцигом. Французская армия вышла победительницей. 18-го числа случилось бы то же, несмотря на неудачу герцога Рагузского 16-го числа, если б саксонские войска, занимавшие одну из важнейших позиций, не перешли на сторону противника с батареей из 60 орудий, которые тотчас же были направлены против французской линии. Такая неслыханная измена должна была повлечь за собой гибель всей армии и предоставить союзникам всю славу этого дня. Наполеон поспешил туда с половиной своей гвардии и прогнал саксонцев и шведов с их позиций. Наступил вечер; неприятель отошел по всей линии и расположился на биваках позади поля сражения, которое осталось за французами.

В Лейпцигском сражении участвовала и молодая гвардия под начальством герцогов Реджио и Тревизо. Средняя гвардия под командой генерала Куриалья атаковала и разбила австрийский корпус генерала Мерфельда и взяла последнего в плен. Гвардейская кавалерия во главе с генералом Нансути направилась на правый фланг, отбросила австрийскую конницу и за-

хватила большое число пленных. Гвардейская артиллерия под начальством генерала Друо стояла целый день под огнем. Из всей гвардии только пехота старой гвардии оставалась постоянно в боевом порядке, на грозной для врага позиции, где присутствие ее было необходимо, не где ей ни разу не довелось построиться в каре.

Ночью французская армия начала движение, чтобы расположиться за рекой Эльстер и вступить в прямое сообщение с Эрфуртом, откуда ожидалась обозы с боеприпасами, в которых она нуждалась. 16 и 18 числа она сделала более 150 000 орудийных выстрелов. Измена некоторых германских контингентов, — войск Рейнского союза, последовавших примеру, данному накануне саксонцами; случай с Лейпцигским мостом, который был взорван одним сержантом, прежде чем его начальник дал ему соответствующий приказ, — послужили причиной того, что армия, — хотя и вышедшая победительницей из боя, — понесла вследствие этих печальных событий потери, которые обычно являются следствием самых больших поражений. По вейссенфельдскому мосту она перешла обратно через реку Заале; тут ей следовало сосредоточиться и остановиться в ожидании боеприпасов из Эрфурта, где они имелись в изобилии, но в этот момент были получены точные известия об австро-баварской армии, которая форсированным маршем прибыла на Майн; следовательно, нужно было двинуться против нее.

30 октября французская армия встретила ее стоящей в боевом порядке впереди Ганау, где она преграждала дорогу на Франкфурт; хотя она была сильна и занимала хорошую позицию, но была опрокинута, совершенно разбита и изгнана из Ганау. Французская армия продолжала отступление за Рейн, через который переправилась 2 ноября.

Во Франкфурте состоялись переговоры между бароном Сен-Эньяном, князем Меттернихом, графом Нессельроде и лордом Эбердином. Союзники поставили первым условием мира, чтобы Наполеон отказался от титула протектора Рейнского союза, от Польши и эльбских департаментов; чтобы Франция осталась в своих естественных границах (Альпы и Рейн) и чтобы была достигнута договоренность о проведении в Италии границы, отделяющей Францию от владений Австрийского дома.

Наполеон согласился с этими основными условиями. Герцог Виченский отправился во Франкфурт; но франкфуртский конгресс, подобно пражскому, был уловкой, на которую пошли в надежде, что Франция отвергнет эти условия. Искали предложения к новому манифесту для воздействия на общественное мнение, потому что в то самое время, когда были сделаны эти мирные предложения, союзники нарушили нейтралитет кантонов, вторглись в Швейцарию, отказались принять французского уполномоченного во Франкфурте и назначили Шатильон на Сене местом работ конгресса; вскоре затем они дали понять,

что в основу должна быть положена уступка всей Италии, Голландии, Бельгии, рейнских департаментов и Савойи, — это возвращало Францию в границы, которые она имела в 1792 г.; в проекте предварительного договора, сообщенном 15 февраля, они требовали немедленной сдачи крепостей Гюннинген, Бефор и Безансон. Такого рода притязания уже никак не могли быть приняты без обсуждения. Переговоры еще продолжались, когда союзники объявили, что конгресс распущен.

З а м е ч а н и е 16-е

СРАВНЕНИЕ ПОХОДА НАПОЛЕОНА В 1800 г. С ПОХОДОМ ГАННИБАЛА В 218 г. ДО Р. Х.¹

Эти две операции не имеют ничего между собой: сравнивать их — значит не понимать ни той, ни другой.

1) Сципион не расположился за Морскими Альпами после перехода карфагенян через Рону. Он отослал свои войска в Испанию, а сам отправился в Пьяченцу, к войскам претора Манлия. 2) Ганнибал никогда не имел в виду обойти часть Альп и перейти через них в таком пункте, где противник не ждал его. Он двинулся по прямому направлению, перешел через Коттийские Альпы и спустился к Турину. Он не следовал ни через Лион, ни через Сейсель, ни через Сен-Бернар, ни по Аостской долине, — это ясно видно из текста Полибия и Тита Ливия, да ему и не нужно было этого делать. 3) Сражаясь на берегах Тичино и Треббии, Сципион имел у себя в тылу Рим; Мелас же сражался на полях Маренго, имея в тылу Францию. Таким образом, эти две операции не имеют между собой ничего общего и, значит, противоположны одна другой. Но поскольку уже много веков комментаторы рассуждают все о походе Ганнибала, рассмотрим его подробнее.

В 218 г. до р. х. Ганнибал, переправившись через Пиренеи, остановился в Коллиуре, потом прошел через Нижний Лангедок, недалеко от моря, и переправился через Рону, выше впадения в нее Дюрансы и ниже впадения реки Ардеш. Он переправился выше устья Дюрансы, потому что не намерен был двинуться к реке Вар; он переправился ниже устья реки Ардеш по той причине, что там начинается цепь гор, возвышающаяся почти отвесно над правым берегом Роны до Лиона; долина же на левом берегу шириной в несколько лье простирается до подножья Альп. Между устьем Роны и местом впадения в нее реки Ардеш — 28 лье; вероятно, что Ганнибал пере-

¹ Генерал Ронья, сравнивая переход через Альпы армиями Наполеона и Ганнибала, находит эти операции весьма сходными между собой. Наполеон опровергает это мнение. — Р е д.

правился в четырех лье ниже, на высоте Оранжа, в 24 лье или в четырех переходах от моря; от Оранжа он пошел по прямой линии на Турин. На четвертый день марша он прибыл к слиянию двух рек: либо Изера и Роны, выше Валанса, либо Изера и Драка у Гренобля. Оба эти пункта равно соответствуют текстам Полибия и Тита Ливия. Проведенная Наполеоном дорога из Испании в Италию, идущая через Рону по мосту Сен-Эспри и через Альпы у горы Женевр, есть кратчайший путь между обоими полуостровами. Она проходит через Гренобль.

Консул Сципион получил в управление Испанию, коллега его Семпроний — Сицилию. Сенат, вовсе не ожидая вторжения Ганнибала, намерен был вести войну одновременно в Испании и Африке. Римляне сообщались тогда с Испанией только морем. Лигурия, Альпы и Галлия были им неизвестны и населены враждебными им народами. Сципион посадил свое войско на суда в Пизе, гавани на реке Арно. После пятидневного плавания он бросил якорь у Марселя; здесь он узнал, к крайнему удивлению своему, о переходе Ганнибала через Пиренеи и о приближении его к Роне; он поплыл к устью этой реки и высадился там, уступив настояниям жителей долины Роны, призывавших его на помощь; он льстил себя надеждой — и не без основания, — что будет в состоянии воспрепятствовать переправе карфагенян через такую значительную реку, как Рона, как бы ни были они многочисленны; он выступил в поход и достиг в три дня лагеря карфагенян, покинутого ими уже за трое суток до этого. Карфагеняне двинулись вверх по реке. Сципиону оставалось либо следовать за ними (в таком случае он скоро настиг бы их аррьергард), но он поостерегся сделать так, потому что Ганнибал повернул бы вспять и разбил его, — либо же направиться вверх по долине Дюрансы к Аржантьерскому перевалу, соединиться там с войсками претора Манлия, стоявшего в Пьяченце, выждать Ганнибала и атаковать его соединенными силами при спуске в долину. Такой план спас бы Рим, но он был неудобноисполним. В Альпах обитали варвары, с давних времен враждебные римлянам, не менее галлов миланских и болонских; они перерезали бы коммуникации армии Сципиона, лишь только последняя перешла бы Коттийские Альпы. Следовательно, оставался только третий путь: возвратиться на флот к устью Роны и посадить войска на суда. Но следовало ли ему вернуться затем к Ницце, выйти там на берег, достигнуть Тендского перевала, спуститься в долину Стуры и, таким образом, оказаться у выходов из Коттийских Альп? — Он прибыл бы слишком поздно, потому что не смог бы достигнуть этих мест раньше как через 26 дней после того, как покинул Оранж, а между тем Ганнибал уже через 22 дня достиг Турина; кроме того, этот план был столь же неосуществим, как и тот, который предусматривал поход по суше от Оранжа до Аржантьерского перевала, вверх по течению Дю-

рансы, ибо на вершинах Морских Альп и на Тендском перевале также жили враждебные Риму народы.

Римляне в первый раз вступили в Галлию через 55 лет после Ганнибала; они перешли через Альпы только 104 года спустя; в 163 г. до р. х. консул Апиний переправился через Вар для усмирения лигурийских племен, тревоживших марсельские колонии в Ницце и Антибе. Римляне вступили тогда в Галлию, не переходя через Альпы. В 125 г. до р. х. римляне вторично переправились через Вар, под начальством консула Флакка, призванного на помощь жителями Марсея; в 124 г. консул Секст основал город Экс — первую колонию римлян в Галлии; до этого времени они еще не переходили через цепь Альп. В 122 г. консул Домиций перешел Коттийские Альпы и вторгся в землю аллоброгов; жители Отэна, вступившие тогда в союз с Римом, призвали его. Жители Дофинэ и Оверни стояли при Авиньоне; Домиций разбил их, у него были слоны, сильно напугавшие галлов. Наконец, в 118 г. Марк основал город Нарбонн.

Сципион, потеряв надежду воспрепятствовать переходу¹ через Альпы, уповал на то, что ему удастся прикрыть Рим с помощью таких преград, как Сессия, Тичино и По. Он сам отправился в Италию, а армию свою отослал под начальством брата в Каталонию, чтоб прервать сообщения Ганнибала с Испанией. Прибыв в Пизу, он стянул туда все имевшиеся в наличии войска республики, а в Пьяченце соединился с претором Манлием. Там он находился на превосходной позиции для задержания карфагенян: если бы они двинулись по правому берегу По, то Сципион мог бы встретить их при Страделле, где большое численное превосходство африканской армии оказалось бы бесполезным; а если бы они двинулись по левому берегу По, то он смог бы остановить их на Сессии или Тичино, — широких и глубоких реках; наконец, он имел еще довольно времени для обороны переправы через реку По; следовательно, он не мог сделать ничего лучше того, что сделал.

Между тем Ганнибал, прибыв к слиянию рек Роны и Изера, или к Греноблю, покончил там с распрей двух братьев, враждовавших из-за верховной власти; шесть дней спустя дошел (следуя первому предположению) до Монмелиана, где переправился через Изер (расстояние 36 лье); далее, двигаясь по труднопроходимой местности, прошел в девять суток сорок лье, отделяющие Монмелиан от подножья горы Сенис, по направлению к Сузе. Или же, если он выступил из Гренобля, то употребил шесть переходов, чтобы покрыть расстояние от этого города до Сен-Жан де Мориев (28 лье), откуда ему оставалось девять переходов до Сузы (30 лье). Через 22 дня после выхода из лагеря на Роне он вступил в Италию и двинулся к Турину,

¹ Ганнибала. — Р е д.

отказавшемуся впустить его, взял и разорил этот город. Из Турина он направился к Милану, главному городу цизальпинских галлов, именуемым инсубрами, которые являлись его союзниками, и перебрался через Дорию Бальтеа и Сессию, не встретив неприятелей.

Как только Сципион узнал о движении Ганнибала по левому берегу По, он перешел Тичино, чтоб занять позицию на Сессии, но опоздал, потерпел поражение и оказался не в состоянии оборонять линию По, через которую карфагеняне переправились выше устья Тичино. Успехи Ганнибала распространили ужас в Риме: консул Семпроний поспешил из Сицилии на Треббгию, соединился с армией Сципиона и вступил в сражение с карфагенянами. Он был разбит.

Движение Ганнибала от Коллиура до Турина было весьма простым; это было путешествие, он следовал по кратчайшей дороге; римляне ему нисколько не препятствовали, и войска Сципиона, находившегося на пути в Испанию, совершенно не принимались им в расчет. Еще до выступления из Картахены он был уже уверен в содействии цизальпинских галлов, имевших влияние на жителей Альп. Историки сообщают даже, что галлы болонские и миланские прислали к нему делегатов с просьбой ускорить свое движение и что он принимал их в лагере на Роне. Что касается трудностей перехода через Альпы, то они преувеличены: их не было вовсе, только слоны могли мешать ему. Начиная с 600 г. до р. х., следовательно, еще за 400 лет до Ганнибала, галлы имели обыкновение переходить через Альпы и вторгаться в Италию. Милан, Мантуя, Верона, Болонья были галльскими колониями.

З а м е ч а н и е 18-е

ВЫВОДЫ

...После сражения при Тразименском озере и при Каннах римляне лишились своих армий и не могли вновь собраться с силами; только несколько беглецов с трудом достигли Рима. Между тем эти сражения происходили под стенами римских крепостей, в немногих переходах от столицы. Если бы Ганнибала постигла та же участь, то это могли бы приписать чрезмерному удалению его от Карфагена, складов и укрепленных пунктов; однако же разбитый, разгромленный при Заме, у ворот Карфагена, он лишился армии подобно тому, как римляне при Каннах и при Тразименском озере. После сражения при Маренго генерал Мелас потерял армию, несмотря на то, что в его руках было довольно крепостей на всех направлениях, как, например, Александрия, Генуя, Тортона, Фенестрелли, Кони. Армия Макка стояла на Иллере, в середине своего госу-

дарства, и все же принуждена была сложить оружие. А старая армия Фридриха, во главе которой стояло столько героев, — герцог Брауншвейгский, Меллендорф, Рюхель, Блюхер, после поражения под Иеной не была в состоянии совершить отступление: в несколько дней 250 000 человек сложили оружие, хотя еще существовали резервные корпуса: один, стоявший в Галле, другой на Эльбе, вблизи крепостей. Они находились посреди своей страны, недалеко от столицы. Если вы намерены вступить в решительное сражение, то необходимо обеспечить себе возможно больше шансов на успех, особенно, когда против вас действует крупный полководец. Ибо, если вас разобьют даже близ ваших крепостей, среди ваших складов, — горе побежденному!

.....
.....
Крепости полезны как в оборонительной, так и в наступательной войне Несомненно, что они не могут заменить армию, но они служат единственным средством для того, чтобы замедлить продвижение, ослабить, стеснить и тревожить победоносного неприятеля.

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «МАРЕНГО»¹

§ I

Как только получено было известие об открытии военных действий в Италии и о ходе операций противника, первый консул счел необходимым поспешить на помощь Итальянской армии². Он решился вступить в Италию через большой Сан-Бернар, чтобы напасть на армию Меласа с тыла, овладеть его магазинами, парками, госпиталями и, отрезав его от Австрии, принудить к сражению.

Одно поражение должно было повлечь за собою совершенный разгром австрийской армии и завоевание всей Италии. Исполнение такого плана требовало быстроты, глубокой тайны и большой смелости. Всего труднее было сохранить тайну. Как скрыть движение армии от многочисленных шпионов Англии и Австрии?

Лучшим способом первый консул считал раскрытие этой тайны им самим, притом с таким тщеславием, чтобы это предприятие сделалось предметом насмешек неприятеля, чтобы тот принял его напыщенные заявления за диверсию против операций австрийской армии, блокировавшей Геную. Необходимо было дать наблюдателям и шпионам определенную отправную точку: поэтому было объявлено через посредство посланий законодательному корпусу и сенату, декретов, публикаций в газетах и всевозможных оповещений, что пунктом сбора резервной армии является Дижон, что первый консул сделает ей там смотр и проч. Все шпионы и наблюдатели немедленно отправились в этот город и нашли там в начале апреля многочисленный штаб без армии; в течение месяца туда прибыло от 3 до 6 тысяч новобранцев и солдат, выслуживших срок, в числе коих были и увечные, сообразовавшиеся скорее со своим усердием, нежели со своими силами. Вскоре эта резервная армия

¹ В начале 1800 г. французское правительство приказало сформировать резервную армию, которая временно поступила под начальство генерала Бертье. Наполеон намеревался впоследствии принять на себя командование ею. Вот что говорит он о том, как сумел скрыть назначение этой армии. — Р е д.

² В 1800 г. — Р е д.

действительно сделалась предметом насмешек; с удивлением увидели на смотре первого консула (6 мая) не более 7 или 8 тысяч солдат, большей частью даже необмундированных. Удивлялись, как могло первое должностное лицо в республике оставить свой дворец для смотра, который мог сделать и бригадный генерал. Эти известия полетели через Бретань, Женеву и Базель в Лондон, Вену и Италию. Европу наводнили карикатуры: одна из них представляла двенадцатилетнего мальчика и инвалида с деревянной ногой; внизу стояла надпись: «Резервная армия Бонапарта».

Между тем настоящая резервная армия формировалась в пути. В различных сборных пунктах составлялись дивизии. Эти пункты находились в отдалении друг от друга и не имели никаких сношений между собой. Меры, которые приняло на протяжении зимы консульское правительство для того, чтобы снискать симпатии вандейцев и шуанов¹, в соединении с быстротой военных операций, усмирили тех и других. Большая часть войск, поступивших в состав резервной армии, была отозвана из Вандеи. Директория принуждена была держать в Париже для своей охраны и удержания в повиновении смутьянов несколько полков. Поскольку правление первого консула было вполне популярным, пребывание этих войск в столице сделалось излишним, и они были направлены в резервную армию. Многие из этих полков не участвовали в бедственной кампании 1799 года и полностью сохранили ощущение своего превосходства и непомянутой славы.

Артиллерийский парк составил из орудий и зарядных ящиков, которые небольшими партиями высылались из различных арсеналов и крепостей. Всего труднее было скрыть движение обозов с продовольственными припасами для армии, которой предстояло проходить через бесплодную горную страну, где ничего нельзя достать. Интендант Ламбре приказал приготовить в Лионе два миллиона порций сухарей; из них 100 тысяч было отправлено через Тулон и Геную, а 1 800 000 послано в Женеву и оттуда перевезено через озеро в Вильнев одновременно с прибытием туда резервной армии.

В то время как правительство столь громко объявляло о формировании этой армии, выпускалось множество рукописных бюллетеней малого формата, в которых скандальные анекдоты о первом консуле перемежались с доказательствами того, что резервная армия не существует и существовать не может, что самое большее можно собрать 12—15 тысяч рекрутов. В подкрепление этих доказательств напоминали, каких усилий стоило сформировать в минувшую кампанию различные армии, которые были затем разбиты в Италии, а также укомплекто-

¹ Мятеежников, боровшихся за восстановление королевского режима. — Ред.

вать столь грозную Рейнскую армию; наконец, спрашивали; почему оставляют Итальянскую армию столь слабой, если ее можно было усилить. Совокупность всех мер для сокрытия истины от шпионов принесла полный успех. В Париже, в Дижоне, в Вене говорили: «Резервной армии вовсе нет». В главной квартире Меласа добавляли: «Резервная армия, которой нам угрожают, просто сброд — 7 или 8 тысяч новобранцев и инвалидов; с его помощью нас хотят ввести в заблуждение, чтобы принудить к снятию осады с Генуи. Французы слишком надеются на нашу простоту; им бы хотелось, чтобы мы сыграли роль собаки из басни, которая из-за тени упускает действительную добычу».

§ II

6 мая первый консул выехал из Парижа в Дижон, чтобы сделать упомянутый смотр находившимся там отдельным солдатам и рекрутам, 8-го он прибыл в Женеву¹, 13 мая первый консул сделал в Лозанне смотр авангарду настоящей резервной армии. Этим авангардом командовал генерал Ланн. Он состоял из шести отборных старых полков, отлично обмундированных, снаряженных и снабженных всем необходимым. Авангард немедленно двинулся к Сен-Пьеру, главные силы следовали за ним эшелонами; таким образом, строевой состав армии достигал 36 тысяч солдат, на которых можно было положиться; парк ее насчитывал 40 орудий.

Генералы Виктор, Луазон, Ватрэн, Буде, Шамберлак, Мюрат, Моннье служили в этой армии².

ИНСТРУКЦИЯ НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО ШТАБА

Париж, 30 марта 1809 г.

Австрийцы не объявили еще войны и, по всей вероятности, не начнут военных действий, не отозвав своего посланника, хотя это и имело место в 1805 г. Но тогда австрийский монарх имел, как германский император, достаточный предлог для вторжения в Баварию, чтобы до прибытия русских вести в Ульме переговоры. Кроме того, французская армия находилась в то время в Булонском лагере; надежда захватить врасплох баварскую армию и привлечь на свою сторону Штутгартский двор могла побудить австрийское правительство к такого рода действиям. Но по каким причинам начнет теперь Австрия военные действия без предварительного объявления войны? Французские войска в готовности; австрийцы знают также, что не

¹ Далее в подлиннике следует описание встречи Наполеона с эксминистром Неккером. — Р е д.

² Последствия этого похода известны: сражение при Маренго решило участь австрийской армии и Италии. — Р е д.

застанут врасплох саксонские и баварские войска, сосредоточенные и готовые к бою, и что они рискуют навлечь на себя войну с Россией. Однако же война с Австрией, без сомнения, неизбежна, потому что она не в состоянии долго кормить такое громадное войско, собранное воедино. Все заставляет думать, что к 15 апреля австрийская армия будет готова начать военные действия, а потому и нам следует приготовиться к тому же времени; и если не считать руководства, то мы уже готовы.

К 15 апреля прибудет в Страсбург 1600 лошадей, 16 орудий и 6000 человек моей гвардейской пехоты и кавалерии.

К 1 апреля герцог Ауэрштедтский сосредоточит свои 20 полков пехоты между Нюрнбергом, Бамбергом и Байрейтом. Дивизия Сент-Илера станет к тому же времени между Нюрнбергом и Регенсбургом.

Из баварской армии одна дивизия расположится в Штраубинге, другая в Ландсгуте, третья в Мюнхене.

К 1 апреля генерал Удино будет с 18 000 человек в полной готовности между Аугсбургом и Донаувертом, герцог Риволийский¹ сосредоточит под Ульмом более 25 000 французов.

Баденский контингент соберется в Форцгейме; гессендармштадтский в Мергентгейме; но герцог Риволийский уполномочивается вызвать эти контингенты к себе в Ульм при первом известии о разрыве. Таким образом, между 1-м и 15 апреля у меня будет три корпуса, которые надо сосредоточить на Дунае при Регенсбурге, при Ингольштадте или при Донауверте.

Корпус герцога Ауэрштедтского: 15 полков пехоты и 7 полков кавалерии.

Корпус герцога Риволийского: ...² полков пехоты и 4 полка кавалерии.

Соединение, состоящее из дивизии Сент-Илера и корпуса Удино: 12 полубригад, 6 полков пехоты и 7 полков кавалерии.

Наконец, резервная кавалерия: 7 полков легкой и 6 полков тяжелой кавалерии.

Всего — 140 тысяч человек; из них 130 000 французов и 10 000 союзников³.

Необходимо прежде всего обеспечить Аугсбург от нечаянного нападения; надо не замедлять ход фортификационных работ, а вести их с удвоенной энергией, держать там требуемые 200 000 порций сухарей, соорудить печи для сушки еще 60 тысяч порций и создать всякого рода магазины.

Во-вторых, следует привести в оборонительное положение все предместные укрепления на Лехе и вооружить их орудиями большего калибра, чем калибр полевой артиллерии.

Наконец, нужно учредить большое число магазинов в Донауверте, потому что, вероятно, там будет находиться, в слу-

¹ Массена. — Р е д.

² Пробел в подлиннике. — Р е д.

³ В этот итог не включены баварцы и вюртемберцы. — П р и м. а в т о р а.

чае наступления неприятеля, главная квартира армии. К этим приготовлениям нужно присовокупить еще одну важную меру: вооружить и хорошо снабдить пассаускую цитадель, чтобы она могла держаться два или три месяца.

Нужно также развернуть работы в Ингольштадте, создав надежные предместные укрепления на Дунае, чтобы можно было в любое время перейти на левый берег.

Я приказал генерал-интенданту сегодня же отправить военного чиновника с 200 000 франков в золоте и с 800 000 в банковых билетах для закупки на мой счет одного миллиона порций, которые пустить в расход только в случае сбора всей армии. Баварцы также должны иметь в Ульме и Аугсбурге два миллиона порций. Интенданту Жуанвиллю зафрахтовать в Ульме и Донауверте на месяц несколько судов с командами для перевозки всего нужного по Дунаю.

Наконец, я отдал приказ начальнику инженерных войск и генерал-интенданту прибыть к 1 апреля в Страсбург и учредить между Страсбургом и Ульмом станции с 60 повозками на каждой из них для доставки в Ульм всего необходимого армии, особенно 3 или 4...¹ патронов, 6000 ружей, которые надо держать в артиллерийском депо в Ульме;

12 000 шанцевых инструментов, которыми должны располагать там инженерные войска;

госпитального имущества и обуви, которая сейчас находится в Страсбурге.

Я приказал генерал-интенданту заготовить сверх того 100 тысяч пар обуви в Страсбурге, 50 000 в Ульме и 50 000 в Аугсбурге; позаботьтесь, чтобы они были надлежащей добротности и чтобы по этой части не было мошенничества.

Все, что полки найдут нужным отправить своим корпусам, пойдет в Ульм, а оттуда по Дунаю в Регенсбург и Пассау, сообразно движению армии.

Я поручил моему министру финансов держать в Страсбурге 3 миллиона франков: один поступит в ваше распоряжение, а остальные два в распоряжение генерал-интенданта².

Начальнику главного штаба отбыть со своим штабом в Страсбург...³ числа, чтобы, смотря по обстоятельствам, прибыть...³ числа в Донауверт или Аугсбург. В Меце он произведет тщательный смотр вестфальской дивизии.

Если не случится ничего нового, то он останется в Страсбурге, чтобы активизировать организацию артиллерии, инженерного корпуса, административных ведомств и пр.

Он направит к герцогу Ауэрштедтскому офицера с известием о прибытии своем в Страсбург...³ числа.

¹ Пробел в подлиннике. — Р е д.

² Далее в подлиннике следуют подробности финансовых расчетов. — Р е д.

³ Пробелы в подлиннике. — Р е д.

Он прикажет генералу Бертрону, начальнику инженеров, и Дарю, — генерал-интенданту — прибыть туда к тому же времени для устройства своих частей. Генерал Сонжис уже находится там.

Из Страсбурга генерал Бертран отправится в Аугсбург и Ингольштадт.

Поскольку вероятно, что австрийцы не двинутся с места, начальник штаба сможет отправиться в Ульм, где находится корпус маршала и герцога Риволийского, а потом в Аугсбург, где находится корпус генерала Удино. Он произведет смотр этим войскам, чтобы донести мне о вакансиях и представить список лиц, предлагаемых для замещения их. Он может также сделать смотр баварской армии и вюртембергскому корпусу.

Впрочем, если не будет причины для особенной поспешности, то ему без моего приказанья — не оставлять Страсбурга, потому что оттуда ему удобнее будет рассылать мои повеления касательно общего движения армии. Я сообщу ему о своих планах, чтобы он мог, в случае нужды, осуществить их, не ожидая моих приказаний, если обстоятельства того потребуют.

Я намерен расположить свою главную квартиру в Регенсбурге и сосредоточить там всю свою армию.

Если неприятель упредит меня, то главная квартира будет в Донауверте, а армия расположится на Лехе. Но если австрийцы не тронутся с места, то я желал бы, чтобы генералы Удино и Сент-Илер соединились в Регенсбурге. От Аугсбурга до этого города всего пять обыкновенных переходов, или четыре перехода военного времени. Если генерал Удино выступит 5 апреля из Аугсбурга, то 10-го прибудет в Регенсбург; и если генерал Сент-Илер будет, положим, 5-го в Нюрнберге, то 8-го или 9-го он достигнет уже Регенсбурга, и у меня будет там под рукой к 10 апреля 30 000 пехоты и 7 полков кавалерии.

В таком случае герцог Истрийский прибудет туда того же числа и сосредоточит там всю свою резервную кавалерию.

Герцог Ауэрштедтский переведет свою главную квартиру в Нюрнберг, занимая Байрейт и Эгру только оконечностью своего левого крыла. Его главная квартира в этом случае будет находиться только в 24 лье, или в трех переходах от Регенсбурга.

Три баварские дивизии также будут тогда находиться в одном, двух или, самое большее, в трех переходах от Регенсбурга.

Герцог Риволийский перенесет свою главную квартиру в Аугсбург и окажется всего в четырех или пяти переходах от Регенсбурга.

Таким образом, главная квартира будет в этом случае находиться в Регенсбурге, посреди двухсоттысячной армии, оседлавшей большую реку и владеющей правым берегом Дуная от Регенсбурга до Пассау. В таком положении ей нечего было

бы опасаться покушений неприятеля, и она пользовалась бы преимуществом быстрого подвоза по Дунаю всего ей необходимого.

Что может неприятель, готовый к бою, предпринять сейчас против армии? ¹

Он может двинуться от Пильзена, через Вальдмюнхен и Хам к Регенсбургу. Расстояние между Пильзеном и Регенсбургом составляет пять переходов. В таком случае одна баварская дивизия, занимающая Штраубинг, отступит к Ингольштадту; другая, занимающая Ландсгут, поступит так же; корпус герцога Ауэрштедтского пойдет на Ингольштадт и Донауверт; тогда наступит время для перевода в Донауверт главной кватриры.

Но когда наша армия расположится таким образом вокруг Регенсбурга, — что предпримет неприятель? Двинется ли он на Хам? Но тогда мы сможем сосредоточить против него все свои силы и на Регене остановим его наступление на познциях, выбранных заранее.

Направится ли он к Нюрнбергу? — Тогда он будет отрезан от Богемии.

Направится ли он к Бамбергу? — В этом случае он будет также отрезан.

А если он решит, наконец, идти на Дрезден? — Тогда мы вторгнемся в Богемию и будем его преследовать в Германии.

Что, если он начнет действовать в Тироле, одновременно с выходом из Богемии? Безусловно, он достигнет Инсбрука, но те десять или двенадцать полков, которые будут у него в Инсбруке, не смогут участвовать в боевых действиях у выходов из Богемии; и войска, занявшие Инсбрук, узнают о поражении своей армии у выходов из Богемии с прибытием нашим в Зальцбург.

Наконец, если покажется, что неприятель хочет угрожать оконечностям наших флангов, то нужно маневрировать к центру, используя в качестве линии отступления Лех и держа гарнизон в Аугсбурге, чтобы всегда иметь этот город в своем распоряжении.

Итак, обязанности инженерного корпуса сводятся к усилению предместных укреплений на Лехе и ведению фортификационных работ в Аугсбурге, Пассау, Ингольштадте.

Обязанностью провиантского управления является создание больших складов в Аугсбурге и Донауверте, где нужно устроить пекарни для заготовки 30—40 тысяч порций ².

Аугсбургские склады будут снабжены за счет Баварии, и Донаувертские на собственный мой счет, чтобы их можно было переносить туда, где я буду действовать, — на том или на дру

¹ Французской. — Р е д.

² Очевидно, в день. — Р е д.

гом берегу. Генерал-интендант должен позаботиться о выпечке в Донауверте двух миллионов порций¹; следовательно, ему надлежит принять все необходимые для этого меры и сообщить о связанных с этим издержках.

Я потребовал у баварцев один миллион порций сухарей.

Все сухари, которые будут поступать с левого берега Дуная, следует направлять в Регенсбург по занятии нами этого города; но пока достижение его ранее неприятеля будет сомнительно, все надо направлять в Донауверт, который мы можем оборонять уже сейчас.

Что касается инженер-топографов, то они обязаны произвести рекогносцировку позиций в окрестностях Регенсбурга и дунайских мостов; начальник главного штаба напишет генералу Вреде, чтобы получить у него сведения об этих мостах и позициях. Например, можно ли защищать мост у Штраубинга от неприятеля, наступающего с левого берега Дуная?

Генерал-интендант должен обеспечить возможность использования всех транспортных средств на Дунае; в его распоряжении должны быть рота печников и рота хлебопеков.

В настоящее время герцог Ауэрштедтский начальствует над всех первой линией, но командование это — иллюзорное, ибо он не успеет вовремя предугадать то, что произойдет на реке Инн; поэтому начальнику главного штаба следует принять организационные меры общего характера; так, например, подчинить генерала Удино герцогу Риволийскому.

20 полков, находящихся на левом берегу Дуная, останутся в этом случае под начальством герцога Ауэрштедтского.

Войска генерала Удино, корпус герцога Риволийского и все прочие части, стоящие на правом берегу Дуная, поступят тогда под начальство герцога Риволийского. Но я желаю, чтобы в таком случае, как только дивизии генерала Сент-Илера и генерала Удино смогут соединиться в Регенсбурге, обе они составили один корпус, который именовать третьим корпусом Великой армии; он поступит под начальство...²

Корпус герцога Ауэрштедтского именовать вторым корпусом Великой армии.

Корпус герцога Риволийского именовать четвертым корпусом Великой армии.

Кавалерийскому корпусу герцога Истрийского состоять из двух дивизий тяжелой кавалерии трехполкового состава и из двух дивизий легкой кавалерии четырехполкового состава; в числе этих восьми полков будут семь французских и один вюртембергский.

Таким образом, у герцога Истрийского будет восемь полков легкой кавалерии — 7000 человек, шесть полков тяжелой

¹ Сухарей. — Р е д.

² Пробел в подлиннике. — Р е д.

кавалерии — 5000; всего 12 000 человек. В случае нужды можно еще усилить его одним баварским полком легкой кавалерии.

Я приказал доукомплектовать (за счет кавалерийских депо, находящихся во Франции, и армии, находящейся в Испании) все полки легкой кавалерии до 1000 всадников.

Что касается драгунской дивизии Бомон, то она временно состоит из шести полков; передовые полки ее уже прибыли в Страсбург, и к 15-му вся дивизия будет готова к выступлению в числе около 5000 человек.

Я приказал также сформировать за счет кавалерийских депо гусарских полков, находящихся в Испании, эскадроны в 70—150 человек, которые намерен прикомандировать к каждому из маршалов в качестве ординарцев и для охраны. Маршалы позаботятся о надлежащем содержании и управлении этими эскадронами.

Для несения службы при начальнике главного штаба и в его собственное распоряжение я назначаю один непостоянный егерский полк в 1000 человек, формирующийся в Версале из двух эскадронов 26-го егерского, одного эскадрона 10-го и одного эскадрона 22-го егерских полков; далее, невшательский батальон, направляющийся в Париж; швейцарский батальон; жандармский эскадрон из 100 человек и эскадрон гидов. Начальник штаба будет занимать этими частями в тылу армии пункты, обеспечивающие коммуникации, и употреблять их для сопровождения курьеров.

Обер-шталмейстер должен иметь при себе нужное число французских почталыонов и 80 лошадей для использования на последних 60 лье в тылу армии.

Следовательно, Французская армия в Германии будет состоять из трех корпусов:

2-й корпус, под начальством герцога Монтебелльского¹, а если он не успеет прибыть вовремя, то под команду князя Понтекорво² будет состоять:

из двух дивизий генерала Удино, составляющих 12 полубригад под начальством самого генерала Удино и шести бригадных генералов;

из дивизии Сент-Илера: шесть полков под начальством трех бригадных генералов;

из трех полков легкой кавалерии под начальством одного бригадного генерала;

из дивизии Эспаня: четырех полков под начальством этого генерала, которому будут подчинены два бригадных генерала.

Каждая дивизия и каждая бригада легкой кавалерии будут иметь по заместителю командира.

¹ Ланна. — Р е д.

² Бернадотта. — Р е д.

При каждой дивизии генерала Удино будет по восемнадцать орудий.

При дивизии Сент-Илера их будут пятнадцать.

Дивизия Эспаня будет иметь шесть орудий. В целом это составит 39 орудий, сведенных в батареи.

3-й корпус будет состоять под начальством герцога Ауэрштедтского, из пятнадцати полков пехоты, сведенных в четыре дивизии; каждой дивизией будет командовать дивизионный генерал с подчиненными ему тремя бригадными генералами.

Дивизия Сен-Сюльписа из...¹ полков, под начальством двух бригадных генералов.

При каждой пехотной дивизии будет не менее пятнадцати орудий, а при дивизии Сен-Сюльписа — шесть: всего — 66 орудий, сведенных в батареи.

4-й корпус Великой армии, под начальством герцога Риволийского, будет состоять из четырех дивизий пехоты, всего... полков.

Каждой дивизией будет командовать дивизионный генерал и два подчиненных ему бригадных генерала.

Дивизия легкой кавалерии² будет состоять из четырех французских и двух союзных полков, под начальством одного дивизионного и двух бригадных генералов.

В каждой дивизии будет один заместитель командира и два помощника.

Каждой дивизии пехоты будет придано по 12 французских орудий; всего — с 28 орудиями союзников — 76 орудий.

Что касается шести- или восьмитысячной дивизии, состоящей из войск мелких князей, то она поступит под начальство генерала Руйе и двух бригадных генералов, знающих немецкий язык. Она останется временно приданной 3-му корпусу, но ее можно будет в случае нужды вызвать в главную квартиру для укомплектования гарнизонов и конвоирования пленных.

В резервном кавалерийском корпусе под начальством герцога Истрийского будут состоять:

две дивизии легкой кавалерии под начальством двух дивизионных и четырех бригадных генералов;

две дивизии тяжелой кавалерии трехполкового состава под начальством двух дивизионных и четырех бригадных генералов.

Резервная драгунская дивизия: шесть полков под начальством одного дивизионного и трех бригадных генералов.

При дивизиях тяжелой кавалерии резерва иметь по шести орудий; драгунская дивизия будет иметь шесть, а резерв в целом — 18 орудий.

Вюртембергских войск не придавать армейским корпусам: я желаю оставить их в своем распоряжении.

¹ В подлиннике пробел, отсутствует также упоминание о вхождении этой дивизии в состав 3-го корпуса. — Р е д.

² 4-го корпуса. — Р е д.

В зависимости от обстоятельств я отдам их герцогу Данцигскому¹ или придам одному из армейских корпусов, если операции, которые я поручу ему, сделают их полезными. Если генерал Вандам не примет над ними начальства, то назначить для того генерала Демона, который говорит по-немецки, а Вандам заступит на место генерала Демона.

Мекленбургские войска встанут на позицию в шведской Померании.

Что касается Саксонии, то необходимо убедить короля при открытии военных действий переехать в Эрфурт, Лейпциг или в другое место. Если бы Дрезден был огражден от нечаянного нападения, то можно было бы оставить в нем трехтысячный гарнизон, а остальные войска саксонской армии направить к Дунаю.

Польские войска должны удерживать Варшаву и тревожить Краков. В случае войны надо предложить князю Понятовскому, командующему войсками герцогства Варшавского, сформировать национальную гвардию для охраны крепостей Прага и Модлин, а с линейными войсками — стараться вызвать восстание в Галиции.

Начальник главного штаба договорится с генералом Бертрамом обо всем, что касается инженерной части и саперов, а с генерал-интендантом обо всем, что касается военного транспорта; он будет исходить из существующего положения, чтобы избегнуть ошибочных маневров.

Инженерные войска

Каждому армейскому корпусу придать по одной понтонной и по две саперные роты и 6000 шанцевых инструментов.

В состав инженерных войск войдут один рабочий батальон флотского экипажа в 800 человек и...² матросов — в 1200 человек; морскому министру назначить для них 9 хирургов;

девять саперных рот	900 человек	— 2 хирурга;
три роты минеров	300 человек	— один хирург;
три понтонные роты	300 человек	— один хирург;
четыре роты пионеров	600 человек	— один хирург;

две артиллерийские роты с шестью орудиями.

Саперы и минеры составят два батальона.

Пионеры составят один батальон.

Понтонеры составят один батальон.

Эти четыре батальона будут находиться под начальством инженер-майоров.

¹ Лефевру. — Р е д.

² В подлиннике пробел. — Р е д.

Упомянутый рабочий батальон флотского экипажа в составе 800 человек и 1200 человек матросов составят три батальона, которые поступят под команду полковника Баста, капитана I ранга.

Всего будет семь батальонов; из них четыре принадлежат к сухопутным войскам, а три — к флоту.

Этот инженерный парк составит резерв и поступит в отношении передвижений и внутреннего распорядка под начальство генерала Гастрэля. К нему прикомандируют комиссариатского чиновника с заместителем и придадут ему три госпитальные фуры.

Этот резервный отряд может пригодиться в день сражения. Генерал Гастрэль будет следить за тем, чтобы он совершал марши в полнейшем порядке, был обеспечен продовольствием и боеприпасами, хорошо вооружен.

Немедленно составить из саперов вюрцбургских, саксонских и нассауских войск небольшой батальон в 300 или 400 человек, который будет следовать за резервным инженерным парком. Начальник главного штаба примет надлежащие меры к организации этого резерва.

Все запасы: артиллерийские, инженерные и продовольственные — направлять сначала в Ульм, а оттуда далее на судах по Дунаю, вслед за движением армии.

Я приказал выслать из Страсбурга в Ульм:

6000 ружей;

6000 штыков;

6000 запасных ружей;

2000 сабель для трех родов войск;

2000 пистолетов;

20 000 затравников

и 1000 пыжовников.

Генерал-интендант даст знать корпусам, чтобы они направили все предметы обмундирования и другие грузы в Ульм, где те поступят на суда, ведомые моряками.

Что касается военного транспорта, то 2-й и 5-й фурштатские батальоны уже находятся при Рейнской армии, а 12-й формируется в Комерси. 200 повозок, принадлежащих батальонам, входящим в состав Испанской армии, направлены в Жуаньи, где они поступят в распоряжение двух резервных фурштатских батальонов. Следовательно, при армии будет 5 фурштатских батальонов с 600 повозками, что представляется достаточным.

Что касается госпиталей, то они в случае наступления должны быть сосредоточены в Амберге, Ингольштадте и Пассау; эти три пункта должны быть обеспечены всем необходимым и гарантированы от нечаянного нападения.

Из моей гвардии поступят в Рейнскую армию:

4 полка кавалерии.

ИЗ РАБОТЫ «ОЧЕРК ВОЙН ФРИДРИХА II»

ГЛАВА IV, § VI

Прикрыть осаду крепости можно только двумя способами:

1) Сначала разбить неприятельскую армию, удалить из района военных действий, отбросить остатки ее за какую-либо значительную естественную преграду, как, например, горы или большая река, выставить потом за этой преградой особый наблюдательный корпус и тем временем заложить траншею и взять крепость.

2) Но если мы намерены овладеть крепостью в присутствии армии, пришедшей ей на выручку, не решаясь на сражение, то необходимо иметь при себе полный осадный парк и рассчитанное на предполагаемую длительность осады количество артиллерийских и продовольственных припасов; устроить циркум- и контрвалационные линии, используя условия местности: болоты, высоты, леса, затопляемые участки. Не имея, в таком случае, нужды заботиться о коммуникациях с магазинами, осаждающему остается лишь сдерживать деблокадную армию; для этого выделяют особый наблюдательный корпус, который, не теряя из виду эту армию, будет преграждать ей путь в крепость и всегда успеет атаковать неприятеля во фланг или в тыл, если последний сумеет произвести скрытое движение, либо же, наконец, пользуясь контрвалационными линиями, можно с частью осадной армии обратиться против деблокадной и дать ей сражение.

Но кто надеется делать три вещи сразу: 1) осаждать крепость и сдерживать гарнизон без контрвалационной линии; 2) сохранять коммуникации с магазинами, находящимися в шестидневных переходах¹, и 3) сдерживать войско, пришедшее на выручку крепости без помощи естественных преград и циркумвалационных линий, — тот ошибается в своих расчетах, и это может привести его только к катастрофе, если он не обладает двойным превосходством сил над неприятелем.

¹ Имеется в виду осада Фридрихом Ольмюца в 1758 г. — Ред.

Успехи, которых добился король¹ в эту войну², приписали новому тактическому боевому порядку, будто бы им изобретенному и названному косым боевым порядком.

Фридрих в продолжение Семилетней войны дал десять сражений, которыми руководил лично, и шесть, где действовали его полководцы, в том числе при Максене и при Ландсгуте. Из первых он выиграл семь, проиграл три. Из сражений, данных его полководцами, он проиграл пять и выиграл одно. Из шестнадцати сражений прусская армия выиграла восемь и проиграла восемь. Ни в одном из этих сражений король не употреблял новой тактики. Как действовал он, так действовали до него полководцы древних и новых времен во все века.

Что же такое косой боевой порядок? Приверженцы его расходятся во мнениях: одни утверждают, что все маневры армии в день сражения или накануне его, имеющие целью усиление правого фланга, центра или левого фланга, либо же действия в тылу неприятеля — относятся к косому порядку. В таком смысле уже Кир в сражении при Тимире; галло-бельги в сражении на Самбре против Цезаря; маршал Люксембург в сражении при Флерюсе (он воспользовался одной высотой, чтобы обойти противника справа); Мальборо при Гохштете; принц Евгений при Рамильи и при Турине; Карл XII при Полтаве — применяли косой боевой порядок. Нет почти ни одного сражения древности или нового времени, в котором военачальник, атакуя, не старался бы усилить свои наступающие колонны то большим числом войск, то придачей им гренадер, то большим числом орудий. Если бы Фридрих был изобретателем такого маневра, то он изобрел бы самую войну, но, к несчастью, она столь же стара, как мир.

Другие говорят, что косой порядок есть тот же маневр, который король приказывал выполнять на потсдамских парадах, когда два отряда становились друг против друга в параллельном боевом порядке. Отряд, назначенный маневрировать, перестроясь в сомкнутые или в разомкнутые колонны, быстро передвигается на один из флангов другого отряда; незамеченный полководцем противника, он появляется неожиданно на одном из его флангов и атакует последний со всех сторон, так что противнику недостает времени подоспеть туда на помощь.

1) При двух параллельных линиях длиной в 3000 туазов, и расположенных в 900 туазах друг от друга, невозможно одной из них принять такое наклонное положение к другой, чтобы одним крылом находиться только в 300 туазах от линии противника, а другим (в то же время) — достаточно далеко,

¹ Фридрих II. — Ред.

² Семилетнюю. — Ред.

чтобы оно было вне опасности и пределов досягаемости; передвигаясь для принятия косою порядком, войско обнажает свой фланг, и если будет при этом атаковано, то потерпит поражение. Угрожаемый же фланг неприятеля легко предохранить второю линией армии или резервами.

2) Операционная линия армии, принимающей косою боевою порядком, должна проходить со стороны фланга, на который она опирается; в противном случае придется оставить операционную линию, что сопряжено с опасными последствиями.

Есть два правила войны, которые нельзя нарушить безнаказанно:

1) Никогда не производить флангового движения перед неприятелем, стоящим в боевом порядке.

2) Нужно постоянно сохранять свою операционную линию и добровольно не жертвовать ею.

Поэтому некоторые приверженцы косою боевого порядка требуют, чтобы перестроение производилось скрытно от неприятеля, дабы поразить его и захватить врасплох, чтобы оно совершалось ночью или под прикрытием тумана, либо цепи передовых постов.

1) Поскольку такой маневр должен производиться не на виду у неприятеля, то он не является тактическим порядком; его сила не в нем самом, а во внезапности, неожиданности, и потому его следует отнести к засадам, скрытым движениям и нечаянным нападениям.

2) Засады, скрытые движения и нечаянные нападения употреблялись во все времена не только дисциплинированными войсками, но даже и дикарями и недисциплинированными войсками.

Фридрих в Семилетнюю войну дал десять сражений. Но ни в одном из них не было применено ни потсдамских, ни каких-либо новых маневров. Все предписанные им маневры были известны и употреблялись во все времена.

В 1756 г. он произвел, в сражении при Ловозице, два маневра: первый — для отражения атак на высоту; вторым явилось движение кавалерии, которым он угрожал левому крылу австрийцев и тем заставил их отступить обратно за реку Эгер. Но тут нет никакого изобретения.

В 1757 г. австрийская и прусская армии были равны по силе, но последняя состояла из старых, опытных и обученных войск, а армия герцога Лотарингского состояла большей частью из вновь набранных, весьма посредственных войск. В сражении¹ обе армии были разделены оврагом. Король двигался тремя линиями влево, пока не нашел перехода. Герцогу Лотарингскому следовало двигаться тремя линиями вправо, следуя параллельно движению короля, или перейти в наступ-

¹ При Праге. — Р е д.

ление через овраг левым флангом и центром и атаковать правый фланг короля. Но он не сделал ни того, ни другого. Он ограничился переменою фронта, отодвинув назад свой правый фланг. Во все времена были примеры, что две армии, порою на протяжении нескольких лье, шли вдоль препятствия с целью овладеть проходом, через который можно было бы с выгодой атаковать противника.

Приверженцы косо́го порядка восхищаются маневрами короля в Коллинском сражении, и хотя эти маневры имели самые губительные результаты — поражение, потерю половины войска и 200 орудий, снятие осады Праги и очищение Богемии, — однако же они упорствуют в своем заблуждении, и никакие доводы не могут раскрыть им глаза. Одни утверждают, что он¹ лишился победы из-за ошибки командира одного батальона, который несвоевременно приказал повернуть направо и тем задержал движение армии. Другие, более благоразумные, зная все неудобства, всю опасность флангового маневра на виду у неприятеля, расположенного в боевом порядке, но сохраняя приверженность к косо́му порядку, полагают, что королю следовало произвести свой маневр и ночью: он избег бы огня австрийской армии, которая не заметила бы его, а с рассветом привел бы ее в изумление, неожиданно атаковал, разбил и рассеял бы противника. Действительно, прекрасное дело атаковать неприятеля врасплох; но к чему же ограничиваться обходом одного только крыла? Лучше напасть на противника с тыла, овладеть обозами, парками, орудиями, снятыми с передков, боеприпасами, оружейными пирамидами!! Проигрыш Коллинского сражения должно приписать нарушению первого правила, изложенного выше. Если бы Фридрих имел против себя другого полководца, а не Дауна, который после сражения провел в своем лагере 12 дней, распевая *Te Deum*, то он испытал бы все губительные последствия нарушения правила, — не жертвовать операционной линией. Остатки его армии не достигли бы ни магазинов, ни корпуса, стоявшего перед Прагой, и он никогда не оправился бы от этого удара.

В Росбахском сражении принц Субиз вздумал собезьянничать, применив косо́й порядок. Он произвел фланговый маневр перед позицией короля. Последствия этого достаточно известны. Фридрих лишился при Коллине только войска, а Субиз при Росбахе — и войска, и чести.

В Цорндорфском сражении король возобновил коллинский маневр. Вместо того чтобы атаковать левое крыло русской армии, стоявшее вблизи мостов, по которым он наступал, король произвел перед этой армией фланговый маневр, чтобы атаковать противоположное крыло. Русские, сорвавшие за год перед тем подобную попытку в сражении при Егерсдорфе, где они

¹ Король. — Р е д.

разбили маршала Левальда, теперь атаковали фланг наступавших колонн, прорвали их строй и внесли расстройство в их ряды. Все было бы потеряно, если бы неустрашимый Зейдлиц не спас положение своей несравненной кавалерией и собственной пронизательностью, — этой отличительной его чертой. Русская пехота не была достаточно подвижной, чтобы пошелонно подкреплять атаковавшие колонны, и была отброшена. Сражение продолжалось; пруссаки победили, но только потому, что сила обстоятельства вернула их к соблюдению истинных правил войны. Вопреки приказанию Фридриха, войска его расстроили как раз левый фланг русских. В следующем году прусский генерал Ведель снова произвел в сражении при Кайе¹ фланговый маневр, но Салтыков заставил его раскаяться в этом и дал ему хороший урок.

Но, скажут нам, вы ничего не говорите о Лейтенском сражении — этом шедевре косо́го порядка. Действительно, это сражение может обессмертить Фридриха и показывает в полном блеске его военные дарования. Но в нем все же нет ничего похожего на потсдамские маневры. Он² обязан победой внезапности, и потому победа эта принадлежит к разряду случайностей. Если бы у принца Лотарингского была впереди хоть пара часовых или хоть один разъезд, то он узнал бы, что король двинулся вправо и перешел болото, которое казалось непроходимым, с намерением атаковать его левое крыло: принц направил бы туда свои резервы, а правым флангом и центром перешел бы в наступление, атаковал с фланга и разбил бы прусскую армию, застав ее «на месте преступления». Большая ошибка смешивать нечаянное нападение с определенным порядком маневрирования.

Может быть, станут утверждать, что Даун употребил в Гогенкирхенском сражении косо́й порядок, потому что при первом выстреле окружил уже все правое крыло прусских войск; но такое мнение было бы только игрою в слова. Надобно просто сказать, что Даун неожиданно атаковал короля, потому что последний занимал дурную позицию и упорно оставался на ней в продолжение нескольких дней. После изобретения пороха никогда не следовало делать такой ошибки.

Восьмое сражение — битва при Кунерсдорфе. В начале его король стоял перпендикулярно к левому флангу неприятельской армии. Следовательно, боевой порядок его был более чем косо́й. Такое расположение не было результатом маневра на поле сражения, а следствием движения, скрытого от неприятеля лесами и болотом. Русский полководец, стоявший сперва фронтом к Франкфурту, переменял потом свое расположение так, что фронт его образовал с фронтом пруссаков как бы

¹ Пальциге. — Р е д.

² Фридрих. — Р е д.

букву «Г». Непроходимые болота не позволяли королю осуществить свой план атаки. Однако же он атаковал с той позиции, какую занимал, и приобрел некоторый перевос над русским левым крылом, которое застал врасплох. Но когда центр русских выстроился в боевой порядок параллельно с пруссаками, они одержали полную победу, которая привела Пруссию на край гибели.

Девятое сражение этой войны — при Лигнице — было случайной встречей, избавившей Фридриха от опасности, в которую завлекли его самые ошибочные маневры.

Десятое сражение произошло при Торгау. Все распоряжения короля в этом бою были губительны, плохо задуманы и столь же худо выполнены. Судя о Фридрихе по этому сражению, мы получили бы о его дарованиях весьма неудовлетворительное представление. Как при Лигнице, так и при Торгау не видно ничего нового, и никаких следов пресловутого косо́го порядка.

Старик Фридрих тихонько смеялся на потсдамских парадах над увлечением молодых французских, английских и австрийских офицеров косо́м порядком, который годился только для того, чтобы составить репутацию нескольким штабным офицерам. Основательный разбор кампании вразумил бы этих офицеров, а полностью рассеять их иллюзии должно было то обстоятельство, что Фридрих никогда не прибегал к развертыванию, а всегда маневрировал линиями и с фланга.

Таким образом, ни одно из этих десяти сражений не имело особенного или нового характера: король проиграл некоторые из них, потому что по своей воле производил фланговые маневры перед неприятелем, стоявшим в боевом порядке. Уроки, полученные им при Коллине и Цорндорфе, маршалом Левальдом при Егерсдорфе, генералом Веделем при Ка́йе, принцем Субизом при Росбахе — доказывают всю опасность таких маневров.

Французские офицеры, почитатели косвенного боевого порядка (в том числе и Гибер), заблуждались до такой степени, что утверждали, будто маневры герцога Фердинанда при Крефельде и при Вильгельмстале против флангов французской армии являлись блестящими результатами применения косо́го порядка, вовсе пренебрегая правилом: не оставляйте между различными частями своего боевого порядка промежутка, куда мог бы проникнуть неприятель. И если нарушение этого правила удалось ему¹, то это потому, что над французами начальствовал граф Клермон.

¹ Фридриху. — Р е д.

ИЗ РАБОТЫ «ОЧЕРК ВОЙН МАРШАЛА ТЮРЕННА»

ГЛАВА IX, § III

Нужно ли осаждающей армии прикрывать себя циркумвационными линиями?

Нужно ли при наступлении деблокадной армии дожидаться ее атаки в своих линиях?

Разделять ли армию на два отряда, из коих один займется осадой, а второй станет прикрывать первый, с наименованием их «осадной» и «наблюдательной» армией?

На каком расстоянии находиться этим отрядам друг от друга?

Римляне, греки и великие полководцы XV и XVI столетий, герцог Пармский, Спинола, принц Оранский, великий Кондэ, Тюренн, Люксембург, принц Евгений прикрывались при осадах циркумвационными линиями. Древние не могут служить для нас примером: оружие их слишком отличается от нынешнего; образ действий великих полководцев XV и XVI столетий заслуживает уже большего внимания, но войска имели тогда мало пушек и не знали употребления гаубиц.

Некоторые военные, не признающие никаких линий, а также и земляных работ (или допускающие последние в весьма ограниченном масштабе), советуют командующему осадной армией сперва разбить неприятельскую армию и тем приобрести господство над местностью. Это, бесспорно, отличный совет; однако осада может продолжаться несколько месяцев, а противник — снова явиться на выручку крепости в решительную минуту. Но полководец может пожелать овладеть крепостью, не идя на риск сражения; как поступить ему в таком случае?

Армия, предпринимающая осаду в присутствии войска противника, должна быть достаточно сильной для того, чтобы одновременно сдерживать это войско и вести осаду. Инженеры требуют, чтобы осадная армия была в семь раз сильнее гарнизона осажденной крепости. Если в деблокадной армии 80 000 человек, а в гарнизоне крепости — 10 000 человек, то значит для осады необходимо будет 150 000 человек. Если же свести силу осадной армии к минимуму, то есть к четырехкрат-

ному превосходству над гарнизоном, то все же потребуется 120 000 человек; если же имеется в наличии только 90 000, то наблюдательная армия сможет насчитывать не более 50 000; в этом случае она не будет самостоятельной и должна будет находиться на таком расстоянии, чтобы осадная армия могла в несколько часов прийти ей на помощь; если же имеется в наличии только 80 000 человек, то для наблюдательной армии останется только 40 000; в этом случае ей придется находиться при осадной, даже за линиями; удалясь от них, она подвергнется слишком большой опасности.

Дивизии, назначенные для производства осадных работ, расположатся кругом крепости, и каждая будет охранять часть окружности. Необходимо разместить войска таким образом, чтобы одна линия была расположена фронтом к крепости для отражения вылазок гарнизона; другая — фронтом к полю для удобнейшего наблюдения за окрестностями и задержания всего того, что попытается порникнуть в крепость, — курьеров, обозов, подкреплений. Но чтобы вернее достигнуть этой цели, необходимо окружить себя контр- и циркумвализационными линиями, на что требуется всего несколько дней. Профиль № 1, которым пользовался Вобан для циркумвализационных линий, предусматривает 2½ кубических туаза на туаз протяжения, а профиль № 6 — шестнадцать. Шесть человек за восемь часов завершат сооружение участка циркумвализационной линии одного профиля; три человека завершат за четыре часа сооружение участка другого профиля. Только тогда всякое сообщение неприятеля с крепостью станет невозможным, поддержание блокады будет обеспечено, армия сможет спать спокойно; если отряд от 3000 до 12 000 человек, если корпус в 25 000 человек, выделенный из состава деблокадной армии или прибывший из любого другого пункта, скрыв свое движение от наблюдательной армии, появится на рассвете, он будет остановлен линиями, которые не сможет форсировать, пока не произведет рекогносцировку их, не соберет фашины и шанцевый инструмент и не совершит другие необходимые подготовительные действия. Но не может ли деблокадная армия в целом опередить наблюдательную на 6, 9, 12 часов и появиться перед крепостью?

Во всех подобных случаях, если осаждающий не прикрыт циркумвализационными линиями, крепости будет оказана помощь, магазины и артиллерийский парк окажутся в опасности, возведенные им сооружения — разрушены, и когда наблюдательный корпус подоспеет на помощь — будет уже поздно, победить горю не удастся.

Следовательно, чтобы осадить крепость, не оттеснив неприятельскую армию, необходимо прикрыть осаду циркумвализационными линиями. Если армия так сильна, что, выделив для ведения осады корпус вчетверо сильнее гарнизона, она останется столь же многочисленной, как деблокадная, то мож-

но удалиться от крепости больше чем на один переход. Если же после такого выделения она окажется слабее неприятеля, то она должна стать в 5—6 лье от крепости, чтобы ей могли прийти на помощь за одну ночь. Если, наконец, мы имеем в осадном и наблюдательном корпусах столько же войск, сколько у неприятеля в деблокадной армии, то придется сосредоточить все войска под крепостью за линиями или вблизи их и со всей возможной энергией заняться осадными работами.

При осаде Арраса в испанской армии было 32 000 человек (14 000 пехоты, 10 000 фузелеров и 8000 пикинеров). Для обороны линии протяжением в 15 000 туазов она могла рассчитывать на огонь всего 10 000 фузелеров. Несмотря на это, эрцгерцог вел осаду в продолжение 58 дней, на виду у Тюренна, лагерь которого находился от него на расстоянии пушечного выстрела; оставалось еще 18 дней для овладения крепостью. Если бы он не прикрыл себя линиями, то не сумел бы и суток простоять под крепостью. Таким образом, эрцгерцог смог благодаря этим линиям в продолжение 37 дней продолжать осаду и бомбардировать крепость.

В 1708 г. принц Евгений осаждал Лилль на виду у неприятельской армии герцога Бургундского, чего не мог бы сделать без линий.

В 1712 г. он осаждал Ландреси, в присутствии армии маршала Виллара, который, понимая, как важно не допустить падения этого оплота Франции, несколько раз подходил к циркумвалационным линиям, чтобы прорвать их; но он счел это невозможным. Евгений спокойно продолжал осаду на глазах у Виллара. Осада продвигалась успешно, когда Виллар овладел Дёненом и изменил судьбы войны. Принц Евгений получал все свои припасы по Скарпе, причем они выгружались в Маршьене — крепости, где находились его склады; но вместо того, чтобы снабжать свою армию раз или два раза в месяц через посредство обозов, конвоируемых от Маршьена до лагеря частью войск, выделяемых для этой цели, он провел линии от Маршьена вплоть до лагеря и устроил, таким образом, род прикрытой дороги протяжением в 7 лье, которую солдаты назвали Парижскою дорогою. Следовательно, эти линии имели около 14 или 15 лье в длину; поскольку при Дёнене они пересекались Шельдою, то принц расположил в этом месте в виде резерва 24 батальона для прикрытия Парижской дороги и сдерживания валансьенского гарнизона. Таким образом, эти войска отделялись Шельдою от главных сил; правда, этот резерв также был прикрыт линиями, но столь же незначительными и слабыми, как линии Парижской дороги. Обозы ежедневно прибывали из Маршьена в лагерь без конвоирования. 24 июля на рассвете Виллар навел в одном лье от Дёнена два понтонных моста через Шельду, прорвал, не встретив сопротивления, линии Парижской дороги, которые никем не оборонялись и не

представляли серьезного препятствия. Австрийский резерв, слабо прикрытый линиями и атакованный целой армией, был прижат к Шельде и сложил оружие. Принц Евгений, прибыв на помощь, не мог спасти своего резерва, отделенного от него Шельдой, и был праздным зрителем разгрома этой части своих войск. Виллар сразу же после этого приказал маршалу Монтестью осадить Маршьен, а сам для прикрытия этой осады расположился со своей армией на левом берегу Шельды. Принцу Евгению оставалось идти против Виллара, но для этого ему нужно было переправиться через Шельду. Положение дел сильно изменилось: за день до этого Виллару пришлось форсировать линии при Ландреси, а теперь принц Евгений принужден был, потеряв 24 батальона своего резерва, атаковать французское войско, прикрытое рекой и примкнувшее левым крылом к Валансьену. Через четыре дня Монтестьё взял Маршьен, овладел всеми находившимися там магазинами австрийской армии и взял 4000 пленных. Евгений прекратил осаду Ландреси. Через несколько недель Виллар осадил Дуэ. Евгений расположился на расстоянии пушечного выстрела от его линий, но счел их неприступными и удалился от них. Без контрвалационных линий Виллар был бы принужден снять осаду.

Принц Евгений сделал несколько ошибок под Ландреси:

1) Он домогался иметь ежедневно сообщения со своими магазинами без конвоирования обозов, надеясь единственно на растянутые, слабо и плохо охраняемые линии.

2) Он расположил свой резерв на левом берегу Шельды в трех лье от своего лагеря и за рекою.

Ему следовало: во-первых, не устраивать линий по Парижской дороге, а довольствоваться поступлением только раз в месяц припасов из Маршьена, обеспечив обозам надежную охрану; во-вторых, предохранить дёненский мост от внезапного захвата надежным укреплением; резерв расположить между этим укреплением и своим лагерем на правом берегу Шельды для поддержки предмостного укрепления; тогда он смог бы подать своевременно помощь резерву, а Виллар не сумел бы расположиться по Шельде для прикрытия осады Маршьена.

Король прусский¹, осаждая Ольмюц, не устроил контрвалационных линий, а потому эта крепость получала продовольствие и подкрепления, и каждую неделю туда прибывал курьер от Дауна.

Тюрени при осаде Дюнкерка прикрыл себя циркувалационными линиями; как только деблокадная армия под начальством дона Хуана Австрийского заняла позицию близ его лагеря, он двинулся на нее и разбил.

Если бы герцог Йоркский, осаждая в 1794 г. Дюнкерк, обеспечил себя хорошей циркувалационной линией, то наблю-

¹ Фридрих II. — Ред.

дательный корпус его не дорожил бы коммуникациями с Ипром; было бы достаточно поддерживать их с осадной армией, тем более что он господствовал на море. Он овладел бы крепостью ранее, чем французы сумели бы форсировать его линии.

В 1797 г. генералы Провера и Гогенцоллерн, подойдя к Мантуе для снятия осады с этой крепости, где заперся маршал Вурмзер, были остановлены циркувалационными линиями, прикрывавшими Сен-Жоржское предместье, что дало Наполеону время подоспеть из Риволи, сорвать их планы и заставить их капитулировать со своими войсками.

Следует ли ожидать атаки деблокадной армии за циркувалационными линиями? Фёкьер говорит: никогда не следует выжидать неприятеля за циркувалационными линиями, надо самим атаковать его, выйдя из линий. В доказательство он приводит действия под Аррасом и под Турином. Но под Аррасом осадная армия продолжала осаду 38 дней на виду у Тюренна и, следовательно, имела 38 дней для овладения городом; принц же Евгений принужден был обойти все циркувалационные линии, прикрывающие осаду, и вести атаку на правый фланг, где герцог де Лафельд пренебрег сооружением таких. Это доказывает, как высоко великий полководец ценил преграду, создаваемую линиями.

Если бы перечислить все неудачные нападения на линии и все удачные осады, произведенные под прикрытием их или на виду у деблокадной армии неприятеля, которая, произведя рекогносцировку, приходила к выводу о неприступности линий и удалялась, то значение линий сказалось бы в полной мере. Они представляют собой дополнительный источник силы и защиту, которыми нельзя пренебрегать.

Не следует отвергать выжидание противника за линиями, потому что в военном деле нет безусловных правил. Нельзя ли полностью или отчасти прикрыть ваши линии рвами, наполненными водой, затопляемыми участками, рекою, лесами? Не можете ли вы иметь превосходство над неприятелем в пехоте и артиллерии, сильно уступая ему в кавалерии? Не может ли ваша армия быть более многочисленной и храброй, чем деблокадная, но менее опытной, менее способной к маневрированию в открытом поле? Не думаете ли вы, что во всех подобных случаях надо либо снимать осаду, отказываясь от предприятия, почти уже доведенного до благополучного конца, либо идти на верную гибель, выводя в поле против многочисленной и хорошей кавалерии своих отважных, но непригодных к маневру солдат? Люди, не признающие пользы циркувалационных линий и отвергающие вообще всякое содействие инженерного искусства, лишают себя добровольно вспомогательного средства, которое никогда вредить не может, всегда полезно, а часто и необходимо.

Но говорят, что:

1) Армия, стоящая за линиями, стеснена в своих движениях, а в поле она мобильна.

2) Ночное время всегда благоприятствует атакам неприятеля, господствующего в открытом поле.

3) Он может вести главную атаку на любой пункт.

4) Он может, ничего не опасаясь, обойтись без прикрытия.

5) Успешная атака неприятеля может разделить осадную армию на две части, лишить ее возможности соединиться, принудить к отступлению и оставлению лагеря и линий, потому что тесное пространство между крепостью и линиями не позволяет ей снова привести себя в порядок.

6) Армия, выжидающая противника за линиями, может почти всегда подвергнуться атаке по всему протяжению их, ни один из ее флангов не обеспечен, и она не в состоянии отразить неприятеля, раз овладевшего этими линиями.

Но неужели нет возможности расположить лагерь, циркумвалационные линии и полевые укрепления, избежав всех этих неудобств, то есть так, чтобы:

1) армия была свободна в своих движениях;

2) чтобы ночные нападения обращались во вред самому неприятелю;

3) чтобы армия могла встретить неприятеля в совокупности, где бы он ни повел атаку;

4) чтобы армия имела возможность перейти в наступление и внушить неприятелю опасения в отношении тех пунктов его лагеря, которые останутся без прикрытия;

5) чтобы армия, если линии и прорваны в одном месте, не приводилась этим в расстройство, не лишалась ни лагеря, ни парков, ни возможности продолжать осаду и снова построиться, несмотря на малую глубину своего лагеря;

6) чтобы, наконец, армия была в состоянии, где бы неприятель ни прорвался, снова построиться в боевой порядок с прикрытием флангов, и атаковать неприятеля, не успевшего еще упрочить свое положение?

Проблема может быть решена. Но правила полевой фортификации нуждаются в значительных изменениях. Эта важная отрасль военного искусства несколько не продвинулась вперед с древних времен; ныне она стоит даже на более низкой ступени развития, чем 2000 лет назад. Необходимо поощрять инженеров заниматься усовершенствованием ее и поднять эту отрасль своего искусства до уровня других. Без всякого сомнения, легко у себя в кабинете рассуждать догматически, отвергая, и осуждая¹, тем более что такое мнение льстит духу праздности в войсках. И офицеры, и солдаты неохотно берутся за кирку и лопату, и от души повторяют, как это: «Полевые укрепления

¹ Контрвалационные линии. — Р е д.

более вредны, чем полезны, их не следует сооружать. Победа достается тому, кто двигается, наступает, маневрирует. Не следует работать, разве война и без того недостаточно утомительна?»... Это речи лестные, но все же не заслуживающие внимания.

**ИЗ СОЧИНЕНИЯ «СОРОК ЧЕТЫРЕ ЗАМЕЧАНИЯ
НА ТРУД ПОД НАЗВАНИЕМ „РУКОПИСЬ,
ПОСТУПИВШАЯ С ОСТРОВА СВ. ЕЛЕНЫ
НЕИЗВЕСТНЫМ ПУТЕМ“, НАПЕЧАТАННЫЙ
В ЛОНДОНЕ, В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ДЖОНА МЭРРЕЯ,
В 1817 г.»¹**

З а м е ч а н и е 44-е

Уже в первую ночь по прибытии в Париж² Наполеон задумался над тем, можно ли с 35 или 36 тысячами солдат — единственными войсками, которые он в состоянии был собрать на севере, начать 1 апреля военные действия, идти на Брюссель и поставить под свои знамена бельгийскую армию.

Английские и прусские войска, стоявшие на берегах Рейна, были слабы и разбросаны, не имели начальников и плана действий. Герцог Веллингтон находился в Вене, Блюхер в Берлине. Можно было полагать, что французская армия прибудет в Брюссель в первых числах апреля; но была еще надежда на мир: Франция желала его; преждевременные наступательные действия подверглись бы открытому осуждению. Сверх того, для сосредоточения означенных выше 35 или 36 тысяч человек пришлось бы предоставить собственным силам 23 крепости между Калэ и Филиппвиллем, образующие тройную линию обороны на севере. Если бы настроение умов на этой границе было столь же благоприятным, как в Эльзасе, Вогезах, Арденнах и в Альпах, такая мера не имела бы невыгодных последствий; но во Фландрии общественное мнение не было единым, и потому нельзя было предоставить крепости местной национальной гвардии. Требовался целый месяц для формирования в соседних департаментах отборных батальонов национальной гвардии для замены линейных войск. Герцог Ангулемский шел к Лиону, марсельцы к Греноблю. Первые известия об открытии военных действий обнадежили бы их. Необходимо было прежде

¹ В первом примечании Наполеон решительно отвергает приписываемое ему авторство этой книги. — Р е д.

² После возвращения с о. Эльбы в 1815 г.

всего водрузить трехцветный флаг во всех пунктах империи.

Когда в течение мая Франция объединилась, но исчезли все надежды на мир, Наполеон разработал план действий в предстоящей войне. Таких планов могло быть несколько. Первый — оставаться в оборонительном положении и предоставить союзникам взять на себя всю ответственность за агрессию, втянуться в пространство между нашими крепостями и проникнуть в район Парижа и Лиона, после чего начать¹ быстрые и решительные действия, опираясь на эти две базы. Такой план обещал много выгод: 1) союзники не могли ранее 15 июля открыть военных действий; ранее 15 августа прибыть к Лиону и Парижу; 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й армейские корпуса, четыре корпуса тяжелой кавалерии и гвардия сосредоточились бы под стенами Парижа; они насчитывали бы к 15 июня до 140 000 человек. 1-й наблюдательный и 7-й корпуса сосредоточились бы под Лионом; в них насчитывалось бы к 15 июня 25 000 человек; к 15 августа численность их достигла бы 60 000 человек (в строю); 2) к 15 августа закончились бы все работы по укреплению и усовершенствованию обороны Парижа и Лиона; 3) к тому времени были бы также завершены организация и вооружение войск, предназначенных для обороны Парижа и Лиона, а численность национальной гвардии Парижа доведена до 60 000 человек. Стрелковые батальоны с офицерами из линейных войск принесли бы много пользы; вместе с 6000 канониров линейных войск, флота и национальной гвардии и 40 000 человек из запасных частей семидесяти пехотных полков и гвардии, еще необмундированных и принадлежащих к корпусам, собиравшимся под Парижем, численность армии, предназначенной для обороны укрепленного лагеря под Парижем, достигла бы 100 000 человек. В Лионе гарнизон составил бы из 4000 человек национальной гвардии, 12 000 стрелков, 2000 канониров и 7000 человек из запасных частей одиннадцати полков, собранных под Лионом; 4) неприятельские армии, которые проникли бы к Парижу с севера и с востока, были бы принуждены оставить 150 000 человек под стенами 42 крепостей, находящихся на этих двух границах. Если определить силу союзников в 600 000 человек, то они прибыли бы к Парижу всего с 450 000. Армии,двигающиеся к Лиону, должны были бы наблюдать за десятью крепостями, расположенными на границах Юры и Альп. Если силу этой армии считать в 160 000 человек, то она достигла бы Лиона едва с 100 000; 5) наконец, национальный кризис, достигший высшей точки, вдохнул бы энергию в жителей Нормандии, Бретани, Оверни, Берри. Многочисленные батальоны приходили бы ежедневно в Париж. Все способствовало бы росту сил Франции и ослаблению союзников; 6) 240 000 человек, которые действовали бы под началь-

¹ Против них. — Р е д.

ством Наполеона на обоих берегах Сены и Марны, под прикрытием обширного парижского укрепленного лагеря, занятого сотысячной неподвижной армией, вышли бы, без всякого сомнения, победителями из боев с 450 000 человек неприятеля. 60 000 человек, которые действовали бы под начальством маршала Сюше на обоих берегах Роны и Соны, опираясь на Лион, занятый 25 000 неподвижных войск, справились бы с армией неприятеля. Восторжествовало бы священное дело отечества!

Второй план состоял в том, чтоб упредить союзников и открыть военные действия прежде, чем они изготоятся: они не могли начать военных действий ранее 15 июля; следовательно, нужно было открыть кампанию 15 июня и разбить англо-голландскую и прусско-саксонскую армии, расположенные в Бельгии, до прибытия на Рейн русских, австрийских, баварских, вюртембергских и прочих войск. На 15 июня мы имели бы во Фландрии 140 000 человек, оставив отряды для прикрытия всех границ и надежные гарнизоны во всех крепостях. 1) Если нам удалось бы разбить английскую и прусскую армии, то Бельгия восстала бы и войска ее пополнили бы французскую армию. 2) Поражение английской армии повлекло бы за собой падение английского министерства, на место которого стала бы оппозиция, покровительница свободы и независимости народов; одно это обстоятельство закончило бы войну. 3) Если бы дело обернулось иначе, победоносная армия пошла бы из Бельгии на соединение с 5-м корпусом, остававшимся в Эльзасе, и вместе с ним направилась бы к Вогезам — против русской и австрийской армий. 4) Этот план имел много выгод: он согласовался с характером народа, с духом и правилами войны; он устранял огромный недостаток первого плана, — оставление без выстрела Фландрии, Пикардии, Артуа, Эльзаса, Лотарингии, Шампани, Бургундии, Франшконтэ и Дофинэ. Но можно ли было с армией в 140 000 человек разбить две неприятельские армии, прикрывавшие Бельгию: англо-голландскую в 100 000 и прусско-саксонскую в 120 000 человек, итого 220 000 человек? Впрочем, не следовало сравнивать силы воюющих армий, основываясь на их численности (220 000 и 140 000) потому, что союзные армии состояли из более или менее хороших войск, под начальством двух главнокомандующих, и принадлежали народам, коих интересы и образ мыслей были различны.

В таких размышлениях прошел май. Восстание в Вандее ослабило армию во Фландрии на 20 000 и сократило ее до 120 000 человек. В результате этого злосчастного события стало меньше шансов на успех. Из Вандей война могла распространиться вширь: успехи союзников, движение их к Парижу благоприятствовали бы этому; Бельгия, четыре рейнских департамента громко призывали французов на помощь, простирали к ним руки. Наполеон решился атаковать 15 июня английскую и прусскую армии; если бы ему не удалось разобщить и раз

бить их по отдельности, как было намечено его планом, то он отвел бы свою армию обратно к Парижу и Лиону и действовал затем сообразно первому плану. Не подлежит сомнению, что французские армии, в случае, неудачи в Бельгии, прибыли бы к Парижу ослабленными; не подлежит сомнению и то, что союзники, если бы мы стали ждать их наступления, не открыли бы военных действий ранее 15 июля, а вызванные на бой 15 июня, были бы в состоянии сделать это уже 1 июля; не подлежит сомнению, что после победы они двинулись бы к Парижу быстрее, а фландрская армия, ослабленная до 120 000 человек, насчитывала бы на 90 000 человек меньше армий маршала Блюхера и герцога Веллингтона; но в 1814 г. Наполеон с 40 000 солдат в строю повсюду противостоял союзным армиям и нередко наносил поражения войскам Шварценберга и Блюхера, насчитывавшим 250 000 человек. В бою при Монмирай корпуса Заkena, Йорка и Клейста насчитывали 40 000 человек; они были атакованы, разбиты и отброшены за Марну 16 тысячами французов, в то время, как четырехтысячный отряд Мармона сдерживал маршала Блюхера, имевшего 20 тысяч человек, а войска Макдональда, Удино и Жерара (в общей сложности менее 18 тысяч человек) сдерживали сотысячную армию Шварценберга.

Ни Карфаген, возмущенный вероломством Сципиона; ни Рим, желавший отвратить опасность, угрожавшую ему после Канн; ни Законодательное собрание, взволнованное манифестом герцога Брауншвейгского; ни Гора в 1793 г. не проявили большей активности и энергии, чем Наполеон в эти три месяца. Пусть автор рукописи с острова св. Елены приведет в пример из древней или новой истории три месяца, лучше использованные: полтора месяца для восстановления престола империи и полтора для набора обмундирования, вооружения, организации четырехсоттысячного войска, — значит ли это забавляться заряданием ружей на двенадцать темпов? Стодневное управление отличалось деятельностью, порядком, бережливостью, но время — необходимый элемент: когда Архимед вызывался с помощью рычага и опорного пункта поднять землю, то он требовал времени. Богу понадобилось семь дней, чтобы сотворить вселенную!!!

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Аббасиды* (750—1258) — династия багдадских халифов — 423.
- Аббатучи, Жан Шарль* (1771—1796) — французский генерал. Убит при защите предместного укрепления на р. Рейн в 1796 г. — 136, 141.
- Абдаллах* — турецкий военачальник. В 1799 г. командовал войсками Джебзара-паши — 469, 471, 472, 473, 474, 476, 477, 478, 481, 482, 485, 500.
- Азара, Николо* (1731—1804) — испанский посол в Ватикане в 1793 г. — 37, 88.
- Актоп* — придворный неаполитанского короля в 1792 г. — 35.
- Александр Македонский* (356—323 гг. до н. э.) — в 336—323 гг. до н. э. — царь Македонии. Великий полководец древнего мира — 195, 465, 467, 478, 537, 540, 562, 605, 606, 610, 611.
- Александри* — одна из богатейших венецианских фамилий, состоявших во главе профранцузской партии в 1797 г. — 219.
- Александри* — один из первых директоров Цизальпинской республики и вождей профранцузской партии в Италии в 1797 г. — 242.
- Али* — мамлюк, в 1799 г. служил у турецкого главнокомандующего в Сирии Джебзара-паши — 498.
- Али-бей* (1728—1773) — глава мамлюков в Египте. В 1766 г. объявил себя независимым от Турции повелителем Египта — 362, 389, 452.
- Аль-Бакри* — шейх, считавшийся потомком пророка Магомета (Мухаммеда) — 361, 413, 415.
- Альбани, Джузеппе* (1750—1834) — поверенный в делах Вакистана в Вене в 1796—1797 гг. — 164, 183, 184, 239, 261
- Альберготти* — генерал французской армии, участник осады Турина в 1706 г. во время войны за Испанское наследство (1701—1714) — 268.
- Альвинци, Иосиф*, барон Берберекский (1735—1810) — австрийский фельдмаршал. В 1796—1797 гг. командовал австрийской армией в Италии — 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 126, 143, 159, 164, 165, 167, 168, 172, 173, 174, 177, 178, 179, 180, 183, 191, 218, 240, 263, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 294, 295, 296.
- Альдини, Антонио* (1756—1826) — в 1796 г. депутат сената г. Болонья. Потом министр — государственный секретарь Итальянского королевства — 87.
- Аль-Маруки* — арабский купец из г. Мекки, прибывший в Египет в 1798 г. — 391.
- Альмейрас* — французский дивизионный генерал. В 1793 г. — адъютант ген. Карто. В 1798 г. — участник Египетской экспедиции — 10, 470.
- Аль-Месри* — шейх улем, глава одной из мечетей в Александрии — 372.
- Аль-Мохди* — Мохди или Махди — «ведомый истинным путем», вождь или спаситель, который придет для освобождения и установления справедливости. (В данном случае подразумевается Мухаммед ибн-Тумарт, основатель династии Альмохадов (1121—1269) в Сев. Африке). В 1121 г. стал во главе кочевых племен, восставших против угнетателей. Умер в 1130 г. — 517.

- Аль-Мохди* — арабский шейх — 413, 414, 421, 518.
Аль-Шаркауи — арабский шейх — 412, 421, 426, 430.
Амбиориг — вождь одного из галльских племен (эбурунов), восставшего против римского владычества в 54 г. до н. э. — 608.
Амру или Амр (Амр-ибн-аль-Аса) (?—664) — арабский завоеватель Египта (629 г.). Убит, по одним данным, в 664, по другим — в 662 г. — 361, 366, 540.
Ангулемский, Луи Антуан де Бурбон, герцог (1775—1844) — в 1792 г. командовал корпусом контрреволюционеров-эмигрантов в Германии — 662.
Андреосси, Антуан Франсуа (1761—1828) — французский дивизионный генерал. Военный инженер — 36, 91, 118, 198, 342, 375, 382, 483.
Ансельм, Жак Бернар Модест (1740—1812) — французский дивизионный генерал — 26, 27.
Антигон (384—301 гг. до н. э.) — военачальник Александра Македонского, потом правитель одного из государств Малой Азии, в которое входила также и Сирия — 540.
Антиох III — в 223—187 гг. до н. э. эллинистический царь Сирии. В 217 г. до н. э. разбит египетским царем Птолемеем Филопатором в сражении при Рафии (Сирия) — 540.
Антоний, Марк (83—30 гг. до н. э.) — римский политический деятель и полководец — 609.
Апиний (II в. до н. э.) — римский политический деятель (консул) — 633.
Апис — «Священный бык» в древнем Египте, земное воплощение бога Пта — изначальной творческой силы, покровителя ремесел и искусств — 518.
Арий (256—336) — основатель одного из течений раннего христианства, осужденного церковью как ересь — 213.
Ариовист (I в. до н. э.) — предводитель одного из германских племен. Вел борьбу с Римом. Разбит Цезарем в 58 г. до н. э. Погиб во время бегства — 607.
Ариосто, Лодовико (1474—1533) — великий итальянский поэт. Автор поэмы «Неистовый Роланд» — 71.
Аркюль — французский офицер. В 1796 г. командир эскадрона — 125.
Арно, Антуан (1749—1804) — французский генерал. Участник кампании 1799 г. в Италии — 324.
Арриги ди Казанова, Жан Туссен, герцог Падуанский (1778—1853) — генерал французской армии и политический деятель. Участник походов Наполеона — 511.
Артасеркс III Ох (IV в. до н. э.) — древнеперсидский царь (359—338 гг. до н. э.). Вторично завоевал Египет для Персии — 540.
Архимед (287—212 гг. до н. э.) — величайший физик и математик древнего мира — 665.
Ас-Сада — арабский шейх — 413, 415, 428, 430, 431.
Ауффенберг — австрийский генерал. Участник кампании 1799 г. в Швейцарии — 311.
Афраний (I в. до н. э.) — римский военачальник. Командовал войсками Помпея. Взят в плен войсками Цезаря в битве при Тапсе (46 г. до н. э.) в Сев. Африке и убит — 609.
Ахилла — командовал египетскими войсками, осаждавшими Цезаря в Александрии в 48 г. до н. э. Убит во время осады — 610.

Б

- Бабёф, Гракх* (настоящее имя Франсуа Ноэль) (1760—1797) — французский революционер, представитель утопического коммунизма. В 1796 г. возглавил «Заговор равных» В 1797 г. казнен — 73.
Баллан, Антуан (1751—1821) — французский генерал. В 1797 г. начальник гарнизона в г. Верона. Вскоре ушел в отставку — 201, 224.
Банель, Пьер (1766—1796) — французский генерал. Убит в бою у Дего 15 апреля 1796 г. — 54.

Бараге д'Илье, Луи (1764—1812) — французский дивизионный генерал, участник войн Французской буржуазной республики и империи — 172, 194, 201, 228, 313, 340, 350, 354, 594.

Баррас, Поль Жан Франсуа Никола́ (1755—1829) — французский политический деятель. В 1793 г. в качестве комиссара Конвента участвовал в подавлении роялистского мятежа в Тулоне, затем участник контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.), в последующем — член Директории — 7, 8.

Баррэ, Жан Батист Анри де Сен-Лё (1768—?) — французский контр-адмирал. Во время Египетской экспедиции 1798 г. командовал фрегатом «Альсест». В 1814 г ушел в отставку — 374, 397, 398.

Бартелеми, Франсуа де (1747—1830) — французский дипломат. В 1791—1976 г. — посланник в Швейцарии — 244.

Бассвиль, Николэ — французский представитель в Риме. Убит контрреволюционными французскими эмигрантами 3 января 1793 г. — 36, 37, 58.

Баста — французский офицер, участник кампании 1809 г. — 647.

Батталья (?—1797) — провектор (должностное лицо, в подчинении которого могли находиться провинция, крепость, эскадра; также исполнял функции инспектора) Венецианской республики — 216, 218, 219, 222, 229.

Баялич фон Баягада, Адам (1734—1800) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. Участник кампаний 1795—1797 гг. на Рейне и в Италии — 94, 98, 175, 197, 199, 278, 284.

Бейль, Моиз — французский политический деятель, в 1793 г. член Конвента — 6.

Бейран, Марсиаль (1768—1796) — французский бригадный генерал. Убит в бою при Кастильоне 3 августа 1796 г. — 90, 98.

Бельвиль — в 1792 г. французский представитель при Неаполитанском короле. В 1796 г. — консул в г. Ливорно — 35, 89.

Бельгард, Генрих, граф (1756—1845) — австрийский генерал-фельдмаршал. С 1788 по 1815 гг. участник всех войн, которые вела Австрия — 207, 320, 326.

Бель-Иль, Шарль Луи Огюст Фукэ, герцог (1684—1761) — маршал Франции, участник войн с 1733 по 1742 гг. В 1715 г. — военный министр — 557.

Бельмонте, Франческо, князь Стронголи (Пиньятелли) [1734 (или 1732)—1812] — политический деятель Неаполитанского королевства — 83.

Бельяр, Огюстен Даниель, граф (1769—1831/1832) — французский генерал. С 1792 г. по 1815 г. участник войн Французской буржуазной республики и империи. После свержения Наполеона перешел на службу к Бурбонам — 122, 342, 350, 443, 444, 450, 453, 455, 456, 457, 458, 461, 462, 463, 470, 552, 553, 554, 555, 557, 559, 561.

Бервик, Джэкс Фитц-Джэкс, герцог де (1670—1734) — маршал Франции. Участник войн за Испанское (1701—1714) и Польское (1733—1734) наследства. В 1705 г. жестоко подавил крестьянское восстание в Севеннах (Франция). Убит под Фелипсбургом в 1734 г. — 613.

Береника — жена египетского царя Птолемея III Эвергета (246—221 гг. до н. э.) — 461.

Бернадотт, Жан Жюль Батист, князь Понтекорво (1764/1763—1844) — маршал Франции. С 1780 по 1814 г. участник войн в Европе. В 1810 г. уволен Наполеоном в отставку. С 1810 г. наследный принц, а с 1818 г. — король Швеции — 130, 133, 136, 147, 148, 155, 191, 194, 196, 197, 198, 199, 207, 208, 230, 231, 294, 297, 343, 563, 566, 567, 568, 569, 571, 573, 575, 576, 584, 585, 616, 644.

Бернонвиль, Пьер Риель, маркиз де (1752—1821) — маршал Франции. В 1793 г. военный министр В 1795 г. непродолжительное время командовал Самбро-Маасской, а затем Северной армиями. После реставрации служил Бурбонам — 137, 149.

Бертолле, Клод Луи (1748—1822) — французский химик. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 343, 381, 434, 544, 545.

Бертран, Анри Грасьен, граф (1773—1844) — французский генерал, военный инженер. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. Сопровождал Наполеона на остров Эльбу и остров Св. Елены. Записал мемуары Наполеона о походе в Египет и Сирию, изданные его сыном — 432, 528, 530, 559, 624, 627, 641.

Бертье — французский инженер-географ, отец маршала Бертье — 72.

Бертье, Александр, князь Невшательский, герцог Ваграмский (1753—1815) — маршал Франции. С 1796 г. по 1814 г. бессменный начальник штаба Наполеона — 57, 65, 72, 78, 86, 206, 207, 212, 231, 259, 342, 354, 372, 393, 439, 474, 481, 484, 498, 544, 545.

Бесс (?—328 г. до н. э.) — убийца персидского царя Дария III (330 г. до н. э.). Казнен в 328 г. до н. э. — 605.

Бессьер, Жан Батист, герцог Истрийский (1768—1813) — маршал Франции. Участник войн французской буржуазной революции и империи — 80, 81, 487, 544.

Бирон, Арман Луи де Гонто, герцог (1753—1794) — французский генерал. В 1792—1793 гг. командовал армией в Италии, затем в Вандее. В 1794 г. обвинен в измене и гильотинирован — 27.

Бланкэ дю Шайла (1759—1826) — французский контр-адмирал. Участник Египетской экспедиции — 350, 405.

Блюхер, Гебгард Леберехт, фон, князь Вальштадтский (1742—1819) — прусский генерал-фельдмаршал. Участник войн 1806—1807 и 1813—1815 гг. — 571, 574, 576, 579, 581, 582, 584, 585, 616, 635, 662, 665.

Бовэ, Шарль Никола де Про (1755—1794) — французский политический деятель. Член Конвента — 5.

Бодуэн I (Балдуин) (?—1118) — король Иерусалимский — 464.

Болье, Иоганн Петер (1725—1819) — австрийский генерал-фельдцейхмейстер. С 1792 г. по 1796 г. участвовал в войнах против французской буржуазной революции — 49, 52, 53, 54, 55, 56, 63, 64, 65, 71, 74, 79, 84, 93, 101, 114, 118, 129, 143, 166, 216, 218, 263, 264, 265, 266, 287, 288, 289.

Бомон, Марк Антуан, граф (1763—1830) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 67, 581, 644.

Бон (1758—1799) — французский генерал. Участник кампании 1796 г. в Италии, Египетской экспедиции и Сирийского похода. Убит при осаде Сен-Жан-д'Акра — 110, 111, 342, 343, 370, 371, 375, 376, 387, 433, 434, 470, 473, 474, 477, 478, 480, 482, 485, 487, 495, 496, 511, 522.

Боннар, Эннемон (1756—1819) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. При Бурбонах ушел в отставку — 139.

Бонно — французский генерал. В 1796 г. командовал дивизией в Самбро-Маасской армии — 130.

Бонье д'Арко, Анж Элизабет Луи Антуан (1750—1799) — французский политический деятель. Член Конвента — 262.

Боплю, Арман Мишель (1757—1796) — французский бригадный генерал — 130, 134.

Боргезе, Каилло, князь Сульмоны и Россано, принц французский, герцог Вгасталлы (1775—1832) — итальянский политический деятель. В 1796 г. поверенный в делах Сардинии при Наполеоне. В дальнейшем женился на сестре Наполеона Полине — 92.

Ботта, Антуан, маркиз де (1688—1774) — австрийский политический деятель, типичный авантюрист XVIII в. Был австрийским посланником в России, откуда выслан за интриги. В дальнейшем командовал австрийским гарнизоном в Генуе — 232.

Бошан, Жозеф (1752—1801) — французский астроном. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 343, 424.

Браски Онести, Луиджи, герцог (1748—1818) — итальянский политический деятель. В 1797 г. в качестве представителя папы вел переговоры о мире — 189.

Брауншвейгский, Карл II Вильгельм Фердинанд, герцог (1735—1806) — прусский генерал-фельдмаршал, типичный представитель прусской военной

школы XVIII в. Участник Семилетней войны (1756—1763). В 1792 г. — главнокомандующий войсками Антифранцузской коалиции. Разгромленный в 1806 г. под Иеной и Ауэрштедтом, был ранен и вскоре умер — 562, 564, 565, 568, 571, 572, 573, 576, 583, 635, 665.

Брауншвейгский, Фердинанд, герцог (1721—1792) — прусский фельд-маршал. Участник Семилетней войны (1756—1763) — 654.

Бриджпорт — см. Худ. — 518, 519.

Брут, Марк Юний (85—42 гг. до н. э.) — политический деятель древнего Рима. Сторонник аристократический республики. Один из руководителей заговора против Цезаря и его убийц — 69.

Брюи, Эсташ (1759—1805) — французский контр-адмирал. В 1798 г. морской министр. В 1799 г. командовал эскадрой, прорвавшей английскую блокаду Бреста — 233, 327, 518, 519.

Брюле — французский бригадный генерал. В 1793 г. участник осады Тулона — 15, 31.

Брюн, Гильом (1763—1815) — маршал Франции. В 1799 г. командовал французской армией в Голландии — 198, 314, 315, 316, 318, 319, 329, 332, 333.

Брюне, Гаспар Жан Батист (?—1793) — французский генерал. Командовал армией в Италии. Казнен по обвинению в измене — 8, 27, 28.

Брюэйс, Франсуа Поль де (1753—1798) — французский контр-адмирал. Участник Египетской экспедиции. Его эскадра была разбита Нельсоном в сражении при Абукире 1 августа 1798 г. Умер от ран — 341, 345, 390, 397, 398, 399, 401, 402, 404, 405.

Буаде — французский полковник. Участник Египетской экспедиции и Сирийского похода. Убит при осаде крепости Сен-Жан-д'Акр — 511.

Буаредон де Рансюэ — рыцарь Мальтийского ордена. В 1798 г. был сторонником Франции — 349, 351.

Бубна, Фердинанд фон Литтиц, граф (1768—1825) — австрийский генерал и дипломат. Участник войны 1809 г. — 623, 628.

Буде, Жан, граф (1769—1809) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 318, 638.

Буке — французский интендантский чиновник. В 1797 г. обвинен в грабеже ломбарда в г. Верона, сдавшегося французской армии — 318, 638.

Бурбоны (1589—1792; 1814—1830 — включая период с 14 марта по 22 июня 1815 г.) — династия французских королей — 6.

Бургундский, Луи, герцог (1682—1715) — внук Людовика XIV, участник войны за Испанское наследство (1701—1714) — 657.

Бурсье — французский генерал. В 1796 г. командовал кавалерийским резервом в Рейнско-Мозельской армии — 130.

Бурьен, Луи Антуан Фовелэ (1769—1834) — в 1797—1802 гг. был секретарем Наполеона, которого всюду сопровождал. Автор мемуаров о Наполеоне. Крайний реакционер — 381, 545.

Буска, Игнацио (1713—1803) — кардинал В 1797 г. исполнял должность государственного секретаря в Ватикане — 183, 184, 185, 188, 189, 239, 281.

В

Вален — в 1798 г. рыцарь Мальтийского ордена, находившийся на о-ве Комино — 349.

Валетт (1748—1823) — французский генерал. Участник кампании 1796 г. в Италии и Египетской экспедиции — 97, 98, 290, 445, 512.

Вандам, Доминик Жозеф Рене [1770/1771—1830] — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. В 1813 г. взят в плен русскими войсками после боя при Кульме — 315, 316, 317, 332, 628, 646.

Вандом, Луи Жозеф, герцог (1654—1712) — маршал Франции. Командовал французской армией в Испании (1695, 1710 гг.), Италии (1705 г.) и Нидерландах (1708 г.) — 61, 594, 613.

Вантюр де Пароди, Жан Мишель (1742—1799) — французский востоковед и дипломат. Переводчик Наполеона во время Египетской экспедиции. Умер во время отступления французской армии из Сирии — 389, 418.

Варрон, Теренций — римский полководец, разгромленный Ганнибалом при Каннах в 216 г. до н. э. — 600.

Вартенслебен, Вилгельм Людовик [1728—1796 (1734—1798)] — австрийский генерал-фельдцейхмейстер. Участник кампании 1796 г. на Нижнем Рейне — 129, 132, 133, 134, 136, 137, 140, 147, 153, 154, 571, 572, 573.

Ватрен, Пьер Жозеф [1724—1799 (1772—1802)] — французский дивизионный генерал. Участник кампаний 1794—1799 гг. — 320, 321, 334, 638.

Вендель, Карл Генрих фон (1712—1782) — прусский генерал. Участник Семилетней войны (1756—1763). Разбит русскими войсками под командованием Салтыкова при Павлуге 23 (12) июня 1759 г. — 653, 654.

Веймарский, Карл Август, герцог (1758—1828) — в 1792, 1806 и 1813 гг. участвовал в военных действиях против Французской буржуазной республики и империи — 575, 582, 616.

Веллингтон, Артур Уэлсли, князь Ватерлоо, герцог Сюддад Родриго, герцог Виттория (1769—1852) — английский фельдмаршал и реакционный государственный деятель. Участник колониальных войн в Индии. Командовал английскими войсками в Португалии и Испании В 1815 г. одержал победу при Ватерлоо. В дальнейшем, в 1819—1846 гг. занимал посты министра и главы английского правительства — 620, 662, 664.

Вену — французский полковник. В 1798—1799 г. участник Египетской экспедиции и Сирийского похода. Убит при осаде крепости Сеи-Жанд'Акр — 511.

Вердые, Жан Антуан, граф (1767—1839) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. В 1815 г. вышел в отставку — 100, 117, 342, 470.

Вернек, Франц (ок. 1750—1806) — австрийский генерал. Участник кампаний 1796—1797 и 1805 гг. В 1805 г. позорно капитулировал перед французскими войсками под командованием Мюрата — 129, 137, 156.

Верцингеторикс — в 52—51 гг. до н. э. возглавил восстание галлов против римского владычества. Казнен Цезарем в 46 г. до н. э. — 608.

Верюель, Карл Генрих, граф Севенаарский — вице-адмирал французской службы. В 1804 г. произведен Наполеоном из лейтенантов в вице-адмиралы. В дальнейшем маршал и морской министр Голландии, инспектор морских сил и пэр Франции. В 1813 г. капитулировал перед русским казачьим отрядом — 331.

Виаль, Оноре (1766—1813) — французский генерал. Военный инженер. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. В 1813 г. убит в сражении под Лейпцигом — 28, 30, 177, 342, 375, 379, 388, 470, 489, 490.

Видото, Гийом Андре (1759—1839) — французский музыковед и музыкант. Участник Египетской экспедиции — 343.

Виктор, Клод Перрэн, герцог Беллуно (1764—1841) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. При реставрации перешел на сторону Бурбонов. В 1821—1823 гг. военный министр — 180, 184, 186, 190, 194, 224, 225, 285, 297, 323, 638.

Виктор Амедей II, герцог Савойи (1666—1732) — участник войны за Испанское наследство (1701—1714), с 1720 г. король Сардинии — 61.

Вилантруа — французский артиллерист XVIII в., конструктор мортир — 22.

Виллар, Клод Луи Гектор (1653—1734) — маршал Франции. Участник войны за Испанское наследство (1701—1714) — 60, 61, 602, 604, 613, 657, 658.

Виллеруа, Франсуа де (1643—1730) — маршал Франции. Участник войны за Испанское наследство (1701—1714). Один из наиболее бездарных военачальников XVIII в. — 613.

Вильнёв, Пьер Шарль де (1763—1806) — французский адмирал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи Эскадра под ко-

мандованием Вильнёва была разгромлена английским флотом под командованием Нельсона в сражении при Трафальгаре в 1805 г. — 402, 403, 404, 406.

Винаш — французский офицер. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 523.

Винцент, Карл, барон (1757—1834) — австрийский генерал, кавалерист. В 1797 г. адъютант австрийского императора и уполномоченный по ведению переговоров о перемирии — 168, 208.

Виньоль, Мартин (1763—1824) — французский офицер. Участник кампании 1796 г. Затем военный министр Цизальпинской республики. В 1809 г. участвовал в сражении при Ваграме. Во время реставрации перешел на службу к Бурбонам и был членом палаты депутатов — 86, 115, 122.

Висконти — один из знатных родов Ломбардии, долгое время владычествовал в Милане. Наибольшее значение имел в XI—XV вв. — 70, 75, 280.

Висконти, Барнабе, герцог — в XIV в. правил в Милане. Известен своей жестокостью. В 1385 г. убит своим племянником — 243.

Во, Антуан Жозеф (1764—1817) — французский бригадный генерал. Участник кампании 1797 г., Египетской экспедиции, а также кампаний 1800 и 1814 гг. — 342, 470.

Вобан, Себастьян, маркиз (1633—1707) — маршал Франции. Знаменитый военный инженер. Создатель оригинальной системы фортификации, автор многочисленных теоретических работ. Построил 33 и перестроил свыше 300 крепостей. Участвовал в осаде 53 и защите 2 крепостей — 327, 586, 601, 602.

Вобуа, Клод Анри (1768—1849) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 86, 88, 89, 104, 105, 106, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 123, 124, 126, 181, 273, 274, 279, 294, 295, 340, 350, 354.

Вольней, Константен Франсуа, граф де (1757—1820) — французский писатель и историк — 409, 410.

Вреде, Карл Филипп, князь [1767—1838 (1839)] — баварский генералиссимус. Участник войн с первой империей — 628, 643.

Вукассович, Филипп, барон (1755—1809) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. Участник войн Австрии с Турцией (1789) и Францией (1796—1797; 1799—1800, 1805 и 1809) — 49, 54, 66, 67, 91, 93, 101, 104, 105, 177, 178, 275.

Вурмзер, Дагобер Сигизмунд, граф фон (1724—1797) — австрийский фельдмаршал. В 1792—1797 гг. участвовал в войнах против Франции — 74, 83, 84, 85, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 113, 114, 118, 119, 123, 127, 128, 129, 130, 143, 159, 167, 170, 174, 180, 181, 182, 218, 263, 267, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 277, 278, 280, 290, 292, 293, 295, 296, 347, 593, 659.

Вюртембергский, Фридрих, принц — генерал австрийской службы. В 1796 г. командовал бригадой в австрийской армии Верхнего Рейна. С 1806 по 1816 гг. — король Вюртемберга — 130, 575, 578, 579.

Г

Гавриил — «Муж божий», архангел — 504.

Газан, Оноре Теофиль де ла Пейрьер (1765—1844) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 135, 312.

Гакен — французский генерал. Участник кампании 1796 г. в Италии — 77.

Галеппи — в 1796—1797 гг. уполномоченный папы для ведения переговоров о мире — 163, 188.

Галлер — французский чиновник. В 1794 г. ведал финансами и снабжением французской армии в Италии — 28.

Галло, Марцио Матрети, герцог (1753—1833) — неаполитанский посол в Вене. В 1797 г. участвовал в переговорах по заключению перемирия.

- Позднее — министр иностранных дел — 208, 209, 241, 247, 249, 250, 257
- Гальба, Сервий Сульпиций* (5—69 гг. н. э.) — римский император (68—69 гг. н. э.) — 607.
- Ганнибал* (ок. 247—183 гг. до н. э.) — великий карфагенский полководец, уничтоживший римскую армию в сражении при Каннах (216 г. до н. э.) — 56, 63, 600, 604, 621, 631, 632, 633, 634.
- Гантом, Оноре Жозеф Антуан* (1755—1818) — французский адмирал. Во время Египетской экспедиции начальник штаба французской эскадры. Успешно провел флотилию, на которой Наполеон вернулся из Египта во Францию — 405, 483, 485, 491, 531, 532, 533, 544, 606, 607, 610, 611.
- Гардан, Клод Матье* [1766—1817/1818] — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 79, 80.
- Гартман* — ошибка Наполеона, см. Герман. Русским экспедиционным корпусом в Голландии командовал Герман, а не Гартман — 308.
- Гаспарен, Тома Огюстен* (1750—1793) — французский политический деятель. Член Конвента и Комитета Общественного спасения — 14.
- Гассенди, Жан Жак* (1748—1828) — французский генерал, артиллерист. В 1793 г. майор, начальник арсенала в Марселе, потом начальник парка французской армии в Италии. Составитель первого французского справочника по артиллерии, вышедшего в 1780 г. — 10, 28.
- Гастрэль* — французский генерал, инженер — 647.
- Гвельфы* — сторонники римских пап в их борьбе за власть в Италии с германскими императорами в XII—XV вв. — 170, 253.
- Герман, Иван Иванович* (1744—1801) — генерал от инфантерии русской армии. В 1799 г. командовал русским десантным корпусом в Голландии — 317, 328, 329.
- Гёреер* — австрийский генерал. Участник кампании 1799 г. — 313.
- Гибеллины* — в XII—XV вв. сторонники императорской власти в Италии — 253.
- Гибер, Жак Антуан Ипполит, граф* (1743—1790) — французский генерал. Известный военный писатель и теоретик — 654.
- Гийом* — французский контр-адмирал. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 436.
- Гильом* — французский генерал. В 1796 г. комендант крепости Пескиера — 94, 100.
- Гильон* — французский офицер. В 1793 г. участник осады Тулона — 19.
- Гогенцоллерн, Фридрих Франц Ксавьер, князь* (1757—1844) — австрийский генерал, кавалерист. Участник войн Австрии с Французской буржуазной республикой и империей — 114, 115, 175, 179, 180, 293, 659.
- Годфруа, герцог Бульонский* [ок. 1060 (1058)—1100] — правитель Нижней Лотарингии. Участник I крестового похода 1096—1099 гг. — 479.
- Гомпеш, Фердинанд, барон* (1744—1805) — гроссмейстер Мальтийского ордена. В 1798 г., после захвата французами Мальты, уступил свой титул Павлу I — 347, 351.
- Готтестейм, Фридрих Генрих* (1749—1808) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. В 1799 г. командовал дивизией — 323.
- Готце, Фридрих, барон* (1739—1799) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. С 1793 по 1799 гг. — участник войн с Французской буржуазной республикой — 129, 136, 137, 148, 311, 312.
- Готье* (1754—1836) — французский генерал. В 1794 г. начальник штаба французской армии в Италии — 28, 571.
- Гош, Лазар* (1768—1797) — французский генерал. Один из талантливейших военачальников Французской буржуазной республики. По предположениям современников, был отравлен — 149, 212, 247, 258, 298.
- Гренье, Поль* (1768—1821) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 130, 132, 323.
- Грибоваль, Жан Батист* (1715—1789) — французский генерал. Знаменитый реорганизатор французской артиллерии — 596, 597.

Грубер — австрийский фельдмаршал-лейтенант. В 1796 г. находился на левом крыле австрийской Нижне-Рейнской армии — 129.

Груши, Эммануэль, маркиз де (1768—1847) — маршал Франции. С 1792 г. участник войн Французской буржуазной республики и империи. В 1799 г. был взят в плен русскими войсками в сражении при Нови — 320, 321, 581.

Гувион, Луи Жан Багист (1752—1823) — французский дивизионный генерал. Участник кампании 1799 г. в Голландии — 315, 317, 318.

Густав II Адальф (1594—1632) — выдающийся шведский полководец. В 1611—1632 гг. — король Швеции — 261, 604, 611.

Гюичардини — в 1797 г. депутат области Вальтелины в ставке Наполеона в Момбелло — 251.

Гюйо, Жан Жозеф (1758—1817) — французский генерал. Участник кампании 1796—1797 гг. в Италии — 95, 96, 122, 194, 196, 197, 199, 205, 284, 297.

Д

Давидович, Гауль (1750—1820) — австрийский генерал. Серб по происхождению. Участник войн с Францией — 94, 104, 105, 111, 114, 115, 116, 123, 124, 125, 126, 270, 271, 275, 279, 283, 284, 291, 293.

Даву, Луи Николэ, герцог Ауэрштедтский, князь Экмольский (1770—1823) — маршал Франции. С 1793 г. участник всех войн Французской буржуазной республики и империи. В эпоху «100 дней» — военный министр — 342, 448, 449, 451, 454, 459, 470, 524, 529, 563, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 580, 581, 582, 583, 616, 643, 645.

Дэглас — английский полковник. Военный инженер. В 1799 г. принимал участие в обороне крепости Сен-Жан-д'Акр — 496, 508.

Даллемань, Клод (1754—1813) — французский дивизионный генерал. Участник кампаний в Италии в 1794, 1796—1797 гг. В 1798 г. по болезни вышел в отставку — 28, 64, 91, 93, 94, 96, 99, 102.

Дама, Роже, граф (1769—1823) — французский генерал. Типичный авантюрист второй половины XVIII в. В период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. был на русской службе. После французской буржуазной революции командовал отрядами французских эмигрантов. После реставрации в чине генерал-лейтенанта служил Бурбонам — 304.

Дандоло — в XII—XIX вв. одна из известных фамилий венецианской знати — 214.

Дандоло, Винченцо, граф (1758—1819) — итальянский химик, адвокат и политический деятель. В 1797—1799 гг. член Совета Цизальпинской республики. В 1804—1809 гг. наполеоновский губернатор Далмации — 229.

Д'Антрег, Эммануэль Луи Анри, граф де Лоней (1755—1812) — французский эмигрант, в 1797 г. спасен Наполеоном от суда — 231, 258.

Д'Аржанто, Эжен, граф (1741—1819) — австрийский генерал-фельдцейхмейстер. Участник кампаний 1795—1796 гг. в Италии — 45, 49, 52.

Дарий III Кодоман — последний персидский царь династии Ахеменидов (336—330 гг. до н. э.). Армия Дария была разбита Александром Македонским в сражениях на р. Граник (334 г. до н. э.); на р. Исса (333 г. до н. э.) и при Гавгамелах (Арбелах) (331 г. до н. э.) — 603, 605, 606.

Д'Арсон, Жан Клод (1733—1800) — французский генерал, военный инженер, составитель плана осады Тулона — 11.

Дарю, Пьер Антуан Брюно (1767—1829) — французский политический деятель и историк. В кампании 1805, 1807 и 1809 гг. был генеральным интендантом французской армии — 641.

Даун, Леопольд Иосиф Мария, граф (1705—1766) — австрийский фельдмаршал. Участник войн за Австрийское наследство (1740—1748) и Семилетней (1756—1763) — 652, 653, 658.

Дахэр — возглавил антитурецкое восстание в Сирни во второй половине XVIII в. — 469, 492.

Дахэр — сын предыдущего. Во время осады Сен-Жан-д'Акра в 1799 г. пытался установить связь с Наполеоном для продолжения борьбы против турецкого владычества в Сирии — 489, 498, 503.

Дебри, Жан — французский политический деятель. В 1794 г. член Комитета Общественного спасения — 41.

Девенс — австрийский генерал. Участник кампании 1795 г. — 38, 41, 42, 43.

Дегельманн, барон — австрийский дипломат. В 1797 г. участник переговоров в Лёбене и Кампо-Формио — 250.

Деженетт, Рене Никола (1762—1837) — французский врач. Начальник медицинской службы французской армии во время Египетской экспедиции и похода в Сирию. Во время нашествия Наполеона на Россию в 1812 г. был взят в плен русскими войсками. После разгрома армии Наполеона, в 1814 г. вернулся во Францию — 512.

Дезе, Луи Шарль Антуан (1768—1800) — французский генерал. Один из способнейших военачальников Французской буржуазной республики. Участник войн с 1791 по 1800 г. Убит в сражении при Маренго — 130, 131, 132, 134, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 151, 152, 153, 154, 212, 247, 252, 258, 340, 342, 349, 350, 371, 372, 375, 377, 378, 379, 391, 394, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 452, 453, 455, 457, 458, 460, 461, 469, 470, 516, 521, 533, 544, 615.

Декан, Шарль Матье Исидор (1769—1832) — французский генерал — 313.

Декостильс — французский химик. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 343.

Декрэ, Дени, герцог (1761—1820) — французский адмирал. Участник взятия о-ва Мальта. В 1801 и 1815 гг. морской министр — 344.

Делаборд, Анри Франсуа, граф (1764—1833) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 130.

Делакруа, Шарль (1741—1805) — французский политический деятель, член Конвента. В 1796 г. министр иностранных дел. Отец знаменитого художника Эжена Делакруа (1798—1863) — 159.

Делль, Алир Раффно (1778—1850) — французский ботаник. Участник Египетской экспедиции — 343.

Дельмас, Антуан Вильом (1767—1813) — французский генерал. Участник кампании 1791—1801 гг. Позже вышел в отставку. В 1813 г. убит в сражении при Лейпциге — 130, 134, 191, 194, 201.

Демон (?—1826) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 646.

Денон, Доминик, барон (1747—1825) — французский художник, гравёр и искусствовед. Член Французской Академии. Участник Египетской экспедиции — 343, 443, 533, 544, 545.

Деспинуа, Жасент Франсуа (1764—1848) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 71, 75, 94, 97.

Дессоль, Жан Жозеф Поль Огюстен, маркиз (1767—1828) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. При Бурбонах был премьер-министром — 208.

Дестэн (1764—1802) — французский бригадный генерал. Участник Египетской экспедиции — 524, 525, 526.

Дестрэ — французский полковник. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 392.

Джеззар-паша, Ахмет (1735—1804) — турецкий трехбунчукный паша, правитель Сирии. Известен своей жестокостью, за что и получил прозвище Джеззара (джеззар — палач или мясник) — 392, 406, 407, 408, 425, 426, 428, 439, 440, 469, 471, 474, 477, 481, 484, 485, 486, 490, 493, 495, 496, 498, 505, 506, 510, 514, 515, 516, 529.

Джентили — корсиканский политический деятель. В 1796 г. высадился на о-ве Корсика — 89.

Доломье, Деода Ги Сильвен Танкред Гратэ, де (1750—1801) — французский геолог. Участник Египетской экспедиции — 343.

Домбровский, Ян Генрих (1755—1818) — польский генерал. В 1794 г. один из организаторов польских войск во Франции. Участник кампаний 1797—1801, 1806, 1809, 1812—1813 гг. В 1815 г. генерал-аншеф и сенатор царства Польского — 170.

Домиций, Гней Агенобарб — римский военачальник. В 121 г. до н. э. проконсул. Сражался в Галлии против аллоброгов и арверниов — 633.

Домартен (1768—1799) — французский генерал, артиллерист. Участник осады Тулона, кампании 1796 г. в Италии, Египетской экспедиции и Сирийского похода. Убит в Египте — 9, 84, 94, 105, 342, 429, 470, 474, 518.

Домэсиль — французский бригадир (младший унтер-офицер, ефрейтор). В 1798—1799 гг. участник Египетской экспедиции и Сирийского похода — 511.

Донзело — французский офицер. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 214, 443.

Доппе, Франсуа Амедей (1753—1800) — французский генерал. Командовал войсками в Лионе и под Тулоном. Впоследствии командующий Пиренейской армией — 14, 15, 25.

Дор — французский чиновник. В 1798 г. интендант французской армии во время Египетской экспедиции — 433, 487.

Дориа, Андреа (1468—1560) — генуэзский кондотьер, командовал флотом, затем дож (правитель) Генуи, установивший в ней аристократическую республику. Неоднократно одерживал победы над французскими и турецкими войсками — 232.

Дориа, Джованни Памфили (1751—?) — кардинал. Глава правительства в Ватикане — 189.

Дориа — дож (правитель) Генуи в 1793 г. — 30, 236.

Дорсени, граф (?—1812) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи с 1791 по 1812 гг. — 454, 626.

Друо, Антуан, граф (1774—1847) — французский генерал. С 1793 г. участник войн Французской буржуазной республики и империи. Командовал гвардейской артиллерией — 584, 630.

Дрейк — в 1793 г. английский агент в Генуе — 30.

Дульсе-Понтекулан, Луи Гюстав, граф де (1765—1853) — в 1794 г. член Комитета Общественного спасения — 41.

Дундас — английский генерал. В 1799 г. участник англо-русской экспедиции в Голландии — 317, 318, 329.

Дункан, Адам, лорд Кемпердоун. (1731—1804) — английский адмирал. В 1799 г., во время англо-русской экспедиции в Голландии, командовал флотом — 314, 518, 519.

Дэндельс, Герман Виллем (1762—1818) — генерал, участник кампании 1799 г. в Голландии — 314, 315, 316, 317, 318, 319, 329, 331.

Д'Эйсогье — французский чиновник. В 1794 г. начальник административной части Итальянской армии — 28.

Д'Эспань — французский генерал. Участник кампании 1809 г. — 624, 644, 645.

Дюбуа — французский студент. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 343.

Дюбуа, Поль Алексис (1754—1796) — французский дивизионный генерал. Убит в бою в сентябре 1796 г. — 105.

Дювивье — французский полковник. В 1799 г. убит в Абукирском сражении — 499, 527, 528.

Дюгем, Вильом Филиберт (1760—1815) — французский дивизионный генерал. В 1791—1808 и 1813—1815 гг. участник войн Французской буржуазной республики и империи — 130, 134, 135, 305, 306, 322, 323, 337.

Дюгомье, Жан Франсуа Кокиль (1736—1794) — французский генерал. Командовал армией, осаждавшей Тулон, потом армией в Пиренеях, где был убит — 16, 18, 19, 21, 23, 25, 28, 73.

Дююа, Шарль Франсуа Жозеф (1740—1802) — французский генерал. Участник осады Тулона, кампании 1797 г. в Италии и Египетской экспедиции — 194, 197, 199, 202, 342, 375, 378, 380, 387, 392, 470, 516, 522.

Дужар — французский бригадный генерал. В 1796 г. начальник артиллерии Итальянской армии. Убит, на Тендском перевале альпийскими контрабандистами — 28, 84.

Дюма, Александр Давид де ла Паетри (1762—1807) — французский генерал. Участник кампании 1797 г. в Италии и Египетской экспедиции — 194, 485.

Дюмануар, граф (1770—1829) — французский адмирал. Участник Египетской экспедиции. Командовал фрегатом «Каррэр», на котором вернулся во Францию — 397, 545.

Дюмонсо, Жан Батист, граф Бергендальский (1760—1821) — французский генерал. Маршал Голландии. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. В 1799 г. командовал дивизией в Голландии — 314, 315, 316, 318, 329, 332.

Дюморбион — французский генерал. В 1794 г. командовал армией в Италии — 28, 30, 33, 73.

Дюмурье, Шарль Франсуа (1739—1823) — французский генерал. Участник Семилетней войны (1756—1763), в 1770—1771 гг. в Польше разбит Суворым под Ландскроной (1771), в 1792 г. министр иностранных дел Франции, командовал революционной армией, одержавшей при Вальми и Жемаппе первые победы над пруссаками. В 1793 г. перешел в лагерь роялистов — 56, 602.

Дюпа — французский полковник. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 555.

Дюплесси — французский полковник. В 1798 г. участник Египетской экспедиции. Убит в 1799 г. — 458.

Дюпон (1765—1840) — французский полковник. Участник кампании 1796 г. в Италии — 92, 576, 584.

Дюпти-Туар (1760—1798) — французский морской офицер. Участник Египетской экспедиции. В 1798 г. убит на корабле «Тоннан» во время Абукирского сражения — 404, 405.

Дююи, Доминик (1767—1798) — французский генерал. Участник кампании 1796 г. в Италии и Египетской экспедиции. Убит в 1798 г. во время восстания в Каире — 388, 426, 427, 429.

Дюрок, Жерар Кристоф Мишель, герцог Фриульский (1772—1813) — артиллерийский офицер. С 1796 г. адъютант Наполеона, затем маршал его двора. Сопровождал Наполеона во всех походах — 392, 483, 511.

Дютейль (старший), *Жан Филипп* (1722—1794) — французский генерал, артиллерист. В 1788 г. начальник школы в Оксонне. Казнен в 1794 г. — 15.

Дютейль (младший), *Жан* (1738—1820) — французский генерал, артиллерист — 15, 16.

Дютергр — французский художник. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 343.

Дюфо — французский генерал. Участник кампании 1797 г. в Италии — 175, 197, 236.

Е

Евгений Богарнэ, принц (1781—1824) — пасынок Наполеона. В чине капитана участвовал в Египетской экспедиции. Участник войн империи. Вице-король Италии — 254, 389, 511.

Евгений Савойский, принц (1663—1736) — крупнейший полководец Австрии. Участник войн с Турцией (1683—1699; 1716—1718), войны за Нидерланды (1688—1697), войны за Испанское (1700—1714) и Польское (1733—1735) наследства — 61, 594, 602, 604, 643, 650, 655, 657, 658, 659.

Екатерина II (1729—1796) — императрица всероссийская (1762—1796) — 256, 299.

Елизавета Фарнезе (1692—1766) — королева Испании. Вторая жена Филиппа V (1700—1746), короля Испании — 66.

Ж

Жантйи — французский генерал. Участник кампании 1797 г. — 229.

Женгеле — в 1797 г. французский посланник в Сардинии — 260.

Жерар, Этьен Морис (1773—1855) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. После крушения империи Наполеона служил Бурбонам — 665.

Жерола — в 1796 г. австрийский посланник в Генуе — 85, 86, 159.

Жилэ — французский морской офицер. В 1798 г. капитан I ранга, командир корабля «Франклин», участник Абукирского сражения — 405.

Жиральди — в 1796 г. австрийский посланник в Сардинии — 168.

Жирар, Пьер Симон (1764—1836) — французский ученый. Главный инженер путей сообщения и член Ученой комиссии во время Египетской экспедиции — 168, 343.

Жозефина, Мария Роза Богарне (1763—1814) — первая жена Наполеона, императрица французов (1804—1809) — 230.

Жомар, Эдм Франсуа (1777—1862) — французский ученый. Географ и археолог. Член академии. Студентом участвовал в Египетской экспедиции — 343.

Жомини, Генрих (1779—1869) — генерал от инфантерии русской службы. Известный военный теоретик и историк. По происхождению швейцарец. В 1804—1813 гг. на французской службе, в 1813—1855 гг. — на русской. Участник разработки проекта организации военной академии в России, открытой в 1832 г. — 287.

Жоффруа Сент-Илер, Этьен (1772—1844) — известный французский зоолог. Участник Египетской экспедиции — 343, 421.

Жуанвиль — в 1809 г. французский интендантский чиновник — 640.

Жубер, Бартеlemi (1769—1799) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики. В 1799 г. командовал французской армией в Италии. Убит в сражении при Нови 15 (4) августа, а его армия, поступившая под командование Моро, разгромлена русскими войсками, которыми командовал Суворов — 54, 94, 95, 115, 173, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 194, 201, 202, 207, 208, 223, 225, 276, 277, 283, 284, 285, 295, 297, 300, 310, 320, 321, 333, 334, 335, 336, 546.

Журдан, Жан Багист (1762—1833) — маршал Франции. Участник войн с 1791 по 1808 гг. — 127, 128, 130, 132, 133, 137, 139, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 269, 300, 324, 530.

Жюбер — французский офицер. В 1799 г. адъютант Наполеона во время Египетской экспедиции — 527.

Жюльен — французский капитан, адъютант Наполеона. Убит арабами во время Египетской экспедиции в 1798 г — 399, 400.

Жюно, Андош, герцог д'Абравтес (1771—1813) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 62, 190, 213, 225, 342, 351, 470, 489, 499.

З

Зайончек, Иосиф, князь (1752—1826) — польский генерал. Дивизионный генерал французской армии. В 1794 г. эмигрировал во Францию. Участник кампаний 1796—1797 гг. и Египетской экспедиции. В 1812 г. взят в плен русскими войсками — 170, 208, 297, 375, 382.

Закен — см. Сакен — 665.

Заксен, фон — в 1798 г. офицер в войсках генерала Макка — 302.

Зейдлиц-Кноцбах, Фридрих Вильгельм, барон фон (1721—1773) — прусский генерал. Выдвинулся в качестве начальника кавалерии прусской армии в войнах Фридриха II — 565, 567, 653.

Зено — представители венецианской знати в XIII—XV вв. — 214.

И

Ибрагим-бей (1735—1816) — в 1798—1799 гг. один из вождей мамлюков. По национальности — черкес — 368, 379, 387, 388, 390, 391, 392, 406, 407, 424, 425, 432, 433, 439, 468, 469, 472, 473, 475, 477, 478, 484, 498, 502, 520, 535, 548.

Иеремиа — согласно библейским преданиям, второй из четырех великих пророков ветхого завета — 479.

Иероним, св. [ок. 340—420 (330—419)] — один из теоретиков христианства, канонизированный католической церковью. (В тексте говорится о картине Корреджо «Св. Иероним», вывезенной Наполеоном из Италии) — 66.

Измаил — евр. «Бог внимлет». По библейским преданиям, сын Авраама. Мухаммед считал себя его потомком — 414.

Иоанн, Балтист Иосиф, эрцгерцог (1782—1859) — австрийский военачальник. В 1800 г. командовал войсками в Баварии, в 1809 г. южной австрийской армией — 627

Иоанн Иерусалимский — по христианским преданиям, ученик Христа, покровитель Мальтийского ордена, основанного в XI в. — 345, 351, 352.

Й

Йорк фон Вартенбург, Ганс Давид Людвиг, граф (1756—1828) — прусский генерал-фельдмаршал. Участник войны за Баварское наследство (1778—1779) и кампаний 1806, 1812, 1813—1814 гг. В 1812 г. заключил Таурогенскую конвенцию с представителем русской армии генерал-майором Дибичем — 665.

Йоркский, Фридрих, герцог (1762—1827) — в 1799 г. командовал англо-прусской десантной армией в Голландии — 308, 317, 318, 319, 325, 327, 328, 329, 333.

К

Кавалье — французский полковник. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 554.

Каза-Бьянка — генерал французской армии. В 1793 г. командовал французским десантом в Сардинии. Участник кампании 1798 г. — 35, 36, 301, 302.

Каза-Бьянка — французский морской офицер. В 1798 г. убит в Абукирском сражении — 404.

Кайм, Конрад Валентин Риттер (1731—1801) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. В 1792—1799 гг. участник войн против Франции — 132, 199, 205, 323.

Како — французский посланник в Риме (1796—1797) — 164, 183, 184, 185.

Камбиазо — в 1797 г. член делегации от г. Генуя, участвовавший в переговорах с Наполеоном — 235.

Камбиз — царь древней Персии (529—523/2 гг. до н. э.) — в 525 г. до н. э. завоевал Египет — 465, 537, 540.

Камбон (1754—1820) — французский политический деятель. В 1794 г. член Конвента. Представитель интересов крупной торгово-промышленной буржуазии — 39.

Кампан, Жан Доминик (1769—1845) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 322.

Канто-д'Ирль, Иосиф (1731—1797) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. В 1796 г. комендант крепости Мантуя — 91.

Капрара, Эней Сильвий, граф (1631—1701) — австрийский фельдмаршал. Участник войн с Францией и Турцией — 171, 613.

Капрара, Иоанн Батист [1733 (1753)—1810] — в 1796 г. депутат сената г. Болонья — 87.

Карачай де Валиесчака, Андрей, барон (1744—1808) — австрийский генерал-фельддехмейстер. Участник войны с Турцией (1788—1790) и Францией (1794—1800) — 324.

Карбонари — в 1797 г. член депутации г. Генуя, участвовавший в переговорах с Наполеоном — 235.

Карбонель — французский бригадир (ефрейтор) из охраны Наполеона. В 1798—1799 гг. участник Египетской экспедиции и Сирийского похода. Спас Наполеона во время осады Сен-Жан-д'Акра — 437, 511.

Карл Людвиг Иоганн, эрцгерцог (1771—1847) — австрийский полководец и военный писатель — 74, 113, 127, 128, 129, 130, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 146, 147, 148, 149, 150, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 167, 192, 194, 195, 197, 198, 202, 204, 205, 206, 207, 218, 220, 222, 223, 230, 231, 257, 263, 282, 283, 284, 296, 297, 309, 310, 311, 313, 314, 325, 326, 329, 619, 622, 624, 625, 626, 627.

Карл Великий (742—814) — с 768 г. франкский король, с 800 г. император «Священной Римской империи» — 247.

Карл V (1500—1558) — король Испании (1516—1556), император «Священной Римской империи» (1519—1556) — 346.

Карл VIII (1470—1498) — король Франции (1483—1498) — в 1494—1495 гг. вел борьбу с Габсбургами из-за господства в Италии — 225.

Карл XII (1682—1718) — шведский король (1697—1718), армия которого была разгромлена русскими войсками в ходе Северной войны (1700—1721) — 620, 621, 650.

Карлетти, граф — в 1795 г. посол великого герцогства Тосканского во Франции — 38.

Карлос, дон (1716—1788) — герцог Пармский, с 1735 г. король Неаполитанский (обеих Сицилий) (1735—1759), король Испании (1759—1788) — 66.

Карно, Лазар Никола (1753—1823) — французский государственный деятель, инженер и математик. Член Конвента и Комитета Общественного спасения. В 1795—1797 и 1800 гг. военный министр. Организатор вооруженных сил Французской буржуазной республики (организовал 14 армий) — 248.

Каррэр — французский полковник, артиллерист. Убит в 1797 г. — 206, 545.

Карто, Жан Франсуа (1751—1813) — французский генерал. В 1793 г. командовал армией, осаждавшей Тулон — 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14.

Каруссон — французский коммерсант. В 1798 г. вел дела на о-ве Мальта — 349.

Катина, Николо де (1637—1712) — маршал Франции. Участник кампаний 1672—1675 и 1690—1696 гг. в Италии — 613.

Катон (младший), *Уттический*, *Марк Порций* (95—46 гг. до н. э.) — политический деятель древнего Рима. Враг Цезаря и сторонник аристократической республики. После победы Цезаря покончил с собой — 610.

Каффарелли дю Фальга, Луи Мари Жозеф (1756—1799) — французский генерал, военный инженер. Участник Египетской экспедиции. Погиб при осаде Сен-Жан-д'Акра — 340, 342, 343, 346, 350, 371, 384, 392, 427, 437, 470, 474, 492, 493, 497, 511, 523.

Кважданович, Петер Витус (1738—1802) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. Участник Семилетней войны (1756—1763) и кампаний 1792, 1795, 1796 гг. — 94, 95, 96, 97, 98, 100, 104, 106, 108, 111, 114, 115, 177, 178, 270, 271, 273, 276, 290, 293.

Квинт Цицерон (102—43 гг. до н. э.) — младший брат знаменитого римского оратора Марка Туллия Цицерона. В 54—52 гг. до н. э. легат Цезаря в Галлии. В дальнейшем сторонник Помпея. Убит в 43 г. до н. э. — 608.

Квирини — в 1795—1796 гг. посол Венеции во Франции — 38, 298.

Кеблес — австрийский генерал. Участник кампаний 1796—1797 гг. — 177, 178.

Кегорн, Минно, барон (1641—1704) — голландский военный инженер и фортификатор. Изобретатель мортир, получивших его имя — 333.

Кейс, Джордж Эльфинстон, виконт (1746—1823) — английский адмирал. В 1799 и 1801 гг. командовал флотом на Средиземном море. В 1815 г. руководил отправкой Наполеона на о-в св. Елены — 548, 550.

Келлерман, Франсуа Кристоф, герцог Вальми (1735—1820) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики. Во времена Империи командовал резервными войсками во Франции — 15, 40, 41, 42, 71, 72, 73, 267, 289, 303, 304, 305.

Керпен, Георг (1741—1822) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. Участник кампаний 1796—1797 гг. — 200, 201, 202, 206, 223, 282, 297.

Киарамонте — см. Пий VII — 185.

Кильмен (1754—1799) — французский генерал. Участник кампаний 1796—1797 гг. — 50, 94, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 119, 123, 201, 208, 224, 271, 279, 285, 292, 293, 294.

Кир (558—529) — царь древней Персии из рода Ахеменидов — 650.

Кларк Анри Жак Гийом, граф Гюнебургский, герцог Фельтрский (1765—1818) — маршал Франции. В 1795 г. начальник топографического бюро. В 1796 г. тайный агент Директории при Наполеоне. При Бурбонах военный министр — 161, 167, 168, 208, 210, 231, 247, 248, 249, 250, 295.

Клебер, Жан Батист [1753 (1745)—1800] — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики. После бегства Наполеона командовал французской армией в Египте. Убит мусульманином Сулейманом — 130, 132, 137, 146, 148, 342, 370, 371, 374, 378, 393, 431, 470, 472, 475, 476, 477, 478, 480, 485, 488, 499, 500, 501, 502, 503, 510, 513, 514, 522, 529, 531, 533, 534, 544, 545, 548.

Клейн (1761—1845) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. В 1808 г. вышел в отставку — 311, 312, 574.

Клейст, Фридрих Генрих Фердинанд Эмиль фон Ноллендорф, граф (1762—1823) — прусский фельдмаршал. В 1792—1793 и 1813—1814 гг. участник войн с Францией. В 1812 г. в составе армии Наполеона, вторгшейся в Россию. В конце 1812 г. со своим корпусом присоединился к русской армии — 665.

Кленау, Иоганн, граф (1760—1822) — австрийский генерал. С 1793 по 1813 гг. участник войн против Французской буржуазной республики и империи — 181, 182, 320, 324.

Клермон, Луи, принц Бурбон Конде (1709—1771) — участник войн за Польшу (1733—1735) и Австрийское (1740—1748) наследство и Семилетней (1756—1763) — 654.

Клерфайт (Клерфе), Франц Себастьян Карл Иосиф Круа, герцог (1733—1798) — австрийский фельдмаршал. Участник войн: Семилетней (1756—1763), за Баварское наследство (1773), с Турцией (1788—1789) и Францией (1792—1796) — 127, 128, 145.

Клинглин — австрийский генерал. В 1796 г. командовал бригадой в армии Верхнего Рейна — 212, 258.

Клит — военачальник Александра Македонского, спасший ему жизнь в битве при Гранике (334 г. до н. э.) и убитый Александром в порыве гнева в 328 г. до н. э. — 605.

Клюви — в 1798 г. помощник начальника ополчения на о-ве Мальта — 349.

Княжевич (1762—1842) — польский генерал. Участник польского освободительного движения под руководством Костюшко (1746—1817). Впоследствии во французской армии командовал польским отрядом — 303.

Кобенцль, Луи, граф (1753—1809) — австрийский дипломат. В 1774 г. посланник в Копенгагене, в 1777 г. — в Берлине. С 1784 по 1800 гг. посланник, затем посол в Петербурге. В 1797 г. подписал Кампоформийский, а в 1801 г. — Люневильский мирные договоры — 249, 250, 255, 256, 257, 261.

Коленкур, Арман Огюстен Луи, граф, герцог Виеннский (1772—1827) — французский дипломат. В 1807—1811 гг. посол в Петербурге. В 1813 и 1815 гг. министр иностранных дел — 628, 630.

Колли-Риччи, Луи (1760—1812) — пьемонтский генерал. В 1796 г. командовал Сардинской армией. В 1798 г. перешел на французскую службу — 50, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 66, 67, 79, 183, 187, 264, 288, 289, 321.

Коло, Жан Сильвестр (1745—1819) — французский дивизионный генерал. Участник кампании 1793—1800 гг. — 130, 137.

Коллоредо-Мансфельд, Иероним (1775—1822) — австрийский генерал-фельдцейхмейстер. В 1792—1815 гг. участник войн с Францией — 129.

Коло д'Эрбуа, Жан Мари (1750—1796) — французский политический деятель. Член Конвента и Комитета Общественного спасения. В 1795 г. был арестован и сослан в Капсину, где и умер — 16.

Колонна, Цезарь — полковник французской службы. В 1795 г. участник экспедиции на о-в Сардиния — 35.

Комейрас — в 1797 г. французский резидент в Граубюндене — 244.

Конде, Луи II де Бурбон («Великий Конде»), принц [1621—1686 (1688)] — французский полководец. Участник Тридцатилетней войны (1618—1648), фронды (1648—1653) и войн за Нидерланды (1667—1668 и 1672—1675) — 612, 613, 655.

Конде, Луи Жозеф де Бурбон, принц (1736—1818) — командовал роялистскими отрядами французских эмигрантов в 1791—1801 гг. — 129, 131, 136, 138, 140, 212, 313.

Кондильяк, Этьен Бонно де Мабли (1715—1780) — французский философ-просветитель — 66.

Конру — французский полковник. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 453.

Контэ, Никола Жак (1755—1805) — французский механик, воздухоплаватель и живописец. Участник Египетской экспедиции — 343, 393, 417.

Кораим — комендант г. Александрия. Расстрелян по приказанию Наполеона в 1798 г. — 370, 372, 376, 407.

Корансез — французский математик. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 343.

Кордье, Пьер Луи Антуан (1777—1862) — французский ученый, минералог и петрограф. Участник Египетской экспедиции — 343.

Кормонтань, Луи (1696—1752) — французский военный инженер и фортификатор, последователь Вобана — 601.

Корсаков-Римский, Александр Михайлович (1753—1840) — русский генерал. В 1799 г., по вине австрийцев, разбит при Цюрихе — 309, 310, 311, 312, 325.

Косс — французский генерал. Участник кампании 1796 г. — 54.

Костаз, Луи (1767—1842) — французский инженер и политический деятель. Участник Египетской экспедиции — 343.

Край, Пауль, барон Крайова (1735—1804) — австрийский генерал-фельдцейхмейстер. Участник войн: Семилетней (1756—1763), с Турцией (1788—1789) и Францией (1793—1800) — 129, 137, 212, 320, 321, 322, 324, 336, 337.

Красс, Марк Лициний (ок. 115—53 гг. до н. э.) — римский политический деятель и полководец. В 71 г. до н. э. подавил восстание Спартака. В 60 г. до н. э. участник I триумvirата (Цезарь, Помпей, Красс). Командовал римскими войсками в Парфии, где и погиб — 586.

Кретэн — французский полковник, инженер. В 1798 г. участник Египетской экспедиции. Убит в 1799 г. — 374, 523, 524, 526, 527.

Крузье — французский офицер. Адъютант Наполеона. Участник Египетской экспедиции и Сирийского похода. В 1799 г. убит при осаде Сен-Жан-д'Акра — 511.

Ксеркс (486—465) — царь древней Персии — 540.

Куанчи, Франсуа, герцог де Франкетто (1870—1759) — маршал Франции. Участник войны за Польское наследство (1733—1735) — 60, 62.

Куриаль, Филибер Жан Батист Франсуа Жозеф (1776—1829) — французский дивизионный генерал — 629.

Куртис, Роджер, сэр (1746—1816) — английский адмирал. Участник войн с Французской буржуазной республикой — 396.

Кут — английский генерал. Участник английской экспедиции в Египте в 1801 г. — 552, 553, 560.

Куто, князь — неаполитанский генерал. Участник кампании 1796 г. — 79.

Кутузов-Голенищев, князь Смоленский (1745—1813) — великий русский полководец. Генерал-фельдмаршал русской армии — 603.

Л

Лабизн, Тит Атий (98—45 гг. до н. э.) — римский политический деятель и военачальник. Был сторонником Цезаря, потом Помпея. В 45 г. до н. э. убит в сражении при Мунде — 608, 610.

Лаборд, Анри Франсуа (1763—1833) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 12, 19, 20, 136, 150, 313.

Лабуасьер, Пьер Гарнье (1755—1809) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики — 320.

Лавалет, Антуан Мари, граф (1769—1830) — адъютант Наполеона — 208, 234, 235, 297.

Лагарп, Амедей Франсуа (1754—1796) — французский дивизионный генерал. Убит во время кампании 1796 г. — 22, 41, 42, 44, 45, 51, 52, 53, 54, 55, 63, 64, 65, 266, 289.

Лагомер — французский артиллерист середины XVIII в. В 1785 г. на вооружение французской армии были приняты мортиры его конструкции калибром 8, 10 и 12 дм (дюймов) — 400.

Лагоц (1764—1799) — генерал. Стоял во главе повстанческих отрядов, боровшихся с французскими войсками в Италии — 91, 184, 186, 222, 224, 285.

Лагранж, Жозеф Луи (1736—1813) — великий французский математик — 470, 520, 552, 553, 554, 560, 604.

Лаллеман — французский офицер. В 1796 г. командовал флотилией на оз. Гарда (Италия) — 94.

Лаллеман — в 1797 г. посланник в Венеции — 225, 285.

Ламбер — французский полковник. В 1798—1799 гг. участник Египетской экспедиции и Сирийского похода — 489, 491, 492.

Ламбре — в 1800 г. французский интендантский чиновник в Итальянской армии — 637.

Ландриэ — французский полковник. Участник кампании 1797 г. в Италии — 230.

Ланкрэ, Мишель Анж (1774—1807) — французский математик, инженер. Участник Египетской экспедиции — 343.

Ланн, Жан, герцог Монтебелло [1769 (1771)—1809] — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 54, 64, 75, 85, 122, 186, 342, 470, 473, 474, 476, 477, 478, 480, 482, 485, 486, 488, 508, 511, 522, 524, 525, 527, 528, 529, 530, 545, 563, 566, 567, 568, 569, 575, 576, 577, 579, 580, 581, 582, 616, 627, 638, 644.

Ланюсс, Франсуа (1762—1801) — французский генерал. Участник Египетской экспедиции. Убит при высадке английской армии в Египте в 1801 г. — 54, 64, 342, 470, 517, 518, 524, 525, 526, 533, 544, 550, 553, 559, 560.

Лаллас, Пьер Симон (1749—1827) — великий французский астроном, математик и физик — 507, 604.

Лапуап, Жан Франсуа, маркиз (1758—1851) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики — 7, 8, 9, 10, 14, 22.

Ларибуасьер, Жак Амбруаз Бастон (1759—1812) — французский генерал, артиллерист. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 623.

Ларош-Дюбука, Антуан (1759—?) — французский генерал, умер в годы реставрации Бурбонов — 310.

Ларрей, Доминик Жан (1766—1842) — французский врач. Главный хирург французской армии. Участник Египетской экспедиции и последующих походов Наполеона. Организатор хирургической помощи и походных лазаретов во французской армии — 483, 512.

Ласказас, Эммануэль Огюст Дьедонне, маркиз (1766—1842) — до французской буржуазной революции морской офицер. Затем эмигрант. После переворота 18-го брюмера вернулся во Францию. Последовал за Наполеоном на о-в св. Елены. Опубликовал свои мемуары, напечатанные в Париже в 1823—1824 гг. После смерти Наполеона вернулся во Францию — 66.

Ласкаль — французский офицер. В 1798—1799 гг. участник Египетской экспедиции и Сирийского похода — 508.

Ласкосте — пьемонтский полковник. В 1796 г. начальник штаба пьемонтской армии — 59.

Лассаль, Антуан Шарль Луи (1775—1809) — французский дивизионный генерал, кавалерист. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. Убит в сражении при Ваграме — 177, 392, 458, 470, 581, 582, 593, 624.

Латур де Байлье, Максимилиан (1737—1806) — австрийский генерал-фельдцейхмейстер. Участник Семилетней войны (1756—1763) и войн с Французской буржуазной республикой. В 1796 г. командовал армией Верхнего Рейна — 50, 59, 129, 131, 132, 136, 137, 138, 139, 140, 151, 152, 153, 154, 155, 156.

Латур-Мобур, Виктор Никола, маркиз [1768—1850 (1831)] — французский генерал, кавалерист. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 593.

Ла-Турнери — французский полковник, артиллерист. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 443, 451.

Латуш-Тревиль, Рене (1745—1804) — французский адмирал. Участник англо-французских войн. В 1792—1793 гг. командующий эскадрой на Средиземном море. В дальнейшем командовал эскадрой в Бресте, руководил сооружением Булонской флотилии, участвовал в экспедиции на С.-Доминго (1801—1803), командовал Тулонской эскадрой (1804) — 35.

Лаудон, Иоганн Людвиг Александр (1762—1822) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. В 1796—1800 гг. участник войн с Французской буржуазной республикой — 115, 201, 222, 223, 224.

Лауер, Иосиф (1769—1848) — австрийский генерал, инженер. В 1796 г. начальник штаба австрийской армии в Италии, заменивший Вейротера — 277

Лафельд (Фельд), Луи, герцог (1668—1725) — маршал Франции. Участник войн за Испанское наследство (1701—1714) В 1706 г. разбит Евгением Савойским под Туринюм — 268, 659.

Лашез — в 1797 г. французский консул в Генуе — 233.

Лаяр — французский полковник. Участник кампании 1798 г. — 303.

Левальд, Ганс (1685—1768) — прусский генерал-фельдмаршал. Участник Семилетней войны (1756—1763). В 1757 г. разбит русскими войсками при Гросс-Егерсдорфе — 653, 654.

Левенгаупт, Адам Людвиг, граф (1659—1719) — шведский генерал. Участник Северной войны (1700—1721). В 1708 г. разгромлен русскими войсками под командованием Петра I при Лесной — 620, 621, 622.

Легран, Клод Александр (1762—1815) — французский дивизионный генерал. Участник кампаний 1799 и 1801 гг. — 313, 578.

Лежен — французский полковник. Участник Египетской экспедиции и Сирийского похода. В 1799 г. убит под Яфпой — 482.

Лежуаль (1759—1799) — французский морской офицер. В 1798 г. командовал фрегатом «Женере» и участвовал в Абукирском сражении. Убит в 1799 г. — 404.

Леки — одна из богатейших фамилий, возглавивших в 1797 г. профранцузскую партию в Венецианской аристократической республике — 219.

Леклерк, Виктор Эммануэль (1772—1802) — французский дивизионный генерал. Участник кампаний 1791—1800 гг. — 178, 207, 342, 390, 593.

- Лекурб, Клод Жак*, граф [1760 (1769)—1815] — участник кампаний 1799 и 1800 гг. — 310, 311, 312, 313, 314, 326, 327.
- Лемаруа* — французский офицер. Участник кампаний 1796—1797 гг. Адъютант Наполеона — 105, 208.
- Лемуан, Луи* (1764—1842) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики. После переворота 18-го брюмера ушел в отставку — 301, 302, 303, 305, 307, 320, 322, 323.
- Ленэр* — в 1798 г. участник Египетской экспедиции — 343, 434.
- Леопольд II* (1747—1792) — австрийский император (1790—1792) — 90.
- Ленэр, Жан Батист* (1761—1844) — французский архитектор. Участник Египетской экспедиции — 343, 389.
- Лербах, Людвиг*, граф (1750—1805) — австрийский дипломат. Один из виновников убийства французских делегатов на Раштадтском конгрессе (1797—1799) — 261.
- Лерой* — французский чиновник. В 1798 г. начальник военно-строительных работ французского флота во время Египетской экспедиции — 405.
- Леспинас, Огюстен* (1736—1816) — французский генерал, артиллерист. В 1796 г. начальник артиллерии французской армии в Италии — 84.
- Летурнер, Шарль Луи Франсуа Онорэ* (1751—1817) — французский политический деятель. Член Конвента и Комитета Общественного спасения, затем член Директории — 36, 38, 41.
- Лефебр (Лефевр), Франсуа Жозеф*, герцог Данцигский [1755 (1735)—1820] — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 130, 137, 148, 517, 563.
- Лефевр* — французский полковник. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 501.
- Лилль, де*, граф — в 1792 г. французский контрреволюционный эмигрант — 215.
- Линдт* — саксонский генерал. В 1796 г. командовал корпусом в австрийской армии Нижнего Рейна — 129.
- Липтай, Антон* (1745—1800) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. Участник кампаний 1795—1796 и 1799 гг. в Италии — 49, 64, 79, 94, 98, 114, 115, 177, 178, 289, 290.
- Лизда* — французский офицер инженерных войск. В 1798—1799 гг. участник Египетской экспедиции и Сирийского похода — 505.
- Лобауский, Жорж*, граф Мутон (1770—1838) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. В 1805—1809 гг. адъютант Наполеона. При Бурбонах получил чин маршала (1818) — 626.
- Ложье* — французский лейтенант флота. Командир брига «Освободитель Италии». В 1797 г. убит в Венеции — 225, 227.
- Ложье* — французский офицер. Участник Египетской экспедиции и Сирийского похода. В 1799 г. убит при осаде Сен-Жан-д'Акра — 495.
- Лозовский* — офицер французской армии. Командир саперного батальона. В 1798—1799 гг. участник Египетской экспедиции и Сирийского похода — 482.
- Лоней* — французский бригадный генерал. Участник кампании 1796 г. Убит в бою у Кальдiero — 117.
- Лорж, Жан Гильом* (1767—1826) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 311.
- Лорсе, Жан Батист* (1768—1822) — французский генерал. Участник кампаний 1796 г. в Италии и 1799 г. в Швейцарии — 125.
- Лотарингский, Карл*, герцог — участник второй войны за Нидерланды (1672—1679) — 612.
- Лотарингский, Карл*, герцог (1713—1780) — участник войн за Австрийское наследство (1741—1748) и Семилетней (1756—1763) — 651, 654.
- Лотарингский, Карл Евгений*, герцог (1751—1825) — французский эмигрант. В 1789 г. командир «королевско-немецкого» конного полка. В 1796 г. зачислен в австрийскую армию. Участвовал в военных действиях против Французской буржуазной республики — 313.

Луазон, Луи Анри (1771—1816) — французский дивизионный генерал. Участник кампаний 1796—1800 гг. — 638.

Луи — квартирмейстер в войсках Наполеона во время Египетской экспедиции 1798—1799 гг. — 437.

Людовик IX «Святой» (1215—1270) — король Франции (1226—1270). Участник крестовых походов. В 1249 г. завоевал Дамнетту, но в следующем году попал в плен. В 1270 г. умер во время попытки завоевать Тунис — 395, 396, 540.

Людовик XII (1462—1515) — король Франции (1498—1515). Пытался утвердить свое владычество в Италии. В 1500 г. захватил Милан, в 1501 г. Неаполь. В 1512—1513 гг. вытеснен из Италии — 220, 222.

Людовик XIV (1638—1715) — король Франции (1643—1715). С его царствованием совпадает апогей абсолютизма во Франции. Вел непрерывные войны, которые привели страну к крайнему истощению — 268, 583, 602, 611.

Люзиньян, Франц Иосиф, маркиз (1753—1832) — австрийский генерал. Участник кампаний 1797 и 1799 гг. Командовал дивизией, дважды попадал в плен — 177, 178, 179, 196, 275, 321.

Люксембург, Франсуа Анри де Монморанси, герцог (1628—1695) — маршал Франции. Участник Тридцатилетней войны (1618—1648) и войн за Нидерланды 1672—1693 гг. — 611, 650, 655.

М

Магомет (Мухаммед) [570 (569)—632] — араб из г. Мекка, основатель ислама. По представлениям мусульман — пророк, посланник божий — 369, 413, 414, 417, 431, 438, 514, 516, 518.

Магаллон, Шарль (1741—1820) — французский путешественник и negociant. Консул в Каире — 377.

Мазепа, Иван Степанович (1644—1709) — гетман Украины (1687—1709). Вел предательскую политику по отношению к России и Украине. Во время Северной войны (1700—1721) перешел на сторону Карла XII, после разгрома которого бежал в Турцию — 620.

Майи — французский капитан. Участник Египетской экспедиции и Сирийского похода. Убит при осаде Сен-Жан-д'Акра в 1799 г. — 494, 496.

Макдональд, Этьен Жак Жозеф Александр, герцог Тарентский (1765—1840) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. В 1799 г. [19 (8)—21 (10) июня] разбит русскими войсками под командованием Суворова на р. Треббия — 301, 302, 303, 304, 306, 628, 665.

Макиавелли, Никколо ди Бернардо (1469—1527) — итальянский политический деятель, историк, военный теоретик, писатель. Странник абсолютизма и применения любых, в том числе наиболее коварных, жестоких и хитроумных, т. н. «макиавеллистических» методов в политике — 598.

Макс, Карл, барон фон Лейбериц (1752—1828) — австрийский фельдмаршал. Участник войн против Французской буржуазной республики и империи. В 1798 г. командовал неаполитанской армией. В 1805 г. позорно капитулировал при Ульме. В 1819 г. фельдмаршал — 299, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 308, 564, 569.

Маккар — французский генерал. Участник кампании 1796 г. в Италии — 28, 31, 41.

Максимилиан, Иосиф д'Эсте, эрцгерцог (1782—1863) — австрийский генерал-фельдцейхмейстер. Участник кампаний 1809 г. — 623.

Мальборо, Джон Черчилль, герцог, принц Миндельсгеймский (1650—1722) — английский полководец. Участник войны за Испанское наследство (1701—1714) — 650.

Манини, Лудовико (1726—1802) — в 1797 г. дож Венеции — 229.

Мавлий (III в. до н. э.) — римский политический деятель и военачальник — 631, 632, 633.

- Манфредини, Федерико* (1743—1829) — итальянский политический деятель. В 1796 г. премьер-министр Великого герцогства Тосканского — 88, 90, 165, 172.
- Марескальки, Фердинанд* (1764—1816) — итальянский политический деятель — 87.
- Мареско, Арман Самюэль*, маркиз (1758—1832) — французский генерал. Военный инженер, историк и писатель. Участник осады Тулона. В дальнейшем инспектор инженерных войск. В 1808 г. отстранен от дел после подписания им Байленской капитуляции в Испании — 12.
- Мария-Луиза* (1791—1847) — вторая жена Наполеона, императрица (1810—1814) — 203.
- Мария-Терезия* (1717—1780) — австрийская императрица (1740—1780) — 232, 593.
- Марк* — римлянин. В 118 г. до н. э. основал г. Нарбонн, одну из первых римских колоний вне Италии — 633.
- Мармон, Огюст Фредерик Луи, де Вьесс*, герцог Рагузский (1774—1852) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. Военный писатель — 40, 110, 111, 342, 350, 470, 523, 544, 545, 563, 665.
- Марсо, Франсуа* (1769—1796) — французский дивизионный генерал. Участник кампаний 1792—1796 гг. — 130, 133, 137, 139, 148, 149.
- Мартиненго* — одна из богатейших венецианских фамилий, ставших в 1797 г. во главе профранцузской партии в Венеции — 219.
- Мартэн, Пьер*, граф (1752—1820) — французский вице-адмирал. В 1794 г. командовал эскадрой на Средиземном море. В 1808 г. уволен в отставку — 36, 37.
- Мартэн* — французский морской офицер. В 1798 г., во время Египетской экспедиции, командовал фрегатом «Сервез» — 405.
- Марьетт, Жак Кристоф Люк* (1760—1821) — французский политический деятель. Член Конвента и Комитета Общественной безопасности — 39.
- Маршен, граф* — французский генерал. Участник войны за Испанское наследство (1701—1714) — 268, 269.
- Массаредо-и-Салазар* или *Мазареддо, Хозе Мария* (1744—1812) — испанский адмирал — 519.
- Массена, Андрэ*, герцог Ривольский, князь Эслингенский (1758—1817) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. В 1799 г. [30 сент.—1 окт. (19—20 окт.)] потерпел поражение в бою с русскими войсками под командованием Суворова в Муттентале и Клентале (Швейцария) — 28, 30, 31, 41, 43, 44, 45, 50, 51, 52, 54, 56, 63, 64, 73, 80, 81, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 104, 105, 107, 108, 109, 111, 112, 114, 117, 121, 124, 126, 173, 175, 177, 179, 180, 181, 194, 196, 197, 198, 199, 201, 205, 208, 209, 210, 266, 273, 274, 277, 279, 282, 284, 287, 290, 292, 293, 295, 297, 309, 311, 312, 313, 325, 326, 329, 530, 619, 639, 643.
- Массини*, маркиз — итальянский политический деятель. В 1797 г. представителем Ватикана во время переговоров в Толентино — 189.
- Маттеи, Алессандро* — итальянский кардинал, архиепископ г. Феррара. В 1796 г. вел переговоры о заключении мира в Толентино — 103, 164, 184, 185, 189.
- Матье де ла Редорт, Давид Морис Жозеф* (1768—1833) — французский генерал. Участник кампании 1798 г. — 305.
- Медави* — генерал французской службы. Участник войны за Испанское наследство (1701—1714) — 269.
- Мелас, Михаил Фридрих Бенедикт* (1729—1806) — австрийский фельд-маршал. Участник кампаний 1796, 1799 и 1800 гг. — 49, 79, 84, 94, 309, 321, 322, 323, 324, 335, 336, 337, 564, 615, 631, 634, 636, 638.
- Меллендорф, Рихард Иоахим Генрих* (1724—1816) — прусский фельд-маршал. Участник Семилетней войны (1756—1763). В 1794 г. командовал войсками на р. Рейн. В 1796 г. под Иеной взят в плен французскими войсками — 564, 565, 571, 573, 574, 635.

Мельци, Франческо, граф, герцог Лоди (1753—1816) — итальянский политический деятель. В 1796 г. глава миланской депутации. Потом вице-президент Итальянской республики и канцлер Итальянского королевства. Цвета рода Мельци: зеленый, белый и красный — сделаны цветами государственного флага Италии — 68, 70.

Мемнон — родом грек, полководец Дария, убит в 333 г. до н. э. в сражении на р. Исса — 604.

Менар, Филипп Ромен (1750—1810) — французский генерал. Участник кампаний 1795—1799 гг. — 54, 311.

Менар — в 1797 г. французский морской интендантский чиновник в г. Генуя — 234.

Мену, Жак Франсуа, барон (1750—1810) — французский генерал. В 1793 г. подавлял контрреволюционное восстание в Вандее. В 1798—1801 гг. участник Египетской экспедиции — 342, 369, 370, 371, 375, 378, 390, 414, 420, 524, 529, 544, 552, 555, 558, 559, 560, 561.

Менье — французский политический деятель. В 1794 г. член Конвента — 34.

Мервельдт (Мерфельдт), Максимилиан (1766—1815) — австрийский генерал. Участник кампаний 1792—1794 гг. В 1797 г. уполномоченный по ведению переговоров в Кампо-Формио. В 1813 г. под Лейпцигом попал в плен — 207, 208, 249, 250, 313, 628.

Мерси, Клавдий Флоримон, граф (1666—1734) — австрийский генерал-фельдмаршал. В 1684—1690 гг. участник походов в Венгрию. В 1701—1714 гг. участник войны за Испанское наследство — 60.

Месгриньи, де — в 1798 г. командор Мальтийского ордена на о-ве Гоцо — 349.

Мессарош де Чобошло, Иоганн (1737—1801) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. Участник кампаний 1793—1797 гг. В 1797 г. ушел в отставку — 94, 95, 104, 106, 107, 108, 109, 271, 291, 292.

Метелл, Квинт Цецилий — римский политический деятель и военачальник. Консул 52 г. до н. э., сторонник Помпея. В 46 г. до н. э. разбит Цезарем в битве при Тапсе и покончил с собой — 610.

Меттерних, Франц Георг Карл, граф (1746—1818) — австрийский представитель на Раштадтском конгрессе 1797—1799 гг. — 261.

Меттерних-Винебург, Клемент Венцель, князь, герцог де Портелла (1773—1859) — австрийский дипломат. Реакционный политический деятель. С 1809 по 1848 гг. канцлер и министр иностранных дел. Один из организаторов т. наз. «Священного Союза» — 628, 630.

Мехмед-паша — в 1799 г. участник боя при Абукире во время попытки турецких войск высадить десант в Египте — 461.

Мильо, Жан Батист, граф (1766—1833) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 107.

Миоллис (1759—1828) — французский генерал. Участник кампаний 1796—1800 гг. — 179, 180, 324.

Митровский, Иосиф Антон (1735—1809) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. Участник кампаний 1796—1799 гг. — 94, 114, 122, 323.

Мишери, Антуан — неаполитанский генерал. Участник кампании 1798 г. В 1799 г. поверенный в делах при русской армии — 302.

Моденский, герцог (Ерколе III Ринальдо) — в 1796 г. бежал из Модены, включенной сначала в состав Циспаданской, а затем Цизальпинской республик — 71, 162.

Моисей — легендарный древнееврейский пророк — 438.

Молинерно, князь — неаполитанский аристократ, в 1798 г. вел борьбу с французскими войсками — 306.

Монж, Гаспар (1746—1818) — французский ученый-математик и общественный деятель. Участник Египетской экспедиции — 188, 259, 343, 381, 434, 438, 507, 544, 545.

Монье, Жан Шарль (1738—1816) — французский дивизионный генерал. Участник ряда кампаний в Италии — 302, 638.

Монришар, Анри Ренье, граф (1756—1822) — французский генерал. Участник кампаний 1796—1799 гг. — 136.

Монтекукули, Раймунд, герцог Мельфийский [1608—1680 (1681)] — австрийский фельдмаршал. Известный полководец и военный писатель. Участник Тридцатилетней войны (1618—1648), шведско-польской войны (1657—1660), австро-турецкой (1660—1664) и австро-французской (1672—1675) — 611, 612, 613.

Монтескью, Пьер (1645—1725) — маршал Франции. Участник войны за Испанское наследство (1701—1714) — 567, 658.

Монтескью-Ферензак, Анн Пьер (1741—1798) — французский генерал. Участник кампании 1792 г. — 26, 573.

Монтолон, Шарль Тристан, граф де (1783—1853) — французский генерал. Адьютант Наполеона, последовал за ним на о-в св. Елены. Записал и издал продиктованные Наполеоном воспоминания — 67, 626.

Моранди — генуэзский аптекарь. В 1797 г. организовал антинаристократический клуб в Генуе — 233, 234, 237.

Моранди — французский морской офицер. Участник Египетской экспедиции. Погиб в 1799 г. — 456.

Моро, Жан Виктор (1763—1813) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики. С 1804 по 1813 гг. жил в Америке. В 1813 г. вернулся в Европу по приглашению Александра I и в том же году убит в сражении под Дрезденом — 128, 129, 130, 131, 132, 135, 136, 138, 139, 140, 149, 152, 153, 155, 167, 182, 203, 210, 252, 258, 298, 321, 322, 336, 337, 530, 618.

Морозини — представители венецианской знати в XVII—XVIII вв. — 214, 229.

Мортье, Эдуард Адольф, герцог Тревизский (1768—1835) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи с 1791 по 1814 гг. В 1799 г. разбит Суворовым в Муттенской долине (Швейцария), в 1805 г. — Кутузовым под Кремсом. В 1812 г., при бегстве французов из Москвы, по приказанию Наполеона взорвал часть кремлевских стен. После 1830 г. был послом в России. В 1834 г. военный министр — 311, 312, 563, 583.

Москати — в 1797 г. один из первых директоров Цизальпинской республики. Сторонник Франции — 242.

Мочениго — в 1797 г. венецианский провектор г. Брешиа — 213, 218.

Мочениго — в 1797 г. венецианский провектор г. Фруль — 222.

Мур, Джон (1761—1809) — английский генерал. В 1801 г. участник английской экспедиции в Египет — 557.

Мурад-бей (1750—1801) — в 1798—1801 гг. глава мамлюков. Черкес по национальности — 362, 378, 379, 380, 381, 387, 389, 390, 393, 406, 407, 412, 425, 431, 433, 440, 442, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 458, 459, 460, 468, 469, 520, 521, 525, 535.

Мустафа — трехбунчужный паша. В 1799 г. командовал турецкой армией в Абукирском сражении — 514, 516, 520, 522, 523, 524, 529, 531, 532, 533, 558.

Мэррей, Джон — английский издатель — 662.

Мэшен, Пьер Франсуа Андре (1744—1804) — французский астроном. Участник Египетской экспедиции — 343.

Мюцлер — французский бригадный генерал. Участник Египетской экспедиции. Убит в 1798 г. — 377.

Мюцлер — французский капитан, артиллерист. В 1793 г. участник осады Тулона. В 1796 г. убит в сражении при Арколе — 19, 20, 122.

Мюнстерский, епископ — союзник Людовика XIV во время второй войны за Нидерланды (1672—1679) — 611.

Мюллер, Жак Леонар (1749—1824) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 309, 323.

Мюрат, Иохим (1771—1815) — маршал Франции. В 1808—1815 гг. король Неаполитанский. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. В 1815 г. расстрелян — 56, 62, 79, 80, 81, 86, 88, 91, 109,

179, 180, 197, 342, 375, 390, 391, 470, 477, 478, 489, 499, 513, 520, 524, 525, 526, 527, 528, 530, 544, 545, 567, 568, 574, 575, 578, 579, 581, 582, 584, 593, 638.

Мюре — французский генерал. В 1793 г. участвовал в осаде Тулона — 18.

Мюгар — французский морской офицер. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 350.

Н

Наусути, Этьен Антуан Мари Шампион, граф (1768—1815) — французский генерал, кавалерист. Участник войны Французской буржуазной республики и империи — 624, 629.

Наполеон Бонапарт (1769—1821) — в 1791 г. поручик, в 1792 — капитан, в 1793 — подполковник и бригадный генерал, в 1795 г. — дивизионный генерал. В 1796—1797 гг. командовал армией в Италии. В 1798—1799 гг. во главе экспедиционной армии в Египте. В результате контрреволюционного переворота 18-го брюмера (9 ноября) — первый консул (1799—1804). В 1804—1814 и 1815 гг. император французов.

Науендорф, Фридрих Август Носиф [1741 (1749)—1801] — австрийский фельдмаршал-лейтенант, кавалерист. Участник кампаний 1792—1800 гг. — 138, 139, 140, 152.

Неаполитанский король (король обеих Сицилий) *Фердинанд IV* (1751—1825) — дважды изгонялся французами (1799 и 1806—1815), был женат на Марии—Каролине Австрийской, известной политической интриганке — 164, 166, 195, 230, 240, 299, 300, 301, 302, 306, 307.

Неарх (?—окт. 312 г. до н. э.) — греческий флотоводец. Командовал флотом Александра Македонского. В 325 г. до н. э. совершил плавание от устьев Инда до Тигра, обследовав побережье Индийского океана и Персидского залива. Составил описание своего плавания. Орывки описания Неарха сохранились в сочинениях Арриана и Страбона — 605.

Ней, Мишель, герцог Эльхингенский, князь Московский (1769—1815) — маршал Франции. Участник войны Французской буржуазной республики и империи. В 1815 г. расстрелян Бурбонами — 313, 566, 567, 568, 569, 574, 575, 577, 583, 616.

Нейперг, Адам Альбрехт, граф (1775—1829) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. Участник войн с Францией с 1792 по 1815 г. В кампанию 1796 г. находился в Италии — 224.

Неккер, Жак (1732—1804) — французский политический деятель и экономист. В 1776—1781 и 1788—1790 гг. министр финансов. При помощи реформ пытался предотвратить надвигающуюся буржуазную революцию — 637.

Нельсон, Гоарцио (1758—1805) — знаменитый английский адмирал. В 1798 г. разгромил французский флот в Абукирском сражении. В 1805 г. разбил франко-испанский флот в сражении при Трафальгаре, в котором был смертельно ранен — 52, 299, 300, 324, 344, 355, 368, 369, 396, 397, 399, 402, 404, 406, 407, 408.

Нессельроде, Карл Васильевич, граф (1780—1862) — дипломат русской службы. Реакционный политический деятель. На дипломатической службе с 1801 г. В 1813 г. участвовал в переговорах с Австрией и Англией. В 1814—1815 гг. участник Венского конгресса. В 1816—1856 гг. министр иностранных дел, с 1845 г. государственный канцлер — 630.

Нестор — один из героев древнегреческой поэмы «Илиада» — 342.

Нокс — английский генерал. В 1799 г. участник англо-русской экспедиции в Голландию — 319.

Норан — французский полковник. В 1798—1799 гг. участник Египетской экспедиции — 458.

Норри, Шарль (1756—1832) — французский архитектор. Участник Египетской экспедиции — 343.

Нуэ, Николай Антуан (1770—1811) — французский астроном. Участник Египетской экспедиции — 343.

О

Обри — французский офицер, артиллерист. В 1795 г. член Конвента и Комитета Общественного спасения — 40, 41.

Ожеро, Пьер Франсуа Шарль, герцог Кастильоне (1757—1816) — маршал Франции, участник войн Французской буржуазной республики и империи — 44, 45, 50, 51, 52, 53, 54, 63, 68, 73, 74, 79, 83, 86, 96, 97, 98, 99, 100, 103, 104, 107, 108, 109, 110, 112, 114, 115, 121, 126, 173, 176, 179, 180, 252, 258, 266, 274, 289, 290, 292, 293, 563, 566, 567, 568, 569, 575, 576, 580, 583, 616.

Озирис — по религиозным воззрениям древних египтян, царь загробного мира, судья душ умерших, бог воды и растительности — 518.

Олоферн — по библейским преданиям, вавилонский военачальник, осадивший г. Ветулию и убитый Юдифью — 504.

Омейяды (661—750) — династия арабских халифов. Они же основали на Пиренейском полуострове в 756 г. Кордобский халифат — 423.

Оранский, Морис, принц, граф Нассауский (1567—1625) — выдающийся нидерландский военный деятель. Успешно вел войну с Испанией за независимость Нидерландов. Организатор нидерландской армии, создатель новой тактики, новых методов обучения войск и новых уставов — 655.

Оранский, принц — генерал австрийской армии. В 1796 г. командовал бригадой в Нижне-Рейнской армии — 205, 571, 583.

Орлеанский, Филипп II, принц (1674—1723) — французский полководец. Участник войны за Испанское наследство (1701—1714). В 1706 г. потерпел поражение под Турином — 268, 269, 613.

Осман — в данном случае нарицательное наименование турок, происходящее от имени основателя османской династии Османа I [1258—1324 (1326)] — 500.

Осман-бей — в 1798—1799 гг. начальник одного из отрядов мамлюков — 431, 449, 454, 458, 460, 520.

Отт, Петр Карл, барон фон Баторкеу [1738—1819 (1809)] — австрийский фельдмаршал-лейтенант. Участник войн с Турцией (1788—1790) и Францией (1793—1800). В 1796—1799 гг. командовал дивизией в Италии — 94, 323.

Ох — см. Артаксеркс III — 540.

О'Хара, Чарльз (1740—1802) — английский генерал. В 1793 г. командовал войсками, осажденными в Тулоне — 16, 17, 18.

Очкай фон Очка, Носиф (1740—1805) — австрийский генерал. Участник кампаний 1793—1797 гг. В 1797 г. за неудачи уволен в отставку — 94, 177, 178, 196, 197, 198.

П

Павел I (1754—1801) — император всероссийский (1796—1801) — 299, 306, 346.

Пакго, Мишель Мари, граф (1764—1830) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. После реставрации служил Бурбоном — 40.

Палатни (Маррей), Джордж (1772—1846) — английский генерал. В 1799 г. участвовал в Голландской экспедиции — 317, 318, 319, 329.

Паоли, Паскаль (1725—1807) — корсиканский генерал. Вел борьбу за независимость Корсики — 35.

Паридизи — в 1797 г. один из первых директоров Цизальпинской республики — 242.

Парибелли — в 1797 г. в качестве депутата Вальтелины вел переговоры с Наполеоном — 244.

Парменион — македонский полководец. Сподвижник Филиппа (356—336 гг. до н. э.) и Александра Македонского (336—323 гг. до н. э.). В 329 г. до н. э. убит по приказанию последнего — 605.

Пармский, Александр Фарнезе, герцог (1545—1592) — испанский полководец. В 1578—1592 гг. правитель Нидерландов. Участник испано-французской войны — 655.

- Пармский, Фердинанд*, герцог (1765—1801) — 65, 68, 162, 195, 230.
- Парсеваль-Гранмезон, Франсуа Август* (1759—1834) — французский поэт. Участник Египетской экспедиции — 343, 544, 545.
- Патрона-Бей* — турецкий адмирал. В 1799 г. убит янычарами — 520, 524, 529.
- Пезаро* — итальянский политический деятель. В 1797 г. руководил делами Венецианской республики — 221, 222, 223, 229, 286.
- Периньон, Доминик* (1754—1818) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. После реставрации примкнул к Бурбонам — 320, 321.
- Перрэ, Жан Батист Эммануэль* (1765—1800) — французский адмирал. Участник Египетской экспедиции — 375, 379, 380, 381, 471, 485, 487, 503, 509.
- Петрарки* — в 1796 г. представитель Римского папы в Париже. Вел переговоры о заключении мира — 163.
- Пижон, Жан Жозеф* [1758 (1753)—1799] — французский генерал. С 1793 по 1799 г. участвовал в военных действиях в Италии — 97, 105, 109, 290.
- Пий VI* (1717—1799) — Римский папа — 190, 195.
- Пий VII* (1742—1823) — епископ Киарамонте. С 1799 г. Римский папа — 90, 185.
- Пион* — французский полковник. Участник Египетской экспедиции. Убит в 1799 г. — 460.
- Пиньятели* — см. Бельмонте — 166, 190, 239, 305.
- Пипин (Короткий)* (741—768) — король франков (751—768). Основатель династии каролингов (правившей в Италии — 751—887 гг., в Германии — 751—911 гг., во Франции — 751—987 гг.) — 213.
- Питт, Уильям, младший* (1759—1806) — английский государственный деятель. В 1781—1801 и 1804—1806 гг. премьер-министр. Один из главных организаторов коалиций против Французской буржуазной республики и империи. Объявлен Конвентом «врагом человечества». Умер в 1806 г., потрясенный поражением войск коалиции под Аустерлицем.
- Пишегрю, Шарль* (1761—1804) — французский генерал. В 1793—1795 гг. участник войн Французской буржуазной республики. В 1797 г. участник контрреволюционного заговора — 127, 128, 144, 145, 212, 249, 258.
- Планта, Гауденцио* — в 1797 г. член депутации Вальтелины, которая вела переговоры с Наполеоном — 244.
- Полибий* (ок. 201—120 гг. до н. э.) — выдающийся древнегреческий историк, работы которого имеют важнейшее значение для изучения военной истории древнего мира — 631, 632.
- Помпей («Великий»), Гней* (106—48 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель. В 60 г. до н. э. член I триумvirата (Цезарь, Помпей, Красс). Вступил в борьбу с Цезарем за власть. В 48 г. до н. э. разбит в битве при Фарсале, бежал в Египет, где был убит — 609, 610.
- Помпей, Секст* (75—35 гг. до н. э.) — сын Помпея «Великого», после смерти которого бежал на о-в Кипр. Вел борьбу с Октавианом (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) и Лепидом (89—12 гг. до н. э.). В 36 г. до н. э. разбит при Навлохе, попал в плен. В 35 г. до н. э. убит — 610.
- Понсе* — французский дивизионный генерал. Участник кампании 1796 г. в Самбро-Маасской армии Журдана — 130, 139.
- Понятовский, Иосиф Антон*, князь (1762—1813) — маршал Франции. Начал службу в Австрийской армии. В 1794 г. участник освободительного движения в Польше под руководством Костюшко. С 1806 по 1813 г. на французской службе. В 1813 г. утонул после поражения Наполеона под Лейпцигом — 646.
- Пор* — в конце IV в. до н. э. правитель северной части Пенджаба. В 326 г. до н. э. разбит и взят в плен Александром Македонским на р. Желам (Гидасп) на территории современного Пакистана. В целях создания базы для продолжения похода отпущен Александром и вернулся в свои владения — 605, 606.
- Приули* — в 1797 г. венецианский провентор в г. Верона — 226.

Провера (1740—1804) — генерал австрийской службы. Участник кампаний 1796, 1797 и 1799 гг. — 50, 53, 54, 84, 114, 118, 121, 172, 175, 176, 179, 180, 239, 278, 279, 281, 295, 296, 323, 659.

Прусский король, Фридрих-Вильгельм III (1797—1840) — 562, 564, 567, 616.

Протэн, Жан Константэн (1769—1837) — французский архитектор. Участник Египетской экспедиции — 343.

Птолеми (Лагиды) (305—30 гг. до н. э.) — эллинистическая династия, правившая в Египте — 366, 368.

Птолемей, Филадельф — в 283—246 гг. до н. э. эллинистический царь Египта — 461.

Птолемей, Эвергет (246—221 гг. до н. э.) — эллинистический царь Египта — 540.

Пураиде — французский полковник. Убит в кампании 1796 г. — 98.

Пуссельё — в 1796 г. секретарь французского посольства в Генуе. Вел переговоры в Турине о заключении союза с Сардинией — 161.

Пуэн — французский бригадный генерал. Участник кампаний 1796—1797 гг. в Италии — 180.

Р

Райт — английский офицер. В 1799 г. участник боевых действий под Сен-Жан-д'Акром — 498.

Ракор — французский морской офицер. В 1798 г. участник Абукирского сражения, командир корабля «Пепль-Суверен» — 405.

Рамбо — французский генерал. Участник Египетской экспедиции и Сирийского похода. В 1799 г. убит при штурме Сен-Жан-д'Акра — 508, 511.

Рампон, Антуан Гильом [1759—1847 (1842)] — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 52, 342, 386, 387.

Ранп, Жан, граф (1772—1821) — французский дивизионный генерал. Адьютант Наполеона, участник Египетской экспедиции и последующих походов Наполеона. При реставрации перешел на службу к Бурбонам — 451, 626.

Расин, Жан (1639—1699) — великий французский драматург — 249.

Ревель, Игнас Таон, граф де Пра Лунго (1760—1835) — в 1796 г. представитель Сардинии, вел переговоры о заключении мира. В 1797 г. назначен посланником Сардинии во Франции — 62.

Редутэ, Пьер Жозеф (1759—1840) — французский художник — 343.

Рей, Габриэль Венанс (1763—1836) — французский генерал. Участник кампаний 1796—1799 гг. в Италии — 173, 181, 304, 305, 306.

Рейсс-Плауцен, принц (1751—1825) — австрийский генерал. В 1793—1813 гг. участник войн с Францией — 94, 129.

Рено — французский офицер. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 460.

Ренье, Жан Луи (1771—1814) — французский дивизионный генерал. Участник Египетской экспедиции. Впоследствии военный министр Неаполитанского королевства, участник кампаний 1809, 1812—1813 гг. — 258, 340, 342, 349, 350, 375, 380, 390, 391, 439, 470, 471, 472, 473, 479, 488, 489, 492, 500, 509, 521, 533, 558.

Реньо — французский горный инженер. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 343.

Ричард Львиное Сердце, Плантагенет (1157—1199) — король Англии (1189—1199). Участник III крестового похода 1190—1192 гг. — 485.

Ришелье, Арман дю Плесси, герцог (1766—1822) — французский государственный деятель. Во время французской буржуазной революции эмигрировал в Россию. Участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг. В 1803—1814 гг. губернатор Новороссийского края. При Бурбонах вернулся во Францию и дважды был первым министром (1815—1818; 1820—1821). Вопреки

усилиям крайних монархистов пытался сохранить конституцию 1814 г. и ускорить вывод оккупационных войск из Франции — 249.

Роан, Камилл де — великий магистр ордена Иоанна Иерусалимского. В 1798 г. командовал ополчением на о-ве Мальта — 345, 347, 349.

Робер — французский генерал. Участник кампании 1796 г. — 122.

Робеспьер, Огюстен Бон Жозеф (1763—1794) — французский политический деятель, якобинец. С 1792 г. член Конвента. Младший брат Максимилиана Робеспьера. Казнен в 1794 г.

Робэн — французский генерал. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 447.

Роджер — см. Куртис — 396.

Розенберг, Андрей Григорьевич (1740—1813) — генерал от инфантерии русской армии. Участник Семилетней (1756—1763) и турецкой (1768—1774) войн, итальянского и швейцарского походов Суворова — 311.

Розетти — в 1798 г. венецианский консул в Египте — 406, 407.

Розьер — студент французского политехнического училища. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 343.

Романо, Джулио (настоящее имя Джулио Пиппи) [1492 (1499)—1546] — известный итальянский художник — 191.

Рона, Жозеф (1767—1840) — французский генерал. Военный инженер, писатель, теоретик. Участник войн первой империи. При Бурбонах — «главный инспектор инженеров». Автор сочинения «Размышления о военном искусстве», вызвавшего комментарии Наполеона — 597, 622, 631.

Ростоллан — французский офицер. В 1799 г. помощник командира дивизии генерала Дэнделя, участник боевых действий в Голландии — 317.

Рошамбо, Жан Батист (1725—1805) — маршал Франции. Участник войн за Австрийское наследство (1740—1748) и Семилетней (1756—1763). С 1780 г. участвовал в американской войне за независимость (1775—1782) — 72.

Руйе — французский генерал. Участник кампании 1809 г. — 645.

Руска, Франсуа Доминик (1761—1814) — французский генерал. Участник кампаний 1796 и 1799 гг. в Италии — 30, 302.

Рухель, Эрнст (1754—1823) — прусский генерал, адъютант Фридриха II. Типичный представитель выродившейся прусской фридриховской школы. В 1806 г. участвовал в сражении под Иеной, в котором были разгромлены прусские войска — 564, 568, 569, 635.

С

Сабин (I в. до н. э.) — военачальник в войсках Цезаря — 608.

Савиньи, Мари Юлий Цезарь Лелорнь, де (1777—1851) — французский натуралист. Участник Египетской экспедиции — 343.

Сада — арабский шейх — 361, 425, 428, 430, 431.

Сакен (фон дер Остен), Фабиан Вильгельмович (1752—1837) — генерал-фельдмаршал русской армии. В 1814 г. в бою у Монмирай командовал корпусом, который выдержал натиск французской армии под командованием Наполеона — 665.

Сакс де — в 1798 г. офицер неаполитанской армии, командовал отрядом — 302, 303.

Саксен-Тешенский, Альберт Казимир, герцог (1738—1822) — в 1765—1780 гг. наместник Венгрии, в 1780—1790 гг. наместник Нидерландов — 258.

Саладин «Великий» (Салах-Ад-Дин) (1138—1193) — султан Египта (1171—1193). В 1187 г. взял Иерусалим. Вед успешную борьбу с крестоносцами во время III Крестового похода (1189—1192) — 362, 410, 416, 430, 438, 479, 485, 488.

Салтыков, Петр Семенович (1698—1772) — генерал-фельдмаршал русской армии. Участник Семилетней войны (1756—1763). Одержал победу при Пальциге [23 (12) июля] и разгромил Фридриха II в сражении под Кунерсдорфом [12 (1) августа] 1759 г. — 653.

- Сальматорис* — в 1796 г. дворецкий сардинского короля, потом служил при дворе Наполеона — 59.
- Самсон* — мифический библейский герой, обладавший необычайной силой — 477.
- Сансон* — французский дивизионный генерал. В 1798—1799 гг. полковник. Участник Египетской экспедиции и Сирийского похода — 492.
- Сардинский король, Виктор Амедей III* (1726—1796) — король Сардинии (1773—1796) — 158, 159, 160, 161, 195, 237, 238, 252, 253, 289, 298, 299.
- Саюзэ, Жан Жозеф* (1756—1803) — французский генерал. Участник кампании 1796 г. в Италии — 102, 104, 109, 110, 111, 292, 293.
- Себоттендорф, Карл ван дер Розе* (1740—1818) — австрийский генерал, участник кампаний 1796—1799 гг. — 49, 66, 79, 80, 94, 104, 106.
- Сезострис* — греческое наименование ряда египетских фараонов. По Манефону (египетский жрец и историк конца IV — начала V в. до н. э.) под Сезострисом греки подразумевали Рамзеса II (1317—1251 гг. до н. э.), одержавшего при Кадеш (1312 г. до н. э.) победу над хеттами — 368, 461.
- Секст* — римский консул (I в. до н. э.) — 633.
- Селевкиды* (312—64 гг. до н. э.) — эллинистическая династия царей Сирии, основанная Селевком I Никатором (312—281), воначальником Александра Македонского (356—323) — 537.
- Селим I* (1484—1520) — султан Турции (1512—1520), завоеватель Сирии и Египта (1517) — 362, 364, 540.
- Селим III* (1761—1808) — султан Турции (1789—1807). В 1807 г. свергнут с престола — 408, 438, 468, 497, 528, 543, 563.
- Семонвиль, Шарль Луи Гуго* (1754—1839) — французский дипломат. В 1792 г. назначен послом в Турцию — 35, 182.
- Семпроний, Тиберий Лонг* — римский военачальник. Разбит Ганнибалом в сражении при Требии в 218 г. до н. э. Умер в 210 г. до н. э. — 600, 632, 634.
- Сен-Жюльен* — французский контр-адмирал. В 1793 г. спасся при сдаче тулонской эскадры англичанам — 7.
- Сен-Марсан, Антуан Мари Филипп*, граф (1761—1842) — сардинский дипломат. В 1796 г. представитель сардинского короля при Наполеоне. В дальнейшем на французской службе. После крушения Наполеоновской империи вернулся в Сардинию и занимал посты председателя временного правительства, министра иностранных дел, военного министра и президента совета министров. В 1821 г. вышел в отставку — 92, 161.
- Сен-Сир, Гувюион Лоран* (1764—1830) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. При Бурбонах военный министр (1817—1819). Военный историк — 130, 181, 132, 134, 185, 137, 138, 139, 140, 150, 154, 320, 321, 322, 324.
- Сен-Сюльпис* — французский дивизионный генерал. В 1809 г. участник сражения под Ваграмом — 645.
- Сент-Винцент*, граф (1734—1823) — известный английский адмирал Джон Джервис. В 1795 г. командовал эскадрой на Средиземном море. В 1797 г. разбил испанский флот у мыса Сент-Винцент — 396, 519.
- Сент-Илер* — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 43, 98, 99, 100, 105, 274, 627, 639, 641, 642, 644, 645.
- Сербелони, Джан Галеаццо*, граф (1744—1802) — итальянский политический деятель. В 1796 г. начальник национальной гвардии г. Милана. Потом посол и директор Цизальпийской республики — 68, 70, 242.
- Серве* — французский бригадный генерал. Участник кампаний 1796—1797 гг. в Италии — 202, 223.
- Серра* — в 1797 г. участвовал в переговорах с Наполеоном в качестве члена генуэзской делегации — 235.
- Серюрье, Жан Матье Филибер*, граф (1742—1819) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. В 1799 г. был взят в плен русскими войсками в сражении на р. Арда [27 (6) апре-

ля) — 41, 45, 50, 51, 55, 56, 57, 63, 68, 74, 80, 83, 91, 96, 98, 100, 173, 180, 181, 182, 194, 196, 197, 198, 199, 205, 208, 231, 266, 283, 290, 297.

Сидней Смит, Вильям (1764—1840) — английский адмирал. Участник русско-шведской войны 1788—1790 гг. (на шведской службе). В 1793 г. — на английский эскадре под Тулоном. В 1799 г. командовал эскадрой, помогавшей Джебзур-паше в обороне Сен-Жан-д'Акра, одновременно исполнял обязанности английского посла в Константинополе. В 1801 г. участвовал в высадке английской армии в Египте — 23, 483, 491, 494, 496, 503, 505, 507, 520, 525, 527, 529.

Сидес, Эммануэль Жозеф, аббат, граф (1748—1836) — французский политический деятель. Представитель интересов крупной буржуазии. В 1789 г. член Генеральных штатов; в 1793 г. член Конвента, в 1799 г. участник контрреволюционного переворота 18-го брюмера и член консулата. В годы империи — член Сената — 41, 273, 242.

Ситти Нафиза — жена Али-бея, потом Мурад-бея — 389.

Соммарива, Ганнибал, маркиз (1755—1829) — австрийский генерал, кавалерист. Участник кампании 1799 г. — 323.

Сонжис, Николай Мари (1761—1809) — французский генерал, артиллерист. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 84, 342, 492, 518, 524, 525, 641.

Соре, Пьер де ла Борн (1742—1818) — французский генерал. Участник кампании 1796—1799 гг. — 44, 94, 95, 97, 98, 99, 272, 273, 290.

Спанокки — в 1796 г. тосканский комендант крепости Ливорно — 89.

Спинола, Амброзио, маркиз [1569—1629 (1571—1630)] — испанский полководец. В 1602—1606 гг. участник войны за Нидерланды, в 1620—1624 гг. участник Тридцатилетней войны (1618—1648) — 655.

Спиндла, Винcente — генуэзский сенатор. В 1796 г. посол Генуи во Франции — 86, 159.

Спорк — австрийский генерал. Участник кампании 1796 г. в Италии — 201, 206, 282.

Станислав Лещинский (1677—1766) — польский король (1705—1709) — 620.

Старай, Антон, граф (1740—1808) — австрийский генерал-фельдцейхмейстер. С 1792 г. участник войн против Франции — 129, 131, 137, 148, 150, 212, 310, 313, 314.

Статира (IV в. до н. э.) — дочь персидского царя Дария, жена Александра Македонского — 605.

Стенжель, Анри (?—1796) — французский дивизионный генерал. Участник кампании 1796 г. в Италии, командовал кавалерийской дивизией — 50, 55, 56.

Стори — голландский адмирал. В 1799 г. командовал голландским флотом — 315.

Стюарты — королевская династия в Шотландии (с 1371) и в Англии (1603—1714) — 248.

Субиз, Шарль Роган, принц (1715—1787) — маршал Франции. Участник Семилетней войны (1756—1763) — 652, 654.

Суворов, Александр Васильевич, князь Италийский, граф Рымникский (1730—1800) — великий русский полководец — 309, 310, 311, 312, 313, 321, 322, 334, 335, 336.

Сулькусский — польский офицер, адъютант Наполеона. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 392, 428, 432.

Сульт, Никола Жан, герцог Далматский (1769—1851) — участник войн Французской буржуазной республики и империи. При Бурбонах военный министр — 311, 312, 563, 566, 567, 568, 569, 574, 578, 582, 584, 585, 616.

Сфорца — династия миланских правителей, герцогов, основанная в 1450 г. Франческо Сфорца, сыном известного кондотьера Муцио Аттендоло, прозванного Сфорца (ит. — одолевающий). В 1515 г. правил Массимилиано Сфорца (1493—1530) — 243.

Сципион, Публий Корнелий (?—212 г. до н. э.) — римский военачальник. В 218 г. до н. э. разбит Ганнибалом на р. Тицино и Треббии — 610, 631, 632, 633, 634.

Сципион Африканский, Публий Корнелий старший (ок. 235—183 гг. до н. э.) — римский полководец. В 202 г. до н. э. при Заме одержал победу над Ганнибалом — 69.

Сципион, Публий Корнелий Эмилиан Африканский младший (ок. 185—129 гг. до н. э.) — римский полководец, приемный сын Сципиона Африканского (старшего). В 146 г. до н. э. взял и разрушил Карфаген. Предательски продал в рабство сдавшихся карфагенян — 665.

Сципион, Квинт Метелл — римский консул, тесть Помпея. В 46 г. до н. э., командуя войсками в Африке, был разбит Цезарем в битве при Тапсе — 610.

Сюлли — французский полковник. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 454.

Сюльи — французский офицер, артиллерист. Участник кампаний 1793—1796 гг. — 9, 84, 84.

Сюси — французский чиновник. Начальник военно-строительных работ во время Египетской экспедиции 1798—1799 гг. — 471.

Сюше, Луи Габриэль, герцог Альбуферский (1770—1826) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 18, 100, 569, 664.

Т

Таломье — французский дивизионный генерал. Участник кампании 1796 г. в Германии — 130, 134.

Тарквиний «Гордый» (VI в. до н. э.) — древнеримский царь. В 509 г. до н. э. свергнут с престола за Тиранию — 58.

Тарро, Жан Виктор (1770—1812) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи. Убит в Бородинском сражении — 130.

Тассо, Торквато (1544—1595) — великий итальянский поэт. Автор эпической поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1575) о взятии крестоносцами Иерусалима в 1099 г. — 71, 479, 485.

Тевенар — французский морской офицер. В 1798 г. участник Абукирского сражения, в котором погиб, командуя кораблем «Аквилон» — 404, 405.

Типпу-Саиб (1749—1799) — правитель южноиндийского княжества Майсур (1782—1799). Вел упорную борьбу за независимость с английскими колонизаторами — 340, 467.

Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — крупный римский историк. Основной труд — «Римская история» в 142 книгах, из которых дошли кв.: 1—10 и 21—45 — 631, 632.

Тосканский, Фердинанд III, герцог — правитель Тосканы (1790—1799, 1814—1824) — 165, 166, 300.

Треяр, Жан Батист, граф (1742—1810) — французский политический деятель, юрист. Член Конвента и Комитета Общественного спасения. В 1797 г. участник Раштадтского конгресса, потом член Директории. Во времена империи участвовал в составлении наполеоновского кодекса — 262.

Трогофф, Жан Оноре (1751—1794) — французский вице-адмирал, изменчески сдавшийся англичанам — 7.

Трюге, Лоран Жан Франсуа (1752—1839) — французский адмирал. В 1778 г. участник войны с Англией. В 1792 г. командовал эскадрой на Средиземном море. В 1808—1813 гг. командовал морскими силами в Голландии — 26, 34, 35.

Турут, Иоанн Франц Амедей де Пауло, граф (1734—1818) — австрийский политический деятель. Премьер-министр и руководитель гофкригсрата. Ярый реакционер — 249, 250.

Турвилль, Анн Гилармон де Контантен, граф (1642—1701) — маршал Франции, вице-адмирал. В 1660—1666 гг. вел борьбу с пиратами на Сре-

диземном море. Участник англо-франко-голландской (1672—1674) и англо-французской (1688—1697) войн — 268.

Тюрени, Анри де ла Тур д'Овернь, виконт (1611—1675) — маршал Франции. Знаменитый полководец. С 1626 г. участник Тридцатилетней войны (1618—1648), фронды (1648—1653) и войн с Австрией, Испанией и Голландией (1667—1675) — 604, 611, 612, 613, 655, 657, 658, 659.

У

Удино, Никола Шарль, герцог Реджио (1767—1847) — маршал Франции. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 312, 639, 641, 643, 644, 645, 665.

Ф

Файну — в 1796 г. французский посланник в Генуе — 86, 233, 234, 235.
Фарнезе — правители Пармы, наиболее известны в XIII—XVIII вв. — 66.
Фатимиды (909—1171) — династия арабских халифов, правивших в Северной Африке. С 969 г. правили также в Египте, Сирии, Палестине и Зап. Аравии — 412, 423, 536.

Фенароли — представители венецианской буржуазии, в 1797 г. возглавившие борьбу с феодальными кланами в Венеции — 219.

Фенароли — в 1797 г. один из первых директоров Цизальпинской республики. Стронник Франции — 242.

Фердинанд IV (1751—1825) — неаполитанский король (1759—1799; 1799—1806, 1815—1825). С 1816 г. Фердинанд I — король обеих Сицилий — 306.

Фердинанд, Иосиф Иоанн Балцист, эрцгерцог (1769—1824) — герцог Тосканский — 66, 71.

Фердинанд — в 1758 г. участник сражений при Крефельде, см. Брауншвейгский — 654.

Ферзен, Ганс Аксель, барон (1755—1810) — шведский дипломат. В 1791 г. принимал участие в попытке к бегству Людовика XVI. В 1797 г. участник Раштадтского конгресса — 262.

Ферино, Пьер Мари Бартеlemi (1747—1816) — французский дивизионный генерал. Участник кампании 1796 г. в Германии — 130, 131, 132, 135, 137, 138, 139, 141, 142, 150, 151, 154.

Фёкьер, Антуан де Па, маркиз (1648—1711) — французский генерал. С 1667 по 1699 г. участвовал во всех войнах Франции. Оставил ценные мемуары — 659.

Филлипи — неаполитанский генерал. Участник кампании 1798 г. в Италии — 302.

Филлипо — французский офицер. Роялист-эмигрант. Перешел на английскую службу. В 1799 г. участвовал в защите Сен-Жан-д'Акра — 496, 497, 505, 506, 507, 508, 509.

Фиоравенти — в 1797 г. командовал войсками Венецианской республики — 222, 285.

Фиорелла — генерал французской службы. В 1796—1797 гг. участник кампаний в Италии — 100, 290.

Флавий, Иосиф (ок. 37—ок. 95) — иудейский историк. Автор работ «Иудейская война», «Иудейские древности» — 361.

Флакк (II в. до н. э.) — римский консул — 633.

Фонтана, Феличе (1730—1805) — флорентийский анатом и физиолог — 90.

Фоскарелли — в 1796 г. венецианский проведитор в г. Верона — 81.

Фоскарини — в 1796 г. венецианский проведитор в г. Верона — 213, 216, 224.

Франц I, Иосиф Карл (1768—1835) — император Австрии (1792—1835) и «Священной Римской империи» (1792—1806) под именем Франца II — 174.

Фотрие — французский бригадный генерал. Участник кампании 1794 г. в Италии. В 1798—1799 г. участник Египетской экспедиции — 31, 342, 528, 530.

Франциск I (1494—1547) — король Франции (1515—1547). В 1515—1544 г. возглавлял захватнические походы в Италию — 17, 222, 543, 573. *Фрелих, Михаил* (1740—1814) — австрийский фельдмаршал-лейтенант. Участник кампании 1799 г. в Италии — 129, 135, 139, 140, 156, 320.

Фрерон, Луи Мари Станислав (1754—1802) — французский политический деятель. Представитель реакционной части буржуазии. В 1792 г. член Конвента. В 1796 г. член Совета пятисот — 7, 8.

Фриан, Луи (1758—1829) — французский дивизионный генерал. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 208, 342, 443, 450, 452, 454, 455, 470, 550, 553, 572, 573.

Фридрих II (1712—1786) — прусский король (1740—1786) и полководец — 562, 567, 568, 604, 613, 616, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 658.

Фронтен — французский офицер. Участник кампании 1796 г. в Италии — 63.

Фурье, Жан Батист Жозеф, барон [1768—1830 (1829)] — французский ученый, математик. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 343.

Фуше, Жозеф, герцог Отрантский (1759—1820) — французский политический деятель. В 1792 г. член Конвента. С 1799 г. четырежды был министром полиции (при Наполеоне в 1799—1810 и 1815 гг. и при Бурбонах). Воплощение политической беспринципности, интригаинства и вероломства — 16.

Фюжьер — французский офицер. В 1798—1799 гг. участник Египетской экспедиции — 527.

Фюрстенберге, князь — австрийский генерал. Участник кампании 1796 г. в Германии — 129, 141.

Х

Халеп — в 1799 г. правитель г. Мекка — 417.

Хамман — вождь одного из арабских племен в XVI в. — 451.

Хамман — в 1796 г. один из мамлюкских вождей — 452.

Хасан (Хуссейн) — сын четвертого халифа Ария (656—661), поднявший восстание против Омейядов (661—750). В 669 г. отравлен — 415, 430.

Хасан — турецкий адмирал (капудан-паща). В 1799 г. командующий флотом — 340.

Хасан-бей — в 1798 г. один из мамлюкских вождей — 442, 444, 449, 450, 451, 452, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 462.

Хасан из Ямбо — бродячий дервиш (монах). Один из руководителей восставших против французского владычества арабов. Убит в 1799 г. — 442, 444, 450, 451, 452, 454, 455, 456, 457, 458.

Хатчинсон, Джон Хэли, лорд (1757—1832) — английский генерал. Командовал войсками в Египте, после смерти ген. Эберкромби — 551, 552, 553, 555, 560, 561.

Хеллер — французский офицер. В 1798 г. участник Египетской экспедиции — 447.

Хотхэм, Уильям (1736—1813) — английский адмирал. В 1795 г. командовал эскадрой в Средиземном море — 36.

Хуан Австрийский, дон (1629—1679) — испанский военачальник. В 1656—1657 гг. участник испано-французской войны — 658.

Худ Самуэль, виконт (1724—1816) — английский адмирал. Участник англо-американской (1775—1782) и англо-французской (1792—1797) войн. В 1793 г. командовал эскадрой, овладевшей Тулоном — 7, 24.

Худ, Самуэль, лорд Бриджпорт (1762—1814) — английский адмирал. Участник войн с Французской буржуазной республикой и империей — 518, 519.

Ц

Цезарь, Гай Юлий (100—44 гг. до н. э.) — римский государственный деятель, великий полководец, писатель — 562, 604, 607, 608, 609, 610, 611.

Ч

Челада — кардинал, в 1797 г. государственный секретарь Ватикана — 183.

Червони — французский бригадный генерал. В 1793 г. участник осады Тулона и кампании 1796 г. в Италии — 22, 33, 51.

Чичагов, Павел Васильевич (1767—1849) — русский адмирал. Участник русско-шведской войны 1788—1790 гг. В 1799 г. командовал эскадрой, перевозившей в Голландию русские войска. В 1807—1811 гг. министр морских сил. В 1812 г. командовал Дунайской армией. Участник Березинской операции — 617.

Ш

Шабо, Луи Франсуа Жан (1757—1837) — французский генерал. Участник кампании 1796 г. в Италии — 179.

Шабран, Жозеф (1760—1843) — французский генерал. Участник кампаний 1796—1797 гг. в Италии и 1799 г. в Швейцарии — 224, 311.

Шабрийян — французские эмигранты, в 1794 г. арестованные в Тулоне — 39.

Шаброль, Жильбер Жозеф Гаспар де Вольвик (1773—1843) — французский ученый. Участник Египетской экспедиции — 343.

Шальпи — французский химик. В 1798—1799 гг. участник Египетской экспедиции — 343, 393.

Шамберлак, Жан Жак Виталь (1754—1826) — французский генерал — 638.

Шампионе, Жан Этьен (1762—1800) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики — 130, 212, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 309, 320, 322, 323, 324, 334, 335, 336, 337.

Шартон — французский бригадный генерал. Убит во время кампании 1796 г. в Италии — 110.

Шасслу, Франсуа, граф (1754—1833) — французский дивизионный генерал. Военный инженер. Участник войн Французской буржуазной республики и империи — 82, 84, 91, 191.

Шатобриан, Франсуа Рене де (1768—1848) — французский писатель и реакционный политический деятель — 249.

Шварценберг, Карл Филипп, князь, герцог Крумау (1771—1820) — австрийский фельдмаршал. Участник австро-турецкой войны (1788—1790) и войн с Францией (1792—1815) — 313, 602, 665.

Шевалье — французский бригадный генерал. Участник кампаний 1797 г. — 224.

Шевер — французский офицер — 557.

Шерб — французский генерал. Участник кампании 1796 г. в Германии — 139.

Шерер, Бартелеми Луи Жозеф (1747—1804) — французский генерал. Участник войн Французской буржуазной республики 1794—1799 гг. 27 (16) апреля 1799 г. разбит русскими войсками под командованием Суворова на р. Адда — 44, 45, 51, 73, 530.

Э

Эбердин, Джордж Гамильтон Гордон (1784—1860) — английский политический деятель и дипломат — 630.

Эберкромби, Ральф (1734—1801) — английский фельдмаршал. В 1799 г. участник экспедиции в Голландию, в 1801 г. командовал английской экс-

педиционной армией в Египте — 314, 315, 317, 318, 327, 328, 332, 547, 548, 550, 551, 558.

Эдшот, Джильберт (1751—1814) — в 1796 г. английский вице-король о-ва Корсика — 89, 345.

Эдшот — французский офицер. Участник кампании 1796 г. — 124.

Эльсниц, Антон (1746—1825) — австрийской фельдмаршал-лейтенант. Участник кампаний 1796 г. в Германии и 1799 г. в Италии — 323.

Эльфи-бей — в 1798—1799 гг. один из начальников отрядов мамлюков в Египте — 389, 444, 455, 456, 520.

Эмерио — французский морской офицер. В 1798 г. участник Абукир-ского сражения на корабле «Спартиат» — 405.

Эмили — в 1797 г. венецианский провектор в г. Верона — 224.

Эмэ — французский офицер. В 1798—1799 гг. участник Египетской экспедиции и Сирийского похода — 483.

Эрбен — французский офицер. Участник кампании 1796 г. в Италии — 99.

*Эссен, Иван Иванович*¹ (1759—1813) — генерал-лейтенант русской армии. В 1799 г. участник Голландской экспедиции — 318.

Эсте — Эрколе III Райнальдо, великий герцог Моденский (1727—1803) — 47, 71.

Эсте, Беатриче, жена эрцгерцога Фердинанда — 71.

¹ По другим данным, Иван Николаевич.

Эсте — командор, побочный брат герцога Моденского. В 1796 г. вел мирные переговоры с Францией — 71, 162.

Эстев — французский чиновник. Генеральный казначей, ведавший финансами во время Египетской экспедиции 1798—1799 гг. — 366, 415.

Ю

Юба — нумидийский царь (ок. 50—42 гг. до н. э.), сторонник Помпея. В 46 г. до н. э. разбит Цезарем в сражении при Тапсе — 610.

Юделэ — французский морской офицер. В 1799 г. командовал флотилией — 491.

¹ По другим данным, Иван Николаевич.

СОДЕРЖАНИЕ

«Наполеон» Р. В. Светлов	3
Осада Тулона	7
Очерк операций Итальянской армии в 1792, 1793, 1794 и 1795 гг.	26
Итальянская кампания 1796—1797 гг.	46
Глава I. Состояние различных итальянских государств в 1796 г.	46
Глава II. Сражение у Монтенотте	48
Глава III. Сражение у Лоди	63
Глава IV. Восстание в Павии	74
Глава V. Марш по правому берегу По	84
Глава VI. Сражение у Кастильоне	92
Глава VII. Маневрирование и бои между Минчио и Брентой	103
Глава VIII. Аркольское сражение	113
Глава IX. Очерк операций Самбро-Мааской и Рейнской армий в Германии в 1796 г.	127
Глава X. Дипломатические переговоры в течение 1796 г.	157
Глава XI. Сражение у Риволи	172
Глава XII. Толентино	183
Глава XIII. Тальяменто	192
Глава XIV. Лёобен	203
Глава XV. Венеция	213
Глава XVI. Переговоры в 1797 г.	230
Глава XVII. Мир в Кампо-Формио	247
Замечания о военных действиях кампаний 1796 и 1797 гг. в Италии	263
Заметки на книгу генерала Жомини «Разбор крупных военных операций»	287
Очерки военных событий за 1798 г.	299
Очерки военных событий, происшедших в течение второй половины 1799 г.	309
Кампания в Египте и Сирии (1798—1799 гг.) в пер. В. Я. Галанта	339
Глава I. Мальта	339
Глава II. Описание Египта	355
Глава III. Завоевание Нижнего Египта	368
Глава IV. Нильское морское сражение	396
Глава V. Религиозные дела	409
Глава VI. Восстание в Каире	422
Глава VII. Завоевание Верхнего Египта	442
Глава VIII. Сирия	463
Глава IX. Завоевание Палестины	466
Глава X.	487
Глава XI. Абукирское сражение	516
Глава XII. Возвращение Наполеона на Запад	531
Заключительные замечания Наполеона об Египетском походе	548
Выдержки из труда «Политическая и военная жизнь Наполеона, рассказанная им самим перед судом Цезаря, Александра и Фридриха»	562
Извлечения из различных произведений Наполеона	586

Из сочинения «Семнадцать замечаний на работу под названием «Рассуждения о военном искусстве», изданную в Париже в 1816 г.»	586
О пехоте	586
Кавалерия	592
Артиллерия	595
Боевой порядок	599
Об оборонительной войне	601
О наступательной войне	604
Сражение при Эслигене	622
Кампания 1813 года	627
Сравнение похода Наполеона в 1800 г. с походом Ганнибала	
в 218 г. до р. х.	631
Выводы	634
Из произведения «Маренго»	636
Инструкция начальнику главного штаба	638
Из работы «Очерк войны Фридриха II»	649
Из работы «Очерк войны маршала Тюренна»	655
Из сочинения «Сорок четыре замечания на труд под названием «Рукопись, поступившая с острова св. Елены неизвестным путем», напечатанный в Лондоне в издательстве Джона Мэррея, в 1817 г.»	662
Указатель имен	666

Ответственный редактор Р. Светлов
 Художественный редактор С. Шикин
 Художник В. Шестак
 Корректор В. Ржаницына

Сдано в набор 21.12.93. Подписано в печать 15.02.94. Формат 60×90^{1/16}.
 Объем 44 печ. л. Тираж 10 000 экз. Заказ 1186.

ГППП-3. 191104, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 55.

